

ИСТОРИЯ РУССКОЙ
И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В.Б. Миронова

ДРЕВНИЙ
РИМ

Annotation

Очередной том, выходящий в рамках грандиозного проекта, посвященного традициям русской и мировой культуры, повествует о становлении, расцвете и гибели Римской империи. Ее история и идеология – это своего рода фундамент западноевропейской культуры; идея однополярного мира, столь свойственная Древнему Риму, впоследствии стала, по мысли автора этой книги, основой для любой модели имперского государственного устройства. А значит, величественные и трагичные, возвышенные и порочные перипетии римской истории содержат в себе, как утверждает автор, определенный урок и для других стран. В частности, для России...

- [Миронов](#)
  - [Глава 1. Становление Римской Империи](#)
    - [Этруски – учителя и наставники римлян](#)
    - [Республика – «золотой век» римского государства](#)
    - [Войны, армия и роль военных в Древнем Риме](#)
    - [Битва Рима с Карфагеном за господство](#)
    - [Рах Романа и греческое образование и воспитание](#)
  - [Глава 2. Власть диктаторов и императоров](#)
    - [Путь к диктатуре: Сулла, Помпей, Цезарь, Брут](#)
    - [Цицерон как политик и оратор](#)
    - [Императоры и поэты: Август, Вергилий, Овидий](#)
    - [Римские матроны: достоинства и пороки](#)
    - [Безумство власти – Тиберий, Калигула, Нерон](#)
    - [«Золотой век» – Веспасиан, Траян, Адриан, Аврелий](#)
    - [Выдающиеся римские историки](#)
    - [Система управления и законодательство Рима](#)
    - [Созидательная работа в Римской империи](#)
  - [Глава 3. Крах и падение Римской Империи](#)
    - [Положение земледельцев и рабов в Риме](#)
    - [Контрасты классовой борьбы в Риме](#)
    - [Римские нравы, быт и повседневная жизнь](#)
    - [Причины крушения Империи и ее крах](#)

- [Варвары и гибель Римской империи](#)
    - [Уроки античной истории для России](#)
    - [Post scriptum](#)
    - [P. Post scriptum](#)
  - [Литература](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Миронов

Древний Рим

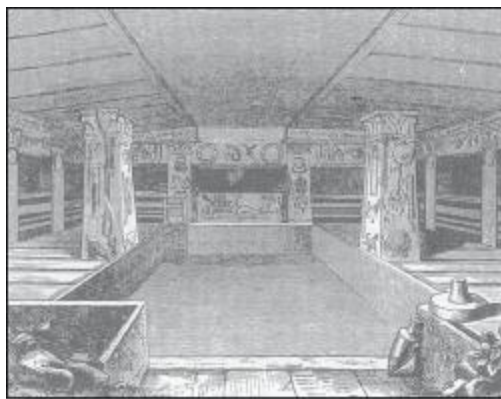

Глава 1. Становление Римской Империи

История не в состоянии без посторонней помощи наглядно описать народную жизнь во всем ее бесконечном разнообразии; она должна довольствоваться описанием общего хода событий. В ее состав не входят дела и поступки, мысли и вымыслы отдельного лица, как бы они ни были проникнуты народным духом. Однако попытка обрисовать их хотя бы только в самых общих чертах по отношению к этим древнейшим временам, почти совершенно исчезнувшим для истории, кажется нам потому необходимой, что глубокая пропасть, которая лежит между нашим собственным строем мыслей и чувств и строем мыслей и чувств древних культурных народов, сколько-нибудь доступна для нашего понимания только в этой области. Дошедшие до нас предания с их перепутанными названиями народов и малопонятными для нас легендами – то же, что высохшие листья, при виде которых с трудом верится, что они когда-то были зелены; вместо того чтобы прислушиваться к их наводящему тоску шелесту и распределять по разрядам такие ничтожные частички человеческого рода, как все эти хоны и ойнотры, сикулы и пеласги, не лучше ли заняться разрешением вопросов: как запечатлелась реальная народная жизнь древней Италии на юридических отношениях, а идеальная – на религии, как в то время хозяйничали и торговали, откуда получали они грамотность и дальнейшие зачатки цивилизации?

Т. Моммзен. История Рима

Этруски – учителя и наставники римлян

Мы уже говорили, что в великой книге общечеловеческой культуры Рим прямо следует за Грецией, хотя римляне снисходительно и называли их «гречишки» (graeculi). Коренным населением Италии были лигуры. С начала II тысячелетия до н. э. их вытеснили италики, пришедшие, вероятно, из-за Адриатики. Тут же обитали и иные индоевропейцы (пеласги, иллирийцы, греки, кельты или галлы, этруски). Считают, что место, где возник Рим, было заселено ранее греками. Тут обосновался аркадянин Эвандр, затем знаменитый Геракл. После падения Трои к побережью Лация направился Эней. Легенда об Энее создана греческими компиляторами и занесена в Италию. Его называли сыном Афродиты (у римлян – Венера). Он жил в горах, пас стада, но принял участие в битве за Трою, где не раз демонстрировал примеры храбрости, мужества и отваги. Там он спас тело одного из вождей Трои, которого хотели захватить греки. Участвовал он и в схватке с грозным Ахиллом. Красочно описан бой, как и их перебранка между поединком. В решающий момент на выручку к Энею пришли боги (Афродита и Нептун). Эпос рассказывает, что Эней был свидетелем того, как греки захватили обманом Трою (с помощью «Троянского коня»). И хотя он сражался против греков отчаянно и даже обрушил на их головы высокую башню, в конце концов Троя все же пала, Приам погиб, а Эней вынужден был бежать (вместе с отцом, женой и сыном). Но так как Юпитер обозначил ему стать основателем Римского государства, то пенаты указали ему дальнейший путь. Лары и пенаты у римлян были

самыми известными и почитаемыми богами. Каждая римская семья имела своего лара, духа предка, и ряд пенатов, хранителей очага, стражей домашнего хозяйства. Их глубоко почитали. Эней после гибели Трои отплыл во Фракию. Так начались странствия Энея... Приплыв во Фракию, беглецы сошли на землю и zaloжили город. Эней назвал его своим именем – Энеада. Направившись к ближайшему кусту, он наломал веток для алтаря, но к своему ужасу увидел, что на ветках появились капли крови. И тут он услышал голос: «О, Эней! Не тревожь меня в моей могиле! Я – царевич Полидор, сын троянского царя Приама. Отец отослал меня во Фракию, чтобы уберечь от опасностей войны, но здешний царь польстился на золото, которое я привез с собой, и злодейски убил». Эней и друзья почтили память и покинули место злодейского убийства.

Нарбут. Эней. Иллюстрация к «Энеиде» И. Котляревского

Куда плыть дальше? Старый Анхис сказал: «Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!» Так они и сделали. Эней и

спутники добрались до Крита через три дня, заложили город, стали пахать поля и строить дома. Но страшная эпидемия свела на нет все их усилия, причем многие из них умерли. Однажды явился посланец Аполлона, который сказал ему: «Ты совершил ошибку, пытаешься обосноваться на Крите. Этим краям не суждено стать для вас новым домом. Покинь эти берега и продолжи свое плавание. Земля, которая станет для вас новой родиной, – это далекая Италия, путь в которую лежит через широкие бурные моря. Но не стоит впадать в отчаяние из-за того, что путь сей еще долог и труден. В конце его вас ждут процветание и благоденствие. Ты благополучно достигнешь Италии и там станешь основателем могущественной империи, которая со временем широко распространит свою власть над народами земли. Наберись мужества и садись на корабль с радостным сердцем. Судьба хранит тебя, и в конце концов все обернется к лучшему». Так Эней и сделал, и вскоре прибыл в Лаций, древнюю область Италии к югу от Тибра, где уже существовало независимое царство во главе с царем Латинном. По происхождению обитатели тех мест были греками. После многих приключений он высаживается на берег Тибра, где его дружески принял царь страны, Латин, отдавший за него свою дочь. В итоге он стал царем и основал город Альбу-Регию. Сказания собраны Вергилием в поэме «Энеида».

Следует помнить, что Гомер жил примерно в IX–X вв. до н. э., а использовать письмо для фиксации длинных текстов стали только в VI в. И так как события, связанные с Троей, происходили в XII в. до н. э., то все сведения о потомстве Энея, от которого якобы произошли Ромул и Рем, имеют источником устные рассказы и сообщения. Впрочем, последние археологические раскопки, надписи, находки лингвистов показали, что в сообщениях древних авторов немало достоверных сведений. Весьма реальной представляется историчность этрусских царей, факт похищения сабинянок, как и дата основания Рима Ромулом (754–753 гг. до н. э.).

Эней у ворот Ада

Эней и гарпии

Представшая взору скитальцев земля очень им понравилась — холмы, деревья, цветы, а вдали виднелись синие горы. Опуская детали, скажем, что между царем Латинем и троянцами установились сначала союзнические, а затем и дружеские отношения. Эней решил построить город, который хотел было назвать Троей, в память о своей погибшей родине. Эней помогал царю Латину во всем, но во время одной из битв

с рутулами, пытаясь переплыть реку Нумик, утонул. Тело его друзья и товарищи спрятали и сказали всем, что он вознесся на небо. Эней еще до смерти успел совершить немало славных дел, в том числе основал орден девственных весталок. К этому ордену принадлежала и будущая мать Ромула и Рема, Рея Сильвия. Женщина, как утверждает традиция, была из царского рода. Цари династии правили более четырехсот лет и все имели в своем имени слово «Сильвия». Живя в уединении и томимая одиночеством, она зачала не по своей воле, уступив мужчине. По закону бедную весталку должны были бы казнить с детьми в утробе, но ей удалось чудом уцелеть – и дети греха появились на свет. Она всем заявляла, что это сам Марс явился к ней в сияющих одеждах, и с ним она вынуждена была вступить в связь. Однако царь-узурпатор Амулий (перед тем убивший сына своего старшего брата, законного наследника Альбы-Лонги, дочерью которого и была Сильвия) боялся, что появившиеся у нее дети (Ромул и Рем) могут когда-либо стать наследниками деда Нумитора, царя Альбы-Лонги, и предъявить законные права на престол. И тогда он приказал заточить Рею Сильвию в подземелье, а ее младенцев утопить в Тибре. Несчастную женщину замуровали в подземелье, и там она погибла. Но слуги Амулия пожалели крох и, уложив их в дубовое корыто, пустили на волю волн. Корыто прибило к берегу возле смоковницы, где расположила свое логово волчица. Она-то и покормила их молоком. Затем малыш увидел пастух Фавстул. Незадолго перед тем у него умер сын, едва жена разрешилась от бремени. Он взял найденных детей, принес их домой и сказал жене: «Боги взяли нашего сына, но послали нам двух других». В итоге выросшие братья вернулись в Альбу-Лонгу, прогнали Амулия (и тот был убит при бегстве), вернули престол Нумитору, а сами получили от него земли по берегам Тибра, где и основали Рим. В I в. до н. э. римский математик и астролог Таруций по расположению звезд вычислил точную дату основания Рима: выходило, что Рим был основан 23 апреля 753 года до н. э.

Капитолийская волчица

Ромул и Рем, решив основать Рим, должны были выбрать место для нового города. В таком действе древние полагались на волю богов. Если бы Ромул был греком, он посоветовался бы с Дельфийским оракулом; если бы был самнитом, то пошел бы следом за священным животным. Но так как он был латин, близкий сосед этрусков, знакомый с наукой авгуров, он угадывает волю богов по полету птиц. Боги и указали ему на Палатин. В день основания Ромул прежде всего приступает к жертвоприношению. Товарищи и спутники толпой окружают его. Они зажигают костер из хвороста, и каждый совершает прыжок через пламя костра. Смысл обряда состоял в том, что к великому священнодействию люди должны были приступать чистыми. Древние думали: прыжок через священный огонь очищает человека не только физически, но и нравственно. Перед тем братья взойшли на холм и стали ожидать знамения – кому из них быть царем. И вот над головой Рема пролетели шесть, а над головой Ромула – двенадцать коршунов. Тогда все, видевшие это, закричали: «Ромула избрали боги!» Однако Рем был не согласен.

Капитолийская волчица. Мозаика

Совершив этот обряд, Ромул вырыл маленькую круглую ямку и бросил в нее комок земли, принесенный из Альбы. Потом каждый из его спутников в свою очередь бросил туда горсть земли, взятой в родном городе, где он жил раньше. Смысл этих действий заключался в следующем: прежде чем прийти на Палатин, Ромул и его спутники жили в Альбе или в соседних городах, там находились их домашние очаги, там жили и были погребены их предки. А так как религия не позволяла бросать свой очаг и священную могилу предков, чтобы не совершать столь нечестивого поступка, приходилось им прибегать к фикции: в виде комка земли каждый уносил с собой священную почву, в которой были погребены его предки... Человек не мог уйти иначе, как взяв с собой и родную землю, и своих праотцов. Вокруг этого очага должен был расположиться город, как дом обычно располагается вокруг домашнего очага. Вот Ромул и провел борозду, которая отмечала границы будущего города. Эта черта символизировала будущую прочность Рима и должна была оставаться ненарушенной. Ни свой, ни чужой не смели переступить ее, не будучи наказанными за это. «На священной борозде или немного позади нее были возведены стены: они также священны. Таков был, согласно древним источникам, обряд основания города Рим. Сей день неизменно праздновался в древности из года в год, и даже современные римляне празднуют рождение своего города в тот же самый день, как и в прежние времена, 21 апреля» (Фюстель де Куланж. Античный город).

Ромул и Рем покидают Альбу-Лонгу

Перескочить через эту маленькую борозду – значило совершить нечестивый поступок. Брат основателя города, Рем, воскликнув: «Могучие же укрепления ты возвел!», перешагнул через борозду и поплатился жизнью. Уязвленный таким вызовом, Ромул выхватил меч и убил брата, крикнув: «Так будет с каждым, кто силой вторгнется в город!» Город назвали Рома, по имени Ромула. Сказание о Ромуле и Реме донес до нас римский писатель Диокл, автор первой книги об основании Рима (живший предположительно в III в. до н. э.). Хотя вот историк Гелланик Лесбосский утверждал, что город был назван в честь Ромы – женщины, бывшей в свите царя Энея. Видя, как истомлены троянцы долгим и тяжелым плаванием, она предложила сжечь корабли и остановиться именно тут. Центром города был Палатин – «Палатинский город», «город Ромула», где и расположена «колыбель» Рима. Он представлял собой площадь, называемую «Четырехугольный

Рим» («Roma quadrata») и занявшую 9,5 га. Тут находятся святыни – хижина Ромула и пещера, где волчица вскормила Ромула и Рема. Во времена Империи Палатин стал, по словам Тацита, кремлем римского мира. Место это считалось весьма престижным, таким же, как улицы и площади рядом с Московским кремлем. Поэтому именно тут купил дом Август, мечтая стать императором. Этот дом впоследствии стал первым дворцом императора.

Палатин в Риме. Современный вид

Римляне начали исторический путь скромнее, нежели «богоподобные греки». У них не было и столь ярких сказаний. Рим вначале напоминал большую деревню (здесь не было роскошных храмов, каменных зданий и стен). Один из римских поэтов, говоря о крестьянско-плебейском характере римского общества, писал:

Не воздвигались тогда, как теперь,
золоченые храмы,
Было не стыдно богам глиняным
в хижинах жить.
Где заседает сенат в окаймленных
пурпуром тогах,
Там собирался старшин попросту,
в шкурах, совет.
Сельский рожок собирал
на сходку древних квиритов,
Сотня их всех на лугу и составляла

сенат.

История Рима начинается с середины VIII в. до н. э. Ранний период римского государства принято называть «царским», затем уж наступил этрусский период. Первыми рабовладельческими центрами в Италии были этрусские и греческие города. И вообще начальный период «древнеримской истории» (VIII–VI вв. до н. э.) принято считать неримским, ибо тогда была гораздо заметнее роль греков и этрусков. В Северной и Средней Италии сохранилось немало их памятников. Прежде всего это погребальные камеры с найденными оружием, утварью, ювелирными украшениями, росписями. Найден греко-этрusский порт Спина на Адриатике. Остатки жилищ этрусков выявлены и близ Аквы. В этрусском порту Пирги обнаружены остатки святилищ и храмов, в одном из которых найдены золотые пластины с этрусско-финикийскими текстами, посвященные богиням Уни и Астарте. В самом центре Рима, на Палатине, Эсквилине, других холмах, на форуме обнаружены могилы и сакральный комплекс «могилы Ромула». Тут же следы водостоков и замощенных улиц, следы храмов и дома жриц-весталок, храма Согласия и архивохранилища. Наиболее древняя надпись на территории Рима, на керамическом осколке VII в. до н. э., дана этрусскими или греческими буквами. Самая древняя латинская надпись на Черном камне с римского форума греческими буквами («могила Ромула») представляет собой место почитания легендарного основателя Рима. Все это отчетливо указывает на то, кто же был самым ранним обитателем земель Италии. Первые письменные представления о жителях Италии дал Гомер в «Одиссее», Гесиод назвал первого героя римской истории Латина, а первое упоминание о Риме встретите у Гелланика Лесбосского.

Бернини. Похищение Прозерпины

Первый римский царь принимал под свою руку пришельцев, включая нищих, разбойников и беглых рабов. Однако рост Рима сдерживался тем, что у римлян ощущался недостаток женщин. Тогда-то и произошло знаменитое похищение сабинянок, которых пригласили на празднество. Сабини – италийское племя. Жили они в IX в. до н. э. севернее Рима, в Центральной Италии, и занимались преимущественно скотоводством. В правление легендарного царя Тита Тация на них напал Ромул. Легенда говорит, что причиной нападения были женщины. Среди разношерстной братии Ромула было гораздо больше мужчин, которые по ночам тосковали без дам. И вот Ромул решил с помощью хитрости восполнить нехватку женщин. Он устроил игры, позвал на них сабинянок вместе с семьями и их родителями, и те с удовольствием явились. Тут и состоялось знаменитое «похищение сабинянок». Хотя похитили лишь незамужних, сабини, естественно, возмутились, и вспыхнула война. В возникшей из-за этого коварного

похищения жестокой войне Ромул победил ценинов, антемнатов, крустуминов, сабинов и др., поскольку их города находились рядом. Тит Ливий описал первые шаги римлян: «Римское государство, первоначально весьма маленькое, а затем увеличившееся настолько, что нет тому примеров в памяти человеческой, ведет свое начало от Ромула. Он родился от весталки Реи Сильвии и, как утверждают, от Марса, вместе с братом своим Ремом. Разбойничая с пастухами, он, 18 лет от роду, на 11 день до майских календ третьего года от шестой Олимпиады и на 394 г. от падения Трои, основал на Палатинском холме небольшой город... Основав город, который по имени своему он назвал Римом, далее Ромул поступил так: многих окрестных жителей наделил он гражданскими правами, выбрал 100 человек из стариков, дабы по их совету управлять всеми делами, и назвал их сенаторами по годам их». Так начинал свой путь «великий Рим» – с разбоя и краж. Так что кровь убитого Ромулом на Палатине Рема, затем Ромула, убитого патрициями, и украденные женщины дали начало возникновению западной цивилизации. Римское государство начало свое существование в истории с актов насилия, грабежа, умыкания женщин. Эти темы нашли воплощение в картинах Давида, Пуссена, Рубенса и ряда других известных художников и скульпторов.

Отдавая должное великому римскому историку Титу Ливию, к труду которого мы не раз будем обращаться, все же позволим себе поставить под сомнение его посылку: «Впрочем, либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньше была жадность; лишь недавно богатство привело за собою (в Рим) корыстолюбие, а избыток удовольствий – готовность погубить все ради роскоши и телесных утех». Увы, и роскошь и жадность проникли в римскую жизнь рано, уже с первыми царями.

Самнитский воин

В то время каждый сенатор управлял по очереди. Народ говорил: «Сейчас у нас вместо одного царя стало сто». Это порождало смуту, анархию. Тогда народное собрание решило избрать царем известного скромностью, миролюбием и умом сабинянина Нуму Помпилия. Жил он уединенно (в его доме роскошь напрочь отсутствовала). Когда к нему прибыли послы и предложили царство, Нума отказался от него, заявив: «Каждому человеку трудно менять привычный образ жизни, особенно это трудно тому, кто доволен своей жизнью. Вы зовете меня на царство. Жизнь и смерть Ромула показывают, что ваше царство выросло на крови. Сам Ромул прослыл убийцей своего брата, а потом виновником смерти соправителя Тита Тация. Когда же он стал править один, то сделался самовластным и жестоким государем... Ромул всю

жизнь воевал. Все войны, которые он вел, были успешны, и вы, римляне, привыкли к победам. Вы даже не представляете себе, что можно жить без войны. Вам нужен молодой царь – воин и полководец. Я для этого не гожусь. Больше всего я люблю мир и ненавижу все, что связано с войной. Вам не нужен царь, который почитает справедливость и будет учить вас любить мир. Ищите себе другого царя, римляне». Вещие слова... Но его уговорили на условии, что ему предоставят возможность ввести справедливые и полезные всем законы. Навстречу ему вышли тысячи граждан. Женщины осыпали его цветами. Став царем, Нума решил распустить охрану (300 человек, охранявших Ромула в последние годы), заявив при этом: «Охрана нужна только тому, кто не доверяет народу и боится его. Избрав меня царем, народ показал, что он мне доверяет. Я же верю народу, и мне не нужны телохранители». Так вторым царем стал сабинянин Нума Помпилий. При нем возникли жреческие и ремесленнические коллегии, а также многие культы и обряды.

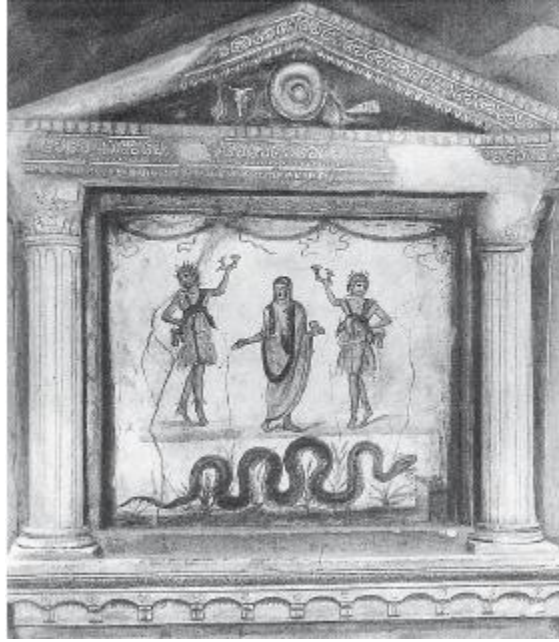
Шлем из Вульчи. Бронза.

Большую часть Апеннинского полуострова (VIII–VI вв. до н. э.) заняли племена италиков (латины, самниты, сабиняне и другие). С начала железного века племя италиков пахало землю и сеяло хлеб. В культурном отношении эти крестьяне-труженики заметно отставали от

греков. А рядом с ними, за Тибром, обитали таинственные этруски. Происхождение и язык этого народа представляют одну из самых больших загадок древнейшей истории. Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) заявлял, что ни языком своим, ни нравами, ни обычаями они не похожи ни на какой другой народ. Этруски имели славное происхождение. По словам Ливия, они еще до прибытия Энея были широко известны тогдашнему миру. Эней пренебрег могуществом Этрурии, «чьей славой наполнилась и суша, и даже море вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива». Но возглавив одну из волн переселенцев и утвердившись во власти, он вынужден был считаться с их силой и влиянием. Как считают, поселения этрусков были и в Малой Азии, откуда они переместились в Италию, в центральную часть Апеннинского полуострова. Местные называли их этрусками, а сами они величали себя расенами. Управляли этрусками их мудрецы – волшебники-лукомоны (самым известным из них был Тархон, что жил в XII в. до н. э.). И вот однажды этот самый Тархон во время ритуальной вспашки земли увидел на меже неизвестно откуда явившегося седого мальчика. Эта история стала известна благодаря римским поэтам и мыслителям. Марк Туллий Цицерон в трактате «О предвидении» описал этого бога, который был похож на ребенка. По словам Цицерона, он и «поведал собравшимся этрускам основы их религиозного учения». В музеях Рима и Ватикана хранится немало и ныне бронзовых фигурок бога Тага, сидящего обычно со скрещенными ногами. Многие исследователи отождествляют Тага (Тагета) с русским Дажьбогом.

Алтарь Ларов в доме Веттиев. В середине – Гений

Связь религии и власти в древние времена выступала совершенно явственно. Это уже гораздо позже произошло отделение государства от церкви. И я не уверен, что это пошло на пользу человеку и государству (во всех отношениях). Цицерон же заявлял, что «никогда предки не были так благоразумны и умудрены богами, как в то время, когда они решили, что одни и те же лица должны ведать и религией и управлением республикой. Таким образом, должностные лица и жрецы, надлежащим образом исполняя свои обязанности, общими силами спасали государство» («О своем доме»). Ту же мысль высказал и Дион Кассий, говоря: первые лица римского государства выполняли обязанности верховных жрецов и считали, что искусство предвидения не менее достойно правителя, чем умение управлять государством. Поэтому и предсказания оракулов римляне воспринимали как дело государственной важности. Без разрешения сената их не открывали простому народу. И эту премудрое правило римляне также переняли у этрусков.

Г. Семирадский. Праздник Вакха

Живший в I в. н. э. император Клавдий даже посвятил этрускам труд из 20 томов, который находился в Александрийской библиотеке, но, к сожалению, тот сгорел вместе с другими бесценными свитками. Правда, от этрусков осталось немало свидетельств их материальной культуры: саркофаги, могильные плиты, вазы, чаши, статуэтки. В Санта Севере около Рима обнаружили два этрусских храма над морем. Есть даже единственная «книга» из 12 маленьких глав, написанных на полотняных пеленах. В них была завернута мумия этрусской женщины (хранится в музее Загреба).

Урна-канопы. Терракота. VI в. до н.э.

Будучи отличными мореходами, они могли прибыть откуда-то с востока. Мы не знаем, на каком языке они, придя на Аппенинский полуостров из Азии, говорили. История попытки разгадки тайны этрусков в более близкие времена восходит еще к XV в., когда доминиканский монах Аннио де Витербо случайно вырыл из земли несколько плит с надписями на этрусском языке. Исследования порой относят самоназвание этрусков «рассенна» к скифо-иранским племенным наименованиям. Это довольно близко и к теории академика Б. А. Рыбакова об общности скифов-сколотов и праславян. Если мнение верно (этруски/рассенна – одна из ветвей пра-славяно-скифо-сарматской общности народов), тогда корни их происхождения надо искать именно в истории и мифологии этих народов. Взвешенный подход к происхождению таинственных этрусков, по мнению ряда российских ученых, проявил итальянский ученый М. Паллоттино. Он писал, что этрусская цивилизация – генетическая часть восточной цивилизации: за время ее истории в ней явно ощущалось взаимовлияние многих культур – греческой, этрусской, народов восточной части Средиземноморья. Население их городов также не было чисто этрусским (Ф. Альтгейм). Считается, что переселение на земли современной Италии шло несколькими волнами. Среди этрусков были пеласги, индоевропейское племя, тесно связанное с протославянским миром – «центральный корень родового древа

этрусков», и венеты, предположительно одно из славянских племен, которые, вероятно, и основали город Венецию.

Золотые этрусские браслеты. VII в. до н.э.

Этруски были великолепными мастерами, о чем говорят хотя бы прекрасные этрусские вазы «буккеры» с рельефными изображениями. В Этрурии было широко развито керамическое производство (статуи, скульптура, посуда, урны, водопроводные трубы, черепица, кирпич, светильники и т. д.). Они торговали и янтарем, который возили с берегов Балтийского моря, являясь монополистами. В V в. до н. э. появились и первые этрусские монеты из золота, серебра, бронзы.

Щит времен культуры Виллановы

Многое говорит в пользу того, что этруски возникли в результате смешения ряда народов. Иные даже утверждают: «Большая часть материальных данных демонстрирует тождественность культур этрусков и древних славян, и нет ни одного факта, противоречащего этому... культура этрусков не похожа ни на кого, кроме славян, и наоборот, славяне не похожи ни на кого в прошлом, кроме этрусков» (В. Попов). Иные утверждают, что этруски – это «засохшая ветвь на родовом древе русского народа». В искусстве этрусков в самом деле есть нечто, что так или иначе может свидетельствовать об их близости к культуре славян. Название Rassena имеет итальянские корни (река Rasina, Rasenna). Похоже, что посылка «этруски – это русские», не лишена основания, как и их индо-германские корни. Этруски (откуда бы они ни пришли) сразу стали налаживать контакты и связи с соседними племенами. Центром, основным ядром будущей цивилизации этрусков считают культуру Виллановы, неподалеку от Болоньи. Италию населяли тогда племена умбров, сабелов, самнитов, латинов. Этруски оттеснят их на юг полуострова, затем в Сицилию – сикулов, на север – лигуров. И образуют там такие сильные города-государства, как Вейи, Цере, Тарквинии.

Группа воинов VIII в. до н.э. с оружием (культура Вилланова)

Начальный период проникновения этрусков в Лаций («дотарквинийский» по Шахермайру) относят к VII в. Проникновение шло прежде всего во внутренней части Лации – в Кампании, ставшей исконной зоной этрусской колонизации. Они перешли через Тибр, пересекли Лаций и захватили юг, основав большое военное поселение в Капуе. В Риме обосновался их военный вождь, который и сделал его главным городом Лация. Ученые признают присутствие этрусков в Помпеях. Одно время те служили им гаванью. Будучи создателями торговой империи на западе Средиземноморья, этруски вступили в острый конфликт с финикийцами и греками, которые стали их конкурентами в борьбе за господство на торговых рынках. Ведь греки активно колонизовали южное побережье Италии и Сицилию. К этим же землям, как увидим далее, будет обращено внимание и грозного Карфагена.

Дж. Б. Тьеполо. Муций Сцевола в лагере Порсены

Благодаря поддержке карфагенян этрускам удалось-таки одержать победу над греками в морской битве у Корсики в 524 г. до н. э., но на суше одолеть греков не удалось. А тут еще восстали соседи-латиняне, изгнавшие из Рима этрусского правителя Тарквиния Гордого. Полководец этрусов Ларс Порсена собрал тогда крупные силы и двинулся походом на Рим, рассчитывая захватить врасплох противника. Этруски сумели подобраться к холму Яникул и крепости на берегу, что контролировала подходы к мосту. Город Рим оказался в их руках, несмотря на мужество Горация, Муция и товарищей. Гораций в одиночку стал защищать мост, а в это время другие воины его разрушали, тем самым не дав противнику с ходу ворваться в Рим. Муций Сцевола решил убить Порсену. Он пробрался в его лагерь, но был схвачен. Порсена повелел разжечь костер и пытать его огнем. Юноша сунул руку в пламя и тем самым показал, что пыткой его не сломить. Этруск отпустил юношу, будто бы сказав при этом: «Желал бы я, чтобы и за меня сражались такие же бесстрашные люди». Об

этой легенде поведал Ливий. Однако когда армия Порсены прошла через Лаций и двинулась далее, вглубь, к Арицию, центр сопротивления латинян, на помощь римлянам пришли греки – они вместе зажали в тиски войско этрусков и уничтожили. Вдобавок ко всему в 474 г. этруски потерпели поражение от греков в морском сражении при Кумах.

Ларс Порсена, этрусский царь Клузия и его войско взирают на Рим

Не станем перечислять всех войн, что вели римляне с латинскими городами... После ряда долгих и кровопролитных битв, завоевав Альбу-Лонгу, центр Лация, которому ранее принадлежало первенство в союзе латинских городов, Рим стал главным городом Италии, фактически ее гегемоном. Чтобы установить власть над всей Италией, Риму понадобилось 250 лет, пришлось сражаться с галлами, вольсками, эквами, этрусками. Этруски были достойным противником. Римляне проявили также немало мужества. Все было в этих битвах – жестокость, измена, благородство. Жители Тарквиний умертвили

несколько сот пленных римлян, принеся их в жертву богам. В свою очередь и римляне в 354 г. до н. э. взяли 358 человек из побежденных в битве этрусков, принадлежавших к лучшим семьям, отправили в Рим и, наказав розгами, отрубили им головы. Остальных пленных добили. Но вот когда римляне осадили этрусский город Фалерий, они проявили благородство. Дети знатных фалерийцев выходили за городские стены вместе с учителем для прогулок и гимнастических упражнений. Коварный воспитатель решил передать их в руки римлян как заложников и получить за это награду. Но полководец римлян Камилл сказал, что римляне привыкли надеяться на свое мужество, не на чужую подлость. Воины сорвали одежды с учителя-предателя, связали ему руки, дали детям в руки розги, чтобы они стегали изменника, и отправили обратно – в стан этрусков. Случалось, впрочем, что и римляне становились предателями.

Могила этрусского царя

Этруски многое внесли в военную тактику, организацию, вооружение войск в Риме (хотя немало заимствовали и у греков). В VII в. до н. э. этруски переняли греческую тактику, заодно знаменитую греческую фалангу, взяв на вооружение «архаический лох» с его построениями. Можно сказать, что римская армия в тот период представляла собой, вероятно, типичную этрусскую армию по форме и существу, ибо включала в себя части этрусков, римлян и латинян. Сервий Туллий, второй из этрусских царей, провел в VI в. до н. э. реорганизацию этрусско-римской армии. Он ввел имущественный ценз взамен происхождения. При этом все население поделили на шесть разрядов. Позднее, как пишет историк, вместе с изгнанными из Рима

этрусками должна была уйти и значительная часть воинов первого класса, что не могло не сказаться на боеспособности римской армии. Однако многие военные наработки этрусков и их принципы организации армии остались. Так, подобно поздним римлянам, этруски в ходе их военных действий во многом полагались на войска, поставляемые им союзниками или же племенами, которые ими были побеждены и являлись их данниками и слугами.

Декор храма. Крылатые кони

Пройдут годы и годы, прежде чем Латинский союз, во главе которого стоял заметно усилившийся Рим, смог двинуться на оплот этрусков, город Вейи. В 396 г. до н. э., после длительной осады, город сдался. Разгром этрусков оказался и для латинян «пирровой победой», так как вскоре в Этрурию ворвались кельты, пройдя по реке Тибр до самого Рима. В битве при Алии они римлян разбили, а город был захвачен и разграблен. Этруски отчаянно сражались на два фронта: против латинян и Рима на юге, и против кельтов на севере, но выдержать столь тяжелой борьбы не смогли, и к 350 г. до н. э. их господству в долине реки По пришел конец. Не сохранилось ни исторических работ, ни драматических произведений этрусков, известно, что они были не только искусными мореходами и пиратами, но и прекрасными строителями и ремесленниками. Построенные ими из камня мосты, каналы, храмы, гробницы или города представляли

собой внушительное зрелище. Этрусские города Марцаботто, Спина, Пренесте, Веллетри, Сатрик, Капуя достигли вершин расцвета в VI в. до н. э. Там были художественные мастерские, где работали искусные мастера. Достаточно взглянуть на деяния их рук (фигурные сосуды из открытого некрополя, украшения из слоновой кости, росписи их гробниц, великолепные погребальные урны, колоритные статуи и фигурки, дивные браслеты и женские украшения), чтобы убедиться в том, что перед нами народ-художник! Их памятники искусства отражали те или иные события истории. Фрески этрусков показывают жестокие сцены расправ греков с пленниками из Трои. На одной из них Ахилл закалывает беззащитных и безоружных людей.

Со временем больше стало известно о колониях этрусков, о центре, г. Капуе, о двенадцати «народах» Этрурии, что собрались в святилище Вольтумны. В Капуе найдены древнейшие погребения, датирующиеся серединой VI в., что говорит о благосостоянии. Там же обнаружат ряд крупнейших памятников этрусской эпиграфики, фрагменты посуды с этрусскими надписями из Помпей. Процветание этрусков вызывало зависть соседей. Против них выступил союз галлов и сиракузцев. Флот тирана Дионисия к 384 г. до н. э. опустошил побережье Этрурии. Залесский отмечает: «Упадок этрусских городов, этих наиболее развитых экономических центров Средней и Северной Италии, привел к упадку греческой торговли с этими районами и к гибели созданных там греческих поселений». Этрусская культура не погибла. Итальянские народы многим обязаны этрускам, заимствовав у них строительные навыки, знаки царской власти, основы наук, религиозные обряды, украшения и предметы роскоши.

Коленопреклоненный воин этрусков

Этруски почитали богов, представляя их в облике людей. Похоже, что и этрусский пантеон составлялся путем заимствований у других народов. Богиня Уни, аналогичная италийской Юноне, попала через пеласгов. Менрва соответствовала римской Минерве, Тин – Зевсу и Юпитеру. Возвели этруски и Капитолийский храм. Эллинскому Дионису-Вакху соответствовал этрусский Фуфлунс. Водная стихия находилась в ведении Нетунса (у эллинов – Посейдон, у римлян – Нептун). Богу Гефесту соответствовал Сефланс. Эллинским богам подземного царства, Аиду и Персефоне, соответствовали этрусские боги Еита и Персефнаи, а эллинскому перевозчику душ, старцу Харону, соответствовал этрусский демон смерти Хару.

Ф. Мельци. Вертумн и Помона. Этрасский бог. Берлин

Этрасски испытали на себе воздействие восточных народов, карфагенян, греков. Они умело использовали сюжеты из греческой мифологии. У этрусков было и свое священное писание, своя библия, создателем которой был Таг (Дагон). Согласно преданию, он представлял собой младенца с седыми волосами, которого выпалили из земли. Он и пропел учение окружавшим его лукумонам (царям-жрецам). Может этим навеяны строки: «У Лукоморья дуб зеленый; золотая цепь на дубе том: и днем и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом». Записанные песнопения Тага римляне называли «этрасской дисциплиной» (или учением). Книги включали этрасскую космогонию, космологию и культовые предписания, были переведены на латинский язык стихами, но до нас не дошли. Римляне многое позаимствовали у них. Благодаря им родо-племенной культ превратился в полисную религию. Этрасски создали свой календарь (во времена Нумы Помпилия). Этрасским творением были и форум, и храм Юпитера, и церемония триумфа, и вообще многие римские праздники, имевшие характер городских игр. Даже латинское слово «ludus» (игра) римляне взяли от названия народа «ludoi» (лидийцы), что является синонимом слова «этрасски». При этрусках в Риме введены ежегодные Римские, или Великие, игры. Местом их

проведения становится сооруженный при правлении Тарквиниев цирк, а затем и стадион.

Бой гладиаторов – этрусское детище

Переняли римляне у этрусов и такой обычай, как принесение кровавых жертв душам мертвых (во время погребений). Формой такого вот жертвоприношения стала смертельная схватка вооруженных пленников, что заканчивалась обычно гибелью одного или многих участников поединков. Известно, что в 264 г. до н. э. один из римлян этрусского происхождения в память о своем отце заставил сражаться на многолюдном рынке три пары рабов. Это зрелище со временем превратится в популярные в Риме гладиаторские бои. Палач, добивавший смертельно раненных гладиаторов, носил маску этрусского демона смерти Хару и имел его атрибут – молот. Разумеется, были веселые и добрые традиции, переданные этрусками.

Бронзовое этрускское зеркало. Суд Париса

Поражают удивительный реализм в рисунках этрусков, их художественный вкус, который удовлетворил бы самые высокие ожидания современных эстетов. Примеров тому множество (треножник VI в. до н. э., зеркало с изображением суда Париса III в. до н. э., крылатые кони с декора храма Ара делла Регина IV в. до н. э., скульптура «Толстый этруск», относящаяся ко II в. до н. э. и т. д.). Г. И. Соколов писал о них: «Принято считать, что этруски постепенно ассимилировались в среде римлян. Не исключено тем не менее, что какая-либо часть особенно жизнеспособных и не желавших покориться представителей этого народа переселилась в другие земли, и остались лишь этруски, всецело подчинившиеся завоевателям. Действительно, в опасные для Рима года, когда в конце III в. до н. э. на него напали карфагеняне, этруски не воспользовались обстановкой, чтобы отпасть от Рима. Вряд ли за полстолетия вся сила такого энергичного народа, как этруски, могла иссякнуть. Этруски получали право римского гражданства». Растворяясь в среде латинян, они продолжали время от времени заявлять о себе в годы ранней империи. В частности, первая жена императора Клавдия, Плавтия Ургуланилла, – из рода этрусков. Ее соотечественник, известный покровитель художников Гай Меценат, происходил из города Ареццо.

Историк заметил: «Меценат – это очень мудрый гражданин мира, который никогда не сражался, никогда не работал, но жил в постоянных разговорах и управлял людьми, которые воевали и трудились, тоже был этруском» (Дж. Бейкер). В Вольтерре в I в. до н. э. жил баснописец – этруск Флакк. Друг Цицерона, Авл Цецина, был этруском. Медичи считал, что его род восходит к этрускам. Он же организовал первые исследования в этой области. Их судьбой интересовался Проспер Мериме.

Зеркало (оборотная сторона)

Глубокое исследование по истории возникновения этрусков провел историк-востоковед З. Майяни. Сей француз не побоялся устремиться в самый эпицентр «этрусских джунглей», где самое разумное предвидение «не стоит ни гроша», надеясь на свое единственное оружие – «некое интуитивное чувство». Он бился над этой проблемой, как если бы для него это был «вопрос жизни и смерти». Этнолингвистические попытки расшифровать письменность этрусков пока что не привели к большим успехам. Если одни искали корни этрусков в Италии, вторые – в Скифии, третьи – в Албании (самоназвание этрусков «тиррены» очень созвучно столице Албании – Тиране). Этрусский язык никак не поддавался, хотя вот уже три столетия ученые всех стран «осаждают» этот язык, находящийся в самом сердце, казалось бы, давным-давно изученной и довольно-таки

старой европейской цивилизации. З. Майяни пишет: «Проблема не была бы такой острой, если бы речь шла о наречии какого-либо темного неразвитого племени».

Этруск с чисто русским обликом

Это был язык «двенадцати племен Этрурии» – мощного народа землепашцев, смелых моряков, воинов, купцов, искусных ремесленников и зодчих, создавших храмы, плотины, крепости, построивших большие города. Этот народ осушил болота на своей земле, пустил по каналам воды реки По, насадил виноградники, обрабатывал металлы. Он превратил небольшое местечко Рим в укрепленный поселок. Кочевое пастушеское племя, бродившее у его границ и стремившееся использовать плоды прилежания греков и этрусков, решилось наконец осесть в этом поселке и приобщиться к городской жизни со всеми преимуществами организованного общества. Оно и стало называться римлянами.

Сцена брачного обряда

Из этрусского языка происходят многочисленные слова, существующие и поныне во многих языках, такие как цистерна, церемония, таверна, персона, литера и т. д. Это этруски заложили основы религиозной и политической организации Италии, основы римской военной машины и искусства. «Зачинатели литературной и научной деятельности в Италии, они уступали пальму первенства лишь новым хозяевам вселенной – грекам, безоговорочно признавая их интеллектуальное превосходство». Добавим, что, вероятно, и само название Roma – этрусского происхождения, а возникновение сего города из отдельных и самостоятельных общинных поселений на Палатине, Эсквилине и Квиринале также произошло скорее всего в эпоху этрусского владычества или же в результате их влияния. Вот и названия древнейших римских триб (титии, рамны, луцеры) – этрусские. Весьма вероятно и то, что древнейшие римские государственные установления, сословия, должности, важнейшие нормы и т. п. (то, что ныне принято считать исконно римскими образованиями) приняли этрусские формы, как наиболее развитые и употребительные. Это же можно сказать о множестве иных римских обычаев и правил: обычай триумфа после победы над врагом, тога, ликторские фасции, курульные кресла, цирковые игры, театральные зрелища (Л. Ельницкий).

Этруская ваза

Что сказать в заключение? Появляется все больше свидетельств того, что эта «странная цивилизация» имеет смешанное происхождение. Видимо, в культуре этрусков переплелись два-три течения, а то и гораздо больше: одно – из стран Дуная, другое – из Анатолии, третье – из евразийских степей... В те отдаленные времена евразийская степь, простиравшаяся от современной Богемии и Венгрии через Северное Причерноморье и Кавказ, через каспийские области до Южной Сибири, как отмечает З. Майяни, «была одновременно и Европой, и Азией». По этому огромному пространству, словно могучие волны океана, перемещались различные этнические группы. Степь стала очагом «выдающейся цивилизации, создавшей на окраинах первые очаги культуры – доисторическую Индию, Шумер, Элам, Месопотамию и многие другие». У нее свои законы, принципы, искусство, тактика, средства передвижения. И многое из этого было передано Риму. Кстати, при этрусках Рим стал превращаться и в значительный торговый центр.

(древний этрусский храм на платформе, возможно, имеет халдейское происхождение, оттуда же ведет происхождение и бог Янус). Так, Пиганьоль относит этрусков к анатолийцам, говоря об их облике: «Сквозь нарядные греческие одежды, брошенные на Этрурию, просвечивает, однако, восточное происхождение этого народа». З. Майяни считает, что этрусский язык – дунайского происхождения, но он носит индоевропейский характер, и в нем «есть много аналогий с балто-славянскими языками». Ясно одно: этруски создали костяк будущего римского государства. Они вдохнули в римлян энергетику и культуру, влияние которой сравнимо разве что только с мощным греческим влиянием. Слабостью этрусков была их неспособность создать прочный союз. Каждая из 12 общин, как и 12 племен Израиля, отстаивала свои права. Они не смогли сообща ничего предпринять. Поэтому их одолели и латиняне, и Рим.

Бронзовая колесница. VI в. до н.э.

Республика – «золотой век» римского государства

На заре римской истории сложилась система семей, родов, племен. Старшины родов звались тогда «принципами» (*principes*). Главной единицей племени и рода была семья, во главе нее стоял отец семейства. Он имел неограниченную власть над женой и детьми – право жизни и смерти (*jus vitae ac necis*). В семьях были и рабы, добываемые в результате войн и набегов, но рабство носило вначале еще патриархальный характер. Десять родов составляли курию, десять курий – трибу (племя). Три трибы – Тиции, Рамны и Луцеры – и составили римский народ (*populus Romanus*). В делах курии участвовали одни мужчины (на этих комициях избирались цари, объявлялись войны, принимались в состав общин новые роды и т. д.). Во главе общины стоял царь. Его знаками отличия была пурпуровая мантия, золотая диадема, скипетр с орлом, кресло из слоновой кости. Впереди царя шли ликторы с пучками прутьев. Все эти знаки входили в понятие о высшей власти (*imperium*) и были унаследованы от этрусков. Рядом с царем находился другой институт власти – сенат (100–300 человек). Он был своего рода хранителем отеческих традиций и советником царя по важнейшим делам. Затем появились префекты, которым царь поручал управление Римом во время своего отсутствия (*praefectus urbis*). Первоначально только полноправные члены общины имели право называться римским народом. Это и были патриции (дословно – имеющие отцов). Римский плебс туда не включался. В плебс («*plebs*» происходит от «*pleo*» – наполняю, обозначая массу, множество) тогда входили обитатели ближайших к Риму селений. Они считались свободными, но не могли вступать в

брак с патрициями и патрицианками. Одни считают их появление результатом принадлежности к различным этническим группам (т. е. к местному населению, покоренному завоевателями). Другие подчеркивают, что в составе плебса был силен этрусский элемент. Древнеримское общество имело все черты варварского строя. Марк как-то сказал в адрес греков – «сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь». Это вполне применимо и к римлянам. Однако их «дикарство» было даже симпатичным. Патриции, у которых вначале не было рабов, пахали землю и жили в деревянных хижинах, крытых обычной соломой. Утвердившийся на землях Италии строй мог быть назван военной демократией.

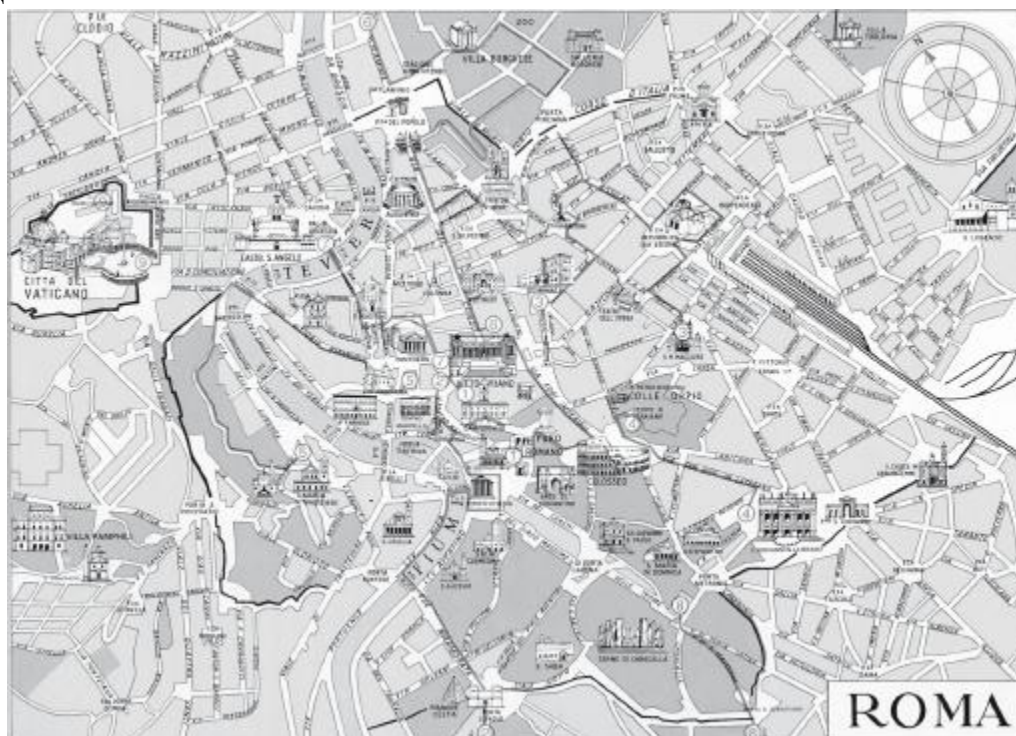

Статуя Марса Тоди

Как говорилось, в начале VI в. до н. э. власть в Риме принадлежала этрускам. Те основали царствующую династию, создали аппарат управления и войско. Это был строй, который можно было бы

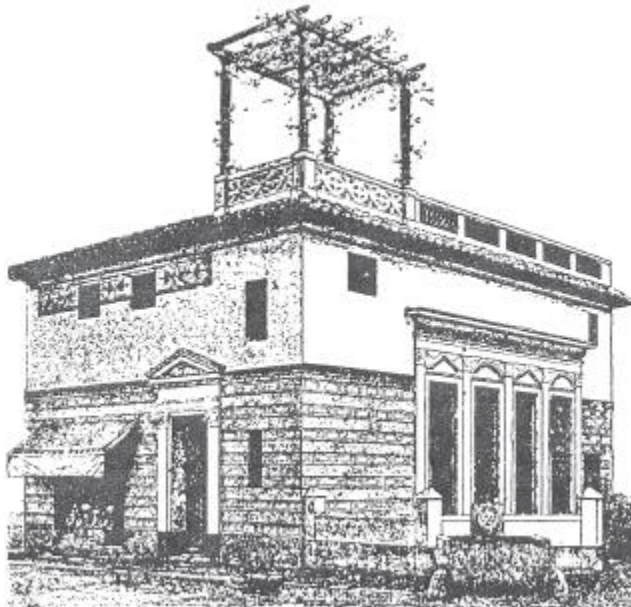
назвать «народной монархией», так как власть царя ограничивалась волей народных собраний (куриями и центуриями). После успешного восстания римляне ликвидировали царскую власть (510 г. до н. э.) и передали власть старейшинам (магистратам). При этом высшим органом государства оставалось народное собрание. Собрание принимало или отменяло законы, объявляло войну, заключало мир, избирало всех высших должностных лиц, осуществляло высшую судебную власть, разбирало апелляции и протесты, подаваемые народом.

План Рима

Однако и эту систему римляне фактически унаследовали от тех же этрусков, хотя и внесли в нее некоторые изменения. Римской республике III–II вв. до н. э. был присущ определенный демократизм. Во-первых, в Риме тогда еще не было постоянного чиновничьего аппарата. Во-вторых, выборы главных должностных лиц (эдилов, консулов, преторов, квесторов) совершались ежегодно. В-третьих, в Риме была принята система разделения властей (вместо одного единоличного главы стали выбирать двух глав исполнительной власти, двух консулов). Затем выделили и судебную власть. В-четвертых, власть осуществляли коллегиально. По римской конституции все

магистраты были коллегиальными (2 консула, 2 претора, 4 эдила, 10 народных трибунов, 4 квестора). Они переизбирались, и их труд был неоплачиваемым. Работа считалась почетной уже сама по себе, а потому была безвозмездной. В-пятых, республика имела инструмент на момент крайней опасности. В этот период демократия отступала, и назначался диктатор (в случае тяжелой войны, восстаний или ухода плебеев из Рима). Однако римляне в качестве защитной меры решили, что диктатор не может находиться у власти более 6 месяцев.

Наружный вид римского дома

Ранний период Римского государства мог бы считаться «золотым веком». При равенстве граждан внутри общины долгое время сохранялась и национальная самобытность. В Риме, отмечал Моммзен, все было не так, как в ликурговском полицейском государстве. Семейство тут не уничтожалось, чтобы на его и за его счет возвысилась община. В этом и заключался один из самых бесспорных и, видимо, замечательных принципов древнейшего римского государственного устройства. Согласно этому принципу римское государство могло заковать или даже казнить гражданина, но оно не могло отнять у него ни сына, ни пахотной земли. Оно не имело права облагать его постоянными налогами. Никакая другая община не была так полновластна у себя дома, как римская, но в то же время и ни в какой другой общине гражданин, чье поведение было в целом безупречно, не был так, как в римской, обеспечен в его правах по

отношению к своим согражданам и к самому государству. Если выразить несколько иначе эту мысль Моммзена, то можно сказать: Рим смог сделать своих граждан покорными воле государства и всего сообщества, не лишив при этом каждого из них драгоценной свободы.

Величайшая империя Древнего мира была возвращена в садах патриархальности и республиканизма. В раннем периоде римской истории заложены истоки силы. Посмотрим, что же лежало в основе строительства «римского дома». Обширная община управлялась с той же заботливостью и тщательностью, как управляется небольшой дом. Как выглядел этот самый «римский дом»? Древнейший Рим состоял из жалких хижин. В хижине под соломенным кровом, как гласит предание, жил и Ромул на холме Палатин. После того как галлы превратили город в груды пепла (390 г. до н. э.), его восстановили, но сделали это наспех, кое-как. Улицы прокладывались без плана, больших площадей не было, дома сколачивали грубо и примитивно. Во времена республики дома строились из глины и гораздо реже – из кирпича.

Ранний или молодой Рим – это строгость нравов, порядок, простая и здоровая жизнь. Пища и в самом деле была простой (кусоч хлеба, сыр, оливки, рыба, лук, каша, фрукты). Мясные блюда римляне позволяли себе далеко не всегда и не все. Взрослые мужчины все запивали вином с водой. Женщинам же пить вино не полагалось. Легендарному Ромулу даже приписывали некий указ, согласно которому пьющую жену можно было предать смерти. Простые трапезы при этом никого не смущали. Как сказал ученый и писатель Варрон (I в. до н. э.): «У дедов и прадедов хоть слова и дышали чесноком и луком, но высок у них был дух!» В семье сохранялось главенство мужчин, особо тщательно соблюдались законы трудового воспитания. Все время отдавалось работе, учебе, домашним занятиям. Каждый готов был соблюдать верность Родине, ее законам, служа ей верой и правдой. «Тогда жизнь человеческая еще не знала алчности: всякий довольствовался тем, что имел» (Крисп).

Статуя римлянина с портретами предков

Порой говорят, что римская древность придумана Вергилием. Римляне проявляли умеренность, простоту, строгие нравы, ценили великодушие и благородство, презирали все низкое и непристойное. Они говорили вместе с Горацием: «Во всем должна быть мера, терпение и вера». Единобрачие – закон для семей. Главой семейства считался мужчина (*pater familias*), всемогущий и полновластный владыка. Ему подчинялись и никто не смел прекословить. Надо сказать, между патриархальной Грецией и патриархальным Римом было немало общего, хотя имелись очень серьезные различия. В частности, Моммзен пишет: «Все, что может быть названо в государстве патриархальным элементом, было основано и в Греции и в Италии на одном и том же фундаменте. Сюда прежде всего следует отнести нравственный и благопристойный характер общественной жизни, который ставит в обязанность мужчине одноженство, а женщину строго наказывает за прелюбодеяние, и который утверждает

равенство лиц обоих полов и святость брака, отводя матери высокое положение в домашнем кругу. Наоборот, сильное и не обращающее никакого внимания на права личности развитие власти мужа и в особенности отца было чуждо грекам, но было свойственно италикам, а нравственная подчиненность впервые превратилась в Италии в установленное законом рабство. Точно так же и составляющее самую сущность рабства полное бесправие раба поддерживалось римлянами с безжалостной строгостью и было развито во всех своих последствиях, между тем как у греков рано появились фактические и правовые смягчения, так, например, брак между рабами был признан законной связью».

Дети принадлежали отцу, полностью находясь в его власти. Поэтому по рим-скому праву даже рабу легче было освободиться от господина, нежели сыну от отца. Иногда эта власть в нашем понимании выглядела как деспотическая. Отец мог послать сына на тяжелую работу, присвоить себе имущество уже взрослых сыновей, отдать в залог. Он мог три раза продать их в рабство, если они попали ему в руки после первых продаж, что не позволялось в отношении рабов. Отец мог подвергнуть их телесным наказаниям, а в некоторых случаях и смертной казни. И даже если сын становился важным должностным лицом, власть отца значила для сына куда больше его общественного положения. Отец был полновластен над судьбой новорожденного ребенка. На пятый день после рождения ребенка отец должен был или поднять лежавшего у его ног ребенка, или же оставить его на полу и не признать его. Вспомним, что Клеопатра таким вот образом поставила перед выбором самого Цезаря. Одним словом, и млад и стар – все находились в полной власти отца. Власть над сынами отец терял, если кто-то из них лишался гражданства, или если сын становился жрецом Юпитера, над дочерью – если та выходила замуж. В этих нравах видна крайняя суровость, которую сегодня приняли бы за неоправданную жестокость. Таково, скажем, было право выбрасывания детей (*expositio*). Вследствие ссоры родителей или худых предзнаменований, в знак недовольства отца или публичного траура родное дитё можно было выбросить на свалку или убить. Подобные случаи имели место. Обычно выбрасывались девочки, но не мальчики. Мальчик – будущий кормилец и опора... Такое дикое положение несколько смягчалось тем обстоятельством, что бытовал

обычай, по которому несчастных детей (особенно из бедных семей) родители относили к Храму Благочестия, что был рядом с овощным рынком. Сострадательные души несли туда молоко и подкармливали младенцев, пока кто-то из бездетной семьи не решался все же взять их к себе на воспитание. Однако часто эти дети просто умирали, съедались голодными собаками, отдавались в школы гладиаторов или подвергались намеренному увечью, дабы народ охотнее давал им милостыню.

Портрет римлянки. Мрамор. Рим

При несомненной жестокости и чудовищности таких правил, до крайностей чаще всего дело не доходило... Во-первых, всех сдерживали законы. Во-вторых, дети слушались своих родителей, побаивались их и не прекословили. В-третьих, отец и мать, пренебрегшие воспитанием, подвергались осуждению общества, а тяга к добродетели была одним из важнейших правил. В-четвертых, строгости отца уравнивались материнской лаской и заботой. Жены римлян нередко были довольно образованными, подобно благородной Корнелии, воспитавшей Гракхов. В-пятых, суровое воспитание, которое было сродни спартанскому, делало из римлян настоящих мужчин и воинов. Они, по выражению одного из

политиков, вовсе «не будут распускать сопли», когда надо сражаться за родину и выполнять свой долг.

П. Рубенс. Отцелюбие римлянки

Но центром домашнего круга в Риме все-таки оставалась женщина. К женщине ее муж относился бережно и с уважением. Разумеется, при этом возлагал на нее домашние обязанности (выпечка хлеба, прядение, ткачество, уход за одеждой). В свадебной процессии за невестой обычно несли веретено и прялку, символы ее будущих занятий. Невеста обещала разделить все радости и невзгоды мужа, говоря: «Где ты, Гай, там и я, Гайя». Особо ценилась девица-мастерица, чтящая мужа, бережливая хозяйка и верная жена. Такую девушку называли прекрасной женщиной (*mulier pulcherrima*). Вот что писал по этому поводу нравов один из авторов: «Домашний труд был уделом матроны, потому что отцы семейств возвращаются к домашним пенатам от общественной деятельности, отложив все заботы, будто для отдыха». Впрочем, уже тогда иные из жен знатных римлян стали привыкать к безделью и порокам. Овидий писал, что когда сын царя Тарквиния Гордого и его друзья решили проверить, чем это в их отсутствие занимаются их дорогие женушки, и внезапно нагрянули, то они нашли невестку царя во хмелю и с венком на шее. Затем они идут в дом Лукреции, где «видят ее за прялкой, а на постели ее мягкая шерсть в коробках». Тем не менее первый развод у римлян произошел только через 340 лет после основания города (234 г. до н. э.). Замужняя

римлянка (матрона) – это почти полновластная хозяйка дома. Римляне любили детей, хотя даже их отсутствие не разрушало прочности браков. Осуждались и слишком суровые отцы. В ходу была поговорка: «Кто бьет жену или ребенка, тот поднимает руку на самую высокую святыню». Известен случай с консулом Титом Манлием, что во время Латинской войны казнил своего сына, ибо тот «подорвал в войске послушание» (тот ослушался воли отца и сразился вне строя с противником). Когда Манлий возвратился победителем в Рим, его встретили только пожилые люди, а молодежь отшатнулась от него как от зачумленного.

Пахарь

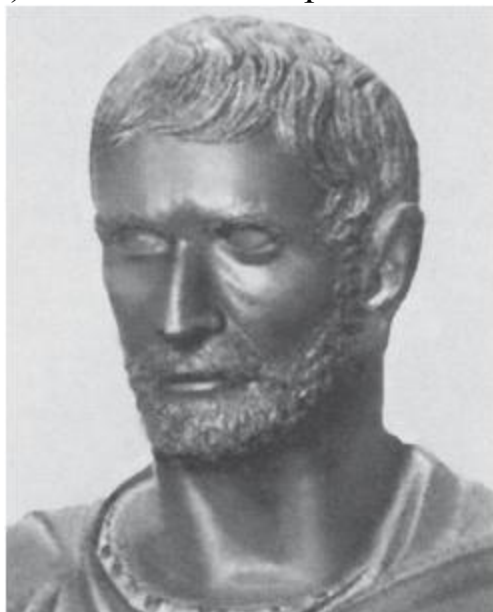
Под стать этому было и общественно-политическое устройство раннего Рима. Во времена Республики римлянин-земледелец (их было большинство) входил в систему общины. Та имела общественные земли, имущество, культы, выборных магистратов. Римлянин не только чувствовал себя гражданином Республики, но и был в какой-то степени совладельцем ее территории и хранителем ее славы. Власть над землей и страной находилась в руках гражданского коллектива. Он получал выгоды как от аграрных законов, так и от победоносных войн, получал наделы, выгоды от эксплуатации провинций, принимал участие в дележе добыч.

Роспись гробницы Охоты и Рыбной ловли в Тарквинии

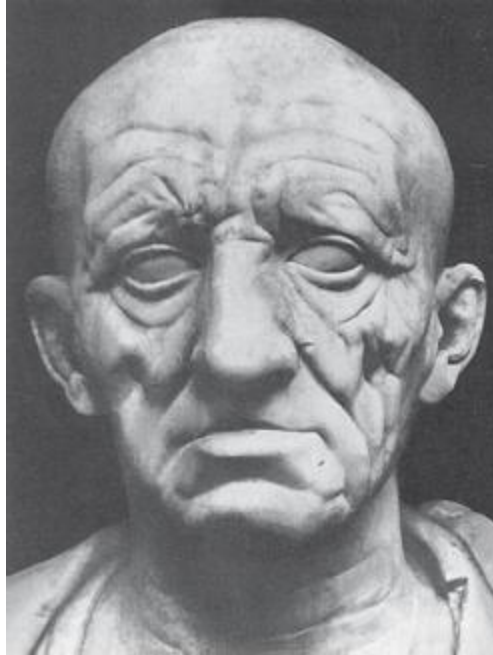
Одним словом, римлянин чувствовал себя хозяином в своей стране. Поэтому он очень серьезно относился к выполнению своей гражданской, военной, административной или законодательной миссии. Римский народ, живущий согласно традициям коллективизма, был крепок духом. Тогдашний Рим представлял собой прочное, как казалось, единство общества и личности. Формула «*singuli et universi*» признает, что *universi* как раз и состоит из *singuli*. Римский народ представлял собой сплоченное единство, в котором каждый должен был играть свою роль «на мировой сцене». И крайне важным по древнеримским понятиям было правило, которое отдает приоритет коллективному перед индивидуальным. Ментальность раннего Рима тут резко противостоит ментальности Греции и будущего

капиталистического общества. Видимо, так до недавнего времени ментальность бывшей России противостояла ментальности Запада, где каждый сам за себя. Эта традиция нашла выражение в катоновско-цицероновской концепции «блага государства». Конечно, далеко не всем нравились уравнилельные, коллективистские порядки. Скажем, греки даже пытались очернить историю раннего Рима и Италии. Они говорили, что Ромул, основавший город, руководил сбродом, утверждали, что Антенор и Эней были предателями Трои, доказывали всю несостоятельность притязаний римлян на их происхождение от Энея. Многие люто ненавидели Рим и уповали на Карфаген. В свою очередь многие римляне презирали нравы и взгляды греков. Как пример негативного отношения стал бранная кличка «грек» и «философ», обращенная к Цицерону. И все ж республиканский Рим имел добродетели, которыми не могла похвастаться Греция. Среди римских добродетелей Полибий назвал: мудрость решений, совершенство политического строя Рима, способность делать то, что важно и полезно для страны в войне, труде, справедливое распределение наград и наказаний, соблюдение обычаев и законов, верность клятвам и долгу, вера в религию, неподкупность, скромная жизнь, тяга граждан к общей выгоде и т. д. Кстати, понятие «добродетель» (pietas) даже не имела греческого эквивалента.

Брут Древний – легендарный родоначальник Брутов

Прежде чем «воспевать хвалу» цезарям, вспомним, что народ Рима положил конец царской власти, решительно изгнав последнего Тарквиния (508–507 гг. до н. э.). За его жестокость и презрительность, проявленные в отношении народа, люди иронично прозвали его «Гордым». Известно, что он был этруском. По поводу восстания и изгнания царя, ненавистного Тарквиния Гордого, Моммзен написал: «Предание совершенно правдоподобно указывает следующие причины восстания: что царь не совещался с сенатом и не пополнял его личного состава, что он постановлял приговоры о смертной казни и о конфискации, не спросивши мнения советников, что он наполнил свои амбары огромными запасами зернового хлеба и что он не в меру обременял граждан военной службой и трудовыми повинностями; о том, как был озлоблен народ, свидетельствуют: формальный обет, данный всеми и каждым за себя и за своих потомков, не терпеть впредь более царя, слепая ненависть, с которою с тех пор относились к слову «царь», и главным образом постановление, что «жертвенный царь»... не может занимать никакой другой должности, так что этот сановник сделался первым лицом в римском общинном быту, но вместе с тем и самым бессильным...» История, как мы видим, полна примеров поиска народами наиболее совершенных форм государственного устройства. Наряду с Афинами и Спартой Рим явился, если угодно, «одним из патриархов» государств европейского типа. Отметим, что эти государства всегда стремились (в тех случаях, когда это оказывалось возможно) ограничить власть всех аристократов, олигархов, тиранов, царей, цезарей и т. д.

Неизвестный патриций

После изгнания последнего царя, Тарквиния Гордого, Рим принял республиканский образ правления. Основоположниками республики были Юний Брут и друг народа Валерий Попликола. Функции царской власти тогда же были поделены между двумя консулами, которые командовали ополчением, созывали сенат, вершили суд и священные обряды. Они носили тогу, обшитую пурпурной каймой. Их власть за городской чертой была неограниченной, в городе же была обусловлена строго определенными нормами. В военные времена власть передавалась диктатору (и то лишь на полгода). Религиозные функции возлагались на жреческие коллегии. Конечно, борьба за власть между слоями общества не утихала. Это стало ясно в результате обострения споров патрициев с плебеями (хотя содержание понятий «патриций» и «плебей» со временем менялись). В Италии имела место политическая революция. Она изменила характер внутренней и внешней жизни римлян. Традиция приписывает ее Сервию Туллию, шестому римскому царю (всего было 7 царей). Он создал конституцию, гражданскую милицию, пехоту, кавалерию. По словам историков, этот сын рабыни сумел искупить незаконность воцарения «мудростью реформ». В чем же состояла их мудрость? В результате реформ римский народ разделился по имущественно-территориальному признаку на 5 классов. Каждый класс (или триба) обязан был выставить

определенное число войск (центурий). В собраниях главенствовали богатые и знатные (из 193 они имели 98 центурий, ремесленники и музыканты – 4 центурии, а пролетарии – всего 1 центурию). По словам Цицерона, в результате этих реформ «голосование покоилось не на перевесе большинства (массы, multitudo), а на богатстве (potestas locupletium)».

Этрусско-римская армия VI в. до н.э.

Особо стоит остановиться на борьбе плебеев с патрициями в Риме. Патриции (от pater, отец семьи) были господствующим и привилегированным сословием. В раннем Риме так называли и членов сената, высшего органа государства. Они пользовались всеми правами, избирались в сенат, служили в армии (в коннице или тяжеловооруженной пехоте), имели большие земельные наделы, занимали магистратские должности. Плебеи, как правило, находились вне общества, были лишены гражданских прав, хотя и считались (в отличие от рабов или клиентов) юридически свободными. Значительную их часть представляли пришлые люди. Они обрабатывали землю, занимались торговлей и ремеслами. Целью их борьбы с патрициями являлось обретение политических прав и получение собственной земли. Борьба эта была долгой и тяжелой, а порой и кровавой. До середины VI в. до н. э. плебеи считались чужеродным элементом в Риме. Их не допускали даже к службе в армии. По мере усиления Рима и проведения им агрессивной политики

власть стала нуждаться в расширении военных сил. Она вынуждена привлечь плебеев в ополчение. После реформ Сервия Туллия их включили в гражданскую общину. В начале V в. до н. э. они уже составляли основу армии, где все командные посты занимали патриции. Но вооруженный народ имел больше оснований быть услышанным и патрицианской властью. Плебеи стали активнее добиваться законных прав (ведь теперь они проливали кровь за национальные интересы). Нередко страсти накалялись и плебеи покидали Рим, удаляясь на Священную гору, угрожая основать новый город (*secessio* – уход, удаление).

Карта Италии и прилежащих островов. VIII—III вв. до н.э.

Без составлявших большую часть вооруженных сил плебеев Рим существовать не мог. Патриции вынуждены были идти на уступки. Тогда была создана новая магистратура (должность) народных трибунов (494 г. до н. э.). Плебеи получили право приостанавливать решения патрицианских магистратов. Им достаточно было произнести одно слово – *veto* («запрещаю»). Спурий Кассий предложил раздать нуждающимся плебейам завоеванные земли, но его аграрный закон не прошел. Патриции обвинили его в стремлении к царской власти и казнили (486 г. до н. э.). И все же плебеи сумели настоять на своем... Так, в 454 г. до н. э. по предложению народного трибуна Ицилия земли на Авентине (в то время пригороды Рима) были поделены между беднейшими гражданами. Под давлением плебеев были приняты и знаменитые «Законы XII таблиц», зафиксировавшие права патрициев и плебеев (449 г. до н. э.). Были подтверждены: неприкосновенность личности народных трибунов, право апелляции осужденного патрицианским магистратом на смерть или телесное наказание к народному собранию, и, что особенно важно, решения плебейских собраний получили силу закона, обязательного и для патрициев. А через пять лет законным признан брак плебеев с патрициями (444 г. до н. э.), что открывало плебейской верхушке Рима доступ в высшее общество. В 300 г. до н. э. приняты законы, допускавшие плебеев в жреческие коллегии. В итоге верхушка плебса объединилась с патрициями, образовав новое сословие – нобилитет (от *nobilis* – лучший, знатный). В основном эти владельцы земли и рабов и пополняли сенат, избирались на важные государственные должности.

К III в. до н. э. римско-италийское общество заметно изменилось. Прежде всего выросло число римских колоний. Республика территориально заметно расширилась (130 тыс. кв. км). Наблюдался и постоянный экономический рост. Усилилась роль плебейского элемента в общественной жизни. В 400 г. до н. э. плебей впервые избран на высшую должность военного трибуна, а в 376 г. до н. э. состоялось уравнивание прав патрициев и плебеев. В результате в сенате и во власти стали чаще появляться так называемые «новые люди» (*homines novi*). Разумеется, все эти процессы нашли отражение в сфере имущественных отношений. Войны давали капитал, а капитал

устремлялся на приобретение земель и угодий. При этом хлебоборбы нередко вытеснялись со своих земель на худшие, а их места занимали плантации фруктовых, огородных, птицеводных, молочных, прочих хозяйств. По словам Р. Виппера, этот завоевательный путь римского капитала, по сути, и стал «первым шагом к объединению Италии»... Рим встал на путь дальнейшей экспансии.

Значение столицы в жизни страны возрастало... При этом между интересами города и деревни все чаще стали возникать острые противоречия. Вот что писал об участии населения Рима в эксплуатации остальной Италии историк Полибий: «Очень много работ, пошлин и аренд сдаются цензорами на торгах, во-первых, заготовка и починка общественных сооружений, которых так много, что трудно и пересчитать их, затем взимание сборов с речного провоза, ввоза в портах, с садовых плантаций, с рудников, с хлебных полей, одним словом, со всего того, что досталось во власть римлян; во всем этом участвует весь народ, так что можно сказать, нет ни одного человека, который бы не вложил в эти аукционы своего капитала и не получал барыша с откупов...» Все это говорит о наличии достаточно широкой народной базы у «римского капитализма». Источники указывают и на разного рода «сберегателей». Речь идет о среднем и даже о мелком люде, что хотел получать прибыль от военных поставок, постройки дорог, от плантаций и заводов, и вынужден был доверять свои доли оперирующим компаниям (как мы доверяем наши личные средства иным нашим банкам, например «Сбербанку»). Этот *plebs urbana* (городской плебс) уже никоим образом не походил на старое нищее плебейство (или *plebs rustica*). Если первые уже были мелкими капиталистами, то вторые – класс пролетариев, то есть безземельных вольнонаемных батраков, беднота. Вместо старого деления возникла новая элита, нобилитет (*nobiles*), куда вошли, причем в изрядных числах, многие вчерашние плебеи, недавно разбогатевшие.

Градоправитель Рима Гай Целий Сатурнин Догмаций

Важную роль в управлении играли демократические институты власти, а точнее, приоритет законов Республики. Первые консулы (высшие должностные лица в римском государстве в период Республики) были избраны в 510 г. до н. э. после изгнания Тарквиния Гордого. На них перенесли всю царскую власть, за исключением жреческих обязанностей. Чтобы не допустить узурпации власти одним, избирали двух консулов. Их лидерство в списке определялось жребием. Те комплектовали консульскую армию, назначали офицеров, военных трибунов, председательствовали на войне, вели хозяйство своей армии (даже имели право чеканить монету). Консулы имели двойную власть – военную и гражданскую. Если им сопутствовал военный успех, их награждали титулом «император» и удостоивали высокой чести – триумфа. Будучи носителями гражданской власти, консулы созывали Сенат и народные собрания, вносили на их обсуждение различные законопроекты и предложения, председательствовали в народных собраниях и руководили выборами. Весьма важным было то, что они же были главными исполнителями постановлений Сената и народа. Иначе говоря, то, что Сенат и народ

вместе с консулами пожелали, они должны были исполнить. Там, в Риме, не было глупого и подлого раздвоения: когда одни вольны высказывать любые идеи и предложения, совершенно не отвечая за их последствия, не думая о том, что они сболтнут в качестве оппозиции с трибун. Ныне в России, как это ни парадоксально, может сложиться (конечно, в самых общих чертах) ситуация, чем-то близкая периоду республики в Риме, если народ и родина будут вместе. Внешними знаками консульской власти служили: тога с пурпурной каймой, курульное кресло, 12 ликторов. Ныне вместо тоги – костюм, вместо курульного кресла – президентский кабинет, вместо 12 ликторов – кортеж 1200 охранников.

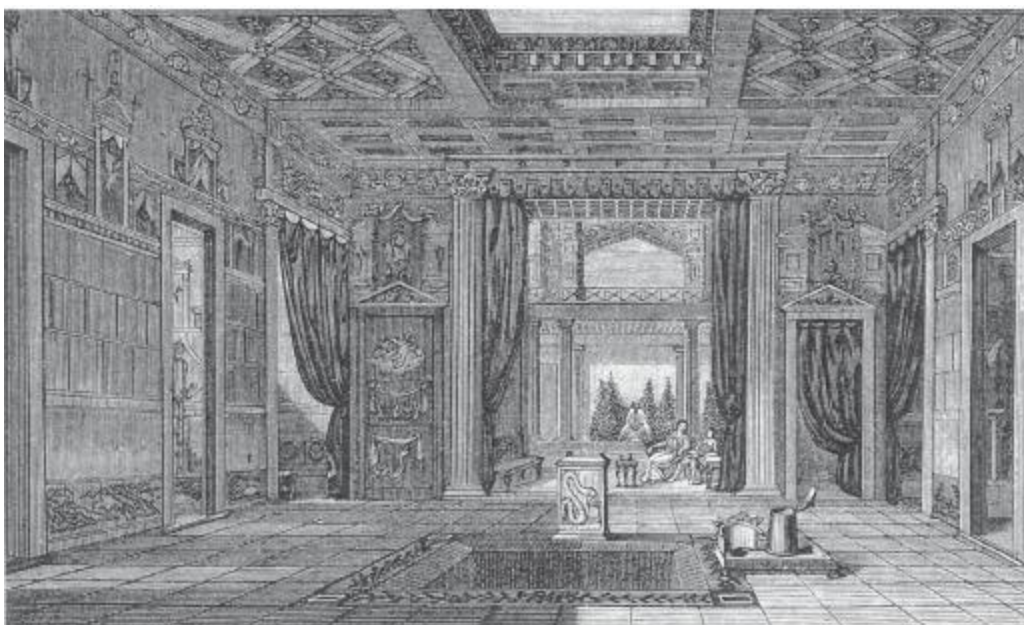
Другие важнейшие должности в Рим-ской империи – это преторы, цензоры, эдилы, квесторы, трибуны. Римские преторы были высшими руководителями судопроизводства, а впоследствии правителями римских провинций (по-нашему губернаторы). Должность претора учреждена для патрициев в 366 г. до н. э. Тогда же консульство стало возможным и для плебея, а из ведения консулов изъяли судебную власть. Претор исполнял функции консула при его отсутствии в Риме. Интересно, что власть преторов в провинции могла быть в дальнейшем продолжена на год (пропретор). Служба определялась так: один год – в Риме и один год – в провинции, после истечения годичного срока службы. С 242 г. до н. э. их было двое, но затем в связи с ростом числа провинций выросло число преторов и пропреторов (до 16). Провинции они получали по жребию. Вступив в должность, каждый претор объявлял эдикт, то есть свод основных законоположений, которыми он намерен был руководствоваться. Знаки отличия те же: пурпурная тога, кресло и от 6 до 2 ликторов. Место их пребывания – на Форуме или же кое-где – в трибунале.

Ликторы. С рельефа колонны Марка Аврелия в Риме

С точки зрения осуществления интересов народа особенно важная роль в Риме отводилась эдилам и трибунам. Эдилы – полицейские чиновники (типа наших прокуроров или милиции). Они подразделялись на две группы: плебейские эдилы и курульные эдилы. Плебейские эдилы были помощниками народных трибунов и считались неприкосновенными. Их должность была учреждена в 494 г. до н. э. вместе с народным трибунатом. Их было двое, и избирались они плебеями из плебеев же (под председательством народных трибунов). Никаких внешних знаков отличия, как и трибуны, они не имели. А вот двое курульных эдилов избирались вначале только из числа патрициев, но затем и среди них появляются плебеи... Курульные эдилы по рангу считались выше плебейских эдилов, в их число обычно входили состоятельные и богатые граждане, так как они должны были нести немалые расходы по выполнению своих обязанностей. Им полагались пурпурная тога и курульное кресло. В их обязанности входило: наблюдение за общественным благоустройством в Риме и окрестностях, решение вопросов с продовольствием, присмотр за состоянием городских зданий, улиц, площадей, а также устройство общественных игр. А вот главными представителями и охранителями

интересов плебса считались народные трибуны. Это – высшие чины плебса, считавшиеся неприкосновенными и, что любопытно, неответственными. В их прямые обязанности входила защита интересов плебеев от посягательств на них патрициев, богачей, должностных лиц. Тот, кто хотел найти защиту от самоуправства упомянутых групп, шел и обращался к народному трибуну. Это в эпоху античности была своего рода служба спасения для простого народа^[1]. Поэтому они не могли отлучаться из Рима на целый день. У нас ранее такой службой являлся прокурорский надзор – *контролеры народа*.

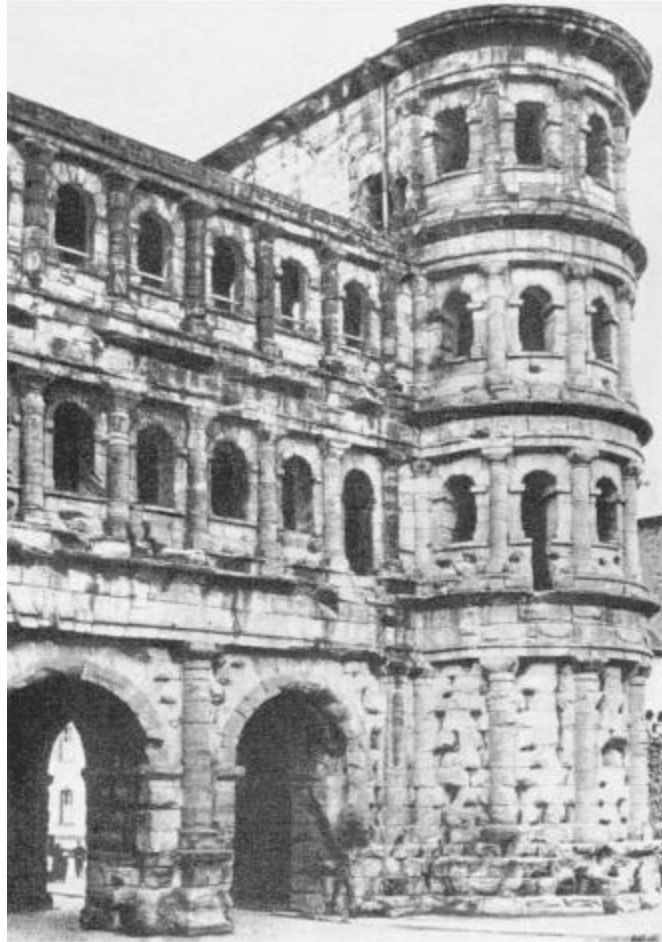
Дом в Помпее (реставрированный)

Их дом должен был быть открыт для любого нуждающегося в их помощи (даже в ночное время). Должность народных трибунов учредили в 494 г. до н. э. после первого удаления плебеев на Священную гору. Число трибунов росло, достигнув в 457 г. до н. э. десяти человек. Избирались народные трибуны плебсом только из свободнорожденных плебеев, что, конечно, ограничивало возможности остальных представителей плебса (из числа не римлян). Трибун был наделен немалой властью и ответственностью. В случае если народ не был согласен с тем или иным решением правящей римской элиты, народный трибун мог наложить на эдикт или решение вето. Он мог опротестовать решение должностных лиц, включая решения сената.

Трибун мог подвергнуть аресту или денежному штрафу всех противодействующих ему лиц. Это была важная функция власти. Фактически все должностные лица (кроме диктатора) в той или иной степени подконтрольны народным трибунам. Трибун имел право созывать плебейские собрания, председательствовать на них и выносить на обсуждение народа важные предложения. В дальнейшем право их расширилось: стало включать право внесения предложений в сенат, право высказываться по важным для народа вопросам. Случалось, что представители плебейской власти злоупотребляли своим положением (по мере усиления влияния). В целом власть народного трибуна носила все же скорее пассивно-наблюдательный характер.

Таких вожаков впоследствии назовут «демагогами». Трибунская власть имела силу только в черте города и могла быть оспорена только протестом коллеги по должности, то есть занимающим аналогичный пост народным трибуном. Важную роль играли и квесторы («quaesitores» – «следователи»), вначале бывшие помощниками царей. Они выступали судьями по уголовным делам, а затем помощниками консулов. Квесторы в дальнейшем получили право надзора за государственной казной и стали казначеями. Как видим, вся система власти республиканского Рима была устроена таким образом, что, во-первых, гарантировала государству надежную заменяемость всех высших должностных лиц – в том числе консулов, имевших ограниченный срок своих полномочий (вспомним и девиз сталинской эпохи – «Людей незаменимых нет»), во-вторых, система была демократичной (институт народных трибунов, право вето на любые решения высшей власти), в-третьих, она была достаточно прочной, но одновременно и гибкой. В частности, в случае если государство попадало в чрезвычайные обстоятельства (смута, война или, как это имеет место в России, потеря лица власти), оно вводило пост диктатора.

Городские ворота в Тревироруме

Вершиной властной пирамиды считался народ. В республиканский период власти руководили общиной, опираясь *на волю народа*. Народу принадлежала: а) власть законодательная – право издавать законы; б) власть судебная – право производить суд; в) власть избирательная – право избрания магистратов; г) власть разрешающая – в вопросах о войне и мире. Решения народа по пунктам а) и г), как имевшие силу закона, назывались «законами народа» или «народными повелениями». Народ, как носитель верховной власти, был облечен известным величием, и преступления против общины рассматривались как оскорбление величия Римского народа. Перед народным собранием склонялись все фасции (пуч прутьев с секирой, символы верховной власти). Их несли ликторы. Все магистраты, присутствующие в собраниях, изъявляли покорность «воле народа». Свои права народ осуществлял в народных собраниях, обычно в так называемых

комициях (от лат. — «сходиться»), то есть в созываемых собраниях полноправных граждан, руководимых имевшим на это право должностным лицом (например, консулом или претором). На этих комициях (куриях, центуриях, трибах) важные вопросы решались посредством подачи голосов. Право же участия в комициях и подачи голоса имели все римские граждане (обладавшие правом голоса), где бы они ни находились — в Риме, провинции или в колонии. Таковы были полномочия народа.

Войны, армия и роль военных в Древнем Риме

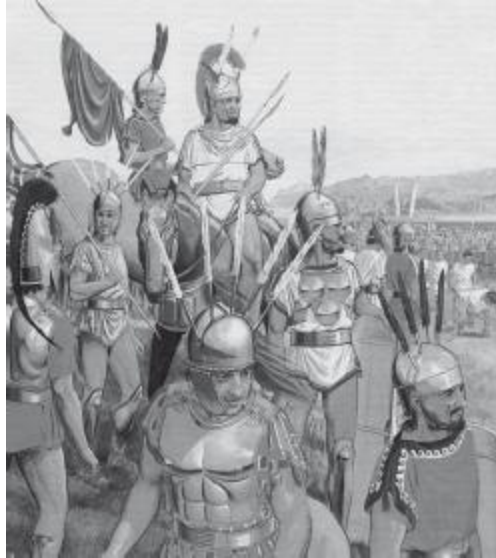

В Риме находились особые символические медные врата – бога Януса (Янус – двуликий бог, символизирующий собой начало, а также связь между прошлым и будущим). В начале войны врата открывались, а в мирное время закрывались. Показательно, что за первые пять веков существования Республики эти ворота оставались закрытыми лишь два раза, и то на очень короткое время! Бесспорно, Рим создавался как военное государство. Войны дали Риму власть, богатство, величие, но одновременно приносили с собой насилие, жестокость, вражду и ненависть. Это и понятно – развернулась битва за право стать полноправным хозяином Италии. Начались так называемые самнитские войны (с 343 г. до н. э.). В этой борьбе римлян поначалу преследовали неудачи. В 321 г. объединенное войско римлян, шедшее на Самний, попало в засаду в Кавдинском ущелье. Римлян вынудили сдаться. Победители отпустили их после того, как те «прошли под ярмом», то есть под копытами наподобие ворот, через которые можно пройти лишь согнувшись. Этот символ позора применял Рим к тем, кто потерпел поражения. Что же касается этрусков, то они также участвовали в многочисленных битвах против Рима на стороне племен латинян, но без сколь-либо особого успеха.

Позор римских воинов (в Кавдинском ущелье)

Борьба была не из легких... Об этом говорит и захват галлами Рима, сожжение и разграбление города варварами. Видимо, это были кельты. Описание облика и имена варварских племен, вторгшихся в Северную Италию через альпийские перевалы, указывают на это. Римляне называли их *galli* (*Gallia Cis-* и *Transalpina* – Цизальпинская и Трансальпинская Галлия). Событие это произошло четверть века спустя после смерти Геродота. Полибий упоминает их под именем *galatae*. Страбон и Павсаний говорят, что *galli* и *galatae* тождественно обозначению – *keltoi/celtae*. Цезарь свидетельствует, что современные ему *galli* именовали себя *celtae*. Диодор упоминал оба названия без разбора, но предпочтение отдавал все же варианту *keltoi*, как более верному. Похоже, ситуация с именами кельтов и галлов чем то походила на нынешнюю путаницу с именами русских и славян.

Самниты вынуждают римлян пройти «под ярмом»

Римляне не раз терпели поражение от галлов. Однажды они вынуждены были отдать им все золото, что у них имелось. Разыгралась сцена, вошедшая в учебники, ставшая впоследствии своего рода прецедентом в решении спора между победителем и побежденным. Когда силы защитников Капитолия были уже на исходе, а весь Рим был в руках врагов, пришлось соглашаться на унижительные условия сдачи. Было решено, что галлы уйдут, получив от римлян выкуп (2000 фунтов золота). Принесли гири, но вдруг выяснилось, что гири у галлов – фальшивые. Римляне стали возмущаться. Тогда вождь галлов Бренн бросил на чашу весов свой меч.

Бренн бросает на весы свой меч как аргумент силы

«Что это значит?!» – вскричали римляне. Бренн презрительно заявил им: «Горе побежденным – вот что это значит!» На помощь Капитолию пришел Камилл, который разгромил галлов и отстроил сожженный Рим. Так гласит легенда. Его и считают вторым основателем Рима. Вероятно, молва имела в виду, что он в 367 г. до н. э. смог отразить еще одно нашествие галлов, как и то, что вскоре после освобождения от галлов Рим действительно фактически будет отстроен заново.

Кельтский мудрец – друид или бард

Надо сказать, что римляне так и не забыли некогда испытанного ими страха и своего национального унижения. В дальнейшем они вели себя в отношении кельтов, их священников (друидов), ученых (филидов) и поэтов (бардов) самым жестоким и диким образом. Они запретили их религию, разрушили священные центры, всю элиту этого мудрого народа вырезали. Хотя, возможно, именно кельты, не греки первыми пришли к разумному правлению мудрейших. То, о чем лучшие греки мечтали, а римляне даже и помыслить не смели, они воплотили в жизнь. Учение друидов заключено в 23 общих законах, которые назывались «правилами для волшебников». Перечислим лишь некоторые из них... Первое правило: знание – это власть. Чем больше знаешь о каком-то явлении или человеке, тем проще им управлять. Второе правило: познай самого себя. Не сделав этого, не сможешь руководить ни собой, ни другими. Третье правило: внимательно наблюдай за всем, что происходит в мире и вокруг тебя. В мире почти не бывает случайных совпадений. Когда что-то начинает повторяться неоднократно или нечто происходит синхронно, тому есть веские обоснования. Постарайся же их разгадать и понять. Четвертое правило: умный отличается от глупца тем, что предвидит последствия своих поступков. Каждое действие не только имеет причину, но и влечет неизбежные последствия. Все эти последствия ты обязан предвидеть. И тогда твоя жизнь на земле будет более предсказуемой и удачной. Многим из требований друидов римляне так и не смогли соответствовать. В частности, они нарушили двадцать первое правило друидов, а именно: впадали в крайности, что привело, как им и предсказывали мудрецы, в дальнейшем к изменению самой сущности раннего Рима. Хотя произошло это далеко не сразу. Дион Хризостом писал о друидах и их порядках: «Повелевают они, а цари на золотых престолах, обитающие в пышных дворцах, – всего лишь их слуги и исполнители их мыслей». Как мы убедились на примере древней истории, власть мудрейших – редкое явление.

Убийство римлянами кельтских мудрецов – друидов

Рим двигался к своему господству над миром через войны и благодаря им... Войны следовали беспрерывно, одна за другой (римско-латинская война, 1-я, 2-я и 3-я самнитские войны, борьба с греческими полисами – с Тарентом, а затем покорение италийских народностей и борьба с Пирром в 280–275 гг. до н. э.). В этом плане особый интерес представляют войны Рима с Тарентом и царем Эпира, Пирром. Пожалуй, в них наиболее полно, как в капле воды, отразились жестокость и трагизм той эпохи. Рим выступил уже как всеиталийский диктатор, стремящийся подчинить своей власти все другие народы. Против Рима тогда же образовалась широкая коалиция племен (этруски, вольски, бруттии, самниты, тарентцы, луканы, сенноны, умбры). В 283 г. до н. э. грянул «бой не на живот, а на смерть» с коалицией народов. Этруски были большей частью перебиты, а из боев спаслись лишь немногие. Уцелевшие после битвы сенноны лишили сами себя жизни. Богатый греческий город Тарент, разумеется, тоже не желал подчиняться Риму, становиться его рабом или данником. Поэтому Рим искусно старался разобщить недовольные его господством города и народы. Предложив тарентцам мир, Рим задумал разбить соседей, а затем уж погубить сам Тарент.

И тогда тарентцы призвали на помощь Пирра... Сын Эакида Пирр (319–272 гг. до н. э.), рожденный от дочери сицилийского царя Агафокла, Фтии, принадлежал к младшей ветви рода Пирридов. Эта фигура столь колоритна и ярка, что Плутарх посвятил ей немало восторженных строк. При преемниках первых царей род Пирра захирел и утратил былую власть. Пирриды унаследовали все эллинские обычаи. Семена греческой учености в них держались крепко и вскоре дали ростки. История младенца была полна опасных приключений. Еще в раннем возрасте соперники в борьбе за власть его чуть не убили. Легенда гласит: те, кто спасли ребенка, положили его перед царем Главкием. Тот якобы сам подполз к царю, схватил его ручонками за полы плаща, приподнялся, дотянулся до колен Главкия и улыбнулся. Потом вдруг заплакал, словно беззащитный проситель, слезно умоляющий царя о помощи. Другие же говорят, что младенец приблизился к алтарю богов. Как бы там ни было, а Главкию показался жест ребенка изъявлением воли богов, и царь поручил жене воспитать его вместе с собственными детьми. Когда Пирр вырос, Главкий с войском явился в Эпир и так вернул своему воспитаннику престол.

Царь Эпира – Пирр

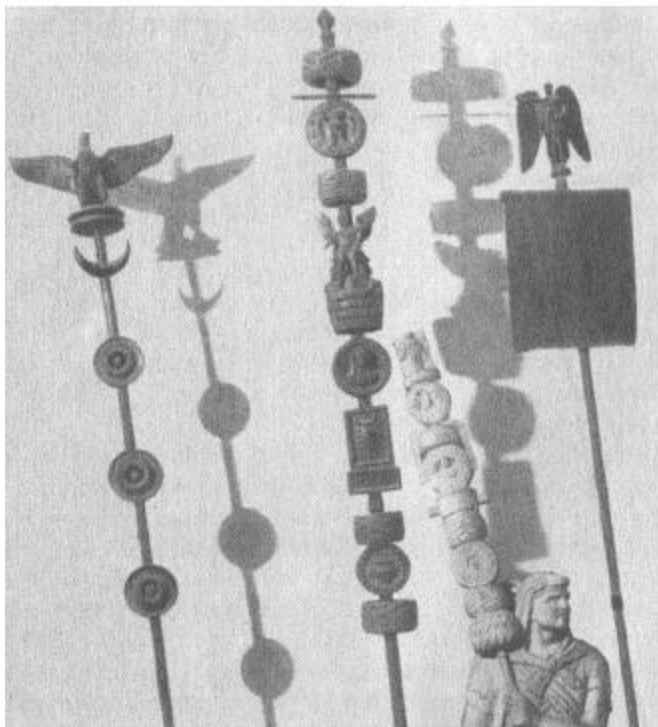
Вид у Пирра был царственным. Однако все отмечали, что выражение лица у него было скорее устрашающе-пугающим, нежели величавым. Зубы у него не отделялись друг от друга: верхняя челюсть

состояла из одной сплошной кости, и промежутки между зубами были лишь намечены бороздками. Это производило впечатление, будто перед вами совершенно особое существо. Ему стали приписывать чудесные свойства. Вся дальнейшая жизнь его будет посвящена битвам, для которых он был создан самой природой. В юном возрасте он сражался на стороне Деметрия в большой битве при Ипсе, где тогда сошлись в жаркой схватке цари. Затем его отправили заложником к Птолемею в Египет. Там он показал свою силу и выносливость в гимназиях и на охоте. Вместе с тем молодой аристократ вел жизнь умеренную, если не сказать целомудренную, что тогда встречалось среди знатных отпрысков редко. Тогда же выявилось его редкое умение входить в доверие к знатым людям, что были ему полезны. К простому же люду он относился с презрением.

Многие знатные семьи видели в нем достойную партию для своих дочерей, отдавая ему предпочтение среди юношей царского рода. Так вот он стал мужем Антигоны, что являлась дочерью Береники, которую та родила от царя Филиппа (еще до того, как затем вышла замуж за Птолемея). Пирр решил себе возвратить утерянное царство. После ряда трагических событий, связанных с попыткой отравить его, он был вынужден убрать с дороги своего соперника – Неоптолема. В древности политическая атмосфера всюду была пронизана завистью, коварством, убийствами, интригами. Как это было везде и всегда, споры и ссоры возникали из-за царств, дележа богатств и собственности. Алчность и тогда, как и сейчас, становилась причиной множества войн и подлостей. Стоило Деметрию и Пирру не поделить захваченную ими Македонию, как тут же между ними возникла неприязнь, что вскоре переросла в открытую вражду. В итоге бывшие «сотоварищи» двинули друг против друга войска. Тогда Пирр одержал свою первую большую победу, одолев в личном бою сильного полководца Пантавха, военачальника Деметрия.

О нем говорили, что внешностью, стремительностью движений он напоминал грозного Александра Македонского. Тем же, кто повидал его в бою, порой даже казалось, что перед ними тень великого полководца (или его подобие). Но если все другие могли претендовать на сходство с Александром лишь пурпурными одеждами, пышной свитой, наклоном головы да высокомерным тоном, то Пирр доказал

победами своего оружия право считаться наследником великого «гения войны».

Римские знамена

Рассказывают, что на вопрос, кого он считает лучшим полководцем, Антигон ответил (говоря только о своих современниках): «Пирра, если он доживет до старости». Сам Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр превосходит вообще всех полководцев, второе место он отводил Сципиону, а третье – себе... Судя по всему, Пирр больше всего на свете ценил военное дело и только в него углублялся, считая, что царю пристало знать как следует лишь эту науку. Прочая же образованность совершенно не важна. Когда на одном из пиров его спросят, какой из флейтистов ему показался лучшим, он вдруг назвал имя не музыканта, но полководца, заметив: «Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве». Это был человек, признававший лишь музыку сражений. Он и своих детей воспитывал в подобном агрессивном духе. Всех троих сыновей (от разных жен) он с самого рождения закалял для будущих битв и старался воспитать в них храбрость, мужество, силу и отвагу. Говорят, что когда один из них в детстве спросил у отца, кому же из братьев он оставит царство, Пирр

ответил: «Тому из вас, у кого будет самый острый меч». Эпироты прозвали его за ратные подвиги Орлом. Таков был грозный противник Рима.

Как видим, на арене битвы в Италии явилась весьма грозная фигура, с которой не могли не считаться все соперничающие стороны. Понятно, каждая из сторон преследовала свои интересы: Рим стремился окончательно подчинить себе все народы и греческие полисы на землях Италии. Тирентцы и прочие более всего хотели отстоять свою независимость от Рима. Пирр же рассчитывал покорить Запад и снискать себе новую славу. Тем более что к тому времени в Македонии утвердился Селевк, «старый герой», которому народ этой страны доверял, а потому для Пирра тут почти не оставалось поля для амбиций или маневров, обещавших ему великие подвиги.

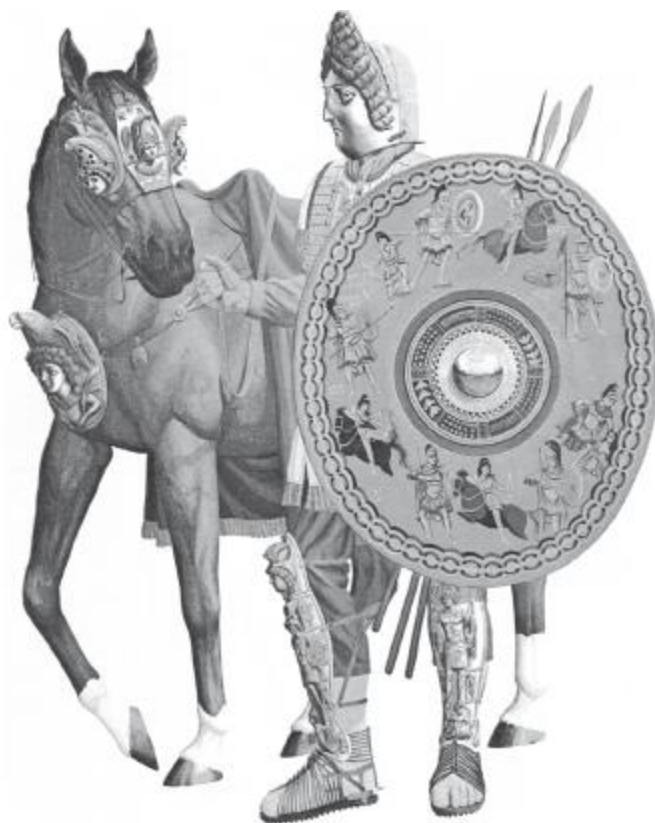

Селевк I Никатор

Пирр вновь оказался как бы не у дел... И. Г. Дройзен пишет о намерениях царя: «Война в Италии подошла как нельзя более кстати. Туда влекла его память Александра Молосса; там он, потомок Ахилла, являлся защитником эллинизма против варваров, против потомков Илиона. Все эллины сочувственно отзовутся на эту войну. Там он встретится с римлянами, храбрость и воинская слава которых были известны настолько, что с ними стоило померяться. Когда он одолеет Италию, то на его долю выпадет благодатная Сицилия, а с Сицилией заодно известный пунический план Агафокла – легкая победа над Карфагеном, владычество в дальней Ливии. Эти великие надежды, это господство на западе казались ему богатым вознаграждением за

несбывшиеся ожидания на востоке». Как видим, в облике Пирра предстал новый претендент на мировое господство на западе. Но и на востоке спор претендентов становился все более кровавым. Престарелый Селевк был вскоре умерщвлен Птолемеем Керавном. Тот вынужден был уехать из Египта, оставив трон Птолемею Филадельфу, а на Македонию заявлял права Антигон. Земли Македонии были истощены постоянными войнами, тогда как в Италии находились богатые греческие города, острова Сицилия и Сардиния, дальше – города, земли африканского Карфагена. Пирр решил – и направился в Италию. С первых шагов он явил мужество и отвагу: когда его корабль в бурю уносило в море, он бросился в бушующие волны и после долгой борьбы на рассвете, когда море улеглось, он сумел выбраться на берег. На бой с Римом вышел величайший полководец эпохи, преемник того македонского военного искусства, которое завоевало мир. У Пирра было небольшое, но превосходное войско. Главное же – «под его знаменем готовы были сплотиться вся ненависть к Риму, вся ярость поработанных, истерзанных народов и городов Италии».

Изображение римского всадника

В связи с вышесказанным читателю уже понятно, сколь важную роль в жизни римского гражданина играл армейский фактор. Армия на протяжении большей части истории Рима всегда составляла основу его могущества. Что она собой представляла? Ядро римской армии составляли всадники, преобладавшие над городской и крестьянской пехотой (в плане значимости). Всадники – старинные семьи военачальников, переселившиеся в города и сосредоточившие в своих руках нити не только политического, но и экономического господства. Историк отмечает, что семьи патрициев держали в своих руках крестьянство, всю округу не только силой оружия, но еще и «тенетами ссуд». Эти патриции закабалили плебеев с помощью «сплошного ростовщичества». Вначале число патрициев было незначительным. Затем на сцену вышло крестьянско-городское ополчение (фаланга). Римские цари не представляли собой наследственной династии, они являлись чиновниками, назначаемыми пожизненно. Их власть держалась только в том случае, если они проявляли твердость характера и мужество. Судьями же качества их управления и поведения в битве являлись сами патриции или представители ополчения.

Скульптура воина

После низложения Тарквиния Гордого римляне стали избирать на место одного пожизненного правителя двух ежегодно переизбираемых правителей-консулов. Выбирали правителей центурии, то есть организованное народом войско. Из числа армейских чинов избиралась и когорта политиков. Такова особенность рим-ской системы управления. Г. Дельбрюк пишет: «Итак, основным принципом римской военной организации, как она сложилась еще при царях и удержалась при республике, мы должны признать всеобщую воинскую повинность в самой суровой и напряженной форме. В Риме военизация проникла в общество глубже, чем даже в Спарте. Там крестьяне в огромной массе были несвободны, что делало их невоеннообязанными и небоеспособными, пока Пелопоннесская война не вынудила нарушить этот принцип. Военное напряжение Рима было тем суровее, что неизбежные издержки на выплату жалованья полевым войскам покрывались не из податей, взимаемых с каких-либо подчиненных городов, как это было в Афинах, а попросту налогами».

Воин на коне. Южная Италия

В армии обязаны были служить все без исключения. Вооруженные силы Рима являли собой милицейские формирования. В случае необходимости на военную службу призывали юношей с 17 лет. Вскоре установилось и правило, согласно которому призывник обязан был находиться на действительной службе 10 лет. Хотя служили и большие сроки. Граждане до 46-летнего возраста должны были

участвовать по меньшей мере в 10 походах в коннице или 12 – в пехоте. Молодежь получала навыки владения оружием. Это способствовало выработке твердости, выносливости, неприхотливости, дисциплинированности и, конечно, преданности родине. Огромное значение имело и то обстоятельство, что только воин мог встать во главе государства, да и вообще находиться на высоком посту в системе управления. Полибий отмечает: «Занять государственную должность никто не может прежде, чем совершит десять годичных походов». Даже поэт Энний отмечал в «Анналах», что главным его достижением он считает то, что: «Искусно за римский народ я с оружием сражался разумно...» В элиту Рима, говоря нынешним языком, вряд ли мог бы попасть «штафирка». Только воспитанный и обученный в боевом духе человек пользовался доверием сограждан, лишь ему был открыт путь во власть. В такой системе практически не было места людям нерешительным, слабым... Так же было и в СССР: пока сохраняло силу военное поколение, к власти не могли прийти безвольные ничтожества, воры, недоумки, предатели. Едва ли не главным «секретом империи» (Тацит) была исключительно высокая роль армии во всей жизни государства. Солдаты и офицеры не только выбирали правителей страны, но фактически обеспечивали ее процветание, сохраняя *Rex homana*. Так как в армии хорошо платили, быть военным означало престиж и заработок. Военные руководили провинциями империи, будучи наместниками.

Цицерон отмечал, что у римлян превыше всего ценилась доблесть, проявленная в сражениях. Тот, кто не повоевал, не заслуживал права называться настоящим человеком. Поэтому воинская доблесть превосходила всё остальное в кодексе римских добродетелей. «Это она возвысила имя римского народа; это она овеяла наш город вечной славой; это она весь мир подчинила нашей державе. Все городские дела, все наши прославленные занятия... находятся под опекой и защитой военной доблести» (Цицерон). Если же учесть, что римляне в понятие «доблесть» (*virtus* – мужество, происходит от *vir* – мужчина) включали не только военную храбрость, но и верность, стойкость, достоинство и трудолюбие, то перед нами является образ народа одновременно трудолюбивого и храброго, мужественного и волевого.

Следует, однако, заметить: чтобы римлянину стать гоплитом, он должен был иметь определенные средства, ибо ополченец вооружался за собственный счет. Воин обязан был быть не только отважным и умелым бойцом, но и «крепким мулом», ибо тащил на себе поклажу со всем необходимым, тогда как греки даже свое оружие зачастую поручали нести оруженосцам. А уж в искусстве вести оборону или осаду, где нужно было вырыть километры окопов, рвов, валов, насыпей, делать подкопы и многое другое, в этом искусстве римлянам и вовсе не было равных. Как говорил один римский полководец: «врага надлежит побеждать лопатой». Хотя они мечом, щитом и копьем владели превосходно, что не раз и доказали. Римские легионы (150 000), составляя половину армии, были грозой для врага.

В случае опасности назначался диктатор (*dictator dicitur*). Первым диктатором считался Т. Ларций (501 г. до н. э.), первым диктатором-плебеем – Г. Марций Рутил (356 г. до н. э.). Поколение воинов держало границы на замке, а порох сухим. И лишь когда к управлению страной пришли «мальчишки», не знавшие битв и не желавшие сражаться за родину, изнеженные и трусливые, Рим в итоге рухнул. Стоит сравнить отношение к воинским обязанностям в том же Таренте и Риме. Когда греки призвали на помощь Пирра и он прибыл в Тарент, он увидел, что тамошняя молодежь любит лишь веселые гулянья, развлечения и пиры. О том, чтобы послужить отчизне, стать в ряды защитников родины, она и не мечтает, а предпочитает спастись бегством от военной службы. Тогда-то Пирр приказал закрыть ворота города, закрыл театр и народное собрание, запретил все веселья и гулянья, призвал граждан к оружию, стал их обучать военному делу и провел новый набор рекрутов. «С презрением смотрел он на этих граждан, на этих республиканцев; их недоверие, малодушная робость, коварная, подозрительная спесь этих богатых фабрикантов и торгашей тормозили его на каждом шагу» (как и в современной России, сыновья торгашей, чинуш откупались от службы).

Римские воины готовы к труду

Римляне же вели себя мужественно. Несмотря на то, что кровавые и тяжелые войны шли с небольшими перерывами уже 50 лет, они не отступали и не ныли, но все силы отдали для обеспечения победы. Весьма показательное их поведение после жесточайшего сражения у Гераклеи. Римляне расположились станом на одном берегу реки, а Пирр – на другом. В начавшейся кровавой сече когорты римлян и фаланги македонцев семь раз сходились в отчаянной рукопашной схватке. Когда же Пирр повел в бой слонов, впервые увидевшие этих чудовищ римляне и их лошади обратились в бегство. Римская конница увлекла в панике свои же легионы. Началось ужасное побоище... Консул Левин, возглавлявший войско Рима, вынужден был покинуть лагерь, а остатки его рассеянного войска бежали в Апулию. Сообщают, что римляне потеряли 7000, а Пирр – менее 4000 человек. Однако для Пирра победа оказалась горькой, ибо 3000 его лучших воинов и способнейшие военачальники пали. Тогда-то он и произнес фразу, ставшую знаменитой:

«Еще одна такая победа, и мне придется одному вернуться в Эпир» («пиррова победа»). Больше всего Пирра потрясло поведение римлян в бою. Посетив на другой день поле битвы, обозрев погибших, он не нашел ни одного римлянина, который лежал бы спиной к врагу. Они бились до конца и все встретили смерть лицом к лицу. «С такими

солдатами, – воскликнул Пирр, – мир был бы мой, и он принадлежал бы римлянам, если бы я был их полководцем». Великий царь повелел похоронить павших римлян с почестями, а затем двинулся на север и находился на расстоянии четырех миль от вечного города. Римляне отвергли все предложения о мире и продолжали сражаться из последних сил, так что Пирр даже воскликнул: «Уж не с гидрой ли мы воюем!» Он послал к римлянам посла Кинея, который был непревзойденным мастером убеждать. Пирр сказал о нем, что он своими речами завоевал больше городов, нежели сам царь своим мечом.

Однако несмотря на все искусство посла, тому не удалось склонить римлян к позорному миру (на милость победителя). Старый патриций Аппий Клавдий хотя был дряхл, слеп и сед, воззвал к мужеству и достоинству римского народа.

Пирру же сказали, что если тот хочет быть другом римлянам, пусть сначала покинет италийскую почву, а уж потом ведет переговоры о мире. А до тех пор, пока он остается тут, римляне будут воевать с ним «до последнего живота». Римские пленники, вернувшиеся в свои дома, были преданы позору, так как они сдались с оружием в руках. Всадников разжаловали в legionaries, а legionaries в пращники; им велено было стоять на биваках вне лагеря; они могли избавиться от кары лишь тогда, когда захватят в плен двух врагов. Рим сразу же приступил к набору новых legionaries. И все граждане охотно шли на службу в армию. Пирр еще одерживал победы над Римом, но дух римлян ему сломить так и не удалось. Пирру пришлось-таки покинуть Италию, где он пробыл два с половиной года.

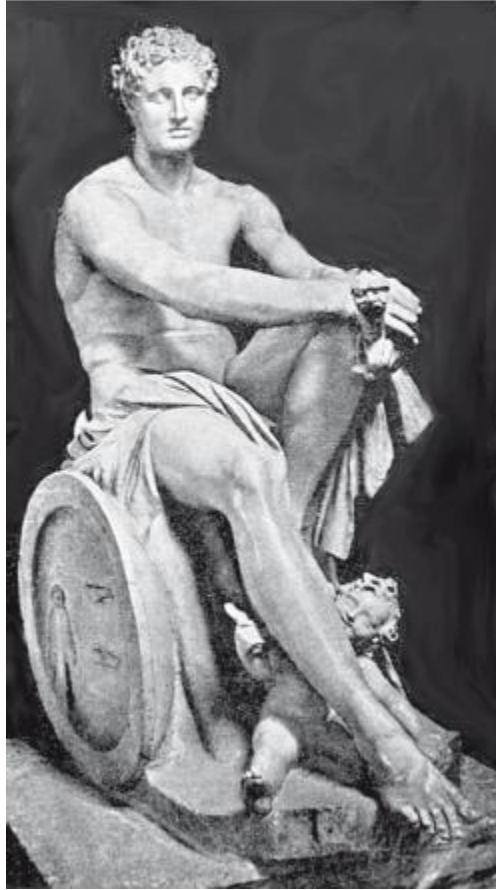

Один их ярчайших полководцев древности – Пирр

В итоге вся Италия оказалась в руках римлян. Эти победы доставили Риму невиданные богатства... «Тарентинская война заканчивает объединение Италии и открывает новую эру римской истории, – писал Флор П. Анний, – эру мирового господства Рима в средиземноморском бассейне. По сравнению с предшествующими войнами тарентинская война была войной крупного масштаба, давшая победителю массу добычи, рабов и сделавшая его наследником греческой торговли. Никогда в стенах города не было столь блестящего и великолепного триумфа. Что римляне видели до того времени? Скот вольсков, стада сабинян, телеги галлов, сломанное оружие самнитов. Тогда же появились закованные фессалийцы, молоссы, воины Македонии, Бруттия, Апулии и Лукании. Пурпур, золото, картины, статуи, весь блеск и роскошь Тарента украшали триумфальное шествие. Скоро покорена была вся Италия. Это был счастливый век, юность римского народа!..» «Рим находился тогда в силе и расцвете, бурлил и кипел, в то же время сохраняя еще известную пастушескую грубость своих предков. Римский народ дышал неукротимой

гордостью». Риторика, звучащая в словах писателя, отражала типичные настроения римлян (романтически-победные) тех героических лет.

Естественно было задаться вопросом: «А каковы средства достижения Римом его цели?» Полибий (200–120 гг. до н. э.), теорию государства которого развивал Макиавелли, писал: «Едва ли найдется человек, настолько легкомысленный, равнодушный к окружающей жизни, который бы не заинтересовался вопросом о том, какими средствами, какими приемами политики римляне в промежуток менее 53 лет (считая с конца 2-й Пунической войны) победили почти все страны населенного мира и подчинили их своей единой власти – факт в истории беспримерный». Ответ очевиден и вытекает из контекста событий. С помощью войн и империализма. Можно с полным основанием сказать, что *Римский народ создал не что иное, как военно-профессиональное, даже сугубо милитаристское государство республиканско-диктаторского типа*. В этом государстве главная роль будет принадлежать воинам и знати. Это не вызывало сомнений ни у кого из множества историков. Тит Ливий, сравнивая силы легендарного Александра Македонского и римского войска, отмечал: «Принято считать, что на войне все решает число воинов, их доблесть, искусство военачальников и судьба, которой подвластны все дела человеческие, а дела войны более всего. Рассмотрев все это и по отдельности и по совокупности, легко убедиться, что Александр, подобно другим царям и народам, тоже не смог бы сокрушить римскую мощь. Перечислять ли римских полководцев, не всех и не за все время, а тех только, с кем как с консулами или диктаторами пришлось бы сражаться Александру? Марк Валерий Корв, Гай Марций Рутул, Гай Сульпиций, Тит Манлий Торкват, Квинт Публилий Филон, Луций Папирий Курсор, Квинт Фабий Максим, два Деция, Луций Волумний, Маний Курий! А если бы до войны с Римом Александр стал воевать с Карфагеном и переправился в Италию в более зрелом возрасте, то и после тех также были мужи великие. Любой из них был наделен таким же мужеством и умом, как и Александр, а *воинские навыки римлян со времен основания Города передавались из поколения в поколение и успели уже принять вид науки, построенной на твердых правилах*».

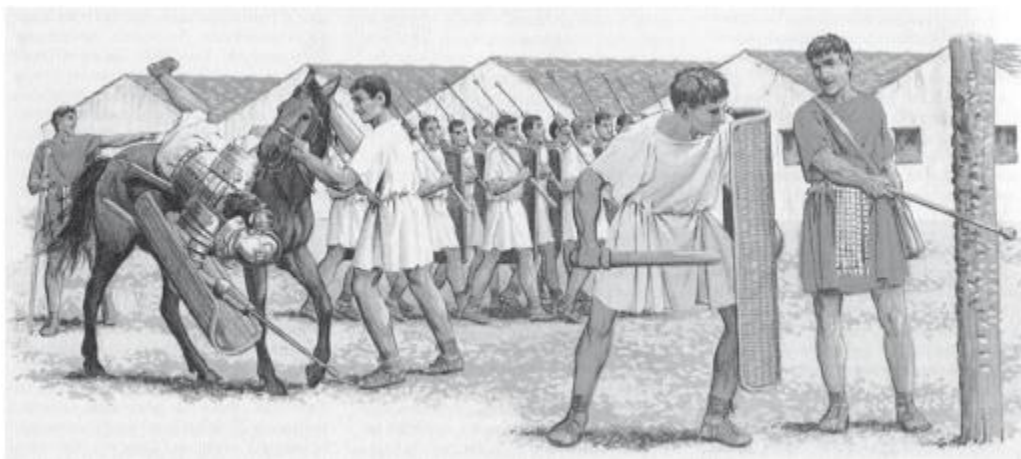

Арес (Марс) – бог войны

Если что-то и воплощает цивилизацию Древнего Рима в наибольшей степени, то это войны и зрелища. Думается, слова, сказанные историком Титом Ливием о Риме, точно отражают римский дух, дух военного хищника: «Если и существует народ, справедливо претендующий на священное происхождение, связанное с вмешательством богов, то военной славе Рима довольно величия, чтобы род человеческий, признавая его власть над собой, также признал за ним право вести свой род и род своего основателя скорее от Марса, чем от любого другого из богов». Впрочем, война и армия воплощают историю цивилизации во всей ее полноте не только в Риме – и не только сугубо военную и политическую историю, но и историю социальных, экономических, религиозных, культурных и любых иных влияний.

Примерно то же можно сказать о римских законах. В отношении Рима мы вправе применить формулу Платона о греках – об их вооружении, подготовке, быте, трапезах и т. д. философ заявил, что всё

у греков «приспособлено к войне», даже все законы установлены, «принимая в соображение именно войну». Платон продолжает: «Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами. Став на эту точку зрения, ты, пожалуй, найдешь, что критский законодатель установил все наши общественные и частные учреждения ради войны; он заповедал охранять законы именно согласно с этим, т. е. никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю». Если эти слова справедливы для античной Греции, то они еще справедливее для Рима. Древний мир жил тогда от края до края по формуле «Горе побежденным».

Обучение римских новобранцев

Если применить к римлянам «науку о духе», то можно сказать, что дух римлян наиболее полно воплотился в их завоеваниях. В. Вундт в «Психологии народов» утверждал: «...можно говорить если не о душе народов, то, во всяком случае, о духе народов (Volksgeist), совершенно так же, как мы говорим об индивидуальном духе». И какое бы из важнейших событий рим-ской истории вы не взяли, везде или почти везде (прямо или косвенно) участвовала армия, ее легионы и полководцы. Режим Римской империи определял себя как «военная монархия», а потому непосредственно опирался на солдат... По словам Диона Кассия, император Тиберий, дабы обуздать строптивых сенаторов, показал им его преторианцев на учениях. Аргумент оказался убедительным. Если война, по словам Клаузевица,

концентрированная экономика, то в отношении Рима можно сказать, что в войне сконцентрировалась «вся его жизнь». В самом деле, жизнь значительной части людей империи была подчинена решению тактических или стратегических военных задач. Римские солдаты и их командиры постоянно совершенствовали свое искусство, изучали стратегию, тактику, укрепляли тело физическими упражнениями, совершенствуя боевое мастерство. Военачальники смотрели на войну как на науку. Надо особо подчеркнуть, что в римскую армию стали подбирать профессионалов, то есть лучших из лучших. Потребности в легионерах были не так уж велики (менее 10 тыс. человек в год), что позволяло отбирать в армию Рима наилучших. Офицерские должности занимали исключительно знатные римляне (т. е. сенаторы или всадники). В военном и интеллектуальном плане офицерский корпус находился на уровне поставленных перед ними задач.

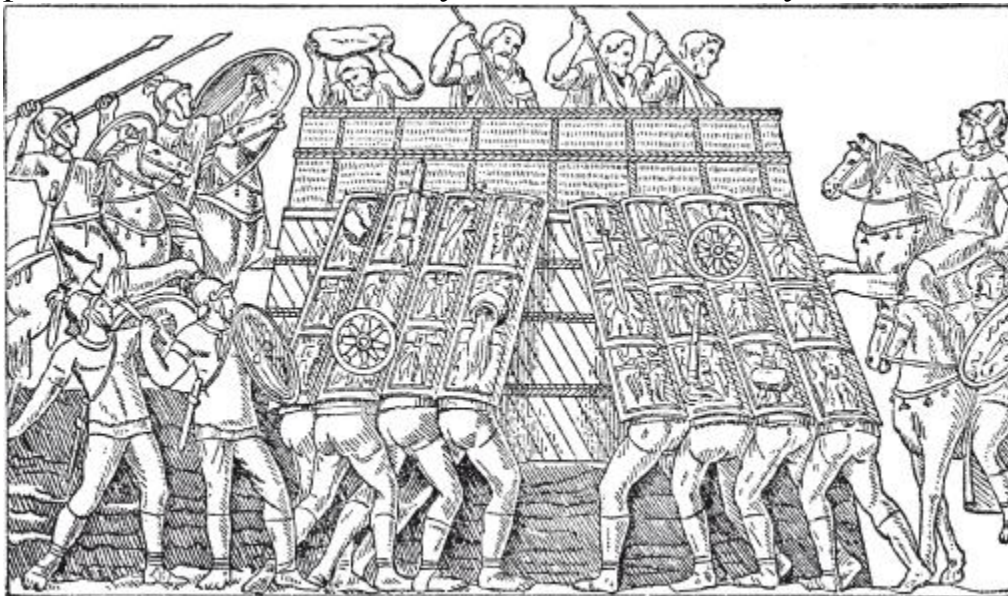

Римская «черепаша»

Преданность родине в людях воспитывалась с ранних лет. В Риме не было и быть не могло «космополитов». Символом любви к родине стал консул Марк Атилий Регул, полководец 1-й Пунической войны. После морской победы в 256 г. до н. э. он высадился с войском на

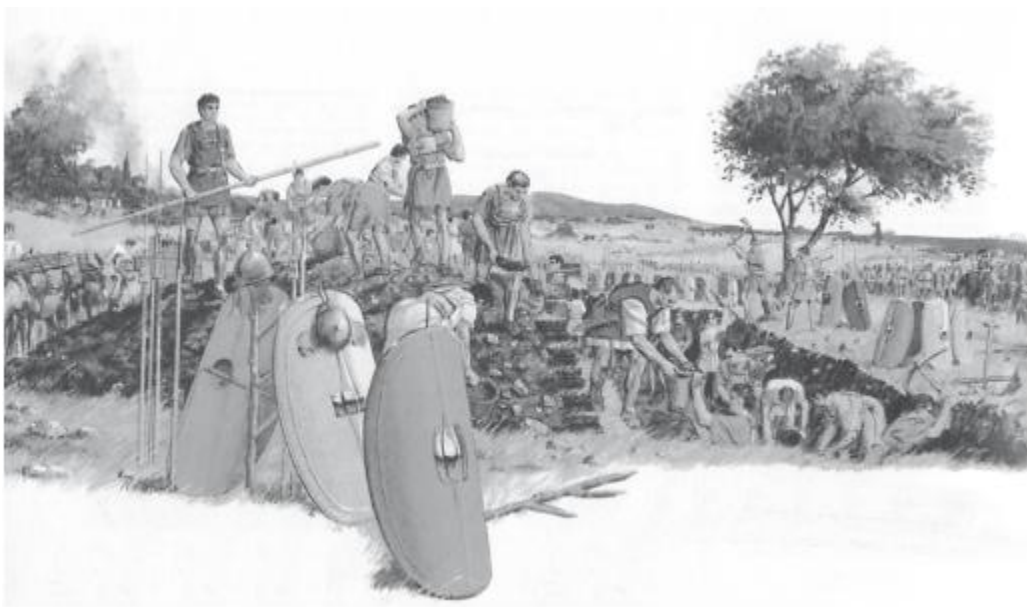

берегах Африки и одерживал победу за победой, но однажды был разбит греческими наемниками, нанятыми пунийцами, и попал в плен. Враги отправят его в Рим, надеясь, что тот будет среди сенаторов ратовать за мир. надеясь спасти жизнь. Перед тем с него взяли клятву вернуться в Карфаген в случае, если он не сможет (или не захочет) убедить римлян подписать мир. Но Регул, понимая, чем это ему грозит, уговорил Рим продолжать войну с противником, добровольно вернулся в Карфаген и был казнен обманутыми в надеждах пунийцами.

Построение римских войск в виде «черепахи»

Воинов Рима всегда отличало мужество. Среди массы различных историй есть и история о мужестве юного Горация Коклеса, что с двумя товарищами отразил у моста через Тибр натиск врагов, желающих овладеть городом. Воспеваются и подвиги Муция Сцеволы, Гнея Марция (прозванного Кориоланом), Марка Валерия. Это были те образцы, которым училась следовать римская молодежь в жизни и в бою. Историк Гай Саллюстий Крисп сформулировал доктрину поведения молодых римлян: «Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам». Всякий знал: в случае необходимости юношу могли призвать в армию уже в 17 лет. Главным звеном или ядром армии до I в. до н. э. была военная центурия («сотня»), а не легион.

Римская армия строит укрепления

Сильной стороной римского войска было то, что оно сражалось, вело осады и кампании согласно всем требованиям военной стратегии, хотя оформились эти познания в более позднюю эпоху. Во время походов и битв римляне научились так укреплять свой походный лагерь, что он становился для них как бы «второй отчизной». Римский полководец Эмилий Павел говорил: «Предки наши считали укрепленный лагерь гаванью при всех превратностях военной судьбы: можно выйти оттуда на битву, и там укрыться от бранных бурь... Лагерь победителю – кров, побежденному – убежище». Наряду с известными работами Юлия Цезаря и ряда других римских авторов стоит среди специальных произведений назвать и «Стратагемы» Фронтин, и «Краткое изложение военного дела» Вегеция. Секст Юлий Фронтин (род. в 30-е гг. н. э.) занимал видные государственные посты в Риме. Политическую и военную деятельность он разнообразил, написав ряд работ по военному делу, из которых сохранились лишь «Стратагемы». Труды его, видимо, пользовались популярностью. Эллиан в предисловии к «Тактике» ссылается на авторитет Фронтин, говоря, что тот писал работу о тактике «по Гомеру». «Стратагемы» состоят из четырех книг. В первой автор рассматривает вопросы, относящиеся к подготовке сражения, во второй – само сражение и его ход, в третьей – проблемы осады и обороны городов, в четвертой – вопросы дисциплины и стойкости воинов. Все книги строятся как

серия иллюстраций из примеров битв и сражений знаменитых полководцев. Все это тщательно, умело отсортировано и проанализировано, что позволяет рассматривать сей труд не просто как хрестоматию, но как учебное пособие для действующей армии во всех случаях.

Римские войска

В первой книге даны стратагемы, относящиеся к подготовке сражения (как скрыть свои планы, разведать планы неприятеля, как создать необходимые и благоприятные условия для ведения войны, как умело провести войско в нужное место, как выйти из затруднительного положения, как устроить засаду, как распылить силы неприятеля, как усмирить мятеж в войсках, как создать боевое настроение у легионеров, как рассеять страх от иных неблагоприятных прорицаний и предзнаменований и т. д.). Главное внимание уделено тут разделу «Создание условий для войны». Разбирая способы ведения войны, Фронтин учит прежде всего получить точную оценку сил противника.

В противоборстве сторон нужно использовать все виды сражений. При этом не всегда генеральное сражение играет решающую роль (к нему следует прибегать только в случае большого перевеса в живой силе и технике, а также при условии полной уверенности в профессиональных навыках и мужестве армии). Так, Фронтин высоко оценил тактику Фабия по изматыванию вторгшихся в Италию войск Ганнибала. Похвалы заслужил и Сципион, который перенес войну с родной территории на вражескую. Главная мысль Фронтина состоит в том, что любая из стратегий может быть хороша, если ведет к победе. Во второй книге он еще раз подчеркивает, опираясь на многочисленные примеры, что умело провести сражение – значит его выиграть. В этой связи он указывает на необходимость искать и находить слабые места у противника. Слабые места, разумеется, были и у римского войска.

Легионер с боевой собакой

Римские войска непобедимы, «когда нападают на них всех вместе, но кто на них нападает по частям, будет их терзать и рвать». Интересно и то, что Фронтин советует никогда не загонять противника в угол, чтобы у того не было иного выхода, кроме почетной смерти. Тогда тот

сражается отчаянно и дорого продает свою жизнь. Лучше оставить ему проход (так называемый «золотой мост»), это быстрее принесет победу и побудит его к бегству. История римского военного искусства не знает ни одного сражения, выигранного при помощи окружения. Большое значение придавалось им засадам и военным хитростям. «Скифская царица Тамара, ведя бой с переменным успехом против персидского полководца Кира, в притворном страхе ускользнула в хорошо знакомые ее воинам теснины; там она неожиданно повернула фронт и, используя природные условия местности, одержала победу», – пишет он, хваля скифскую тактику.

Монета, прославляющая дисциплину

Особое внимание уделяет Фронтин способам и методам поддержания в войсках необходимой дисциплины. Внимание к этой стороне военного дела объяснимо. Ведь от состояния дисциплины среди воинов в конечном счете и зависит успех или неуспех в любой битве и в военной кампании в целом. Приводя множество примеров поддержания таковой, Фронтин рекомендует довольно жесткие, даже драконовские методы. В том числе он ссылается на спартанского полководца Клеарха, который говорил, что воины должны бояться больше своего «главного военачальника, чем неприятеля». Результатом страха является стойкость воина. Нам подобное высказывание показалось все-таки ошибочным. Хотя понятно, что то полнейшее разгильдяйство и безответственность, которыми поражена была в последнее время наша армия, являлось и все еще является условием для массы трагедий, неудач, катастроф. В связи с этим заслуживает

внимание мысль о том, что жестокой расправе должны подвергнуться даже высшие военачальники (генералы и адмиралы), если они нарушили приказ и повели дело к неоправданным потерям и позору армии. Даже победителей римляне казнили, если эта победа ставила целью не интересы государства (в данном случае Рима), а преследовала личные мотивы (слава, триумф и т. д. и т. п.). Как уже отмечалось, Манлий высек розгами, а затем и казнил своего сына за то, что тот вопреки его приказу сразился с неприятелем, несмотря на то, что одержал победу. Этот пример означает, что в серьезном деле, каковым является битва, на первом месте всегда стоит польза всей страны. Римляне побеждали благодаря жесткой и суровой дисциплине. Воин четко знал свое место в строю и не покидал его – даже под страхом самой лютой смерти.

Воины, помогающие раненому товарищу

Существовали как поощрения, так и наказания за то или иное поведение воина на службе и в бою. При оставлении часовым его поста или если его находили спящим на посту, немедленно собирался военный суд, состоявший из трибунов. Если солдата признавали виновным, его приговаривали к избиению дубинками до смерти. Это наказание называлось «фустуарий». Воина выводили вперед, и трибун подавал знак, коснувшись его дубинкой. Товарищи должны были забить его насмерть дубинами или забросать камнями. Суров закон, но таков закон. *Dura lex, sed lex*. Это заставляло воинов серьезно относиться к своим обязанностям.

Ф. А. Бруни. Смерть Камиллы, сестры Горация

Полибий отмечает, что «ночные стражи в римской армии воины несут самым строгим образом». Провинившихся ожидало наказание дубиной. Так, ею наказывали за воровство в лагере, за лжесвидетельствование, за попытку улизнуть от обязанностей путем нанесения себе ран (членовредительства), а также если кого-либо трижды уличали в одном и том же неблагоприятном проступке. Столь же суровым наказаниям подвергались военнослужащие за проявленную трусость, за брошенный в бою меч или щит, как и за ложь трибуну в рассказе о собственных «величайших подвигах» в сражении. Если же виновным в трусости перед лицом врага оказывался целый отряд, то в нем подвергался казни каждый десятый воин (децимация). Вспомним, как воины-ветераны Александра Македонского, проявив вначале недовольство длительными походами и разлукой с родиной, затем стали просить полководца простить их, наказав каждого десятого смертью.

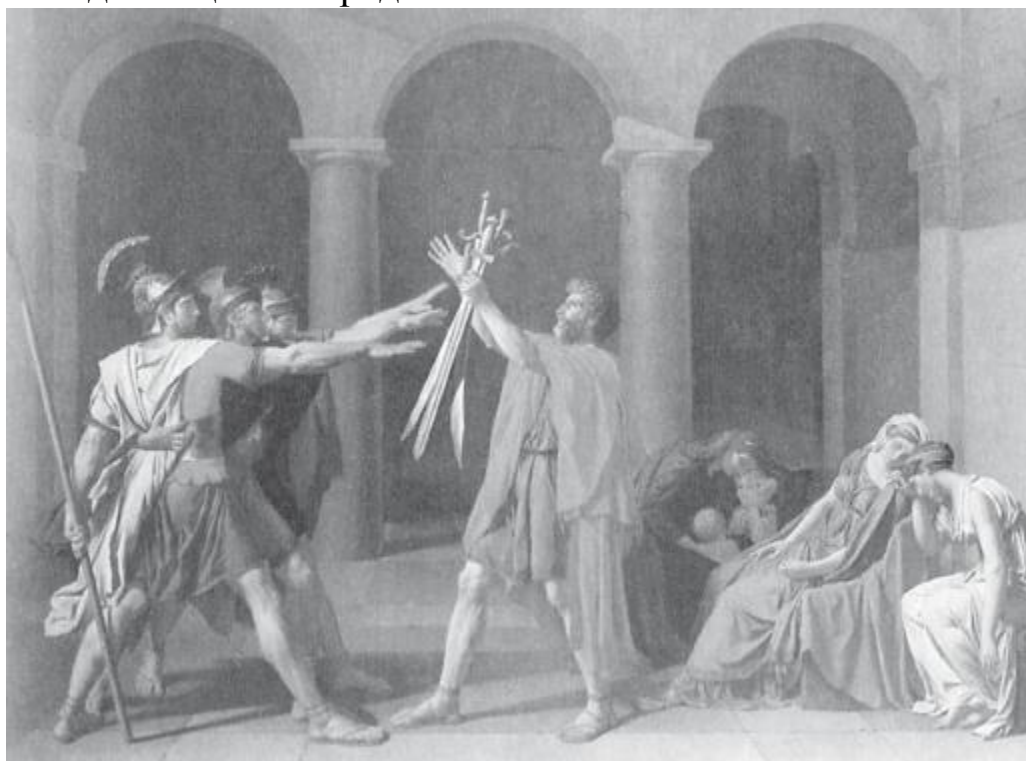

Знаменосцы римского войска и легионеры

В таких случаях трибуны собирали весь легион и выводили вперед тех, кто добровольно (без приказа) покинул в бою шеренгу. Затем, отбирая по жребию, строили в ряд виновных, и 10 процентов (тех, на кого пал жребий) забивали дубинками или камнями до смерти. Остальных провинившихся переводили на более скудный рацион питания (ячмень вместо риса). Жить им разрешали только вне лагеря, за пределами вала – на незащищенной территории. Так все выжившие после Канн легионеры вынуждены были целый год ночевать отдельно от товарищей и, подобно ослу, жевать ячмень. За менее серьезные нарушения с провинившихся брали штрафы или же пороли. Вспомним хотя бы пример, известный каждому римлянину: воин и патриот Гораций не пожалел сестры, полюбившей врага, и саморучно ее убил.

В «Кратком изложении военного дела» литератор Вегеций дает обзор военного искусства прежних и, как он считает, лучших времен Рима. Труд сей был написан в 390–410 гг. н. э., когда Римская империя уже испытала на себе сокрушительные удары варваров. Сожалея о славной эпохе предков, он рекомендует императору реорганизовать армию по старым образцам. Видимо, Вегеций все же не вполне отдавал себе отчет, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В первой и второй книгах он дал описание системы обучения и организации армии, описал характер ее вооружения, боевые порядки.

Третья книга была посвящена разбору правил ведения войны. В четвертой книге рассмотрены правила защиты и осады городов, крепостей, а также правила ведения морского боя. Вегеций делает упор на необходимость тщательного обучения и подготовки войск к сложному делу войны: «...Кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай». Знание – это сила... Оно не только вооружает войско прекрасными навыками, но внушает смелость: «Знание военного дела питает смелость в бою: ведь никто не боится действовать, если он уверен, что хорошо знает свое дело». Далеко не последним фактором в успехе воинской рати становится воспитание в воинах высоких моральных качеств и чувства чести. «Чувство чести делает воина наиболее подходящим, чувство долга, мешая ему бежать, делает его победителем». Для такого настроя нужно, чтобы офицеры и полководцы напомнили солдатам об их победах, зажигали души и вызывали гнев и ненависть к врагам. В битве важны опыт, боевая подготовка в науке военного дела, ясность плана и присутствие духа. Хотя Вегеций и считает любое сражение «роковым для нации и народов».

Ж.-Л. Давид. Клятва Горациев

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что армия в жизни Древнего Рима играла ключевую роль. Хотя и у Рима, как мы увидим, был ряд слабых мест (или просчетов) в армии. В ряде случаев их полководцы оказывались не на высоте, порой их подводила чрезмерная заносчивость, у них была неважная разведка, слабым местом римской армии была их конница. Италия никогда не славилась всадниками. Пока сохранялись мощь и крепость главного ядра армии (легиона), Рим побеждал и торжествовал. Как метко скажет поэт Луцилий: «Часто римляне в сражениях были побеждаемы, но ни разу – в целых войнах; ну а это – главное».

Разве не те же слова мы могли недавно с гордостью сказать о могучей Красной Армии, которая сокрушила зверя более мощного, нежели все мировые империи былых веков?! И что мы видим теперь? Бездарные военачальники, находившиеся у власти 15 лет конца XX века, сделали все, чтобы армия и силовые структуры перестали существовать. В итоге у нас наряду с честными и храбрыми офицерами в армии, в МВД, КГБ, на флоте оказались предатели. Они готовы торговать интересами Родины всюду – в Германии, Вьетнаме, Югославии, России, Чечне. Чтобы вконец разложить нашу армию, власть олигархов установила мизерные зарплаты. В армии в 1997 г., по докладу зам. министра, муки оставалось всего на три дня. На Дальнем Востоке сняли и продали плиты покрытия военных аэродромов. Таких военачальников (продавших врагу оружие) Рим сразу бы бросил на растерзание зверям, на виду всего Колизея. Их, не колеблясь, осудили бы и казнили. С Тарпейской скалы сбрасывали и за меньшие грехи. В римской державе нельзя вообразить ситуацию, когда сын и наследник цезаря, дети главнокомандующего, консула (президента или министра обороны) не служили бы в армии. У нас же дети правящей знати, как правило, увиливают от армии. Что можно ожидать от таких «защитников отечества»? Жалкое поколение. Позорная страница, которая была невозможна в Риме (по крайней мере в период его силы). Когда же ситуация изменилась, Рим пал...

Развлечения воина

Целя мужество и отвагу, римское войско не упускало случая развлечься. Простой солдатский юмор высоко ценили, считая в порядке вещей пошутить и с противником. В таких случаях говорили: надо подсыпать перца (аттической соли). К примеру, в Перузии и окрестностях обнаружены снаряды от пращи, которыми римляне осыпали противника. Когда будущий император Август осаждал войска брата Луция Антония и его жены Фульвии, они бросали друг другу ядра, на которых мог быть нарисован фаллос с надписью: «Ищу зад Октавиана» или же: «Ищу киску Фульвии»... Причем сам цезарь написал эпиграмму, которую полностью воспроизвел поэт-сатирик Марциал: «Под предлогом, что Антоний натягивает Глафиру, Фульвия принуждает меня также натягивать и ее... Меня? Чтобы я натягивал Фульвию? А если Маний попросит меня всадить ему в зад? Нет! Надо быть дураком... «Или ты имеешь меня, или война», — гласит надпись. Но член дороже жизни: война. Трубите сбор». Такой грубый юмор всегда ценился в армиях. Во время галльского триумфа Юлия Цезаря воины лихо распевали веселую песню:

Галлов Цезарь покоряет,
Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует,
покоривший Галлию, —
Никомед же торжествует,
покоривший Цезаря.

Есть еще одна скрытая причина силы римского народа, о которой надо сказать особо. В основе ее, позвольте заметить, лежит не что иное, как фаллос, точнее не сам фаллос, а философия мужественности нации и все, что с этим было связано. Показательно, что государственную власть олицетворяли ликторы с фасциями. Римлян с детства приучали к вере, что подобно тому как мужчина властвует над женщиной, он должен править над всеми народами. Кстати, не столько богиня Ника (Виктория – у римлян), а фаллос являлся для римлянина символом победы. С самых ранних лет римскому мальчику вручали «буллу» – медальон, который он должен был носить на шее. Внутри «буллы» находилось не изображение бога, не образ родителей, и даже не горсть родной земли, а изображение фаллоса – «фасцинум».

Бронзовые амулеты-обереги

Это были так называемые обереги-талисманы, которые должны были оберегать его и от сексуальных посягательств. В отличие от греков, у которых любовь к мальчикам считалась вполне законной и общепринятой, Рим сей обычай решительно отверг. Тех же, кто вел себя подобным образом, называли греческим термином «кинед» (по-русски – «бабой» мужского пола). Это было страшным позором для мужчин. Таких мужчин не то что в консулы или в сенат, но даже в хлев бы не пустили.

Меркурий в виде Приапа

Римляне – народ-победитель, ставивший задачей «иметь весь мир». Выступать в роли пассивного объекта любовной страсти было позорно и наказуемо. Это у нас политики последних 20 лет привыкли выступать в пассивной роли. Иных премьеров, президентов, министров, сенаторов, депутатов, послов порой «имеет» всяк, кто только захочет, на Западе и Востоке. Те даже гордятся этим... Однако дадим слово авторам любопытной книги – «Фаллос как член общества». Петербуржцы в ней пишут: «Многие историки соглашаются, что фаллос был в Риме орудием государства. Сильный римский фаллос строил сильное государство. Средняя продолжительность жизни в то время была примерно 25 лет. Из ста человек только четверо доживали до пятидесяти. А империи надо было расширяться, нужны были новые войны. Император Август наказывал холостяков и всячески поощрял отцовство. В Риме существовал даже

специальный праздник – когда отцы праздновали первую эякуляцию своего сына. Тело римлянина было его собственностью, но фаллос работал на империю». Конечно, Рим в полной мере отдавал дань всем видам любви, однако это был совсем другой секс. Законным считался и поощрялся секс с зависимыми партнерами (рабы, проститутки, слуги и вольноотпущенники). За соvrращение свободнорожденного мальчика – смерть.

Фаллический камень-менгир. II в. н.э. Неаполь

Рим привык насиловать народы, а потому он и фаллос рассматривал как орудие господства. Хотя пассивная позиция считалась позорной для свободных лиц, разврат среди политической элиты Рима был весьма развит. Так, бисексуальный Цезарь был, по известному выражению одного из современников, «мужем всех жен и женой всех мужей». Он еще в двадцатилетнем возрасте переспал (видимо, за деньги) с царем Вифинии Никомедом, за что его же воины называли Цезаря «царицей Вифинской» и «лысым развратником». Император Нерон почти что открыто жил и со свободными мальчиками и с замужними женщинами. Ему ничего не стоило изнасиловать весталку Рубрию и сделать евнухом мальчика Спора, на котором он и «женился». И все же (если оставить в стороне цезарей)

содомия не приветствовалась. И только на закате Римской империи ряд римских поэтов-либералов (среди которых всегда особо много извращенцев) предложили ввести в обиход практику «политической» любви. На Веллиевом холме в Риме стоял Тутун Мутун камень в виде фаллоса, на него сажали невесту. Сексуальная активность считалась признаком мужественности, агрессивности, укреплявшим силу империи. «Физическая сила, военное превосходство, сексуальная мощь, упрямый характер и необузданная сексуальность дали этот сплав под названием римская мужская добродетель», – заключают авторы книги. Однако со временем Рим потерял не только свою республиканскую девственность, но и мужскую силу. Окруженный толпами «варварских народов», он оказался биологически и генетически не способен к воспроизводству настоящих воинов... Известно, что большинство древних греков и римлян были светловолосыми и голубоглазыми. Так было на ранних этапах истории. Однако со временем римский тип погряз в роскоши, удовольствиях, растворился и даже, так сказать, заметно «почернел»... Похоже, что фаллос варвара стал одолевать фаллос римлян. Главным инструментом победы всегда являлись армия и оружие. Но все же если какая-то нация перестает зачинать, рожать и воспитывать сильных мужчин и отважных воинов, она с годами неизбежно станет жертвой более агрессивного и активного соседа.

Группа римских офицеров со знаками отличия

Велико было значение материальных факторов. Офицеры и солдаты получали долю военной добычи. Общим для всех армий древнего мира было награждение отличившихся в битвах венками, золотыми кольчугами, шлемами, серебряным оружием, увеличением жалованья и т. д. В принципе военная добыча в Римском государстве, в Греции и эллинистических державах принадлежала государству. Высшие начальники старались следить за соблюдением порядка. Вольности и злоупотребления не допускались. Рим вначале так и поступал. Так действовали видные командиры. После подчинения Иерусалима власти Селевкидов Антиох III приказал вернуть свободу тем, которые были уведены из города и проданы в рабство, и не только им, но и родившимся у них детям. Он же приказал вернуть горожанам отнятое имущество. Как правило, деньги, полученные при продаже пленных, должны были уходить в фиск, но даже при соблюдении тех или иных формальностей всегда была возможность воспользоваться удобным случаем. Ведь воин, захвативший город, дом и убивший противника (при котором часто были немалые деньги, драгоценности, богатое оружие и т. д.), мог присвоить ту или иную понравившуюся ему вещь. Такого рода солдаты-наемники – предмет сатиры многих эллинистических комедий. Говорят, что во время парфянского похода Антиоха VII даже простые воины скрепляли обувь золотыми пряжками, пользовались серебряной посудой и т. п. Такие же картины можно было видеть после успешного завершения битв Александром Великим и римским войском.

Серебряный рельеф

Помимо материальных стимулов велика была роль и разного рода поощрений, типа триумфов, знаков или же шествий, прославлявших победителей. Триумф означал вступление в столицу (Рим) полководца-победителя и его войска. Как только войско одерживало значимую победу, воины провозглашали полководца императором. С годами триумф превратился из обычной церемонии победителя в главную награду полководца, как правило, назначаясь сенатом по его просьбе. Первый триумф имел место в Риме во времена Ромула, после его победы над ценинским царем Акроном. Хотя Плутарх возводит это празднество еще к этрусской традиции. В начале римской истории триумф носил обрядовый характер. Вернувшийся с поля брани воин обязательно должен был очиститься. Считалось, что пролитая в бою кровь врага его оскверняет. В честь своих божеств римляне воздвигали изображения или сооружали трофеи из захваченного оружия. Они говорили: «Мы отдаем долг не только людям, но и богам». Обычно во время шествия на Капитолии совершались жертвоприношения животных главному богу римского пантеона – Юпитеру. И все, от полководца до солдата, могли рассчитывать на различные награды – Большой и Малый триумфы, Овацию, Морской триумф, наградные знаки в виде венков, цепей, копий, фалер, браслетов, колец и т. д.

Дж. Б. Тьеполо. Триумф императора

В Рим отправляли послов и просили устроить триумф. Сенат давал разрешение на его проведение только при действительно значительных успехах римского оружия. Впоследствии возникли четкие границы триумфа: оный можно было получить, если в одном сражении противник потерял не менее 5000 убитыми. В торжественных случаях триумфатор получал наградное оружие, украшенную золотом тогу и лавровый венец. Триумф военных – это парад. Это было зрелище красочное и довольно редкое, ибо вступление войск в священные пределы города Рима строжайше запрещалось римскими законами и рассматривалось как святотатство. Кстати говоря, на Марсовом поле, вне пределов города, стоял и

древний алтарь бога войны Марса. Там власть принадлежала военным. В самом же Риме власть была у гражданских лиц – магистратов. Народ обладал высшей формой власти – империем. Народное собрание вручало империй высшим должностным лицам, а в эпоху Империи его стали давать императору при вступлении на трон. «Империя» означало «власть» и со временем стало обозначать территорию, на которую распространялось правление магистратуры. Получить право на триумф можно было лишь в том случае, если полководец полностью и окончательно завершил военные действия. Обязательной была не просто победа, но крупная, в итоге которой Римское государство расширило границы.

Триумф был не только важным социальным стимулом, но и психологическим инструментом в деле воспитания народа, становления всей системы римских ценностей. Реставрировавший старые памятники император Август специально ставил статуи выдающихся людей Рима в триумфальном облачении на форуме. Он говорил, что делается это с одной целью: чтобы и его, и других правителей сам народ при выполнении ими долга побуждал бы брать пример с победителей. Таких полководцев-триумфаторов прославляли статуи, надгробные памятники и особые надписи (элогии). Так, в храме Матер Матуты была установлена доска с перечислением подвигов Тиберия Семпрония Гракха (174 г. до н. э.). Воинам вручались и различного рода венки (за спасение граждан, за храбрость и т. п.).

Центурион с фалерами

Поощрение венками в то время было принято римлянами, македонцами, да и в других армиях мира. Наградой за проявленную в боях выдающуюся храбрость был золотой венок. Такие венки вручались тем, кто подавал примеры мужества остальным, скажем, взобравшись первым на крепостную стену во время осады города или штурма укрепленного лагеря противника. После захвата Карфагена Сципион наградил золотым венком сразу двоих – центуриона легиона и солдата abordажной команды, которые первыми из римлян взобрались на стену города. Того воина, кто в бою спас жизнь товарища (будь то римлянин или их союзник), награждали дубовым венком. Венок ему лично вручал спасенный им человек. При этом тот, кого спасли, должен был до конца жизни относиться к спасшему его воину как к родному отцу. Эти сердечные связи обычно сохранялись на всю жизнь. Пример тому Сократ и Фемистокл. Командир конницы

римлян Минуций Руф так относился к диктатору Фабию Максиму Кунктатору, ибо он спас его от Ганнибала в битве при Герунии (217 г. до н. э.). Человека, который оказал решающую помощь армии и спас ее, подобно Фабию, обычно награждали самой высшей из наград – «венком за освобождение от осады» (*corona obsidionalis*). Сей травяной венок считался у римлян самой желанной из всех наград. Плиний Старший (I в. н. э.) насчитал только восьмерых награжденных таким венком людей. В случае проявления традиционной отваги и мужества любым воином в бою (убийство командира, захват оружия противника) храбреца награждали чашей, оружием. Самым простым и понятным вознаграждением солдата был кабачок и женщина.

Конная квадрига триумфальной колесницы. Бронза. Венеция

Героям воздавали должное и в произведениях литературы, науки, искусства. Тема триумфа, писал историк архитектуры В. Поплавский, находила отражение в творчестве историков, живописцев, скульпторов, архитекторов или у мастеров декоративно-прикладного искусства. Известны описания наиболее знаменитых триумфов республиканского периода – у Плутарха (Луция Эмилия Павла), Аппиана (Корнелия Сципиона Африканского), Плиния (Гнея Помпея Великого). Такого рода описания можно найти у Тацита, Светония, Флавия. Триумфальные празднества и военные победы римлян часто были запечатлены в декоративно-прикладном и изобразительном, монументальном искусстве. Конечно, это было сугубо заказное искусство, но римляне считали это абсолютно в порядке вещей.

Покоритель Греции – Эмилий Павел – даже специально привез с собой из Афин греческого живописца Метродора и поставил перед ним задачу – создавать большие батальные сцены, которые бы славили подвиги римских легионеров... Такого рода батальные сцены порой находят в Риме во время археологических изысканий. Во время триумфального шествия воины несли упомянутые сцены и картины, хранили их у себя дома, выставляли в общественных местах, в том числе для воспитания. Эти же сюжеты в дальнейшем будут украшать и большие архитектурно-скульптурные ансамбли (такие, как ансамбль Форума Августа).

К. Лоррен. Кампо Воккино. Часть арки Септимия Севера

Римским гражданам и в голову не пришло бы славить своих вождей за то, что те значительно сократили территорию страны (как мы в России славили убудочных двуликих Янусов, укравших у отечественной истории ее победы и ее земли: это пример вырождения нации – когда измена и поражение подается продажной элитой страны как победа).

Дух Италии, сражающейся за свою свободу и независимость, – один, а вот дух страны, которая ведет битву за мировую гегемонию, – совершенно иной. Первое характерно для Италии периода V–IV вв. до н. э. Тогда войско Рима состояло из народного ополчения и сражалось за родную землю. Отбивая атаки грозного Карфагена, оно действовало исключительно сплоченно и мужественно... «Как владыки мира

прошли железные легионы рим-ских землеробов по городам и полям эллинизованного Востока и Запада. С большим мужеством отстаивали они, правда, уже в несколько измененном составе, первенство римского гражданства над Италией», – писал М. Ростовцев в «Рождении Римской империи». Ситуация изменилась, когда войны стали следовать одна за другой, тянулись годами и не было им конца и края. Победа над храбрым противником, что в свою очередь защищал родную землю, а следовательно, вел справедливую войну, была делом более тяжелым и стоила немало крови... Рим наблюдал за появлением новых и новых честолюбивых генералов-политиков. Иные из них откровенно покупали должности на римском форуме за деньги, награбленные в провинциях, добытые кровью и потом солдат. Под влиянием перемен и дух римского ополчения существенно менялся. Консулам все труднее становилось ежегодно собирать новые легионы или пополнять старые. Увеличивалось число уклонистов и росло число дезертиров, падала дисциплина, снижалась стойкость легионов. Правда, в стране к тому времени возник новый класс людей, что был готов пополнить пустующие ряды армии. Это были бедняки и пролетарии Рима. Служба в армии для многих из них означала социальные блага, деньги и почет. «Для этой пролетарской армии на первом плане стояли вопросы материальные и, прежде всего, вопрос о наделении земель за счет, конечно, старых собственников, которым не так легко было отстоять свои интересы...». Реформа Мария заметно изменила социальный состав войска. Понятно, что такое войско, существующее не постоянно, но лишь время от времени, да еще для решения той или иной конкретной задачи, «в руках умелых руководителей становится в критические моменты решающим элементом». Это и проявилось в ходе битв между Римом и Карфагеном, битв против так называемых варварских народов, ну и, разумеется, во время ряда конфликтов и споров за власть (уже внутри страны).

Битва Рима с Карфагеном за господство

Мощные культурные центры древности способствуют появлению вокруг себя цивилизаций-сателлитов (наряду с культурой Месопотамии и Египта – эламская, урартская, хеттская и т. п.). Одним из таких культурных центров был Карфаген. Как следствие, меж ними неизбежно возникали соперничество и конкуренция. Так, Афины соперничали со Спартой и персами, Карфаген с Римом, Рим бросал культурный вызов Пергаму и т. д. Битвы с мощным Карфагеном составили целую эпоху в жизни Древнего Рима... Основанный финикийцами Карфаген (Тимей считал, что Карфаген был основан в один год с Римом – т. е. в 814/813 г. до н. э.) вскоре стал играть роль крупной торговой фактории. Тут же возникла стоянка кораблей, о чем свидетельствуют раскопки П. Сэнта в Саламбо (таково название портовой территории Карфагена). Финикийцы – народ одаренный. Они непревзойденные море-плаватели (за двадцать веков до Васко да Гамы обогнули африканский материк), умелые торговцы. Где появлялись финикийцы, тут же возникали торговые центры. Вспомним, что этих искуснейших строителей, плотников и каменотесов приглашали в Палестину для возведения уникальных храмов и дворцов. Ими были возведены дворец и храм Соломона в Иерусалиме. Одно время считалось, что рассказ из Библии о сооружении ими дворца царя Ахава из слоновой кости лишь вымысел. Но изыскания археологов обнаружили на месте древней столицы Израиля Самарии фрагменты дворца и облицовочные плитки из слоновой кости с изображениями фигурок богов, сфинксов, львов, быков, газелей, лотосов, пальм, лилий, папирусов. Историки пишут, что супруга Ахава, царица Иезавель, ярая приверженица финикийского культа, потребовала от

тамошних мастеров выстроить для нее златой «чертог из слоновой кости». Как возник Карфаген?

Заседание карфагенского сената

Легендарный Карфаген, грозный соперник Рима, стал одним из крупнейших городов Древнего мира. Карфаген возник на 72 года раньше Рима. Основала его в 823 г. до н. э. сестра тирского царя Пигмалиона – Дидона (Элисса). Другие называют дату – 814–813 гг. до н. э., а Филист (Philistus), сицилийский историк, которого цитирует Евсевий, говорит об основании Кархедона (Карфагена) Цором в конце XIII в. до н. э. Элисса и ее брат – личности исторические. Жреческо-аристократическая группировка Тира, вынужденная из-за междоусобиц покинуть город, переехала в эти края. Эллыны называли Финикию «страной красных людей» или «страной пурпура». Напомним, что италийцы называли ее обитателей финикийцами или пунийцами. По-видимому, после смерти царицы Элиссы монархия перестала существовать. Карфаген стал республикой. После разрушения ассирийцами Сидона и осады Тира число финикийцев-эмигрантов резко возросло. В конце IV в. до н. э. население Нового города и территорий достигало 550–600 тысяч человек, а накануне 3-й Пунической войны тут обитало 700 тысяч человек. Для сравнения: все население Афин во времена Перикла составляло лишь 200–300 тысяч. В Риме накануне войны с Ганнибалом жило 270 тысяч человек, и даже в эпоху расцвета (то есть при Цезаре) Рим населяло около 800 тысяч

человек. По данным переписи, все население Римской республики составляло 770 тысяч человек во времена Сципиона.

Воины Ганнибала

Карфаген являл собой олигархическое объединение, в котором вся полнота власти находилась в руках богачей. Всем там заправлял Малый совет. Власть, политическая и военная, была монополизирована денежной аристократией. Устройством Карфагена восхищался Аристотель, сторонник такого правления. В «Политике» он писал: «И карфагеняне, как полагают, пользуются прекрасным государственным устройством, которое во многих отношениях отличается от остальных; в некоторых частях оно сходно главным образом с лакедемонским. Вообще три государственных устройства (той поры) – критское, лакедемонское и карфагенское – до известной степени очень близки друг к другу и значительно отличаются от остальных. Действительно, многие стороны государственной жизни устроены у карфагенян прекрасно. Доказательством слаженности государственного устройства служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании». Хотя Карфагену были присущи и тирания и смуты, его устройство чем-то напоминало торговую Венецианскую республику.

Дж. Б. Тъеполо. Приход Квинта Фабия Максима в сенат Карфагена

Граждане его делились на две группы: «сенат» («могущественные») и «плебс» («малые»). Наряду с аристократией плебс Карфагена играл определенную роль в вопросах управления (порой существенную). Некоторые его представители посылались с миссией в подчиненные Карфагену города как управляющие. Часть граждан направлялась в колонии, где принимали активное участие в основании городов. Скажем, с мореплавателем Ганноном отправились в плавание 30 тысяч мужчин и женщин. Видимо, чтобы сгладить возможные и неизбежные конфликты, знать старалась подкармливать простой народ (мелких ремесленников, торговцев, воинов). Как бы там ни было, а именно «народ Карфагена» считался обладателем высшей суверенной власти, воплощенной в народном собрании. В Карфагене не было силы, которая бы безусловно царила над гражданской общиной. Власть в стране в той или иной степени, но должна была выражать интересы и гражданского коллектива (по крайней мере

теоретически). Ведь и знать также была частью общины. Благодаря воле общины Ганнибалу удалось провести через народное собрание реформу управления, приведшую к ликвидации всевластия «сословия судей». Собрания проходили столь бурно, что порой, как отмечают, неугодного народу политика могли «разорвать на куски». И это хорошо! Существовала там и крупная государственная собственность (арсеналы, рудники, верфи, земли). Владевшие немалыми богатствами храмы были под контролем специальных должностных лиц государства – коллегии «десяти над святилищами». Помимо граждан в Карфагене жило немало иностранцев (греки, этруски, италики и др.). Значительную часть населения составляли рабы или полусвободное население. Данные нами ранее характеристики Карфагена как аристократии и олигархии являются довольно условными. Хотя влияние там богачей было бесспорным.

Монеты Карфагена с изображением братьев Ганнибала

Основу деятельности Карфагена составляли торгово-посреднические услуги. Торговля была его наипервейшим занятием. Карфагенская торговля охватывала обширные районы мира – от Северо-Западной Африки до Причерноморья и от Испании до Египта. Купцы везли изделия карфагенского ремесла, экспортируя металлы, слоновую кость, золото, серебро, драгоценные камни и рабов (на одну женщину выменивали трех мужчин-рабов). Сенат контролировал всю

торговлю. Отсюда вечный интерес политиков к прибылям. Доходы карфагенян были значительными. «Для карфагенян нет постыдной прибыли... У карфагенян для получения должности открыто дают взятки, у римлян это же самое наказуется смертью».

Карфагенская колония на берегу Сицилии

Подобно финикийцам, традиционно пунийцы были хорошими мореходами. Утверждают, что они заходили в Атлантический океан, добирались до Саргасова моря. Там ошибочно приняли водоросли за остатки огромного погибшего острова. Возникли неизбежные среди моряков красочные рассказы, которые дали толчок возникновению мифа об Атлантиде. Так родились знаменитые атлантические диалоги Платона, которые стали художественным воплощением мифа. Но мифы – все же не купеческое дело. Карфаген вел торговлю греческими, египетскими и этрусскими товарами. В их руках был транзит: возили товары, произведенные иными народами. Не брезговали они и работорговлей, и пиратством. Карфаген был заполнен

греческими изделиями, но греков пунийцы терпеть не могли, видя в них главных своих торговых соперников. Недоверие, а то и открытая ненависть к грекам привели к тому, что официально было запрещено учить греческий язык (IV в. до н. э.). Хотя элита (Гамилькар Барка, Ганнибал, Магон, Ганнон и др.), бывшая образованными людьми, знала греческий и свободно на нем говорила. В семьях аристократов и женщины получали неплохое образование. По словам Диона Кассия, образованной была дочь Гасдрубала, Софонисба. И все же чем-то особым в образовании и культуре карфагеняне не выделялись: ни одного великого писателя, мыслителя, риторика. Науки и искусства они игнорировали.

В садах Гамилькара. Иллюстрация к «Саламбо» Флобера

Пунийцы стремились к мировому господству в те времена, когда на рынках Востока утверждались финикийцы. В. С. Сергеев, характеризуя роль Карфагена в мире, писал: «Карфаген считается классической страной рабовладения во всем античном мире, выработавшей наиболее совершенные методы эксплуатации. Рабовладельческая система в Карфагене получила очень широкое развитие, послужив образцом для сицилийских греков и римлян. В

Карфагене существовала развитая специальная литература по сельскому хозяйству, по организации крупных рабских плантаций с указанием на более рациональные методы использования рабского труда. Таковым, например, был трактат карфагенянина Магона, переведенный на латинский язык и легший в основу известных нам сочинений по агрономии. Экономическая мощь Карфагена заключалась в его посреднической торговле». Будучи трезвыми политиками, карфагеняне во второй половине IV столетия заключили с Римом торговые договоры (в 348 и 306 гг. до н. э.). Рим и Карфаген даже однажды объединились против общего врага – Пирра (272 г. до н. э.). После смерти Пирра Рим сумел захватить контроль над большей частью италийского полуострова, взял Сардинию и стал подбираться и к Испании. Это означало, что близилась неизбежная схватка рас, семитической (карфагеняне) и арийской (греко-римляне), за господство в этом регионе. И Карфаген, писал Тураев, взял на себя руководство в этой борьбе. Схватка Рима и Карфагена была битвой за господство над западной частью Средиземноморья.

Продолжалась она более ста лет. Борьба была отчаянной и упорной. Карфаген обладал армией в сотни тысяч воинов. Правда, в его армиях сражались главным образом наемники, нанятые за немалые деньги. В армии Карфагена были слоны, стенобитные машины и корабли. В 1-й Пунической войне римляне вели сражения с Карфагеном не только на суше, но и на море. Флот пунийцев состоял из 350 кораблей, не считая транспортных судов. Имея прекрасную удобную гавань в Тунисском заливе, они долгое время господствовали на море. Во время 3-й Пунической войны всего за два месяца карфагеняне построили 120 кораблей на верфи Нового Карфагена, созданной Гасдрубалом. Успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Римляне не раз бывали разбиты, а флот их погибал от бурь. «Право же, если вспомнить, что в Первой Пунической войне с пунийцами дрались на море 24 года, то ведь всей Александровой жизни едва ли, думаю, хватило бы на одну только эту войну», – писал Тит Ливий. Пунийцы подчинили своей власти 300 городов, завладели северо-восточной Африкой, Сардинией, затем Сицилией. Гамилькар Барка завоевал всю Испанию. Конечно, видя все это, Рим не мог не испытывать страха перед усиливающейся мощью Карфагена.

Гамилькар Барка. Изображение на монете

Тит Ливий считал войну римлян с карфагенянами «самой замечательной из войн всех времен». Сегодня такая оценка вызывает по меньшей мере недоумение. Как могут быть войны «замечательными»? Если вы попытаетесь найти ответ на сей вопрос у Ливия, его аргументы таковы: «Никогда еще не сражались между собою более могущественные государства и народы, никогда сражающиеся не стояли на более высокой ступени развития своих сил и своего могущества... Но ненависть, с которой они сражались, была едва ли не выше самих сил: римляне были возмущены дерзостью побежденных, по собственному почину подымавших оружие против победителей; пунийцы – надменностью и жадностью, с которой победители, по их мнению, злоупотребляли своей властью над побежденными». Катон Старший каждую свою речь в сенате заканчивал возгласом: «Полагаю, что Карфаген должен быть уничтожен» («*Delenda est Carthago*»). Страх Рима нам понятен. Враг был грозен. Он столкнулся с искусным, настойчивым и умелым противником, который, казалось, вот-вот войдет в Рим.

Терракотовые статуэтки пунийцев

В 1-ю Пуническую войну Карфаген захватывал землю за землей, город за городом, и к 70-м годам III в. до н. э. почти безраздельно царил на Западе. В 264 г. до н. э. он решил овладеть столицей Сицилии, городом Сиракузы. Остальной остров практически находился в его власти. В дело вмешался Рим, и пунийцев с великим напряжением сил разбили. Через 23 года сын Гамилькара, Ганнибал, злой дух Рима, герой Карфагена, вторгся в Италию. Как скажет

Полибий, тот был «единственным виновником, душой всего, что претерпели и испытали обе стороны, римляне и карфагеняне». В смертельной и непримиримой схватке сошлись два титана.

Ганнибал в юности

Положение стало особо угрожающим для Рима, когда во главе карфагенской армии встал двадцатипятилетний Ганнибал (247/246—183 гг. до н. э.). Имя Ганнибал означало «дар Ваала». Он сын главы Карфагена – Гамилькара. Рассказывают, что когда Гамилькар Барка («Молния»), которого Полибий назвал «величайшим вождем того времени по мужеству и отваге», закончил Африканскую войну (подавив мятеж солдат-наемников) и собирался переправить войско в Испанию, принося по этому поводу жертву богам, его девятилетний сын Ганнибал, по-детски ласкаясь, стал умолять своего отца взять его с собой. Тогда Гамилькар велел подойти ему к жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что он будет врагом римского народа, как только это ему позволит возраст. Что лежало в основе так называемой «ганнибаловой клятвы»? Разумеется, мечты о всемирной власти. Речь шла, как отмечает И. Кораблев, о создании «мировой» державы, которая охватила бы всю ойкумену, с центром в Карфагене. Задачу эту и попытались решить Гамилькар Барка и Ганнибал. К этой же цели более ста лет назад стремился и Александр

Македонский. Пунийцы преследовали цель: подчинить Карфагену все страны региона, обеспечив своим землевладельцам и купцам возможность угнетать, эксплуатировать подвластные территории и обогащаться за их счет. И на пути столкновения интересов они неизбежно должны были столкнуться с Римом, который ставил перед собой примерно такие же стратегические задачи.

Ганнибал и стал предводителем во 2-й Пунической войне (218–201 гг. до н. э.). Это был безусловно выдающийся полководец. Даже относящийся к нему пристрастно Тит Ливий отмечал, что тот был отважен, храбр и осмотрителен. В бою и ратных трудах он выделялся стойкостью. «И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь — покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собою прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения. Но в одинаковой степени с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не соблюдал клятвы, не уважал святынь». Таков был воин, давший знаменитую «ганнибалову клятву». Его отец, как сказано, взял с сына клятву разрушить ненавистный Рим и до конца его дней бороться против римлян.

Ганнибал дает клятву бороться против Рима

У Ганнибала не были ни семьи, ни детей, ни возлюбленной. Он вообще не любил женщин. Можно ли такому человеку доверять страну, армию, город или семьи? Ведь хороший правитель обязан прежде всего любить народ, заботиться о гражданах, семьях и детях. Но то, что в рассказах о Ганнибале «нет ни одной человеческой черты», видимо, больше скажет о характере, чем жуткие картины, которыми рисуют его правление. Пусть у иных Ганнибал и не вызывает симпатии, но наша задача все же освободить его от черт «пугала», каковым он предстает даже в книге «Ганнибал» С. Ланселя, который подает его образ, словно это каннибал, питавшийся сырым человеческим мясом. Он не «ел человечину», как советовал ему друг, но жестокость, алчность, коварство были присущи ему, как и прочим.

Римляне называли Ганнибала «безумным». Однако он был умен и талантлив. Он умело воспользовался тем, что многие в Италии ненавидели римлян: ведь именно Рим отнял у них свободу. Апулийцы, луканцы, брутийцы принимали участие в войне за независимость. Галлы, помня о былых победах, обещали восстать, оказав ему помощь в борьбе против Рима. Старики Тарента еще помнили времена, когда

их город был свободным и процветал. Силен был еще и дух Великой Греции. Приход римских преторов, отмечает Лэмб, принес пользу аристократам и землевладельцам, но отнюдь не крестьянству или простым гражданам. Ганнибал вскоре понял, что большая часть плебса, низших слоев сочувствует ему. Глубинные районы поддерживали карфагенскую армию, тогда как богатые прибрежные города, связанные с римским флотом, стояли за Рим. Поэтому и находили поддержку многочисленные карфагенские агенты. Ганнибал в таких городах, как Капуя, повел себя как гость, приказав своим воинам расплачиваться за угощение, за женщин и памятные подарки. У его воинов было много серебра в римских и испанских монетах. Союзникам он говорил, что после победы над Римом все желающие смогут вернуться домой. Он отпустил без всякого выкупа пленников покоренных Римом народов. Ганнибал хотел поднять всю Италию.

Переправа слонов Ганнибала через реку Рону

Заслуживает внимания его переход через Альпы. Ганнибал избрал прямой путь из Испании в Италию. Перейдя Пиренеи, он быстро двинулся через южную Галлию, добрался до реки Роны, переправился через нее, вместе с его слонами. Затем, пройдя долинами, армия пунов девять дней взбиралась на Альпы, а затем стала спускаться. Дорогу

преграждали снег и обвал. Пришлось восстанавливать дорогу. Но в конце концов измученное и поредевшее войско Ганнибала, пройдя «путем Геракла», все же спустилось в долину реки По. Таким образом, переход через Альпы занял у Ганнибала 15 дней. При этом он потерял почти половину армии и большую часть обоза. От Роны он двинулся во главе 38 000 пеших и 8000 конных воинов (по другим данным 40 000 пеших и 6000 конных). Если судить по надписи на колонне, установленной в Лацинии, на юге, там сказано, что до Италии вместе с Ганнибалом тогда добрались 12 000 африканской и 8000 испанской пехоты и не более 6000 всадников. Помимо погибших убыль дали еще и дезертиры. Конечно же, армия была истощена и измучена сверх меры. Ливий отмечал, что когда брат Ганнибала, Газдрубал, через 12 лет после самого Ганнибала совершал переход через Альпы, сделав это легче и быстрее, местные галльские и альпийские племена «не только дружелюбно приняли его, но и пошли вместе с ним на войну». Признание римского историка дорогого стоит. Понятно, что не так-то уж и любили Рим окружавшие его народы. Они только и ждали часа, чтоб расквитаться с ним за все унижения и обиды. Признания Ливия звучат весьма откровенно. Говоря о причинах конфликта между двумя могущественными державами того времени, он пишет: «Теперь, когда всем известно, что Италия двенадцатый год в огне, они (племена. — *Авт.*) хорошо знают, что Альпы — это просто дорога и что два могущественных города, отделенные друг от друга большими пространствами суши и моря, борются за власть и богатство».

Безусловно, Ганнибал прекрасно знал истинную цену верности покоренных народов. Когда отец, Гамилькара, говорил ему: «Заставьте землю сражаться на вашей стороне», Ганнибал внимательно выслушал эти советы и использовал их не только в плане фортификации, то есть реализации в сражениях преимущества той или иной местности, но и в широком политическом смысле. Поэтому приказал своим военачальникам обратиться ко всем племенам, что населяли Италию и другие земли, со словами: «С этого дня люди других народов в (его) армии будут иметь одинаковые привилегии с карфагенянами. Все рабы, которые находятся здесь со своими хозяевами, получают свободу, а Ганнибал заплатит за них их хозяевам».

Переправа слонов Ганнибала через реку Рону

И таких случаев агитации известно было немало. По сути дела, обе стороны вели самую настоящую и интенсивную пропагандистскую кампанию, надеясь завоевать на свою сторону симпатии вовлеченных в конфликт народов. Часто успех в этом противостоянии был на стороне Ганнибала. Однажды 2000 галльских воинов, служивших в рядах римской армии, убежали из лагеря, убив нескольких военачальников и угнав лошадей. Они пришли к Ганнибалу, чтобы предложить ему свои услуги. Тот одарил дезертиров серебром, дал им мяса и вина и отослал по их деревням, чтобы они заявили всем, что такие же трофеи и честь может быть завоевана и

другими, всеми теми, кто захочет прогнать ненавистных римлян с их земель.

Это был великий полководец. Его стойкость и мужество отмечают все (друзья и враги). По словам Юстина, Ганнибал, командовавший армией, состоявшей из различных племен, никогда не был жертвой обмана и предательства. Присущие ему недостатки, довольно часто встречающиеся на войне в целом (суровость, жестокость, вероломство, жадность), компенсируются похвалой карфагенскому вождю из авторитетных уст Цицерона, Лукиана, Ливия, Полибия и др. Полибий писал, что «столь велика и изумительна сила одного человека, одного ума», что Ганнибалом просто было нельзя не восхищаться. О нем, как и о карфагенских нравах, написал французский писатель Г. Флобер в замечательной повести «Саламбо». И даже Наполеон советовал всем полководцам взять за образец Ганнибала. Мы же должны более трезво оценивать эту личность. Истина дороже и цезарей, и ганнибалов.

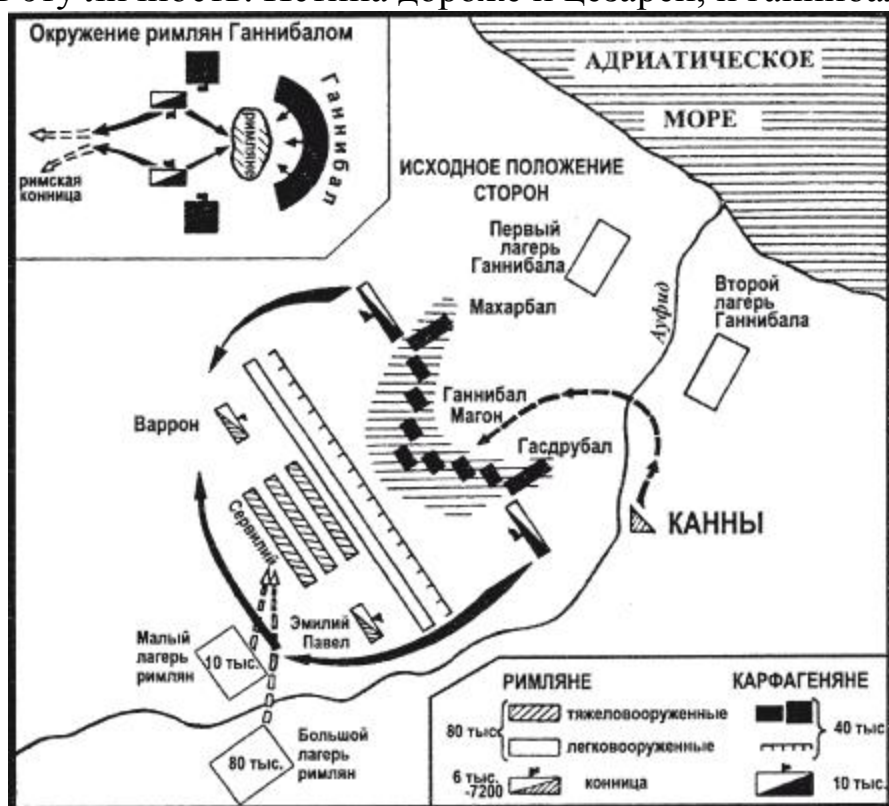

Схема битвы при Каннах

Хотя нельзя не признать значительности его военного таланта. Переход через болота Арно, когда его войско 4 дня и 3 ночи шло через

болота по грудь в воде, переход через Альпы, громкие победы над римлянами стяжали ему в истории громкую славу. «Через Альпы люди перебирались и до Ганнибала – именно так, например, поступили около 400 года орды кельтов, хлынувших отсюда к Риму и докатившиеся до склонов Капитолия... Однако Ганнибал ведь не просто преодолел Альпийские горы – он провел через них многотысячную армию вместе с лошадьми, обозами, наконец, слонами! До него на такое не рискнул никто! Это был поступок, достойный Александра, да что там, превосходящий Александра и сопоставимый разве что с подвигами мифического Геркулеса! Начиная с Возрождения, когда невероятную популярность получили сочинения Тита Ливия, в особенности же его знаменитая «третья декада», рассказ о переходе Ганнибала через Альпы стал на долгие века настольной книгой каждого «школяра» и просто культурного человека. И вполне заслуженно».

Ганнибал обращается с речью к войскам

Что же делало столь сильной и непобедимой (на первых порах) армию этого полководца? Возможно, на стороне карфагенян был фактор внезапности, лучшая подготовка войск и их командиров, слабость первых римских полководцев (до Сципиона), тактическое превосходство, ненадежность союзников Рима, наличие инициативы. Видный теоретик военного искусства России начала XX в. А. А. Свечин писал о Ганнибале как о величайшем полководце истории: «Ганнибал захватил инициативу. Он располагал профессиональной,

глубоко ему преданной армией; те же наемники, которые столько раз убивали своих карфагенских полководцев, оставались дисциплинированными и послушными Ганнибалу при всех обстоятельствах. Ганнибал – почти единственный из всех полководцев, которому не пришлось сталкиваться с солдатскими волнениями и бунтами. Его армия из старых африканских кадров, пополненная набором иберийцев (на Пиренейском полуострове), превышала 50 тысяч, образовывала отдельные тактические единицы, которые под руководством опытных генералов на поле сражения могли самостоятельно маневрировать. Тактическое превосходство армии Ганнибала над римской милицией (вначале) было несомненно, и оно еще усиливалось тем обстоятельством, что Ганнибал располагал безусловно превосходной конницей. Нумидийцы, союзники Ганнибала, доставили ему очень хорошую легкую конницу, а карфагенская тяжелая конница была способна не только наносить сильные удары, но представляла регулярную часть под командой офицеров, воспитанных еще Гамилькаром, и была настолько дисциплинирована, что не бросалась за добычей, а способна была к маневру на поле сражения по указанию полководца. Это были кирасиры древности».

Золотое кольцо из Карфагена. VI в. до н.э.

В 216 г. до н. э. в Апулии, в битве при Каннах, Ганнибал наголову разбил значительно превосходившую по численности армию римлян (50 тысяч пунийцев против 79 тысяч римлян). Ганнибал взял римлян в кольцо и уничтожил. «Концентрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», – говорил Клаузевиц. «Слабейший не должен совершать одновременно обход обоих флангов», – учил Наполеон. Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал именно «концентрически», и не только обходил оба фланга, но одновременно заходил и с тыла. Победу Ганнибал одержал наперекор всем теориям (меньшими силами). По данным Полибия, в битве при Каннах погибло около 70 000 римлян. Вот как описывают эту классическую битву древности... С сердцем, полным ненависти, разъезжал Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездеятельных. Лишь несколько часов спустя солдаты прекращают избиение... Устав от бойни, пунийцы берут в плен 3000 человек. На малом пространстве лежали грудой 48 000 трупов. Римские военачальники Сервилий, Эмилий Павел были убиты, а Варрон бежал с группой всадников и небольшим количеством легковооруженных воинов. В Каннах, в обоих лагерях римлян в руки Ганнибала попали тысячи пленных. Карфагеняне потеряли лишь около 6000 человек (это были преимущественно иберийцы и галлы). Конечно, за 2000 лет оружие и способы ведения боя совершенно изменились. Войска ныне уже не идут врукопашную с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция, хотя в самых общих чертах боевые действия остались без изменения. Бой на уничтожение, писал Шлиффен, «может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена».

Нимфа Аретуза. Сиракузская монета. Ок. 413 г. до н.э.

Целью похода Ганнибала стало покорение Италии. Впрочем, тот не намерен был полностью уничтожить Рим. Он лишь стремился к тому, чтобы Рим признал его гегемонию над миром (*imperium*). Ганнибалу советовали идти к Риму и взять его, говоря, что уже через 5 дней он сможет пировать на Капитолии. Ганнибал медлил, отослав на родину как свидетельство его триумфа 6000 золотых всаднических и сенаторских колец убитых римлян. Начальник конницы Махарбал сказал ему: «Не всё дают боги одному человеку. Ты умеешь побеждать, Ганнибал; но вот пользоваться победой ты не умеешь». После битвы у Канн, где римляне были разбиты наголову, он стал ждать послов подобно тому, как Наполеон будет ждать послов с предложением мира от царя России. Но Рим не отреагировал на предложения, не сдался, заявив, что будет сражаться до тех пор, пока оккупанты будут оставаться на их земле. При этом Рим отказался выкупить и тех, кто оказался среди военнопленных. Мало того, так Торкват даже выступил в сенате с гневной речью, заклеив позором всех тех, кто сдался врагу. «Нам не нужны солдаты и офицеры, сдавшиеся врагу», – заявил сенат... Говорят, что Ганнибал пришел в неопишемую ярость, услышав гордый ответ Рима. Он приказал перебить всех пленных, запрудить их телами реку и по мертвым телам, как по мосту, переправил свое войско. Знатных же римлян заставил сражаться друг с

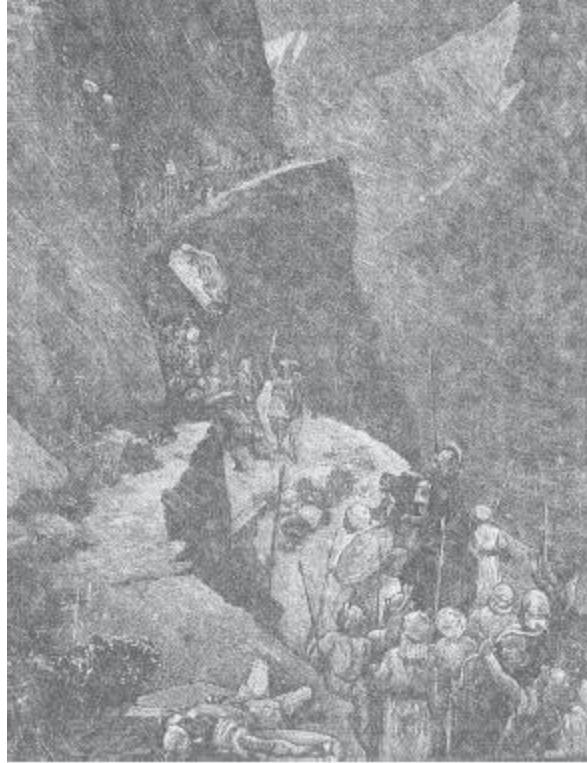
другом, подобно гладиаторам, причем – братьев с братьями или отцов с сыновьями. Тут уместно вспомнить историю, рассказанную о посещении им в колонии Гадес храма Мелькарта, финикийского Геркулеса (тот якобы перешел Альпы первым). Когда Ганнибал принес жертвы и обеты богу, выслушал прорицателей и заснул, он увидел вещий сон. Снилось ему, что Мелькарт приказал идти в Италию. Бог посылает с ним таинственного проводника, который будет ему надежным помощником. Ганнибал должен идти вперед и не оборачиваться. Полководец выполнил предписание финикийского бога, но в один из моментов не смог удержаться от искушения – и оглянулся. Он увидел, что за ним ползет некое исполинское чудовище, обвитое змеями, изрыгающее огонь и сокрушающее всё на своем пути. Небо было затянуто грозowymi тучами, а из недр его сверкали молнии... «Что это?» – воскликнул потрясенный Ганнибал. Ответом ему были слова: «Опустошение Италии».

Спуск с перевала в Альпах

Несмотря на ряд громких побед Ганнибала, иные из союзников сохраняли верность римлянам. Эти города Италии оборонялись отчаянно. Среди таковых был и город Нола. Знатные римляне во главе с Марцеллом сражались мужественно, хотя чернь «только и думала, как бы отпасть к Ганнибалу». Римляне казнили более семидесяти человек из числа тех, кто склонялся к измене, конфисковали их имущество. Видимо, говоря о позициях италиков в разгоравшемся

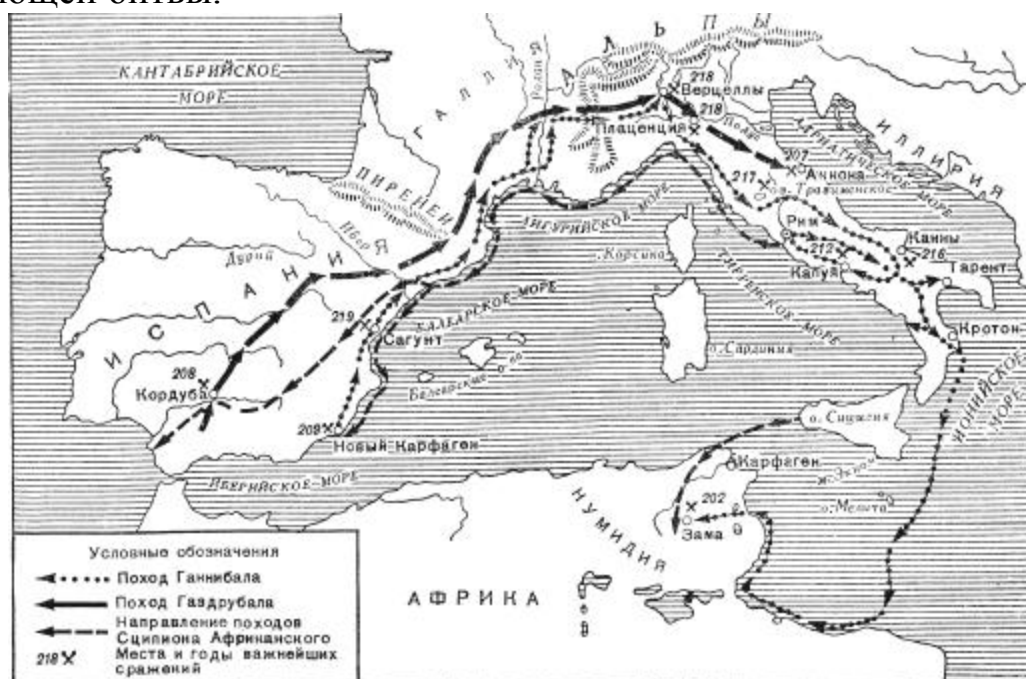
конфликте, стоит сказать и о роли экономики... Рим к тому времени перешел на косвенное налогообложение, шла ли речь об имперских землях или крупных латифундиях. Колоны должны были отдавать треть урожая, тогда как две трети оставалось в их владении. К тому же они получали право владения участком земли вместе с прилегающим к нему домом, а также право продажи и передачи по наследству. А в это же время всюду на подвластных Карфагену территориях карфагенский сенат выжимал все соки из подвластных ему народов. В годы сицилийской кампании налоги с горожан выросли вдвое, и у крестьян отбирали половину урожая. Поэтому многие вовсе не торопились заменить относительно щадящую власть Рима на господство пунийцев, чья алчность не знала меры. Все это и объясняет смысл слов Полибия: «Невзирая на поражение римлян в двух битвах, до сих пор ни один из городов Италии не отложился от римлян и не перешел на сторону карфагенян; все они оставались верными данным обязательствам, хотя жестко терпели от неприятеля». Пунийцы, являясь суровыми и надменными господами, облагали подданных огромной данью. Понятно, что те в ответ платили им ненавистью. Может быть, по этой причине пунийцы не смогли завоевать тех рынков, что фактически вошли в состав их державы. Правители Карфагена проводили в отношении населения Италии политику «разделяй и властвуй», как делали по отношению к зависимому и рабскому населению самого Карфагена.

Переход войск Ганнибала через Альпы

В основе смертельной схватки лежали торговые интересы. Об истинных целях борьбы говорит и такой факт: победив и диктуя Карфагену условия мира, Рим потребовал от того перестать быть центром морской торговли и портом. Когда карфагеняне узнали об этом, слышались стенания и проклятия. Их ненависти, горю и отчаянию не было предела. Пылая злобой, они решили предать смерти всех бывших в городе италийцев. Их безумное поведение историки объясняют так: «Карфагеняне готовы были стерпеть все, даже рабство – сдались же они на милость римлян. Одного только они не могли стерпеть – потерю денег. А приказ римлян означал для них конец морской торговли, а значит, и богатств. Думать, что эти старые пираты и торгаши займутся земледелием, было просто смешно. Ради денег они завоевали Сицилию, ради денег они сражались с римлянами, ради денег они выдали им Ганнибала и теперь скорее готовы были все умереть, чем уступить свои деньги». Они решили драться, готовя оружие и катапульты. Александрийский грек Аппиан, сторонник римского владычества и монархии, вместе с тем довольно объективно описывал и историю Карфагена. Пунийцы осудили предателей и

соглашателей, которые требовали передать врагу оружие, кораблей и боевых слонов. Карфагеняне заявили, что лучше уж «умереть вместе с родиной», когда та будет иметь оружие для битвы. К схватке готовились и стар и млад. Матери Карфагена, словно некие эриннии из античной трагедии, кидались к каждому встречному, побуждая его проявить мужество в битве. Они насмеялись над теми трусами, что хотели предпочесть сдачу города мужественному сражению, напоминая о выдаче детей и предсказаниях. Это воздействовало на нерешительных. Все стали работать, превратив город в мастерские. День и ночь трудились мужчины и женщины, готовя оружие для решающей битвы.

Карта действий сторон во 2-й Пунической войне

Все понимали, что в схватке гигантов, Рима и Карфагена, решался вопрос о «мировом господстве». Если в начале конфликта пунийцев с римлянами многие не ведали, ради чего весь сыр-бор, то по прошествии десятилетий смысл схватки стал ясен всем народам. Призом в схватке Ганнибала и Сципиона была власть над миром Средиземноморья. Постепенно римляне стали теснить карфагенскую державу. Причин тому немало. Во-первых, Рим защищал их земли против чужеземного агрессора. В отношении многих племен они и сами были агрессорами, но все же это был «свой» противник, более

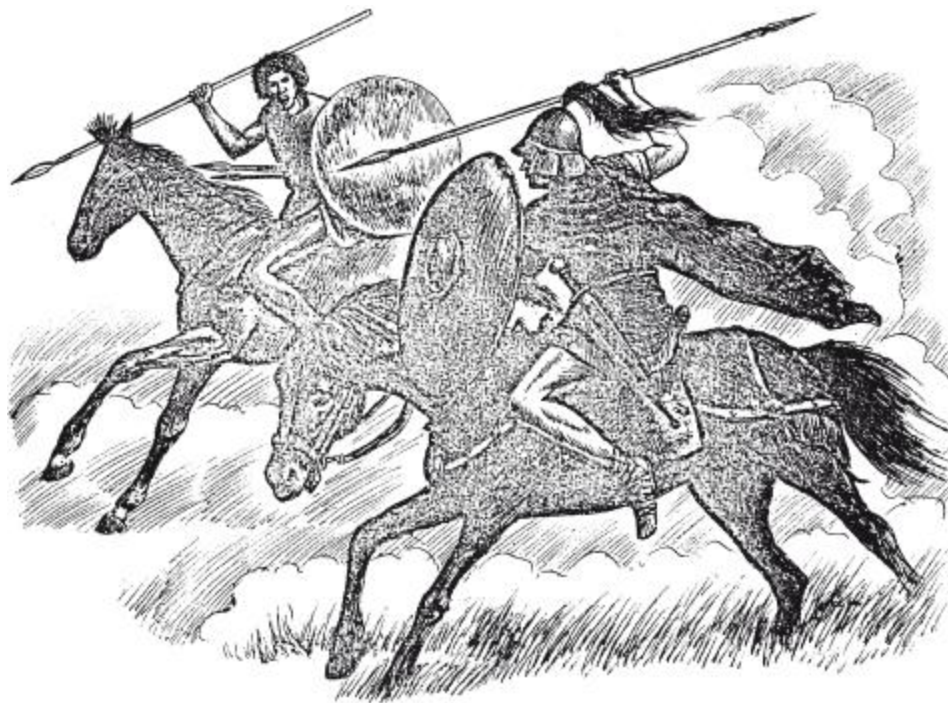

близкий к ним по языку и культуре, по вере и божествам. В ряде случаев это был спор, если угодно, двух соседских помещиков. Во-вторых, римское государственное устройство оказалось в ряде случаев надежнее карфагенской системы. Предпочтение должно быть отдано римскому государственному устройству перед карфагенским, ибо государство карфагенян каждый раз возлагало надежды сохранения свободы на чужие руки, на мужество наемников, а римское – на доблести собственных граждан и на помощь союзников. Полибий писал, что если римляне иногда терпят крушение вначале, зато в последующих битвах они восстанавливают свои силы вполне, а карфагеняне наоборот... «Отстаивая родину и детей, римляне никогда не могут охладеть в борьбе и ведут войну с неослабным рвением до конца, пока не одолеют врага». В-третьих, не добившись решающего перевеса, Ганнибал встал перед необходимостью вести войну в условиях недостатка ресурсов и слабости тылов. В длительной и ожесточенной военной кампании это чревато большими неприятностями. Причем неприятности могут прийти с любой стороны. Когда он, желая дать отдых войскам, разместил их на зимовку в процветающей, сытой и богатой Капуе, армия начала разлагаться... Тит Ливий пишет: «Большую часть зимы войско провело под кровлей. Солдаты давно притерпелись ко всем тяготам; хорошая жизнь была внове. И вот, тех, кого не могла осилить никакая беда, погубили удобства и неумеренные наслаждения – и тем стремительнее, что с непривычки к ним жадно ринулись и в них погрузились. Спать, пить, пировать с девками, ходить в бани и бездельничать вошло в привычку, и это с каждым днем незаметно подтачивало душевное и телесное здоровье. Кое-как еще держались памятью о прошлых победах. Знатоки военного дела считали, что Ганнибал совершил большую ошибку не после Канн, когда он не пошел на Рим, а именно сейчас: тогда можно было думать, что окончательная победа только отложена, сейчас силы победить были отняты. Ганнибал вышел из Капуи словно с другим войском; от прежнего порядка ничего не осталось».

Трофей из римского оружия

Пунические войны велись с переменным успехом (264–146 гг. до н. э.). Даже подойдя к Риму, Ганнибал не смог взять столицы. Перед самым началом битвы, когда два войска стояли друг против друга, разразилась страшная буря, которая и на следующий день повторилась. Казалось, сами боги защищают Рим. И даже имея во главе столь талантливого, храброго и опытного военачальника как Ганнибал, пунийцы не смогли одолеть римлян. Хотя имели самый мощный в то время военный флот в мире с самыми искусными капитанами и адмиралами.

Нумидийский и римский всадники эпохи Пунических войн

Большое значение для общего итога битвы между Римом и Карфагеном имели морские сражения, поскольку обе сражающиеся стороны находились по разные стороны Средиземноморья. Эту сторону противостояния подробно представил С. Горьков в книге «Рим и Карфаген. Великая морская война». При сравнении потенциальных шансов воюющих держав можно предположить, что Карфаген, наследник превосходных мореходов-финикийцев, мировой торговец, окажется в преимущественном положении. Действительно, карфагеняне имели гораздо больший опыт в морском деле и превосходили римлян числом морских баз и их удобным расположением (это не только их базы в Африке, но и на Сицилии, в Сардинии и Корсике). Римский флот, можно сказать, только делал первые шаги. Первый поход римлян на Липарские острова (260 г. до н. э.) под командованием Гнея Корнелия закончился для них поражением. Его эскадра была заперта в гавани карфагенским полководцем Боодесом. Команда эскадры (в основном из греков) сбежала, а оробевший Гней, как сообщает Полибий, не нашел иного выхода как сдаться неприятелю.

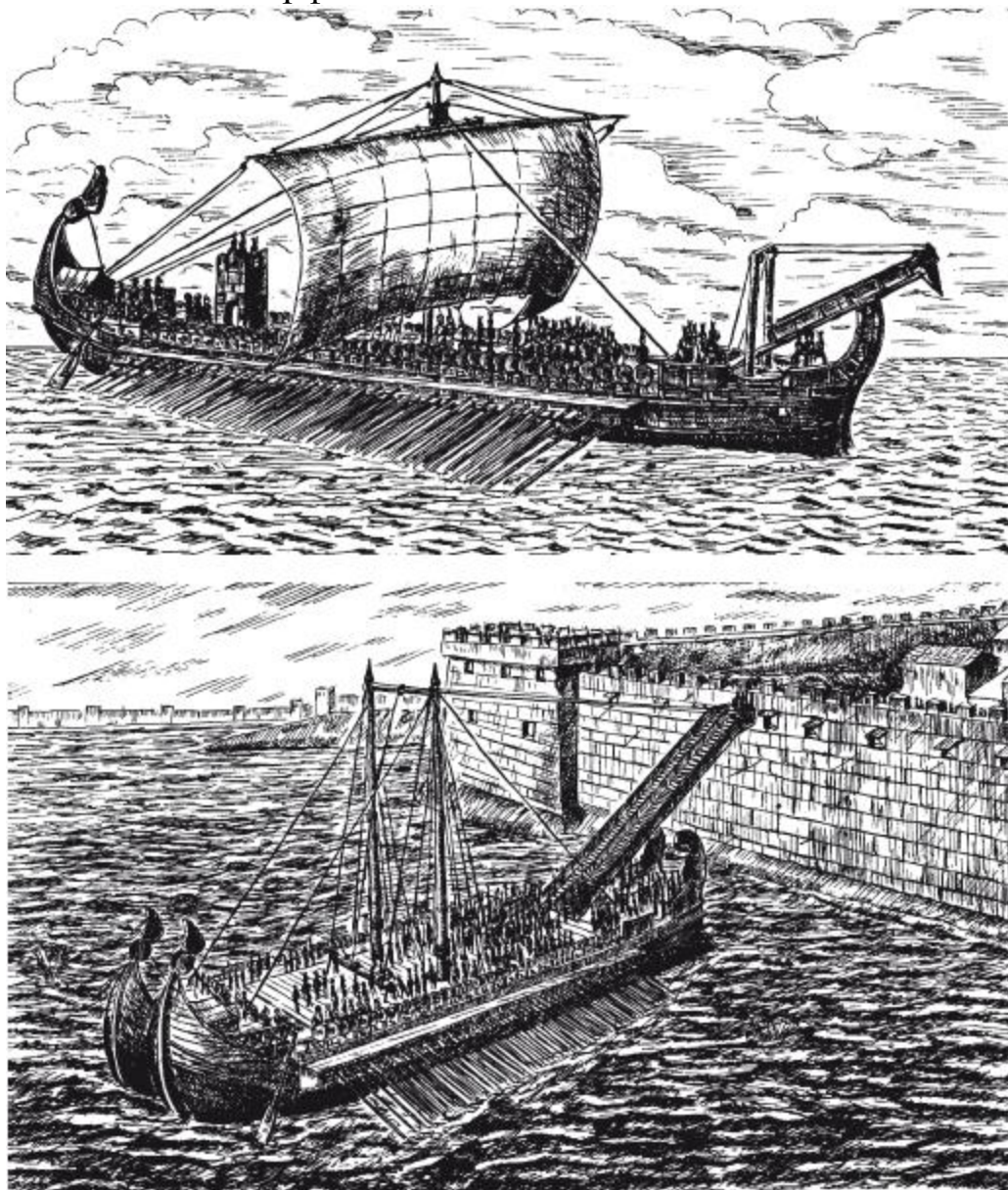

Нумидийский всадник

Однако римлян всегда отличало завидное качество, умение учиться на своих ошибках (по крайней мере в вопросах военных). И уже в первой серьезной битве у берегов северной Сицилии римляне сумели одолеть хваленых «морских волков» Карфагена. В ходе сражения при Милах (260 г. до н. э.), первого крупного морского столкновения двух сторон в 1-ю Пуническую войну, успех уже был на стороне римлян. Командование со стороны Карфагена осуществлял сам Ганнибал, а со стороны Рима – консул Гай Дуилий. Видимо, Ганнибал решил навязать Риму решающее морское сражение и уничтожить их флот. У карфагенян было 130, у римлян – 120 кораблей, а может, и того менее – 100 кораблей. Суда римлян были тяжеловесными и неуклюжими, но более крупными и прочными. Карфагенская эскадра превосходила римлян скоростью и маневренностью, да и выучкой своих экипажей. Карфагеняне, как

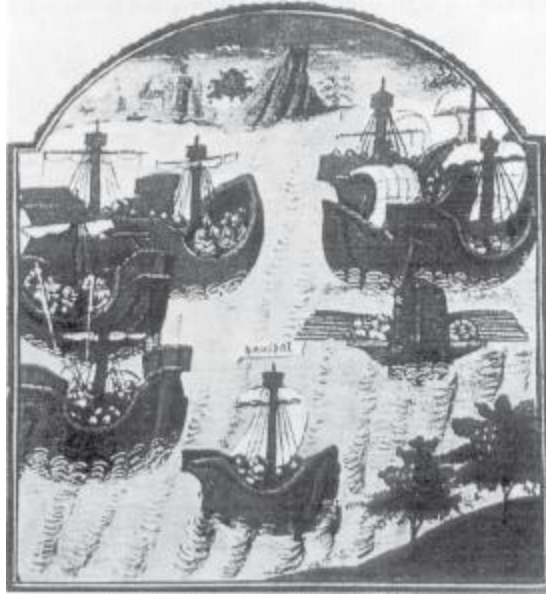
отмечает Полибий, на первом этапе сражения даже не считали нужным «соблюдать боевой порядок из-за презрения к неопытности римлян». Но такая недооценка сил противника дорого им обошлась. Римляне впервые применили специальное устройство – «ворон». Полибий писал: «Во время схватки суда каждый раз сцеплялись при помощи вышеописанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону и бой шел на палубах. Часть карфагенян была истреблена. Другие в ужасе сдавались неприятелю, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной». Такой ход событий явно не был учтен Ганнибалом. Карфагеняне были в настоящем шоке.

Римские корабли – пентера и самбука

Римляне захватили и флагманский корабль Ганнибала, но полководец спасся, бежав с него в челноке. Авангард их был разгромлен. Основная масса пунийцев (100 кораблей) пыталась как-то окружить римлян, но безуспешно. Карфагеняне потеряли от 30 до 50 кораблей. О римских потерях точных сведений нет. Уже в этом сражении выявилось превосходство римлян в тактике, технике, но прежде всего в качестве абордажных команд («морской пехоты»). Впервые в истории военно-морского искусства произошло противоборство абордажа и тарана. Это была революция в военно-морском искусстве («эффект ворона»). Поражению карфагенян способствовал и просчет Ганнибала, разделившего силы при атаке и недооценившего противника. Победа позволила римлянам совершить в 259 г. до н. э. экспедиции на Корсику, Сардинию и другие острова (с Сардинии можно было получать хлеб, а с Корсики – корабельный лес). К тому же еще с 263 г. до н. э. по некоторым сведениям карфагеняне стали сосредотачивать большую часть своей армии на Сардинии с целью напасть на Рим. Если даже это и были слухи, но фактом являлось использование Сицилии как базы для карфагенских каперов, разорявших побережье Италии. И вновь победа досталась римлянам. В ходе экспедиций на Корсику, Сардинию, Липарские острова, Мальту римляне смогли ликвидировать карфагенские военно-морские базы и создать там уже свои собственные базы. Важным фактором успеха римлян стала их способность перебрасывать крупные морские десанты. В ходе первых сражений проявился и талант римских адмиралов (Гая Дуилия). Инициатива на море перешла к Риму.

Корабль Ганнибала ускользает от римских судов

После битвы при Милах прошло 4 года. Римляне настолько уверились в своих силах, что решили предпринять высадку легионов в африканских владениях Карфагена. В случае успеха это позволило бы им разбить противника, и даже взять столицу, закончив войну в короткие сроки. Таков был их стратегический план. В ходе сражения при мысе Экном (256 г. до н. э.), около берегов Сицилии, римляне вновь разгромили флот пунийцев, захватив 64 корабля и уничтожив 30, тогда как сами они потеряли 24 корабля. В этом сражении вновь выявилась слабая подготовка пунийских экипажей, их нестойкость в битве, отсутствие у них должной взимовыручки. После этой битвы перед Римом впервые открылась заманчивая перспектива переноса театра сражений с пунийцами уже на африканский континент.

Абордажное сражение

То, что битва с Карфагеном была для Рима трудной и требовала постоянного напряжения сил, свидетельствует морское сражение при Дрепануме (249 г. до н. э.). В той битве у римлян было преимущество. Их флот насчитывал 230 единиц, т. е. был больше, чем у карфагенян. В узкой гавани флот римлян оказался заперт в результате удачного маневра командующего пунийцев Артабала. Корабли римлян сбились в кучу. К тому же мелководье было причиной того, что римские суда часто оказывались на мели, садились кормой, оттеснялись к берегу или же разбивались о скалы. Римские потери составили 90 кораблей, большая часть которых была захвачена в плен. Консул Публий вынужден был отступить с 30 кораблями, что находились на левом фланге, – это все, что осталось от некогда грозного флота. В скором времени последует еще одно поражение поистине злосчастного Публия Клавдия Пульхра. Пунийцы у Лилибея напали на его эскадру из 110 кораблей. Часть судов карфагенский адмирал Карталон сжег, другие увлек с собой, что говорит в пользу версии, согласно которой римляне были застигнуты врасплох. Свидетельство Полибия о сожжении кораблей говорит о том, что впервые в 1-й Пунической войне были использованы какие-то зажигательные снаряды (или зажигательные смеси). Таким образом, римская блокада Лилибея, важного центра хранения припасов карфагенян, была ликвидирована. Видимо, свою роль в победе карфагенян сыграла и агентурная разведка. Уже в то время данные разведки во многом могли сыграть

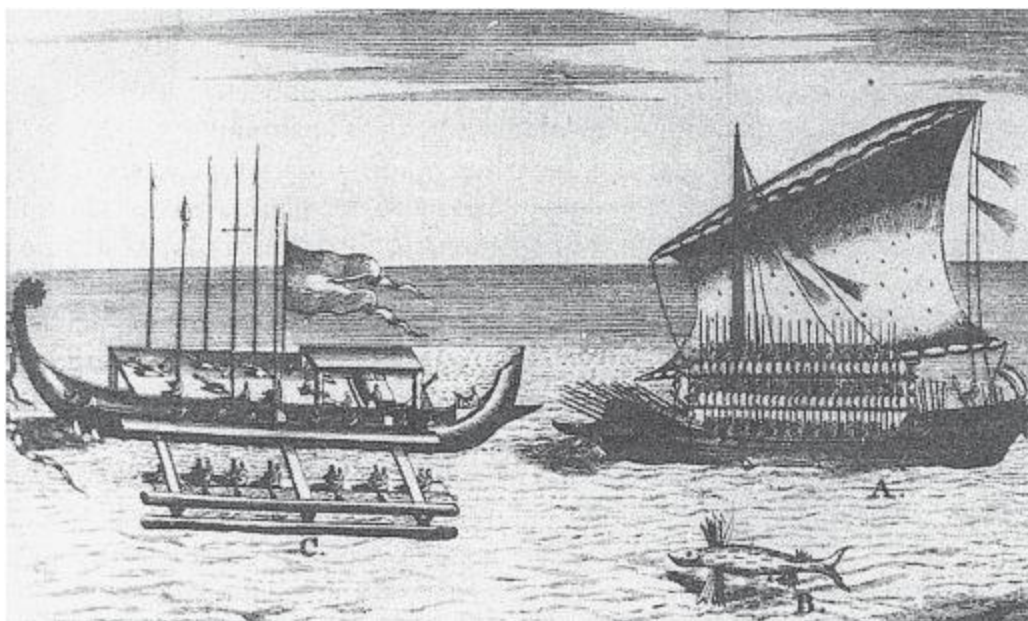
решающую роль в определении планов командования. Адмиралы Карфагена (Артабал, Карталон) на том этапе превосходили римлян. Так что в 1-й Пунической войне обе стороны имели как победы, так и поражения. Решающую роль с точки зрения противостояния сторон должны были сыграть сухопутные вооруженные силы и общий экономический и промышленный потенциал противников. Но римляне и флоту отводили более значительную, а по мнению некоторых, даже и решающую роль. Видимо, у них было больше кораблестроительных центров, что позволяло быстро восстанавливать флот и после катастрофических потерь.

Римский матрос и корабельный воин

Особо подчеркну, что римляне часто побеждали врага, несмотря на серьезные неудачи и даже тяжкие удары судьбы. После разгрома армии Регула огромный римский флот, эвакуировавший остатки экспедиционного корпуса из Африки, застигнут ужасной бурей. В итоге из 350 судов лишь 80 кораблей вернулось домой, погибли 70 тысяч гребцов и 25 тысяч солдат. Через два года новая буря уничтожит еще 150 кораблей. В 249 г. до н. э. римлян постигла еще одна беда – 120 военных судов попали в шторм и почти все погибли. Казалось, Рим чем-то прогневал самого Посейдона. Но упорство народа

достойно восхищения. Когда стало ясно, что без флота победы Риму не видать, флот уничтожен морем, мужи страны стали думать думать. Казна страны пуста. Что же делать? Тогда патриоты Рима, богачи, дали огромные деньги и на свои средства построили новый флот! В 241 г. до н. э. 200 боевых кораблей (с экипажем и 60 тысячами воинов) вновь вышли в море – и Victoria: разгромили в решающей битве флот пунийцев в битве у Эгатских островов. Эта победа во многом и предопределила исход войны на суше. Полагаю, этого никогда бы не сделали ни жадные пунийцы, ни тем более наши богачи, плуто-краты и иные вороватые морские чины и политики, развалившие флот России.

Корабли Древнего Рима

Флот обеспечил Риму господство на море, а это достигалось путем высокой численности римских эскадр (200 и более кораблей). У римлян всегда было больше военно-морских баз, что давало им возможность более гибкого маневра. Карфагенский же флот, по сравнению с 1-й Пунической войной, сократился количественно, что указывает на недостаток его финансирования и меньшие производственные мощности (по сравнению с Римом). Инициатива перешла к римлянам. Особое значение имели вопросы транспортировки войск. Ведь исход борьбы во 2-й Пунической войне в конце концов решался на суше. Легионы Рима успешно сражались и

снабжались благодаря возможностям флота. В 146 г. до н. э. произошло последнее морское сражение – в 3-ю Пуническую войну, в водах в непосредственной близости от Карфагена. Соотношение сил было уже в пользу римлян. Сражение длилось один день и закончилось победой римлян.

Морская битва римлян и карфагенян

Видимо, стоит добавить, что без завоевания господства на море римляне не смогли бы окончательно одолеть могучий Карфаген, расположенную в Африке морскую державу. В этом плане показательна подготовка в 204 г. до н. э. экспедиции в Африку. Флот Рима был рассредоточен по нескольким гаваням. Сципион отдал приказ собраться всем кораблям и сухопутным частям в Лилибей. Тот должен был стать отправной точкой экспедиции. Ждали хорошей погоды. Моряки находились на кораблях в ожидании приказа. Античные авторы называют разные цифры численности собравшегося римского войска (пехота – от 10 000 до 35 000, конница – от 1600 до 2200 и более). И всю эту массу войск надо было погрузить на транспортные суда. Полагаю, это и сегодня было бы сложнейшей задачей (даже при наличии самого современного транспорта и техники). Достаточно упомянуть, что на римских кораблях находился запас пищи на 45 суток и вареных продуктов – на полмесяца. К осуществлению грандиозной операции привлекли около 400

транспортных кораблей. 40 военных кораблей должны были выполнять функции боевого охранения на море. Боевые корабли римлян были оснащены таранами. Все действия войск были четко расписаны и предусмотрены, чтобы не вышло путаницы. Грузовые суда на правом фланге должны были охраняться 20 военными кораблями, которыми командовал Сципион и его младший брат – Луций Сципион. На левом фланге располагались столько же военных кораблей под командой Гая Лелия, префекта флота, и квестора Марка Порция Катона. Военный корабль обозначался одним горящим фонарем, грузовой – двумя, а на корабле командующего ночью горело три фонаря (в качестве отличительного знака). Вероятно, флот римлян представлял собой весьма впечатляющее зрелище. Выстроенная в несколько кильватерных колонн римская армада растянулась как минимум на 5–6 км в длину. Не зря же посмотреть на это феерическое и величественное зрелище собрались тогда не только все жители Лилибея, но и посольства из городов всей Сицилии. Характерно, что историк Целий сообщает одну подробность этого события, выглядящую сказочным образом. Он уверяет, что от крика римских солдат и матросов птицы падали на землю, а на корабли взойшло столько людей, что, казалось, ни в Сицилии, ни в Италии никого не осталось. Блестяще организованная операция удалась. Флот Сципиона достиг берегов Африки и вскоре началась высадка войск у мыса Прекрасный. Это свидетельствовало о силе Рима и скором приближении развязки в битве с Карфагеном. Добавим, что по условиям мира, к которому римляне вынудили в 201 г. до н. э. Карфаген, тот выдал Риму все свои военные корабли. Морское могущество великой державы было подорвано окончательно, и ее уничтожение было уже не за горами. Об этом нелишне вспомнить тем нашим правителям и флотоводцам, которые за последние 15 лет фактически уничтожили российский флот!

Римский рельеф с изображением транспортного судна

Порой у историков приходится встречать мнение, что Ганнибала от его победы отделяло лишь маленькое усилие. Казалось, сделай он одно усилие – и вот она в руках, желанная победа! Л. Гумилев говорит: «Вспомним трагедию Ганнибала, задыхающегося в неравной войне на пороге победы. После битвы при Каннах ему нужно было небольшое подкрепление, отряд пехоты, чтобы взять Рим и тем спасти Карфаген. Доводы, которыми оперировали в карфагенском сенате старейшин послы Ганнибала и сторонники фамилии Барка, были безукоризненны. Но желающий не слышать – не услышит, стремящийся не понять – не поймет. Старейшины Карфагена послали полководцу ответ: «Ты же побеждаешь, так зачем тебе еще войска?», чем обрекли на гибель своих внуков. А ведь нельзя сказать, что карфагенские правители были глупы или трусливы. Но влияние отсутствующего на них не распространялось. А когда побежденный Ганнибал вернулся в родной город, то оказалось, что его популярность столь велика, что (его)

могучие соперники вынуждены были склониться перед ним, и только ультиматум Римского сената вынудил Ганнибала покинуть родину». Мнение поверхностное.

Легкие корабли римлян в походе

Дело заключалось отнюдь не «в небольшом подкреплении», не «в отряде пехоты», «не в одном полке» или даже целой армии, которой якобы не хватило тому или иному полководцу для его окончательной победы – в данном случае взять Рим. Конечно, решающую роль играли громадные людские ресурсы Рима. Ганнибал бил римлян не один раз, но им каждый раз удавалось восстанавливать свои силы и набирать новые войска. Полибий дает сведения, собранные сенатом в 226 г. до н. э. перед угрозой галльского вторжения. Согласно этим сведениям Рим смог бы выставить при необходимости 700 000 пеших воинов и 70 000 всадников. Из этого числа 150 000 пехотинцев и 26 000 всадников были из Самния, Лукании и Калабрии, то есть из мест, что Рим на время утратил после поражения в битве при Каннах. Хотя Ганнибал раз за разом разбивал войска римлян, те возникали вновь и вновь, словно феникс из пепла... При Требии он разбил войско знаменитого Сципиона (тогда римляне потеряли убитыми 20 000 человек). Правда, Сципион еще не оправился от раны, и командование перешло в руки второго консула, Семпрония. Ганнибал перебрался через Апеннины в 215 г. до н. э. и застал консула Фламиния врасплох. Переход был трудным, войска шли через болота. Большая часть вьючных животных пала. Великий полководец потерял глаз (лечиться

было некогда, глаз вырезали с гноем). Ганнибал не стал ждать, пока соединятся войска двух римских консулов, – ударил по врагу. Не на высоте оказалась и римская разведка. Столкнувшись с воинами Ганнибала, легионеры отважно сражались, но после того как кельты отрезали им путь к отступлению, а консул Фламиний был убит, они отступили. На следующий день им пришлось сдаться. Римляне потеряли около пятнадцати тысяч и столько же их захватили в плен. Ганнибал оставил на поле сражения 1500 убитых (в основном кельтов).

Ганнибал – победитель. Статуя работы С. Шлоца

В 216 г. до н. э. консулами избраны были Варрон и Павл. При Каннах римляне решили дать Ганнибалу решающее сражение, собрав внушительную армию в 150 000 человек (16 легионов). То был самый кровавый день в истории Рима. На поле сражения остались лежать «командармы»: Павл, консулы Гемин и Регул, начальник конницы Минуций Руф, квесторы обоих консулов и 80 сенаторов. В итоге в трех катастрофах Рим потерял 100 000 человек. Отчаяние охватило Рим, вопли и стоны слышались всюду. Погруженные в мрачные думы,

сенаторы не знали, что делать дальше. А толпа выместила злобу на двух весталках, которых обвинили в нарушении обета девственности. Одна покончила самоубийством, другую похоронили заживо. На скотном дворе сожгли живьем грека и гречанку, а также двух кельтов, мужчину и женщину. Но главное другое: Рим сжал зубы и решил сражаться до конца. Диктатор, каковым был избран Марцелл (претор и командующий флотом), объявил срочный набор в армию. Набору подлежали все мужчины старше 17 лет. Так создали два новых легиона. Сформировали и еще два легиона добровольцев (из рабов), пообещав им за доблестную службу по защите римского государства дать вольную. Освободили на тех же условиях и 6000 преступников. Сенат отказался вести с Ганнибалом переговоры о мире, отказался даже принять пленных римских солдат (хотя те готовы были и сами заплатить выкуп). Их продали греческим работоторговцам. Рим перешел к тактике выжидания, мелких стычек, изматывания противника. Возникла даже фраза: до разгрома при Каннах римские армии шли на битву, после Канн – на войну.

Фреска Д. Рипанда. Ганнибал в Италии. Рим

Ганнибал

Знаменательно, что именно война против Карфагена, «первая мировая война» в истории, не только выдвинула Рим на первые роли в мировой политике, но явила миру такую величественную фигуру, как Публий Корнелий Сципион. Он станет известен миру как Публий Африканский (185–131 гг. до н. э.). В самом деле, это был достойный человек. Привлекают нас его человеческие качества. Он любил книги, поэзию, умную беседу с друзьями, любил долгие прогулки в лесу и по берегу моря, а также охоту. В то же время он терпеть не мог Форум и его политиков, их бесконечную и порой откровенно пустую болтовню. Суды же он ненавидел. Его душе была свойственна щедрость и удивительное равнодушие к богатствам. Когда в наследство от Сципиона Великого он получил огромное состояние (в драгоценностях), все эти «бирюльки» он отдал матери, а после ее смерти передал сестрам. Зятьям Сципиона, Тиберию Гракху, Назике, выплатил сразу всю сумму, хотя мог выплачивать и три года. Одним словом, это был щедрый и благородный человек. Публий Сципион имел железное здоровье, никогда не болел. В личной жизни был воздержан и чурался низких удовольствий. Так он сохранил здоровье и душевную крепость. Одевался просто и презирал любые украшения. Искусный воин, он и оружие любил простое, не дорогое. Будучи закален, зимой и летом он носил тогу с короткими рукавами. Пищу ел простую. Друзьям он позволял жить у него в доме, и те ни в чем не знали отказа.

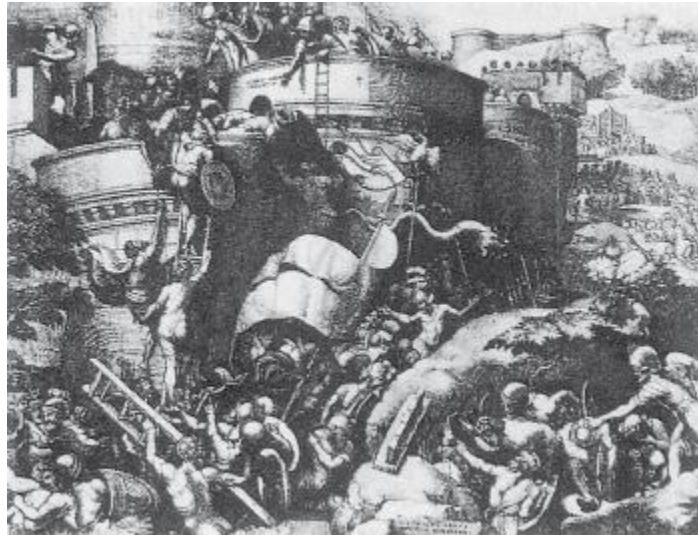

Сципион Африканский

Таковы же были многие его друзья. Среди них выделялся умница и красавец, поклонник наук Лелий, прозванный за ученость Мудрым. Гораций применял к нему выражение «ласковая мудрость». Римское государство не породило никого более высоко просвещенного, чем Публий Африканский и Гай Лелий, которые открыто общались с образованнейшими людьми Греции (Цицерон). Дома они часто устраивали веселые обеды, «приправленные милой беседой». Эти беседы перемежались шутками, остротами, забавными историями и рассказами. Но, конечно, не эти умные беседы или забавы сделали из этого человека героя. По словам Плиния, Публий занял первенство в трех важных сферах человеческой жизни – он был лучший оратор, лучший император и лучший сенатор (то есть лучший полководец и государственный деятель). Соглашаясь с этим, наш автор добавляет: Сципион – единственный из людей Античности, а может быть, и «всей человеческой истории, о котором не сохранилось ни одной низкой сплетни, ни одного грязного слуха». В глазах римлян он стал живым идеалом, «совершенством», как называл его Полибий. Историк, который имел на руках семейные архивы Сципиона и побывал на полях сражений, говорил, что тот подобен прекрасной статуе, произведению великого мастера, где продумана и важна каждая, пусть и малая, деталь. Для Цицерона Публий был воплощением понятия *humanitas*, то есть квинтэссенция лучших человеческих качеств, ибо он

в жизни «ничего не подумал, ничего не сделал и ничего не сказал, что не было бы достойно восхищения» (Патеркул). Эта великая личность – «солнце Рима».

Гравюра Г. Пенца. Взятие Нового Карфагена

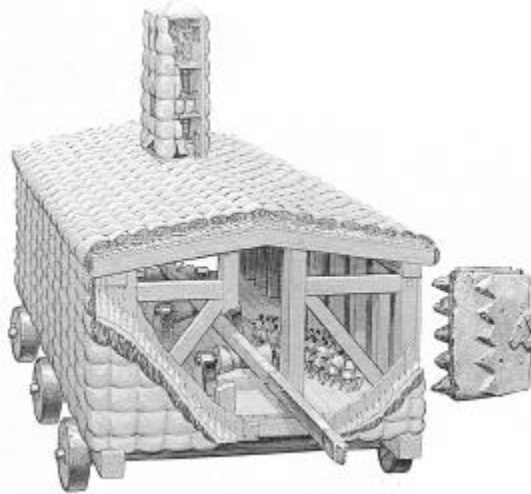
Скажем, вот Сципион берет штурмом Новый Карфаген (209 г. до н. э.). Город основан зятем Гамилькара и считался столицей баркидского «царства», занимая важные стратегические позиции. Фактически это был ключ ко всей Иберии. Его считали «крепостью-сейфом», вероятно, в силу неприступности и хранения тут огромных сокровищ пунийцев – груд золота и серебра. Сокровища свозились сюда со всей Испании, которую карфагеняне обирали почти 30 лет. Вызывает недоумение то, что город охранялся всего тысячью солдат. У Сципиона же было 25 тысяч пехотинцев и 2500 конников. Силы сторон были неравны. Схватка за город была отчаянной. Пунийцы сражались отважно, но, видя, что все захвачено врагом, вынуждены были сдаться. Пока происходила сдача, по всему городу избивали людей, не щадя никого из взрослых. Затем римляне занялись добычей. В их руки попало огромное количество военного снаряжения – катапульты, баллисты, скорпионы; а также 63 транспорта и 8 боевых кораблей, многие из них с грузом. Им досталось несметное количество золота, серебра: двести семьдесят золотых чаш; серебра в слитках или же в монетах восемнадцать тысяч триста фунтов, большое количество серебряной посуды и т. д. По сравнению со всем этим богатством, как признается римский историк Тит Ливий, сам по себе Новый Карфаген

«стоил малого», хотя полагаю, что потеря стратегически важной крепости означала серьезный удар по планам Ганнибала.

Римские солдаты идут на штурм

Свободных людей мужского пола в Новом Карфагене было захвачено около 10 тысяч. Как поступил Сципион с захваченными в плен людьми? Граждан он отпустил, возвратил им город и имущество, то, что уцелело от войны и грабежа. Две тысячи ремесленников были объявлены рабами римского народа. Правда, их он обещал освободить, если те будут усердно изготавливать все, нужное для войны. Часть сильных рабов и неграждан Сципион отправил на суда, чтобы пополнить число гребцов римского флота. Умно и дальновидно поступил он с испанцами, находившимися в городе в качестве заложников, объявив, что позаботится о них как о детях союзников. Военачальник римлян успокоил их, сказав, что теперь они во власти римского народа. Рим же предпочитает благодетельствовать своим союзникам, а не устрашать народы. Лучше привязывать к себе доверием и добрым союзом, нежели держать людей в прискорбном рабстве. Он узнал, кто из какого племени или города, и послал к ним гонцов: пусть приходят за своими.

Таран, описанный Витрувием

Автор книги о Ганнибале французский историк С. Лансель, не говоря уже о Ливии, конечно, рисуют исключительно радужными красками образ Сципиона. Скажем, вот одна из многочисленных историй такого рода. Как-то к римлянину, плача, обратилась знатная женщина племени илергетов. Она попросила у него защиты для молодых и красивых девушек Испании (от слишком назойливых римских солдат). Сципион сказал: «Ни я, ни один народ римский не допустим, чтобы было оскорблено то, что где-либо почитается святыней. Я еще внимательнее отнесусь к вам, уважая ваше достоинство и мужество: и в беде не забыли вы о чести свободной женщины». Как-то римские солдаты привели к нему редкой красоты молодую девушку. Куда бы та ни шла, все оборачивались, глядя ей вслед, – столь редкой красоты была эта девушка. Расспросив ее о ее родине и родителях, узнав, что она просватана за кельтиберского знатного юношу, он тут же пригласил к себе ее родителей и жениха. А узнав, что юноша страстно влюблен в свою невесту, Сципион обратился не к родителям, а к нему с тщательно обдуманной речью. То была речь опытного дипломата: «Я говорю с тобой, как юноша с юношей, – не будем стесняться друг друга. Когда наши солдаты привели ко мне твою взятую в плен невесту и я узнал, что она тебе по сердцу, – а этому поверишь, взглянув на нее, – то, не будь я поглощен делами государства и если можно было бы мне насладиться радостями юной, брачной и законной любви и дать себе волю, я пожелал бы твою невесту со всем пылом возлюбленного, – но сейчас я, насколько могу,

только покровительствую твоей любви. С невестой твоей обращались у меня так же почтительно, как обращались бы в доме ее родителей или у твоего тестя. Я оберегал ее для тебя, чтобы нетронутой вручить ее тебе как дар, достойный меня и тебя. И за этот подарок я выговариваю себе только одно: будь другом римскому народу». Слова эти глубоко растрогали юношу. Родители невесты также отреагировали подобающим образом: принесли много золота в качестве выкупа и попросили Сципиона принять в дар.

Дж. Б. Тьеполо. Великодушие Сципиона

Но тот велел сложить золото к своим ногам, а затем пригласил юношу Аллуция и заявил: «Сверх приданого, которое ты получишь от тестя, вот тебе мой свадебный подарок». И велел взять это золото. Понятно, восхищенный юноша после возвращения домой стал восхвалять землякам Сципиона, говоря: с неба явился богоподобный юноша, побеждающий всех не только оружием, и быть может даже не столько оружием, но удивительной добродотой и благодеянием. И пусть эта легенда носит явно мифологическо-агитационный характер, она все же символична. Пунийцы проигрывали в сравнении с Римом: они коварно убили послов Рима, напав на них из засады, убили полководца римлян Регула, когда тот сдержал слово и вернулся в Карфаген. Рим же старался соблюдать договора, чаще проявлял гуманность, справедливость, благородство в отношении врагов. В этом пытается убедить Полибий, и, читая его талантливую исповедь, веришь.

Пунийская крепость близ Карфагена

Конечно, благой образ Сципиона, представленный Полибием, можно объяснить и близкими отношениями между историком и семейством Сципионов. На деле все стороны, как мы вам показали, не останавливались перед самыми крайними мерами, рассчитывая устроить противника. При этом римляне не уступали ни в жестокости, ни в коварстве пунийцам. Так, когда римский полководец Марк Клавдий Нерон разбил в сражении войско брата Ганнибала, Гасдрубала, он тут же повел себя как варвар: отрезал ему голову и швырнул к аванпостам лагеря Ганнибала. Так же поступали сражавшиеся против пунийцев на стороне римлян рабы (видимо, кельтского происхождения). Они отрезали головы поверженных противников и, держа под мышкой сей кровавый «сувенир», продолжали бой. Говорят, что иные римляне, стремясь во что бы то ни стало одолеть противника, отказывались даже от самого ценного украшения мужчины – отрезали себе бороду, чтобы враг не смог их схватить за нее в рукопашном бою. Все ради одного – ради победы!

Оставив в стороне иные идиллические описания, признаем все же, что в лице Сципиона Африканского Рим действительно обрел гениального полководца. Он «постиг тайну тактического превосходства карфагенян». И ему удалось разбить великого пунийца

во многом потому, что армия Рима стала более маневренной и гибкой. Сципион изменил боевой порядок, объединив 3 манипулы в когорты (батальон). Он сделал так, что все подразделения (гастаты, принципы, триарии) стали в равной мере боеспособны и активны. Появилась вторая линия боевого порядка. Конечно, Сципион – военный диктатор. Некий сенатор верно сказал о нем: «Он поддерживает дисциплину в армии в стиле монарха» (Фабий Кунктатор). Сципион любил греческую литературу и философию, брал в качестве примера для подражания лучшие образцы культуры Греции и Рима, старался усвоить их, отбросив грубость и узость раннего Рима. Подходы Сципиона следует усвоить и нам. Вожди России должны знать и ценить дореволюционную русскую культуру, вместе с тем относясь с уважением к мировой культуре, значительным достижениям СССР.

Тойнби назвал это противостояние двух великих держав «единой Пунической войной, разделенной на два периода». Начавшееся в 264 г. до н. э. противоборство Рима и Карфагена закончилось битвой при Заме. В битве при Заме (201 г. до н. э.), что находится от Карфагена в пяти днях пути, Сципион наконец-то одолел великого пунийца, непобедимого Ганнибала. Это сражение было последним сражением 2-й Пунической войны. Битва была яростной. «Лучший эллин того времени», Полибий, который сам сражался бок о бок с римлянами, писал: «Никогда еще не было столь испытанных в бою войск, столь счастливых и искусных в военном деле полководцев, никогда еще не сулила судьба борющимся столь ценных наград. Победителю предстояло получить власть... над всеми дотоле известными нам странами мира». Карфаген сражался за сохранение власти над Африкой (хотя и не только), римляне же – за мировую империю. Рати Ганнибала («мешанина наций и языков»), состоявшие из наемников, дезертиров и рабов, вначале сражались мужественно. Много смешалось здесь языков «разноземных народов» (Гомер). Но вскоре не выдержали римского напора и побежали. К тому же в ходе самой битвы выяснилось, что карфагеняне бросили на произвол судьбы ближайших союзников. Римлян пало 1,5 тысячи, карфагенян – около 10 тысяч, почти столько же воинов римляне смогли взять в плен. Победа досталась римлянам не только благодаря мужеству воинов, но благодаря качеству оружия, умелой военной тактике – манипулы

римлян легко маневрировали. Но главным условием побед Рима было все же превосходство римских войск в дисциплине.

Ж. Ромен. Атака слонов Ганнибала в битве при Заме. Лувр

Тит Ливий пишет: «Африканцы и карфагеняне, занимавшие вторую линию, не помогали своим отступавшим союзникам, более того, и сами начали отходить, испугавшись, как бы римляне, перебив на передовой упорно сопротивлявшихся, не добрались до них. Тогда сражавшиеся на первой линии вдруг повернулись лицом к своим: одни пытались найти прибежище во второй линии, а другие, поняв, что их сначала оставили без помощи, а теперь отгоняют, стали избивать своих, не принимавших их к себе. Шли как бы два перемешанных между собой сражения: карфагенянам приходилось биться одновременно с неприятелем и со своими». Так карфагеняне предали своих союзников. Победа Рима была полной. Тот стал еще сильнее, а Карфаген в итоге многолетних битв на суше и на море лишился всех шансов на мировое лидерство.

Следует назвать еще одну причину (возможно, самую важную), что склонила чашу весов в пользу Рима. Известно, что в таких кровопролитных битвах многое решают резервы. Ко времени схватки с Карфагеном римляне и италийцы, несмотря на противоречия и обиды,

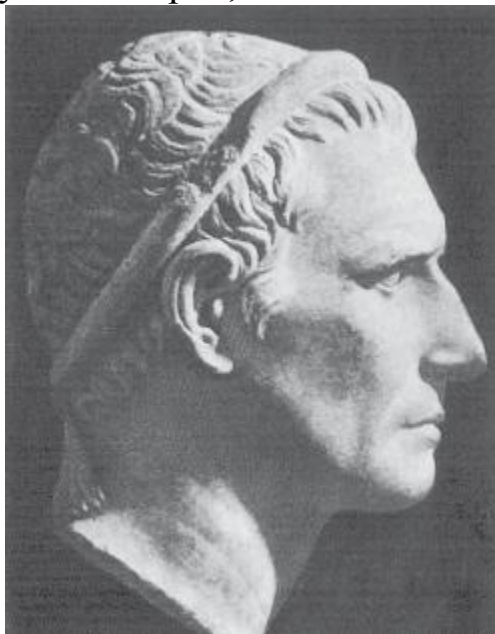
уже составляли единую нацию. Хотя латинские союзники Рима часто и жаловались на то, что основная тяжесть войны и страданий ложится на их плечи и их земли (и это была чистая правда), хотя Ганнибал и старался подкупить их, отпуская пленных домой без выкупа, тогда как римляне ссылали таковых за пределы Италии – в Сицилию, все же большинство колоний упорно продолжало поддерживать Рим в смертельной схватке. Впрочем, в 209 г. до н. э., когда исход битвы был еще не вполне ясен, 12 из 30 римских колоний отказались предоставлять деньги и новобранцев Риму. Причем, ни угрозы, ни уговоры римских сенаторов не подействовали на послов. К величайшему облегчению римлян скоро выяснилось, что 18 колоний все-таки готовы выставить столько воинов для продолжения битвы с Карфагеном, сколько будет необходимо. Это был момент истины... Он означал, что не прошли даром годы сотрудничества и братства по оружию. По мнению современников и наших историков, именно поддержка 18 колоний борьбы римлян против пунийцев в конечном счете и принесла победу Риму (Е. Родионов). С тех пор колонии-друзья удостоивались всяческих похвал и льгот, тогда как 12 колониям-отказникам был устроен Римом настоящий бойкот. Общение и даже упоминание о них было запрещено. Их статус в дальнейшем считался пониженным. Хотя замечу, что ни одна из них не стала призывать на свою защиту пунийцев. Знаменательный факт, который говорит о том, что все жители Италии по-прежнему видели свою судьбу и свое будущее в составе Римской Республики. История древнего Рима подсказывает и нам некоторые параллели... Разве граждане Советского Союза и бывшей России не чувствуют себя по сей день частями единого великого целого?! Разве сотни лет жизни в одном могучем государстве уже забыты нашими народами и ничего не стоят?! Понятно, что эту священную память не убить и не вытравить никакой пропагандой, не убить никакими щедрыми посулами и обманами (обещаниями включить их в «единую Европу» и т. п.). Даже если политические элиты тех или иных стран при этом будут купаться в золоте, поступающем из подвалов «нового Карфагена» – США! Надо слышать этот зов народов и внимать ему! Иначе народы просто уничтожат политические «элиты», действующие вразрез с историей и задачами государств. И будут абсолютно правы!

Сципион

Сципион изменил судьбу Рима. Он вышел на арену истории, когда власть Рима не простиралась даже на всю Италию. Когда же он уходил, Рим стал не только хозяином всего средиземноморского мира, власть его простерлась на все страны Европы, на Восток, Африку, Малую Азию. При этом он не стремился создать деспотическую империю, хотя территориальные приобретения и играли весьма существенную роль. Великое будущее Рима он видел на пути создания мощного имперского «ядра», представляющего конфедерацию народов и стран во главе с Римом. Среди этих стран Рим должен был обладать безусловным политическим, военным авторитетом и коммерческой гегемонией. Харт так пишет о Сципионе: «Труды Цезаря вымостили путь к упадку и падению власти Рима; труды (же) Сципиона сделали возможным мировое сообщество независимых государств, признающих верховенство Рима, но сохраняющих независимые внутренние органы, необходимые для питания и продолжения жизни политического тела. Владей его наследники хоть каплей мудрости и дальновидности Сципиона, Римская империя могла бы принять курс, аналогичный курсу современной Британской империи, и, путем создания кольца полунезависимых и здоровых буферных государств вокруг сердца римской власти, варварские вторжения были бы отражены, ход истории изменился бы, и прогресс цивилизации избежал бы тысячелетнего пребывания в коме». Нам показалось, что

эти слова во многом верны – и не только для Рима, ресурсы которого и тогда были все же весьма ограничены, сколько для современной и будущей России, которая имеет иное, более естественное геополитическое окружение стран, бывших ее частью.

Антиох III Великий

Вернувшись в Карфаген (после тридцатишестилетнего отсутствия), Ганнибал заявил сенату, что проиграл не сражение, а всю войну, и надо добиваться мира. Роль полководцев в истории Карфагена была велика. Они обладали верховной исполнительной властью, хотя высшей властью и считалось народное собрание. Их борьба против олигархов вызывала у плебса симпатии. Ведь не только своими военными успехами и полководческими талантами обязан Ганнибал той славой, что сопутствует ему в веках. Он был популярен у народа благодаря тем суровым мерам, которые принял против толстосумов Карфагена. Ганнибал, писал Ливий, снискал расположение плебса и ненависть большей части «принцепсов» и аристократии. Осуществленная Ганнибалом реформа общественного строя ограничила всевластие олигархии и усиливала в карфагенской «конституции» действие демократических элементов. Позитивный характер его акций не вызывал сомнений, хотя были издержки (появились демагоги типа Гасдрубала). Накануне 3–й Пунической

войны массы уже играли довольно важную роль в политической жизни тогдашнего мира.

Что же касается дальнейшей судьбы Ганнибала, то он более трех десятилетий еще непримиримо сражался против Римской империи. Потерпев ряд поражений, полководец уехал из Карфагена и направился ко двору Антиоха III, рассчитывая поднять против Рима Восток... Ганнибал благополучно добрался до Тира – там, у основателей Карфагена, он был принят как прославленный соотечественник, со всеми возможными почестями. И уже оттуда через несколько дней отплыл в Антиохию, где узнал, что царь Антиох двинулся в Азию. Ганнибал встретился с его сыном, но не мешкая поплыл дальше, нагнав царя Антиоха в Эфесе. «Тот все еще колебался и не мог отважиться на войну с Римом, прибытие Ганнибала сыграло немалую роль в принятии им окончательного решения». Ганнибал посоветовал ему вести войну на землях самого Рима, ибо только так можно было победить империю. Нет никаких сомнений, что Ганнибал был из той же породы солдат-завоевателей и авантюристов, что и Александр Македонский, хотя в этом ряду ставил себя выше Александра. Жажда славы и мирового господства двигала им. Ради этого он сжег 400 городов Италии, погубил в сражениях 300 тысяч человек.

Ганнибал в годы изгнания. Бюст из Капуи

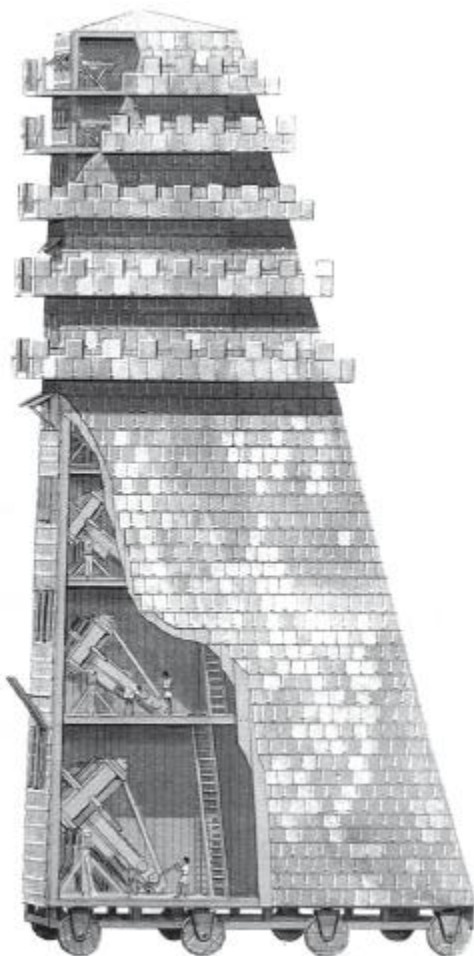
Впрочем, все страны и цари сражались за власть и богатства. Когда Ганнибал увидел огромную армию Антиоха, разукрашенную

золотыми и серебряными значками и дорогим оружием, то на вопрос Антиоха «Не считаешь ли ты, что все это достаточно для римлян?» он довольно ехидно заметил: «Да, вполне достаточно для римлян всего этого... Они очень жадны». Но и его собственная жадность была ничуть не меньшей. Старый вояка никак не мог успокоиться, хотя и, по словам Плутарха, «уподобился старой птице, потерявшей оперение и неспособной летать». В дальнейшем он побывал в Армении, где основал город Арташат на Араксе, затем объявился на Крите, а закончил жизнь, находясь у царя Прусии, в Вифинии, где его и решили выдать Риму. Не дожидаясь позора, 60-летний воин принял яд, сказав: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпех дожидаться смерти старика». Его похоронили на берегу Босфора, в Либиссе. Лаконичная надпись на саркофаге гласит: «Ганнибал здесь погребен».

Стоит подчеркнуть, что Ганнибал проявил себя не только как выдающийся полководец, но и как государственный деятель после того, как Большой Совет назначил его суффетом – высшим должностным лицом Карфагена. После победы римлян в битве при Заме Рим продиктовал карфагенянам условия мира: выдача дезертиров, пленников и обращенных в рабство; выдача всех слонов и запрет на обучение новых; выдача всех военных кораблей за исключением 10 трирем; запрет на ведение любых военных действий Карфагеном без разрешения Рима; признание царем Нумидии Масинисса; поставка хлеба и денег для союзных Риму армий; наконец, выплата в качестве контрибуции 10 тыс. талантов серебра Риму в течение 50 лет, а также отправка в Рим 100 заложников (отобранных Сципионом лично). В конце концов мир заключили через 40 лет после окончания Первой Пунической войны. Пунийцы выполнили все условия, хотя и попытались обмануть римлян во время выплат первых репараций. Предки иудеев тяжелее всего расставались с деньгами, в итоге, присланное ими из Карфагена в Рим серебро на четверть состояло из примесей. Ганнибал тут же провел специальное расследование. Выяснилось, что «рыльце в пушку» у Совета судей. И тогда он предпринял самые решительные действия, чтобы искоренить взятки и коррупцию. Он доказал, что при сильной власти можно честно выплачивать репарации и при этом не допускать роста цен и повышения налогов. Две с лишним тысячи лет спустя мы не можем похвастаться такими же успехами. Может дело в том, что у высшей

власти в России не было того авторитета, что у Ганнибала. Благодаря его жесткой и твердой политике в отношении олигархов положение Карфагена в области финансов улучшилось, несмотря на выплату репараций Риму. Увы, все его усилия по защите родины не были по достоинству оценены согражданами. Более того, Ганнибалу пришлось бежать из страны. Большой Совет объявил его вне закона, конфисковав все оставленное им имущество. В последние годы жизни Ганнибал выступил на стороне владыки Сирии, Антиоха. Однако даже его талант военачальника не помог Антиоху и тот был разбит римлянами. После поражения Антиоха Ганнибал направился в Армению, к царю Арташесу I, где выступил экспертом по градостроительству. Он предложил возводить город квадратами, объяснив все преимущества прямоугольной планировки строительства. На таких принципах и был построен город Арташат, столица Армении.

Штурмовая башня

Ливий так представил последние дни Ганнибала: «Когда впоследствии Антиох был побежден и Ганнибал бежал отсюда и блуждал по Вифинии, Фламинин, отправленный к Прусию (Прусий I, царь Вифинии. – *В. М.*) в качестве посла по другому вопросу, не получив раньше от Ганнибала никакой обиды, не имея и от римлян такого поручения, так как после покорения Карфагена он уже не мог быть страшным для римлян, при посредстве Прусии добился того, чтобы Ганнибал погиб от яда». Понятно желание Ливия попытаться снять с римлян подозрение в убийстве, но ближе к истине Корнелий Непот, который заявляет прямо, что за смертью Ганнибала в 182 г. до н. э., конечно же, стояли римляне.

До нас так и не дошли точные портреты этого великого карфагенянина. Есть монеты с изображениями африканских слонов, но нет монет с изображением головы Ганнибала. Нет уже и следов его походов, кроме мемориальной плиты из бронзы в итальянском храме. Но это один из самых запоминающихся образов во всемирной истории. Римляне долго будут вспоминать о нем со смесью страха и уважения. И во времена Ювенала детей пугали словами: «Ганнибал у ворот!».

Интересно, что в тот же самый год умер и Сципион Африканский, и тоже в изгнании. Два самых выдающихся противника и величайших полководца были отвергнуты родиной. В Риме Сципиона Африканского обвинили в том, что он якобы присвоил общественные деньги, и мир с Карфагеном заключил исключительно ради своей выгоды. Вызванный в суд, он явился, принес достоверные документы, доказывавшие его полную невиновность. Оскорбленный недоверием сограждан, Сципион счел ниже своего достоинства показывать их в суде и предпочел удалиться в свое деревенское поместье. Перед смертью он повелел выбить на могильном камне слова: «Моя неблагодарная страна не получит моих костей».

Римские солдаты

Минует еще полвека, прежде чем римляне осадили Карфаген (149 г. до н. э.). Победа Рима и поражение Карфагена были предопределены прежде всего преимуществом первого и недостатком второго в людских ресурсах. По утверждению Полибия, Рим и его италийские союзники за время войны смогли выставить в общей сложности 700 тысяч пехотинцев и 70 тысяч всадников. Карфаген не имел таких возможностей. Служившие в пунийской армии ливийцы, нумидийцы, иберы и галлы значительно уступали в численности италикам. Они не могли поставлять Ганнибалу сравнимого количества солдат. Не помогали ни военный гений их вождя, Ганнибала, ни выучка карфагенских профессиональных воинов, ни даже ненависть к Риму отдельных союзнических племен. К тому же римляне и сами искусно пользовались разногласиями между пунийцами и африканцами. В итоге нумидийский царь Массанасса в 150 г. до н. э., выступив против пунийцев, смог разбить их (лишь меньшая часть 58-тысячной армии Гасдрубала сумела дойти до Карфагена и спастись). В такой затяжной борьбе не на жизнь, а на смерть – известна фраза Катона, которую он все время повторял: «Карфаген должен быть разрушен», – все решает военно-экономический потенциал противников. А он, конечно же, был значительно более мощным у

римлян. Да, карфагеняне в той последней битве проявляли чудеса самоотверженности и мужества. После того как римляне забрали у них все вооружение (200 000 комплектов вооружения и 2 тысячи катапульт) и взяли 300 заложников, представлявших самые знатные семьи города, казалось, карфагеняне не смогут сопротивляться. Когда римляне потребовали покинуть город и поселиться вдали от моря (т. е. перестать жить тем, чем они всегда жили – торговлей), Карфаген перебил своих аристократов, сторонников мира с Римом (на любых условиях), и стал готовиться к решающей схватке. Командующим вновь назначили Гасдрубала, забив скамейками насмерть прежнего главковерха. Жители стали ежедневно изготавливать 140 щитов, 300 мечей, 1000 стрел для катапульт, 500 дротиков и копий, несколько десятков катапульт. Срочно строились и боевые корабли, для чего использовались деревянные балки зданий, медь из переплавленных статуй. Женщины отдавали свои волосы – для плетения канатов – и золотые украшения – на покупку оружия и продовольствия. Карфаген сражался с мужеством обреченного. Но мужество защитников только отсрочило финал трагедии.

Бой в Карфагене

В конце концов, город с двухметровыми стенами взяли штурмом (146 г. до н. э.). После долгих лет осады битвы, а также болезни и голод унесли жизни тысяч карфагенян, но те продолжали сражаться. Римлянам все же удалось ворваться в город. В храме бога огня стояла позолоченная статуя Решефа. Воины стали сдирать позолоченные пластины с фигуры божества весом примерно в тысячу талантов. На улицах шла страшная резня – из 700 тысяч жителей уцелело около

полусотни. В Бирсе (холм с кремлем, куда бежали 55 тысяч жителей и воинов) разыгрались последние сцены этой 6-дневной трагедии. Картину битвы оставил Аппиан.

Панцирь из гробницы в Ксур-эс-Сад. Тунис. Музей Бардо

«Все было полно стонов, плача, криков и всевозможных страданий, так как одних убивали в рукопашном бою, других еще сбрасывали вниз с крыш на землю, причем иные падали на прямо поднятые копья, всякого рода пики и мечи. Но никто ничего не поджигал из-за находившихся на крышах, пока к Бирсе не подошел Сципион. И тогда он сразу поджег все три узкие улицы, ведущие к Бирсе, а другим приказал, как только сгорит какая-либо часть, очищать там путь, чтобы удобнее могло проходить постоянно сменяемое войско. И тут представлялось зрелище других ужасов, так как огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а воины не понемногу разбирали дома, но, навалившись все разом, обрушивали их целиком. От этого происходил еще больший грохот, и вместе с камнями падали на середину улицы вперемешку и мертвые и живые, большей частью старики, дети и женщины, которые укрывались в потайных местах домов; одни из них раненые, другие полубожженные выпускали отчаянные крики. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, ломали руки и ноги и разбивались насмерть. Но это не было для них концом мучений.

Воины, расчищавшие улицы от камней, топорами, секирами и крючьями убрали упавшее и освобождали дорогу для проходящих войск; одни из них топорами и секирами, другие остриями крючьев перебрасывали и мертвых и еще живых в ямы, таща их, как бревна и камни, или переворачивая их железными орудиями: человеческое тело было мусором, наполнявшим рвы. Одни из выбрасываемых падали вниз головой, и их ноги, торчавшие из земли, еще долго содрогались; другие падали ногами вниз, и головы их торчали над землею, так что лошади, пробегая, разбивали им лица и черепа, не потому, что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней. Трудность войны и ожидание близкой победы, спешка в передвижении войск, крики глашатаев и трубные сигналы, возбуждавшие всех, трибуны и центурионы, пробежавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, – все это делало всех из-за спешки безумными и равнодушными к тому, что они видели». Когда конец был близок, полководец пунийцев Гасдрубал, палач римских пленных, поклявшийся умереть, но не сдаться, трусливо бежал и пал в ноги Сципиона, умоляя того сохранить ему жизнь. В храме Эшмуна он оставил жену и своих маленьких сыновей. Сципион показал предателя последним защитникам храма. Те прокляли своего бывшего вождя и в отчаянной отваге сами подожгли храм. Жена Гасдрубала у него на глазах зарезала сыновей, столкнула детей в пламя и последовала за ними, прокляв мужа-предателя. Сенат Рима принял решение – проклятый Карфаген сжечь. Город-соперник горел 16 дней... По обуглившимся развалинам провели плугом борозду – знак проклятия и забвения. Но подлому Гасдрубалу сохраняют жизнь и даже позволяют провести остаток дней в Италии. С тех пор Запад, любимое дитя Рима, кажется, готов приголубить всех чужих предателей.

Вид военного порта в Карфагене

Несомненно, Карфаген был жестоким и беспощадным агрессором. Взяв город Селиунт (409 г. до н. э.), пунийцы поголовно вырезали около 16 тысяч человек, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков; город Гимеры сровняли с землей, убив 3000 пленников, принеся их в жертву духу полководца Гамилькара. В его труде о Тите Ливии Макиавелли, сравнивая поведение Сципиона и Ганнибала, традиционно отмечает «излишнюю доброту» первого и жестокость второго. Он говорит о «чувстве ужаса, внушаемого его особою» (Ганнибалом), но отмечает, что тот и другой получали одинаковые

результаты различным поведением. Римляне уничтожили агрессивную цивилизацию – Карфаген. Хуже и страшнее ли она римской? Говоря о карфагенянах, Кареев отмечал, что те слыли народом *жестоким и жадным*, а их *вероломство* вошло у римлян даже в поговорку («*fides punica*», т. е. «пуническая верность»). Но точно так же, если еще не хуже, выглядели римляне в глазах угнетенных и покоренных народов. Полагаю, оба противника стояли друг друга. В 214 г. до н. э. в Сицилии, пытаясь повлиять на жителей Сиракуз, дабы они перешли на сторону Рима, известный полководец римлян Марцелл и претор Пульхр взяли штурмом и разграбили сицилийский город Леонтины. При этом две тысячи сторонников Карфагена были биты плетью и обезглавлены. Марцелл устроил резню среди граждан Генны. Закономерной реакцией сицилийцев была лютая ненависть к Риму. В непримиримой схватке Рима и Карфагена у последнего было немало союзников среди городов и земель Италии. Таковыми стали Сиракузы, Тарент и Капуя – давние и упорнейшие враги Рима.

Бог Бес

Боги таковы, каковы люди, которым они служат. И все же надо признать: нравы Карфагена были дикими и варварскими, а боги отличались невиданной свирепостью. Молоха-всепожирателя услаждали самые страшные мучения. Он требовал человеческих жертв. Карфагеняне верили, что эти жертвы очистят и спасут Карфаген. Ежегодно в жертву Ваалу-Хаммону сжигали человека, отдавая ему самых красивых пленных. Каждая семья (и знатная семья) должна была отдать ему своего первенца – мальчика. Карфагеняне приносили в жертву сто детей, публично выбранных из числа семей

первой знати. У них имелась медная статуя бога Кроноса. Она протягивала свои полые руки, наклоненные к земле таким образом, что «помещенный на них ребенок скатывается и летит в чрево, полное огня». Больше было бедных детей. Их сжигали заживо в медной статуе Ваала. Обычай исчез в бывшей метрополии, Тире, но карфагеняне продолжали следовать заветам, установленным пророком Моисеем. Евреи и их наследники составляли основу правящей элиты и знати Карфагена. Сегодня ни одна из так называемых развитых цивилизаций не отдает детей знати, их бесценные чада, в жертву Молоху войны, голода и нищеты. Это остается уделом плебса и толпы.

Финикийская богиня плодородия. Угарит

Вот как описал Флобер страшный ритуал принесения жертвы карфагенскому Молоху... Идола перевезли на Камонскую площадь, выбив кусок стены в храме Молоха. Идол передвигался, птясь назад, скользя на валах; плечи его были выше стен. По улицам распространился запах благовоний. Раскрылись двери всех храмов, и в них появились скинии богов на колесницах или на носилках, которые несли жрецы. То были ханаанские Ваалы, двойники верховного Ваала. Они должны были преклониться перед его силой и уничтожиться в его блеске. В шатре Мелькарта (Мелькарта Тирийского) из тонкой пурпуровой ткани сокрыто было керосиновое пламя; на шатре Камона гиацинтового цвета высился фаллос из слоновой кости, окаймленный венцом из драгоценных камней; за занавесками Эшмуна, эфирно-

голубого цвета, спал пифон, свернувшись в круг; боги Патэки, которых жрецы несли на руках, похожи были на больших спеленутых детей... Затем следовали все низшие формы божества: Ваал-Самен, бог небесных пространств; Ваал-Пеор, бог священных высот; Ваал-Зебуб, бог разврата, и все боги соседних стран и родственных племен: Ярбал ливийский, Адрамелек халдейский, Киюн сирийский; Деркетто с лицом девственницы ползла на плавниках... Жрецы Ваала несли на высоких шестах металлические звезды разных цветов... Тут представлены все светила, начиная с черного Неба, духа Меркурия, до Рагаба, изображавшего созвездие Крокодила. Жрецы Цереры несли в корзинах маленькие хлебы, воспроизводившие женский половой орган; другие жрецы шли со своими фетишами, своими амулетами; появились забытые идолы; взяты были даже мистические эмблемы кораблей. Казалось, что весь Карфаген хотел сосредоточиться на мысли о смерти и разрушении. Богачи и старейшины надели самые пышные свои драгоценности. Алмазы сверкали на их черных одеждах и слишком широкие кольца падали с похудевших рук. Ничто не могло быть мрачнее, чем эти безмолвные люди, у которых серьги ударялись о бледные щеки, а золотые тиары сжимали их лоб.

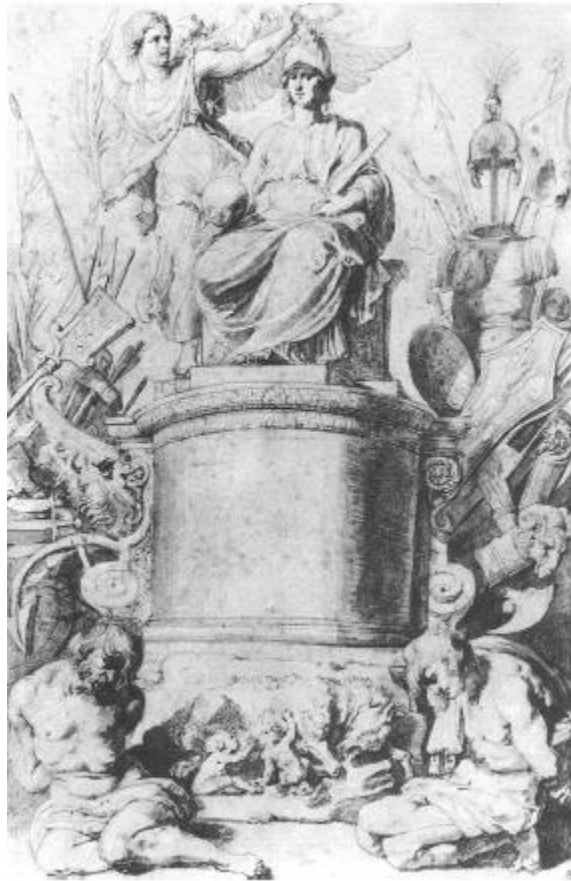

Молох, пожирающий жертву

В тот день все были под властью муж-ского начала. Молох, как и мужчины, был жесток. Жрецы Молоха, упитанные мясом жертв, облеченные в пурпур, как цари, разожгли между ногами колосса

костер из алоэ, кедра и лавров. Длинные крылья Молоха погрузились в огонь. Мази, которыми его натерли, текли по его медному телу, точно капли пота. Вдоль круглой плиты, на которую он упирался ногами, стоял неподвижный ряд детей, закутанных в черные покрывала. Несоразмерно длинные руки бога спускались к ним ладонями, точно собираясь схватить этот венец и унести его в небо. Богатые, старейшины, женщины – вся толпа теснилась за жрецами и на террасах домов. Многие лишились чувств. Другие точно окаменели в экстазе. Беспредельная тревога тяжело ложилась на грудь. Последние возгласы один за другим затихли. Карфагенский народ был охвачен жаждой ужаса. Наконец верховный жрец Молоха провел левой рукой по лицам детей под покрывалами, вырывая у каждого прядь волос на лбу и бросая ее в огонь. Жрецы в красных плащах запели священный гимн: «Слава тебе, Солнце! Царь двух поясов земли, творец, сам себя породивший, отец и мать, отец и сын, бог и богиня, богиня и бог!..» Голоса их потерялись в грохоте музыкальных инструментов, которые зазвучали все сразу, чтобы заглушить крики жертв... Рабы, служители храмов, открыли длинными крючками семь отделений, расположенных одно над другим по всему телу Ваала (Флобер).

Победители и побежденные

В самое верхнее отделение положили муку; во второе — двух голубей; в третье — обезьяну; в четвертое — барана; в пятое — овцу. А так как для шестого не оказалось быка, то туда положили дубленую шкуру, взятую из храма. Седьмое отделение осталось открытым. Прежде чем что-либо предпринять, нужно было испытать, как действуют руки идола. Тонкие цепочки, начинавшиеся у пальцев, шли к плечам и спускались сзади; когда их тянули книзу, раскрытые руки Молоха поднимались до высоты локтей и, сходясь, прижимались к животу. Их несколько раз привели в движение короткими, прерывистыми толчками. Инструменты смолкли. Пламя бушевало. Жрецы Молоха ходили по широкой плите, всматриваясь в толпу. Нужна была жертва отдельного человека, совершенно добровольная, так как считалось, что она увлечет за собою других. Но никто пока не появлялся... В ограду впустили обреченных, которые лежали в стороне, распростершись на земле. Им бросили связку страшных

железных орудий, и каждый из них обязан был сам избрать себе пытку. Они вонзали себе вертела в грудь, рассекали щеки, надевали на головы терновые венцы. Потом схватились за руки и, окружая детей, образовали так второй большой круг. Круг то сжимался, то расширялся... Мало-помалу люди проникали в проходы и доходили до конца.

Золотые украшения из Карфагена. VII—VI вв. до н.э.

Они стали бросать в огонь жемчуга, золотые сосуды, чаши, факелы, все свои богатства. Дары становились все более щедрыми и многочисленными. Наконец некий шатающийся человек с бледным, безобразно искаженным от ужаса лицом толкнул вперед ребенка. В руках колосса очутилась маленькая черная ноша – и она тут же исчезла в темном отверстии. Жрецы наклонились над краем большой плиты, и вновь раздалось пение, славящее радость смерти и воскресение в вечности. Жертвы поднимались медленно. А так как дым восходил высокими клубами, то казалось, будто они исчезали в облаке. Ни одна не шевелилась; ибо все были связаны по рукам и по ногам. Под темными покрывалами они ничего не видели, и их нельзя было узнать... Медные руки жуткого идола двигались все быстрее. Каждый раз, когда на них клали ребенка, жрецы Молоха простирали к жертве руки, чтобы взвалить на нее преступления народа, и громко кричали: «Это не люди, а быки!» Толпа кругом ревела: «Быки! Быки!»

Благочестивый люд кричал: «Ешь, властитель!» Вот так и мы преступления нашего поколения взваливаем на младенцев!

Учитывая вышесказанное, а главное то, что большими творческими деяниями пунийцы себя не прославили, видимо, в какой-то мере можно и согласиться с выводом авторов «Истории человечества», что писали сто лет назад: «Несмотря на большие богатства и значительные средства, Карфаген не завоевал себе особенных заслуг перед лицом культуры». Виной тому суровое олигархическо-аристократическое правление, культы, требовавшие жертвоприношений людей, а также торгово-посреднический характер этой цивилизации. И тем не менее заслуг пунийцев в культуре отрицать не стоит. Позитивное влияние на местные племена они, безусловно, оказали, что выразилось в строительстве городов, создании портов, в развитии промышленности и кораблестроения, в росте культуры.

И все ж Карфаген должен был уступить Риму. Причину этого отметил Цицерон в труде «О государстве». Там есть слова, многое объясняющие читателю: если бы предки римлян «не ставили блага государства превыше всего», Риму не удалось бы спастись от нашествия галлов, а также избавиться от ужаса, который внушал им Карфаген. Стоило бы обратить внимание нынешних военных структур России на следующую фразу Цицерона, где сказано о том, что дабы «раздавить гадину», Сципион Африканский перенес войну на вражеские земли, в их города, отведя угрозу «от ворот нашего города». Сей метод неплохо бы перенять и нам. А то уж больно много расплодилось независимых бандитов, решивших, что о нас можно вытирать ноги. Так сделал Ганнибал, перенеся театр военных действий в Испанию и Италию, то есть на земли, близлежащие к Риму. Такой же тактики придерживались все великие полководцы, желавшие остановить врага. Правда, и такая тактика – не панацея. Известно немало случаев, когда те, кто начинал с вторжения на чужую территорию, в итоге терпел сокрушительные поражения.

Портрет Сципиона на монете из Канузия

После побед Рима развалины Карфагена стали той первой ступенью, с которой началось возведение мирового владычества империи. Два наиболее известных, грозных противника – Карфаген и Македонская держава – вынуждены были уступить место Риму. Война 200 г. до н. э. против Филиппа знаменовала собой первый «акт зарождения римского империализма». Со смертью Ганнибала, что умер в один год со Сципионом (183), после сокрушения Карфагена, примерно к 120 г. до н. э., происходит завершение триумфа Рима. Исходной точкой постоянного отныне процесса завоевания Римом всего западного мира, писал Лансель, сопровождавшегося установлением его политического господства, в результате чего Рим по отношению к Западу стал тем же, чем была Греция по отношению к эллинистическому Востоку, послужили именно события, последовавшие за окончанием 2-й Пунической войны. В эти годы свершился и поворот в римском национальном сознании. С расширением государства римляне стали воспринимать себя как империю, как культурную доминанту, что равна или даже превосходила Грецию и Карфаген. Пожалуй, первыми это почувствуют на себе женщины, самый тонкий барометр настроений. Во всяком случае, уже в 195 г. до н. э. при консульстве Л. Флакка и Катона отменили закон трибуна Оппия, что 20 годами ранее требовал от римских женщин ограничить тягу к роскоши (им запрещалось носить золотые украшения, пышные наряды и разъезжать в конных экипажах).

В начале II в. до н. э. в Рим сплошным потоком потекли потоки богатств из Испании, Греции, Малой Азии, а затем из Карфагена. Рим становился мировой империей. Так что если культура античной и средневековой Западной Европы в конечном счете оказалась латинской, а не карфагенской, то произошло это потому, что римляне одолели своего грозного противника и уничтожили его.

Во многом благодаря Сципиону Рим пришел к периоду длительного прочного господства (на протяжении последующих пятисот лет). Поэтому часто говорят о великом триумфе Сципиона Африканского, чья роль в истории превосходит роль и значение Александра Македонского. Сравнивая эти две фигуры, историк отмечал: «Достижения Александра, быть может, превышали сципионовские по масштабу – на самом деле не так уж сильно, ибо если Александр установил империю от Дуная до Инда, которая развалилась после его смерти, то Сципион построил для Рима империю, которая простиралась от Атлантики до Черного моря и гор Тавра, – империю, которая выстояла и выросла. И там, где Александр строил на фундаменте, заложенном Филиппом, Сципион вышел на сцену в момент, когда самый фундамент римской власти в Италии был потрясен чужеземным врагом». Фигура Сципиона на многих производила впечатление, подобное явлению величественного, бессмертного божества. Говорят, что одной из причин было то, что с тех пор как он облекся в тогу, стал политиком, не было дня, чтобы он не ходил на Капитолий (когда был в Риме) и не сидел там долгое время в одиночестве и безмолвии, словно беседуя с богами. Что же до клеветы, сопутствующей великим, вспомним одну историю. Завистники Сципиона, среди которых главной фигурой был «ревнитель старины» Катон, как-то устроили над ним судилище, требуя отчета о деньгах, что якобы получил брат Сципиона от царя Антиоха. В тот день сам Сципион явился на суд и заявил народу Рима: «Я вспоминаю, квириты, что сегодня тот день, в который я победил пунийца Ганнибала, смертельного врага нашего государства... Я одержал вам эту победу и заключил мир, на который не было никакой надежды. Так не будем же неблагодарны к богам. Я думаю, оставим этого бездельника (и клеветника. – В. М.) и пойдем прямо на Капитолий и воздадим благодарность Юпитеру Всеблагому и Величайшему». Сказав так, он повернулся и спокойно ушел. И вся

толпа, все собрание в восторге пошло за ним. А нам подумалось: придет час, и потомки ведь спросят вас: «Те, кого вы клеймите, победили в великой войне, а вы, что сделали вы? Жили подачками с богатых столов вчерашних побежденных?»»

Ж.-О.-Д. Энгр. Сон Оссиана

Многие видели в нем бога... По этой причине поэт Энний, его друг, поместил Публия Африканского «не только в храм, но на небо», поместил смертного на небо вместе с Энеем, Ромулом, Геркулесом, сказав, что Геркулес почитается в числе богов, как Сципион, Публий Африкан-ский. Другой римлянин, Цицерон, закончил свою книгу «Государство» видением Сципиона, который предстает в «Сне Сципиона» (по аналогии со сном Энния). Сципион говорит: «Итак, если ты захочешь смотреть ввысь и обозреть эти обители и вечное жилище, то не прислушивайся к толкам черни и не связывай осуществления своих надежд с наградами, получаемыми от людей; сама доблесть, достоинствами своими, должна тебя увлекать на путь истинной славы; что говорят о тебе другие, о том пусть думают они сами; говорить они во всяком случае будут. Однако все их толки

ограничены тесными пределами тех стран, которые ты видишь, и никогда не бывают долговечными, к кому бы они ни относились; они оказываются похороненными со смертью людей, а от забвения потомками гаснут». И далее тот же Сципион говорит слушателю, который готов трудиться во имя славы его родины: «Да, дерзай и помни: не ты смертен, а твое тело. Ибо ты не то, что передает твой образ; нет, разум каждого — это и есть человек, а не тот внешний вид его, на который возможно указать пальцем. Знай же, ты — бог, коль скоро бог — тот, кто живет, кто чувствует, кто помнит, кто предвидит, кто повелевает, управляет и движет телом, которое ему дано, так же, как этим вот миром движет высшее божество». Бренным же нашим телом движет жизненный дух.

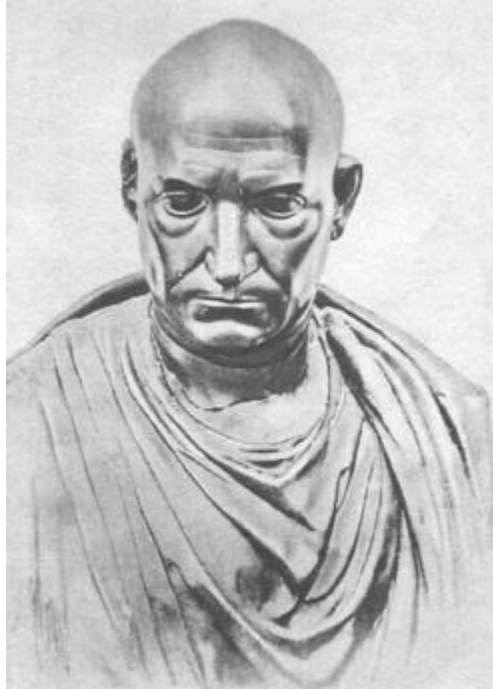
Сципион Эмилиан, внук Публия Африканского и наследник его великой славы, приехав в Африку, идя по стопам деда, также увидел сон, когда к нему с небес спускается сам Сципион, ставший богом. Они вместе взмывают ввысь, туда, где музыка сфер, гармония вселенной, где сияют лучи славы и слышится неземная музыка. «Сон Сципиона» произвел неизгладимое художественное воздействие на умы потомков: Макробий его комментировал, Данте ему подражал, Петрарка перелагал в «Африке», Боттичелли рисовал, а Энгр копировал («Сон Оссиана»). Писатель Гофман, прочтя ребенком это произведение, вспоминал: «Я, помню, убегал иной раз в светлые лунные ночи из дому и прислушивался, не донесет ли ветер до меня отголоска тех чудных звуков». Так Сципион в сознании всех последующих веков остался как «житель звездного неба, небренной земли».

Рафаэль. Сон рыцаря (слева – Добродетель, справа – Наслаждение)

Мы же полагаем, что истинное величие Сципиона в том, что он ценил людей по человеческим качествам – вне зависимости от их рождения, национальности или принадлежности к той или иной партии. Тит Ливий отмечал, что он сумел разгадать тайну власти и славы, и не только выигрывал страшные войны, но добился куда большего – смог оставаться уважаемым и невредимым даже среди самых настоящих варваров. Однажды обитавшие неподалеку варвары приблизились к его дому. Когда же солдаты Сципиона преградили им путь, вперед вышел один из них и стал умолять охрану дать им возможность увидеть этого великого и благородного человека, позволить познакомиться с его трудами и мыслями. И тогда Сципион понял, что он добился гораздо большего, чем военных побед: оказалось, что он нужен своим людям.

Сципион Африканский Старший

Однако спустимся вновь на землю, на землю Рима. С высшей точки развития, как известно, всегда начинается обратный путь, ибо за восхождением обычно следует или падение, или медленный спуск. Рим достиг вершины, на которой пребывал некоторое время, после чего в обществе подспудно стали действовать силы разрушения. Богатые хотели воспользоваться богатством, дети тех, чье имя было овеяно славой, уже не стремились к свершениям и подвигам. Эта тенденция с каждым годом стала ощущаться в Риме все сильнее и сильнее. Падение Карфагена предшествовало падению Рима. То будет трагическая и мрачная страница. Мне показалось, что это восхождение Рима можно сравнить с тем, как бурно растут цветы на могилах, обильно вскормленных трупами и кровью. Не случайно все римские историки, как один, обходят стороной картину описания разрушения и уничтожения Карфагена, как английские историки обходят стороной картину грабежа Индии, немецкие историки – чудовищную панораму грабежа, убийства России, а американцы – свои изуверства во Вьетнаме или Корее. Ливий, Дион Кассий, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский, Полибий умолчали о том, чего нельзя не заметить, о чем нельзя не сказать и что вопиет со страниц.

Н. Пуссен. Великодушие Сципиона

Так почему же судьба была так жестока к Карфагену? Почему он исчез с лица земли? Ведь не исчезли же Рим, Иерусалим, Афины, или Каир? Вопросом этим задаются и наши историки. Они считают, что Карфаген был уничтожен при «каких-то особых обстоятельствах, не имеющих прецедентов в летописях прошлого» (П. Чихачев). Разумеется, вовсе не таинственное веление провидения снесло с лица земли этот знаменитый город. Римляне отомстили за свой страх. Историк говорит о том, как Ганнибал, имея гораздо меньшую армию, чем у римлян, сумел разбить римлян в трех регулярных сражениях, причем все «эти подвиги были совершены не против изнеженных воинов Азии, а против самых мужественных солдат мира, которых Ганнибал держал под угрозой в течение шестнадцати лет, проведенных им в Италии, где он занял лучшие провинции». Римляне не простят этого пунийцам никогда. Они решили уничтожить Карфаген и повели себя при этом как безжалостные варвары. Кстати, с ними их победители так не поступят, когда придет час краха империи: «Спустя шесть веков после разрушения знаменитого финикийского города правитель Карфагена вандал Гейзерих, завоевавший Рим и грабивший его в течение 14 дней, перевез в Карфаген немало сокровищ, отобранных им у богачей вечного города. К его чести за тотальным ограблением Рима вандалами не последовало разрушения прекрасных

и многочисленных памятников Рима, существующих и поныне, тогда как варварская рука римлян превратила весь Карфаген в прах». Это утверждает Орозий, который, вероятно, черпал все свои сведения из источников, уже утраченных в настоящее время. Ведь сей историк, ученик Блаженного Августина, сообщает, что, разрушив Карфаген, римляне не только стерли с лица земли все здания, но даже обратили в пыль камни, из которых они были построены («*Omni murali lapide in pulverem comminuto*»).

Руины древнего Карфагена. Современный вид

Так что великий Рим поднялся на костях Карфагена и других поработенных народов. О том, как после победы над пунийцами стала меняться жизнь в Риме, писал один из историков: «Могуществу римлян открыл путь старший Сципион, а их изнеженности – младший: ведь избавившись от страха перед Карфагеном, устранив соперника по владычеству над миром, они перешли от доблести к порокам не постепенно, а стремительно и неудержимо; старый порядок был оставлен, внедрен новый; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских упражнений к удовольствиям, от дел – к праздности». Когда такое случается с могущественной державой, которая стала править большей частью мира, опираясь на силу, но при этом с каждым годом становясь слабее, такое состояние дел не может длиться вечно. Жребий ею брошен – и он зачастую оказывается трагичен. Когда у Империи нет соперников, она вскоре начинает

выгрызать себе внутренности. Так же и современная Россия, попавшая в руки слабых и безвольных политиков, будет обречена, если не найдет в себе силы и не вернет облика могучей страны. Недруги не простят ей былых страхов, и камни столиц будут обращены в пыль!

Карфаген. Общий вид сегодня

Правда в дальнейшем, словно пытаясь искупить невольную вину перед некогда грозным и опасным соперником, римляне попытаются вдохнуть жизнь в города Северной Африки. Особенно в эпоху правления Северов (конец II-начало III вв. н. э.) они перенесли дух и характер римского урбанизма на эти земли. В отличие от пунического Карфагена с его древневосточным колоритом в Римской Африке стали создаваться типично римские постройки – дома, арки, театры, акведуки... Автор фундаментальной монографии об искусстве стран Магриба Т. Каптерева пишет: «Следует представить себе, что города Римской Африки были не только плотно застроены, но и отличались яркой красочностью, множеством мозаик, цветной штукатурки, мраморных статуй. Африканцы развивали то, что в римском искусстве было зрелищным и патетическим, оставаясь безучастными к его холодной и напыщенной риторике. Истинно патетическое начало вносили в облик городов и многочисленные выбитые в камне посвятельные надписи, само начертание которых пленяет строгой тектоникой, интеллектуальной красотой, ритмом. «...Медь торжественной латыни поет на плитах как труба», – писал А. Блок, восхищенный живой выразительностью древних надписей Равенны».

Бесспорно, города эти жили напряженной жизнью, полной радостей и социальных контрастов. Однако то была уже другая, и скорее римская жизнь.

Рex Romana и греческое образование и воспитание

Итак, *свершилось – римский мир, Рex Romana, стал фактом*. Что представлял собой этот мир? Старые и новые историки пытаются представить его как некий гуманный, совершенный тип мирового устройства. «Римляне, – писал Полибий, – покорили своей власти весь известный мир, а не какие-нибудь его части, и подняли свое могущество на такую высоту, которая немыслима была для предков и не будет превзойдена потомками». Действительно, римляне сокрушат самые могущественные державы – Карфаген, Македонию, царство Селевкидов. Покорят они и многие азиатские царства, и античную Грецию. Аппиан писал в «Римской истории»: «Ни одна держава, вплоть до наших дней, никогда нигде не достигала таких размеров и не имела такого длительного существования. Ведь даже владения эллинов, если кто-либо соединил бы воедино владения афинян, лакедемонян и фиванцев, властвовавших одни за другими, начиная с похода Дария, откуда начался особенно блестящий период их деятельности, вплоть до гегемонии Филиппа, сына Аминты, над Элладой, не могли бы показаться столь обширными, как владения римлян... И вообще эллинское могущество, хотя они со всей страстью и боролись за гегемонию, нигде не выходило прочно за пределы Эллады, хотя они проявляли выдающуюся доблесть, отстаивая независимость своей страны. Со времен же Филиппа, ...и Александра, сына Филиппа, как мне кажется, они и вовсе действовали дурно и недостойно самих себя». Завоевав Грецию, римляне превратили ее в рядовую провинцию – Ахею.

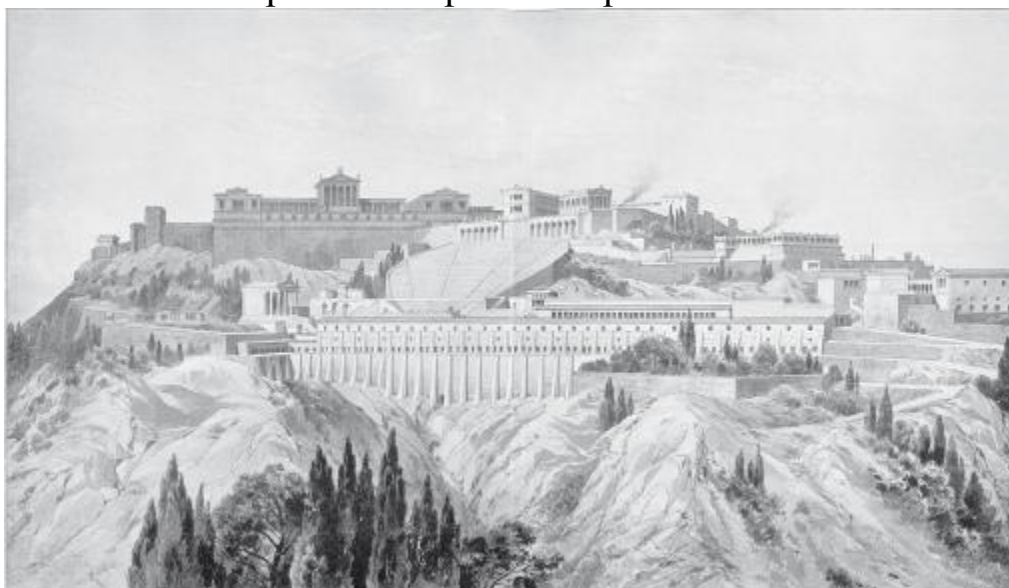

Дж. Вазари. Персей освобождает Андромеду

Рим воплотил мечту о глобальном Гегемоне, словно ставил целью выполнение миссии Зевса на Земле. А потому, победив Филиппа Македонского, римляне предоставили Греции свободу, сохраняя присутствие их гарнизонов в Коринфе, Деметриаде, Халкиде. Греция получила свободу, хотя и лишь как сателлит. Учитывая ее сложное международное положение, решение в общем-то было оправдано. Но греки стали громогласно возмущаться и требовать, чтобы с них «сняли оковы». Греки-этолийцы утверждали, что римский император Тит снял с них оковы, но тут же набросил веревку на шею. Тит решился вывести войска. Говорят, когда во время Истмийских игр неожиданно толпе заявили, что отныне Греция свободна, что римский сенат и император возвращают им желанную независимость, как и право жить по отеческим законам, а заодно освобождают Ахейю от постоя войск и податей, родился неимоверный взрыв энтузиазма, выразившийся в страшном крике. Даже вороны попадали замертво... Римляне проявили дипломатическую мудрость, сохранив за побежденными внутреннюю свободу. Они не покушались ни на конституции, ни на законы, не назначали ей наместников и не лишили ни одного из наследственных царей власти. Отнятые территории не переходили в полную собственность Рима. Конечно, у некоторых близких к римлянам по культуре народов это вызывало своего рода эйфорию.

Учитывая, что римляне вели себя вполне корректно, соблюдая известный такт, греческая аристократия согласна была обслуживать имперские цели Рима (раз уж не было другого выхода). Говорят, что и Пергам стал мощным государством, а Ливия выросла в размерах. Конечно, в известном смысле жить под властью одного господина (Рима) спокойнее и безопаснее, чем находиться в процессе постоянных войн всех против всех. Когда споры решает один вселенский судья, хотя бы тот же Рим, неизбежно воцаряется больший порядок. Рим

прекратил войну Пергама и Вифинии, предоставил автономию Греции, вырвал Ливию из когтей Карфагена, потребовал от Антиоха Эпифана прекратить войну против Египта. Он требовал от других ограничить силу их армий и флота. Все это так... Но почему, во имя чего? Вовсе не потому, что римляне, по словам настроенного к ним дружески и союзнически Полибия, как некие исключительные люди, были «одарены возвышенною душой и благородными чувствами», и не потому, что соболезнают всем несчастным и «спешат услужить всякому, кто прибегает к ним за покровительством». Они думали только о том, чтобы *в первую очередь услужить самим себе*. Обычно вместо дани побежденные народы должны были выплачивать Риму контрибуцию, рассчитанную на десятки лет. Чтобы выплаты были надежными и стабильными, нужен был мир. Всем известно, что воюющие стороны вынуждены тратить на войну огромные средства. И война за свободу Греции велась не из каких-то гуманных побуждений. Нет, с завоеванием Греции открывалась дорога ко всей Азии, к богатейшим и непокоренным странам мира.

Акрополь в Пергаме. Реконструкция

Римские политики, не стесняясь, прямо говорили о целях подобной экспансии. Римский консул заявил своему войску: «Вам надлежит помнить, что воюете вы не только за свободу Греции, хотя и это было бы величайшей честью, – вы освобождаете от этолийцев и Антиоха страну, ранее освобожденную от Филиппа. Вашей наградой

станет не только то, что находится в царском лагере, в добычу достанется и все снаряжение, которое там со дня на день ожидают из Эфеса. А затем римскому господству откроются Азия, Сирия и все богатейшие царства, простирающиеся вплоть до восхода солнца. А после что нам помешает от Гадеса до Красного моря раздвинуть границы римской державы вплоть до Океана, что окаймляет земной круг? И весь род людской станет чтить имя римлян вслед за именами богов! Да будут души ваши достойны подобной награды, чтобы завтра с божественной помощью мы славно сразились в решительной битве». Да и судьбу Пергама нельзя рассматривать вне связи с тем, что последний бездетный пергамский царь завещал свои владения Риму. Согласитесь, образ благородной и справедливой империи не вырисовывается.

Позволим себе с долей скепсиса взглянуть на утверждение даже известнейшего историка. «Римляне, – писал Плутарх, – заслужили не только похвалу, но приобрели всеобщее доверие и огромное влияние – и по справедливости. Римских магистратов не только охотно принимали, но и сами приглашали их, им вверяли судьбу не только народы и города – даже цари, обиженные другими царями, искали защиты у римлян, так что в скором времени... все стало им подвластно». Даже вечно недовольные, воинственные иудеи, прослышав о славных римлянах, об их щедрости и благородстве, об отсутствии у них якобы зависти и ревности, решили довериться их власти – и стали искать их покровительства и защиты. И все же мы уверены: Плутарх скорее всего принимает желаемое за действительное.

Геракл борется со львом. Римская копия

В свою очередь, многие цари и подчиненные Риму державы не «лишились клыков и ногтей». Они просто спрятали их на время в силу обстоятельств, вот и все. Достаточно вспомнить восстание Ахейского союза против римлян (146 г. до н. э.). Хотя ахейцев и называли последними героями Эллады, оно было быстро подавлено. Более жизненна и реалистична картина, описывающая, как у дверей сената в Риме до открытия толпятся цари, униженно добиваясь приема римских властей. Иные из подвластных царей вползали туда в рабском наряде и на четвереньках. Греция, ставшая вассалом Рима, узнала, что означает быть под пятой могущественной империи. Сюда зачастили посольства, состоящие из сенаторов. Рим фактически заставлял темпераментных южан действовать строго по указке, менял границы, обучал войска, готовил элиту, решал внутренние вопросы, ставил или изгонял вождей политических партий, оплачивая услуги. Вам ничто это не напоминает?!

Столь щадяще-милостивое поведение римлян в отношении греков объясняется их культурным влиянием. Что же происходило тогда на небосводе культуры? Одни (Шпенглер, Тойнби и Сорокин) склонны воспринимать эпоху Рима как закат культурного эллинского цикла, как «угасание творческой потенции эллинского духа». Другие говорят о «непрерывности в образованности Запада» (Ясперс). Правильнее было бы вести речь о новом и важном витке в развитии науки и культуры. Такой взгляд ближе к истине. Ведь у господства Рима была своя логика. Не стоит разрывать формулу «*singuli et universi*», ибо индивидуальное начало так же живет в коллективном, как и коллективное – в индивидуальном. Хотя наивно представлять Рим лишь как триумф «коллективного мира» над «индивидуальным» греческим миром.

Портрет римского мальчика. Эрмитаж

Италия и ранее была очень тесно связана с Микенской Грецией. Показательна попытка сближения судеб двух выдающихся мужей Греции и Рима (по формуле драматурга Энния, Эней был внуком Ромула). Колонизация сблизила культуры и нравы двух соседних регионов еще более. Римляне знакомятся с греческим образом жизни (книги, библиотеки, предметы одежды и роскоши, ученые рабы-греки). Проявлению интереса к Греции способствовала и миграция греческих интеллигентов. В 240 г. до н. э. римляне впервые познакомились с

комедиями и трагедиями, написанными хотя и на латыни, но на основе греческих аналогов. Грек-вольноотпущенник Андроник перевел на латынь «Одиссею» Гомера. Он же написал по поручению жрецов первую латинскую хоровую песнь. Особенно популярны были греческие мифы. Греческие герои становятся римскими. Таков Геракл. Как и подобает истинному герою, он спасает людей от бед и чудовищ. Деяния его явились демонстрацией безграничных возможностей героического духа. Его считают своим предком многие народы. Профиль бородатого Геракла чеканили на монетах в глубокой древности разные древние государства. Его можно увидеть на полустатерах Дикеи, выпускавшихся еще в VI в. до н. э., на монетах македонского царя Аминты III (389–364 гг. до н. э.). Схожие образы содержат монеты Филиппа II и Александра Македонского. На свой лад и вкус изобразят Геракла и римляне. Солдатский император Коммод выпустил монеты с изображением Геракла со своим профилем. Образ Геракла среди изображений героев, найденных в Галлии (на инталиях), составлял четверть всех прочих. Так что не будем доводить культ Геракла до апогея и абсурда. В Рим проникают научные понятия и категории (диалектика, классификация предметов, понятий, этические нормы). Лукулл привез с Востока сферу с движениями Луны, Солнца и звезд. Известны и труды Теренция Варрона, плодовитого оратора и ученого, затронувшего едва ли не все области наук, известных в Греции и Риме. По мере роста богатств римское общество стало все больше нуждаться в просвещенной службе из греков (врачи, учителя, историки, чтецы, секретари и т. д.). Вспомним хотя бы судьбу воина и историка, грека Полибия, взятого Римом в заложники и прославившего его.

Ритуальное чтение и жертвоприношение. Вилла Мистерий

Нельзя не упомянуть о роли греческого образования в воспитании римлян. От первых двух веков римской истории нет никаких свидетельств, касающихся обучения детей. По словам историков, первые упоминания о школе относятся к 449 г. до н. э. В больших и малых городах Италии появляются школы, которые посещают дети из лучших семейств. Как скажет Диоген: «Наука и образование для юношей служат целомудрием, для старцев – утешением, для бедных – богатством, для богатых – украшением». Некоторое представление о том, как римляне воспитывали детей, могут дать сведения, полученные от Катона Старшего. Тот взял на себя все заботы по воспитанию сына: руководил физическими упражнениями, учил, как владеть оружием, плавать, учил грамоте и праву и т. д. С этой целью он сам написал для себя учебное пособие, которое помогло ему воспитывать и учить сына. Катон Старший считал, что в обязанности отца входит сделать из сына гражданина и доблестного солдата, и вообще научить его достойной жизни. То была сугубо практическая система воспитания, и она приносила свои плоды. Сын всегда был при нем, участь правилам поведения, речи, манерам. Ранний Рим воспитывал в строгости и чистоте своих детей. Будучи цензором, Катон исключил из сената Мавлия за то, что тот средь бела дня поцеловал жену в присутствии дочери. Увы, пройдет не так много времени, и римские семьи будут представлять собой очаги порока. Однако к моменту схватки с Карфагеном римская молодежь была воспитана и выучена, к счастью, в должном ключе... Она была

мужественна, дисциплинированна, патриотична, закалена, верна долгу – и готова к битве. Во всяком случае, хотелось бы, чтобы российская молодежь была подобна ей. «Кто не учит сына ремеслу, учит воровству». (Талмуд)

Начиная с эпохи Пунических войн стала меняться и система воспитания. По мере побед и накопления значительного богатства в некоторых римских семьях, у многих появилась возможность нанять частного учителя. Возникают частные школы, которые вначале носят название *ludus* (от лат. игра). Каждый желающий мог стать учителем, сняв небольшое помещение и устроив там школу. Первое время государство вообще не имело никакого отношения к школам. Каждый учился на свой страх и риск. В начальных школах обучали читать, писать и считать. Учителя начальных классов принадлежали к низшему классу общества. Нередко это были вольноотпущенники или рабы. Был такой раб и у Катона Старшего, хотя он предпочел учить сына самостоятельно. А вот в других семьях обучение поручалось рабам, которых называли презрительно «грамотей» или «педагог». Писать дети учились с помощью стилия (заостренной палочки) на воощенных дощечках. Счету обучались, считая на пальцах, а потом производили несложные действия на тех же дощечках. Уровень образования был, конечно, не очень высок, но грамотой все владели. Историк Полибий вспоминал, как пароль передавался римским воинам в письменной форме.

Правда, инициатива создания школ в Риме принадлежала тогда не государству, которое устранилось от выполнения столь многотрудной задачи, но частным лицам. Посещение школ не было строго обязательным. Хотя уже в V в. до н. э. встречаются наименования неких училищ, возникших неподалеку от Форума. По словам Ливия, обычным явлением городской жизни стал и гул голосов «в школах грамоты». Римская школа долгое время оставалась частною: изучали там латынь и счет (считали на пальцах или с помощью абака – счетной доски). Мальчики учились вместе с девочками. Курс начальных наук заканчивался уже к 11–12 годам. О том, что уровень познаний «грамотеев» был не очень высок, свидетельствуют и многие надписи, найденные на стенах разрушенной Помпеи.

Памятник Неволей Тихе. Помпеи

Уроки проходили на открытом воздухе. Тем более что учиться в школах-лачугах было не очень-то и удобно. Помимо грамоты тут давались некоторые отрывки из законов. Цицерон вспоминал, как он выучивал наизусть законы Двенадцати таблиц. Ребенок, окончивший начальную школу, в 12–13 лет переходил к грамматике, а в 16 лет поступал в школу ратора. Помещение грамматика было более комфортабельно. Стены заведения могли украшать бюсты знаменитых писателей и философов, барельефы со сценами из Гомера и, возможно, даже и географические карты. В школу мог тогда зайти кто угодно, ибо детям ничто не угрожало. Поэтому там всегда было много народа.

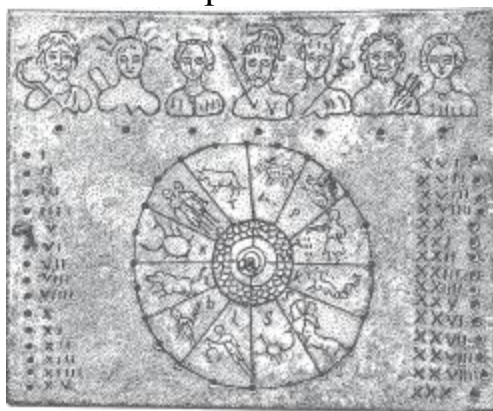
Постепенно Эллада берет культурный реванш. Растет интерес к изучению греческого языка. Без знания греческого уже немислим культурный человек. Римские анналисты Фабий Пиктор, Цинций Алимпент пишут труды по-гречески. Во II в. до н. э. большинство сенаторов владеет греческим языком. Сципион Эмилиан и все члены его кружка бегло говорят по-гречески. Публий Красс даже изучает греческие диалекты. Свободно владеет греческим языком Цицерон. Многие на нем говорят: консулы и вожди Помпей, Цезарь, Марк Антоний, Август. И даже свою последнюю в жизни фразу, обращенную им к Бруту, Цезарь произнес по-гречески: «И ты, дитя моё...» Греческие гувернеры и преподаватели философии заполнили римские дома. Возник новый прибыльный рынок знаний. В

дальнейшем зарождается и система высшего образования. В высших слоях общества появляется невиданный интерес к философии, литературе, истории, поэзии Греции. Например, Цезарь встретил известие о гибели Тиберия Гракха стихом Гомера. Последняя фраза Помпея, за минуты до его гибели – цитата из Софокла, которую он обращает к жене и сыну. Молодежь из знатных семей все чаще едет для изучения греческой философии, риторики, языка в Афины или на Родос. Овидий скажет: «Учение переходит в нравы». Образованная часть римского общества впитывала знания греков. Гораций напишет:

В Риме воспитан я был, и мне
довелось научиться,
Сколько наделал вреда ахейцам
Ахилл, рассердившись.
Дали развития мне еще больше
благие Афины, —
Так что способен я стал отличать
от кривого прямое,
Истину-правду искать среди
Академа-героя.

Должность педагога возникла в Риме не сразу. Вначале эта миссия полностью возлагалась на отцов семейств. Осознание необходимости систематического обучения и воспитания привело к появлению в состоятельных семьях домашних учителей. Стала выделяться и особая категория людей из числа грамотных и достаточно образованных рабов (*servi litterarii*), становившихся педагогами (или дословно – «детоводами»). Наемные учителя чаще всего выбирались из числа оседлых чужеземцев, что в целом указывает на невысокую привлекательность труда педагогов. Им даже не разрешали именовать себя «учителем» (по-латыни «профессором»); но называли «школьным надзирателем» или же «начальником школы» (*magister ludi*). Платили учителям начальных школ гроши (из этих сумм он должен был еще и выделить средства для того, чтобы снять помещение для школы). Поэтому порой такие школы устраивались просто на улице, так как для их открытия никаких разрешений не требовалось. Начинались

уроки рано (еще до петухов), шли весь день, а заканчивались поздно. Девочки и мальчики обучались совместно. Так как книги были дороги, в начальной школе использовали тексты, записанные под диктовку учителя. В лучшем положении были «грамматики» и риторы средних и высших школ, пользовавшиеся привилегиями императора.

Календарь со сменными штырями из Рима

В школе грамматика главным предметом была литература и поэзия. Студенты знакомились по переводам с произведениями греческой литературы (Гомер, Плавт, Теренций, Гесиод, Менандр, Эзоп). Историей часто пренебрегали. Оттого и не разглядели будущего. Хотя считалось престижным выучить наизусть несколько фраз или отрывков из Тита Ливия, Саллюстия, Вергилия, Горация, Овидия, Лукана, Стация и т. д. Что же касается собственно риторики, имелись риторы латинские и греческие, то есть появилась своего рода специализация. Чтобы подвигнуть юношей к изучению ораторского искусства, устраивались состязания между молодыми ораторами, и победителей награждали триумфом. Преподавание точных и естественных наук находилось на очень низком уровне. Цицерон говорил, что геометрия сводилась к искусству измерять, поскольку изучали скорее ремесло землемера, чем науку геометра. Астрономию изучали как поэтический вид. К искусству относились в высшей степени пренебрежительно. Лишь в редких случаях детей обучали искусствам (да и то в силу необходимости). Так, Фабий Пиктор отдал сына учиться живописи, поскольку его сын был немой и отец хотел как-то скрасить ему жизнь. К музыке, танцам римляне вообще относились с презрением. И даже занятия гимнастикой не приветствовались. Нагота казалась римлянам в высшей степени

безнравственной, возмутительной. На палестры римляне взирали как на школы праздности и разврата, что странно для нации воинов. Сенека говорил, что занятия тут составлены из масла и грязи. Таковы были вначале римские нравы.

Состязания борцов

В отличие от греков, более обращавших внимание на воспитание гражданина и человека, римляне делали больший акцент на практические навыки. Римляне старались приобщить потомство к труду земледельца, торговца, ремесленника. Хотя Сенека и скажет: «Учимся не для жизни, а для школы», понимали, что без трудового воспитания у нации нет будущего. Катон наставлял:

Если имеешь детей, а богатств
не имеешь, – старайся
Делу детей научить, чтоб могли
с нищетою бороться.

У римлян даже слово «обучение» мысленно отделялось от слова «воспитание». Цицерон говорил: «Отечество родило нас и воспитало с тем, чтобы мы отдали все силы своего духа, таланта и знаний его благу: поэтому мы должны изучать те науки, которыми мы можем принести пользу государству; в этом высшая мудрость и доблесть». На тех же позициях стоит Плиний Младший: «Кто же будет настолько терпелив, что захочет учиться тому, чего не сможет применить на

деле?» Об этой прагматической стороне характера обучения у римлян писал и Гораций:

Грекам Муза дала гений высокий,
изящное слово
Кроме величия, славы не алчут
они награждения;
Римлян же дети учатся вечно
с трудом и усиьем,
На сто частей как делить асс
без всякой ошибки.

В школах поддерживалась суровая, а порой и жестокая дисциплина. В порядке вещей были брань и побои, которыми осыпали учеников учителя, эти сеятели разумного и вечного. Тем от них крепко доставалось. Поэт Гораций вспоминал, что во время обучения в школе единственное, что запечатлелась в его сознании, была щедрость учителя на удары. О том, насколько безрадостным и мрачным было пребывание в стенах школы, говорит признание Августина. Вспоминая школьные годы, он говорил (возможно, преувеличивая), что всякий, кому предоставят выбор между смертью и возвращением в школу, выберет смерть. Не все стремились к знаниям. Широко распространены были равнодушие и лень. Некоторые старались увильнуть от занятий, прогуливали уроки. Придумывались различные болезни (натирали глаза оливковым маслом, пили настойку из тмина и т. п.). На уроках дети не слушали педагогов и болтали. Тут же следовало наказание. К помощи кнута прибегали чаще, чем к помощи стило. Учили детей при помощи розг и палок (лат. *per baculum*). Поэт Марциал даже назвал розгу «скипетром педагога» (*ferula*). С тех пор закрепилось выражение «пройти сквозь лозу учителя», что означало окончить курс школы. Хотя Сократ сказал: «Когда слово не бьет, то и палка не поможет».

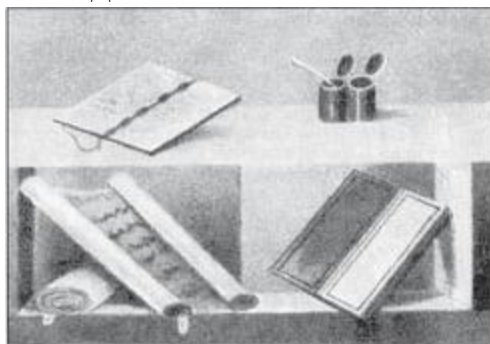
Урок. Учитель в середине

Мудрые всепонимающие учителя – миф, навеянный очевидной склонностью мышления к стереотипам, воспринимающим античность как «золотой век». Дабы стряхнуть это наваждение, вспомним одну из эпиграмм Марциала, где автор говорит: «В них сама жизнь говорит: это я». В другой он же жалуется; «Проклятый школьный учитель, ненавистный и мальчикам и девочкам! Еще не пели петухи, а из твоей школы уже несется твое свирепое ворчанье и звуки ударов». Причем трость использовалась для легких наказаний. В серьезных случаях на зад школьника обрушивались розги или ремень. На помпейской фреске показано, как помощник учителя с видимым удовольствием сечет ученика под строгим взглядом учителя. Такое воспитание приносило свои плоды. Воспитание и образование осуществлялось лицами, коих Гревс верно называл «просветителями поневоле». В «Книге зрелищ» Марциал говорит учителю:

Учитель школьный, сжался
над толпой юной.
Когда ты кудряшами осажден будешь,
И милым будет для всех них
твой стол детский,
Ни математик ловкий, ни писец скорый
Не будет окружен таким, как ты,
кругом.
Сияют дни, когда восходит Лев

знойный
И ниве желтой зреть дает июль
жаркий:
Ременной плети из шершавых
кож скифских,
Какой жестоко бит келенец был
Марсий,
И беспощадной феруле – жезлу
дядек —
До самых Ид октябрьских дай
поспать крепко:
Здоровье – вот ученье
для детей летом.

Реакция бедных учителей объяснима. Ну какой из раба «образованец»?! Живя подачками, достававшимися с барского стола, получая за труд мизерные деньги, учителя и не могли относиться к занятиям с вдохновением. Положение учителя средней школы («грамматики») было лучше, чем у учителя начальной школы. Они больше получали, их допускали в знатные семьи. И все-таки даже Цицерон невысоко ставил труд педагога. Многие из них имели слабую квалификацию. Профессия учителя не пользовалась популярностью. Сюда часто попадали случайные люди. Учителя находились в жесткой зависимости от хозяина и их отпрысков. Как правило, профессиональную нишу заполнили учителя-выходцы из Греции. Были достойные, гуманные и добрые учителя, подобные Филокалу («любителю прекрасного»), о котором говорит надгробная надпись эпохи Августа. Тот был ко всем благожелателен, ни в чем никому не отказывал и никого не обидел.

Свитки, дощечки и чернильница с пером

Свое участие в воспитании юношества принимали поэты, писатели, историки. К поэзии отношение римлян в целом было уважительным. В «Нравственных письмах к Луцилию» Сенека писал, что греки и римляне дают детям заучивать наизусть изречения (то, что греки называют «хриями»). Их особенно легко воспринимает детская душа, еще не способная вместить более сложное и глубокое видение и понимание жизни. Просвещенным людям стыдно «срывать цветочки изречений, опираясь, как на посох, на немногие расхожие мысли, и жить заученным на память». Они должны стоять на своих собственных ногах, а не только запоминать чужое. Философ советует «не упираться глазами в образец и не оглядываться всякий раз на учителя». Хотя, конечно, бывали и исключения.

А. Тадема. Чтение Гомера

Скажем, Катон подчеркивал, что в старые времена поэзия «была не в чести», а тот, кто ею увлекался или обнаруживал склонность к пирушкам, того называли бездельником. Платон также считал поэзию вредной, а мифы безнравственными. Свою позицию Платон объяснял тем, что поэзия далека от истинного бытия и порождает в головах иллюзорный мир. Согласитесь, что это довольно странный упрек со стороны первого идеалиста мира, породившего утопические видения, весьма далекие от реальности. Но вот ученик Платона, Аристотель, эта «самая универсальная голова», как говорил о нем Ф. Энгельс, напротив, считал поэзию не только исключительно полезной, но в

каком-то смысле даже более высоким родом искусства, чем философия или та же история. В своей «Поэтике» он разделяет их функции, отмечая, что задача поэта – говорить вовсе «не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости». Историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли оно, или в прозе), – нет, продолжает Аристотель, различаются они более тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому, на его взгляд, «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном». Нам следует запомнить это определение Аристотеля, ибо мы постарались, насколько это было в наших силах, объединить историю и поэзию.

Поэзия доступнее массе, нежели серьезные, но порой весьма трудные для понимания научные работы. Гений римской комедии Тит Макций Плавт (254–184 гг. до н. э.) влачил в Риме жалкое существование, выступая учителем римской толпы. В его комедиях действуют хитроумные рабы, мастеровые, учителя, сводники, гетеры. Темы эти получают развитие в пьесах Шекспира, Мольера, Брехта. Плавт сравнил процесс образования и воспитания молодых людей со строительством дома. Его надо содержать в полном порядке на протяжении всей жизни («Привидение»):

Вот что сказал я о доме.
А теперь хочу я вам
Разъяснить, какое сходство
есть у человека с ним.
Во-первых, родители – вот кто
строитель,
Они для детей воздвигают фундамент.
Выводят, старательно ставят
все скрепы
На всеобщее благо, народу в пример.
Ни сил не жалеют своих, ни достатка.
Расход не в расход для себя полагают,
Отделка – ученье наукам, законам,
Труды, издержки снова.

А все затем, чтоб дети их могли
служить в пример другим.
Когда ж идти на службу им военную,
кого-нибудь
Опорой из родни дают.
Тогда из рук строительных выходят,
а прослужат год,
То видно уж на опыте, постройка
хороша ль была?
Так-то вот я и сам дельным был,
честным был
До тех пор, как в руках был
своих мастеров,
А потом, только лишь стал своим
жить умом,
Я вконец тотчас же погубил
весь их труд.
Лень пришла. Мне она сделалась бурей,
И ее тот приход мне принес
град и дождь...
Погиб фундамент, и никто
не может больше мне помочь.
В сердце боль: знаю я, чем я стал,
чем я был:
Молодых всех людей, как гимнаст,
превзошел.
Диск, копье, бег, езда —
было все мне легко.
Так я жил хорошо.
Образцом моя служила твердость,
бережливость всем,
Люди лучшие желали у меня
учиться им.
А теперь уже ничто я,
и по собственной вине.

Римляне взяли у греков многое в науках и методах обучения. Математику изучали, по словам Цицерона, лишь в той мере, насколько это необходимо для ведения счета. Астрономию учили лишь в целях применения в мореплавании и земледелии, а обучение музыкальному искусству считалось и вовсе делом едва ли приличным. Сципион Африканский возмущался: «Сыновей и дочерей нашей знати обучают лживым и постыдным искусствам: они с плясунами, музыкантами и певцами ходят в школы комедиантов. Я не поверил своим глазам, но сам увидел, как в танцевальной школе 500 мальчиков и девочек, в том числе один 12-летний отрок, отплясывали такой танец, на который самый презренный раб не решился бы без стыда». Образование носило в Риме, как отмечалось, сугубо утилитарный характер. Но по мере того как шло становление системы обучения, росли потребности людей и в духовной сфере. Ведь чем выше запросы общества, тем лучше должно быть образование.

Сыновья Агриппы и Юлии: Луций и Гай

Скажем, победивший эллинов Луций Эмилий Павел, поставивший Грецию под контроль Рима, был и одним из первых, кто признал роль и значение эллинской культуры и образования. Его дети стали воспитываться на греческий лад, а за ним последовали и другие. Кратес Милосский, посол царя Аттала, читал лекции по грамматике на

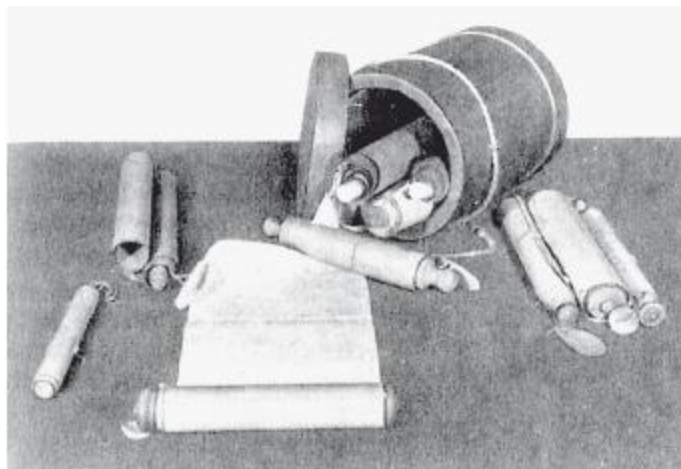
греческом языке (145 г. до н. э.). В конце 2-й пунической войны из южной Италии прибыл в Рим и полугрек Энний, ставший там одним из видных поэтов. Увлечение греческим языком среди римлян оказалось столь велико, что когда через десять лет греческие философы Карнеад, Критолай и Диоген, не владевшие латынью, прибыли в Рим в качестве послов, многие из молодых римлян могли слушать и понимать их лекции. Греческого посла, не владевшего латынью, в годы правления Суллы понимали без переводчика. Делаются переводы «Одиссеи» Гомера, драм Еврипида и т. д. Разумеется, ученые своими трудами способствуют внедрению латыни. Первым римским филологом стал Луций Элий Стиллон Преконин (род. в 150 г. до н. э.), учитель Варрона и Цицерона. Марк Теренций Варрон пишет сочинение «О латинском языке» («De lingua latina»).

Мальчик с голубем и буллой на шее

Образование не исчерпывалось только официальной школой. Плоды мудрости и знаний собирали повсюду. Нередко на это занятие

уходила вся жизнь. Однако учение само по себе крайне редко становилось целью и смыслом бытия. «Наши соотечественники, желавшие прославиться мудростью, – писал Цицерон, – всегда стремились полностью охватить все, что можно было изучить в нашем отечестве». А также и за его пределами – в Египте, Сирии, Иудее, Месопотамии. Культура распространяется вглубь и вширь среди римских граждан. Теперь уже просвещенный римлянин не скажет подобно Луцилию (II в. до н. э.): «Мой конь, мой конюх, мой плащ, моя палатка полезнее, чем философ». Растет число латинских учебников, развивается литература. На лекциях, по примеру Кратеса, читают не только Гомера, но и труды отечественных писателей: «Пуническую войну» Невия, «Хронику» Энния, стихотворения Луцилия. Возникло важное культурное явление – публичная лекция. В какой мере все это способствовало развитию образования? Очевидно, в немалой. Хотя формально эти лекции не были преподаванием для юношества, но они хорошо подготавливали юношество к чтению и пониманию классической латинской литературы. Таким образом, обозначился складывающийся образец гуманитарного высшего образования. Заметно вырос интерес к поэзии, литературе, историческому прошлому римлян.

Книжные свитки

По мере того как культура римлян, да и вообще многих латинян, росла, они потянулись к книгам... Уже во II–I вв. до н. э. в Риме появились первые частные библиотеки. Обычно книги доставались полководцам вместе с награбленными сокровищами. Луций Эмилий Павел после победы над македонцами перевез в Рим книжное

собрание македонского царя Персея. Сулла отправил из Афин в Рим часть библиотеки Аристотеля, принадлежавшую Апелликону с острова Теос. Появились и публичные библиотеки. Такую библиотеку вздумал создать еще Цезарь, поручив это дело Марку Теренцию Варрону. Смерть его помешала тогда строительству. Несколько десятилетий спустя к проекту Цезаря вернулся Азиний Поллион, который и основал такую библиотеку при храме Свободы на римском Форуме. Октавиан Август открыл свою библиотеку на Палатине при храме Аполлона в 28 г. до н. э., хотя та сильно пострадала при пожаре Рима (64 г.). И хотя библиотеки часто горели, все же к царствованию Константина в Риме насчитывалось 28 библиотек. Существовали библиотеки и в иных городах.

Двустворчатый «книжный шкаф» для папирусов

Политики, полководцы, сенаторы и даже императоры стали, что называется, «пописывать». Будущий император Клавдий I в юности написал на латинском языке свою биографию, а также ряд сочинений на греческом – карфагенскую историю и историю этрусков. Но чтобы что-то написать, прежде надо было немало прочесть, а для чтения необходимы книги. Книги же содержатся, как известно, в библиотеках. Витрувий отмечает огромную значимость библиотеки для лиц, занимающихся государственными, научными или литературными делами: «Кроме того, их библиотеки, картинные галереи и базилики должны сооружаться с пышностью, в которой они не уступят общественным постройкам...» О своей библиотеке писал и Плиний

Младший. Богатые библиотеки имели в Риме Марк Теренций Варрон, известный ученый-энциклопедист, а также Лукулл, прославившийся не только роскошными приемами, но и весьма ценным и обширным собранием книг.

С. В. Балакович. Катулл читает свои стихи

Литература, разумеется, потребовала немалых усилий и по развитию издательского дела (перепись стихов, трагедий, комедий, басен и т. д.). Известностью в Риме пользовался Спурий Кларан, поставлявший сенату и читавший на публике трагедии Энния («римского Гомера»), стихотворения Катулла, лирику. Иным поэтам платили за рифмоплетство вполне прилично (груды серебра). Особенно популярен был Катулл, нравившийся одинаково знати и простонародью. Правда, чаще уделом поэтов оставалась почти неприкрытая бедность. Катулл, бесстрашный Катулл, бичевавший своими политическими эпиграммами даже Цезаря, писал друзьям:

Мой Фабулл! Накормлю тебя отлично
В дни ближайшие, если бог поможет.
Только сам озаботься угощением,
И вином, и хорошенькой девчонкой,
И весельем, и острыми словами.

Озаботься всем этим, и отлично
Угостишься, дружок! А у Катулла
В кошельке загнездилась паутина...

А. Карраччи. Адонис находит Венеру

Тогда в Риме вошло в моду собирание редких книг. За ними охотились, их бережно хранили, любовно переписывали. Цицерон сообщает в письме Аттику, что получил от некоего Петта множество книг, и в другом письме приглашает того в свое поместье, желая похвастаться своим богатством: «Увидишь удивительный перечень моих книг, составленный Тираннионом...» В библиотеке были как латинские, так и греческие книги. Как и в поздние времена, для иных богачей собрания книг становились предметом накопительства, символом престижа, чтобы пускать пыль в глаза. Таких людей высмеивали Сенека, Лукиан, Ювенал. Ведь представители бедной

«римской интеллигенции» не имели средств для покупки книг. Эту столь типичную для всех времен ситуацию и описал Ювенал:

Старый ларь бережет сочинения
греков на свитках
(Мыши-невежды грызут эти
дивные стихотворенья).
Кодр не имел ничего...

Предпринимаются усилия в направлении создания специальной литературы для детей. Марк Порций Катон, известный оратор, бывший консулом и цензором (184 г. до н. э.), пишет первую римскую историю на латинском языке, создает первую энциклопедию и детскую историю для сына (в них собраны сведения по истории, военному делу, медицине, сельскому хозяйству). Катон прославился тем, что оберегал молодежь от дурных обычаев (попоек, разгула, роскоши). Он говорил, что достойным не к лицу походить на попугаев. Он ввел налоги на роскошь. Кстати, досталось от него и некоторым академикам, во главе с «идеологом» Карнеадом, соблазнявших молодежь дурными мыслями. Китайцы верно говорят: «Воспитание бывает часто личиною, пригодною для того, чтобы скрыть безобразие...»

Антонио Канова. Амур и Психея

Искусство воспитывало в молодежи чувство гордости за свое отечество. В Риме оно служило как воспитанию нравов, так и удовлетворению тщеславия. Это правило демонстрировали оба древних народа – греки и римляне. «Искусство смягчает нравы», – гласил афоризм.

Ф. А. Бруни. Вакханка и Амур. Русский музей

Глядя на древнюю историю, этого не замечаешь, но то, что оно тешило тщеславие и честолюбие сильных мира сего, сомнений нет. Так, римские патриции особенно высоко ценили право оставлять потомкам свое изображение (*jus imaginum*). Поэтому до нас дошло такое огромное количество скульптур, портретов и гемм. С ростом римского могущества, с притоком все новых богатств Рим стал отстраиваться и разрастаться. Из Греции пришли в архитектуру совершенные художественные скульптуры и фризy. В последние века республики вспыхнула строительная лихорадка. Императоры и вожди ее всячески поощряли. Красс, Цезарь, Помпей воздвигают пышные здания. Богачи и знатные люди стараются перещеголять друг друга. Дом Цицерона стоил 100 тысяч, дом Клодия – 740 тысяч сестерций. Появляется роскошный дворец Августа. При Августе Рим из кирпичного города становится мраморным. Растет и общее число частных домов. Стали создаваться многоэтажные здания (*insulae*) в 3–4

и даже более этажей. Каждый этаж имел особый вход и лестницу. Так, поэт Марциал, чтобы попасть в свою квартиру, должен был подниматься по трем лестницам. Окна в домах были небольшими, а покои освещались через небольшие отверстия. Дома согревались каминами с помощью теплого воздуха, поступавшего через проложенные в стенах трубы. При этом дым выходил через окна и отверстия в кровле. Пол в домах состоял из смеси земли, извести, камня. И лишь в дальнейшем возникает мраморный пол. На нем изображались цветы, ветви деревьев, животные и даже целые сцены из истории. Примечательна одна из подобных половых мозаик, найденная в 1831 году. На ней изображен эпизод битвы Александра Македонского. Другой образец подобной красочной мозаики – «Капитолийские голуби». Над внешним, передним входом в дом обычно находилась надпись «Salve» («Здравствуй») и висел молоток или колокольчик.

Античная мозаика. Голубки

Искусство и тогда не могло оставаться вне политики, активно участвуя в споре и схватках. В бурную эпоху гражданских войн оно являлось острейшим оружием в политической борьбе. П. Яль образно охарактеризовал художественную жизнь Рима как «войну картин и статуй!». Тот, кто узурпировал власть или рвался к ней, пытались поставить деятелей искусств на службу своим амбициям. В то же время за «опасные» книги и портреты и тогда иных порой преследовали и высылали. Цицерон приводит текст такого указа:

«Всякий, кто, храня у себя изображения мятежника и врага отечества, тем самым чтит его, недостоин оставаться в числе граждан». Плутарх рассказывал, как юный Цезарь, заигрывавший с популярными, ночью принес на Капитолий уничтоженные Суллой и вновь им изготовленные статуи Марии. Огромная толпа собралась у них утром. Это была подлинная политическая демонстрация, объектом которой стали портреты погибшего вождя демократов.

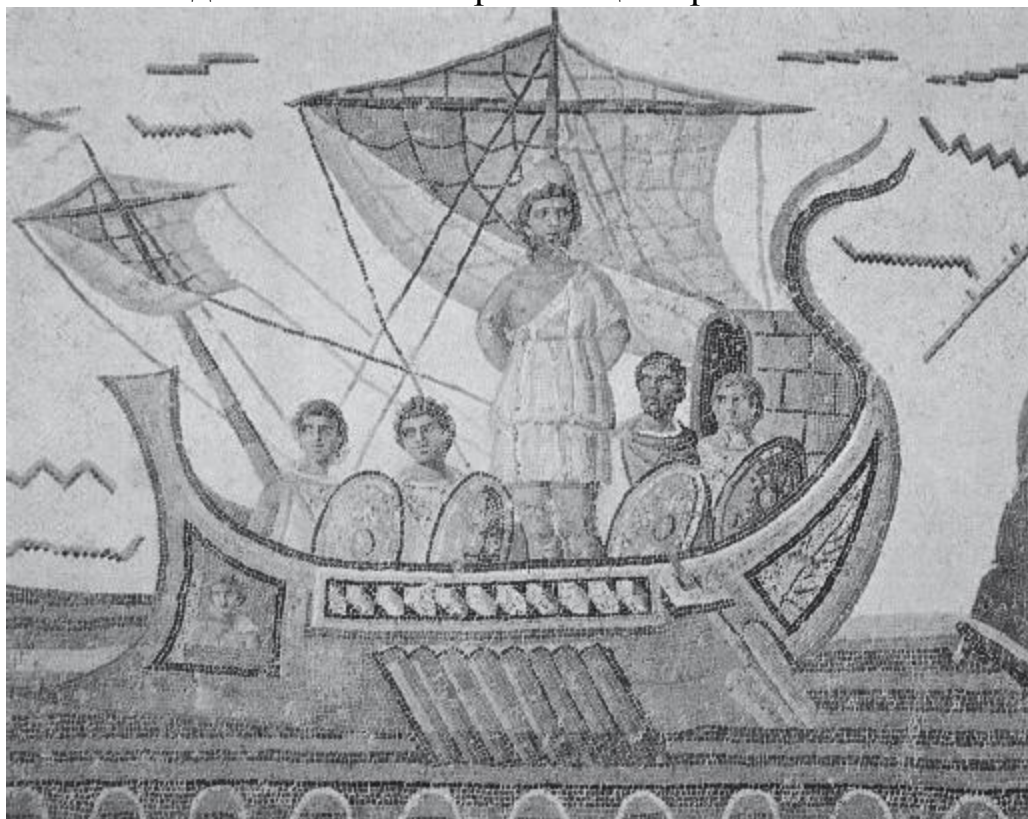

Геракл преклоняет колена перед богами Олимпа

Взаимоотношения греков и римлян были весьма далеки от идиллии. Во многих отношениях Рим представлял собой полнейшую противоположность Греции. Если греки с самого начала являли собой пеструю массу свободных, а потому в высшей степени независимых и самодостаточных государств-полисов, то римляне являлись более тесным политическим объединением. Г. Дельбрюк отмечал: «Раздробленные греческие государства либо сохраняли в своем государственном строе нечто косное, застойное (как Спарта), и до нас не дошло о них никаких достоверных известий; или же их кидало от одного коренного переворота к другому, так что, например, для Афин Аристотель насчитывает 11 сменявших друг друга различных образов правления». К тому же Рим во всех потрясениях все-таки следовал неуклонной линии развития. Даже при переходе от монархии к республике, совершившемся революционным путем, сохранилась в значительных чертах основная сущность прежнего государственного строя. Римляне были более привычны (в первые столетия их истории) к более суровым условиям не только обитания, но и службы. Известно,

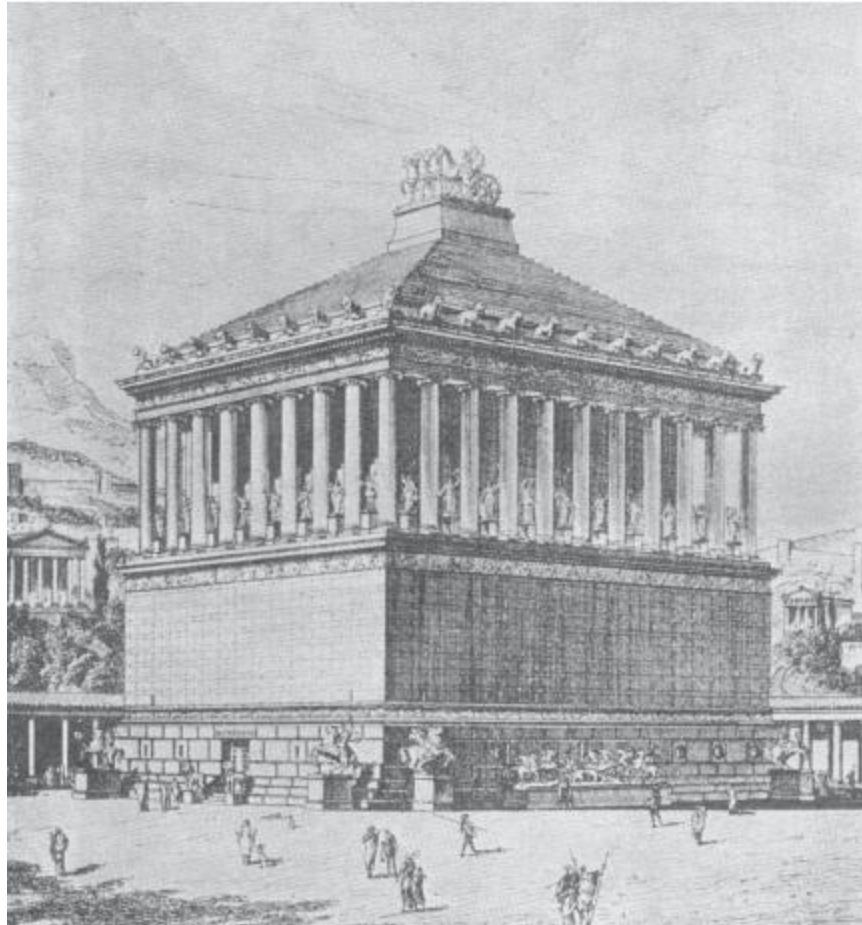
что в Афинах на каждого гоплита (тяжеловооруженного воина) приходился один легковооруженный, а в Риме это соотношение составляло один к трем. В Афинах сопровождающим воина выступал раб, а в Риме эту функцию выполнял гражданин, подлежавший воинской повинности. Рим был скорее, чем Греция, приспособлен к ведению долгих и изнурительных боевых действий. Народ его был воспитан в военном духе. Экономические основы римского государства были лучше приспособлены к существованию на грани войны и мира. Поэтому Греция побеждала в культуре, тогда как Рим оказывался победителем во всех решающих сражениях и битвах.

Одиссей пускается в путь

Разница в типах и идеалах вела к тому, что часть римлян относилась к грекам настороженно. Иные из них считали греческих врачей отравителями, а риториков – краснобаями, сбивающими с толку порядочных людей, философов же – людьми бесполезными для республики. Когда во-след Цицерону кричали «грек» и «философ», это у римской толпы считалось обидным и почти бранным словом. Случалось, что философов и риториков высылали из Рима, а их школы

закрывали, как чуждые традициям и установлениям предков. Крайнее эллинофильство резко осуждалось. Политик Катон при всяком удобном случае высмеивал и резко бранил греков, видя в их образовании семена гибели для Рима. Ведь греки учили утонченности в ущерб простоте нравов, изнеженности в ущерб закаленности и здоровью, словесной эквилибристике в ущерб простоте мысли. Греки, по его твердому убеждению, всех развратили своей литературой. Они же испортили и римские нравы. Будучи цензором, он наложил на богатые платья и драгоценности пошлину, в десять раз превышающую их стоимость. По его настоянию из Рима изгнали эпикурейцев Фалиска и Алкея. Вышел и указ сената о закрытии всех театров и изгнании всех риторов. Когда римляне заинтересовались диалектикой, Катон выслал из города греческих послов, ставших преподавать в Риме «зловредную риторику» (в 155 г. до н. э.). Похоже, в позднюю эпоху в тогу Катона решил облечься и Фридрих Ницше. Он восклицал: «Грекам я не обязан подобными по силе впечатлениями; и, говорю это прямо, они не *могут* быть для нас тем, чем являются римляне. *Учатся* не у греков – их порода слишком чужда нам, она также слишком текуча, чтобы действовать императивно, действовать «классически». Кто учился когда-либо писать у грека! Кто учился этому когда-либо *без* римлян!».

Мавзолей в Галикарнасе

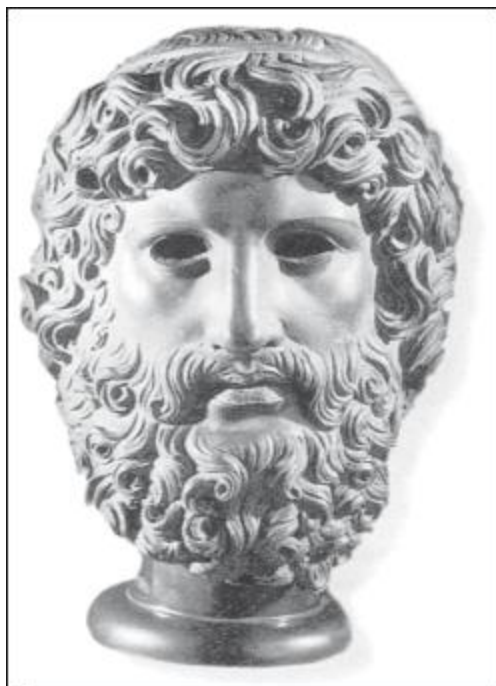
Древние говорили: «Пока молод, сердцем чистым словам внимай и вверяйся мудрейшим». Жизнь каждого строго индивидуальна. Время вносит коррективы и планы. Те, кто не смогли выйти из-под опеки предшественников, терпели поражение. Они будут повторять чужие слова, оставаясь переписчиками и пересказчиками чужих мыслей. Истина открыта для всех, но не всем она доступна. Воспитанные в духе опеки и рабского служения люди никогда не достигнут великих целей. Мудрость веков предостерегала против чрезмерного упования на чужой опыт. Каждый из великих народов, греки и римляне, внесли ценный вклад в культуру.

Глава 2. Власть диктаторов и императоров

Одной из интереснейших проблем в истории древнего мира является решение вопроса о том, как и в силу каких причин римское государство, построенное на основах античного народовластия, то есть свободного гражданского строя, и просуществовавшее на этих основах ряд столетий, в результате процесса, длившегося всего несколько десятилетий, оказывается в руках носителей абсолютистской власти и притом не преходяще, как это наблюдается в ряде греческих городов-государств, а длительно. Раз появившись и укрепившись, Римская империя, все более и более выявляющая свое абсолютистское лицо, существует непрерывно ряд столетий, погибая только вместе с гибелью римского государства или, вернее сказать, переживая эту гибель и возрождаясь в новой обстановке и при новых условиях.

М. И. Ростовцев. Рождение Римской империи.

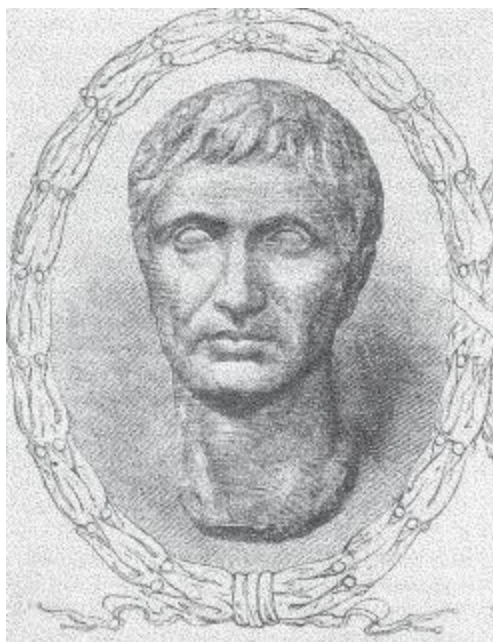
Путь к диктатуре: Сулла, Помпей, Цезарь, Брут

Если Карлейль прав хотя бы частично и история мира это действительно биография великих людей, то историку, писателю, а уж тем более политику или государственному мужу не обойтись без обращения к именам Суллы и Цезаря, хотя нас (да и вас) собственная жизнь волнует куда «больше, чем жизнь Юлия Цезаря».

Сулла – молот, что нанес первый весьма ощутимый удар против Республики... Говорят, он был человеком огромной физической силы. Хотя он и не получил систематического образования, отличался высокой культурой, писал сочинения по естественной истории и якобы знал 22 языка. События, приведшие его на вершину власти, развивались так. Римский сенат поручил оптимату вести войну против Митридата. Он разгромил войска противника в битвах за Афины и при Херонее. В первом случае римляне не встретили особого сопротивления. Когда же во время переговоров греки стали напоминать ему о славном прошлом Афин, он рассердился и выгнал послов, заявив, что римляне пришли побеждать, а не слушать уроки по

истории. В городе его солдаты вели себя как варвары. Ведь Сулла предоставил им полное право грабить и убивать. Солдаты грабили все, что попадалось под руку. Многих афинян просто задушили. Многие покончили жизнь самоубийством. Сулла присвоил богатства из сокровищницы Парфенона (60 золотых и 600 серебряных талантов), увез в Рим колонны храма Юпитера Олимпийского. Еще худшей участи подвергся захваченный Пирей. Этим дело не ограничилось. От жестокости и жадности Суллы пострадали Делос, Дельфы, Олимпия. Он буквально стер с лица земли целый ряд городов. «С похода Суллы в Грецию началось ее падение и уменьшение ее народонаселения, – открыто писал Г. Финлей. – Опустошения, произведенные им в Аттике, до такой степени уничтожили там всякую собственность, что Афины с тех пор утратили не только свое политическое, но и торговое значение. Раса афинских граждан была почти совсем истреблена, а права гражданства перешли к новому населению, состоявшему из массы разнородных поселенцев». Хотя Сулла оставил Афинам как союзному государству свободу и автономию, но это была лишь призрачная свобода. С тех пор Греция исчезла как самостоятельная национальная сила, став добычей тиранов и пиратов. Отныне ее судьба решалась Римом и Востоком.

Диктатор Сулла

О том, как действовал Сулла, писал и Аппиан... Когда его войска ворвались в Афины, началось ужасное и безжалостное избиение: «Ни бежать они не могли вследствие истощения, ни пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам. Сулла приказал всех попадавшихся на пути избивать, в гневе за их поспешный и нелепый переход на сторону варваров и раздраженный их неумеренными оскорблениями. Очень многие, услышав об этом приказе, сами бросались к убийцам, чтобы они скорее выполнили свое дело. Лишь у немногих хватило сил добежать до Акрополя. Сулле удалось остановить пожар города, он отдал его на разграбление войску. И римские воины во многих домах находили человеческое мясо, приготовленное для еды. На следующий день Сулла продал рабов. Гражданам, которые в течение прошлой ночи не успели быть убитыми, – их было очень мало, – он объявил, что дарует свободу, но право голосования, камешками ли, поднятием ли рук, он отнимает, так как они воевали с ним, но их потомкам обещал вернуть это право. Так в полной мере беды постигли Афины. Сулла поставил гарнизон в Акрополе, так как Аристион и бежавшие сюда вместе с ним под гнетом голода и жажды в скором времени сдались. Из них Аристиона и его свиту, равно и тех, которые несли какую-либо официальную должность и совершили что-либо против того, что было ранее установлено, когда Эллада была завоевана римлянами, – этих Сулла наказал смертью; других же он пощадил и установил для всех них законы, близкие к тем, которые раньше были определены им римлянами. Из Акрополя было вывезено золота около сорока футов, а серебра – около шестисот. Но эти события в Акрополе произошли несколько позднее» (Аппиан Александрийский). Но Сулла говорил, что прекратил разграбление Афин, сказав, что «милует живых ради мертвых».

Митридат VI Евпатор, царь Понта

Удачливый военачальник, успешно закончивший войну против Митридата, царя Понта, и заключивший с ним Дарданский мир (85 г. до н. э.), он был подготовлен к роли диктатора. Сулла уничтожил 200 тысяч воинов Митридата. В глазах римлян это был типичный восточный деспот, весьма жестокий и коварный. Он приказал убить тетрархов Галатии, своих верных друзей. Пригласил на банкет с женами и детьми и всех их уничтожил. Италиков он убивал повсюду, несмотря ни на возраст, ни на пол. При оценке этой очередной схватки Рима с Азией надо учесть, что Митридат в глазах многих обитателей Малой Азии выступал в роли освободителя, ибо освобождал подвластные Риму территории и города. Когда же он стал терпеть поражения, те вновь становились зависимыми от Рима. Рабы должны были вернуться к ненавистным римским хозяевам. Борьба с ним стала для Суллы важной ступенью на пути к венцу императора. В результате побед Суллы были созданы еще 44 фискальных округа, для разверстки и получения налогов. Союзники Рима – Хиос, Лиция, Магнесия, Родос и другие – объявлены свободными и исключены из каких-либо фискальных и военных обязательств. Ряд городов получили почетные грамоты. К диктатуре Суллу подталкивала не только война с Митридатом VI Евпатором (120—63 гг. до н. э.), но и политическая

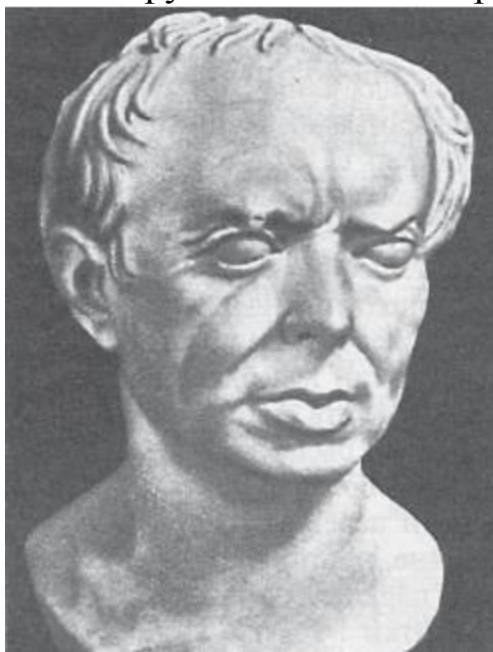
обстановка в самом Риме. Сулле оскорбило то, что его, победителя Митридата, ждал не триумф, как следовало бы предполагать, а преследование со стороны сената Рима. Тот осмелился поставить его вне закона. Диктаторы появляются в том случае, когда социальные силы в обществе разделены или расколоты столь глубоко, что не в состоянии выполнить ключевые задачи нации и государства. В схожих условиях произошло и призвание Цинцинната к власти диктатора.

Дж. Б. Тъеполо. Призвание Цинцинната к власти диктатора

История превращения Суллы в диктатора довольно тривиальна. Победы дали ему власть и поддержку войска. Так он стал «солдатским императором». Этим титулом солдаты приветствовали вождя-победителя на полях сражений. Нравы тогда были жестокими и соответствовали времени. Для празднования триумфа надо было убить в сражении не менее 5 тысяч врагов. По подсчетам Р. Вернера, за период с 435 г. по 350 г. до н. э. из 19 назначенных из-за внешней войны диктаторов 11 справляли триумф. В воздухе носилась идея диктатуры. Власть в столице из-за непрекращающихся гражданских

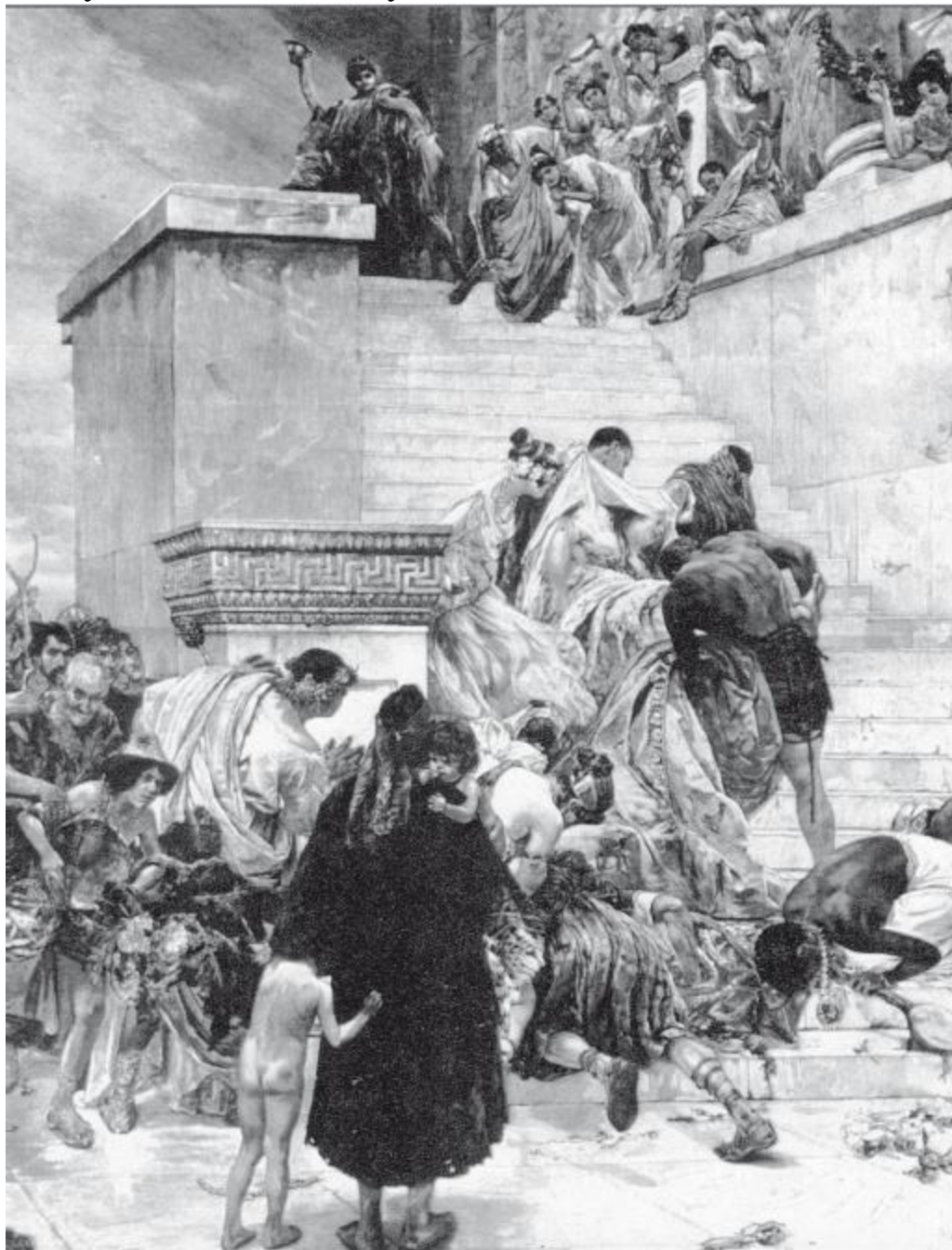
смут и убийств пошатнулась. Не останавливаясь перед чудовищными преступлениями, претенденты на власть рвали друг у друга собственность, деньги, земли и посты. Путем проскрипций тогда делались огромные состояния. Сулла был умелым демагогом. Формально он вроде бы даже ратовал за демократию. Состав сената увеличил с 300 до 600 членов. На деле это был оплот олигархов и плутократов (как и Ельцин в России). Сулла фактически уничтожил опору реальной народной демократии, ограничив права народных трибунов. Он создал себе опору в лице 10 тысяч рабов (корнелиев).

Гай Марий – полководец Рима

Дав свободу этим элементам, он манипулировал ими, как манипулировал Ельцин коррумпированным чиновничеством и полууголовным сбродом. В конце концов он восстановил олигархическую республику, на деле выступая в роли монарха при этом строе. Что же касается господ сенаторов, то они исполняли при нем роль говорящих и голосующих статистов. Российский правовед и социолог Б. А. Кистяковский писал: «Со времени Суллы сенат оказался обладателем государственной власти, но лишился авторитета; «он имел право приказывать, но его приказания не имели силы». Ему были противопоставлены авторитеты или заговорщиков и революционеров, как Катилина и Спартак, или новых повелителей, как Красс, Помпей и Юлий Цезарь. Наконец, после возникновения

принципата римский сенат утратил и авторитет, и власть, которые оба перешли к императорам. Но в правление неспособных императоров к сенату снова возвращалась тень былого авторитета». Примерно в таком же духе складывалась судьба сената и в России.

Сцены из римской жизни

Естественно, при нем крупные собственники вконец распоясались... Соперник Суллы Марий выстроил роскошную виллу в

Кампании. Власти открыто занимались спекуляциями, вовлекая в сей бизнес своих детей и родственников. Дочь Суллы Корнелия купила виллу Мария за 75 000 денариев и продала ее за более чем 500 000 денариев. По данным тех, кто смог пережить семь лет гражданской войны, властью было роздано около 2,5 миллиарда сестерциев. В Италии брали всё, что плохо лежит (точно как у нас, в России). Марк Лициний Красс обладал 200 миллионами сестерциев, однако не желал считать себя богачом на том основании, что не мог содержать армию на годовой доход. Страну грабили те, что пришел к власти на волне народных чаяний и надежд. В Риме марианцы пытались сопротивляться, но офицерам и солдатам надоела власть демократов в столице. Явившиеся в армию их парламентарии были растерзаны солдатами на месте. Ненависть к былой власти была всеобщей. Ее никто не хотел защищать. В ходе гражданской войны произошел передел собственности среди римской аристократии. Это, так сказать, «материальная подкладка» любой гражданской войны и любых реформ.

Знаменосец с портретом императора и воин с орлом

Одержав ряд побед в Азии и Греции, Сулла вернулся в Италию. Он ввел режим неприкрытого террора. По некоторым данным, при нем перебили 90 сенаторов и 2600 всадников. Приближенные Суллы, его солдаты и вольноотпущенники, устроили кровавый передел имущества казненных (таким путем многие из них стали богатыми). Целые города были отданы им на разграбление. И Сулла стал первым, кто составлял списки приговоренных к смерти, назначал подарки тем, кто их убьет, деньги – кто донесет, наказания – тем, кто приговоренных укроет. В 82 г. до н. э. впервые был принят закон, по которому Суллу назначили диктатором с неограниченными полномочиями на неопределенное время. Такого Рим еще не видел. Поэтому он сумел так легко прибрать Рим к рукам. Республика погибла. «Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа, на место закона и права становится отдельный человек. Поэтому люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила». Тирания Суллы, это надо учесть, стала ответом на другую тиранию. Марий-младший хотел бежать из Пренесте, где укрывался, но, узнав, что все выходы охраняются, предпочел покончить собой. Когда находящемуся в Риме Сулле принесли голову молодого «демократа» Мария, тот произнес по-гречески: «Надо сначала научиться грести, прежде чем держать руль» (Ф. Инар). Стоило бы это сказать в XX в. и «головам демократов» в России, тогда мы ныне не стали бы жертвой стольких трагедий.

Представления на Колизее

В столице диктатор устроил всё по своему желанию. Не было и речи о каких-либо законах, голосованиях и выборах по жребию. Римляне «от страха дрожали, попрятались, безмолвствовали», воздвигли конную статую с надписью: «Статуя Корнелия Суллы, счастливого императора». Это был тиран «не по избранию, а по силе и мощи». Чтобы оправдать свою диктатуру в глазах народа, он заявил собранию, что, по мнению его, Суллы, для Рима в настоящее время было бы полезно диктаторское правление, хотя этот обычай и прекратился 400 лет тому назад. Диктатура эта должна существовать до тех пор, пока римская держава, потрясенная междоусобицами, распрями и войнами, не укрепитя. И чтобы у народного собрания не было сомнений в отношении того, кто же должен быть этим диктатором, он прямо заявил, что, по его мнению, именно он, Сулла, в настоящее время будет наиболее полезен для Рима. После долгого периода власти царей, а затем консульской демократии (в течение 100 олимпиад Римом управляли по году консулы) Рим вновь испробовал царскую власть. Многие называли власть Суллы общепризнанной тиранией. О том, что на деле представляла собой его власть, ни у кого не было сомнений: он истребил более 100 000, убил и изгнал многих.

С тех пор то, что можно было бы назвать *Terror Antiquus*, стало обычной практикой Рима.

В Риме это была первая успешная попытка захвата власти с помощью армии, вооруженным путем. Создан кровавый прецедент, который и стал популярен в дальнейшем. Как бы там ни было, Сулла пользовался огромным авторитетом у солдат. В 79 г. до н. э. он неожиданно добровольно уступил власть. Аппиан считал, что диктатор пресытился войнами, властью и Римом, а потому и уступил власть. Такая власть не могла держаться долго. В 78 г. до н. э. он умер, и говорят, был страшен даже после своей смерти. Полагаю, даже противников он удерживал не только террором.

Кто такой Сулла? Одни клеймят его, видя в нем «кровавую руку олигархов». Моммзен, говоря о роли твердой руки, называл его «оплотом олигархов», что не совсем верно, ибо он почему-то ставит на одну доску олигархов и пролетариев. Он пишет: «Став самым абсолютным властелином, Сулла вместе с тем всегда твердо стоял на почве формального права; он обуздал ультрареакционную партию и уничтожил гракховские учреждения, которые в течение сорока лет ограничивали олигархию, т. е. капиталистов и столичный пролетариат, а затем и зазнавшихся военных в своем собственном штабе. Сулла создал для олигархии самое независимое положение, он отдал в ее руки в качестве послушного орудия государственные должности, отдал в распоряжение олигархии законодательство, суды, высшую военную и финансовую власть, создал для нее своего рода телохранителей в лице освобожденных рабов и своего рода армию в лице военных колонистов. А когда дело было завершено, творец уступил место своему творению». Олигархия – дьявольское творение. Однако со времен Суллы многие вожди станут опираться не на деньги, а на армию как на главную силу. В то же время Моммзен отмечал полнейшее отсутствие в нем политического эгоизма и почему-то ставил его на одну доску с Вашингтоном (пример явно неудачный, ибо Вашингтон, как и все политики Америки, крайне честолюбивы).

Другие видели в нем борца с несправедливостью, бюрократией, даже чуть ли не народного мстителя (возможно не без оснований). Инар пишет: «Следовательно, объявляя задолго до окончательной победы то, что он рассчитывает отомстить за всех тех, кто был жертвой марианских жестокостей, а также отомстить за Республику,

подвергшуюся их лихоимству, Сулла в некотором роде заранее взял на себя возможность повышенного наблюдения за операциями по очистке: он был Мститель, и многие древние авторы свидетельствовали о реальности этой пропаганды. Когда Сулла, победитель, приказал убить Дамасиппа и весь сброд, увеличивший свое состояние на несчастьях Республики, был ли кто-нибудь, кто не приветствовал эту меру? Говорили, что они преступники, что эти мятежники, чьи опасные действия не прекращали тревожить государство, заслуживали смерти. И действительно, радикализация марианского режима в 83 и 82 годах напомнила всем, кто забыл, что он устанавливался на трупах...»

Сулла – личность чрезвычайно яркая и неординарная. В культурном плане он был образованный человек (превосходно знал греческую литературу, философию). Когда один бездарный поэт преподнес ему стихотворный панегирик, он велел дать ему денег с одним условием, чтобы он впредь никогда больше не писал стихов. Как его оценивать? Дело не в том, был ли он холодным и расчетливым честолюбцем (да в политике иных, пожалуй, и не бывает), а вот важнее то, что он привнес в общество, что в нем изменил, как повлиял на судьбы Рима и историческое развитие ойкумены. Понимая всю спорность подобного вердикта, мы склонны считать, что Сулла выступил детонатором накапливавшейся годами народной ненависти к сенату, олигархам и аристократам... Сулла презирал не государственные учреждения, и не людей, а коррумпированных римских чиновников, зажавшихся богачей и правителей. Остерман так пишет о действиях Суллы: «Пожалуй, придется даже признать, что именно это спокойное поправление общепринятых нравственных основ общественных взаимоотношений явилось наиболее серьезным вкладом Суллы в эволюцию общественно-политической жизни Рима. Действительно, впервые в его истории доноительство и убийство политических противников с такой циничной откровенностью оплачивалось наличными деньгами. С неведомым до той поры бесстыдством имущество жертв тут же продавалось с молотка. А гнусное зрелище окровавленных голов, наваленных кучей на плитах римского форума! И, наконец, проскрипции – дьявольское изобретение, породившее отвратительную охоту на людей. А вокруг всего этого – бесчинство разнузданной солдатни, стихия насилия,

разбоя, грабежей и убийства граждан, вовсе не причастных к политической борьбе. Да, после Суллы уже все было возможно! Через сорок лет проскрипции будут повторены Октавианом и Антонием в еще более отвратительном виде». Здесь многое верно схвачено и отмечено (в отношении тех, кто стал его жертвой), хотя ничего не говорится о тех, кто в свою очередь были жертвой чуть более мелких тиранов и кровопийц.

Разве не так же нынешние «мудрецы» ломают голову над феноменом Сталина? Ведь он также презирал общепринятые нормы буржуазной «морали», впрочем, как и многих политиков-коллег. В нем также возобладало сатанинское начало, но дело свое он знал: политическая элита боялась его, как огня, и работала как бешеная.

Понятно, что традиционная буржуазная историография (в лице ее корифеев) не могла простить Сулле жестокого обращения с привилегированными кругами римского общества (сенаторами, патрициями и богачами). Вольтер в «Письмах Меммия к Цицерону» (1771), в воображаемых эпистолах якобы обращенных к Цицерону, наряду с признанием заслуг Лукреция и призыва к материализму утверждает: «После Суллы Рим должен был возбуждать жалость мира, бичом которого он являлся. Мы плавали в собственной крови. По всему тому, что я вижу и слышу, я предчувствую: Цезарь вскоре будет убит... И что увидел и создал в течение всей своей жизни сам Цезарь? Он видел и творил несчастных». Так зарождался цезаризм.

Римские легионеры

Историк Аппиан (ок. 85/100—163/180), автор знаменитых «Гражданских войн», для которого демократия – «слово красивое, но всегда бесполезное», отметил, что после того как римляне в течение 100 олимпиад пользовались демократией, то есть управлялись консулами как годовичными представителями государства, они познали царя или тирана в лице Суллы. Но то был царь или тиран «не по избранию, а по силе и мощи». Ранее мы сказали, что в глазах простого народа слово «тиран» часто звучало как сладкая музыка. Как так?! Не верите? Поверить действительно трудно, особенно если учесть, что в победоносной гражданской войне было истреблено более 100 000 «цветущего населения». Он убил и изгнал 90 сенаторов, до 15 консулов, да еще 2600 так называемых всадников. Причем у многих он конфисковал их имущество, а тела многих из них просто выбросил из могил! Но дело в том, что *многие из них были ненавистны народу. Народ желал их смерти.* Невозможно понять феномен Суллы, если не знать, что он даровал свободу 10 000 молодым крепким рабам, ранее принадлежавшим как раз тем самым убитым римлянам. Мало того –

включил их в состав народного собрания! *Кто был ничем – тот стал всем!* Он наделил солдат 23 легионов, служивших в его армии, большим количеством земли в городах, частью еще не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа от города. После всего этого он вдруг добровольно сложил с себя власть, оставил своих телохранителей и преспокойно появлялся везде один, без охраны. Можете себе представить появление одного Сталина?!

Колизей. Современный вид

Близились эра Цезаря, одного из самых прославленных деятелей Рима. Цезарь (100 – 44 гг. до н. э.) – интереснейшая и, бесспорно, знаковая личность, потомок древнего рода, одной из наиболее знатных семей Лация. Он сам возводил свою родословную к героям «Илиады» и царям Рима. Цезарь – истинный сын того времени. В молодости, как и подобает юношам, он вкусил «от чаши модных наслаждений и пену и осадок». Занятия литературой чередовал с любовными интрижками, овладевал искусством поэзии. Неплохо ездил верхом и фехтовал. Умеренно попивал вино. Интересовался астрономией и естественными науками. И что естественно – женщинами... Будучи авантюристом и человеком хладного рассудка, он никому не платил долгов, никогда до конца не доверял женщинам и политикам. И тут был прав: первые наградили лысиной (за юношеские кудри он готов был впоследствии отдать все свои военные победы), вторые же – убили.

Цезарь переходит Рубикон

Начинал он с популистских шагов, что характерно для всех политиков. Будучи избран эдилом, то есть тем, кто должен был наблюдать за благоустройством и порядком в городе, Цезарь украсил форум и Капитолий новыми сооружениями. Позже он возвел Колизей. Возведя его руками рабов, он скажет: «Наконец-то я буду жить вечно!» Колизей стал местом массовых зрелищ и пышных игр. Он окружил себя преданными ему лично людьми, подкупал сенаторов, против чего те, конечно, отнюдь не возражали. Не чуждый реформаторских устремлений, он довольно быстро уразумел, что реальных улучшений жизни для всего римского народа достичь непросто. И тогда он стал стремиться к перевороту. Помпей не без оснований упрекнул его в том, что именно обман народа и боязнь расплаты вынудили его на всеобщую смуту и переворот. Отсюда его участие в заговорах Катилины. Он расшатывал государство изнутри, жаждал личной власти. Катулл скажет: «Цезарь покушается теперь на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Правда, время от времени он с громкими лозунгами демагогического содержания обращался к народу. Хотя на самом деле глубоко презирал плебс. Позже Сенека скажет в письмах к Луцилию: «Ты спрашиваешь, чего тебе следует больше всего избегать? Толпы! Ведь к ней не подступиться без опасности!» И далее: «Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься... Чем сборище многочисленней, тем больше опасности». Но призывы держаться от народа подальше, возможно,

еще допустимы для философа или писателя, но не для политика. Ведь Рим жил толпой. Цезарь не мог обойти ее своим вниманием. Впрочем, он не был бы цезарем, если бы не пытался Рим возвысить. Он одержал ряд ярких военных побед, взяв за 10 лет войны в Галлии штурмом 800 городов, покорив 300 народностей (сражался с 3 миллионами людей: из них 1 миллион уничтожил и столько же взял в плен). Его фраза о военной победе стала крылатой: «Пришел, увидел, победил» (*veni, vidi, vici*). Отважный и умелый воин, он передвигался быстро и стремительно, и не боялся опасностей. Был неприхотлив и прост в обращении. Хотя он и не отличался здоровьем (страдал головными болями и падучей болезнью), в решающие моменты боя вел себя достойно. Понимая, что власть становится добычей лишь решительных людей, он смело перешел речку Рубикон и вторгся в Италию. Тогда он и произнес фразу – «Жребий брошен!»

19 января 49 г. до н. э. до Рима дошло известие о переходе Цезаря через реку Рубикон и о занятии им пограничного города Аримина. И тут надо отдать должное его решимости. Хотя он знал, что в Риме царит анархия и противная сторона не готова к борьбе, решиться на столкновение со своими соотечественниками было все же непросто. И он решил сыграть ва-банк: ночью силами одного легиона и 300 всадников перешел реку, не сообщив об этом остальной армии. Тогда он произнес знаменитую фразу: «Жребий брошен!» (*Iacta alea est!*) Он пообещал войску щедрые награды (солдатам всадническое состояние в 400 тысяч сестерций, всадническое кольцо, офицерам вдвое больше). Со времен Цезаря власть покупают!

Его «корона» была добыта в долгой и изнурительной борьбе с Помпеем и его сторонниками... Помпей (106—48 гг. до н. э.) – сложная фигура, землевладелец и аристократ, прославленный воин и консул. За три месяца очистил Средиземное море от пиратов. В 67 г. до н. э. сенат дал ему на три года чрезвычайные полномочия. Вернувшийся в Рим Помпей оказался в политической изоляции. Сенат боялся блистательного полководца. Замечу, что в основе спора Цезаря с Помпеем лежало не только столкновение личных честолюбий, но и борьба за власть. Можно сказать, что на кону оказалось политическое устройство Рима. Помпей – представитель аристократической республики, тогда как Цезарь олицетворял собой будущую империю. «Оружием Помпея служил авторитет сената, Цезарь же был вооружен

признанием и самоотверженностью солдат», – писал историк. Сенат как всегда занимал уклончивую позицию, смотря в сторону того, кто сильнее или больше даст. Что же касается солдат и офицеров, те, получив от Цезаря щедрые подачки, готовы были поддержать его претензии оружием. Плутарх писал, что когда один из военачальников Цезаря, посланный им в Рим, стоя перед зданием сената, услышал, что сенат отказывает Цезарю в продлении срока полномочий, он, положив руку на рукоять меча, воскликнул: «Ну, что ж, тогда вот это даст ему продление». В дальнейшем в Риме развернулась ожесточенная, упорная борьба между членами триумvirата, куда входили Помпей, Красс и Цезарь.

Римский полководец Гней Помпей

Судьба Помпея представляет для нас интерес прежде всего в том смысле, насколько судьба личности в политике зависит от обстоятельств, в которых он доказывает право на лидерство, а в какой степени эта судьба зависит от личных способностей и талантов, от дара политика убеждать и побеждать. Помпей представлял собой

довольно часто встречающуюся фигуру политика, который большее значение придает внешним признакам власти (уважение, почет, должности, награды). Он всегда стремился к этой феерии, к этому празднику власти. В Риме прожженные олигархи-демократы сумели ловко использовать эти его человеческие слабости, осыпая его наградами и почестями. Помпей, стремясь к короне, но будучи по форме демократом, вынужден был выдавать себя за поборника народных прав. Ему казалось, что вполне достаточно прошлой громкой славы, чтобы на волне былой популярности прийти к власти. Однако в политике бывшие заслуги мало что значат. Там идет каждодневная, ежеминутная, ежесекундная битва, и в ней зачастую нет места компромиссам. Тут никакими волшебными заклинаниями не помочь.

Легионер с орлом

Помпей имел на руках все карты — и прежде всего армию. Моммзен заявляет: «Если может считаться счастьем получить корону без труда, то ни одному смертному счастье не улыбалось так, как

Помпею; но человеку, лишенному мужества, не поможет и милость богов». Верно сказано. Он не смог объединить даже своих сторонников и перессорился со всеми. За ним была военная слава, влияние среди его солдат, но он медлил и колебался. Как скажет один из его политических противников, характеризуя политическое положение Помпея, он попытался в тиши сохранять свой «вышитый плащ триумфатора», пребывая в молчании и в бездействии. Бездействие же в политике это примерно то же, что и бездействие на поле сражения (и даже еще страшнее и губительнее). Вскоре у Помпея исчезла поддержка даже его ветеранов. Ведь демократы и аристократы, соединившись вместе, провалили предложение аграрного закона, по которому предусматривалось наделение солдат-ветеранов землей. Инициатива стала день за днем переходить к Цезарю. «Люди вдумчивые, без различия взглядов, давно уже поняли, что спор партий может быть разрешен не гражданской борьбой, а только военной силой», – пишет Моммзен. В Риме это вскоре станет правилом.

Помпей покинул Италию, дошел до Брундизия, переправился на восточный берег Адриатического моря. «Какой позор, – восклицал римский историк Флор. – Помпей, глава сената, вершитель мира и войны, бежал из Италии без охраны на разбитом корабле, на котором он еще недавно справлял триумф». Далее по-следует ряд сражений. В одних из них успех был на стороне Цезаря, в других – на стороне помпеянцев. После разгрома легатов Помпея при Илерде (49 г. до н. э.) Цезаря в первый раз провозгласили диктатором. В битве при Диррахии Цезарь потерпел поражение. Солдаты его в панике бежали, оставив войску Помпея 32 знамени. Самого Цезаря тогда едва не убили. Однако Помпей не сумел наилучшим образом распорядиться победой, а предпочел ждать. Цезарь скажет после битвы: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить».

Однако уже в Фарсальской битве, в Фессалии (48 г. до н. э.), Цезарь наголову разбил войско Помпея. Хотя соотношение сил в этом сражении явно было в пользу Помпея (у Помпея – 40 тысяч пехоты и до 4 тысяч кавалерии, а у Цезаря – 30 тысяч пехоты и 1 тысяча кавалерии). На поле боя осталось лежать 6 тысяч человек, 24 тысячи было им взято в плен. Тогда погибло большое количество рабов. Цезарь потерял, по его словам, всего 200 человек, в том числе 30 центурионов, захватив при этом 180 знамен и 9 серебряных орлов. Вот

как сам Цезарь описал всё увиденное им в захваченном лагере Помпея: «В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки Л. Лентула и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости! Когда наши были уже в лагере, Помпей сел на коня, снял с себя императорские отличия, бросился из лагеря задними воротами и точас же рысью поскакал в Ларису. Но и там он не стал задерживаться. Вместе с немногими друзьями, которые в бегстве присоединились к нему, и в сопровождении тридцати всадников он все с той же быстротой скакал день и ночь к морю. Здесь он сел на корабль с хлебом и, как говорили, часто при этом жаловался на то, что обманулся в своих предположениях: как раз те части, от которых он ожидал победы, обратились в бегство и предали его». Исход битвы при Фарсале решил шестикогортный резерв Цезаря и его искусство полководца.

Триумфальная процессия на римском форуме

Конечно, многие граждане Рима встретили победу Цезаря без воодушевления. Горько им было наблюдать за схваткой соотечественников. Многие откровенно сожалели о гражданской смуте. «Я здесь не стану, – заметил Веллей Патеркул по поводу битвы, – описывать бедствия этого столь кровавого для римского имени дня, потоки крови, которые лились с обеих сторон, столкновение двух вождей римского государства, конец великого человека, одного из светочей Рима, вместе с которым погибло столько помпеянцев». Большую часть пленных Цезарь включил в свои легионы, многим знатым римлянам даровал прощение (в том числе и Катону). Помпей бежал в Египет, где был предательски убит по приказу Птолемея XIII. Убили и его старшего сына Гнея. Возможно, заслуги Помпея иные историки превозносили не по праву. О роли Помпея Марк писал Энгельсу в язвительном тоне: «Помпей... незаслуженно вошел в славу сначала благодаря присвоению успехов Лукулла (против Митридата), затем успехов Сертория (в Испании) и т. п. Как генерал – римский Одиллон Барро. Как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты – ничтожество» (1861).

На Цезаря же уже работала его слава непобедимого полководца. Когда Цезарь направился на Восток, желая узнать, куда бежал Помпей, и стал переправляться через Геллеспонт на маленьких судах, его противник Кассий случайно вышел на него с большими военными кораблями. Если бы Кассий напал на Цезаря со своими 70 триремами, он наверняка бы разбил его и тот бы погиб. Но страх перед Цезарем был столь велик, что тот сдался (отомстив потом, коварно убив всевластного диктатора). Дальше последовала громкая победа Цезаря в Африке. Здесь он уничтожил последнего защитника Республики – великого Катона. Это была легендарная личность, которого Сенека называл существом «чистейшим» и «святейшим», коего Саллюстий причислил к двум великим героям (одним из них он назвал друга, Цезаря), о котором Веллей Патеркул, придворный историк Тиберия, сказал, что тот духом приближается «уже не к людям, а к богам».

Э. Делакруа. Смерть Катона

Узнав о поражении армии помпеянцев, Катон, это римский Дон Кихот, решил не сдаваться Цезарю на милость, хотя и не препятствовал невольному общему бегству войск. Он принял ванну, сел за ужин, а затем отошел ко сну, не изменив привычкам. Тем же, кто попытался его уговорить примириться с Цезарем, он, смеясь, ответил, что не нуждается в этом совершенно. От близких потребовал дать ему кинжал, ибо не желал, чтобы его передали врагу живым. Аппий в «Граждан-ских войнах» говорит, что, окончив читать диалог Платона и полагая, что все близкие заснули, Катон поразил себя кинжалом в сердце. Когда выпали внутренности и люди услышали его стон, врачи попытались было вернуть его к жизни, сшив разорванные части, но упрямый Катон разбередил свою рану – и вскоре умер. Узнав о смерти Катона, Цезарь с досадой скажет: он погубил себя из-за зависти, не дав шанса совершить красивую демонстрацию помилования. После столь весомых побед Цезарь справил четыре триумфа зараз. Денег в этих триумфах, сообщают, было взято 65 000 талантов, а 2822 золотых венка весили около 20 414 фунтов. Цезарь щедро расплатился с войском, перевыполнив все свои обещания: каждому солдату дал он

5000 аттических драхм, центуриону – вдвое больше, трибуну, равно как и начальнику конницы, вдвое больше. Не забыл и плебс, дав каждому плебею по аттической мине, при этом подарив народу еще и красивые зрелища.

Укрепившись во власти, Цезарь стал господином в Риме и на Востоке. Будучи еще консулом, он принял ряд важных политических мер, укреплявших Римское государство: провел закон о муниципиях, предоставлявший городам автономию в разрешении местных вопросов, установил правила проведения ценза, порядок выборов городских магистратов, предоставив ряд привилегий ветеранам, ограничил право плутократических ассоциаций, принял законы, ограждавшие права должников, для пресечения ростовщичества и спекуляции Цезарь ограничил денежные суммы, что были в ведении отдельных лиц, упорядочил налоговую систему, провел строгий закон против вымогательств в провинциях (направленный против поборов со стороны местных властей и чиновников), выселил бездомную и безработную бедноту из Рима в колонии (80 тысяч). Он же попытался провести ряд аграрных законов и приструнить могущественных и всемогущих римских сенаторов.

Г. Летьер. Смерть Катона Утического

Можно перечислить и ряд других весьма конструктивных шагов Цезаря... Прежде всего он постарался смягчить остроту долговой

проблемы римского народа. Так, он отменил задолженность по квартирной плате за минувший год, если эта плата не превышала 2000 сестерциев за месяц в Риме и 500 сестерциев в италийских городах. Тогда же общая сумма долга граждан была сокращена примерно на треть (им зачили уже выплаченные проценты). Ростовщикам было запрещено повышать процентные ставки свыше нормы (0,5 % в месяц, 6 % в год). Он смог изыскать средства для выплаты щедрых наград воинам (20 тыс. сестерциев каждому легионеру и в 2–3 раза больше центурионам). Сыграла роль и та добыча, что была получена в результате побед над галлами, конфискации больших состояний Помпея и его сторонников, а также богатства Птолемеев и Клеопатры. Осуществил он и одну из крупнейших римских золотых эмиссий, приказав чеканить монеты из золота. Цезарь упорядочил систему местного самоуправления. Ему удалось вернуть на земли массы римских легионеров (свыше 100 тыс. человек он вывел на земельные участки). Частично это было сделано за счет конфискаций земель Помпея и его сторонников (Агенобарба и др.), но главное благодаря тому, что он скупил остатки государственных земель (*ager publicus*), а также наладил раздачу земель в провинциях. Свободной земли было много, и он мог ее законно распределять среди его ветеранов. Тем самым он обеспечил поддержку армии и углубил процесс романизации провинций, поддержав сельское хозяйство.

Кельтский вождь из Галлии времен Цезаря

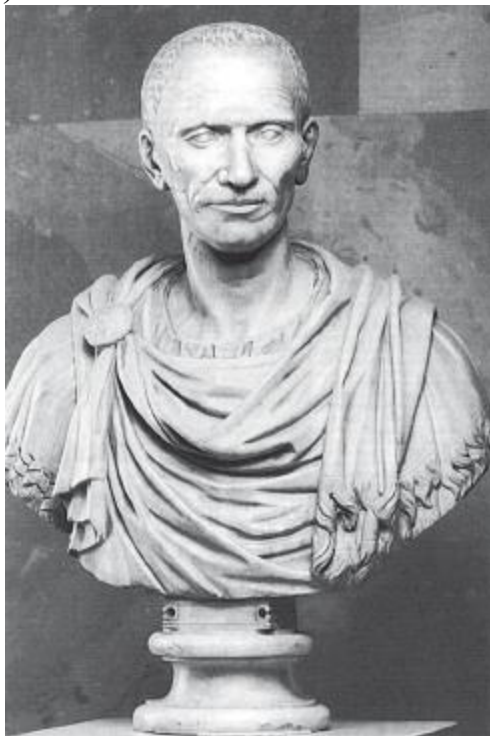
Простой люд он привлёк пышными зрелищами и раздачей подарков. Знатных привлёк тем, что расширил состав сената до 900 человек (при Сулле тот возрос с 300 до 600 человек). В то же время он пытался активизировать хозяйственную деятельность. Одни получили землю. Другие занялись доходными хозяйствами или торговлей. Восстанавливались ранее разрушенные крупнейшие торговые порты (Коринф и Карфаген). Порт Остия был реконструирован. В то же время им был принят закон против роскоши (дорогостоящих погребений, роскошных пиршеств, помпезных домов и т. д.). Запрещалось иметь при себе наличными свыше 60 тысяч сестерций. Число римских граждан – люмпен-пролетариев – при Цезаре сократилось с 320 тысяч до 150 тысяч человек (т. е. тех, кто был включен в списки получателей бесплатного хлеба из закромов государства). Одним словом, сделано было немало, чтобы реально улучшить жизнь значительной части римлян.

Капитолийская площадь

Немалые усилия предприняты им и в сфере образования. Иные утверждают, что он произвел чуть ли не революцию в данной области. Хотя это утверждение представляется натянутым. Правительство выступало с позиций просвещенного абсолютизма. Создавалась по сути дела новая империя (италийско-эллинская). А чем же славны цезари и премьеры как не усилиями по развитию образования, наук и культуры?! Цезарь предоставил всем преподавателям свободных наук и столичным врачам право римского гражданства. Мудрый шаг, способствовавший тому, чтобы под сень Рима тут же устремились лучшие головы и умы. С этого закона начиналось строительство системы высшего образования в Риме. Однако в целом ситуация была скорее негативной. «Вообще же образование находилось скорее в упадке, чем прогрессировало. Разорение италийских городов, наплыв массы чуждых элементов, политическое, экономическое и нравственное одичание нации, а главное, разрушительные гражданские войны более искажали язык, чем могли поправить дело все школьные преподаватели на свете», — заключает Моммзен. Возможно, стоит напомнить о том, что после его смерти в

Римской империи была введена новая система летосчисления (45 г. до н. э.), получившая название юлианского календаря. Система (автор – александрийский астроном Созиген) просуществовала до XVI–XIX вв. (а в России до 1918 г.).

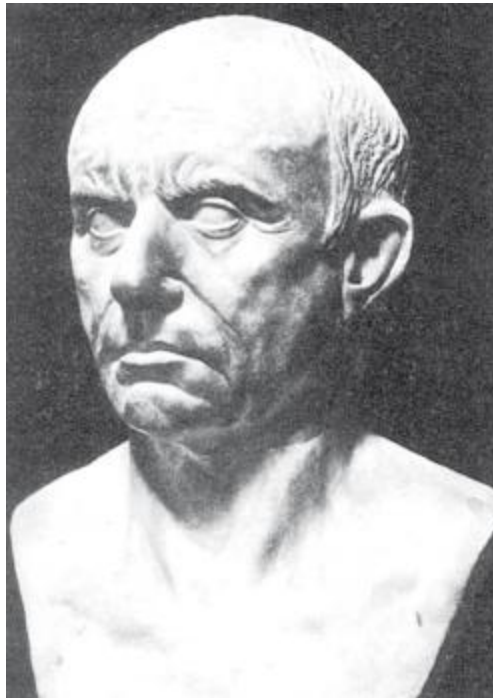

Юлий Цезарь

Были у Цезаря и другие полезные деяния. Недаром многие авторы считают его революционером в политике и культуре. Он основал в столице знаменитую публичную библиотеку, назначив главой ее энциклопедиста Марка Теренция Варрона (116 – 27 гг. до н. э.). Варрон был крупнейшим и наиболее плодовитым римским ученым. Количество написанных им сочинений поистине огромно (их свыше 600, в том числе, увы, утраченное произведение в 41 книге «Человеческие и божественные древности»). Всю свою жизнь он посвятил науке как филолог, антиквар и историограф, пытаясь сохранить от забвения славное прошлое своего народа, защищая староримские законы и нравы против чуждых влияний. Научный авторитет его был неоспоримым. Следует добавить, что его труды подготовили блестящий век Августа. Все эти достижения были отмечены сенатом и народом. В 63 г. до н. э. Цезарь был избран великим понтификом (духовным главой народа), в 48 г. получил

пожизненную трибунскую власть. Наконец, в 44 г. сенат дает ему титул пожизненного, вечного диктатора (*dictator in perpetuum*).

Подобно Помпею и Сулле он сосредоточил в руках должности несовместимые с точки зрения римских правовых норм. Их совокупность означала пожизненную монархическую власть (распоряжение казней, правом войны и мира). При всей неординарности натуры, Цезарь стал жертвой самовластья. Оттолкнув от себя и республиканцев и демократов, испытывая глухую неприязнь народа (который, как известно, крайне непостоянен в своей любви и ненависти), он был обречен. Дорога братоубийственному кинжалу была открыта. Где цезари и бандиты, там всегда где-то поблизости и кинжал!

Бюст Катона Утического. I в. до н.э.

Ему вменяют в вину то, что он стал одним из основателей цезаризма (синоним – бонапартизм). Действительно, если сначала он был назначен диктатором на 10 лет, то в 45 г. до н. э. римский сенат провозгласил его «вечным диктатором», то есть постоянным правителем. Он получил и пожизненные права народного трибуна. Его особа стала считаться священной. Никто не имел права покуситься на его особу. Став цензором, великим понтификом, императором, постоянным проконсулом, он обрел право рекомендовать сенату людей

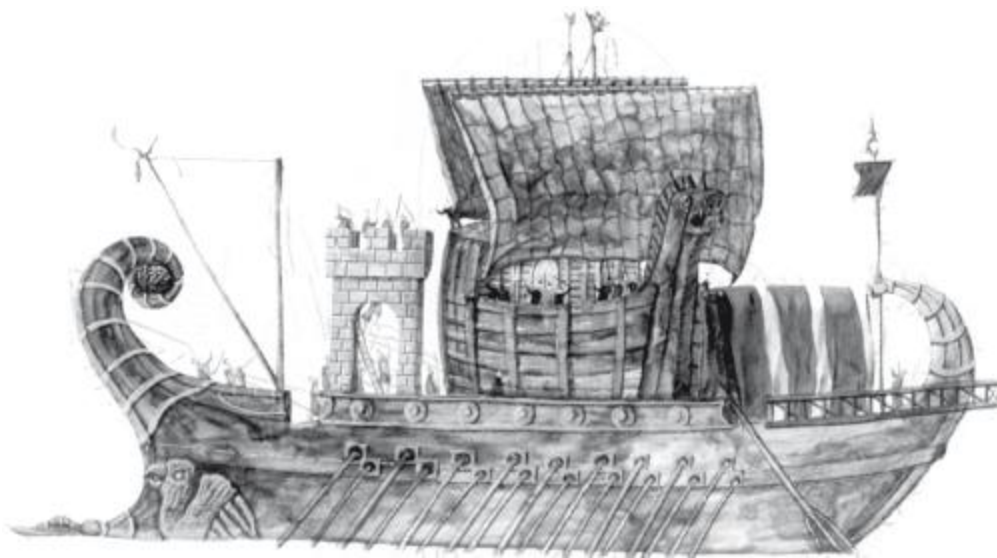
на важнейшие посты (консулов, преторов, эдилов). Одним словом, Цезарь сделался всевластным, что было дополнено соответственно всеми внешними атрибутами (пурпурный плащ триумфатора, лавровый венок, особые сапоги красного цвета и специальное кресло из слоновой кости с золотыми украшениями). Правда, Марк презрительно характеризовал подобное явление, говоря о несколько легковесно и пренебрежительно о «так называемом цезаризме». Однако и наше время показывает – «цезаризм жив»!

Так что же это такое? Узурпация власти не только одной партией, властной группой, но и отдельной личностью с опорой на армию (на силовые структуры). Кстати говоря, опять же приведу пример из античности... Величайший воин и герой античности, Эпаминонд, разбивший доселе непобедимую Спарту, также в некий исторически судьбоносный час оказался перед выбором. Дело в том, что срок его власти как главнокомандующего (беотарха) истек, а в Фивах смертной казни должен был быть подвергнут всякий, кто затягивал срок ее сложения. Но Эпаминонд, думая в первую очередь о судьбах родины, счел несвоевременным сей закон, в трудные для страны дни продолжая оставаться главой (беотархом). И когда положение казалось многим безнадежным, войска вновь выбрали его вождем. Судьи, которые, казалось бы, должны были осудить его за превышение срока нахождения у власти, отказались даже поставить вопрос на голосование и утвердили его. Эпаминонд, преступив букву закона, вернул Элладу свободу и независимость.

Обычно цезаризм отличается тираническим антидемократическим правлением. Иные римляне характеризовали режим Цезаря как тиранию. Катон Младший (Утический) заявил, что «сенат сам устраивает тирана в своей цитадели». Но кто виноват в том? Ведь, проявив готовность следовать за Цезарем, римский народ и парламент сами же возвысили его. Они намеревались воздвигнуть ему статую, у ног которой лежала бы вся земная сфера. Там должно быть начертано: «Полубогу»! Так же повела себя и обезумевшая римская толпа, посвящавшая ему (живому) храмы, переименовавшая месяцы в его честь (квинтилий в июль). Цезарь принимал почести без всякой меры: бессменное консульство, титул отца отечества, пожизненную диктатуру, имя императора и т. д. Власть его готова была сделаться царской. Окружение потворствовало. На что оно рассчитывало?! На то,

что власть, добытая с помощью меча, будет вечной? Цезарь надеялся на это, ибо армия обожала своего талантливоего стратега, отличавшегося к тому же щедростью. Однако тут Соломон абсолютно прав: «Придет гордость, придет и посрамление». Меч, который порой обеспечивает доступ к власти, плох лишь одним – он же с легкостью ее и отнимает (нередко вместе с жизнью диктатора).

Время Цезаря – время сплошных завоевательных походов и грабежей. Он и сам признает в своих «Записках», что покорил всю Галлию и опустошил земли германцев и других племен («вся эта местность была опустошена»). Солдаты легионов, если убрать героический фон, предстают в наших глазах грабителями и наемниками, искателями удачи, покушающимися на свободу галлов... Он пишет: «Солдаты Цезаря самоотверженно выносили все лишения в зимние дни от очень трудных походов и невыносимых холодов. В награду за эти лишения и выносливость он обещал, в виде денег от добычи, каждому рядовому по двести сестерциев, а центуриону – по тысяче». В его голове рождались амбициозные планы. Уже в его бытность императором он заявил: «Я прикажу перенести пирамиды в Рим».

Римский корабль идет в атаку

Войны доставляли Риму массу рабов, лишая работы свободных земледельцев. Потеряв работу, те направлялись в Рим, где пополняли собой толпы люмпенов.

В «Записках» Цезаря, написанных, казалось, в объективистском духе, сквозь постоянные упоминания о своем якобы милосердии и человеколюбии, нет-нет да проскальзывают реальные оценки тех ситуаций... Так, Цезарь говорит о том, что посланные им римские легионы и вспомогательные войска во все стороны земли галльского вождя Амбиорига «разорили всю страну убийствами, пожарами и грабежами, перебили и взяли в плен много народа». Конечно, галлы ненавидели римлян, поскольку их выселяли из городов или вынуждали бежать оттуда. Как могли относиться они к римлянам, к тому же Цезарю, чья «мягкость всем известна» (это слова самого Цезаря), если он «решил устрашить остальных примерной карой: всем, кто носил оружие, он приказал отрубить руки, но даровал им жизнь, чтобы тем нагляднее было наказание за их преступление». Он приказал держать пленников в цепях. Знаменательно то, что в борьбе против галлов «благородные римляне» не останавливались перед посылкой убийц во время официальных переговоров о мире (им под видом послов посланы были центурионы-убийцы). И все-таки галлы продолжали упорно сопротивляться.

Вождь галлов – Верцингеторикс

Конечно, никого не могли ввести в заблуждение ни его стремление «сохранять дружественные отношения с общинами», ни обращение к галлам «в лестных выражениях». Несмотря на то что в 53 г. до н. э. Цезарь провел в Лютеции (Париже) общегалльский съезд, где союзные Риму вожди осудили повстанцев, несмотря на то что римляне разбили сенонов, треворов, другие мятежные племена, огонь освободительной войны не утихал. Вскоре восстание разгорелось с новой силой. Восстали карнуты и перебили всех римских граждан в городе Ценаб (Орлеан).

Верцингеторикс сдается на милость Цезарю

Восстание охватило страну. Во главе его стоял талантливый полководец галлов – вождь авернов Верцингеторикс. Вскоре его провозгласили царем. Он умело использовал тактику партизанской войны, нападал на мелкие римские отряды, перерезал маршруты снабжения римской армии. Чтобы лишить врага мест для отдыха и пополнения сил, галлы даже сожгли несколько десятков собственных городов и поселений. В битве за крупнейший город Галлии, Аварик (Бурж), Верцингеторикс сражался отчаянно и мужественно. Город был взят Цезарем только после долгой и тяжелой осады. О том, сколь

жестокой и кровавой была битва, говорят и цифры: из 40 тысяч жителей города уцелело лишь 500 человек. В последней решающей битве, у города Алезия, галлы потерпели поражение. Римляне захватили 74 знамени противника и отважного Верцингеторикса. Вождя держали в плену долгих шесть лет, провели в триумфальной процессии в качестве живого трофея, а затем «благородные римляне» убили славного галла.

Цезарь утверждает, что «не налагал никаких тяжелых повинностей и вообще старался смягчить для истощенной столькими несчастливыми сражениями Галлии условия подчинения римской власти». Увы, наш славный Цезарь в данном случае нагло и откровенно лжет... Кроме римских союзников среди галлов (ремы, лингоны и эдуи), все остальные племена были обложены единым фиксированным налогом. Сумма налога (трибута) для Трансальпийской Галлии в его времена достигала астрономической суммы в 40 миллионов сестерциев (или 10 миллионов денариев).

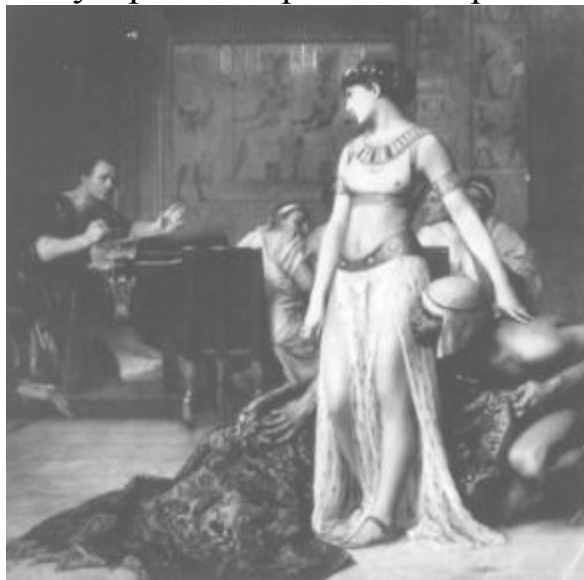
В историографии ученые поделились на сторонников и противников Цезаря. Первых, вероятно, гораздо больше, чем вторых. Для одних он безусловно – «наш герой» (Р. Этьен), для других – политический авантюрист и диктатор (Р. Виппер). Первый из них так оценивает его политику. Цезарь оказался прекрасным правителем и способным военачальником. Он постарался искоренить последние проявления «варварства», уменьшал подати, устанавливал правосудие, проявлял гуманность по отношению к беднякам и уроженцам провинции. Он проявил себя как очень искусный дипломат и способный военачальник. Он способствовал принятию законов о земле, в результате которого получателями наделов стали солдаты и городские пролетарии. Он стал по сути дела единоличным хозяином страны, ибо ему на пять лет вручили бразды правления и войско, имея право начинать войну. Это позволило ему, как заметил историк, «всех оседлать». Свою власть он, похоже, воспринял слишком буквально, однако Цезарь бесспорно был умным и тонким стратегом и сильным тактиком в военном деле, а не только обладал «харизмой полководца».

Богиня победы. 70-е—80-е гг. н.в.

Цезарь принимал решения после тщательного обдумывания, приходя к ним логичным и рациональным путем. Был стремителен и физически вынослив. Передвигался быстро... Будучи отличным наездником, он, чтобы нагнать свое войско, преодолевал верхом невероятные расстояния. Умея без усталости ходить, он продвигался вперед днем и ночью. Во время сражений он постоянно был на виду как у противника, так и у своих войск: его красный плащ командующего привлекал к себе удары первых и надежды последних. Будучи смелым до безрассудства, он личным примером поддерживал храбрость в своих людях. Он часто рисковал собственной жизнью для того, чтобы показать войску, что жизнь солдата ценнее его собственной жизни. Так, он без колебаний вырвал щит из рук одного из солдат и вышел на передовую линию. Во время битвы при Мунде в Испании все видели, как он в одиночку ринулся вперед с обнаженной головой, отражая щитом брошенные противником дротики, и приблизился к вражескому строю на расстояние шести метров! Увидев безумную храбрость их вождя, римские легионеры перестроились и вновь пошли в решительную атаку. Требовательно относясь к самому себе и никогда не отдыхая, он мог требовать жертв и от других, но старался при этом беречь своих людей и избегать бессмысленных потерь (Р. Этьен). Будучи прост в общении, Цезарь знал по имени

каждого центуриона. Он всегда лично поздравлял своих воинов с победой, проявлял неустанную заботу о снабжении войск и старался сберечь их в битвах. Мог ли такой военачальник, столь близкий солдатам, не стать популярным и среди всего рим-ского народа?!

Встреча Цезаря и юной Клеопатры

О любовных похождениях Цезаря ходили легенды. Цезарь преследовал своими ухаживаниями и домогательствами многих семейных женщин, так что Курион Старший называл его «мужем всех жен и женою всех мужей», а один из современных историков – «гениально безнравственной личностью». Оседлав едва ли не большую часть знатных женщин из римского сенатского клана, он частенько соблазнял также и жен знатных провинциалов, но, видимо, при этом щедро оплачивал любовные ласки и развлечения. Не зря же среди его солдат в ходу была песенка, которую те во весь голос распевали во время галльского триумфа Цезаря в 46 г. до н. э.:

Прячьте жен: ведем в город
лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме,
проблудил ты в Галлии.

Известно, что среди его любовниц были царицы: это и Клеопатра, и царица Мавритании Эвноя, жена Богуда. Говаривали, что он

соблазнил Сервилию, мать Марка Брута. Ходил слух, что тот являлся ему сыном. Во всяком случае, он осыпал ее дорогими подарками, помог в ее пользу отсудить огромные владения, продававшиеся с аукциона. Он умел обольщать женщин и толпу. Те и другие живут эмоциями, а не разумом. Кроме того, Цезарь был создан для завоеваний. Толпа и женщины схожи: они обожают тех, кто хочет повелевать и умеет это делать. «Сила соблазнителя не ограничивалась сферой чувственности. Умея пленять сердца и тела, он (Цезарь) стремился, благодаря свойственной ему харизме, управлять миром и хотел установить в нем свое царствие (regnum)». Сомнительная репутация Цезаря (как содомита или гомосексуалиста) возникла после пребывания того в гостях у царя Никомеда, которому он якобы в виде шутки, прислуживал виначерпием на большом празднике и которому, опять же якобы дважды отдавался. Слух этот никто не подтвердил. Хотя факт любовных связей Цезаря опровергать никто и не пытался. Помимо трех-четырех законных жен, он имел бесчисленное множество любовниц. Поэт Байрон точно заметил:

Любовь! Сам Цезарь был твоим
ценителем,
Рабом – Антоний, Флавий – знатоком,
Катулл – учеником, Назон – учителем,
А Сафо – синим ревностным чулком...

Представим позицию и другой стороны... «Антицезарианцы» выступают с более серьезными обвинениями. В книге Р. Виппера «Рим» говорится о том, как Цезарь открыл путь политическому подкупу и скандалу. Он получил возможность организовать средства подкупа в доселе неслыханных размерах. Из награбленного в Галлии золота им давались ссуды задолжавшим сенаторам, сыпались подарки господам и клиентам, и даже рабам, которые имели влияние на своих патронов. Светоний не скрывает от нас несколько, каков был круг тех людей, что стремились к этим щедрым подачкам колониального императора: все, кто находился под судом, те, кто запутался в долгах, промотавшаяся молодежь и т. п. Если только преступления и долги не превосходили всякие меры, все подобные элементы находили в Цезаре

лучшую защиту и покровительство; а тем, кому помочь было невозможно, он прямо говорил: «Вам нужна гражданская война». Цезарь угощал римский народ из тех же неисчерпаемых запасов храмовых и других сокровищ Галлии. Он забавлял его играми. Число праздничных дней заметно возросло. Кругом наживались его подчиненные и военачальники, пользуясь предоставленными им правами... Как пример тогдашних нравов и порядков, напомним, как некий Лабие выстроил в Пицене целый город на свои средства. По мнению Р. Виппера, Цезарь впервые встал в центре грандиозной аферы римского грюндерства, то есть открытой торговли должностями или prostitutions республиканских учреждений. Притчей во языцех стала неразборчивость Цезаря в средствах: похитил с холма Капитолия 3000 фунтов золота, заменив их медью (в Риме, в храме Сатурн, хранилось 13 тонн золота и 144 тонны серебра). Светоний напишет: «Уже и народ (вначале бурно приветствовавший его избрание. – В. М.) не был рад положению в государстве. Тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. В XIX в. поэт Байрон скажет, что Цезарь, если называть вещи своими именами, должен был бы сам в конце концов устыдиться всех своих деяний.

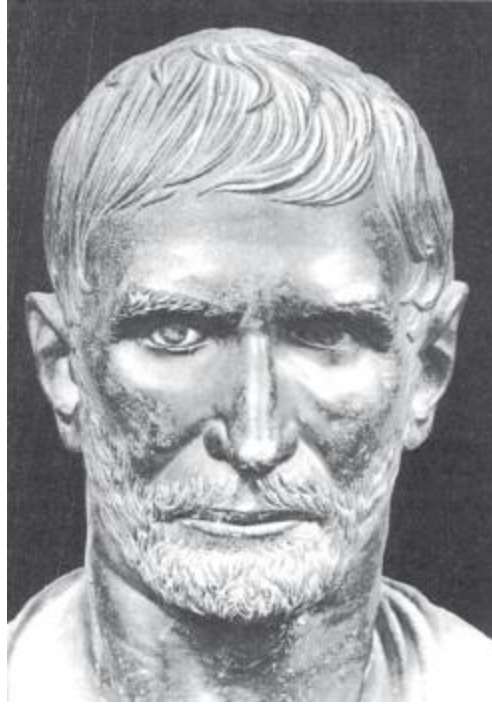

Юлий Цезарь. Берлин

А вот как охарактеризовал деяния Цезаря другой «антицезарианец» (известный историк М. М. Покровский): «Стремясь

к полному единовластию, Цезарь не только относится с полным пренебрежением к сенату, но не уважает и демократических учреждений. Так, он смещает неугодных ему народных трибунов Цесетия и Маруллу, нарушает основные права комиций, которые теперь должны беспрекословно набирать его собственных кандидатов на должности. Мало того, в последний год своей жизни он назначает высших магистратов на несколько лет вперед; далее он оставляет в составе присяжных только сенаторов и всадников и исключает плебеев – *эрарных трибунов*, входивших в него со времен первого консульства Помпея (70 г.); он распускает демократические клубы, учрежденные Клодием, а главное – он сосредотачивает в своих руках все высшие государственные должности вместе с трибунской властью и пожизненной диктатурой, которая и вообще была немыслима в прежнем республиканском строе и стала особенно одиозной со времени Суллы. Кончилось дело тем, что он вооружил против себя даже своих ближайших помощников, которые выросли в атмосфере большой республиканской свободы, а теперь оказались простыми адъютантами и чиновниками всемогущего властелина. Началось дело с отпадения еще в начале гражданской войны его главного легата Лабиена и кончилось заговором на его жизнь со стороны его близких «друзей». Политика вообще редко позволяет себе такую роскошь, как дружеские отношения между субъектами политического процесса (в любой стране и в любое время).

Интересно, кто именно поддержал приход Цезаря во власть. Ясно, это были не труженики, скорее авантюристы: спекулянты, воры, политические проходимцы, задолжавшие сенаторы, алчные и по уши погрязшие в коррупции чиновники, торгующие должностями в Риме, вассальные царьки некоторых восточных регионов, военные, коих он одаривал подарками, порой отдав в их руки столько суверенитета, «сколько они проглотят». Его, как и Ельцина при расстреле им Белого дома, поддержали уголовные элементы (вроде Клодия)... Вооруженные банды рабов устраивали убийства несогласных с Цезарем граждан, осаждали дома, устраивая погромы на улицах (плебс). Цезарь – это царь и харизматик, ставший главой республики. В достижении цели он не стеснялся обращаться к самым гнусным и откровенно бандитским элементам, подкармливая банды Клодия.

Голова так называемого Брута

Наличие в жизни Рима такого рода полуофициальных банд, на которые власть закрывала глаза, конечно, имело под собой серьезные экономико-политические мотивы. Нам представляется, что Клодий выступил в те времена своего рода тараном, который должен был добить старую Республику (точнее, ее останки) в конституции, аппарате, в традициях. Р. Виппер отмечает этот важный момент: властители, не имея сил подчинить себе центральный правительственный орган, старались терроризировать его, устранить возможность правильных дебатов, фактически упразднить его. У Цезаря был искусный агент, Клодий, организатор вооруженных банд, способных расстроить любое собрание. Клодий с его бандами был «очень нужный человек». Сей трибун был нужен Цезарю примерно так же, как были необходимы российской денежной олигархии банды «демократов», «правозащитников» и воров в конце XX в., чтобы с их помощью, на волне демократии, выйти из тени и утвердиться при Горбачеве и Ельцине. Словно стая шакалов и гиен, бросились они на институты власти и государства (при благосклонном отношении к их деяниям со стороны преступных вождей).

А разве тому, что происходило в Чечне (с приходом к власти Дудаева, Масхадова и Басаева, бандитов и дружков иных олигархов),

не подошли бы слова, характеризующие действия в Риме Цезаря и Клодия: «Разгон всех собраний и заседаний с помощью вооруженного сброда, осада граждан в их домах, погромы на улицах – весь этот аппарат Клодия имеет мало общего с политикой... Но по этому же самому он не имеет ничего общего с демократией; с другой стороны, никак нельзя отделить Цезаря от Клодия; это были теснейшие союзники, причем один работал для другого». Цезарь присылал погромщикам обильные средства, те фактически управлялись из центра и правительства. Мы помним и разгром КГБ, и взрывы домов в Москве и России, Беслан и Нальчик (наглые действия банд, махинации с авизо и т. д.). Банды «демократии» делали всё, чтобы окончательно уничтожить Россию.

Кстати, Клодий работал на Цезаря не только на политической, но и домашней арене. Видимо, все же по наущению *самого хозяина*, тот, переодетый арфисткой во время праздника богини Вона Деа, пробрался к жене Цезаря и соблазнил ее. Так что и Цезаря условно можно назвать рогоносцем. Но тот развелся с женой, ограничившись знаковой фразой: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений».

Времена тогда были, конечно же, дикие и очень далекие от цивилизованности. Вспомним, как ранее Митридат перерезал всех римских граждан, захватил часть владений Рима в Малой Азии, или то, как затем Сулла ужасающим образом расправился с «демократами» под равнодушное молчание и аплодисменты римского народа. «Величайшее поощрение преступления – безнаказанность», – говорил Цицерон. Если сама эпоха преступна, то одно преступление будет открывать путь другим. И не было видно им конца и края. И Цезарь – вовсе не исключение в истории.

Форум Юлия

Однако, разумеется, не только эти несомненные слабости привели Цезаря к гибели. Были и личностные мотивы у противников. Цезарь, будучи человеком талантливым и довольно-таки одаренным, не учитывал роли ничтожеств и завистников в человеческой истории. А эта роль всегда была велика. Ведь значительное число людей крайне болезненно воспринимает достижения и успехи других. И если эти успехи растут и множатся, если человек идет от победы к победе, то найдутся сотни, тысячи завистников (и прежде всего из ближайшего окружения победителя, героя, таланта). Они приложат все усилия, чтоб погубить яркую и героическую личность. И здесь трудно найти средство, которое могло бы предотвратить подобный заговор (хотя бы даже внутренний и неявный). В итоге Цезарь встал на путь компромиссов с властью, который его и погубил.

В работе «История Древнего Рима» (под ред В. Кузищина) о политике Цезаря авторы пишут: «Как опытный и дальновидный политик, Цезарь понимал опасность и непредсказуемость радикальных мер. Вот почему многие его реформы носят компромиссный, примиряющий интересы различных социальных прослоек характер. Вообще Цезарь рассматривал в качестве руководящего принципа всей своей деятельности социальный консенсус (*concordia ordinum*) и примирение противоборствующих сил на основе раскаяния

побежденных и пощады со стороны победителей (*clementia et misericordia*). Помня былой ужас сулланских проскрипций и террора марианцев, Цезарь стремился максимально смягчить ужасы гражданской войны. Конечно, и ему приходилось прибегать к наказаниям, конфискации, изгнаниям, в битвах погибло большое число его противников. Но Цезарь уже с самого начала гражданской войны стал проводить политику милосердия по отношению к сдавшемуся противнику, и первый тому пример – отношение к воинам Домиция Агенобарба под Корфинием. Цезарем были прощены и приближены, в том числе получили высшие магистратуры, многие его самые фанатичные противники из среды римской аристократии, например Кассий, Марцелл, Брут. Это была гуманная дальновидная политика. Цезарь, возможно, один из немногих политиков мировой истории (может быть, единственный), который не дал развиться в своей душе жесткости, мести и ненависти и всеми доступными ему средствами стремился к согласию и консолидации во имя высших государственных интересов». Можно бы целиком и полностью согласиться с этой посылкой. Если бы речь шла не о политике, где слабых и гуманных людей тут же сжирают, как если бы он попал к воинственно-кровожадным каннибалам.

Заговор против Цезаря, почти неизбежный, вызревал в среде республиканцев. В самом начале карьеры Цезаря консул Гай Марцелл бросил в лицо сенаторам фразу в каком-то смысле пророческую: «Радуйтесь своей победе и получайте в Цезаре деспота». С приходом к власти Цезаря республика была похоронена. В заговоре против Цезаря участвовало более 60 человек (Гай, Кассий, Марк Брут, Децим Брут, другие). Была ли так уж случайной его гибель? Р. Этьен считает, что причины гибели Цезаря лежат скорее в нем самом, чем в его противниках. Но попытки убить его предпринимались и ранее (это пытался сделать один раб в 59 г.). В действительности заговорщики восстали как раз против диктатуры правления одного человека. Цезарь опирался на единственную свою партию, прочих отстранив от власти. Это обстоятельство приблизило трагедию. Когда убийцы напали, Цезарь отбивался голыми руками отчаянно и пал «с яростными криками, как дикий зверь». К сожалению, рядом с ним не было охраны (он ее терпеть не мог). Марк Антоний в этот решающий момент бежал

вместе со всеми друзьями Цезаря. На теле покойного Цезаря впоследствии насчитали двадцать три ножевых раны.

Убийство Цезаря заговорщиками

Убивший Цезаря Брут считал, что он происходит от того Брута, который изгнал последнего римского царя Тарквиния Гордого. Кем в действительности был Брут? Был ли он, как это утверждала молва, незаконнорожденным сыном Цезаря? Известно, что на позиции признания отцовства Цезаря стояли историки Плутарх, Аппиан, Веллей Патеркул и многие другие. Как подтверждение этого приводят знаменитые предсмертные слова Цезаря: «И ты, сынок» (которые тот произнес по-гречески). Однако такое родство все же маловероятно (по многим причинам). Брут родился в 85 г. до н. э. Его матери Сервилиии было 14, а Цезарю всего 15 лет. В столь ранние сроки римлянки не рожали, а римляне не становились отцами. Но главное даже не в этом. Сам Брут был твердо убежден, что род его ведет происхождение от Луция Юния Брута – основателя республики. Кроме того, никто бы и не привлек его к заговору, если хотя бы на одно мгновение кто-то мог предположить, что тому придется убивать собственного отца. Это просто было немыслимо, зная то уважение, что испытывали римляне к своим отцам.

При всех личных качествах наших героев (хороших и плохих), надо понимать ту ситуацию, в которой оказался Рим в эпоху Цезаря.

Рим фактически уже был империей. И то, что Цезарю окружение трижды предложило царскую корону, как предлагают ее ныне Путину, в политическом плане означало нечто гораздо более важное, чем сам по себе знак уважения к власти. В действительности, Рим был уже совсем иным, нежели во времена республики. Заговорщики этого или не видели, или не понимали. Они думали, что стоит им физически устранить Цезаря, как всё вернется на круги своя и старая республика сама собой оживет и возродится. Тогда вновь настанет равенство, к жизни вернутся былые ценности. Но этого не могло случиться (как не может возродиться к жизни и советское государство). Можно было бы привести еще одно сравнение, близкое к реалиям российской ситуации. Ведь против Цезаря тогда выступили не только левые республиканцы, но и правые сенаторы-консерваторы. В глубине души как те, так и другие ненавидели Гая Юлия (но совсем по разным причинам). Первые страстно желали вернуться к ранней республике, вторые — к олигархической эпохе. Первые хотели восстановления идеального «равенства» народа, вторые — полного господства сенаторско-олигархической власти. Среди шести или семи сот сенаторов, пишет А. Берне в книге «Брут», «не нашлось ни одного, кто бы согласился пожертвовать своими личными благами ради общего дела». Им было наплевать на народ, но ими овладевала просто дикая ярость «при одной лишь мысли, что кто-то посмеет лишить их теплых местечек». Так вскоре два эти стана, открыто и люто ненавидевшие друг друга (не менее чем наши «левые» и «правые»), на каком-то отрезке эпохи оказались невольными «союзниками».

Природа же империи такова, что она не может управляться демократически или коллегиально. И то, что Цезарь объявил о конце республики, вытекало из вполне конкретных задач нового государства. Цезарь был убежден, что он с легкостью удержит власть, ибо в сенате всё теперь в руках у его партии, убежденных цезарианцев. Уж эти-то всем ему обязаны. Политики оппозиции? Но те — жалкие трусы. Всё, что они умеют, только болтать. Таков даже их Цицерон. В конце концов, разве дело в том, как величает себя правитель?! Хоть цезарь, хоть монарх, хоть президент, хоть канцлер, хоть диктатор, хоть император. Народу же важен не покров тоги, мундира или френча, а то, что сделал для него тот, чье тело они облачают...

Фактически речь в литературе идет о пяти разных Цезарях – невинный Цезарь Николая Дамасского, убиенный злодеями; Цезарь Светония, убитый по праву; Цезарь Плутарха, раздираемый между славой и милосердием; Цезарь Аппиана, стремящийся к царской власти и заслуживающий того, чтобы исчезнуть с лица земли; и наконец Цезарь Диона Кассия – «идеальный образ монарха, которого погубила лесть» (Этьен). Все пять историков на разных должностях, в разных званиях служили Империи. Поэтому убийство Цезаря их беспокоит и смущает. Это понятно. Однако, думаю, они все же забыли про «шестого Цезаря» – *Цезаря народа*. А как раз *в отношении к своему народу* Цезарь и «вел себя безупречно»: отсылал охрану, приглашал народ на пиры и хлебные раздачи, приступил к выведению колоний и т. д. Главное же, как нам представляется, заключалось в том наследии, которое оставил Цезарь... Надо учитывать, что Цезарь вознес Рим на вершину славы. Это прекрасно понял Марк Антоний, который, когда иные предложили «проклясть и осудить тирана» (как это предлагают сделать в России в отношении Сталина представители бездарной, воровской лжедемо-кратии и ненавистники великой Российской державы, едва ее не погубившие), сказал им: «Вы заслужите ненависть людей и богов, если позволите надругаться над памятью человека, простершего нашу империю до океана и проникшего в неведомые прежде земли». Он прямо заявил им: негоже обливать грязью того, кого боялись и почитали даже враги. И это знаменательно, что спустя две тысячи лет мы столкнулись с близкими подходами и мотивировками при определении роли личности тирана, каковыми (конечно, в разной степени) были Цезарь и Сталин.

Триумф Цезаря. Гобелен

Цезаря помнили и после его смерти... Римский плебс его жалел и уважал; и не только за то, что он завещал народу свои сады и по 300 сестерциев на человека после смерти... В России также помнят, что при Сталине жизнь после войны становилась дешевле, а сейчас все дороже и дороже. Сталин ушел из жизни в сапогах и старой шинели, а нынешние министры и олигархи бегут из России, таща всё, что можно. Останки убитого Цезаря сожгли, но Август построил храм в честь его обожествленной души *aedes divi Iulii*, между арками триумфа. Не по этой ли причине даже наш великий Суворов сказал: «Если бы я был Цезарь, старался иметь бы всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков»?

Дж. Тинторетто. Минерва и Марс

То, сколь противоречива и неоднозначна фигура Цезаря, видно даже из слов Аппиана, который старается объективно и честно описать то, что происходило в Риме после убийства Цезаря. Брут в своей речи перед народом попытался, естественно, выделить негативные стороны политики Цезаря. В частности, он указал на то, что Сулла и Цезарь роздали народу имущество их товарищей и соплеменников, которых послали на войну против галлов, то есть по сути дела отдали им чужие земли и имущество. В итоге граждане будут теперь жить из-за этих

ловушек в вечной тревоге, а те, у кого все это отобрали, будут им лютыми врагами. Они же, напротив, гарантировали им землю, которой они владеют, и будут гарантировать в будущем. В то же время он заметил, что правительство выплатит деньги за землю всем тем, кто ее лишился в прошлом. Толпа слушала речи Брута с вниманием и восторгалась, решив быть с заговорщиками заодно и впредь. В результате убийц Цезаря амнистировали, Цицерон посвятил длинную хвалебную речь амнистии. Но чтобы понять, сколь непоследовательна и крайне непостоянна толпа, желательно, как говорится, выслушать и другую сторону.

Портрет Брута. I в. до н.э. Рим

А дальше вынесли завещание Цезаря. Приемным сыном Цезаря, а, значит, его наследником, был назван Октавиан, внук его сестры. Народу же (для прогулок) предоставлялись сады Цезаря и каждому римлянину, находящемуся в городе, без исключения, было назначено 75 аттических драхм. Настроение изменилось. Народ пришел в ярость, видя, что завещание написано человеком, его любившим. Крайне возмутило людей и то, что из убийц Цезаря вторым по очереди в числе его наследников стоял Децим Брут (все вспомнили и его фразу: «И ты, Брут!»). И даже если эта фраза скорее всего является домыслом, позднейшим апокрифом (ни один из первых историков, свидетелей

или близких к событиям тех лет ее не приводит), то Децим Брут действительно являлся родственником Марка Брута. Дело в том, что у римлян существовал обычай: наряду с прямыми наследниками указывать еще и других, на тот случай, если бы первые не получили наследства. Всех возмутило то, что Децим Брут злоумышлял против Цезаря, хотя указан им в завещании как приемный сын. Всё это сочли низостью и кощунством. Когда Пизон принес тело мертвого Цезаря на площадь, сбежалась масса вооруженного народа (для его охраны). С шумом и большой торжественностью тело Цезаря поставили на ростры. Тут опять поднялся плач, слышались горькие рыдания. Вооруженный люд громко бил в щиты, раскаиваясь в том, что принял амнистию.

Микеланджело. Брут. 1537—1538 гг.

Правда, и Брут не сумел отстоять ни идеалов Республики, ни свою жизнь в битве против Антония. Отступив после поражения в долину, он мужественно покончил с собой. Образ и деяния его навсегда запечатлелись в памяти потомков. И хотя, как мы знаем, то была далеко не идеальная фигура, как не был идеальным великий Катон, воспитавший его, тем не менее, думаю, все же Г. Ферреро прав, говоря: «Он имел гордость до конца нести бремя своей ответственности, но был раздавлен им. Однако его жертва не была бесполезна. В

последний момент он должен был признаться, что великий классический идеал той республики, которому он отдал свою жизнь, с этих пор был мертв; что мир, который он покидает, был слишком развращен для тех, кто еще верил в этот идеал. Брут не мог угадать человека, предназначенного воспринять этот идеал и сумевшего применить его к новым условиям политической жизни. Этот человек был, однако, недалеко от него...»

И вообще порою мне кажется, что всякому великому «цезарю» непременно нужен «свой Брут»! Думаю, что даже век Августа в конечном счете никогда бы так и не состоялся, если бы Октавиану, будущему Августу, не пришлось бы все время, и даже во сне, лицезреть перед собой тень грозного республиканца! Эта славная и величественная фигура постоянно незримо присутствует на римском форуме – даже мертвая... Казалось, его голова, погребенная в пучине моря, вглядывается своими огненными очами в лица сенаторов и императоров Рима! Брута, вождя республиканцев, помнили и почитали даже более, чем Катона. Его воспел Лукан в поэме «Фарсала» (хотя и поплатился за свою смелость при Нероне жизнью). И даже историк Плиний Младший, служивший принципату самым добросовестным образом, признавался: он постоянно держит на своем рабочем столе бюст Марка Брута. Громогласно воспевавший строй Августа Плутарх тем не менее ставил героя-республиканца «выше всех великих греков и римлян вместе взятых» (А. Берне). И пусть Данте поместил Брута в последний круг своего ада, римский народ, как и французский или русский, в стихах и образах воспел его как борца за народ!

Вот и теперь – в объятьях
праздной неги,
Колпак шута надев на гордый Труд, —
Смеется «свет» – и нет на вас Риеги...
Но месть близка – кинжал
готовит Брут!

Конечно, за всеми колебаниями рим-ской толпы видны «уши» организаторов этого заговора. Каждый по-своему оценивал заслуги или преступления Цезаря, Брута, Антония, Цицерона, храня в памяти

то, что лично им понятнее, выгоднее или ближе. Тут уместно напомнить и слова императора Траяна. Вручая (по обычаю) префекту претория по имени Сабуран знак его власти – кинжал, Траян сказал ему с доверительной прямоотой, достойной солдата и великого правителя: «Даю тебе это оружие для охраны меня, если я буду действовать правильно, если же нет, то против меня». Пожалуй, это лучше объясняет, чем же был так привлекателен Рим.

С Цезарем закончилась эпоха. Вот как о ней пишет историк: «Вместе с Цезарем умерла также и диктатура как конституционный способ правления, хотя бы... в сочетании с консулатом. Под рукоплескания сенаторов Антоний упразднил ее, а вместе с ней надолго исчезли и определенный тип поведения, и определенная ментальность. Ни разу не принял диктатуры Октавиан Август, как и ни один император после него». Убийство привело к тому, что власть стала осторожнее, хитрее, циничнее. И в то же время Рим быстрее стал двигаться в сторону тирании.

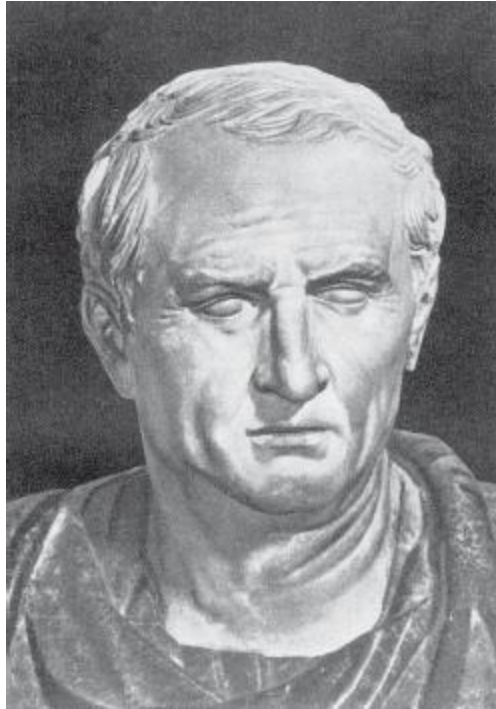
Цицерон как политик и оратор

Однако настало время обратить внимание на Цицерона (106—43 гг. до н. э.). «Это – самая богатая из всех завещанных нам древним миром личностей» – так написал о нем профессор Ф. Зелинский (в Словаре Брокгауза и Ефрона). В нем видим, возможно, самое полное воплощение римского творческого гения. Говорят, что «гений рождает эпоху», что он – «превопроходец культуры». Видимо, это так.

Известно, Цицерон был блестящим писателем, выдающимся оратором, мудрым политиком. Редкое сочетание во все времена. Что привлекает более всего? Гражданственность, патриотизм, любовь к музе и науке. Зелинский, видевший в Цицероне наиболее сложную и всеобъемлющую личность Римской империи, выделял шесть важнейших сторон деятельности: 1) собственно государственная деятельность Цицерона; 2) Цицерон как личность; 3) Цицерон как писатель; 4) Цицерон как оратор; 5) Цицерон как философ; 6) Цицерон как учитель последующих поколений. Обратимся к очерку Зелинского «Цицерон в истории европейской культуры» (1896). Прочитируем те его положения, которые кажутся нам весьма важными. Воспитан Цицерон в правилах «школы Сципионов», то есть старался следовать заветам этих лучших людей Рима. Он выше всего на свете любил обреченную на гибель конституцию Республики, но любил ее такую, как ее воспринимали и понимали Сципионы, как мудрое уравновешенное единение аристократических и демократических начал, проникнутых духом той эллинской образованности. Эта конституция была еще способна к прогрессу, то есть к восприятию новых зиждательных, конструктивных, а не разрушительных идей. Нечего и говорить, что с такими понятиями Цицерон, подобно Сципионам, был осужден оставаться одиноким. Ведь победа революции при Цинне, равно как и победа реакции при Сулле, были для него двумя одинаковыми поражениями, в которых пали его лучшие друзья, кто от меча Цинны, кто от меча Суллы. После торжества Суллы он не имел более покровителей. «И несмотря на то, он – в то время как сильные мира сего теснились под знамена победителя – он, повторяю, осмелился обратить против этого победителя то оружие, которым его наделила природа, – красноречие, заступаясь за тех, кто пострадал от введенного Суллой режима. Начал он скромно – с обиженных на почве гражданских дел с политической подкладкой; затем перешел к спасению намеченных жертв уголовного суда; наконец, ободренный успехом, он решил заступиться за тех, кто более всех потерпели от великой обиды, за покоренные народности. Лелея в своей душе сципионовский идеал римской державы – мирный римский протекторат над объединенными, но свободными народами вселенной, – он имел смелость заклеить современное ему извращение этого идеала, то есть власть, которой пользовались в

провинциях современные ему наместники, – словом «узаконенная неправда», *lex iniuriarum*». Таков первый период его жизни – период борьбы против торжествующей неправды, нарушившей законы демократии.

Марк Туллий Цицерон. Флоренция. Уффици

На фоне нашей космополитической и продажной эпохи особенно привлекательно выглядит облик Цицерона-гражданина... Твердо и мужественно встал политик на защиту государства, считая Рим-ское государство народным достоянием. Чем сильно государство? Наличием в нем справедливости. Не будь оной, «не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства». Хотя «народным» его можно назвать только в том случае, если оно не находится в руках одного человека или одной группы. Как показывает опыт истории, нехороша как власть толпы, так и власть одного. Не может и власть богачей быть наилучшим выходом. *Ни в коем случае.* Их власть ведет лишь к бесчестью, ибо «нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими». Государство не имеет право рассчитывать на случайный выбор. Во главе его должны стоять только честнейшие, мудрейшие и волевые люди. Ибо «не прочна судьба народа, когда она, как я... говорил,

зависит от воли, вернее, от нрава одного человека». Порочность владык делает дурной государственную власть (царь, запятнанный убийством, вообще не может находиться у руля правления). Надо сказать, что Цицерон, готовя себя к государственной деятельности, желал стать «лучшим человеком, полезным своему государству». Именно он одним из первых заявил о необходимости тщательно готовить и обучать элиту государства, чтобы она могла выполнить свою миссию. Он писал: «Лично я все то, что отдал государству (если я ему вообще что-то отдал), отдал, приступив к государственной деятельности подготовленным и наставленным... учителями и их учениями».

Цицерон. Работа времен Флавиев

Цицерон-гражданин (сельский житель, крестьянин, но из сословия всадников) горячо любил отечество. Он изыскивал любой предлог, дабы не оставлять даже на короткое время родную италийскую землю! Хотя в теории и допускал мысль: «Родина – всюду, где хорошо» («Тускулан-ские беседы»), повторяя известный лозунг поэта Аристофана: «Родина – всякая страна, где человеку хорошо»

(*Patria est, ubicumque est bene*). В то время как иные политики (и не только римские) охотно вояжировали по зарубежным странам, завоевывали и покоряли народы, дабы покрасоваться в тоге триумфатора, Цицерон стремился к иному. В книге «Об обязанностях» он воспевал значение научной и умственной деятельности: «Умственная деятельность, никогда не знающая покоя, может сохранить нас верными занятиям по познанию», «все помыслы наши и движения нашей души будут направлены либо на принятие решений о делах нравственно-прекрасных и относящихся к хорошей и счастливой жизни, либо на занятия, связанные с наукой и познанием». Иные критики называют его эклектиком. Полагаю, что это не так. В этих людях говорит зависть... А зависть это не только «сожаление о чужом благе» (Плутарх), но еще и душевная язва, разъедающая нас. «Завистливый человек причиняет огорчение самому себе, словно своему врагу» (Демокрит).

Цицерон оказал огромное влияние на выработку норм естественного права. Он призвал философию стать помощницей, лоцманом всей правовой деятельности Римского государства. Миром правит высший разум. Он же должен выполнять роль всеобщего закона. В основе этого закона лежат четыре вида добродетели, ведущие к совершенству, – мудрость, мужество, умеренность и справедливость. Тут Цицерон, как мы видим, был очень близок к установкам философа Эпикура. Его иные называют «гением подбора» в том смысле, что сами римляне в плане философского творчества достигли не так уж и многого. Но для человечества важно не только быть первооткрывателем истины, но и ее распространителем в массе народа. Цицерон же как популяризатор философии, как ее интерпретатор был незаменим. Ф. Ф. Зелинский пишет: «Учителя Цицерона, живые и мертвые, принадлежали к самым разнообразным направлениям; сам он привнес в дело философствования свое здоровое римское суждение и почерпнутое из непосредственного соприкосновения с жизнью чутье того, что нужно, а что нет». Система Цицерона – самая влиятельная из тех, с которой христианство столкнулось на римской почве. Христиане положили ее в основу своей этики.

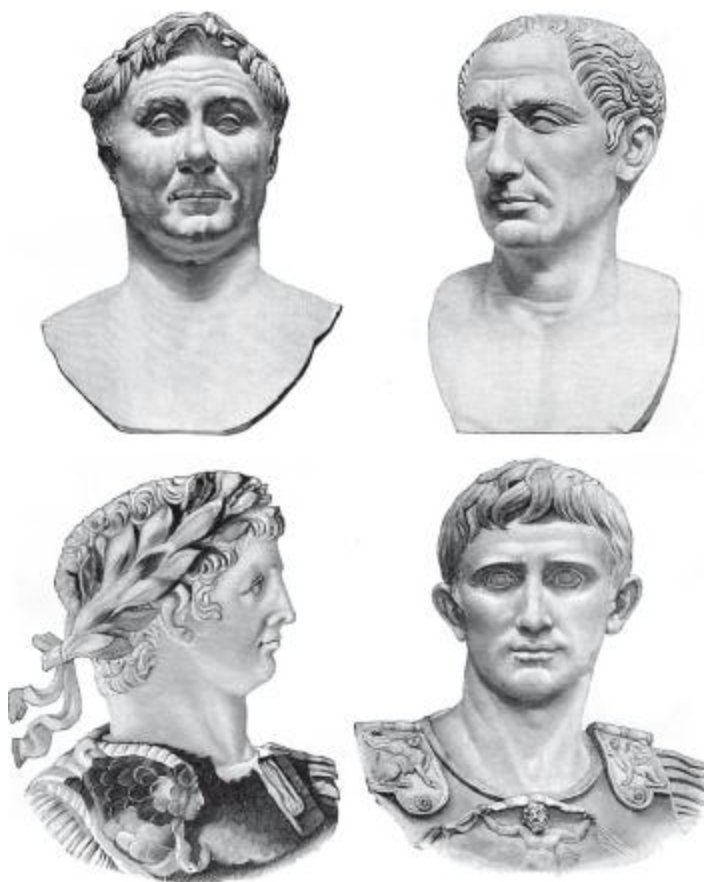

Изображение триумфальной колесницы на чаше

К примеру, когда Катилина попытался захватить власть в Риме и сокрушить республику, угрожая «погасить» ее под развалинами государства (заговорщики уже назначили и день выступлений, подписав тайный договор с галлами), Цицерон, который был тогда народным консулом, повел себя как истинный патриот и воин (*vir bonus*). Сенат объявил Катилину «врагом римского народа». После того как заговор уже приобрел явные формы подготовки к мятежу (сбор армии, дата выступления в Риме, с последующей резней, поджогами), он принял меры. Их схватили. И консул Цицерон, *после голосования в сенате*, приказал задушить их в Туллиануме (тюрьма у подножья Капиталийской крепости), что и было тотчас сделано.

Затем он вышел к народу и сказал ему, что заговорщики «отжили» (*vixerunt*). Такое решение вытекало из понятия народной справедливости, из определения государства как достояния народа! Народ – это не толпа, не любое соединение людей, и тем более не одна элита или политическая группка, которые вольны делать все, что им заблагорассудится (отдавать и брать земли и собственность, кому они хотят, или распускать государство). Подобные политики должны быть казнены за то, что посмели возложить на себя правовые функции, лежащие в правовом поле народов. Нет чудовищнее преступления! К ним неприменимы сроки давности. Лучшей формой правления он считал смешанное правление, то есть смесь монархического правления, аристократии, народовластия. Возможно, в том и заключалась сила Рима, что тот долгое время умело сочетал монархию

и единоначалие (в различных видах) с элементами демократического централизма и пусть несовершенного, но все же жизнеспособного народовластия («консулы» и «народные трибуны»).

Портреты римских цезарей: Помпей, Цезарь, Тиберий и Август

Характерны его отношения с Цезарем. Цицерон ценил его как политика, хотя обижался на то, что тот не слушает его советов. Цицерон был среди членов сената, которые голосовали за присвоение Цезарю чрезвычайных полномочий. Чем дальше, тем очевиднее замысел Цезаря – стать повелителем мира, обойти Черное море, перейти через Кавказские горы, захватить Скифию (юг Украины), Германию и выйти к Океану. Это был план космократа, повелителя Вселенной, нового Александра Македонского. По мере того как Цезарь все отчетливее проявлял монархические настроения, видимо, Цицерон также стал склоняться к идее заговора. Для этой цели и выбрали Брута, в роду которого уже было двое цареубийц. Казнив заговорщика, Цицерон сам стал им. Сложные чувства обуревали его. Похоже, он

завидовал Цезарю. В политике чувство благодарности – редкое качество. Порой он часами должен был просиживать в приемной Цезаря. Цицерон с одобрением воспринял заговор (хотя есть сведения, что заговорщики не внесли его в список, как декабристы – Пушкина). В письме Аттику он скажет, что «не смог насытить свой взор зрелищем заслуженной гибели тирана». Вслед за Платоном он писал, что душу тирана может излечить только смерть. «Но при всем том Цицерон бесспорно оставался в их глазах символом и воплощением того государственного устройства, которое они оплакивали, хотя по молодости своей по-настоящему его и не знали. Выкрикивая в курии имя Цицерона, Брут взывал не к соучастнику заговора, а к совести государства». Сенат одобрил действия убийц Цезаря. Подняв окровавленный кинжал, Брут якобы крикнул: «Цицерон». И поздравил его с восстановлением свободы. Убийцы выкрикивали имя Цицерона. Но смерть тирана усилила привязанность толпы к нему. Цицерон воскликнет: «О, всеблагие боги, тиран мертв, но тирания жива!» Хотя заметим, при ближайшем рассмотрении позиция Цицерона выглядит не очень-то красиво.

Нельзя исключить и того, что Цицерон фактически стал душой заговора и убийства Цезаря. Он был политиком до мозга костей, который всегда шел до конца. Вспомним, как в одном из произведений сам Цицерон признается, что «принес какую-то пользу юношеству», повлияв на их склад ума и образ мыслей. И далее следует фраза, произнесенная Брутом, обращенная им к Цицерону: «Причисли и меня к этому большинству. Теперь, благодаря тебе, я вижу, сколь многое мне еще предстоит прочесть из того, на что я раньше не обращал внимания». Цицерон вел с Брутом долгие беседы, по сути дела провоцируя на убийство Цезаря. Однако после убийства «тирана» Цицерон так и не объявился в стане заговорщиков, одному из них послав записку с довольно туманными словами: «Поздравляю. Радуюсь. Слежу за твоими делами. Хочу, чтобы ты явил мне свое расположение и рассказал, что происходит». Похоже, данная записка скорее должна была доказать, что Цицерон не имеет никакого отношения к заговору.

Тогда развернулась острейшая схватка за власть в Риме... Вопрос стоял остро: кто будет цезарем, Антоний или племянник Юлия Цезаря – Октавий. Цицерон и оптиматы (все представители олигархов, не

будем об этом забывать) встали на сторону Октавиана, увы, не бескорыстно: видимо, они хотели воспользоваться им, чтобы за его спиной затем управлять государством. Пытаясь подмочить репутацию Антония, Цицерон представлял его пьяницей и развратником. Он обрушился на него с речами, полными ненависти (так называемыми «филиппиками»). Антоний, имея ничуть не меньше прав на власть, чем Октавий, прекрасно понял суть интриг. Поэтому, когда он, будучи консулом, созвал сенат перед началом гражданской войны, он объявил Октавиана Спартаксом, а Цицерона – вдохновителем, назвав оратора вдобавок и подстрекателем политических убийств и коварной змеей.

Тип римского щита с ростр колонны Траяна

Цицерон считал, что союз граждан и государства надо сохранить во что бы то ни стало. В шкале древнеримских добродетелей уважение к отечеству всегда стояло на первом месте. При всех его антидиктаторских и антимонархистских чувствах Цицерон прекрасно понял необходимость укрепления в Риме твердой власти. Поэтому многие даже называют его провозвестником империи. Видимо, в этом

есть зерно истины. Он мечтал о могучей крепкой республике, управляемой законами, достойными правителями и если надо, то и крепкой рукой. Известно, что он прочил Октавиана на роль кормчего республики (за это, собственно, он и боролся). Когда он пал от рук солдат Антония, Секстилий Эна скажет: «Смерть Цицерона оплачем, безмолвие речи латинской». Финал этого преданного делу республики и идее *humanitas* (гуманизма) человека трагичен. Он пал жертвой политических интриг (скажем прямо: в том числе и собственных). Август включил Цицерона в списки обреченных на смерть. Правда, увидев затем в руках своего внука его речи, сказал: «Красноречивый был человек, красноречивый, преданный родине».

Через 20 лет после его смерти сенат поднесет Августу щит. На нем выписаны были названные великим Цицероном идеи и правила (гражданская добродетель, справедливость на основе права, верность мудрости, национальной идее). Затем уже благодарные римляне присвоят ему титул «отца отечества» (*Pater Patriae*), а декабристы увидят в нем символ исторического величия Рима. Рылеев скажет так: «И в Цицероне мной не консул – сам он чтим за то, что им спасен от Катилины Рим». Наследникам другой могучей республики, увы, не хватило воли и мужества, чтобы защитить ее от власти узурпатора. Где были они, русские бруты и цицероны!

Сосуд. Музей Флоренции

Цицерон превосходный оратор... Первым оратором у римлян считался Гальба (II в. до н. э.). Он первым, по словам Цицерона, «стал применять в речи особые, свойственные ораторам, приемы: отступал ради красоты от главной темы, очаровывал слушателей, волновал их, вдавался в распространения, вызывал сострадание, использовал общие места». Но довел это искусство до совершенства и науки именно Цицерон. Чтобы стать прекрасным оратором, ведь недостаточно свободно и красиво болтать. Нужно еще быть человеком высокой культуры, всестороннего образования – и очень много знать. Источник классического красноречия (в идеале) состоит в знании целого ряда наук: истории, политики, литературы, географии, гражданского права, философии, математики, физики, медицины, военного дела и т. д. Философия идет на первом месте, ибо она – «мать всего, что хорошо сделано и сказано». Она дает оратору сырой материал для красноречия. Если риторика оттачивает язык, то философия и история

оттачивают ум. И все же ритора создают не риторские школы, но практическая деятельность на поприще реальной жизни. В битвах на политических ристалищах, в отстаивании прав народа, истины, справедливости рождается оратор, как рождается, закаляется в горниле пламени разящий булат. Для римлян такой школой считался форум. Школой, вспоминал Цицерон, и был форум, учителем – установления римского народа, законы, обычаи предков и, конечно, опыт. Красноречие – искусство не только говорить, но и думать. Сила красноречия в том, что оно «постигает начало, сущность и развитие всех вещей, достоинств, обязанностей, всех законов природы, управляющей человеческими нравами, мышлением и жизнью». С его помощью определяются и уточняются обычаи, законы, права. Благодаря ему вожди могут привлечь внимание народа.

Впоследствии, сопоставляя Демосфена и Цицерона, известный римский ритор Квинтилиан говорил, что у первого «ничего нельзя сократить», а ко второму «нельзя ничего прибавить» (I в. н. э.). Как оратор он, бесспорно, был человеком высокой культуры и обширнейших познаний, сторонником волнующей, яркой и образной речи. О том, какое впечатление производили его речи и произведения на людей, говорит и признание Блаженного Августина. Когда тот в 372/373 г. н. э., в возрасте восемнадцати лет, впервые прочел «Гортензия» Цицерона, его охватил восторг, огромное воодушевление. Позже в «Исповеди» он признался: «Эта вот книга изменила состояние мое... Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении... Не для того, чтобы отточить язык, взялся я за эту книгу: она учила меня не тому, как говорить, а тому, что говорить... Она увещевала меня любить не ту или другую философскую школу, а самое мудрость, какова бы она ни была: поощряла любить ее, искать, добиваться, овладеть ею и крепко прильнуть к ней. Эта речь зажгла меня, я весь горел». Будьте уверены, Августин был не одинок в своем восхищении.

Разумеется, Цицерон был неоднозначной личностью. При всех его словесных поклонах и хвале республиканизму, он и сам «имел склонность к цезаризму». Эта очевидная двойственность его натуры объясняется как врожденными качествами, так и условиями, в которых ему приходилось действовать, бороться и работать. С другой стороны, возможно, именно противоречивый и очень неоднозначный характер

личности Цицерона и делает личность столь привлекательной. Зелинский пишет: «Именно эта двойственность, лишившая Цицерона при его жизни той импульсивной силы, которая свойственна простым и цельным натурам, сделала его интересным предметом изучения и упрочила его влияние после смерти. Возможность исправлять путем самовоспитания природные недостатки и создавать в себе по собственному выбору иную, лучшую природу – вот мораль, которую выводили, иногда сознательно, иногда нет, из изучения личности Цицерона, и эта мораль, важная и драгоценная для совершенствования человеческой личности, всегда манила и будет манить людей к ее изучению».

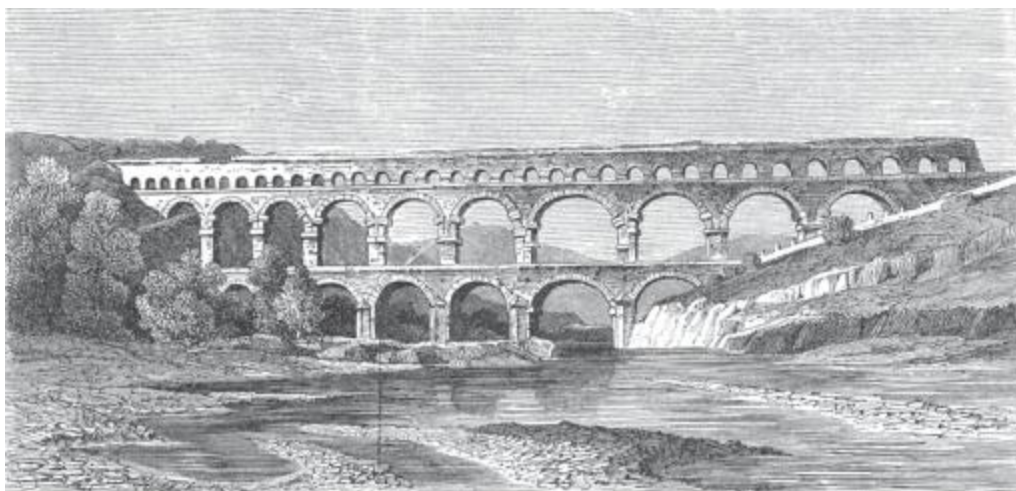
Все же дабы не стать жертвой очередных иллюзий, читатель должен понимать, что представлял собой Цицерон как политик и чьи интересы он выражал. Разумеется, он не мог быть защитником народа. Являясь представителем всадничества, он стоял на стороне богачей. Он был человеком из Арпина, переселенцем (*inquilinus*), то есть тем, кого римляне называли «новые люди» (*homines novi*). Понятно, такой человек хотел возвыситься любым способом. Великие люди типа Цицерона стремились к благосостоянию и власти. Вот и Цицерон купил дом на Палатине в древнем историческом центре Рима, как наша плебейская буржуазия покупает нынче дома в центре белокаменной – желательно с видом на Кремль. Детали: он называл себя «врагом дорогих обедов», но павлины (а это очень дорогое блюдо) появлялись у него на столе регулярно; писал, как о чем-то само собой разумеющемся, что он, дескать, отказался «от устриц и мурен». Цицерон готов был с мечом в руках отстаивать против новых претендентов богатство, добытое его кланом в смутные времена. Цицерон говорил сенаторам, что их противники – в первую очередь популярны. Их наш славный Цицерон и называет «*mali cives*» (дурные граждане)... Понятно, что новое сенаторство, настроив себе особняков, составив за эти годы огромные состояния, живя в роскоши, изобилии и неге, пуще смерти боялось прихода к власти мелких земледельцев, людей бедных. Он – приверженец республики, но консервативного типа. Он борется против старой партии аристократов, но сам стоит на позициях богачей. В этом, если угодно, «историческая обреченность» Цицерона (политика, отстаивавшего интересы горстки римской знати и элиты).

Страница книги Цицерона «Об обязанностях»

Конечно, он много и красиво говорил о пользе отечества и об обязанностях (Катулл назвал его «языкастейшим в Ромуловых внуках»), но что ни говори, это было отечество и правление богатеев... Люди, действительно желавшие нового государственного порядка, выходили не из этой обеспеченной общественной группы. Их порождала либо среда разоряющихся нобилей, как Катилину или Цезаря, либо они являлись из низов, людей безродных и нечиновных. В своих выступлениях они опирались на армию и на городской плебс («vulgus»), – как скажет Грабарь-Пассек. Эти новаторы, грубые и жесткие, были более чутки к ходу исторического процесса. Они скорее нюхом, чем разумом, понимали, что республика старого типа идет к своей гибели, и видели опору в людях хватких, деятельных, оторвавшихся от спокойной жизни и мирного бытия, являвшихся вполне подходящим горючим материалом. «Поэтому и неудачливый Катилина и удачливый Цезарь баловали и задаривали городскую бедноту и армию. Тем новым, к чему неудержимо шло римское государство, была диктатура, принципат, империя, и это «новое» было

тем, против чего всю жизнь упорно и последовательно выступал homo novus, Цицерон». По крайней мере на словах.

Мосты и акведуки Рима

Сам он был абсолютно честен, ни разу не посягнув на имущество государства! Когда процессами «о подкупе» (*de ambitu*) и «о вымогательстве» (*de pecuniis repetundis*) были завалены суды, на Цицерона не только никогда не было подано обвинения, но и не возникло даже подозрения в его честности. Плутарх пишет: «Цицерон же, которого посылали квестором в Сицилию, проконсулом в Киликию и Каппадокию, в ту пору, когда корыстолюбие процветало, когда военачальники и наместники не просто воровали, но прямо-таки

грабили провинции, когда брать взятки не считалось зазорным и уже тот заслуживал любви и восхищения, кто делал это умеренно, – Цицерон дал ясные доказательства своего равнодушия к наживе, своей человечности и добропорядочности. А в самом Риме, избранный формально консулом, но по существу получив неограниченные, диктаторские полномочия для борьбы с Катилиной и его сообщниками, он подтвердил вещие слова Платона о том, что лишь тогда избавятся государства от зла, когда волею благого случая сойдутся воедино власть, мудрость и справедливость». Плутарх им восхищался и, конечно же, не без основания.

Монумент Юлиев в Гланоне

Таланты, которыми обладал Цицерон, никого не могли оставить равнодушным. Однако утверждать, что соблазны власти, денег и славы ему абсолютно чужды, мы бы не стали. Напротив, он и сам отдал им дань, о чем говорят неумеренные бурные восторги в адрес откупщиков, финансистов, названных им «украшением государства» и «столпом республики». Его стремление к богатству, его дружба с

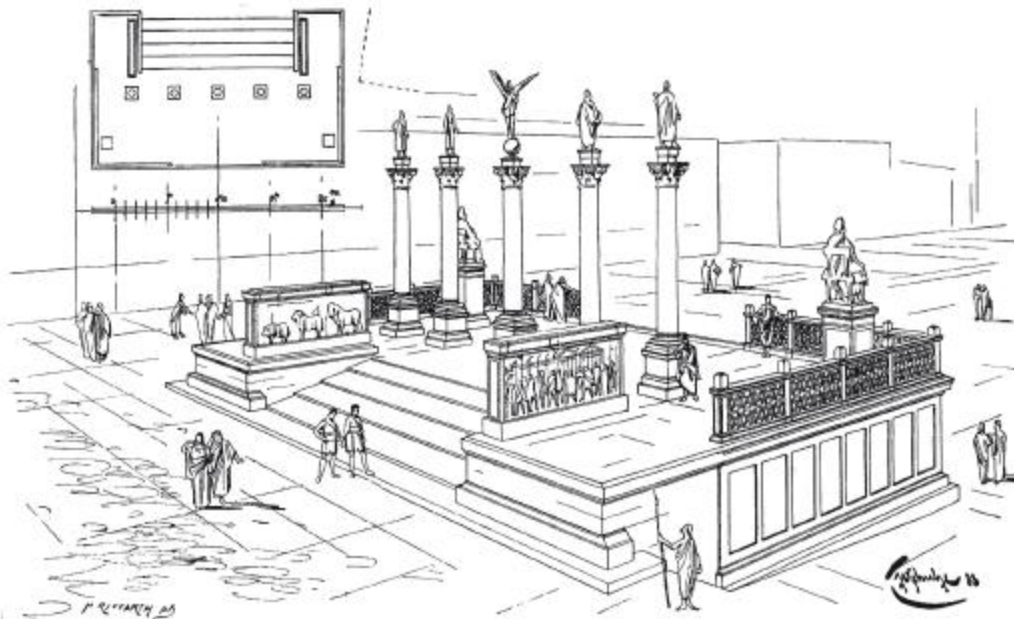

финансовой элитой говорят о многом и позволяют более трезво взглянуть и на эту значительную фигуру. Особый интерес представляют письма Цицерона к Аттику, раскрывающие личность политика и оратора зачастую полнее, чем самые замечательные труды. Аттик был крупный финансовый делец, близкий друг и издатель его произведений. Почти во всех жизненных ситуациях он являлся неизменным советчиком Цицерона. Значение имело и то, что письма эти не были предназначены к опубликованию. Римский историк Корнелий Непот так сказал о его письмах: «Кто их прочтет, тому не понадобится историческое повествование о тех временах (о последних годах Республики); в них так подробно описаны политические страсти вождей, развращенность военачальников и перемены, происходившие в государстве, что все становится ясным». Письма ныне стали редкостью и анахронизмом.

Форум Цезаря

Читатель сам определит, с кем он – с отечеством *homo novus* (новых людей) или же с народом. Плебс, а это и есть по сути дела народ, все же хотел перемен, хотел законного куска хлеба, хотел благополучия. Возможно, Цицерон, будучи сильным оратором, смелым политиком и ярким писателем, сумел создать «величественный миф» о римской республике, но плебеев он этим не убедил, хотя те и верят в мифы.

Римские ростры на Форуме

О том, что собой представлял Рим в то время, красноречиво свидетельствует и Утченко в книге о Цицероне. Когда же триумвиры (Антоний, Октавиан, Лепид) вступили в Рим в ноябре 43 г. до н. э., началась вакханалия проскрипционных убийств и конфискаций. За голову каждого осужденного давалась крупная награда. Раб, сдавший своего господина, кроме денег получал еще и свободу. Поощрялись даже доносы родственников друг на друга. Дети доносили на родителей, рабы – на господ, жены – на мужей (надо заметить, что жены выказывали наибольшую преданность мужьям). Предоставление убежища лицам, намеченным в жертву, наказывалось смертью. Говорили, что преследования, имевшие место во времена Суллы, выглядели просто «детской игрой». Первыми в списке алчущих смерти родителей стояли сыновья, затем – рабы, и затем – отпущенники. Инициаторами погромов выступили, конечно же, сами триумвиры. Лепид приговорил к смерти брата Павла, а Антоний – своего дядю Луция (Луций и Павел, правда, в свое время высказывались за объявление Антония и Лепида «врагами отечества»). В числе первых 17 человек был объявлен вне закона и сам Цицерон. Его убили 7 декабря 43 г. до н. э. (ему шел 64-й год). Раб по прозвищу Филолог, которого он учил и воспитывал (неисповедимы пути науки, как неисповедимы и пути тех, кого мы учим), указал солдатам путь его

бегства, а центурион Геренний, которого он когда-то спас от обвинений в отцеубийстве, хладнокровно убил великого старика, отрубив ему голову и руки. Убийцы доставили голову и отрубленную руку в тот момент, когда Антоний проводил народное собрание. Тот был в восторге и тут же выплатил обещанную награду в десятикратном размере. По слухам (явно надуманным), он поставил голову на свой обеденный стол, дабы насладиться этим зрелищем. А его жена Фульвия иступленно колола язык мертвого оратора булавками. Затем голова и рука Цицерона были водружены для всеобщего обозрения около ростр. Плутарх говорит, что римляне отнеслись к зрелищу с ужасом, а Аппиан пишет, что «посмотреть на это стекалось народу больше, чем некогда послушать его». На таких вот уроках и воспитан Запад, обожествивший Рим.

Цицерону

Не ты ль учил: любовью жизнь богата;
Не роскошь нас, а дружба приютит;
Мудрец Филону предпочтет Сократа,
А Фидия – забавам Афродит?!
Но где ж тот Рим?
Какой была награда?!
Глава твоя – у римских ростр торчит...

В. Б. Миронов

Цицерон – блестящий ум, «Аристотель Цезаря». Появление в Риме такой личности (при всех ее минусах) было триумфом римской интеллектуальной «демократии» (хотя Рим скорее аристократичен, чем демократичен). Г. Ферреро писал о нем так: «В римском обществе, где в течение столетий лишь знатное происхождение, богатство или военные таланты открывали дорогу к политической власти, Цицерон первый, несмотря на то что не был ни знатным, ни богатым, ни военным, вступил в правящий класс, занимал высшие должности и управлял республикой вместе со знатными, миллионерами и полководцами лишь потому, что был удивительным литератором и оратором, умевшим очень ясно объяснить широкой публике сложные и глубокие идеи греческой философии. В римской истории, а

следовательно, и в истории европейской цивилизации, началом которой был Рим, Цицерон был первым государственным человеком, принадлежавшим к интеллигентному классу, и, следовательно, – главой династии, если угодно, подкупной, порочной и злонамеренной, но которую историк, даже ее презирая, должен признать продолжающейся дольше династии Цезарей, ибо от Цицерона до наших дней она никогда не переставала управлять Европой в продолжение двадцати столетий. Цицерон был первым из тех людей пера, которые во всей истории нашей цивилизации были то поддержкой государства, то творцами революции, риторам, юрисконсультами, публицистами в языческой империи... апологетами и отцами церкви; монахами, легистами, теологами, докторами и читателями – в Средние века; гуманистами – в эпоху Возрождения; энциклопедистами – во Франции XVIII века, а в наши дни – адвокатами, политическими писателями и профессорами. Цицерон мог совершать крупные политические ошибки, но его политическая роль тем не менее приравнивается к роли Цезаря и лишь немного уступает роли св. Павла или Блаженного Августина». Цицерон – это тип платоновского философа на троне.

Последнее прощание. Лувр

Он имел право сказать: «Жил я так, что считаю себя родившимся не напрасно». Конечно, и в последующие века влияние Цицерона было поистине огромным. О нем говорят как о родоначальнике новой, специфически римской философии, с ее ориентацией на практичность и сугубый рационализм (Г. Буасье). Другие его характеризовали как

одного из крупнейших римских и европейских гуманистов-просветителей (М. Покровский), третьи особо отмечали его дар популяризатора, говоря, что «чтобы научиться истинной популярности, нужно читать древних, например философские сочинения Цицерона» (Кант). Им восхищались Дидро, Лютер, Боссюэ. В последующие века влияние его идей не уменьшилось, но еще и возросло. Видимо, по этой причине в поздние времена образованных людей порой стали называть *цицеронами*. С пиететом и восторгом воспринимали эту личность в эпоху Просвещения и в годы Великой французской революции. Это из его речей «сковал себе кинжал оратор-якобинец». Идеалы римского оратора были во многом созвучны их просветительско-республиканским идеалам. Как и гуманистам Ренессанса, идеологам Просвещения импонировало это цicerоново стремление соединить мудрость с красотой и пользой и создать «популярную» – то есть понятную всем образованным людям, красноречивую и применимую в гражданской практике – философию. И для Рима он стал примерно тем, чем были «Пушкин для России, Гёте для Германии, Данте для Италии» (Г. Кнабе).

В конце XIX века, когда еще в расцвете сил были учителя русских гимназий (философы, историки, юристы), Зелинский, ставивший весьма высоко планку, с которой можно постичь мудрость и глубину познаний великого римлянина, говорил: «Понять Цицерона может только тот, кто с юридическими познаниями соединяет философский взгляд и риторико-эстетическое чутье». Он просил не путать живую греко-римскую реторику с презренной «риторикой» новейших времен, которой ныне так забавляются иные малообразованные политики. Уже тогда видна была опасность того, что в России кладезь общеобразовательных мыслей «приходит все более и более в запущение». Очевидно, что не зря волновался Ф. Зелинский: «далеко ли время, когда Цицерон будет совсем изгнан из школ». И вот мы стали свидетелями того, как в XX—XXI вв. из школ изгоняется история.

Хотелось бы, чтобы в отношении Цицерона восторжествовал исторический реализм. Тем более, похоже, вновь настанут переходные времена и уже ясно «обрисовывается новая точка зрения, которая обусловит изучение античности в наступающем столетии: развитие естественных наук выдвинуло принцип эволюционизма, античность

стала нам вдвойне дорога, как родоначальница всех без исключения идей, которыми мы живем поныне» (Ф. Зелинский). Для этого будущего российского министра образования и науки следовало бы повенчать не с математикой, а с историей, философией, культурой. В новой России, полагаю, уже нельзя будет стоять во главе наук, образования, культуры, не будучи энциклопедистом. И вообще без поколения энциклопедистов власть и беспомощна, и бесплодна.

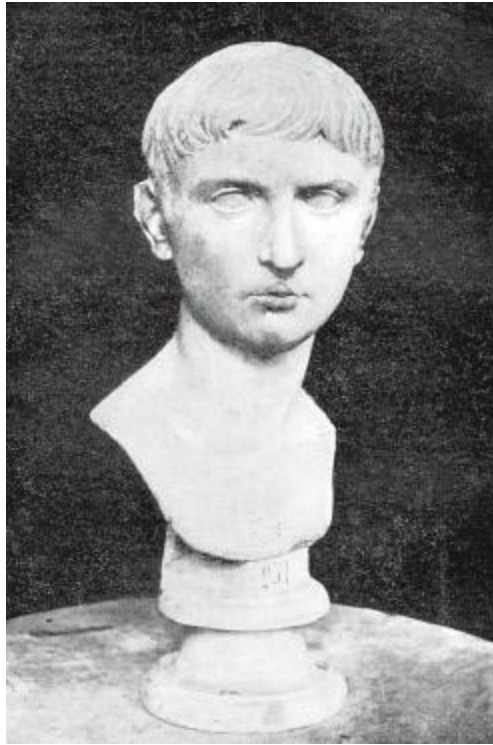
Императоры и поэты: Август, Вергилий, Овидий

О нравах того времени, пожалуй, красноречиво свидетельствует эпоха божественного Августа, первого римского императора («По августейшему гаданью основан был Рим знаменитый»). Эпоха, которую в историографии называют «эпохой ранней империи», крайне противоречива, чем-то напоминая времена нынешние. Жестокие гражданские войны сопровождались гибелью огромных масс людей, открытым грабежом имущества, принудительным набором в армию, тяжкими налогами, господством тирании и плутократии. Как скажет Сенека, от гнева рабов людей тогда погибало не меньше, чем от гнева царей. Это измучило народ. В то же время в памяти людей были еще свежи деяния Помпея и Цезаря, покоривших часть мира. В памяти жив героический век. Помпей освободил море от пиратов, сверг царя Митридата, реорганизовывал хаотичный Восток под эгидой Рима. Цезарь вторгся в Британию. Жил еще блистательный Цицерон. Однако Риму предстояло многое совершить: не были окончательно покорены галлы, не завоеваны земли Европы, еще самостоятельным оставался и Египет в руках Птолемеев. Одним словом, пред честолюбивым юношей простиралось необъятное поле будущей великой славы.

было, а путь к власти был расчищен. Удача, без которой у политиков нет счастья в политической карьере, не раз будет благоприятствовать Октавию.

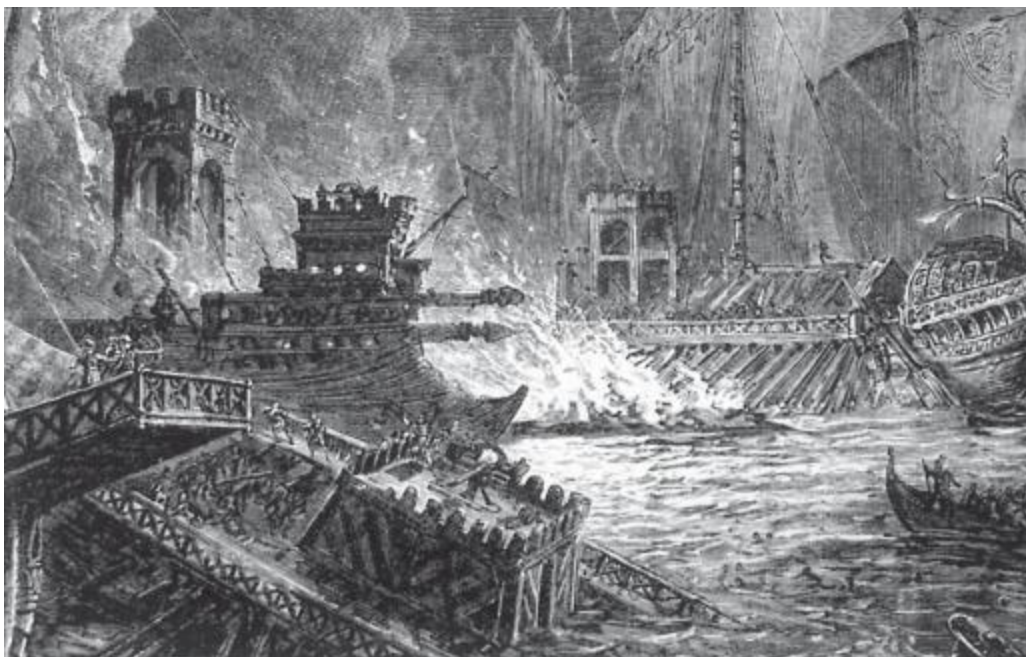
Август в молодости. Эрмитаж

Смерть Цезаря не только не вернула Республики, напротив – ускорила приход монархии. Рождению будущего Августа сопутствовали предзнаменования. Хотя все они были сочинены уже после прихода его к власти. Так, Нигидий Фигул, пифагореец и знаток астрологии, заявил, что было знамение, возвестившее, что Август станет властелином вселенной. Официальный летописец империи Юлий Мараф также утверждал, что ему было знамение, возвестившее, что природа даст римскому народу царя. Кстати, появление царской власти в Риме было подготовлено тем же Цезарем, выразившим желание короноваться. Он заявлял, что Республика стала пустым звуком, требуя, чтобы его официально величали царем. Цезарь мечтал о царской власти, желая, подобно восточному владыке, облачиться в багряницу.

Август в молодости. Эрмитаж

После эпохи гражданских войн и убийства Цезаря народ жаждал спокойствия и гражданского мира. В умах людей прежние времена представлялись «золотым веком», когда у власти были благочестивые и мудрые предки. Тогда и возникла идея Pax Romana (римского мира). Бесконечные интриги, свары, подлости, уловки, схватки и разборки меж политиками различных политических мастей, направлений донельзя опротивели и армии, и народу Рима. Ведь политики жили не в безвоздушном пространстве, вовлекая в противостояния огромные массы людей, сталкивая их и сражая. Это было учтено и прочувствовано Октавианом. Боязнь единовластия привела к тому, что власть в Риме разделили триумвиры – Антоний, Лепид и Октавий. В памяти римлян еще были живы воспоминания о Республике. Поэтому триумвиры решили не назначать диктатора. Ходили легенды, что тогда разом завывали собаки, в городе объявились волки – необычное животное для города, которые бегали по форуму; статуи богов покрылись потом, другие – кровавым потом; стал падать каменный дождь, молнии поражали изображения богов; солнце померкло. Эти предзнаменования предшествовали грядущим событиям.

Битва Октавиана против Антония при мысе Акции

О том, какие настроения стали распространяться в обществе, писал один из авторов: «Новый Цезарь высадился в Италии с усталыми, потрепанными войной легионами. Ему едва исполнилось двадцать, однако на нем лежала задача переустройства мира, и он отдавал себе в этом отчет. Все они вернулись... с ощущением, что мир устроен неправильно и его следует переделать. Римский мир испытывал такое чувство уже много лет назад, однако всегда находилась какая-нибудь неотложная задача, которая мешала людям заняться этим переустройством. Теперь последняя из неотложных задач выполнена, основание расчищено, пора браться за дело. Можно было все спокойно обдумать. Среди пленных, захваченных в этой войне, был и Гораций Флакк, более известный как Гораций. Этот человек больше, чем другие, передает основные черты римского характера: здравый смысл, способность к строительной деятельности, чувственность, любовь к хорошему вину и красивым девушкам, чувство справедливости, простота и гуманность – это были качества, общие для большинства сограждан того времени. Никто на свете не мог бы лучше рассказать об ощущениях человека, вернувшегося с полей сражения при Филиппах (где цезарианцы Антоний и Октавиан в жестоком сражении одолели войска Брута, который предпочел смерть плену. – *В. М.*), – усталости от войны и борьбы, тоске по мирной

жизни с мечтой о собственном участке земли – не для того, чтобы жить на доходы с него, но просто чтобы иметь дом, где усталый воин мог бы прикорнуть после обеда в тени плодовых деревьев, слушая звуки, доносящиеся с реки. За такую жизнь они сражались. Город Рим никогда не был так многолюден, как во времена Августа, и в то время римляне устали от городской жизни... Пусть здесь суетятся правители, деловые люди и лавочники вместе с рабами; серьезный римлянин со всем этим покончил и соскучился по сельской жизни. Воины, вернувшиеся после Филипп, и не мечтали об огромных наделах (с огромной за них ответственностью). Маленькая ферма, которую можно обойти за полчаса, полдюжины рабов, которые могли за ней ухаживать, – вот, собственно, все, чего они хотели. На одного человека, подобного Горацию, который мог выразить свою мечту в прекрасных стихах, приходились десятки тысяч, которые мечтали о том же, но не могли этого выразить». Это и должен был сделать Октавиан для воинов-ветеранов, что предполагало экспроприацию собственности в 18 итальянских городах, а также выплату всем им компенсаций.

Есть в истории какая-то загадка, головоломка. Посудите: Цезарь, блестящий полководец, яркий политик, дипломат, неплохой писатель, пылкий любовник, погибает от кинжала заговорщиков. И к власти приходит тот, кто не обладает и десятой долей его талантов. Октавиан не отличался особой эрудицией, был слаб и хил, не разбирался в военном деле и тем не менее именно он пришел к власти. Что ему помогло? Участвуя в пяти гражданских войнах, он понял: люди устали от постоянных неурядиц и смут. И по возвращении в Италию он дал понять: наступают времена мира и возвращения к традициям старого Рима. Октавиан вернул Египет в лоно Римской империи. Ради увеличения поставок хлеба Риму он уничтожил Клеопатру, положил конец пьянству, распутству властителей Египта, расчистил не только покрытые илом каналы Египта, но и политическую почву в Риме. Им была уничтожена часть демократов-антицезарианцев. Иным вырвал их поганый язык, иные поприжали его сами. Часть из них разбежалась, как крысы, другая их часть затаилась. Правда и то, что Октавиан не гнушался убийств. Но как бы там ни было, его приход знаменовал собою конец одной эпохи римской истории (период Республики) и начало другой (период Империи, режим Принципата). Октавий не лишен был достоинств. С юных лет увлекался красноречием и

благородными науками. Находил время декламировать, читать и писать. В Риме он посещал уроки Марка Эпидия, среди учеников которого были Марк Антоний и даже сам великий Вергилий. Занимался с частным ритором Аполлодором Дамасским, этике обучался у Афинодора, ставшего наставником. Написал немало сочинений, включая «Поощрение к философии». Писал так, как говорил. Прекрасно знал поэзию и литературу. Избегал в речи громких и пустых фраз, ибо самым важным качеством политика считал умение ясно и четко выражать свои мысли (без слов, попахивающих стариной, и всяких эффектных завитушек).

После представления в цирке

Став Августом, оказывал покровительство талантам и был совершенно лишен чувства социального снобизма. Начать с того, что он решительно воспротивился тому, чтобы его награждали званием цезаря, царя, диктатора или императора. Всем громким званиям он предпочел звание принцепса (*первого гражданина*). Несомненно,

перед его глазами стояла печальная судьба его приемного отца – Цезаря... Он раздавал гражданам хлеб по самой малой цене или даром, удвоил денежные выплаты. Поддерживал бедных (200 тысяч нуждающихся ежемесячно получали бесплатно зерно, малоимущим гражданам он неоднократно раздавал и деньги). Немалые суммы шли колониям, городам, пострадавшим от землетрясения или пожара муниципиям. Октавиан не жалел денег на зрелища и гладиаторские игры.

Он был осторожен, хитер, осмотрителен, терпелив и жесток. Убивал беспощадно всех, кто вставал на его пути к власти. Римляне, бесконечно уставшие от гражданских войн и неразберихи, удостоили его неслыханного триумфа. Когда в 29 г. до н. э. после битвы при Акциуме Октавиан вернулся в Рим, там ему устроили пышный триумф, продолжавшийся три дня. Солдатам и народу были розданы громадные деньги. Его имя включили в сакральные песнопения наряду с именами богов, а одна из триб была названа Юлиевой. День его вступления в Рим был объявлен праздником на все времена. Он мог сам пополнять коллегию жрецов и стал пожизненным трибуном, избран консулом, цензором, первым среди сенаторов.

Фигурный сосуд для вина из некрополя Черветери

Уже в эпоху поздней республики дальновидные политики стали понимать: народ должен быть сыт и занят, чтобы он не вмешивался в политику и слишком рьяно не выражал своего недовольства. Поэтому зерно римлянам предоставили (с 62 г. до н. э.) по цене менее половины от рыночной (320 тысячам граждан). Публий Клодий, соперник Цицерона, вообще отдал зерно бесплатно. Это обошлось ему в половину тех средств, что были получены от завоеваний Помпея на Востоке. Так власть осуществляла подкуп обывателей, как она делает порой и сегодня. Август не стеснялся подобных мер, и даже увековечил память о них. На стенах храма в Анкире (Анкара) сохранилась такая его надпись: «Населению Рима я дал триста сестерциев на человека, выполняя волю моего отца (приемного отца Цезаря. – В. М.) и от своего имени, во время моего пятого консульства

я пожаловал четыреста сестерциев каждому, выделив из военной добычи; второй раз, более того, во время моего десятого консульства я выплатил за счет моего собственного наследственного имущества четыреста сестерциев каждому в виде подарка, а во время моего одиннадцатого консульства я двенадцать раз устраивал раздачу мучных продуктов за свой счет, а на двенадцатый год моего пребывания на посту трибуна я третий раз пожаловал четыреста сестерциев каждому. Мои щедрые дары получили не менее 250 000 человек. На восемнадцатый год моего пребывания на посту трибуна, будучи консулом в двенадцатый раз, я одарил 320 000 человек из числа городского населения – по шестьдесят денариев...» Далее он говорит, сколько раз от своего имени и даже от имени сыновей и внуков он устраивал гладиаторские бои, в которых сражалось 10 000 человек. Трижды устраивал он представления атлетов со всех концов света, четыре раза устраивал игры своего имени и двадцать три раза – игры имени других правителей. Двадцать шесть раз организовывал травлю африканских диких животных, в ходе которой 3500 животных убиты. Он также показал народу ранее невиданный спектакль – морское сражение на Тибре. И все это делал только с одной целью – снискать к себе расположение римского народа, и чтобы народ, требуя «хлеба и зрелищ», кричал: «Голосуй за цезаря, а то проиграешь!»

Вместе с тем он решительно воспрепятствовал тому, чтобы римляне спивались. Сам император Август с юношеских лет пил очень мало, и не более трех кубков за время одной трапезы. «В обществе, привыкшем искать забвения своих тревог в обжорстве и пьянстве, – пишет Ж. Неродо, – подобная сдержанность выглядела особенно примечательно. С одной стороны, это качество выгодно отличало Августа от Марка Антония, а позже и от Тиберия, но с другой – оно же вредило ему, поскольку у него не было отдушины, необходимой после тяжелых переживаний. Он не знал также состояния легкого опьянения, которое, как говорит Платон, освобождает и возвышает душу». Когда толпа, потребовав от него выпивки (а она всегда требует вина и зрелищ), пожаловалась на недостаток вина и дороговизну, он сказал: у вас достаточно водопроводов, утоляйте жажду водой. В нашей столице получается все наоборот: один старейший водопровод и тысячи водочных.

Он приступил к реставрации старых храмов, до которых властям не было дела и где, по словам Проперция, «паук ткал свою паутину». Обращение к прошлому, возрождение ряда храмов и законов Республики – символизировало наступление «нового и справедливого века». Юридической основой власти Цезаря Августа стало совмещение им высшей военной и трибунской властей. Когда же в 27 г. до н. э. Август стал первым лицом государства с неограниченными полномочиями, он неожиданно для всех заявил, что хочет отдохнуть и уйти в частную жизнь, на покой.

Октавия, добродетельная жена Марка Антония. Лувр

В дальнейшем его нарекут «отцом отечества»... Сам Август был убежден, что основой его власти стал его авторитет: «Я превосходил всех своим авторитетом (*auctoritas*), власти же я имел не больше, чем другие...» При нем собирались народные собрания, избирались магистраты. Видя, сколь ненавистен народу новый «порядок» (все говорили об упадке нравов – *mores majorum*, исчезновении традиционной верности – *fides*, благочестия – *pietas*), он осуществил «поворот к прошлому»: принял ряд законов, укрепляющих общественную нравственность. Приняты были меры по поддержке

римской семьи и росту народонаселения, суровые и жесткие законы против разврата (*leges Juliae de adulteriis coercendis*). Установлены определенные преимущества для лиц, имеющих детей. В духе староримской традиции Август провел закон, ограничивающий роскошь. Он стал сурово преследовать проявления похабства и «порнографию» (применив закон о прелюбодеянии сначала к дочери, а затем даже к собственной внучке).

Богачи и развратная молодежь тут же подняли вопль на всю Италию, но мудрый Август законами смирил дикие инстинкты. Конечно, ему приходилось опираться на диктатуру! Иного и быть не могло в условиях смуты и анархии! Или бери в руки власть и, опираясь на поддержку низов, среднего класса и консерваторов-патрициев, сверни голову гидре знати (олигархам), устанавливай диктаторские порядки, или продолжай катиться вместе со страной и «новыми итальянцами» к гибели. Без его разрешения никто из сенаторов не мог покинуть страну. Это вызывало у них страх, однако заставляло действовать с оглядкой. Несмотря на то что именно при нем в Германии были разгромлены римские легионы Вара (германцы уничтожили их полностью; тогда он произнес фразу: «Квинтилий Вар, верни мне мои легионы»), Август сумел завоевать уважение других народов. Скифы, лишь понаслышке знавшие о нем, через послов стали просить дружбы Августа и римского народа. При нем Рим из кирпичного града стал мраморным. Город быстро отстраивался. После богов Август более всех чтил тех из вождей, кто вознес державу римского народа «из ничтожества к величию».

Статуя императора Августа

Главное при решении государственных вопросов – результаты, а те во многом говорят в пользу Августа. Гражданские войны прекратились. Упорядочивается управление провинциями. Намечается серьезный экономический подъем. На западе делает успехи политика романизации. В восточных областях укрепляется господство Рима. Политический режим, пришедший на смену плутократическо-патрицианскому правлению, в немалой степени способствовал консолидации общества. Мудрость Августа заключается в том, что он не побоялся упреков в «возвращении к прошлому», но открыто заявил: «Да, я – консерватор, и намерен восстановить все лучшее, все справедливое, что было и есть в старых, отеческих порядках!» Он очистил сенат и от так называемых «замогильных сенаторов», попавших в римский парламент за взятку или в результате личного знакомства с бывшим главой государства. Он содействовал тому, чтоб больше народа приняло участие в управлении государством! Отмечал он заслуги выдающихся военных, получивших «свои звезды» в

сражениях, а не протиравших тоги и задницы в банях и лупанариях. Он заставил каждого всадника (члена старой элиты) «дать отчет о своей жизни». Все, кто запятнал себя подлостью, взятками и т. д., были наказаны бесчестьем, взысканием с них штрафов. Особенно важным он считал, чтобы «римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови». Поэтому римское гражданство жаловал скупой и в Рим чужеземцев (даже из ближнего зарубежья) не пускал на постоянное местожительство. Август заложил основы более разумной провинциальной (региональной) политики, в результате которой римские провинции из придатка к столице-государству, из поместий римского народа (*praedia populi Romani*) превратились в законные и равноправные части единого целого. При этом жестко пресекал все попытки сепаратизма. При Августе был завершен переход и к постоянной наемной армии. На Востоке он старался действовать скорее с помощью дипломатии, нежели оружия. Обладая почти монархической властью, старался всячески ее завуалировать и не показывать. Одним словом, это был довольно искусный политик.

Дж. Б. Тьеполо. Меценат представляет Августу искусства

При нем Рим стал подлинной столицей мировой империи. Город отстраивается как бы заново. Храмы обновляются, украшаются мрамором, драгоценными рельефами и колоннами. Как говорит устами Овидия древнейший римский бог Янус: «Нам золотые нужны святилища, хоть и милее древние храмы: богам ведь величавость идет». В «Деяниях Августа» сказано об этой стороне деятельности императора (о реставрации): «В шестой год моего консульства, по поручению сената, я восстановил 82 храма в городе и не оставил ни одного заброшенным». По его приказу создано знаменитое святилище Аполлона Палатинского. Август после победы над армией Клеопатры и Антония у Акциума считал его своим покровителем. Храм сей поражал своей роскошью: Аполлон выступал тут в роли кифареда, на дверях – рельефы, изображавшие изгнание галлов из дельфийского святилища Аполлона. Над фронтоном был изображен бог Солнца, летящий на квадриге, а под ним внизу распростерто божество Нила. Аполлону приданы черты самого Августа. Стоящий перед храмом алтарь окружали статуи быков работы знаменитого грека, скульптора Мирона, воспроизведенные римскими мастерами. Портики наполняли другие знаменитые статуи. Показательно, что при храме было две библиотеки – греческая и римская. Говорят, Август любил проводить заседания сената в зале библиотеки, украшенной изображениями греческих мудрецов. Тут же хранилось богатейшее собрание гемм, канделябр самого Александра Македонского, серебряные треножники, на одном из коих изображена сцена ослепления Одиссеем опьяневшего циклопа Полифема. Сцена носит назидательный характер, показывая государственным мужам, как опасно злоупотреблять вином, и намекая, видимо, на судьбу Антония, любившего пиры без всякой меры. Храм стал своеобразным музеем, куда стекались восхищенные толпы зрителей. В Риме сооружается и прославленный Алтарь Мира (13—9 гг. до н. э.), куда входит комплекс величественных сооружений: мавзоль в виде колоссального холма, украшенного статуей Правителя мира. Тут же парк для народа и солнечные часы с египетским обелиском вместо стрелки, сооруженные эллинистическими и египетскими мастерами. Они показывали не только время дня и ночи, но и сезоны. Весь город расстраивается и становится мраморным,

символизируя «золотой век». Вечный город при Августе напоминал Флоренцию времен Лоренцо Медичи.

Пракситель. Афродита Книдская

В портике Октавии стояла Афродита – копия творения Фидия. Портик создал греческий архитектор Гермадор. Римляне завладели Юпитером Праксителя (из слоновой кости), умирающим львом Лисиппа, Зевсом, Дианой Леохара. Агриппа вывез из Греции 400 мраморных колонн, 300 бронзовых и мраморных статуй. Домитий Тулл в один день украсил свой парк 50 мраморными статуями. Подлинники и копии знаменитых творений Скопаса, Кефисидота, Тимофея, Апеллеса, Лаокоона и иных знаменитостей превратили город Рим в один огромный музей под небом.

Правда, при Августе уродливо развился бюрократический аппарат, что стало своеобразной приметой времени... На высшие должности при нем назначались лица из «узкого круга». Из сенаторов

избирали и префекта Рима. Особую власть обрела преторианская когорта, ответственная за охрану царственной особы Августа. Ее командир наблюдал за порядком в Риме и Италии. Для управления провинциями посылались прокураторы (в их числе и прокуратор Иудеи Понтий Пилат). Под их началом были провинции, где сосредоточена основная масса войск. Имея в руках власть над 25 пограничными легионами и преторианскими когортами, дворцовой гвардией, что была расквартирована в Риме и Италии, он мог быть спокоен за свою власть, что по сути становилась монархической. «Таким образом, сенаторы оказались безоружными и неспособными воевать, а он – имел оружие и содержал солдат». Это позволило спокойно заниматься устройством империи, поскольку *Август – фактически первый триумфальный император в истории Рима!*

Смерть Клеопатры

Однако судьба Цезаря не выходила у него из головы. Потому Август вел себя скромно: как простой гражданин голосовал в своей трибе, обходил граждан с кандидатами, коих поддерживал, ища благосклонности сыновьям, обращался к народу с просьбой предоставить ее лишь в том случае, если они того заслужат, и не

вмешивался в отправление правосудия, даже когда речь шла о его друзьях.

В жизни Августа были и мрачные эпизоды, которые позднейшие критики ему не простили. Обретя политический вес («став тяжеловесом»), Август «начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций». Правда, пустая болтовня сенаторов порой выводила его из себя. Однажды он не выдержал и хотел даже покинуть собрание сената. Те возмутились, крича с мест, что нельзя запрещать им спорить о государственных делах. С годами он все меньше внимания стал обращать на их речи, да и на них самих. Теперь даже законы, нарушаемые насилием властей, происками и подкупом, перестали быть в Риме надежной защитой. Другим неблагоприятным шагом Августа можно считать смерть Клеопатры и преследование поэта Овидия. И что бы ни было реальной причиной ссылки поэта, решение императора трудно оправдать. Хотя ссылки дело обычное в Риме.

Статуя Августа в тоге

Ссылка «на край земли», что обрушилась на известного поэта, баловня общества и самого императора, была для того как снег на голову. О ее причинах в римских кругах говорили разное: участие в политической оппозиции, подглядывание за голый супругой цезаря в бассейне или что-то иное... Приятели словно забыли о его существовании. Книги его были изъяты из библиотек. Овидию пришлось бросить в огонь почти законченные «Метаморфозы». Чувство печали охватило поэта. Он пишет в «Скорбных элегиях»: все, чего он добился стихами, это ненависти:

Горе! Зачем я учен,
зачем родители дали
Образование мне, буквы зачем я узнал!

Я ненавиствен тебе моей
сладострастной «Наукой».

Даже не зная обстоятельств дела, кажется странным такое поведение Августа. Есть основание думать, что Август руководствовался скорее государственными намерениями. Ведь Овидий в «Науке любви» воспевал не только и не столько любовь, сколько пьянство, частично оправдывая такое поведение толпы. «Истое пьянство вредит, но мнимое даже полезно: / Пусть заплетется язык, пусть залепечется речь, – / Что бы ты теперь ни сказал и ни сделал не в меру ретиво – / Все для тебя не упрек: скажут, виновно вино». В России Овидия по этой «статье» оправдали бы. Подлинная причина ссылки поэта не ясна. Хотя за пять веков догадки на эту тему составят толстую книгу, где приведено 111 мнений. Сам Овидий туманно писал: «Два преступления сгубили меня: стихи и проступок» (carmen et error).

Г. Феррари. Статуя Овидия

К тому же и император Август был не лишен некоторых пороков. Один из неизвестных авторов, живших на рубеже IV и V вв. н. э., писал о нем: «...он был немного нетерпелив, несколько раздражителен, втайне завистлив, явно властолюбив, до неприличия откровенно рвался к единовластию; был страстным игроком в кости. Хотя он был весьма умерен в отношении еды и вина, а до известной степени – и сна, однако своей похотливости угождал до такой степени, что был опозорен в общественном мнении. Ведь он имел обыкновение возлежать с дюжиной любимчиков и таким же числом молоденьких наложниц. Оставив Скрибонию из-за любви к чужой жене, он стал

обладать Ливией, как бы уступленной ему мужем, и женился на ней. У этой Ливии уже были сыновья Тиберий и Друз. Поклонник разнузданности, он, однако, был суровейшим гонителем этого самого порока – по обыкновению людей, упорствующих в преследовании тех же пороков, которым они весьма подвержены сами. Так, он осудил на изгнание поэта Овидия... за то, что тот написал три книжечки об искусстве любви».

Покои Ливии на Палатине

Гонимый и отчаявшийся Овидий едва не покончил с собой. Возникли денежные проблемы. Когда он покидал Рим (декабрь 8 г. н. э.), в Средиземном море разыгралась буря. Он едва не утонул. Зимой пришлось переждать в Греции и затем направляться во Фракию. Овидий нашел пристанище на берегу Черного моря, в городе Томи. Город сей существовал и рос много столетий как крупный греческий город; в римское время Томи стал столицей провинции Мёзия. Этот город, как и Одесос, имел внутреннее самоуправление, тут были

храмы, хорошие дома, рынок, бани. До сих пор жители Констанцы, древнего Томи, почитают великого поэта Рима.

Дом Ливии

Все же все эти известные стороны деятельности Августа не исчерпывают его натуру. Остается ощущение чего-то недосказанного, забытого, пропущенного... Даже критик Овидий не мог не видеть, что искусства процветали в эту эпоху. Люди искусства – поэты, историки, художники, ремесленники – главные герои и излюбленные персонажи его «Метаморфоз». Паллада летит на Геликон, где находится храм Аполлона и роща муз. Поэт и сам ставит себя выше Юпитера. Напомним, что в послании «К Овидию» А. С. Пушкин писал о причинах ссылки поэта. Он оспаривает распространенное мнение, что Овидий был наказан за интимные отношения с «развратной Юлией». Поэт резонно заметил, что Юлия была выслана из Рима за десять лет до высылки Овидия. Послание Пушкина, конечно, навеяно параллелями, ибо и Пушкина сослал император. Поэт говорит, что он в

отличие от Овидия никогда не унижался и не может быть обвинен в лести. Пример же римлянина послужил ему фоном для уточнения его взглядов:

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил,
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил.

.....

Все тот же я – как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
Октавию – в слепой надежде
Молебнов лести не пою.

Тем не менее русский поэт протягивает через века руку дружбы римскому поэту, отмечая его благородство, простоту, мужество. А. С. Пушкина отличали глубокая симпатия и заинтересованность в поэтической судьбе того, в чьем творчестве он видел схожие мотивы. В чем-то можно считать похожими даже их судьбы. В библиотеке Пушкина имелось несколько изданий прославленного римлянина: пятитомное на латинском языке 1822 года с гравированным портретом дочери Августа Юлии, три перевода поэм Овидия на французский язык, десятитомное 1835 года, семитомное издание 1799 года и перевод «Метаморфоз» 1827 года. Во французском справочнике «Полная библиотека римских авторов» (1776 года) поэтом заложены все страницы, где говорится об «изгнанниках Августова двора», а в философском словаре Вольтера отмечены статьи об Овидии и Августе. Два поэта, пусть разделенные «дымом столетий», словно связаны братским союзом.

Август и Ливия. Две камен

Женские прихоти

Их гораздо большее сближало, чем разделяло. Они поклонялись одному и тому божеству – Женщине... В лице Овидия и Пушкина мы имеем двух величайших певцов любви. Главная тема стихов Овидия – эротика и сексуальные отношения между мужчиной и женщиной. Желание найти возделенный предмет страсти – естественный и вечный инстинкт, которым движимы почти все люди. Одни – в большей степени, другие – в меньшей. Одни это готовы честно

признать, другие же — нет. Скажем, вот как Овидий описывает в «Любовных элегиях» волнующий акт любви:

...Вот и Коринна вошла
в распоясанной легкой рубашке,
По белоснежным плечам пряди
спадали волос.
В спальню входила такой,
по преданию, Семирамида
Или Лаида, любовь знавшая
многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть,
тонкая, мало мешала, —
Скромница из-за нее все же
боролась со мной.
Только, сражаясь, как те,
кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу
сдалась без труда.
И показалась она перед взором
моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело
явилось ее.
Что я за плечи ласкал!
К каким я рукам прикасался!
Как были груди полны —
только б их страстно сжимать!
Как был гладок живот под ее
совершенною грудью!
Стан так пышен и прям,
юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?..
Всё было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
Прочее знает любой...
Уснули усталые вместе...

О, проходили бы так чаще полудни мои!

Гораздо более удачливой и внешне безусловно благополучной была судьба другого поэта Рима – Вергилия. Поэт Вергилий (70–19 гг. до н. э.) известен сборником песен «Буколики», дидактической поэмой «Георгики», но более всего его прославила «Энеида». Эпос рассказывает о странствиях троянца Энея. Это общепризнанная вершина римской классической поэзии... Детство Вергилия проходило в эпоху досто-славного Цезаря. Отец его (зажиточный владелец собственности, имевший земли и мастерские) послал его учиться сначала в Кремону, а затем в Милан, где были знаменитые педагоги. Приехав в 15 лет в Рим, тот поступил в школу к известному ритору Эпидию, где тогда получали образование представители знатнейших фамилий (там же обучался и племянник Цезаря Октавиан, будущий Август). Возникшая дружба с будущим императором-сверстником стала важной вехой в жизни поэта. Когда же Октавиан стал преемником Цезаря, Вергилий вошел в фавор при его дворе. Октавиан на протяжении жизни будет оказывать поэту покровительство.

Вергилий. Мозаика

Удачливая и благосклонная фортуна! В 45 г. до н. э. Вергилий в возрасте 25 лет переезжает в окрестности Неаполя к философу-эпикурейцу Сирону, где бывал и Гораций. Став обладателем небольшого поместья, он до конца своих дней станет здесь заниматься литературным трудом. Император Август (его иногда еще называли божественным) сумел распознать в юноше волшебный дар. Кроме того, и Риму потребовался собственный Гомер, который бы воспел славные деяния не столь уж далеких предков. Более десяти лет Вергилий работал над «Энеидой». Поэма эта начинается с описания героев и их трудов, положивших начало Риму:

Битвы и мужа пою, кто в Италию
первым из Трои —
Роком ведомый беглец —
к берегам приплыл Лавинийским.

Долго его по морям и далеким
землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев
жестокой Юноны.
Долго и войны он вел, – до того,
как, город построив,
В Лаций богов перенес,
где возникло племя латинян,
Города Альбы отцы и стены
высокого Рима...

Римские камеи

В Италии Эней считался мифическим родоначальником римлян. Цезарь и его приемный сын Август (Октавиан) считали, что ведут происхождение от Энея и Венеры (ибо и род Юлиев берет свое название от сына Энея – Юла). И когда в шестой книге поэмы Вергилий описывает сцену приближения Энея (так сказать «прапрадеда» Августа) к пещере, где обитает пророчица Сивилла, и слышен ее голос: «Время судьбу вопрошать! Вот бог! Вот бог!», – можно понять то чувство удовольствия и, видимо, признательности, которое испытывал Август к поэту.

.....И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь

народов то царство возвысить.
Только слыхала она, что возникнет
от крови троянской
Род, который во прах ниспровергнет
тирийцев твердыни.
Царственный этот народ, победной
гордый войною,
Ливии гибель неся, придет:
так Парки судили.
Страх пред грядущим томил богиню
и память о битвах
Прежних, в которых она защищала
любезных аргивян.
Ненависть злая ее питалась
давней обидой,
Скрытой глубоко в душе: Сатурна
дочь не забыла
Суд Париса, к своей красоте
оскорбленной презренье,
И Ганимеда почет, и царский род
ненавистный.
Гнев ее не слабел; по морям
бросаемых тевкров,
Что от данайцев спаслись
и от ярости грозной Ахилла,
Долго в Лаций она не пускала,
и многие годы,
Роком гонимы, они по волнам
соленым блуждали.
Вот сколь огромны труды,
положившие Риму начало...

А. Кауффман. Вергилий читает «Энеиду» Октавии и Августу

Конечно, в этой поэме слишком чувствуется и подражание «Илиаде», и явное стремление возвысить Энея до уровня Гектора, Ахилла и Агамемнона, ибо Эней у греков занимает второстепенное место в общей панораме событий. В поэме больше битв, чем логической связи событий, больше великих планов, чем сцен художественного мастерства. Можно согласиться с оценкой, что дал поэме Вергилия итальянский историк Г. Ферреро в труде «Величие и падение Рима»: «План поэмы гигантский; он настолько выше плана «Илиады», насколько больше были дела Рима в политике и цивилизации и насколько они превосходили деяния Греции. «Энеида» не просто человеческая драма, подобно ссоре Агамемнона и Ахилла; Вергилий хотел изложить в ней всю философию длинной истории великого народа, вывести в сумеречном видении будущность святого города, властвующего над миром; вдохновленный эпическим величием, его труд старался собрать и оживить в полном жизни рассказе все предания древней умирающей религии. Если бы выполнение соответствовало величию замысла, Вергилий написал бы шедевр всемирной литературы; он превзошел бы Гомера, и Данте не

мог бы равняться с ним. К несчастью, как все римские творения, и это, план которого был столь грандиозен, осталось незаконченным. Вергилий сам первый это признавал и, умирая, завещал сжечь свою рукопись». Он не знал, что с течением времени его труд будет высоко оценен будущими поколениями. Мир увидит пророческую ясность в этом туманном видении Рима как святого города, которое он рисовал, созерцая прошлое. В поэме он воспевал мощь римского оружия, силу рода, прославляя Рим. Вначале он описал все могущество Карфагена, города, в котором «из Тира выходцы жили», что «богат и в битвах бесстрашен», но тут же сказал, что возникнет от крови троянской «род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни».

Римская арка и крепость. Тарагон

Народ глубоко его почитал и обожал... Римляне и итальянцы видели в нем своего Гомера. Говорят, когда он входил в театр читать

произведения, граждане оказывали ему почести, подобные тем, что оказывали императору. Он жил и работал с 45 г. до н. э. в небольшом поместье под Неаполем. Там же обитал философ-эпикурец Сирон. Бывал там и поэт Гораций. В тишине, на природе он и создавал вышеупомянутую поэму «Энеида», которая должна была олицетворять собой славу, величие Рима. Труд Вергилия стал великолепной аркой, ведущей к так и не выстроенному им Форуму римской эпической поэзии. Тем не менее многие шли к его могиле, как пишет Плиний Младший, с благоговением, «как к храму» (Силий Италик). Его любовь к природе Италии была столь велика, что на могиле, следуя его личному завещанию, позднее появится эпитафия: «Воспел пастбища, села и вождей».

Впоследствии влияние римской поэзии скажется и в провинциях, где имелись свои знаменитости. Особенно это справедливо в отношении Испании, что дала Риму не только великих императоров (Марк Аврелий), но и великих поэтов (Лукана). Испанский просветитель, энциклопедист Фейхо-и-Монтенегро (1676–1764) имел все основания заявить о значительном вкладе испанцев в культуру: «Мы безбоязненно можем заявить о себе: *Est Deus in nobis* («Бог в нас»). Отсюда следует: во время расцвета латинского языка все страны, подвластные Римской империи, повторяю – все вместе, не дали миру столько поэтов, сколько одна Испания. При этом не просто поэтов, а именно выдающихся, которые если и не превосходят, то по крайней мере равняются и могут соперничать с лучшими поэтами Италии. Это: Силий Италик, Лукан, Марциал, Сенека-трагик, Колумела, Латрониано и другие. Нужно заметить, что среди вышеназванных есть один, несравненный в сфере веселого и остроумного, и другой, оспаривающий по общему мнению пальму первенства у самого знаменитого в сфере героического. Первый – Марциал, чье совершенство в пикантности и веселых шутках неоспоримо; второй – Лукан, которого Стаций и Марциал (а их мнение мы высоко ставим) ставят выше Вергилия. Того же мнения придерживается... и эрудированный французский историк... Приоло».

Статуя Августа в образе Юпитера. Эрмитаж

Все же завершим эру Августа... Говорят, что он – правитель, носивший маску. Пусть так. Но автор его биографии Жан-Пьер Неродо справедливо замечает: «И античные, и новейшие историки, определяя характер Августа, привычно говорят о его двуличии и наперегонки стараются ее изобличить. Но разве не является эта черта общей для всех без исключения правителей? Август обладал ею не больше, чем любой другой деятель его уровня, а может быть, и меньше. И предполагать, что власть бывает прозрачной, а властитель – искренним и открытым, значит находится в плену иллюзий, наивность которых доказана всей историей человечества. Впрочем, складывается впечатление, что Август довел искусство маскировки до совершенства». Мы не будем срывать маску с почившего в бозе императора, обвиняя его в политическом лицемерии, ибо лишь хотели показать, сколь одинок любой великий правитель, и уж тем более одинок, одинок трижды (у власти, народа и семьи) тот, кто правит достойно.

Август представляет удачную фигуру для анализа. Во-первых, вспомним, что он был сиротой, ибо его отец умер, когда ему исполнилось четыре года. А тогда существовала теория, что мальчик,

растущий без отца, по сути дела остается без воспитания. Мать, вторично выйдя замуж, поручила заботу о сыне бабке Юлии. Да, большой удачей для будущего политика и императора было то, что он попал в дом великого Цезаря, который и сделал его своим наследником. Но стал ли он в результате перехода в чужой дом счастливым ребенком? Какие фурии терзали душу мальчика, которого в детстве и прозвали «Фуриец»? Безусловно, в доме том он прошел великую школу. Живя в политике и в семье политика, нельзя не стать лицемером. К тому же у Октавиана были все задатки прекрасного актера. Ведь он сумел обмануть даже Цицерона. Тот видел в нем мечтательного юношу, казалось бы, преданного идеалам свободы и Республики. За это заблуждение Цицерон и заплатил головой. Когда в Рим вошли триумвиры (Август, Антоний, Лепид), начались преследования и казни. Триумвир Марк Антоний потребовал головы Цицерона. Август легко отдал ему ее в обмен на голову ненавистного дяди Антония. «Нет и не было, на мой взгляд, ничего ужаснее этого обмена! – писал Плутарх. – За смерть они платили смертью!» И продолжает: «Они забыли обо всем человеческом, – или, говоря вернее, показали, что нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединится власть». Может, за те преступления молодых лет он и наказан судьбой – смертью внуков. «Так злая судьба лишила меня моих сыновей Гая и Луция», – скажет он, делая своим преемником Тиберия.

Римский император. Петербург

Август удивительным образом сочетал качества, которые в идеале могли быть присущи трем-четырем совершенно различным людям, вдобавок ко всему еще и несхожим между собой. Его было бы крайне трудно подогнать под некий уже сформировавшийся образ римского императора. Поэтому не стоит и пытаться создавать обобщенный образ Августа. На это указал еще Монтень, подчеркивая, что с Августом такой фокус не вышел бы, ибо «у этого человека было такое явное, неожиданное и постоянное сочетание самых разнообразных поступков в течение всей его жизни, что даже самые смелые судьи вынуждены были признать его лишенным цельности, неодинаковым и неопределенным». Если сравнивать Августа с Катонем Младшим, о котором тот же Монтень сказал, что тут «тронь одну клавишу – и уже знаешь весь инструмент», то чтобы понять характер Августа, пришлось бы перебрать «все клавиши рояля», да и то в ответ может зазвучать отнюдь не та мелодия, которую вроде бы ожидаешь услышать.

Август был честолюбив. Незадолго перед смертью он создал краткий вариант мемуаров. Их он завещал вырезать на медных досках и установить у входа в свой мавзолей. Так и было сделано: надписи на латинском и греческом языках воспроизводят отчет Августа своему народу. Доски распространяют по империи. Умирая, он все допытывался от окружающих его: достаточно ли хорошо сыграл комедию жизни. И добавлял: «Если мы сыграли хорошо, тогда похлопайте и все нас проводите с благодарностью». Последние слова обратился к своей супруге. И хотя ему не повезло в оценках со стороны таких авторитетов, как Монтескье и Вольтер (последний однажды назвал его «человеком без сердца, веры и чести»), в нем, пожалуй, было не менее достоинств, мудрости и чести, чем у некоторых деятелей нынешних времен. Думаем, он заслужил, чтоб его проводили добрым напутствием. И уж безусловно заслужил той доброй смерти, о которой мечтал. В какой-то мере итоги эпохе Августа можно подвести словами Вековой песни Горация, где тот торжественно говорит: Август и Рим правят миром на гибель врагам, прощая падшим свои обиды... «Море и суша в деснице его». Его боятся мидийцы, «скифы надменные ждут

приговоров», индийцы «молят о мире». Август умел внушить уважение.

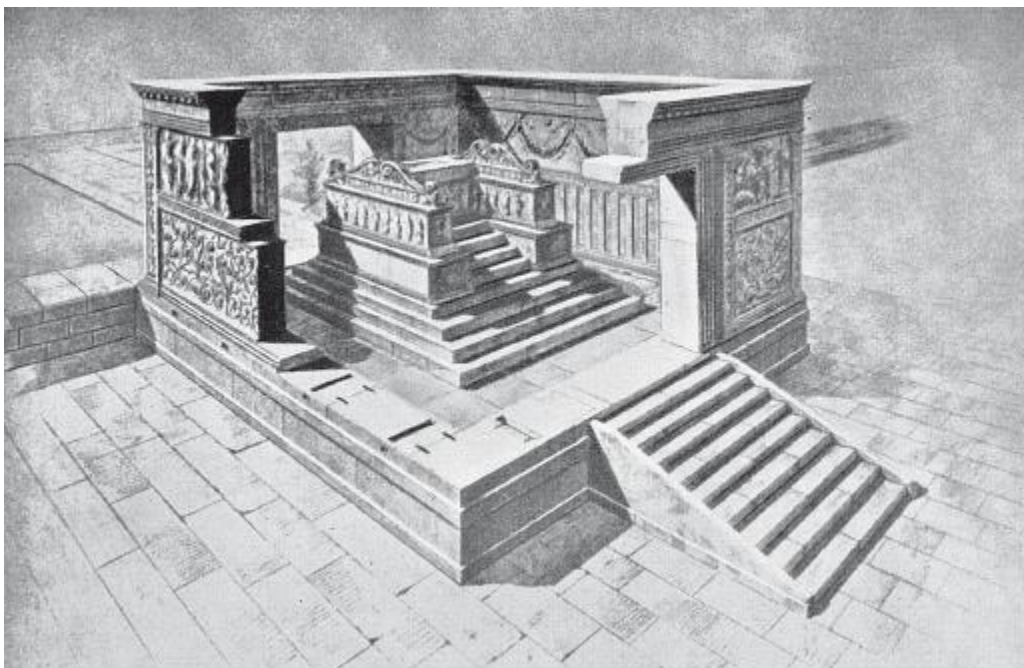
Надо ведь понимать то, что Август был и оставался самым последовательным проводником политики подчинения всей доступной Риму ойкумены. Никакого отступления от традиционных, воинственных принципов римской политики при нем не было и быть не могло. Попытки иных авторов сделать из него мироносца смешны. «По существу, дело Августа было делом мира» (Г. Бенгтсон). По сути дела, его декларация осталась такой же декларацией, как и нынешние заявления мирового гегемона (США) о том, что их последние войны якобы ставят целью обеспечение мира во всем мире. Ложь совершенно очевидная, и оттого глупая и бессмысленная. Новорожденная империя, полная мощи и военной силы, играла мускулами и называла это оборонительной политикой (*мы об Августе*). При ближайшем рассмотрении окажется, что и знаменитый *пакс Augustana* правильнее было бы назвать «кровавым миром». Подтверждением тому, как уже сказано, было и то, что в самые мирные годы принципата Августа не закрывались ворота храма Януса Квирина. Орозий упоминает о том, что Август, «соединив все народы единым миром, лично закрыл тогда ворота Януса в третий раз». И это за 56 лет практически бесконтрольной его власти! Три – и пятьдесят шесть! Правы те ученые, которые совершенно иначе оценивают его внешнюю политику: «В течение принципата Августа Рим под прикрытием красивых заявлений о мире начал продуманную и длительную политику завоеваний в Европе» (Р. Сайм). Ну а то, что сам Август считал, что все народы, населявшие Альпы, да и Европу, были покорены им «по справедливости», вряд ли кого-то может ввести в заблуждение.

Торжество Августа. Гемма Августа. Вена

И все же с точки зрения римских интересов Август стал важнейшим звеном переходной эры, гениальным образом сумев сопрячь, казалось бы, невозможные вещи – демократическую Республику и Диктатуру. Его принципат был могуч и грозен благодаря его преторианской гвардии и тому, что он как проконсул стал главнокомандующим. Август прекрасно осознавал политическую роль войск. Хотя обычно он искусно скрывал мотивы своих поступков, а заодно и средства, с помощью которых добивался успеха. В составленной им автобиографии цезарь писал: «Девятнадцати лет от роду я по своему собственному решению и на свои част-ные средства собрал войско, с помощью которого вернул свободу государству, подавленному господством банды заговорщиков». Однако войска бывали и у других. Август же в своей политике опирался не только на силу, но и на мнение народное и уважение сенаторов... Он стал первым среди сенаторов (первоприсутствующим), что символизировало авторитет и уважение к нему со стороны аристократов. При этом он затем получил титул «Отца отечества», формально передав всю власть народу. Это обеспечивало ему поддержку всей общины и означало, что Август (фактически) получал право распоряжаться тем самым не только судьбой империи, но и имуществом гражданина, и его жизнью.

Вдобавок ко всему он получил еще и трибунскую власть. Казалось, она немного прибавляла в дополнение к имевшимся у него полномочиям и прерогативам. Но благодаря ей можно было наложить вето на любые решения сената. Сакральная власть позволяла ему защищать любого гражданина от приговора, который был вынесен магистратом. Иначе говоря, Август становился высшим судьей – почти непререкаемым богом. Эту связь описал Г. С. Кнабе в очерке «Рим Тита Ливия». В условиях нового строя ни одно из этих прав не имело реального значения, ибо принцепс пользовался каждым из них де-факто или на основе полномочий. Но Август, неоднократно отказывавшийся от консульства, с этой, казалось бы, декоративной трибунской властью не расставался никогда. Объяснение этому может быть только одно: введенный на заре Республики народный трибуна́т символизировал собой сопряжение в рамках государства и в служении ему всех сословий, в него входящих. Он не только делал народ в идеале равноправным со старой знатью, но и объявлял их союз священным. Без трибуната государство утрачивало симметрию, а народ – правозащиту. В эмпирической реальности симметрия эта давным-давно не существовала, ибо большинство народа было оттеснено от управления государством. Правозащита осуществлялась другими путями. Но историческая, общественная реальность, по-видимому, эмпирией не исчерпывалась. Потребность народа ощущать себя защищенным от произвола богачей и знати, почти не находя себе удовлетворения в практической жизни, оставалась тем не менее столь мощным регулятором общественного поведения, а отношение к трибунату – тем оселком, на котором проверялась верность правительства традиционным интересам народа, что Август, при всех своих магистратурах и всех своих легионах, не мог себе позволить хотя бы на год остаться без опоры. Поэтому он и принял в 23 г. до н. э. пожизненную власть трибуна.

Алтарь Мира Августа

Имперская политика Августа (время от конца I в. н. э. до падения Рима в V в. н. э. носит название периода империи) получила свое отражение в архитектуре. В это время идет поиск новых средств художественной выразительности, что отвечали бы духу и букве принципата. В архитектуре и скульптуре преобладали торжественные тона при строгой сдержанности форм, характерные для греков классической поры. Заметным сооружением той эпохи стал форум Августа, предназначенный для праздничных собраний и шествий. Огороженная площадь форума имела портики, а в конце нее возвышался величественный храм Марса Ультора (Мстителя). Храм был пышно украшен коринфским ордером, красиво и тщательно отделан камнем, богато оформлен скульптурами. В постройке храма, который считают одним из лучших памятников храмовой архитектуры первой половины I в. н. э., приняли участие видные греческие мастера. Интересен и так называемый «Квадратный дом» в Ниме (южная Франция). Пропорции храма отличаются изяществом и близки к золотому сечению. Важно и то, что храм, воздвигнутый в первые годы новой эры, прекрасно сохранился до наших дней.

Фрагмент рельефа Алтаря Мира

Среди других важных построек эпохи Августа стоит отметить ряд арок, театр Марцелла, вмещавший несколько тысяч человек, а также знаменитый Алтарь Мира, сооруженный им в Риме – на Марсовом поле (13—9 гг. до н. э.). Данное прямоугольное сооружение (11,6 г 10,55 м, высотой в 6 м) представляет собой обнесенную стенами площадку, в центре которой высится Алтарь Мира. Стены покрыты орнаментом, изображающим торжественную процессию, включавшую самого Августа, членов его семьи, приближенных, сенаторов и жрецов. Все эти изображения имеют портретное сходство с их прототипами. На торцовой стене – аллегория благоденствия государства в правление Августа (богиня земли Теллус, ветры – Ауры, тучные стада и т. д.). Дополнительное представление об эпохе Августа дают портретные статуи императора, его сподвижников (Агриппы, Германика).

Сказанное выше частично объясняет то, почему у Августа оказалось столько сторонников и поклонников в истории и почему

многие восклицали (не только в Риме, но и в других городах) после его смерти: «О, если бы он или не родился, или не умирал!» Хотя каждый приводит разные причины и основания. Ученый и мыслитель прежде подчеркнет то, что Август умел ценить таланты (Вергилий, Гораций, Тит Ливий). Писатель скажет, что язык писателей и поэтов «Августова века» назовут «золотой латынью». Народ вспомнит, что при нем все население Италии было включено в список римских граждан. *Пусть бы нынешние цари России сделали то же самое хотя бы для русских былой империи! Их век благословят потомки.* Может, Август потому и остался в памяти народной, что выполнял в каком-то смысле важнейшую роль гаранта уже не существовавшей Республики (и видимо, выполнял неплохо). Такая роль в принципе должна быть выполнена нынешним президентом России, если он окажется на высоте задач, которые поставила перед нами история. Республики нет, но она живет в сердце.

Римские матроны: достоинства и пороки

История Рима – это, конечно же, прежде всего история мужчин... Однако и римские женщины играли в ней немаловажную роль. Как мы знаем, история страны началась с похищения сабинянок. Описать все стороны бытия и воспитания женщин невозможно в этом труде. Поэтому бросим мимолетный взгляд на прелестниц, на «волчиц», помня, что основатели Рима, Ромул и Рем, согласно легенде были вскормлены волчицей. Утверждают, что до конца V в. до н. э. подавляющее большинство римских женщин сохраняло свою невинность до замужества, а после женитьбы оставались столь же целомудренными и скромными. Этому можно верить, если учесть, что римляне были первоначально народом скотоводческим и горным, а у горянок нравы простые и строгие. Жизнь их протекала в непрерывном труде, поэтому дамам были свойственны такие качества, как трудолюбие, дисциплина, ответственность, милосердие, долг, верность обычаям предков (*mores maiorum*).

Они придерживались древних инстинктов, согласно которым земля и семья были частной собственностью. Отсюда, естественно,

проистекали общие нравы, требовавшие от обоих членов семейства (жены и мужа) верности и преданности в семейных отношениях. Законы Рима также способствовали упрочению таких порядков. Если муж заставлял жену прямо на месте преступления (во время полового акта с кем-то еще), он мог по закону ее убить. Измена мужу считалась преступлением. Женщина не могла позволить себе никаких вольностей. Ей строго запрещалось прикасаться к вину (разве только символически). За такую дерзость мужчина мог тут же требовать от нее развода. Развод грозил даже за проявление того, что мужу казалось «упрямством или отвратительным поведением», не говоря уже о бесплодии. Подобные строгие порядки существуют вплоть до конца I в. до н. э.

Существовали у римлян свои представления о том, когда лучше брать девушку в жены; не рекомендовалось заключать брак в мае (на этот месяц приходились погребальные обряды). Сами женщины избегали брака в ту пору. Овидий писал:

Девы и вдовы равно избегают
брачных союзов
Этой поры. В мае брак ранней
смертью грозит.
Вот что известной тебе выражает
народ поговоркой:
Только злую жену в мае бери за себя...

Кстати, в те времена существовали три вида брака... Первые два напоминали собой современный официальный брак, а вот третья форма (*usus*) предполагала, что любовная пара заключала брак только после года совместной жизни. Иначе говоря, обе стороны соглашались на прохождение некоторого испытательного срока. При этом считалось, что если женщина уходила из дома своего будущего мужа больше, чем на три дня и три ночи, испытательный срок следовало в этом случае отсчитывать заново. Видимо, такой способ испытания был удобен и выгоден всем сторонам. В руках отца семейства, имевшего дочь на выданье, сохранялся более длительное время контроль над ее имуществом. Женщина же могла присмотреться к своему будущему

мужу и вообще убедиться, подходит ли он ей как мужчина и партнер по жизни. В свою очередь, и муж получал такие же шансы, ибо мог увидеть: какова его избранница как хозяйка, какова в постели, и не ведьма ли. Женщины обладали значительными правами, имея право выбирать мужа, иметь собственность и рабов, дарить или передавать их, строить церкви и т. д. и т. п.

П. Рубенс. Похищение дочерей Левкиппа

Женщине принадлежит заметная роль в мифах и легендах римского народа. Такова история Кориолана, которого мать воспитала в любви и строгости после смерти отца. Он рос отважным и смелым воином. Но так как он презирал плебс, народ провалил его на выборах консула. Он покинул город, перейдя на сторону врагов (вольсков). Под его предводительством те стали одерживать одну победу за другой и подступили к стенам Рима. Напрасно римские послы умоляли его о мире и прощении. Он не слушал ни послов, ни жрецов. Тогда к нему послали его мать... Увидев ее, Кориолан раскаялся и увел вражеское войско от родного города. Враги убили его, но город был спасен. Римляне в честь неожиданного спасения выстроили храм, который посвятили Женской Удаче. Однако с годами и тут влияние женщин стало все более выходить за границы разумной и мудрой гармонии. Мужчины воевали, а без них дома оказались заброшены. Дети росли без призора мужчин (трагедия). «Все народы, – говорил Катон, –

господствуют над женщинами, мы же, господствуя над всеми народами, являемся рабами женщин». Труд становился уделом рабов. Женщины все чаще проводили время в любовных играх, пересудах или болтовне. «Речью владеют все, ум же достался немногим» (Катон).

Дж. Б. Тьеполо. Кориолан перед стенами Рима

Разумеется, все это произошло не сразу. Когда Рим стал мощной империей, он очень изменился. Добытое несправедливым путем богатство и роскошь (войны и грабежи) в корне изменило философию народа, и особенно знати! Так же в нынешней России богатство превратило многих нуворишей в мерзких скотов. Когда в Рим потекли деньги и золото, римские мужчины, женщины и даже дети знати естественно, стали тратить эти бешеные деньги. Мужчины тратили их на вино, масло, янтарь, полотно, папирус, скульптуры, книги, оружие, вкусные вещи, специи, но более всего – на женщин (или мужчин). Женщины расточали злато на наряды, обувь, ленты, украшения, драгоценности, духи и на мужчин. Принятие в 215 г. до н. э., в самый критический момент войны с Ганнибалом, Оппианова закона (по этому закону им запрещалось носить яркие одежды, ездить в повозках по улицам Рима

и было позволено владеть лишь половиной унции золота) вызвало бурю протеста со стороны женщин. В 195 г. до н. э. сенат сделал было попытку отменить сей закон.

Римлянка

И тогда Рим наводнили толпы женщин (буквально со всей страны). Ревнитель старины Катон «краснел от стыда», пробивая себе дорогу в сенат сквозь толпы древних суфражисток. В гневе он даже сравнивал тех женщин с «тупоголовым и неуправляемым животным», которому ни в коем случае нельзя вручать в руки поводья, ибо оно непременно перевернет колесницу. Видимо, он понимал, что женщина стремится к полной свободе и полноправию. Напрасно Катон взывал к разуму мужчин, угрожая им, что, если те уступят, наступит «век соперничества в одеждах». Ведь тогда дамы захотят покупать вновь и вновь — и этому никогда не будет конца. Хорошо, если на все это у мужа есть деньги. Ну а если их нет?!

Римские бронзовые обереги и амулеты в виде фаллоса

Тогда найдется другой мужчина, у которого найдутся денежки. Ему возражал трибун Валерий. Защищая богатых рим-ских матрон, он говорил: чужеземки одеваются роскошно, они носят всякие украшения, а почему римлянки не могут себе того же позволить? В конце концов, изящество, украшения и красота – «это достоинства, которыми награждена женщина». И в конечном счете мнение последних возобладало. Против большей свободы нравов и дамских прихотей не возражали прежде всего те мужчины, у которых, видимо, появились значительные источники богатства: из побежденных стран, городов они тащили горы украшений и злата.

Знак римского публичного дома («К сестрам»)

В итоге уже в I в. н. э., по словам Плиния, римская торговля с Азией стала убыточной, так как отток капиталов из Рим-ской империи примерно в 4–5 раз превысил годовые поступления, что получал Рим от завоеванных им областей Средиземноморья, Галлии, Испании и Западной Азии в период республики. Рим пал, когда женщины и мужчины полностью подчинили страну низким страстям и прихотям. Хотя, разумеется, процесс падения и загнивания Рима длился не одно столетие.

Вообще же римские матроны пользовались гораздо большей свободой, чем гречанки. Рим в любви хотя и делал все то же самое, что и греки или азиаты, но был необузданнее, циничнее, развратнее, откровеннее в своих эротических фантазиях. Об этом недвусмысленно писал Гораций в «Сатирах», приводя типичную сцену:

Когда же ты весь разгорелся и если
Есть под рукою рабыня иль отрок,
на коих тотчас же
Можешь напасть, ужель
предпочтешь ты от похоти лопнуть?
Я не таков: я люблю, что недорого
лишь и доступно...

Достаточно обратиться и к «Сатирикону» («Книге сатир») Петрония, который описал в ней эпоху Нерона и распространившиеся в обществе нравы, чтобы в полной мере понять всю порочность римской цивилизации. Утверждают, что он «описал безобразные оргии принцепса, назвав поименно участвующих в них распутников и распутниц». Он отметил новшества, вносимые ими в каждый вид блуда, отправив послание самому Нерону. Но тут даже официальное звание «законодателя вкуса» не помогло Петронию: пришлось вскрыть себе вены (в наказание за смелость).

О. Бердслей. Мессалина. Иллюстрация к сатире Ювенала

Римские матроны, типа Мессалины, оставили после себя скандальную память. Ювенал выражал бурное негодование тем, что даже императрица торгует телом в публичном доме. Петроний не жалел красок, описывая их сексуальные забавы: «Женщинам то и подавай, что погрязнее: сладострастие в них просыпается только при виде раба или вестового с подобранными полами. Других распаляет вид гладиатора, или покрытого пылью погонщика мулов, или, наконец, актера, выставяющего себя на сцене напоказ». Гораций называл римские лупанарии «дурнопахнущими», что говорит о том, что там, вероятно, не всегда сохраняли чистоту и должную гигиену. Сенека отмечал (видимо, зная из собственного опыта), что посетитель публичных домов уносил их запах на себе. Однако ни запах, ни необходимость нести там немалые расходы, делая дамам подарки, не

останавливали мужчин. В «дома радости» толпами устремлялись солдаты, офицеры, торговцы, студенты, гладиаторы, знатные матроны и даже почтенные господа сенаторы. Овидий в знаменитых «Метаморфозах» описывает картину любви дочери Мирры к отцу Киниру. Дочь, словно в безумии, хочет отдаться отцу и уже готова покончить жизнь самоубийством, когда ее кормилица решается удовлетворить ее похоть:

Деву уже подвела и вручает, —
«Бери ее! – молвит, —
Стала твоею, Кинир!» – и позорно
тела сопрягает.
Плоть принимает свою
на постыдной постели родитель,
Гонит девический стыд,
уговорами страх умеряет,
Милую, может быть, он называет
по возрасту «дочка»,
Та же «отец» говорит, —
с именами страшнее злодейство!
Полной выходит она от отца;
безбожное семя —
В горькой утробе ее, преступленье
зародышем носит.
Грех грядущая ночь умножает,
его не покончив.
И лишь когда наконец пожелал,
после стольких соитий,
Милую он распознать, и при свете
внесенном увидел
Сразу и грех свой и дочь, разразился
он возгласом муки
И из висящих ножен исторг
блистающий меч свой.
Мирра спаслась; темнота
беспросветная ночи убийство
Предотвратила. И вот, побродив

по широким равнинам,
Пальмы арабов она и Панхай
поля покидает.
Девять блуждает потом
завершающих круг полнолуний...

Далее девушка умоляет богов отказать ей в жизни и смерти. Боги откликаются на ее просьбу и превращают ее в драгоценное дерево, источающее благовонные капли. Мирра навсегда входит в пантеон героев – «и века про нее не забудут». История могла бы быть воспринята как литературный прием, в мифологическом духе, если бы не примеры из жизни самого Августа. Вспомним, что Калигула, по словам Светония, обвинял свою мать Агриппину (дочь Агриппы) в том, что та появилась на свет в результате инцеста Октавиана Августа с его дочерью Юлией. И пусть последняя история является, вероятно, следствием искаженного пересказа чьей-то шутки (прах матери Калигулы ясно указывает на то, что она дочка Марка Агриппы и внука Божественного Августа), ее появление говорит о многом. Развратные нравы прочно вошли в плоть и кровь Римской империи. Прибежищем порока (ирония судьбы) стал даже дом первого лица государства – самого Августа.

Юлия, дочь императора Августа

Веллей Патеркул, близкий друг и доверенное лицо Тиберия, писал... Буря, рассказ о которой ввергает в стыд, а воспоминание внушает ужас, разразилась в собственном доме Августа. Дочь Юлия, презрев волю отца и мужа, окунулась в жуткое распутство и разврат, не упустив ничего из того, что (только) может испытать женщина. Высоту ее положения она измеряла свободой делать всё, что только ей вздумается, и «полагала, что имеет право удовлетворять любые свои прихоти». Сенека, вспоминая о событиях, имевших место в Риме за 50 лет до него, писал: «Божественный Август отправил в ссылку дочь, бесстыдство которой превзошло всякое порицание, и таким образом обнаружил перед всеми позор императорского дома, обнаружил, как целыми толпами допускались любовники, как во время ночных походов блуждали по всему городу, как во время ежедневных собраний при Марсиевой статуе его дочери, после того как она, превратившись из прелюбодейки в публичную женщину, с неизвестными любовниками нарушала законы всякого приличия, нравилось избирать местом для своих позорных действий тот самый форум и ростры, с которой отец ее объявлял законы о прелюбодействах». Так дочери и сыновья губят то дело, которому служили их родители. Они первыми и ниспровергают законы. Поэтому дети правителей, наследники империй являются самыми опасными их врагами.

Похищение женщины богом Зевсом

О похождениях и связях скандального толка дочерей и жен императоров все говорили вслух. Распутничая самым безобразнейшим образом, те являли собой весьма дурной пример, хотя и, увы, заразительный. Тщетно ученые, писатели и поэты пытались наставить такого рода женщин на путь добродетели. Плутарх, не очень надеясь на успех, обращался к его аудитории с отчаянным призывом: «Заводить собственных друзей жена не должна; хватит с нее и друзей мужа».

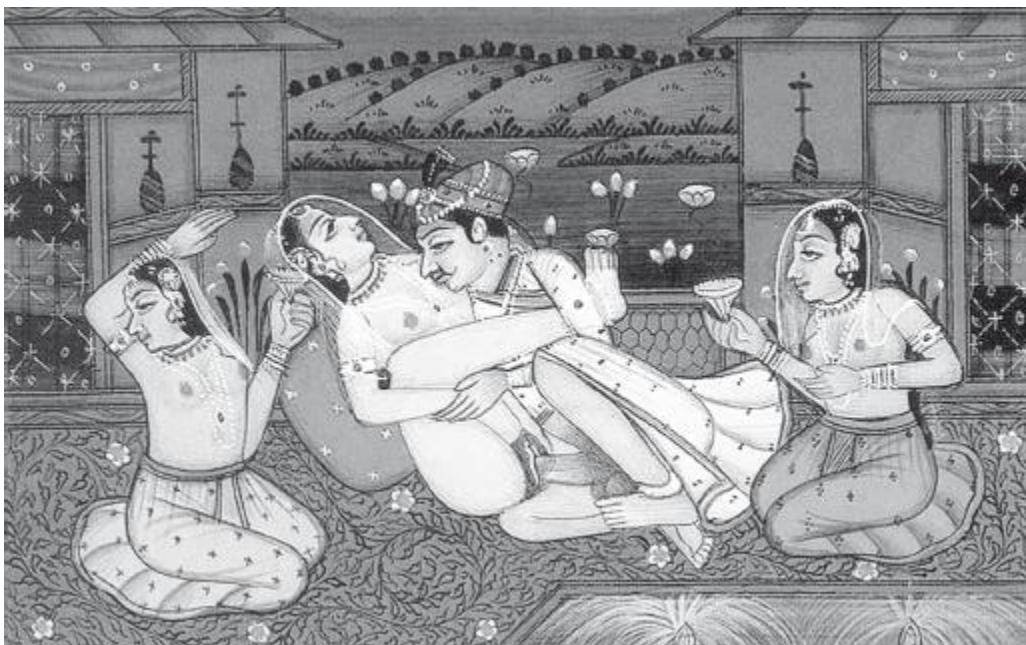
Увы, то был глас вопиющего в пустыне. Похотливые похождения становились предметом похвал со стороны псевдоэпикурейцев. Красавцы и красавицы часто прогуливались по Аппиевой дороге, этому «Бродвею античного мира» (точнее, они возлежали в носилках или проезжали в своих обитых шелком экипажах). Самые красивые экипажи были запряжены четверкой. Куртизанка или матрона усаживалась в носилках в позах наиболее привлекательных, опираясь рукой на подушку, показывая те из своих прелестей, что, по ее мнению, стоило показать достойной публике. Рядом шли две рабыни,

одна с зонтиком, другая с веером из павлиньих перьев. Впереди спешили скороходы индийского или африканского происхождения. Всю процессию замыкали рабы. Эти прогулки были не только приятным зрелищем или способом завлечь «жертву» в сети любви, но и важным социальным действием. Только бывая в обществе, можно было напомнить ему о вашем существовании и нуждах. Любители приключений находили дорогу к местам дурной славы, каков был квартал Суммений, изобиловавший публичными домами. Тут было полно «волчиц», «ночных бабочек», которые «работали» даже на кладбищах. Тут ежедневно разыгрывались сцены подобные Камасутре. Но даже такой моралист, как Катон Старший, «хранитель веры отцов», патриархальных нравов, узрев юношу в публичном доме, заметил:

Славно, славно, – крикнул Катон,
изрекая великое слово, —
Если гнусная похоть бушует в жилах,
то лучше
Юношам спускаться сюда,
не вводя в искушение жен чужих.

Сказанное объясняет то, почему Рим воспринимался пророками как блудница. Град сей является Иоанну Богослову в виде «матери всех блудниц и мерзостям земным». Ангел говорит Иоанну: «... подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих; с нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена была облечена в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых» (Иоанн. Откр. 17: 1–6). Рим в глазах иных народов казался всемирной блудницей, гнездом всяческих пороков.

Камасутра. Любовные сцены на Востоке

Сравните это с тем, что у древних алеманнов надо было заплатить штраф за то, если женщина обнажала не только ножку, но и голову. А у других «варваров» свободнорожденная женщина, отдавшаяся женатому человеку, тут же предоставлялась в полное распоряжение его супруги. Законы вестготов обязывали рабов связать и привести к мужу женщину, застигнутую ими во время прелюбодеяния. Более того, даже детям разрешалось обвинять свою мать, если та изменила их отцу.

Рибера. Битвы женщин

Нет возможности говорить о всех бесчисленных интригах, кознях и заговорах, в которых римлянки участвовали самым деятельным образом. Не случайно они даже имели организации, вполне независимые от мужских (коллегия весталок была самой влиятельной). Слишком часто руками своих отцов, мужей, братьев, любовников они вершили то, что называют реальной политикой. Но при этом всячески препятствовали тому, чтобы их облагали налогами. Когда для начала военных действий триумвирам нужно было 800 миллионов сестерциев, от дам потребовали вернуть собственность, чтобы обложить ее налогом. И 1400 самых богатых женщин Рима получили уведомления на сей счет. Но тут вспыхнул бунт, схожий с бунтом Лисистраты, описанный в комедии Аристофана. Правда, римлянки не стали говорить глупостей, что, мол, мы не ляжем с вами в постель, не будем «давать» даже под пыткой и т. д. Поднимать шум из-за такой мелочи было бы нелепо. Они просто решили не давать денег и собственности. Вот как описал этот бунт римлянок Дж. Бейкер: «Они отказываются платить, потому что не получают, как мужчины, привилегий и должностей и не участвуют в общественной жизни. Причина, по которой их облагают налогами, – ведение войны – также

не может быть принята всерьез, поскольку войны велись всегда, но с женщин никогда не брали налогов. Если в прошлом женщины вносили свой вклад в войну, они это делали добровольно, из своей личной собственности, но не со своих поместий и приданого, которые необходимы им для достойного существования. Никакая опасность не грозит сейчас их государству. Если галлы или парфяне придут, женщины последуют примеру своих матерей, но они не желают добровольно оплачивать гражданскую войну. Ни Марий, ни Сулла, ни Цинна, ни Помпей и ни Цезарь никогда не облагали женщин налогом, это сделал лишь нынешний комитет, обещавший реорганизовать государство». Такой ответ дали женщины сенату.

Овидий. Гравюра XVII в. ГМИИ

Овидий без всяких стеснений пишет о вожделении, что испытывают мужчины и женщины Рима. Он так натуралистично описывает состояние тех, кто пылает любовной истомой и жаждет удовлетворить страсть, или «сорвать розу», что иные готовы видеть в этом «мастерство адвоката-профессионала». Хотя он выступает скорее

как опытный донжуан и советчик в любви, учащий искусству соблазна:

Скорее птицы перестанут петь весной,
сверчки
Умолкнут летом и собаки станут
бояться зайцев,
Чем женщины будут избегать
учтивых поклонников.
Хотя они кажутся неприступными,
все-таки они...
Тогда иди, наберись мужества,
ты покоришь всех женщин,
Вряд ли даже одна из десяти тысяч
откажет тебе.
Отказывает она или нет, ты ей
нравишься уже за предложение...

Похищение Елены. Иллюстрация к «Метаморфозам» Овидия

Овидий блестяще показал женские уловки и хитрости... Елена у него вначале отказывает Парису, говоря, что ей – нельзя, она замужем, «теперь другой – хозяйин моей судьбы». Но уж очень хочется полюбить и быть любимой таким красавцем. Он не ее муж? Ну и что?! В этом своя привлекательность и прелесть. Запретный плод почему-то особенно сладок. Поэтому дама советует Парису: «Не подавай виду, лицемерь», «...я разрешаю тебе любить, если ты сможешь это скрывать». «Люби тайно: отсутствие моего повелителя предоставляет свободу». «Покидая меня, он просил всех заботиться обо мне, включая и тебя. Вот и позаботься...» И далее прекрасная Елена дает Парису совет, который могли бы принять и другие:

Ты ищешь моего расположения
с помощью слов, в то время
как тебе нужно применить силу.
Принуждение необходимо для
стыдливого удовольствия.
Если думать о том, какое наказание
нас ждет,
Наши отношения могут пострадать
от нашей нерешительности.
Что же я говорю! Для нас обоих
было бы лучше,
Если каждый из нас гасил бы
пламя возбуждения.
Обещания, данные странниками,
слишком легко нарушаются,
А их изменчивые страсти блуждают
так же, как и они сами.
Но такие страхи не должны
тревожить мои мысли;
Я – обычная жена, как и многие
женщины.
Но время и ты можете возбудить
во мне более дерзкие мысли,
И я, возможно, смогу уступить
твоей страсти.

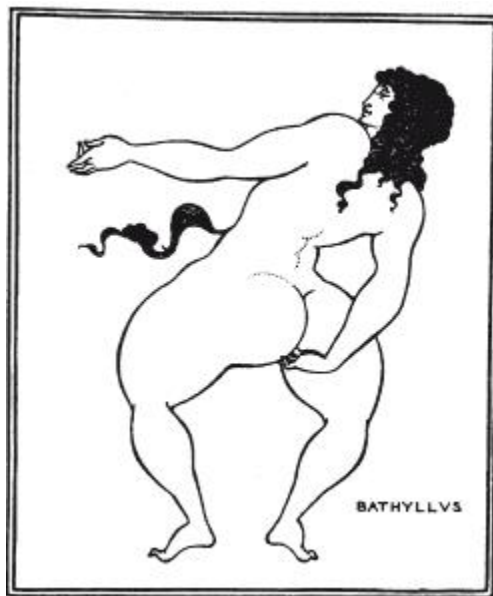
Последний раз о тайной встрече
ты просил,
По крайней мере, таковы твои слова.
Но я догадываюсь, что ты имел в виду.
Твои смутные надежды должны
увенчаться успехом.
Доверься мне, и время может стать
твоим другом...

Антонио Канова. Елена Прекрасная

Женщины в принципе (в теории) согласны со словами Плутарха, писавшего, что «украшает женщину то, что делает ее более красивой, но делает ее таковою не золото, изумруды и пурпур, а скромность, благопристойность и стыдливость». Однако такова голая теория, которая далека от жизни, хотя она справедлива для эпох строгих и простых. Когда же речь идет о избранных кругах, у них иные правила. Овидий прекрасно понимал женскую психологию. Женщины живут любовью, всем, что так или иначе связано с ней. Послушайте любую молодую девушку разных веков и у всех народов – если вы когда-

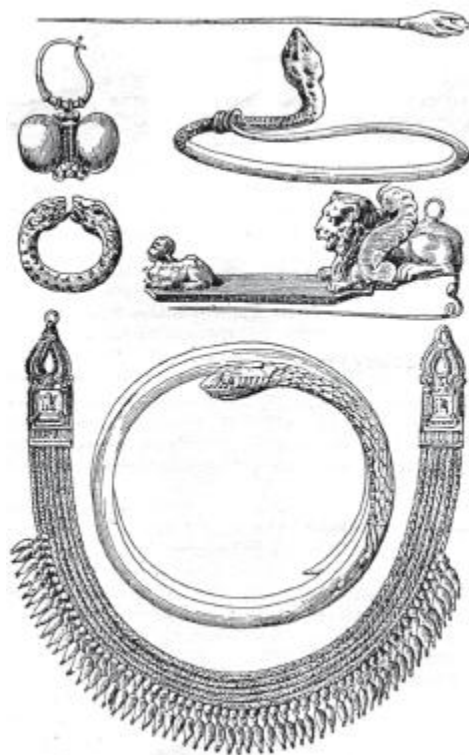
нибудь сопоставите их первые и самые сокровенные пожелания, вас, вероятно, удивит, насколько в них много общего. Кажется, что все они написаны под одну копирку – хочу встретить любимого человека, быть с ним вместе, иметь от него детей. Все это вполне естественно. Так запрограммировала нас матушка-природа. А коль это так, они хотят мужчину, стараясь это не демонстрировать. Скромность, тайный кодекс поведения мешают ей прямо откликнуться на мужской зов. И правы те, кто шутят: «Если женщина говорит – «Нет!», это означает: «Да, но позже, если будете настойчивы и убедительны!»» Не всегда для убеждения женщины нужно красноречие. Не только в нашу эпоху, когда без денег к красивой даме не стоит и подходить, но и ранее деньги выступали в качестве «аргумента убеждения».

О. Бердслей. В излюбленной позе. К сатире Ювенала

Однако женщина не была бы женщиной, если бы не использовала все орудия искушения и соблазна, которые были выдуманы для того, чтобы завлекать в ее сети мужчин и держать их в ее власти столько, сколько возможно. Если одежда мужчин (тоги, плащи, туники) временами и была роскошной, то мужчины всё ж ценились не украшениями или ароматом духов, но своей статью, силой и умом. Что же касается женщин, они больше прибегали к услугам материи, духов, кож или драгоценностей. Духи делались из ароматических веществ и привозились из Египта, Аравии, Индии. В ход шли и растения из Италии (лилия, ирис, нарцисс, майоран, розы и т. д.). Духами

опрыскивали всё, что только можно, — постели, комнаты, ванны, прихожие, разве что не конюшни... Духи добавляли в ценные вина и лампы, в воду для омовения, даже в погребальные костры, на которых сжигали покойников. Так как женщины боялись седины больше смерти (это у мужчин седина означала благородство, смешон был тот, кто в старости стал бы краситься, как увядшая дама), у них на вооружении были средства, с помощью которых они отдаляли старость.

Женские украшения римлянок

Волосы чернили дикой лебедой, чечевицей, миртовым вином, кипарисовыми листьями, лесным шалфеем, отваренной кожицей порея, а чтобы те не седели, мазали смесью масла и пепла земляного червяка. Для роста волос использовали медвежий жир и пепел кожи гиппопотама, а чтобы сделать волосы белокурыми, использовали уксусные дрожжи, масло из мастикового дерева или же сок айвы, смешанный с соком бирючины. Брови чернили муравьиными яйцами или более простым способом — иглой, закопченной в дыму. Если мужчине лысина даже украшает, то лысая женщина, говорили римляне, подобна голому задку. Поэтому в ходу у римлянок были

парики и фальшивые волосы. Когда одна из молодых женщин, имевшая ранее прекрасные каштановые волосы, испортила их в ходе эксперимента с красками, Овидий попытался утешить ее: «Германия пришлет тебе волосы рабынь, подвластное племя позаботится о твоей прическе». Страх перед старостью и увяданием толкает женщин на безумства вот уже тысячи лет. Сколько глупых гусынь, которым бог не дал ума и воли смолоду следить за собой, тратят и поныне силы, здоровье, время, деньги на разного рода пластические операции, подтягивания и т. п.

А. Дюрер. Четыре ведьмы

Поэт Марциал частенько упоминает о фальшивых и крашеных волосах в своих эпиграммах. Существовало множество снадобий и для сохранения цвета лица и нежности кожи. Наиболее ценным из таких средств считалось ослиное молоко. Поэтому злые мужские языки часто ехидничали в их адрес, говоря: «Женщинам нужно ослиное молоко, чтобы их внешний вид соответствовал их внутреннему содержанию». Поэты также не упускали случая уязвить дам за столь безумное стремление любым способом сохранить и удержать ускользающую молодость и красу. Сами женщины давали материал для таких шуток, ибо готовили румяна и белила не только из меда или

злаков, но и, просим прощенья, из разного рода экскрементов (бычий навоз, экскременты крокодила и т. д. и т. п.). Петроний, описывая одну такую римскую «красавицу», заметил: «По ее челу, покрытому потом, текут ручьи румян и белил, а в морщинах ее щек так много мелу, что их можно принять за старую полуразвалившуюся стену, изборожденную дождем». Эти женщины, похожие на грубо размалеванные куклы с накладными волосами, порой напоминали собой искусственных болванчиков. И не зря Марциал сказал, обращаясь к одной из светских львиц: «В то время, когда ты сидишь дома, твои волосы отсутствуют – их завивают в лавочке в субурском квартале; ночью ты снимаешь свои зубы так же легко, как и свое шелковое платье; твое лицо, составные части которого помещаются в сотне баночек с помадой, не спит с тобой». Ложась в постель с такой дамой, боишься, что во время поцелуя ее челюсть вдруг вывалится, или же в любовном экстазе ты невольно сорвешь ее накладные волосы (вместе с пустым скальпом), восхищавшая тебя грудь может на деле оказаться накладной и дутой. И вообще она может оказаться даже не женщиной.

Мать с младенцем («Матер Матута»). V в. до н.э.

В эпоху Возрождения в моду вошли пышные формы. Считалось, что женщина должна быть одновременно Юноной и Венерой. Больше всего ценилась пышная грудь и крупный зад. Преклонялись перед величественными дамами с большой грудью, широкими бедрами, крепкими ягодицами, полными руками и ногами, «способными задушить гиганта». Стоит вам взглянуть на рубенсовских граций, чтобы воочию представить себе его женский идеал. Понятно, что Возрождение любило крупные формы. Брантом так объяснял это предпочтение: «Вот почему полные женщины заслуживают предпочтения хотя бы ради только их красоты и величия, ибо за эти последние, как и за другие их совершенства, их ценят. Так, гораздо приятнее управлять высоким и красивым боевым конем, и последний доставляет всаднику гораздо большее удовольствие, чем маленькая кляча». И все ж это дело вкуса. Что же до римлян, те с большим удовольствием отдавали сердце и руку грациозным и хрупким дамам,

нежели таким женщинам-преторианцам. Хотя логически понятна тяга мужчин и к женщинам-тяжеловозам (они могут тянуть любой груз).

Прекрасная женщина с ребенком

Любили женщин всяких, но преимущественно более стройных и гибких. Если позволить себе сравнения, то в дамах они желали видеть уж конечно не боевого коня или же «клячу», но гибкую «кошку» и «пантеру». Поэты вроде Катулла и Овидия создали целую науку о любви, чем вообще-то не могли похвастаться и богоподобные греки. Катулл даже имел прозвище «Катулл-влюбленный». Это не мешало ему быть весьма просвещенным человеком (его называли «ученый веронец»). Несмотря на то что позже влюбленный Микеланджело восклицал в своем сонете: «Бегите прочь, юнцы, от искушенья! Огонь опасен и смертельно жжет», древние римляне не боялись этого огня и не стеснялись своей любви. Напротив, стремились к ней.

Жить, любя, моя Лесбия, да будем,
все досужие стариков сварливых
ни во грош не оценивая сплетни!

Восходить и закатываться солнцам, —
нам, закатится только день короткий,
ночь – одна непрерывная дремота.
Тыщу дай лобзаний мне и сотню,
следом тыщу других, вторую сотню,
и до тыщи ещё, и после сотню.
А как тыщ принакопится порядком,
их смешаем, чтоб сами мы не знали
и чтоб кто-нибудь злой не мог бы
сглазить,
разузнав, сколько было лобзаний.

Барельеф «Здесь живет счастье». Помпеи

Конечно, наряду с развратницами среди римлянок были приличные женщины. Даже среди высших слоев римского женского общества имелось изрядное число верных жен. О том, что несмотря на всеобщее падение общественных нравов таковые в Риме были, говорят

посвященные им могильные эпитафии. Фридлендер в «Истории римской морали» приводит ряд трогательных надписей. Одна из таких надписей периода республики гласит: «Коротки мои слова, путник: остановись и прочти их. Под этим бедным камнем лежит прекрасная женщина... Она неизменно любила своего мужа и родила (ему) двоих сыновей. Одного она оставила на земле, другого погребла на груди земли. Ее слова были добрыми, а походка гордой. Она заботилась о своем доме и своей пряже. Я закончил; можешь идти». Или вот другая надпись, относящаяся уже к имперскому времени: «...Она была духом-хранителем моего дома, моей надеждой и моей единственной любовью. Чего я желал, желала и она, чего я избегал, избегала и она. Ни одна из самых сокровенных ее мыслей не была тайной для меня. Она не знала небрежения в прядении, была экономна, но и благородна в своей любви к мужу. Без меня она не пробовала ни еды, ни питья. Разумным был ее совет, живым ее ум, благородной ее репутация». И таких памятников в Риме можно увидеть немало.

Сцена римской свадьбы

Ведь даже цезарям попадались хорошие жены. Плиний Младший в «Панегирике» Траяну пишет о Плотине, жене императора, умной и

достойной женщине, которая в народе пользовалась всеобщим уважением: «Многим славным людям служило к позору то, что они или слишком опрометчиво выбрали себе супругу, или слишком снисходительно терпели ее в своем доме. Таким образом, людей, прославившихся вне дома, позорили неурядицы личной семейной жизни, и не позволяло им стать действительно великими гражданами то, что они были слишком слабыми супругами. Твоя же, цезарь, жена хорошо подходит к твоей славе и служит тебе украшением. Можно ли быть чище и целомудреннее ее? Или более достойно вечности? Если бы великий понтифик должен был выбрать себе супругу, разве не на ней остановился бы его взор или на какой-нибудь другой, но во всем ей подобной, если бы только можно было найти такую? Ведь твоя жена из всей твоей судьбы и славы берет на свою долю только личное счастье! Она с удивительным постоянством любит и уважает тебя самого...» В конце концов каждый мужчина своего рода цезарь, и от него самого в первую очередь зависит то, что будет украшать его голову – корона или же нечто иное.

Супружеская чета. Надгробная стела

При этом «первая леди» Рима, да еще обладавшая такими качествами, конечно, оказывала немалое влияние на политическую жизнь страны (что характерно для такого рода империй – Рима или России). Первая дама великой державы должна стоять короны! Такова и была жена Траяна – Плотина... Аврелий Плотин писал: «Кажется совершенно невероятным, насколько Помпея Плотина содействовала славе Траяна. Когда его прокураторы (финансовые чиновники) стали допускать притеснения в провинциях и клевету, так что, как говорили, имея дело с зажиточными людьми, один начинал с вопроса: «На каком основании это у тебя?» Другой – с вопроса: «Откуда ты это взял?» Третий со слов: «Выкладывай, что у тебя есть!» – она упрекала за это мужа, ругая его, что он не заботится о своем добром имени, и так на него воздействовала, что он впоследствии не допускал незаконных изъятий и стал называть фиск (императорскую казну) лианой, от процветания которой хиреют остальные растения». Но подобное вмешательство в политику жены первого человека в государстве, конечно же, заслуживало бы куда большей признательности, если бы та с большим рвением защищала не тех, у кого все уже есть (богачей), но свой заметно обнищавший народ.

Крышка саркофага из Вульчи

Немалое число женщин становилось и на стезю христианского учения. Дамы эти вели очень благопристойный, даже строгий образ жизни. Некоторые из них внимали словам Тертуллиана, который учил их быть более скромными и простыми: «Женская внешность включает в себя два понятия: убранство и украшательство. Убранством я называю то, что зовут женской опрятностью, а украшательством – то, что следовало бы назвать женским позором. Первое заключается в уходе за волосами, кожей и открытыми частями тела; второе – в золоте, серебре, драгоценных камнях и нарядах. Первое осуждаю, как

тщеславие, а второе – как настоящее распутство. Представляю рассудить христианским женам, служительницам Божиим, могут ли они найти тут что-либо похожее на смирение и целомудрие, которое обязались блюсти нерушимо» («О женском убранстве»). Хотя некоторые его советы, конечно, не вызвали у них восторгов. Так, он предлагал женщинам, потерявшим мужей, не вступать во второй брак и в качестве утешения обещал им, что после смерти они «видом и святостью уподобятся ангелам». Слабое утешение! Любовные чувства, страсть мужчин и женщин подавалась им как «постыдное удовольствие» и «суетное блаженство».

Л. дю Нуи. Икбал (Счастливая)

Церковь вновь обращается к древнему моральному принципу «стыдливости», который должен стать ключевым при определении поведения дамы. Приличная женщина всегда должна выглядеть скромной и сдержанной. Во главу морального кодекса поведения женщин ставят скромность, покорность, воздержание, трепет, молчание. Идеал женщины – двигаться тихо, незаметно, с глазами опущенными долу (так обычно вели себя женщины Востока). «Слишком любопытный взгляд всегда непристойен, избегайте его, и вы спасетесь от порока». Девушкам следует, по словам Мефодия Олимпийского, «закрывать на замок» уши и нос, подкрасить свои губы

молчанием, и если изредка и улыбаться, то лишь «тенью улыбки». Походка должна быть медленной, размеренной и исполненной достоинства. Никакой игривой поступи, никаких покачиваний бедрами, что, конечно, сразу же указывает на женщину легкого поведения. Лучше сидеть дома и не выходить оттуда без лишней надобности. Гордость женщине не возбраняется, но гордость ее состоит в том, чтобы «краснеть от похвал мужчин» (Г. Назианзин). Только таким образом удастся ей уберечь себя от тлетворного влияния внешнего мира. Она может иметь свой круг интересов, хотя это, как заявит церковь, не приветствуется.

Таков был Рим... Пожалуй, можно сказать, не боясь совершить ошибки: таков был и остается и поныне мир. Эта полная энергии, фантазии, изобретательности, иронии, сатиры, страсти любовь к женщине кажется нам одним из главных достоинств римлян и греков. Хотя даже горячая любовь к дамам не спасет Рим от гибели.

Безумство власти – Тиберий, Калигула, Нерон

Особенный интерес для анализа всегда представляет порубежная эпоха, то есть время каких-то очень глубоких и решающих перемен. Таким временем для Рима было окончание эпохи Республики и начало эры принципата. Если же вдобавок ко всему меняются не только политика и идеология, но еще и религия, можно себе представить, какие сдвиги происходят в обществе и в сознании человека! Поэтому и начало новой эры, сопровождавшейся разрушением остатков республиканских столпов, явлением христианства, разумеется, стало своего рода шоком для всех. Бывают в судьбах народов некие трагические рубиконы, когда словно сами небеса начинают гневаться на ту или иную землю, тот или иной народ. Конец Республики, начало новой эры, гражданские войны и массовый террор против богатого и влиятельного населения и стали для Рима пограничным роковым знаком.

Смерть Лаокоона

Рассказ о правлении Тиберия нам придется предварить событиями частично уже описанными... Тогда (смерть Цезаря, борьба за власть между триумвирами, Брутом и Кассием, затем между Антонием и Октавианом) в Риме, как отмечают, явились многочисленные грозные чудеса и знамения. Вдруг завыли все собаки, словно волки, а волки, обезумев, носились по Форуму, что, конечно же, явилось зловещим предзнаменованием. Из статуй богов одни покрылись потом, другие – кровавым потом. Напуганный сенат вызвал из Этрурии прорицателей. Один из них заявил, что старинная власть возвратится вновь, и вскоре все станут рабами. Затем он прикрыл рот, задержал дыхание, пока не скончался на месте. Европа и Италия были разорены войнами и налогами. Триумвиры нуждались в деньгах и составили списки будущих жертв. Наступала пора кровавого террора «тройки».

Сенаторы. Рельеф алтаря Мира Августа. I в. до н.э.

В воздухе ощущался запах Смерти...Пусть об этом расскажет александрий-ским слогом Аппиан. В течение трех дней триумвиры вступили в Рим один за другим во главе своих вооруженных отрядов. Ночью во многих местах ими были выставлены проскрипционные списки с именами примерно 300 человек. В эти списки заносили даже тех, кого убивали по ошибке, чтобы казалось, что все они погибли на законном основании. Сюда попали не только сторонники Брута и Кассия (то есть убийц Цезаря), но многие сенаторы, политики и собственники, владельцы крупных состояний, домов, вилл, земель. Последовал приказ, чтобы головы всех казненных доставлялись триумвирам (за определенную награду). За «добычу» свободнорожденный получал деньги, раб же – деньги и свободу. Все должны были в обязательном порядке открыть дома и помещения для обыска. Тот, кто скрывал осужденного, давал ему приют или убежище

в своем доме, тотчас же подвергался суровому наказанию – смерти. Таким образом, любой желавший этого мог сделать в эти страшные дни донос на гражданина и получить вознаграждение.

Пользуясь именем покойного Цезаря как предлогом для мести и обогащения, триумвиры, разумеется, преследовали сугубо личные, корыстные цели. Правда, в документе, который опубликовали узурпаторы, говорилось, что они будут воздерживаться от насилия по отношению к невиновным. Однако службам было приказано «уничтожить немедленно» всех их политических противников. Триумвиры потребовали, чтобы головы убитых приносили к ним за вознаграждение: в 25 тысяч драхм за каждую (если приносящий свободнорожденный) и 10 тысяч аттических драхм и гражданские права своего господина (если это был раб и слуга убитого). Можно лишь представить, какие чувства пробудил сей указ в сердцах завистников и рабов. Тем более триумвиры пообещали хранить в тайне имена доносчиков и убийц. После сего «манифеста вольницы» Рим должен был бы прекратить свое существование как цельное, единое, сплоченное государство. Великий Рим стал отныне державой с идеологией подонков, убийц, грабителей, доносчиков и иуд.

Иероним Босх. Омерзительная толпа

Показательно и то, кто первым попал в списки осужденных на смерть. Первым из приговаривавших к смерти был Лепид, а первым из приговоренных – брат Лепида, Павел. Вторым из приговаривавших к

смерти был Антоний, а вторым из приговоренных – дядя Антония, Луций. Надо заметить, впрочем, что к этим лицам вернулись их же собственные греховные деяния (Павел и Луций первыми высказались за объявление Лепида и Антония «врагами отечества»). Третьим и четвертым были родственники вывешенных в другом списке и намеченных консулами на следующий год Плотий, брат Планка, и Квинт, тесть Азиния. В списке осужденных оказался и Тораний, бывший опекуном Цезаря. Так что имя Цезаря, как мы говорили, было лишь прикрытием массового разбоя, как лозунг демократизации и перестройки в СССР стал прикрытием действий внутренних бандитов и их зарубежных пособников по разрушению нашей великой державы.

Так началась охота за людьми. Обыск центурионы производили одновременно по всему городу. И вот тотчас же (как во всей стране, так и в Риме) начались неожиданные многочисленные аресты. Палачи убивали своих жертв, кто как мог. Несчастливым отсекали головы, чтоб затем представить оные для получения награды. Кто-то пытался спастись: одни переодевались, спускались в колодцы, другие – в клоаки для стока нечистот, третьи – в полные копоты дымовые трубы под кровлей. Иные прятались под грудой черепиц на крышах и отсиживались там, затаив дыхание. Не меньше убийц боялись: одни – жен и детей, враждебно к ним настроенных, другие – вольноотпущенников и рабов, третьи – должников и соседей, жаждущих получить их поместья. Вдруг прорвалось наружу всё то, что до сих пор таилось внутри... В обществе произошла удивительная перемена с сенаторами, консулами, преторами, трибунами, кандидатами на магистратуры. Случилась разительная и, казалось, совершенно немыслимая ранее перемена в поведении высших чиновников и начальников. Все эти господа (что в Риме, что в России), ставившие ни во грош простого человека, а уж тем более рабов, теперь «бросались к ногам своих рабов с рыданиями, называли слугу спасителем и господином». Естественно, что рабы и слуги, ранее видя по отношению к себе всего лишь презрение и грубое насилие, не имели ни капли сострадания к своим господам. Видимо, так же вели себя восставшие массы после 1917 года и в России.

Всюду происходили всевозможные злодеяния, гораздо более страшные, чем это бывает во время восстаний или завоеваний городов. Ибо в последнем случае люди боятся политического врага и военного

противника, но при этом доверяют своим домашним. Теперь же последних, продолжает Аппиан, боялись больше, чем убийц. Многие были потрясены, увидев, как их домашние становились врагами либо вследствие скрытой до сих пор вражды, либо из-за обещанных им наград, либо ради того, чтобы поскорее заполучить хранящееся в доме золото и серебро. Не каждый становился предателем по отношению к своим домашним. Но многие личную выгоду ставили выше сострадания, даже если шла речь о близком человеке. Все подлые люди, а таких оказалось все же довольно много, в погоне за выгодой вдруг стали преследовать «врагов народа». Толпа же грабила дома убитых. Жажда наживы отвлекала ее сознание от бедствий переживаемого времени. Честные и порядочные люди (а они были), видя этот ужас, цепенели от страха и замыкались в себе. Прежние раздоры правителей довели государство до гибели, а теперь все наблюдали за тем, как разлагаются сами граждане, став доносчиками, палачами, предателями или грабителями. Одни умирали, защищаясь от убийц, другие умерщвляли себя добровольным голодом, прибегали к петле, бросались в воду, кидались в огонь, бросались с крыш или же сами отдавали себя в руки убийц.

Молодой Тиберий. Эрмитаж

Головы проскрибированных и убитых выставляли на Форуме перед рострами. Там доставлявшие их и получали вознаграждения. Среди этих голов оказалась и голова великого Цицерона. Его предал сапожник, клиент Клодия, который был злейшим врагом оратора. Центурион Ленат догнал носилки, в которых был Цицерон, и «отрубил ему голову, или, скорее, по неопытности отпилил ее, так как он три раза ударил по шее». Отрезал он ему и руку, которой тот писал свои речи против Антония как тирана. Когда голову и руку оратора принесли на Форум, где председательствовал Антоний, тот чрезвычайно обрадовался, одарил центуриона щедрым даром и сверх назначенной награды подарил ему 250 000 драхм за уничтожение величайшего и самого непримиримого из своих противников.

Голова и рука Цицерона долгое время висели на Форуме перед трибуной, с которой он обычно обращался к народу с великолепными речами. Взглянуть на кровавое зрелище стекалось больше народу, чем прежде приходило послушать его. Говорили, что Антоний, не удовлетворившись этим, ставил отрубленную голову Цицерона на свой обеденный стол и долго ею любовался. Убили и брата Цицерона с сыном. И все это происходило не в каком-то малом городе, не в «варварской» Азии, – в центре «культурной» Европы, столице мировой империи! Палачи заставляли людей праздновать триумф в храмах, и все вынуждены были участвовать в процессии «в праздничной одежде, но с ненавистью в душе». И ведь один из главных преступников впоследствии стал Августом Октавианом. Таков был великий Рим!

Император Тиберий. Бронза. Геркуланум

В этом плане фигура императора Тиберия (14–37 гг. н. э.) как нельзя более верно отражает характерные взгляды и установки времени. Если Август все же духовно и интеллектуально еще был детищем Республики, то Тиберий – уже порождение нового века, совсем иной эпохи. Принадлежавший к знатному роду Клавдиев, он родился в 42 г. до н. э. А все Клавдии в отношении к народу были не только непримиримы и надменны, но еще и враждебны. Будучи патрициями, они постоянно вступали в настоящие схватки с трибунами, отличались в борьбе против Гракхов, защитников народа. Младенчество и детство Тиберия прошло в тревожных переживаниях, ибо его родители, которых он повсюду сопровождал, находились в бегстве. Став взрослым, он имел возможность наблюдать то, что назовут «веком Августа». Век этот лично для него обернулся триумфом – ведь в 4 г. н. э. Август, хотя и неохотно, но все ж усыновил его, признав первым своим преемником. Практика усыновлять наследника была введена Римом как важный элемент укрепления государства (по сути, той же дорогой пошла, кажется, новая Россия).

Фактор наследования стал со временем играть все большую роль в истории. Дж. Бейкер отмечает исключительное значение этого фактора для судеб стран и народов: «Вся политическая история европейских государств в ближайшие две тысячи лет переплеталась с проблемой наследования поста главы государства. Дом остгота

Теодориха не мог соответствовать этому условию, и остготское королевство в Италии погибло; вестготы Испании также не могли с этим справиться, и готское королевство пало; франки прорвались к власти в результате родовой доблести Меровингов и Арнулфингов; англичане, когда утратил значение сильный дом англов в Мерсии, едва сохранились из-за более слабой линии правящего дома Уэссекса. Нет большего заблуждения, чем полагать, что проблема престолонаследия – вопрос искусственный и неважный. От этого зависит постоянство созидательного управления государством, и в этом состоит сущность самого государства. Впервые это показал нам Рим, когда пытался воссоздать себя с помощью активной творческой деятельности интеллигенции, мы видим на примере Гая Гракха, отречения Суллы, убийства Гая Юлия Цезаря, как эти попытки постоянно терпели поражение и постепенно сходили на нет. Мы видели, как безуспешно бился над этой проблемой Август, стремясь продолжить систему принципата, и в полной мере мы могли наблюдать это на примере проблем Тиберия и борьбы, которую он постоянно вел. Жизнь и благополучие сотен миллионов людей, возникновение и исчезновение целых государств зависят от разрешения этой проблемы. Ибо, кроме всего прочего, проблема включает в себя власть, которая в состоянии управлять или, напротив, утрачивает контроль над могуществом различных партий и их интересами». Считаю что эту оценку можно приложить и к нынешнему времени, и к нашей с вами стране... Россия, будучи страной крайностей, очень чувствительна к личности вождя. В руках гения, творца, мудреца страна станет могучей, свободной, богатой и счастливой, в руках негодяя, вора и глупца страна подобна чудовищу, под властью которого все вокруг рушится и кровоточит, а среди людей правят горе, страдания, нищета и смерть.

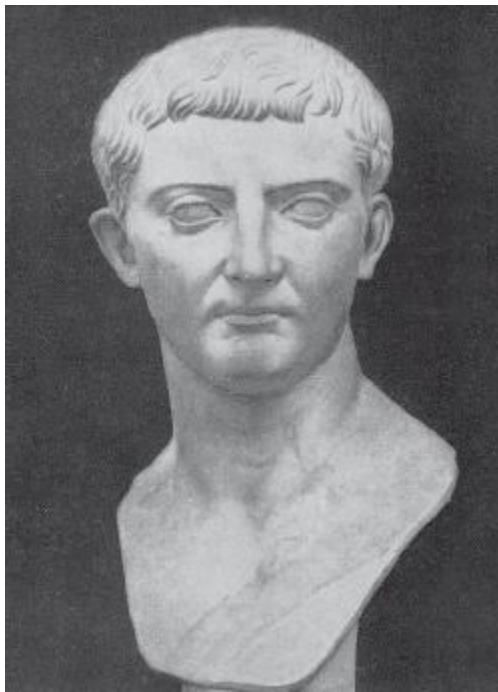
Г. Семирадский. Римская оргия времен цезаризма

Тиберий рос и мужал в характерной римской обстановке тех лет. Мужественно воевал, получал заслуженные оvationи и триумфы, участвовал в ряде судебных процессов, выполнял поручения императора и выступал как госчиновник... В личной жизни он не был счастлив, ибо власть наложила тяжелый отпечаток на его личную жизнь. Женившись на Агриппине, дочери Марка Агриппы, он жил с ней в согласии и имел от нее сына. Ждал и еще одного ребенка. К жене он был привязан всем сердцем, но ему пришлось с ней расстаться. Так приказал император Август.

После расставания с женой, которую выдали замуж за другого, он должен был немедленно жениться на дочери Августа, Юлии. Юлия, как упоминалось, была известна как редкостная шлюха... Представьте себе, как «обрадовался» Тиберий, глядя на подобное «благодеяние» Августа. Но в Риме власть всегда стоила не то что одной жены (пусть и развратницы), а дюжины жен и кучи детей в придачу. Вскоре Тиберий узнал, что новая жена осуждена за разврат и прелюбодеяния, и Август от его имени сам же и дал ей развод. Считая себя «посаженым отцом» Юлии, он был свято убежден, что вправе приказывать, кого брать в жены, а кого нет (тем более когда речь шла о близких). Как говорится, Август дал – и Август взял.

Образовательный и культурный уровень Тиберия был не очень высок. Тот не был большим поклонником науки и культуры. Правда, одно время он оказался постоянным посетителем философских школ и чтений. Но однажды вдруг ему пришло в голову вмешаться в жаркий спор философов. В горячке спора кто-то, не обратив внимания на звание и чин, осыпал его бранью, послав куда подальше. Тиберий незаметно ушел, а затем вернулся с ликторами и приказал бросить обидчика в тюрьму. Мораль проста: если ты император, не ходи к философам, а если уж пошел, то смири гордыню и терпи все их наскоки и дерзкие словечки. Если же ты философ и историк, то старайся попридержаться свой язык. Если это тебе не по нраву и ветер свободы вскружил тебе голову, если того требуют интересы родины, что ж, тогда будь готов заплатить свою цену – жди, когда к тебе «придут ликторы».

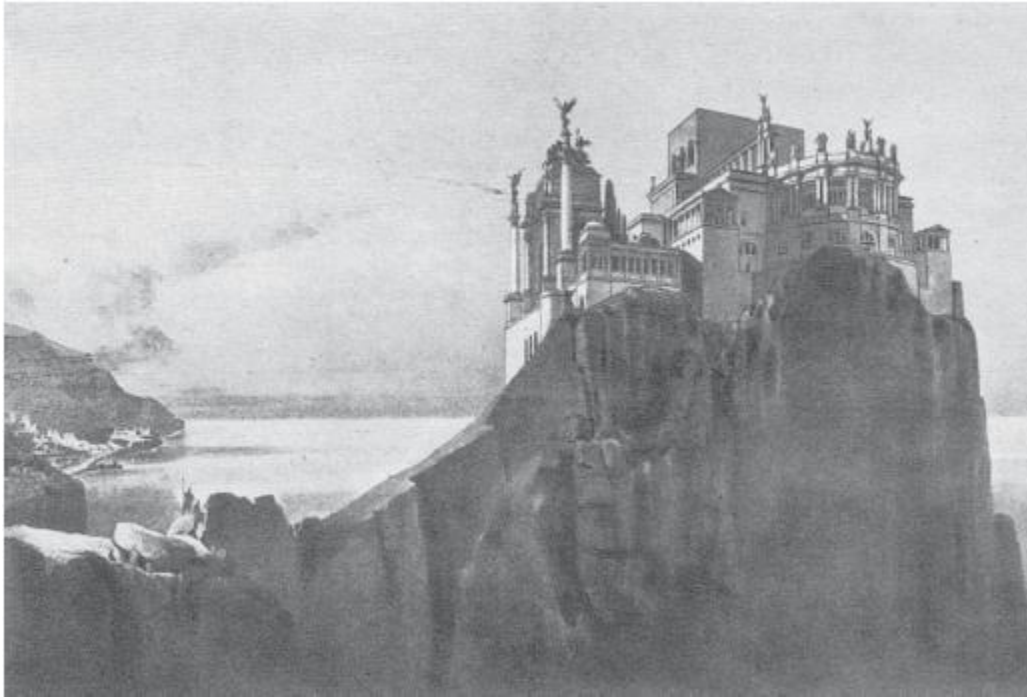

Голова Тиберия. Бюст из Фаюма

В результате не столько лавирования, сколь тщательного выполнения своих служебных обязанностей, Тиберий получил то, что хотел. Сказать, что он особо рвался к власти, нельзя, зная, что он даже стремился отойти от дел (и до своего утверждения императором и после). Тем не менее для многих были очевидны и его достоинства – скромность, расчетливость, отвага, ум и т. д. Не исключено, что

некоторые из этих качеств были как бы его маской, но все это вполне в духе Рима. Конечно, интересно знать, почему в наследники цезаря попадают те, а не другие. На эту тему даже можно было бы написать целое сочинение. В случае с Тиберием произошло следующее... Хотя Август и осуждал его жестокий нрав и будто бы даже однажды заявил: «Бедный римский народ, в какие он попадает медленные челюсти!», тем не менее цезарь прекрасно видел и очевидные его достоинства. Главное же, что его заботило, – найти человека, который бы привел Рим к славе и благоденствию (по-римским канонам и представлениям). Светоний справедливо сказал об этом решении Августа (о его наследнике): «И все-таки я не могу поверить, чтобы такой осторожнейший и предусмотрительнейший правитель в таком ответственном деле поступил столь безрассудно. Нет, я полагаю, что он взвесил все достоинства и недостатки Тиберия и нашел, что его достоинства перевешивают, – тем более что и перед народом он давал клятву усыновить Тиберия для блага государства, и в письмах несколько раз отзывается о нем как о самом опытном полководце и единственном оплоте римского народа». Есть и строки Августа к Тиберию, где он высказывается о нем словами стихов Энния и Гомера, в первом случае называя его тем, кто «один неусыпностью выправил дело», а во втором приводя стих из Гомера: «Если спутник мой он, из огня мы горящего оба с ним возвратимся: так в нем обилен на вымыслы разум».

Понятно, что нравы и поведение цезаря меняются по мере того, как укрепляется его власть. Редко кто настолько мудр и демократичен из сильных мира, чтобы пребывать в одном и том же состоянии вне зависимости от того, что на нем – тога ли цезаря или рубище нищего и плебея. Тиберий терпеть не мог лесть, он сразу же ее обрывал, а льстецов бранил и поправлял, да и вообще старался не подпускать их к себе. Когда его однажды назвали «государь», он попросил, чтобы его не оскорбляли. Он стойко, спокойно и терпеливо сносил злословие и оскорбительные стишки, говоря, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль, и язык.

Вилла Тиберия на Капри

Долгое время его действия шли в русле государственности и законности. Он интересовался всеми делами, заботился о государственном благе, следил за тем, чтобы чиновники не запускали руку в казну, наместникам в провинциях старался внушить, что хороший пастух стрижет овец, а не сдирает с них шкуры. Тиберий был скромен в получении почестей (запрещал посвящать ему храмы, отверг звание императора и прозвище отца отечества, запретил называть месяц «Тиберием», вел себя крайне скромно с сенаторами). Но истории был знаком и другой Тиберий... Видимо, на него повлияли сами условия политической жизни и борьбы. Вспыхнули два мятежа (в Иллирике и Германии). Войска предъявили немало чрезвычайных требований, германцы не желали признавать его, хотели, чтобы императором стал Германик. В основе недовольства войск были скорее социальные причины (они требовали почетной отставки после 16 лет службы, оплаты по одному денарию в день, немедленного выхода на пенсию ветеранов и т. д.). Но когда стало известно, что солдаты убивают офицеров (центурионов), Тиберий заволновался. Он стал угрюм и недоверчив, говоря: «я держу волка за уши». Мятеж армейских масс – самое серьезное, что может случиться в военном государстве, каковым являлся Рим (и каковым долгое время была и,

видимо, все еще остается Россия). Полагаю, что эти события, а также разного рода интриги, равно как и потеря двух сыновей (Германик скончался в Сирии, Друз – в Риме), резко изменили характер, поведение императора. Он стал более подозрителен, окружил себе преторианцами и стал сурово расправляться с недовольными.

Когда толпа потребовала от наследников умершего центуриона немалых денег на гладиаторские игры (в Полленции), он подвез туда два легиона и бросил большую часть черни и зачинщиков «в вечное заточение». Он всегда был скуп и бережлив, но тем не менее давал деньги на шпионов. Возникла целая система доноительства. Храмов он не строил, ни разу не устроил игр для римлян! Любимейшим его занятием с течением времени стало отбирание денег у самых богатых людей. В Галлии, Испании, Сирии, Греции, Риме он отбирал их имущества по самым пустым и бесстыдным поводам и наговорам. У парфянского царя Вонона, что был изгнан соплеменниками и надумал отсидеться в Антиохии под защитой римской власти, он вероломно отобрал его казну, а его самого умертвил. Думаю, в нем и раньше жила эта жестокость. Ведь обучавший его красноречию Феодор Гадарский как-то сказал о нем, что Тиберий – это «грязь, замешанная кровью».

Арка Тиберия в Оранже

Рядом с ним все время ходила смерть... Все привыкли жить в этой атмосфере страха. Автор биографии Тиберия подмечает эту странную и зловещую особенность его правления... Разногласия между Друзом и Сеяном закончились на девятом году правления Тиберия смертью Друза, последовавшей после краткой болезни. Рим тому не удивился, ибо знал нравы властителя. За два года до своей смерти тот был консулом вместе со своим отцом. Не надо было быть и пророком, чтобы предсказать: грядет неминуемое несчастье. Все помнили: ранее Публий Квинтилий Вар исполнял консульские обязанности вместе с Тиберием в 13 г. до н. э., и все знали, что случилось с Варом. И Гней Пизон был консулом в 7 г. до н. э. вместе с Тиберием, все знали, что случилось с Пизоном. И Германик был консулом вместе с Тиберием в 18 г., все помнили, что случилось с Германиком. Когда четвертый человек, бывший консулом вместе с Тиберием, умер два года спустя, предсказатели только качали головами. Быть консулом в паре с Тиберием – зловещий знак. Кто будет пятым? В Риме вокруг Тиберия постоянно витали интриги. Тогда он оставил ненавистную столицу и поселился на Капри. Мужики Рима любили путешествовать, делая это за счет поработанных народов. Сенаторы не утруждали себя общественной работой, проводя время в веселых забавах, занимаясь интригами и добыванием денег.

Позже произошло то, о чем говорилось. Со времен императора Тиберия власть в Риме претерпела большие изменения. Пожизненный император низвел все магистраты на уровень обычных пешек. Он поручил выборы магистратур сенату. Народ стали созывать только для сообщения результатов выборов. Все сосредоточилось в руках лиц, назначенных императором (легаты, прокураторы, префекты). Сенат при выборах стал смотреть в рот главе государства. Если тот рекомендовал кого-то в консулы и преторы (губернаторы), их беспрекословно выбирали. Со времен Нерона эти должности стали «даром императора». Короче говоря, от демократии и республиканской формы правления осталась одна лишь фикция. Большая политика все более походила на откровенный разбой или грабеж (впрочем, и раньше она была ничуть не лучше). Политические мужики готовы были удавить, зарезать, ограбить конкурента. Сенаторы, люто ненавидя друг друга,

только и мечтали при первом удобном случае разделаться с соперником. Охота за состояниями стала главной работой. Римские цезари показывали всем пример, приговорив богатых римлян к смерти (в том числе сенаторов), дабы завладеть их деньгами. Цицерон знал, когда говорил: «Сенаторы, здесь, среди нас, ...есть люди, помышляющие о нашем поголовном избиении...», и далее: «Шире, чем это думают, рассеяны семена зла; оно не только охватило Италию, но уже и проникает за Альпы, уже, незаметно распространяясь, образовало гнезда во многих провинциях».

Калигула перед императором Тиберием и Ливией

Умирал Тиберий всеми ненавидимый и покинутый, зная, что его смерти ждут не дождутся. Вряд ли его утешала мысль, которую он же часто высказывал сам: «Принцепсы смертны, государство вечно!» Это было крайне слабое утешение для человека, который увидел крах всех своих надежд (и смерть преемников). Умирал он на вилле Лукулла в Мизене, все никак не решаясь отдать консулу Гаю Понтию Нигрину перстень с печатью (знак власти), и даже вновь надел его себе на палец. Гай, полагая, что тот мертв, во время обморока старика сорвал

кольцо. Возможно, умирающего Тиберия переполняли те же чувства, что и у другого властителя. Тот валялся несколько часов кряду на полу дачи в ледяном безмолвии. Консулы в страхе трепетали, когда им показалось, что «хозяин» все еще жив. Знакомая нам по недавней истории картина! Полагаю, наибольшим наказанием Тиберию стало то, что после него власть попала в руки Калигулы, который станет «Немезидой Рима».

Наряду с этим нельзя не сказать и о том, что, пожалуй, ни одному принцепсу в Риме не сопутствовал такой поток клеветы, как Тиберию. Тацит и особенно Светоний не пожалели самых темных красок, описывая различные пороки, что будто бы сопровождали жизнь императора на о-ве Капри. Светоний уверяет, что на Капри тот «завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата», где толпы девок и мальчишек совокуплялись по трое, изобретая тут самые сладострастные способы, «возбуждая этим зрелищем его угасающую плоть». Тиберий якобы украсил свои спальни картинами и статуями «самого непристойного свойства» и разложил в них книги Элефантиды в качестве наглядного пособия, чтобы «всякий в своих трудах имел под рукою предписанный образец». В лесах и рощах он повсюду устроил «Венерины местечки», где в гротах и между скал молодежь спокойно могла предаваться любви, за что его и стали называть «козлищем» или «старым козлом» (что было созвучно и названию острова Капри – «саргинеус»). Светоний обвиняет его в том, что Тиберий склонен был забавляться с мальчиками «самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми забавлялся в постели». Эти и другие случаи он, и сам бывший любителем пикантных сцен и историй, описывает с видимым удовольствием. Тут возникают растленные мальчики и погубленные несовершеннолетние девственницы, которых по приказу Тиберия перед казнью (прежде чем удавить) растлевал палач, и многочисленные казненные люди, приговоренные к смерти без каких бы на то оснований. Говорилось о месте, откуда по его приказу после долгих и изощренных пыток якобы сбрасывали в море людей прямо у него на глазах. Однако уже Вольтер подверг сомнению все эти слухи и исторические сплетни. Известные историки XIX в. Л. Ранке и Т. Моммзен также не разделяли «праведного гнева» Светония. Причин для этого более чем достаточно. Во-первых, никто из современников Светония ничего не сообщал о такого рода оргиях. Во-

вторых, разыскания показали, что за время правления Тиберия, правившего 23 года, римский сенат выносил в среднем по два смертных приговора в год. Откуда же тогда эти нелепые слухи о чрезмерной жестокости Тиберия?! В-третьих, записанные Светонием рассказы возникли только через восемь десятилетий после смерти Тиберия. А можно ли верить на слово всем слухам, рассказываемым, скажем, об ужасах советской тоталитарной системы?! Возможно, правы те, кто, подобно А. Мунте, сочли возможным вступить за «оклеветанного императора»: «Даже падкий на сплетни Ювенал говорит о «спокойной старости» императора, проведенной на острове в окружении друзей и звездочетов. Строгий моралист Плутарх с уважением отзывается об уединенной жизни, которую старый император вел в последнее десятилетие своего земного пути... Даже его злейшие враги никогда не сомневались, что он был человеком очень строгих правил». Реальный Тиберий совсем не похож на персонажа Светония или Тацита. В его лице видим скорее умного, справедливого, честного римлянина довольно строгих правил. Это – «разочарованный идеалист». Кстати, и Светоний писал, что принцепс осудил на изгнание развратных матрон и юношей, да бесстыдных проституток, среди которых были дети из высших сословий, пожелавшие уйти от наказания. Зачинщиков раздоров и междоусобиц он сразу отправлял в ссылку. Запретил он чужеземные священнодействия, а молодых иудеев, чтобы те попусту не болтались в Риме, отправил служить в армию (в провинции). Не исключено, что именно недовольная политикой «элита» и обливала грязью мудрого Тиберия. А вот если бы наш принцепс принял самые строгие законы против измены, коррупции, воровства и несправедливого богатства, полученного ими в итоге великой кражи в России, и вдобавок еще и добился их выполнения, думаете, на него не обрушилась бы волна клеветы и ненависти со стороны ущемленных нуворишей?! Хотя народ бы благословил его!

Бюст Калигулы. Копенгаген

Не имея возможности говорить много и детально о личностях, коснусь вкратце этой фигуры, ибо она очень колоритна. Калигула, сын Германика и Агриппины Старшей, родился в 12 г. н. э. в Германии. Свое прозвище он получил от солдат за то, что любил носить маленькие солдат-ские сапожки – «калигула» (сапожок). Он довольно рано потерял отца, мать и двух старших братьев. Это, безусловно, наложило отпечаток на всю его жизнь. Он стал черствым, холодным и жестоким. Заболевание едва не привело его к смерти. С тех пор вокруг него разгуливала Смерть. Чтобы получить наследство из рук мрачного и жестокого Тиберия, ему пришлось отправиться на Капри, где жил стареющий тиран, и добиваться власти путем невероятного притворства. Такая жизнь кого угодно превратит в негодяя или чудовище. Уже тогда сформировались и основные черты его характера. Многие так говорили: «Не было на свете лучшего раба и худшего государя». С удовольствием присутствовал он при пытках и казнях истязаемых, а по ночам отводил душу в кабаках и притонах, одетый в длинное платье и парик. Любопытно, что проницательный Тиберий прекрасно видел, что представляет собой его наследник (он признался, что «в нем вскармливает ехидну для римского народа»). Это его не остановило. Ехидна действительно оправдала свое прозвище. Обольстив жену главы преторианских когорт Макрона и даже

пообещав на ней жениться, он сделал того своим союзником. Старика Тиберия он, как говорили, извел отравой, затем снял с живого деда перстень и задушил его подушкой.

В первый год правления Калигула, правда, старался выглядеть пристойно. Толпа, которая всегда готова льстить власти, называла его «светиком», «голубчиком», «дитятком», «куколкой». Этот лицемер проливал крокодиловы слезы на могиле убиенного им Тиберия, привез прах матери и братьев, назначил бабке Антонии все почести, усыновил брата Тиберия, сделал дядю Клавдия сотоварищем по консульству, поддержал сестер. Он миловал осужденных и сосланных, объявил прощение по давним обвинениям прошлых времен, сжег на форуме доносы, заявив, что для них его слух закрыт. Он стал публиковать отчеты о состоянии державы и попытался восстановить народные собрания. Италию он освободил от полупроцентного налога на распродажи, многим пострадавшим от пожаров возместил убытки. Иным царям возвращал не только их царство, но и подати и доходы за прошедшее время. Иным аристократам он вернул отобранное у них. Так, Антиох Коммагенский получил отобранные сто миллионов сестерциев.

Недолго длился медовый месяц его царствования! Надежды римлян на то, что прямой потомок Августа, коим был Калигула, вернется к мудрой политике выдающегося предка, увы, не оправдались. Его наделили всей полнотой власти. Ничего глупее нельзя было себе вообразить, учитывая, что «сапोजок» еще с детства страдал падучей, а позже регулярно ощущал помраченность ума. Очень скоро из этой «куколки» вылутился дракон... Трудно наверняка сказать, что подтолкнуло его к безумию и преступлениям: то ли то, что его якобы опоила жена любовным зельем, то ли то, что его любовные похождения наградили его болезнью, то ли постоянная бессонница и преследовавшие ужасные кошмары, во всяком случае, его характеру никто бы не позавидовал. Если он даже не был эпилептиком, шизофреником и алкоголиком, то явно больным человеком Калигула был вне всяких сомнений.

Вот как охарактеризовал его римский историк Гай Саллустий Крисп: «Луций Катилина происходил из знатного рода и отличался большою силою духа и тела, нравом же скверным и развращенным. Еще мальчишкою он полюбил междоусобицы, резню, грабежи,

гражданские смуты, в них и закалял себя смолоду. Телом был невероятно терпелив к голоду, стуже, к бессоннице. Духом – дерзок, коварен, переменчив, лицемер и притворщик, готовый на любой обман, жадный до чужого, расточитель своего; в страстях необуздан, красноречия отменного, мудрости невеликой. Неумный, он всегда рвался к чему-то чрезмерному, невероятному, слишком высокому. После единовластия Луция Суллы его охватило неистовое желание стать хозяином государства; каким образом достигнет он своей цели, ему было все равно – лишь бы добраться до власти». К власти его подталкивали алчность, нужда в деньгах, тяга к роскоши.

Представьте себе, что происходит с человеком, вынужденным пресмыкаться и находиться в страхе за свою жизнь долгое время, когда вдруг на него сваливается безграничная власть. Таким человеком овладевает мания величия. Сей болезнью был поражен и Калигула. Будучи весьма образован, имея очевидный ораторский и писательский дар, он был непредсказуем и тяжел в общении. Завистливый, как все неудачники, он испытывал удовольствие от оскорблений и преследований талантливых людей. Начинаяшему тогда карьеру писателя и оратора Сенеке он сказал, что его труды есть «школярство чистой воды» и «песок без извести».

Безглазый Калигула

Тупость власти в этом поступке просто очевидна... Власть должна по крайней мере хотя бы чувствовать тех, с кем обручилось бессмертие. Ведь это из их уст, в их образах они предстанут перед миром. Сенека не преминул воздать должное Калигуле после смерти императора. Однако Нерон не повторил сей ошибки и убил Сенеку при жизни. Калигула обвинил евреев в том, что они не едят свинину. В упрек сенаторам сказал, что конь его мог бы быть лучшим консулом, чем иные сенаторы, хотя вначале проявлял к ним уважение и готовность сотрудничать. Он иногда сражался на цирковой арене вместе с гладиаторами, но потом его охватил страх за бесценную жизнь. Поэтому его всегда и всюду окружали преторианцы.

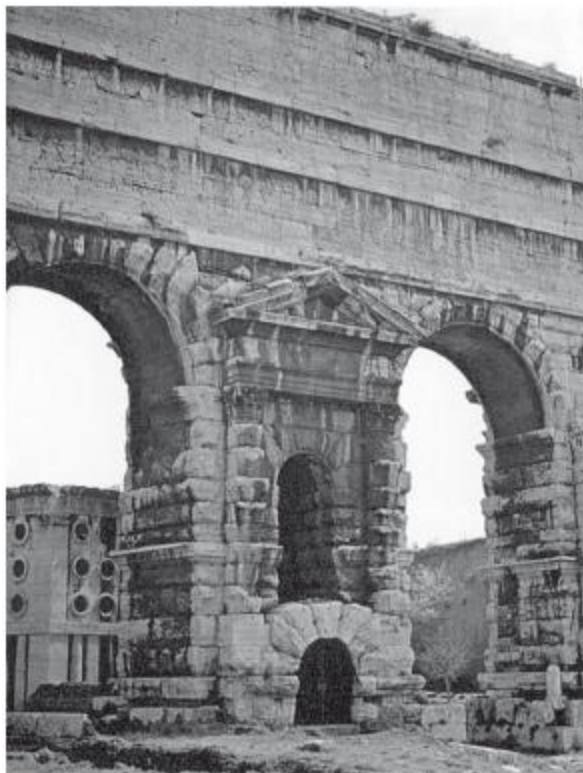

Надгробный алтарь с изображением свадебного обряда

Страх его со временем усилился, ибо садистические наклонности императора не могли не породить множества заклятых врагов. Калигула вынудил совершить самоубийство Тиберия Гемелла, внука императора Тиберия. Тот должен был стать соправителем. Убил Макрона и жену Эннию, казнил своего двоюродного брата и наследника Марка Лепида, уничтожил любящую его бабуку, Антонию, не раз спасавшую ему жизнь. В тайных бумагах хранил две тетради – «Кинжал» и «Меч», куда вносил имена своих жертв. Он предал смерти многие известные фамилии. Особенно любил пытать и казнить

сыновей на глазах отцов. Когда же один из них попросил избавить его от мук, он отрубил бедняге голову. Во время пышных пиршеств, за заваленными различными яствами столами, император порой устраивал развлечения, подобные тем, что описаны в романе Е. Санина «Гость из Кесарии»... Однажды на пиру сенатору Фалькону подали блюдо из мурен, которое было приготовлено специально для него. А перед тем накануне Калигула казнил единственного сына сенатора (не за какие-то прегрешения, но за изысканные манеры и умение с достоинством держаться в обществе). Отцу было приказано присутствовать при этой казни. И вот на пиру, поглядывая с усмешкой на убитого горем отца, все еще сохранявшего выдержку, Калигула обратился к нему с вопросом: мол, известно ли тому, чем были накормлены поданные ему на стол мурены. Тот, недоумевая, ответил, что, видимо, рыбой. И тогда Калигула, выдержав эффектную паузу, воскликнул: «Эта рыба вчера утром называлась Публием Фальконом-младшим! Ты сожрал своего сына! Вчера, после казни, я приказал разрезать его на куски и накормить ими мурен, которых мои повара запекли специально для тебя!» Довольный этой страшной «шуткой», Калигула долго хохотал... Женам, любовницам и консулам во время совместных пирушек он частенько повторял: «Стоит мне только кивнуть, и вам перережут глотки!» Он не оставлял в покое ни одной знаменитой и красивой женщины. Особенно он любил овладеть чьей-то женой на глазах мужа, после возвращения из спальни обсуждая с ним интимные достоинства и недостатки, рассказывая всем о том, какова она была в постели, чем хороша. Он не пощадил своих сестер, находясь со всеми тремя в преступной кровосмесительной связи. Это было порочное чудовище!

Акведук Клавдия

Марк Аврелий заметил: «Несправедливый, делая себя злым, себе же делает зло». Понятно, его многие ненавидели. Чашу терпения сенаторов переполнило его решение возобновить дела о государственной измене. Калигула становился тираном редким даже для Рима. Но сенаторы, возможно, стерпели бы и эти выходки. Заявили же из страха, что поставят ему на Капитолии золотую статую. Но казна не беспредельна. Забавы и причуды Калигулы требовали все новых и новых расходов. Однажды он приказал ради минутной причуды перегородить часть Неаполитанского залива мостом длиною в две-три мили, используя для этого корабли. Облачился в нагрудник Александра Македонского, специально привезенный для него из мавзолея царя-завоевателя в Александрии. Устроил там гулянье при свете факелов. Затея эта стоила Риму немалых денег. Пришлось облагать налогом торговцев, носильщиков, сводников и проституток. Но власти обычной ему казалось мало – и он принял решение объявить себя при жизни богом. Евреям приказал поместить в храме Иерусалима статую в обличье Зевса и ей поклоняться. С трудом удалось его отговорить от безумной затеи, которая могла вызвать восстание.

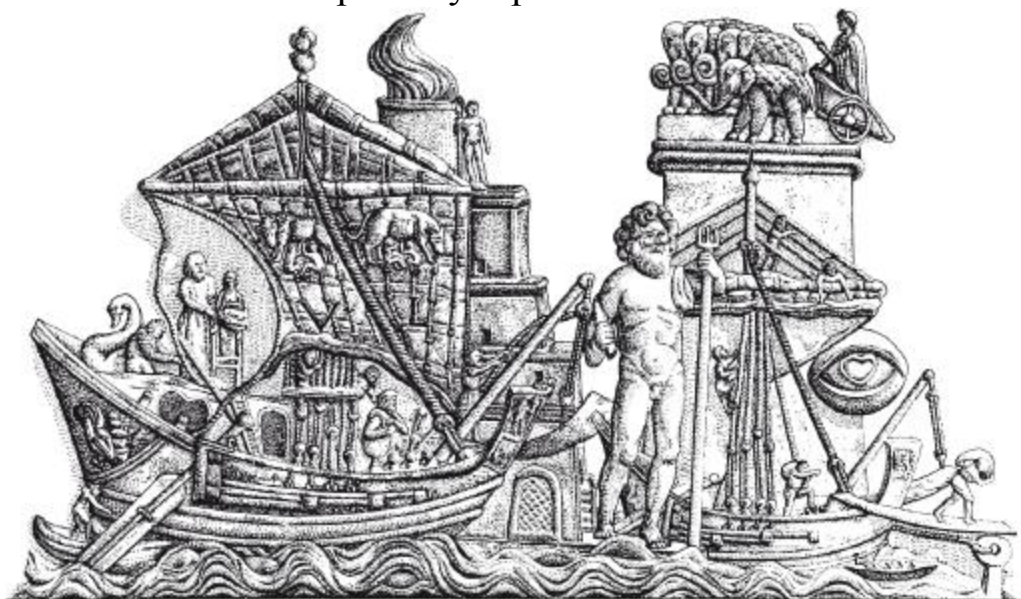

Император Клавдий

Вместе с тем нельзя представлять Калигулу, опираясь только на сенсационные факты шокирующего характера. Хотя, как справедливо заметил Э. Баррет, «если отбросить все неправдоподобные истории, рассказываемые про Калигулу, то и биографии никакой не останется». Сказки и легенды порой забавны, но все же не дают всей полноты картины. К заслугам императора можно отнести строительную деятельность. Римляне вообще любили и умели строить. Октавиан гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставил мраморным. Калигула насытил вечный город предметами искусства. Он «прочесал весь мир» в поисках тех предметов, которые могли бы украсить Рим, свозя сюда многие произведения искусства.

По свидетельству современников, он проявлял себя как большой эстет и знаток искусств. Хотя, разумеется, грабеж не может считаться признаком любви к искусству... Он присвоил знаменитого Купидона Феспийского и предполагал привезти статую Зевса работы Фидия. Калигула продолжил линию Октавиана, который лично взялся следить за состоянием дорог в Италии и реорганизовал «совет дорожных комиссаров». Так вот, Калигула не только приказал тем, кто строит дороги, чинить их за свой счет, но и стал отстранять от власти нерадивых дорожников, даже отдавал под суд тех, кто мошенничал, воруя государственные средства. Он возобновил работу и над проектом Коринфского канала. По его приказу сооружен маяк в Булони для облегчения мореходства, простоявший до XVI века. Он вел

крупное строительство в Альпах, планируя построить там город. К числу его заслуг отнесем начало возведения новых акведуков, в дополнение к тем семи, что уже к тому времени снабжали водой Рим. Большое внимание уделял император и ремонту порта в Региии. Тот должен был облегчить перевозку зерна из Египта.

Гавань, созданная Клавдием в Остии

Позже, уже в двадцатом веке, со дна озера Неми итальянцы подняли «барки Калигулы», уникальные сооружения, видимо, использовавшиеся как плавучие дворцы. На них были созданы мраморные постройки, галереи, зеленые террасы с живыми деревьями и виноградом. Борта судов были защищены от действия морской воды просмоленной шерстью и тройной свинцовой оболочкой. Многие металлические части судов оказались позолоченными. Там же были изделия из бронзы, железа (статуя сестры Калигулы, голова льва, голова волчицы Ромула). Восстановительные и строительные работы велись им по всей Италии. Города получали на стройки щедрые ассигнования из казны. Он восстановил театр Помпея, выстроил грандиозный цирк для любимых гонок на колесницах. Тут же высился вывезенный Калигулой из Египта обелиск, украшающий площадь Св. Петра. Сказанное нами никак не позволяет представлять его лишь сумасбродом и безумцем. И даже строительство моста в Неаполитанском проливе, где он намеревался, по словам Светония, «переплюнуть» Ксеркса, имело свои рациональные объяснения. И все

же наш вердикт однозначен: развращенный Рим получил в его лице то, что за-служивал. Его лозунг с успехом унаследовало наше время: «Надо украсть очень много, чтобы преступление стало добродетелью». Погиб Калигула от меча в 41 г. н. э.

Чуть дольше длилось правление императора Клавдия (41–54 гг. н. э.), который был назван «Божественным». Его родили на третьем месяце после того, как его мать Ливия вышла замуж за Августа. Народ пустил стишок: «Везучие родят на третьем месяце». Он действительно был везучим. Хотя бы уже потому, что его учеба и воспитание шли в библиотеке под руководством знаменитого историка Тита Ливия... Напомню, что Ливий, начиная свою «Историю Рима от основания города», говорил: «В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамление величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы». Трудно лучше и четче сформулировать миссию историка, которая была возложена на него. Клавдий хотел опубликовать историю гражданских войн. Мать и бабушка возражали, видимо, понимая, сколь горяча и небезопасна эта тема. Клавдий был ученый император, что во все времена большая редкость. Во всяком случае, Плиний Старший в «Естественной истории» не только на него ссылается, но ставит его в один ряд со ста наиболее видными учеными мужами. Он — автор работы по истории Рима, истории этрусков и истории Карфагена, а также автобиографии. Увы, ни одна из упомянутых книг до нас так и не дошла.

Ему очень не повезло с матерью и родней... Если абсолютное большинство матерей в полном восторге от своих детей, то его мать бросилась в другую крайность, говоря, что нет никого «глупее моего Клавдия». Таково же было отношение к нему и его бабушки, да и другие относились к нему с едва скрытым презрением. То его называли «поврежденным телом и душой», то «неполноценным», то чуть ли не явным идиотом. В сенате он подавал голос последним, его спрашивали позже всех о том или ином мнении. Его третировали и преследовали, кто только мог. Однако когда убили Калигулу, армия выбрала именно его. Видимо, ей сей человек был ближе, чем чванливая сенатская публика. Клавдий пообещал каждому воину по 15 тысяч сестерциев, первым среди цезарей купив за деньги преданность своих войск.

Гавань, созданная Клавдием в Остии

Личность Клавдия представляет один из многих парадоксов римской истории. Его отличала скромность во всем. Даже став высшим лицом государства, он держался как простой гражданин. Титул императора он отклонил, непомерные почести отверг, помолвку дочери и рождение внука отпраздновал в семейном кругу, тихо и без шума. Выражая почтение к сенату, он испрашивал одобрения своих решений. В судах он говорил: «Я поддерживаю тех, кто говорит правду». Благоустройство и снабжение города было для него предметом особой заботы и внимания. Он создал водопровод, провел воду из свежих источников. Построил и гавань в Остии, украсив ее маяком типа александрийского Фароса. Торговцам он обеспечивал прибыль. Немало добрых дел совершил он и для римского народа. Тем не менее заговоров ему избежать не удалось. Причина этого проста: по своему характеру он был слабым, безвольным человеком. Все его правление, по словам Светония, «по большей части направлялось не им, а волею жен и вольноотпущенников, и он почти всегда и во всем вел себя так, как было им угодно или выгодно». Мы слишком часто видим, как свита становится властью.

Как и многие, он любил сам наблюдать за казнями, что свидетельствует о его жестокости. Был чревоугодником. Страдал от какого-то паралича. Наибольшим параличом стали его жены-распутницы: любя женщин, он стал игрушкой в их руках. Будучи стариком, он в 48 лет женился на девочке, которая вполне могла быть

его внучкой. Мессалине было тогда всего 19–20 лет. Она была внучатой племянницей Августа. Как отмечалось, в Риме ее считали символом распутства. Ее постоянно окружали любовники. Ей доставляли наслаждение всевозможные извращения. По свидетельству Диона Кассия, она заставляла жен отдаваться своим любовникам в императорском дворце на глазах мужей. Для такого рода оргий Нарцисс даже оборудовал целое крыло во дворце. Сам Клавдий туда редко допускался. Эта дама соблазнила множество мужчин. Вскоре обычные встречи перестали ее удовлетворять. Она вызывала профессиональных проституток, с которыми любила состязаться в выносливости. Однажды между ней и одной из опытейших шлюх состоялся поединок, память о котором сохранил Плиний Старший. В этом соревновании победу одержала Мессалина, в течение одного дня и ночи выдержавшая 25 совокуплений. По словам Ювенала, она особенно любила ночью тайком сбежать из виллы в публичный дом, где и отдавалась первому встречному – в жалкой каморке и за деньги, «голая, с грудью в золоте».

Но и этого ей показалось мало, и она вышла замуж за Гая Силия, красивого и богатого аристократа (при живом муже). Они стали думать о том, как половчее свергнуть императора. Несчастный Клавдий в сердцах воскликнул, что все его жены были безнравственны, но не все безнаказанны. В конце концов Мессалину казнили. Но Клавдия отравила грибами или ядом другая жена, Агриппина. 14 лет стоял он у власти. От него пострадали 35 сенаторов и 200–300 всадников. После его смерти к власти пришел сын Агриппины Нерон, обрученный с дочерью Клавдия.

Император Нерон

Смена власти произошла тихо и без особого шума... Народ проглотил и это, хотя у Клавдия был законный наследник. Нерон (37–68 гг. н. э.) взошел на трон с помощью преторианцев. Личность эта явно неоднозначная. Пришел к власти в 17 лет, т. е. ранее, чем кто-либо из его предшественников. Мать была дочерью знаменитого полководца, сестрой одного императора, женой другого и матерью третьего. А кроме того, она была «чудовищем»... По словам Кассия, она стала «управлять за Нерона всеми делами империи». Вначале, следуя мудрым советам Сенеки и Бурра, Нерон проявлял такт, осторожность и благоразумие. Но когда Агриппина вздумала угрожать отобрать у него власть, он уничтожил мать. При этом изобразил на лице всемирную скорбь. Впрочем, он убивал многих – жен, друзей, нещадно грабил богачей, собирал вокруг себя темную и бессовестную тварь. Он и привел к гибели весь дом Юлиев-Клавдиев, что властвовали в Риме почти сто лет. Историки его крепко невзлюбили. Плиний Старший назвал его «истребителем рода человеческого» и «ядом мира». Дион обозвал «учителем тирании». Комментируя это почти единодушное мнение об императоре Нероне античных авторов, Ч. Меривейл писал: «С некоторой поправкой на преувеличенность оттенков, мы должны в главном признать достоверность изображения

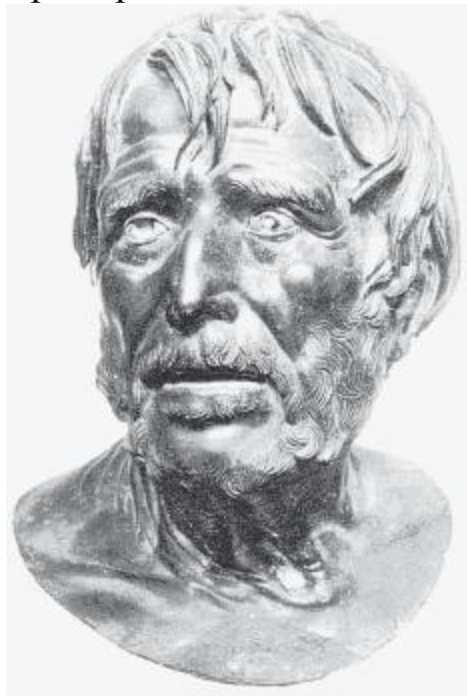
этого архитектора, которое они оставили нам, этого последнего и наиболее отвратительного из рода Цезарей». Многие имели основание его ненавидеть: христиане, несправедливо обвиненные им в поджоге Рима, восставшие против алчности и жестокости прокураторов иудеи, видевшие в нем антихриста отцы церкви и т. д. Обелить его не желал почти никто, кроме Наполеона, который как-то сказал, что Нерона любил народ. Впрочем, тот пытался отменить пошлыны, открыл в Остии порт (построенный еще Клавдием), отстроил уничтоженные пожаром храмы и заново создал в Риме прекрасный продуктовый рынок (Macellum).

Агриппина

Однако замечу, что Нерон не сразу вступил на путь произвола. Возможно, сдерживающее влияние на него оказал Сенека. Мать пригласила его в наставники принцепса. Нерон, став императором, избрал философа-стоика Сенеку в советники (*consilium principis*). В этот период Сенека постепенно становится одним из главных действующих лиц в Риме. Он проводил активную внешнюю и внутреннюю политику. Похоже, он был противником военных авантур, считая Александра Македонского головорезом, вся власть которого зижделась лишь на страхе. Подобно Цицерону он считал: «Война не может быть предпринята с иной целью, кроме обеспечения мира». Мира и границ Империи. Сенека-политик следовал

политическому завещанию Августа – не менять границ Империи и сохранять их. (В России не нашлось ни одного волевого политика, который бы выступил примерно с тех же позиций в 1991 г.)

Сенека

В первые годы своего правления Нерон следовал мирной политике, ибо, пишет Грималь, «делами Империи, по общему мнению, заправлял тогда Сенека». Он яростно критиковал (на словах) тех, кто ради удовлетворения собственных прихотей высасывают соки из целых провинций и не знают чувства меры. Он осуждал римских богачей, высшую знать, что окружает себя армиями рабов, на пропитание которых уходит «плодородие заморских стран». По его словам, Рим превратился в пожирателя провинций. Но слова эти падали в пустоту и должны были, полагаю, скорее служить своего рода посмертной индульгенцией Сенеке и Римской империи. Грималь говорит, что Сенека не был «империалистом». Однако Рим им был – наипервейшим и наинаглейшим империалистом! Как можно охарактеризовать политика, который в теории провозглашает одни принципы, а в жизни укрепляет совсем иные, способствуя победе противоположных начал?! Как явного демагога!

Вскоре убийства людей стали массовыми, в городе не было конца похоронным процессиям. Нерон умертвил мать, запретив ее

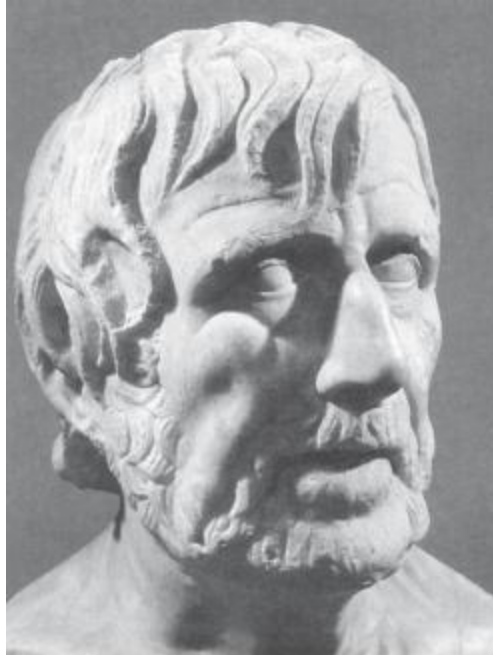
похоронить по-человечески (не было даже могильного холма, место погребения ее осталось неогражденным до его смерти). Возможно, по его приказу подожгли Рим. Распространился слух, что во время пожара Нерон поднялся на дворцовую стену и стал с нее петь о гибели Трои, как бы сравнив постигшее Рим несчастье с бедствиями давних времен. Пытаясь обелить себя, ибо народная молва его не щадила и повсюду говорили, что он «истребил столько славных и ни в чем не повинных мужей исключительно из зависти и страха», Нерон издал специальный указ, приложив к нему собранные в отдельную книгу показания и признания осужденных. Тем самым он положил начало прецеденту фабрикации поддельных приговоров, признаний и самооговоров. Еще при Тиберии был принят закон об оскорблении величия. Ранее закон был направлен против лиц, виновных в государственной измене, и применялся редко. Теперь же он был направлен против всех, кто по той или иной причине дерзнул выступить против особы принцепса. Сей закон преследовал цель вытравить последние ее ростки. Вскоре доноительство и преследования свободы слова и мысли заразили решительно всех и вся. Хотя в Риме еще и сохранялись, по словам Тацита, «следы умирающей свободы»...

В экономическом отношении Рим представлял собой общество неравенства. Среднего класса практически не было. Как и у нас в России, оставались только сверхбогачи или бедняки. Элита же Рима жила на широкую ногу. Сенека был не только премьером, но и спичрайтером Нерона. Он писал для императора речи в духе скромности и стоицизма, говоря: «Блажен не тот... к кому стекается много денег, но тот, чье благо все внутри». На деле он поступал вопреки тому, о чем разглагольствовал. От императора он получал в дар огромные деньги и богатства. Был консулом, жил на широкую ногу, уча стоицизму. Одних столов из драгоценного дерева в его поместьях было 500 штук. Сенека владел большим количеством рабов. Дома у него было полно драгоценных камней, золотых и серебряных вещей. Любопытно, что занятие столь важного политического поста ничуть не помешало ему тайно заниматься спекуляцией и пускать деньги в рост под бешеные проценты в Британии... Точно как иные наши премьеры (которые, правда, не писали столь глубоких умных писем). Закон против ростовщичества он ловко обошел. «Нет никого без пороков» (Гораций). Сенека для отвода глаз одаривал народ

эпиграммами, где ярко и красочно расписывал им все прелести простой жизни («О простой жизни»):

«Дружбы царей избегай», —
поучал ты в речении кратком:
Эта большая беда все же была
не одной.
Дружбы еще избегай, что блистает
чрезмерным величием,
И сторонись от всего,
что восхваляют за блеск!
Так, и могучих владык, прославляемых
громкой молвою,
Знатных домов, что тяжки
происхождением своим,
Ты избегай; безопасный, их чти
издалека, и парус
Свой убери: к берегам пусть тебя
лодка несет.
Пусть на равнине фортуна твоя
пребывает и с равным
Знайся всегда: с высоты грозный
несется обвал!

Портрет Сенеки

Один из противников Сенеки иронично заметил: «Благодаря какой мудрости, каким наставлениям философов Сенека за какие-нибудь четыре года близости к Нерону нажил триста миллионов сестерциев? В Риме он, словно ищейка, выслеживает завещания бездетных граждан, Италию и провинции обирает непомерной ставкой роста». Но собственных граждан ограбить ему показалось мало, и он принялся за британцев. Он одолжил им 40 миллионов сестерциев в надежде получить за это высокий процент, а затем «стал настаивать на срочной выплате долга, прибегнув к насилию» (Дион Кассий). Правда, в своей книге о Сенеке П. Грималь уверял, что Сенека тут вовсе не виноват. Будучи стоиком, он якобы осуждал всевластие денег, не испытывал радости от сообщений о сумме прибыли от его египетских владений, сам предложил вернуть Нерону все свое состояние. Он приводит и его фразу: «Эта вещь, которая держит в плену такое множество начальников и судей, которая и делает их начальниками и судьями, эта вещь — деньги. С той поры как деньги стали предметом культа, истинная ценность вещей пришла в забвение; поочередно становясь то торговцами, то товаром, мы интересуемся не тем, что есть та или иная вещь, а тем, сколько она стоит». Слова верные, но они ничего не доказывают, кроме констатации факта влияния денег на всю общественную и политическую жизнь Рима. Поэтому нет оснований

считать, что то, что ему инкриминировали, «обычная клевета» со стороны недоброжелателей. В бескорыстие Сенеки не верится. Чтобы знатный римлянин, фактически занявший пост премьер-министра, вдруг взял и выложил столь крупную сумму «в интересах политики мирной романизации» Британии?!

Рубенс. Смерть Сенеки. Прадо

А он знал, что император Нерон одно время вообще подумывал о том, а не отказаться ли ему от сей провинции. На это умный, умеющий считать сестерции Сенека никогда бы не решился. Ведь не безумец же он... Это все равно как если бы предположить, что наши олигархи вывозят деньги за рубеж только с одной целью – подарить их тем банкам, странам или правительствам, где они осели; или считать, что известный дефолт в России был устроен так, что премьер не нагрел (вместе с президентом, избравшим его с этой целью) на этом руки; или наивно предполагать, что ворюги в центре, в столице, выделяя деньги на «восстановление Чечни» (при этом сотни миллионов бесследно исчезают), не прикарманивают их. Вот и наши олигархи, оказавшись в тюрьме, вдруг начинают думать о Боге и философии, поэзии и литературе. Может, всем им помочь обрести высокий дух?

Судьба Сенеки трагична, но вполне закономерна. Возможно, вместе с актером Пизоном он готовил-таки заговор против Нерона... Такова и одна из версий политического заговора: «На тайном совещании Субрия Флава с центурионами было принято решение после умерщвления Нерона тотчас устранить Пизона и, если понадобится, убить его. Императором же провозгласить Сенеку, который хорошо показал себя во главе государства в первое пятилетие правления Нерона». Не исключено, что слухи эти имели под собой почву и вынудили императора заставить Сенеку вскрыть вены. К сожалению, мы в последние годы (после смерти И.В. Сталина) отказались от порядков, при котором преступная знать получает по заслугам.

Портрет Нерона

Однако и Нерон уже стал другим. Император все более тяготел к авантюрам. Безобразные оргии Нерона вошли в поговорку. При его правлении разразился грандиозный пожар, спаливший 10 из 14 районов города (64 г. н. э.). Постигли Рим и иные бедствия (буря и мор): «Дома наполнялись бездыханными телами, улицы — погребальными шествиями; ни пола, ни возраста не щадила эта пагуба; смерть с одинаковою стремительностью уносила и рабов, и свободнорожденных из простого народа среди причитаний их жен и детей... Об умерших всадниках и сенаторах, хотя и их было великое

множество, горевали меньше, считая, что, разделив общую участь, они упредили жестокость принцепса». Его обвинили в поджоге Рима, зная отвращение императора к мерзости и хаосу старого города. Нерон, наблюдая за пожаром, якобы декламировал стихи «Крушение Трои». По словам Тацита, воспользовавшись постигшим Рим несчастьем, Нерон выстроил себе дворец, на отделку которого ушло немало золота и драгоценных камней. Иные считали, что императором овладела безумная мания величия, что он хочет основать новый город, который назовет своим именем. О том свидетельствуют Тацит и Светоний, утверждая, что предполагаемое название этого прогнозируемого города – Нерополис.

Христиане в катакомбах

И тут, правда, не обошлось без сплетен и клеветы в адрес императора... С легкой руки все того же Светония, бывшего советником по переписке у императора Адриана, Нерона обвинили в «преступлении»: «Словно ему претили безобразные старые дома и узкие кривые переулки, он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать». Тацит более сдержан. Он говорил о том, что это страшное бедствие (пожар Рима) имело причиной или злой

умысел, или же произошло случайно. Большинство нынешних историков придерживается версии случайности пожара. Так, А. Волков справедливо отмечает, что древний Рим не раз уже основательно выгорал (в 6 г., 27 г., 36 г., 54 г., 64 г. н. э.). В ночь, когда начался пожар, Нерона в городе не было (он находился на своей вилле в Анции). Когда он приехал, пожар приближался к его дворцу – Нерон сразу же принялся спасать людей, постарался предупредить грабежи, эпидемии, голодные бунты, снабжал всех нуждающихся водой и продовольствием. Никакой вызывающе оскорбительной декламации им строк из «Крушения Трои», вероятно, не было и в помине. Никто из современников (ни Иосиф Флавий, ни Марциал) в своих сочинениях в пожаре его не обвинял. И даже Климент Римский, один из первых церковных писателей, живший в конце I в. н. э., не считал вправе бросить ему такой упрек, хотя и видел в нем гонителя христиан. Очевидно, такого рода обвинения были построены на песке. Во-первых, в результате страшного пожара Нерон потерял собственный, только что выстроенный им дворец – «Проходной дворец», где находилась ценнейшая коллекция замечательных произведений греческого искусства. А ведь известно, с каким пиететом он относился ко всему греческому, говоря: «Греки – единственные, кто разбирается в музыке, и единственные, кто достойны моего искусства». Греция станет его лебединой песней... Во-вторых, нет никаких других сведений о преследовании Нероном христиан, кроме часто цитируемого отрывка из «Анналов» Тацита (и то найденного в средневековой рукописи, которую с легкостью можно было подделать или дописать), где утверждалось, что по его приказу христиане, «одетые в звериные шкуры, погибли, растерзанные собаками, другие – были распяты на кресте, третьи – сожжены с наступлением темноты, используя в качестве ночных светильников». Об этих «преследованиях» нет ни у Плутарха, Плиния, Марциала и Диона Кассия (писателей-язычников), ни у Тертуллиана, Оригена, Лактанция, Евсевия Кесарийского, Иеронима, Августина (писателей-христиан). Все это более похоже на злостный навет римских сенаторов и патрициев, готовивших против него заговор (Гай Кальпурний Пизон и К), тех, кто не простил ему отобранных привилегий. Любопытно, что Иосиф Флавий, лично знакомый с императором, отмечал его терпимость в вопросах веры. О людях же, ненавидевших Нерона и по этой причине всячески

хуливших и поносивших его, он высказался кратко, но весьма лаконично: «Они заслуживают нашего пренебрежения». Клевета разит тех, кто на виду.

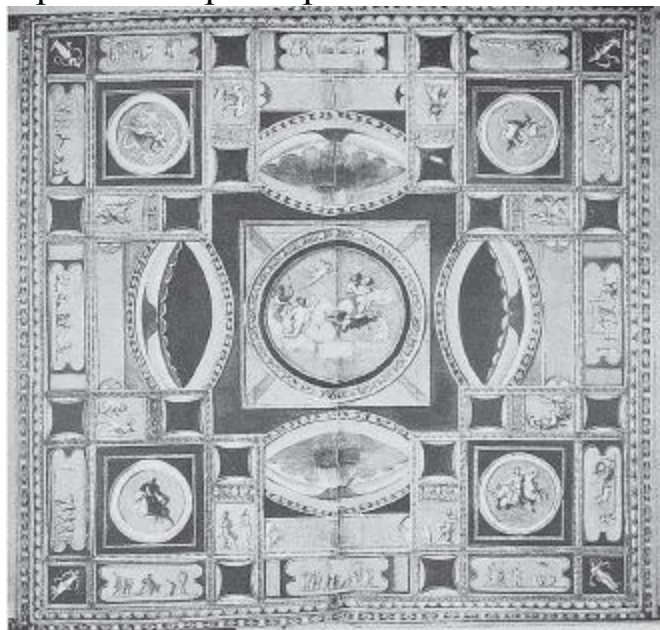
Нерон наблюдает за мучениями христиан

Есть еще одно предположение, объясняющее нападки на христиан во времена Нерона, если таковые имели место. Возможно, его науськивали на несчастных христиан никто иные как евреи. В частности, такой точки зрения придерживаются Тацит, Плиний Младший, Светоний, Ланичани, Э. Гиббон, Э. Ренан... Ланчани в книге «Языческий и христианский Рим» писал, что хотя римляне-язычники не любили ни евреев, ни христиан, они были терпимы в религиозных вопросах. Но роль провокаторов умело сыграли евреи: «Ответственность за преследования, происходившие в первом столетии, должна быть возложена на них, а не на римлян, чья терпимость в религиозных вопросах стала почти правилом на государственном уровне. Первая попытка предпринятая при Клавдии,

не имела успеха: фактически она закончилась запретом пребывания евреев в столице, независимо от того, исповедовали они Ветхий или Новый Завет (в то время Нового Завета не было. – В. М.). Однако это было проходящей тучей. Как только им позволили вернуться, евреи принялись за дело снова, возбуждая чувства масс и клеветая на христиан как на заговорщиков против государства и богов. Это происходило под защитой законов, гарантировавших евреям право исполнять их религиозные обряды. Массы населения, находясь под впечатлением успехов нового учения, завоевывающего все более широкие слои, были готовы поверить этим обвинениям. Что касается государства, то оно оказалось перед необходимостью или признать государство как религию, или же объявить его вину перед законом и вынести приговор. Большой пожар, уничтоживший половину Рима при Нероне, виновниками которого преднамеренно объявили христиан, привел ситуацию к кризису. Начались первые преследования». Никаких улик в их виновности найдено не было и их объявили в ненависти к человечеству. Подобная общая формулировка включает в себя атеизм, анархизм и высшую степень предательства. Похоже, что римляне, не видя очень большой разницы между евреями и христианами, возложили на последних все грехи и особенности первых. Нельзя исключить и того, что евреи, опасаясь за свои семьи и капиталы (а их в Риме в то время было немало), как говорят в таких случаях, намеренно подставили христиан в роли жертвы. Этой позиции придерживается историк Э. Гиббон: «Поэтому мы можем предположить некоторую возможную причину, которая могла направить жестокость Нерона против христиан Рима, чья душевная чистота и невинность должны были защитить их от его негодования или даже от его внимания. Евреи, которые были многочисленны в столице и угнетаемы в собственной стране, были более подходящим объектом для подозрений императора и народа; не представляется невероятным и то, что покоренный народ, который уже испытал на себе ненавистный гнет Рима, мог обратиться к самому зверскому средству, ублажающему их непримиримую жажду реванша. Но у евреев были очень могущественные защитники во дворце и даже в сердце самого тирана: его жена и любовница, красавица Помпея, и любимый актер из племени Авраамова, который уже ранее ходатайствовал за этот оказавшийся в опасном положении народ.

Однако необходимо было предложить какую-то другую жертву, и можно легко предположить, что, хотя настоящие последователи Моисея не были виновны в римском пожаре, среди них могла возникнуть новая и пагубная секта галилеян, которая была способна на самые ужасные преступления». Ренан также считает, что жена-иудейка могла натравить Нерона на христиан, желая тем самым спасти своих единоверцев. Дж. Коннер, который ссылается на эти источники, заключает: «И эти три историка, если бы они дожили до наших дней, могли дополнить вопрос: какой еще народ был способен на подобного рода бесчеловечные преступления, за исключением того, который до сих пор радуется убийству 75 000 мидийцев, тысяч христиан, замученных Нероном до смерти, и миллионов русских, убитых или умерших от голода в наше время? Имея перед собой историю, может ли кто-либо утверждать, что Христос принадлежал к этому народу?» Тем не менее народная молва закрепила в сознании историю с преследованием христиан при Нероне.

Плафон Золотого Дома Нерона

Однако враждебность у римлян вызывали не столько гонения на христиан или восстановление города (за это им следовало скорее благодарить Нерона), сколь его постройка так называемого Золотого Дома. Действительно, Тацит и Дион выражают общее мнение народа, в целом одобрявшего перестройку столицы. Любой, кто заново создает

город-символ, должен тщательно и продуманно планировать застройку. В планах Нерона были здравые мысли: он запретил строить деревянные здания, ограничил высоту строений, проложил широкие улицы, старался уменьшить перенаселенность многоквартирных домов, наконец, он вложил собственные средства в строительство портиков. Тем, кто возвел дома на свой счет, выдавали вознаграждение. Всякий, кто вложил в строительство дома в Риме не менее ста тысяч сестерциев, мог потребовать предоставления ему римского гражданства. Римлян оттолкнуло то, что согласно его плану Золотой Дом должен был занять несколько густонаселенных торговых районов города. Это вызывало критику всех и вся. Марциал скажет, что «один дом занял весь Рим». Ходили слухи, что, желая расчистить поле для строительства этого фантастического дворца, Нерон и отдал приказ поджечь Рим. Император жаловался, что ему неудобно во дворце Калигулы, который называл простой лачужкой. «Полный огромных мечтаний он, неисправимый художественный самодур, – писал А. Амфитеатров в романе «Зверь из бездны», – бредил химерическими дворцами. Он намечтал себе план резиденции, равной дворцам Китая и Ассирии». Что представлял собой Золотой Дом (Domus Aurea), создаваемый по проекту архитекторов Севера и Целера?

Говорят, это было роскошное здание, украшенное внутри и снаружи золотом и драгоценными камнями; его украшала позолота в интерьерах и на фасаде. Золотой Дом полон всяческих чудес: фонтаны, бассейны, сдвигающиеся стены, круглые комнаты, постоянно вращающиеся; создающие дождь из цветов разного рода приспособления; распространяющие аромат машины; специальные разбрызгиватели влаги и т. д. и т. п. Безусловно, дворец представлял собой чудо тогдашней архитектуры и техники. Дом простирался от вершины Веллийского холма через ложбину у Колизея, занимая склоны двух холмов. Золотой Дом, интерьеры которого были обильно украшены позолотой, был больше Ватикана, площадь которого составляет 110 акров (44,55 гектара). Дом Нерона занимал 125 акров (50,63 акра). Сегодня говорят о 200 акрах (более 80 га). Это примерно столько, сколько вилла Адриана в Тиволи. Что вызывало осуждение люда? Ведь Золотой Дом так и остался незавершенным к моменту смерти Нерона. Судить о нем мы можем только по описаниям, ибо он

лежит глубоко под землей. Может, причина недовольства заказ огромного бронзового колосса высотой около 35 метров, который хотели установить перед Золотым Домом? Колосс представлял собой фигуру самого Нерона в лучистой короне – образ солнечного божества.

Плиний, посещавший скульптурную мастерскую скульптора Зенодора, автора сей композиции, писал о фигуре императора: «В его мастерской мы удивлялись необычайному сходству предварительного наброска из глины» (сходство с Нероном). Колосс, выполненный из бронзы, золота и серебра, пережил Нерона (он один из всех других портретов императора не был впоследствии разрушен). Этим не замедлили воспользоваться его противники, пустив в народе слух, что в образе Золотого Дома, а также упомянутого колосса отразилась монархическая концепция принципата. Говорят, что после того как строительство почти было завершено, Нерон воскликнул: «Наконец-то я смогу жить по-человечески!» У императоров и богачей, разумеется, свои критерии «жизни по-человечески». Но тогда почему же Нерон был все-таки популярен у части народа? Частичный ответ можно найти в словах римского поэта Марциала, сказавшего о нем так:

Есть ли кто-нибудь хуже Нерона?
И есть ли что-нибудь лучше его терм?

Некоторое представление о личности Нерона могут дать страницы известного романа польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши»... В одной из сцен Нерон, окруженный августианами, делился с ними своими грандиозными планами: «Да, поездку надо было отложить. Египет и владычество над Востоком, по предсказаниям, от меня не уйдут, стало быть, и Ахайя будет моею. Я прикажу перекопать коринфский перешеек, а в Египте сооружу такие памятники, что пирамиды покажутся детскими игрушками. Прикажу изваять Сфинкса всемеро большего, чем тот, что вблизи Мемфиса глядит на пустыню, и лицо ему прикажу сделать мое. Потомство веками будет говорить лишь об этом памятнике да обо мне...» – «Ты уже воздвиг себе памятник своими стихами, не в семь раз, а в трижды семь раз более великий, нежели Хеопсова пирамида», – сказал

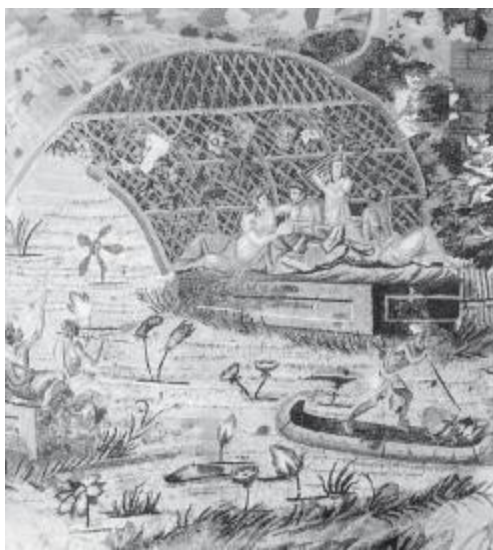
Петроний. «А пением?» – спросил Нерон. «О, если бы соорудить тебе такую статую, как статуя Мемнона, которая бы пела твоим голосом при восходе солнца! Тогда на омывающих Египет морях в грядущих веках теснились бы корабли, на которых толпы людей из всех трех частей света внимали бы твоей песне». – «Увы, кто сумеет это сделать!» – сказал Нерон. «Но ты можешь приказать, чтобы изваяли из базальта тебя, правящего квадригой». – «Верно! И я прикажу». – «Ты сделаешь подарок человечеству». – «В Египте я еще обручусь с Луною – она ведь вдова – и буду воистину богом». – «А нам дашь в жены звезды, и мы создадим новое созвездие, которое будет называться созвездием Нерона».

К. П. Брюллов. Праздник сбора винограда

Тут явно прослеживается страстное желание Нерона стать Богом. Немудрено, что христиане видели в нем гонителя, а порой и антихриста. В то же время чем-то он все же был притягателен толпе Рима. С детства он увлекался рисованием, сочинением стихов и чеканкой по металлу, весьма неплохо пел. И хотя римляне ранее относились к театру и актерам с презрением, вынуждены были слушать его пение и игру на кифаре. Он так любил театр, что порой

был готов променять тогу цезаря на маску гистриона. На бенефис Нерона все должны были идти под страхом смерти. Впрочем, его триумфы в Неаполе, Анциуме, Альбано, где ему вручат олимпийскую и пифийскую короны, говорят о том, что выступления Нерона нравились. Это было похоже на безумие. Петроний в письме к Виницию в романе Сенкевича «Камо грядеши» выразил особенность нероновской эпохи.

Нильский пейзаж

«Что до меня, я заметил одну странность: среди безумных сам становишься безумным и, более того, начинаешь находить в безумии некую прелесть. Греция и путешествие с тысячью кифар, триумфальная процессия Вакха среди увенчанных миртом, виноградными лозами и жимолостью нимф и вакханок, колесницы с запряженными в них тиграми, цветы, тирсы, венки, возгласы «эвоэ!», музыка, поэзия и рукоплещущая Эллада – все это прекрасно, но мы лелеем еще более дерзкие планы. Нам хотелось бы создать некую сказочную восточную империю, царство пальм, солнца и поэзии, где действительность превратится в дивный сон, а жизнь будет сплошным наслаждением. Нам хотелось бы забыть о Риме и перенести центр вселенной в края между Грецией, Азией и Египтом, жить жизнью не людей, но богов, не ведать серых будней, плавать в водах Архипелага на золотых галерах под сенью пурпурных парусов, быть Аполлоном, Осирисом, Ваалом в одном лице, купаться в алых лучах зари, в золотых лучах солнца, в серебряных лучах луны, повелевать, петь,

грезить... И веришь ли, я, у которого еще сохранилось ума на сестерций и трезвости на асс, даю (Нерону) себя увлечь, ибо, хотя они несбыточны, в них, по крайней мере, есть величие и необычность. Подобная сказочная империя была бы все же чем-то, что когда-нибудь, через многие века, показалось бы людям чудесным сновиденьем... Но Меднобородому (Нерону) не осуществить своих замыслов уж потому, что в этом сказочном царстве поэзии и восточной неги не должно быть места предательству, подлости и смерти, а в нем под личиной поэта прячется бездарный комедиант, тупой возница и пошлый тиран». Надо было бы думать не о создании некой фантастической империи – о сохранении старой.

Пiazza Навона. Египетский обелиск

Но тот же Плиний честно отмечал, что при Нероне был предпринят ряд шагов, способствовавших упрочению славы Рима и величию римского народа. Правда, ему так и не удалось воплотить в жизнь свое желание, выраженное им во время одной попойки: «Я прикажу перенести пирамиды в Рим». Но все же некоторая заслуга перед географией у него была. Так, он потребовал узнать, откуда течет Нил: «Нил! Почему еще никто не знает, откуда он течет? Ученые

плетут бог весть что, никто не знает точно!» По его приказу трирема покинула Остийскую гавань и взяла курс на Александрию. Через два года его центурионы вернулись, доложив об итогах экспедиции. Раквитц характеризует научную славу Нерона: «Странно, конечно, видеть, что единственным меценатом географии в Риме оказался душевнобольной император-самодур. Но и его трудно заподозрить в притязаниях на научные заслуги, римляне вообще мало что сделали для познания мира. Они ограничивались лишь тем, что изучали завоеванные ими страны для собственной выгоды. Их географические поиски ограничивались только пределами империи. Лишь болезненная страсть Нерона к славе заставила его отдать приказ об исследовании Нила». Да и чего не бывает спьяну. У нас вот один император надумал недавно обеспечить всю Россию энергией из камня, а другой превратил электроэнергию в золотую жилу, которая течет в его собственный карман.

Исполнители комедийных ролей

Понятно, что столь одиозная власть не могла длиться вечно. Тем более перед Римом всегда стояла опасность восстания непокорных племен. Восстала Галлия во главе с Виндексом. Что должен в минуту опасности предпринять сильный и решительный правитель? Он должен действовать. Нерон восемь дней хранил молчание и не дал ни одного нужного распоряжения. Когда до Нерона дошли оскорбительные послания, где его называли «скоморохом», он наконец решил вернуться в Рим, но занялся больше чтением стихов,

декламацией, посещением театра и т. д. Люди уже стали насмешливо говорить, что цезарь разбудил своим пением петухов (символ галла). Когда восстание перекинулось в Испанию, он вроде бы решился встать во главе войск и двинуться в Галлию. Как он думал победить неприятеля? С друзьями он поделился заветной мыслью: как только галлы будут у него на виду, он отбросит в сторону оружие и примется плакать горькими слезами. Все мятежники тут же раскаются. Нерон споем им веселую победную песенку. Подготовка к экспедиции и шла в соответствующем духе.

Нерон велел готовить повозки для музыкальных инструментов, сценического оборудования и наложниц с артистами. А в это время истощались запасы хлеба в городе. По городу ползли слухи и толки. Вспомнили, что Нерон избрал темой изображенной им сцены царя Эдипа, изгнанного из отечества. Запахло грозой. Он мог обратиться к армии, но его сковал страх. Слабый человек был брошен сенатом, армией и народом. Когда актер становится главой великой державы, есть опасность того, что он не только свою жизнь, но и жизнь страны превратит в драму, трагедию или комедию. Это и было с Нероном, что рожден для театра. Правда, американцы не боятся делать из актеров президентов, но ведь и сама история Америки – это театр абсурда, который когда-то должен завершиться.

Где нет свободного волеизъявления народа, нет смены власти установленным законом порядком, там смену власти осуществляют заговорщики. Ведь власть не может находиться в одних и тех же руках, если только это не божество. Но люди несовершенны, а человек имеет особенность: он хочет ее узурпировать и сохранять «вечно». Как скажет впоследствии лорд Эктон, «абсолютная власть развращает абсолютно». Конец Нерона закономерен. Его покинули даже друзья.

Чтобы понять причину возможного отчуждения Нерона, представим себя на месте тогдашних римлян... Как к нему могли относиться искренние друзья Рима, истинные патриоты, видевшие, что император на каждом шагу хвалит и восхищается Грецией и всем греческим?! Нерон давно уже презирал Рим и римлян, фактически став «другом греческой старины и отступником от старины римской». Каково было истинному римлянину наблюдать за тем, как император предпочитает его родине чужую страну?! Ведь Нерон почти что полтора года прожил в Греции, как нынче живут в какой-нибудь

Англии, Америке или Израиле иные из наших олигархов, покинувшие Россию! И хотя император умел говорить с толпой, умел с ней общаться и даже ее ублажать, вы хорошо знаете, что никто так ненадежен в своих пристрастиях и чувствах, как слепая толпа. Пусть сегодня она тебя неистово и с воодушевлением превозносит, завтра при смене ветра истории столь же яростно готова проклинать и поносить. Вдобавок, покинув Рим, Нерон оставил управление империей на двух вольноотпущенников – Гелия и Поликлита... Это было равносильно тому, как если бы русский царь, помазанник Божий, вдруг взял, да и передал бразды правления огромной империей в руки Распутина или нового Березовского! К концу его жизни Нерон «стал больше греком, чем римлянином», он «говорил по-гречески, декламировал наизусть Гомера, окружил себя греческими советниками, соорудил в Риме гимнасий в греческом стиле». Все это было еще терпимо, если бы не мысль о том, что за поездкой в Грецию и за ее освобождением может последовать и перенос центра всей метрополии из Рима в Ахейю – то есть в Грецию. А это уж, согласитесь, в любом смысле, при любом раскладе должно было восприниматься римлянами как прямая измена римскому делу!

В. С. Смирнов. Смерть Нерона

Плиний Старший, карьера которого прервалась при Нероне, считал его, как и Калигулу, врагом и бичом человечества. Это было тяжелое время, когда в Риме порабощенность сделала опасным всякий род занятий, который предполагал так или иначе наличие свободомыслия и прямоты. Заговор зрел среди военных. Его поддержал и сенат, объявив Нерону, что тот вне закона и будет сурово наказан по

обычаю предков (осужденного раздевали догола, зажимали голову колодкой, забивали до смерти палками). Нерон был первым императором, которого армия лишила власти при жизни. К власти пришел Гальба. Нерон жаловался, что у него не осталось не только друга, но и недруга, и сетовал: «Вот она, верность». У него не было даже мужества покончить с собой. Говорят, перед смертью он воскликнул: «Какой артист погибает!» Фигляр в нем оказался сильнее цезаря.

Монумент в честь Нерона в Майнце

Почему-то, уже умирая, он более всего опасался, чтобы его голова никому не досталась, хотя, на наш взгляд, голова-то его как раз ничего и не стоила (науки он забыл, от философии его отклонила мать, уверяя, что для правителя она одна лишь помеха, древних риторов он не любил, следуя совету Сенеки). Было ему всего 32 года. Погребение обошлось в двести тысяч. Урна в его усыпальнице на Садовом холме (со стороны Марсова поля) была сделана из красного мрамора, алтарь над ней – из этрусского, ограда вокруг – из фаросского... Ликование в народе было таково, что чернь бегала по всему городу во фригийских колпаках. Однако были и такие, которые, помня о тех зрелищах, что он устраивал плебсу, долго еще украшали его гробницу весенними и

летними цветами и выставляли на роstralных трибунах его статуи и эдикты, словно надеясь вернуть его себе.

Кельтский ритуальный сосуд

Тацит так писал о тех временах... Наступали смутные и подлые времена, когда правду «стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди стали считать для себя посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам». Рим все более погружался в полосу неопределенности. Даже в мирную пору множились несчастья, смуты и распри. Времена дикие и неистовые. Гальба открыл полосу этих бед, когда на Италию обрушились такие беды, «каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен». Три гражданские войны, четыре принцепса погибают насильственной смертью. Цветущее побережье Кампании затапливается морем, погребаются под лавой и пеплом Помпея и Геркуланум в результате извержения Везувия. Рим опустошают страшные пожары. Горит Капитолий, гибнут древние храмы. Поруганию подвергаются старые обряды. Оскверняются брачные узы. Земля запятнана убийством. Страшная и лютая жестокость пронизывает Рим.

Легионер и центурион в Риме в I в. н.э.

После Нерона пришла черед так называемых «солдатских императоров»... К власти последовательно, почти с кинематографической быстротой, приходят три императора, которых назначают легионеры римских армий. Первым был в 68–69 гг. н. э. Гальба (Сервий Сульпиций). Он происходил из знатной семьи и пользовался авторитетом у императоров Августа, Тиберия, Гая и Клавдия. Все эти годы, находясь на службе, он выполнял должности консула, проконсула, наместника и главнокомандующего в Аквитании, Нижней Германии, Африке и Испании. Он столь успешно справлялся со своими обязанностями в Африке, что Нерон поручил ему наместничество в Испании. Везде он проявлял строгость и известную справедливость, насколько можно таковую ожидать от правителя и военного руководителя. Вел он спартанский образ жизни, нередко был жесток. В 68 году против Нерона восстал Виндекс, бывший наместником в Центральной Галлии. Он и предложил трон императора Гальбе. Тот все колебался. Командир когорты его личной охраны Тит Виний (Тацит называл его отвратительнейшим среди смертных) заявил: «Какие еще тут совещания, Гальба! Ведь, размышляя, сохранить ли нам верность Нерону, мы уже ему неверны! А если Нерон нам отныне враг,

нельзя упускать дружбу Виндекса». Однако лучшие легионы Рима в Германии во главе с Вергинием Руфом разбили галльских мятежников, при этом Виндекс, потеряв 20 тысяч убитыми, покончил с собой. Однако интриги при дворе продолжались, в результате чего Гальбу провозгласили императором преторианцы. Тут уместно вспомнить выражение: «Свита делает императора».

Однако Гальба был уж стар (73 года), за его спиной действовал второй префект – Нимфидий Сабин, человек низкого происхождения и еще более низких нравов. Он предполагал, что жизнь Гальбы будет недолгой, рассчитывая перехватить у него в скором будущем всю власть и стать императором. Он пообещал солдатам огромные деньги. «Росту славы и могущества Нимфидия способствовал и сенат, который дал ему звание «благодетеля», собирался ежедневно у дверей его дома и предоставил право предлагать и утверждать всякое сенатское решение, и это завело его еще дальше по пути дерзости и своеволия, так что очень скоро он сделался не только ненавистен, но и страшен даже для тех, кто перед ним пресмыкался» (Плутарх). Путь императора в Рим сопровождался убийствами. Гальба избавлялся от соперников (наместника в Африке – Макра), иных из них убивали из угодничества или по тайному распоряжению (наместник в Германии – Фонтей Капитон). На пути к Риму кортеж императора окружили матросы, которых еще Нерон свел в отдельный легион и объявил солдатами. Они стали требовать от Гальбы подтверждения их статуса, иные даже обнажили мечи. Но против них бросили конницу и, усмирив легион, казнили каждого десятого (это наказание было предусмотрено с древности). Теперь старикашка Гальба всем внушал страх и трепет. Попытки Нимфидия подбить преторианцев на новый бунт закончились тем, что воины убили его. Труп вытащат на открытое место и, поставив вокруг ограду, предоставят желающим право любоваться зрелищем.

К разочарованию тех, кто возвел его на трон, воцарение Гальбы не принесло им ожидаемых бенефиций и наград. И тут сказались некоторые личные качества правителя. Он оказался не очень-то умелым управителем. «По общему мнению, – скажет Тацит, – у него были задатки правителя. Но правителем он так и не стал». Кроме того, Гальба был откровенно прижимист и скуп. Возможно, эта политика и могла считаться разумной после эпохи безудержных трат Нерона, но

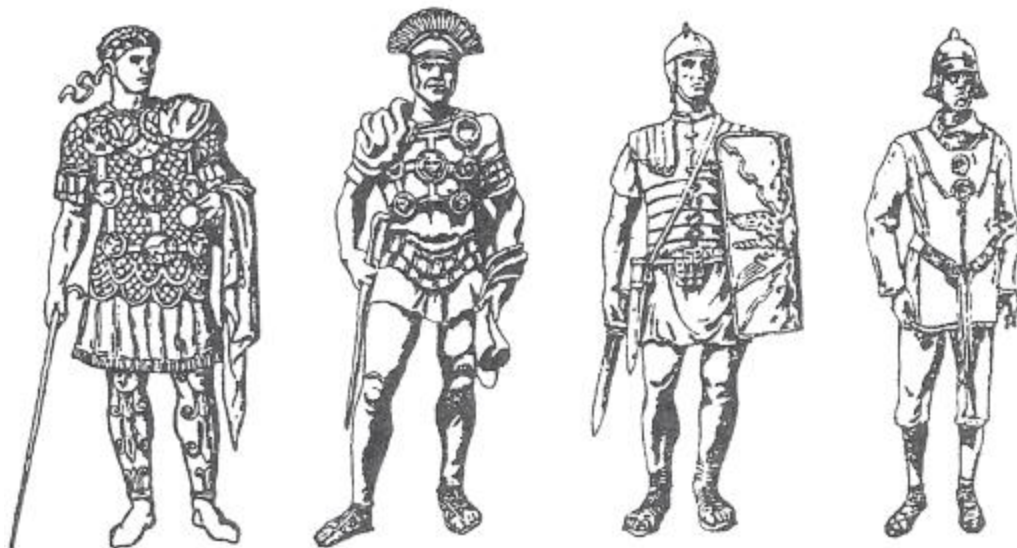
римское войско и плебс привыкли к щедрым дарам и наградам. Гальба, сменив офицеров преторианской стражи своими протеже, отказался выплатить им те премии, что были обещаны от его имени. А ведь они и привели его к власти. Он набирал солдат, не платя им денег. При этом даже хвастливо заявлял: «Я солдат набираю, а не покупаю». В итоге вспыхнули беспорядки среди преторианцев.

Легионер и легат из провинции

Он учредил комиссию по возвращению подарков, некогда выданных Нероном (на сумму около пятисот миллионов денариев), «милостиво» позволив оставить десятую часть от подаренного императором. Это объясняет то, почему о Нероне многие из тех, кому тот благодетельствовал, будут вспоминать с теплотой и с умилением. В Гальбе соединились жестокость, алчность и скупость... Говорили, что он разрушил стены ряда городов Испании и Галлии, медливших примкнуть к нему, наместников и чиновников казнил с женами и детьми и обложил города тяжелыми поборами. Его алчность была столь велика, что когда в Тарраконе ему поднесли золотой венок в пятнадцать фунтов весом из храма Юпитера, он отдал его в переплавку, взыскав с граждан три унции золота, которых не достало в

древнем и ценнейшем украшении. Светоний отмечает, что хотя некоторые из его поступков и обнаруживали в нем отличного правителя, но «его не столько ценили за эти качества, сколько ненавидели за противоположные». Можно даже сказать, что лучше бы он не становился императором, ибо любили и уважали его больше, когда он принимал власть, чем когда стоял у власти. В любимчиках у него ходили люди, отличавшиеся исключительной алчностью и подлостью. Алчность и подлость – опоры власти!

Римские воины (центурион, преторианец, легионеры)

В их числе были испанский легат Тит Виний, тупой и спесивый начальник преторианцев Корнелий Лакон, подлый и наглый вольноотпущенник Икел, ставший домогаться всаднического звания. Гальба давно уж пристрастился к мужской любви и для своей похоти выбирал молодых и крепких мужчин. Икел как раз и был таким наложником. Негодяям с их пороками, пишет Светоний, он доверял и позволял помыкать собою так, что «сам на себя не был похож – то слишком мелочен и скуп, то слишком распушен и расточителен для правителя, избранного народом и уже не молодого». Другьям и вольноотпущенникам он позволял за взятку или по прихоти делать все что угодно – облагать налогом и освобождать от налога, казнить невинных и миловать виновных. Однако при этом он запретил казнить и самых ненавистных народу ставленников Нерона – Галота, Тигеллина. Все сказанное и многое другое приблизит его неотвратимый конец, который уже предвещали и знамения (римляне к

ним относились очень серьезно). Вспыхнул мятеж Отона. Когда Гальба увидел всадников, посланных с целью покончить с ним, напрасно он взывал о помощи: никто из окружающих его воинов не помог, а вызванные на помощь войска не послушались приказа.

Его убили его же преторианцы, бросив тело у Курциева озера. Оно там лежало долго, пока один из солдат, на пути домой, не натолкнулся на тело. «...Наконец какой-то рядовой солдат, возвращаясь с выдачи пайка, сбросил с плеч мешок и отрубил ему голову. Так как ухватить ее за волосы было нельзя, он сунул ее за пазуху, а потом поддел пальцем за челюсть и так преподнес Отону; а тот отдал ее своим обозникам и поварам. И те, потешаясь, таскали ее на пике по лагерю с криками: «Красавчик Гальба, наслаждайся своей молодостью!» Поводом к этой дерзкой шутке был распространившийся незадолго до этого слух, будто кто-то похвалил его вид, еще цветущий и бодрый, а он ответил: «Крепка у меня еще сила!»» Вольноотпущенник Патробия Нерониана купил у них голову Гальбы за сто золотых и бросил там, где по приказу Гальбы некогда был казнен его любимый патрон.

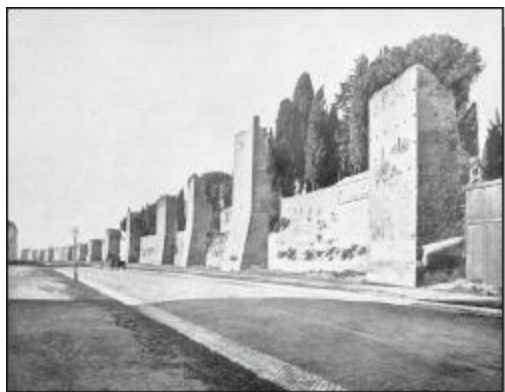
Наступала новая эра, о которой Гальба сказал: «Если бы огромное государство могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути...» Единственно, что можно отнести к заслугам Гальбы, так это его попытку ввести принцип наследования не по семейной принадлежности (преданности семье), но по способностям и личным качествам претендента на высшую власть в стране. Гальба резонно заметил: «Разум не играет никакой роли в том, что человек родился сыном принцепса, но если государь сам избирает себе преемника, он должен действовать разумно, должен обнаружить и независимость суждения, и готовность прислушиваться к мнению других» (Тацит). Однако то были благие пожелания и пустые слова. Мы видим, как власть фактически вырвалась из рук законодательного собрания (сената) и перешла в руки военных командиров, временщиков и честолюбивых соискателей верховного поста. Так, когда сенат утвердил Пизона в качестве наследника Гальбы, Отон спокойно убил Пизона. И сенат тут же принес ему клятву на верность. Об этих «солдатских императорах» сохранились самые разные мнения.

Среди них Гальба считался самым алчным, Отон – стремившимся к «цивилизованному» решению споров (в свое короткое царствование он даже выпустил монету с надписью – *Pax Orbis Terrarum*), Вителлий – самым сдержанным, Веспасиан – самым трудолюбивым. Однако пример того же Отона показал, сколь условны и конъюнктурны были оценки современников.

Таким образом, Рим все более становился игрушкой в руках той силы, которая принесла ему успех и торжество во время схваток с соперниками. Армия, даже став источником силы и славы, в определенных обстоятельствах может стать и ахиллесовой пятой державы и правительства, если она станет всесильной, а ее командиры перестают опасаться верховной власти, ибо сами стали таковой...

«Золотой век» – Веспасиан, Траян, Адриан, Аврелий

При всех тех ужасах и преступлениях, о которых выше шла речь, империи не был чужд и некий плебейский демократизм... Вот, скажем, фигура императора Веспасиана (9—79 гг. н. э.), о котором Тацит говорил, что он – единственный император, которого власть изменила в лучшую, а не в худшую сторону (кстати, он – первый император из несенаторского сословия). Он обладал массой тех достоинств, которые крайне редко встретишь среди руководителей государства. Жил в бедности, хотя и был консулом. Веспасиан отстроил массу городов после землетрясений и пожаров. Он умел выделять и поддерживать достойных людей, установил добрые отношения как с сенаторами, так и с провинциальными лидерами. Веспасиан навел порядок в армии, укрепил дисциплину, проявив при этом особую заботу о безопасности римских границ. Если союзник был предан, он честно помогал ему. Грузинскому царю Митридату он построил (или помог восстановить) крепость у Мцхеты, древней столицы Иберии (Грузии). Он же покровительствовал Испании, Галлии, Африке, хотя и в ущерб Греции и Иудее.

Римский легионер

Первую он лишил самостоятельности, вторую полностью покорил, подавив вспыхнувшее там восстание (66 г.). Любопытно, как он повел себя в отношении противника. Римские войска рвались в бой – взять Иерусалим. Однако мудрый Веспасиан, зная о вражде в стане врагов, заметил: «Если... вы сейчас нагрянете в город, то этим самым вызовете примирение в среде врагов и обратите против нас их еще не надломленную силу; если же вы еще подождете, то число врагов уменьшится, так как их будет пожирать внутренняя война. Лучший полководец, чем я, это Бог, который без напряжения сил с нашей стороны хочет отдать иудеев в руки римлян и подарить нашему войску победу, не связанную с опасностью. В то время как враги губят себя своими собственными руками и терзаются самым страшным злом – междоусобной войной, – нам лучше всего оставаться спокойными зрителями этих ужасов, а не навязывать битвы с людьми, ищущими смерти, беснующимися так неистово друг против друга. Если же кто скажет, что блеск победы без борьбы чересчур бледен, то пусть знает, что достигнуть цели в тишине полезнее, чем испытать изменчивое счастье оружия. Ибо столько же славы, сколько боевые подвиги, приносят самообладание и обдуманность, когда последними

достигаются результаты первых». Сей мудрый совет Веспасиана сохраняет и ныне свою значимость.

Повторяю, это был смелый и опытный воин (лично участвовал в 30 сражениях в Британии, за что и был назначен консулом). Однако он столь же умно шел к власти, ожидая, пока один за другим соперники схватывались друг с другом и уничтожали друг друга. Всё решила армия, вставшая на его сторону. Но вот сохранить власть должен был уже он сам, его ум и энергия. Император остался столь же скромным и простым в обхождении, как и раньше. Его можно было видеть везде (так, приступив к восстановлению Капитолия, он первый своими руками стал расчищать обломки, вынося их на своей спине). Он был прост в обращении, доступен, снисходителен, не стремился к блеску и не стеснялся своего бывшего низкого состояния. Он говорил простонародным языком и даже гордился тем, что он – правитель-плебей. В питье был умерен. В личной жизни был скромен, хотя и был человеком крепкого телосложения. Любил пошутить и сострить. Но главное: он принес империи мир, о котором мечтало все общество, истерзанное междоусобицами. Великолепный храм Мира, построенный им, был назван одним из чудес света. В его правление появилась фраза о грандиозном величии римского мира. Он был гарантом стабильности следующего столетия.

Алтарь Мира. В центре – Земля (Италия)

После гражданских войн приходилось восстанавливать государство, как ныне приходится восстанавливать Россию после власти ничтожеств. Веспасиан смог найти деньги для восстановления государства, заявив, что для этой цели нужно 40 миллиардов сестерциев. Он нещадно выжимал деньги из богачей как только мог (продавал должности, давал нажиться, а затем забирал их судом). Однако деньги шли не на личные забавы, как в правление Нерона, а в казну империи. В центре Рима он выстроил огромный форум и храм богини Мира (он гордился более всего тем, что даровал государству мир), а по краям храма – здания библиотек. Ради блага государства он обложил налогами даже уборные. Когда налог принес первую прибыль, Веспасиан, этот «цепкий финансист», сунул в нос сыну монету и спросил, не пахнет ли она. Отсюда пошло выражение «Деньги не пахнут». При нем не только построили Колизей, но и уровень жизни народа в провинции возрос вдвое.

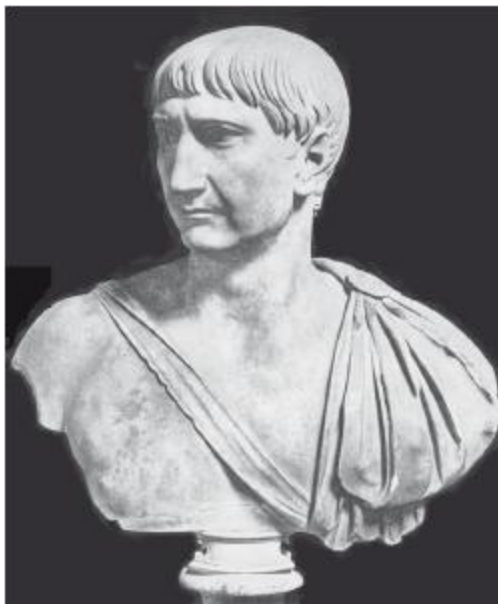
Он прислушивался ко всякому слову правды, всячески поддерживал ученых и деятелей культуры, заслужив славу умного, справедливого человека. Он основал и первую в классической

древности систему образования, санкционировав подготовку преподавателей латинской и греческой литературы и риторики за счет государства. Они стали получать пенсию после 20 лет службы. Император выдавал пособия и премии тогдашней интеллигенции, проявив величайшую заботу о талантах и искусствах (первый стал выплачивать риторам жалованье из казны по сто тысяч в год). Общество созрело для понимания необходимости платить педагогу, ученому и деятелю культуры за его нелегкий труд (даже рабовладельцы это понимали два тысячелетия тому назад). В дальнейшем особо прославились поддержкой Афинского университета Адриан (117–128 гг. н. э.) и Антонин (138–180 гг. н. э.). Сам же Афинский университет постепенно превращался в культурный центр Римской империи, каковым и оставался до эпохи Юстиниана, когда и был закрыт (529 г. н. э.). Но к тому времени идея высшей школы утрачивает на время свое значение, что, как нам представляется, для общества – тревожный знак, означающий начало периода заката и упадка. А чтобы добыть деньги, Веспасиан прижал высшие классы и собственников, облагая податями их состояния (дабы «обеспечить государство средствами для общественных работ, а пролетариев заработком»). Когда же некий изобретатель показал ему чертеж подъемной машины, сокращавшей трудовые затраты, он воспользоваться ею отказался, сказав: «Я должен кормить моих бедняков». В лице Веспасиана мы имеем тот тип народного политика, который ныне так остро необходим и новой России.

По словам Светония, «ни разу не оказалось, что казнен невинный – разве что в его отсутствие, без его ведома или даже против его воли». Будучи болен, принял смерть стоя, сказав друзьям: «Император должен умирать стоя»... Были в Риме и другие сильные руководители. Среди них назовем имена императоров Траяна (из простых легионеров), Александра Севера, Адриана, Марка Аврелия. Первый из них добился того, что при нем страх внушали не доносчики, а законы (сенат наградил его титулом «наилучший император»), второй на свои деньги закупал хлеб для народа и считал, что «на государственные должности нужно ставить тех, кто избегает их, а не тех, кто их домогается». Марка Аврелия считают последним великим императором. Об иных из римских правителей стоило бы сказать подробнее.

Марк Ульпий Траян (53—117 гг. н. э.) был родом из Испании (город Италика). Он принадлежал к древнему, но малоизвестному роду. Отец его выдвинулся как полководец еще при императорах Веспасиане и Тите. Карьеру Траян начинал простым легионером. Всю жизнь он воевал (Дакия, Германия, Аравия, Парфия, Иудея). С даками он воевал дважды. Прекрасный воин, он обладал огромной силой и был невероятно вынослив. Отмечают его склонность к упражнениям и физическим нагрузкам (ловля диких зверей, походы в горы и лесные дебри, плавание в беспокойном море, гребля, прекрасное владение оружием и т. д.).

В походах всегда шел впереди войск... Траян первым перешел Дунай, победив грозного царя даков Децебала. Дакия стала провинцией Рима. Затем он захватил Nabateyское царство, сделал римской провинцией Армению, нанес ощутимые поражения парфянам, взял столицу Ктесифон и дошел до Персидского залива, завоевал Месопотамию. Там он стал строить флот. Никогда еще Рим не был так могуч, как при принцепсе Траяне. Это был пик имперской славы. Границы Рима расширились необычайно. Простота обхождения привлекала к Траяну всех – от солдат и сенаторов до интеллектуалов. Став императором, он тем не менее ходил по Риму пешком, хотя другие принцепсы восседали в паланкине. В итоге те, «как бы боясь равенства, теряли способность пользоваться своими ногами».

Император Траян

Показателен «Панегерик», который посвятил ему писатель Плиний Младший. В благодарственной речи, произнесенной в сенате (100 г. н. э.) по поводу назначения его консулом на два месяца, Плиний не только выполнил так сказать долг приличия, но и, по сути, показал, за что любили и почитали Траяна многие римляне. Конечно, читая этот документ, нельзя не учитывать, что Плиний был в дружественных отношениях с Нервой и Траяном. Но переделанная затем в текст его речь дает довольно объективную оценку Траяна большей частью римского населения. Следует помнить, что Траян являл собой рядом с предыдущим императором Домицианом поразительный контраст. При том Рим жил в страхе, расплодились сонмы доносчиков, тайных и явных. И вот наступила оттепель.

Сравнивая правление Траяна с деспотической властью императора Домициана, оставившего у современников крайне мрачные воспоминания, Плиний пишет: «Великое посрамление легло на наше время, глубокая была нанесена рана нашему государству». Траян пришел к власти мирным путем, что было редким явлением для Рима. Он повел себя с людьми доброжелательно, «как отец с детьми»: считался с народом, сенаторами, был своим человеком и для воинов. Все его признавали, ибо император совсем не кичился властью, но всех считал «равными и себя таким же равным всем другим». Интересно взглянуть и на то, что выделяет Плиний среди заслуг правителя как его главные достижения... Для великого принцепса, коему суждено бессмертие, «нет другой, более достойной статьи расхода, как расход на подрастающее поколение». Дело в том, что если богатые люди имели массу возможностей для того, чтобы предоставить их детям хорошее образование и воспитание, то бедняки, у которых денег практически не бывает, могли рассчитывать только на поддержку государства и его главы.

Битва с даками. Рельеф с колонны Траяна

«Если он не поддерживает, не охраняет и не снабжает щедрой рукой детей, рожденных в надежде на него, то лишь ускоряет гибель своей власти, гибель государства; напрасно тогда будет он, пренебрегши народом, оберегать знатных, точно голову, оторванную от туловища, обреченную на гибель от неустойчивости своего положения». При Траяне политика поддержки молодежи приняла устойчивый характер. Император, «обеспечив их содержание», создал условия и для воспроизводства населения (что крайне важно, скажем, для нашей России, испытывающей демографический спад). Надо и нашему «Траяну» идти таким путем, чтобы при его управлении было легко и «хотелось бы принимать на себя воспитание детей». Другой немалой заслугой императора стала забота о сельском хозяйстве. Плиний сравнивает его заслуги с заслугами Помпея, что «сблизил при помощи торговых связей отдаленные друг от друга племена». В этом же направлении трудился и Траян. Он способствовал увеличению хлебных запасов государства, не подавлял людей новыми налогами. «Отсюда богатство, дешевизна, позволяющая легко сговориться продавцу с покупателем, отсюда всеобщее довольство и незнакомство с нуждой». Траян старался поддержать регионы: в итоге все провинции доверяли и подчинялись Риму. Чрезвычайно важным успехом стал триумф законности при Траяне. Ранее суды и властные лица творили все, что хотели. Произвол процветал «и в храмах и на форуме». Алчность принцепсов не знала меры. При предшествующих правителях число донощиков стремительно росло. Любое достояние

находилось под угрозой. По словам Плиния, Траян «выкорчевал это внутреннее зло и предусмотрительной строгостью обеспечил, чтобы государство, построенное на законности, не оказалось совращенным с пути законов». Вместе с тем это отнюдь не была позорная политика потакания преступникам, какую видим при иных режимах (полностью или частично коррумпированных). Он отомстил грабителям страны и народа. Всех их арестовали, связали веревкой. Затем их поместили на корабли и отдали на волю волн. Пусть бегут от земли, «опустошенной через их доносы» и воровство. Народ, когда этих преступников вели с веревкой на шее, узнал их и испытал огромное наслаждение и удовлетворение, видя, что отмщен за кровь казненных, за все те тревоги и «тягчайшие муки», что были им пережиты...

Форум Траяна в Риме. Реконструкция

Траян решился сделать то, что до него никто в Риме не делал: создал трибунал и «для правителей». Теперь могли быть посажены, говоря современным языком, и судьи, и прокуроры, и чины милиции, и премьеры, ибо «никому не прощается его вина, за каждую полагается возмездие». Страх стали внушать не доноски, а законы! Суд смог дотянуться и до высших чиновников. При таком правлении «часто

проигравшим оказывается фиск (чиновники, судьи, полиция. – *В. М.*), а ведь это возможно только при наилучшем принцепсе!» У граждан был выбор – выбирать или отстранять того или другого судью. Судьи отныне уже не были несменяемыми и неподсудными (как у нас в России). Самое последнее, на что обратил внимание Плиний в его панегирике императору Траяну, так это на его отношение к ученым и учителям. Уже тогда у мудрейших представителей Рима выработалось понимание значимости этих ключевых фигур общественного прогресса. Плиний пишет: «С каким достоинством ты говоришь с учителями, с каким авторитетом мудрости обращаешься с учеными! Насколько занятия снова приобрели при тебе и живой дух, и кровь, и отечество! А в прежнее время бесчеловечная жестокость преследовала все это изгнанием, когда принцепс, сознавая в себе все пороки, изгонял искусства, враждебные ему, не столько из ненависти к ним, сколько из уважения (правильнее было бы сказать, из страха перед ними. – *В. М.*). Ты же все искусства охраняешь, держишь в своих объятиях, воспринимаешь глазами и ушами. Ты обеспечиваешь всё, чему они учат, и в такой же мере их уважаешь, как и они тебя одобряют. Разве каждый, кто бы ни отдался научным занятиям, не получают вместе со всеми прочими благами как одну из первых наград легкий доступ к тебе самому?» Траян поднял роль наук.

Базилика Ульпия Траяна

Возможно, показательным моментом в его отношении к высшему разуму стало приближение к себе Диона Хрисостома (ок. 40—120 гг. н. э.), греческого оратора и философа из Прусы (Вифиния). Известно, что тот происходил из зажиточного дома Вифинии. Будучи при Домициане выслан из Италии, он вынужден был вести жизнь бродячего философа кинико-стоического толка. Его речи (а до нас дошло 78 его речей), обращенные как к народу, так и к правителям, посвящены вопросам социального и этического характера. После воцарения Антонинов – Нервы и Траяна – к нему вернулось высокое социальное положение. Он занял в окружении Траяна подобающее столь умному человеку место. Надо сказать, что тот всегда уделял особе внимание положению городского населения, вопросам обеспечения его работой, проблемам социальной справедливости и достойной жизни, а также вопросам управления страной. Особый интерес представляют его речи о власти («Речи о царской власти»). В лице государя Диона Хрисостом (Златоуст) видит как бы высшего бога. Идеальным ему представляется такое государство, в котором все главные вопросы решают правители, а дело народа – им повиноваться. В «Басиликах» монархия представлена как справедливая и разумная форма государственного устройства. Опираясь частично на Платона, Дион требует, чтобы все люди поверили в монарха, в богов, загробный суд, в то, что на небесах всех нас ждут воздаяния за дела и грехи наши. В монархическом государстве отношение к высшей власти самое благожелательное, правопорядок крепок и нерушим, а граждане все без исключения благоденствуют. В качестве примера идеальных отношений внутри высшей бюрократии Дион дает диалог между Александром и Диогеном. Его надо воспринимать реалистично и трезво.

В этой дискуссии философ-киник преподает уроки политической мудрости завоевателю и повелителю мира. Дион называет Диогена «государственным мужем» и «царственным мужем». Несмотря на явную идеализацию образа царя, монарха, властителя рода человеческого (*princeps generis humani*), нам понятно что Дион стремится к политической и социальной стабильности. Если монарх ведет разумную политику, если он справедлив и честен, если прислушивается к словам и советам умнейших и достойнейших

людей, то такой человек, монарх или президент, в самом деле большая находка и удача для великого государства.

Император Нерва

Тут мы встречаем у Диона интересную рекомендацию, которая, к сожалению, редко находит понимание в практике поведения цезарей. Сильные мира сего, вознесясь на самый верх власти, считают для себя кто ниже достоинства, кто не очень удобным, а кто ненужным и даже вредным ходить за советами к мудрецу и ученому. Причин для такого пренебрежительного отношения к достойнейшим людям у власти немало. Говорить об этом не будем. Замечу лишь, что чем выше ум государя, чем разнообразнее его таланты, чем благороднее и значительнее он сам как личность, тем больший интерес вызывают гениальные, яркие, сильные люди. И напротив, чем ничтожнее, подлее, мельче, примитивнее, глупее тот или иной цезарь, тем более гнусную, продажную, мерзкую и тупую публику вокруг себя собирает и доверяет ей управление страной. Нам для сравнения вовсе нет необходимости заглядывать в глубь римской или греческой истории.

Оба таких претендента здравствуют, находятся у нас перед глазами – в нынешней России.

Поэтому в этом пункте программы государственного строительства я вполне согласен со Златоустом: «Отрадно видеть, когда верховная власть относится с почтением к представителям умственного начала. Одного желания властвовать и приносить пользу народу мало, нужно *знание*. Цари и властители всегда хорошо это понимали и старались иметь при себе советников, от которых они получали наставления, что им делать в том или другом случае. У Агамемнона таким советником был Нестор, у персидских царей – маги, у египетских царей – жрецы, у кельтов – друиды». Мысль Диона заключается в том, что при любом правителе-практике обязательно должен находиться философ-теоретик. Хотя в его позиции видим немало и иллюзорных надежд: смешно надеяться, что царь станет исполнителем предначертаний философа, историка, ученого; по крайней мере, в реальной истории такое случается крайне редко... Однако талантливые государи умели с максимальной пользой для нужд страны использовать знания.

Милость Траяна

Такой талант был у Траяна. Полагаю, во многом способность слушать великие умы и сделала из него великого императора... Известно, что легенды о «веке Траяна» будут вспоминать с теплотой и воодушевлением не только в Риме, но и в других странах (в том числе в России; даже в «Слове Игоровом»). Конечно же, имели значение физические и душевные достоинства, которыми он блистал в отрочестве. В Риме важно было превосходно владеть оружием, конем и речью. Однако все это, как и врожденное обаяние и тонкая обходительность, – не главное. Гораздо важнее сочетание иных ценных качеств: трезвый глубокий ум, благородство, мужество, простота, сердечность, теплота, доброжелательность. Светоний писал о Тите, что тот однажды за обедом, вспомнив, что за целый день никому не сделал ничего хорошего, воскликнул: «Друзья мои, я потерял день!»

Форум Траяна

Так вот Траян не терял ни одного дня, чтобы или укреплять власть Рима, или украшать и благоустраивать державу. Он очень много строил. Вероятно, это при нем были сооружены два превосходных моста в Испании – акведук в Сеговии и мост в Алькатаре. Самым же величественным памятником эпохи Траяна стал его Форум, сооруженный по проекту выдающегося архитектора, сирийца

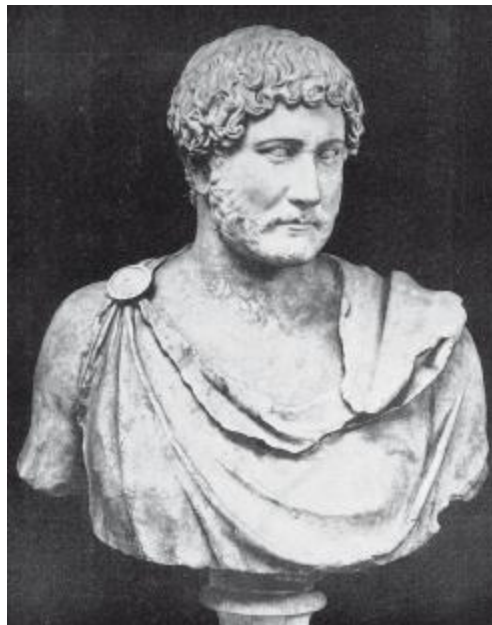
Аполлодора Дамасского. Форум прославлял военные подвиги императора. Туда попадали через триумфальную арку. В центре двора, выложенного красивыми мозаиками из драгоценных пород мрамора, стояла позолоченная конная статуя императора. В 113 г. была сооружена в его честь колонна, верхушку которой украшал золотой орел, позднее замененный шестиметровой статуей Траяна. Она стала как бы символом, знаковым образом «мировой оси» Римской империи. В ее цоколе стояла золотая урна с его прахом, надгробием и летописью эпохи. По ней вился свиток с рассказом о двух походах в Дакию. Траян фигурирует на ней 90 раз. Колонна изображает и историю в виде задумчивой пишущей женщины.

Колонна Траяна

Публий Элий Адриан (76—138 гг. н. э.) родился в Риме. Отец Публия был из рода Элиев (двоюродный брат Траяна). Известен верностью республиканским традициям. Отец занимал важный пост члена муниципалитета Италики, города в Испании. Состояние семьи считалось весьма скромным. Хотя отец одно время являлся римским наместником в Африке, а наместники всегда держали в руках политику и экономику. Как видите, не все высшие чиновники Рима – мздоимцы. Иные (меньшая часть) были честными и неподкупными. К их числу, видимо, и принадлежал отец Адриана. Мальчику было 9 лет, когда

умер его отец. Юноша, поступив в школу, завершил обучение ранее обычных сроков – в 16 лет. Затем уехал в Афины, где занимался под руководством известного софиста Изея. Он был человеком безусловно талантливым, отличался любознательностью и имел исключительную память. Запоминал имена, если слышал их хотя бы раз. Учился он с огромным удовольствием. Говорят, он цитировал на память редкие книги, когда-то бегло прочитанные и большинству абсолютно неизвестные.

Портрет Адриана

«Всю государственную отчетность он знал так, как ни один отец семейства, как бы старателен он ни был, не знает своих домашних расходов» (Элий Спартиан). Он был умен, образован, смел, прост, красив не только внешне, но и внутренне. Поистине в нем сочетались все качества, которые греки вкладывали в понятие «калокагатии», то есть всестороннего и гармоничного развития. В школе все называли его «маленьким греком»... «Адриан в совершенстве усвоил научные занятия, образ жизни, язык и все образование афинян, – отмечал его биограф. – Он был певец и музыкант, врач, математик, живописец, скульптор по металлу и мрамору, почти второй Поликтеп и Эвфранор. Он обладал способностями ко всем видам искусств. Столь изящную и блестящую натуру нелегко найти между людьми. Его память была невероятно обширна». При необходимости он мог прочесть любой

стих, на шутку отреагировать шуткой или быстро парировать остроту. Ведь еще в молодости он познакомился с крупнейшими писателями того времени (Тацит, Плутарх, Квинтилиан, Ювенал). Аврелий Виктор писал о нем: «Он отлично знал греческую литературу, и многие называли его Греком. Он воспринял от афинян их наклонности и нравы и не только овладел их языком, но и приобщился к их излюбленным занятиям: пению, танцам, медицине, был музыкантом, геометром, художником, ваятелем из меди и мрамора наравне с Поликлетом и Евфранором. К тому же он был и остроумен, так что редко можно было видеть среди людей столь образованного и изящного человека». Влюбленный в Афины, он одно время, в молодые годы, отдает дань тогдашним увлечениям «золотой молодежи» (кутежи, долги, дебош, женщины). Вскоре он поменял судейское кресло на службу в армии. Здоровая и требующая немалой выносливости атмосфера военного лагеря пошла ему на пользу. К тому же в Риме во все времена путь наверх обычно пролегал через армейский стан. Адриан помнил имена ветеранов спустя много лет и после ухода их в отставку.

Веласкес. Марс. Бог войны. Прадо

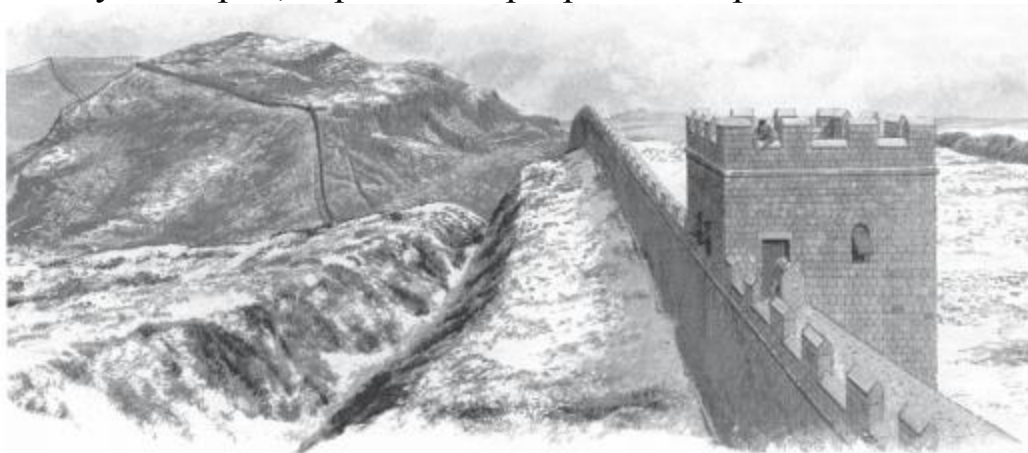

Рельефная стела

В битвах с воинственными даками Адриан проявил чудеса храбрости. К тому же его отличало прекрасное знание стратегии и тактики. Его заметил император Траян и поручил ему командование прославленным легионом Минервы. После победоносного штурма столицы даков Траян тут же в бастионе взятой крепости надел ему на палец бриллиантовый перстень Нервы. Дороже этого бриллианта стала слава доблестного и удачливого полководца. В него поверили воины. В конце концов они-то и сделали его императором. Красивый, высокий и сильный полководец нравился не только воинам, но и женщинам. В Риме две эти силы решали многое. Вернувшись на поприще государственной службы в должность куратора и хранителя законодательных актов сената, он сумел и там преуспеть. Сената он не завоевал, а вот внимание умной и образованной жены императора Траяна, Плотины, привлек, причем привлек именно своей образованностью и культурой, чего порой не хватало вояке-императору Траяну. Жена советует ему сделать Адриана своим референтом и советником. Он пишет речи императора и зачитывает их в сенате при отсутствии в городе «хозяина». Прекрасная школа на пути к управлению государством. Вскоре Адриан, женившись на внучатой племяннице императора, становится членом его семьи. В это время он увидел, сколь ядовиты семена зависти и недоброжелательства, сопровождающие всякое возвышение. Поэтому он с радостью оставляет Рим, когда Траян назначает его наместником Паннонии и поручает изгнать сарматов из Дакии. В битвах против орд сарматов умный полководец увидел грозные очертания будущих вторжений варваров в пределы Римской империи. Он видел ненависть даков, которые во всем поддерживали варваров (и чем могли, вредили Риму). В ответ пришлось применять тактику выжженной земли, конфискации и тотального уничтожения. Вероятно, тогда в мозгу возникла мысль об ошибочности стратегии покорения Римом все новых и новых народов. Но в окружении Траяна было две партии – войны и мира. Сам император был сторонником первой линии, его поддерживал генеральный штаб и военные советники. Партия мира (или точнее перемирия) была представлена Адрианом и Сурой. Выиграла партия войны против Парфии. Адриана в 113 г. сослали наместником в

Сирию, являвшуюся тогда тылом. В то время Сирия представляла собой цветущий край, торговый перекресток мира.

Римский вал в Британии времен Адриана

Став императором, Адриан окружил себя умными учеными и литераторами – историк Светоний стал его секретарем, философ Эпиктет – его другом. В Риме он учредил институт Атенеум, где устраивали состязания поэты, выступали и читали лекции риторы и философы. Заведение было грандиозным. И сенат Рима даже иногда назначал там свои заседания. Римские сенаторы хотели стать умнее и понимали, сколь важен дух наук. Если бы наши российские парламентарии и сенаторы чаще прислушивались бы к ученым, то наверняка бы и их посещали мудрость и музы. Адриан даже заставил чиновников учиться, что было делом неслыханным... Дошедшие до нас в отрывках сочинения Адриана (греческая и латинская поэзия) свидетельствуют об изящном стиле и большом остроумии. Когда поэт Флор попытался уязвить его стихами: «Я не хочу быть цезарем, бродить по Британиям и страдать от скифских морозов», император парировал его слова таким стихом: «Я не хочу быть Флором, не хочу бродить по кабакам, укрываться в плохих трактирах и страдать от мух». В другое время и в другой стране поэта, так ответившего цезарю, «укрыли» бы так, что он навсегда забыл бы о кабаках и трактирах... Никто так не покровительствовал искусству, как он. Реставрация памятников культуры выходит в деятельности Адриана на первый план. В окрестностях Рима, в Тибуре (современный Тиволи) он выстроил себе величественную виллу, где воспроизвел все стили, воссоздал уголки разных стран (своего рода древний «Диснейленд»), и

даже выстроил там «подземное царство». Он был храбр, разумен, щедр. Говорят, что он убивал льва на охоте. В Галлии на него бросился раб, он уклонился от удара. Преступника схватили, но он сказал, что тот, видимо, болен, и распорядился отдать его не палачам, а врачу.

Легионер эпохи поздней республики

Мраморный портрет императора Адриана

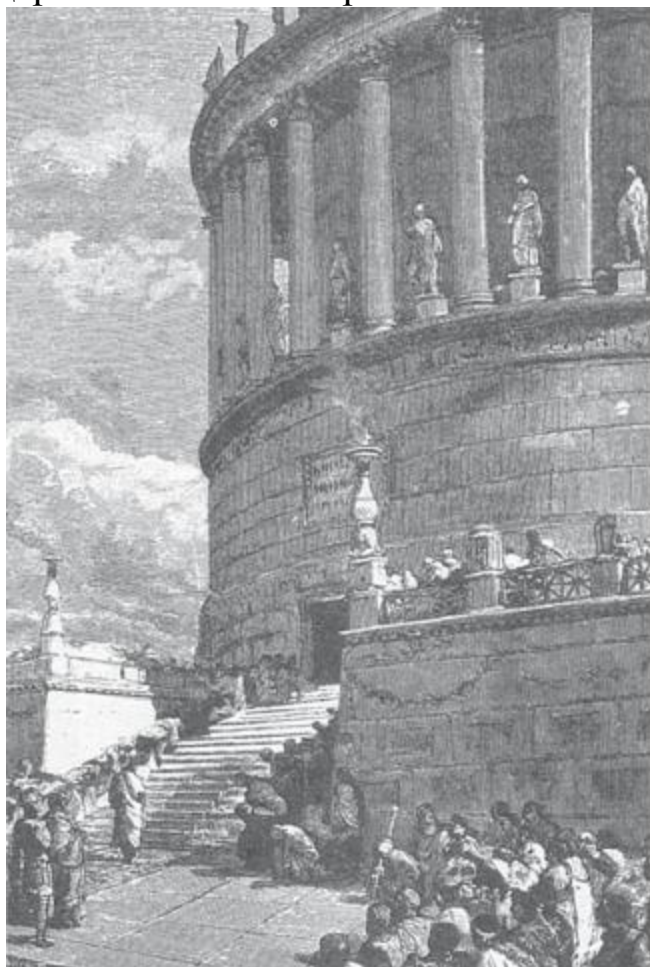
Адриан проявлял щедрость и благородство в политике, в том числе и в отношении простого люда. Он как мог заботился о плебсе, сжег на форуме долговые расписки, запретил забирать в личную казну имущество осужденных, отменил долги граждан императорской казне в 900 миллионов сестерциев. Для Афин его время станет «золотым веком». Он выстроил в Афинах гигантский храм Зевса Олимпийского, запретил вывозить из Греции культурные богатства. Возможно, поступки великого римлянина проистекали из его личных качеств: он ценил и уважал человека, терпеть не мог пышности и блестящих свит, был справедлив и прост. Неутомимый путешественник, он ходил на львов в Ливии, поднимался на Этну, совершил путешествие по Нилу, чтобы услышать звуки гигантских колоссов Мемнона, вел частые беседы с учеными и философами. Он без усталости строил везде и всюду, за что и получил среди римлян самое почетное прозвище – «строитель мира».

Император Адриан

Адриан был мудрым политиком и потому, что предпочел покончить с войной, смирившись с тем, что Парфия и Армения вновь обрели независимость. Война против Парфии не принесла славы Риму. Войска несли там большие потери, истощались резервы, доставка продовольствия становилась все затруднительнее и обременительнее. Адриан все чаще погружался в невеселые думы. На кой черт нужен Риму далекий и совершенно непонятный Восток? Стоит помнить, что именно там сломал себе шею Александр Македонский. Или кому нужны эти евреи, упорно цепляющиеся за их веру и святыни? Пусть себе спокойно живут в своей Иудее. Может, Риму лучше уйти из Дакии, Армении, из Малой Азии и Ближнего Востока?! Ведь их народы не приемлют оккупантов. Может быть, лучше отгородиться от воинственных бриттов и шотландцев валом? Пусть основой новой внешней политики страны станет вооруженный мир, как его и понимал «божественный Август». Ведь увел же он войска из Германии, смог договориться с парфянами. Надо расширить число граждан самой Италии. Их число уменьшается (это очень тревожно). Необходимо

сделать привлекательной мысль о том, что иные люди могут стать гражданами Рима. Но брать лучших, самых трудолюбивых, умных, толковых, порядочных, квалифицированных. Они жалуются, что мы их грабим. Что ж, порой это так. Ну так пусть поживут сами – на их гроши! Мощным стимулом единения могут стать дороги, торговля, язык. Эти мысли будущий император стал воплощать в жизнь в той или иной мере после смерти Траяна. Военную партию отодвинул, поставил перед ней задачу создать в Азии мощный заслон («военных баз и крепостей») против агрессоров. Не кажется ли вам, что и российское государство могло бы перенять его опыт?

Открытие мавзолея Адриана

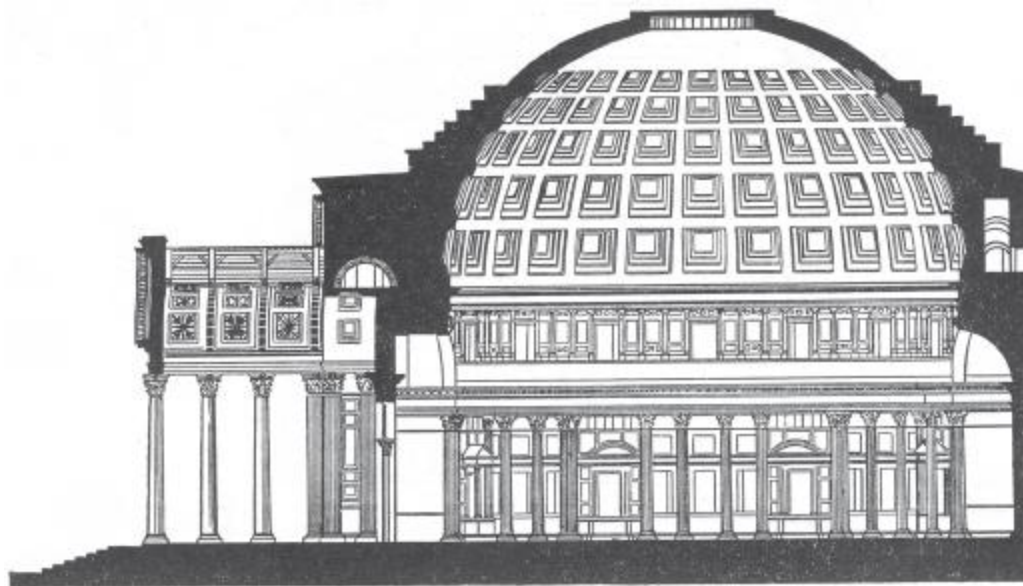
Адриан бесспорно был одним из величайших императоров. Более того, его можно назвать мудрецом во власти. Французский историк античной культуры Пьер Адо писал: «Мудрость рассматривается во всей античности как способ бытия, как состояние человека,

существующего совершенно иначе, нежели остальные люди, и являющего собой своего рода сверхчеловека». Однако в любые времена (и тем более в сфере политики) таких людей мало. К их числу можно отнести и императора Адриана... Говорить мудрые и верные вещи – это одно, а претворить идеи в жизнь в большой стране – совсем иное. Адриан мудр потому, что основу успехов своей политики видел и искал не за рубежом (что делали и делают российские цезари последних двух десятилетий), а у себя дома, в своей стране, в разумной внутренней социальной политике... В частности, он «запретил хозяевам убивать раба; их могли приговорить к смерти, если они ее заслуживали, только судьи». Он же запретил продавать своднику или ланисте раба или служанку, и уничтожил эргастулы. Адриан даже отправил на пять лет в изгнание одну римскую матрону за жестокое обращение с ее рабами. Раб при нем мог обратиться к префекту города, если хозяин был безжалостен, проявлял жестокость, морил раба голодом или понуждал к развратным действиям. С него начинает меняться в несколько лучшую сторону жизнь рабов в империи. Хотя говорить о какой-то кардинальной перемене в положении рабов не приходится. Но все же по рескрипту императора Антонина Пия власти могли заставить жестокого хозяина продать рабов. Все больше образованных рабовладельцев стали прислушиваться и присматриваться к гневным строкам Ювенала, словам Сенеки о высокой душе, что может быть и у раба, к опыту Плиния Младшего.

Кое-что изменилось при нем и в общественных нравах. Ранее Рим все время жил в обстановке страха. Императоры считали, что без него нельзя управлять порочным чиновно-олигархическим государством. Ничего другого чиновник не понимает и понимать не хочет. Однако у страха есть и своя гибельная логика. Возможно, он сдерживает преступников (это так), но он же сдерживает творцов, сковывая созидательные и активные силы общества. Всего труднее завоевать на свою сторону разные слои общества. Адриану это почти удалось. Не упуская из виду ничего, что могло доставить ему расположение (народа), – писал историк Спартиан, живший в III в. н. э. и оставивший нам его краткое жизнеописание, – он простил частным должникам императорского казначейства как в Риме, так и в Италии неисчислимы суммы, которые за ними числились, а в провинциях

также огромные суммы оставшихся недоимок, а чтобы еще больше укрепить общее спокойствие, он велел сжечь на форуме божественного Траяна все долговые расписки. Имущество осужденных он запретил забирать в свою частную казну, зачисляя все суммы в государственное казначейство. Мальчикам и девочкам, которым еще Траян назначил питание, он сделал щедрые надбавки. Состояние сенаторов, которые разорились не по своей вине, он пополнил до размеров, полагающихся сенаторам, в соответствии с количеством их детей, причем очень многим он без задержки выдавал средства с таким расчетом, чтобы их хватило до конца их жизни. Не только его друзьям, но и большому количеству людей из числа тех, кто проявил себя на ниве служения Римской империи, его щедрость открывала путь к исполнению почетных должностей. Поддерживал он и некоторых бедных женщин, лишившихся кормильцев, выдавая им деньги на прожитие. Он устроил гладиаторские бои, продолжавшиеся непрерывно в течение шести дней, и в день своего рождения выпустил тысячу диких зверей. На каменной плите из форума Траяна имеется надпись в честь деяний Адриана, где сказано: сенат и римский народ выражают признательность Адриану. О нем у римлян сохранилась добрая память.

Пантеон. Разрез

Рим. Пантеон. Внешний и внутренний вид

Хотя вряд ли сенаторы так уж нуждались в этих дополнительных средствах, как и римляне — в гладиаторских боях. Но то, что он облегчил благодеяниями и щедротами положение городов в Кампании, то, что был внимателен к людям, посещал не только пиры и приглашал

на увеселения, но и лично наведывался в больницы, в этом видится глубокая человечность, гуманность и порядочность. Особо надо отметить его политику в отношении рабов (просто невиданную для Рима). «Адриан запретил господам убивать рабов и предписал, чтобы судьи (а не господа) выносили обвинительные приговоры, если рабы того заслужили. Он запретил продавать без объяснения причин раба или рабыню своднику или содержателю гладиаторской школы. Он упразднил рабочие тюрьмы для рабов и свободных людей. Согласно его предписанию, если господин был убит у себя в доме, следствие производилось не обо всех рабах (как ранее), а только о тех, что, находясь поблизости, могли что-либо услышать». Проявлял щедрость он и в отношении деятелей искусств и культуры. При нем Афины пережили золотой век. Так как Грецию Адриан любил больше иных мест и поклонялся ее гениям, он отстроил новую часть Афин. В Афинах построил храм Зевса Олимпийского, начатый в давние времена (так и не законченный), воздвиг триумфальную арку.

При нем город Рим строился как никогда. На месте сгоревшего при пожаре в 125 г. Пантеона по сути построили новое здание. Новое здание представляло собой ротонду, увенчанную грандиозным куполом. Собранием шедевров стала и знаменитая вилла Адриана. В вилле в Тибуре (Тиволи) по его указанию воспроизвели различные архитектурные стили и воссоздали уголки различных стран. Им были построены: по образцу Афин – Академия, Пританейон (дом, где хранились государственная печать и ключ от казны), Пестрый Портик; город Каноп в Египте был представлен длинным каналом с храмом Сераписа, так же была представлена Фессалия – искусственной долиной Темпы. Говорят, чтобы ничего не пропустить, он приказал сделать на вилле подземное царство (Inferi). Им были созданы две библиотеки, два театра, украшенные множеством статуй и другими произведениями искусства. В последние годы жизни он стал возводить грандиозный мавзолей, представлявший собой окруженный колоннадой цилиндр, увенчанный статуей Адриана на квадриге. Император спроектировал и построил храм Венеры и Ромы (121–135). В храме нашли отражение греческие и римские вкусы. Омрачает эту постройку один эпизод. По словам Диона Кассия, император послал план храма Аполлодору Дамасскому на отзыв. Тот совершил непростительную глупость, заметил, что статуи слишком велики по

отношению к нишам: «Если богиня захочет встать, то не сможет этого сделать». Нет ничего опаснее, чем делать замечание властителю империи и тирану, который мнит себя великим художником или писателем. За смелое суждение беднягу казнили.

При всем при том Рим он не любил, бывал там редко, проводя в провинциях больше времени. Адриан посетил острова Эгейского моря, Британию, Галлию, Германию, Испанию, Африку, Малую Азию, добрался даже до берегов Евфрата. Всюду его сопровождали художники, инженеры, землемеры и архитекторы (он и сам порой выступал в качестве архитектора). К заслугам Адриана можно отнести и то, что благодаря его увлечению греками до наших времен дошло немалое число копий с греческих оригиналов. И хотя те во многом и уступали греческим подлинникам, но все же хотя бы дают представление о творениях великих мастеров. В противном случае они вообще могли исчезнуть. Правление Адриана, писал Зелин-ский, стало новой эрой расцвета культуры и искусства. Разрушаемая варварами вилла в новое время стала подлинной сокровищницей музейных произведений. Там было обнаружено в земле около трехсот статуй, а внушительные руины виллы до сих пор привлекают сюда путешественников... Добавим, что при нем были достигнуты немалые успехи в области кодификации гражданского права (благодаря усилиям известного юриста Сальвия Юлиана). В правление Адриана расцвет императорского Рима «достиг своей вершины».

Вилла Адриана. Канопа

Завершал «золотой век» Римской империи великий римский стоик – Марк Аврелий (121–180 гг. н. э.). Его семья – испанского происхождения. Император делал все от него зависящее для восстановления морального, культурного, правового оздоровления империи. Если некто захотел бы выбрать пример для подражания, вероятно, им скорее всего мог бы стать Марк Аврелий. Императором он стал в 161 г. То было время, когда Римская империя достигла наибольших размеров, но сопротивление германцев, парфян усиливалось. Пришлось послать войска на Восток для обуздания Армении (166 г.), затем направить в Придунайские земли, где начиналось великое переселение народов. В это время германцы перешли в наступление, к ним присоединились и многочисленные славянские племена.

Перед этим человеческим потоком, казалось, будет бессильна римская армия. «Для меня, как Антонина, град и отечество – Рим, как человека – мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня». Он и прожил, служа двум этим градам. Поэтому едва ли не вся жизнь Марка Аврелия прошла в боях и походах, хотя он не любил ни того, ни другого. Он писал: «Паук гордится, когда поймает муху, а тот – зайца, тот – сардинку, тот – кабанов, а тот – сарматов. С точки зрения принципа, все – разбойники». Аврелий сумел очистить эти земли от варваров, применяя тактику противопоставления одних варваров другим, сохранив границы империи в крепости и нерушимости. Более всего на свете он любил находиться в обществе ученых и философов, а вечера коротал наедине с любимой книгой «Беседы Эпиктета». Император-философ был последователем Эпиктета (50—140 гг. н. э.), следуя завету поздней Стои: «Нельзя заботиться зараз и о душе своей, и о мир-ских благах. Хочешь мирских благ – откажись от души; хочешь уберечь душу – отрекись от мирских благ. Иначе ты будешь постоянно раздваиваться и не получишь ни того ни другого». Эпиктет, будучи фригийским рабом, сознавал, сколь сурова жизнь. Его девиз: «Терпи и воздерживайся». Жил он скромно. Единственным имуществом, оставшимся от него после смерти, была дешевая глиняная лампа. Но свет от его философии был ярок и доходил до многих. Эпиктет любил повторять: «Я могу, умирая, стать духом своим

выше смерти, показать и себе и людям, что смерть не имеет надо мною никакой власти. Я могу, если придется, умереть за правду и этим содействовать тому, чтобы она укрепилась в людях». Во многом этой философии и следовал Марк Аврелий. Вероятно, в годы военных походов начал император вести интимный дневник, который затем воплотился в известнейший труд – «Наедине с собой».

Конная статуя Марка Аврелия

Об этой книге Э. Ренан напишет... Божественной, душевной чистотой дышит каждая страница. Никто не писал проще для самого себя, с единственной целью излить душу, без какого-либо свидетеля, кроме Бога. Ни тени системы. В сущности, Марк Аврелий не держится никакой философии, хотя почти всему обязан стоицизму, переработанному римским разумом. Он не принадлежит ни к какой школе. Книга Марка Аврелия не имеет никакой догматической основы и потому вечно будет свежа. В ней могут найти поучение все, начиная от атеиста или воображающего себя таковым до человека всего более преданного особым верованиям культа. И заключает: «Это самая чисто человеческая книга из всех существующих... Итак, Марк Аврелий не

есть свободно мыслящий; едва ли он даже философ в специальном смысле слова». Его философия – это воззрения воина и мудреца, главы могучей империи, вступавшей в закат «золотого века».

Марк Аврелий

Высшим благом для себя он считал жизнь согласно природе. Как и Эпиктет, был уверен, что истинная сущность людей заключена в духовности. Благодаря ей мы подобны Божеству. Марк Аврелий – один из наиболее просвещенных и умных людей своего времени. По его словам, сердечностью и незлобивостью он был обязан деду Веру, родителям – скромностью и мужественностью, матери – благочестием, мудростью, воздержанием и простым образом жизни, далеким от роскошества. Он не посещал публичных школ, имея счастливую возможность пользоваться услугами прекрасных учителей на дому; знал Гомера, Гесиода, Софокла, Еврипида, Аристофана. У знаменитых ораторов учился риторике. В жизни привык, как видим, довольствоваться малым. От брата своего он усвоил любовь к домашним, к истине и справедливости. Рим представлялся ему как государство с равным для всех законом, которое управляется согласно законам равенства и равноправия. Марк Аврелий почитал философию, был постоянен в проявлениях щедрости, верил в любовь друзей и исполнен был самых благих надежд и намерений. Зная, что время

человеческой жизни – миг, а сущность ее – вечное течение, он понимал и то, что дух нужно возвращать, чтобы победить в жизненной борьбе. Но ради чего? Ради власти? Нет, – во имя истины. Поэтому призывал сохранять ум, простоту, добропорядочность, серьезность, скромность, приверженность к справедливости, честность, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. «Употребь все усилия на то, чтобы остаться таким, каким тебя желала сделать философия», – писал он.

Капитолийская площадь с копией статуи Марка Аврелия

У Марка Аврелия было сердце республиканца под тогой цезаря. Видимо, так надо понимать предостережение: «Не иди по стопам Цезарей». Империя обрела в его лице не только философа на троне, но что важнее, нужнее для государства, – правителя научно-прагматического склада, обладающего к тому же высоким интеллектуальным уровнем. Это не какой-то случайный проходимец,

занявший место цезаря на волне переворота или поднявшийся на гребне удачи. Он ценил настоящий ум. Среди консулов и проконсулов мы видим многих его учителей и просто умных людей. Вместе с тем, понимая, что достойная философия должна стать законом повседневной жизни, он отдавал себе отчет и в том, сколь труден путь достижения гармонии и сколь непросто достичь баланса между высшими моральными и интеллектуальными истинами и тем, что люди обычно называют «прозой жизни». Это был прагматик самой высшей пробы, причем с Богом в душе. Он считал, что человек является хозяином своей судьбы. Многие можно изменить, если собрать в один кулак всю волю, напрячь ум, заковать себя в узду железной дисциплины. И тогда, говорил он, ничто и никто не в силах помешать тебе. Ты будешь подобен гранитному мысу, о который разбиваются все, даже самые свирепые волны. Вместе с тем он считал всех людей членами единого сообщества, братьями и сестрами, которые должны понимать и любить друг друга. «Люди существуют друг для друга, – утверждал он, – чтобы друг друга улучшать и возвышать!» Не случайно иные, рисуя портрет (особенно раннего периода), сравнивали его с изображением «святого в церкви». И хотя святым он, конечно, не был, но его правление (как и правление Луция Вера, соуправителя) отмечено многими достижениями в области внешней и внутренней политики.

Удивительнее всего то, что цезарь, который был по складу души философом, а не воином, проявил себя и как прекрасный полководец. Он не увлекался боями гладиаторов, не любил войн, невысоко ценил военную славу, считая, что война – это всегда разбой, как ни смотри. Однако именно Аврелий мобилизовал силы Империи для отпора самому мощному напору германских племен и союзников. Те проникли в Северную Италию, разрушили город Опитергий, осадили Аквилу и угрожали Вероне. Такого страха римляне уже не испытывали со времен войн с Ганнибалом. Не случайно Маркоманнские войны сравнивали с Пуническими. Под его руководством были проведены мощные и победоносные наступления за Дунаем (172–175 гг.). Но это была одна из последних победных страниц римского воинства.

Луций Вер

Он расширил созданные еще при Траяне специальные фонды по воспитанию бедных детей. С этой целью он ужесточил систему фиска, реквизируя средства у богачей. Он вообще не терпел богачей и финансистов (возможно, потому и не любил евреев, среди которых уже тогда встречалась масса ростовщиков). Рассказывают, пишет Марцеллин, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, «испытывая отвращение к вонючим и нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас»». Редко кто из римлян позволял себе говорить столь прямо.

Рейнская граница Римской империи

Римская знать обижалась на него, когда он отослал гладиаторов на войну, не разрешив им погибать на потеху пресыщенной публике. Элита ворчала: «Он хочет отнять у нас развлечения и заставить нас философствовать». Однако он понимал границы возможностей ума обывателя, который одинаков всюду: что в Риме, что в России... Поэтому он напутствовал политиков: «Как жалки все эти преисполненные самомнения люди, мнящие, что они по-философски ведут дела государства!.. Чего ты хочешь, человек? Делай то, чего от тебя требует в настоящее время природа. Не надейся осуществить республику Платона и будь доволен движением вперед хотя бы на один шаг – и не считай этот успех маловажным. Кто может изменить образ мысли людей? а без такого изменения что может быть, кроме рабства, стонов и лицемерного повиновения?» Он не болтал «о светлом будущем», не обещал народу «реформ» или «райских кущ» (в результате чего жизнь становилась бы все хуже и хуже), но действовал, стараясь всеми силами сохранить остатки республиканского строя, да и вообще устроить жизнь хотя бы с каким-то подобием справедливости. Уже при Нерве и Траяне созданы были основы

общественной благотворительности. Возникли фонды, которые предназначались на покрытие издержек по воспитанию бедных детей.

Кружок философов. Сцена с египетского саркофага

Марк Аврелий расширил полномочия заведующих фондами прокураторов, сделав их одной из высших должностей в империи. Он сознательно пошел и на крупные фискальные мероприятия во имя бедных, сирот и детей. Расширены были им и права женщин. Немало было сделано и для облегчения участи рабов (неприкосновенность личного имущества, запрет посягательства на их жизнь и семью, ограничение продажи рабов в роли жертв зверей – на потеху праздной публики, улучшение положения вольноотпущенников и т. д.). При Аврелии в праве возникло понятие, что рабство нарушает естественное право человека, чего не помышляли даже Платон с Аристотелем. Он добился, чтобы во время зрелищ было меньше крови и увечий (приказал притупить оружие бойцов и стелить матрасы под канатами акробатов). Марк Аврелий – почти единственный цезарь, вознесший на первое место ученых и мыслителей перед воинами и солдатами: Диогена, Гераклита, Сократа – перед Александром и Помпеем. Он всей душой ненавидел слепую и бессмысленную жестокость, и даже в отношении врагов избегал вероломства.

Птолемей – теоретик гармонии

Если в эпоху античности у Греции и Рима на вершине власти (среди цезарей) и был человек философского склада, то таковым безусловно был Марк Аврелий. Его жизнь представляет яркий пример того, как следует относиться к людям, будь то друзья или враги, как воспринимать жизнь и превратности своей судьбы, как относиться к долгу и своим обязанностям, как оценивать свои поступки и т. д. и т. п. Следует помнить, что жил он во времена жесточайших битв и чудовищных преступлений. Но при этом он советовал не отвечать злом на зло: «Лучший способ оборониться – это не уподобляться обидчику», ибо «даже ненавидящие тебя по природе твои друзья». «Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уж близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать хорошим». Выполняй долг и будь что будет. «И каждое дело исполняй так, словно оно последнее в жизни». Но именно неординарность этой фигуры сделало оценку ее столь сложной в истории. Одни называли его праведником и святым, равным которому не было, «образцовым и полным мудрости императором», самым «лучшим из отцов». Все последующие императоры утверждали, что будут брать пример с него. Его считали даже христианином: «Перед нами человек, полный

глубочайшей любви к людям, кротости и смирения. Подчас, если бы мы не знали имени автора, мы готовы были бы поклясться, что строки эти писал христианин, притом христианин истинный, не на словах только, а на деле. Какой подлинно христианской кротостью проникнуты его слова». (Т. Бобровникова) Но, как заметил А. Лосев, его философия возникла «из чувства полной беспомощности, слабости, ничтожества и покинутости человека, доходящей до совершенного отчаяния и тоски». Это и понятно: редко кому из смертных доставался столь тяжкий груз жизни (разгульная жена, строившая за спиной козни и заговоры, распутный бездельник-брат, неумный и жестокий сын-наследник, предательство друзей, коих он облагодетельствовал, собственные физические тяготы и многое-многое другое). Можно согласиться с тем, что у этого человека был не только щедрое и доброе сердце, но и «железный дух». Правда, остается фактом и то, что Марк Аврелий не только никогда не был другом христиан, но и преследовал их. Он предписал освободить ренегатов и предать смерти упорствующих христиан. При нем Малая Азия обогрилась кровью христианских мучеников, а епископ Самосский Поликарп «кончил жизнь на костре». В его глазах христиане были людьми суеверными, далекими от знаний. В культе этих упорствующих иудеев Марк Аврелий видел моральную опасность и вред. Он вообще, по словам Марцеллина, относился к ним с безразличной враждебностью. Религии он предпочитал философию, окружив себя философами, сделав старых наставников государственными людьми, консулами и проконсулами (Ирода Аттика, Юлия Рустика, Фронтон, Клавдия Севера, Прокула). Трудно представить себе, чтобы сегодня где-либо нашелся такой президент, который вдруг решил бы окружить себя столь яркими и талантливыми людьми.

Во время путешествий он также убедился, сколь велико значение Римской империи для мира и процветания подчиненных ей народов и для развития наук. Посетив египетскую Александрию, тогдашнюю лабораторию идей и верований, центр передовых научных исследований и технологий, он смог, вероятно, познакомиться с великим трудом Клавдия Птолемея, составившего на основе тригонометрических расчетов карту неба и земли, а также вычислившего земной меридиан. В год его визита минуло всего 10 лет

со дня смерти ученого. В зале Мусейона он мог увидеть и удивительные аппараты изобретателя Герона, современника Марка Аврелия. О его визите в Египет Капитолин запишет: «Марк Аврелий у египтян в их собраниях, храмах и повсюду вел себя как гражданин и философ». Иные считают, что он посетил и Долину Царей. Что его подвигло к посещению долины мертвых? Возможно, к этому его подталкивали мысли о приближающейся кончине и необходимости передать власть наследнику, «цыпленочку», порфирородному отроку Коммоду. Однако несмотря на то, что был добросовестным правителем, он не мог себе представить, что конец Империи не так уж далек, говоря: «Не иди по стопам цезарей».

Это он первым допустил германцев в римские легионы. Несмотря на то что в отдельных случаях имели место преследования христиан, христиане называли его не иначе как «великий и добрый». Даже завистливые и жадные до почестей патриции и сенаторы поняли, сколь велик и благороден был цезарь. Полагаю, что не случайно сенат, римский народ его единственного наградят после смерти титулом «Бог благосклонный» (*Deus propitius*). Культ его был столь высок, что народ осуждал всех тех, у кого дома не видели изображения императора. Марк Аврелий пытался оздоровить империю. Вряд ли это было возможно. Нам же он оставил книгу «Наедине с собой». Там есть некоторые советы, которым не грех следовать и ныне: 1) лишь дух принадлежит нам; 2) готовь себя к тому, чтобы свершить кажущееся невыполнимым; 3) в жизни ставь перед собой великие цели, даже если те кажутся тебе недостижимыми. Такой человек бесспорно прожил жизнь не зря.

Важнейшим следствием «золотого века» Римской империи (II век н. э.) стало и то, что бывшие провинции были уравнены в правах с метрополией (Италией). Многие знатные провинциалы вошли в римский сенат, остальные жители стали римскими гражданами. Такое решение оказалось притягательным для граждан провинций, бывших почти что независимыми, но тяготевших к Риму по многим причинам экономического и культурного характера. Греческий писатель Элий Аристид сказал, обращаясь к римлянам: «При вас все для всех открыто. Всякий, кто достоин государственной должности, перестает считаться чужеземцем. Имя римлянина стало достоянием всего культурного человечества. Вы установили такое управление миром,

как будто он является одной семьей». Так ведь *и у нас была одна семья и одна судьба*. Ничтожества и твари нарушили естественный ход событий. Задача грядущих поколений – вернуть утраченное единство наций. За внешними призраками успеха и процветания великой Римской империи уже явственно виделись первые следы декаданса, которые в дальнейшем усилились.

Выдающиеся римские историки

Великие страны всегда порождают и великих историков... Жизнь и общество нуждаются в них больше даже, чем в строителях, врачах и учителях, ибо они, то есть выдающиеся историки, одновременно возводят здание цивилизации, лечат общественные болезни и укрепляют дух нации, обучают и воспитывают младое поколение, сохраняют память, воздают бессмертную славу достойным, подобно божествам вершат суд. Античность знала многих выдающихся историков. Одни из них, как это было у Плутарха, делали акцент на раскрытие характеров героев, создавая морализирующие сочинения. Другие, подобно Светонию, в биографии старались анализировать различные стороны их жизни и деятельности. Бахтин писал: «Если Плутарх оказывал огромное влияние на литературу, особенно на драму (ведь энергетический тип биографии, по существу, драматичен), то Светоний оказывал преимущественно влияние на узкобиографический жанр...» Третьи, особенно стоики, дали волю потоку самосознания, рефлексии в частных письмах или же в разговорах наедине с собой и

исповедях (примерами такого рода стали письма Цицерона и Сенеки, книги Марка Аврелия или Августина).

Если Марк Аврелий последний римский философ, то Корнелий Тацит (ок. 57—120 гг. н. э.) – последний великий римский историк. Начальные школьные годы Тацита пришлись на эпоху Нерона, злодеяния которого потрясли Рим. Это было чудовищное время. Оно было «свирепо и враждебно» к истине и добродетелям, зато благосклонно и щедро к подлости, раболепству, изменам и преступлениям. Тацит, ненавидевший тиранию, с осуждением вспоминал о тех годах, когда на смерть осуждались и подверглись казни «не только сами писатели, но и их книги». Цезари вменили в обязанность триумвирам (задолго до сожжения книг на кострах гитлеровской Германии) сжигать на форуме, где обычно приводят в исполнение приговоры, «творения этих столь светлых умов». «Отдавшие это распоряжение, – пишет Тацит, – разумеется, полагали, что подобный костер заставит умолкнуть римский народ, пресечет вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского; сверх того, были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки, дабы впредь нигде более не встречалось ничего честного. Мы же явили поистине великий пример терпения; и если бывшие поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы – такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как и безмолвствовать». Однако пока живы историки, идет суд тайный и негласный. И пусть не надеются мерзавцы, что голос их смолкнет, а приговор наш не станет известен. Поэтому М. Шенье, справедливо увидевший в Таците олицетворение «совести рода человеческого», метко и по праву называл его труды «трибуналом для угнетенных и угнетателей». Как он сказал о его роли в цивилизации, уже одно только имя Тацита «заставляет тиранов бледнеть».

Известный римлянам мир

Это противоречивая эпоха. Древние римские традиции, которыми славилось государство, отмирали и изгонялись. Идеалы аристократии, ранней республики не могли сохраняться в неизменном виде. О Таците известно немного. Родился в аристократической семье. Никто из поздних авторов так и не дал внятного его жизнеописания. Известен ряд жизнеописаний Вергилия, есть еще очерк жизни Горация, написанный Светонием. Письма Плиния Младшего к Тациту дают о нем скудные сведения. До нас дошли его «История» и «Анналы» (летопись), сохранившиеся лишь частично. Ему принадлежит ряд других произведений («Германия», «Диалог об ораторах» и др.). Хотя современники не относили его к классикам римской литературы, а в римской школе его не проходили, Тацит обладал превосходным стилем и языком. Слава пришла к нему гораздо позже. Он сомневался, что это вообще когда-нибудь произойдет. Однако история все расставила на свои места. Уже Плиний Младший ставил себе в пример труды Тацита. Российский историк И. Гревс пишет: «Тацит – неоспоримо лучший римский историк. По общему признанию критики, ему принадлежит также почетное место и в ряду первоклассных представителей художественной прозы в мировой литературе; он был во всех отношениях крупной индивидуальностью и, в частности, показательным носителем и творческим двигателем современной ему

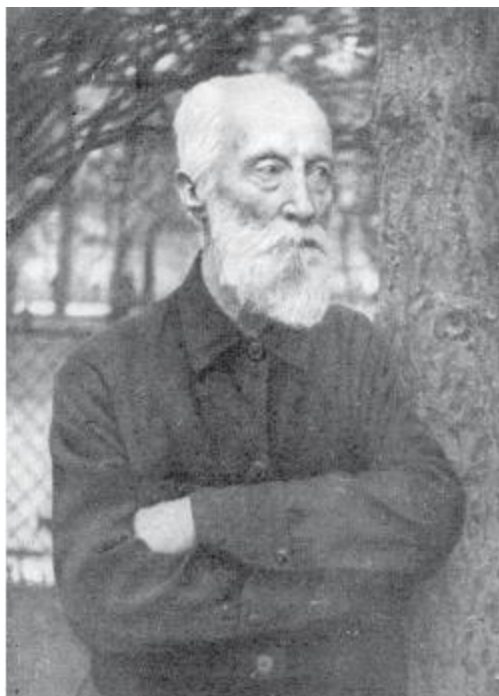
культуры». Книги его важны тем, что написаны человеком, который был свидетелем многих происходивших тогда событий. Ведь Тацит был консулом, то есть «особой, приближенной к императорам» (служил проконсулом в Азии). Ему приходилось пребывать в ближнем кругу таких государственных деятелей, как Домициан, Нерва, Траян, Фабриций, Юлий Фронтин, Вергиний Руф, Цельза Полемеан, Лициний Сура, Глитий Агрикола, Анний Вера, Яволен и Нераций Присков – самых «немногих и всевластных» (принцепсы, консулы, префекты, командующие группами армий и т. п.). Это давало возможность находиться в центре важнейших событий времени. Он описывал их как непосредственный очевидец событий, от первого лица. Ценность таких источников исключительно велика. Потому и известность таких авторов, как правило, переживает их век, доходя до отдаленных потомков. Сегодня его труды вызывают наш интерес не только как исторический источник, но и как своего рода учебник гражданской морали и политической культуры. Многие страницы трудов Тацита посвящены конфликту человеческой личности и авторитарной власти, что ныне актуально.

Уста Истины

К тому же он всегда был блестящим оратором, собирая молодежь, желавшую постигнуть искусство красноречия. Плиний Младший отмечал, что в начале его ораторской деятельности (в конце 70-х гг. I в. н. э.) «громкая слава Тацита была уже в расцвете». Но прежде всего в нем

проявился дар великого писателя. Расин назвал Тацита «величайшим живописцем древности». О его деяниях и трудах, а также о его жизненной философии И. Гревс писал: «Образованный и верящий в силу знания, Тацит искал в философии не одного только утешения, но и света, открытия истины, – хотя римский ум обычно и относился к философским теориям с некоторым предубеждением. Больше всего подходила к идейному направлению и моральной склонности Тацита стоическая доктрина, предлагавшая своему последователю выработку твердой воли в жизни и бесстрашия в смерти. В том трагическом кризисе, в который попал Тацит в результате опыта своей жизни, это учение наиболее соответствовало непреклонной основе его духа... Стоицизм, который учил человека, как обрести счастье, или, по крайней мере, равновесие личности достижением идеала добродетели путем самоотстранения от постоянной связи с порочным миром, мог привести к безнадежным выводам, безусловно, отрывавшим философа от общества остальных людей. Стоический мудрец мог превратиться в сухого гордеца, самодовлеющего в своем кажущемся совершенстве и спасающегося под броней равнодушия и неуязвимости в окружающем зле. Но он мог дать человеку и закал, который помог бы ему устоять от соблазнов и огорчений, не теряя живого источника деятельных связей с жизнью и людьми. Таким образом, стоическое учение не иссушило Тацита, не замкнуло его в себе, не превратило в камень. Он не принял характерного для стоиков презрения к миру. Стоицизм подействовал на него струей гуманности, которая также была присуща этому философскому учению как некий путь к добру... Разочарованный пережитыми впечатлениями от действительности, но в надежде на близкое лучшее будущее для родного государства, Тацит через философию открыл для себя источник, возрождавший равновесие его духа. К нему вернулась или, может быть правильнее – вновь родилась в нем, вера в человека, именно в форме преклонения перед великою силою духа, которую может развить в себе человеческая личность, выросшая близко к произволу императорской власти».

Историк античности И. М. Гревс (1860—1941)

При всем нашем пиетете и любви к великому Тациту нельзя не сказать об иных присущих и ему национальных предрассудках римлян. Те прочно связали понятия «Восток» (Oriens) и «Азия» (Asia) с варварством, рабством, дикостью и деспотизмом. Кстати, точно так же вели себя греки, македонцы, пунийцы и т. д. Поэтому вся его история изобилует такого рода ремарками и характеристиками. В «Истории» Тацита можно прочесть такие строки: «Пусть Сирия, Азия, пусть весь Восток, привыкший сносить власть царей, пребывают и дальше в рабстве». Мидия, Персия, Парфия представляются ему деспотическими монархиями, где один царь – господин, все остальные – рабы. Под властью парфянского царя, он думает, находятся «неукротимые и дикие» племена и народы. Понтиец Аникет характеризуется им презрительно, кратко и емко – варвар и раб. Всем варварам присущи вероломство, коварство, трусость, недостаток мужества. Тот факт, что парфяне время от времени принимали в качестве царей римских ставленников (как принимают ныне иные «свободные» страны, бывшие республики СССР, к себе посланцев США в виде правителей-марионеток), расценивался римской имперской идеологией как доказательство «главенства римлян». На этом фоне особенно резко выделяется антисемитский тон его

высказываний в отношении иудеев. Признавая их «глубокую древность», отмечая тут же, что Иерусалим – «достославный город», Тацит тем не менее не только подчеркивает «резкие различия между иудеями и окружающими их народами», но и называет их «бессмысленными и нечистыми», «отвратительными и гнусными». В чем тут дело? Видимо, дело вовсе не в каких-то признаках особой порочности, разврата и тому подобных свойствах сего народа. Ранее мы подробно писали на эту тему. На наш взгляд, некий субъективизм Тацита в оценках вызван прежде всего, как мы бы сказали, международными откликами, равно как и отношением к ним самих римлян.

Мозаика «Муза»

Мозаика «Венера и Тритон»

Дело ведь в том, что евреи к тому времени фактически жили обособленными общинами, не допуская в свой замкнутый кружок чужаков. Однако при этом с помощью ростовщичества они держали в руках многие нити власти. Мы бы так сказали: уже тогда в мире ощущалось наличие двух империй – одна собственно Римская (или военно-политическая), другая – Иудейская империя (финансово-ростовщическая). Конечно, резкие оценки иудеев Тацитом можно объяснить и тем, что в памяти представителей его поколения историков еще свежи были воспоминания о кровопролитной семилетней Иудейской войне (66–73 гг. н. э.), а также жуткие сцены штрума, взятия и разрушения Иерусалима (70 г. н. э.), как и триумфы императоров Веспасиана и Тита (71 г. н. э.). Тациту было 13–14 лет.

Философ. Мозаика

Юноши особенно остро запоминают все масштабные события. И все же одной остротой видения трудно объяснить столь резкие строки, посвященные Тацитом евреям: «Самые низкие негодяи, презревшие веру отцов, издавна приносили им (евреям) ценности и деньги, отчего и выросло могущество этого народа; увеличилось оно еще и потому, что иудеи охотно помогают другу другу, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью». Кроме того, историк отмечает такие присущие им черты, как «безделье», «праздность», характеризуя их также как «самых презренных рабов». В этой развернутой характеристике выделяются три основных момента упрека и осуждения: 1) они (то есть евреи) захватывают мир не с помощью

оружия и войн, что было бы согласно древней традиции почетно и достойно сильной нации, но с помощью коварства и силы «презренных» денег; 2) они не любят нормальный труд (хотя рабовладение к нему не очень располагало, все же Рим и Греция как бы там ни было с гораздо большим пиететом относились к созидательному труду), а вот евреи норовили пребывать в «лени» и «праздности», занимаясь даже не торговлей, что было бы понятно и допустимо, а ростовщичеством и спекуляцией; 3) они «закрыты», как ни один народ в мире, что у римлян и греков было очень серьезным основанием для подозрений и ненависти: ведь Рим создавал империю, он видел, как многие варварские народы, даже и сражаясь с Римом не на жизнь, а на смерть, все же потихоньку перенимали римские обычаи. А ведь это дороже военных побед. Но евреи были непреклонны в своих обычаях, традициях, религии и образе жизни.

Надо сказать, что Тацит не жалуется на всех остальных. Армяне у него «малодушны и вероломны», «двуличны и непостоянны». По его словам, «этот народ издавна был ненадежен и вследствие своих врожденных человеческих качеств, и вследствие географического положения» (находясь на границах империи, он готов всегда играть на разногласиях между Римом и парфянами). Тацит отмечал также беспечность армян в ходе военных действий (*incautos barbaros*), хитрость (*barbara astutia*) и трусость (*ignavia*) их. Они абсолютно несведущи в военной технике и осаде крепостей. В таком же духе он оценивает африканцев, египтян, фракийцев, скифов. Среди египтян, правда, он выделяет александрийских греков, народ Птолемея, как «самых культурных людей из всего рода человеческого». Остальные дики и суеверны, склонны к вольности и мятежу. Фракийцев отличает свободолобие, любовь к разнузданным пиршествам и пьянству. О скифах также, в отличие от Геродота, пишет очень мало, ибо не знает о них почти ничего. Для него они – «медвежий угол», захолустье, населенное дикими, жестокими и свирепыми племенами. Одним словом, даже у такого выдающегося историка, как Тацит, мы видим те же признаки, как ныне гвоят, «узкого» и «культурного национализма».

И все-таки, в общем и целом, об этом знаменитом и славном историке Рима времен Империи мы имеем полное право сказать словами такого выдающегося немецкого филолога и педагога как

Фридрих Любкер, создателя самого известного в Европе и России первой половины XIX – половины XX вв. словаря имен, терминов и понятий античности – «Реального словаря классической древности». Немецкий автор дает Тациту весьма точную характеристику: «Тацит так же ясен, как и Цезарь, хотя и цветистее его, так же благороден, как Ливий, хотя и проще его; поэтому он и для юношества может служить чтением занимательным и полезным».

Тацит. Золотая монета. 275—276 гг.

В дальнейшем Тацит будет рассматриваться в большинстве стран Европы как наставник государей. Хотя когда республика сменилась империей, против него выступал Наполеон... Его неприятие императором французов понятно, ведь тот не желал восхвалять императоров. В России Тацита глубоко почитали все мыслящие люди. Пушкин, прежде чем приступить к написанию «Бориса Годунова», изучал его «Анналы». Им восхищались декабристы А. Бестужев, Н. Муравьев, Н. Тургенев, М. Лунин. Иные учились у Тацита и искусству свободно мыслить (А. Бригген). Ф. Глинка называл его «великим Тацитом», а А. Корнилович величал «красноречивейшим историком своего и едва ли не всех последующих веков», глубокомысленным философом, политиком. Герцен во время владимирской ссылки искал его книги для чтения и утешения. «Мне попалась наконец такая,

которая поглотила меня до глубокой ночи, – то был Тацит. Задыхаясь, с холодным потом на челе, читал я страшную повесть». Уже позже, в более зрелые годы А. И. Герцен вспоминал о «мрачной горести Тацита», о «мужественной, укоряющей тацитовской» печали.

Энгельс же скажет: «Всеобщему бесправию и утрате надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оставшиеся еще в живых староримляне патрицианского склада и образа мыслей были устранены или вымирали; последним из них является Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось стяжательством и наслаждением богатством, обывательскими сплетнями и интригами. Неимущие свободные, бывшие в Риме пенсионерами государства, в провинциях, наоборот, находились в тяжелом положении... Мы увидим, что этому соответствовал и характер идеологов того времени. Философы были или просто зарабатывающими на жизнь школьными учителями, или же шутами на жалованье у богатых кутил. Многие были даже рабами». Не кажется ли вам, что Время ходит по кругу так же, как и Земля, вращающаяся вокруг Солнца в хладной пустоте космоса?!

Скажите нам, кто управляет государством, кто составляет ее элиту, и я скажу, почти не боясь ошибиться, каково будущее этой страны и народа... Поэтому и история Рима – это прежде всего история его вождей. По сей причине сегодня и зачитываемся биографиями цезарей, книгами о великих политиках, философах, ораторах и героях, их письмами. Видимо, наиболее известная книга о римских императорах принадлежит Светонию Транквиллу (род. в 69 г. н. э.). Говорят, его как историка заслонял Тацит, как биографа – Плутарх. Возможно. Не вызывает сомнений лишь то, что в его лице мы видим прекрасного ученого и честного человека. В оценках власти точен и объективен. Возможно, беспристрастность труда Светония составляет его главное достоинство. Сравните оценки, которые дает римским императорам Плиний Младший. В отношении Траяна он скажет: «Наилучший из государей при усыновлении дал тебе свое имя, сенат наградил титулом «наилучшего». Это имя так же подходит к тебе, как и отцовское. Если кто называет тебя Траяном, то этим обозначает тебя нисколько не более ясно и определенно, называя тебя «наилучшим». Ведь точно так же когда-то Пизоны обозначались

прозвищем «честный», Леллии – прозвищем «мудрый», Металлы – прозвищем «благочестивый». Все эти качества объединяются в одном твоём имени». Оценки далеки от искренности. Светоний же описывает куда более достоверно нравы императорского Рима. Если о государственных делах Рима и о его вождях вы больше вычитаете у Тацита, Плутарха, Диона Кассия или Моммзена, то бытовую, интимную сторону жизни лучше всего дает Светоний.

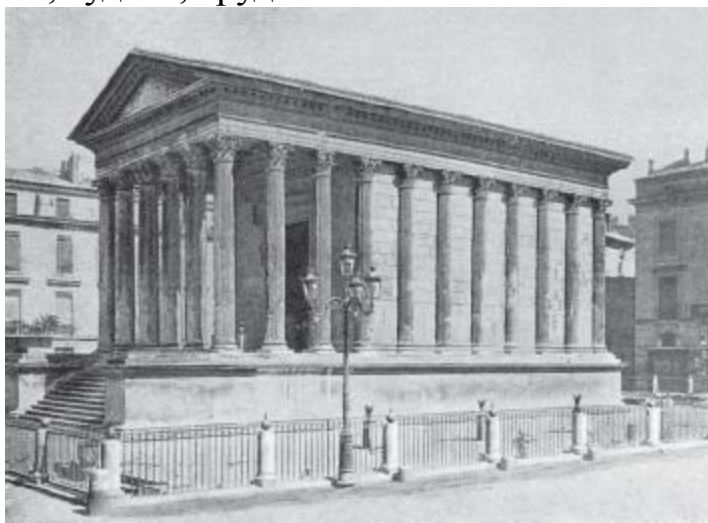

План римского Форума

Выдающимся историком является и Полибий, автор уникальной «Всеобщей истории» (сорок книг). Полибий был сыном стратега Ахейского союза Ликонта. Дата рождения его неизвестна. Он занимал важные посты в Ахейском союзе, но после Третьей Македонской войны оказался в качестве заложника в Риме (с 167 г. до н. э.). Рим тогда находился на пути к высшему могуществу и триумфу.

Там он сдружился с будущим великим полководцем Сципионом, победителем Карфагена. Он и сам будет принимать участие в битве за Карфаген. Как историк он развивал идею «прагматической истории», то есть истории, основывающейся на объективном и точном изображении реальных событий. Полибий полагал, что историку желательно самому находиться на месте событий, что делает его

работу действительно ценной, точной и убедительной. Правы те, кто отмечают, что Полибий превосходит всех известных нам античных историков своим глубоко продуманным подходом к решению задач, основательным знанием источников, вообще осмыслением философии истории. Одной из главных задач своего труда («Всеобщей истории») он считал показ причин того, как и почему римское государство выдвинулось в мировые лидеры. Он был в курсе не только боевых действий обеих сторон (Рима и Карфагена), но и владел материалами по истории создания флота. Подробную картину его жизни и деятельности можно получить по прочтении труда Г. С. Самохиной «Полибий. Эпоха, судьба, труд».

Квадратный дом в Ниме

Стоит упомянуть и о вкладе Полибия в географическую науку. Сопровождая известного римского полководца Сципиона Эмилиана в походах, он собирал различного рода данные об Испании и Италии. Он описал Италию от Альп до крайнего юга как единое целое и изложил наблюдения во «Всеобщей истории». Ни один автор того времени не дал детального описания Апеннин, но сведения Полибия опираются на работы римских земледельцев, чьи записи представляют ценный исторический и географический материал. Кстати, Полибий в работе первым использовал дорожные столбы, которыми римляне обрамляли по всей Европе свои дороги, довольно точно определив протяженность полосы Италии.

Особое место в ряду историков занимает Тит Ливий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.). Он был младшим современником Цицерона,

Саллюстия и Вергилия, старшим – поэтов Овидия и Проперция, почти ровесником Горация и Тибулла. О нем я мог бы сказать словами Пушкина: «А ты, любимец первый мой...» (из Горация). О биографии его мало что известно. Возможно, он был близок к правительству и знаком с императорами Августом и Клавдием. Как скажет о нем И. Тэн, этот историк Рима «не имел истории». Ливий сочинял также диалоги общественно-философского содержания и трактаты по риторике, но все они, к сожалению, пропали. До нас дошло (да и то не полностью) только одно его сочинение – «История Рима от основания Города». Из 142 книг, составлявших грандиозную эпопею (куда более внушительную, чем гомеровские труды), нам известно 35 книг, которые освещают события до 293 г. до н. э. и с 219 по 167 г. до н. э. Современники, как правило, оценивали его книги в высшей степени восторженно. Большинство фактов, им сообщаемых, находят прямое или косвенное подтверждение в иных источниках. Ни один человек – будь то профессиональный историк или просто любитель, – желающий ясно представить себе историю Рима эпохи царей, или Ранней и Средней Республик, не может обойтись без обращения к анализу его сочинений. Ливий – мастер исторического повествования, в котором ощущается художник. В античную эпоху его ценят за совершенство стиля и повествования в первую очередь. Мы обращались к его помощи – при описании черт характера Брута, Ганнибала, Катона, Сципиона, Фабия Максима. Республиканский Рим в его освещении предстает как цитадель законности и права, пример гражданских и воинских добродетелей, как воплощение совершенного общественного строя. И хотя даже в эпоху Республики Рим далек от того идеального портрета, каким он предстает в описании Тита Ливия, предлагаемый образ запоминаем и близок к реалиям. Грань между реальностью и римским мифом читатель проведет сам.

Частное жилье. Роспись стен

Видимо, сочетание таланта большого историка и яркого художника и сделало труды Ливия притягательными для всего человечества – от Данте и Макиавелли до Пушкина и декабристов. Грант в «Цивилизации Древнего Рима» справедливо замечает: «Действительно, истории, как отрасли науки, хороший слог нужен не меньше, чем абсолютная достоверность. В своей великолепной романтической работе, прославляющей историю Рима (которая походила на эпическую поэму Вергилия, но была написана в прозе), историк Ливий, живший во время правления Августа, добился даже большей достоверности, чем Саллюстий. Его превосходная латынь отличалась ласкающей слух притягательностью. Основной вклад Ливия в осознание человечеством своих потенциальных возможностей состоит в том, что он проявлял огромный интерес к великим людям. Эти люди и их поступки, совершенные в ходе великих исторических событий, служили примерами добродетели, которая была идеалом педагогов эпохи Возрождения. Этот идеал был унаследован впоследствии многими школами и высшими учебными заведениями». Правда, некоторые современные историки советуют подходить критически ко всему, что написано Ливием. Так, английский историк

П. Коннолли, признавая, что Ливий является главным источником для ранней эпохи Рима, тем не менее заявляет: «Нашим главным источником сведений по этому периоду является римский автор Тит Ливий, который был замечательным писателем, но весьма посредственным историком. Будучи консерватором и патриотом, он возлагает вину за многие ошибки Рима на низшие слои общества, которые боролись тогда за признание своих прав. Тит Ливий постоянно затушевывает факты, которые говорят не в пользу Рима, он уделяет мало внимания топографии и военной тактике, свободно заменяет древние термины на современные ему, без малейшего почтения в точности. Хуже всего то, что он постоянно использует источники, о которых должен был точно знать, что они недостоверны». Хотя историк и отличается лица необщим выраженьем, но и он находится в плену мифов и ошибок эпох, в которые живет. И редкие из них обладают той глубиной видения и прозрения (наряду с долгом и чувством истины), которая позволяет им подняться над страстями, ошибками, интересами классов и кланов, стран и народов. Такой историк, явись он нам, стал бы живым богом.

Тит Ливий, римский историк. Гравюра XVI в.

Тит Ливий не принимал участия в политической жизни и не имел военного опыта, но это вовсе не означает, что он не знал того и другого. Будучи уроженцем Патавии, что расположена в

Предальпийской Галлии, он по духу своему был республиканцем и бойцом за идеалы республиканского Рима. В нем более чем в ком-либо из других историков жил философ. Его диалоги историко-философского характера и книги сугубо философского содержания пользовались немалой известностью в древности. К сожалению, сочинения эти были утрачены, как и его «Послание к сыну». Среди римских историков той поры не было, пожалуй, другой личности такого уровня, что столь умело сочетала бы качества и таланты историка, писателя и воспитателя. Это было идеальное сочетание гармонических начал науки и поэтики. Внешне его метод можно назвать анналистическим, ибо события в его трудах излагаются в хронологической последовательности год за годом. «Но именно потому, что Ливий хотел быть национальным историком, он вышел из жестких рамок древней анналистики, под новым углом зрения пересмотрев все значительные события римской истории. Впервые в римской историографии историк, свободный от необходимости оправдывать свой интеллектуальный досуг, как это совсем недавно делал Саллюстий, получает возможность целиком отдаться литературной деятельности и взглянуть на историю Рима как на замкнутый цикл, завершившийся при Августе», – отмечает В.С. Дуров в «Истории римской литературы» особенность творчества Ливия. Ливий понимал и другое: назначение любой хорошей книги – пробудить сознание, взволновать ум и чувства читателя. И в этом плане он преуспел, преуспел прежде всего как художник, донесший до нас образы людей той далекой эпохи. Брут, старший Катон, Фабий Максим, Сципион, Ганнибал – личности яркие и незабываемые. Историк ставит своей задачей побудить читателя задуматься над прошлой жизнью, нравами и поведением граждан его страны, чтобы они поняли кому «обязана держава своим зарождением и ростом». Однако времена подъема и славы – это еще не всё... Часто бывает так, что во имя здоровья державы нужно еще испить и горькую микстуру исторического прошлого. Нужно понять, «как в нравах появился сперва разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах». Именно нравственная составляющая труда великого историка, как нам представляется, и является наиболее важной и ценной для

современного русского читателя. В его книгах мы найдем поучительные примеры «в обрамление величественного целого», чему подражать, чего избегать – то есть «бесславные начала, бесславные концы». В некоторых случаях он, правда, отступает от исторической правды... Такова история о галльском нашествии в Италию в 390 г. до н. э. Галлы тогда преспокойно ушли, получив выкуп. Они не стали устраивать позорного недостойного торга. Видимо, не было и сцены с вождем галлов Бренном, когда тот бросил свой меч на весы, сказав знаменитое «*Vae victis*» («Горе побежденным!»). Однако из патриотических побуждений Тит Ливий ввел в текст сцену финала с победоносным Камиллом. В главных страницах повествования все авторитетнейшие писатели древности считают Тита Ливия честным и выдающимся историком (Сенека Старший, Квинтилиан, Тацит), за исключением императора Калигулы (но он не историк, а лишь император).

Для нас Ливий особенно значим, современен и злободневен, ибо мы, граждане XXI в., очутились в схожей ситуации – при конце великой Республики... Жил он в эпоху Августа. Республика ушла в прошлое. На его глазах (впрочем, как и на наших) появляется строй весьма и весьма сомнительный с точки зрения как духовных и нравственных, так и материальных человеческих ориентиров. Тем не менее историку удалось принять участие в том, что можно было бы назвать исправлением исторической несправедливости. Он своей великой книгой если и не восстановил старую Республику, то по крайней мере сохранил в жизни Рима все то ценное, что нес в себе былой строй. Это стало возможным прежде всего потому, что Август был достаточно умен и образован, чтобы понимать значение истории (и роль в ней великого историка, при котором ему приходится жить). Появление в Риме таких авторов как Тацит, Светоний, Ливий свидетельствуют о глубокой заинтересованности императоров в исторической науке (Августа и Клавдия). Время, когда императоры включают в свой ближний круг таких лиц как Вергилий, Гораций, Меценат, Ливий, может быть названо действительно замечательным и феноменальным. Когда-нибудь наша власть, поумнев, поймет, что ей историки, как и вообще наука, гораздо нужнее, чем они – ей, любезной...

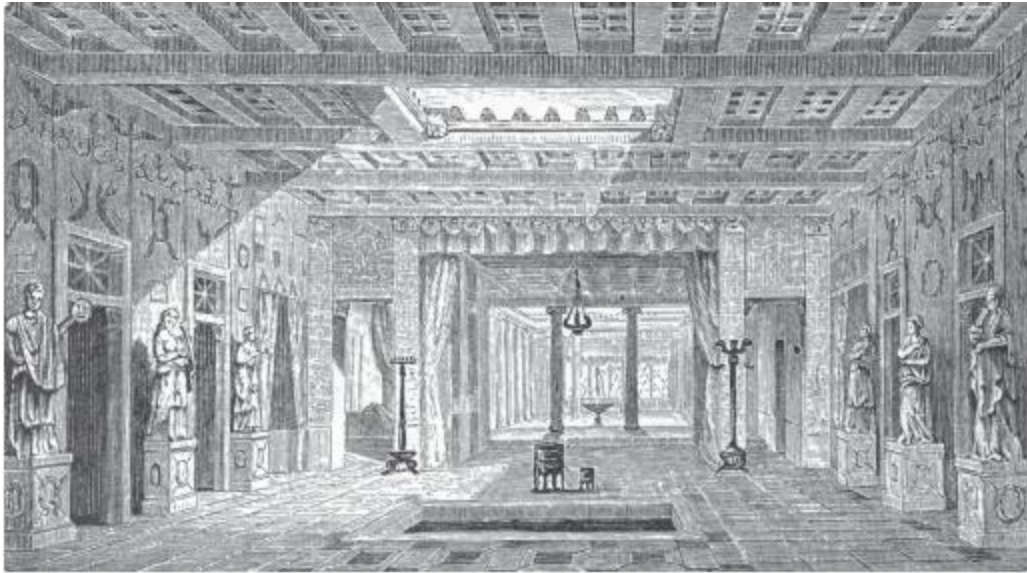
Когда великий Макиавелли задумался над устройством прочного и мудрого государства, над причинами процветания одних стран и упадка других, он не только детально изучил разные формы социально-политической организации в различных странах, но и обратился к труду Тита Ливия. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Его в 1512 г. лишают поста и права занимать какую-либо государственную должность и высылают на год в отдаленные земли и владения Флоренции. В 1513 г. он начинает трудиться над наиболее фундаментальной своей работой – «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия» (посвященной в основном эпохе Республики). Причину обращения к Ливию он объяснил просто: книги римского историка «избежали разрушительного действия времени». Свой труд он в основном заканчивает в 1519 г. В своем вступлении к книге Макиавелли формулирует мысль, которую считаю нужным повторить сегодня.

Он с удивлением видит, что в гражданских несогласиях, возникающих между гражданами, в постигающих людей болезнях все обычно прибегают к решениям и лекарствам, постановленным или предписанным древними. Ведь даже и наши гражданские законы зиждятся на решениях древних юристов, приведенных в порядок и служащих прямым руководством для решений современных юристов. Также ведь и медицина обязательно наследует опыт древних врачей. Но вот как только дело касается устройства республик, сохранения государств, управления царствами, учреждения войск, следования канонам правосудия, выяснения причин могущества или слабости стран и вождей, к прискорбию, не оказывается ни государей, ни республик, ни полководцев, ни граждан, которые обращались бы за примерами к древним. Макиавелли убежден: происходит это не столько от бессилия, до которого довело мир современное воспитание и образование, не столько от зла, причиненного ленью или тунеядством (видимо, в данном случае правильнее говорить об «интеллектуальной лени» правящих элит), сколько «от недостатка истинного познания истории». Отсутствие глубоких исторических познаний не позволяет власти, даже если та и снизойдет до умных книг, постичь истинный смысл великих творений, поскольку, увы, омертвели их умы и души.

Удивительно то, что даже те, кто читает исторические и философские книги, с удовольствием знакомясь с занимательными и нравоучительными примерами, не считают своим долгом следовать им. Как будто небо, солнце, стихия и люди изменили движение, порядок, характеры и стали иными, чем были в древности. Желая исправить такое положение, Монтескье и решил взять книги Тита Ливия в качестве наиболее подходящего материала для сравнения со своим временем, дабы читатели его книги смогли увидеть, какую пользу дает познание истории.

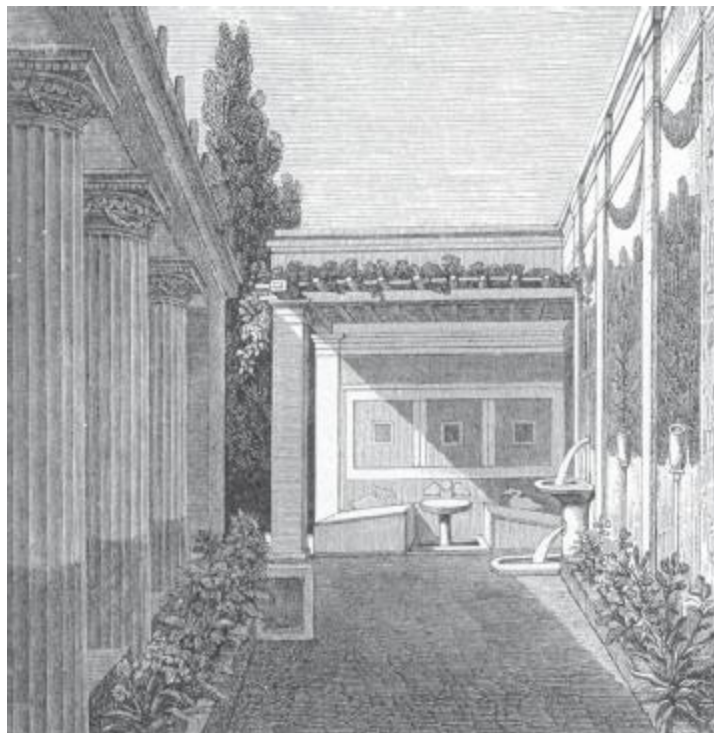
К числу видных историков можно отнести и Гая Саллюстия Криспа (86–35 гг. до н. э.). Саллюстий был противником власти нобилей и сторонником народной партии. Он был квестором и на политической арене поддержал Цезаря, надеясь, что тот укрепит демократическо-республиканскую основу Рима. Участвовал в политической борьбе (52 г. до н. э.), активно выступал против Цицерона. Это и послужило причиной того, что по настоянию нобилей его вычеркнули из списка сенаторов (вменим ему в вину якобы аморальное поведение). Как всегда, за гонениями стояли чьи-то интересы. Цезарь не только восстановил его в сенате, но и направил в качестве наместника в только что образованную римскую провинцию – «Новая Африка». Саллюстий должен был наблюдать за тем, как города Тапс и Уттика выплатят Риму по 50 миллионов денариев контрибуций за три года (46 г. до н. э.). Саллюстий при этом сумел изрядно обогатиться и, вернувшись в Рим, создал так называемые Сады Саллюстия (роскошный парк).

Вилла Саллюстия в Помпеях

После убийства Цезаря он отошел от политики и занялся историей. Глядя на иных российских историков, политологов и литераторов, понимаешь: лучше бы им быть продавцами в лавке или ростовщиками. Перу Саллюстия принадлежат так называемые малые сочинения (*Sallustiana minora*), подлинность которых историками долгое время оспаривалась. К числу работ бесспорных относятся «Заговор Катилины» (63 г. до н. э.), «Югуртинская война» (111–106 гг. до н. э.), а также «История», из которой до нас дошли отдельные фрагменты, речи и письма. Интересен его взгляд на историю развития Рима. Он считал, что Рим вступил в полосу внутреннего распада в 146 г. до н. э., после гибели Карфагена. Тогда-то и начался моральный кризис нобилитета, обострилась схватка за власть внутри различных общественных групп, усилилась дифференциация в римском обществе. Специалисты так оценивают его острый, яркий, вдохновенный стиль: «Свой взгляд на историю Саллюстий излагает во введениях и экскурсах, которые наряду с характеристиками и прямой речью основных персонажей являются излюбленными средствами художественного метода, позволяющими увлекательно подать материал. В стилистическом отношении Саллюстий является своего рода антиподом Цицерона. Опираясь на Фукидида и Катона Старшего, он стремится к чеканной, исполненной мысли краткости, сознательно добивается неравномерности параллельных синтаксических фигур, ...

язык богат и необычен благодаря обилию архаичных поэтических слов и выражений».

Внутренний дворик виллы Саллюстия в Помпеях

Его перу приписывают и «Письма к Цезарю об организации государства». Это своего рода социально-политическая утопия, которая сегодня звучит актуально. Дело в том, что время Цезаря и Саллюстия, как и наше время, является эпохой переходной. Ведь Рим тогда распростился с демократическо-аристократической республикой, мы же распростились с республикой народно-демократической. Автор писем (кто бы он ни был) считает нарождавшийся строй ненормальным, губительным и несправедливым. Сам Саллюстий (если он был автором «Писем») выступает сторонником республики старого стиля с ее простыми нравами и обычаями. Главной мыслью его произведения является идея, согласно которой всё зло заключается в деньгах и богатстве. Обладание ими толкает людей к неумеренной роскоши, к постройке дворцов и вилл, приобретению безумно дорогих вещей и драгоценностей, предметов скульптуры и живописи. Всё это делает людей не лучше, а хуже – алчными, подлыми, слабыми, развратными и т. д. «Корыстолюбие – страсть пагубная и губительная – не щадит ни городов, ни полей, ни храмов, ни домов, не

останавливается ни перед чем божественным. Никакие войска, никакие стены не помешают ей вкрасться; она отнимает у людей самые заветные чувства – любовь к отечеству, любовь семейную, любовь к добродетели и чистоте». Что же предлагает Риму Саллюстий? В духе будущих прудоновских теорий он предлагает Цезарю – искоренить деньги. «Величайшее благодеяние сделал бы ты для отечества, для сограждан, для себя и своего семейства, наконец, для всего рода человеческого, если бы искоренил вовсе, или, если это невозможно, то по крайней мере уменьшил бы любовь к деньгам. Когда она господствует, невозможно быть порядку ни в частной жизни, ни в общественной, ни на войне, ни в мире». Интересная мысль, несмотря на общий идеалистический тон писем, заключается в идее дать дорогу, как мы бы сказали, малому бизнесу. Товарно-денежные отношения должны в обществе быть более здоровыми и нравственными: «Тогда исчезнут с лица земли все посредники, и каждый станет довольствоваться своими средствами. Это верное средство, ведущее к тому, чтобы должностные лица служили не кредитору, а народу».

Изображения женских фигур из Геркуланума

В целом же история Древнего мира, оказывается, освещена далеко не полным образом. При строго научном подходе многое в истории

знаний и наук, идей и теорий древнего мира оказывается ненадежным или слабо документированным. У греков и римлян мифотворчество все еще царит над знанием. Кстати, и иные упреки Шпенглера, которые он бросает античности, не лишены справедливости. Так, он полагает, что вся история спартанского государства является выдумкой эллинистического времени, а подробности, приводимые Фукидидом, более напоминают мифотворчество, римская история до Ганнибала содержит немало надуманных моментов, что у Платона и Аристотеля вовсе не было никакой обсерватории, а науку древние сдерживали и преследовали (в последние годы правления Перикла в Афинах народным собранием принят закон, направленный против астрономических теорий). Фукидид же, по мнению Шпенглера (весьма, кстати говоря, легковесному), «провалился бы уже на теме персидских войн, не говоря уже об общегреческой или даже египетской истории». Можно было бы дополнить список приводимых им примеров «антинаучного подхода древних». Каждый из нынешних узких специалистов, конечно, мог бы предъявить свой счет к древним. Историк скажет вместе с Моммзеном, что коллеги говорили о том, о чем следовало умолчать, писали о вещах ныне неинтересных (походы да войны). Географ останется недоволен скупостью их географических сведений. Этнолог не узнает почти ничего о быте побежденных народов и т. д. и т. п. Но подобно тому как многочисленные ручьи, родники и реки служат для создания морей и океанов, так и различные источники наполняют исторический океан.

Подношение Приапу. I в. н.э.

Есть даже такие, кто недоволен Тацитом. Скажем, Виппер упрекал его в том, что историк увидел в значительной части римского народа лишь грязную чернь (*plebs sordida*), избалованную цирком, театрами или иными зрелищами. Автор пишет: «Для Тацита нет более «народа» в смысле совокупности полноправных и гордых своей самостоятельностью граждан; масса столичных жителей разбита на две группы – «чистую» и «грязную», старинное слово «плебс» стало бранным в устах людей, вращающихся в правительственных кругах; но и комплимент «неиспорченности» присуждается только тем жителям Рима, которые примыкают к знатным аристократическим домам, служат магнатам и находятся в зависимости от них. Посмел бы какой-нибудь писатель или оратор так говорить о римском народе во времена Гракхов или Мария! Но тогда в Риме были большие народные собрания, комиции и конции, была хотя бы видимость политической свободы, а теперь утвердилась неограниченная монархия, «народ безмолвствовал». У Тацита нет ни уважения, ни сочувствия к плебейству. В его глазах «чернь» как будто бы всегда виновата, а в данный момент ей ставится в укор развращенность зрелищами, которыми ее избаловал тиран и злодей Нерон, причем просвещенный и добродетельный автор забывает, что теми же подачками и зрелищами кормит толпу и боготворимый им властитель Траян». Упрекать Тацита в том, что он рисует народ таковым, каков тот есть, – занятие не только неблагодарное, но, прямо скажу, абсолютно неконструктивное. Ведь это равносильно тому, как если бы мы стали упрекать наших сограждан в том, что они доверились негодяям, которые фактически забрали у них всё, не дав ничего. Разумеется, наивность и глупость плебса может кого хочешь вывести из себя. Но мудрым в отношении этих алчных и подлых господ лучше бы последовать совету, звучащему в духе Ювенала: «Лицам доверия нет» (*Fronti nulla fides*).

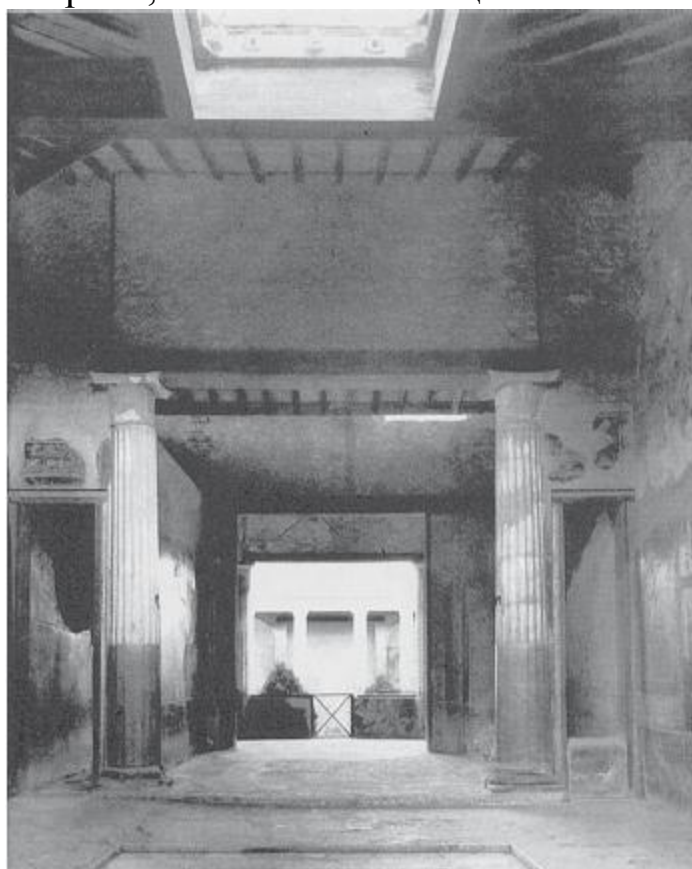

Собака на полу дома Трагического поэта

Среди историков Рима нам надо было бы упомянуть и имена двух Плиниев – Старшего и Младшего. О них известно крайне мало. Плиний Старший (23–79 гг. н. э.) родился в Новом Коме в Северной Италии. Он погиб, активно участвуя в спасательных работах во время извержения Везувия. Плиний Старший был не только историком, но и государственным деятелем, командующим флотом в Мизене. Перед тем, как полагалось, отслужил всадническую службу в Нижней и Верхней Германии, в римских провинциях по левому берегу Рейна. Вероятно, военную службу он нес совместно с будущим принцепсом Титом, когда тот еще был военным трибуном, ибо он упоминает об их «сопалатничестве» (жизни в одной военной палатке). Это характерно почти для всех пишущих римлян. Все обязаны были служить в армии, мимо чего не мог пройти никто. Тогда же он приступил к написанию своих первых трудов, из которых сохранилась лишь «Естественная история» («Естествознание»). Плиний Младший, бывший ему племянником, донес до нас то, как работал этот выдающийся римлянин. В его письме к Бебию Макру он говорит: «Мне очень приятно, что ты так усердно читаешь и перечитываешь сочинения моего дяди, хочешь иметь их полностью и просишь их перечислить... Ты удивляешься, что столько томов, при этом часто посвященных вопросам трудным и запутанным, мог закончить человек занятый. Ты удивишься еще больше, узнав, что он некоторое время занимался

судебной практикой, умер на пятьдесят шестом году, а в этот промежуток помехой ему были и крупные должности, и дружба принцепсов. Но был он человеком острого ума, невероятного прилежания и способности бодрствовать. Он начинал работать при свете сразу же с Волканалий – не в силу приметы, а ради самих занятий, задолго до рассвета: зимой с семи, самое позднее с восьми часов, часто с шести. Он мог заснуть в любую минуту; иногда сон и одолевал его и покидал среди занятий». Затемно он отправлялся к императору Веспасиану, а затем, вернувшись домой, оставшееся время отдавал занятиям. После дневной трапезы (легкой и простой пищи) летом, если было время, он лежал на солнце».

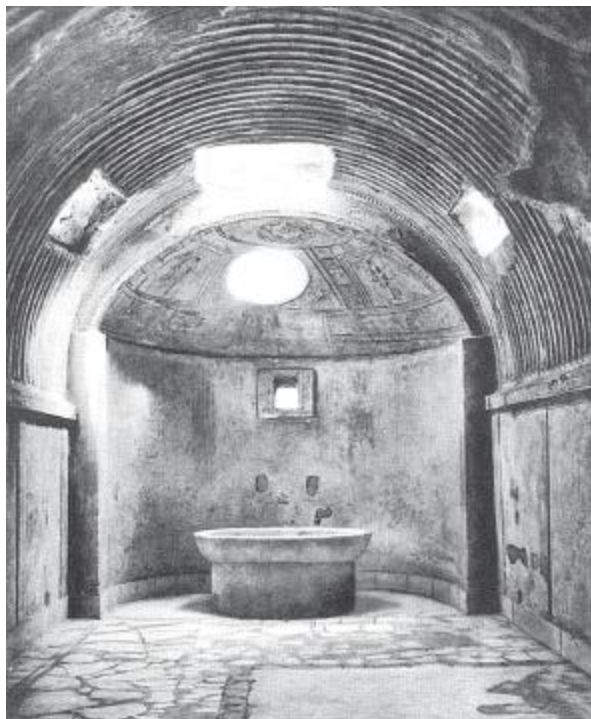
Атриум богатого дома. Помпеи

Плиния читали, а он в это время делал заметки и выписки. Без выписок он ничего не читал и любил говорить, что нет такой плохой книги, в которой не найдется ничего полезного. Полежав на солнце, он обычно обливался холодной водой, закусывал и чуточку спал. Затем, словно начиная новый день, занимался до обеда. За обедом читал и

делал беглые заметки. Временем своим, а также временем чтецов он дорожил и очень не любил, когда их прерывают. Летом он поднимался из-за обеда еще засветло, зимой с наступлением сумерек – словно бы подчиняясь некоему нерушимому закону. Таков был его распорядок дня во время городских трудов, среди городских хлопот. В деревне он позволял себе отнимать время от занятий обычно только для посещения любимой им бани.

После принятия самой процедуры, когда его обчищали и обтирали, он уже что-либо слушал или диктовал. В дороге он полностью отдавался книгам или письму: рядом с ним всегда сидел скорописец с книгой и записной книжкой. Зимой, чтобы иметь возможность постоянно работать, он носил одежду с длинными рукавами, защищавшими его руки от холода. Это позволяло даже в суровую погоду не терять ни минуты и заниматься. Вероятно, по этой причине он и в Риме предпочитал при передвижении пользоваться носилками. Как-то он даже упрекнул племянника, Плиния Младшего, за то, что тот позволяет себе тратить время на прогулки («ты мог бы не терять даром этих часов»). Потерянным он считал все время, отданное не каким-либо полезным занятиям, а пустому досугу. Благодаря такой напряженной работе он и закончил столько книг, оставив племяннику 160 записных книжек, исписанных мельчайшим почерком с обеих сторон. Плиний Младший восхищается его трудолюбием и настойчивостью и говорит, что он по сравнению с дядей – «лентяй из лентяев». И добавляет: пусть те, кто « всю свою жизнь только и сидят за книгами », сравнят себя с ним, тогда они, возможно, зальются краской стыда, ибо им покажется, что они только и делали, что спали и бездельничали. Единственный дошедший до нас его труд обычно называют энциклопедией. Он и в самом деле является таковым, если к нему применить понятие нынешнего времени, хотя энциклопедий как таковых в эпоху античности еще не было (термин появляется в культурном обиходе только в XVI веке). Видимо, следует признать за ним право и титул « собирателя » исторических и научных данных и фактов. Плиний Старший собрал огромный материал, рассеянный как в специальной, так и в неспециальной литературе. Словно историческая насадка, клюя зернышко за зернышком, он откладывал все это в утробу научного познания... И даже в отношении описания им античного искусства, пожалуй, скажем, что его труд –

«единственная сохранившаяся античная история искусства, и большинство искусствоведов и исследователей пользуется ею как важнейшим источником».

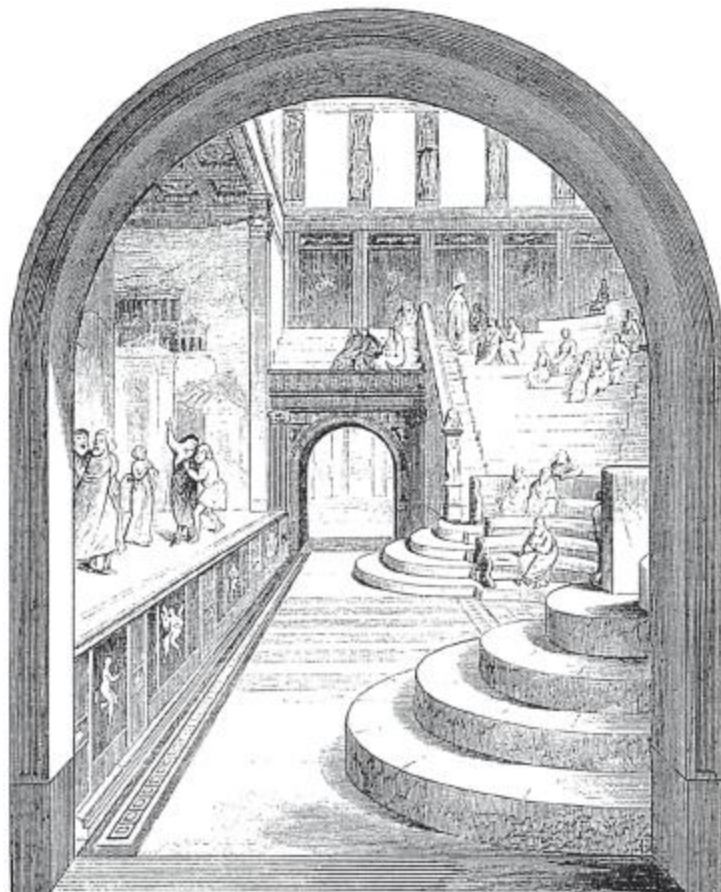

Малые бани. Кальдарий. Помпеи

Возможно, его творение и не было вполне законченной картиной, картиной тщательно выписанной, словно это полотно высочайшего художника, но все же, если использовать его же собственное определение (когда он говорит о щитах с изображением предков), мы можем твердо заявить: Плиний Старший вполне достоин быть причисленным к античному гнезду, откуда в дальнейшем вылетят многие прекрасные мастера и самые замечательнейшие произведения искусства возрожденческой Италии и средневековой Европы. Это так же верно, как и то, что будущие ораторы будут черпать образцы красноречия в трудах Цицерона, Исократы, Варрона, Квинтилиана, как черпали мудрость в Египте и у халдеев.

Конец Плиния Старшего был трагичен и в то же время по-античному красив. Как известно, Везувий был действующим вулканом, что просыпался время от времени. Первый сигнал пробуждения Везувий подал 5 февраля 62 года н. э., в восьмой год правления Нерона. Возможно, поэтому многие стали рассматривать его

правление как некий рубикон римской истории. Тацит в «Истории» писал об извержении Везувия так: «На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда и не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом...» После страшных подземных толчков в иных местах образовались глубокие пропасти. В одну из них провалилось даже целое овечье стадо в 600 голов. Пострадали в большей или меньшей степени города Кампании, богатые виллы у подножия Везувия обратились в груды развалин. Это потрясло Италию. Та воспринимала землю Кампании как рай и называла те места «счастливыми». Сюда прилетал с Крита Дедал, тут сирены прельщали пением Одиссея, тут закончил странствия Эней, сюда и потом будут стремиться многие, напевая «Вернись в Сорренто» (в Неаполь и Сорренто). Разрушению подверглись города Геркуланум и Помпеи.

Малый театр. Помпеи

Жители просили императора после катастрофы помочь восстановить места их обитания, но землетрясение 79 г. окончательно их похоронило. Везувий словно раскололся на две части. Поднялся огненный столб, и хлынули потоки лавы. Каменный дождь из пемзы, шлака, кусков земли сокрыл солнце. Поток высотой до 15 метров полностью поглотил Помпеи и Геркуланум, наполнил дома и театр раскаленной грязью, снес статуи, разрушил термы, храмы, здания. Помпеи были разрушены каменными глыбами, их залил горячий дождь и засыпало пеплом. Перед путешественниками, прибывшими к берегам вчера цветущей Кампании, открылся безжизненный мертвый пейзаж... Плиний Младший так описывал это событие: «Уже много дней ощущалось землетрясение, не очень страшное и для Кампании привычное, но в эту ночь (26 августа) оно настолько усилилось, что все, казалось, не только движется, но становится вверх дном... Уже первый час дня, а свет неверный, словно больной. Дома вокруг трясет; на открытой узкой площадке очень страшно; вот-вот они рухнут. Решено, наконец, уходить из города; за нами идет толпа людей, потерявших голову и предпочитающих чужое решение своему; с перепугу это кажется разумным; нас давят и толкают в этом скопище уходящих. Выйдя из города, мы останавливаемся. Сколько удивительного и сколько страшного мы пережили!.. Мы видели, как море отходит назад; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его. Берег явно продвигался вперед; много морских животных застряло в сухом песке. С другой стороны черная страшная туча, которую прорывали в разных местах перебегающие огненные зигзаги; она разверзалась широкими полыхающими полосами, похожими на молнии, но большими... Вскоре эта туча опускается к земле и накрывает море. Она опоясала и скрыла Капри, унесла из виду Мизенский мыс. Тогда мать просит, уговаривает, приказывает, чтобы я убежал: для юноши это возможно; она, отягощенная годами и болезнями, спокойно умрет, зная, что не была причиной моей смерти. Я ответил, что спасусь только вместе с ней; беру ее под руку и заставляю прибавить шаг. Она повинуетя неохотно, упрекая себя за то, что задерживает меня. Падает пепел, еще редкий».

К. Брюллов. Гибель Помпеи. Фрагменты

«Я оглядываюсь назад: густой черный туман, потоком расстилающийся по земле, настигал нас... Мы не успели оглянуться – вокруг наступила ночь, не похожая на безлунную или облачную: так темно бывает только в запертом помещении при потушенных огнях. Слышны были женские вопли, детский писк и крик мужчин; одни окликали родителей, другие детей или жен и старались узнать их по голосам. Одни оплакивали свою гибель, другие гибель близких; некоторые в страхе перед смертью молили о смерти; многие воздевали руки к богам; большинство объясняло, что нигде и никаких богов нет, и для мира это последняя вечная ночь... Немного посветлело, но это был не рассвет, а отблеск приближавшегося огня. Огонь остановился вдали; опять темнота, опять пепел, густой и тяжелый. Мы все время вставали и стряхивали его; иначе бы нас засыпало и раздавило под его тяжестью. Могу похвалиться: среди такой опасности у меня не вырвалось ни одного стога, ни одного жалкого слова; я только думал, что я гибну вместе со всеми и всё со мной, бедным, гибнет: великое утешение в смертной участи. Туман стал рассеиваться, расходясь как бы дымным облаком. Наступил настоящий день и даже блеснуло солнце, но такое бледное, какое бывает при затмении. Глазам все еще дрожавших людей все предстало в измененном виде; все, словно

снегом, было засыпано толстым слоем пепла. Вернувшись в Мизен и кое-как приведя себя в порядок, мы провели тревожную ночь, колеблясь между страхом и надеждой. Осилил страх. Землетрясение продолжалось, множество людей, обезумев от страха, изрекали страшные предсказания, забавляясь своими и чужими бедствиями. Но и тогда, после пережитых опасностей и в ожидании новых, нам и в голову не приходило уехать, пока не будет известий о дяде. Рассказ этот недостойн истории, и ты не занесешь его на ее страницы, если же он недостойн и письма, то пеняй на себя: ты его требовал. Будь здоров». Погибли те жители Помпей, кто промедлил или не смог расстаться с накопленным имуществом (2000 человек). Погиб при извержении Везувия и дядя Плиния Младшего, автор «Естественной истории» Плиний Старший. Начав «как ученый, он кончил как герой», поспешив на выручку к родным и близким. Он был на корабле, который вышел в море и по его приказу направился к Стабиям. Но историк продолжал диктовать секретарю все свои наблюдения и впечатления под тучами пепла и камней. Погиб он под вулканическим дождем, отравившись, словно при газовой атаке, ядовитыми испарениями. Жители Геркуланума заметили опасность, и все успели спастись.

Фреска из Геркуланума – «Нахождение Телефа»

Чтоб понять древность, а тем более современность, мало знакомства с трудами и произведениями историков, философов, политиков, недостаточно знать лиру поэтов, надо еще обратиться к их письмам, ибо письма – живой голос человека, который в интимных строках передает личные переживания и страсти эпохи. О том, почему не следует никогда чураться писем, историк Г. Кнабе говорил так: «Зачем нужно через две тысячи лет читать и перечитывать частные письма, иногда просто записки, которые в бесконечно далеких от нас краях один грек или римлянин писал другому? Прежде всего (это нужно) потому, ...что они являются ценным историческим источником. Наше представление, например, о таком решающем событии в Европе, как крушение Римской республики, было бы несравненно более скудным, если бы мы не располагали письмами Цицерона. Далее, несомненно, (еще и) потому, что письмо в древней Греции и Риме было определенным литературным жанром, и, скажем, без писем Платона или того же Цицерона, без посланий Горация или «Писем с Понта» Овидия панорама античной литературы была бы

бедней, а происхождение многих важных памятников позднейшей литературы – хотя бы переписки итальянских гуманистов или романов в письмах эпохи Просвещения – непонятным».

Право же, перечисленные нами славные имена стоят того, чтоб восславить их. Великие историки необходимы великой державе. Кто ж еще воспоеет ее героев!

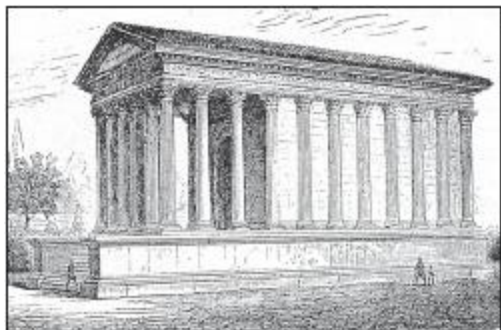
Победы Цезаря, походы Ганнибала,
Деянья Дария, пиры Сарданапала,
Власть Александра, золото царей,
Любовь прелестниц, что всех дев
милей,

Любые празднества, досуги богачей,
Награды, звания и тысячу чертей
Не променяю в жизни на тебя,
История – Царица бытия...

В. Б. Миронов

Если для передачи опыта, культуры, а также для хранения памяти о минувшем нужны историки и писатели, то вот для поддержания порядка, закона, крепости государства и общества необходимы правители, судьи, законники и чиновники. И хотя в действительности только они и считают себя «царями бытия», но если это даже не так, позволим им сохранить хотя бы иллюзию своей незаменимости.

Система управления и законодательство Рима

В Риме придавалось большое значение соблюдению законности (lex, iustitia) и права (ius). Хотя юрист Б. Кистяковский утверждал, что право «не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святыня», с ним согласиться нельзя. Право зиждется на науке, стремится к совершенству и хочет «стать святыней», в чем-то сходной с религиозной, и даже более высокой. Это подтвердил Рим, где люди большого ума и немалых достоинств занимались изучением, разработкой и комментированием права. Среди правоведов периода Республики называют П. Папирия, собравшего законы царей, Аппия Клавдия, много писавшего об иском, Сципиона Назику, П. Муция, написавшего 18 книг о гражданском праве, Катона и ряд других видных политиков, сенаторов и консулов. Многие из них с конца II и в III в. назначались на должность префекта претория, считавшегося вторым после императора лицом в государстве. Поэтому в Риме быть юристом было не только престижно, но и открывало путь к политической карьере, как в случае с Цицероном. Хотя римские юристы и не создали стройной теории права, но они приспособили его к реальным потребностям жизни. За основу развития права Рим принял Законы XII таблиц, составленные, как гласит традиция, в 451–450 гг. до н. э. Каковы их основные положения? Несмотря на представление о том, что тогда существовала полная частная собственность на землю, поскольку она могла отчуждаться, гражданская община Рима была верховным собственником земли, распоряжалась ею и контролировала. Важно то, что завещание на землю должно было утверждаться собранием народа и войска. Все

общество решало: дать кому-то наследство или же лишить одного. Право трудовой собственности, действовавшее на протяжении всей римской истории, давало возможность приобретать недвижимость и землю тем, кто уже два года ею пользовался и обрабатывал землю. Возделывавшие участки первыми получали преимущество. При Сервии Туллии, по преданию, даже первоначально бесправные плебеи получили некоторые права, и прежде всего право землевладения, а также право голоса, торговли, право отбывания воинской повинности и т. д. Таким образом, установили правило: *ubi societas, ibi ius est* (лат. – «где общество, там и право»).

Г. Семирадский. Рим. Деревня

Закон запрещал казнить людей без санкций центуриатных комиций, запрещал наделять привилегиями отдельных лиц. Контроль над всей территорией Рима и ее населением принадлежал только коллективу. Законы карали за клевету, что способствовало сохранению человеческого достоинства свободными людьми (*dignitas*). Существовали законы против роскоши, законы против ростовщиков, что завышали суммы процента. Законы XII таблиц предусматривали и практику предоставления отпущенникам прав римского гражданства. Некоторые законы Республики были чрезвычайно суровы. Так, за кражу чужого урожая полагалась смерть (виновного распинали на

кресте), за поджог здания или зерна виновного забивали до смерти или сжигали. Пойманного ночью на месте преступления вора можно было убить. Уличенных в воровстве рабов сбрасывали с Тарпейской скалы. Это же проделывали и с лжесвидетелями. Казни предавались судьи и арбитры, уличенные в подкупе, а также те, кто поднял против Рима врагов. Речь шла об общем своде правил при решении гражданских дел. Как бывает в обществе неравных возможностей, законы не всегда выполнялись должным образом. Все это понимали. Тацит даже сказал, что законы Римской республики не оберегали граждан, ибо оказались слабы против насилия, интриг и золота. Конечно, и римское право зижделось во многом на нормах греческого права. М. Ростовцев заметил, что «генезис великого мирового права мирового римского государства начал выясняться только с тех пор, как в наших руках появились документы, познакомившие нас с нормами греческого мирового права».

Рим создал весьма гибкую и прочную систему управления. Государственные дела там находились в ведении трех инстанций — магистрата, сената и народа. Магистратура, собственно и представлявшая исполнительную власть в Риме, включала диктатора, консула, претора, временного царя, цензора, триумвира, эдила, квестора и др. Высшая власть должностного лица — это и есть *imperium*.

Форум Романум

Народный трибун имел право выражать мнение народа и пользовался правом вето. Устанавливался и определенный возраст, ранее которого занять ту или иную должность было нельзя. Поэтому Цицерон и гордился тем, что занимал почетные и важные должности в минимальном возрасте, разрешаемом законом: эдилом стал в 37 лет, претором – в 40 лет, консулом – в 43 года. В том порядке, который был установлен в Риме, важным было то, что в эпоху республики ни в коем случае нельзя было обогащаться на политическом поприще. Знатные люди довольствовались знаками отличия – тогой с красной каймой, перстнем и т. д.

Несмотря на это формальное запрещение использовать политику в корыстных целях, вся история Рима свидетельствует скорее об обратном. Во-первых, для занятия высокой должности в Риме надо было обладать не только всеми правами гражданина, но и еще быть знатным и богатым. Искатели теплых мест появлялись перед сенаторами, в театрах или партийных клубах, где процветали подкупы и интриги. Потому, во-вторых, политики в большей части оказывались

продажны. Никакие строгие меры тут не помогали, и даже непримиримый Катон считал, что с политиками ничего поделать нельзя. Такова уж их природа... И все же римские законы, государство старались держать их в строгих рамках закона.

В эпоху империи гражданское и уголовное законодательства расширились. Так как преступлений стало больше, то и судопроизводство усложнилось... Среди уголовных преступлений наиболее сурово преследовались такие, как измена государству, казнокрадство, вымогательство, подкуп, убийство, сопротивление властям, насилие, возбуждение мятежа. В 149 г. до н. э. была учреждена особая комиссия по преступлениям о вымогательстве, затем были учреждены и другие постоянные комиссии... Наказание за преступления состояло в лишении жизни, свободы, права гражданства и состояния, в денежной пене. Степень наказания зависела от характера преступления и общественного положения подсудимого. Однако обвиненные могли избежать смертной казни, если добровольно уходили в изгнание. Существовало такое наказание, как исключение из римской общины. Осужденный должен был оставить отечество, в противном случае его мог убить безнаказанно любой гражданин, ибо он уже оказывался вне защиты законов. Сравнивая наказания, которым подвергались римляне во времена республики и империи, скажем: в эпоху республики строгость нравов делала в какой-то мере излишней особую строгость. Потере, ограничению прав граждан подвергался в том случае, если он попадал в плен к неприятелю (на время плена), в кабалу за долги или в виде наказания за какое-либо важное преступление (уклонение от воинской повинности, от платежа податей, за сношение с врагом и т. д.). Самым суровым считалась продажа в рабство, выдача неприятелю, а менее суровым – изгнание, административная высылка с сохранением прав гражданства, опала.

В целом форма имперского правления для того времени оказалась наиболее адекватной и удобной для большинства населения если не всей ойкумены, то по крайней мере Рима. В римских установках была своя мудрость. Римляне умели не только побеждать, но, главное, они извлекали пользу из своих побед. Власть в провинциях имела четкие и разумные границы. Во-первых, она не была нигде постоянной. Руководители провинций менялись и строго контролировались Римом. Во-вторых, важные посты не продавались. В-третьих, такой чиновник

жил на жалованье и не мог извлекать личные доходы из поста, превращая его в синекуру. Законы римлян были достаточно строги. Это и многое-многое другое делало римское государство устойчивым. К тому же провинциалы могли стать гражданами великой Империи. Многие к этому упорно стремились, считая за честь носить звание римского гражданина. В итоге в течение I в. н. э. римская гражданская община превратилась в унифицированное италийское государство, а жители Италии обрели права римских граждан. Цезарь и Антоний, Август и Клавдий являлись не только принцепсами граждан Италии, но и императорами обитателей Империи. За столетие после эры Юлиев-Клавдиев процесс приобрел такие масштабы, что Марк Аврелий уже подумывал о распространении римского гражданства на всех провинциалов. Одной из сильных сторон Империи было и то, что главной структурной единицей имперского управления был все же не бюрократический аппарат – самоуправляющаяся гражданская община (колония, муниципий). Сам аппарат Империи был довольно невелик. Во всяком случае, у провинциальной знати после эдикта императора Каракаллы (212 г.) появилась возможность на полных правах включиться в общественную жизнь империи.

Пьетро Баратта. Правосудие. Летний сад

Римское право первых веков новой эры (это уже период империи), по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «наиболее совершенная» форма права, покоящегося на частной собственности. Причем наиболее разработанной и ценной частью среди отраслей римского права было частное право. Ульпиан дал классическое разграничение публичного и частного права: «Публичное право есть то, которое относится к положению римского государства; частное – которое (относится) к пользе отдельных лиц». Иначе говоря, частное право (*ius civile*) – это нормы права, защищающие интересы отдельного лица или лиц в их взаимоотношениях с другими людьми (семейные отношения, собственность, наследование, обязательства сторон и т. д. и т. п.). Первоначально, в древнейший период Рима, полноправными людьми признавались лишь римские граждане. Тот, кто не входил в общину, рассматривался как бесправный. Их относили к врагам («hostes») и на них не распространялась защита общества. К началу новой эры по мере расширения границ Империи потребовалось расширить и границы права, ибо в Римскую империю стали входить муниципии, колонии, общины и провинции. Расширялась и торговля между различными частями империи и другими странами. Все это требовало признания сторонами прав собственности, права заключать договора, подтверждать их и нести ответственность за сделки. Потребовалась и тончайшая разработка отношений простых товаровладельцев (купли, продажи, ссуды, долга, договора и прочих обязательств). Поэтому для регламентации всех этих норм во взаимоотношениях между римлянами и не-римлянами выработалась особая система частного права – «право народов» (*ius gentium*). Как пишут специалисты, точность формулировок, ясность построения и аргументации, глубокая жизненность, конкретность, практичность права и, разумеется, полнейшее соответствие юридических выводов интересам римской властвующей элиты – вот отличительные признаки частного римского права.

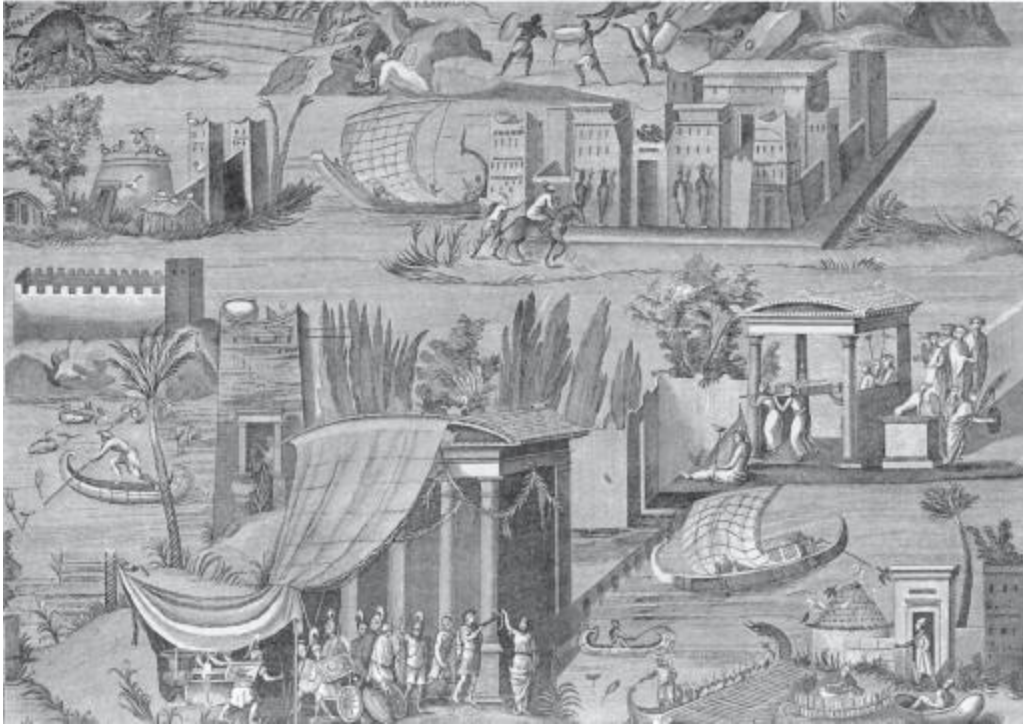

Фемида. Вазопись V в. до н.э.

Какого-то резкого разрыва в общественном строе ранней и начала поздней Империи не произошло. Основные принципы организации имперского общества в позднеантичный период сохраняли дух гражданственности и правопорядка. Та мощная правовая база, которая сформировалась в I–III вв., подкрепляла общие положения. Началом поздней античности считается год 212, когда Каракалла распространил гражданские права на большую часть жителей провинций. Это решение Аврелий Виктор объяснил так: «Ради укрепления и распространения римского права обладание им предоставлено многим чужеземцам...» Возьмем пример Испании. Тут наблюдался бурный процесс романизации. Район долины Бетиса стал областью, почти полностью романизованной. Племя турдетанов, обитавшее тут, приняло латинский язык и забыло свой собственный. Латинский язык был языком администрации, судов, религии, торговли, равно как и языком межнациональных сношений в туземной среде. Наряду с двуязычными надписями на местных монетах все чаще появляются

латинские легенды. Тут почти не осталось следов местной религии, действуют устроенные по римскому образцу школы (в одной из них учился и Сенека). Все население Испании составляло в начале I в. до н. э. 5–6 миллионов человек. В романизованных зонах проживало около половины, то есть 2,5–3 миллиона. Причем в Бетике жило около 100 тысяч римских граждан. В других же зонах сохранялся местный язык, своя культура и искусства. Местное население привлекалось к работам на рудниках. Важным итогом романизации стало и распространение городской системы управления. Хотя большая часть Пиренейского полуострова (внутренние и западные районы Ближней Испании) находилась в частичном владении Рима, тут все же стояли римские легионы. Отсюда шла в Рим военная добыча, эти области облагались налогом. Римляне распространяли свою власть на все туземные территории. В результате мелкие поместные царства исчезли. Акцент на районы Бетики был вызван тем, что именно тут находились богатейшие запасы меди и серебра. По Страбону, четверть медной руды Бетики составляла чистая медь, а хозяева серебряных рудников добывали в день эвбейский талант, т. е. 26 кг чистого серебра. Плиний говорит о двух рудниках этой области, из которых один давал 400 тысяч, а другой – 200 тысяч фунтов металла в год. Эти богатства отправляли в Италию через южные порты (Гадес). Большим спросом в Риме пользовалось и испанское вино. Таким образом, разработки полезных металлов, интенсивная торговля, рост городов, содержание солидной оккупационной армии римлян в Испании, рост числа рабов и пополнение колонистов, участие местного населения в войнах и экспедициях Рима (в качестве вспомогательной силы), получение ветеранами земель, все новые потоки людей, устремлявшихся из внутренних районов страны в города, – все это ускоряло процесс романизации.

Мозаика богатого дома. Палестрина

На понятие права, выработанное римлянами, сильное влияние оказало учение стоиков об общем естественном законе. Стоики рассматривали все мироздание как своего рода естественное государство, что установлено самой природой. Люди должны жить в согласии с природой, руководствоваться ее законами и быть добродетельными: мудрыми (знать то, что согласно с законами природы, а что нет), мужественными (понимать, на что можно посягать, а на что посягать нельзя), умеренными (различать, что следует удержать у себя, а от чего лучше отказаться) и справедливыми (уметь распределять внешние блага сообразно с достоинствами людей). Стоики видели в человеке не только гражданина какого-то отдельного «малого государства», но и гражданина «всего человечества».

В этом смысле правовая деятельность Рима заслуживает самого пристального внимания. Естественное право, как считали крупнейшие римские юристы (Гай, Пипиниан, Павел, Ульпиан, Модестин и др.), воплощало в себе ряд требований справедливости. Оно выражало ту основополагающую идею, что право вообще справедливо. Весомым считал вклад римлян в правовую культуру человечества известный

русский юрист И. В. Михайловский. В «Очерках истории права» он назвал римлян классическим народом права. И если у них тем не менее не было настоящей науки права, если у них общие теоретические построения были слабы, продолжал автор, то это главным образом объясняется преобладанием чисто практической деятельности над теоретической и довольно-таки слабым развитием философии: «Ничего самостоятельного в этой области римляне не дали, а результаты греческой философии восприняли чисто эклектически».

Несмотря на некоторые неблагоприятные условия, римляне все же оставили в области права немало глубоких идей. Оставляя в стороне известную ценность римского гражданского права как прагматического источника, остановимся на результатах их мысли, важных для философии и методологии права... «Прежде всего необходимо отметить, что впервые в римском праве человек появляется как самостоятельный деятель, человеческая воля, свобода – как главный фактор. Римские юристы воспользовались результатом стоической философии и развили учение о *jus naturale*. Это – право, выражающее порядок жизненных отношений, установленный природой, порядок, вытекающий из природы человека, природы вещей и природы отношений. В этом учении выражена чрезвычайно важная мысль, а именно: жизненные отношения имеют свою естественную природу, они включают в себе указания на то, как надо формулировать соответствующую юридическую норму. Законодатель должен подметить и выразить эту скрытую, естественную норму. Кроме этой «природы вещей» римляне в своих воззрениях на *jus naturale* пользовались как руководящими началами: 1) общностью данного правила всем народам и 2) чувством справедливости. Источники римского права изобилуют ссылками на естественное право, имеющее всеобщий характер и притом характер обязательный... общеизвестные места Дигест доказывают воочию, что римские юристы видели в естественном праве далеко не только чисто теоретические построения, проекты идеального права». Другое дело – как римские юристы применяли это открываемое ими естественное право в повседневной жизни...

Римский зал. ГМИИ

Колонны римского права были установлены столь основательно и прочно, что на них воздвиглось все здание последующего европейского законодательства. В случаях коллизии норм положительного права с естественным римские юристы никогда не проповедовали ничтожности соответственной нормы, продолжает Михайловский, они никогда не нарушали принципа законности. Осторожно и медленно путем толкования, фикций вводили в жизнь положения естественного права, оставаясь всегда на почве положительного. «Например, никто из них не отрицал *законности* рабства, хотя и признавал противоречие его естественному праву. Отсюда – медленная работа юристов, направленная на постепенное смягчение действующего права путем толкования всех сомнений в пользу естественного права. В результате – появление (в Риме. – В. М.) целого ряда норм, ограничивающих власть господина над рабами и облегчающих получение ими свободы... Резюмируя сказанное о естественном праве в Риме, мы находим следующие черты, характеризующие это право: 1) вечность, неизменность и разумность; 2) оно – основа положительного права и 3) оно – критерий для его

оценки и надлежащих улучшений. В сущности, это понимание тождественно с греческим». И если, как увидим, несправедливость все же продолжала править миром, то это означало лишь своеобразное понимание древними законов права.

В области международных отношений нет ни одной идеи, которая в зародыше не встречалась бы ранее – в классическую эпоху. Римляне пытались соблюдать право войны, верность слову, свои клятвы (даже по отношению к противнику). Если клятвы нарушались, виновный выдавался врагу. Так, подобное случилось с Луцием Манлием и Луцием Миртилом, которые избили карфагенских послов и были затем увезены в Карфаген. По совету фециалов, учрежденных Нумой Помпилием, Квинт Фабий Амбуст, убивший галла до официального объявления войны, подлежал выдаче галлам. Но римская толпа воспротивилась законному акту. Фециалы управляли внешними сношениями, ведали обрядом возвещения и объявления войны. О ненадежности договоров свидетельствовало уже то, что при их заключении не требовали ни поручителей, ни заложников, только одной клятвы о том, что в случае нарушения договора гнев Юпитера поразит весь римский народ. Видимо, эти клятвы нарушались, причем не однажды, раз с тех веков пришла к нам известная формула: «Хочешь мира – готовься к войне».

Пьетро Баратта. Милосердие. Летний сад

В целом система как таковая, как правовой инструмент международного права, которая бы гарантировала его выполнение, отсутствовала. Древний мир не был готов признавать иные аргументы, кроме силы. В основе противоречия лежала убежденность в том, что истинное право может применяться только к своим, и только к знатным, свободным и богатым. Ведь даже умнейшие головы Эллады и Рима отрицали наличие равенства между ними и «варварами». Сократ говорил, что «греки настолько же выше варваров, насколько люди выше животных». Другой мудрец, Аристотель, цитируя Еврипида, прибавлял, что «варвар по природе то же, что и раб». В том мире, где раб никогда не был субъектом права, он не мог считаться полноправным. Вспомним хотя бы о том, какой яростью преисполнялись спартанцы, слыша речи даже о теоретической возможности предоставления минимума прав рабам-илотам. Право служит «своим». Фукидид отмечал, что главный и решающий фактор права – достижение преимущества государства любым способом и путем. И тут цель оправдывает средства. В Риме слово «иностранец» и

«враг» являлись почти синонимами. В отношении врагов не могло существовать никаких правовых норм. Даже в более позднюю эпоху к ним прилагалось определение – «*mars exlex*» (то есть «беззаконной войны»). Тит Ливий формулирует так римский взгляд на эту проблему: «Что бы я ни сделал с врагами, право войны меня оправдывает». При таких нравах и порядках смешно было бы говорить о каких-то мирных отношениях, о равноправии меж странами, чувстве солидарности и проч. и проч. Разумеется, существовали союзы и некие взаимоотношения между субъектами права, но все это носило поверхностный, второстепенный характер. Каждый знал, что главное – это сила. Поэтому и священные ворота бога Януса, храм-арка, закрывавшиеся только в мирное время, чуть ли не на протяжении всей римской истории оставались открытыми (закрывались дважды – до Августа, трижды – в годы его правления).

Трон знатного римлянина

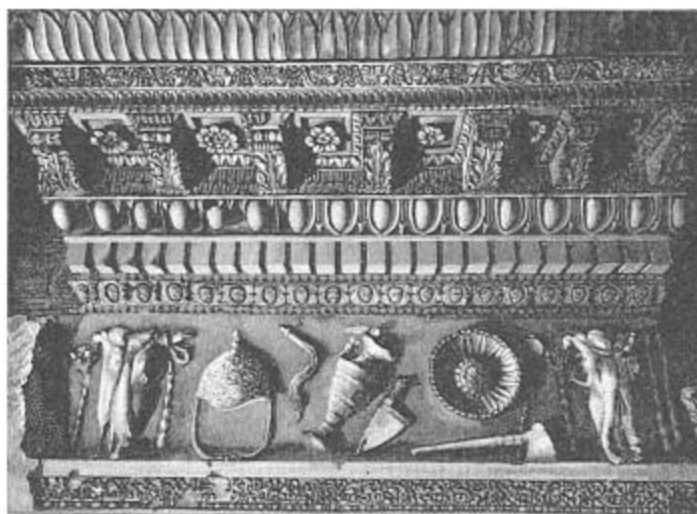
В отношении собственного народа римляне старались строго придерживаться рамок разработанного законодательства. Греки и римляне многое дали миру в плане разработки последующей юридической теории и практики. В частности, Ю. Ланге в работе «*Vindiciae contra tyrannos*», или «Возмездие тиранам» (1569), использовал греко-римское понятие государственного договора для оправдания сопротивления при нарушении монархом божественных законов или же при подавлении им народа. Эта теория вплоть до Французской революции служила основой всех политико-юридических построений нового устройства государств. Она также, отмечает В. Дильтей, была творением древности, возникла в эпоху греческого просвещения в условиях насилия, как бы перманентной революции, опустошавшей греческие полисы в период

Пелопоннесской войны. Платон дал классическое изображение этой теории, а римские юристы внесли свою лепту.

Несовершенство римского права изначально определено уж самым характером римского владычества. Там, где воцаряется как единственная и полновластная сила всемирная империя (будь то Рим, Карфаген, Македония, США, Россия, Китай, евреи или мусульмане), там мира и спокойствия нет. Это невозможно в силу взаимоотношений между субъектами и объектами права, о чем говорит вся мировая история. Таубе в книге «Христианство и международный мир» писал, что единая всемирная империя, означала, конечно, невозможность международного общения и права, ибо мировое государство и международное право – понятия, исключаящие друг друга. Правда, установившийся таким образом внутри всего круга народов бассейна Средиземного моря тогдашний мир – «рах гомана, рах festa» («римский мир – мир прочный») – явился для подчиненных Риму народов цивилизирующим фактором немаловажного значения. Однако с международно-правовой точки зрения это был фактор, конечно, отрицательный. Ведь этот мир держался только мощью легионов. Он хрупок и ненадежен, ибо был принят под дамокловым мечом Рима. Поэтому и на границах продолжалась «вечная война» «варваров» с «цивилизованным» Римом. Тысячу раз прав М. Таубе, говоря, что покоренные народы с полным правом могли бы бросить в лицо империи слова: «Вы подлецы и лицемеры!» Или же слова Тацита: «Грабители мира, которых не мог насытить ни Восток, ни Запад, превращают все в пустыню – и зовут это миром». Разве не то же говорят сегодня многие в адрес США? Америка, и это очевидно, стремится вынудить мир признать волю ее империи – *Rax Americana*.

Римские законы не являлись чем-то незыблемым, как и законы Греции. Они со временем претерпевали эволюцию. В ранний период истории, при Республике, Римское государство в какой-то мере еще можно было отнести в правовом смысле к типу «народного государства» (Полибий). Формально власть сената и консулов была подчинена тогда народным представителям. Однако уже тогда правильнее было говорить о внешней форме власти, своего рода ограниченной монархии. То же мы видели и в Македонии, ибо цари там приобрели власть не насилием, а по закону. «Македоняне привыкли жить под царской властью, но под сенью большей свободы,

нежели прочие народы» (Квинт Курций). То же видим у греков и римлян в начальный период их истории. Гераклиды, основав свое царство, вынуждены были управлять в пределах, предписанных законами. Пока это было так, пока они держались своих обязательств в отношении своего народа, они сохраняли в их руках и царство. В то же время восточные народы находились всегда в безусловном полном подчинении у своих царей, считая это положение в порядке вещей. Римляне изгнали Тарквиния Гордого за гордыню, чтобы слишком много не брал на себя. Восток же, полагали римляне, не мыслил жизни без гнета и раболепия. У Аристотеля в «Политике» сказано: «Обитатели Малой Азии терпеливо переносят неограниченное владычество». Тит Ливий писал: «Сирийцы и прочие азиатские племена рождены для рабства». Батав Цивилис обратился к галлам с такими словами: «Рабство составляет удел Сирии и Азии, и покорного своим царям Востока» (Тацит). Так же относились к своим царям и евреи, хотя им присущ бунтарский дух (их не назовешь раболепными). Понятно, что при таких взаимоотношениях народ платил царям той же монетой.

Греческий стиль в Риме

Римляне, греки, македоняне, германцы, скифы проявляли твердую готовность к разумному повиновению, но могли и убить царя в случае нарушения им своих обязательств. Впрочем, убийство тирана или правителя тут не главное. Главное другое – ответственность царя, цезаря, консула, императора перед государством и народом. В случае с западными державами уровень такой ответственности был там всегда

выше, чем на Востоке. Безусловно, это огромный плюс для народов, имевших традицию племенной демократии (в той или иной форме). Галлы и германцы тоже имели царей и королей, обладавших временным правом на царство. У них был авторитет, но не безграничная власть над своим народом.

Другое дело Восток, где воцаряется сатрапия, которая ни за что не отвечает в принципе. В «Персах» у Эсхила Атосса так говорит о персидском царе: «Он не ответственен пред государством». Гельвеций в труде «О человеке» отмечает: «Римляне воевали сто лет с вольсками; им потребовалось пятьсот лет для завоевания Италии; но достаточно было им только показаться в Азии, как она покорилась им. Могущество Антиоха и Тиграна рухнуло при их появлении, подобно тому как рухнуло могущество Дария при появлении Александра». Рим так ее и не покорил.

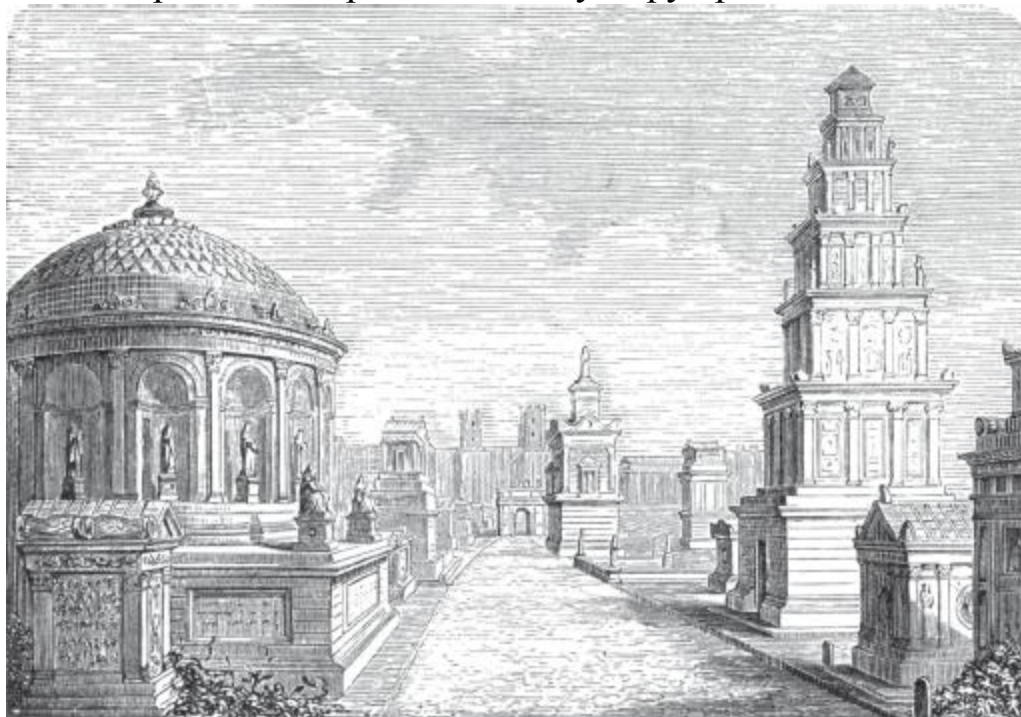

Галльский воин

Как выходят римляне из сложных ситуаций при решении вопросов управления огромным государством? Они не боялись сосредоточить власть в одних руках в тяжелые времена, обращаясь к институту диктатуры. В V–IV вв. до н. э. в Риме преобладали сугубо военные цели назначения диктаторов с *summum imperium*. Ливий более тридцати раз говорит о введении диктатуры как главной задачи для отражения агрессии. Это не значит, что диктатор не вмешивался во внутренние дела. Правы историки, подчеркивающие, что в Риме с самого начала «носителю экстраординарного империя отводила роль военно-гражданского вождя» (Н. Трухина). Диктатура – эффективный инструмент, и абсолютным большинством античных авторов она рассматривается именно как таковая. Даже уже сам факт назначения диктатора вызывал смятение в стане врагов Рима. Причиной такого назначения диктатора сенатом могли быть не только военные угрозы (за период от 435 г. до 350 г. до н. э. из-за внешней войны было назначено 19 диктаторов), но и внутренняя смута, восстания. Срок деятельности диктатора был ограничен 6 месяцами. Подчеркнем, что диктатор должен был заботиться не о сословных, но о общегосударственных интересах. Такое единоначалие приносило результат.

Нужно понять, почему многие в Риме и провинциях ратовали за диктатуру и императорскую власть. Республика – прекрасное название. Но на практике оно со временем стало напоминать нечто пустое, оболочку без тела. Тело, разумеется, было, но оно стало неуклюжим и уродливым. Парадоксально, но именно в республиканский период у покоренных Римом народов менее всего прав. Им запрещалось создавать союзы. Они были лишены минимума политических прав. Рим руководствовался одним правилом – «разделяй и властвуй». Для римской знати завоеванные земли становились собственностью римского народа. Конечно, законы декларировали высокие принципы (на словах). Но кто не знает цену таким декларациям! Конец республиканского периода, когда провинции становились источником бешеных доходов и яблоком раздора, похоже, не вызывал сожаления у населения Рима и всей империи. Не знаю, как уж там насчет «начала новой, более счастливой жизни для провинций», но вот некоторая упорядоченность в управлении все же возникла, когда провинции

стали «под охрану императора». Ясно было и то, что управлять такой большой империей демократически в ту пору вряд ли было возможно.

Аппиева дорога в древности

И не думаю, что это возможно сейчас... Похоже, уже Цезарь четко понимал, что модель управления, годная для небольшой территории, должна быть в корне изменена при расширении владений. Одно другому не помеха. Учреждая некое подобие автономии, создавая местные собрания, давая им права и льготы, император обрел в лице провинциалов если не друзей, то по крайней мере союзников. Наместники цезарей ощущали бдительное око местного люда и побаивались их глаза. Показательно одно из высказываний той поры. «Наши подданные некогда трепетали пред республиканскими проконсулами, – заявил один из сенаторов, – сегодня императорские проконсулы трепещут перед нашими подданными». Цезари искусно этим пользовались. Плебей мог управлять аристократом, а вольноотпущенник иногда становился более важной персоной, чем сенатор или богач. Императоры умели вести дела и разговаривать с народом. Так, великий Цезарь стал «отцом всех», будучи «никому не сын». Он умел располагать людей к себе. Не зря французский историк Р. Этьен, говоря об Отце Отечества, назвал его «отцом отцов и

господином людей», выразил восхищение его политическим умом, достижениями культуры, которые он создал и внедрил в Риме, и без тени иронии заметил, что со смертью Цезаря иные чувствовали себя осиротевшими.

И все же не стоит переоценивать симпатии провинциалов. Тем более не стоило бы делать из этого ложные выводы о «любви» покоренных народов к цезарям или сенаторам. Ну а как же культ императоров? Как объяснить многочисленные статуи в честь цезарей, консулов, проконсулов (Цезарю, Фламинину, Марцеллу, Сцеволе, Цицерону, Августу)? Ими полнилась вся Империя... Статуи вождям дело понятное. «...мы говорили о том, что императоры всегда были особенным предметом похвал, лести, а подчас и искренней любви для провинций, что почести и благодарности сыпались даже самым худшим императорам, что преклонялись не только пред их земным могуществом, но и чтили их, как богов. Во всем этом, правда, есть много рабского, унижительного для человеческого достоинства, но... император был полный владыка, от которого исходило и добро, и зло. Этого уже достаточно, чтобы внушить полчиненным уважение, смешанное со страхом, чем, в сущности (в большинстве случаев, конечно), и были все эти внешние признаки благодарности, эти памятники, храмы, адреса, забота о которых и была второй функцией провинциальных собраний». Скажем, в Африке *concilium* воздвиг памятник даже ребенку главы – сыну прокуратора.

Следы римского былого величия

Учтем, что большое число статуй посвящено не только персоне императора, но и самому государству – могучему Риму. Подобная реакция в порядке вещей для мира, где власть и сила обожествляются. В азиатских городах издавна ставились статуи, посвященные «силе». Когда же завоевания римлян стали достигать Азии и затронули тамошних греков, те, желая польстить новым владыкам, указали на эти статуи и перевели похожее греческое название как «Рим» (Romaе). Хитрые греки заявили, что они давно почитают римскую столицу как свою владычицу и богиню. С этого момента всюду распространился и культ Рима как божества.

Чтобы юридический акт проник глубоко в недра общества, требовалась жизнь двух-трех поколений. Поэтому хотя процесс шел уже со второй половины II в., система стала реально действующим фактором при императоре Диоклетиане... Процесс уравнивания в правах шел неодинаково в Италии и на Балканах с Малой Азией. Италия

господствовала политически, а восточные земли находились в подчиненном и угнетенном положении. Основная масса населения тут была лишена гражданских прав. В Италии действовало римское право, на Балканах и в Малой Азии среди провинциалов доминировало преимущественно греческое право. Существование фактически двух центров политической власти и очагов культур, двух типов законодательств, двух центров притяжения, разумеется, ослабляло власть Рима и постепенно расшатывало и саму Римскую империю. Тем более что право не распространялось на чужестранцев... Владеть землей на территории Рима мог только римский гражданин. Отсюда и формула «мое по квиритскому праву». Законы Рима, правда, говорили о равенстве сословий, ибо вовсе не упоминали об их существовании. Однако в действительности разница между регионами и группами граждан, населяющих империю, существовала. И с годами все эти различия сыграют роковую роль в ослаблении устоев Рима.

Вид на главный алтарь Пантеона

Эта великая держава устанавливала законы и правила поведения на тысячи лет вперед. И хотя у римлян не было своего Ликурга, но

десятки и сотни ликургов выстроили систему известного равновесия и разделения властей. Уже Ромул и цари, казалось бы, создали неплохие законы, отвечавшие духу свободы. А когда цари лишились власти, их место заняли консулы и сенат. Затем возник институт плебей-ских трибунов. В некотором смысле это было уникальное для той поры соединение прав, полномочий, прерогатив аристократов, самодержавия, народа. Макиавелли в «Государе» подчеркнул всю важность подобного союза властей: «Судьба была столь благосклонна к Риму, что, хотя он переходил от правления Царей и Оптиматов к правлению Народа, проходя через вышеописанные ступени и повинуюсь аналогичным причинам, тем не менее царская власть в нем никогда не была полностью уничтожена для передачи ее Оптиматам, а власть Оптиматов не была уменьшена для передачи ее Народу. Смешавшись друг с другом, они сделали республику совершенной». То, что Рим просуществовал столько лет, свидетельствует об уникальности его устройства. И лишь в XX в., с высот новейшего времени, Шпенглер дерзнул заявить: «Таким образом, Imperium Romanum предстает уже не уникальным феноменом, а нормальным продуктом строгого и энергичного, свойственного масштабам мирового города, в высшей степени практического интеллекта и характерной финальной стадией, уже неоднократно повторявшейся, но не идентифицированной до настоящего времени. Поймем же, наконец, что тайна исторической формы не лежит на поверхности и не постигается из сходства костюмов и сцен...» Так где же она? Вероятно, тайна любого большого успеха государства или личности состоит прежде всего в том, что они оставляют после себя истории и человечеству. Каков труд – такова и память!

Созидательная работа в Римской империи

У Римского государства было немало и позитивных сторон. Рим обустроивал империю, украшал города, строил дороги. Строительство шло повсюду. Ведь не случайно Рим назван «мировым городом». Афиней называл жителей Рима даже «народом вселенной», говоря, что без ошибки можно было бы назвать Рим и «выжимкой вселенной». Напомним, что ко II в. н. э. население Рима составляло около 1 млн жителей, а все население греко-римского мира 50–60 млн человек. Поэтому действительно, глядя на Рим, можно было одним взором окинуть «все города мира», как бы размещившиеся в нем. Многие из посетивших этот город легко могли бы тут по разным приметам увидеть: и «золотую Александрию», и «прекрасную Антиохию», и «великолепную Никомедию», не говоря об Афинах. Так, Афиней подчеркивает: «Мне дня не достало бы, возмись я перечислять все города в небесном граде римлян, – не хватило бы и всего календаря – настолько Рим многолик! И целые народы поселились в нем, собравшись в одно место, – не говоря о прочих, назову каппадокийцев, скифов, понтийцев». Град Мира!

Старая Аппиева дорога в наше время

При Августе построен «Большой цирк», рассчитанный на 150 тысяч зрителей. Дорожная сеть империи составляла более 80 тысяч километров, а если взять все дороги, созданные за 200 лет, называют цифру и вовсе поразительную – 300 тысяч километров! Одной из самых известных дорог была знаменитая Аппиева дорога, прекрасно сохранившаяся до сих пор, которая начинается у Терм Каракаллы. Она как бы открывает Риму «окно на Восток». Виа Аппиа – одна из старейших дорог мира, прозванная «*regina viarum*» («царица дорог»). Постройку ее в 312 г. до н. э. начал римский государственный деятель Аппий Клавдий. Затем дорогу дотянули до Бриндизи. После падения Империи дорога была заброшена, о ней почти забыли, «открыв» вновь в эпоху Ренессанса. Когда-то в мире говорили: «Все дороги ведут в Рим». Впрочем, не только в Рим. Например, из Карфагена в Марокко (через нынешний Алжир) шла непрерывная дорога длиной в 2 300 км. Строились храмы, выполнявшие не только религиозные, но и иные функции. Храм Артемиды в Эфесе превращен жрецами в банк, где хранились богатства знати. Конечно, нельзя не сказать еще об одном из чудес Рима – грандиозном римском Пантеоне.

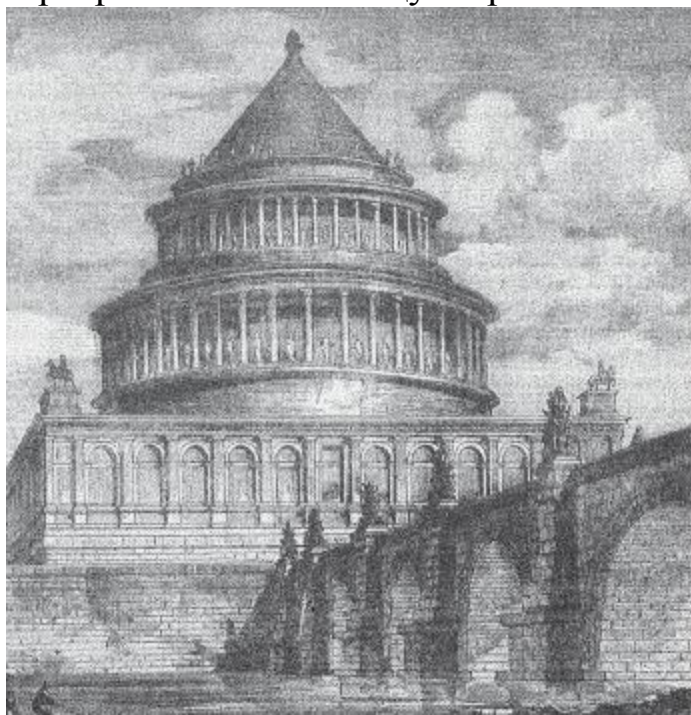

Интерьер Пантеона

Пантеон построен до начала нашей эры Марком Агриппой в честь императора Августа – и в 120 г. новой эры (при Адриане) обрел современные формы. Из всех известных античных памятников он дошел до нас в наилучшей сохранности. В этом памятнике привлекает гармоничное сочетание фронтального портика с тимпаном, что как раз и характерно для греческих храмов, с круглым корпусом. Такая же форма была принята и для римских бань. Его полусферический купол превышает высотой даже купол собора Св. Петра. Диаметр основания и высота здания равны (43 м). Храм отличается удивительная ясность, легкость пропорций. В Пантеоне захоронены останки многих выдающихся художников Италии (Рафаэль, Каррачи).

В Риме вы видите и великолепные мавзолеи... Все прочие своими размерами превосходит изумительный мавзолей Адриана. Правда, по тому, что осталось от него, трудно составить представление, каково было сие сооружение в древности. Византийский историк Прокопий оставил нам его описание. Это был наиболее значительный после Колизея памятник римской архитектуры. Мавзолей имел квадратное основание, на котором возвышалась высокая башня, украшенная дорическими колоннами, статуями и нишами для эпитафий по

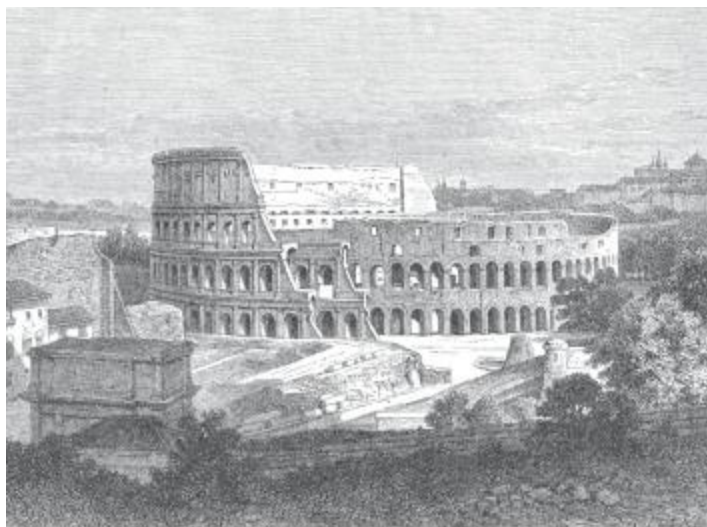
умершим. На вершине башни находилась колоссальная скульптурная группа из бронзы, изображавшая Адриана на квадриге. Стены огромной толщины облицованы благородным мрамором. Здесь потом захоронят останки целого ряда римских императоров – до Каракаллы включительно. Мавзолей был свидетелем многих событий истории, был укреплен и превратился в настоящую крепость на Тибре.

Мавзолей Адриана

Безусловно, Рим способствовал развитию ремесел, подъему промышленности, разделению труда. В трактате Катона сказано: «Лучшие плуги изготавливаются в Риме... В Капуе и Ноле следует закупать ведра, амфоры для масла, ковши для воды и вообще медную посуду... канаты же для прессов следует приобретать в специальной мастерской Гая Менния, сына Луция, в Венеафре». Однако занятие ремеслом (что собственно и создает общественное богатство) считалось делом презренным и ничтожным. К ремесленникам знать относилась как к мужланам и невеждам. И все же это не мешало вести большую и успешную созидательную работу по обустройству империи. Вечный город, да и другие города империи требовали внимания. Возникла пожарная служба, насчитывавшая в Риме 7 тысяч человек. Учредил коллегия пожарных Плиний Младший, бывший при

Траяне легатом и куратором города. Основа водопроводной системы Рима сохранилась до наших дней. «Если бы, – писал Плиний, – кто-нибудь захотел измерить все количество воды, текущей для общественного употребления в банях, прудах, каналах, дворцах, садах, пригородных имениях, измерить те расстояния, которые она протекает, сооруженные арки, прорытые горы, сровненные долины, то он должен был бы сознаться, что во всем мире никогда не было ничего более достойного удивления». Римляне строят акведуки, мосты, бани, театры и т. п.

Колизей в XIX в.

В 75 г. н. э. при императоре Веспасиане приступили к строительству Колизея (окончен в 80 г. н. э. при Тите). Его создали на месте искусственного озера в садах «Золотого дома» Нерона, одного из самых знаменитых памятников эпохи Римской империи. Свое название он получил от латинского слова *colosseum* – «колоссальный». Считают, что это определение первоначально относилось не к амфитеатру, а к стоявшей рядом огромной 30-метровой статуе императора Нерона, изображенного в образе бога Солнца. Колизей превосходил все, что до той поры было создано римлянами. Поэтому римский поэт Марциал назвал его чудом света. Строили его рабы и военнопленные из покоренных Римом стран, включая евреев, захваченных в 70 г. н. э. после покорения восставшей Иудеи. Эта стройка века шла днем и ночью под руководством архитектора Квинтия Атерия. Колизей

(амфитеатр Флавиев) мог одновременно вмещать до 50 или даже 80 тысяч человек.

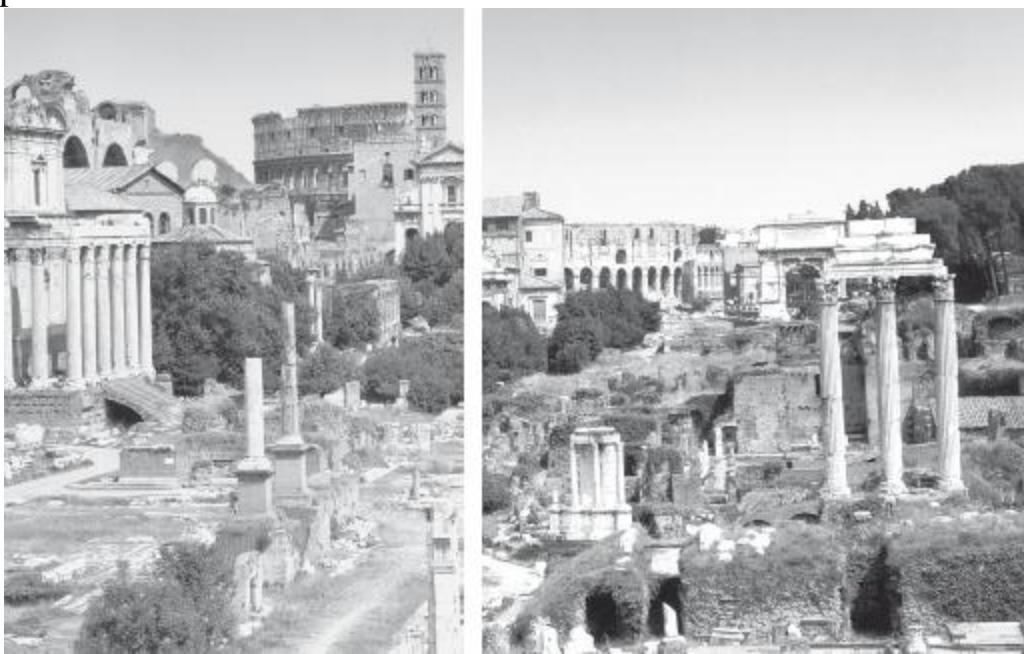

Колизей сегодня. Вид сверху

Здание, покоившееся на мощном каменном фундаменте толщиной в 13 метров, спроектировано удобно для зрителей. Внизу находилась напоминающая эллипс чаша арены. От нее отходило 80 радиальных стен, пересекающихся семью кольцевыми. На каркас этой конструкции опирались ряды зрительных мест, куда зрители попадали через 80 входов и выходов. При строительстве Колизея использовались различные материалы: сиденья были мраморными, радиальные стены арены – из туфа, концентрические – из травертина, некоторые арки – из кирпича. Для облицовки здания применялись мраморные плиты и мозаичные панно. Амфитеатр имел три уровня: на первом из них, на широком подиуме, располагались ложа императора и мраморные кресла сенаторов. Далее шли три яруса мраморных скамей, предназначенные для свободных граждан Рима. Выше располагались деревянные сиденья и галерея со стоячими местами – для прочей публики. В проемах арок второго и третьего ярусов стояли мраморные статуи. Арена Колизея имела деревянный подвижной пол, который мог опускаться и подниматься (обычно засыпaeмый песком). Еще ниже находились подземные галереи, откуда по специальным ходам

попадали наверх все действующие лица устраиваемых тут спектаклей и празднеств. С помощью подходившего к зданию ответвления водного акведука пол мог заполняться водой. И тогда на арене Колизея устраивались «морские битвы». Размеры арены были таковы, что на ней одновременно могли находиться до 3 тысяч гладиаторов. По сути, это был театр, равного которому тогда не было в мире... Торжества в честь открытия Колизея продолжались ровно сто дней. По случаю праздника было убито масса гладиаторов и 5 тысяч диких зверей. В 249 г., во время празднеств по поводу тысячелетия Рима, на арене Колизея погибли тысячи гладиаторов, 40 диких лошадей, 20 диких ослов, 60 львов, 10 тигров, 30 леопардов, 10 жирафов, 32 слона, 6 гиппопотамов и несколько зебр. За всю историю Колизея тут погибло 80 тысяч людей – ради потехи толпы! Кровавые зрелища были запрещены императором Гонорием в 405 г. н. э. Поводом для запрета послужил поступок христианского монаха Телемаха. Тот бросился на арену остановить убийство, но был растерзан жаждущей зрелищ разъяренной толпой.

Форумы в Риме

Запад воспел этот триумф созидательной миссии Рима. Шпенглер восторженно писал о римлянах, творцах знаменитых сооружений: «Я предпочитаю римский акведук всем римским храмам и статуям. Я люблю Колизей и гигантские своды Палатина, поскольку еще и

сегодня коричневыми массами своих кирпичных конструкций они являют взору доподлинный рим-ский дух, грандиозное практическое чутье их инженеров. Они стали бы мне безразличны, если бы все еще сохранялась пустая и надменная роскошь цезарей с ее вереницами статуй, фризами, вычурными архитравами». Даже недруги признавали заслуги Рима... «Работы этого народа все-таки достойны удивления, – говорил еврей Р. Иуда бар-Илаи. – Они устраивают форумы, строят мосты, сооружают термы». Хотя собеседник возразил: «Велика заслуга! Для своей пользы это делается: форумы для помещения лупанариев; бани для забавы; мосты для взимания платы». Слова эти не совсем верны: бани и водопроводы, акведуки и дороги строились, конечно, не для забавы. Нужно было не только воевать, но и созидать, сохраняя жизнь в огромном теле империи. Лица «инженерной» профессии (строители и гидрологи, дорожники и инженеры, скульпторы и оружейники, торговцы и пекари) были отнесены к «неблагородным» специальностям (*artes non liberales*). И тем не менее если посмотреть на ту работу, что проделана на просторах Римской империи, поневоле усомнишься в неуважении к труженику. Согласимся с Н. Морли, что в книге «Метрополия и захолустье: Рим и итальянская экономика в 200 г. до н. э. – 200 г. н. э.» подчеркивает созидательную миссию Рима.

Термы Диоклетиана

Вершиной античной бытовой культуры и технологии, на наш взгляд, явились бани... Римляне строили их везде, где только было можно (во Франции, Англии, Испании, на Рейне и по Дунаю, в Египте и Африке). Возникнув накануне Троянской войны (1260 г. до н. э.), из год в год они все более расстраиваются и совершенствуются. Даже в маленькой Помпее было две бани. Греки и римляне любили чистоту духа, как и чистоту тела. Дело еще и в том, что омовение в бане было необходимостью. Рим в то время представлял собой скученный и довольно грязный город. В городе были фонтаны и была вода, но не в изобилии. Дома люди обычно споласкивали лицо, скребли лицо железной бритвой (стали не знали, как не знали еще и мыла) и шли по делам. Намотавшись по жаре, все в поту, они смывали пот и грязь в бане. В Риме к концу I в. н. э. насчитывалось 170 общественных бань, принадлежавших городу или частным владельцам. А в IV в. н. э. в том же Риме имелось уже около тысячи бань, в каждом районе их было от 60 до 80. Имелись они и в захолустных городках, и в селениях. Поход в баню значил многое для римлянина. Агриппа завоевал благодарность римлян, когда в бытность эдилом, предоставил гражданам даровое посещение бань в течение всего года, уплатив из собственных средств годовой доход владельцам.

Женские бани

Они говорили: «Бани, любовь и вино — до старости жили мы вместе». Нечто вроде популярной пословицы: «Воздух, баня и вино —

всё на радость нам дано». Известно, что уже Гомер описал посещение Одиссеем банных чертогов Цирцеи. Ратовал за развитие общественных бань и Платон. Гиппократ сравнивал бани с курортом, справедливо считая их местом наивысшего наслаждения тела и духа. Особенно преуспели в литургии тела и духа римляне. Бирт отмечал пристрастие римлян к баням: «Это было доведенное до крайности, утонченное наслаждение чистотой, к которому не может хотя бы отчасти приблизиться наше время».

П. Рубенс. Союз Земли и Воды

Выстроенные в центре Рима, посреди Марсова поля, бани были отделаны дорогим египетским мрамором. Стены украшены веселыми сценами и стихами нескучного содержания... В тексте «Бани, любовь и вино – до старости жили мы вместе» автор поставил слово «бани» впереди по требованию гексаметра. Но и по своему значению они занимали первое место в жизни древнего римлянина. Ежедневное посещение бани вошло в обычай с I в. н. э. Это предписывалось и требованиями гигиены. На юге ойкумены, где жаркое солнце вызывало обильный пот, особенно в городах, где большая теснота и скученность,

бани – не роскошь, а необходимость. Довольно часто вместе мылись мужчины, женщины и дети.

Порой посещение бань разными полами как-то упорядочивалось (женщины – в первую половину, мужчины – во вторую половину дня). Были любительницы-женщины, которые предпочитали мыться с мужчинами, о чем пишет Марциал (мылись «вместе с юношами и стариками»). Такие эмансипированные дамы то и дело мелькают на страницах произведений Марциала и Ювенала. Даже Плиний восклицал, взывая к тени Фабриция: «О, если бы он увидел... женщин, которые моются вместе с мужчинами!» Чтобы не было места соблазну и разврату при посещении бань, император Адриан установил «раздельное мытье для мужчин и женщин». Но порочная натура человека известна. Все вскоре забыли о запрете. Запретный плод особенно сладок. Марку Аврелию пришлось снова «воспретить совместное мытье». Но Гелиогабал не только вновь разрешил его, но сам всегда мылся вместе с женщинами. Александр Север вновь запретил смешанные бани. Так что борьба «моралистов» и «нудистов» шла в Риме с переменным успехом.

Римские амулеты-фасцинумы из Геркуланума

Помимо прочего, по воззрениям тогдашней медицины, бани принадлежали к числу действенных лечебных средств, и при лечении

некоторых болезней без них нельзя было обойтись. В Древнем Египте и Древней Греции были известны и широко использовались в медицинских и терапевтических целях 14 видов вод (пресная, морская, минеральная, кислая, щелочная), и каждую применяли для лечения разных видов заболеваний. Так, императора Августа его личный врач, Антоний Муза, лечил от неврастении и ожирения специальными ваннами, а для укрепления здоровья рекомендовал пить специальные целебные воды. Говорят, он даже спас от алкоголизма великого Горация, давая ему пить морскую воду.

Мозаика терм Каракаллы

В Риме с 1,3-миллионным населением уже во времена Августа насчитывалось 865 общественных и 800 частных бань. Общественные термы (их создатель – Меценат) работали днем и ночью, и плата за вход была невысока. Народ по достоинству оценил эти «телесные чистилища». На одной из плит терм кто-то нацарапал игральную доску, а в ее клетки вписал такую вот «формулу жизни»: надо «охотиться, мыться, играть (в кости), смеяться – это вот жизнь». Каждый отделявал свою баню по своему вкусу. Богачи превращали бани в подлинные произведения искусств: декорировали бани колоннами и статуями, устраивали искусственные водопады, инкрустировали, облицовывали мрамором, заказывая дорогую мозаику для пола («мы дошли до такой прихоти, что желаем ступать только по

драгоценным камням»). Наибольшей роскошью отличались, конечно, императорские бани. Первые термы в Риме выстроил Агриппа. Он завещал их в бесплатное пользование римскому населению. Рядом с ними на Марсовом Поле построил термы Нерон. Недалеко от них находились термы Тита и Траяновы термы. Были еще и термы Каракаллы, лучше всего сохранившиеся, занимавшие площадь около 50 га, включавшие огромный плавательный бассейн, галереи с различными типами ванн, двор для занятий спортом. В банях могли принимать водные и парные процедуры одновременно 1800 человек. Термы Каракаллы, где была еще и библиотека, считались достопримечательностью Рима V в. н. э.

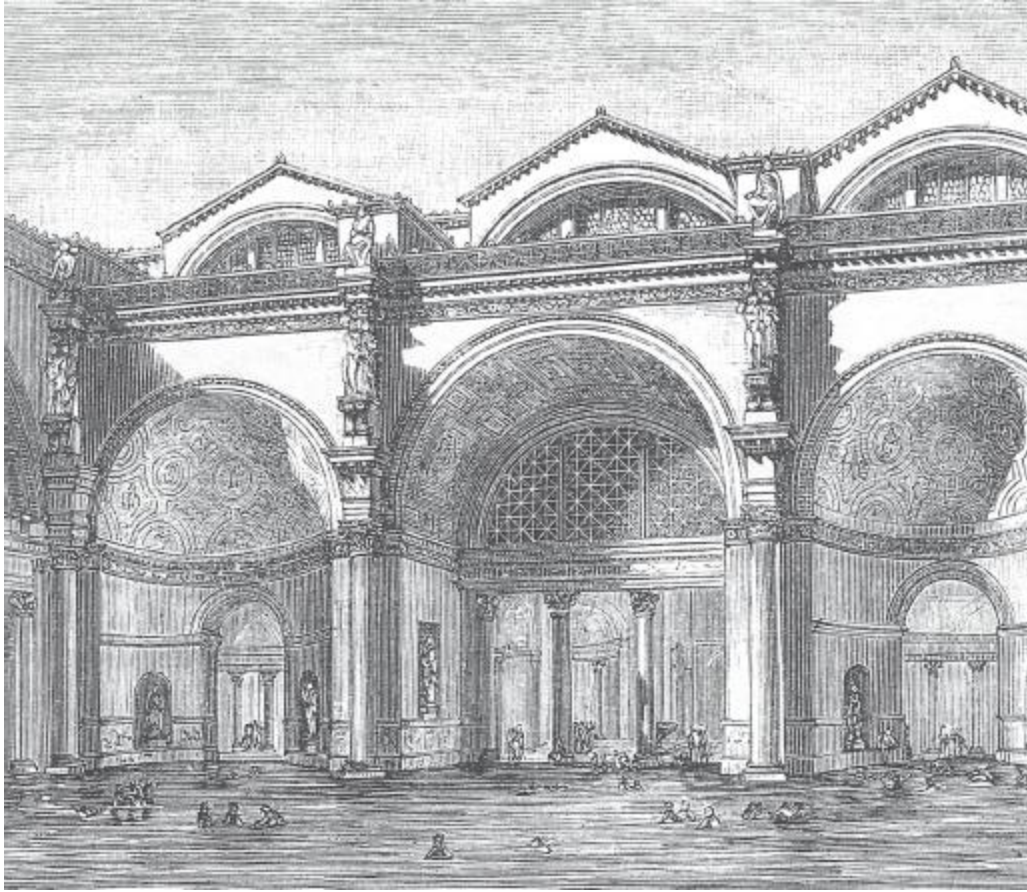
Победа венчает Каракаллу

Еще более грандиозным сооружением считались термы Диоклетиана. Помимо огромного бассейна и 3 тысяч ванн, в которых одновременно могли находиться до 3600 человек, тут были прекрасные сады и библиотека. Бани работали таким образом: внутри стен и под полом по медным трубам циркулировала горячая вода, нужную температуру поддерживали с помощью громадной печи, которую топили сотни рабов. Сток воды осуществлялся по специальным серебряным желобам, так как серебро обладало обеззараживающим свойством. Термы стали любимым местом времяпровождения граждан Рима: здесь слушали музыкантов и

ораторов, восхищались гимнастами, поэтами, торговали, вкушали напитки и яства, занимались спортом. Для любителей книг тут имелись библиотеки. Поэт Марциал, перечисляя то, чем, на его взгляд, особенно привлекательна и хороша жизнь, называет наряду с любимыми избранными книгами и римскую баню. Говоря иначе, римские бани представляли собой одновременно театр, стадион, оздоровительно-культурный центр, концертный зал и политический форум. Рим имел особый вкус к строительству. Относительно строек Домициана Плутарх говорил: стоит взглянуть на колоннаду его дворца, на одну из бань или на покои любовницы, как хочется воскликнуть в адрес создателя: «Тебя нельзя назвать ни благочестивым, ни честолюбивым – ты болен: у тебя есть страсть строиться; как и известный Мидас, ты хочешь превращать все в золото и мрамор». Похвальное качество – превращать все, что можно, в красивые и полезные сооружения...

К слову сказать, и наши далекие предки очень уважали бани... По словам того же Геродота, у скифов уже существовали прообразы бань (обтянутая войлоком юрта, в которой стоял чан с горячей водой, куда бросали раскаленные камни). На камни сыпали семена конопли. И поднимался такой сильный и духовитый пар, какого, по мнению Геродота, «...никогда не бывало в греческой паровой бане». Мифы и летописи древних славян говорят, что боги черпают свою силу в бане. Даже происхождение человека, по мнению первых русичей, тесно связано с баней. Русские строили бани по принципу древнегреческих, с соблюдением принятых в Греции лечебных процедур. Такие бани назывались заведениями «для немощных». Это отражено и в Уставе великого князя Владимира в 966 г. Хотя русские, в силу мест их обитания, создавали бани как «дома из дерева».

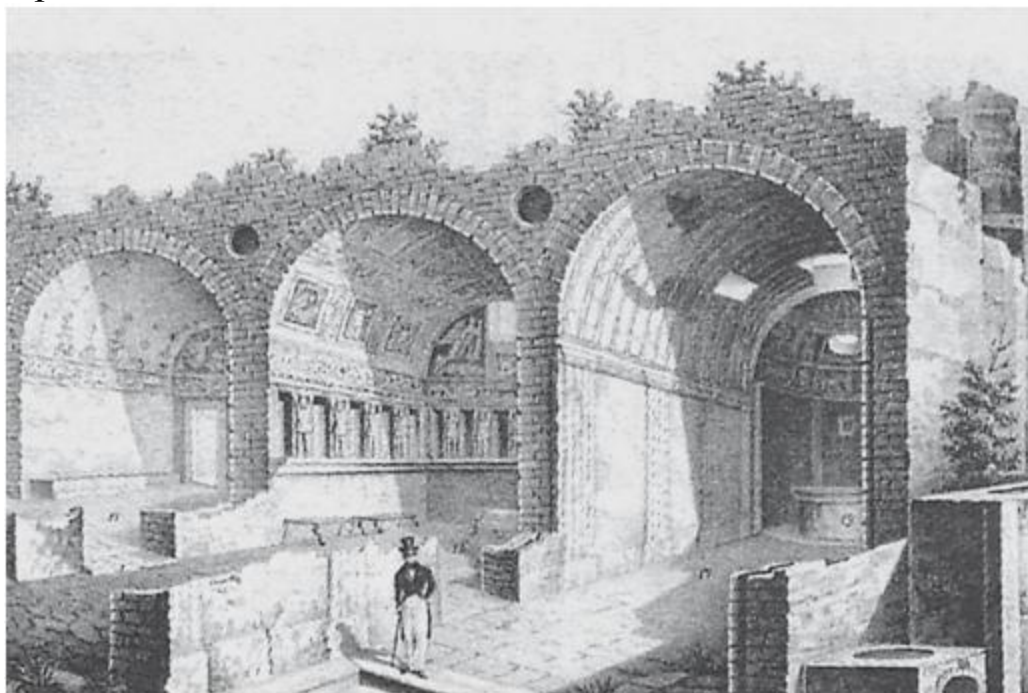

Термы (реставрация по Виоле де Дюк)

Мраморные и каменные бани появились у нас довольно поздно. Как известно, приехавший в Россию шотландский архитектор Чарлз Камерон (1743–1811) тут выстроил не только Павловск, Адмиралтейство, царскосельские залы, но и создал знаменитые «Термы римлян». Он более всего другого гордился термами в Царском Селе, которые считал самым дивным своим произведением. В них он воплотил всё, чем восхищался в молодые годы, производя раскопки древних терм в Риме. В так называемых агатовых комнатах он поместил на первом этаже Царскосельских терм теплые и холодные ванны помещения с комнатами для отдыха и массажа, на втором этаже – залы для занятий и бесед и библиотеку для отдыха интеллектуалов. Агатовые комнаты соединил с дворцом висячим садом, разросшимся до высоты второго этажа. К его саду примыкала большая галерея, названная позднее именем Камерона (с нее удобно смотреть на иллюминации, гуляния в парке и на озере). С галереи вниз шла лестница с пологим пандусом.

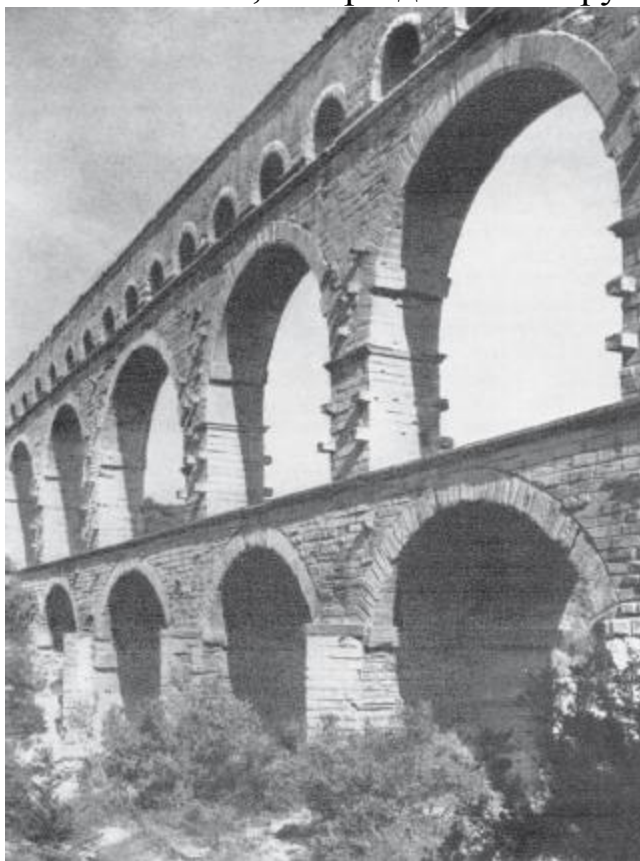
По мере роста богатств менялись постройки, принадлежавшие состоятельным римлянам. Так, восхищаясь простотой бани Сципиона, Сенека писал о термах: «Человек сочтет себя жалким бедняком, если по стенам его бани не вставлены сверкающие большие круги драгоценного мрамора, если александрийский мрамор не отделан инкрустацией из нумидийского, если бассейны, куда мы опускаем наше тело, выпаренное обильным потением, не выложены фассосским мрамором, который раньше был редкостью в храме, если вода льется не из серебряных храмов! Теперь назовут берлогой баню, где солнце не льется круглый день через широчайшие окна, где нельзя одновременно мыться и загорать, где из ванны нельзя глядеть на поля и на море». Так изменился Рим.

А. Левшин. Общественные бани в разрезе

Учитывая всевозраставшую необходимость жителей Рима и империи в воде, всюду создавались каналы, шлюзы, резервуары для регулировки, хранения вод, длинные и мощные акведуки, по которым вода с гор доставлялась в населенные пункты. «Акведуки – главное свидетельство величия Римской империи», – заявил сенатор Юлий Фронтин, заведовавший водоснабжением Рима в начале II в. н. э. И в самом деле, иные из них представляли собой шедевры архитектурной и инженерной мысли. Это и акведук Марция длиной в 90 км; и акведук

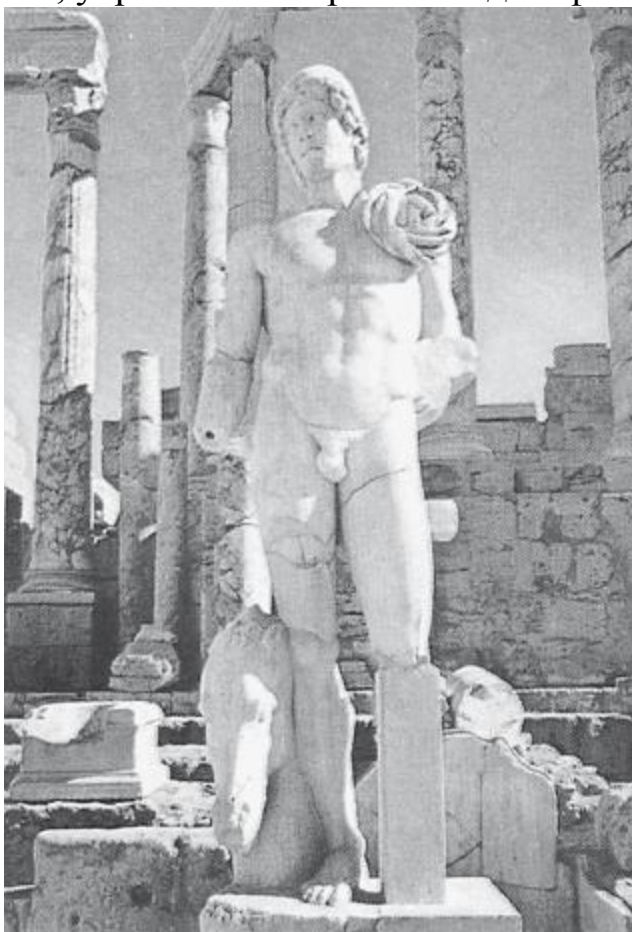
Клавдия длиной в 30 км, имевший мосты и тоннели, и знаменитый акведук через реку Гард на юге Франции (Пон-дю-Гард) для г. Ним, в виде трехъярусной аркады высотой 49 м, длиной 50 км (вода в этот галльский город доставлялась по водопроводным трубам протяженностью до 30 км). Как-то об акведуке Клавдия римский ученый Плиний Старший сказал: «Ничего более удивительного не было на всем земном шаре». Открыт был в Риме и новый водопровод Aqua Virgo, созданный Агриппой. Все в один голос сочли его замечательным вкладом в деле обустройства Вечного города. Первый акведук появился в Риме еще в IV в. до н. э., а к III в. н. э. миллионный Рим снабжали водой уже 11 прекрасных акведуков. Все тот же Фронтин, оценивая их значимость, справедливо заметил, что «нельзя сравнивать их каменные громады с бесполезными пирамидами Египта или с самыми прославленными, но праздными сооружениями греков».

Акведук через реку Гард

В Риме и в других городах Италии, как показывают развалины, найденные в Тимгаде, имелись весьма удобные и даже

комфортабельные уборные. Город, в котором нет приличных уборных (таково наше твердое убеждение), не может содержать в чистоте и здравии не только тело, но и душу... Один автор писал: «На улице, расположенной недалеко от форума, следовательно, в центре города, где происходило наиболее оживленное движение, устроено отхожее место на 24 человека. У входа – маленькая прихожая, в которой находился, вероятно, раб, взимавший с посетителей небольшую плату. Сиденья не отделены друг от друга перегородками; зато устроены необходимые приспособления для спуска воды, а сиденья снабжены спинками, украшенными резными дельфинами».

Термы Адриана в Лептис Магна. Ливия

Надо сказать, не только в Риме создавались прекрасные сооружения. Всюду, где римляне обосновывались достаточно прочно, они строили новые города, а мелкие поселения превращали в городские населенные пункты. При Августе и его ближайших преемниках в первую половину I в. н. э. основаны были в Галлии такие

города, как Немаус (Ним), Виенна (Вьенн), Карпентрис (Карпентер), Толоза (Тулуза), Авеннио (Афиньон). Для расселения военных ветеранов была заложена колония Августа Винделикорум (ныне Аусбург в верховьях Дуная). Рим укрепил город Тауринор (Турин). Прокладывались всюду дороги, ставили миллиарии (верстовые столбы). При Августе была организована императорская почта, доставлявшая госдепешы с необычной для того времени скоростью.

Указательный столб Империи

В провинциях произвели перепись населения, установили имущественный ценз, организовывали муниципальное управление. Возникали и профессиональные корпорации ремесленников и предпринимателей, поощрялась торговля. Города имели свои собрания,

свои праздники. Велось активное строительство жилых кварталов и общественных зданий (амфитеатров, храмов, акведуков, терм). Так, к примеру, стоит отметить, что если по всей Италии насчитывалось тогда около ста зрелищных сооружений, то только в галльских городах в течение I–III вв. н. э. появилось около ста пятидесяти великолепных строений... Среди них такие как: знаменитый акведук через реку Гард, мост в виде трехъярусной аркады, через который были проложены трубы водопровода длиной в 30 км; амфитеатр в г. Ниме на 25 000 зрителей, позднее расширенный и перестроенный; арка в Карпентрисе, театр в Араузио, храм в Вьенне и т. п. В развалинах Нима найдены скульптуры греческой и римской работы, в том числе и колоссальная голова императора Тиберия. Влияние Рима ощущается в хозяйственном строительстве повсюду. Местные архитекторы перестраивают города по римским канонам – в Иерусалиме при Ироде, в Кесарии и в Иерихоне и т. п. Главные улицы ряда городов украшаются весьма схожими колоннадами. Бани входят в планировку практически и всех городов Греции. В «Жизнеописании Аполлония Тианского» сказано, что эфесцы очень гордились роскошью своих бань; в Магнесии на Меандре доходы с бань шли в пользу местной герусии (II в.); в Милете пользовались немалой известностью бани Фаустины; о банях в Прусе упоминал Дион Хрисостом. Историк Плиний писал императору Траяну: «У жителей Прусы, владыка, баня старая и грязная. Они сочли бы благом постройку новой. Мне кажется, ты можешь снизойти к их желаниям. Деньги на постройку будут: это, во-первых, суммы, которые я уже начал возвращать и требовать от частных лиц, а затем они сами готовы внести на сооружение бани то, что обычно тратят на масло. Постройки этой требуют и достоинство города, и великолепие твоего времени». На это Траян так отвечал Плинию: «Если возведение новой бани жителям Прусы по силам, то мы можем снизойти к их желанию, лишь бы для этого не надо было новых обложений и не уменьшились средства на будущие необходимые расходы». Причем часто бани соединяли с любимыми греками гимнасиями. В таком огромном эфесском гимнасии, занимавшем почти восьмую часть площади города, термы примыкали к палестре. Тут же был зал императорского культа. Такое соединение греческих гимнасий и римских бань отмечено в Сардах, Траллах, во многих городах. Так, бани-гимнасии получили широкое

распространение и в других провинциях Востока (Египет). Римскими по духу стали и увеселения. По примеру римлян греки строят амфитеатры, где идут гладиаторские бои или травли диких зверей (вместо греческих трагедий).

Подъемный кран. II в. н.э.

Римляне старались, где можно, установить и поддержать приличные отношения с народами. Регионы Азии, Причерноморья усваивали греко-римскую культуру и сами вносили в нее вклад. Так, в Смирне и Эфесе возникли музеи, ставшие очагами культуры, медицинские школы Пергама и Эфеса пользовались мировой славой. В Гераклею Понтийскую, что была тесно связана с центром, Херсонесом Таврическим и другими городами Северного Причерноморья, они

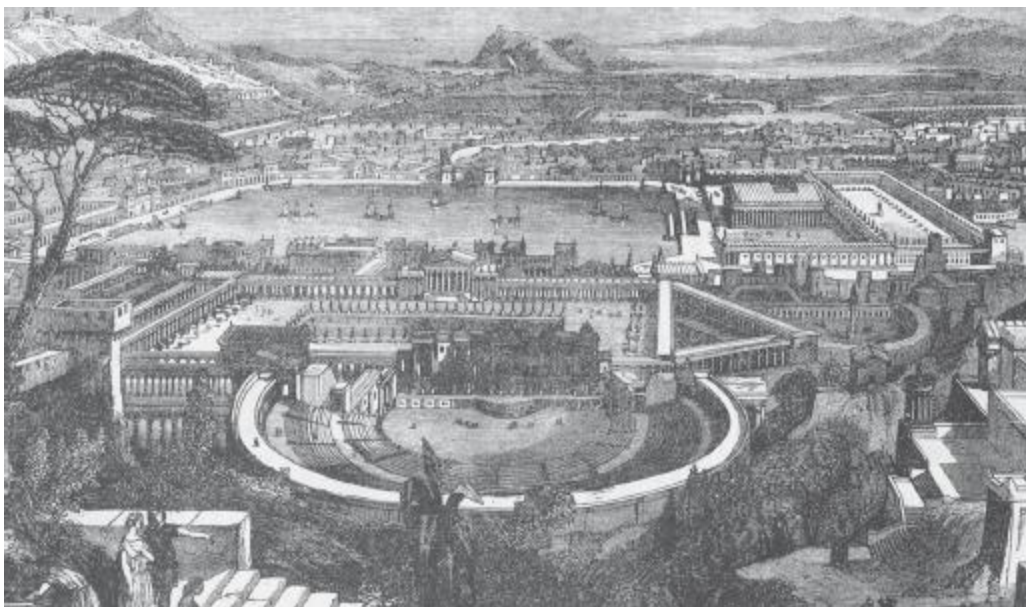
расширили порт и даже, видимо, построили маяк. Везде велось интенсивное строительство дорог. На первых порах римляне в Понте опирались на местных династов или на храмы, но с течением времени римляне взяли бразды правления в свои руки, к середине I в. н. э. почти повсеместно отказались от услуг власти местных правителей. Однако некоторые сдвиги в строительстве, культуре, медицине сопровождались, конечно же, значительным ростом эксплуатации и гнета масс. Разумеется, все эти строения возводились прежде всего за счет жителей тех регионов. Все провинции облагались большими налогами и вынуждены были терпеть всевозможные поборы Рима. Немалая часть побежденных продавалась в рабство, а лучшие земли провинций конфисковались в пользу императора, его приближенных, его семьи, его полководцев и солдат. Об этом нельзя забывать.

Примеров тому немало. Вот, скажем, в Прусе городская беднота, возмущенная дороговизной хлеба, вдобавок еще и взвинченной спекулянтами, выступила против богачей, пыталась поджечь дом Диона, а его самого побить камнями. То же видим и в других провинциях. В Ликийи и Памфилии устанавливались столь тяжкие налоги, что пришлось даже учреждать особый фонд помощи беднякам.

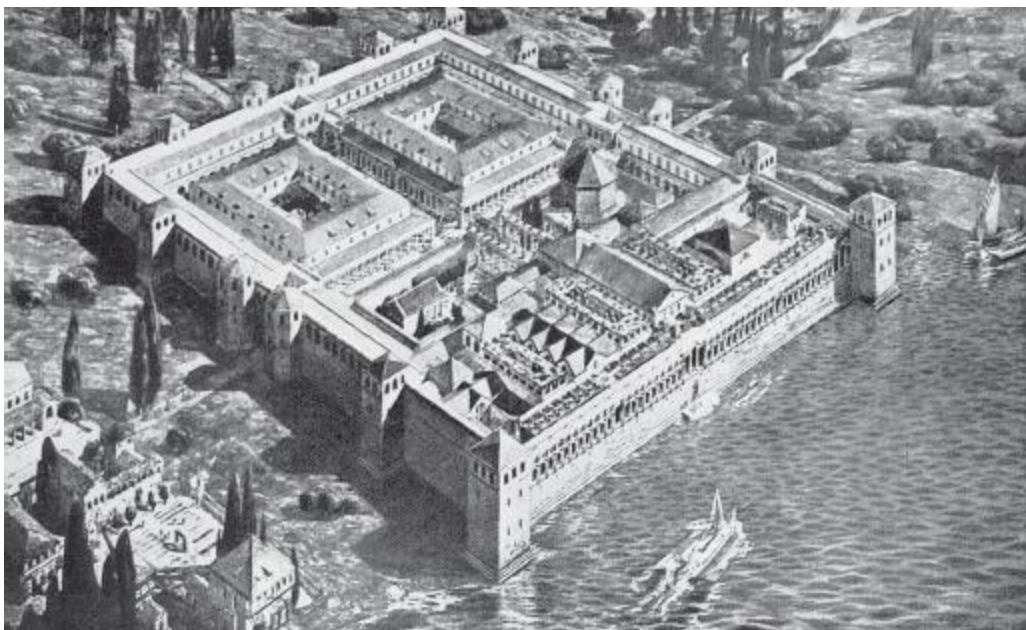
Портик биржи Евмахии

Даже в тех случаях, когда римляне были вынуждены действовать уступками и миром, вестготы, остготы, бургунды получали землю скорее как дар или дань. Да, это сделало иных помещиками, но это не принесло ожидаемых результатов. Дельбрюк пишет: «Дело заключалось в том, чтобы приспособить германский быт к условиям римской культурной жизни. Это было совершенно невозможно, чтобы дикие воины продолжали свой прежний образ жизни среди римлян... Крупные римские помещики, которые до этого времени содержали варварских наемников, платя огромные натуральные повинности и подати, и которые все же при возникновении спора должны были быть готовы к тому, чтобы их поместье было самым безжалостным образом разграблено этими же самыми наемниками, освободились от части этих тягот посредством уступки земли. Германцы разделились на сравнительно сильные отряды соответственно числу крупных земельных поместий. Каждый их предводитель завладел половиной дома, двора, сада, виноградника, леса и двумя третями пахотной земли с находящимися на ней дворами колонов. В пустые дворы или в те, которые для этой цели были освобождены, он посадил своих товарищей по роду или своих подданных с их семьями, и эти люди должны были хозяйничать на этих дворах так, как они это умели или насколько их к этому побуждало их прилежание. Но своим основным призванием они все же по-прежнему считали военное дело и в большинстве случаев надеялись на то, что именно оно их прокормит». Те, кто привык жить войной и всерьез не занимался земледелием, вряд ли будет готов в скором времени перековать мечи на орала. Да и соблазны богатств, нажитых быстрым и скорым насильственным путем, губят нации скорее, чем катастрофы.

Вид Эфеса (реставрация)

Впрочем, некоторые императоры действительно внесли огромный вклад в процветание провинций и регионов, откуда они были родом или же к которым особо благоволили. Повезло Финикии, которую римляне, не любившие евреев, привечали, возможно, потому, что финикийские города поддерживали их во время войн с Иудеей, Персией, Сасанидской Персией и Пальмирой. Это было почти шесть веков благоденствия и процветания. Вот уж для кого *Rex Romana* был периодом «всеобщего счастья». Ряд финикийских городов был освобожден от налогов, граждане их пользовались и другими привилегиями. Как писал Квинт Курций Руф, говоря о городе Тире, «под охраной римского гуманного владычества он (Тир) пользуется продолжительным миром, содействующим всеобщему процветанию». По всей Италии финикийские купцы открывали свои конторы. В Риме возник финикийский квартал, крупные поселения финикийцев возникли в Остии, Неаполе, Мизенах. Император Адриан проявлял похвальную и удивительную рачительность, объявив все ценнейшие и высокогорные леса государственной собственностью. Он обнес границы заповедника наскальными надписями и стелами. К сожалению, столь же разумного и давно уж назревшего решения никак не могут принять современные вожди России – сохранить леса.

Дворец Диоклетиана

В Ливане и сейчас можно видеть более ста римских надписей, запрещающих рубку деревьев в здешних лесах. После прихода к власти императора уроженца Африки, Септимия Севера, родом из древней финикийской колонии Лептис в Северной Африке, в Римской империи получили широкое распространение финикийские боги. Тогда на историческую родину императоров, в Финикию, устремлялись многие римляне. Во время гражданской войны Септимий Север был в Сирии и ощутил поддержку со стороны Тира. После победы Септимий Север пожаловал Тиру право римской провинции. Там строились дома, а затем воздвигли один из крупнейших в мире ипподромов (480 м длина, 92 м ширина). Другой император династии Северов – Элагабал (218–222) – поддерживал культ Баала. Он был жрецом бога вплоть до провозглашения императором и носил его имя. Затем бог финикийцев Баал стал и высшим божеством империи. Евтропий недовольно сказал, что он «опорочил себя всяческими мерзостями». Финикия росла и хорошела. Свет имперской благодати падал и на новые города. Так вот поднялся Берут (нынешний Бейрут), где в 15 г. до н. э. Марк Агриппа, зять императора Августа, поселил ветеранов пятого и седьмого римских легионов.

К замечательным творениям римских зодчих отнесем и дворец Диоклетиана – великолепный памятник древнеримского искусства. В 284 г. н. э. Диоклетиан встал во главе римского государства. Это был последний правитель единого Рима... Огромность империи и возникшие проблемы с управлением территориями вынудят его поделить империю, западная часть которой будет отдана соправителю, Максимилиану. Сам же он стал управлять восточной частью (будущей Византией). Граница двух империй прошла тогда как раз по территории нынешней Далмации и Хорватии, где и расположен на побережье Адриатического моря Сплит (тогда этот город назывался Салона и тут, согласно преданию, родился Диоклетиан).

Триумфальная арка

Он построил дворец-крепость, которая и стала его резиденцией. Византийский император Константин Багрянородный писал: «Император Диоклетиан основал город Аспалат и построил в нем дворец, превышающий всякое описание, которого остатки носят следы древнего величия, хотя они уже почти стерты веками». Это сказано в X в., а в XIX в. русский ученый и путешественник Е. Ковалевский писал: «Дворец императора Диоклетиана – увы, обезображенный, застроенный и заслоненный, все еще поражал воображение воспоминанием прежнего величия». Немецкий архитектор Г. Неман в

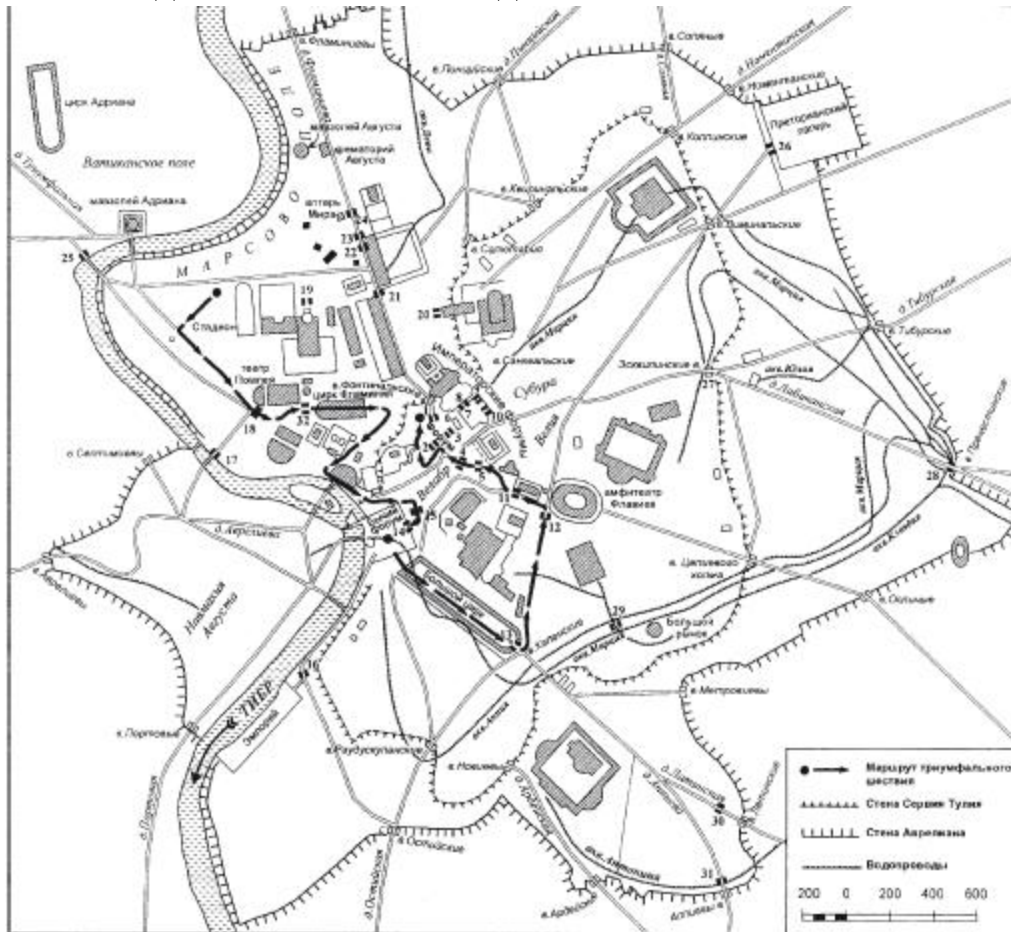
начале XX в. произвел детальные обмеры и исследования памятника, а в 1910 г. он же сделал хорошую реконструкцию фасада дворца, Перистилия и других частей дворцового комплекса. Впоследствии другие архитекторы дополняют реконструкцию. Дворец был грандиозным сооружением площадью более 30 тысяч квадратных метров. Он располагался на самом берегу бухты, так что южная стена поднималась из воды на высоту 25 метров (северная – 18 метров). «Можно себе представить, – пишут наши искусствоведы, авторы труда о Сплите и Дубровнике, – какой вид открывался на императорскую резиденцию со стороны моря. Огромный дворец из белоснежного камня с легкими красными и голубыми прожилками сверкал на солнце, как сказочное чудо, поднимаясь из мор-ских глубин. В настоящее время камень изменил свой цвет, века наложили патину на стены дворца, и они уже не поражают искрящейся белизной только что отшлифованного блока». От тех времен до нас дошел Перистиль, огромный прямоугольный зал (24 г 13,4 м) под открытым небом, расположенный между Мавзолеем и храмом Юпитера. В Средние века храм Юпитера стал баптистерием, крещальней Иоанна Крестителя – уже в XX в. тут установлена бронзовая золоченая фигура Иоанна работы крупнейшего скульптора Югославии Ивана Мештровича. В настоящее время на территории дворца Диоклетиана в Сплите разбросаны сотни древних построек, возраст которых насчитывает 500–600—700—800 лет. Иные из них – подлинные шедевры архитектуры.

Триумфальная арка императора Тита

Всевозможные дворцы, арки, башни, колонны строились всюду. Прославлению власти Рима служили многочисленные арки и рельефы, возводившиеся по всему миру, там, где только ступала нога римлянина, где он смог обрести господство. Рельефы на триумфальных арках рассказывают о событиях, связанных с тем, как совершалось покорение народов. Если верить историкам, впервые сцены, изображавшие битвы римлян, воины пронесли в год триумфального шествия полководца Папирия Курса, покорившего самнитов (272 г. до н. э.). Сцены побед над пунийцами заказал Тиберий Гракх после редкой победы над ними в 214 г. до н. э. Картина не только прославляла победу его отца, но и в тяжелое для Рима время поднимала дух квиритов. Тогда всем казалось, что победа Ганнибала над Римом близка. Во время триумфа Сципиона Африканского демонстрировали картину, на которой изображался его успех при Заме (201 г. до н. э.). Во время галльского триумфа Юлия Цезаря участники шествия несли изображения разрушенных городов противника и сцены смерти галльских вождей. То же делалось в честь Помпея, в 61 г. до н. э. разгромившего Митридата (на одной из картин показана сцена самоубийства Митридата). Иные, используя такого рода «триумфальные картины», добивались избрания на почетные должности (так, Луций Гостилий Манций был избран в консулы). Как

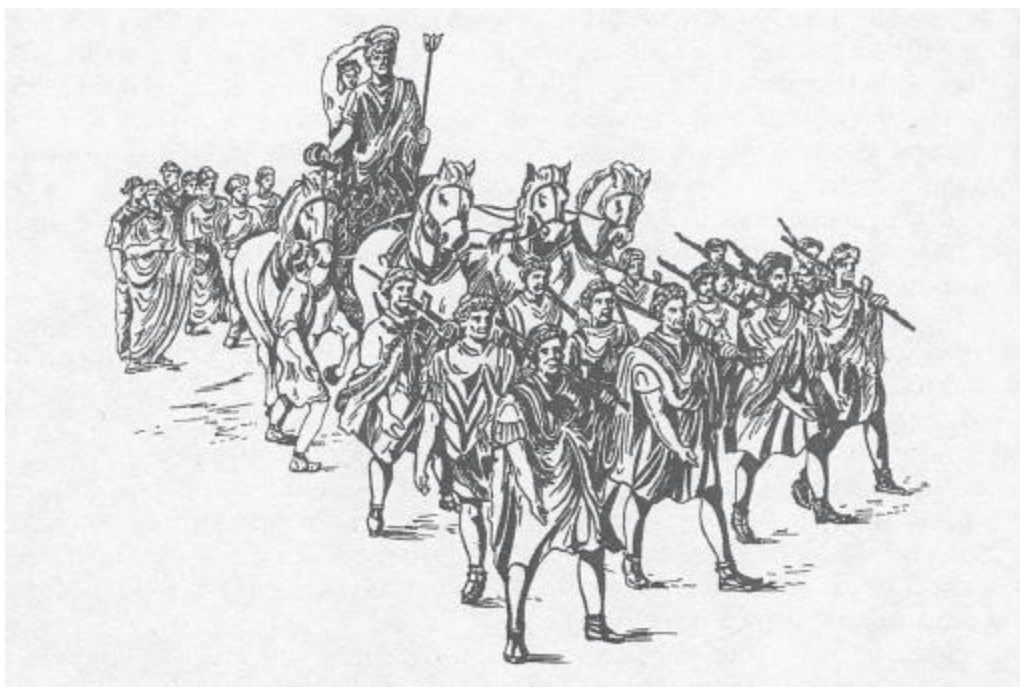
видите, у римлян, чтобы быть избранным на важный пост, нужны были весомые доказательства побед.

План триумфального шествия

Наиболее внушительное зрелище представляли, конечно, триумфальные арки: арка Тита (81 год н. э.), украшенная рельефными композициями, изображает шествие легионеров во главе с императором-победителем; арка Траяна в Беневенто (114 год н. э.); арка Константина с рельефами времен Траяна, созданными в память побед Траяна над восточными народами; арка Марка Аврелия и Луция Вера в Триполи (163 год н. э.); арка Августа в Римини (27 г. до н. э.). Как правило, арки воздвигались какому-то лицу решением Сената и Народного собрания в знак благодарности за его деяния. Города Рима стали пособиями для чтения, и читателями в них выступали самые различные слои — от патрициев до рабов. В древнеримском городе кроме триумфальных арок было немало архитектурных сооружений. На них помещались разного рода тексты. Град воспринимался как

монументальная книга. Возводившиеся в Риме арки отождествляли собой триумф победителя и строились повсюду – в Коринфе, в сирийской Антиохии при Траяне, рядом с храмом Адриана, в финикийском городе Тире (к арке вела римская дорога, проложенная через древний акрополь), в Кизике, Эфесе, Милете. Там обычно строились и разные общественные источники – «совершенно в римском стиле».

Триумфальная процессия

О том, что было запечатлено на подобных арках или картинах, говорит Иосиф Флавий, описывая один из римских триумфов: «... Веспасиан и Тит появились в лавровых венках и обычном пурпуровом одеянии и направились к портику Октавии. Здесь ожидали их прибытия сенат, высшие сановники и знатнейшие всадники... После молитвы Веспасиан произнес перед собранием краткую, обращенную ко всем речь и отпустил солдат на пиршество, обыкновенно даваемое им в таких случаях самим императором. Сам же он проследовал к воротам, названным триумфальными вследствие того, что через них всегда проходили триумфальные процессии... открыть триумфальное шествие, которое подвигалось мимо театров для того, чтобы народ легче мог все видеть. Невозможно описать достойным образом массу показывавшихся (во время триумфа. – В. М.) достопримечательностей

и роскошь украшений, в которых изощрялось воображение или великолепие всего того, что только может себе представить фантазия, как то: произведений искусства, предметов роскоши и имеющихся в природе редкостей... Все в тот день было выставлено напоказ, чтобы дать понятие о величии римского государства... Множество отдельных изображений чрезвычайно живо воспроизводило войну в главных ее моментах. Здесь изображалось, как опустошается счастливейшая страна, как истребляются целые неприятельские толпы, как одни из них бегут, а другие попадают в плен; как падают исполинские стены под ударами машин; как покоряются сильные крепости, или как взбираются на самый верх укреплений многолюднейших городов, как войско проникает через стены и наполняет все кровью; умоляющие жесты безоружных, пылающие головни, швыряемые в храм, дома, обваливающиеся над головами своих обитателей, наконец, после многих печальных сцен разрушения, водяные потоки, — не те, которые орошают поля на пользу людям или животным, а потоки, разливающиеся по охваченной повсюду пожаром местности. Так изображены были все бедствия, которые война навлекла на иудеев. Художественное исполнение и величие этих изображений представляли события как бы воочию и для тех, кто не был их очевидцем. На каждом из этих сооружений был представлен и начальник завоеванного города в тот момент, когда он был взят в плен... Предметы добычи носили массами; но особенное внимание обращали на себя те, которые взяты были из храма, а именно: золотой стол, весивший много талантов, и золотой светильник... Последним в ряду предметов добычи находился Закон иудеев. Вслед за этим множество людей несло статуи богини Победы, сделанные из слоновой кости и золота. После ехал Веспасиан, за ним Тит, Домициан в пышном наряде сбоку».

Римские руины в Испании. II в. до н.э.

Римляне очень бы удивились, если бы им кто-нибудь сообщил, что появится на свете такая страна, где народ будет гораздо чаще и охотнее избирать на высокие посты отчего-то тех, чей путь наверх усеян позором предательств и поражений.

К любопытным выводам приходишь, когда внимательнее рассмотришь итоги римского правления в Африке или в Испании... Особый интерес представляет все же именно Африка, поскольку населяющие ее племена в этническом, да и культурном плане дальше остояли от италиков. Обратимся за помощью к книге Т. П. Каптеревой о странах Магриба (Алжир, Тунис, Марокко). Практически тут, в Египте, еще в Ливии и Нубии, на побережье Средиземного моря, влияние греческой и римской культур было наиболее заметно. Напомним, что в суровой схватке Рима с Карфагеном ливийские царства, как и Нумидия с Мавретанией, играли заметную роль. Земли Нумидии (восточный Алжир и западный Тунис) полукольцом охватывали владения Карфагена. Разумеется, нумидийцы, которые известны как прекрасные конники, принимали самое непосредственное участие во всех войнах, захвативших регион. Царь масиллов, Масинисса, появляющийся часто в описаниях историков, объединил нумидийские племена, превратил их в земледельцев и приобщил к цивилизации. Полибий писал, что царь сумел, с помощью Рима, коренным образом изменить положение своей страны. Земля тут стала плодоносить, так как он умело использовал, как мы бы сказали, «новые технологии». Он активно повел городское строительство (особенно в столице). С ним стала расцветать и торговля. У карфагенян он перенял некоторые формы пунийской цивилизации, систему управления городов (с помощью суфетов). В итоге этой грамотной взвешенной политики страна скоро преобразилась. Автор пишет: «Цари Нумидии и Мавретании покровительствовали строительству и искусству, они охотно приглашали в свои города греческих мастеров. Как и в пуническую эпоху, в Северную Африку ввозились иноземные художественные произведения. Переданная римлянами нумидийским царям богатейшая карфагенская библиотека – целый свод знаний – не могла не сыграть значительной роли в развитии духовной жизни африканского общества».

Африканские предметы искусства

Политика древней колонизации рим-скими войсками имела свои особенности. Дело в том, что север Африки всегда был, если позволительно такое сравнение, в своем роде уязвимым подбрюшьем Рима. Ведь именно тут накапливался тот горючий материал, концентрировались военные силы и политические центры, что в любую минуту могли вмешаться самым роковым образом в судьбы Рима (Ганнибал, Цезарь, Помпей, Антоний, Клеопатра, Птолемей, Югурта). Примеры этих коллизий известны. Хотя судьбы иных претендентов на трон оканчивались плачевно. Внук Маниссы царь Югурта пытался объединить нумидийские земли, но был выдан Риму своим союзником и тестем мавританским царем Бокхом I в 104 г. до н. э. и задушен в Туллиянуме, в подземной тюрьме. Саллюстий оставил нам ценные свидетельства того, как Рим вмешивался в дела Нумидии, ставя во главе правления страной то одного, то другого претендента. Говоря о людях, что тут обитали в древности, Саллюстий отмечает, что они представляли собой смесь местных туземных племен с мидянами, персами и армянами, что некогда «переправились

на судах в Африку и заняли места, ближние к нашему морю» (то есть к Средиземноморью). Как это часто случалось, двоим претендентам на власть оказывалось тесно в одном царстве. В конечном счете Югурте удалось с помощью хитрости вынудить своего соуправителя, Адгербала, уступить власть.

Богатства африканской земли

Захватив власть в автономной части страны, Югурта «первым делом умертвил в жестокой пытке Адгербала, а затем перебил всех взрослых нумидийцев и купцов без разбора – всех, кто попался с оружием в руках. В этом месте труда Саллюстий дает красноречивое описание и продажности рим-ской сенаторской знати. Он привел фразу, которую Югурта, покупавший сенаторов и политиков Рима с необычайной легкостью, однажды произнес, покидая столицу империи (после первого суда над ним). Суд более походил на фарс. «...Выехав из Рима, он все оборачивался молча назад и, наконец, промолвил: «Какой продажный город! Он сгинет бесследно – пусть только найдется покупатель»». В 46 г. до н. э. Нумидия была превращена в римскую провинцию Новая Африка (Africa Nova), а затем полностью слита с провинцией Старая Африка (Africa Vetus). Во время

принципата Августа провинции, представлявшие собой территорию бывшего Карфагенского государства, поделили между сенатом и императором.

Изменения коснулись Мавретанского царства, где решением Августа престол был передан Юбе II, сыну погибшего нумидийского царя Юбы I (в 25 г. до н. э.). С младенческих лет он был вывезен в Рим и воспитывался в императорской семье. В жены ему дали Клеопатру-Селену, дочь Марка Антония и египетской царицы Клеопатры, после их гибели взятую, как и Юба, в числе заложников в Рим. Такого рода «монархи на поводке» станут обычным явлением не только в Римской империи, но и во всех империях последующих столетий. В таком подходе к воспитанию элит есть свой смысл и свой резон. Юба, как и многие из римских почетных заложников, был очарован и покорен греческой культурой и римским величием. Эти же метаморфозы, как мы видим, произошли с Флавием, Иродом, Полибием, как и с сотнями знатных юношей, что были увезены в Рим.

Он станет ученым, меценатом, поклонником греческого искусства. Одну из его столиц, Иол, он даже назвал в честь Августа – Цезареей. Историки отмечают, что цветущая Цезарея стала не только очагом распространения августовского классицизма на африканской земле, но и местом хранения, собирания греческой пластики. Как отмечал Тураев, пуннизм, эллинизм, египетские воспоминания, царство милостью Рима и служение верой и правдой Кесарю – все это слилось при дворе африканской Кесареи и сделало из Юбы II «одно из интересных явлений истории». Его необычайная разносторонность, широкая эрудиция, знания в области истории, географии, естествознания превратили полудикого туземца в просвещенного государственного деятеля, африканского Цицерона.

Арка Константина в Риме

В период, называемый неопуническим, что продлился более двух столетий, в Африке были воздвигнуты великолепные памятники культуры. Желая убедиться в этом достаточно посетить Национальный музей Бардо в Тунисе. К тому же за время археологических раскопок обнаружено около 650 поселений в Северной Африке. В восстановленном Карфагене были прекрасные двухэтажные термы с открытым бассейном, соляриями, палестрой, что были воздвигнуты в 146–162 гг. н. э. при императоре Антонине Пие. Они были украшены гранитными и мраморными колоннами, скульптурой и мозаиками. В Африке сооружались театры, цирки и амфитеатры, «столь грандиозные, что могли бы вместить сразу население нескольких африканских городов и их окрестностей». Многие из них прекрасно сохранились. Одним из самых знаменитых строений считается театр ливийской Сабраты. Крытый одеон, цирк в Карфагене был близок по величине к Большому цирку в Риме. Великолепны арочные сооружения Северной Африки, типа арки Каракаллы в Тевесте (216 г. н. э.). Потрясающее впечатление производят руины Великого Лептиса и Сабраты. На месте древней Эа вырос город Триполи. Город Лептис был даже основан раньше

Карфагена. Будучи крупным торговым центром, город стал быстро разрастаться после того, как Август освободил его жителей от огромного налога, которым его обложил Юлий Цезарь за поддержку Помпея. В пору расцвета Великий Лептис насчитывал около 80 000 жителей и занимал площадь в 4 кв. км. В Африке было воздвигнуто немало великолепных храмов, алтарей, форумов, статуй, бассейнов, театров, триумфальных арок.

Монета с изображением императора Юлиана

Мозаичный пол, показывающий смену сезонов

Ничуть не меньше знаков созидательной деятельности видим мы и в римской Британии. В частности, этой теме посвящены работы известного английского ученого М. Хенига, его «Религия в римской Британии» (1984) и «Искусство в римской Британии» (1995). О важной роли рим-ской армии в деле обустройства инфраструктуры Британии говорилось уже не раз многими историками, начиная с Тацита, но говорилось крайне скупое. Тацит пишет: «Британия покорена и тут же утрачена». Причина такой его сухости понятна... Покорение Британии было начато еще Веспасианом (тогда еще легатом) в 40-х гг. н. э., а завершено было тестем Тацита Юлием Агриколой в 83 г. н. э. Оно стоило Риму немалых усилий и жертв. В 86 г. н. э. Домициан вывел стоявший там легион, и местные племена вновь усилили натиск на римлян, добиваясь полной независимости. Тацит также упоминает некоего местного правителя, который сохранял верность римлянам. Надо сказать, что в Британии найдено немало артефактов, свидетельствующих об активной культурной жизни, налаживающейся под влиянием римлян в так и окончательно не побежденной Британии. Упомянутый М. Хенига пишет в труде «Наследники короля Верики. Культура и политика романской Британии» (2002) о том, что сыновья вождей получали римское образование, обучались риторике и получали своего рода юридическое образование. Хотя ни один из источников, свидетельствующих о наличии на островах такого рода писаний не дошел до современников (ранее эпохи поздней империи, V–VI вв. н. э.), не исключено, что британцы изучали труды Цицерона и Квинтилиана. Среди самой образованной публики пользовались популярностью книги Вергилия и Овидия, Гомера и Менандра. Среди них тогда не могло быть таких выдающихся поэтов (известен некий поэт Сильвий Бонус, выпустивший свои «Эпиграммы» в 382 г. н. э.). Тем не менее мозаики и разного рода памятники хранят поэтические строки британцев. Уровень грамотности был достаточно высок не только среди представителей правящего класса, прилично знавших латынь, но и у простых людей. Скажем, горшечник нередко мог украсить изделие какой-либо привлекающей внимание надписью. Найдены железное стило и воцаные таблички для записи, а также строчка из «Энеиды», нацарапанная заглавными буквами. И тут же приписка учителя: «Грязная работа!» Возможно, то был опус ребенка некоего аристократа (по имени Сералис). Помимо предметов

школьного обихода, были найдены многочисленные монеты, медальоны, мозаичные панно, памятники, предметы вооружения, украшения, одежды и т. д. Даже то небольшое, о чем мы тут сказали, позволяет согласиться с мнением М. Хенига: «...Теперь я верю, что римская Британия была, в значительной части, созданием коренных ее жителей. Это они, а не солдаты (Рима), что быстро прошли сквозь ранее обустроенную часть провинции на дальние пограничные земли (зачастую совсем пустые), именно они являются подлинными героями и героинями рассказанной мною истории».

Венера, Дидона и Эней

Дом Фавна в Помпеях

А возьмите то, как изменилось положение германцев, которые на протяжении многих лет упорно сражались с римской державой, отстаивая свою свободу. И правы те, кто указывают на огромную разницу в их культуре и положении во времена Тацита, то есть в I – начале II вв. н. э., и в III в. Бесспорно, войны в III в. между Империей и племенами Северной, Средней и Восточной Европы шли с неослабевающей силой, но их характер изменился. Племенная знать германцев III в. н. э. заметно отличалась от своих диких предшественников. Она была намного образованнее, культурнее, организованнее, богаче. Она уже нуждалась в предметах роскоши и культурного быта. Следуя навыкам римлян, германские мастера стали изготавливать тонкие ткани, изящную утварь, дорогое оружие, драгоценные украшения из золота и серебра. В Шлезвигских болотах были найдены вещи, относящиеся к данному периоду, свидетельствующие о том, что местное германское ткацкое, кожевенное, керамическое, стекольное, металлургическое и другие производства находились на довольно высоком уровне. Используя достижения римской технологии, германцы научились изготавливать превосходное оружие. Быстро развивались торговые отношения с близкими по культуре и воззрениям племенами Прибалтики и Скандинавии. Германцы из Средней Европы обрели неплохие навыки кораблестроения и мореплавания (в тех же болотах Шлезвига найдены

дубовые ладьи на четырнадцать пар гребцов). Суда использовались не только для торговых операций, но и для пиратских набегов. Морской грабеж приносил германцам богатую добычу и давал рабов для продажи. Развивались земледелие и скотоводство. Это в свою очередь позволило вывести породы крепких лошадей, позволившие создать регулярную конницу, главную военную силу германского войска. Германцы, будучи отличными воинами, охотно шли на службу к римским императорам. От Рима они получали земельные участки, которые переходили к сыновьям, если те давали согласие продолжить службу. В итоге Рим все больше и больше вынужден был надеяться на помощь племен в обороне своих провинций, а также в борьбе за власть в междоусобных войнах. И тем не менее мир заметно изменился благодаря усилиям Римской империи... Показательно и то, что своего наибольшего спокойствия тогдашний мир достиг во времена Антонинов, Антонина и Марка Аврелия. Их совместное правление продолжалось двадцать два года. Это было время мудрых и умелых политиков (заметим, что Антонин оставил профицит в 2,5 миллиарда сестерциев). Один по крови наполовину галл, другой – наполовину испанец. По словам Марка Аврелия, Антонина отличала «трезвость во всем». Это гражданам Рима нравилось в их вождях, как это явно нравится и гражданам России, после периода чудовищных пороков и злоупотреблений прошлого режима... Марк Аврелий пытался удержать Империю в границах разума, сдержанности. Ему это на какое-то время удалось. Стал ли Рим общей родиной людям? Грек Э. Аристид считал, что да, ибо грек и варвар могут безопасно отправляться, куда заблагорассудится. Рим повсюду улучшал жизнь, утверждал свои законы и порядки. «Человечество... благодаря вам наслаждается благоденствием и процветанием». Ф. Фонтен также уверяет, что римская Галлия превратилась в тихую и мирную страну под защитой Рима.

Антонин Пий в тоге

Мир заметно изменился благодаря усилиям Римской империи. Показательно и то, что своего наибольшего спокойствия тогдашний мир достиг во времена Антонинов, Антонина и Марка Аврелия. Их совместное правление продолжалось двадцать два года. Это было время мудрых и умелых политиков (Антонин оставил профицит в 2,5 миллиарда сестерциев). Один был по крови наполовину галл, другой – наполовину испанец. По словам Марка Аврелия, Антонина отличала «трезвость во всем». Это гражданам Рима нравилось в их вождях, как это явно нравится и гражданам России, после периода чудовищных

пороков и злоупотреблений прошлого режима. Марк Аврелий пытался удержать Империю в границах разума, сдержанности. Ему это на какое-то время удалось. Стал ли Рим общей родиной людям? Грек Э. Аристид считал, что да, ибо грек и варвар могут безопасно отправляться, куда им заблагорассудится. Рим повсюду улучшал жизнь, утверждал свои законы и порядки. «Человечество... благодаря вам наслаждается благоденствием и процветанием». Ф. Фонтен также уверяет, что рим-ская Галлия превратилась в тихую и мирную страну под защитой Рима.

Так кельты расправлялись с пленниками

И хотя многое в деятельности древних римлян вызывает критику и укоры, они по-своему пытались цивилизовать жизнь народов, попавших в орбиту их власти и деятельности. Скажем, они не были гуманнее или рациональнее греков, но им претила бессмысленная жестокость. В гладиаторских боях или казнях рабов, при всей жестокости упомянутых актов, им виделся некий рациональный смысл — сохранение основ Империи. В то же время они отрицательно относились в I в. до н. э. и позднее к человеческим жертвоприношениям, считая это безусловным признаком варварства. Там, где устанавливалась их власть, пресекались всякие человеческие

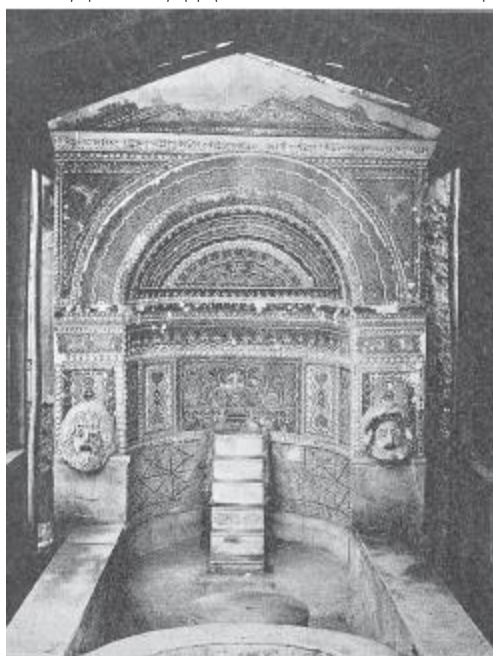
жертвоприношения. «Лучше всего мы знаем о том, – пишет А.И. Зайцев, – как римляне запретили приносить человече-ские жертвы кельтским друидам; в конце концов ликвидировали они и практику принесения в жертву детей какому-то берберско-пуническому божеству, почитавшемуся в римской Африке под именем Сатурна». Даже греки в ряде случаев прибегали к людским жертвам, о чем говорит история с Фемистоклом и вариант мифа о царе Ликаоне, нечестивые сыновья которого закололи юношу и принесли его в жертву Зевсу.

Мы перечислили лишь малую толику из того, что составляло величие и славу Империи, что вызывало восхищение и уважение тех, кто видел воочию плоды ее цивилизации и мог ими пользоваться. Даже то немногое, что мы смогли рассказать, а точнее, пересказать, позволит взглянуть на феномен Империи более трезво, иными глазами, говорить о ней чуть иначе, чем нас вынуждают пристрастия. Нам кажется, Вергилий в «Энеиде», противопоставив Рим грекам, несколько все же принизил творческие способности и созидательный дух римского народа:

Смогут другие создать изваянья
живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить
в мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья
неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие
звезды, – не спору:
Римлянин! Ты научись народами
править державно —
В этом искусство твое! – налагать
условия мира,
Милость покорным являть и смирять
войною надменных!

Здесь надо было сделать некое пояснение к тексту, что даст нам возможность наглядно увидеть, что означали слова Вергилия –

«править державно», или же – «налагать условия мира». Между римскими победами, покорениями народов и царств, с одной стороны, и активным строительством целого ряда сооружений и дорог в городах империи или в ее провинциях – с другой, безусловно, имелась определенная взаимосвязь. Так, водопровод Старый Анио (закончен в 272 г. до н. э.) был построен на средства, полученные Римом в результате разгрома Пирра; Марциев водопровод – в 144 г. до н. э., на средства, полученные после разгрома и разрушения Коринфа. На добычу от галльской кампании Цезарь начал в 54 г. до н. э. реконструкцию Эмилиевой и Семпрониевой (а впоследствии Юльевой) базилик – знаменитых общественных сооружений римского форума. Колонна Дуилия прославляла римского полководца, создавшего в ходе 1-й Пунической войны флот Рима, одержавшего славную морскую победу над карфагенянами, колонна Траяна воздвигнута в честь победы над даками. Такова цена их побед.

Фонтан в доме Большого фонтана

Разумеется, существенную лепту в триумф римского духа внесли и деятели культуры и искусства. Они интенсивно работали в области переделки старых форм и создания новых. Опираясь на греков, они сумели создать литературные формы – пастораль, роман, сатиру. Как выше отмечалось, они превратили арку в символ победы. Архитектурные ансамбли по красоте и великолепию заметно

превзошли всё, что было построено архитекторами мира до той поры. Благодаря им искусство портрета стало более реалистичным. Впервые в таких масштабах приступают к изучению искусства. В Риме появляется большое число научных трудов, изданий произведений Гомера, теоретических трактатов, исторических исследований, грамматик, каталогов и книг критического содержания. Именно в этот период Гораций пишет свою «Науку поэзии», Витрувий – научное пособие для архитекторов, Аристоксен – краткое руководство по музыке, Квинтилиан – «Наставление в ораторском искусстве». Эти труды в дальнейшем станут для многих поколений интеллектуалов и деятелей искусств бесценным пособием.

Сама природа становилась объектом решительного вторжения человека. Уже у Платона, в его утопической картине будущего, рисуется «правильный» вид Атлантиды. Там, где дикая природа как-то нарушала гармоничный вид полиса, там ее старались выправить с помощью искусства и строительных работ («где его форма нарушалась, ее выправили, окопав со всех сторон каналом»). Каналы, мосты, гавани в корне меняют природный ландшафт. Видимо, древние цари Атлантиды, создавая остров, преображали природу: «Пользуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну...». На ту же стезю преобразователей мира и природы встали и другие народы античности. Чего стоил хотя бы проект Динократа, о котором писал Витрувий. Проект предполагал преобразование горы Афон в гигантскую статую, на ее левой руке уместился бы целый город, а на правой – гигантская чаша, куда стекали бы воды горных источников, такая античная Братская ГЭС (проект описал Витрувий). Правда, Александр Македонский проект отклонил, выяснив его экономико-стратегическую нецелесообразность, но сам замысел «в части его великолепной композиции» все же оценил по достоинству. Античная культура достигла тех высот сложности (но и гордыни), когда вызов природе стал логичным движением человеческого разума. Так же поступал с природой великий Петр, создав Петербург, не утопическую – реальную Атлантиду севера!

Фонтан рек в Риме

Все, что целесообразно, то возможно, что возможно — то естественно, а что естественно — то необходимо... В Цицероновском трактате «О природе богов» звучит панегирик победоносной природе людей: «Одни только мы способны обуздывать самые неистовые порождения природы — моря и ветры, благодаря науке мореплавания. И вследствие этого мы употребляем для себя великое множество продуктов моря и наслаждаемся ими. Полностью властвует человек и над тем, что дает хорошая суша. Мы используем равнины и горы. В нашем распоряжении реки и озера. Мы засеваем поля, сажаем деревья. Подводя воду, мы сообщаем плодородие почве. Мы сдерживаем течение рек, направляем их, поворачиваем их. Короче, наши руки как бы создают в природе вторую природу. Да что там говорить! Не проник ли разум человеческий даже в небо?». Эта потрясающая песнь торжеству человеческого гения и таланта как будто переносит нас в XX в. — с его величественными проектами обуздания морей, прорытия великих каналов, преобразования пустынных земель, поворотами рек, наконец, прорыва людей в небо и космос. Даже Солнце, Луну и прочие светила, согласно утверждению Цицерона, следует считать сделанными «для людей».

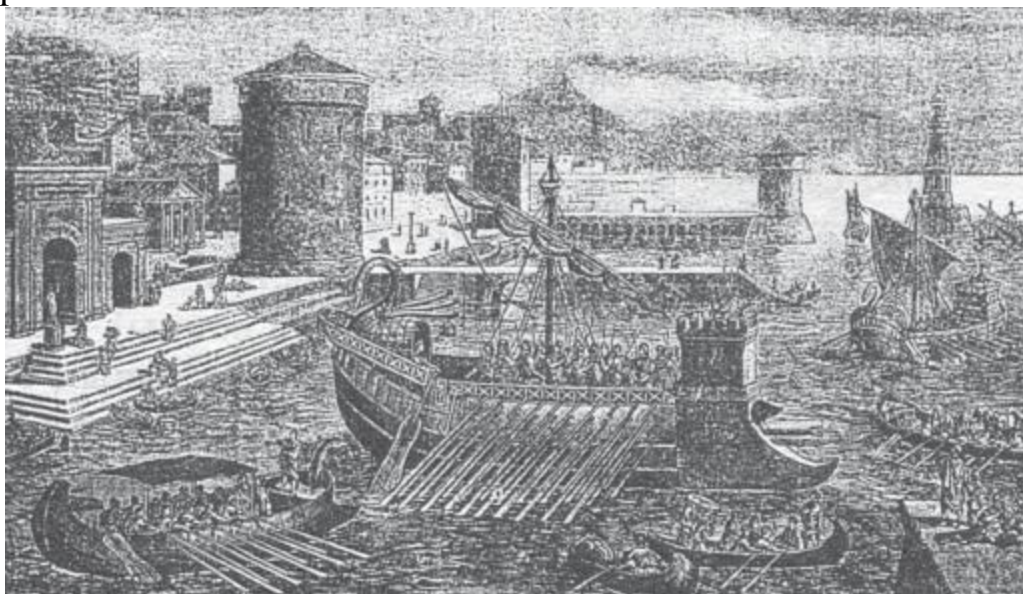

Джузеппе и Паоло Гроппелли. Талия. Летний сад

Рим — один из крупнейших преобразователей мира. Следуя примеру египтян, жителей Месопотамии, он упорно и целенаправленно создавал, строил, созидал везде, где ступала нога римского солдата и устанавливалась власть Империи — от побежденного Карфагена до Понта Эвксинского, от Сирии и Антиохии до Галлии и Британии. Как пишет историк: «Что же касается Рима, то его солдаты начинали завоевание новых земель с их прямого преобразования, с подчинения чужих ландшафтов урбанизму привычного им мира, строя лагеря и дороги, они закрепляли свое

присутствие на необжитых землях. И это тоже была победа «возделывания», культуры в этимологическом значении слова, над природой, над владениями варваров. Пафос победы над дикой природой торжествовал в пафосе победы над дикими племенами. Перенесенные из города-государства Рима фрагменты его конструктивного, архитектурного тела до сих пор как форпосты римского народа стоят на границах его бывшей империи». Потому и надо воздать должное конструктивно-созидательному духу творцов Империй.

Гавань и суда

Справедливость требует опровергнуть представления о римлянах только как о завоевателях, эксплуататорах или никчемных прожигателях жизни. Они еще и созидали. В действительности, никто другой в тогдашнем мире не сумел бы осуществить (на римском уровне) масштабную одиссею освоения громадных пространств. Они не только повсюду строили дороги, города, цитадели, театры и амфитеатры, но и совершали, вероятно, морские плавания. Хотя в 1-ю Пуническую войну они имели, видимо, еще очень скромный флот (20 судов), но затем, как мы знаем, быстро создали мощные военные эскадры и солидный торговый флот. При Нероне, когда понадобилось перевезти по морю громадный обелиск 40-метровой высоты, они построили судно водоизмещением в 1300 тонн. Корпус судна для прочности ниже ватерлинии обивали медью и свинцом.

Ночи на Востоке

На таких кораблях можно было добираться куда угодно, если уж Хейердал на довольно хлипком плоту сумел совершить столь грандиозные путешествия. Существовали суда для перевозки диких зверей из Африки и Азии, а огромные зерновозы совершали рейсы между Александрией и римскими портами. Римские мореходы не только ориентировались по звездам и знали ветры, но к их услугам были и инструкции (периплы), передававшиеся из поколения в поколение, такие как – «Перипл Ганнона» (VI в. до н. э.), «Перипл Каспий-ского моря» (III в. до н. э.), «Перипл Эритрейского моря»

безымянного автора (I–III в. н. э.) и другие. Не исключено, что были у них и справочники для плавания судов и по океанам. Представляет интерес загадка, о которой сообщают многие ученые. В коллекции Британского музея имеется рисунок деревянной фигурки legionera, доставленный в конце прошлого века с Гавайских островов. Но как тот смог туда попасть? Говорят, римские торговые поселения существовали в Индии в I–III в. н. э. Там даже кто-то построил храм, посвященный императору Августу. Известны случаи, когда ряд римских предметов (вещи, золотые медали с изображением императоров Пия Антония, Марка Аврелия и др.) находили на территории Камбоджи. Возможно, римские мореходы – это те «безвестные колумбы», что смогли пересечь не только Индийский, но и Тихий океан, и попасть в Америку.

Во всяком случае Тур Хейердал считал, что римляне располагали сведениями о землях, лежащих в нескольких неделях пути за Гибралтаром. Они обследовали западноафриканское побережье, побывали на Канарах и, возможно, достигли и Нового Света. Достигли же пропавшие римские legionеры Красса границ Китая, куда они были занесены превратностями судьбы. Сведения вовсе не высосаны из пальца, но имеют историческое подтверждение. В 36 г. до н. э. в Согдиану, в Центральной Азии, была послана военная экспедиция Чэнь Тана, «заместителя генерал-защитника западной границы» государства Хань. Об этом поведала «История ранней династии Хань», где, в частности, говорится о воинах, которые по внешним признакам очень походили на римских legionеров: «Около двухсот пехотинцев, выстроившихся с обеих сторон от ворот, маршировали в строю наподобие рыбьей чешуи». Многие востоковеды тотчас вспомнили о римских legionерах с их тактикой построения со щитами (в виде черепахи). К ней воины прибегали в конце I в. до н. э., соединяя щиты сверху и со всех сторон, словно это «рыбья чешуя». Тут же вспомнили и о поражении семи legionов Красса (на территории Сев. Ирака) от парфян в 53 г. до н. э. Полководцу отрубили голову, а его войско пришло в полный беспорядок (20 000 убили, 10 000 взяли в плен).

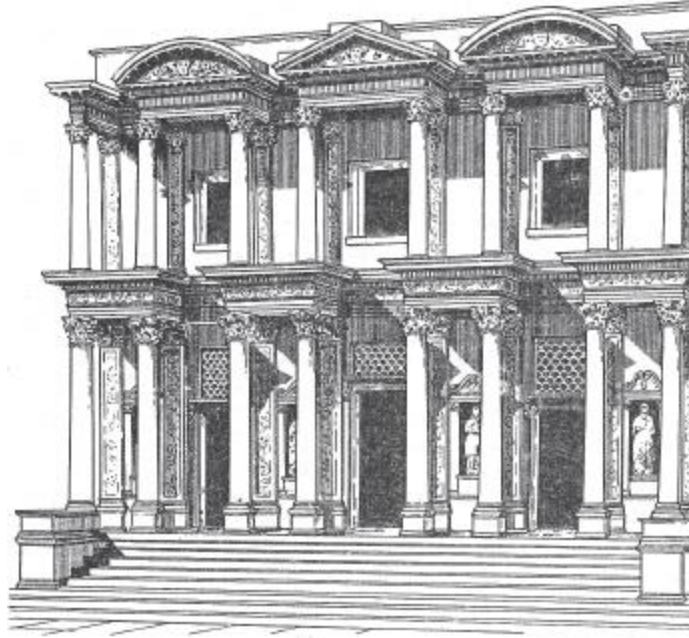
Пленных римлян отправили на восток, где они, возможно, переженились на местных дамах, в дальнейшем могли попасть в Китай и Японию. Есть сведения, что в границах китайской империи даже был город Чэн Лю, что переводится как – «потомки пленников». Римляне

усилиями Друза и Тиберия совершали походы к северным морям, к Скандинавии; возможно, добирались они и до Цейлона. Во всяком случае, цейлонское посольство прибыло в Вечный город, а вскоре была направлена туда и римская торговая миссия (за тысячи лет до европейцев). Все это указывает на разносторонность усилий римлян по расширению границ их власти и влияния.

Культурные и торговые интересы древних римлян простирались далеко за пределы собственной империи, и даже за границы контролируемых ими территорий и регионов. Одним из таких регионов был Китай. Заметим, довольно велик был интерес и китайцев к Западному краю. Сиюй – так с периода правления династии Поздняя Хань (I–III вв. н. э.) называли они земли, расположенные западнее их страны. Особое значение играл экспорт шелка, являвшегося тогда стратегическим товаром. Исследователь экономических связей ханьского Китая Инши Юй писал, что «из всех товаров, вывозимых из ханьского Китая, шелк был исключительным товаром, безусловно больше всего ценившимся иностранцами. ...Шелк так высоко ценился народами Западного края, что в некоторых местах китайцы должны были использовать его наравне с золотом при обмене на продукты питания». Так, в эдикте одного из императоров Китая (Чжан-ди) было указано, что тот, кто совершил тяжкое преступление, но мог уплатить 20 кусков шелка в порядке возмещения, избавлялся от смертной казни. Постоянным потребителем китайского шелка стал и Древний Рим.

По мнению исследователей, впервые китайский шелк появился на территории Римской империи еще при Августе (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.). Вероятно, в те времена прямые связи между двумя этими странами отсутствовали. Основным поставщиком бесценного товара выступали Средняя Азия и Парфия, через которые и пролегал Великий шелковый путь. Начинался он в столице ханьской империи Чанъани, шел на запад вдоль коридора Ганьсу, пересекал бассейн Тарима и горы Памира, затем Туркестан, Ирак, Иран, Сирию и доходил до Средиземноморья. Парфяне получали от китайских послов подарки, среди которых был и шелк. Затем эти куски шелка попали на Запад. А после того как римляне (мужчины и женщины) с восторгом восприняли сей нежнейший и волнующий предмет роскоши, парфяне стали закупать его не только для собственного потребления, но и для продажи в страны Запада. Плиний во второй половине I в. н. э.

включил китайский шелк в список самых дорогих и ценных товаров. Он высказал сожаление, что рим-ские нобили, их жены и любовницы столь сильно пристрастились к шелковым одеждам, что импортирование шелка ложится тяжким бременем на бюджет. По его мнению, «серы» (китайцы) вместе с Индией и Аравией выкачивали из Римской империи по меньшей мере 100 миллионов сестерций каждый год. «Вот, – отмечает он, – сумма, в которую нам обходятся наша роскошь и наши женщины». Разумеется, посредники делали этот товар особо дорогим. Не удивительно, что в Риме один фунт шелка подчас равнялся в цене одному фунту золота. Известно пристрастие царицы Клеопатры к шелковым платьям, в которых она появлялась на пирах. Спрос на древнекитайский шелк был столь велик, что император Тиберий даже издал специальный эдикт, запрещающий мужчинам носить шелковые одежды (Гроссет). В первую очередь следовало удовлетворить возделенную страсть женщины к шелку, ибо та без одежд просто перестает чувствовать себя настоящим человеком. Римлянки считали, что прежде чем мужчина ее разденет, он должен постараться подобающим образом ее одеть. «Шелковые страсти» были использованы предприимчивыми западными купцами. Порой те специально представляли себя в Китае в качестве «послов» западных государей, выступая в роли своего «данников» и «вассалов». Так они получали доступ к желанному шелку. Торговля шелком помогла китайскому двору превратить в такого рода «вассалов» и ряд иностранных правителей, включая римского императора Марка Аврелия, о чем сказано в «Истории династии Поздняя Хань» (Фань Е). Понятно, что речь в данном случае шла лишь о желании цезарей и царственных особ получить от китайцев шелк, и не более.

Римская библиотека

В ту пору Рим переживает настоящую «культурную революцию». Его охватила настоящая «эпидемия» коллекционирования статуй, картин, гемм, герм, книг. В письмах Цицерона к Аттику (67 г. н. э.) выплескивается это чувство бешеного восторга перед творениями искусства, «гермами из пентеликонского мрамора с бронзовыми головами». Цицерон признается своему адресату, что «влюбился» в них заочно, по одному только их описанию. И тут же просит Аттика купить каменные ограды для колодцев и барельефы для покрытых штукатуркой стен зала. Оратор настоятельно просит друга посылать ему всё, что только подвернется и что подойдет для галереи и гимнасия в его доме – и «в возможно большем числе». Правда, тут же признается, что его страсть к таким вещам, как он опасается, переходит все границы разумного. С особой теплотой говорит он о стремлении украсить и пополнить библиотеку. Его библиотека, с очевидной гордостью сообщает Цицерон, словно «получила разум» с тех пор, как два обслуживающих ее раба переплели все книги, снабдив ярлыками. Поэт Гораций сказал о покоренной Римом Греции, тем не менее ставшей триумфатором в смысле влияния ее культуры на римлян:

Греция захваченная железом,
Празднует победу:
Искусствами своими
Она покорила Лаций...

В Греции основателями библиотек называют Писистрата Афинского и Поликрата Самосского. Известно, что крупные библиотеки были у Еврипида, Аристотеля Феофраста и др. В Афинах существовал книжный рынок. В эпоху Сократа книжная торговля велась в орхестре дионисского театра. Собираение книг было тогда дорогим удовольствием. Каждая книга должна была быть отдельно сверена, исправлена и переписана. Под конец Республики Рим обрел некие зачатки книгопромышленности. Книголюбы заставляли образованных рабов переписывать сочинения известных писателей, а затем обменивались экземплярами. Первым основал настоящую книжную торговлю друг Цицерона, Помпоний Аттик, задействовав для переписки книг массу рабов. Он издавал целые сочинения (цицероновские *Quaestiones Academicae*, *Orator*, письма, речи против Антония и т. д.), распространяя их не только в Риме, но и во всех городах Греции. В дальнейшем работа оказалась столь выгодной и востребованной, что к ней подключились и вольноотпущенники. Таким образом великий Рим расширял границы своего культурного и делового влияния. По словам ученых, иногородняя книжная торговля немало содействовала распространению славы замечательных писателей за пределы Рима и Италии. «Мог же приехать один человек из Кадикса в Рим только для того, чтобы взглянуть на Ливия и тотчас после возвратиться на родину» (М. Хертц). Самыми известными продавцами книг в эпоху императоров считались братья Созии, издатели Горация. Таковы были тогда культурные запросы эпохи в римском государстве.

Руины Помпей

Римский народ и его лидеры вызывали не только страх, но уважение и даже любовь у других народов (даже среди тех, кого побеждали). Причина тому культурные достижения римлян. Вспомним, как царевич Димитрий, сын врага римлян Филиппа, проведя в Риме в качестве заложника несколько лет, тем не менее стал восторженным поклонником Рима. Вернувшись в Македонию, он превозносил великую империю, защищал ее против нападков и страстно мечтал вновь вернуться туда, где находился в плену. Одним словом, вел себя так, что македонцы даже говорили: римляне вернули нам лишь тело юноши, а душа его осталась в Риме. Так же некогда был очарован Римом и сирийский царевич, знаменитый впоследствии Антиох Эпифан. Став царем, он одевался в рим-скую тогу или разыгрывал римского магистрата. Грек Полибий, великий историк, восхищался римским полководцем и политиком Сципионом. Дружеские отношения между ними были таковы, что молва о их дружбе обошла Италию и Элладу. Именно по этой причине Полибию и удалось создать яркий образ великого и мужественного народа. Римляне готовы пожертвовать всем ради родины. Они казались честными и порядочными, в отличие от Карфагена ведя войны благородно и открыто. Но времена меняются, и народ стал иным. Триумфальные арки украсят города империи. Но за сценическим

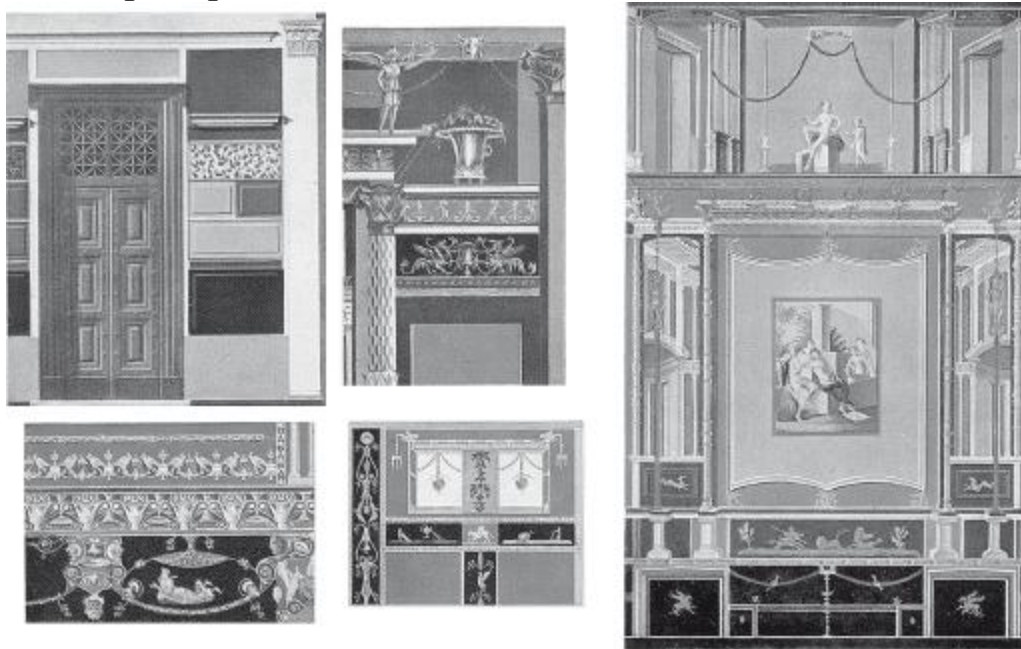
великолепием этого блистательного декора империи уж виделся страшный призрак катастроф.

Руины Стабии

Тревожным становилось положение Рима. Казалось, против него шла природа. Казалось, она еще раз напомнила могущественному Риму, что все тленно в этом мире. Гибель городов и вообще трагическая участь некогда цветущей Кампании произвели на жителей империи крайне тягостное и даже жуткое впечатление. Помпеи являлись местом, где находились виллы аристократов, знати, сенаторов. Тут были два театра, амфитеатр на 20 тысяч зрителей, храмы почитаемых божеств, прекрасный форум (длиною 142 и шириною 38 м). Когда жители после катастрофы вернулись на пепелище, они увидели огромное серое кладбище, в отдельных местах которого можно было с трудом разглядеть признаки былых жилищ и построек. Словно похоронные команды, они бродили по засыпанному пеплом городу, стараясь добраться до жилищ и откопать самые ценные вещи. Во время пребывания в Помпеях император Тит приказал вывезти из города все, что было еще возможно (в особенности статуи богов и императоров). Срывали даже мрамор с колонн и аттиков. Геркулануму в этом смысле «повезло» чуть меньше, ибо его покрыл вулканический панцирь 15-метровой глубины, сквозь который невозможно было пробраться. Так он и застыл, словно доисторический

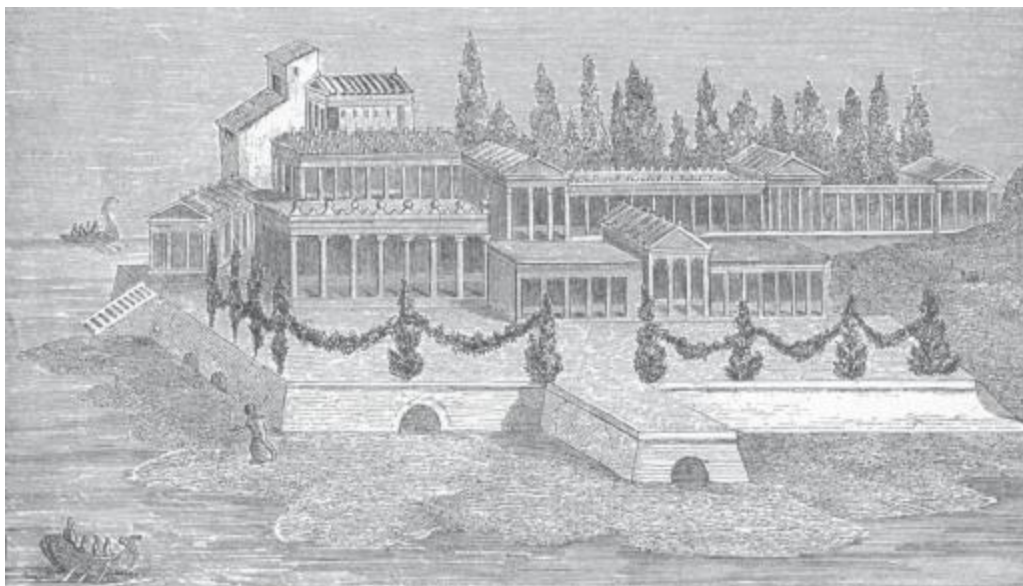
ящер, захороненный в породе лавы. Правда, большинство жителей Помпеи и Геркуланума успели покинуть город накануне извержения или в самом начале. Та катастрофа стала преддверием более грозных событий. Извержение казалось знамением, о котором писал тот же Цицерон, – но только уже для всей Римской империи: когда весь Рим будет залит кровью и разграблен, когда все постараются его покинуть, а бегущие увидят позади себя «печальное зрелище пожаров». Марк Аврелий, вспоминая о судьбе двух погибших городов, привел их как пример бренности нашей жизни и всего человеческого существования. Как пишет автор исследования о Помпеи Р. Линг, этот город представлял собой шедевр античной скульптуры и архитектуры. Причем особенно замечательно выглядели мозаичные панно города, являющиеся своего рода «золотым веком» античной настенной живописи. Именно так называемый четвертый стиль явил собой самый фантастичный и игривый образец художественного мастерства и декоративной отделки. Его отличали теплые золотые тона желто-красного цвета с изображением различных фигур и сцен из известнейших мифов. Создавалось впечатление, что это актеры выступают пред зрителями в известных спектаклях.

Фрески Помпей

Итальянцам тогда не повезло, но повезло историкам. Известный английский археолог, прославившийся находками могил царей в Уре

шумеров, Л. Вулли, как-то заметил то ли в шутку, то ли всерьез: «Если бы события разворачивались по желанию археологов, то все без исключения древние города должны были бы погибнуть под пеплом вулканов, расположенных по соседству. У археологов, ведущих раскопки в других местах, разливается желчь зависти, когда они посещают Помпеи и видят прекрасно сохранившиеся дома, фрески на стенах, предметы повседневного обихода, лежащие там, где их оставили хозяева в момент бегства из города, на который обрушилась катастрофа». В самом деле, археологической науке крупно повезло, что Везувий проснулся и выплеснул потоки лавы столь «удачно», что набросил вулканическое покрывало на целый город, сохранив его для потомков так, как, пожалуй, ни один другой город на земле. Природа сохранит то, что уничтожила. О последствиях для науки этой катастрофы Косидовский писал: «Историческая наука многим обязана Помпеям и Геркулануму. Благодаря этим городам перед нашими глазами, как живая, предстала материальная культура Италии во всей ее полноте и богатстве, как бы остановленная в своем развитии силами могучих чар. Никакие другие археологические находки, сделанные на огромных просторах Римской империи, не могут с ними сравниться. В обоих городах мы увидели не только храмы, дворцы, бани, амфитеатры и общественные здания почти такими, какими их покинули римские граждане, но и повседневную жизнь обычного человека, которому так мало внимания уделяет древняя историография». До конца XVI в. все эти сокровища оставались в земле. Люди и забыли о точном местонахождении Помпеи и Геркуланума. Города, «словно сказочные рыцари, в течение многих веков ждали своего пробуждения». Словно заколдованные красавицы, ждали они прикосновения жезла феи или поцелуя возлюбленного, дабы те вернули их к жизни. Однако в подлинной реальности все произошло гораздо более прозаично, чем это случается в сказках. Все знали, что под холмом Чивита лежат руины какого-то города, но лишь в 1594 г. инженер Д. Фонтана, получив задание построить подземный акведук, наткнулся на какие-то загадочные развалины. Но особого значения тогда этому не придали. И еще прошел целый век, прежде чем жители тех мест и искатели сокровищ время от времени стали находить статуи и мраморные плиты, что побудило к поиску.

Вилла знатного жителя Помпеи

В 1710 г. житель деревни Ресина, возникшей над Геркуланумом, наткнулся на мраморные плиты и колонны и, ничтоже сумняшеся, стал продавать в качестве сырья неаполитанским камнерезам. Узнавший каким-то образом о сей находке австрийский военачальник, герцог Эммануэль Морис д, Эльбёф, чья резиденция была в Неаполе, строивший себе виллу близ Портичи (Италия тогда находилась под австрийским правлением), тотчас прибыл на место, приобрел тут участок земли и стал вести поиски. Найдя в яме, выкопанной крестьянином, несколько великолепных статуй, и среди них прекрасную скульптурную группу матери с двумя дочерьми, он отослал их в Вену, где они и находятся в одном из музеев.

А. Канова. Три грации

Винкельман так описывает найденные там фигуры... «Три весталки достойны восхищения по двум причинам. Они принадлежат к числу первых крупных находок в Геркулануме, но еще большую ценность придает им высокий стиль их одеяний. В отношении этого элемента искусства три фигуры – в особенности же та, что более человеческого роста, – стоят в одном ряду с Фарнезской Флорой и другими греческими произведениями. Две остальные, в человеческий рост, настолько схожи между собой, что кажутся вышедшими из рук одного и того же мастера; они отличаются друг от друга лишь головами, которые по качеству исполнения неравноценны. У лучшей из них выющиеся волосы разграничены своеобразными бороздами, идущими ото лба и соединяющимися сзади. У другой волосы гладко лежат на макушке, спереди же, завитые, собраны и перевязаны лентой... На головах обеих этих фигур нет покрывал, и тем не менее их право называться весталками неоспоримо, поскольку известно, что и в других случаях можно встретить жриц Весты, которые даны без покрывал...

Дом весталок

Достоинно всеобщего внимания то обстоятельство, что эти три божественные произведения первыми навели на след последующих открытий подземных сокровищ города Геркуланума. Они снова явились на свет Божий тогда, когда память о них еще была, так сказать, погребена под прахом забвения, как и сам город – под своими собственными руинами, в то время, когда трагическая судьба этой местности была известна почти исключительно из рассказа Плиния Младшего о кончине его родственника, постигшей того в день разрушения Геркуланума. Эти великие шедевры греческого искусства уже были перевезены под небо Германии и почитались здесь в то время, когда Неаполю, насколько можно судить, еще не выпало счастья предъявить для обозрения хотя бы один памятник из Геркуланума». Помпеи и Геркуланум – два любимейших места отдыха римской патрицианской знати – пока лишь наполовину открылись миру.

Сцена бичевания при посвящении в вакханки

В отношении немецкого искусствоведа Гёте скажет: «Винкельман стал известен всем культурным народам Европы в час, когда ему в Риме уже оказали достаточно доверия и он был удостоен немаловажного поста Президента древностей». В 1738 г., по инициативе Карла III Неаполитанского, раскопки тут возобновились. Искатели археологических раритетов, выкопав колодец 20-метровой глубины, достигли амфитеатра Геркуланума, где обнаружили три статуи облаченных в тоги мужей, один из которых был похож на императора Августа; кроме того, нашли части квадриги, огромное изваяние императора Веспасиана и конную статую Марка Нонна Бальба, римского наместника Крита и Африки. Там же нашли фреску со сценами из греческих мифов и таблицу с надписью, гласящую, что видный римлянин Анней Маммиан Руф на собственные средства построил *Theatrum Herculaneum*. Следствием находок станет основание в Геркулануме академии (в 1755 г.), целью которой являлось систематическое ведение в этих местах раскопок и обработка найденных тут памятников древности. Один из членов академии Баярди издал прекрасный иллюстрированный сотнями гравюр каталог с изображением найденных там фресок, статуй и разных предметов. В 1762 г. вышла из печати работа немецкого историка искусств И. Винкельмана, посвященная находкам в Геркулануме, а в 1763 г.

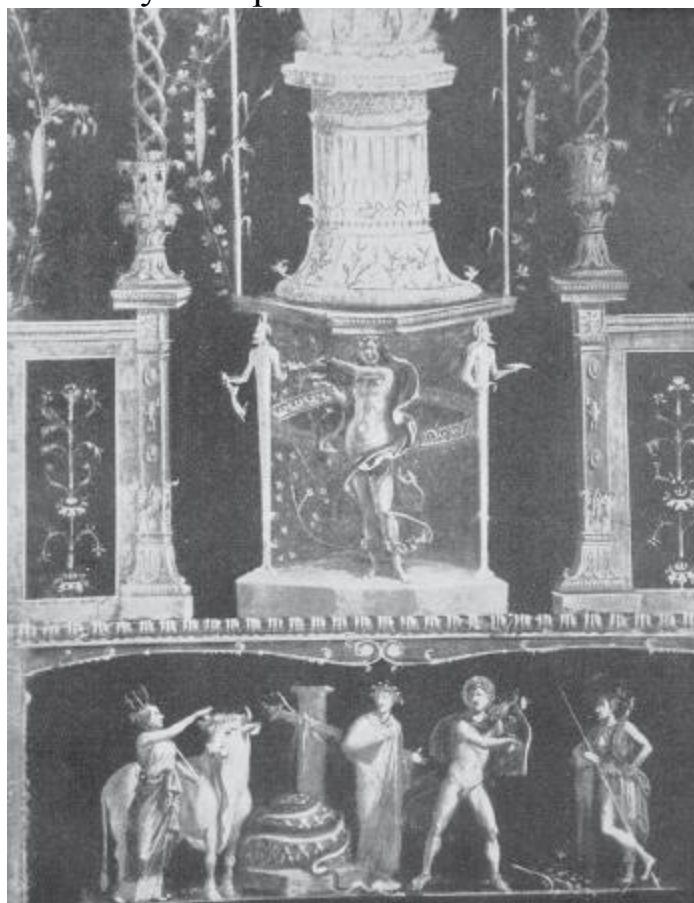
в Чивите откопали статую из белого мрамора, изображающую мужчину в тоге с надписью на цоколе статуи: «Именем императора и цезаря Веспасиана Августа трибун Т. Сведий Клеменс вернул городу Помпеям общественные земли, присвоенные частными лицами». Тогда-то все и поняли: тут, под холмом Чивита, покоятся знаменитые Помпеи.

Табличка-оберег на стене дома в Помпеях

В течение двух с лишним веков тут велись раскопки. По словам историков, процветали грабительские и варварские методы работ. Косидовский пишет: «Из руин старались извлечь как можно больше сокровищ, произведений искусств и монет. Их помещали в музеях, в пышных дворцах королей и аристократов и даже пускали в продажу. В таких условиях не могло быть и речи о научном исследовании археологических находок, о воссоздании полной картины материальной культуры двух римских городов, которые дошли до нашей эпохи почти в том же состоянии, в каком их покинули в I в. н. э. жители. Теперь трудно определить размеры вреда, причиненного вандализмом того времени. Прекрасные образцы настенной живописи вырезали из стен и переносили в Неаполитанский музей. Более того, если рисунок кому-то казался не слишком красивым, его разбивали на куски и выбрасывали как мусор. Откопанные дома подвергались абсолютному опустошению, а затем снова засыпались землей. Именно таким образом была навсегда погублена великолепная вилла Цицерона «Помпейон». Когда находили какую-нибудь мраморную таблицу с

бронзовой надписью, срывали отдельные буквы и бросали их в корзину. Понятно, что после этого уже полностью исчезала возможность восстановить надпись. Из фрагментов скульптур фабриковали для туристов сувениры, нередко с изображениями святых, и что еще хуже – каждый, кто посещал руины, мог взять себе на память все, что ему понравится. Только в начале XX в. археологи ввели подлинно научные методы ведения раскопок». С середины XX в. велись раскопки в Геркулануме (итальянским археологом А. Маюри), как и в Помпеях. Извержение Везувия словно дало Риму знак небес: боги гневаются на империю. Сегодня, по словам ранее упомянутого Р. Линга, перед Помпеями встала более серьезная угроза, а именно вероятность массового вандализма и воровства. Все чаще крадут не только отдельные статуи, но и целые панно со стен (скажем, с Дома Целомудренных Влюбленных). Специалисты уже вполне серьезно говорят о необходимости упрятать скульптуру и мозаику в сейф, заменив факсимиле. Нельзя исключать и опасности того, что молчащий с 1944 г. Везувий проснется вновь.

Роспись дома Веттиев в Помпеях

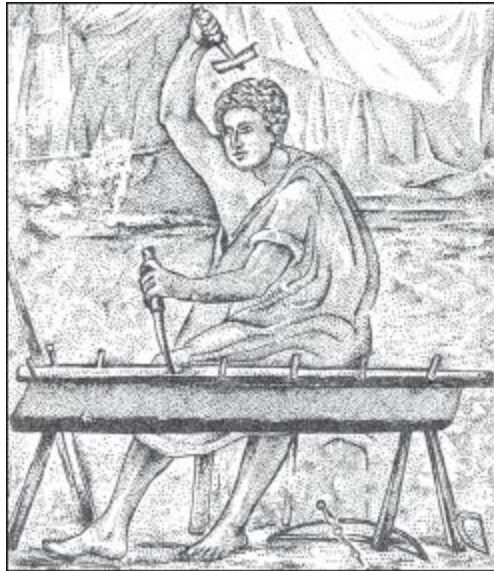
Глава 3. Крах и падение Римской Империи

Подобно Катону Цензору Тиберий порицал также возраставшую роскошь знати, содействовавшую развращенности, порокам и изнеженности и вывозившую в Индию и Китай в обмен на шелк и драгоценные камни драгоценные металлы, которые ему казалось более благоразумным употребить на увеличение армии и достижение безопасности границ. Он не хотел также чрезмерного увеличения общественных расходов и слишком частых денежных раздач, которых народ требовал со всевозрастающей дерзостью. В то время как Август управлял финансами с известной снисходительностью, он хотел бы вернуться к суровому управлению древней аристократии; особенно он порицал беззаботность, с которой позволяли частным лицам расхищать имущества республики...

Г. Ферреро. Величие и падение Рима

Положение земледельцев и рабов в Риме

До того как рабский труд возобладал в производстве, мелкое крестьянское хозяйство составляло экономическую основу жизни римского общества. Однако уже к I в. до н. э. рабский труд стал доминировать в сельском хозяйстве. Шло разорение мелких собственников. Роль и значение свободного крестьянства в жизни страны заметно уменьшилось. Дело в том, что хотя слой мелких крестьян и поставлял Риму основную часть воинов и налогоплательщиков, они являлись главным объектом социальной и экономической эксплуатации. Показательно, что в Поздней Римской империи наряду с прежними сословными делениями возникло деление на «почтенных» (*honestiores*) и «низших» (*humiliores*). К числу последних относились городские и сельские плебеи. Законы ставили их в особо низкое положение по сравнению с представителями высших слоев общества. Их презрительно называли «наихудшими» (*pessimi*), «ничтожнейшими» (*tenuiores*), против них уголовное право предусматривало особые наказания. Значительная часть плебеев со временем утратила свою земельную собственность и свободу.

Римский скульптор I в. н.э. Старый крестьянин

Предвестником начала упадка римского государства, как ранее у греков, стало не только разлагающее влияние рабства, но и разорение большинства мелких и средних земледельцев. Многолетние войны отрывали собственников от труда на своих полях. По цензорским спискам можно отследить, как богачи, опутывая долгами тружеников, разоряли их, а затем задешево скупали все эти хозяйства. Нередко бывало так, что воин, отстаивавший, как он считал, интересы отечества в кровавых битвах, вернувшись, дома сталкивался с нищетой или вовсе лишался крова. Тиберий Гракх заявил, что даже

дикие звери имеют норы, а у тех, кто сражается и умирает за Италию, «нет ничего, кроме воздуха и света». Места свободных земледельцев все чаще занимали рабы. Рим сокрушил Карфаген и Коринф, но не смог сокрушить возмущавшую стену отчуждения между слоями общества. Римский нобилитет с огромными поместьями (латифундиями) давно оторвался от народа. Алчность римских богачей и ростовщиков (публиканов) не знала границ. В таком же духе действуют проконсулы и пропреторы. Впрочем, ничего нового в таком противоборстве интересов и положении вещей не было и нет. Как давно уж известно: *Peccant reges, plectuntur Achevi!* (Грешат цари – страдают ахейцы!)

Движение Гракхов ставило своей целью удовлетворить нужды и чаяния части римского крестьянства, лишенного средств к существованию... М. Вебер пишет в «Аграрной истории Древнего мира»: «Решительной борьбой свободного труда и поселения с несвободными было движение Гракхов, которое опять ухватилось за старое требование раздела *ager publicus*. Гракхи лично, по крайней мере Тиберий, были прежде всего *политическими* реформаторами; их цель – восстановление старых основ *военного* строя. Они ставили, само собой разумеется, интересы крестьянства – для себя и для своих детей получить возможность дешево приобрести землю – на службу своему делу. Земля для целей поселения могла быть в большом количестве получена лишь путем ограничения и частичной конфискации оккупаций. Но это отнятие старых владельческих прав целых поколений... шло вразрез с интересами не только римских, но также и допущенных к оккупации, в принципе на равной ноге, *союзнических* поссессоров; и поэтому движение Гракхов вызвало не только классовую борьбу в Риме, но также борьбу римского гражданства с союзниками, которые теперь уже для своей экономической защиты и для того, чтобы участвовать в ассигнациях, должны были потребовать права гражданства, тогда как до тех пор, напротив, они довольно часто должны были протестовать против оттока в Рим своих самых состоятельных граждан». Таковы едва ли не все экономические конфликты в истории: спор идет за собственность и землю, а также за властные посты.

Служанка. Деталь росписи склепа

Гибельны и позорны времена, когда труд честного земледельца вытесняется не подвластными контролю откупщиками. В Риме этот капитал возникал «на рабах и деньгах», вытесняя деловых людей и квалифицированный труд ремесленника. Его богатства достигаются не совестливой и разумной жизнью (тогда об этом не было и речи), а разбойничьим и военным грабежом. Хотя надо признать, что в нормальное время экономическое преобладание древней городской знати в очень большой степени «было создано торговлей и сделанным ею возможным имущественным накоплением». В том числе и по этой причине Рим болезненно переживал переход от республики к империи. Олигархия признавала один путь управления – организованный ею систематический грабеж значительной части Средиземноморья. Гораций гневно пишет о преступной роскоши тогдашнего общества (I в. до н. э.), в котором добродетель превращается в порок. С ростом богатства одних росли ненависть и подозрительность других. Фраза Платона – «Богатство развратило душу людей роскошью, бедность вскормила страданием и довела до бесстыдства» – поистине буквально кричала тогда с итальянских улиц и площадей...

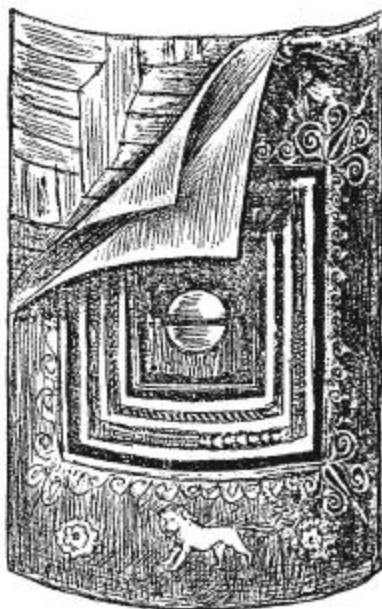
Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,

И вытесняет платан безбрачный
Лозы подспорье – вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;
И лавр густою перенял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый, —
Предки другой нам пример давали.

Скромны доходы были у каждого,
Но умножалась общественная
собственность;
В своих домах не знали предки
Портиков длинных, лицом на север,
Простым умели дерном не брезговать
И позволяли камень обтесанный
Лишь в государственных постройках
Да при убранстве священных храмов.

Рим быстро менялся в худшую сторону. Несправедливые войны портят нравы и людей. Ведь, как заметил еще Аристотель: «Нет ничего более жестокого, чем вооруженная несправедливость». Войска Рима (да и римляне) стали привыкать к легкой добыче, грабежам и развлечениям. Конечно, пороки, против которых ранее боролся Катон Старший – т. е. алчность (*avaritia*), стремление к роскоши (*luxuria*), тщеславие (*ambitus*), – и ранее существовали в Риме, но никогда они не приобретали такой власти над обществом. Печальнее и трагичнее всего было то, что постепенно исчезал вкус к умелому, полезному труду. Немецкий историк Т. Моммзен писал, что в древности ремесла в Риме имели куда большее значение, нежели в позднюю эпоху, когда за них взялась масса невольников, работавших на господ или трудившихся на них на оброке. Это видно хотя бы на примере песен. Древнейшие песни римлян прославляли не только бога брани Мамерса, но искусного оружейника Мамурия, умевшего изготавливать щиты, которые по качеству и красоте сравнивали с божественным

щитом Вулкана. В древнейшем Риме «умение изготавливать из металлов плуг и меч шло рука об руку с умением ими владеть, и вовсе незаметно того высокомерного пренебрежения к ремеслам, которое мы находим там впоследствии». По сути дела, с низведения ремесел и забвения труда свободного земледельца и начался закат Римской республики. Презрение к созидательному труду – это первый признак загнивания общества и строя. В Риме стали наблюдаться отчетливые признаки такого пренебрежения. Таким же образом воцарение скотской философии богачей-нуворишей в современной России, презирающих труд мастера, учителя и ученого, есть признак заката Республики!

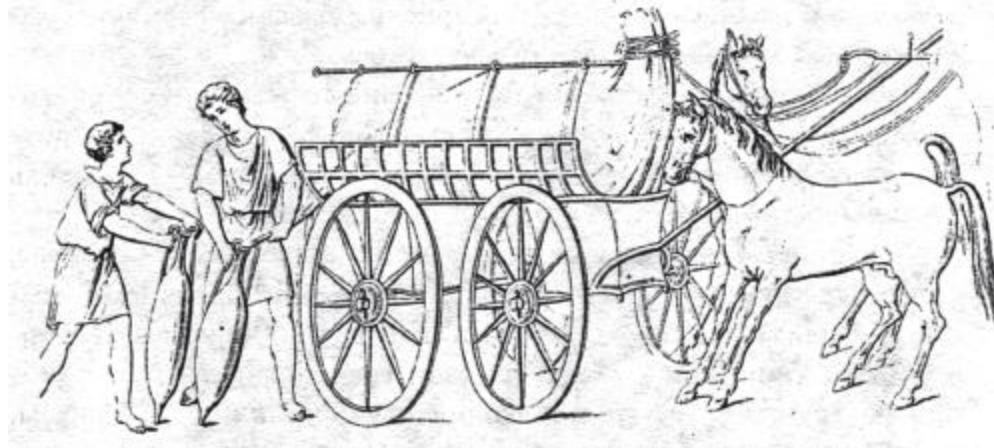
Щит легионера

Нельзя не признать, что как внешняя, так и внутренняя политика римского государства зачастую была враждебной в отношении большинства не только его противников, но и, казалось бы, естественных союзников. Те попадали в самую тяжелую кабалу к Риму. В то же время со времен покорения Италии доступ в ряды римских граждан стал чрезвычайно затруднен. Рим ограничивал права и свободы переселения (даже для италиков). Постановлением сената и народа все проживавшие в столице неграждане были изгнаны из Рима. Италики сохраняли относительное спокойствие до тех пор, «пока революция не стала расшатывать Рим». Само существование Рима оказалось под угрозой. Ситуация ухудшалась.

Одним из первых обратил внимание на положение рядовых римлян Тиберий Гракх (162–133 гг. до н. э.). Этот отважный юноша еще в 15 лет проявил себя под стенами Карфагена. Воспитан он был на идеях эллинистической философии. В 134 г. его избрали в народные трибуны. Он сразу же выступил как решительный сторонник аграрных реформ. Тиберий Гракх потребовал дать народу землю.

Опорой Тиберия Гракха стало крестьянство. Тиберий так говорил о положении простых людей в Италии: «Дикие звери, живущие в Италии, и те имеют норы и логовища, между тем как люди, умирающие, сражаясь за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света. Они без крова, лишённые постоянного местожительства, бродят с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, увещевая их сражаться с врагом за могилы предков и храмы, в то время как у массы римлян нет ни алтаря, ни кладбища предков. Их называют властелинами, между тем как у них нет даже клочка собственной земли». Он, направляясь на службу в Испанию (на должность войскового казначея), видя нищету и горе крестьян, приходит к решению изменить подобное положение. «Непременно нужно помочь крестьянству, – думает он, – непременно нужно обеспечить их землею. Когда возвращусь из Испании в Рим, сделаю все для того, чтобы упрочить крестьянское хозяйство. Свободный труд крестьян – основа всего». Но как это осуществить практически? Необходимо самому идти во власть. И тогда можно изменить несправедливую систему. Тиберий Гракх стал сенатором. Его поддерживали народ и армия, успев оценить храбрость молодого человека (при взятии Карфагена он первым вступил на стены крепости). Жил он скромно и строго, несмотря на то, что принадлежал к знатному роду. Однако ему не по душе были злоупотребления властей, прежде всего «капиталистической элиты». Подлинными хозяевами Рима становились откупщики, бравшие в аренду земли и сдававшие их мелким арендаторам. Они же получали налоги с провинций. По словам брата Тиберия Гракха, Гая, римские аристократы и откупщики уезжали в провинции с бочками, наполненными вином, а возвращались в Рим с бочками, наполненными золотом. Жалобы провинциалов на злоупотребления чиновников и откупщиков ни к чему не приводили. Сенат покрывал их, ибо сам имел долю в подобных операциях. Латифундисты чаще всего поддерживали спекулянтов.

Повозка с бочкой для вина

В сенате Тиберий поставил на голосование закон, требующий раздела крупных поместий. Закон вовсе не требовал отмены частной собственности на землю и оставлял крупным владельцам по 125 десятин. Гракх потребовал от сената вернуть к жизни земледельца, предложив ограничить размеры латифундий (семья должна была иметь не более чем 1 тысячу югеров земли). Все излишки земли у крупных магнатов отбирались и распределялись среди безземельных крестьян в личное наследственное пользование. Сенаторы выступили против этих мер и провалили опасный для них закон. Аграрная реформа всколыхнула весь плебс. И тогда, по словам Диодора, в Рим стали стекаться толпы из деревень, «словно реки во всепринимающее море». Но и оптиматы, в свою очередь, стали готовиться к сопротивлению. С помощью подкупленного трибуна Марка Октавия им удалось наложить вето на закон о земле. Тогда народный трибун Тиберий Гракх, сказав, что не может быть народным трибуном тот, кто идет против интересов народа, наложил вето на деятельность государственных учреждений. Был опечатан храм Сатурна, где находилась казна (т. е. своего рода Центральный банк страны), прекратили работу магистраты. Это равносильно тому, как если бы взять и опечатать Кремль и все службы президента, включая его кабинет! Однако в Риме-то это сделали... Теперь вы понимаете, что такое истинная демократия народа (в Римской республике – 2133 года тому назад). С помощью голосов народа он заставил сенаторов принять закон. Суверенитет народа тем самым был поставлен выше ограниченной и отсталой конституции.

Взгляните, как действовали в Древнем Риме (две с лишним тысячи лет тому назад) истинные друзья народа. Тиберий обратился к народному собранию. Под давлением народа закон был принят. Никто из владельцев не мог владеть землей более 250 десятин (холостой не более 125 десятин). Земля сверх этого предела отбиралась и отдавалась крестьянам участками по 7–8 десятин на каждый двор в наследственную аренду. Так начался раздел земель. В итоге тысячи крестьян получили земельные наделы. На приобретение инвентаря и скота Т. Гракх хотел отдать богатство царя Пергама, Аттала III, который не имел собственных детей и завещал Риму свои сокровища. Он сократил срок военной службы, понимая, что труженику лучше работать на земле и дома, от чего зависит благосостояние его семьи и его самого. Во время новых выборов Тиберий вновь выставил свою кандидатуру, рассчитывая закрепить успехи его политики (по римским законам запрещалось два раза подряд быть трибуном или консулом). Народ дважды голосовал за него, но сенаторы яростно сопротивлялись. Враги трибуна напали на него и его сторонников, убив 300 человек (132 г. до н. э.). Тиберий погиб.

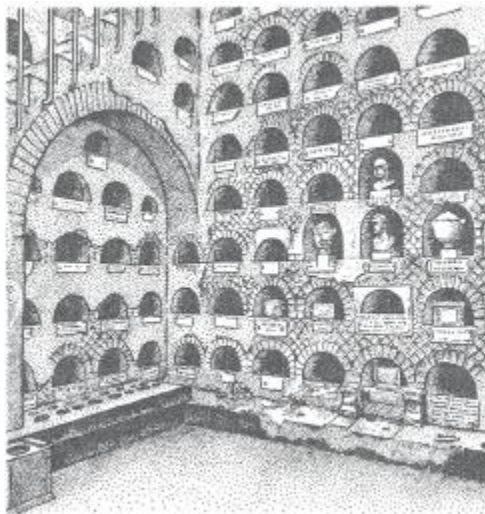
Плотник с мраморного рельефа. III в. н.э.

Любопытно, что даже явно не симпатизирующий ему Т. Моммзен, возражая против «власти черни», обвиняя Тиберия Гракха в тирании и демагогии, считал все же его патриотом и весьма даровитым человеком. Моммзену не нравится намерение Гракха дать возможность народу «вмешиваться в дела управления» страной. Он осуждал его за то, что он вырвал из рук сената орудие управления и контроля. Как это так, как посмел Гракх дать возможность «налагать на проекты легальный штамп суверенной народной воли»? Конечно, совсем

другое дело протаскивать в парламенте закон в угоду толстосумам и власть имущим! Таких и сегодня хватает. Моммзен оплакивает Цезаря и выражает восторг по поводу смерти Гракха. Как же это прекрасно и умно, что в итоге «демоны революции, которых он сам призвал, овладели неумелым заклинателем и растерзали его» (Гракха). Нас удивляет не смерть Гракха и даже не то, как долго жил человек, говоривший: «Республика – ничто, пустое имя без тела и облика» (Цезарь), а то, как редко в парламентах и сенатах мира можно встретить бойца за дело народа.

Благодаря активной и справедливой политике Тиберия, поддержанной затем братом Гаем Гракхом, около 80 тысяч крестьянских семей получили наделы. Почти полмиллиона десятин земли было заселено и засеяно. Гибель трибуна не остановила деятельности и аграрной комиссии народа, которая осуществляла конфискацию излишков земли в крупных поместьях. Продолжил дело брата Гай Гракх (153–121 гг. до н. э.), избранный трибуном в 123 и 122 гг. Он предпринял меры по оживлению экономической жизни, строил дороги, провел и хлебный закон, по которому плебей мог купить дешевый хлеб. Эта акция означала признание за государством обязанности оказать помощь малоимущим. Он же настаивал на том, чтобы народу достались богатства пергамского царя, перешедшие к Риму. Тогда итальянские крестьяне получают средства для покупки нужного инвентаря (представьте себе, если правительство России вдруг вернуло бы награбленные у народа и вывезенные за рубеж миллиарды – ученым, крестьянам, врачам, учителям!). Гракх провел закон, давший право народу обращаться с апелляцией к народному собранию (кстати, такое же право отныне получили и солдаты, которые смогли теперь обжаловать решения своих отцов-командиров). На военную службу в Риме не могли призвать лиц моложе 17 лет. Согласно закону прекратились вычеты из солдатского жалованья и жуткие задержки выплат. Он же потребовал предоставления гражданства Рима всем его союзникам. Речи Гая Гракха производили столь сильное впечатление, «что нельзя было сдержать слез». Число сторонников народной демократии росло. В результате реформ количество мелких сельских хозяйств выросло с 318 тысяч до 395 тысяч за 9 лет. Сенаторы и богачи ненавидели Гая Гракха не меньше, чем его великого брата. И вновь спор богачей и народа разрешился

тогда кровавой битвой. Погибло несколько тысяч сторонников Гая, тела их бросили в реку, а за отрубленную голову Гая Гракха сенат Рима выдал его убийце столько золота, сколько весила отрубленная голова героя... Имущество народных заступников было отобрано и передано в казну, дома разграблены. Матери запретили носить траур по ее невинно убиенному сыну. Вероятно, им не нашлось бы места в колумбарии, где покоились урны с пеплом умерших (с конца республиканского Рима до середины императорской эры).

Римский колумбарий. Место захоронения

После смерти народных трибунов простой люд Рима лишился своих главных защитников. Русский историк, публицист, издатель Н. И. Новиков, крупнейший просветитель XVIII в., сказал о республиканцах: «В благополучном веке Рима вольность была душою красноречия и заставила Силлов и Помпеев дрожать пред народным трибуном. Но когда после благородной гордости сих республиканцев последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас, и разум римлян вместе с их вольностью погребен был на полях фарсальских». Не погребли ли и мы с приходом подлого века и рабства денег вольность великого народа, а заодно и наш разум на полях фарисейских?!

Напрашивается политическая оценка. Меры Гракхов имели четко выраженный классовый, полупролетарский характер. Конечно, Моммзен в силу буржуазной ориентации осуждает реформу Гракхов. Тем не менее и он вынужден признать: «Что бы ни говорили юристы, а

в глазах деловых людей эта мера была не чем иным, как экспроприацией крупного землевладения в пользу земледельческого пролетариата. И действительно, ни один государственный деятель не мог смотреть на нее иначе». Не будучи сторонником сей меры (он считал, что такая экспроприация крупных «помещиков» являлась большим злом), он вынужден признать, что это единственное средство предотвратить если не совсем, то хотя бы на какое-то время другое и худшее зло, грозившее самому существованию государства, – то есть гибель крестьянства. Поступок Гракха, вынесшего вопрос о государственных землях на разрешение народа, он назвал революцией против духа конституции Рима. Но что такое конституция? Бумажка, созданная для того, чтобы служить благу народа и его интересам. Плоха та конституция, что не выполняет этой задачи. Бывает, что она создана под плутократов, тиранов, узурпаторов и воров. Моммзен пишет: «Для истории не существует законов о государственной измене. Кто призывает одну силу в государстве к борьбе против другой, тот, конечно, является революционером, но возможно, вместе с тем и проникательным государственным мужем, заслуживающим... похвалы».

Точильщик. Римская копия

Плебеи часто становились жертвами насилия со стороны магнатов, чиновников, всей правящей верхушки. Хотя по мере того как кризис рабовладельческой системы в конце II и в III вв. н. э. становился очевидным, власть попыталась найти выход: защитить

свободных земледельцев от чиновников. С этой целью был учрежден институт дефензоров, который должен был ограждать крестьян от незаконных нападков, грабежа, захвата инвентаря и скота. Но все эти меры, как правило, оказывались малоэффективными. И даже попытки снизить налоги на крестьян в V в. н. э. ни к чему не привели, ибо ворон ворону глаз не выклюет. В итоге все больше свободных крестьян разорялось, теряя имущество и землю, лишаясь статуса свободного человека и становясь колоном (полурабом). И хотя в позднеримских юридических документах сохраняется разграничение мелких земельных собственников (плебея и колона), их положение сближалось. Правда, и плебей-посессор владел примерно 15–25 югерами земли, имел одного-двух рабов и упряжку быка, тогда как колон находился полностью во власти своего господина. Однако и плебей-собственники, и солдаты-ветераны, имевшие свои наделы, и даже средние землевладельцы (куриалы) – все испытывали на себе гнет имперской системы. Положение солдат-ветеранов (особенно гвардейцев) было более предпочтительно, ибо власть их все же побаивалась, давая им подачки.

О положении рабов в римском государстве писали многие (Энгельс, Моммзен, Валлон, Вестерман, Мейер, Фюстель де Куланж, С. Ковалев, Г. Хёфлинг и др.). Положение рабов значительно ухудшилось по мере роста земельных владений. Это влекло за собой уменьшение свободных земледельцев и увеличение числа рабов. Маркс отмечал: «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры Древнего мира – для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы». Однако если это и был фундамент, то фундамент зыбкий, непрочный.

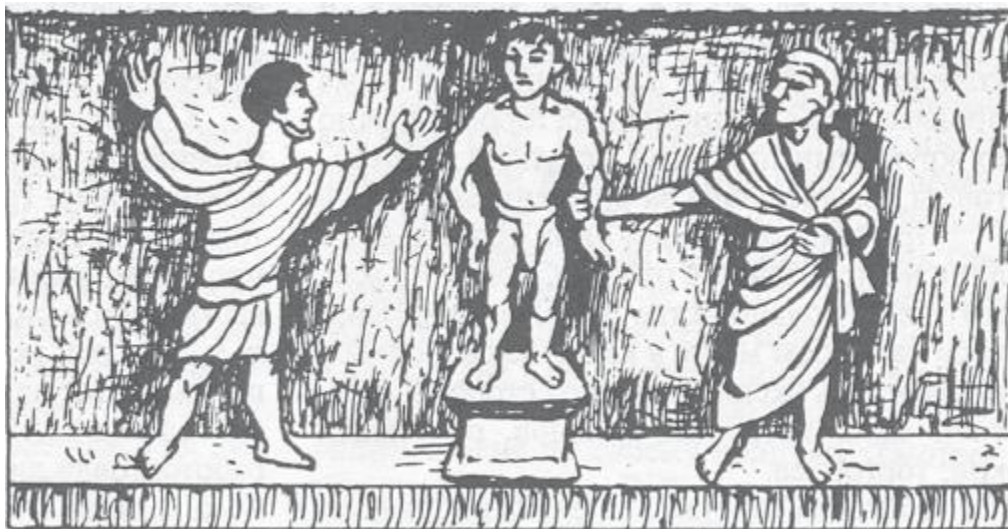
Римский акведук в Испании работает. Сеговия

Экономическая и хозяйственная жизнь Рима зиждилась в первую очередь на подневольном труде. В этом коренное отличие Рима от Эллады и эллинского Востока, где рабство носило ограниченный, патриархальный характер. М. Вебер подчеркивает: «Если не считать спартанского феодального государства и Хиоса, мы почти ничего не слышим в Греции и на всем Востоке о восстаниях рабов, и *чем позже, тем меньше*, тогда как восстание Спартака в Южной Италии и на Сицилии причисляется к самым страшным социальным потрясениям Древнего мира». Не меняет дела и то, что со временем все больше римских рабов стало получать вольную, поскольку делалось скорее из экономических побуждений. Отпущение рабов на волю происходило не в силу великодушия римской знати, а имело своей целью получение большей наживы. Для рабовладельца нередко было выгоднее иметь солидную долю в тех или иных промышленно-торговых предприятиях вольноотпущенника, чем присваивать себе его труд. Потому и отпущение рабов на волю становилось в Риме все более частым явлением по мере того, как усиливалась промышленная и торговая деятельность римлян. Труд рабов хотя и не был производителен, но

многое они делали прочно. Один из поэтов с восхищением скажет о водопроводе, «сработанном рабами Рима».

Вряд ли мы вправе говорить с умилением, как это делает Жюллиан: «Античное рабство в определенных отношениях имело больше демократического мужества и человечности, чем сегодняшней наемный труд. Ничего нет более трогательного, чем эти надгробные памятники Галлии, алтари, на которых господин молил богов за своего сына и своего раба, и могилы, где он покоился в мире со своим слугой». Но рабство остается рабством даже при самых близких взаимоотношениях двух субъектов. Наличие многочисленных надписей и плит вольноотпущенников указывает на широкую практику отпуска рабов на волю.

Мотивы освобождения рабов могли быть различны: по завещанию бывшего владельца, в результате сожителства со свободными или в итоге рождения при подобном сожителстве, как награда за безупречную службу, ну и, наконец, в результате выкупа раба. В качестве примера можно упомянуть положение рабов в Галлии. Конечно, никак нельзя согласиться с мнением тех, кто идеализирует их положение, указывая на совместные погребения господ вместе с господами. Таков памятник в Арелате. Онный воздвиг гению господ Макра и Лициниана (по обету после освобождения) бывший раб Алфий. Такие случаи имели место, но памятники, надписи и надгробия с барельефными изображениями посвящались, конечно же, не теми рабами, что были заняты в поле, ремеслах, рудниках (таких большинство), и не тем рабам, а малой части рабов-виликов, управляющим, канцеляристам и служащим, лицам «интеллигентных» профессий. Домородный раб императора из Виндонииссы, занимавший должность диспенсатора, сам имел рабов, которые, в свою очередь, были весьма состоятельны и влиятельны. Такие совместные погребения господ и рабов, являясь исключением, отражают статус привилегированной челяди (кормилицы, личные слуги, охрана). Случалось, что мужем свободнорожденной женщины оказывался ее бывший раб, хотя гораздо чаще отпущенницами господ, а затем и их женами становились сами рабыни.

Продажа раба

Значительное число таких вольноотпущенников (и прежде всего городских) прослеживалось в наиболее романизованных областях Галлии. Сельских рабов освобождали крайне редко. Господа относились к рабам с обычной для их практики жестокостью. Подтверждением этому являются не только кандалы и орудия пыток, но и стихотворная надпись, посвященная рабу. В ней говорится, что его освободили благодаря его покорности и усердной службе, и тут же отмечено как нечто исключительное то, что он, служа господину, не знал побоев (I в. н. э.). Основная масса рабов, конечно, не знала подобных идиллий. Примечательно, что отпущенные на волю рабы при первой же возможности сами становились рабовладельцами, содействуя воспроизводству рабства как социального института. Вероятно, многие из них столь же сурово обходились со своими рабами. Об этом говорит одна стихотворная надпись на памятнике, что был поставлен убитому отпущеннику – «скотоводу», которого убил его раб, не выдержавший преследований со стороны бывшего собрата. Раб убил его, а затем покончил с собой, бросившись в реку.

Можно ли сравнить римских рабов с римским плебсом или пролетариями? Иные так и делают, не видя большой разницы в положении плебея и раба. Не вдаваясь в юридические тонкости вопроса, можно сказать, что их социальное и экономическое положение действительно было довольно близким. В то же время, утверждая, что рабство было главным явлением, определяющим

характер античной экономики и социальной жизни в Греции, оговоримся: число рабов на пике существования данного института было не столь велико, чтобы считать оный решающей силой и базисом общества. Иная ситуация сложилась в этом плане в Риме. Если, по словам Дионисия Галикарнасского, в эпоху республики рабское население составляло примерно одну восьмую, а может быть только и одну шестнадцатую его часть, то затем, в период от взятия Рима галлами до 2-й Пунической войны, число рабов в Риме постоянно растет, достигая нескольких миллионов (лишь сельских рабов – 2 млн, при общей численности римского населения в 10 млн). Рабство стало неотъемлемой частью римской цивилизации. Плавт писал в «Пленниках»:

Как приятно сознание, что наши дела
И нам впрок пошли, и отчизне
на пользу!
Как прекрасно я сделал, что пленных
купил!
Кого ни встречаю, поздравить
спешат все:
Отовсюду обступают, чуть меня
не задавили...

Рим в полной мере использовал преимущества, полученные им от победоносных войн. Как отмечалось, только за период от 200 до 150 г. до н. э. общее число военнопленных, попавших в Италию, достигало 250 тысяч человек. Легионы, разбив армию, окружали деревни и поселки. Раненых или слабых попросту уничтожали, а всех трудоспособных пленников связывали веревками и, с колодками на шее, строили в колонны. Сюда добавим и большое число тех, кого похищали пираты, продавая их в рабство (этим позорным делом занимались и римские сборщики податей). Большое количество военнопленных дали Риму войны Цезаря (примерно 150 тыс. человек). Цены на рабов колебались: от 600 сестерциев за рабыню до 100–200 тысяч за особенно красивых юношей или девушек, которых покупали как предмет роскоши или удовольствий. Цезарь однажды заплатил за

молодого раба такие деньги, что даже постеснялся внести эту сумму в его приходно-расходные книги. Число рабов в Риме было огромно, на что указывают и похоронные залы рабов (так называемые колумбарии). У жены императора Августа, Ливии, были рабы для службы в комнатах, прихожей, для ухода за телом и наблюдения за ее здоровьем, для воспитания детей, для забот о ее гардеробе, да и вообще для поддержания того, что римляне по примеру греков называли «миром женщины».

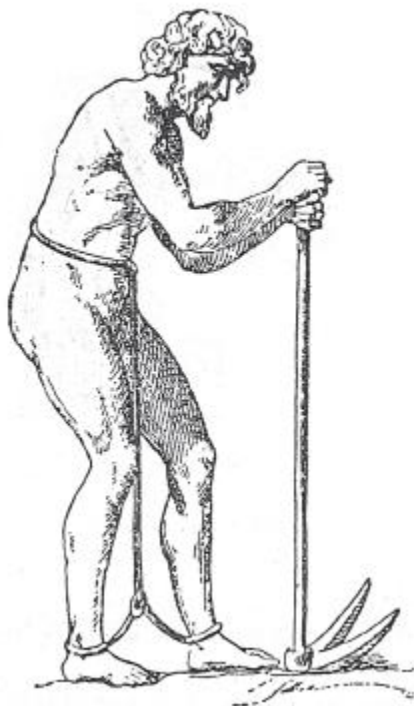

Кельтские пешие воины, всадники, трубачи

Кто-то из людей читал ей, кто-то оказывал услуги интимного характера, кто-то сопровождал ее или сидел у ног их госпожи, кто-то накладывал грим, кто-то вел общие дела и т. д. Поэт Ювенал говорил о когортах рабов. Плиний обозначал их словом «легион». У многих патрициев были сотни рабов. Домашний штат рабов супруги Августа включал специалистов 50 профессий (3 из них были связаны с приемом пищи и жидкостей, 7 связаны с одеждой). Использование рабов более распространено было в Риме, чем в Греции. Признаком крайней нищеты в Риме считалось, если у кого-то «нет ни раба, ни сумки для денег». Имел своего слугу и простой солдат (после осады Алезии каждый солдат получил по рабу), имела служителей куртизанка. У бедняка и то мог быть свой раб или рабыня. Даже раб иногда имел раба. Рабы становились вольноотпущенниками, как Трималхион, раб, о котором написал в «Сатириконе» Петроний. Иные из них разбогатели, имели собственные дворцы, своих рабов и слуг. В отдельных случаях выходцы из рабов могли подняться на вершину

властной пирамиды (таковым был друг полководца Сципиона философ Полибий), и могли разбогатеть (как ростовщик Клавдий Исидор), или могли стать литературными светилами или поэтическими гениями (как Плавт или Теренций). Но все это скорее исключения из правил.

Раб в кандалах

Положение большинства рабов было не только тяжким, но и унижительным. У рабов не было имен, но лишь клички. Жили они в клетушках в земле, больше похожих на хлев для животных. Отношение к рабам было пренебрежительным. В Риме существовал обычай привязывать привратника-раба у дверей на цепь, как собаку. К ним и относились как к бродячей собаке или к животному. Катон, «великий оратор», «правдолюбец», «моралист», говоря о сельском хозяйстве, упоминает и о том, как однажды за негодностью продавал разный рабочий скот, опаршивевших овец, изломанные телеги, сбрую – заодно вместе с престарелыми рабами! Плутарх говорит о нем, что Катон обращался с ними, как «со стадом животных», прогоняя их и продавая, когда состарятся. Я же, говорил Плутарх, не в состоянии продать по случаю старости даже рабочего вола, а не то что престарелого человека, которого в этом случае могут изгнать с родной земли... Рабов держали в бараках, похожих на концлагеря. Им

полагалась скудная пища. Вдобавок к месячному рациону зерна (зерно те мололи сами) рабу полагалась горсть полусгнивших маслин из-под деревьев, порция соленой рыбы, уксус. Из обуви и одежды ему выдавали плащ на 2 года, грубую тунику на год и деревянные башмаки.

Танец сукновала. Портрет раба

Их вообще не считали за людей... «Раб, – говорил Катон, – должен работать или спать». Диодор Сицилийский писал: «Люди, которые занимаются работой в рудниках и которые приносят своим господам невероятные по своим размерам доходы, изнывают от своей работы в подземных шахтах круглые дни и ночи, и многие из них умирают от чрезмерного труда. Нет у них ни отдыха от работы, ни перерыва в ней». Немудрено, что в рудниках вспыхивали восстания (Аттика, Фракия, Галлия). У Апулея в «Золотом осле» о рабах в мастерских сказано со всей откровенностью: «Великие боги, что это были за люди! По всей коже у них были видны синебагровые кровоподтеки; рваные лохмотья не закрывали, а только пачкали спину и члены; у некоторых только у живота болтались какие-то грязные лоскутки; решительно у всех сквозь рубище сквозило голое тело; клеймо на лбу, голова, обритая наполовину, на ногах кольца от цепей, мертвенно-бледные лица, слабое и скверное зрение, красные веки, воспаленные в постоянном полумраке, где, словно какой-то чад или

дым, всегда стояла тонкая пыль от муки. Эта грязно-белая пыль покрывала им лицо и одежду, так что они напоминали тех, которые, готовясь к борьбе, натерли себе песком тело». В другом месте говорится, как хозяин за проступок любовного характера обмазал раба медом и привязал к муравейнику. В итоге муравьи обглодали несчастного раба, так что к зловещему дереву оказались привязанными «только сверкающие ослепительной белизной кости». Петроний в «Сатириконе» писал, как на двери висело объявление, гласившее: «Если раб без господского приказа выйдет за ворота, то получит сто ударов». И таких примеров множество.

Среди рабов существовала определенная иерархия... По словам Филострата, те делились на классы и имели свою генеалогию. Дорогие рабы из Малой Азии и Греции, скажем, занимали в домах римской знати более привилегированное положение, чем рабы из придунайских провинций или же из Африки. Заметно выделялась из «домовой черни» интеллигенция, служители искусств (поэты и т. д.). Привилегированное положение занимали диспенсаторы, т. е. те, кто ведал финансовыми и торговыми операциями. Это была верхушка рабского общества. Введена была должность посредника между господином и рабом. Таковым стал «виллик», то есть управляющий имением. Через него хозяином и передавались все указания рабскому составу поместий. Этот человек, будучи часто рабом по существу, в силу своего положения возвышался над остальной массой рабов, как император или фараон над своими подчиненными. Господа требовали от управляющего всех достоинств: чтобы не пил, не гулял, не роскошествовал, не прелюбодействовал, трудился день и ночь, был честен и скромн, постоянно находился среди рабов, разрешал их споры, удерживал их от преступлений и воровства и сам не воровал. Он должен был последним ложиться, наблюдая за порядком, и первым вставать. Одним словом, чтобы был не вилликом, а ангелом. Варрон требовал, чтобы тот превосходил подчиненных образованием, обладал авторитетом и знаниями. Самое главное, как писал Цельс, чтобы он приносил своим господам «меньше счетов, но больше денег». Однако все эти прекрасные пожелания могли возыметь результат, если и сам хозяин все же принимал более или менее активное участие в содержании поместья, контролируя его работу. Такой рачительный хозяин должен был бы наблюдать и за действиями виллика.

Римлянин со слугой на улицах Помпей

Он должен был бы, пишет Валлон, попробовать их хлеб и вино, чтобы оценить их качество, должен осмотреть их одежды, плащи и обувь; должен принять и их жалобы на жестокое обращение или обман, жертвой которого они стали. Такая разумная политика и гуманное обращение с работниками действительно могло привести к успешному ведению сельского хозяйства, ибо труженик проявлял бы заинтересованность в результатах труда. Однако такого рода земли и поместья, по словам Плиния, были редким исключением. Валлон продолжает: «Напрасно доказывали владельцу необходимость хозяйского глаза, напрасно приглашали его если не постоянно жить, то по крайней мере посещать свое имение в память предков и ради своего собственного интереса. Он приезжал, только сопровождаемый шумной город-ской толпой, окруженный всей суетой городской жизни, а матрона, некогда верная помощница в его работах и надзоре, теперь считала недостойным и унижительным для себя пребывание там хотя бы в течение нескольких дней. Итак, виллик пользовался абсолютной властью, так как, по словам Помпония, «быть управляющим имения, куда господин заглядывает лишь изредка, это значит быть не управляющим, а хозяином», а мы уже видели, что власть, перешедшая

в такие руки, приобретает ярко выраженный деспотический характер». Понятно, что такого рода система хозяйствования не могла привести к чему-то иному, кроме как к масштабному воровству, обману, деспотии, насилию, ненависти рабов к труду и их господам.

Хлебная печь

Впрочем, некоторые трудовые функции возлагали на себя женщины. Так, по словам Плиния Старшего, в Риме почти 600 лет со дня основания города не было пекарей. Квириты пекли хлеб сами, и это являлось «преимущественно женским делом». Однако позднее домашний хлеб выпекался только в богатых домах. Остальные граждане покупали его в пекарнях, в которых обычно было 3–4 мельницы. Итальянцы делали только пшеничные хлеба, сорта и качество были различными. Впрочем, и второсортный хлеб, видимо, был хорошего качества, раз его подавали даже к столу императоров Октавиана Августа, Александра Севера и других. Спустя 17 веков после гибели Помпеи в развалинах нашли 80 обугленных булок.

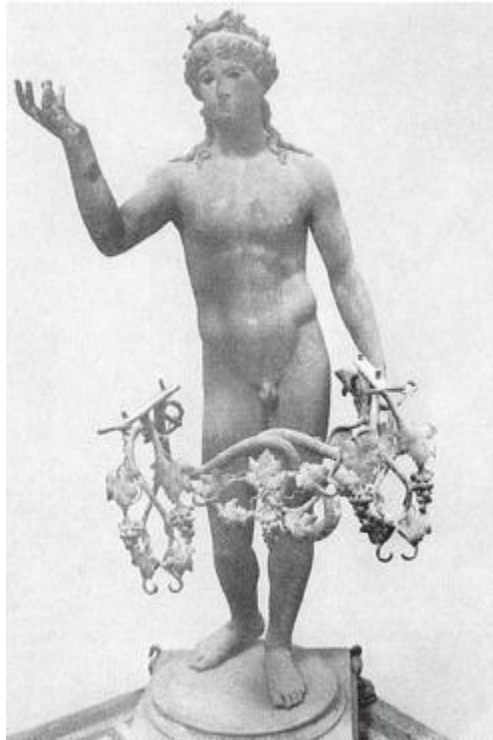
Коврига хлеба, найденная в Помпеях

К управляющим примыкали люди культурного окружения хозяина: секретари, педагоги, врачи, музыканты, актеры, счетчики и т. д. Ниже стояли чернорабочие и прочая челядь. Часть общества (мелкие и средние собственники) в отношении рабов придерживалась принципов, что сформулировал в «Моральных дистихах» Дионисий Катон. Там сказано: «Если ты гневаешься на провинившихся рабов, удержись, дабы пощадить их»; «не отвергай полезного совета раба, ничьим мнением, если оно может тебе помочь, не следует пренебрегать»; «когда ты покупаешь себе рабов, не забывай, что и они люди». Лукиан в «Нигрине» вообще издевается над богачами, всюду появляющимися в толпе рабов. Афиней высмеял богача, заставившего его поваров выучить наизусть диалоги Платона, чтобы те пересказали их гостям. Киники вообще считали, что каждый человек должен обслуживать себя сам. Счастлив тот, считали они, кто обходится без рабов вообще.

Политика государства в отношении рабов была противоречивой. Разумеется, как редкое исключение, были гуманные рабовладельцы. Так, Плиний Младший писал: «По отношению к моим рабам я руководствовался двумя правилами. Во-первых, указанием наших предков, которые домохозяина называли *отцом челяди* (pater familias),

а во-вторых – словами Гомера: *как отец, он был кроток всечасно*». Плиний видел в них людей, почти полноправных граждан, признавая все семейно-имущественные контракты рабов, хотя законы не обязывали его так поступать. Действительно, постепенно римляне стали распространять и на рабов положения своих законов. Император Адриан (род. в 76 г. н. э.), умный и образованный человек, не любивший войны (при нем не было крупных военных походов), расположенный к свободолюбию (при нем Парфия и Армения обрели независимость), не только заботился о плебсе, но проявлял гуманность к рабам. «Адриан запретил господам убивать рабов и предписал, чтобы судьи (а не господа) выносили обвинительные приговоры, если рабы того заслужили. Он запретил продавать без объяснения причины раба или рабыню своднику или содержателю гладиаторской школы. Рабочие тюрьмы для рабов и свободных людей он упразднил. Согласно его предписанию, если господин был убит у себя в доме, следствие производилось не обо всех рабах, а только о тех, которые, находясь поблизости, могли что-либо услышать». Это вообще был благородный и щедрый человек. Он проявил небывалую в римской истории щедрость – велел сжечь на форуме божественного Траяна долговые расписки, простил огромные суммы оставшихся недоимок должникам в Риме и по всей Италии. Однако говорить, как это делает Ф. Зелинский, о «гуманном обществе Рима» у нас нет каких-либо оснований. Гуманное общество, если оно и было, составляло там меньшинство.

Канделябр из виллы Фабия Руфа. Помпеи

Основной линией была политика гнета и устрашения. Рим считал, что рабов следует заставлять охранять господ «под страхом смерти». Чтобы страх жил в них днем и ночью, рабов подвергали разнообразным и жестоким наказаниям. За малые проступки их секли гибким прутом или же связкою лоз. Более суровое наказание предполагало битье плетью, бичом или ремнем. Хуже и больнее всего били ременным кнутом, имевшим на концах узлы, острые косточки и крючки. От таких ударов из тела вырывались куски живой плоти. Под его ударами рабы часто умирали. Рабов нередко подвешивали, привязав к ногам тяжести. Среди орудий пыток была *figsa*, пыточное приспособление в форме буквы «V». Ее помещали на затылок раба, к ней привязывали руки. Другим распространенным орудием был крест, столб с перекладиной, куда и привязывали раба. Там он и заканчивал жизнь. Казнь на кресте считалась самым позорным орудием пытки. Ей подвергались воры, разбойники, мошенники и вообще все враги государства самого низшего сорта, которых Рим не удостоивал чести погибнуть от меча. «Поэтому-то и Христос был приговорен к крестной смерти, – пишет П. Гнедич, – и экзекуцию над Ним поручили римским солдатам, как людям *ex professio* отменно сведущим в

человекоубийстве. Основная идея крестной смерти состояла не в том, чтобы убить осужденного нанесением ему решительных ударов, ран, а в том, чтобы, пригвоздив негодного раба к позорному столбу за руки, оставить его на этом дереве гнить». Находились рабовладельцы-выродки, подобные некоему Поллиону... Будучи большим любителем морских миног, он прикармливал их живой человеческой плотью – скармливал им рабов. Однажды на званом обеде в присутствии императора Августа Поллион приказал бросить в пищу миногам раба, который нечаянно разбил его драгоценный хрустальный сосуд. Даже просьба самого императора пощадить несчастного раба не тронула жестокосердного патриция. Тогда взбешенный Август перебил посуду хозяина (весь драгоценный хрусталь, что был на столе у патриция), швырнув хозяина в садок к рыбам.

Стеклянная посуда эпохи цезаризма

Не менее изощренным пыткам подвергали своих рабынь и римские матроны. Достаточно было рабыне совершить хотя бы ничтожнейший проступок, что не понравился ее госпоже (скажем, выдернуть волосок или неудачно расчесать ее и раскрасить ее брови или щеки), как та могла проткнуть ее ладонь острой иглой, расцарапать в кровь ее грудь, даже нанести порезы и раны на ее лицо. Об этом вспоминает Овидий: «Противна и отвратительна для меня женщина, которая царапает ногтями и иглою лицо своей горничной, прокалывает ей руку острой иглой, и эта несчастная, обливаясь кровью и слезами, произнося в душе проклятья, все-таки продолжает убирать ей волосы». Сбежать рабу или рабыни от господ было трудно. За это сурово наказывали. Если раба ловили, на лбу ему выжигали

раскаленным железом букву «F», что означало «Fugitivus» (беглый). В Риме был найден ошейник, на котором видна надпись: «Я бежал. Держи меня. Если возвратишь меня моему господину, Зонину, получишь пять золотых». Таковы были нравы римских господ, Рима... И думается, прав один из авторов, говоря: «Словом, насчет разнообразных видов и степеней телесного наказания римляне были родоначальниками и учителями последующей Европы».

Плита с римского надгробия на могиле кузнеца

Вот как описана сцена наказания рабынь у одного из римских авторов (оное приписывали Светонию, но вряд ли текст ему принадлежал). Некий патриций по имени Метелиус направил брачное предложение даме, но та его отвергла и еще стала над ним насмехаться. Это вызвало у него гнев, который распространился на весь женский род. Тогда слуга предложил ему высечь рабыню. Это должно было стать для него успокоительным бальзамом. Ведь тот постоянно испытывал удовольствие, когда при нем секли женщин. Слуга сам любил наблюдать за тем, как рабынь наказывают розгами. Хозяин охотно согласился, приказал принести хороших розог и привести рабыню «с широким крупом». Он сказал, что крики наказываемой женщины «немного успокоят» его. Этот тридцатилетний мужлан с деньгами (родители оставили ему очень большое состояние вместе с громким именем) служил в армии и в юности принял участие в разрушении Карфагена. Хотя он был богат, недурен собой и хорошо

сложен, попытки создать семейный очаг ни к чему не приводили. Метелиус обладал несносным характером. Дамы свободные (римлянки), видимо, прослышав о его неуживчивости, не торопились связать себя с ним узами брака. Тем более что им было известно, как глубоко он презирал женский пол, относясь к прекрасной половине человечества с каким-то особым жестоким пристрастием. Приходилось ему обходиться наложницами. Это лишь закрепило в нем дикое отношение к женщине как к существу низшего рода. Добавьте сюда навыки, полученные за годы служения в армии (обычно там легионер подвергался экзекуциям центуриона за малейшую провинность). Римляне привыкли к тому, что их безжалостно секли и в школе за любой грех.

Раб на работах в рудниках

Солдаты, в свою очередь, хватали первых попавших под руку женщин, клали их на колени, заголяли и наказывали плетью просто ради забавы. Метелиус охотно участвовал в подобных развлечениях. Это приятно щекотало его чувства. Дома он не оставил эту позорную страсть, но прибегал к ней при первом же удобном случае. Он подвергал несчастных рабынь флагелляции без всякой пощады, хотя старался не повредить кожу. Автор продолжает: «Метелиус выбирал (для таких истязаний) самых опытных исполнителей, которые, наказывая розгами или плетью, умели причинять (женщине) возможно большую боль, не нанося коже неизгладимых повреждений, и сам он

достиг в этом жестоком искусстве высокой степени совершенства. Ему не доставляло особенного удовольствия видеть, как у наказываемой девушки течет кровь, он старался достигнуть той особенно сильной боли, которую вызывают удары плетью по нежной женской коже. Он любил наблюдать, как тонкая кожа краснела, мало-помалу, под ударами плети, нервы возбуждались, что (затем) выражалось в конвульсивных подпрыгиваниях ее тела. То он приказывал наказывать молодых девушек, чтобы насладиться их ужасом и видом их нежной кожи; то, наоборот, приказывал сечь взрослых женщин, чтобы полюбоваться законченностью их форм, а также большей выносливостью. Само собой разумеется, наказания... производились по обнаженному телу; причем не обращалось никакого внимания на вполне законную стыдливость, которую могли сохранить даже рабыни». Далее дается картина того, как еще более жестокой экзекуции подверглись мать и дочь, что его когда-то отвергли, но затем волею судеб оказались полностью в его власти. Причем, сделав их любовницами, он каждый раз беспощадно сек женщин перед половым актом. Такая мазохистская акция чрезвычайно возбуждала патриция. Любопытнее и чудовищнее всего то, что когда слухи о жестокости Метелиуса к двум самозванкам (т. е. упомянутым рабыням) дошли до патрицианского Рима, это только подняло его авторитет, и он стал политиком общеримского масштаба.

Рим не церемонился со своими рабами. Согласно решению сената (9 г. н. э.), если господин был убит (кем бы то ни было), все рабы, находившиеся под одной с ним кровлей, на расстоянии окрика или в путешествии, не пришедшие ему на помощь, предавались жестокой пытке и казни. Именно так и сделали, когда в 61 г. н. э. префект Рима Педаний Секунд был убит одним из своих рабов. По закону казнили всех его рабов – 400 человек. Многие были против такого решения, считая его необоснованно жестоким, ибо пострадали невинные люди. Но юрист-сенатор Кассий заявил: «Кого же тогда защитит его положение, если оно не спасло префекта города Рима? Кого убережет многочисленность его рабов, если Педания Секунда не уберегли целых четыреста? Кому придут на помощь проживающие в доме рабы, если они даже под страхом смерти не обращают внимания на грозящие им опасности?» Может, иные скажут, что вот убийца мстит в данном случае за свои личные обиды? Но тогда пойдем дальше и скажем прямо, что он имеет право убить своего господина, и что он поступил

правильно (Тацит). Римский законодатель говорит, что единственным способом обеспечить безопасность общества и добиться серьезных гарантий того, что раб не отнимет у римлянина жизнь, – это было создать обстановку, при которой они будут дрожать за собственную жизнь. Далее сенатор произнес такую фразу... Ведь теперь, когда у нас в рабстве появились целые племена, из которых каждое имеет свои особые обычаи и своих богов, а некоторые и совсем не знают их, теперь ничем уже, кроме страха, не удержишь этот сброд в повиновении. Вы скажете, что при этом пострадает несколько невинных людей! Но ведь, когда казнят десятого в отряде, бежавшем с поля сражения, то разве не бывает так, что жребий мог пасть и на храбреца? При всяком великом деле совершается некоторая несправедливость, но несчастье некоторых с избытком выкупается благополучием всех (Тацит).

Теперь в XXI в. мы видим, как выродки, принадлежащие к отбросам наций, убивают невинных людей, отрезают головы, а их родичи почему-то остаются на свободе, да еще продолжают оказывать этим нелюдям поддержку. Власти пора вспомнить суровый обычай римлян. За смерть надо карать и родню, ибо лишь такой язык понятен тем, кто далек от всяких юридических и моральных норм.

Даже Август, учредивший должность префекта в Риме, одной из главных задач своей политики считал «обуздание» мятежной бедноты и рабов. В то же время властью делалось все, чтобы поощрить верноподданнические настроения среди рабов. Тот, кто донес на бежавших рабов или указал, где их можно найти, получал за каждого по пять золотых из имущества убитого господина, а если то было слишком скудным, то и из казны. Впрочем, Светоний говорил, что Август относился довольно милостиво к рабам и осуждал жестоких владельцев. Раб мог обратиться к магистрату за помощью против таких рабо-владельцев, мог попросить продать его более человечному хозяину... Бывали исключительные случаи и одобрения расправ над рабовладельцами со стороны высшей власти. Когда рабы убили жестокого и скаредного богача Гостия Квадра, Август счел его фигуру недостойной отлучения. Император дал всем понять, что эта тварь получила по заслугам... При нем же были приняты меры для укрепления имущественных прав состоятельных рабов

(вольноотпущенников). Август нередко принимал образованных отпущенников дома и не чурался отобедать с ними.

Рим старался соблюдать законы и в том случае, когда дело касалось рабов. Когда Августу нужно было по какому-то делу допросить под пыткой рабов против их господ, он, чтобы не нарушать древнего закона, приказал выкупить рабов за государственный счет и лишь тогда их пытать. Таково было понимание гуманизма и законности римскими императорами. И даже у тех, кто выделялся в лучшую сторону в их политике по отношению к рабам, разумеется, на первом месте был свой собственный экономический и политический расчет. Раб был рабом и никем иным. Поэтому, скажем, Плиний, восхваляя императора Траяна в известном «Панегирике», особо отмечал его заслуги по укреплению внутренних опор и скреп рабовладения. Плиний осуждает систему доносов при Домициане, и это понятно. Но при этом особое внимание он обращает на то, что Траян не только страх полностью с них снял, но с ним вернулось «к рабам послушание: снова они имеют своих господ, уважают их и повинуются им». Плиний ставит Траяну в особую заслугу то, что тот «прекратил, если можно так сказать, войну рабов». Ведь нет ничего страшнее в рабовладельческом государстве, если рабы вдруг чувствуют себя господами. «Панегирик», написанный через четыре года после низвержения Домициана (100 г. н. э.), является хвалебной песнью в адрес Траяна, избавителя и спасителя Рима от величайшей опасности – от рабов: «Это было великое и неустранимое зло, которое приходилось каждому испытать столько раз, сколько у него было рабов, берущих на себя роль господ».

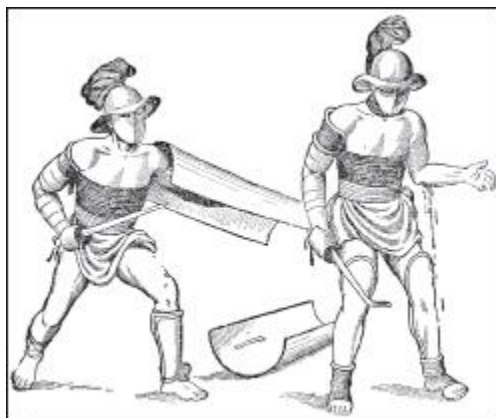

Колонна Траяна в Риме

Так что гуманное отношение к рабам было скорее исключением, чем правилом. Естественно, закономерной реакцией на отношение римских нобилей к плебсу и беднякам становились нередкие восстания. Историки пишут, что уже во время царствования

последнего царя этрусской династии – Тарквиния Гордого, среди масс возникает недовольство. Простой народ был раздражен на него за то, что тот требовал деятельного участия в строительных работах в городе. «Римские люди, победители всех окрестных племен, были из воинов обращены в строителей и каменщиков», – писал Ливий. Другие же отмечали, что при этом оплата труда плебса была мизерной и заключалась в раздаче небольших порций зерна. Очевидно, среди недовольных было много рабов, ибо Тарквиний привлек к труду людей, которых он считал негодными для военного дела. Нередко рабы служили лишь инструментом в руках господ (рабы Турна Гердония, 400 казненных рабов Педания Секунда, рабы римского всадника Веттия, вооруженные им, и т. д.). Внутри Римской империи набухал нарыв, который и должен был прорваться.

Контрасты классовой борьбы в Риме

Социальные отношения в любой стране и любую эпоху – это история страстей, намного превосходящих по накалу трагедии Софокла, Еврипида или Шекспира. Но мы не будем обременять вашу память большим числом специальных работ. Достаточно упомянуть труд Т. Моммзена «История Рима», Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи», работу Г. Ферреро «Величие и падение Рима», Р. Виппера «Очерки по истории Римской империи», В. Сергеева «Очерки по истории Древнего Рима», труды С. Ковалева, Н. Машкина, труды Г. Альфреды «Римская социальная история» (1975), «Римское общество» (1986), Альтхайма «Падение древнего мира» (1953), Э. Томпсона «Рим и варвары» (1982) и некоторые другие работы.

Серебряная чаша с символом смерти. Помпеи

В основе кровавых потрясений, что в ту или иную эпоху обрушиваются на различные страны, лежит не только злая воля или честолюбивые устремления отдельных политиков (хотя и они тоже), но и социально-экономические условия существования. Мир крайне несправедлив. Одним достается всё, другим ничего или жалкие крохи. Так было и в Древнем Риме. Основная причина гражданских войн – резкое ухудшение положения народных масс. Стоит заметить, что страну постоянно сотрясали восстания и заговоры. Недовольны своим положением не только рабы, но и самые разные категории свободного римского и италийского населения. Многих донимала страшная задолженность богачам и ростовщикам. Поэтому популярным лозунгом масс стал лозунг отмены всякой задолженности (*tabulae novae*). Характерно, что к восстанию людей призывали не только фракиец Спартак (раб), но и столь влиятельные фигуры знати, как Целий Руф (претор) и Корнелий Долабелла (народный трибун). Это говорит о широком недовольстве, охватившем общество.

Теперь мысленно перенесемся в эпоху времен конца Римской республики (I в. до н. э.). Все тот же Аппиан писал: «Таким образом, междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства; а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда впервые вступило в родную землю как во вражескую страну. С тех пор междоусобные распри, которые решались с применением военной силы, не прекращались, происходили постоянные вторжения в Рим, бои около укреплений и все прочее, что полагается во время войн, так как среди действовавших насилием пропало всякое уважение к закону, государству, родине». В гражданских войнах часто случаются страшные сцены. Одному из консулов (Октавию) отрубили голову и повесили ее на форуме перед ораторской трибуной. Потом там перебивало уже масса отрубленных голов знати и вождей государства (консулов и преторов).

Сыщики рыскали в поисках всадников, богачей, представителей высшей знати. Политические противники убивали друг друга. «Сначала безжалостно людей убивали, затем перерезывали у убитых уже людей шеи и, в конце концов, выставляли жертвы напоказ, чтобы устрашить, запугать других или просто чтобы показать безнравственное зрелище». При этом не разрешалось предавать тело

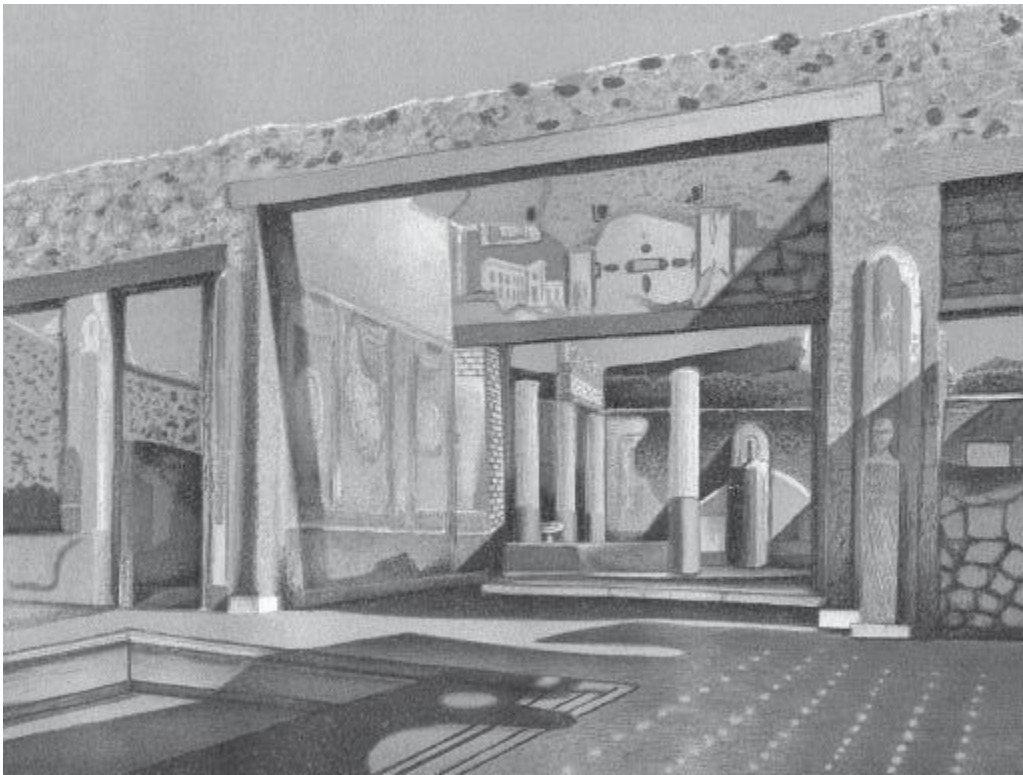
земле. Тела терзали птицы и собаки. Одних подвергали изгнанию, у других конфисковали имущество, четвертых смещали со всех их постов. Друзья Суллы были преданы смерти, а его законы были отменены. Искали даже жену и детей Суллы, но те успели бежать. В Риме кипела ожесточенная борьба. Партии и их лидеры изощрялись в политической агитации, прибегая к уловкам и к подкупу толпы. Чтобы иметь успех у части плебса (электората), действия претендентов на власть сопровождались дикими и грязными интригами, равно как и щедрыми посулами, угощениями, раздачами, празднествами или пирами (epulae). Помпей устраивал угощения и раздачи в своих имениях и садах. Красс в целях подкупа снабжал городское население хлебом три месяца. Цезарь (в 60 г. до н. э.) только с помощью крупных взяток смог получить консульство, подкупив голосующие центурии. На доставленное из Галлии золото он умело покупал как нобилей, так и чернь. Как и сегодня, иные демагоги старались всячески оправдать подкупы и взятки. И даже высокочтимый Цицерон заявил, что в демократической республике политические подкупы, если они не слишком откровенны и грубы, якобы не содержат ничего предосудительного. Оказывается, это в порядке вещей для свободного и демократического государства. «Мы должны допустить, – убеждал он, – чтобы люди, которые полагают в нас всю надежду, также давали нам что-нибудь».

Хотя в другом месте он же утверждал: «...богатство, знатность, влияние – при отсутствии мудрости и умения жить и повелевать другими людьми – приводят только к бесчестию и высокомерной гордости, и нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими». Все сошли с ума. Вспомним Диогена: «Опасно давать безумцу в руки меч, негодяю – власть», а также язвительные строки Еврипида из его трагедии («Финикиянки»):

И что оно, богатство? Тень, название...
Да разве мудрый хочет быть богат?
Мы даже не владельцы наших денег,
Богам они принадлежат, богам:
Хотят – дадут, хотят – опять отнимут...
Одумайся ж, перед тобой престол

И родина: неужто ж предпочтешь ты
Власть царскую спасению своих?..

В Риме предпочитали, и еще как... Когда нехватало средств, залезали в карман государства, без зазрения совести тянули из общественной казны... Старались привлечь на свою сторону народ разного рода популярными мерами: частичной или полной кассацией долгов (*tabulae novae*), раздачей добычи, кормлением масс за счет государства и т. п. В середине I в. до н. э. число получателей дешевого хлеба в одном только Риме (при миллионном населении) достигало 320 тысяч человек. То же самое, хотя и в меньших масштабах, происходило в провинциях и муниципиях. Читая Гая Светония Транквилла (70—140 гг. н. э.), описавшего эпоху римских императоров — от Цезаря до Домициана, понимаешь при взгляде на эти порядки, сколь в общем-то ничтожен нравственный прогресс человечества. Как ни странно, но Рим стал «образцом» для нынешней западной цивилизации.

Остатки дома банкира Цецилия Юкунда в Помпеях

Всюду воцарились алчность, зависть, ненависть, подозрительность. Особенно это характерно для высшей власти... Стоит взглянуть на одну из одиознейших фигур той эпохи – римского наместника в Сицилии Гая Лициния Верреса (умер в 43/42 г. до н. э.). В 80 г. до н. э. он был легатом в Азии, в 74-м – городским претором, в 73—71-м – пропретором в Сицилии. В его лице мы имеем, пожалуй, один из самых распространенных типов чиновников. Он прославился полным пренебрежением к закону и ужасными злоупотреблениями. Получив в свое управление Сицилию, как иные из наших губернаторов – свои регионы, он считал себя там абсолютным хозяином. Слава о нем как о крупнейшем взяточнике опережала его, но, судя по всему, центр даже ставил это ему в заслугу... Сицилия представляла остров, где проживало немало состоятельных римских граждан. Веррес набросился на них, как если бы то были злейшие враги Рима. Еще не прибыв на место правления, он привлек к суду одного из жителей острова по поводу спорного наследства, намекая, что тот будет сидеть очень долго, если не откупится. Тому ничего не оставалось, как сдаться на милость властителя. Пришлось уплатить 1 100 000 сестерциев, при этом отдав еще лучших своих лошадей, всю серебряную посуду и драгоценные ковры. Подобный механизм вымогательств работал безотказно, доставив государственному чиновнику до 40 000 000 сестерциев... Дюрюи в «Истории римлян» говорит о нем: тот продавал все – правосудие, должности, выказывал полное пренебрежение к законам, к собственным эдиктам, к религии, к жизни провинциалов, к их имуществу и к ним самим. В итоге в течение трех лет ни один сенатор в 65 сицилийских городах не был избран бесплатно. (У нас в России уже в течение 15 лет царили схожие порядки – и ничего, как видите, бедняги как-то сводят концы с концами). Подобно чужеземному завоевателю Веррес обложил города тяжелыми податями. Тех же, кто посмел пожаловаться, секли розгами, невзирая на их «депутатскую неприкосновенность». Он требовал еще и еще денег, не ограничиваясь, так сказать, законными сборами. Подобно Дарию или Ксерксу он дарил целые города (и доходы с них) своим ближайшим друзьям: Липари – одному собутыльнику, Сегесту – комедиантке Терции, Гербиту – Пиппе и т. д. К чему вело чудовищное правление Верреса, говорят цифры. Страна обезлюдела, как обезлюдела Россия при Ельцине. До появления Верреса городскую

землю Леонтин обрабатывали 83 человека, а на третий год его претуры их оставалось лишь 32; в Моттике их число упало с 188 до 101, в Гербите с 257 до 120, в Агирии с 250 до 80. Большая часть пахотной земли в провинции была совершенно заброшена. Глядя на положение Сицилии, можно было подумать, что «война, чума и все бедствия вместе посетили ее, а он, лежа в носилках на мальтийских розах, с венком на голове, гирляндой из цветов на шее, проезжал по этой несчастной стране среди заглушенных проклятий!»

Рабы несут своего господина

Разумеется, одним из главных источников его доходов была казна империи. В частности, Веррес для снабжения Рима хлебом получил из казны 37 000 000 сестерций. Деньги он оставил у себя, а в Рим отослал награбленный хлеб. Для содержания его дома провинциалы должны были доставлять ему припасы, за которые расплачивался сенат. И хотя хлеб в то время стоил от 2 до 3 сестерций, Веррес выставил цену в 12 сестерций, требуя, таким образом, от казны в 5 раз больше, чем следовало. Всю сумму он получил наличными. Точно так же при Ельцине действовали многие губернаторы и местные руководители. Получив из федеральной казны деньги, они пускали их на свои цели. Все это у нас хитро называется «нецелевым использованием». Так что и у наших государственных воров имеется своего рода «римское

основание» для такого рода политики. Сей мерзавец тащил к себе все ценное, что он видел в домах знатных людей. Раз, проезжая возле города Алунция, он вспомнил, что еще не наведывался сюда с «контролирующим визитом». И даже не заехав в город, Веррес приказал снести к подножию холма, где остановился, всю серебряную посуду местных жителей. Отобрав лучшие вещи, он приказал магистрату (мэру) заплатить ограбленным жителям не из своего кошелька, а из кошелька «мэра» несколько мелких монет.

Работа невольников. По рельефу Т. Ривиера

Дюрюи продолжает... В течение 8 месяцев несколько золотых дел мастеров работают во дворце Нерона исключительно над приведением в порядок золотых вещей, что награбил Веррес. По данным Сиракузской таможни оказывается, что только по одному мосту в течение нескольких недель он вывез с острова разных вещей на 1 200 000 сестерций. А так как он собирал и коллекцию древностей, ни одна чаша, ни одна красивая ваза, ни одна дивная статуя не могли ускользнуть от него. Он лишил Мессину знаменитого Амура работы Праксителя, Агригент – гидрии Боэта, Сегес – статуи Дианы, Гонну – статуи Цереры, несмотря на то что даже из Рима приходили принести жертвы на алтари последних двух. Он же отнял у сицилийцев почти все статуи, взятые Сципионом из Карфагена и им подаренные гражданам города. Он римскую армию довел до того, что те части, что стояли в Сицилии, вынуждены были кормиться пальмовыми корнями. Он всю торговал оружием, а вырученные деньги клал в карман. Он казнил всех за любое проявление недовольства его «демократией», а когда несчастные взывали к закону, он, усмехаясь, говорил им перед

казню: «Посмотри-ка на Италию! Посмотри на отечество! Посмотри на законы и свободу!» И таких вот Верресов по всей Италии было много, очень много... Цицерон скажет: «Сколько таких нарушающих долг магистратов в Азии, сколько в Африке, сколько в Испании, Галлии, в Сардинии!» Некоторых, правда, привлекали к суду, но большинство оставались безнаказанными. Верреса же приговорили к ссылке и возмещению ущерба в сумме 40 000 000 сестерций (против него тогда в процессе выступал Цицерон). Однако тот, как и наши олигархи, наворовал столько, что даже после судебных конфискаций оставался богатым человеком вплоть до проскрипций Антония в 43 г. до н. э., когда окончательно разорился. Но удивительнее всего то, что Верресу были поставлены статуи не только в Риме, но и во всех городах ограбленной им Сицилии, а в Сиракузах – триумфальная арка. Ему, махровому вору и редкостному негодяю, даже поднесли титул спасителя отечества?! Ох и темна ты, римская история... Впрочем, современная русская история не лучше, ничуть не светлее.

Аполлон Бельведерский

К концу эры республики положение масс заметно ухудшилось, усилилась и дифференциация... «В римском государстве не наберется и 2000 человек, владеющих каким-либо имуществом», – писал народный трибун Л. Филипп (104 г. до н. э.). Многие люди в Римской

империи оказались лишены насущных прав. Отсутствие гражданских прав и нищета побуждали многих к восстаниям и эмиграции. «Даже у лесных зверей имеются логовища, – отмечал Тиберий Гракх, – граждане же, сражавшиеся за честь и славу государства, не знают, где приклонить голову. У них не осталось ничего, кроме света и воздуха». А разве не так же брошены на произвол судьбы герои, ветераны, дети, граждане великой страны, при правлении «демократии» в России?! Их власть сознательно топила и топил народ в нищете, как это было в древнем Риме в эпоху Катилины: «Дома у нас – нищета, вне дома – долги; печально наше нынешнее положение, еще безотраднее будущее». Бедность может стать самой разрушительной силой; в порыве «злобного отчаяния... становится движущей и разрушительной силой; она переживает республику и не перестает тревожить и систему цезарей». Нувориши России не лучше римских!

Афродита

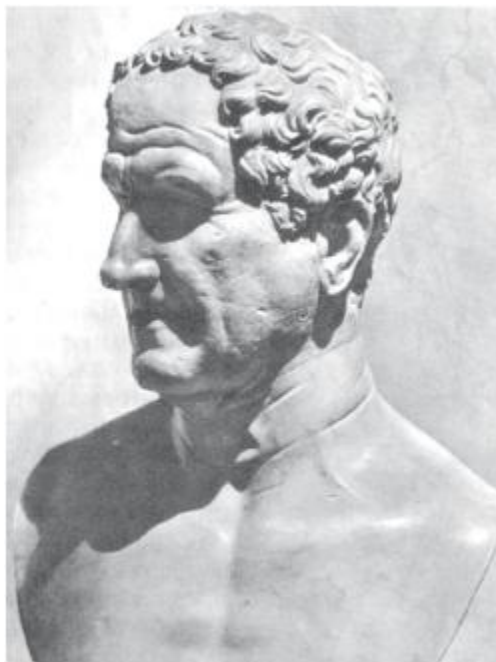
К тому времени резко обострилась и классовая борьба в Риме... В результате непрерывных войн Риму удалось добавить к Италии и Испании еще и Африку, Нумидию, Галлию, Грецию, Македонию, Малую Азию, Египет, Сирию, Кирену. Так была создана *imperiū populi Romani*, которая вся была набита рабами, как бочка с порохом. Рано или поздно мог последовать взрыв. Народ же голодал и бедствовал... В результате в римском обществе росло социальное напряжение. Освальд Шпенглер в «Закате Европы» считал одной из главных причин краха Рима полнейшее засилье спекулянтов и ростовщиков, чья сытая и роскошная жизнь являлась резким контрастом с положением римского народа. На первых ролях в позднем Риме оказались не воины, не римский народ, перед которым на расстоянии трепетали галлы, греки, парфяне, сирийцы. Нет, первыми стали всемогущие спекулянты земельными участками типа триумвира Красса. Народ-победитель, как и наш народ, в неимоверной нищете ютился в густонаселенных «многоэтажных домах неосвященных предместий». Естественно, он проявлял полнейшее равнодушие или в лучшем случае лишь чисто спортивный интерес «к успехам милитаристской экспансии». Показательно и то, что даже некоторые отпрыски родовой аристократии (дети и внуки победителей кельтов, самнитов, Ганнибала) вынуждены были отдать их родовые поместья. Они снимали жалкие квартиры, ибо не участвовали в опустошительной спекуляции. В то же время вдоль *Via Appia* высились удивляющие и по сей день «надгробные памятники денежных тузов Рима» с аполлонами и афродитами. На фоне пира знати и элит трупы бедняков вместе с трупами животных и мусором выбрасывали в общую брат-скую могилу. Это был пир во время чумы. Наконец при Августе, чтобы предотвратить возможные эпидемии, это место засыпали... Меценат разбил там свой сад.

Портрет Мецената. Рим

Социальная дифференциация в рим-ском обществе усилилась после нашествия галлов и разграбления богатого этрусского города Вейи. Большая часть земель попала в руки именитых граждан Рима. Плебс остался ни с чем. Разорение масс способствовало росту социальной напряженности, тем более что «отцы» города попытались выйти из кризиса путем обложения налогами малоимущих. Город решили восстановить за счет бедного люда. Закон Спурия Кассия о наделении земель беднейших плебеев и латинян (как о том говорят Дионисий и Ливий) свидетельствует о борьбе низов за свои права. Отражением этого недовольства масс стал захват Капитолия Манлием. Согласно сообщениям Аппиана, Манлий предложил общее снятие долгов или же отдать кредиторам деньги, «продав для этого общественную землю, бывшую еще неразделенной». Этот диктатор, по словам Ливия, «возвращал свободу и свет погрязшим в долговых процентах и задавленным ими гражданам». Он также предложил (и сам показывал в этом пример) освободить должников частным порядком, простив им ростовщические проценты. К сожалению, Манлия обвинили в стремлении к царской власти, схватили и казнили, на чем настаивали ростовщики. Однако уже в 380 г. до н. э. борьба патрициев и плебеев возобновляется. В умах плебеев сохранялось еще воспоминание о свободе отцов. Попытки облегчить налоговый и долговой гнет предпринимались и в дальнейшем, но они не дали результатов. Всякого рода отсрочки, разрешение расплачиваться с

казной любым имуществом должника и т. д. не облегчали положения тех, у кого не было даже самого необходимого.

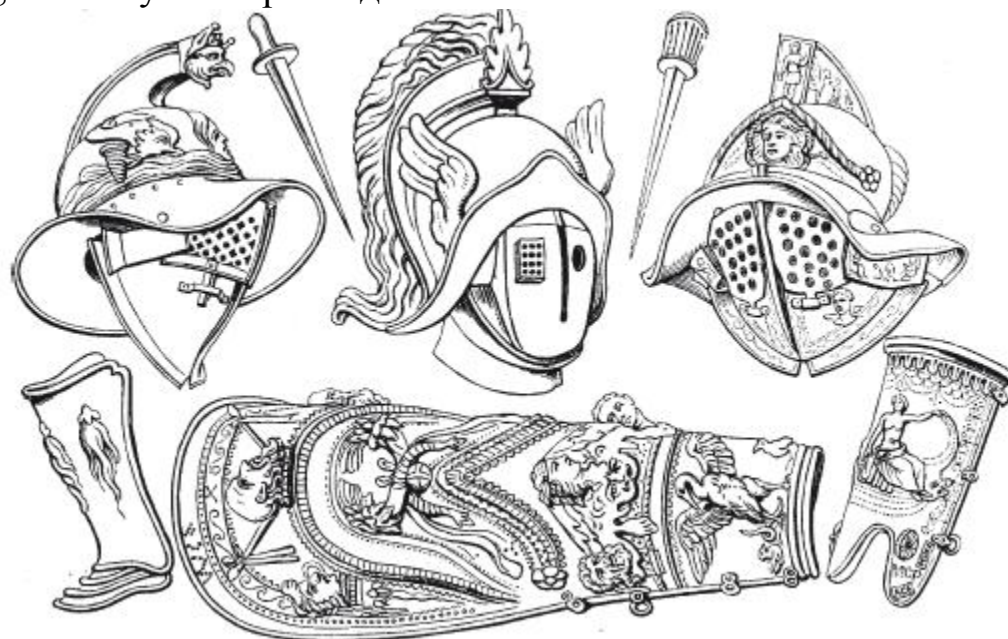

Портрет римлянина

Богачи вели роскошную жизнь. Бедные нищали. Значительная часть населения вынуждена идти в бандиты. В конце республиканского периода истории Рима (со II в. до н. э.) в Италии в огромных количествах расплодились шайки разбойников. Раньше, писал Дионисий Галикарнасский, не было случаев, чтобы бедные врывались в дома богачей в надежде найти там съест-ные припасы и попытаться похитить до-ставленный на рынок хлеб. Теперь это стало нормой. В результате гражданская война охватила всю страну. Ее лозунгом стало: «Война дворцам и мир хижинам». Заметьте: этот лозунг, ставший впоследствии знаменитым, выдвинут эннским царем рабов.

В итоге недовольство выливалось в восстания, как это имело местов в Капуе (в 342 г. до н. э. восстал военный гарнизон). Основными движущими силами восстания были низшие слои плебса. Ливий, который вовсе не склонен обелять плебеев, все же вынужден признать, что в восстании приняли участие люди, терпевшие «разорение от увеличивавшихся со дня на день процентов». Дионисий указал, что среди восставших были те, кто не имел надежных средств

к существованию и даже самого необходимого, более всего «те, кто не был в состоянии уплатить долги своим кредиторам...» Аппиан характеризует воинов, участвовавших в восстании, говоря, что они «страшились долгов ростовщикам» и «выставляли причиной возмущения долги, которыми были обременены в Риме». О размерах восстания и его движущих силах можно судить также по данным Аврелия Виктора: «...огромная толпа народа, обремененная долгами, пыталась захватить Капую...» Движущей силой восстания были пролетарии и должники, у коих не было фактически ничего, а также те, о которых говорят как о «закованных на полях». Их освобождали от цепей, и они тут же присоединялись к восставшим.

Оружие и доспехи гладиаторов

Весьма взрывоопасный материал представляли собой рабы. Подобно тому как спартанцы опасались илотов, римляне должны были бы опасаться своих рабов. Во времена Плутарха (начало II в. н. э.) существовала поговорка, что каждый человек «имеет столько врагов, сколько у него рабов». Понятно, что врагов у Рима всегда имелось более чем достаточно. Историческая традиция упоминает немало случаев восстаний и заговоров с участием рабов – в 501, 460 и 419 гг. до н. э. Но то лишь прелюдии больших, грандиозных восстаний, которые потрясут Рим в позднюю эпоху. Восстания первого века Республики – это выступления отдельных групп, честолюбивых

аристократов, жаждущих низвергнуть власть сената республики и патрицианского магистрата. Инициаторами восстаний плебса и рабов часто выступали лица, стремившиеся к тирании. Ряд историков считают, что в Риме в тот период (V в. до н. э.) было еще слишком мало рабов, чтобы ожидать серьезных восстаний. Дионисий Галикарнасский говорил, что, очевидно, уже в движении 501–498 гг. до н. э. приняли участие плебеи и рабы. Их поддержки искал изгнанный Тарквиний. Захват Капитолия аристократом Аппием Гердонием с помощью рабов и плебса говорит о заметно возросшей их роли (419 г. до н. э.).

Восстания рабов имели место в Этрурии, Апулии, Сицилии. Восстали сирийцы, во главе которых стояли раб Эвн, искусный маг и пророк, и пастух Клеон (138 г.). Рабы признали Эвна царем и называли Антиохом (он даже выпускал свои монеты). Это была попытка создания рабами собственного государства. Рабство уничтожалось как институт. Народ имеет право на восстание. В нем слышен глас возмущенного народа, вынужденного взяться за оружие для отстаивания своих прав. То, что усилия Гракхов не были чем-то случайным, говорит и то, что затем трибун Ливий Друз (человек знатного происхождения) также обещал, уже по просьбе италийцев, внести законопроект о даровании им гражданских свобод. Ему приписывали слова, что надо поделить все неподделенное (чтобы в будущем можно было делить только грязь и воздух). Когда же Друза убили, а знать постаралась похоронить его реформы, вспыхнула Союзническая война (90–88 гг. до н. э.). К восстанию примкнули марсы, самниты и др. О марсах говорят: ни над марсами, ни без марсов не было триумфа. В Аскуле восставшие перебили всех римлян. Но надо было знать характер римского народа. Дж. Бейкер писал: «Римскому характеру скорее под стать крепкое, сильное тело, выносливость, отсюда железная воля и мрачный стоицизм, присущие римлянам. Римляне никогда не были «сговорчивы». В этом секрет их политической независимости. Их нелегко было убедить. Они всегда отличались мятежным нравом, это были люди, готовые стоять насмерть, если им что-то не нравится, – готовые пожертвовать своими жизнями, впрочем, и чужими тоже. История о правой руке Сцеволы, может быть, и легендарна, но в ней отражается истина». В итоге Рим вступает в эпоху затяжных гражданских войн (начало 30-х годов II в. –

конец 30-х годов I в. до н. э.). В 19 г. до н. э. кантабры, захваченные в плен и проданные в рабство, перебили своих хозяев, бежали на родину и подняли там восстание, с трудом подавленное Агриппой. Некоторые из рабов выдавали себя за господ. Из рабов был и Лже-Нерон. Разорившиеся крестьяне, гладиаторы и обездоленный плебс города имели все основания видеть главных виновников их бед в нобилях – сенаторской знати, крупных землевладельцах и рабовладельцах.

Схватки гладиаторов

В свою очередь, те даже и не считали их за людей. Как говорил Аристофан в одной из своих комедий («Птицы»): «Если будет у нас клейменный беглый раб, он сойдет у нас за пестрого рябчика» (существовал обычай стилетом клеймить раба меткой, которая бы удостоверяла его принадлежность рабовладельцу). Так что вовсе не по адресу были слова Гесиода, пытавшегося выделить людей как некий особый вид существ, якобы восприимчивых к праву и справедливости:

Роду людскому закон даровал
всевышний Кронион;
Дикие звери и рыбы, воздушное
племя пернатых
Пожирают взаимно друг друга,
лишенные правды,
Правда одним нам дана,
небожителей дар драгоценный.

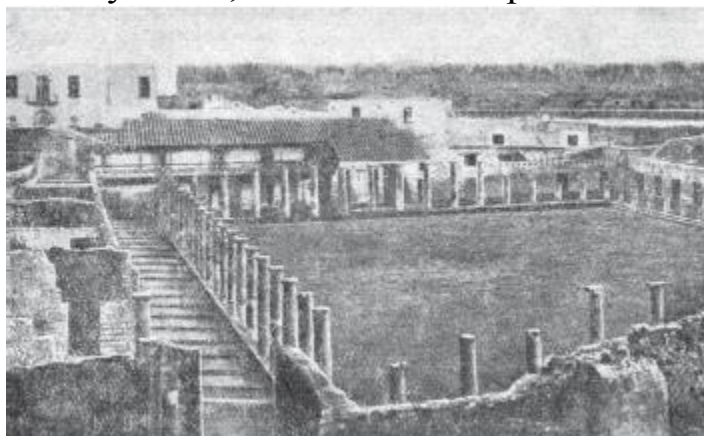
К небожителям римлян эти слова отнести трудно. Их правда являлась в диком обличье. Народ входил во вкус гладиаторских боев («праздников смерти»). Первый гладиаторский бой имел место в начале Пунической войны (в 264 г. до н. э. на похоронах знатного римлянина сразились три пары гладиаторов). Затем на арене

выступали десятки пар. Юлий Цезарь организовал настоящее сражение, в котором участвовало 320 пар гладиаторов. Бои стали любимыми развлечениями аристократов и плебса. Цицерон утверждал, что гладиаторский бой служит школой, воспитывающей хладнокровие, мужество, презрение к смерти. Однако подобные зрелища лишь ужесточали нравы. Толпа, наблюдая за поединком, после его завершения жаждала еще больше крови, требуя добить раненых. Служители в образе Меркурия и Плутона, богов подземного царства, обходили убитых и еще живых, вонзая раскаленный прут, чтобы убедиться в смерти. Если поверженный подавал признаки жизни, Плутон добивал его своим тяжелым молотом. Затем те же служители убирали трупы с арены. Массы людей устремлялись в амфитеатры смотреть бои гладиаторов и травлю диких зверей – бестиарии. Август восемь раз давал представления, где участвовало около 10 тысяч гладиаторов. На длившихся четыре месяца празднествах Траяна, устроенных в честь победы над даками (107 г.), выступило 10 тысяч гладиаторов. Разрешалось устраивать гладиаторские игры и ради дохода (каждый римский гражданин мог с разрешения сената устроить игры). Была распространена практика бродячих отрядов гладиаторов, выступавших за деньги. Существовали и школы подготовки гладиаторов – Аврелия Скавра в Капуе, школа в Помпеях, школа Лентула Батиата (того самого, откуда гладиаторы Спартака начали свою битву за свободу). Занимались их подготовкой специальные люди – ланисты.

Гладиаторский бой. Фреска

В гладиаторы шли, как идут в наемники, – ради денег, реже ради славы. Среди гладиаторов были рабы и свободные. Ведь в школах гладиаторов всех их ждала постоянная еда, кров и, возможно, удача... Иные из них становились предметом восхищения толп, богатых римских матрон, вельмож и поэтов вроде Горация и Мецената. Иным какое-то время везло: они получали богатые подарки, их портреты увековечивали художники картинами, мозаиками, их одаривали своим вниманием красивые женщины. Но то было редкое исключение. Гораздо чаще бедняги попадали в могилу или же становились калеками. При заключении договора новобранец получал сумму ничтожную: не больше 2 тысяч сестерций, произнося перед магистратом клятву и формально отрекаясь от прав свободного человека. Он вручал своему хозяину право «жечь его, связывать, бить, убивать железом». Одним словом, гладиатор – существо презираемое, относящееся к числу *infames*, то есть «опозоренных»: он не мог стать всадником, быть декурионом в муниципии, выступать в суде защитником или давать показания по уголовному делу; ему отказывали, как самоубийце, в почетном погребении.

Развалины школы гладиаторов в Помпеях

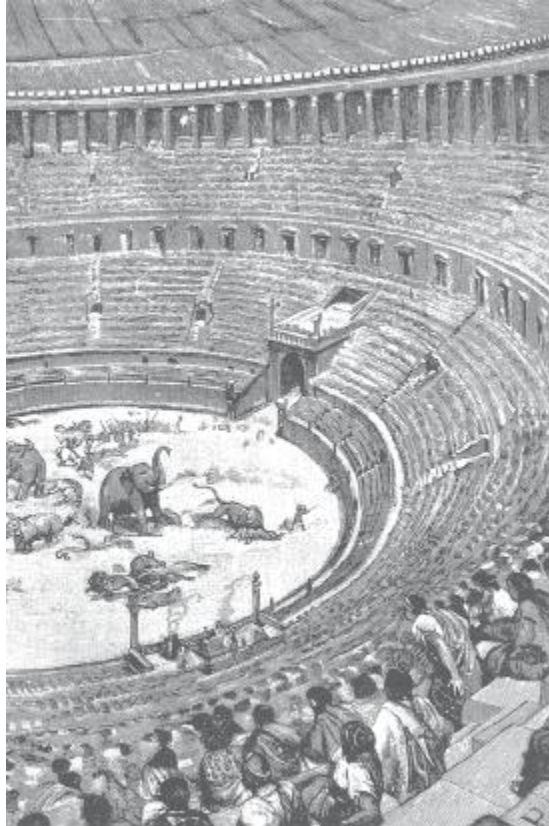

Битва со Львом

Драматург Теренций с горечью восклицал, что охочая до диких зрелищ невежественная и тупая толпа гораздо с большим удовольствием смотрит на бои гладиаторов, нежели идет на комедию или трагедию. Цицерон в письме к другу жалуется на неразвитость вкусов рядового зрителя: «Остается упомянуть о боях с дикими зверями, по два в день на протяжении пяти дней; они были великолепны, никто не отрицает; но что за удовольствие для образованного человека смотреть либо как слабый человек будет растерзан могучим зверем, либо как прекрасный зверь пронзен охотничьим копьем?» Сенека восклицал: «Человека — предмет для другого человека священный — убивают ради потехи и забавы». Многие, говоря о подобных нравах римлян, не могли скрыть глубокого презрения: «Развращенная толпа, отведав однажды вкус крови, страстно жаждала все нового и нового кровопролития. Но чем больше жертв погибало на этой бойне для удовлетворения страсти к зрелищам, тем острее становилась потребность в пополнении, в новом человеческом материале. Откуда брали римляне «человеческий материал» для гладиаторских игр? В показательных сражениях не на жизнь, а на смерть участвовали военнопленные и осужденные

преступники, рабы, нанятые свободные граждане». В древнем римском театре, Одеоне, построенном в 80–75 гг. до н. э. дуумвирами Валгусом и Порциусом, теперь собирался лишь узкий круг зрителей. О какой же нравственности можно было говорить, когда массы римлян предпочитали работе ума и мысли кровавые зрелища?! У поэта М. Ю. Лермонтова есть стих «Умиравший гладиатор», где говорится:

Ликует буйный Рим...
торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь —
безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят
его колена...
И молит жалости напрасно
мутный взор:
Надменный временщик и льстец
его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный
гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный
актер...

Травля зверей в Колизее

Толпу, алкающую зрелищ, не останавливали даже катастрофы, которые порой подкарауливали ее во время такого рода скотских соборщ. Тацит пишет о том, что в консульство Марка Лициния и Луция Кальпурния (27 г. н. э.) неожиданное бедствие унесло не меньшее число жертв, чем иной раз уносит даже и самая кровопролитнейшая война. Некий Атилий, вольноотпущенник, в 27 г. н. э. взялся за постройку в Фидене амфитеатра, чтобы устраивать гладиаторские бои. Но он заложил фундамент в ненадежном грунте и возвел на нем недостаточно прочное сооружение, «как человек, затеявший это дело не от избытка средств и не для того, чтобы снискать благосклонность сограждан, а ради грязной наживы». Сюда стекались охочие до зрелищ мужчины и женщины, которые после запрета Тиберия жаждали развлечений. Когда там скопилось множество людей (а Фидена была расположена недалеко от Рима), «набитое несметной толпой огромное здание, перекосившись, стало рушиться внутрь или валиться наружу, увлекая вместе с собой или погребая под своими обломками несчетное множество людей, как

увлеченных зрелищем, так и стоявших вокруг амфитеатра». Участь тех, кого смерть настигла сразу же при обвале помпезного здания, возможно, говорит Тацит, была все же самой легкой. Они избавились от мучений сразу, благодаря выпавшему на их долю жребию. Большее сострадание вызывали «те изувеченные, кого жизнь не покинула сразу: при дневном свете они видели своих жен и детей, с наступлением темноты узнавали их по рыданиям и жалобным воплям». А среди тех, кто вскоре приехал к развалинам амфитеатра, одни оплакивали брата, «тот – родственника, иные – родителей». И даже те, чьи «друзья и близкие отлучились по делам из дому, также трепетали за них, и, пока не выяснилось, кого именно поразило это ужасное бедствие, неизвестность только увеличивала всеобщую тревогу». 50 тысяч зрителей были убиты или перекалечены. После этого запретили устраивать представления лицам, не имевшим всаднического ценза (400 тысяч сестерций). Как видим, и в Москве, Третьем Риме, спустя две тысячи лет происходят такие же трагедии.

Цирковой возница. Статуя. Рим

Попытки объяснить перемены в нравах древних римлян предпринимались не раз историками, философами и писателями. Так,

Жан-Батист Дюбо (1670–1742), представитель эстетики раннего французского Просвещения, желая объяснить силу той колдовской власти, которая влечет толпу к лицезнению чудовищных пыток, казней или страшных зрелищ, заявлял, что, видимо, есть нечто в природе человека, что «сильнее рассудка и советов опыта». Видимо, это нечто — зрелище ужаса, щекочущее нервы и возбуждающее человека, особенно тогда, когда ему самому фактически ничего не угрожает. К такого рода зрелищу и относились битвы гладиаторов. Как скажет Лукреций, приятно наблюдать сражение с той высоты, где чувствуешь себя в полной безопасности («Сладко смотреть на войска на поле сражения в жестокой битве, когда самому не грозит никакая опасность»).

Битвы гладиаторов со зверями. Мозаика

Опасность и ожидание гибели волнуют людей. Не вполне отдавая себе в этом отчет, многие хотели бы увидеть воочию живую смерть, не подвергая себя при этом опасности. Такое извращенное воспитание и нравы (римлян и других) делали из них болезненно кровожадных зрителей. Тут следует искать причину, пишет Дюбо, того наслаждения, которое римляне получали от цирковых игрищ, где дикие звери терзали людей, а гладиаторы толпами уничтожали друг друга. Поэтому и смертоносные орудия, которыми эти несчастные пользовались для взаимного истребления, достигали большой степени изощренности; не случайно одних вооружали иначе, чем других: оборонительное и наступательное оружие избирали с таким умыслом, чтобы сделать схватку как можно более ожесточенной и зрелищной.

Смерть должна была приближаться к гладиаторам «медленными и ужасными шагами». Устроителям игр этого показалось мало. Те попытались разнообразить даже сам вид смерти. Гладиаторов кормили особыми кушаньями и снадобьями, чтобы кровь вытекала из ран как можно медленнее. Зрители тем самым могли дольше наслаждаться их агонией. Наставники гладиаторов не только обучали их искусному обращению с оружием, но и давали строгие наставления, как себя держать на арене, чтобы понравиться публике, и какую «благородную» позу те должны принять перед смертью. «Они учили их, если можно так выразиться, искусству изящно издыхать». Автор справедливо подчеркивал, что образование и культура последующих столетий (после того как оба Брута устроили в 264 г. до н. э. первые гладиаторские бои) не отвратили Рим от подобных варварских забав. Напротив, их влечение к этим зрелищам только усилилось. В дальнейшем те же порочные забавы римляне перенесли в Сирию, где ими увлекся Антиох. И это убеждает нас в ограниченном воздействии культуры и знаний на человека, который был и остался существом диким и стадным, особо охочим до зрелищ.

Бронзовый шлем, в который облачали гладиаторов

В конце I в. до н. э. положение стало особенно тревожно: завершилось грозное восстание италиков, Малая Азия и Греция

опустошены войнами с Митридатом, в самом Риме на улицах свежи следы крови от ожесточенной схватки сторонников Мария и Суллы. В Испании действовали повстанцы во главе с Серторием. Для рабов не было спасения, если только эти «рябчики» не превращались в могучих орлов. Некоторые гладиаторы пытались бежать (в Пренесте). Беглецов схватили солдаты. В столице шли разговоры о Спартаке, о бедствиях простых людей, что страстно жаждут, хотя и боятся перемен. Об убийстве господ упоминают и Тацит с Плинием Младшим. Сенека писал: известно, что не меньше людей пало жертвою гнева рабов, чем гнева царей, те мстят господам за их жестокость. Поэтому восстание рабов в г. Капуе в гладиаторской школе, во главе которого стал фракиец Спартак, было закономерно (74 г. до н. э.). Капуя – главный город Кампании (его называли еще вторым Римом). Вспомним, какое большое значение придавал захвату Капуи Ганнибал. Здесь было средоточие больших масс рабов, представлявших угрозу.

Восстание Спартака стало, по сути дела, одной из первой битв покоренных народов против Римской империи. Об этой стороне восстания войск Спартака говорят редко. Среди восставших были фракийцы, германцы, галлы, эллины, италийцы. Против власти восстало огромное число бедняков, обезземеленных крестьян и ремесленников. Да и в Италии многие, как во времена борьбы с Карфагеном, хотели отделиться от римлян «вследствие ненависти к ним». С этой целью они восстали против римлян во главе со Спартаксом. На сторону восставших перешли и солдаты римской армии. Битва против Рима началась, у нее будет продолжение.

Смертельный бой между гладиаторами

Основные силы восстания составят гладиаторы. Эти отважные люди (в школы гладиаторов подбирали только сильных бойцов), входившие в известную школу ланисты Лентула Батиата, восстали против Рима. Во главе восставших стоял Спартак. Слухи о его происхождении противоречивы. Говорили о нумидийском происхождении Спартака. Другие уверяли, что происходил он якобы даже из царского рода Спартакидов, ибо пользовался во Фракии и Пантикапее царскими почестями. Племя спартов обитало в Македонии. Плутарх отмечает, что он был из номадов-фракийцев, служил наемником в римских войсках, бежал, затем был взят в плен и отдан в гладиаторы... За храбрость и мужество получил свободу, поступил в школу гладиаторов. О его умственных дарованиях говорили: «он более походил на образованного эллина, чем на варвара». Вот как описывает события греческий историк из Александрии Аппиан (ок. 100 – ок.170 гг. н. э.). В Италии среди гладиаторов, обучавшихся в Капуе, был фракиец Спартак. Раньше он воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и сумели бежать из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий. Отсюда, приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Их войско состояло не из граждан, а из случайных людей, набранных наспех и мимоходом (римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом), римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. Спартак отнял даже коня у римского полководца, который едва не попал в плен. После этого к Спартаку присоединилось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 000. Мятежники ковали оружие и собирали припасы. Римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы

Гаргана был разбит кельт Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда – к кельтам. Один из консулов опередил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Умный мужественный воин сумел сплотить восставших, вдохнуть в них веру в победу, без чего ни одно войско на земле не стоит ломаного гроша. Посланные римским сенатом войска он разбивает с легкостью и изяществом шахматиста.

Победитель Спартака консул Марк Лициний Красс

Консулы отступили в полном беспорядке. Спартак, принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, со 120 000 пехоты

поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. Консулы вновь пытались оказать ему противодействие. В Пицене произошло второе большое сражение. И вновь римляне были разбиты. Спартак переменял решение идти на Рим. Он не был вполне уверен в том, хватит ли ему сил на столь решительный штурм. К тому же не удовлетворяла его и боевая готовность войска: это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий, а затем и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, вывозить золотые и серебряные вещи, а своим – принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за большие деньги и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретя столь нужный материал, Спартак неплохо оснастил армию. Сразившись снова с римлянами, он вновь победил их, получив немалую добычу. Третий год длилась эта страшная война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали «как войну с гладиаторами». Рим явно не ожидал встретить в лице какого-то там гладиатора столь упорного и умелого противника. Схватка была ожесточенной... Восставшие то одерживали победы, то терпели поражения. И хотя рабы проявляли большое мужество, а Спартак был прекрасным военным стратегом, уж очень неравными оказались силы. Сыграло роль и то, что ни один италийский город не примкнул к восставшим. Дали о себе знать и разногласия внутри руководства восстанием. Спартак хотел вывести рабов из Италии, так как те хотели вернуться к себе на родину, что естественно. Иными были цели «попутчиков», «крестьян с полей», т. е. жителей Италии. В их задачи входила экспроприация богачей и обретение нормальной жизни на родине. Все, чего хотели восставшие, это вернуть утерянную ими земельную собственность, зажить по-людски, а вовсе не покидать Италию.

Теперь Спартак, пишет историк, «стал уже великой и грозной силой», против которой Рим посылает известного полководца Красса. Недалеко от Брундизия произошла битва Спартака с легионами Красса (71 г. до н. э.), «чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое количество людей» (Аппиан). Воины Спартака проявили в том бою исключительное мужество. Их вождь самолично убил двух центурионов. Раненный в бедро, Спартак опустился на

колени, продолжая сражаться, пока не был изрублен на куски. После долгих и упорных боев Спартак пал в своей последней битве, «не отступая ни на шаг и сражаясь до конца» (Плутарх). Имя Спартака внушало римлянам глубочайшее почтение. Историк Саллюстий отзывался о герое крайне уважительно: «Сам великий своими силами и тела и души!» И даже Флор, пышущий ненавистью к восставшим, признавал: «Спартак, сражаясь в первом ряду с изумительной отвагой, погиб, как подобало бы только великому полководцу» (*quasi imperator*).

Римские солдаты. Рисунок с фрески

Об обстоятельствах его смерти поведал и документ, найденный в 1927 г. директором Неаполитанского музея Майури. Это – фрагмент стеной живописи в Помпеях. Единственный памятник о Спартаке изобразил схватку воинов. Над головой одной из фигур надпись «Спартакс», над головой другого – «Феликс из Помпей». Фреска дошла до нас в плохом состоянии. «Из картины мы узнаем, – подчеркивал А. В. Мишулин, – кто был прямым убийцей Спартака. Стремление увековечить смерть Спартака скорее всего должно было

быть у того, кто его убил. Поэтому правы те историки, которые говорят, что и дом, в котором была найдена при раскопках историческая живопись, вероятно, принадлежал убийце Спартака, Феликсу из Помпей». Весьма вероятно, что тут же после победы над Спартаком этот самый Феликс из Помпей и увековечил себя как победителя в стенной живописи. Одну деталь все же не мог скрыть художник в той картине: нападение на Спартака осуществляется сзади. Очевидно, принять открытый бой с храбрейшим фракийцем-гладиатором римский центурион так и не решился. И он нанес предательский удар.

О причинах поражения войск Спартака обстоятельно написал Т. Моммзен. Он отмечал, отдавая дань мужеству и таланту восставших гладиаторов и рабов, что невозможно сказать, что случилось бы, если бы во главе победоносных отрядов Спартака, скажем, стояли не беглые рабы-гладиаторы, не простой люд, а цари народов, населявших Овернские или Балкан-ские горы. Несмотря на блестящие победы (в Апеннинах и Северной Италии, где Спартак разбил Гнея Лентула, Геллия, претора Аррия, Гая Кассия и Гнея Манлия), это движение в основе своей все же оставалось «разбойничьим мятежом». Оно потерпело поражение не столько вследствие превосходства сил его противников, римлян, сколько из-за внутренних раздоров и отсутствия четких планов среди самих мятежников. Кстати говоря, заметим, что в сицилийских войнах рабы показали гораздо большую сплоченность против своего общего врага – римлян. Возможно, дело было в том, что сицилийских рабов крепко объединял сиро-эллинизм, бывший как бы их национальной связью. Так же в дальнейшем (позволим себе такое сравнение) объединяла людей «коза ностра». Итальянские же рабы распадались на две очень разномастные группы: на эллино-варваров и на кельто-германцев.

Памятник Спартаку в современной Болгарии

Разногласия между кельтом Криксом и фракийцем Спартаком – Эномай погиб в одном из первых же сражений – и другие раздоры сделали невозможным полное использование достигнутых успехов. Римляне были обязаны этим разногласиям не одной своей победой. Но еще больший ущерб, чем недисциплинированность кельто-германцев, причинило движению рабов отсутствие определенного плана и четких целей восстания. Далее Моммзен продолжает: «Правда, Спартак, судя по тому немногому, что мы знаем об этом замечательном человеке, стоял в этом отношении выше своей партии. Наряду с военными дарованиями он обнаружил и незаурядный организаторский талант, а справедливость, с которой он управлял своим отрядом и распределял добычу, с самого начала обратила на него взоры толпы не меньше, чем его храбрость. Ощущая большой недостаток в коннице и оружии, он пытался создать обученные кавалерийские части, воспользовавшись за-хваченными в Нижней Италии табунами лошадей, а как только завладел фурий-ской гаванью, стал доставать железо и медь, без сомнения через пиратов. Однако даже он не мог направить руководимые им дикие орды на достижение определенных целей. Он

охотно положил бы конец безумным кровавым вакханалиям, которые устраивали разбойники в занятых городах и из-за которых главным образом ни один италийский город не соглашался вступить в союз с мятежниками, но повиновение, оказывавшееся в сражениях разбойничьему вождю, продолжалось лишь до победы, и все его уговоры и просьбы были напрасны. После побед, одержанных в 682 г. в Апеннинах, войску рабов были открыты все пути. Спартак хотел будто бы перейти через Альпы, для того чтобы он сам и его люди смогли возвратиться на свою кельтскую или фракийскую родину. Если сведения эти верны, то они свидетельствуют о том, что победитель не переоценивал своих успехов и своей силы. Так как войско его отказалось так скоро покинуть богатую Италию, Спартак повернул к Риму и подумывал, как передают, об осаде столицы. Но банды воспротивились этому, правда, отчаянному, но обдуманному предприятую; они заставили своего вождя, хотевшего быть полководцем, остаться атаманом разбойников и скитаться бесцельно по Италии, занимаясь грабежом». Битвы Спартака были величайшим сражением рабов в древности.

Ф. Бронников. Место казни в Древнем Риме

Немудрено, что его образ в дальнейшем станет властителем дум угнетенных. К. Маркс отмечал его благородство и полководческий дар. В письме к Энгельсу (1861) он говорил: «Спартак... является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий генерал (не

Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата». В. И. Ленин относил его к самым великим героям человечества. В последней трети XX в. ему посвящены серьезная монография Р. Орены «Восстание и революция. Спартакоская война в процессе кризиса Республики и ее отражение в современной историографии» (1984) и работа Р. Гюнтера «Восстание Спартака. Великое социальное движение рабов и свободных в конце Римской республики» (1980). Но наиболее широко известен читателю великолепный роман Р. Джованьоли «Спартак. Историческое повествование из VII века римской эры» (1874), на котором и выросли целые поколения. На последних страницах знакомой с детства книги его жена Валерия получает посмертное письмо Спартака. Эта краткая эпистола (от греч. *epistole* – письмо), пожалуй, стоит самых громких эпитафий герою. В ней было сказано: «Дивной Валерии Мессала Спартак шлет привет и пожелания счастья... Из любви к тебе, моя дивная Валерия, я встретился с Марком Крассом и сказал, что сложу оружие.

Я готов был согласиться на все из любви к тебе и к нашей дорогой Постумии (дочери. – *В.М.*), но претор Сицилии предложил мне жизнь и свободу ценой измены.

Я предпочел быть неблагодарным по отношению к тебе, бесчеловечным к моей дочери, чем предать своих собратьев и покрыть свое имя вечным позором. Когда ты получишь это письмо, меня, вероятно, уже не будет в живых: предстоит большой и решающий бой, в котором я со славой закончу свою жизнь. Таковы начертания враждебного рока. Перед смертью испытываю потребность, о дивная моя Валерия, просить у тебя прощения за все причиненное тебе горе. Прости меня и живи в радости. Умирая, я благословляю твое полное мужества сердце, твою благородную, любящую душу...»

Смерть с косой

За свою победу над Спартакром Красс, говорят, получил овацию и лавровый венок. Несправедлива римская история! Сколько богачей и ничтожеств, воров и узурпаторов народной власти, сколько перевертышей и предателей вчера и ныне увенчано славой, которой цена один обол (хотя за обол продали и легендарного Эзопа). Людей тех давно уж истлел (или скоро истлеет) прах. Имя же Спартака, воина, гражданина, отдавшего жизнь за счастье народа, вечно пребудет в сердцах благодарных и восхищенных поколений. О нем люди и сегодня вспоминают с любовью и благодарностью, повторяя слова Пиндара:

Всякое тело должно подчиниться
смерти всеильной,
Но остается навеки образ живой.

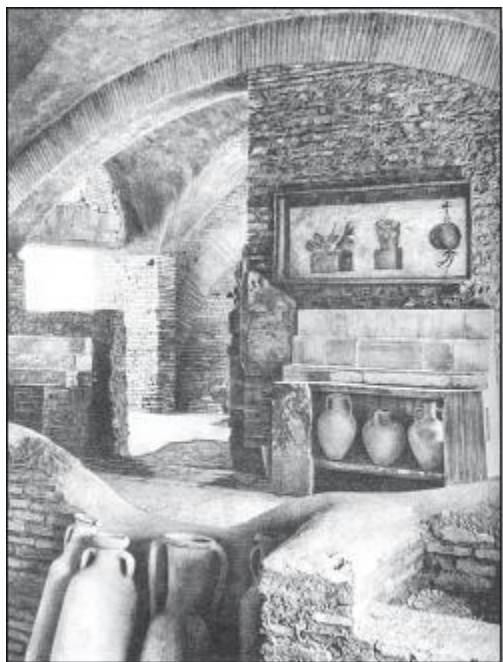
Он лишь один – от богов.

Восстания рабов не были каким-то исключительным или единственным знаком пробуждавшегося недовольства масс. Рим часто сталкивался с беспорядками и волнениями. Против преступной власти иных императоров (принцепсов) и их ставленников нередко вспыхивали восстания и среди италиков. История знает немало случаев такого рода. Клеандр, ставленник Коммода, решил наказать народ, выражавший недовольство правлением, и бросил против него войско. Солдаты его поражали всех встречных, нанося им раны. Невооруженному народу трудно было всерьез противостоять вооруженным, пешим – всадникам. Историк Геродиан пишет: «Народ подвергнулся истреблению не только от того, что его поражали воины и растаптывали кони; многие погибали в давке среди толпы и падали друг на друга, теснимые всадниками. До ворот Рима всадники, не встречая препятствий, беспощадно убивали попадавшихся им под руку; когда же оставшиеся в городе, узнав о случившейся беде, заперев входы в дома, поднявшись на крыши, начали бросать во всадников камнями и черепицами, тем пришлось терпеть то, что они сами совершали, так как никто не сражался с ними грудь с грудью, а народная масса поражала их, сама находясь уже в безопасности; получая раны и не в состоянии держаться, они обратились в бегство, и многие из них погибали. Из-за непрерывного швыряния камней кони, ступая по катившимся камням, поскальзывались и сбрасывали всадников. С обеих сторон многие падали, а к народу из-за ненависти к конным приходили на помощь и находившиеся в городе пешие воины». Граждан-ская война разразилась в центре империи – в городе Риме!

Восстания имели место и в провинциях, скажем, в той же Галлии в I–II вв. н. э. Говоря о восстании Флора и Сакровира в 21 г., Тацит упоминает об участии в восстании галлов, наряду с юношами из виднейших галльских родов, и рабов-гладиаторов. Рабы были специально обучены, подготовлены для гладиаторских игр и представляли собой грозную силу, так как по обычаю племени были облачены в сплошные железные латы (крупелларии). В битве эти латы, как и высокое профессиональное мастерство при ведении боя, делало

их неуязвимыми для наносимых врагом ударов. Рабы, как предполагают, были и участниками восстания против Империи, вспыхнувшего в 173–174 гг., во время Марка Аврелия, а также в грандиозном движении Матерна в 186 г. Галлия не единственное место, где спорадически вспыхивали восстания. Но несмотря на все эти проявления социальной вражды и ненависти, Рим продолжал жить своей жизнью, как ни в чем не бывало.

Римские нравы, быт и повседневная жизнь

Как проводили они свободное время? Обратимся к книге П. Гиро «Быт и нравы древних римлян». В Риме, столице огромной Империи, всегда было шумно. Тут можно увидеть кого угодно – торговцев, ремесленников, военных, ученых, раба, учителя, знатного всадника, сенатора и т. п. К дому римских аристократов уже с раннего утра стекались толпы просителей. Тут было больше все же знатных и важных людей, добивавшихся новой должности или почестей. Но можно было видеть бедного учителя или ученого, ищущего место наставника, воспитателя в знатной семье, желающего разделить трапезу с известным лицом (может, и ему перепадет кое-что). Одним словом, тут собирались целые стаи людей. Плутарх сравнил их с назойливыми мухами. Такое бывало и у нас. Вспомним Некрасова: «Вот парадный подъезд... По торжественным дням, одержимый холопским недугом, целый город с каким-то испугом подъезжает к заветным дверям».

Перистиль в доме Менандра. Помпеи

Конечно, среди этих толп были и обычные друзья. Рим ничем не отличался от других городов мира. Дружба, настоящая дружба ценилась тут высоко, выше закона... Там, где люди умеют поддерживать и сохранять дружеские связи, там царит атмосфера тепла и привязанности. Жизнь тут красна, и даже горе не столь горько. Римляне такую дружбу ценили и в честь согласия и дружбы справляли специальный праздник – Харистии (Charistia). Течение жизни шло по раз и навсегда заведенному кругу: сражения, походы, политика и постоянные общения с друзьями (визиты, застолья, беседы, участие в событиях близких им семейств, рекомендации, просьбы, консультации, приемы гостей и т. д.). Порой это было довольно обременительно, как признавал Цицерон. Однако отказаться от этой традиции было невозможно, ибо она пронизывала всю вертикаль и горизонталь общества, скрепляя его сверху донизу. Разумеется, в основе дружеских связей лежали и узы родства, но были и иного рода скрепы. Они порой оказывались во много раз прочнее родственных. Это и служебные, и деловые взаимоотношения. Всё шло с самого верха, с администрации принцепса, где существовал институт «*amici Augusti*» (друзья принцепса). Причем такого рода дружеские связи носят почти что официальный характер. Пред нами своего рода заключение пакта о мире и дружбе или же, напротив, о враждебности и войне... Валерий Максим сообщает, как об *inimicitia* (вражде) объявлялось в народном собрании. Личные враги Эмилий Лепид и Фульвий Флакк, будучи

избраны цензорами, поспешили публично, в народном собрании, заключить дружеский союз, дабы тем самым всем показать их намерения. Сципион Африканский и Тиберий Гракх, наоборот, публично расторгли узы дружбы, но затем, оказавшись на соседних местах на Капитолии, за пиршественным столом на празднестве в честь Юпитера, вновь заключили дружеский союз, особо отмечая соединение десниц («*dexteras eorum concentibus*»), что является своего рода символом достижения людьми согласия.

Перистиль в доме Веттиев. Помпеи

Что лежало в основе такого рода дружеских союзов? Более всего и чаще всего то же, что и сегодня, — оказание участвующими в содружестве сторонами друг другу взаимных услуг. Согласно разъяснениям Цицерона, дружба крепится не только узами товарищества или сердечной привязанностью, но и «лучшими услугами со стороны каждого из нас». Он сравнивает их с «брачным союзом», относя сюда как родню и друзей, так и товарищей «в публичных делах». Для поддержания дружбы, по его словам, необходимы такие лучшие качества, как благочестие, доброта, благородство души, благосклонность и обходительность. Демокрит считал дружбу эквивалентом социального бытия («не достоин жить тот, кто не имеет настоящего друга»), а Сократ подчеркивал, что дружба — это важнейший институт взаимовыручки и взаимопомощи («друг доставляет то, чего не хватает другу»). Древние отдавали дань встречающимся рациональным или прагматическим началам в дружбе.

Аристотель подчеркивал необходимость того, чтобы в дружбе обе стороны отвечали друг другу взаимностью. Только тогда «добродетель называется дружбой, если есть отплата». Впрочем, древние также разграничивали понятия идеальной дружбы ради удовольствия и дружбы материальной, ради выгоды. Диоген Лаэртский собрал высказывания людей (киренаиков), что на первое место ставили утилитарно-прагматические цели в дружеских союзах. Аристипп говорил: «Друга имеют ради собственной пользы, как член тела, пока он при тебе». Эгесий (Гегесий) и вовсе довольно цинично заявлял: «Нет ни почтительности, ни дружбы, ни добродетели, поскольку их изыскивают отнюдь не ради них самих, но ради той пользы, что они нам доставляют: если нет выгоды, они исчезают». Иначе говоря, дружба – это всегда обмен, хотя и не всегда товарообмен. Впрочем, многие не соглашались со столь приземленной трактовкой этого высокого, важного общечеловеческого чувства.

Одиссей и Пенелопа

В корне неверно определять дружбу, базируясь исключительно на социально-экономических интересах. Ведь есть еще много аспектов людских отношений и связей, которые не исчерпываются областью выгоды. Цицерон о дружбе сказал: «Как мы добродетельны и щедры не в ожидании благодарности (ведь мы не пускаем добродетель в рост, но подвигаемы к щедрости природой), так и дружбу мы считаем желанной не в надежде на вознаграждение, но потому, что вся ее выгода заключается в самой любви». Кроме всего прочего, в дружбе, в

высокой дружбе воплощается лучшая сторона личности человека. Такая дружба зачастую ведет к подвигу, к культурному или же этическому совершенству. Так, Эпикур считал, что она ценна и сама по себе. Взаимная привязанность очищает людские отношения от всяких эгоистических расчетов. «Из того, что доставляет мудрость, делая счастливейшей жизнь в целом, величайшим благом является обладание дружбой». В дружбе находим укрытие от всяческих бурь житейских.

Общий вид площади перед Пантеоном

На улицах и площадях Рима, да и других городов можно встретить множество людей, составивших некий особый класс под названием «праздношатающихся». Современный Тиберию поэт писал, что они «ничего не делают и всегда заняты, выбиваются из сил из-за пустяков, находятся в постоянном движении и никогда ничего не достигают, вечно суетятся и в результате только всем надоедают». Сенека сравнивал их с муравьями, которые без плана и цели бегают по дереву то туда, то сюда (сравнение неудачное, ибо муравьи трудолюбивее большинства людей и их никак не отнесешь к праздношатающимся). Такого рода люди есть и в Москве, и в Париже, и в Нью-Йорке, и в Токио, и в Пекине, и в нынешнем Риме или Берлине. «Столица была настоящим центром суетливого безделья,

которое и процветало в ней больше, чем в каком-либо другом городе». Одни спешили нанести ненужный визит, другие – на глупую встречу, третьи желали принять участие в попойке, четвертые сделать очередную, и скорее всего совершенно ненужную, покупку, пятые посещали даму, не доставляя ни ей, ни себе большого удовольствия. Среди них немало и тех, кто все время стремился попасть на какие-то пустые официальные церемонии. Себя показать и на людей посмотреть. Галиен так описал день римлянина: «Ранним утром каждый делает визиты; потом многие идут на форум послушать судебные прения; еще большая толпа направляется полюбоваться бегом колесниц и пантомимами; многие проводят время в банях за игрой в кости, за пьянством или среди удовольствий, пока не очутятся вечером на пиру, где развлекаются не музыкой и не серьезными удовольствиями, а предаются оргиям и разврату, засиживаясь часто до следующего дня». Большинство высших чиновников в Риме (как и повсюду) суетились не просто из потребности куда-то бежать или двигаться, нет, они хотели заработать, получить выгоду. Ненасытная жажда богатств одолевала их и была главной причиной суеты, наполнявшей собой улицы, площади, дворцы Италии. Давая людям положение, отличия, почести, богатство, влияние, деньги считались высшим благом. Они – бог Юпитер, которому поклоняются и служат.

Харчевня

Простонародье с неизменным удовольствием посещало не приемы (его туда не пускали), а кабачки, таверны, трактиры. Ведь в тавернах за два асса можно было получить баранью голову, сосиски, сдобренные чесноком, луком и приправами; бобы, чечевицу, сырую капусту, другие овощи, печеные орехи, свеклу и кашу. Ели все эти кушанья с грубым ржаным или ячменным хлебом, известным под названием плебейского хлеба. В этих заведениях, правда, стояла невыносимая жара и царила непролазная грязь. Но вино скрашивало все эти неудобства. Тут пили вино (вареное критское) и мёд, ели пирожки с сыром, поигрывали в кости, передавали друг другу последние новости и сплетни, злословили о господах. В этих стенах аристократов и сенаторов не было, хотя полно было беглых рабов, воров, убийц, гробовщиков, матросов, ремесленников и даже жрецов Кибелы.

Конечно, были кое-какие развлечения для интеллектуалов, тех, кто увлекался литературой, поэзией, музыкой и т. д. Скажем, во второй половине I в. (уже при Августе) в моду вошли публичные чтения, которые устраивал Азиний Поллион. Литератор обращался со своим произведением к аудитории, читая ей отрывки или весь трактат (в зависимости от терпения и расположения). Эти чтения шли или в залах, или даже в столовых (видимо, чтобы удобнее от пищи духовной перейти к пище физической). Правда, это занятие недолго прельщало римлян. Уже к концу I в. публичные чтения стали приходить в упадок и превратились в тяжелую повинность. Слушатели пытались от нее отлынивать как только могли.

Те, кто предпочитал жизни политика или деятеля (*vita activa*) – созерцательно-философский образ жизни (*vita contemplative*) или книги, погружались в тиши кабинета в библиотеки в своих виллах и поместьях... Они полагали: «Мудрец не должен заниматься общественными делами за исключением крайней необходимости». Так понимали жизнь иные обитатели аристократических вилл, наподобие дома Веттиев в Помпеях, дома Оленей, виллы дома Телефа и виллы Папирусов в Геркулануме... Обнаруженная только в XVIII в. вилла Папирусов принадлежала кому-то из римских аристократов. Первые искатели сокровищ проникли в ее парадные покои, библиотеку, перистили, сад, прорыли тут шахты и галереи, затем все это забросили.

Возможно, вилла создавалась во времена Нерона и Флавиев. На этой вилле хранилась коллекция папирусов, небольшая прекрасно подобранная библиотека. В маленькой комнатке обнаружили редкие свитки папирусов, содержавшие творения известных авторов. Не исключено, что первым владельцем виллы был Пизон, отец жены Юлия Цезаря. По своему богатству собранные на вилле папирусы не уступали библиотекам императоров. От раскаленной грязи (города погребены под потоками огненной лавы) книги почернели и обуглились, но полностью не сгорели. Хотя речь в данном случае идет о вилле римлян, таковы же были и библиотеки самых известных и богатых греков. В США создали копию виллы Папирусов в Калифорнии, ее владельцем стал американский миллионер Гетти, разместивший тут коллекцию (1970 г.).

Я. Йорданс. Пан и Сиринга. Брюссель

Когда стало наблюдаться общее падение нравов? У античных авторов на сей счет разные мнения. По словам Страбона, Фабий Пиктор считал, что римляне впервые вкусили роскошь (или, как он выражается, «попробовали богатства») еще во времена 3-й Самнитской войны. После этого, т. е. примерно к 201 г. до н. э., после 2-й Пунической войны и поражения Филиппа Македонского, они стали проявлять склонность к менее строгому образу жизни (Валерий Максим). Тит Ливий полагал, что привычку к расточительности

занесло в Рим войско после возвращения из глубин Азии, где оно оккупировало богатые страны (187 г. до н. э.). Полибий относит исчезновение былой скромности и бережливости римлян ко времени войны с Персеем (168 г. до н. э.). Посидоний и Саллюстий датируют начало эпохи упадка с разрушения Римом Карфагена (146 г. до н. э.). Иные относят дату начала эры де-градации и упадка Рима к длительному периоду (II в. до н. э. – II в. н. э.). Вероятно, они правы: сей процесс был длительным и постоянным.

Гробница в Казанлыке

Вот как объяснял истоки начавшейся деградации Рима Гай Саллюстий Крисп в его «Войне с Югуртой». Римский историк писал: «Заметим, что привычка к разделению на враждующие страны со всеми дурными отсюда последствиями возникла в Риме лишь немногими годами ранее, и породили ее праздная жизнь и обилие тех благ, которые люди ценят всего выше. И правда, вплоть до разрушения Карфагена римский народ и сенат вели дела государства дружно и спокойно, не было меж гражданами борьбы за славу и господство: страх перед врагом поддерживал добрые порядки в городе. Но стоило сердцам избавиться от этого опасения, как место его заняли разнузданность и высокомерие – успех охотно приводит их за собою. И вышло так, что мирная праздность, о которой мечтали в разгар бедствий, оказалась хуже и горше самих бедствий. Знатные мало-помалу обратили в произвол высокое свое положение, народ – свою свободу, всяк рвал и тянул в свою сторону. Все раскололось на два стана, и государство, которое прежде было общим достоянием, растерзали на клочья. Преимущество, однако же, было на стороне

знати – по причине ее сплоченности, силы же народа, разрозненные, раздробленные меж многими, преимущества этого не имели. Произволом горстки людей вершились мир и война, одни и те же руки держали казначейство, провинции, высшие должности, славу, триумфы, а народ изнемогал под бременем военной службы и нужды. А между тем как командующие со своими приближенными расхищали добычу, солдатских родителей и малых детей сгоняли с насиженного места, если случался рядом сильный сосед. Так бок о бок с мощью явилась алчность, безмерная и ненасытная, она сквернила и крушила все, ни о чем не тревожилась и ничем не дорожила, пока сама не сломала себе шею». Пока приходилось сражаться с грозным противником, пока страх и инстинкт выживания скреплял интересы всех римлян прочнее дружбы и законов, Рим, как и СССР, являл собой единое сплоченное государство. Когда же исчезла внешняя угроза, началась ничуть не менее страшная внутренняя война за обладание всем, чем владел Рим. И тут уж не было среди соперников ни друзей, ни врагов, ибо каждый в силу животной стадности старался у другого вырвать кусок, захватить земли, ценности, рабов, поместья.

Жены. Росписи виллы в Боскореале

Бесконечные войны существенно изменили экономику Италии, да и армии Ганнибала нанесли огромный ущерб. Сельское хозяйство приходило в упадок. Дешевый привозной хлеб сделал нерентабельным производство хлеба в самой Италии. Хотя тут стоит вспомнить и замечание Вебера о том, что «Рим *никогда* с того времени, как он вообще был полисом, не был вынужден и не был в состоянии жить продуктами собственного земледелия» (обрабатываемая для получения хлеба площадь, видимо, составляла около 15 %). К тому же войны отвлекали производительную часть граждан от дел. Знать жила в роскоши, а значительная часть населения бедствовала. В одном только Риме насчитывалось около 150 000 безработных. Их власти содержали так сказать на общественный счет. Примерно столько же людей, если не больше, работали только до обеда. Всех их приходилось как-то успокаивать, отвлекать от самых насущных, острых проблем, чтобы они не возникали и не задавали вопросов. Цезарь признал право масс на хлеб и зрелища. Сатирик Ювенал (ок. 60—140 гг. н. э.) по этому поводу возмущенно писал: «Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки, сдержан теперь и о

двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ!» Чиновники должны беспрекословно следовать этим правилам.

Сатирик Марциал в одной из эпиграмм говорил, что жена одного из преторов была вынуждена даже подать на развод из-за огромных расходов, которые вынужден был нести ее муж. Дело в том, что должность мужа и предъявляемые к ней требования катастрофически отразилась на бюджете семьи: «Знаю: он претором стал, и обошелся б его мегалезский пурпур в сто тысяч, как ни скупилась бы ты на устроение игр; тысяч бы двадцать еще пришлось и на праздник народный». Но чиновникам часто просто некуда было деваться. Ведь их судьба и карьера, а зачастую и сама жизнь находились в руках императора. К тому же порой расплата за неудачное или же бедно организованное чиновником зрелище была чрезвычайно суровой. Калигула (37–41 гг. н. э.) приказал одного не понравившегося ему надсмотрщика над гладиаторскими битвами и травлями несколько дней подряд бить цепями у него на глазах. Беднягу умертвили только после того, как все почувствовали «вонь гниющего мозга» (Светоний). После устроенных Августом с присущим ему размахом игр все его преемники (кроме Тиберия) стали соревноваться друг с другом в организации гладиаторских игр. Ради рекламы и сохранения политического лица чиновник должен был залезать в долги и в собственный карман (особенно после ликвидации государственных доплат организаторам игр при Августе). Всех превзошел император Траян (98—117 гг. н. э.), зрелища которого многие сравнивали с забавами самого Юпитера. Причем эти забавы зачастую сопровождались массовой бойней людей и зверей.

Раненый лев

Народ получил бесплатный доступ на форум, но он жаждал крови и зрелищ. Те становились все более кровавыми и жестокими. Как все изменилось. Когда-то, еще в цензорство Катона Старшего (184 г. до н. э.), знатного римлянина Л. Квинкция Фламинина (консул 192 г. до н. э.) наказали за неоправданную жестокость, так как он позволил поступок, порочащий честь Рима. Проконсул Фламинин за обедом (по просьбе блудницы, которая никогда не видела, как обезглавливают человека) убил одного из осужденных. Его обвинили в оскорблении величия римского народа. Расказанный Ливием эпизод указывает на то, что в старые времена римляне все же старались не допускать излишней жестокости. Теперь же убивали десятками и сотнями открыто – на глазах у народа. Рим перестал стесняться палачества и рукоплескал палачам... Стоит упомянуть и о том, что число праздничных дней в году возросло во II в. н. э. до 130, то есть фактически удвоилось по сравнению с эрой республики. Римляне увлеклись зрелищами. Почти весь Рим собирался в огромном цирке на 200 000 мест. Азарт бегов был непонятен умным и просвещенным людям. «Не понимаю, – недоумевал писатель Плиний Младший, – как можно увлекаться таким скучным зрелищем».

Схватка гладиаторов со львами на арене

Если бы их еще привлекала быстрота коней или искусство людей, то в этом был бы некоторый смысл; но они благоволят тряпкам, тряпку любят, и если бы во время бегов в середине состязания «этот цвет перенести туда, а тот сюда, то вместе с ней перейдет и страстное сочувствие людей». И далее Плиний продолжает: когда смотрю на тех людей, что увлечены столь пошлым и пустым делом, я испытываю огромное удовлетворение от того, что я им не охвачен. Пока чернь и те, кто считают себя серьезными, отдают время безделью, я с огромным наслаждением отдаю весь свой досуг литературе. Увы, оказалось, что куда легче привлечь диких животных звуками лиры, как это делал некогда Орфей, чем обратить взоры иных людей на высокую литературу, историю или философию. Гортензию, создателю поэмы о воспитании диких животных, впору было бы написать поэму о том, как можно перевоспитывать римлян, ведущих себя подобно диким тварям. Нам невольно вспомнился историк Тимей, который, описывая жизнь римского народа, считал (как и Варрон), что и само название Италии произошло от греческого слова, означающего «рогатый скот» (которого тут всегда множество). Впрочем, известна и другая версия: страна была названа по имени быка Итала, якобы перевезшего Геракла из Сицилии.

Забавы богаче

Всевозможные эксцессы, насилия среди толп становятся явлением обычным. Возмущения были вызваны тяжелым экономическим положением, жалобами на высокие «цены съестных припасов и озлоблением против действительных или мнимых виновников этих высоких цен». Голод и бунт идут за неурожаем. В столице выросло число различного рода «паразитов», то есть людей, живущих за чужой счет. Плутарх считал, что они принадлежат к самым вредным членам общества. Паразиты развращают молодежь, подавая ей дурной пример того, как можно безбедно существовать, не трудясь вовсе. Плавт описывает паразита, как неперемногого спутника греческой культуры, переселившегося в Рим. Лукиан в своих знаменитых сатирах вывел бессмертный тип. Этим господам нужны лишь сытный «хлев» и зрелища. Но разве не так же столичную публику Петербурга и Москвы балуют различного рода зрелищами? Не для того ли, чтобы эта толпа забыла, у кого в руках несметные богатства величайшего в мире государства! И разве наши богачи, жалеющие дать крупицу богатств на литературу и науку (и при этом охотно тратящие миллиона на особняки, любовниц, собак, лошадей), не напоминают вам скрягу из комедии Плавта «Клад» или из мольеровского «Скупого», того скупого, что, как известно, платит дважды, второй раз головой?

Вспоминаются и острые слова Шарля Монтескье из труда «О духе законов»: «Чтобы победить внушаемую климатом лень, законы

должны были бы лишить людей всякой возможности жить не работая. Но на юге Европы они действуют в обратном направлении: они ставят людей, желающих быть праздными, в положение, благоприятствующее созерцательной жизни, и связывают с этим положением огромные богатства. Эти люди, живя в таком изобилии, которое даже тяготит их, естественно, уделяют свои излишки простому народу. Последний утратил собственность; они вознаграждают его за это возможностью наслаждаться праздностью; и он в конце концов начинает любить даже свою нищету». В самом деле, а есть ли разница? *У них была Коммодiana, у нас – комедиана!* Комедия, которая на глазах у всего мира превращается в трагедию.

Во времена Римской республики существовал закон, осуждавший роскошь, сурово наказывавший тех, кто решился бы бросить вызов общественному мнению. Среди предметов позволялось иметь только солонку и жертвенную чашу из серебра. Один из знатных сенаторов даже лишился своего места только за то, что у него оказалось серебряной посуды на 10 фунтов. Но времена изменились, и вот даже у народного трибуна Марка Друза (слуги народа) серебряной посуды накопилось более чем на 10 тысяч фунтов. Это были баснословные деньги. При диктаторах и императорах богатство знати стало и вовсе вызывающим, но это воспринималось уже в порядке вещей. Богатые люди не считались с затратами, желая блеснуть богатством. Они платили бешеные деньги за серебряные и золотые вещи (при этом стоимость работ часто превосходила в 20 раз стоимость самого материала). В домах римской знати скапливались немыслимые сокровища. Так, у Тита Петрония был ковш, которым черпали вино из кратер, стоимость которого равнялась 350 000 золотых рублей.

Серебряная посуда времен цезаризма

Правда, одно время Катон Цензор попытался остановить сей процесс. Он даже изгнал из сената многих сторонников неумеренной роскоши, в том числе Луция Квинтия, бывшего консула, и брата знаменитого «освободителя» Греции – Тита Фламинина. Пострадали и некоторые известные всадники – у брата Сципиона Африканского был отнят *equus publicus*. Но наибольшую (и почти скандальную известность) имели в обществе шаги Катона, направленные против роскоши, спекуляций, наживы. Он увеличил налоги на богатство, настоял на повышении цен на женские украшения, одежду, богатую домашнюю утварь, высоко поднял цену откупов и т. д. Плутарх подчеркивает, что этими своими действиями он заслужил особую ненависть богатых людей. Однако – и это следует помнить и нам – эти решительные меры завоевали ему глубокую признательность народа.

Многие даже хвалили цензора за такую строгость. В благодарность за заслуги перед народом ему воздвигли статую. «Таким образом, не может быть сомнения в том, что *luxuria* в Катоновой шкале – это *luxuria* богачей, *ambitus* и *avaritia* – пороки знатных и богатых людей, *superbia*, *crudelitas* – тоже пороки знати, *impudentia* и *duritudo* – результат разлагающих чужеземных влияний, а *desidia* – типичная черта тех, кого развратил длительный досуг (*otium*) и кого такие условия приучили свои личные дела и свои *commoda* ставить выше интересов *res publica*. В заключение небезынтересно отметить, что если Катонов набор *virtutes* (то есть добродетелей) проступает крайне неявно и скорее всего подразумевается действенным для полулегендарных времен господства *mores maiorum* (нравов большинства), то все *vitia* (пороки) (*nova flagitia* – нуворишей) – вполне реальны и «имеют точный адрес»: они характеризуют именно те, пока еще сравнительно узкие (но, конечно, самые высшие!), слои римского общества, которые развращены чужеземными влияниями, стремятся вести или ведут роскошный образ жизни и в конечном счете пренебрегают интересами и нуждами общества в целом». Речь шла об определенной части высших кругов.

Среди наложниц. Восточная сценка

Подобное роскошество, все эти бесчисленные дорогие забавы и удовольствия стоили государству огромных денег. И, как следствие, к концу существования Рим-ской империи налоги возрастали непрерывно. Феодосий I заявил в 383 г. н. э. о том, что никто не может владеть собственностью, не облагаемой налогами. Возникло огромное число регулирующих и контролирующих актов. Получался какой-то заколдованный круг: политическая структура трещала по швам, стала разваливаться армия. Чтобы как-то поддержать все это, сохранить хотя бы их основы и пополнить казну, приходилось увеличивать налоги. Налоги на богачей при этом уменьшались, что ухудшало и без того тяжелое положение простого народа. На обычных граждан налагалась масса обязанностей, напоминавших самую откровенную барщину. Те должны были поставлять уголь, дрова для арсеналов и монетных дворов, поддерживать в приличном состоянии мосты, дороги и здания, да и вообще предоставлять государству свой опыт и труд без какого бы то ни было вознаграждения с его стороны. Служба в стране, говорили в Риме, превратилась «в нечто типа принудительного найма». Высшие классы от всего этого освобождались. Процветала и коррупция среди чиновничества.

Т. Шассерио. Одевание наложницы

Не верится, что до подобных вкусов могла опуститься цивилизация, когда-то восхищавшаяся классической греческой литературой, историей, философией? Хотя вряд ли стоит преувеличивать культурный уровень широких народных масс. Культура их подобна тонкому слою, который очень быстро исчезает, если общество вдруг плюхается в грязь... Часть римского общества все еще пыталась следовать идеалам древних греков. Любители спорта поддерживали физическое здоровье в гимнасиях и палестрах. Некоторые граждане, подобно Цицерону, проводили время в гимнастических залах, занимались борьбой, упражнялись в езде на колесницах и верховой езде, плавали или увлекались греблей. «Каждое проявление ловкости и силы зрители встречали аплодисментами», — писали хроникеры. Но то были исключения. Когда страна, восхищавшаяся историей, философией, поэзией, литературой, так

деградирует, то и свобода становится фикцией и пустым звуком. Понятно, что никто не сказал и слова протеста, когда 94 г. н. э. казнили двух сенаторов, написавших воспоминания о поборниках свободы Тразее Пете и Гельвидии Приске. Воспоминания император Домициан тут же приказал сжечь. «Отдавшие это распоряжение, разумеется, полагали, что подобный костер заставит умолкнуть римский народ, пресечет вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского. Сверх того, были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки, дабы впредь нигде более не встречалось ничего честного. Мы же явили поистине великий пример терпения. И если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы (видим) – (что) такое (наше) порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы (только право) забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать». Конечно, иные продолжали любить книги, но их было меньшинство. Толпа же возлюбила вино и женщин. У Гордиана II была великолепная библиотека – 62 тысячи книг. Однако больше времени проводил он за бокалом вина, в садах, банях, в рощах, везде принося себя в жертву 22 наложницам, от каждой из которых он и оставил по 3–4 дитяти.

Подкинутый младенец

Римляне (особенно обеспеченные и богатые) все более откровенно стали жить исключительно для себя, заботясь только об удовлетворении своих прихотей и желаний. Собственно римское население стареет и убывает. Его взор и сердце перестают радовать дети. Детей все чаще воспринимают как обременительные хлопоты и обузу. В комедии Плавта «Хвастливый воин» один из персонажей, Периплектомен, принимая за богатым столом его друга, Плевсикла, возражает против слов: «Дело милое – детей иметь». Куда лучше, говорит он, «свободным самому быть – это и того милей». А потому советует ему: «ешь и пей со мною вместе, душу весели свою. Дом свободен, я свободен и хочу свободно жить». Друг продолжает убеждать: мол, было бы неплохо все же завести жену и детей, ведь «воспитать детей: себе и роду это памятник». Периплектомен возражает:

У меня родня большая: в детях что
за надобность?

Счастливо живу, прекрасно я сейчас,
как хочется;
Смерть придет – свое добро я дам в
раздел родне своей,
Будут все ко мне являться, обо мне
заботиться
И следить, как поживаю и чего мне
хочется.
Чуть рассвет – уж тут с вопросом,
как мне эту ночь спалось.
Вот они детьми и будут. Мне они
подарки шлют;
Жертву ли приносят: часть мне
больше, чем себе, дают,
Приглашают на пирушку, завтракать,
обедать к ним;
Кто прислал подарков меньше,
впасть готов в отчаянье;
Состязаются в даренье меж собой.
А я себе
На уме: «Раскрыли рот свой на мое
имущество,
Оттого наперерыв так кормят
и дарят меня»...
Да, а будь то дети, сколько с ними
натерпелся бы!

Порочный и преступный Рим все чаще видел в детях лишь обузу. Лучше завести какую-либо экзотическую тварь, завезя ее в свой дом из дальних стран. Все чаще рыбки, собаки, дикие звери, уроды, крокодилы, павлины стали занимать места в семьях богачей (как это происходит ныне в семьях нуворишей в России). Известны факты, когда богачи специально уродовали детей для удовлетворения своего сладострастия, когда на поругание отдавались невинные девушки или юноши.

О. Бердслей. Лишение девственности

Знать погрязла в безделии и пьянстве. Общество в таких условиях деградирует и генетически. Н. Васильева отмечала в «Вопросе о падении Западной Римской империи и античной культуры» (1921) то, что падение нравов сопровождалось и биологическим кризисом. Люди хирели и истощались, семьи редели, число детей уменьшалось. Город уничтожал деревню и растлевал ее обитателей. Хотя до 131 г. до н. э. никто из государственных деятелей Рима не обращал внимания на убыль населения (кажется, кроме Метелла). Семьи и здоровые отношения между мужчиной и женщиной стали немалой редкостью, уйдя на второй план. Рим вырождался, увлекшись, как говорится, нетрадиционными отношениями полов. В литературе, культуре, театре, жизни насаждались разврат и цинизм.

Император Вителлий

Поскольку бедняков становилось все больше и больше, в римском обществе распространенным явлением стало подкидывание детей. Детей часто продавали, ибо подкинутым детям грозила гибель (особенно во время кризиса III–IV вв. н. э.). Продавая же своих детей, бедняки не только обеспечивали им выживание, но и сами получали какую-то сумму денег, которая могла бы быть использована в семье, в том числе для прокормления и существования оставшихся детей. Так, известны случаи продажи детей в качестве средства погашения долга родителей. Некий торговец вином Памонфий, заняв большую сумму денег, не смог ее выплатить. Чтобы вернуть ее архонтам, он продал все свое имущество, включая одежду, однако это позволило выплатить только половину долга. И тогда бессердечные кредиторы отняли всех его детей, включая малолетних, и увели их в рабство... Известен и такой документ, как «Отчуждение дочери». В нем говорится о том, как недавно овдовевшая женщина, не имея возможности прокормить 10-летнюю дочь, уступает ее на вечные времена другой чете, с тем, чтобы та содержала ее в качестве «законной дочери». Законодательством Юстиниана продажа гражданами детей разрешалась только «по причине чрезвычайной бедности, пропитания ради». Кстати, весьма

любопытно, что при «христианине» Константине продажа новорожденных детей разрешалась, а вот «гонитель христиан» Диоклетиан строго-настрого запрещал отчуждение детей у родителя посредством продажи, дара, залога или же любым иным способом.

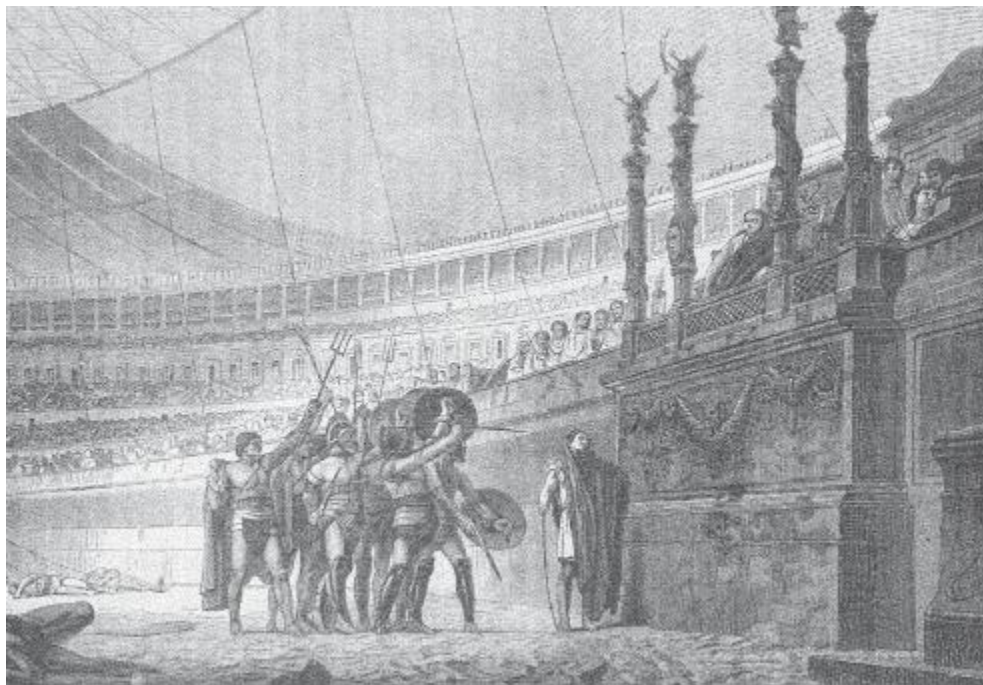

Портрет императора Коммода

Мы живем «в древнем Риме»: случаи продажи детей обрели массовый характер.словно на невольничьем базаре, в России продают своих детей в богатые семьи.

Но многие вошли во вкус праздной, развратной и развеселой жизни. «Поэтому масса людей была вынуждена или принести в жертву своим детям наслаждения, соблазн которых повсюду теперь был так силен, или, напротив, им приходилось жертвовать своими детьми в угоду удовольствиям, убивая в зачатке потомство, которое должно было бы продолжать их во времени, и покорно погибая навсегда в конце своего существования для того, чтобы свободнее наслаждаться кратким мгновением жизни. И всего чаще избирали второе решение». Когда государство обрекает себя на гибель и катастрофу? Когда дети элиты, великих и достойных в прошлом родителей стали полными ничтожествами, вырожденками. Таких примеров в истории Рима немало. Вителлий (69–70 гг.), уморив голодом мать, растерзан народом и сброшен в Тибр. Гальба (68–69 гг.) убит преторианцами. Народ

лишался остатков былых свобод, превращаясь в толпу, плебейство, чернь.

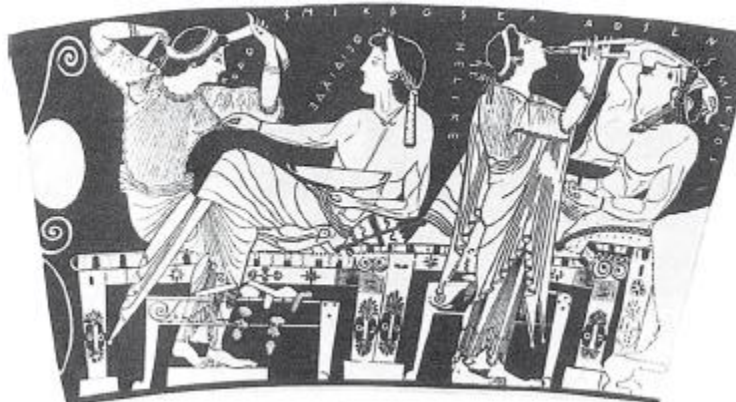

Римские гладиаторы приветствуют императора

Императором становится Коммод (180–192 гг. н. э.), старший сын правителя Марка Аврелия, высоконравственного, порядочного и умного человека. После его смерти, якобы от тяжелой заразной болезни (180 г.), сын стал единоличным императором. Какая горькая ирония судьбы... Поклонник философии, высоких и красивых идей не только сам умер от «некрасивой болезни», но еще и был вынужден передать все бразды правления в стране в руки сына, «духовный кругозор коего ограничивался цирком и удовольствиями в уровень со вкусом конюхов и кулачных борцов». Как часто родители не там и не от того оберегают своих сыновей и дочерей. Император не допустил его к постели из-за страха, что тот может заразиться. Но Коммод был уж давно «заражен», будучи склонен к вину и дракам. Говорят, он не был сыном Марка Аврелия. Жена императора Фаустина была дамой «весьма любвеобильной», и о ее «приключениях» ходили упорные слухи. Едва вступив на престол, Коммод вынужден сразу разбираться с заговором, в котором участвует его родная сестра с племянником. Затем следует другой заговор – и вновь приходится казнить виновников. Казни следуют одна за другой. Летят головы сопrefектов, консулов,

управляющих и т. д. и т. п. Казнят вместе с семьями (префект Перенн зарублен вместе с женой, сестрой и сыновьями). Император приближает к себе вольноотпущенника отца, Клеандра, который помогает ему осуществить быструю, скорую расправу. Хотя что может быть опаснее, казалось бы, чем доверить личную охрану, командование войском тому, кто продается публично по объявлению глашатая. Коммод пожаловал ему титул «Кинжал». Наступила эра произвола. Клеандр копил деньги и скупал хлеб в огромных количествах, чтобы в нужный момент воспользоваться им как оружием – раздать запасы хлеба голодным толпам и тем самым привлечь народ на свою сторону, а затем с помощью толп захватить в Риме и императорскую власть.

Узнав об этих планах, Коммод расправился с ним. Совершенно очевидно, что столь резкие и необъяснимые перемены в высших эшелонах власти несли угрозу и сенаторам. Стремясь любым способом пополнить казну (которую сам же он и опустошал), император подверг их преследованиям и стал отбирать у них собственность. Но если Марк Аврелий делал это ради блага и здоровья детей и бедняков, сын преспокойно набивал собственные карманы. Вдобавок ко всему его одолела и мания величия. Коммод объявил Рим личной колонией, переименовав его в Коммодиану. Такие же перемены были уготованы римским легионам, новой африканской флотилии, городу Карфагену, даже сенату Рима. Эти столичные «забавы» вызывали восстания и партизанскую войну в провинциях. В Европе к римлянам относились как к захватчикам (и агентам тайной военной полиции).

Картина кутежа аристократов

Трагедией стало и то, что вместо республики в Риме утвердилась олигархия. Это циничное и подлое племя не ведает слова – «отечество». Высшим чиновникам, военчальникам, сенаторам и вождям было наплевать на Платона. Их волновала не философия, а собственное обогащение. Перемены во всем – нравах, одежде, пище, привычках. Знатные римляне отгораживались от своего окружения даже при приеме пищи. Раньше, как вы помните, ничего подобного не было. Почти до конца Пунических войн господа делили трапезу со слугами: все ели за одним столом простую пищу. Преимущественно это была зелень и бобовые растения и кисель из пшеничной муки, часто заменявший хлеб. Среди сохранившихся фрагментов ученого и писателя Варрона (I в. до н. э.) имеется упоминание о царивших в раннем Риме вкусах: «У дедов и прадедов хоть слова и дышали чесноком и луком, но высок у них был дух!» Однако вскоре после завоевания Греции и Малой Азии в Рим и Италию широким потоком потекли богатства и яства. Жизнь знатных семей была заполнена удовольствиями и развлечениями. Обжорству, увеселениям, наслаждениям, зрелищам обычно сопутствует лень. В социуме распространилось сибаритство. Однако это не сибаритство художника.

Кто однажды родился художником,
Тот уж в чем-то всегда сибарит...
Так пускай же над медным
треножником
Благовонная мирра горит!

В. Миронов

Рим, население которого превысило миллион, все заметнее и все откровеннее погружался в дрему. Праздная жизнь становилась уделом не только патрициев, но в какой-то мере и плебса. Богачей в Риме, правда, было не так уж и много. Цицерон отмечал, что в Риме, по словам трибуна Филиппа, трудно найти и 2000 хорошо обеспеченных людей (олигархов). Но именно они, пожалуй, определяли погоду и заказывали музыку. В римском обществе победила философия эгоизма и гедонизма.росло число обслуги: пленные пекари, повара, кондитеры. Ей как-то надо было выделиться. Будущее зависело от

того, понравятся ли их блюда новым хозяевам. Возникли конкуренция и зависть. В итоге в городе, недавно вовсе не знавшем, что такое хлеб, вдруг стали продавать несколько его сортов, отличавшихся не только по качеству, но и по вкусу, цвету и форме. К услугам сладкоежек и гурманов были различные печенья и сладости. Примерно около 171 г. до н. э. поваренное искусство возведено в ранг науки. Саллюстий писал, что знать «охватила страсть к распутству, обжорству и иным удовольствиям».

Чтобы разнообразить стол, они «обшаривали землю и море; ложились спать до того, как их начинало клонить ко сну; не ожидали ни чувства голода или жажды, ни холода, ни усталости, но в развращенности своей предупреждали их появление». Закатывались немислимые пиры. В поместье уже упоминавшегося вольноотпущенника Трималхиона (персонажа комедии Петрония) денег – тьма, земли столько, что и соколу не облететь, упавшие на пол серебряные блюда выбрасываются вместе с мусором, а из брюха зажаренного кабана (к восторгу публики) вылетают живые дрозды. За столом не сидели, а лежали. Чтобы было удобнее вкушать как можно больше пищи, богачи вкушали, раздеваясь до пояса... Украсив себя венками из мирта, плюща, фиалок и роз, они ложились к столу. Рабы снимали обувь, мыли им ноги и руки. Вилки тогда не признавали. Римляне, как и греки, всё ели руками. По обычаю греков, пиры завершались грандиозными попойками. Присутствующие за столом избирали президента. Для увеселения знати приглашались фокусники, актеры, танцовщицы, шлюхи.

Краснофигурная ваза. V в. до н.э.

Автор «Книги сатир», Петроний, описал картину времяпровождения богатых вольноотпущенников... Когда мы наконец возлегли, молодые александрийские рабы облили нам руки снежной водой, омыли ноги и старательно обрезали заусеницы на пальцах. Не прерывая неприятного дела, они пели не смолкая. Когда же он попросил пить, услужливый мальчик исполнил просьбу, распевая так же пронзительно. Пантомима с хором, а не триклиний почтенного дома! Между тем подали изысканную закуску; все возлегли на лежа, исключая самого хозяина Тримальхиона, которому по новой моде оставили самое высшее место за столом. Посреди стола стоял ослик коринфской бронзы с выюками, в которых лежали белые и черные оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям были выгравированы имя Тримальхиона и вес серебра. Далее описано, как все наслаждались этой роскошью. Затем внесли под музыку и уложили на маленьких подушечках Тримальхиона. Его бритая голова выглядывала из ярко-красных одеяний, а вокруг закутанной шеи намотан шарф с широкой пурпурной оторочкой и свисающей бахромой. Это всех рассмешило. На руках красовалось большое позолоченное кольцо из чистого золота, с припаянными железными звездочками. Для того чтобы выставить напоказ другие свои драгоценности, он обнажил правую руку, украшенную золотым запястьем и браслетом из слоновой кости. В зубах он ковырял серебряной зубочисткой. Пришедший вслед мальчик принес хрустальные кости на столике терпентинового дерева, где автор заметил нечто утонченное: вместо белых и черных камешков были уложены золотые и серебряные динарии. Затем пришли кудрявые эфиопы с маленькими бурдюками вроде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином, а воды никто не подал. В суматохе упало большое серебряное блюдо: один из мальчиков его поднял. Заметив это, Тримальхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся буфетчик стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. В это время раб принес серебряный скелет, устроенный так, чтобы его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол, он, благодаря подвижному сцеплению, принимал разнообразные позы. Так все мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши. Любопытно, что хозяин дома и пира Тримальхион стал

купцом и предпринимателем в новые времена. Некогда он был рабом и таскал на спине бревна, но затем благодаря своей предприимчивости накопил большие капиталы. Он производил шерсть, разводил пчел и даже выписывал из Индии семена шампиньонов. Это же видим мы и в нынешней России, где подобного рода «вольноотпущенники» в недавнем прошлом торговали цветами, селедкой, занимались фарцовкой, были валютчиками, но теперь вот стали министрами, премьерами, депутатами.

Амфора с изображением пира

В итоге богатая и пресыщенная публика не могла достойно ни руководить государством, ни удовлетворить женщину... Петроний в «Сатириконе» рассказывает историю молодого человека, который влюбился в женщину, что «краше всех картин и статуй». Нет слов для описания ее красоты: «глаза – ярче звезд в безлунную ночь», а «ротик подобен устам Дианы, какими придумал их Пракситель». А уж руки, ноги, шея – ну что лебедушка: белизной «они затмевали паросский

мрамор». И вот когда «демократу» надо было «явить мужскую силу», исполнилось проклятие Приапа (сексуального божества), его «демиург» вместо боевой позы с позором склонил голову. Тут уж не поможет ни золотая вилка из дворцовой коллекции, ни вилла в Испании. Импотенция поразила Рим, как она поразила «демократов-трансвеститов». Петроний дает совет, как вылечиться: пациент должен придерживаться диеты, обращаться за помощью к божествам (и не лезть в политику), а также взять фаллос, обмазанный маслом с толченым перцем и крапивным семенем и глубоко засунуть его себе в анус. Окружающие во время этой процедуры должны хлестать его крапивой по нижней части голого тела. Говорят, помогает... Эпикурейцы и стоики усиливали настроения декаданса, призывая людей прожигать жизнь легко, незаметно, бездумно, слепо. Совет таков: «Нельзя вносить слишком много разумности в жизнь, не убивая жизни».

Однако пройдет время, и они же сами воспримут в философии Эпикура лишь ее гедоническую, наиболее животную часть, от которой сам философ был далек.

Тициан. Даная, на которую пролился золотой дождь

Да что говорить, если даже великий Цицерон, моралист, республиканец, певец старого уклада и «заветов предков», выступая в суде в защиту некоего Марка Целия Руфа (56 г. до н. э.), типичного молодого римлянина, оратора и политика, восклицал: «А неужто любовь блудниц запретна для юношей? Если кто так думает, то, что уж говорить, он очень строгих правил и чурается не только нашего распущенного века, но и того, что дозволено обычаем предков. В самом деле, когда же было иначе, когда это порицалось, когда запрещалось, когда нельзя было того, что можно? Я готов и определить, что именно, – но не назову никакой женщины, пусть об этом думает кто как хочет. Если какая-нибудь безмужняя особа откроет дом свой всем вожделеющим, если будет жить не таясь как продажная женщина, если будет пировать с чужими мужчинами, и все это в городе, в садах, в многолюдных Байях; если, наконец, и ее походка, и наряд, и свита, и блестящие взгляды, и вольные речи, и объятия, поцелуи, купания, катание по морю, пиры заставляют видеть в ней не просто развратницу, а бесстыдную шлюху, – то скажи, Луций Геренний, когда некий юноша окажется при ней, разве будет он совратителем, а не просто любовником? Разве он посягает на целомудрие, а не просто удовлетворяет желание?» После столь убедительной, страстной речи суд оправдал этого Руфа.

Примерно в то же время (при Августе и Тиберии) разврат распространился уже столь широко, что были бесстыдные женщины, которые отрекались от прав и достоинств матроны и матери и сами объявляли себя проститутками, чтобы уйти от кары законов (Светоний). Тацит так поясняет решение римских матрон: «Дело в том, что древний закон считал достаточным наказанием для развратниц открытое признание в своей порочности». Проституция бросала вызов семьям. В редких случаях поэты и писатели пытались что-то противопоставить этому потоку цинизма и разврата. Плавт пишет комедию «Вакханки», где бичует все эти гнусные пороки римлян (flagitia). Чем должен заниматься молодой человек? Метать диск, заниматься бегом, на голове носить шлем, в руках держать копье, перо, плуг. Наш герой, проводя дни и ночи среди гетер, выбрал иное оружие. На некоторых гетер пролился золотой дождь, как это видим в известной картине Тициана «Даная».

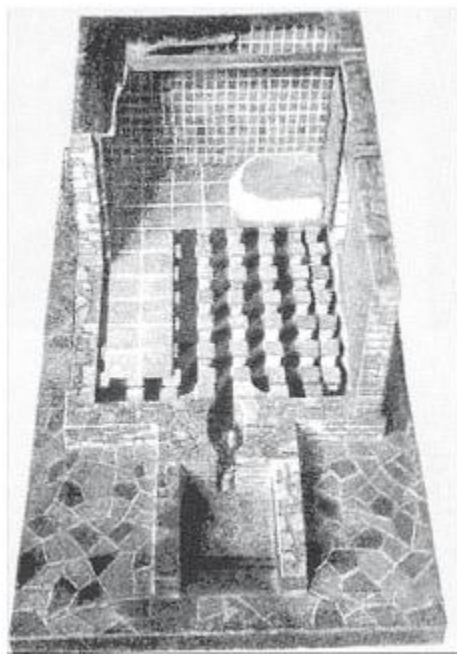

В доме богатого римлянина

Вероятно, нелишне бросить взор на то, каковы были жилища и виллы богачей. По словам историков, ви́лла императорской эпохи представляла собой целый жилой городок. Иные представляли собой настоящие дворцы. Известна ви́лла императора Адриана, две виллы Плиния Младшего (одна ви́лла – на морском берегу в Лавренте, другая – в Тоскане, у подножия Апеннин), ви́лла Цицерона в Тускулуме, стоившая немалых денег, не говоря уже о ви́ллах богатейших особ. Вот что представляла собой морская ви́лла Плиния Младшего, находившаяся в шести милях от Рима (между Лаврентом и Остией). При входе в ви́ллу Плиния располагался полукруглый атриум с выступавшей крышей, а затем портик со сводами, выходивший в обширный двор. Второй портик вел в прекрасную столовую, вдававшуюся в море, так что его волны плескались прямо у ног, вкушавших яства. С трех сторон (через двустворчатые двери и окна, равные по величине дверям) открывался великолепный вид на море, с четвертой видны были двор, атриум, портики, а на заднем плане – лес и горы. Направо и налево тянулись различные комнаты ви́ллы:

библиотека, спальни, кабинеты, купальни, бани, подсобные помещения. Все это отапливалось с помощью труб. В правой стороне от виллы находились помещения для игры в мяч, которые примыкали к двухэтажной башне, с вышки которой прекрасно видны море, горы, деревня.

Отопительные системы и приборы

С другой стороны шли летние помещения: спальня, триклиний, в котором был слышен шум невидимого моря, еще одна башня, прохладный криптопортик для прогулок и, наконец, небольшая беседка, о которой Плиний упоминает с особой теплотой как о месте своих раздумий и наслаждений. Еще более великолепной была его тосканская вилла. Там были великолепные сады, цветники, лужайки, рощи и т. д. Полы и стены вилл были выложены мрамором, расписаны изящной живописью. Во дворе виллы имелся прекрасный бассейн из мрамора. Всюду расположены фонтаны, водометы, прочие чудеса античной техники, а напротив дома находился большой манеж... В иных условиях ютились рабы и прислуга. Это были стоявшие кучкой бедные жилища, открытые спереди, словно бы для загона, как будто тут живет скот. Они больше походили на казарму. Во всякой приличной и благоустроенной вилле был эргастул, то есть темница для рабов. Эргастул представлял собой подземелье, где рабов наказывали

плетьюми, заковывали в кандалы и потом заставляли в кандалах работать до изнеможения.

Богачи превращали свои имения в настоящие дворцы. В садах росли деревья со всех уголков земного шара. Спаржу везли из Равенны, артишоки из Кордовы и Карфагена, чечевицу из Египта, финики из Карики, сладости с берегов Рейна, яблоки из Вероны, Африки и Сирии, груши из Тарента, Греции, Александрии, сливы из Дамаска, пряности с Востока. Виллы украшали и домашние зоопарки. По словам Варрона, они занимали уже не небольшое пространство, а несколько десятин. В птичьих дворах полным-полно было всякой дичи: фазаны, дрозды, журавли, фламинго (язык их почитался изысканным лакомством), павлины. Первым, говорят, приказал подать на обед павлина оратор Гортензий. Торговля ими приносила немалые доходы. Простой птицей (тетерева, бекасы и т. д.) знать брезговала. В моду вошли аквариумы с морской рыбой. Иные богачи тратили на это целые состояния. Гортензий заботился о рыбах больше, чем о рабах. К иным рыбам относились так, как если бы это были царские особы. На столах знати вино лилось рекой – цекубское, сабинское, фалернское. Гораций в одах часто воспевал фалерн-ское вино, хотя самым ценным считалось все же цекубское. Так крупная земельная собственность и ее владельцы «сгубили Италию» (Плиний).

Правда, некоторые историки видят в рассказах о безумствах римских богачей лишь преувеличения, называя это тягой к культуре, к высоким художественным вкусам. В Риме утверждается престижный стиль. Каждый изоощряется по мере способностей и финансовых возможностей. Иные гурманы за амфору (около 38 л) изысканного рыбного соуса, привезенного из Причерноморья, платили цену раба. Так, консулярий Гирций тратил на кормление рыб по 12 тысяч сестерций за раз. Говорят, что он даже одолжил Цезарю шесть тысяч мурен из своих садков с условием, что тот их ему вернет по весу, то есть что они не похудеют. У Квинта Гортензия были садки с хищными рыбами, для кормления которых он скупал улов прибрежных рыбаков. Лукулл прорыл прибрежную гору, чтобы доставить рыбкам удовольствие. Вельможные богачи кормили рыб собственноручно, проявляя трогательную, отеческую заботу об их аппетите и здоровье. Рыб лечат даже специальные врачи. Летом делалось все возможное, чтобы избавить рыбок от мучительной жары. Лукулл устроил в своем

поместье птичник, соединив его со столовой, чтобы они не только составляли его обед, но еще и пели, развлекая его. Плиний Младший устроил купальню так, чтобы, плавая в горячей воде, он мог испытывать наслаждение, видеть холодное море. Купальня императорского вольноотпущенника Клавдия Этруска была покрыта великолепной стеклянной крышей, которая была «фигурами испещрена, рисунками переливалась». Сенека доносит до нас картины быта и обитания, как он уверяет, «простых граждан», где «стены блистали драгоценностями», а вода текла из серебряных кранов.

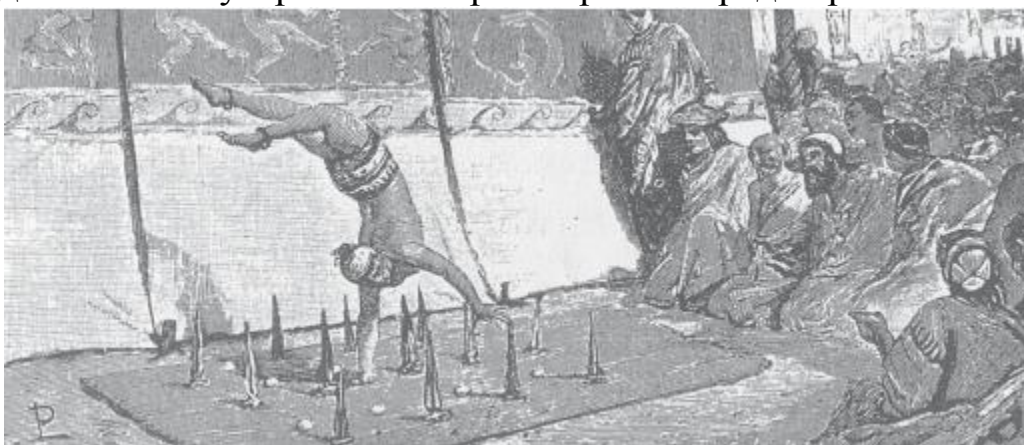

Пляшущая женщина

Гурманы (некоторые из них были моралистами) были рабами жирного брюха, ничтожными существами (Гораций). Будучи в интеллектуальном и духовном отношении людьми довольно убогими, иные кичились не умом, а богатством. У Трималхиона на пиру подавали блюда со знаками зодиака, а однажды подали вепря с шапкой на голове, державшего в зубах корзины с финиками. Петроний в «Сатириконе» говорит, что когда такую свинью выпустили на волю, тот вскоре вернулся за стол в ранге «вольноотпущенника». Вся соль остроты заключалась в том, что при отпуске в Риме раба на волю на

него одевали особый (фригийский) колпак, символ свободы... Такого рода пиры, на которых не принято говорить на умные темы, поражали безвкусицей, полнейшей бездуховностью участников, парадом жен богачей, которые демонстрировали на них немислимые туалеты и драгоценности. Главные забавы – выступления комедиантов, шутов, певичек, танцовщиц, фокусников, обнаженных девиц и т. д. При этом свидетелями непристойных сцен, нередко имевших место, бывали жены и дети... Женщины состязались с мужчинами в пьянстве. Дети это наблюдали, видя, как рабы уносят мертвецки пьяным их отца (К. Морель. Записки об античности). Римская тема злободневна для нас, где «кабаны» устраивают пиры и приемы среди «рабов».

Пляска среди мечей у Лукулла

Первые годы Империи стали особенно показательны в плане расцвета в Риме чревоугодия и обжорства... Каждый старался так украсить стол, чтобы он во всех своих деталях напоминал произведение искусства. Ценилось все и вся – от качества и количества блюд до посуды, манер слуг, убранства и сервировки. Во время пира каждый старался перещегоолять друг друга во время приема пищи. Но так как возможности желудка ограничены, многие прибегали к обычным в подобных случаях услугам павлиньего пера. Щекоча нёбо, пирующий просто извергал все ранее съеденное и принимался за очередные порции напитков и яств. Иные как-то справлялись с подобным бедствием, другие же заканчивали плохо. Император Вителлий, к примеру, погиб от обжорства. Существовала и специальная литература, подобие книг о вкусной и здоровой пище: к

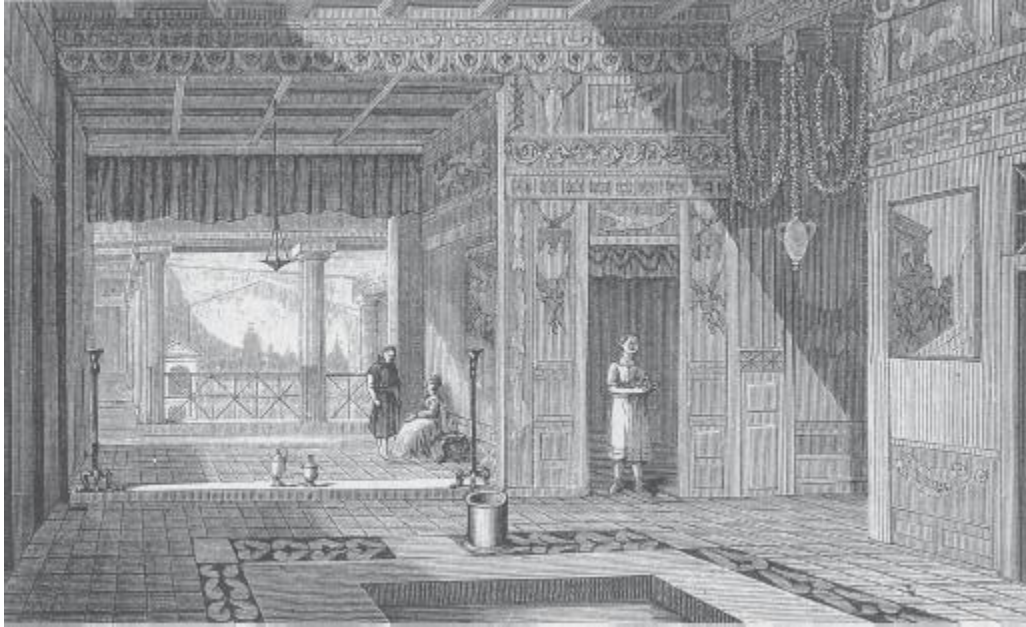
примеру, широко известны были десять книг Апиция о поваренном искусстве и извлечения из Винидария.

Масляная лампа из Помпей

Известны анекдоты, когда магнаты, богачи буквально терроризировали свою прислугу всевозможными глупейшими требованиями, мелочными придирками. Лукиан писал: «Рабы должны идти перед своими господами и громогласно предупреждать их о том, когда надо перешагнуть возвышение или яму, и что страннее всего, напоминать им, что они идут». Так делалось на рынках, шумных улицах среди белого дня. Ленъ дошла до того, что богачи стали избегать всякой самостоятельной умственной работы. Ученые отдали обработку и подготовку их сочинений образованным рабам, иные господа заставляли невольников учить наизусть наиболее известные литературные произведения, чтобы затем иметь возможность самим процитировать того или иного поэта, писателя и ритора, ни разу не прочитав его в своей жизни. Появились и «номенклаторы», «говорящие записные книжки», в обязанности которых было напоминать хозяину, с кем он говорит, где находится. Возможно, отсюда пошли номенклатурные работники.

Дом в Помпеях. Реставрация

Здесь остановимся на таком типично римском явлении как клиента. Ученые отмечают, что она развилась из древнего обычая, якобы установленного еще Ромулом. Тогда у мелкого и подвластного люда и вошло в привычку отдавать себя под покровительство и защиту какого-то могущественного и влиятельного лица. То было подобие бедных родственников. Влиятельный и богатый человек помогал своему клиенту влиянием, деньгами или жизненными советами, а тот, в свою очередь, оказывал патрону различного рода услуги. Однако к I в. н. э. эти старые патриархальные отношения утратили свой характер и быллой смысл. Клиентела превратилась по сути дела в прихлебателей. В Риме среди таковых оказались и некоторые интеллектуалы (писатели, учителя, художники и т. п.).

С раннего утра они должны обивать пороги домов знатных римлян, чтобы поприветствовать своего «господина» и выслушать его, если тот еще удостоит его встречи. Марциал с мукой пишет о своей тридцатилетней жизни клиента в Риме. Часто приходилось затемно тащиться через весь город, в дождь и слякоть, а затем еще торчать в прихожей патрона. На долю толп клиентелы доставалось немало позора среди таких же несчастных, что скапливались в прихожей хозяев: «Много получишь ты обид, чтобы войти, еще больше, когда войдешь». Надо было унижаться и перед рабами хозяина, чтобы

впустили, а иногда пробиваться силой, отталкивая слабых. Но, даже добравшись до цели, искатель милостей мог наткнуться на грубое слово, на откровенный зевок, а то и пинок. Ведь уже во II в. н. э. клиенты здоровались с патроном, целуя ему руку или же кланяясь в ноги.

Клиенты позднего периода

Клиентская служба была не только унижительной и утомительной, но еще и совершенно бесцельной тратой времени. Каково писателю или ученому торчать в прихожей какого-нибудь чиновника! Именно в подобном положении и была бедная рим-ская интеллигенция. Клиент обязан был смотреть в рот господину и выполнять любой его каприз, во всем соглашаясь и поддакивая ему. Марциал писал: «Ты лжешь – я верю, читаешь плохие стихи – хвалю, поешь – пою, пьешь – пью, хочешь играть в шашки – проигрываю». Пока я хожу за тобой и сопровождаю тебя в прогулках, слушая твою болтовню, хвалю все, что делаешь и говоришь, продолжает поэт, сколько могло бы родиться стихов! «В десять усталый плетусь я в баню, чтобы там получить мне сотню квадрантов. Когда ж книгу писать мне, Потит?» – опять горестно жалуется Марциал коллеге-ученому. Часто ведь и целые дни пропадают зря, так что приходится удивляться и тому, что в год выходит хотя бы одна книга. При такой жизни и этого могло бы не быть. Однако клиентская служба – суровая необходимость. Как же без нее мог прокормиться писатель, поэт, художник?! Ведь за свои произведения Марциал и другие почти ничего не получали (об авторском праве в Древнем Риме, конечно же, и не слыхивали). Томики

и свитки Марциала продавались в двух лавках, у Секунда и у Атректа. Любой покупатель мог отдать стихи рабу-переписчику и затем продавать экземпляры по любой цене кому угодно. Стихи Марциала распевали и в Британии, но его кошелек, писал он, «ничего об этом не знал». Большинство патронов отличались к тому же еще и скупостью. Таков Патерн:

Хоть богатств у тебя и денег столько,
Сколько редко найдешь, Патерн,
у граждан,
Не даришь ничего, на деньгах сидя,
Точно страшный дракон, кого поэты
Воспевают как стража скифской рощи.

Римские богатеи были ничуть не лучше иных из наших олигархов, что тратят сотни миллионов долларов на английскую футбольную команду, но не дадут даже ста монет на школу, труд писателя. Марциал выговаривал некому Криспу:

Ты говоришь, что ни в чем моим
ты друзьям не уступишь,
Но, чтоб уверить меня, что же ты
делаешь, Крисп?
В долг я просил у тебя пять тысяч.
Ты отказал мне,
Твой же тяжелый сундук доверху
полон монет.
Дал ли когда-нибудь мне ты модий
бобов или полбы,
Хоть арендатор-то твой нильские
пашет поля?
Дал ли когда-нибудь мне ты зимою
короткую тогу?
Дал ли мне серебра ты хоть
полфунта когда?
Я ничего не видел, чтобы счесть

тебя истинным другом,
Кроме того, что при мне ветры
пускаешь ты, Крисп.

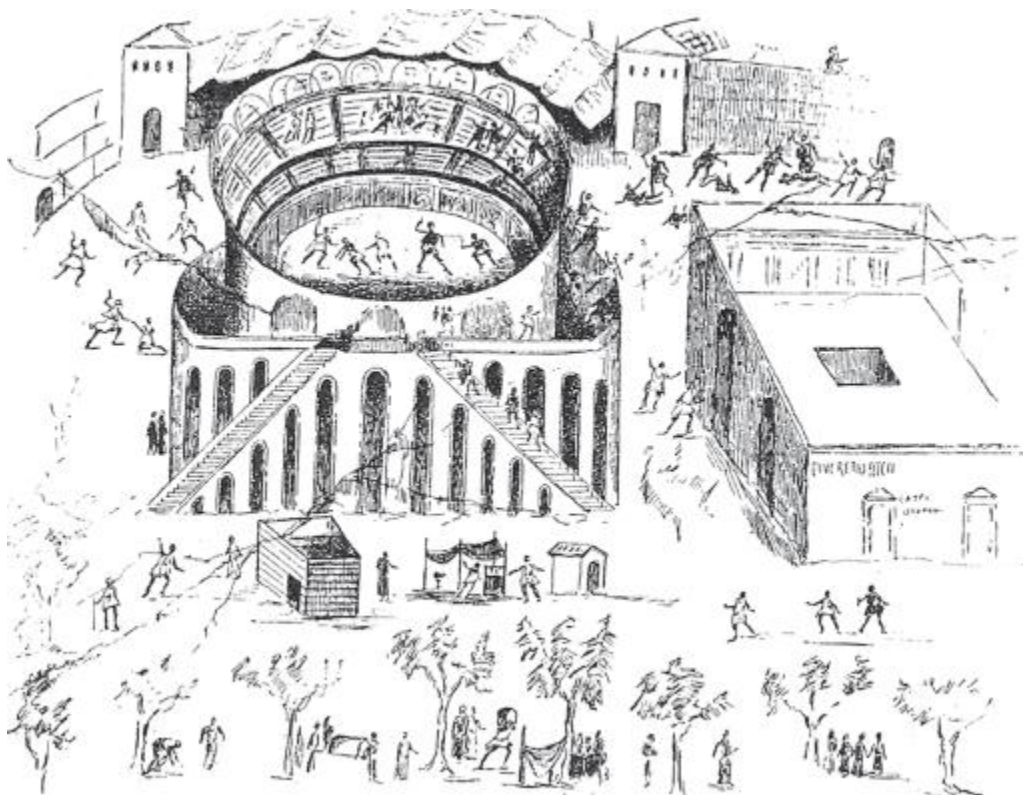
Конечно, попытка найти гармонию между благородной культурой и бьющим через край богатством столь же наивна, как и стремление примирить нувориша, составившего свои сокровища путем воровства или разбоя, с интеллектуалом, полуголодным и нищим. Если даже пиршества этих скотов сопровождает самая сладкая музыка, в душе этих людей звучат воинственные и кровавые мелодии. В каком-то смысле прав был и Лессинг, утверждая, что «гладиаторские игры были главной причиной низкого уровня рим-ской трагедии». Римские зрители в окровавленном амфитеатре, где они наблюдали противоестественные сцены, конечно, забывали не только о высоком искусстве, но вообще о самых простых, элементарных человеческих чувствах красоты и любви. Толпа думала больше о примитивных наслаждениях и крови, развивая инстинкт убийцы, чем о поэзии. Римская жизнь вела к деградации интеллекта. Толпу отличали грубые вкусы. Хотя мы думаем, каков народ, таковы и трагедии, такова культура и литература. Смешно было бы ожидать появления в современной России, где идет торговля честью и достоинством, родиной и государственными постами, верой и наукой, феноменальных писателей или великих композиторов и художников.

Наумахия – морской бой на арене цирка

Вот как описывали очевидцы события, разворачивавшиеся в амфитеатрах Рима: «Люди заходили в зал и сразу видели канал вокруг арены, где плавали бегемоты и крокодилы. 500 львов, 40 слонов, тигры, барсы, буйволы и медведи, привыкшие раздирать зубами своими людей, рыкают и режут в клетках, между тем как столь же свирепые гладиаторы пробуют между собой силу не раз окровавленных рук. К этому позорищу убийств примыкают вертепы разврата». Нагие прелестницы, заодно с (такими же) знатными горожанками, усугубляют омерзительность этого зрелища, и соперницы смерти оспаривают у нее остаток благосклонности и сил умирающего императора Галерия. Так безвестный автор «Мучеников» рисует картину позорного падения нравов великого народа Рима. Время от времени те или иные вожди запрещали игры (как это сделал Август, запретив игры в Помпеях на 10 лет), но они продолжались до 404 г. н. э., когда император Гонорий запретил игры как в Риме, так и в провинции после того, как разъяренная толпа растерзала монаха Телемаха, пытавшегося остановить их.

Борьба в Помпейском цирке

Порой, читая античных писателей, поэтов, историков, философов, понимаешь причину столь презрительного отношения к людскому стаду. Гораций пишет: «Я ненавижу грубую толпу и держусь от нее в отдалении». Как и Цицерон, поэт питает глубокое отвращение к «отребью Ромула». Тацит с ненавистью взирает на любые толпы – на военных, гражданских, особенно на население продажной столицы, где часто «делаются и процветают самые унижительные и постыдные делишки». Столичную толпу он считает самой алчной, истеричной, суеверной и раболепной. Сенека хотя и испытывал любовь к человечеству, но терпеть не мог «зловонную толпу». Даже Эпиктет, оказавшийся и сам в начале жизни в роли раба, советует всем, кто встретился с толпой – на играх, на представлениях или на празднике, – стараться не задерживаться среди нее, но постараться «провести праздник с людьми». Ювенал, ненавидя богачей и аристократов, ибо те бедных и мещан подвергают унижениям, считал, что те и сами, потворствуя инстинктам, выражая готовность продаваться за кусок хлеба, виноваты в подобной ситуации. В адрес Требия, что известен был как дармоед Виррона, презрительно бросает:

Если тебе еще не стыдно за свою
«карьеру»
И считаешь, что есть хлеб другого
человека – это вершины
блаженства,
Я боюсь сказать под присягой о том,
что ты – честный человек.
Он прав в том, что обращается
с тобой подобным образом.
Если ты можешь выносить
наихудшее обращение, значит,
ты его заслуживаешь.

Кардинально изменилось отношение и к занятиям спортом. В письме Сенеки к Луцилию говорится: «Упражняться, чтобы руки стали сильнее, плечи – шире, бока – крепче, – это, Луцилий, занятие глупое и недостойное образованного человека. Сколько бы ни удалось тебе накопить жиру и нарастить мышц, все равно ты не сравнишься ни весом, ни силой с откормленным быком. Поэтому, в чем можешь, притесняй тело и освобождай место для духа. Много неприятного ждет тех, кто рьяно заботится о теле: во-первых, утомительные упражнения истощают ум и делают его неспособным к вниманию и к занятиям предметами более тонкими; во-вторых, обильная пища лишает его изощренности». Сенека рекомендует упражнения легкие, которые не отнимают много времени и быстро утомляют тело. Время – главное богатство, и его нужно расходовать с умом.

Сенека. Копия 50—60 гг. н.э.

Даже некогда благородное ораторское искусство Рима все более вырождается, превратившись в циничный балаган, в «пошное многословие бездельников» (Цицерон). Великие ораторы стране циников были не нужны. На смену Гальбе, Катону, Сципиону, Квинтилиану пришли придворные риторы вроде Фронтон. Они-то и забавляли публику пустыми и бессодержательными речами, жалкими упражнениями типа «Похвала дыму и пыли», «Похвала небрежению», «Похвала сну». Смысл риторики они видят в том, чтобы услаждать слушателей. Так же мы видим, как в современной России телевидение потчует людей «пищей для идиотов» («Как стать миллионером?», «Окно в спальню» и т. д.). Кстати говоря, отношение римской знати к человеку искусства откровенно и недвусмысленно выразил Сенека, сказав: «Я не нахожу оснований для причисления к разряду свободных художников — живописцев, скульпторов, ваятелей и остальных служителей роскоши. Точно так же, — продолжает Сенека, — я не считаю свободной профессией кулачных бойцов, и вообще всякие тому подобные масляные (У греков был обычай натираться маслом при занятии спортом. — В. М.) и грязные занятия. В противном случае пришлось бы еще, пожалуй, назвать свободными художниками парфюмеров, поваров и остальных людей, прилагающих свои таланты к услаждению наших прихотей». Нам понадобилось две тысячи лет,

чтобы человечество признало высоким искусством все то, что связано с трапезой, открыв в Париже Институт вкуса, и одновременно создать инструмент массовой безвкусицы.

Антиной. Национальный музей, Неаполь

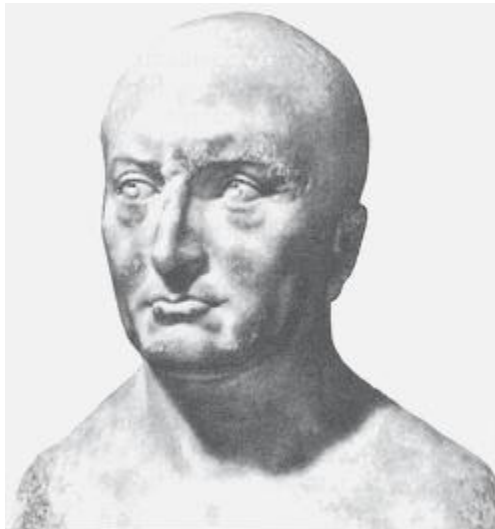
Преследованию подверглись философы с писателями. Тому пример писатель, адвокат и философ Апулей (род. в 124 г. н. э.). В своей «Апологии» он показал, как стали распространяться в Риме суеверия. Судя по некоторым местам из его труда, в вину ему вменяли, помимо его наружности, еще и образованность: «Итак, ты выслушал только что начало обвинительного акта, где было сказано следующее: «Мы обвиняем перед тобой философа красивой наружности – вот ведь грех! – столь же красноречиво изъясняющегося по-гречески, как и по-латыни»... Ах, если бы он действительно имел основание обвинять меня в таких тяжелых преступлениях, как красота и дар слова!» Красота философа – не основание для его преследования (ведь красивыми были Пифагор и Зенон). Тем более не должно стать основанием для обвинений то, что ученый и писатель день и ночь трудился, не щадя своего здоровья, всеми силами предаваясь занятиям

наукой и «отвергая все другие удовольствия». Видимо, причины обвинений были иными. Говорят, что его гонители выдвинули против него три главных обвинения: 1) Апулей ведет неподобающий образ жизни и пишет непристойные стихи, а потому в принципе безнравствен; 2) этот распутный муж прибегает к противозаконным действиям, в частности околдовывает богатую вдову с помощью симпатической магии (используя каким-то способом с этой целью рыбок, имеющих форму и название половых органов); 3) изготавливает магические фигурки, совершает праксис с участием мальчика-медиума, а также околдовывает вдову (что подтверждено письмом самой вдовы, которая, видимо, была неудовлетворена «рыбками»). Обвинения в магии были использованы и в политических процессах против историков Тацита и Амиана Марцеллина. И вообще в Риме расплодилось разные маги, экстрасенсы, медиумы. Их охотно принимали в покоях императора, как принимали их в России, США, Германии накануне катастроф и революций. Все указывало на то, что власть не может справиться с положением, опираясь на рациональные, разумные, научные и строго выверенные начала.

Другие увидели среди главных причин гибели Римской империи то, что среди ее граждан исчезла национальная идея, что в политике и культуре возобладали космополиты, что сама культура становилась мелкой и ничтожной. Все меньше и меньше становилось истинных патриотов, «лучших людей», которых власти Рима искореняли и уничтожали (О.Зек). Где он, идеальный правитель? Его нет. Казалось, что после убийства Цезаря власть задумается, постарается вернуться к идеалам Республики. Увы, увы... Цицерон восклицает: «Дерево срублено, но не вырвано; ты видишь, какие оно дает побеги!» Что он подразумевал? Тиранию? В ранний республиканский период римляне удачно сочетали две функции рекса (царя): военную и сакральную. Слияние обязанностей, подчеркнул Фюстель де Куланж, казалось весьма естественным, было основным законом человеческого общежития. В поздний период римляне попытались реанимировать институт.

Но то была уже попытка, обреченная на неудачу. Каждый был сам себе вождь. Каждый заботился о себе и своих удовольствиях. Как клещ, набухший от крови, Рим должен был лопнуть. Неправедные богатства его же и погубили. Толпа (греческая, римская или любая

другая) чаще всего не готова воздать по заслугам своим выдающимся сынам. Часто она стремится подрезать слишком сильный ум и талант, подобно тому, как некий тиран очень любил подрезать особо высокие и красивые деревья, выбивающиеся из общего ряда. Примеров такой людской зависти было сколько угодно в Риме (и не только в Риме!). Великие полководцы, граждане, мудрецы становились жертвами доносов, проскрипций или убийств. Кориолан и Камилл вынуждены были удалиться в изгнание после своих блистательных побед.

Сципион

Спаситель Рима, Сципион, испытал черную неблагодарность граждан и умер в изгнании. При весьма странных обстоятельствах погиб Сципион Африканский. Великий Цицерон пал жертвой триумвиров. Знаменательно, что сдал палачам его тот самый Октавиан, что всем был ему обязан. Правда, спустя много лет, когда он стал всесильным правителем, и произошел случай, характеризующий Рим и его лицемерных правителей. Придя к одному из внуков, Цезарь Август увидел в его руках трактат Цицерона. Зная, кто виновен в гибели оратора, внук тут же испуганно спрятал сочинение за спину. Август все ж любопытствовал, что читает внук, а затем задумчиво произнес: «Ученый был человек, что правда, то правда, и любил отечество». Видимо, чувствуя свою вину, Август нашел впоследствии сына Цицерона и осыпал его милостями. Участь великих часто бывает горька.

Гиббон видел причину падения Рима в утрате добродетели и мудрости римской аристократии. Среди благоденствия Рима вызрели принципы упадка; причины разрушения росли вместе с расширявшимся объемом завоеваний, и, лишь только время или случайность устранили искусственные подпорки, громадное здание развалилось от своей собственной тяжести. История его падения проста и понятна, и вместо того чтобы задавать вопрос, почему Римская империя распалась, мы должны удивляться тому, что она просуществовала так долго. «Победоносные легионы, усвоившие во время далеких походов пороки чужеземцев и наемников, сначала подавили свободу республики, а затем стали унижать величие императорского звания. Заботы о личной безопасности и спокойствии заставляли императоров прибегать к унижительным уловкам и, подрывая дисциплину, делать армию такой же страшной для вождя, сколько она была страшна для врагов; прочность военной организации была поколеблена, а затем и окончательно уничтожена нововведениями Константина, римский мир был поглощен потоком варваров». Так что упадок Рима – это прежде всего крушение элит, естественное и неизбежное в тех случаях, когда ее идея мертва.

Константин с солдатами перед статуей

Звезда великого Рима уже готова была закатиться... Тысячу лет вел Рим свои безжалостные войны, покорял народы, обращал в рабство миллионы свободных людей, убивал и казнил без суда и следствия, разрушал, насиловал и грабил. И все это время не переставал обогащаться за счет покоренных и поработанных племен и народов. В сознании большинства людей он должен был встретить свой апокалипсис, свои «последние времена». В частности, в «Книгах Сивилл» мировая история, представлявшаяся многим чередой царств, войн и бедствий, включает гражданскую войну 60-х гг. в Риме, извержение Везувия, обозначения римских императоров и войну созвездий, что заканчивается всеобщей гибелью. Кстати говоря, по подсчетам ученых, за 3,5 тысячи лет «цивилизации» погибло ни много ни мало, а примерно 4,5 миллиарда человек. Такова наша цивилизация.

Начал трястись Небосвод, пока
не стряхнул воевавших.
Сильно разгневавшись, он с высоты
на землю их бросил,
Так что, стремительно вниз
в океанские воды сорвавшись,
Землю спалили огнем, а небо
лишилось созвездий...

Вся история Рима – это история покорения городов, народов и одновременно – падения нравов. Она не отличается от истории Афин, Спарты, Карфагена или Персии. Властители стремились к неограниченному владычеству и богатству и искали оные на дорогах войны. Римский историк горестно восклицал: «Если бы в мирное время цари и властители выказывали те же достоинства духа, что во время войны, наша жизнь была бы стройнее и устойчивее, не видели бы наши глаза, как все разлетается в разные стороны и смешивается в беспорядке. Власть нетрудно удержать теми же средствами, какими ее приобрели. Но когда на место труда вламывается безделье, на место воздержанности и справедливости – произвол и высокомерие, то одновременно с нравами меняется и судьба...»

Актеры готовятся к выступлению

Город, потерявший корни веры, растворившийся в массе чуждых, враждебных пришельцев, неизбежно должен был превратиться в Вавилон – сгнить рано или поздно. Никакие не христиане, но сами римляне, чуждые какой-либо религии вообще, кроме религии собственности и денег, медленно, но верно разрушали могучую империю. Они «высасывали ее силу, брали из круга должностного сословия, в особенности из армии, лучших людей» (Э. Ренан). История имеет тенденцию к повторению. Но трагедия обернется трагическим фарсом. Пройдет почти две тысячи лет. И мы станем свидетелями того, как великая столица иной Империи будет переживать схожее нашествие окраинных народов, что станут также «высасывать ее силу». Только тут мы видим в кругах должностного сословия уже не лучших, а худших людей. Обращаясь к низменным чувствам, потворствуя алчности, зависти, преступлениям, они погубят прекрасный город.

Раздача хлеба

Такова логика истории: грабишь ты – грабят тебя. Вожди заняты воровством, убийствами, развратом – и народ, глядя на них, опускает руки, погружается в грабежи, пороки, разврат. Мелочны и ничтожны вожди, сразу мельчает и народ. Вспомните судьбы римских императоров и то, что они собой представляли... Из всей когорты цезарей выделяются Гай Юлий Цезарь, Август, Марк Аврелий и Адриан. Но о них мы уже довольно подробно говорили. Из убийц Цезаря никто не прожил более трех лет, и никто не умер своей смертью. Он был причислен к богам «не только словами указов, но и убеждением толпы». Август получил титул «Божественный» не зря, ибо немало сделал для блага Рима. Озаботился и тем, чтобы больше народу участвовало в управлении государством, не скупился на почести за военные подвиги, сурово наказывал за подкуп. Особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист (от примеси чужеземной и рабской крови). Поэтому римское гражданство жаловал скупой, даже в том случае, если его просили об этом близкие ему люди (Тиберий, жена Ливия и т. д.). Август был щедр ко всем сословиям, раздавал щедрые подарки народу деньгами и хлебом, помогал бедным сенаторам (в Риме и такие были).

Он умножил население Италии, основав двадцать восемь колоний, обогатил их податями, украсил постройками. К людям был довольно милосерден и умерен в проявлении гнева. Всякие дары и подарки он если и принимал, то отдавал их в храмы или пускал в переплавку, если они были из золота и серебра. Август жил весьма скромно, более сорока лет спал в одной и той же спальне (ни мрамора, ни штучных полов). Вина пил мало, предпочитая этому занятия благородными науками. Каждый день что-то читал или писал. Испустил он дух на руках жены. Память о нем сохраняли и цари, которых стали звать «августейшей особой». Но затем вожди Рима меняются как-то резко, и причем в худшую сторону...

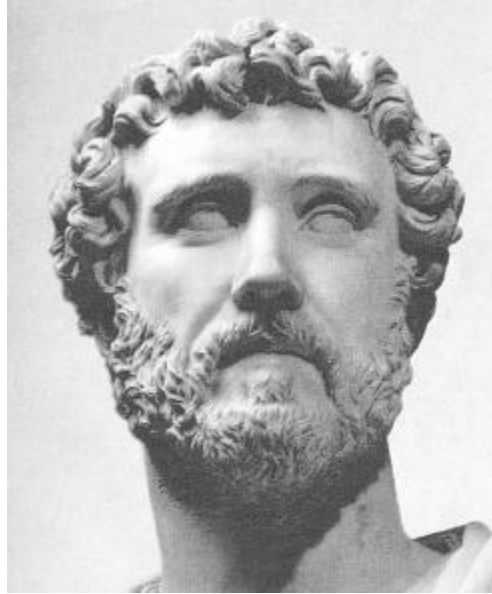

Заклание жертвы

Тиберий прославился своими жестокими убийствами. Уже в детстве выявились в нем эти черты. Он убивал всех подряд за малейшее прегрешение – не только противников, но своих друзей, родственников, слуг и детей. Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день. Казнили даже в новый год. Шута, сообщившего ему мнение народа о правителе, он велел тут же казнить. Если кто-то перед его статуей бил раба или переодевался, если приносил монету или кольцо с его изображением в отхожее место или в публичный дом, если без похвалы отзывался о каком-нибудь слове или деле Тиберия – любой мог быть подвергнут казни. Даже те, кто попадали по ошибке, были казнены, чтобы даже слух о несправедливости императора не распространился. Феодор Гадарский, учитель его в юности, очень точно сказал о нем – «грязь, замешанная кровью». Если бы его не остановила смерть, он, вероятно, истребил бы людей больше, включая и собственных внуков. Ведь он так любил

повторять: счастлив Приам, переживший близких. Понятна реакция народа на его смерть. Тот ликовал: одни предлагали бросить его тело в реку Тибр, другие просили землю-мать не давать покойнику места в ней, третьи грозились подвесить тело мертвеца на крюк.

Приход к власти Калигулы вначале встретили с ликованием... Он помиловал осужденных и сосланных, объявил прощение по всем обвинениям от прошлых времен, не стал принимать доносов, даже доносов о покушении на собственную его жизнь. Но порочные гены вскоре дали о себе знать. Снова начались казни виновных и невиновных. Он велел клеймить знатных раскаленным железом, иных казнил, иных бросил диким зверям на растерзание, иных перепилил пилой, иных посадил в клетки, иных сбросил со скалы. Он сжег на костре стихотворца за двусмысленный стишок. Всаднику, вопившему о своей невиновности, он приказал отрезать язык, а затем отдал на арену зверям. Он любил слушать вести о бедствиях так, как возлюбленная обожает слушать слова любви и восхищения. Калигула очень сожалел, что римский народ в его правление не испытал каких-то особых катастроф, и «снова и снова мечтал о разгроме войск, о голоде, чуме, пожарах или хотя бы землетрясениях». Калигула постоянно повторял слова из трагедии Акция «Атрей»: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» Даже во время закусок и попоек у него на глазах велись допросы и пытки, рядом стоял солдат, готовый обезглавить любого по его первому знаку. Ему мало было преследовать народ, он решил еще уничтожить и великих поэтов. Он помышлял уничтожить поэмы Гомера – почему, говорил он, Платон мог изгнать Гомера из устроенного им государства, а он не может? Еще немного – и он изъял бы из всех библиотек Вергилия и Тита Ливия: первого он всегда бранил, якобы за отсутствие таланта и недостаток учености, второго – как историка многословного и недостоверного.

Антонин Пий (Каракалла)

Статуи прославленных мужей на Марсовом поле он ниспроверг и разбил на мелкие кусочки, чтобы их нельзя было восстановить. У знатных мужей отнял древние знаки родового достоинства, то есть постарался убить саму память о их прошлом. С родными сестрами он находился в кровосмесительной связи, жил с юношами и проститутками открыто. Прямо при мужьях осквернял их жен. Безумно жадный и алчный, он обложил налогами все, что только возможно, и специально выстроил роскошные лупанарии. Туда зазывал клиентов, вручая им деньги под проценты, чтобы они занимались там развратом, а все полученные подобным образом капиталы присваивал себе. Наконец, он решил устроить в Риме еще невиданное побоище (после смерти у него обнаружили две тетради с именами тех, кто должен был умереть, и огромный ларь, наполненный разными отравami). Сам же цезарь решил переселиться в Александрию, как иные наши калигулы, уничтожив значительную часть народа, стремятся убежать на Запад... Неудивительно, что его и убили, как бешеную собаку... Дом, где он погиб, стал домом привидений, пока не сгорел. Его жену зарубил центурион, а дочь разбили о стену. Цезари, носившие имя Гай, погибли от меча, как иные и не носившие его. Сказанное тут лишь малая толика «подвигов» римских императоров. Как мог и дальше существовать столь преступный, поистине бесчеловечный строй?!

Шли годы... Нравы и поведение рим-ских императоров не становились лучше. Здесь мы хотели бы обратить внимание читателя, что люди (в том числе цезари и президенты) таковы, каковыми их сделали их семьи и условия жизни и труда. Приход к власти нового императора Юлия Бассина, прозванного Антонином или Каракаллой (211–217 гг. н. э.), показывает, как быстро меняются в худшую сторону люди, обретающие высшую власть. В детстве Юлий отличался мягким характером, был приветлив с родителями, сердечен с друзьями, остроумен и явно не глуп. Он был щедр и милосерден. Его душа еще не зачерствела, быстро откликаясь на горе и несчастья других людей. Он отворачивался и плакал, видя осужденных, отдаваемых в Риме на растерзание диким зверям. Юлий долго не мог простить окружению того, что оно разрешило высечь иудейского мальчика, товарища по детским играм, только за то, что бедняга исповедовал иудейскую религию. Народ, видя его доброе сердце, к нему благоволил. Но вот в 196 г. н. э. его отец, император Септимий Север, провозгласил его Цезарем, дав ему при этом имя Марка Аврелия Антонина, которого считал величайшим из императоров. И сына будто подменили. Он стал высокомерен, замкнут и чванлив. В образцы для подражания он выбрал не мудрого и гуманного Марка Аврелия, но кровавых и самых жестоких правителей – Тиберия, Суллу, Александра Македонского. Надо сказать, что он, как и его брат Гет, были избалованы богатством, испорчены роскошью и условиями дворцовой и столичной жизни. Они пристрастились к зрелищам, конным состязаниям и танцам. Между ними постоянно возникали ссоры. Попытки отца сблизить сыновей, образумить их ни к чему не привели.

Триумфальная арка Септимия Севера

Желание единолично властвовать уже стало довлеть над ними. Даже женитьба не исправила Антонина. Он не делил с женой ни ложа, ни трапезы и угрожал ее убить, как только станет императором. Когда его отец серьезно заболел и слег, Антонин уговаривал врачей и слуг приблизить его конец. Те отказались, и когда Септимий Север все же умер (211 г. н. э.), первое, что сделал его сын, так это приказал перебить домочадцев и врачей, которые не послушались его указаний.

Затем пришел черед педагогов, учителей, которые обучали его и брата. Хотя вот военачальникам он старался угодить, просил убедить войско, чтобы то провозгласило его единоличным императором. Те не хотели гражданской войны и с одинаковым почтением относились к обоим братьям. Ненависть между ними уже перехлестывала через край. Братья даже не садились за один стол, боясь, что могут быть отравлены конкурентом. Римская знать разделилась, большая ее часть была склонна провозгласить императором Гета, как более приличного,

порядочного, мягкого и более серьезного человека. Решили поделить Римскую империю на две части – западную с центром в Риме и восточную со столицей в Антиохии или Александрии. Но жена Септимия Севера, Юлия Домна (мачеха Антонина), умолила их этого не делать. Тогда Антонин в ее же спальне заколол ее родного сына и с воплями бросился к воинам, пытаясь убедить их в том, что его хотели убить.

Когда на его крики сбегались преторианцы, он открыто предложил им по 2500 аттических драхм за поддержку его претензий на императорский престол. И тут же пообещал им в полтора раза увеличить жалованье. Вояки быстро сообразили что к чему и, может, без особого восторга, но с полным пониманием выгоды сделки для них, конечно же, согласились. Антонин сразу же выдал им деньги. В один день было безжалостно растрачено все то богатство, которое 18 лет копил Север, грабя другие народы. Сенату ничего не оставалось как признать де-факто его назначение. Тут же начался массовый террор против всех близких и друзей брата. Были перебиты все слуги, невзирая на возраст, уничтожали всех, кто жил на его половине. Трупы складывали на телеги, вывозили за город, где сжигали или же просто сваливали в кучи, как мусор. Убили даже любимых музыкантов и атлетов брата. поголовно уничтожили весь император-ский род, включая дочь Марка Аврелия (старуху), двоюродного брата самого Антонина, сына дочери Марка и Помпеяна, бывшего два раза консулом и полководцем во время важных войн. Убили почти всех сенаторов – представителей старых патрицианских родов.

Знахарка – изготовительница ядов

Антонин послал в провинции людей для истребления тамошних правителей и наместников. Каждая ночь была отмечена все новыми убийствами. Он приказал зарывать в землю живыми даже дев-весталок за то, что они якобы не соблюдали девственность. Когда же во время скачек народ посмеялся над его любимым возницей, он приказал стражам перебить всех, кто посмел дурно говорить о его любимце (и те убивали первых попавших им под руку, ибо трудно в такой толпе было найти виновных). Так как его мачеха, Юлия Домна, была очень красива, он решил взять ее в жены. Хотя он был убийцей ее сына, та согласилась, сказав: «Если угодно, то и дозволено». Он носил галльский плащ до пят с капюшоном («каракалла»). В него он любил одевать и народ. Убийцы часто любят скрывать свое лицо от взоров людей. Понимая, сколь велика к нему ненависть своих же сограждан, Антонин всячески заискивал и заигрывал с армией, видя в ней его единственную опору.

Пленный германский юноша

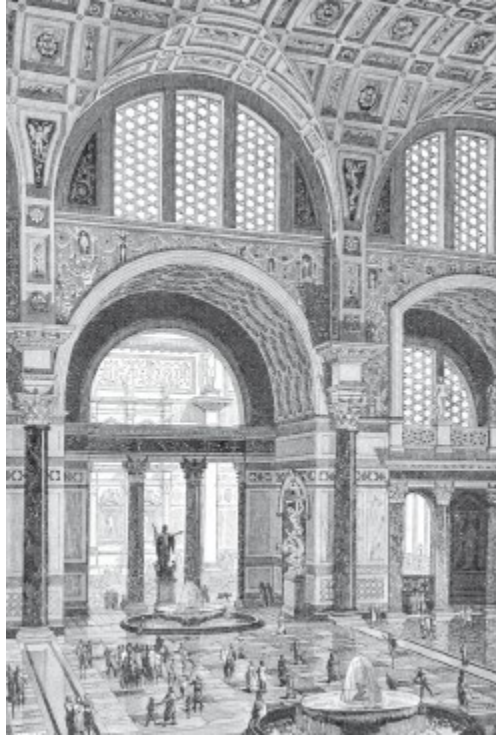
Он расположил к себе германцев, вступив с ними в дружеские отношения. Он брал их в охрану, как наши вожди брали в охрану латышских стрелков. И стал даже одеваться и зачесываться на германский манер. Понимая, что одного лишь золота недостаточно для их поддержки, император вел себя как воин: первым брался за работу, копал рвы, наводил мосты, насыпал валы. У него был простой стол: ел он пищу простую, солдатскую и с деревянной посуды, сам замешивал тесто и пек хлеб. Старался создать впечатление у воинов, что он их товарищ, а не государь. В походах он чаще шел пешком, редко садился в повозку и на коня, сам нес свое оружие, а случалось, что и тяжелые значки легионов, украшенные золотом. Находясь во Фракии, рядом с Македонией, он стал вести себя подобно Александру Македонскому. Войско он стал называть на его манер македонской фалангой, а начальникам раздавал имена полководцев Александра. Придя с войсками в Александрию и будучи злопамятен, не простил насмешек, которыми его стали осыпать острые на язык александрийцы... Приказав самым цветущим юношам собраться за городом (якобы для военного смотра), он окружил их войсками и предал поголовному

истреблению. Кровь текла потоками, а Нил, как говорили, стал красным от крови. Коварный и жестокий, он, решив завоевать Парфию, посватался к дочери парфянского царя. Затем, вступив на территорию Месопотамии как друг и жених, внезапно напал на тех, кто его приветствовал. Разграбив города, он вернулся в Сирию, получив за свой позорный набег титул «Парфянский». Имея уйму врагов, он был убит своим же центурионом, когда справлял нужду. Что за нужда человечеству иметь подобных царей-чудовищ?!

Император Каракалла

Термы Каракаллы

Тем не менее у поэтов, что всегда склонны приукрашивать жизнь, чтобы та не казалась столь горькой, его образ даже вызывал симпатию. Н. Гумилев писал:

Император с профилем орлиным,
С черною курчавой бородой,
О, каким бы стал ты властелином,
Если б не был ты самим собой!
Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях!
Образы властительные Рима,
Юлий Цезарь, Август и Помпей, —
Это тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.
Кончен ряд железных сновидений,
Тихи гробы сумрачных отцов,
И ласкает быстрый Тибр ступени

Гордо розовеющих дворцов.
Жадность снов в тебе неуголима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.
Но к чему победы в час вечерний,
Если тени упадают ниц,
Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?
Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет...

Одна деталь из римской истории показалась нам зловещей. Задолго до падения Рима, отдавая войскам приказ разрушить злосчастный Карфаген до основания, вождь римлян Сципион произнес траурную речь, где были и такие слова: «Бог смерти и войны вселил дьявольский ужас в этот проклятый город Карфаген и в его войско и людей. Мы проклинаяем с наивысшей силой этих людей и их войско. Мы проклинаяем всех, кто занимал эти дворцы, всех, кто работал на этих полях. Всех, кто когда-либо жил на этих землях. Мы молим, чтобы они никогда не увидели больше небесного света. Пусть вечное безмолвие и опустошение воцарятся здесь. Пусть будут прокляты те, кто вернется. Пусть дважды прокляты будут те, кто попытается восстановить эти руины». Историк Полибий, бывший свидетелем момента, вспомнил, что, находясь рядом с полководцем, он увидел, как лицо того вдруг перекошилось от страха, и Сципион произнес строку из поэм Гомера: «Настанет день, когда священная Троя сгинет вместе со своим народом». Полибий спросил его, чем же вызвана столь пессимистичная фраза в день величайшего триумфа Рима. Задумавшись, он мрачно произнес: я подумал, что та же участь может постигнуть когда-нибудь и мой собственный город.

Портрет Марка Аврелия

В таких случаях говорят: «Как в воду глядел»... Обратимся к свидетельствам опять же Аммиана Марцеллина, жившего в IV в. н. э., этого последнего великого историка Рима... Пред нами живо предстает картина того, что к тому времени являла собой Римская империя. Нельзя не признать, пишет А. Марцеллин, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями, раздражая многих более примером, чем безнаказанностью преступлений. Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было попользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали меры в дарениях, грабежах, воровстве и расточении. Здесь тогда зародились: распущенная жизнь, клятвопреступления, равнодушие к мнению общества и то, что бессмысленная спесь осквернила позорным корыстолюбием... Отсюда произрастало пошлое и дикое обжорство (знати) во время пиров, а вместо победных триумфов явились застольные торжества, распространение шелка, расширение ткацкого ремесла, особая забота о кухне. Под роскошные дома занимались все более широкие пространства (земли). К этим мерзостям присоединились и нарушения

воинской дисциплины. Вместо боевого клича солдат теперь охотнее распевал развратные песенки. Постелью для воина служили не камни, как прежде, но пуховики и складные кровати. Солдаты разыскивали кубки более тяжелые, чем их мечи. Им казалось теперь уже постыдным пить из глиняной посуды. Ну а жить желали только в мраморных дворцах... В древней истории написано, что спартанский воин был строго наказан за то, что во время похода его видели под крышей. Да, в былые времена римская армия была дисциплинированной и четко следовала разумным правилам поведения даже на войне (вещи совершенно неразумной). Макиавелли отмечал, что римляне («наши учителя в военном искусстве») ранее всю свою добычу и дань сносили строго в одно место. Все дрались ради победы, а не ради грабежа. Никто не смел покинуть свой легион. И даже консул отдавал огромные сокровища казне, в результате чего обогащалось государство, каждый получал ему положенное, из этих сумм выделяли средства больным и раненым.

Центурион и преторианец

Со временем вся эта система рухнула, ибо каждый заботился только о себе... Солдаты Рима позволяли себе наглые грабежи даже в отношении их сограждан, проявляя перед неприятелем постыдную трусость и бессилие. Они в праздности обогащались самыми

различными путями. В противоположность недавнему прошлому, они научились самым точным образом распознать качества золота и драгоценных камней. Хотя всем известен случай, когда при цезаре Максимиане однажды был разграблен укрепленный лагерь персидского царя. Один простой солдат нашел там парфянский мешок с жемчугом. То ли по неведению, то ли из равнодушия, он выбросил жемчуг и пошел прочь, довольный кожей мешка. Разлагалась верхушка Рима, разлагалась и армия, став прибежищем циничных, алчных и грубых вояк. Император Север советовал сыновьям следовать одному правилу: «...Живите дружно, обогащайте солдат и не обращайтесь внимания на остальных». Консулы, проконсулы, преторы делали все или почти все, что им заблагорассудится. Девизом императорского Рима стало: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

Какое там «гражданское общество», какие там «законы»! Гуго Гроций писал, что в своде римского права проводилось разделение незыблемого права, с одной стороны, на общее для животных и человека, которое в более тесном смысле слова называется естественным правом, и, с другой стороны, на свойственное исключительно людям, зачастую называемое «правом народов». Разделение это, отметил он, «не имеет почти никакого значения». Это — правда. Но не потому, что лишь человеку дано руководствоваться общими началами, и не потому, что мы по своей природе, как уверял Плутарх в жизнеописании Катона Старшего, «соблюдаем законы и справедливость лишь в отношении с людьми». Люди по отношению к другим людям вели и ведут себя зачастую хуже, чем звери по отношению к зверям. Лактанций пишет: животные вредят другим существам из-за чувства самосохранения или в силу отсутствия разума. У них есть хотя бы оправдание. Поэтому, глядя на отвратительные и кровожадные забавы Рима, мы скорее в диких хищниках готовы увидеть следы разумности и справедливости. Да о чем говорить, если императорский институт стал все больше походить на загон, где и императоров резали, кололи, как скот на овцебойне. На протяжении 120 дней однажды даже было свергнуто и убито пять императоров. Скотобойня.

Портрет римского сенатора

Что такое власть камарильи — наиболее наглядно и продемонстрировал Рим... Сенат разросся и превратился «в безобразную и беспорядочную толпу — в нем было больше тысячи членов и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку». В народе их называли «замогильными» сенаторами». Так сенат вернулся к прежней численности. Эта чиновная рать заботилась лишь о деньгах, своем благополучии. Марциал писал:

Ты шестьдесят поутру обиваешь
порогов, сенатор,
Я же при этом кажусь всадником
праздным тебе,
Из-за того, что ни свет ни заря
не бегу я по Риму
И поцелуев домой тысячи я не тащу.
Все это делаешь ты, чтобы консулом
стать, чтобы править
Иль нумидийцами, иль
в Каппадокийской земле...

..... Нет, лучше, по мне, голодать,
Если мне плата – обед, тебе же —
провинция плата,
Если за то же, что ты, я получаю не то!

Обратимся к событиям конца II в. н. э. и сделаем еще одну зарисовку. Скажем, вот к власти пришел император Пертинакс. Сын вольноотпущенника, он вроде был так близок к простому народу, что дальше некуда. Прогрессивный политик. Выдвинулся Пертинакс во время Парфянской войны и своей карьерой был обязан исключительно служебному рвению. Храбрый и умелый солдат, он был легатом, императорским наместником, проконсулом и вторым консулом вместе с Коммодом. Кстати, и к власти он не рвался, потому что был богат и занимался ростовщичеством, что не к лицу солдату. Но рим-ская армия к тому времени стала уже другой.

Мост Святого Ангела

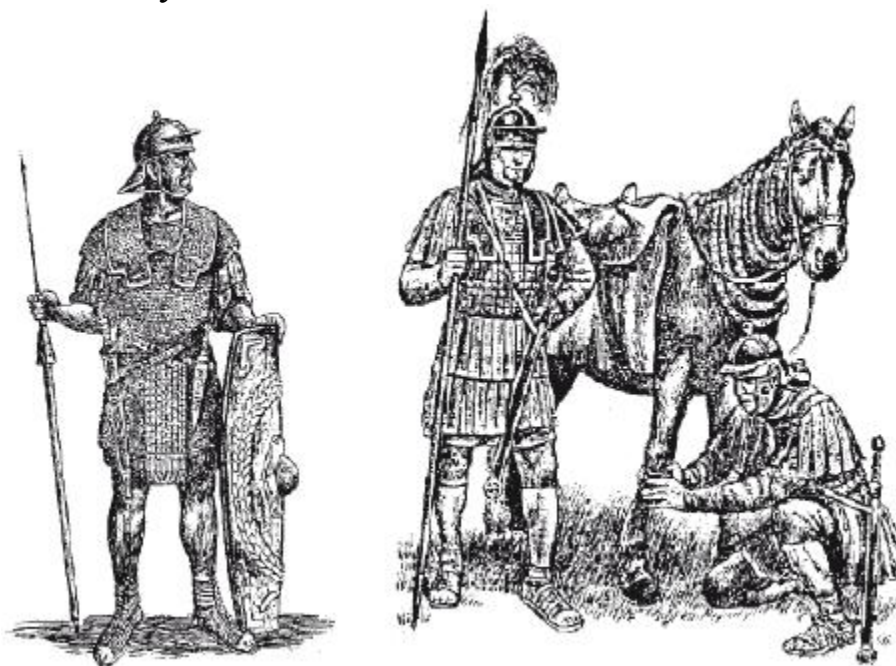
Начинал он свое правление достойно. Пертинакс разрешил всем в Италии и в других странах занимать невозделанные, необработанные земли, хотя бы они и были собственностью императора.

Возделывавший землю становился хозяином. Мало того, даровал тем, кто работал на земле, на 10 лет освобождение от всех податей и вечное владение. Он запретил обозначать его именем императорские владения, сказав, что те являются не частной собственностью царя, а общей народной собственностью Римской державы. Вообще при нем установились свободные порядки. Он сурово карал доносчиков. В общении с людьми был скромным и любил равенство. Даже своего сына он не ввел в императорский дворец. Тот оставался в отеческом доме и посещал обыкновенные школы и гимнасии для частных лиц, где все делал наравне с остальными, не выставя свою значимость. Он отказался от предоставления жене звания Августы (хотя и был назван «отцом отечества»), приструнил преторианцев, установил в их рядах жесткую дисциплину. Тем это не нравилось, они стали роптать. Если Коммод во всем потворствовал им, то Пертинакс держал всех в жесткой узде и не позволял своевольничать. Поэт Ювенал писал о том, как мог распоясаться римский вояка:

Кто преимущества все перечислит...
службы военной?
Прежде всего назовем вообще
удобства, из коих
Немаловажно и то, что тебя
не посмеет ударить
Штатский: напротив, удар получив,
он сам его скроет.
Выбитый зуб показать не осмелится
претору либо
Черную шишку, синяк, на лице его
битом распухший,
Или подшибленный глаз, что,
по мнению врача, безнадежен.

По логике вещей такое поведение вождя должно было вызвать воодушевление народа. Но дело в том, что ему досталось в наследство запустение последних 30 лет. Приходилось закручивать гайки. Иначе нельзя было выйти из той бездны, в которую страну бросили

предыдущие правители. Но ведь те правили не одни... Вокруг них была целая банда, которая преспокойно продолжала наслаждаться преимуществами власти и положения после того, как «враг отечества» Коммод был убит. Пертинакс был честным воином. Он даже отказался от пользования имуществом, конфискованным Коммодом, большую его часть вернув прежним владельцам. Может, и наш Пертинакс вернет большую часть имущества Родине!

Военная камарилья

Но ему следует помнить, что случилось с римлянином... Телохранители, люди из ближнего круга прежнего (убитого) императора, его возненавидели. Ведь притом они привыкли проводить время в распутстве и пьянках. Строгий правитель стал для них «несносным и ненавистным». Они мечтали о том, чтобы кто-либо вернул им прежний неограниченный, разнузданный произвол. Эта банда убила разумного и строгого правителя (193 г. н. э.). А ведь этого могло и не случиться, если бы он вовремя избавился от окружения прежнего государя-преступника.

Увидев, что народ молчит (и никто не осмеливается мстить за кровь государя), заговорщики тут уж окончательно распоясались, заявив, что они готовы продать высшую власть в стране любому, «кто даст больше денег, и с помощью оружия беспрепятственно привести

его в императорский дворец». Новый цезарь Юлий устроил пир у еще не остывшего трупа. С тех пор, отмечает Геродиан, «впервые стали портиться нравы воинов, и они начали ненасытно и постыдно стремиться к деньгам и пренебрегать подобающим уважением к правителям». Так римская политическая и военная элита стала почти открыто торговать властью за деньги.

Главная клоака

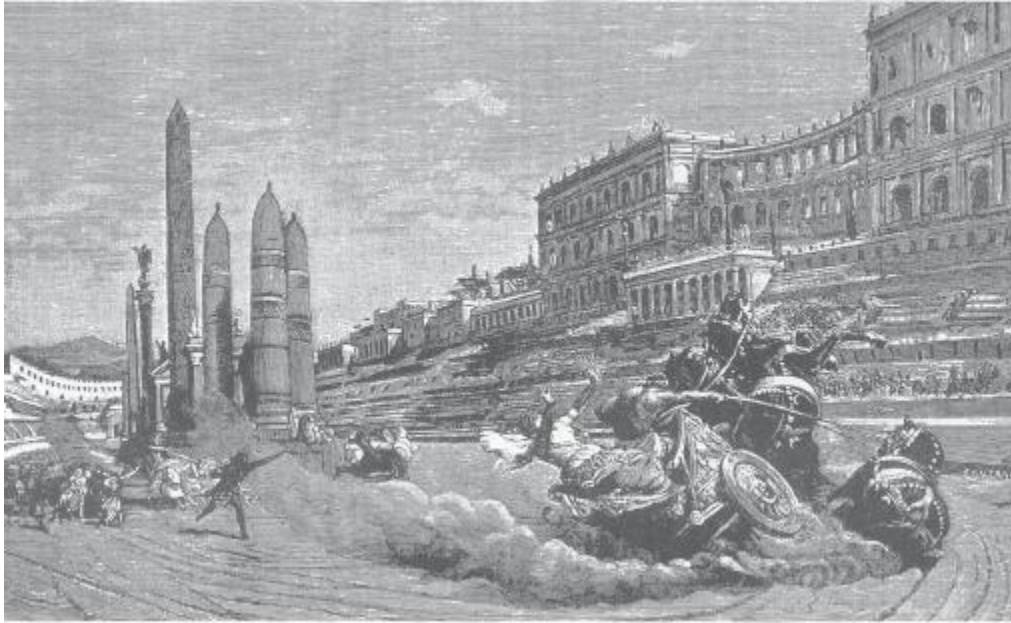
Многие из этих опасных и губительных черт развивались в римском обществе с достаточно давних времен. Нельзя назвать какую-то точную временную точку: мол, до этого времени держава была крепка, а вот отсюда стала разрушаться. Такие процессы, как правило, носят длительный характер. Могущество Рима уже делало его алчным, презрительным, самовлюбленным, грубым, жестоким... В людях развилась страсть к господству, тирании, богатству и корыстолюбию. В обществе стали проявляться все симптомы разложения: элита роскошествует, армия развращается и изнеживается, молодежь мыслит только об удовольствиях и богатстве, корысть овладела всеми, мужчины и женщины забыли скромность и стыд, грабежи, разбои, преступления, разврат становятся обычным явлением. Элементы разложения и падения нравов золотой молодежи видны у Катилины, которого сопровождала «свита из пороков и преступлений». Об этом говорил Саллюстий. Хотя творцом теории упадка, вероятно, был Посидоний. Интересно то, что если Полибий считал, что любое

государство подчинено неотвратимым органическим законам становления и уничтожения, то Посидоний видел в ином причины краха и падения нравов. Пока существовала мощная внешняя угроза в лице Карфагена, пока римскому обществу грозила большая опасность, римляне еще держались. Но как только карфагенский фактор (*metus punicus*) перестал существовать, напряжение национальной пружины ослабло. Народ стал на путь порока. Честолюбие, богатство, страсти заняли место долга, совести, мужества, ответственности. Попытки Катона восстановить нравы предков (*mores maiorum*) ни к чему не привели. В Риме возобладали «губительные гнусные новшества».

Если позволить себе сравнение, то вся система власти в Римской империи всё более походила на зверинец с дикими, вечно голодными львами, которые живут в одной большой золоченой клетке. Стоит ли удивляться, что фортуна раньше или позже должна была отвернуться от Рима. Аристотель писал: «Самонадеян тот, кто уверен в своем превосходстве и в том, что ничего дурного с ним не случится». Если жизнь перестает цениться, если негодяи и их прихвостни стали первыми лицами, а угнетение народов переходит все мыслимые и немыслимые границы, если блудницы продают себя у стен храмов и на святых площадях, если в стране благоденствует лишь кучка царствующих господ, их окружение и лишенные принципов политические проститутки, конец этой деспотии близок.

Известно высказывание философа Сенеки, где говорится о пройденных Римом «возрастах»: детстве при царях, отрочестве, длившемся с изгнания царей до конца 2-й Пунической войны, когда, набрав силы, Рим «стал юношей» и, распространив свою власть до таких пределов, что уже не с кем стало воевать, обратил свои силы против самого себя. Это и стало началом его губительной болезни, началом его слабости и неизбежной в этом случае деградации. Рим, терзаемый внутренними беспорядками, вновь вернулся к правлению одного, как бы «впав в детство». Утратив свободу, которую защищал Брут, Рим быстро стал стариться. Он уже не мог себя поддерживать иначе, как опираясь на костыли в лице своих правителей. Костыли имперской власти оказывались ненадежными.

Мессалина на бегах колесниц в цирке

Вероятно, в жизни всех стран случаются периоды взлета и падения. Вопрос в том, от чего зависят те или иные фазы развития, что стало истинной причиной позитивных или, напротив, роковых и трагических перемен? Может, прежде всего дело в том, что «мы становимся непохожими на своих предков» (Ливий)? Налицо нравственное вырождение правящего класса Рима. Э. Роттердамский в «Воспитании христианского государя» абсолютно справедливо заметил: «Если истинно сказал Гомер, что не дело спать целую ночь государю, которому вверено столько тысяч людей, на котором лежит груз столькох дел, если не без этой мысли Вергилий придумал таким своего Энея, откуда, спрашиваю, ты взял, что государю можно проводить дни напролет в праздности, даже терять большую часть жизни на игру в кости, пляски, охоту, шутов и еще более вздорные пустяки? Государство разрушают заговоры, терзают войны, оно полно разбойников, неумеренный грабеж толкает простых людей к голоду и петле. Слабых (людей) угнетает несправедная знать; продажные чиновники поступают не по закону, а как им захочется, и среди этого, словно на отдыхе, государь забавляется игрой в кости. Нельзя дремать тому, кто находится у кормила...»

Разумеется, мы не вправе утверждать, что Рим впал в летаргический сон. Нет, он старался разрешить проблемы, искал

выходы, находил компромиссы и даже боролся, пытаясь отодвинуть национальные угрозы, что накатывали, словно снежный ком. Но то была уже другая страна, другой народ, другие порядки и нравы. Старые принципы коллективной взаимовыручки и товарищества были отброшены и опошлены. К власти все чаще приходила откровенная мразь, даже смерть которой не помогала Риму, так как надо было бы уничтожить всю элиту.

Конечно, Рим не принес миру мир, а уж о свободе и говорить не приходится. Поэтому все сказанное и показанное нами доказывает, что в случае с Римом (да и Грецией) мы также имеем дело с неким мифом. Если в какие-то периоды еще можно было говорить, конечно, не о наступлении «золотого века», но хотя бы о некотором разумном и более трезвом подходе к решению отдельных проблем, то в позднюю эпоху Рима миф сей окончательно рушится. Наступала дряхлость и старость Рима. Не случайно эту эпоху некоторые историки назовут «низкой».

Причины крушения Империи и ее крах

Вся Италия была покорена и подчинена. В итоге многолетней борьбы Рим установил господство над всей Испанией и Малой Азией, а затем и владения Карфагена вошли в состав Рима под именем провинции Африка. Всеми провинциями управляли римские магистраты. По оценкам, в начале II в. н. э. Империя в самой широкой ее части, от Марокко до Евфрата, простиралась примерно на 5000 километров, а с севера на юг, от Шотландии до Аравии и Асуана, примерно на 3000 километров. Сведения о населении тогдашней Империи, по словам Ф. Фонтена, не вполне надежны. По переписи 47 г. н. э., в Империи насчитывалось 5900 тысяч полноправных римских граждан, то есть глав семейств. Но общее число жителей всех сословий в Риме и в провинциях, включая рабов, вероятно, достигало 70–80 миллионов человек. Только в Сирии было 10 миллионов, да еще в Египте 8,5 миллиона жителей. Границы Империи протяженностью в 12 000 километров защищали 30 легионов. Общее количество войск Рима в лагерях составляло 350 тысяч человек, сюда добавим также и военно-морской флот с базами во Фрежюсе, Мизене, Равенне и Александрии. Лагерь, где базировалась армия, представляли собой сложную систему укреплений, защищенную рвами и палисадами, дополненную естественными преградами в виде рек Рейн и Дунай, оборонительными стенами (вал Адриана в Шотландии) и нейтральными зонами (Десятинные поля между Бонном и Регенсбургом в Германии или Сирийская пустыня). Своего рода буферами были вассальные государства вокруг Черного моря, на

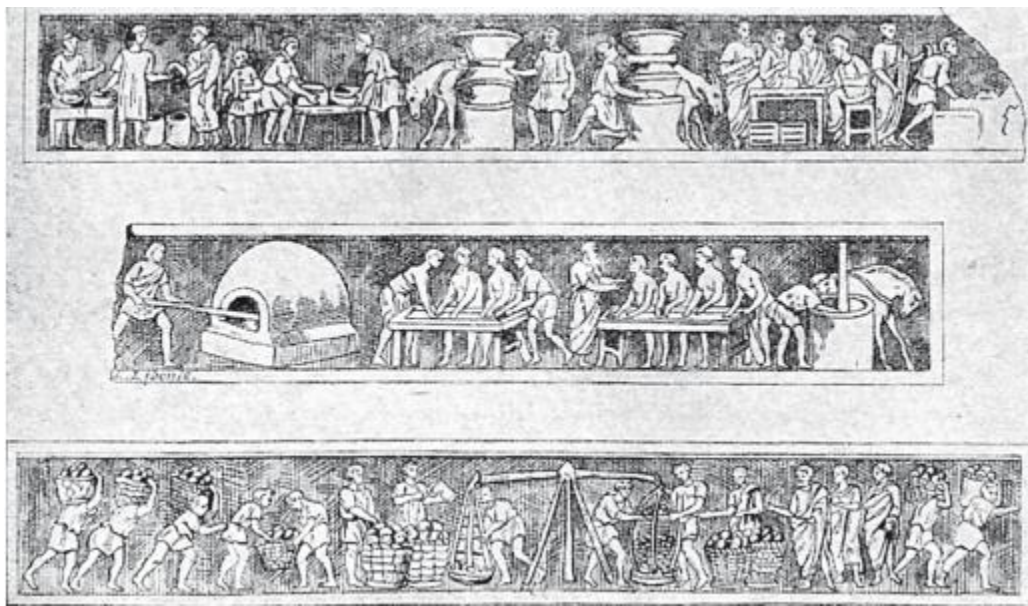
Кавказе и в Армении. Мирные провинции управлялись сенатом, тогда как те провинции, где шли военные действия, возможны были столкновения и восстания и где располагались войска, – императором. Управление провинциями (всего их в тот период насчитывалось 44) поручали на первых порах полководцам (преторам), обладавшим в ряде случаев неограниченной властью.

Проведение ценза. Ок. 100 г. до н.э.

Это вскоре открыло дорогу для огромных обогащений и злоупотреблений. Еще раз подчеркнем, что уже на том этапе борьбы римляне являлись захватчиками и грабителями (по форме и по существу). Риму принесли именно войны массу сокровищ, земель, денег и рабов. В «Истории» Ливия и Полибия есть прямые тому свидетельства. Армией Луция Сципиона Азиатского после битвы при Магнезии (190 г. до н. э.) захвачены огромные богатства. В триумфе (торжественном шествии) войска несли: 224 отнятых у неприятеля знамени, 134 изображения покоренных городов, 1231 слоновый клык, 234 золотых венка, 137 420 фунтов серебра, 140 тысяч золотых монет, 1432 фунта серебра в сосудах, золото весом в 1023 фунта и т. д. Солдаты получили при этом по 25 денариев, центурионы же – по 50. Всею войску выдали жалованье и продовольствие в двойном размере. Ливием в «Римской истории» дается яркая картина грабежа римлянами Эпира: «Утром все золото и серебро было снесено, а в четвертом часу солдатам дан был сигнал грабить город. Добыча была так велика, что на каждого всадника приходилось по 400 денариев, а на каждого пехотинца по 200. Вместе с тем было уведено в рабство 150 тысяч человек; после этого перешли к разрушению стен. Число разрушенных стен доходило до 70. Вся добыча была продана, а вырученные от

продажи деньги поделили между войском... Затем Эмилий Павел взял марш в сторону г. Орика. К своему удивлению, римский полководец узнал, что он далеко еще не удовлетворил солдат, негодовавших на него за то, что они слишком мало получили из царской добычи, как будто бы они и вовсе не воевали в Македонии». Эту же имперскую позицию выразил и Цицерон: «К тому же обложенные данью земли провинции составляют как бы поместья римского народа...; поэтому как вам всего приятнее ваши ближайшие поместья, так приятна и римскому народу ближайшая к столице провинция». Красноречивое признание политика!

Барельеф могилы булочника

Что явилось причиной падения Рим-ской империи? Видимо, чтобы не попасть впросак, надо говорить о комплексе причин, о стечении целого ряда факторов и условий. Соединенные вместе, они разрушат это грандиозное, величественное, помпезное сооружение. Ранее мы частично определили причины деградации... Во-первых, за годы господства римляне переменились, стали иными. В начале истории они оставались крепким и плодовитым народом крестьян, что привык к трудам и боям. Росли, крепили и развивались. С 334 по 264 гг. до н. э. Рим основал 18 могущественных латинских колоний. Крестьяне какое-то время легко выносили тяготы сельской жизни и военного ремесла, довольствуясь военным жалованьем и небольшой добычей от побед. Благодаря этой непритязательности крестьян,

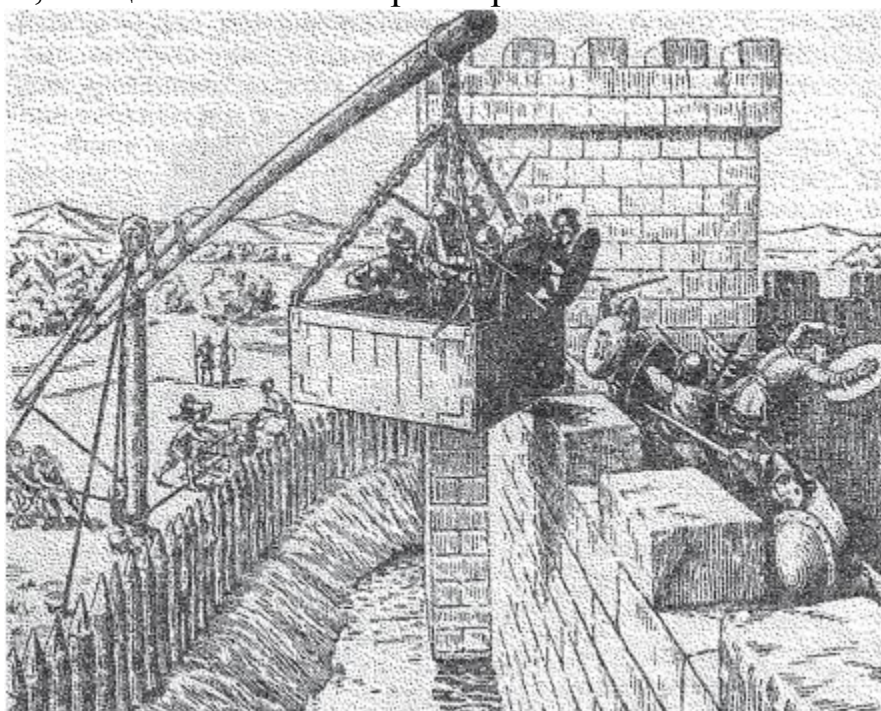
мужеству аристократов, скромности, простоте, честности, законности и воле народа Рим и утверждал свою власть. Но военно-завоевательное напряжение, его порыв имели пределы и не могли продолжаться в течение многих столетий. К тому же войны лишь завоевывают, но не удерживают. Земля в любые времена могла быть окончательно «покорена» только плугом. Она принадлежит «не тем, кто обогрывает ее кровью в жестких военных схватках, но тем, кто, завладев ею, возделывает, засеивает и населяет ее». Во-вторых, причиной ослабления Рима стало обезземеливание крестьян, их вымывание из общества. Обезземеливание их шло одновременно с образованием крупных хозяйств латифундистов.

Завоевание провинций сделало хлеб римских крестьян дешевым. Крестьянин не видел экономической целесообразности в труде, да и для скотоводства нужны были земли, которых у крестьян не было. Выращивание оливок или винограда требовало немалых средств, но и они отсутствовали. Труд же рабов был по карману только самым богатым людям. Отмечая разницу между былыми порядками и новыми, Плиний писал: «Древние считали нужным прежде всего соблюдать меру в землепользовании. Они рассуждали, что выгоднее меньше засеивать, но лучше пахать. Такого же мнения был, я вижу, Вергилий. По правде сказать, латифундии погубили Италию и начинают уже губить и провинции. Шесть хозяев владели половиной Африки, когда их казнил принцепс Нерон». К тому же вмешательство императоров в сельское хозяйство порой было пагубно. Так, Домициан издал закон против виноделия, а посаженные виноградники должны были быть вырублены. Оскопив землю, он запретил оскотничать евнухов. В итоге земля опустела и не обрабатывалась. Прибывший в Ионию Аполлоний на сей счет сказал: «Меня самого эти законы не затрагивают, ибо из всех людей я меньше всего нуждаюсь в половых органах и в вине, но высочайший господин не видит, что, щадя людей, он кастрирует землю». Не напоминает ли вам сей случай события, имевшие место в России при некоем «высочайшем господине», который не удовлетворился тем, что приказал вырубить виноградники, но и в конце концов в прямом, а не в переносном смысле слова «кастрировал» Россию.

В-третьих, даже относительное благосостояние крестьян подрывали войны. Мало того, что вторжения Ганнибала опустошили

значительную часть Италии, так и в самой Италии союзники Рима, итальянские крестьяне, в немалой степени способствовавшие росту могущества Рима, расширению римского владычества за пределы Апеннинского полуострова, теперь полностью игнорировались римской сенатской аристократией. У них не было никаких прав, их вплоть до I в. н. э. отстраняли от участия в выборе римских магистратов и правительства. Итогом близорукой и преступной политики явилось грандиозное восстание 90–88 гг. до н. э., названное «союзнической войной» и поглотившее немало жертв. И вообще бесконечные войны не способствовали развитию сельского хозяйства и производственных сил римского общества. М. Вебер отмечал, что в военных столкновениях полисов древности до конца Римской республики «каждая война в принципе означала насильственное уничтожение всех владельческих отношений, гигантские конфискации и новые поселения...» Не только рабский труд тормозил развитие крупного производства, но войны делали невозможным серьезное накопление, и еще в большей мере широкое использование капитала.

Штурм римлянами крепости

Походы в чужие земли (Сицилия, Испания, Африка), войны отрывали крестьян от их домов и земельных наделов. Их хозяйства приходили в упадок. Крестьяне вынуждены были бросать запущенные

дома и земли и перебираться в города. В итоге крестьянин отвык от труда праведного, приучался жить разбоем или за счет государства. После завоевания царств и городов солдаты получали добычу. Во время разграбления Эпира римским всадникам досталось по 400 денариев, пехотинцам – по 200 денариев. Рим поглощал богатства провинций, как и всей Италии. Империя и провинции кормили его, тратились на его содержание. На селе ни себя, ни семью не прокормишь. Многие устремлялись в Рим. Жизнь в столице была сытнее, да и веселее. Кто-то мог тут открыть торговлю, кто-то находил заработок в ремесле. На худой конец тут всегда можно получить кусок хлеба или же чем-то поживиться. Желая заполучить поддержку толп, политики не скупились на подачки. Так, известный богач Красс, став консулом, устроил всенародное угощение и снабдил каждого жителя Рима на три месяца хлебом. Каждый богач содержал массу слуг, охрану, прихлебателей. В Риме возникли люмпен и босяк. Эта голодная, завистливая и злая толпа развращала всех и вся.

Легионеры спускаются с корабля. Колонна Траяна

В Риме постоянно возникали голодные бунты. Столичный плебс составлял вечно недовольную, крайне опасную массу. Около 320 000 жителей состояло на государственном пайке, и их всегда можно было

подбить на бунт, восстание или иное выступление протеста. Всё это усугубляло и обостряло проблемы, приблизило эпоху гражданских войн, появление жестоких диктаторов типа Суллы, привело к ряду поражений на Востоке и т. п. М. Покровский писал: «Этой разрухой воспользовался могущественный понтийский царь Митридат, который перерезал на Востоке всех римских граждан и богачей, захватив часть владений в Малой Азии». Вебер называет это «сицилийской вечерей». Митридат сумел мобилизовать силы среднего сословия Востока и Азии на военно-политическую и экономическую борьбу против эксплуатации и господства Рима, римской должностной знати. Против него двинулся диктатор Сулла. Затем по окончании этой войны тот победил римских демократов и расправился с ними ужасающим образом. При этом все отмечают, что главы римских демократов Цинна и Марий во время пребывания Суллы на Востоке не уступали ему в жестокости... После победы Суллы часть демократов ушла в Испанию и под предводительством талантливого воина и политика Сертория захватила эту провинцию в свои руки, образовав как бы особое государство и вступив при этом в сношения не только с Митридатом (не окончательно разбитым Суллой), но и с пиратами, которые довели Рим до голода».

В-четвертых, римское государство предстало перед миром не только неким всеобщим культиватором, но и всемирным эксплуататором. Оно лишало народы мира, свободы, национальной индивидуальности. Тут не должно быть иллюзий. Имеется множество книг, писем, сатир и панегириков. Есть немало надписей и эпитафий, сохранившихся на зданиях, монетах и монументах. Они принадлежат разным народам или социальным слоям. Во всем этом материале, уверяет нас Фюстель де Куланж, нет-де «ни одного указания, которое обнаруживало бы, что население относилось враждебно к Империи». Тацит, Светоний, Ювенал, другие изображали, мол, пороки цезарей или отдельных лиц, но не нападали на римские учреждения. Они, так же как Плиний, Плутарх, Цицерон, Дион Кассий, Филон и другие, не только восхваляли Империю, но и преданно ей служили. И таково было общественное мнение не только в самом Риме (что естественно), но и в провинциях. Современный читатель вряд ли готов будет принять эту точку зрения за абсолютную истину. Так ли уж совершенен и благостен Рим, при котором возможны были

описываемые ужасы и трагедии? Не убеждают нас и хвалебные надписи в адрес императоров, разбросанные по Испании, Греции, Дакии, Галлии: «надежда наша и спасение», «хранитель человеческого рода», «всеобщий миротворец», «покровитель и отец народов». Мы и сами недавно восхваляли собственного «отца народов». Не стоит слепо принимать на веру и утверждение, что «люди того времени любили монархию». Не убеждает и иной аргумент: как, мол, могли 30 легионов держать в повиновении 100 миллионов населения Империи. Думаем, что они принимали ее скорее как неизбежное зло.

Дак, защищающий свой дом от римлян

Римляне вовсе не были тем совершенным народом, что нес свою гениальность «столь же легко и беспечно, как павлины свой роскошный хвост» (Меньшиков). Рим являл собой суровую и жесткую деспотию. И даже Фюстель де Куланж, пытаясь заставить читателя поверить в эту сказку о том, как народы обожают монархию, вынужден был все же сказать в итоге (в адрес Рима): «Никогда в истории не встречалось деспотизма, так систематически устроенного». И это, конечно, уже гораздо ближе к реалиям и истине. Однако многие люди (тогда, да и сейчас) считали и считают, что власть одного деспота менее тягостна, чем господство нескольких. Полагаю, что с одной существенной оговоркой можно принять и такой его вердикт: «Стало быть, подчинение людей обуславливалось не идеей высшего долга. Они любили Империю потому, что чувствовали в том пользу и выгоду»;

они не спрашивали себя, являлся ли этот порядок хорошим или худым в нравственном отношении, соответствовал ли он или нет требованиям разума; им было достаточно того, что он удовлетворял совокупности их интересов». Что же касается отношения народа или толпы (что зачастую одно и то же), то рассуждать на эту тему особо не стоит. Толпа любит победителей и готова пасть ниц перед ними. Она даже предаст себя жертвенному огню во имя очередного венценосного ничтожества. Вспомните, как Рим торжествовал при выздоровлении Калигулы. Он не только заклал 160 000 жертвенных животных, но и отдал несколько жизней в дни выздоровления узурпатора. Впрочем, такая реакция объяснима: захват чужих городов и богатств был выгоден италикам. Малая Азия, которую Рим присоединил со 133 г., была важнейшей его провинцией на Востоке. Она приносила большие доходы, но при этом подвергалась чудовищному ограблению и насилию. И в первую очередь страдали крупные приморские и торговые города – Милет, Эфес, Смирна и многие острова. Разумеется, римский гнет ложился в первую очередь на плечи простых людей и крестьян, так как городу принадлежали и окрестные деревни. Город старался переложить на них налоги для пополнения своей и римской казны. Посевные земли, виноградники, пастбища, рогатый скот, оливковые рощи – все подлежало налогообложению. О том, насколько такой гнет был страшным и губительным для крестьян, говорит надпись, найденная в одном из императорских поместий.

Осада города римлянами

Там сказано, что жители двух деревень страдают от тех поборов, что вершат у них воины и власть имущие из числа горожан и цезарианцы. Они отбирают даже тех волов, на коих местные крестьяне пашут, и вообще всё ценное из того, что им принадлежит. Жители, отчаявшись, дважды обращались к императору с жалобой на несправедливые поборы. Администрация императора ограничилась отпиской, хотя и приказала наместнику расследовать дело и принять должные меры. Однако всё осталось по-прежнему, и общинники оказались в положении, когда «деревне приходится платить то, что с нее не причитается... а урожай погибает и земля пустует...» Или же вот жители из другого императорского имения, в Лидии, обращаются к императору с такой просьбой: «Мы просим тебя, о божественнейший из всех императоров, обратить внимание на страдания крестьянства из-за тех трудностей, которые нам чинят сборщики налогов... Из-за них мы не можем обрабатывать свои участки земли, выплачивать налоги и повинности». Доведенные до отчаяния, общинники угрожают крайней мерой. Они заявляют, что покинут очаги и могилы предков и переселятся на земли частных владельцев, которых сборщики налогов якобы больше щадят, чем жителей императорских поместий. Как видим, положение всех крестьян, в том числе императорских, становилось все более тяжелым по мере того, как империя вступала в полосу заката (III в. н. э.). Их грабили все, кому не лень, помимо налогов и литургий собирая значительные суммы денег вообще без правил.

Императоры и полководцы когда-то отличались строгостью и скромностью. Но шли годы. Менялись нравы и установки знати. Каждый новый цезарь мечтал выделиться, перещеголять предшественника. Вожди становились жертвами их собственной чудовищной алчности. Так, Домициан, желая обогатиться любым способом, захватывал имущество живых и мертвых. В итоге все его правление вылилось в разнузданный террор. Он отбросил прочь весь республиканский декор принципата. Люди при нем гибли, как мухи. Он «стал именовать себя господином и богом и сделался гонителем и палачом всех добропорядочных людей». При этом Домициан позволял, по словам Светония, ставить ему статуи в Капитолии «только из золота и серебра и притом определенного веса». Один из авторов, писавший о

его колоссальной статуе у римского Форума, правда, изумляется этому обстоятельству и говорит, что, возможно, это распоряжение относилось лишь к статуям именно в Капитолии, а не в других местах. Ведь использование благородных металлов в качестве материала для уличной статуи больших размеров было бы таким самодурством, перед которым «отступил бы сам Домициан». Конец императора Домициана был обычен для Рима: убили его после 14 лет правления, и народ к гибели остался совершенно безучастен.

Перемеривание зерна чиновниками. Остия

В-пятых, нельзя обойти молчанием и губительное воздействие бюрократии. С расширением границ Империи возникла нужда защищать эти пространства и управлять ими. На это, конечно же, нужны были громадные деньги. Возникла новая бюрократия – прожорливая, циничная, беспринципная. Она поглощала огромные суммы – и 120 000 серебряных талантов, привезенных Сципионом из Африки, и ежегодную контрибуцию в 200 талантов, что обязался выплачивать в течение 50 лет побежденный Карфаген, и прочие доходы. Чтобы вести новые войны и управлять этим аппаратом, понадобились наемные управленцы. Возник особый класс откупщиков и поставщиков. Он был проводником духа торговли, роскоши, зрелищ

и спекуляций. Цезари передавали власть, как тогда говорили, «частным спекуляторам». В обществе усиливалось социальное расслоение. Рим превращался во всемирного разбойника. Г. Финлей писал: «До Августа римляне содержали свои войска посредством захвата и траты капитала, в течение веков накопленного всеми нациями в мире. Они опустошали казны всех стран и царей. Во время своего похода на Рим Юлий Цезарь издержал ту часть капитала, которая хранилась в сундуках республики. Когда же этот источник богатства иссяк, Август вынужден был искать регулярных доходов для содержания армии, и «в те дни вышло от кесаря Августа повеление произвести перепись по всей земле». И действительно, во всей империи тогда провели перепись. Был определен и поземельный налог, соответственно ежегодному доходу со всякого рода имущества. Кроме того, был назначен еще и поголовный налог на тех жителей провинций, которые не подлежали поземельному налогу.

В-шестых, там, где доходы богачей в сотни и тысячи раз превосходят жалкие крохи бедняков, обычных граждан, социальная катастрофа неизбежна, несмотря даже на внешние признаки великолепия... Историки подчеркивают расширение бездны между простыми гражданами и элитой Рима. Народ жил скромно, более чем скромно. Во времена Цицерона поденщик зарабатывал 3 сестерция в день. На эту сумму он мог, правда, приобрести главный продукт своего питания – пшеницу на 4–6 дней. Но надо сравнить его доходы с состоянием богачей. Дом трибуна Клодия стоил почти 15 млн сестерций (более 1 млн царских рублей). Хвалился своим состоянием Цецилий Юкунд, откупщик с наглой физиономией.

Цецилий Юкунд. Откупщик. Помпеи. I в. н.э.

Еще богаче были Красс и Лукулл (в моду вошло выражение «Лукуллов пир»). Обед, данный Лукуллом двум своим гостям – Помпею и Цицерону, последний оценил в 14 тысяч рублей. Одни имения Красса оценивались в 16 млн рублей. Имущество Плиния тогда оценивалось в 32 млн сестерций, т. е. в 2,25 млн рублей. Даже Цицерон, вовсе не считавшийся богачом, владел недвижимостью в городе и деревне на сумму в 230 тысяч царских рублей, да еще по наследству ему досталось 1,3 млн рублей того же достоинства. Хотя Август и говорил, что он передал государство из его власти «под контроль сената и римского народа», то были абсолютно пустые слова. В действительности власть стала переходить под контроль капиталистов и сенатской знати. Концентрация капитала росла. Вспомним и полные горечи слова Горация: «Не то заповедали нам Ромул и Катон суровый, – предки другой нам пример давали. Скромны были доходы у каждого, но умножалась общая собственность». Патриархальный Рим исчез. Надо ли удивляться, что в конце концов «великий Рим» пал и был разграблен?!

Правда, упомянутый Лукулл из древне-римского рода Лициниев (117—56 гг. до н. э.) был интересной личностью. Он являлся проквестором, эдилом и претором, служа полководцем при Сулле, разгромившим войска царя Понта Митридата VI и войска армянского

царя Тиграна II. Это был высокообразованный человек, не чуждый занятиям историей и философией, поэзией и языками (какая-то история Марсийской войны была им написана на греческом). Он отличился не только во многих битвах, но и оставил заметный след в государственной деятельности. Так, он дал законы киренцам, город которых находился из-за постоянных смут в тяжелом положении, крепко прижал влиятельных откупщиков налогов в Азии.

Банкир-ростовщик. Рельеф из Паннонии

Он выступил против засилья спекулянтов и ростовщиков, снизив процентную ставку с 48 до 12 процентов, чем вызвал лютую ненависть денежных воротил, к слову сказать, влиятельных. Последовала отставка с поста главнокомандующего (67 г. до н. э.). Однако этот человек, видимо, запомнился римлянам... Плутарх, как известно, включил его в свои «Жизнеописания». В жизнеописании Лукулла, словно в древней комедии, поначалу приходится читать о государственных и военных делах, а к концу их – о попойках и пирушках, чуть ли не о пьяных шествиях с песнями и факелами и вообще о всяческих забавах. Ведь к забавам следует отнести, по моему, и расточительное строительство, расчистку мест для прогулок, сооружение купален, а особенно – увлечение картинами и статуями, которые Лукулл собирал, не жалея денег. На эти вещи он щедро тратил

огромное богатство, накопленное им в походах, так что даже в наше время, когда роскошь безмерно возросла, пишет Плутарх, Лукулловы сады стоят в одном ряду с самыми великолепными императорскими садами. К этому надо добавить постройки на побережье и в окрестностях Неаполя, где он насыпал искусственные холмы и окружил свои дома проведенными от моря каналами, в которых разводили рыб, а также воздвигал строения посреди самого моря. Когда стоик Туберон это увидел, он тут же назвал Лукулла «Ксерксом в тоге».

Подле Тускула у него были дивные загородные жилища, с открытыми залами и портиками, с башнями, откуда открывался широкий вид на окрестность... Он устраивал ежедневные пиры «с тщеславной роскошью человека, которому внове его богатство». Пиршества представляли собой торжество нувориша, хотя бедным тот никогда не был. Но все же ранее Лукулла отличали более скромные вкусы и пристрастия. Видно, карьера дала немалые средства, раз устраиваемые им приемы вызывали зависть даже у знатных римлян. Правда, известный своей строгостью Катон, друг и свояк Лукулла, не одобрял его увлечений. Образ его жизни явно не нравился старому республиканцу. И однажды, когда некий юнец завел речь о бережливости и воздержанности, Катон раздраженно бросил: «Да перестань! Ты богат, как Красс, живешь, как Лукулл, а говоришь, как Катон!»

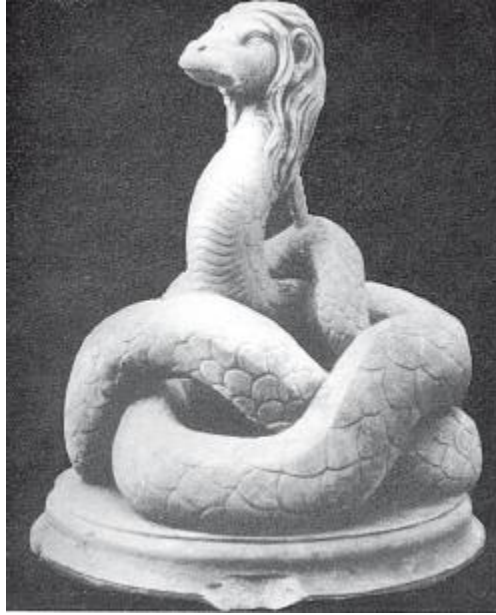
Посвятительный рельеф Квинтия Севера

Но даже упреки Катона (и уж тем более завистливого интригана Клодия) не могут быть надежным источником. Для нас куда более важным свидетельством его порядочности стала любовь к нему простого народа и среднего класса, а не тех дельцов, которые обдывали свои аферы, пользуясь доверием и даже держа в руках «многих государственных деятелей, которые были их должниками». Ну и, конечно же, в наших глазах он уже достоин признательности и уважения по той причине, что был книголюбом. Человек, сделавший своим другом книгу, живет не зря. Плутарх с одобрением пишет об этой страсти Лукулла: «Однако следует с похвалой упомянуть о другом его увлечении – книгами. Он собрал множество прекрасных рукописей и в пользовании ими проявлял еще больше благородной щедрости, чем

при самом их приобретении, предоставляя свои книгохранилища всем желающим. Без всякого ограничения открыл он доступ грекам в примыкавшие к книгохранилищам помещения для занятий и портики для прогулок, и, разделавшись с другими делами, они с радостью хаживали туда, словно в некую обитель муз, и проводили время в совместных беседах. Часто Лукулл сам заходил в портики и беседовал с любителями учености, а тем, кто занимался общественными делами, помогал в соответствии с их нуждами».

В-седьмых, вся жизнь Рима представляла собой одно сплошное противоречие. Рим начал с провозглашения свобод народа, с гордой республики, а закончил установлением империи и абсолютной власти императора. Мечтая объединить народы, он создал прочное государственное объединение. Ему это удалось. Но какой ценой?! Ценой безжалостного подчинения десятков народов, которые в глубине души ненавидели своих надменных победителей. Римляне рассуждали о высоких материях, но в жизни был циниками и прагматиками. Говорят, они создали немало полезных законов. Но взгляните на то, что представляли собой те законы. Они сделали возможным подкуп судей или иных должностных лиц. Таких случаев масса. В Риме продажность судей вскоре станет притчей во языцах. Поэтому и нумидиец Югурта, покидая Рим, возмущенно заметил: «О, продажный город, ты сейчас же погибнешь, как только найдешь покупателя». Да, Рим установил на огромных территориях Империи свои право и порядок. Но этот порядок, как верно заметил Ф. Энгельс, «был хуже злейшего беспорядка».

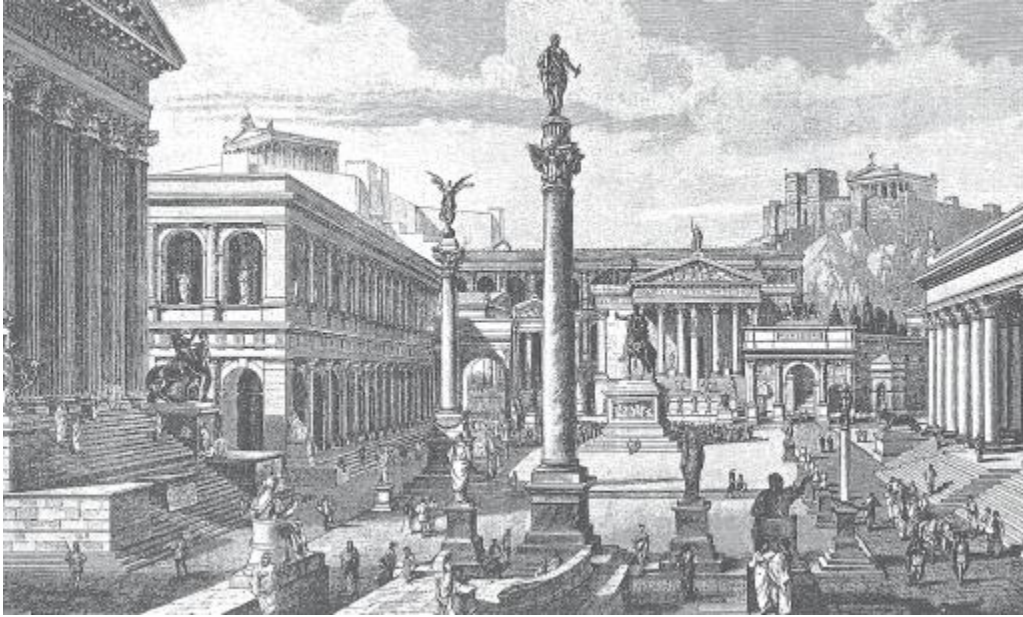

Змея. Культовое изображение из Томи

Закат Рима начался задолго до вторжений варваров и до начала новой эры. Он стал обителью порока, роскоши, разврата, где богатство знати стало вызывающе хлестать через край. Римский историк Гай Саллюстий Крисп (86–35 г. до н. э.) в «Заговоре Катилины» приводит речь Катона, в которой дана обобщенная картина будущего краха великой империи. Тот обвинил политиков новой волны в том, что те разучились называть вещи истинными именами. Что вы слушаете мерзавцев, которые стремятся любым способом очернить наше прошлое. Ведь мощь державы достигалась не одной силою или страхом. Предки трудились, не щадя сил, были мужественны и стойки, сохраняли алтари и домашние очаги, поклонялись справедливости. А что мы видим ныне? «...вместо этого роскошь и алчность, бедность в государстве, изобилие в частных домах. Мы восхваляем богатство и любим безделье. Меж добрыми и злыми нет никакого различия, все награды за доблесть присваивает честолюбие». Чему удивляться? Когда каждый из вас печется лишь о себе, когда дома вы рабски служите наслаждениям, а на публике деньгам или группировкам, тогда возможно покушение на государство, лишенное главы. Катон обвинял первых граждан государства в предательстве! «Первые по знатности граждане сговорились предать отечество огню», – вещал он. Цвет общества и являет собой самых закоренелых злодеев и преступников. Эти люди – «кровожадные убийцы», а вы медлите с приговором им...

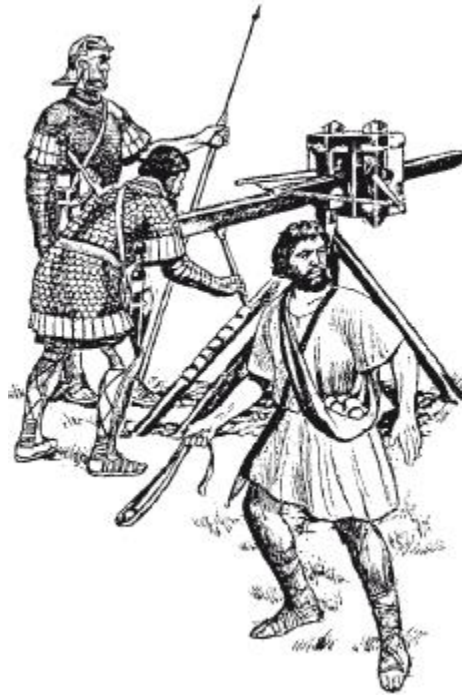
Эти люди достойны смертной казни. Однако, обращаясь к сенаторам, он в глубине души знал, что эти трусы и бездельники не спасут Отечества! Они всегда ставили и ставят выше всего «свои дома, поместья, статуи, картины выше государства».

Вот как описал ситуацию в римском государстве Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: «Между тем население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеваниям, возрастало отчасти за счет иммиграции, отчасти – за счет населения покоренных, по преимуществу латинских округов. Все эти новые подданные государства стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не были составной частью *populus romanus*, собственно римского народа. Они были лично свободными людьми, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе приобретенных путем завоеваний государственных земель. Они составляли лишенный всех политических прав плебс. Благодаря своей всевозраставшей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались грозной силой, противостоящей старому *populus*, теперь прочно огражденному от всякого прироста за счет пришлых элементов. Вдобавок к этому земельная собственность была, по-видимому, почти равномерно распределена между *populus* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем, еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса. Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную историю Рима, ...невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни об обстоятельствах возникновения той революции, которая положила конец древнему строю. Несомненно только, что причина ее... в борьбе между плебсом и *populus*».

Римский форум

В-осьмых, помимо борьбы с плебсом, были причины, работавшие против рабо-владельческого общества... Производительные силы все более вступали в конфликт с производственными отношениями. Хотя в Риме был достигнут рост квалификации ремесленников и отмечен ряд серьезных достижений в прогрессе изобретений (появляются зеркальные черепицы, трубы для передачи тепла и поддержания постоянной температуры, новые способы выдувания тонкого стекла, способы полировки мрамора, дорожные и водные новшества и т. д.), в целом обстановка никоим образом не благоприятствовала работе инженера и изобретателя. Характерны анекдоты того времени, говорящие больше о том, с чем приходилось сталкиваться этим людям, нежели официальные сообщения. В одном из них сказано, как император Тиберий приказал казнить изобретателя ковкого стекла, опасаясь, что конкуренции с ним не выдержат металлурги. В другом рассказывается, как Веспасиан отказался использовать предложенную неким изобретателем машину для переноски тяжелых блоков, колонн, ссылаясь на то, что такая машина лишит заработка простой народ, занятый на стройках.

Легионеры, стреляющие из катапульты

Греки и римляне стали заложниками своей воинственности... Они презирали все то, что не было связано с почетной и прибыльной профессией воина (как им казалось). Э. Майер в докладе «Рабство в древности» цитирует застольную песнь критянина Гюбрия: «Богатство мое копье и меч и украшенный щит... А кто не отваживается владеть копьем и мечом и украшенным щитом, охраняющим тело, те в страхе (пусть) ложатся у моих ног, взывая ко мне как к своему господину и великому царю». Точно так же вели себя и римляне в эпоху своего могущества и господства. Они мечом добывали свои богатства. Х. Арендт пишет о древних греках (со ссылкой на Вебера): «Никакой деятельности, служащей лишь цели жизнеобеспечения и поддержания жизненного процесса, не было дозволено появляться в политическом пространстве, и это со столь явным риском оставить всю торговлю и ремесла прилежанию и предприимчивости рабов и чужеземцев, что Афины действительно стали (тогда) тем «Пенсиополисом», населенным «пролетариатом потребления», который так проникновенно описывает Макс Вебер». Это же в полном объеме можно сказать о Древнем Риме эпохи заката.

Однако это же может стать той послед-ней роковой каплей, что в конце концов доконает и Россию... Ведь и она превращается в такой

же «Пенсионополис», где население из-за прихода к власти бездарных вождей и спекулянтов, занятых лишь перепродажей богатств наших недр, перестает заниматься серьезным и сложным профессиональным трудом, требующим высоких знаний и мастерства.

Возможно, еще одной причиной, ускорившей крах Рима, стало то, что он все менее созидал, да к тому же отдал в чужие руки торговлю. Это вело к тому, что обильные потоки награбленных богатств, проходившие через руки римских чиновников, военных, правителей, оседали в карманах чужих торговцев и ростовщиков. Сами «благородные римляне» относились к подобному роду занятий с глубоким презрением. Цицерон восклицал, уже подразумевая как бы и ответ: «Кого следует считать добрыми гражданами? Уж не торговцев ли и земледельцев?» Позже Монтескье скажет: «Я знаю, что люди, убежденные, во-первых, в том, что торговля есть самое полезное в мире дело для государства, и, во-вторых, в том, что римляне имели наилучшее в мире государственное устройство, полагали, что римляне весьма поощряли и уважали торговлю. Однако в действительности они мало о ней думали». Образовав свою огромную империю, они старались обезопасить себя сокращением связей между другими частями мира. Они создали законы, воспрещавшие всякое общение с варварами.

«Да не осмелится никто, – говорили Валент и Грациан, – посылать им вино, масло и другие жидкости даже только для угощения». «Пусть не отвозят к ним золота, – добавляют Грациан, Валентиан и Феодосий, – но пусть стараются хитростью лишить их даже того, которое у них есть». Римляне запретили вывоз железа под страхом смертной казни, а Домициан приказал вырубить в Галлии виноградники, опасаясь не пьянства, а того, что вино-градники привлекут сюда варваров, любивших вино (вино влекло их в Италию). Правда, Проб и Юлиан восстановили эти виноградники. Только позднее, ослабев, римляне позволили создать склады товаров для торговли с варварами (под их нажимом). Странно, не правда ли? Вместо того чтобы прибегнуть к самому действенному оружию, с помощью которого можно было успокоить мятежные племена, Рим предпочел воевать, пренебрегая немаловажным искусством богатеть с помощью торговли.

Перегрузка товаров. Остия

Конечно, за Римом осталась торговля экзотическими товарами Востока, Индии и Египта или с другими странами. Но и тут римляне платили гораздо больше, чем товары стоили на месте. Они осудили займы под проценты безусловно и во всех случаях, и это верно. Но к чему привели эти меры? Торговля, бывшая до тех пор профессией людей низкого происхождения, теперь вдобавок ко всему стала еще профессией людей нечестных. Монтескье, продолжая мысль, пишет: «Тогда торговля перешла в руки народа, считавшегося в то время презренным, и вскоре ее перестали отличать от самого ужасного ростовщичества, от монополии и всех бесчестных средств добывания денег. Евреи, обогащавшиеся посредством своих вымогательств, в свою очередь подверглись столь же жестокому ограблению со стороны государей, что утешало народ, но не облегчало его положения». Торговля порождала роскошь, и концентрировалась она среди узкого круга лиц. Но эти сверхбогатства не касались массы людей. А отдельные случаи страхования, которые были введены в римскую практику в начале I в. н. э., конечно же, не смогли застраховать от катастроф всю Империю.

Господство над Римом перешло в руки узкого, но очень влиятельного клана крупных собственников. Они не только влияли на политику, но и желали сами управлять государством. Если в старые времена такого олигарха, задумавшего подкупить часть народа дармовыми поставками хлеба, казнили бы, узрев в том угрозу свободы для Рима, то в позднем Риме те обрели значительную власть.

Согласимся с Мервилем (1808–1894), который писал в труде «Римская история в эпоху империи» (1850): «Римская олигархия была самой бесполезной тиранией, которую когда-либо видел цивилизованный мир. Человечество задыхалось от нищеты и унижения ради того, чтобы сотня фамилий могла иметь привилегию грабить и убивать друг друга. Они заслужили свою гибель, и ее разрушители были благодетелями своего рода». Обреченный Рим должен был ожидать своих последних дней, гадая разве что лишь над тем, кто явится могильщиком страны.

Гоббс в «Левиафане» писал о болезни, похожей на плеврит. «Это бывает тогда, когда государственные финансы, оставив русло, по которому они обычно текут, концентрируются в слишком большом количестве в руках одного или немногих частных лиц – монополистов или откупщиков государственных доходов, подобно тому как при плеврите кровь, концентрируясь в грудной перепонке, производит здесь воспаление, сопровождающееся лихорадкой и острой болью». То была серьезнейшая болезнь государства, которая привела к смерти.

М. Воробьев. Закат в Риме

В-девятых, коренным образом испортились нравы римлян... Тот же Сенека не захотел оставаться просто философом, пожелал иметь высокий пост у Нерона. Этот «доблестный муж» (*vir bonus*), дававший

другим советы приучать себя к мысли о бедности, живя время от времени на два асса, как живут тысячи рабов и бедняков, сам был владельцем огромного состояния. В письмах он осуждающе говорил о Сенеционе, умевшем приобретать, беречь деньги, пуская их в оборот, не оставляя без внимания ни одного источника прибыли. Тот уже «подбирался к откупам», когда в самый разгар охоты за деньгами взял да и умер. «Как глупо строить расчеты на весь свой век, не владея даже завтрашним днем! – вещает Сенека. – Какое безумство – сегодня надеяться на далекое будущее! – «Я куплю, я построю, я дам займы и требую, я получу эти должности», – а потом, усталый и пресыщенный, проведу на покое старость». Поверь мне, даже у счастливых будущее неверно». Такие мудрые и верные слова. И что же? Он буквально шаг за шагом воплощает осуждаемую им же программу. Хотя не раз предупреждал римский народ об опасности погибнуть от чрезмерных богатств, говоря: то, что ты отнял у других, могут отнять у тебя. Стоит ли удивляться, что Нерон, у которого была масса недостатков, но которого глупцом уж никак не назовешь, приказывает своему наставнику умереть. Логично... И тот вскрывает вены вместе с женою. По указанию императора ему дали яд, но главным ядом, убившим философа, по моему разумению, стала его же непоследовательность.

Минотавр. Мозаика

Впрочем, всем давно известно: нравы – производная величина от социальных институтов, экономических и политических законов, царящих в том или ином обществе. В Риме налицо разложение

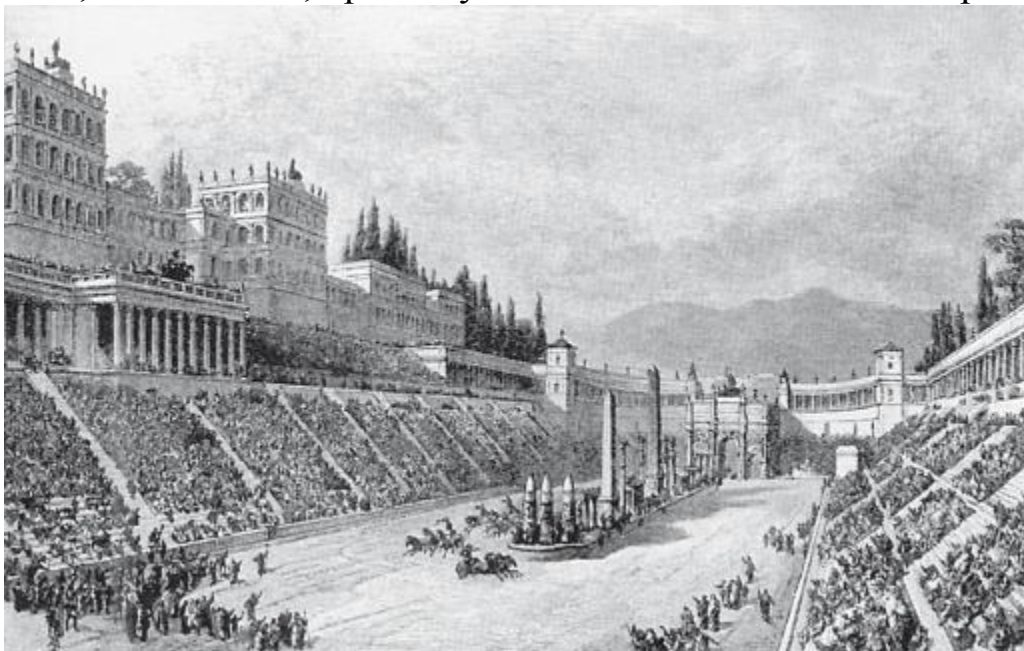
государственных институтов. Саллюстий прямо на это указывает в своих «Письмах». Сенат слаб, а сенаторы и политики превратились в жалкую кучку интриганов и бандитов. Каждый из них пытается создать собственную партию или клику. Их не волнует судьба государства. Им не интересно работать во благо отечества, они заняты своими частными делами. Всеми делами в стране заправляет «семья нобилей». Их амбициям, жадности, властолюбию, подлости нет предела. Чувства, отмечает Саллюстий, окаменели, они утвердились в своих дурных наклонностях. Все законы попораны, всюду торжествуют грубая сила и произвол, так как власть в их руках. Они делают, что хотят, берут, что хотят, выдвигают во власть того, кого захотят. Их действия Саллюстий сравнивает с действиями неприятеля, самого заклятого врага, что взял приступом город. Политики торгуют свободой и интересами государства.

Кентавр Несс. Мозаика

Молодежь не желала выполнять гражданский долг. Она увлеклась погоней за деньгами, изысканием теплых местечек, проводя время на Форуме и площадях, занимаясь сутяжничеством в судах, заискивая перед плебсом. «Теперь с утра и до ночи, в праздник и будни, весь народ без различия и все сенаторы шатаются по Форуму, не уходят ни на минуту, и все отдаются одной страсти и одному искусству – половчее составить речь, сражаются хитростью, воюют лестью, как

будто все стали врагами друг другу». Губительными были подобные нравы для молодежи и творческой интеллигенции. Чем во все времена сильна молодежь? Чистотой, благородством, возвышенными мечтами и устремлениями. Что видим в Риме? Молодежь «входит в славу» тем, что «вредит кому-то», донося или открывая судебные дела против любого. Это стало модно. Все решили «стать юристами». Схожая картина в послесоветской России: все вдруг захотели быть торговцами, юристами, политиками, проститутками. Никто не хочет быть рабочим.

Цирк. Реконструкция

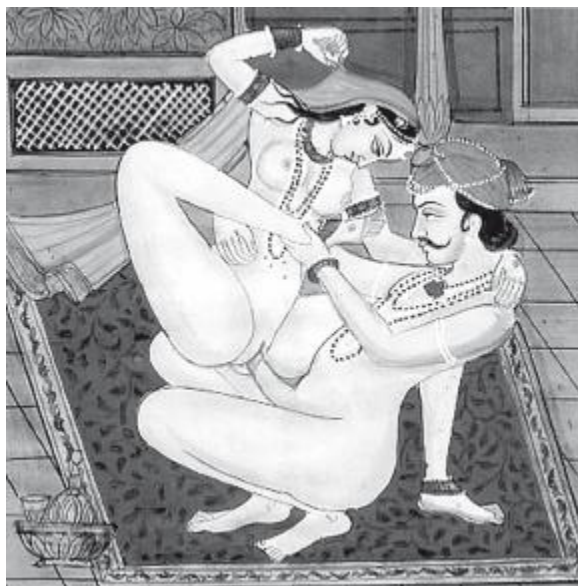
Господствующим течением в общественной философии стал эгоизм, торжество личного «я». Ранее мы с вами немало хвалебных слов сказали в адрес Эпикура. Конечно, он того достоин, но ведь при желании любую философию (и даже самую разумную) можно превратить в фарс, полный абсурд. Эпикурейство и стало, увы, таким учением. Решили, что служение родине, человечеству вовсе не является его главной целью. Эпикурец в основе своей – «раб наслаждений». Только умнейшие и достойнейшие люди поняли сие учение в смысле высоких требований этики и эстетики... Скот и в эпикурейском обличье легко становится свиньей... Несмотря на то что в Риме был всего один эпикурейский философ-писатель, значительная часть римской элиты восприняла эпикурейство в самом циничном и пошлом варианте. Цицерон писал, что страдавший от пресыщения и

известный своими грабежами в Македонии Пизон обратился за исцелением от охватившей его скуки к греческому философу. И тот стал излагать ему учение Эпикура. Однако Пизон, поняв учение на свой манер (или, как говорят в таких случаях, «в меру своей испорченности»), решил, что его учат не добродетели, а распущенности. Это его развеселило и очень обрадовало... Он заявил, что готов подписаться буквально под каждым словом. Таких «эпикурейцев» (в том числе и в российском обществе) становится все больше. Они, как выразился древний писатель, превращают всю общественную жизнь в грязный хлев... Так не лучше ли их изгнать? Изгнали же из Александрии эпикурейца Гегезия, коего называли «оратором смерти». Закрыв его школу, сделали очень своевременно, правильно. Ведь ученики оной убивали себя в огромных количествах. Римляне считали, что эпикурейство больше подходит шлюхе, привыкшей к наслаждениям, чем нации героической. Сенека иронично назвал Эпикура героем, переодетым женщиной.

Нерон в цирке

Любовные труды

Примерно такой же настрой прослеживался в отношении армии. Характерно звучат слова автора «Истории Августа», с энтузиазмом встретившего заявление императора Марка Аврелия Проба (276–232 гг. до н. э.) о том, что, дескать, поскольку при нем положение страны складывалось удачно и всюду царило спокойствие, в дальнейшем римская армия якобы не будет нужна вовсе. Автор писал: «Какое блаженство охватило бы всех, если бы при его правлении больше не брали в солдаты. Провинции не должны были бы содержать гарнизоны, никаких выплат (не было бы) на армию от общественных щедрот, сокровища Рима оставались бы нетронутыми, землевладельцы больше не облагались бы налогами! Это был бы действительно золотой век, обещанный им». Причиной кризиса было и то, что сама армия изменилась, ничем не напоминая армию времен республики. Многие обедневшие граждане потеряли право на службу. Другие предпочитали заниматься их делом и уклонялись от военной службы. Они не видели смысла пускаться в дальние опасные походы. Повторялась история армии Александра Македонского. В легионах падала дисциплина, а многие высшие офицеры погрязли в политиканстве, интригах и казнокрадстве. Правительство думало лишь о прибылях. Эта власть вызывала ненависть у солдат. Когда казначей Урсул заикнулся воинам, что армия обходится казне дорого (он заявил, что-де «безмерное жалование подорвало здоровье Империи»), римские

солдаты его убили. Они сказали ему, как могли бы сказать русские солдаты нынешней власти: сволочи, вы жиреете на нашей крови и еще хотите, чтоб мы защищали награбленные вами сокровища! К тому же и в так называемом «гражданском обществе», как и в нынешней России, многие не желали, чтобы их дети шли в армию. Поэт Овидий, давайте скажем честно, был «моральным дезертиром».

Предметы быта и вооружения римского воина

В своих любовных элегиях он открыто воспевал уход от обязанности гражданина:

Зависть, зачем упрекаешь меня.
Что молодость трачу,

Что, сочиняя стихи, праздности
я предаюсь?
Я, мол, не то, что отцы, не хочу
в свои лучшие годы
В войске служить, не ищу пыльных
наград боевых...
Мне ли законов твердить
многословье на неблагодарном
Форуме, стыд позабыв, речи свои
продавать?
Эти не вечны дела, а я себе славы
желаю
Непреходящей, чтоб мир песни
мои повторял...

Желание поэта служить музе нам вообщем-то понятно. Но ведь художник, тем более столь известный, агитируя за ту или иную идею, должен понимать, чему он в конце концов учит молодежь. Рим переставал быть победоносным Римом.

Как вы помните, некогда Гиппократ доказывал, что европейцы более смелые и мужественные люди, чем азиаты, ибо они более свободны и мужественны, а потому, мол, победа будет за ними. Он говорил: «Я считаю населяющих Европу (людей) более мужественными, чем азиаты, ибо равномерность вещей производит леность, а разнообразие возбуждает тело и душу к труду. И от покоя и лени возрастает трусость, а от упражнения и трудов – храбрость. По этой именно причине жители Европы воинственны, а также и благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты. Где подчиняются царям, там необходимо людям быть самыми боязливými, о чем сказано нами прежде, ибо души, попадая в рабство, не желают добровольно подвергать себя опасности за чужую власть по-напрасному. А которые живут по законам, те подвергаются опасности для себя, а не для других, и они охотно по своей воле идут навстречу опасности, так как награду за победу получают сами. Таким образом очевидно, что законы немало значат для величия духа. Так в общем и целом дело обстоит относительно Европы и Азии». Сей

отрывок должен был продемонстрировать, насколько греческий полис выглядит выше, нежели любая азиатская деспотия. Но великий врач писал в IV в. до н. э. С тех пор минули века. И мы увидели, что «свободные» греки и римляне, пожиная плоды их же рабовладельческой тирании, и сами стали ленивыми, изнеженными, склонными к удовольствиям, роскоши, не способными к ратной службе, к защите отечества. Нечто подобное происходило с империями, крах которых был неожиданным для многих... Хотя причин этому немало, но главная в том, что пришло к власти поколение ничтожных и алчных людей, неспособных к самопожертвованию. Так считают одни. Но ведь во многом правы были и христиане. Почему человек, уникальное существо, что сродни Богу, должен класть единственную жизнь на жертвенник идолищу войны?! Почему какие-то тупые твари гонят его, как скот, на бойню, не заботясь ни о нем, ни о его семье, ни о своей собственной родине?!

Римские командиры

Каждый заботился о себе, а не о судьбах отечества. Почему? Потому что ни для кого не было секретом, что оно собой представляло. И в армию уж никто не хотел идти. К чему терять время, а возможно и жизнь, в опасных походах, вдали от благ цивилизации. Но тогда как могла сохраниться империя? Лишь благодаря наемникам. Однако те служат за деньги или земли. При первом удобном случае они готовы изменить, перейдя на сторону сородичей или соплеменников. Ведь, как

сказал Финлей, римляне «приобрели через свои завоевания гораздо больше богатств, чем Александр, так как они шли далее его в своих вымогательствах».

Древние монеты эпохи античности

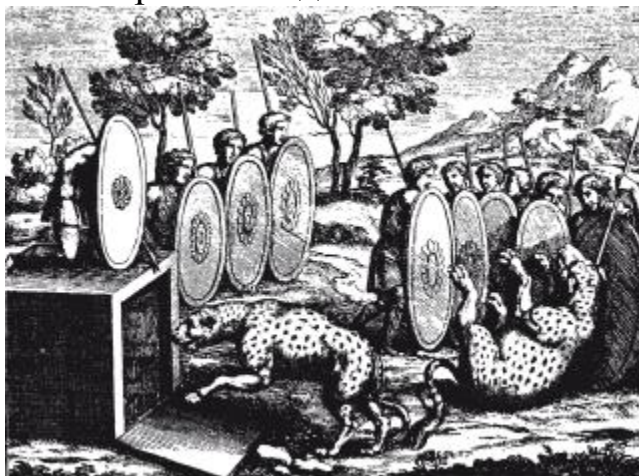
В-десятых, с конца II в. н. э. существенно изменилась и старая римская армия. Ушли в прошлое времена, когда к воинам относились с должным уважением и почетом. Перемены эти начались еще тремя столетиями ранее, после реформ Гая Мария, который и стал переводить армию на профессиональную основу. Он отменил имущественный ценз, который давал право на службу только более или менее состоятельным людям. С одной стороны, такой шаг вроде бы можно считать демократической акцией, ибо теперь любой бедняк мог записаться в ряды вооруженных сил и тем самым зарабатывать себе на жизнь. С другой, по мере усиления роли армии легионеры и командиры стали превращаться в некую привилегированную касту с особым *esprit de corps* (кастовым духом). С армией стали заигрывать политики, желая обрести власть. Это еще больше развратило господ военных. Генералы стали манипулировать «человеческим оружием» в

своих собственных политических и меркантильных целях. Понятно, что по мере того как Рим становился мировым разбойником, менялись армия и офицерский корпус, ну и, разумеется, высшие военачальники. Причем, как во все времена (будь то Западная Римская или Восточная Римская империи, или какая-то иная), высокие чины (генералы) нередко злоупотребляли своим положением. Вся эта порочная политика стала набирать силу уже после гибели Цезаря, когда триумвиры, желая править единолично, стали задабривать армию. Аппиан, говоря о действиях триумвиров, писал: «Они должны были уже теперь обнадеежить войско наградами за победу, причем помимо других подарков предоставить им восемнадцать италийских городов для поселения; эти города, отличающиеся богатством, плодородием почвы и красотой зданий, они намерены были разделить между войском, как если бы эти города были завоеваны ими в неприятельской стране». Лучшую часть Италии (Капуя, Регий, Венузия, Беневент, Нуцерия, Аримин, Гиппоний) отдавали войску как рабыню.

Как только правители сделали ставку на профессиональную армию, они стали рубить сук, на котором сидели. Возникла опасная практика выдачи армии сверх обычного жалованья особых даров (*donativa*). На солдат и офицеров пролился золотой дождь: премии выдавали при смене императоров, в честь иных событий или при усыновлении императором наследника. Причем большая часть всех этих наград доставалась преторианцам, чье жалованье и так было в три раза выше, чем у простых легионеров. Когда Ариан усыновил Элия Цезаря (136 г. н. э.), выплаты достигли уже астрономической суммы – 300 000 сестерций. После смерти Пертинакса империю приобрел у преторианцев «на аукционе» Дидий Юлиан, выплатив каждому гвардейцу по 25 000 сестерций. Император Север еще более усилил милитаризацию империи, увеличив численность армии, введя различные льготы для солдат, разрешив им жениться и предоставив им особые привилегии после увольнения из армии. Уже Коммод увеличил их жалованье на 25 процентов, Север повысил его еще на 30 процентов, а его сын Каракалла поднял планку еще выше – повысил жалованье на 50 процентов. Север перед смертью дал своим сыновьям совет – осыпать солдат сокровищами и не особо интересоваться нуждами остального населения Римской империи. Любопытно, что этот гнусный порядок, будучи известен, не нашел отражения в

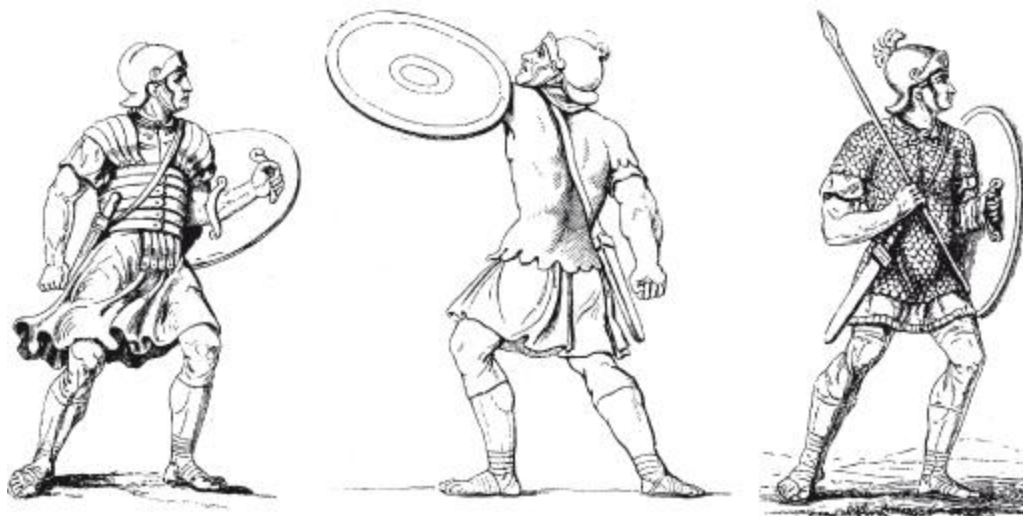
живописи и скульптуре: об армии говорилось много, но о закулисной стороне умалчивали. Так средний класс, интеллектуалы, народ, чиновник – все стали жертвой солдат.

Дикие звери, загоняемые в клетку

Прокопий Кесарийский, говоря о причинах заката Рима («в короткое время дело римлян рухнуло»), отмечает, что большая часть военных предводителей не желали думать ни о чем, «что не приносило им личной пользы». Нажива стала главным и единственным стимулом. Они только грабили народы и отдавали их на произвол солдат. При этом начальство не жаловало и самих солдат. Историк описал некоего Александра, что ведал государственными финансами Византии. Тот обвинял солдат армии в том, что те, дескать, предъявляют к казначейству несправедливо высокие требования. Обвиняя солдат и понося их, он снижал им жалованье и так за их счет обогащался. В итоге, став из бедного очень богатым человеком, он довольно искусно завоевал и симпатии императора, ибо он из всех людей больше, чем кто-либо другой, добывал ему крупные суммы. Иначе говоря, армейские жулики более других виновны в том, что солдат оставалось мало, что они нищали. Понятно, что они с неохотой подвергались опасностям. Прокопий Кесарийский, что был секретарем полководца Велизария и знал не понаслышке о положении воинов в армии, поведал, как обворовывали армию.

Римские воины

Сей пройдоха так ловко обрезал золотые монеты, которыми платили воинам за службу, что они, сохраняя форму, заметно обесценились. Жулик производил сей фокус с помощью ножниц, византийцы даже дали ему прозвище «Псалидион» (Ножницы). Тогда ведь еще было как-то не принято продавать врагу оружие или перегонять газ и нефть в сопредельную страну, пряча от казны украденные деньги. Впрочем, были известны иные схемы. Финансист сделал подложные накладные (авизо) и стал требовать денег от италийцев, которые вообще не имели никакого отношения к казначейству. Любопытно, что он больше всех и кричал (громогласно) о том, что те обманывают императора Теодориха и других готских правителей. На опасные раны воинов отвечал мелочными придирками своих расчетов. Понятно, что при таком отношении никто из этих воинов «уже не хотел подвергаться военным опасностям, но, сознательно проявляя свою пассивность, они позволяли усиливаться положению врагов». Нет врага страшнее, чем собственный военачальник, доводящий до нищеты свое войско.

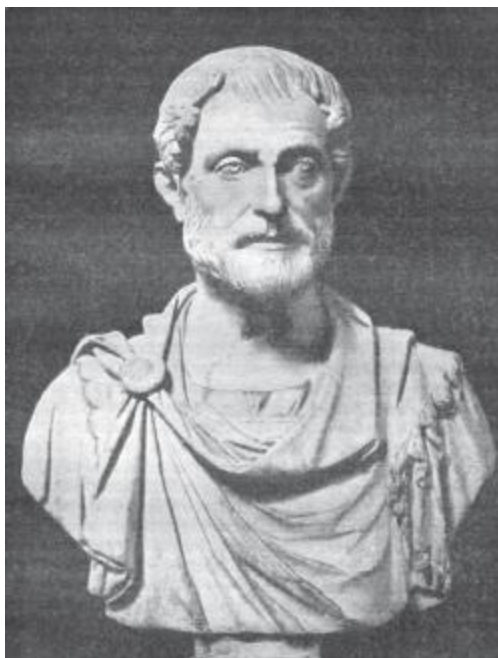
Естественно, при таких командирах иными становятся как сами солдаты, так и офицеры. Воин эпохи республик не похож на солдат эпохи олигархов. Отсюда и новые привычки – насиловать, грабить, воровать, шантажировать саму власть, которую те втайне презирали и ненавидели... Аппиан в «Гражданских войнах» пишет: «Войско, которое теперь делало, что хотело, поступало еще хуже. Так как

триумвиры находили в своей деятельности поддержку лишь в солдатах, то последние требовали у них дома осужденных, их земли, их виллы или целые имения; другие настаивали на усыновлении их выдающимися людьми; третьи действовали на свой страх и риск, убивая непроскрибированных и грабя дома невиновных. В конце концов триумвиры даже предписали одному из консулов положить конец происходящим правонарушениям. Но тот, боясь затронуть солдат, чтобы не вооружить их против себя, арестовал и распял несколько рабов, которые, одетые солдатами, совершали вместе с ними беззакония».

С другой стороны, само войско римлян с годами становилось все менее и менее дисциплинированным, более разбойничьим, привередливым, алчным. Все чаще слышались жалобы граждан и командиров на возросшие запросы войска. А ведь было время, когда строгость и дисциплина поддерживались одними приказами. Так, император Песценний Нигер (ум. в 194 г. н. э.) приказал, чтобы «солдаты были довольны своим солдатским хлебом», а император Аврелий (ум. в 275 г. н. э.) строго указал: «Пусть никто не похитит чужого петушка и никто не дотронется до чужой овцы. Пусть никто не унесет виноградной лозы, не обмолотит чужого хлеба и не требует масла, соли, дров, но будет доволен своим хлебом». Хотя и в то время такие приказы и призывы звучали как насмешка, ими пренебрегали. А уж в V–VI столетиях о подобных мелочах уж не думали. Золото или стремление получить богатые подарки или земли двигало когортами воинов. Скажем, когда аристократ Луций Домиций Агенобарб вступил в противостояние с Цезарем, он, защищаясь от него, пообещал своим солдатам (тридцати трем когортам, то есть 13–15 тысячам человек) дать каждому в случае поддержки по 1 гектару земли.

Римская армия все более превращалась в войско, которое ничем не отличалось от варваров. Всё с большим трудом удавалось поддерживать в нем дисциплину и смирять его грабительские порывы и корыстные инстинкты. Дельбрюк пишет, ссылаясь на Прокопия Кесарийского, писавшего в духе Геродота или Полибия: «Прокопий восхваляет в качестве чуда и необычайной заслуги Велизария то обстоятельство, что римляне вошли в Карфаген в полном порядке, «в то время как обычно римские войска никогда не входили спокойно в собственный город, даже тогда, когда их было всего только 500

человек». Но это же самое войско после захвата лагеря вандалов настолько забывает дисциплину и так беспутно своевольничает, потеряв страх перед своим полководцем, что Прокопий принужден опасаться, как бы при наступлении неприятеля не погибло целиком все войско». Так же своевольно, недисциплинированно и непокорно вели себя впоследствии и другие. Велизарий, вследствие недисциплинированности своих войск, дрожал за Неаполь, а военачальник Нарсес вынужден после своей победы раньше всего отослать домой лангобардские вспомогательные войска. Иначе говоря, даже полководцы часто стали опасаться своих войск более, чем чужих.

Император Проб

Что ж, Рим пожинал плоды его безумной милитаризации... С каждым новым цезарем он все более попадал в зависимость от военных. Уже при Августе и его преемниках армии в центральных областях Рима фактически не было, а главные легионы стали концентрироваться в основном в провинциях (Испания, Египет, Рейн, Иудея). Будучи вдали от столицы, легионеры самостоятельно подбирали себе командиров, затем подбивая их на захват императорской власти. Именно так они и привели к власти ряд императоров (Гальбу, Вителлия, Веспасиана). Огромную силу забрали преторианцы. Например, в 193 г. префект преторианцев организовал убийство императора Коммода в пользу Пертинакса, а через три

месяца все тот же Лет убил и самого Пертинакса. Такая же история случилась и с императором Пробом (276–282 гг. н. э.). Армия провозгласила его императором, когда он потребовал этого назначения. Другая часть солдат желала другого, но в конце концов прикончила фаворита. Сенат в Риме, естественно, подтвердил его полномочия. Несмотря на то что это был сильный и умелый воин (9 вражеских вождей преклонили перед ним колена и 19 тысяч германцев были включены в римскую армию), несмотря на его победы на Западе и Востоке, дело кончилось тем, что он вынужден был искать спасения от собственных солдат. Причина его гибели не ясна (говорили, он заявил, что армии вскоре и вовсе не понадобятся), но факт остается фактом: его убили свои. Римские вояки открыли одну из самых позорнейших страниц Рима – откровенную продажу империи «с аукциона».

Мы уже не говорим о том, что и сами императоры часто становились первыми (или последними) жертвами этих же самых приближенных, которые, в случае серьезного недовольства поведением своего вождя, могли просто-напросто его убить. И таких случаев мы знаем немало в римской истории. Правда, возможно, в том был и некий урок правителям. Он вынуждал их не очень возноситься над окружением, особенно над преторианцами (гвардией императора). Философ Т. И. Ойзерман как-то даже заметил: «Древние римляне преподали человечеству поучительнейший и, увы, неостребованный урок: они постоянно умерщвляли тиранов, взбравшихся на императорский трон». Хотя русские (если вспомнить историю убийств и переворотов) небезуспешно следовали римским урокам...

Сцена убийства с античного рельефа

Ну и, конечно, сами войны: они собирали страшную жатву. После них вокруг оставались разоренные города, вытоптанные пустые поля, сожженные хижины и горы трупов. Фабиан Папирий говорит в «Спорных вопросах» у Сенеки-отца: «Вот выстроенные в боевом порядке войска, где нередко сограждане и даже кровные родственники готовы сразиться между собой, и холмы со всех сторон покрываются всадниками, а затем вся местность устилается искалеченными телами, множеством распростертых трупов или наполняется грабителями мертвецов. Спрашивается, какая же причина внушает человеку неистовство совершать злодеяния против человека? Ведь даже дикие звери не ведут между собой войн; но если бы даже они их вели, все равно войны не приличествовали бы людям... Что может накликать такое бедствие на человеческий род и его участь? Неужели столько убийств творится ради установленных кубками пиршественных столов и блеска золоченых потолков?.. Или разве необходимо порабощение всего света ради того лишь, чтобы не было ни в чем недостатка желудку и прочим плотским вожделениям? Для чего же грабятся эти богатства, как не для того лишь, чтобы оставить их затем детям». Безусловно, воруют, грабят и убивают, чтобы ублажить свою плоть и дать «вечное счастье» детям.

Об этом же пишут и другие античные авторы...Филон в толковании на десять заповедей говорит: «Жажда денег, женщин, славы или, наконец, чего-либо другого, что дает удовольствие, и тому подобное разве являлось причиной только маловажных, незначительных и ничтожных зол? Не они ли разлучают кровных родственников, так как естественное доброжелательство между ними превращается в непримиримую ненависть? Разве обширные и густо населенные области вследствие раздоров не превращаются в безлюдные пустыни? Разве земли и моря не наполняются нескончаемыми бедствиями вследствие сухопутных и морских сражений? Потому что эти войны греков и варваров или тех или других между собой, даже воспроизведенные в трагедиях, проистекали из одного общего источника – жажды богатства, славы или наслаждений». Всё то, что делалось тогда так называемыми «цивилизованными странами» (Греция, Рим, Карфаген), никак не отвечало идеалам гуманизма и человеческого разума.

Это понимал уже Плиний, говоря в «Естественной истории»: «Мы пользуемся покоренной землей таким образом, что обладание всеми этими богатствами побуждает нас к преступлениям, убийствам и войнам: мы орошаем ее нашей кровью и покрываем непогребенными костями». Златоуст в обращении «К отцу-христианину» прямо называет жажду богатств главным источником войн среди людей: «Разве не из-за них происходят восстания и войны, сражения, избиения городского населения, раны, порабощения, пленения, убийства и бесчисленные житейские бедствия?» Иероним указал и главных виновников столь страшного положения (в слове «Против Иовиниана», ссылаясь на слова Диогена): «Диоген утверждает, что тираны и разрушители городов (намеренно) раздувают войны международные и гражданские не просто ради средств существования, зелени и плодов, но ради изысканных плотских наслаждений и пиров». Такая оценка деяний всех без исключения ведущих правителей мира абсолютно справедлива.

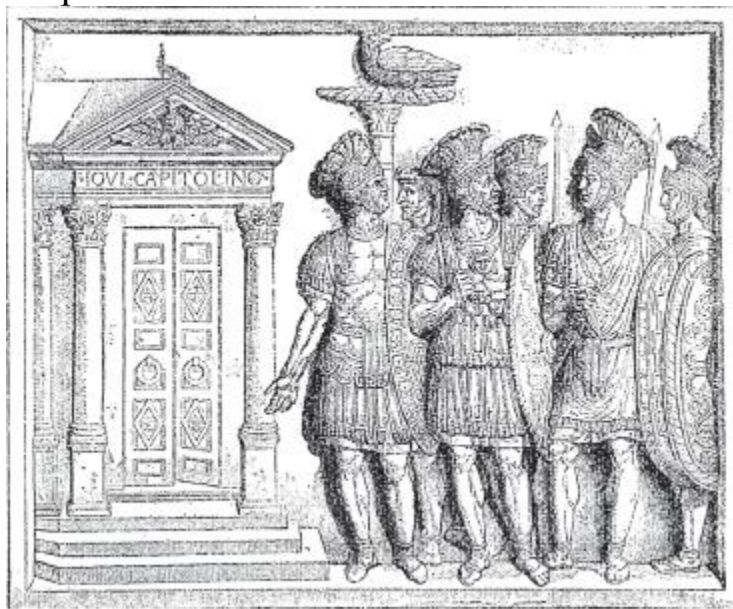

Нимфы. Стела из Томи

В-одиннадцатых, опасно было и то, что Рим жестокой политикой оттолкнул от себя здоровые, сильные в генетическом, военном и умственном отношении народы. Взгляните, как он отнесся к греческому народу, целых два века упорно и умело воспитывавшему и просвещавшему римлян... Историки писали: «Что касается Эллады, то начиная со 168 г. римская политика в союзе с жаждущей мести

олигархией предприняла здесь настоящую истребительную войну против всех враждебных себе элементов. Уже раньше демократы беотийских городов (Фисбы, Галиарта и Коронеи), перешедших во время войны на македонскую сторону, были в наказание массами проданы в рабство; теперь эта варварская система была применена в колоссальных размерах в Эпире, где все города, предавшиеся Македонии, в числе семидесяти, были разграблены, а их жители (150 000?) проданы в рабство! В Этолии римская партия воспользовалась своей победой для кровавых избиений и массовых изгнаний. Национальная оппозиция была всюду подавлена, и все принадлежавшие к ней выдающиеся люди были арестованы за участие в войне или за принадлежность к оппозиции, и за оппозиционные убеждения были отправлены в Италию». Даже Ахейский союз – несмотря на всю осторожность своего поведения относительно царя Персея – не избег печальной и позорной участи: тысяча уважаемых граждан должна была отправиться в плен в Италию (167 г. н. э.) под предлогом привлечения к судебной ответственности. Конечно, под давлением этих и иных обстоятельств ненависть к Риму, его сторонникам достигла такой степени напряжения, что «недоставало только предводителей для того, чтобы вызвать последний страшный взрыв народных страстей, которые и без того уже были сильно возбуждены вследствие всеобщей социальной и экономической неурядицы того времени».

Римские всадники перед храмом Юпитера Капитолийского

Конечно, Афины не могли смириться с потерей их независимости. Вспомним, что, когда полководец Митридата Архелай высадился на Делосе (88 г. до н. э.) и призвал греков к борьбе против римлян, те откликнулись. Вскоре власть в Афинах взял философ-эпикурец Аристион, при этом умертвив всех проримски настроенных граждан. Затем Архелай будет осажден в Афинах Суллой. Город испытает страшные бедствия. Недостаток съестных припасов был столь велик, что люди ели кожу и шкуры животных. После сдачи города обнаружили, что осажденные, судя по всему, ели и человеческое мясо. Захватив город, Сулла дал приказ разрушить гавань Пирея вместе с арсеналом и всеми сооружениями, что имели отношение к морскому делу. В результате город, по словам древних, стал походить на брошенное мертвое тело. Три самых богатых храма в Греции, а именно храм Аполлона на Делосе, Эскулапа в Эпидавре, Юпитера в Элиде, ограблены Суллой. Сулла увез в Рим колонны знаменитого храма Юпитера Олимпийского, многие другие статуи (в том числе и статую Афины-Паллады из Алалкамен), вывез он и библиотеку Апеллиона (точнее, Апелликона Теосского, купившего библиотеку Аристотеля и Феофраста). Тогда же в Греции, как пишет Винкельман, произошло то, чего никогда не случалось ранее: в Элиде, на Олимпийских играх, не было никаких других состязаний, кроме конных, ибо Сулла перенес все игры в Рим. Это событие произошло в сто семьдесят пятую Олимпиаду. Повсюду в Греции были заметны трагические и печальные следы разрушений. Великие Фивы, ранее отстроившиеся после разорения, которому их ранее подверг Александр, были вновь разграблены и дограблены Римом, за исключением нескольких храмов на прежнем акрополе. Прекрасный город превращен завоевателями в пустыню. Столица Спарты и все окрестные области совершенно обезлюдели, от славных Микен осталось разве что одно лишь имя.

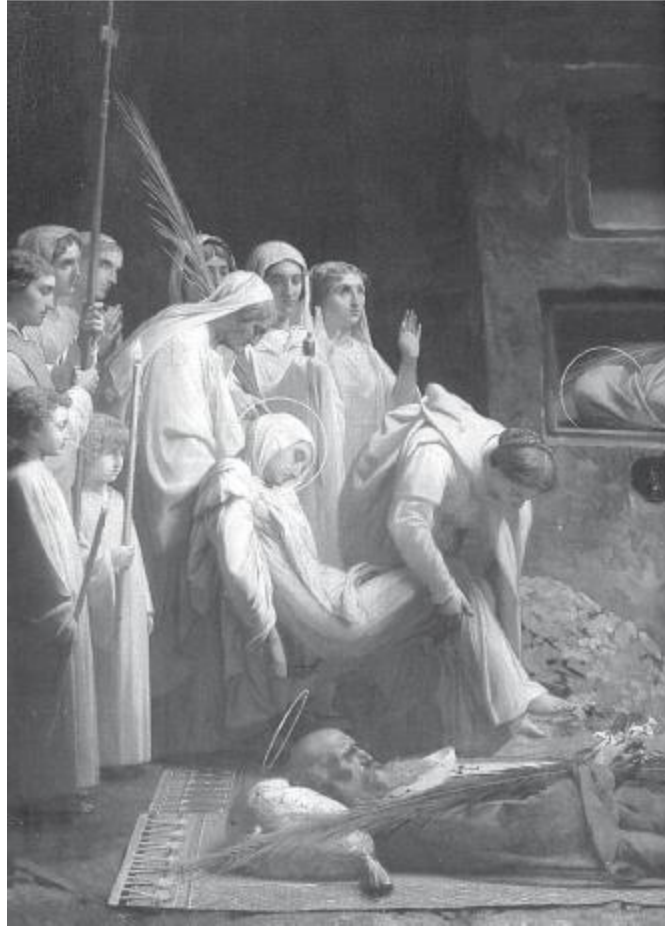
А. Тарсиа. Аполлон. Петербург

А. Тарсиа. Юнона. Петербург

Таким образом, вся бывшая великая Греция и Сицилия находились в плачевном состоянии. Помните, что основатель Фив, Кадм, некогда посеял зубы дракона, из которых поднялись безжалостные воители? Греция вскормила Рим, а теперь он ее грабил. Военачальники и чиновники Рима грабили всё подчистую (цензор Квинт Фульвий Флакк содрал черепичную крышу с храма Юноны Лацинии). И Вольтер еще пытается уверить нас в том, что римляне почитали богов: «Такое почитание верховного бога установилось со времен Ромула и вплоть до полного упадка империи и ее религии. Вопреки всем глупостям народа, поклонявшегося второстепенным, смешным богам, вопреки эпикурейцам, по существу не признававшим никаких богов, доказано, что римские магистраты и мудрецы во все времена почитали лишь одного верховного бога». Возможно, я с ним даже соглашусь, если только мы сойдемся в названии имени главного бога римлян: имя ему – Император.

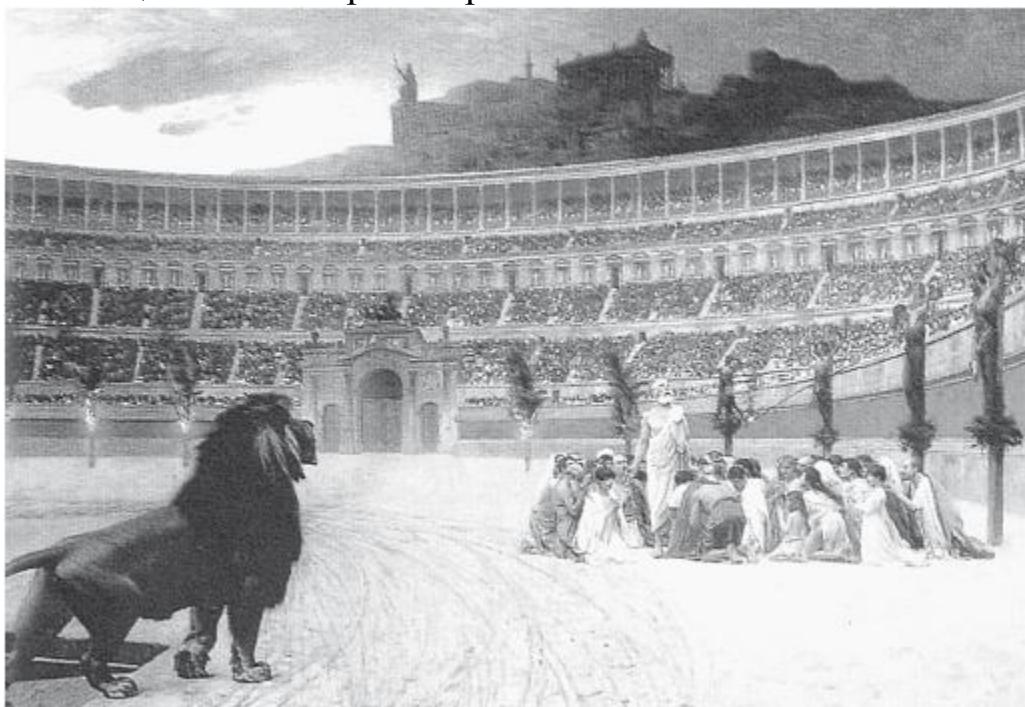
В Сицилии в это время от мыса Лилибей до мыса Пахинон, от одного конца острова и до другого, высились одни лишь руины некогда цветущих городов... Показательно уже то, что теперь греческий язык стал выходить из употребления даже в греческих городах Италии. Аполлоний Тианский у Филострата жалуется Веспасиану на то, что «Элладой управлял человек, не понимавший греческого языка». Официальным языком стал для всей империи латинский, и лишь для Востока указы публиковались по-гречески. Несмотря на некоторый подъем и расцвет искусства в творчестве отдельных художников, наблюдается очевидный упадок искусства в Греции. Таковы были итоги римского господства в Греции. Римляне освободили греков не только от македонцев, но заодно и от сокровищ. Веррес похитил из храмов сицилийских греков немало памятников культуры. «Эти произведения искусных мастеров, – писал Цицерон, – статуи и картины несказанно милы сердцу греков. Из их жалоб мы можем понять, сколь тяжела для них эта утрата, которая нам, быть может, кажется незначительной и не заслуживающей внимания». Но Рим не обращал внимания на чувства греков и вывозил эти сокровища и художественные ценности в свои особняки и виллы.

Мученики в катакомбах

В-двенадцатых, весьма ощутимым стало выступление против Рима христиан. Религия всегда играла значительную роль в жизни общества. Однако языческие боги становились все более далекими и чужими. Новый культ становился все популярнее по мере того, как старые римские законы и боги подверглись порче и девальвации. Рим желал лишь зрелищ, хлеба, денег и крови. Он ожесточился, ибо человек человеку тут волк. А христиане говорили всем: «Постоянно любите друг друга от чистого сердца». Они возвели в добродетель любовь и семью, помогали больным и бедным. Они чурались празднеств, и тем более кровавых зрелищ. Празднества эти часто перерастали в оргии и дикие сцены. Во время празднования Сатурналий при Калигуле солдаты выбирали из приговоренных к смерти «царя» и на седьмой день его казнили. В глазах христиан подобные сцены, как и бои гладиаторов, были отвратительны и казались варварством. В свою очередь, темный народ был преисполнен

ненависти к христианам. О них распускали самые невероятные слухи, обвиняя в кровосмешениях, сексуальных оргиях, убийстве младенцев и каннибализме. Их обвиняли в чем угодно, даже в природных катастрофах (разливах Тибра, пожаре Рима, эпидемиях чумы и т. д.). Тертуллиан даже саркастически заметил: «Если Тибр выходит из берегов или, вопреки ожиданиям, Нил из берегов не выходит... то сразу раздастся призыв: «Христиан ко львам!»» И ведь так и делали. Так погиб в 115 г. Игнатий, епископ Антиохийский. Его бросили зверям на растерзание. В Риме распяты учителя христианства, апостолы Петр и Павел. И хотя мы не знаем многого об их жизни, не знаем, встречались ли они, и каковы были их взаимоотношения, некоторые находки позволяют сказать с уверенностью, что Петр, который был неграмотен, не умел читать и писать, похоронен в Риме на кладбище язычников. Правду сказал Тертуллиан: «Кровь мучеников – это семя Церкви». Все больше у новой религиозной доктрины было сторонников. Острой критике подвергались нравы и этические нормы римского общества со стороны христианских апостолов.

Христиан отдают на растерзание хищникам

Однако и римская власть не могла спокойно наблюдать за наступлением новой религии... В этой связи приходится согласиться с точкой зрения известного российского правоведа А. П. Лопухина,

отмечавшего в «Суде над Христом», что хотя политика Рима как мирового гегемона в отношении к другим религиям и была терпимой в местах их господства, но эта терпимость, во-первых, носила строго прагматическо-дипломатический характер в этих местах (Египет, Иудея, Малая Азия и т. д.) и, во-вторых, не могла быть той же самой собственно в Италии. Даже если отправление такой религии и допускалось на берегах Тибра, то исключительно в среде тех, кто являлся выходцем из стран с подобной дозволенной религией (*religio licita*). Переиначив известный афоризм можно было сказать: «То, что дозволено быку, не позволено Юпитеру». То, что дозволено чужаку, не могло быть позволено римским гражданам. Религия римлян и в отношении других народов, подданных империи, была хотя и необязательной, но господствующей. Поэтому какой-либо местный культ вне той страны или провинции, где он господствовал, не имел права на публичность и на приобретение новых последователей и был обречен на пассивное и частное существование. В этом плане даже иудейская религия, с точки зрения римского законодательства и интересов Империи, не представляла большой угрозы для римского господства. Иная ситуация складывается с появлением христианства, агрессивно-наступательной религии. «Когда явилось христианство, то Риму пришлось иметь дело с совсем иной задачей. Христианство не только заявляло право на исключительную истинность, но еще восставало против всякого ограничения себя какими бы то ни было пределами. По своему существу оно являлось наступательным, везде ища последователей; оно требовало, чтобы его приняли все люди – приняли римляне и греки, варвары и иудеи. Какой же результат? В существе дела, римляне относились к христианству как к преступлению, но действовали при этом урывками, непоследовательно. Его преследовали вообще как форму безбожия». Таким образом, продолжает Лопухин, «христианство было несовместимо с римским законом, и не только потому, что содержание его было отлично от содержания древней религии Рима, но и потому, что требование христианства, чтобы его приняли и публично исповедывали все люди, приводило его в столкновение с неограниченной и не терпевшей никакого противоречия себе верховной властью Римского государства. В этих самых пунктах указанный закон входил в столкновение и с Основателем

христианства». Поэтому Пилат, позволим себе заметить, крайне неохотно пошел на осуждение Христа вне Рима, скорее подчиняясь воле синедриона и не желая портить отношений с влиятельной верхушкой Израиля. В то же время в самом Риме повели самые настоящие гонения на христиан как на прозелитов крайне враждебного и опасного для устоев Империи течения. Это соответствовало форме и духу римского законодательства. По этой же причине, по причине борьбы с ересью, они подвергли казни и мученической смерти апостолов Петра и Павла.

Казнь апостола Павла

Христианское учение, становившееся все более популярным, проникло даже в армию. Тертуллиан спрашивал, а может ли христианин быть солдатом, и сам же отвечал на поставленный вопрос: «Речь идет о том, может ли христианин быть военным и могут ли воины становиться христианами... Божественная и человеческая клятва, символы Христа и Сатаны, свет и тьма не переносят друг друга; человеческая душа не может одновременно выполнять свои обязательства перед Богом и императором. Правда, можно пошутить, что Моисей ходил с посохом, у Аарона на поясе была пряжка, Иоанн Креститель подпоясывался ремнем, Иисус Навин возглавил небольшой отряд, а народ Израиля воевал. А как же воевать тому, у кого Господь отнял меч? Служить в мирное время без меча? К Иоанну тоже приходили солдаты, чтобы он указал, как им жить дальше, и даже если

сотник верующий, то ведь Господь, разоружив Петра, (тем самым) разоружил любого солдата. Любая форма у нас запрещена, ибо это (война и насилие) есть признак недопустимой профессии». Представьте себе, как относились и могли относиться к такого рода заявлениям императоры и высшие офицеры, главной профессией которых, их «хлебом насущным» были война и убийство. Слыша агитацию, подобную речи Ипполита Римского, те были в бешенстве: «Или если кто-то охотник, или учится убивать, или военному делу, или участвует в скачках, то он должен это занятие оставить, или же его не следует принимать. Солдата не следует принимать, и если ему приказано кого-то убить, то он не должен этого делать; а если он не оставил это занятие, то ему следует отказать в приеме». Понятно, что император и генералы, в чьих армиях было уже немало христиан, всячески преследовали сторонников этого учения. Гонитель христиан Диоклетиан в 303 г. н. э. принял решение очистить от них армию.

Однако и христиане не принесли Риму спокойствия... Говорят, что когда в Рим пришел апостол Павел, там насчитывалось примерно от 25 до 30 тысяч евреев. Среди них было немало и христиан. Увы, между приверженцами старой и новой веры стали происходить постоянные столкновения. Император Клавдий вынужден был издать закон об изгнании тех и других, но изгнанные вернулись правдами и неправдами, не желая покидать столицы! Распри между местными и приезжими (иностранцами) вскоре возобновились и еще усилились. «По своим убеждениям, по своим традициям, по стремлениям и антипатиям обращенные в христианство евреи и другие чужеземцы всех национальностей, принявшие веру Христа, были совершенно чуждыми религии Рима, были чужды настолько, что можно было даже обвинить их в том, что они во времена Нерона зажгли город и причинили тот страшный пожар». Пожар совершенно уничтожил 3 из 14 кварталов Рима, оставив от семи других кварталов лишь закопченные стены. Толпа, убежденная в виновности христиан в поджоге, аплодировала их казни в садах Нерона. Тогда же в столице казнили апостола Павла и распяли Петра.

Г. Робер. Пожар в Риме

«Если между христианами, предсказавшими гибель Рима, долженствовавшую предшествовать пришествию Христа Искупителя и началу нового золотого века, и не было действительно поджигателей, то, во всяком случае, «христиане должны были радоваться пожару, в котором видели исполнение пророчеств, и эта радость должна была заставлять считать их сообщниками поджигателей». Все и вся указывало на ослабление Римской империи. Рим разрушался сотни лет. Такое огромное тело не могло разрушиться скорее (М. Погодин).

Варвары и гибель Римской империи

Что должна была испытать масса варваров, глядя на жирующую империю? По всей вероятности, богатства Рима только разжигали зависть в покоренных и угнетаемых народах. Мир вдохновлялся возможностью почти что в одночасье разбогатеть, завоевав Рим. Спокойствие и раньше нарушалось постоянно: то это битва с Карфагеном, то война с Югуртой, то возмущения германцев, то события на Востоке, то переворот на окраинах Китая.

Воины на страже

Следует в этой связи особо подчеркнуть, что «великое переселение народов», столь коренным образом изменившее судьбы

Европы и мира, как известно, началось с миграции на запад части азиатских народов (сюнну). Во II в. н. э. они покинули места своего первоначального обитания и, двинувшись на запад, стали, подобно мощному прессу, выдавливать все обитавшие на евразийском континенте народы. Процесс занял не одно столетие, и через два с половиной века они появились на европейской арене под именем гунны. Однако самое любопытное то, что процессы, аналогичные «великому переселению народов», имели место и в Китае. Как отмечают синологи, в Восточной Азии начиная с III века н. э. наблюдается процесс, аналогичный тому, что происходил на границах Римской империи, а именно: часть сюнну (сяньбийцы, ди, цяны, другие ближайшие соседи древних китайцев) начали перемещаться на Среднекитайскую равнину. В результате уже в 308 г., т. е. за сто лет до взятия Рима Аларихом и возникновения на территории Римской империи первого «варварского» государства – Тулузского королевства, предводитель сюнну Лю Юань объявил себя императором, а его преемник Лю Цун взял через три года столицу империи Цзинь и захватил в плен Сына Неба. Эти события и повлекли за собой начало массового переселения древних китайцев на юг, в бассейн Янцзы. В движение пришли и племена «южных варваров». Иначе говоря, именно азиатские племена послужили неким детонатором «большого взрыва», который заметно изменил не только облик населения на огромных пространствах Азии и Европы, но и перекроил карту мира, внося существенные изменения в исторические судьбы могущественнейших Римской и Китайской империй. «Именно потому, что «великое переселение народов» заставило древних китайцев пережить этот период перерождения и изменения, между ними и современными китайцами, говоря словами К. А. Харнского, мы обнаруживаем сегодня примерно такие же качественные различия, как между древними римлянами и современными итальянцами».

В провинции Африка, испытавшей на себе бесцеремонное вмешательство римских ростовщиков и финансистов, появился хитрый и очень неглупый нумидийский владыка. Звали его Югурта. Когда римляне разделили Нумидию на три части (примерно так же, как сделали янки с Югославией), Югурта силой объединил страну. Правда, при этом убил своих сонаследников и римских спекулянтов и коммерсантов. Но по большому счету то была битва за независимость

Нумидии от Рима. В 113 г. до н. э. римляне потерпели серьезное поражение от кимбров. Этим воспользовался Югурта, нанеся римлянам в битве при Сутуле поражение (109 г. до н. э.). Армия капитулировала, римляне прошли «под ярмом», а Рим был вынужден заключить с ним договор, в котром обещал очистить Нумидию от своих войск. Конечно, сам Югурта был далеко не идеальной личностью. Ему были присущи коварство и жестокость. Однако уже та удивительная легкость, с которой он подкупал почтенных сенаторов, показала, насколько прогнул Рим. И когда он был все же побежден военачальниками Рима Цецилием Метеллом и Гаем Марием (109 г. и 105 г. до н. э.), привезен в Рим и казнен, опасность для Рима все равно не исчезла. Историк писал в «Войне с Югуртой»: «И правда, вплоть до разрушения Карфагена, римский народ и сенат вели дела государства дружно и спокойно, не было меж гражданами борьбы за славу и господство: страх перед врагом поддерживал добрые порядки в городе. Но стоило сердцам избавиться от этого опасения, как место его заняли разнузданность и высокомерие – успех охотно приводит их за собою. И вышло так, что мирная праздность, о которой мечтали в разгар бедствий, оказалась хуже и горше самих бедствий. Знатные мало-помалу обратили в произвол высокое свое положение, народ – свою свободу, всяк рвал и тянул в свою сторону. Все раскололись на два стана, и государство, которое прежде было общим достоянием, растерзали на клочья». Нечто схожее случилось и с СССР, который «растерзали на клочья» алчные, ненасытные твари.

Кельты атакуют

Надо сказать, что кельты и германцы не раз наносили страшные поражения Риму. В 105 г. до н. э., 6 ноября, при Оранже кельты и германцы истребили римские войска Максима и Цепиона, в результате чего открывалась дорога для мощной германо-кельтской миграции, представлявшей массу от 250 000 до 300 000 мигрантов, из них 80—100 тысяч были боеспособны. Перед Римом замаячила надежда на компромисс с ними. Многие племена в рамках Империи нуждались в контактах с Римом и римской культурой. Поэтому они выступали за те или иные формы мирного сосуществования. Иные римляне это понимали.

Племена хотели обрести культурный облик. Их кочевая жизнь заканчивалась. У многих росло желание жить по-людски. В результате общения с римлянами и их бытом и культурой у них возникали и более высокие запросы. Дион Кассий в одном из мест своей «Истории», говоря о германском племени кимбров, писал: «Однажды так замешкавшись, кимбры очень ослабели духом, и от этого сделались более вялыми и бессильными и телом и душой. Причина этого в том, что, живя в домах (имеется в виду их длительное пребывание в романизированной Испании и Северной Италии. — В. М.), они отступали от своего прежнего образа жизни под открытым небом, пользовались горячей баней вместо прежнего купания в холодной воде и стали

объедаться тонкими блюдами и местными сладостями, тогда как раньше питались сырым мясом, и пресыщаться допьяна вином. Это совершенно истребило их пылкость и изнежило их физически, так что они больше не могли переносить ни трудов, ни невзгод, ни зноя, ни холода, ни бодрствования». В итоге такого культурного воздействия менялся и весь уклад жизни племен. В работе, посвященной проблемам развития торговли и цивилизации, один автор сравнил народы Западной Европы (галлов, испанцев, германцев, британцев) с американскими индейцами накануне их покорения колонистами из Европы. К. Дэй пишет: «Тот факт, что современные испанцы и французы фактически имеют в своей основе базу латинской культуры, является важнейшим свидетельством римского влияния на провинциалов». Среди тогдашних европей-ских племен возникают планы создания некоего общего союза. Например, Аларих, захвативший Рим, стремился к образованию единого германо-романского народа, а его сын Атаулф мечтал преобразовать Римскую империю в Готическую империю. Но роли в ней должны были распределяться с учетом уже новой расстановки сил в регионе: Романия должна стать Готией, Атаулф «должен заменить Цезаря Августа». Вопрос в том: а готов ли был сам Рим делить полномочия с другими? Готов ли был принять формулу Клодиана: «Мы должны пить из Рейна и из Оронта, ибо мы все – один народ»? Многие германцы в принципе хотели стать партнерами и союзниками Рима. Но римляне, полные гордыни, чаще всего относились с ненавистью, презрением к варварам.

Пленные германцы. Рельеф с Трояновой колонны

О гуннах и других варварах большая часть историков и писателей Рима пишет в довольно оскорбительных тонах... Аммиан видел в гуннах недочеловеков и так говорил о них: «Они настолько чудовищно безобразны и бесформенны, что их можно принять за двуногих зверей или за пни, которые вырублены в виде идолов, устанавливаемых на краях мостов... Как неразумные животные, они совершенно не понимают разницы между истинным и ложным». Пруденций, декларирующий ранее, что народы Империи якобы «равны и связаны единым именем», называл в своих стихах язычников глупыми и писал, что «Рим стоит в гордом одиночестве над землями варваров». Поэт Клодиан высмеивал гуннов за их нравы: за то, что они нацелены только на войну, за то, что они похожи на зверей, и даже за то, что вступают в брак с африканцами, в итоге чего «цветной ублюдок запятнает колыбель». Кто стал бы вспоминать благие экуменические проповеди Павла: «Нет ни иудея, ни язычника, нет ни раба, ни свободного... все вы одно во Христе Иисусе». Ложью была вся римская политика, все проповеди.

Конвоирование римскими воинами германских женщин

Христианский историк Орозий, казалось, видевший в германцах союзников, тем не менее также не мог сдержать своих истинных чувств, понимая всю мощь этих варваров, а следовательно, необходимость потакать им и даже лебезить перед ними: «Я смотрел на германцев и понял, что должен избегать их, — они пагубны, льстить им, потому что они хозяева, молиться на них, хотя они и язычники; спастись от них бегством, потому что они заманивают в ловушку». Большинство римлян с трудом их переносило. Одним не нравилось идущее от них зловоние, другим — их тела, затянутые в кожи, третьим — их склонность к разврату (чьа бы корова мычала, но только уж не «римская»), четвертым — их татуировки, пятым — их пристрастие к алкоголизму. Фюстель де Куланж писал, что на надгробных плитах варвары будто славословили римские порядки. Чушь. Но в свою очередь и варвары, столетиями угнетаемые Римом, не испытывали к нему добрых чувств... К примеру, на надгробной плите в Южной Галлии два германца в язвительном тоне признают, что их расовое происхождение есть часть пятна, смытого крещением. Рим осуждал не только совместные браки, но даже мода варваров подвергалась запрету. Скажем, римские власти запрещали носить в столице и окрестностях штаны и меховую и кожаную одежду варваров (даже рабам), под угрозой пожизненной высылки и конфискации имущества. Правда, Феодосий I лояльно отнесся к германским вождям, разрешив

вестготам селиться компактно внутри Империи. Но это было скорее исключением, и произошло гораздо позже.

Бракосочетание. Античный барельеф

Примерно такое же положение складывалось с галлами, германцами, прочими «варварами» в Римской империи. На иммигрантов коренные римляне, даже те италики, которые поколение назад сами были рабами и вольноотпущенниками, смотрели с едва скрытым презрением. Им не нравились ни их привычки, ни их язык, ни «физиономии»... Никакой расовой ассимиляции (хотя нечто похожее все же имело место за годы контактирования народов друг с другом) на деле так и не произошло. Во всяком случае, на государственном уровне прослеживалась совершенно иная политика разделения рас. Закон Валентиана I и Валенса (370 г. н. э.) не поощрял заключение смешанных браков между римскими гражданами и германскими иммигрантами. Так расовый клин был вбит в могилу мирного союза.

Стоит вспомнить отношение официальных лиц и к германским иммигрантам. В глазах римских чиновников, военачальников то были люди не то что второго, а даже третьего сорта. Голодающих вестготов римляне кормят падалью в обмен на возвращение им сыновей, проданных в рабство. Иордан пишет: когда готские вожди,

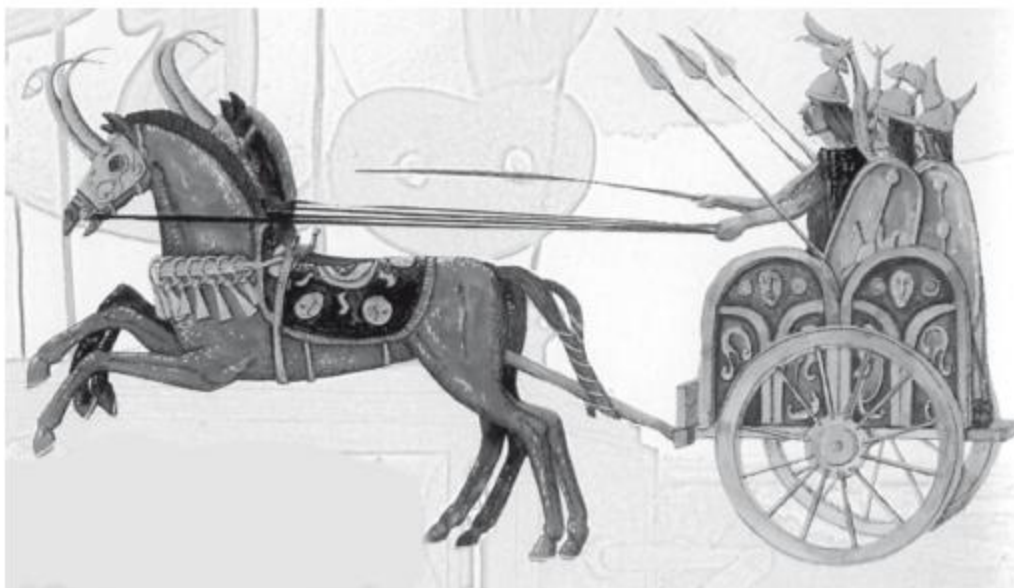

обосновавшиеся во Фракии, увидели, что их воины и народ терпят голод и оскудение, они обратились к римским полководцам Лупичину и Максиму с просьбой продать им съестные припасы («открыть торжище»). Те согласились, движимые «проклятой золотой жаждой». Побуждаемые алчностью вояки стали продавать им не только баранье или бычье мясо, но «даже дохлятину – собачью и других нечистых животных, причем по высокой цене». Дело дошло до того, что любого раба продавали за один хлеб или за десять фунтов говядины. Когда же ни рабов, ни утвари не стало, жадный купец, невзирая на отчаянную нужду, потребовал их сыновей. Родители молодых готв вынуждены были продавать римлянам даже своих детей, считая, что лучше пусть те будут рабами римлян, чем умрут с голоду. Римляне не брезговали и самыми подлыми приемами. Так, римский военачальник Лупичин пригласил готского князя Фритигерна на пир, уверяя его в самых теплых и дружеских чувствах. Тот, не подозревая об обмане и коварстве римлян, пришел на пир с небольшой дружиной. Пока он в одном помещении пировал, в другом римляне пытались перебить его дружину. Когда Фритигерн услышал отчаянные крики погибавших товарищей, он обнажил меч и устремился к ним на помощь. Те, возмущенные римским коварством, стали безжалостно избивать римлян.

Я. Йорданс. Праздник бобового короля

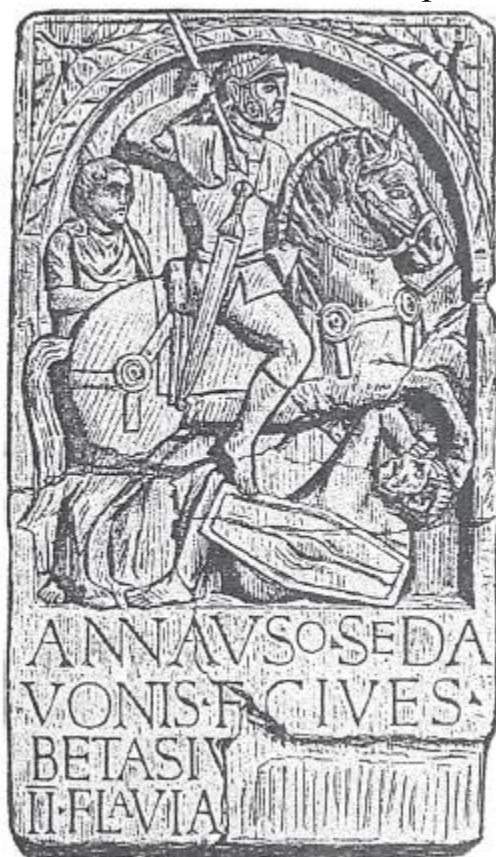
Иордан пишет: «Этот самый день унес с собой как голод готов, так и безопасность римлян... И начали тогда готы, уже не как пришельцы и чужаки, но как (римские) граждане и господа, повелевать землевладельцами и держать в своей власти все северные области вплоть до Днестра». Император Валент тут же послал войско во Фракию, но готы наголову разбили римлян. Сам Валент бежал и спрятался в каком-то ветхом домишке. Не ведая о том, готы подожгли его, и император сгорел заживо. Так римляне сами раздували пламя ненависти.

Боевая колесница бриттов

Тех же германцев Рим набирал в военные части и отправлял сражаться во славу империи. Причем отправляли на самые опасные гибельные участки (Констанций III предпочитал проливать кровь союзников и германцев, не римлян). Германцы – отважные воины, да и содержание их обходилось Риму дешевле, чем собственных солдат. Естественно, те надеялись на благодарность страны за честное выполнение ими нелегкой службы. Но когда галл и германец просил землю, надеясь на получение гражданства, он видел враждебность и полнейшее непонимание со стороны чиновников Рима. При таком отношении неудивительно, что иные германцы отказались от романизации и противились службе в армиях Рима. Эксперимент по федерализации Империи завершился полной катастрофой. Рим не мог и не хотел ассимилировать тех, кого он ранее впустил в его границы. И все же, проникая в пределы империи, толпы варваров, вторгшиеся или поселившиеся тут, невольно меняли его лицо. Все больше было в пределах империи не римлян, а чужестранцев... Власть коренных обитателей Рима убывала, словно вода, спадающая после небывалого наводнения. Уже при Севере в сенате Рима численный перевес над уроженцами Запада и италиками получили выходцы из восточных провинций или Африки. Впервые Александрия получила городской совет, а главные города египетских номов – муниципальное устройство. Император Септимий происходил родом из Африки.

Против нее никто ничего не имел, но ставить во главе итальянской страны дитя пустынь! Будучи ярым поклонником Ганнибала, тот всюду воздвиг статуи карфагенскому полководцу, смертельному врагу Рима. Император Элагабал, финикиянин, стал устраивать кровавые оргии. Он плясал перед алтарем, приносил человеческие жертвы, выбирая для этой цели по всей Италии знатных и красивых мальчиков, как некогда делал ненавистный Карфаген. При этом Элагабал испытывал особое удовольствие, используя в качестве прислуги почтенных сенаторов, бывших на положении рабов.

Римский кавалерист повергает германца. Надгробье

Встречая такое отношение к себе, германцы и бургундцы, галлы, готы и гунны ненавидели Рим всем сердцем и платили ему той же монетой. В итоге у племен зрело желание захватить Рим и разрушить это гнездо войн, насилия, ненависти и грабежа. Чувства народов Европы можно понять. Столетиями Рим захватывал и порабощал сотни тысячи людей. Хёфлинг отмечает, что в 1-й Пунической войне (264–241 гг. до н. э.) римские войска взяли 75 000 пленных, а во 2-й

(218–201 гг. до н. э.) – 30 000 в одном только городе Таренте. Таким образом, за пять десятилетий, с 200 по 150 г. до н. э., когда Рим собственно и стал мировой державой, из эллинистического мира им было уведено 250 000 пленных. Это огромная цифра для античной эпохи. Успешные военные походы в Азию против Антиоха III из династии Селевкидов (189–188 гг. до н. э.) завершились притоком новых рабов. Скажем, Луций Эмилий Павел (победитель греков, насаждавший в Риме греческую культуру) продал после взятия Эпира в 168 г. до н. э. 150 000 человек, а после победы Мария над германцами (в 102–101 гг. до н. э.) римляне получили новые пополнения живого товара. Далее все шло по раз и навсегда заведенному кругу. Так, когда Цезарь одержал победы в Галлии, он продал в рабство народ адуатуков (53 000), подчинив кельтское племя венетов в Британии, он приказал казнить вождей, а весь народ фактически увел в рабство. После галльских войн Цезаря рынки затопили полмиллиона рабов. Сотни тысяч пленных захвачены и в ходе войн периода ранней Империи. Неудивительно, что многие ее обитатели встречали варваров как спасителей. Нужны были сотни тысяч «брутов», чтобы отомстить дикому, алчному и жестокому народу. Да здравствуют «варвары»!

Смерть галла, закалывающего себя и жену

Следует, видимо, упомянуть и еще об одной причине, видимо, немаловажной, которая ускорила гибель Римской империи. Чувство меры и осторожности стало изменять Риму, что продолжал захватывать все новые земли, подчинял племена, не заботясь о том, что их разношерстная масса трудна в управлении, надеясь, что он сможет в дальнейшем манипулировать народами. С галлами римлянам, правда, удалось справиться. Те хотя и были сильны, но в упорстве уступали им. О них говорили: «В первой яростной атаке они опаснее мужчин, при первом отпоре – слабее женщин». Галлы службу в пехоте считали непрестижной и предпочитали служить в кавалерии. Воины их очень любили золотые браслеты и кольца, подобно женщинам. Потому серьезными противниками не были, хотя и устрашали своим косматым видом. Им не хватало дисциплины и организации. Учитывая все вышесказанное, римлянам не стоило особого труда превратить галлов в своего рода «санитарный кордон». Намного упорнее и ожесточеннее была битва с гельветами. Цезарь приводит следующие цифры: в битве римлян и гельветов погибло 258 000 гельветов, а 110 000 вернулось на родину. При этом говорит, что большинство погибших составили старики, женщины и дети. Таков прославленный Рим!

Экономический гнет, к которому принуждали римляне побежденных, был невыносим (бесчисленные штрафы, контрибуции). Подушному налогу в Сирии подлежали все мужчины от 14 до 65 лет, все женщины – от 12 до 65 лет. Евреи также должны были поголовно платить Риму крупные суммы. Кроме денежного налога существовала еще и подать натурой. Население обязано было поставлять Риму скот, перевязочные средства, содержать в порядке все дороги и почтовые станции. Результатом подобной оккупации были бедствия (голод, болезни, мор, нищета). Евсевий рисует жуткую картину голода, охватившего Восток в 312 г. до н. э. Нисколько не преувеличивая трагедию бедного народа, Евсевий писал: «...одна мера пшеницы продавалась по 2500 аттических драхм. Бесчисленное множество народа умерло в городах, а еще больше того в селах и деревнях, так что списки податных людей, до того времени заполненные многочисленными именами землевладельцев, теперь состояли едва не из одних помарок, потому что почти все те жители истреблены голодом и заразой. Одни принуждены были отдавать богатым людям самые любимые свои вещи за небольшое количество пищи; другие,

мало-помалу прожив все свое имение, дошли до крайней нищеты; иные растирали малые клочки сена, питались без разбора вредными растениями и погибали от болезни... Другие, высохшие... не могли стоять на ногах и падали среди улиц. А люди, казавшиеся богатыми, раздав много пособий, в конце концов напуганы были толпами просителей и пришли в состояние бесчувственности и жестокосердия, ибо ожидали, что вскоре сами должны будут переносить одинаковые бедствия с просящими. На городских площадях и улицах мертвые обнаженные тела, в течение многих дней оставаясь непогребенными, представляли самое печальное зрелище; а некоторые из них даже пожираемы были псами». Представьте себе, как воспринимались в этих условиях сотнями тысяч несчастных роскошные виллы и безумные пиры Рима.

Римский саркофаг. IV в. до н.э.

И напрасно Дион Хризостом, сам богатый землевладелец, уговаривал народ, что «камни и огонь никому не страшны» и что «сила народа — в другом, прежде всего в разумном поведении и справедливости». Фарисей, он мог бы понять, что у народа нет уж сил терпеть налоги, нести огромные расходы на содержание римского войска, как и на содержание всей этой своры сановников императора.

Митридат Евпатор

Поэтому восстания против римской власти почти всегда находили поддержку у населения. Одной из таких освободительных войн и стала война Митридата Евпатора. Тот был умным правителем и храбрым воином. Он старался привлечь на свою сторону тех, кто пострадал от Рима. Разослав в греческие города гонцов, он объявил, что, во-первых, прощает им все государственные и частные долги, освобождая от налогов на 5 лет (правда, это случилось уже после первых побед над Римом, когда ему в руки попали огромные богатства, награбленные Римом). Во-вторых, он последовал совету римского военачальника Гая Мария, который тот ему дал в ответ на просьбу Митридата дать хоть какие-то гарантии в области внешней политики. Гай Марий произнес фразу, которую должны бы усвоить и наши государственные мужи: «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают». Так он и сделал. В-третьих, он понял, что народы ненавидят Рим лютой ненавистью. Ведь даже италийцы, долгие годы безуспешно добивавшиеся от Рима предоставления им гражданских прав, наконец не выдержав, восстали и создали свое государство с центром в городе Корфиний. Они предложили союз Митридату. По непонятным причинам он им отказал, хотя они могли бы стать лучшими бойцами его армии, ибо много лет прослужили в рядах римской армии и прекрасно знали тактику и стратегию римлян. Но то, что они пришли к врагу Рима, уже говорит о многом.

Ваза Митридата

И когда Митридат отдал тайный приказ наместникам в один день истребить всех римлян и италийцев, живущих в Азии, жители азиатских городов даже и не колебались. Они перебили не только главных римских виновников их страданий – купцов, ростовщиков и публиканов, но даже и вольноотпущенников (женщин, детей и рабов). Хотя напомним, что среди вольноотпущенников нередко были самые жестокие, свирепые угнетатели. «В этом случае особенно ясно было, что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершила против них такие ужасные поступки», – писал Аппиан. В этой резне, по утверждению источников, всего погибло около 80 000 римлян. Орозий писал о битве с Митридатом: «Итак, Митридат, царь Понта и Армении, после того как (он) задумал лишить царства Никомеда, царя Вифинии, друга римского народа, и был предупрежден сенатом о том, что если он попробует это сделать, то навлечет на себя войну с римским народом, полный гнева, захватил Каппадокию и, изгнав оттуда Ариобарзана, прошел по всей провинции огнем и мечом. Затем он таким же бичом поразил Вифинию, прогнав из нее царей Пилемена и Никомеда. Потом он, когда прибыл в Эфес, жесточайшим эдиктом предписал, чтобы все римские граждане, какие бы ни были найдены во всей Азии, были бы в течение одного дня убиты, и это было сделано. Никким образом нельзя ни передать, ни выразить словами, какое тогда множество римских

граждан было убито, каково было горе для многих провинций, какова была скорбь для обреченных на смерть, а также для убивающих, когда всякий вынужден был либо выдавать невинных чужеземцев и друзей, либо испытать на себе кару, (предусмотренную) для чужеземцев». О степени ожесточенности столкновения, о масштабах, которые приняла борьба против римлян в Малой Азии, свидетельствует то, что схватка длилась четверть века (88–63 гг. до н. э.) и закончилась лишь со смертью Митридата. В качестве примера, показывающего истинное отношение покоренных народов к Риму, приведем слова персидского царевича Ормидза, который в 324 г. н. э. бежал к Константину Великому. На вопрос, как ему понравился Рим, он сказал, что там ему понравилось только то, что и тут, как он это понял, люди умирают. Добавим, что с Римом все его противники – великие воины Ганнибал, Митридат, Атилл – сражались не на жизнь, а на смерть. Что это такое, как ни битва цивилизаций. Она может повториться вновь – уже в XXI веке!

Э. Вольф. Амазонки после боя

Напомним, что на стороне Митридата сражались и воинственные сарматы. Это близкое к скифам племя, проводившее всю жизнь в седле, было ираноязычным племенем и кочевало по просторам евразийских степей. Они покорили и вытеснили скифов, возможно, даже впоследствии слились с ними, в результате чего название «Скифия» исчезает из трудов античных писателей и заменяется – «Сарматией» (с III в. до н. э. до IV в. н. э.). Геродот помещает сарматов к востоку от Дона: «За рекою Танаисом (Доном) уже не скифская земля: первые из тамошних участков принадлежат сарматам, которые начиная от Меотийского озера (Азовского моря) занимают пространство на 15 дней пути к северу». По легенде, сарматы якобы произошли от брака скифов с амазонками Приазовья.

Говорили сарматы на скифском языке, но искаженном, ибо не вполне его еще усвоили. Отзвуки того древнего языка, по мнению лингвистов, можно найти в современном осетинском языке. Сведения о передвижении сарматов приводят и римские историки, описывавшие войны Рима с Митридатом Евпатором. Этот народ был не только смелым воителем, непревзойденным мастером конного боя, которому не было равных, но и довольно искусным резчиком по металлу. До нас дошли некоторые произведения «звериного стиля», отличающиеся красотой и мастерством исполнения. У сарматов, как и у древних иранцев, царил культ солнца и огня – священной стихии ираноязычных народов, воспетый в Авесте. О поклонении сарматов огню писал и Диодор Сицилийский. Их алтари с огнем изображались на погребальных вещах, серебряных блюдах и каменных стелах. Женщины этого народа не уступали в мужестве и храбрости мужчинам, уходя с ними на войну, носили такие же одежды, одеты как воины – в тяжелые панцири, сражались на конях, используя длинные пики и двуручные мечи. Они глубоко уважаемы всем народом и принимали активное участие в управлении. Скипак утверждал даже, что «народ сарматов управляется женщинами» (IV в. до н. э.).

Арминий

Исключительное значение для Рима имела схватка с германскими племенами. Родиной германцев (или «мастерской племен») являлись Южная Скандинавия и полуостров Ютландия. В IV в. до н. э. основная масса германцев устремится на юг и вглубь Европейского континента. Они стали тревожить Римскую империю задолго до начала так называемых великих миграций (кимвры, тевтоны, свевы). Примером «любовного отношения» германцев к римлянам стала знаменитая битва в Тевтобургском лесу. Восставшие племена германцев (херуски, марсы и хатты, бруктеры) во главе с их полководцем Арминием полностью уничтожили три римских легиона Вара (9 г. н. э.). Вот как описывает историк это событие:

«И лишь только когорты отступили на один шаг, как тотчас же германские сотни ринулись вниз отовсюду, со всех высот, и окончательно отогнали римское войско к его лагерю. Всякая надежда на спасение была потеряна. Конница ускакала, надеясь в каком-либо ином месте пересечь горы. Вар и некоторые из старших командиров покончили самоубийством. Знаменосец бросился вместе со своим

орлом в болото, чтобы не дать врагам захватить в свои руки святыню легиона, если уж не было возможности ее спасти. Наконец, оставшаяся часть войска, во главе с префектом Цейонием, сдалась на милость победителя». Пока велись переговоры о капитуляции, верные слуги римского полководца пытались сжечь тело и, чтобы спасти от поругания, закопали его. Но победитель римлян Арминий приказал вырыть тело Вара и, отрубив его голову, послал ее Марбоду, королю маркоманов, своему сопернику. Так ненавистен был им Рим. Это было самым тяжелым из всех поражений Рима той эпохи. Узнав трагическую весть, Август произнес: «Вар, Вар, верни мне мои легионы!» Римляне были потрясены. То был знак грядущих бед.

Битва римлян с варварами

Один из них, Веллей Патеркул, охвативший всех шок выразил словами: «И все это войско было разбито и окончательно уничтожено тем врагом, которого до этого времени римляне убивали, как скот...» Судьба пленных была ужасной. Многие были распяты или сожжены заживо. Иных принесли в жертву темным богам германских лесов. В итоге этой битвы римляне потеряли три легиона (17, 18 и 19-й легионы), 20 000 человек. Императору Августу было нанесено не только военное, но и политическое, да и моральное поражение. Он, гордившийся тем, что вернул знамена, утерянные Крассом в сражении при Каррах, сам потерял 3 легионских орла. С ним даже произошел нервный срыв. Ходили слухи, что он перестал стричься и все время повторял приведенную ранее фразу, обращенную к Вару. Римские порядки были суровы по отношению к военнопленным. Поэтому хотя кого-то впоследствии выкупили близкие, этот акт милости имперское

правительство допустило только при условии, чтобы все эти люди (побывавшие в плену) уже никогда впредь не появлялись в Италии.

Надгробие над могилой павшего воина из легиона Вара

Отныне римляне фактически жили в постоянном страхе перед тем, что на них обрушится темная и страшная лавина племен, гораздо более грозная, чем воины Ганнибала. Уже к началу новой эры в Риме проявились ранее несвойственные ему признаки слабости и внутреннего надлома. Дион Кассий писал о времени после трагедии в Тевтобургском лесу. А далее случилось следующее... Август, узнав о том, что произошло с Варом, как говорят некоторые, разорвал на себе одежду. Его охватила глубокая скорбь о погибших, а также страх за будущее Германии и Галлии. Особенно пугало то, что враги, как он предположил, после этого могли двинуться на Италию и на Рим. К тому же у него не оставалось войска из граждан необходимого возраста (в достойном внимания количестве), да и союзные войска, могущие быть в дальнейшем полезными Риму, понесли тогда большой урон.

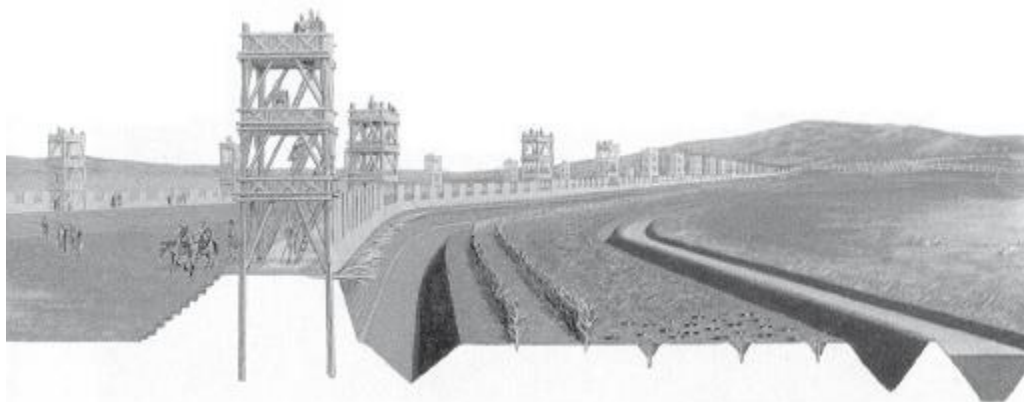

Коленопреклоненный германец. Бронза. Париж

Все-таки он стал готовить новое войско из наличных сил, и так как никто из бывших в призывном возрасте не захотел быть призванным, то он произвел жеребьевку и отнял имущество и гражданские права у каждого пятого из достигших 35 лет и каждого десятого из более старших, на кого пал жребий. Наконец, так как даже при таком положении многие не подчинились, он казнил некоторых. Отобрав по жребию из тех, кто уже отслужил свой срок, и из вольноотпущенников столько людей, сколько мог, он закончил набор и тотчас спешно послал их в Германию с Тиберием во главе. Так как в Риме было много галлов и кельтов, или просто там проживавших, или служивших в страже, он боялся, как бы те не замыслили чего-либо дурного. Всех их Август выслал на разные острова, а безоружным приказал выселиться из города. Это был террор.

Эти потрясающие слова Диона Кассия должны были бы очень внимательно прочитать и запомнить наши мужи. Говоря о жестких мерах, незамедлительно принятых Августом после разгрома легионов Вара в Тевтобургском лесу, Дион Кассий сказал: Риму пришлось «произвести жеребьевку» среди молодых людей из богатых семей. И тот, кто не желал служить, тех лишали гражданских прав, всего состояния и имущества (а также их отцов и матерей, коль они так вот их воспитали)! Не окажется ли Россия (в условиях тотальной войны диверсантов и убийц, развязанной против нее международными и

внутренними бандитами, и «демократической» контрреволюцией) перед необходимостью поставить «под ружье» 35-летних, как и римляне? История может и нас заставить пойти на это, если ход ее, не дай бог, пойдет в таком же трагически-безумном направлении. Вместе с тем характерно, что Тиберий после разгрома легионов Вара стал вести себя гораздо осторожнее и мудрее. Он не требовал от германцев дани, готов был платить им за зерно и скот для снабжения легионов, не принуждал к службе во вспомогательных отрядах, а если те сами соглашались на это, выплачивал им немалые деньги. Все это способствовало тому, что германцы (херуски и другие) стали селиться в Италии, активно сотрудничать с Римом. Но случилось это при Феодосии I, который разрешил германским племенам селиться в Империи в качестве отдельных, автономных, союзнических, либо федеральных субъектов при условии службы в римской армии (382 г. н. э.). Поселенцы-иммигранты в V в. (вест-готы и бургундцы) получили треть, а затем и две трети пашни от римских собственников, включая владение недвижимостью (система гостеприимства). При этом все лесные территории, принадлежавшие Риму, делились пополам.

Реконструкция вала, выстроенного Цезарем

Битва в Тевтобургском лесу положила конец владычеству Рима в этой части Германии. Ее воспели Клопшток («Битвы Германна», 1769), Клейст (1809) и Граббе (1836). Представляется неуместной и ирония Энгельса, который, говоря о крушении Рима, подчеркнул, что германцы «в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между

собой». Эти действия справедливы. Ведь и Рим поступал точно так же по отношению к побежденным. Так чего же он мог от них ждать!

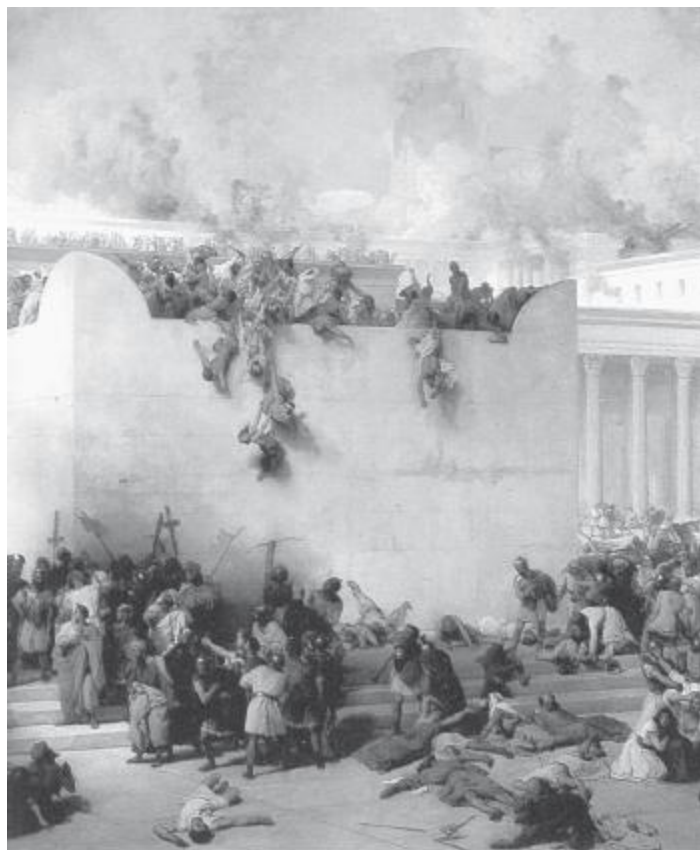
Или как могли относиться к римлянам бритты, ирландцы или шотландцы?! Со времен Цезаря «оловянные острова» были постоянной занозой в теле империи. Правда, в начале новой эры при императоре Клавдии римлянам удалось разбить войско бриттов и взять в плен их вождя. Так Британия была завоевана во второй раз. Но сами бритты не считали себя покоренной страной. Римлянам пришлось вновь направлять туда их войска. Вдобавок полководец Светоний имел глупость напасть на главную святыню бриттов – город друидов на острове Англси. Это равносильно тому, как если бы некто разрушил храм Юпитера или же сам Рим! Военачальники римлян выпороли королеву Британии Боудикку. Тут же все как один бритты поднялись на восстание. Разъяренные бритты изгнали римлян в Галлию, а не успевших покинуть землю распинали, вешали, рубили тысячами. За несколько дней было уничтожено семьдесят тысяч римлян. Остров крови...

Избиение младенцев

Ну и, наконец, постоянно бунтующая, вечно недовольная Иудея, натравившая на Рим евреев Ливии, Киренаики, Египта, Кипра и Палестины с Месопотамией. Евреям в Риме жилось неплохо, они имели синагогу, где могли молиться их богу. Иуда Галилеянин поднял восстание во имя «божьей правды» в 16 г. н. э., а в 115 г., когда все мысли Траяна были устремлены на Восток, где он завоевывал все новые земли, евреи вновь подняли мятеж против Рима. Масштабы восстания впечатляли. Обширные территории были опустошены, и египетская земля даже 30 лет спустя будет нести на себе следы страшного разорения. По всей вероятности, побудительной причиной войны стали мессианские чаяния евреев, а также стремление свергнуть это ненавистной империи (*regnum caesaris* превратился в глазах поработаемых Римом евреев в *regnum diaboli*) и изгнать чужеземных завоевателей не только с еврейской родины, но и из соседних стран. Историки Израиля отмечают, что последствия восстания тяжело отразились на судьбах евреев. Еврейское население Кипра в результате 2-й Иудейской войны было истреблено поголовно. Страшному разгрому подверглась еврейская диаспора в Александрии. Ей был нанесен такой мощный удар, от которого она уже так и не смогла в дальнейшем оправиться: «...в то время Израиль потерял свою мощь».

Ф. Гайес. Падение Иерусалимского храма

Во многих областях все евреи погибли. Опытному полководцу римлян, Сексту Юлию Северу, пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы покорить мужественных евреев ценой массовых убийств. Утверждают, что он уничтожил 580 тысяч человек, 985 деревень и 50 крепостей. О том, какие чувства испытали евреи в *справедливой борьбе против угнетателей*, говорит обращение Эльазара к героям-защитникам и жителям крепости Масада (к сикариям): «Уже давно, храбрые мужи, приняли мы решение не быть рабами ни римлян, ни кого бы то ни было, но только Бога (ибо Он истинный и справедливый Господин над людьми). Именно сейчас пришло время, которое обязывает нас на деле доказать верность своему решению. Не посрамят же себя в этом, и если уж мы не потерпели рабства и прежде, когда оно ничем не грозило нам, то тем более теперь, когда вместе с ним нас ожидает ужаснейшее отмщение, если мы попадем в руки римлян живыми. Ибо и восстали мы первыми, и последними продолжаем вести борьбу. Я считаю, что по милости

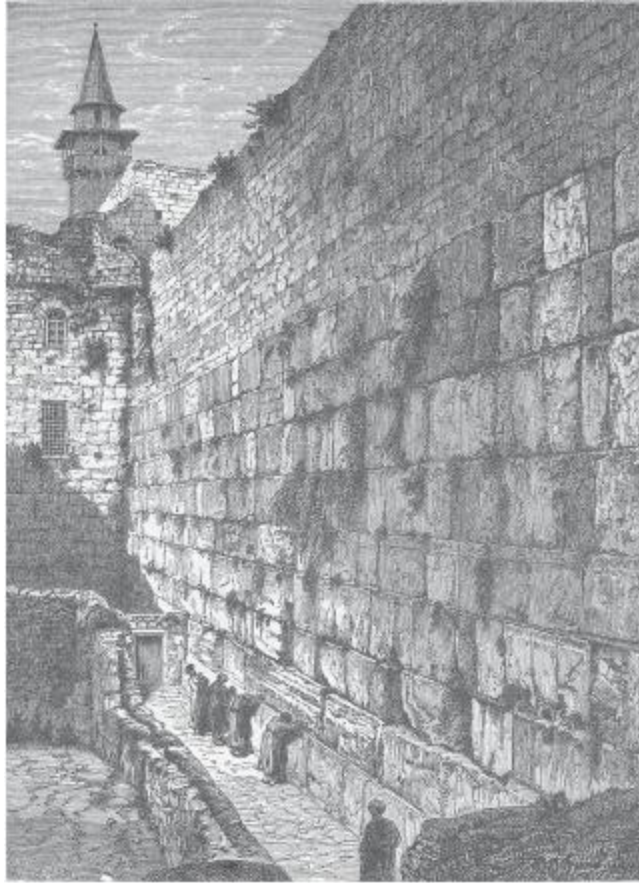
Божией дарована нам, до сих пор свободным, возможность достойно умереть, чего не удавалось другим, которых заставляли врасплох. Нам наперед ясно, что завтра мы попадем в плен, но мы вольны избрать для себя славную смерть вместе с самыми дорогими людьми. Ибо в этом враги не могут нам помешать, как бы они ни желали взять нас живыми. К тому же нам уже не одолеть их в сражении. Ибо еще в самом начале, когда для нас и наших соотечественников, пожелавших сразиться за свободу, все складывалось тяжело и более благоприятно для наших врагов, следовало угадывать в этом Божий замысел и понимать, что Он обрек на уничтожение некогда любезный Ему еврейский народ. Ведь если бы Он оставался милостивым к нам или по крайней мере не так сильно гневался на нас, то не попустил бы гибели стольких людей и не предал бы своего священного народа врагам на сожжение и уничтожение... Ясно, что Бог лишает нас надежды на спасение... И пусть мы сами понесем наказание, но не перед римлянами, злейшими нашими врагами, а перед Богом. Его наказание не так страшно, как наказание врагов. Пусть жены наши умрут неопозоренными, и дети наши – не издевавшимися рабства». Этот манифест обреченных гибнущих евреев впечатляет.

Н. Пуссен. Разрушение Титом храма в Иерусалиме

Римляне проявляли к евреям суровость, впрочем, обычную для тех времен. Тит, коего прозвали «милосердным», все ж распял при

осаде Иерусалима 500 евреев. Если позволите, сделаем лишь одно замечание... Во вражде, охватившей римлян и иудеев, в какой-то мере были «виновны» и евреи... В сцене у Г. Фаста («Дочь Агриппы») ведущие мужи еврейской политики (царь евреев в Галилее, владыка Израиля, царевич Иудеи, главные лица Синедриона) говорят о том, как повели себя евреи в отношении римлян. Один из них, посмотрев в сторону Иерусалима, заметил, что город сей буквально «пропитан ненавистью к Риму». И продолжал: «Ненависть к Риму – это состояние сознания...» Ведь нельзя забывать и о 1200 римских легионеров, что были убиты евреями в Иерусалиме. Когда же ему кто-то возразил, что убийцы – не евреи, а сикарии, он справедливо заметил: «Какая разница... население же одобряет здесь действия сикариев, дает им пристанище совсем не из-за страха перед ними. А что до гибели римских солдат, то в ней повинны не только сикарии. Всё население приложило к этому руки. Я лично наблюдал женщин, нежных прекрасных евреек, которые не обижают комара. Так вот, именно такие женщины обрушили на легионеров шквал камней». Вам будет понятнее эта картина, если вы наложите схему Рима на Чечню, где часть населения, принадлежащая к бандитским кланам, по-прежнему втайне помогает своим единокровным вырождакам, убивающим невинных детей. Поступать с этой тварью чеченцам-патриотам и русским надобно по законам военного времени, «искореняя их род»! Так же следует поступать с чуждой нашему народу бюрократией, искоренив ее.

Стена Плача в Иерусалиме

На месте разрушенного древнего Иерусалима вырос новый город, основанный Адрианом, – Colonia Aelia Capitolia. Город состоял из застроенных красивыми дворцами и языческими храмами кварталов. На том месте, где по христианской традиции находился Гроб Господень, возвышался храм Афродиты. Но иудеям селиться там запретили... Они могли смотреть на их столицу только издали, так как любого еврея, кто был схвачен в ее пределах, ожидала смерть. Римляне в отношении их вели себя иезуитски. Раз в году, в день разрушения Иерусалима, изгнанники могли приходить сюда, плакать над руинами уничтоженного храма. «Жалко выглядели (эти) плохо одетые мужчины и женщины, полны скорби были их рыдания у Стены Плача», – писали авторы-христиане в начале новой эры. Таковы были трагические итоги 3-й Иудейской войны. Восстание внесло лепту в разрушение великой империи. «Последствия еврейского мятежа при Траяне, – пишет еврейский историк Ш. Сафрай, – наложили глубокий отпечаток на всю Римскую империю. Этот мятеж, вместе с восстаниями других

побежденных народностей Востока, заставил Траяна начать отступление и отказаться от своих последних завоеваний. Адриан окончательно оставил мысль о завоевательном походе. Римские войска покинули все оккупированные области. Римская экспансия на Восток была задержана, и Парфянское царство вновь окрепло. Таким образом, его границы стали пределом распространения христианства. Находившаяся в границах этого царства Вавилония превратилась в убежище и оплот для еврейства и его культуры в продолжение последующих веков, когда христианские правители и церковь жестоко угнетали евреев...»

Римское государство в поздний период истории превратилось в бездушную военную машину, назначением которой стало убийство с целью ограбления. З. Майяни верно заметил, что римляне ограбили всех, кого смогли. Они мечтали когда-нибудь ограбить и Индию, стремясь повторить «подвиг» Александра. Это им, правда, не удалось. Но зато им удался другой «подвиг»: они разрушили одну за другой цивилизации Средиземноморья. Последствия сей чудовищной акции ощущаются по сей день. Профессор Л. Омо, видимо, справедливо заметил, что римляне организовали эксплуатацию завоеванных ими земель как огромное прибыльное предприятие, в котором все слои римского населения должны были находить выгоду. В результате 3-й Македонской войны сенат Рима, чтобы «отблагодарить» армию-победительницу, отдал на разграбление города Эпира.

Парадный шлем из Рибчестера

В назначенный день везде одновременно командиры подают сигнал к началу разграбления: войска стали грабить и забирать всё ценное. В течение часа 70 городов разорены, 150 тысяч жителей было продано в рабство. Каждый всадник получил долю – 400 денариев, а каждый пехотинец – 200. Стены разграбленных городов снесли, всю добычу продали, из вырученных денег и выплатили воинам долги. При этом полководец римлян Павел увидел, что вопреки расчетам он все же не сумел насытить солдат: «Те возмущались – не досталось-де им ничего от македонской добычи, будто они в Македонии и не воевали». Римляне же собрали в Амфиополь послов со всех концов круга земного похвастаться перед Европой и Азией своей добычей. Историк Тит Ливий говорит об этом даже с известной гордостью: «Не меньше сценических зрелищ, ристаний и состязаний занимала толпу собравшихся македонская добыча, выставленная для обозрения: изваяния, картины, ткани, вазы из золота и серебра, из меди и слоновой кости, сработанные дворцовыми мастерами с великой тщательностью, и не только для мгновенной услады взора (такими изделиями полон был дворец в Александрии), но для каждодневной пользы. Богатство это погрузили на корабли, чтобы Гней Октавий его доставил в Рим». Победив Македонию (167 г. до н. э.), Эмилий Павел, триумфатор, ограбил страну практически дочи́ста и вывез оттуда 120 миллионов сестерций! Тогда в Рим поступило столько золота, что государство смогло дать гражданам немыслимые привилегии: их освободили от налогов. Но надо помнить: богатство одних часто имело своим истоком бедность других.

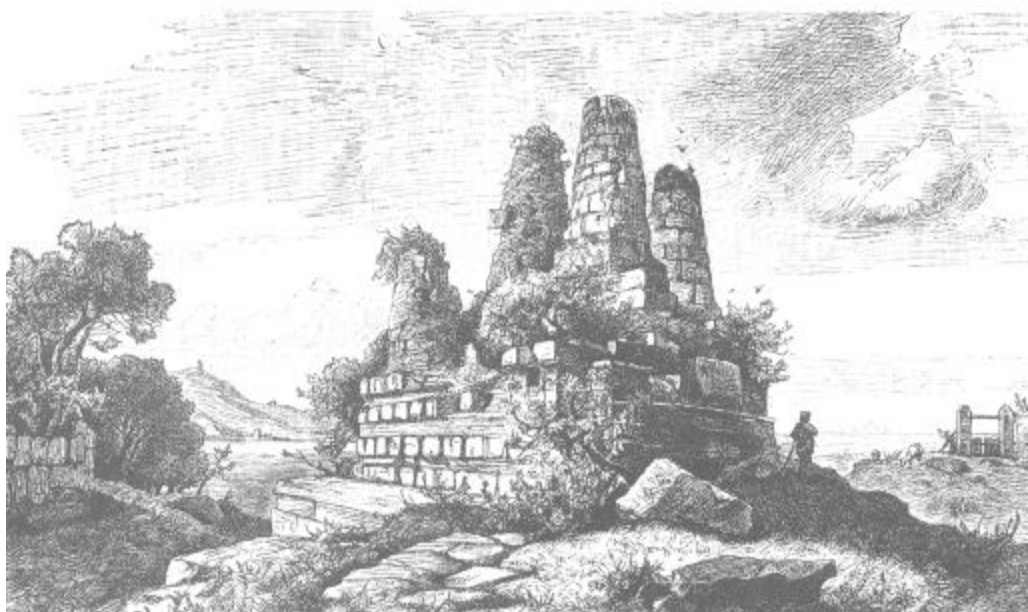

Золотая пряжка для конской сбруи

Как не вспомнить варварские поступки римлян в отношении даже не врагов, а их союзников, почти что сородичей. Цензор Квинт Фульвий Флакк, строивший храм Фортуны – покровительницы всадников, обещанный им, когда он был еще претором в Испании, старался всех перещеголять, – чтобы в Риме не было более роскошного и обширного храма, чем воздвигаемый им. Цензор не нашел ничего лучше, чем отправиться в Бруттий и наполовину снять крышу с храма Юноны (Геры) Лацинийской... Знаменитый храм находился на юге Италии, на мысе Лацинии. По сути дела, прямо на глазах союзников нагло ограбили их святыню! Плиты уложили на корабль, отвезли в Рим, стали переносить к храму Фортуны. Это вопиющее святотатство еще более усугублялось тем обстоятельством, что цензор как раз и предназначен для надзора за «чистотою нравов». По обычаю предков им поручали охрану, ремонт храмов. Тут же вместо охраны налицо был акт вандализма. Правда, в сенате поднялся ропот. Флакка отругали, указав, что нельзя украшать храмы одних богов вещами, награбленными из других храмов. Плиты отправили обратно, но водрузить их на прежнее место так и не смогли.

Гордую Македонию разорвали на четыре маленьких страны подобно тому, как натовские хищники разодрали поверженную и униженную Югославию... Рим не только распустил македонскую армию, но и ограничил торговые отношения между республиками, запретил эксплуатацию золотых и серебряных рудников, и даже

пресекал брачные связи между отдельными ее частями. Так же поступал Рим со всеми своими противниками, которых ему удалось сокрушить. «Древний Карфаген был стерт с лица земли, и мы почти ничего не знаем о сокровищах его науки, искусства и литературы, все они превратились в пепел. Другим преступлением было нанесение удара Элладу, источнику науки, искусства, демократии, вдохновительнице Рима во всех областях духовной жизни. Римляне заняли Коринф, убили мужчин, продали женщин и детей, уничтожили огромное количество сокровищ искусства. Полибий был свидетелем того, как римляне варварски превращали ценные картины в доски для игры в кости. Затем наступила очередь Иерусалима. Римляне яростно напали на страну, пророки которой призывали к братству народов, где в том же веке, в котором был основан Рим, пастух-пророк Амос провозгласил равенство всех наций, напоминая Израилю, что язычники (филистимляне, арамейцы и эфиопы) имели те же права, что и он», — пишет З. Майяни. Рим предстал в глазах народов каким-то всепожирающим Молохом, торжествующим зверем из Апокалипсиса, гибели которого жаждали многие.

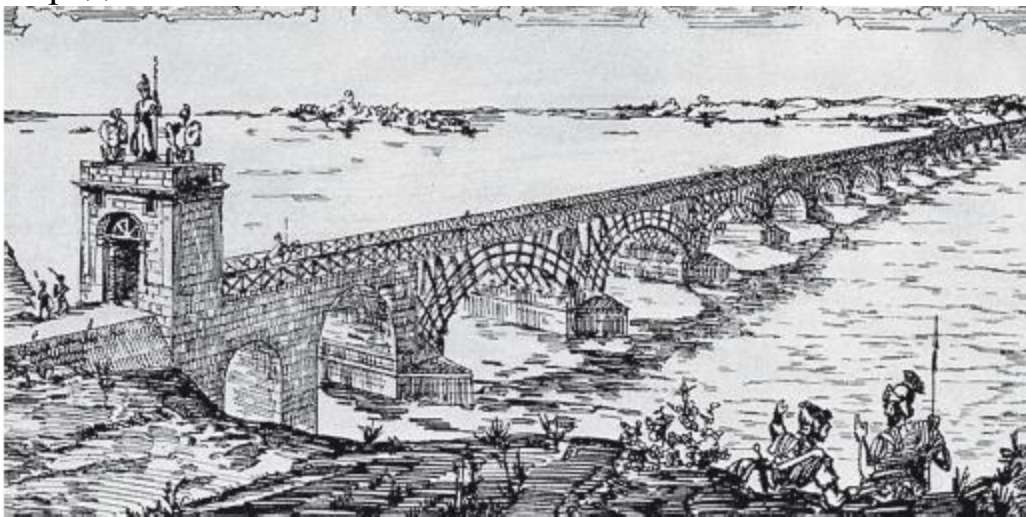
Гробница Горациев и Курациев

Отношение к Риму поработанных народов можно лучше понять, если прочесть трагедию Корнелия «Гораций» (страстное откровение сестры Горация). Родной брат Гораций убил ее жениха из рода

Курациев. В гневе бросает она в лицо Риму горькие слова, выражая мнение тысяч и миллионов женщин и мужчин:

Рим, ненавистный враг, виновник
бед моих!
Рим, Рим, которому был заклан
мой жених!
Рим, за который ты так счастлив
был сразиться!
Клянусь ему за то, что он тобой
гордится.
Покуда мощь его не так еще сильна,
Пускай соседние воспрянут племена,
А если сможет он не пасть
под их ударом,
Пусть Запад и Восток восстанут
в гневе яром,
И пусть надвинутся, враждой
к нему горя,
Народы всей земли чрез горы и моря!
Пусть на себя он сам свои обрушит
стены,
Себе же в грудь вонзит преступный
меч измены,
А небо, утолив молящую меня,
Затопит этот Рим потоками огня!
О! Видеть, как его дробит небесный
молот,
Как рушатся дома, и твой венец
расколот,
Последнего из вас последний
вздох узреть
И, местью наслаждаясь, от счастья
умереть!

Когда же началось то, что принято называть Великим переселением народов, Римская империя стала трещать по швам. Тяжелейшие войны пришлось вести Риму в 166–180 гг. н. э. и против германских племен (союз 58 племен), атаковавших Империю по дунайской границе – от Галлии до Иллирика. Натиск Барбарикума на западе продолжался, но сильнее всего он был в восточных районах империи – Паннонии, Реции, Норике, Дакии, Верхней Мёзии. Это – вытянутый коридор Восточной Европы. Не перечисляя названия всех племен, заметим, что сюда же устремились представители сарматского, иллирийского, возможно, славянского племенных союзов, аланы из северокавказских областей. Маркоманнские войны были кровавыми и исключительно тяжелыми для Рима. Главную роль в них играли германцы – маркоманны и квады. Впервые против Империи выступили племена, жившие в глубине Европы – вандалы, готы, виктуалы, маркоманны, квады, свевы, хатты, сарматы, язиги, аланы, а также и ряд славянских племен.

Мост через Дунай

Все чаще «непобедимый Рим» оказывался в непривычной роли побежденного. В Армении в 162 г. н. э. наместник римской провинции Каппадокия Севериан был наголову разбит, а его легионы уничтожены. Чтобы не попасть в плен, Севериан вынужден был покончить с собой. Сокрушительное поражение от сарматов потерпел в 170 г. н. э. полководец Марк Корнелий Фронтон, погибший в том бою. Императору пришлось принимать чрезвычайные меры. Марк Аврелий, на плечи которого легла основная тяжесть битв с Барбарикумом, даже

вынужден был распродать часть принадлежавших императорскому семейству драгоценностей, утвари, предметы роскоши, иного имущества (при этом он продал и вышитую золотом одежду жены). Однако людские потери римлян в ожесточенных битвах были невосполнимы. Многие воины попали в плен. О масштабе потерь говорит и такой факт: спустя несколько лет после замирения квады возвратили Риму сначала 13 тысяч, затем 50 тысяч пленных, а язиги – даже 100 тысяч римских пленных. Вдобавок ко всему страшная чума поразила Рим. За один год (166–167) чума унесла больше жизней, чем та война. Отступающие из Месопотамии римские легионеры занесли чуму сначала в Сирию, а потом и в Рим. Вот она – плата за мировое господство. Империя обезлюдела, хозяйство пришло в полный упадок, после сильного наводнения разразился голод. Рим вынужден был уже призывать под знамена рабов, гладиаторов, разбойников, вчерашних недругов.

Путешествие Цезаря по Нилу

После серии жесточайших битв Риму пришлось пойти на заключение мирного договора с маркоманнами. Согласно договору, те взяли на себя обязательство поставлять Империи солдат во вспомогательные войска. Военнопленных стали расселять в районе Равенны в качестве колонов, свободных поселенцев. Вождям маркоманнов были обещаны крупные суммы за поддержание мира.

Они тем не менее будут не раз еще вторгаться в Норик и Паннонию; часть из них осядут в этих местах. Вплоть до середины III в. н. э. они подчинялись власти конунга, избираемого своим народом, но утверждаемого Римом. В ходе переселения они, как и квады, окажутся под властью гуннов и примут участие в походе Атиллы в Галлию. Остатки их поселятся в Баварии и войдут в баварский союз племен. Северные области Италии после Маркоманнских войн стали районом Империи, что будут пытаться заселить варварами – германцами. Таким образом, начиная с Маркоманнских войн, варварские племена впервые стали селиться на землях Империи. Получалось так, что теперь государственный механизм Рима уже не мог функционировать без варваров-германцев. Риму они были позарез необходимы, когда-то Цезарю был необходим Египет. Так вот завершался его «золотой век», а Барбарикум вступал в эпоху активного создания «клиентских варварских государств». На ближайших подступах к Империи создавалась буферная зона, которая должна смягчить удар.

Кавалерист в бою

Клиенты Рима обязаны были проводить по отношению к нему дружественную политику, не пропускать через их территорию враждебно настроенные племена, помогать Риму продовольствием, воинским контингентом, не вступать в союзы, направленные против римлян, не осуществлять никаких враждебных действий, не вести войны с соседними и дружественными Риму племенами. Государства эти сохраняли собственное устройство, свои формы жизни и право, и

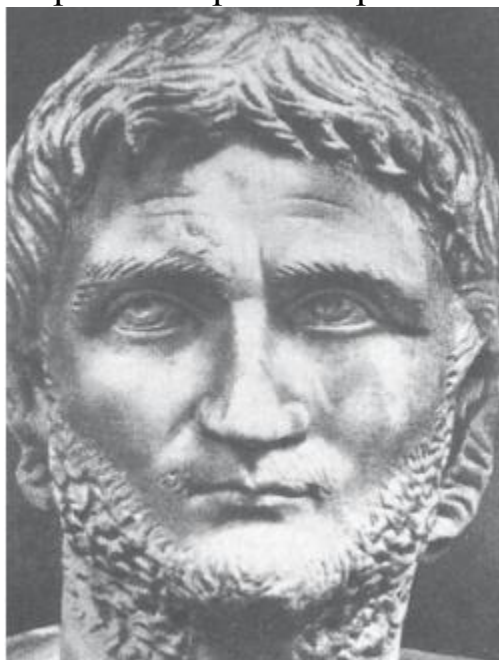

вообще не подлежали римской власти. Но они ощущали на себе римское давление. Если они вели себя хорошо и соблюдали условия договора, Империя гарантировала им выплату денежных субсидий, устанавливала льготы в отношении торговли, предоставляла статус «друзей» и «союзников римского народа», а конунгам и вождям даровалось право римского гражданства. Этим племенам и их вождям Рим посылал богатые дары, подарки, оказывал военную помощь. Дети конунгов и вождей имели возможность получить образование в Риме. Итогом этого стало то, что пройдя через систему «клиентских государств», то есть через систему «мягкого взнуздания», большинство германских племен после Маркоманнских войн окончательно потеряли свою независимость. И все же, считают историки, в существовании такой системы прежде всего был заинтересован Барбарикум. При сравнении старой римской модели «цивилизации» и нынешней видим, что американская Империя использует почти те же методы и стимулы в отношении «Нового Барбарикума», возникшего в Европе, Азии, на Кавказе, в Прибалтике.

Следует подчеркнуть, что «крушение Римской империи» произошло далеко не сразу... Несколько веков римляне успешно отбивали нападения «варваров» и сохраняли господство над завоеванными территориями. Однако уже в 253 г. н. э., когда сенат провозгласил Публия Лициния Валериана императором, а его сына, Публия Лициния Галлиена, – соправителем отца, сложилось такое положение, при котором империя фактически распалась на две части. Гражданская война, вспыхнувшая в 235 г., не утихала. То было время, когда достаточно было одной силы и желания войска, чтобы захватить власть в Риме. Однажды всего за 120 дней армия сменила 5 императоров. Римлянам приходилось отражать натиск как с запада, так и с востока. Валериан, оставив полномочия цезаря на своего сына, поехал отражать нападение персов, но был захвачен в плен Шапуром I (во время их личной встречи). Оставшийся правителем Галлиен, видя, в сколь тяжком положении оказался Рим, напрягал силы, чтобы удержать огромные владения.

Он обнес города сильными укреплениями, вызвал из Британии два легиона, очистил часть территории на верхнем Рейне, считая, что невозможно удержать этими силами такие огромные пространства, заключил договора с некоторыми вождями варваров, противопоставив

союз с ними другим своим противникам. Самым жестоким и беспощадным образом подавил восстание римских легионов в Мезии и Паннонии. Там командиры, войдя во вкус власти, выдвинули на пост императора своего претендента (Ингенуя). Галлиен разбил их войско, а затем сумел одолеть и другой мятеж и еще одного конкурента (сенатора Регалиана). В такой борьбе было не до шуток. Римляне, привыкшие к свободам и демократии, решили подшутить над императором. И даже не столько над самим Галлиеном, сколько над его несчастным отцом, которого коварным образом захватили ранее персы.

Император Галлиен и Салонина

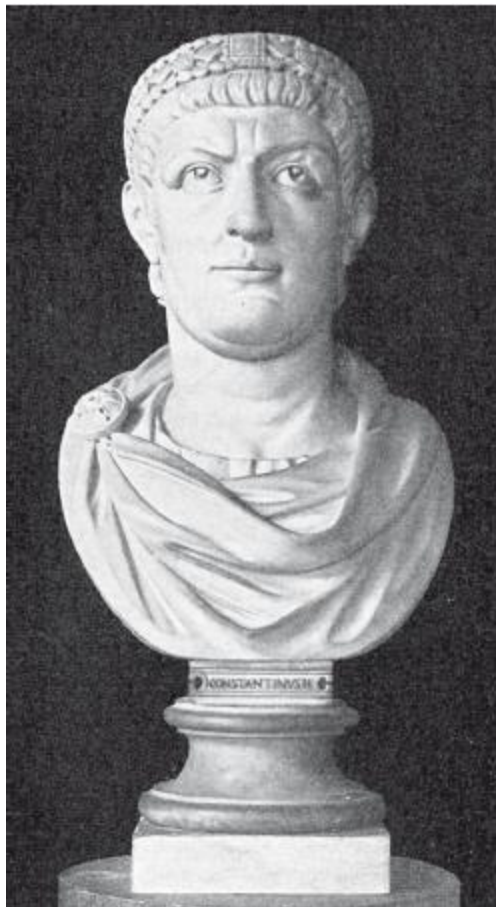
Мы сказали, что 70-летнего Валериана персидский царь Шапур использовал как скамейку для ног. Так вот, в 263 г. н. э., когда по улицам вели толпу пленных персов, некоторые римские шутники затесались в эту толпу. Когда их спросили, зачем они это делают, те, улыбаясь, сказали: «Мы ищем отца нашего государя». Взбешенный Галлиен приказал виновников неудачной и оскорбительной шутки сжечь живьем. Когда философ Плотин стал его укорять за этот поступок, он ответил: «Быть хорошим сыном легче, чем хорошим императором. Народ же, забывающий о своей ответственности как народа, заслуживает жестоких уроков». Будучи абсолютно с ним согласны, мы лишь добавим, что правители, забывающие о своей ответственности, заслуживают еще более жестоких уроков.

На Рим!

Эти настроения так или иначе выразил в своей «Истории» Аммиан Марцеллин, грек по происхождению. Талантливый историк был современником императора Юлиана, служил в армии, участвовал в походах под командованием императора (363 г. н. э.). Поэтому его труд – чрезвычайно яркий, эмоциональный и красочный – дает нам достаточно полное представление об эпохе и причинах постепенного ослабления Римской империи... Люди, не сведущие в истории древних времен, говорят, будто на государство никогда не опускался такой беспросветный мрак бедствий. Пораженные ужасом недавно пережитых несчастий, они ошибаются. Если обратиться к давним векам (или даже к более близким), то окажется, что такие же или столь же печальные потрясения случались не раз... Так, Италию наводнили внезапно тевтоны с кимбрами, явившиеся с отдаленных берегов океана. Но после страшных поражений, нанесенных римскому государству, они были побеждены в решительных сражениях... Точно так же во время правления Марка Аврелия сплотились единодушно против римлян различные племена – и после страшного бранного шума, после разрушения взятых и разграбленных ими городов лишь малая часть их уцелела. Однако вскоре после этих страшных несчастий дела пришли в прежнее состояние благодаря тому

обстоятельству, что наши предки не знали еще заразы распущенной жизни, не ведали роскоши стола, не гонялись за постыдным прибытком; но все люди, как высокого, так и низкого положения, с полным единодушием стремились к славной смерти за отечество, как в тихую спокойную пристань... Интересно и то, что примерно тогда же полчища скифских народов прорвались на 2000 судов через Боспор и произвели жестокие опустошения на суше и море в землях Римской империи.

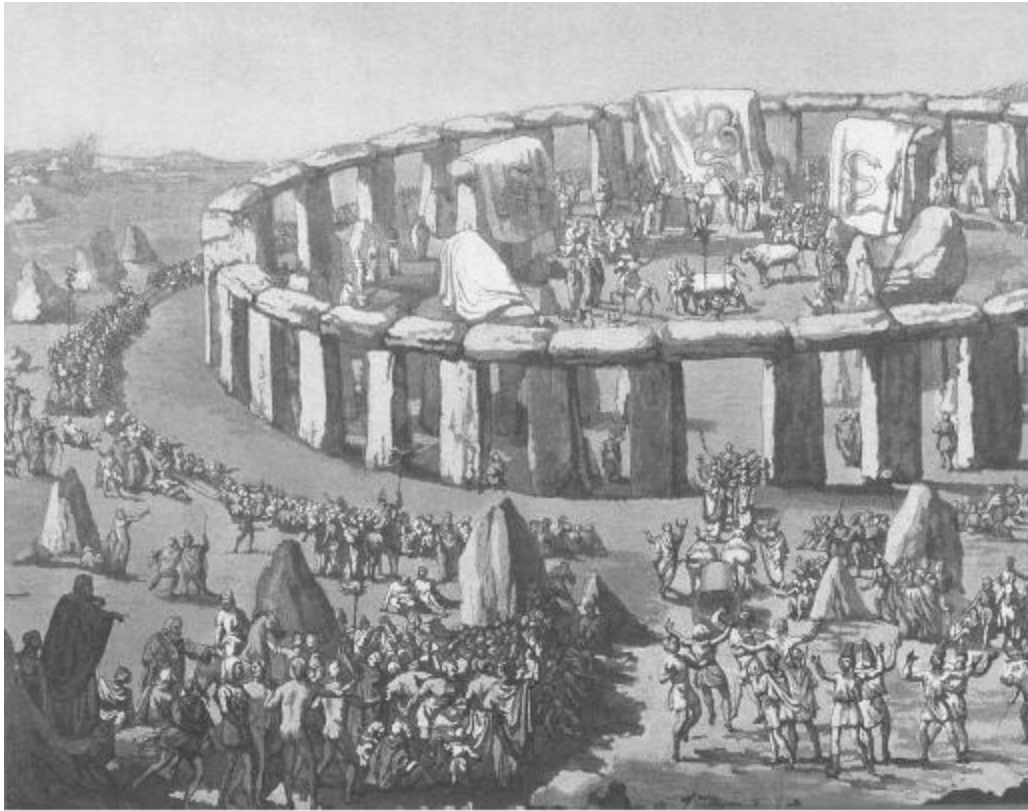

Константин Великий

Рим все более ослабевал и уже не мог эффективно защищать своих границ — и не только от варваров, накатывавшихся с регулярностью морского прилива. Он все чаще и чаще должен был защищаться от собственных граждан, свободных и несвободных, чье благосостояние он так жестоко подрывал и разрушал. В этом и состоял главнейший урок взлета и падения Римской империи. Поэтому был неизбежен, как скажет П. Сорокин, и ряд «революционных

конвульсий»... Рим ранее пережил полосу гражданских войн, подточивших его основу. Достаточно вспомнить, что в битве Цезаря с Помпеем погибло 15 тысяч солдат Помпея (из них 6 тысяч были римляне). Рим поднялся на трупах. Монтескье верно заметил, что все победы Рима были оплачены кровью народов. «Рим был залит потоками крови, когда Лепид праздновал свой триумф после побед в Испании; несмотря на это, он отдал беспремерный по нелепости приказ, повелевавший гражданам радоваться под угрозой проскрипции». В этой связи причины недовольства низов их положением в Италии понятны, как понятны нам и причины стойкого неприятия и ненависти к политике плутократов в России. Там и тут видим схожие ситуации. Завоевания Рима обогатили город, но ведь не весь город, а его привилегированный слой, разорив большую часть страны, «выжали все соки из патриархальной Италии, довели часть ее населения до нищенского положения». Отсюда и «крестьянская революция, известная под традиционным названием Союзнической войны». Поэтому с малыми интервалами последуют восстания и революционные выступления Гракха, Цинны, Катилины, Целия, Долабеллы, Спартака, Сатурнина. Популярь и вождь италиков Сатурнин одержал ряд «полувоенных-полуполитических побед на форуме». Борьбу за прогрессивные и демократические реформы продолжил Друз. Но это не меняло дела. Даже италики, не говоря уже о покоренных народах, с ненавистью взирали на жиреющий, алчный, продажный Рим.

Кельтский обряд в Стоунхендже

Рим и в культуре подавлял и истреблял всё, что имело национальный колорит. «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества», – отмечал Энгельс. Там, где римлянам не мог оказать серьезного сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни. При этом исчезали национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков – все они стали римлянами. Римское управление и римское право всюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Законы Рима были жестоки и несправедливы. Римская держава пролила моря крови. Знаменитый Pax Romana – это был мир злобы, жестокого угнетения и массовых убийств. Толпы рабов, чьи жизни и таланты принесены на капитолийский жертвенник, создали мощь великой Империи. Республика и Империя держались лишь силой.

Часть дворца Диоклетиана в Сплите

Здесь нельзя не сказать и о том, что Рим как таковой, как имперская столица со временем уже перестает существовать. Как вы помните, император Диоклетиан, не любивший Рима, с его вечными интригами и склоками, решил перенести столицу империи в Никомедию, а его соправитель, Максимиан, устроил свою штаб-

квартиру в Милане, Константин избрал резиденцией сначала Трир, затем Сирмий и Сердику (Софию), наконец Византию, которую в 330 г. н. э. переименовал в Константинополь. В итоге исчезало и бывшее деление между провинциями и Италией, то есть между метрополией и периферией. Тем самым растворилось при таком делении и привилегированное положение имперской столицы и ее народа. Диоклетиан по достижении 60 лет сложил с себя бремя власти, памятуя давний наказ матери: «Тебе сорок три года, передай власть другому до того, как тебя зарежут». Он удалился в Салону (Сплит), где в конце III в. н. э. выстроил для себя небывалый красоты дворец. Там он рассчитывал спокойно доживать свои дни, разводя цветы и овощи. «После этих шагов Диоклетиана Рим окончательно перестал быть итальянским городом-завоевателем, правящим в завоеванной им империи. Он стал всего лишь одним из многих городов, составлявших эту мировую империю. Его история как города-государства завершилась. Рим подчинился дисциплине, которую в течение пятисот лет навязывал народам Средиземноморья для их же собственного блага». Важным моментом было то, что среди высшей знати всё больше оказывалось представителей не итальянских народов. Диоклетиан и Констанций, Максимиан и Галерий были иллирийцами и, конечно, не могли проявлять интереса или уж тем более глубокой симпатии к Риму. Историческая фраза Диоклетиана, ставившего империю в ряд с кочанами капусты («Зачем мне тратить время на империю, если я могу потратить его с пользой и вырастить вот такую капусту?»), при всей ее нарочитости показывает глубокое пренебрежение, которое стало охватывать правящие слои Империи.

И даже гибель императора демонстрировала, что для носителя высшей власти нет гарантий безопасности даже в построенных ими и тщательно охраняемых дворцах. Убийцы могли настигнуть всюду. Когда Диоклетиан получил письмо от двух императоров – Константина и Лициния – на свадебный пир, он понял: это его поминки. Подозревая, что будет там отравлен, он решил сам принять яд. Произошло это событие между 313 и 316 годами н. э. Мы видим, как и цезари становятся обычными убийцами, а сенаторы и консулы – бандой чиновников. Это же можно сказать в отношении сената, который (приблизительно со времен Коммода) перестал быть «римским в строгом смысле слова», ибо большинство его членов

составляли, по-видимому, не итальянцы. Судьбы собственно самой империи все чаще оказывались в руках неримлян. Септимий Север – африканец или пуниец, Максимиан – сын готского крестьянина, Постум – галл, Диоклетиан – сын далматинских рабов и т. д. и т. п. Поэтому вскоре и сама идея защиты Рима от набегов варваров становилась все более неким анахронизмом и фарсом.

Многовековая власть Рима держалась на силе и достигнута путем жестокого принуждения и порабощения миллионов людей. Рим оказался заложником его же преступной политики. Он должен был воевать и подавлять, чтобы сохранять свое господство. В равной мере побежденные народы были обречены на битву с Римом. Если они хотели иметь достойное будущее, надо было сокрушить Рим.

Изображения готов в европейских карикатурах

Что же представлял собой сей сонм «варваров»? В классической монографии известного австрийского медиевиста и варваролога Х. Вольфрама дается полная картина того, что представляли собой готы. Их история в IV в. н. э. протекала в основном на территории России – к западу от Волги, и на Украине, включая Крым (немецкие нацисты носились с мыслью «вновь» сделать «готский» Крым немецким, например, заселив его южнотирольскими крестьянами, переименовав Симферополь в Готенбург, а Севастополь в Теодерихсхафен). В Европе многие в XIX в. считали, что вторжение германцев на земли Римской империи означало для Запада «приток свежей крови». Сегодня же многие археологи и историки, изучающие варварские народы (на основании тех же самых источников), хотят доказать противное – не следует вести речь о «молодых, полных сил народах» и их «здоровом

прошлом». Видимо, истину следует искать где-то посередине. Что же можно сказать конкретно о тех, кто покори́л Рим? Прежде всего, народы эти отличались полиэтничностью, т. е. были смешанными, а не «целыми» народами.

По словам Прокопия Кесарийского, их было немало, этих племен, носивших обобщенное наименование – «варвары». Самыми значительными из них были готы, вандалы, визиготы, гепиды. Внешне они походили друг на друга: «Белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид; у них одни и те же законы и исповедуют они одну и ту же веру» (все они ариане и говорят на одном языке). Точнее, говорили они на нескольких языках, но использовали их вперемешку. Римлянам их язык казался бормотанием и бессмысленным шумом, ибо, по их мнению, никоим образом не походил на человеческую речь. Песни «варваров» для «просвещенных» ушей римлян звучали столь же ужасно, ибо разбивали классические каноны аттического стихосложения. Их религия казалась римлянам если и не диким язычеством, то испорченным христианством, ибо те поклонялись своим богам. В бою варвары были смелы и отважны, но военное искусство постигали с некоторым трудом. Ели они одну и ту же пищу, довольно однообразную, так как их племенная экономика была дефицитной. «Их жажда золота непомерна, их пьянство не знает границ». Если кто-то из них оказывался богаче других, имея часть «прибавочной стоимости» племенной экономики, он «мог купить золото и повесить его на шею себе, своей лошади и своей жене».

В их обычае обнимать по-братски, целовать друг друга. Правда, они вероломны по отношению к иноплеменникам. Ко всему прочему, «варвары», как считал Прокопий, будучи «двуногими животными», в своем первобытном состоянии не признавали королей и не способны жить по писаному праву. Зато мужская сила варвара неистощима. Северный климат мест, как и долгие ночи, способствуют стремлению к быстрому размножению. Когда один варварский народ повержен или уничтожен, тут же «из глубин болот и лесов Германии или из великой скифской степи появляется еще один». Народы разрастаются, как дикая полынь.

Пленные перед римским императором

Речь шла не о новых варварских народах, но об отпрысках одних и тех же племен. Между этими племенами постоянно возникает вражда. Причем врагом является не только народ, живущий по другую сторону обширной пограничной зоны, но даже соседняя деревня, ближайший клан или род того же племени. У варваров первыми людьми считаются лишь те, кто ловок, силен, кому в войне сопутствует успех. Тот, кто показал себя настоящим воином, тот и господин, а кто работал, будь то крестьянин, купец и искусный ремесленник, как правило, был и оставался рабом. Приводится в пример судьба двух римских пленников, попавших в плен к гуннам. Один из них, богатый купец, смог изменить образ жизни и стать хорошим воином. В итоге он добыл себе богатство, вступил в «гуннский брак» и сделал военную карьеру. Другой, выдающийся архитектор, бывший рабом у гунна, создал для своего повелителя удивительно красивую баню из паноннской военной добычи. Когда ее сооружение было завершено, архитектор не получил желанной свободы, но гунн превратил его в раба самого низкого сорта – в банщика для себя и семьи. Если это так, то где причина их успеха? Почему король готов Теодорих Великий сумел все же овладеть Римом?

Галльская пленница

Понятно мнение европейцев (и прежде всего гуманистов романских народов, особенно итальянцев), их вражда и ненависть к «варварам». На долгие годы все готское, отмечает Х. Вольфрам, «стало ругательством, символом враждебности культуре и образованию, символом недостатка воспитания и классического образа мышления, монашеского лицемерия и дремучего невежества». Однако можно ли принять столь одностороннюю оценку? Конечно, многие из тех черт, что выше отмечены историками, были присущи «варварским» племенам, куда входили как германские, так и негерманские народы (в том числе и скифы). Но у этих людей были и заметные достоинства, о которых и помыслить не могли те же образованные римляне... Так, по словам Прокопия, «эти племена, славяне и анты, не управляются

одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим». Их строй в VI в. н. э. представлял собой «военную демократию», что в принципе означало более сильную, дружную и здоровую организацию, чем рабовладельческая система Римской империи... Речи о том, что у этих племен якобы «нет законов» и «царей», также представляются абсолютно вздорными. К тому же многочисленные находки современных археологов заставляют нас совершенно иначе взглянуть на германские и славянские племена. У них уже в то время существовала весьма развитая культура, материальная и духовная. Так, в болотах Шлезвига обнаружены разнообразные изделия ткачей, кожевников, металлургов, стеклодувов и гончаров, которые относят к эпохе древнего Рима.

Кельтский шлем

Если вожди Римской империи демонстрировали все признаки вырождения, то во главе «варваров» все чаще появлялись замечательные личности и великие воины... В отношении одного из них, Теодориха, Эннодий писал в панегирике: «Кто увидел тебя на войне – был повержен; кто в мире – ничего не устрасился. И слово твое всегда было твердо, а натиск в сражениях не знал колебаний». Хотя иные из них были еще очень далеки от прометеевского огня просвещения. Знания понимались ими своеобразно, лишь как навыки и опыт в военном деле. К примеру, когда дочь Теодориха захотела научить своего сына Атанариха азам культуры и письменности, готы поспешили сделать замечание, что она неверно воспитывает юного короля, так как умение читать и писать не есть показатель храбрости. Воину нужны совершенно иные качества; а тот, кто привык учиться

из-под палки надзирателя, тот никогда не станет хорошим воином. Теодорих и сам не позволял мальчикам ходить в школу, и завоевал большое государство, не умея ни читать, ни писать. Однако со временем веяния цивилизации коснулись и варваров. Так, грек Ульфила, создав германскую письменность, затем перевел Библию и сам с успехом стал обращать в христианство живших на Дунае готов. Заметнее и успехи медицины.

Научный консилиум медиков

У племен «варваров» (славян, готов, проч.) были и иные преимущества. Ведь они были воспитаны в традициях племенного равенства и братства... Прокопий писал о Теодорихе (Теодерихе), который являлся одним из примеров такого короля-военачальника, получившего власть над италийцами и готами: «Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал (скромно) называться и в дальнейшем именем гех (так

обычно варвары называют своих военачальников); подданными своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору. Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости и доблести. Сам лично он не притеснял и не обижал своих подданных, а если кто-либо другой пытался это сделать, то он не позволял этого... По имени Теодорих был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей». При всей пышной риторичности фразы слова знаменательные.

Вождь сенонов. Ок. 300 г. до н.э.

Помимо сведений историков (в объективности которых, впрочем, у нас нет оснований сомневаться) известны и законы вестготов. Сравните их с римскими. Так, закон вестготов (*Lex visigothobum*) гласил: «Если войсковые начальники, подкупленные взятками, разрешат кому-либо во время похода вернуться домой или не заставят людей выйти из своих домов, если тысячник (тиуфад) будет подкуплен взяткой, которую ему даст кто-либо из его тысячи (тиуфы) для того, чтобы он ему разрешил вернуться в свой дом, то пусть он полученное вернет в девятикратном размере комиту той области, на территории которой находится... Если сборщики, собирая войско против врага, осмелятся взять и унести что-либо из домов тех людей, которых они собирают... и если это может быть доказано перед судьей, то пусть они без промедления вернут это в одиннадцатикратном размере тому, у кого взяли... Если войсковые начальники, прекратив военные действия, вернуться домой или же разрешат другим вернуться, если какой-либо сотник (центенарий), распустив свою сотню перед неприятелем, убежит к себе домой, то он (они) подлежит высшей мере наказания (смертной казни). Если же он найдет прибежище у святого алтаря или, может быть, у епископа, то пусть уплатит 300 солидов комиту той области, на территории которой он находится. А за жизнь свою пусть не боится... Если сборщики войска, получив взятку, разрешат кому-либо, кто не болен, остаться дома, если слуги господина, которые собирают войско идти против врага, разрешат кому-нибудь от них откупиться, то пусть их принудят уплатить полученное в девятикратном размере комиту области. А если их кто-либо просил, будучи здоровым, чтобы его не брали на войну, даже если они никакой взятки от него не брали, пусть их заставят в том случае, если они его освободили, уплатить за него комиту области 5 солидов... Мы признали справедливым, чтобы те, кто поставлен раздавать паек, комит области или раздатчик пайка в отдельных областях или крепостях, приказывали бы полностью выдавать по области или в крепости тот паек, который должен быть там выдан, и немедленно восстанавливали бы полное количество. Если случится, что сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) по своей небрежности – не имея, а может быть, и не желая – не выдаст им часть

пайка, то пусть подадут жалобу комиту их войска, что раздатчики не захотели им выдать паек... И тогда пусть сам комит области или аннонарий (раздатчик пайка) из своих собственных средств, независимо от его желания, в четверном размере возместит им за то время, что он им сокращал обычный паек». При прочтении этого закона становится понятным, почему «варварское» войско в конечном итоге оказывалось более боеспособным и крепким, нежели римское. Ведь оно строилось на более демократических принципах, чем армия цивилизованного Рима. Также и советская армия была построена на принципах справедливости, равенства и уважения к военнослужащим, поэтому она была сильнее, гуманнее, чем нынешняя армия, порождающая не только героев, но и преступников. Ведь солдаты и офицеры приходят в нее не с Марса, а с Земли и видят, что тут делается.

Группа римских воинов вспомогательных сил

Если в I–II вв. н. э. общее положение Империи и римской армии в целом было еще достаточно благоприятным, то к III в. н. э. ситуация начинает осложняться. Известно, что Септимий Север (193–211 гг. н. э.), прадед которого был пунического, карфагенского происхождения, провозглашенный императором его легионами, предпринял важную военную реформу. Он распустил гвардию

преторианцев, что привыкла распоряжаться властью как своею собственностью. Если ранее их комплектовали из италийцев или уроженцев Испании и Галлии, то теперь новых преторианцев набирали из придунайских и сирийских легионеров. Преторианцы лишились многих прежних привилегий. До Севера средний офицерский состав подбирался почти исключительно из одних италиков, в центурионы выбирали в основном преторианцы. При Севере положение остальных легионов уравнивали с преторианской гвардией. Отныне любой солдат мог надеяться на продвижение по службе, если он проявил себя достойно в сражении или в ином серьезном деле. Он мог стать не только центурионом, но даже всадником. В итоге процесс «варваризации армии», куда в большом количестве пошли служить варвары или даже вожди ряда диких племен, ускорился. Север позволил солдатам вступать в законный брак, он стал раздавать отличившимся небольшие участки земли. Это был важный поворот в политике комплектации, да и вообще в армейской жизни. При всех плюсах тут были и свои минусы (меньшая мобильность, зависимость от семьи, большая роль варварских легионов, их командиров при определении судеб Рима).

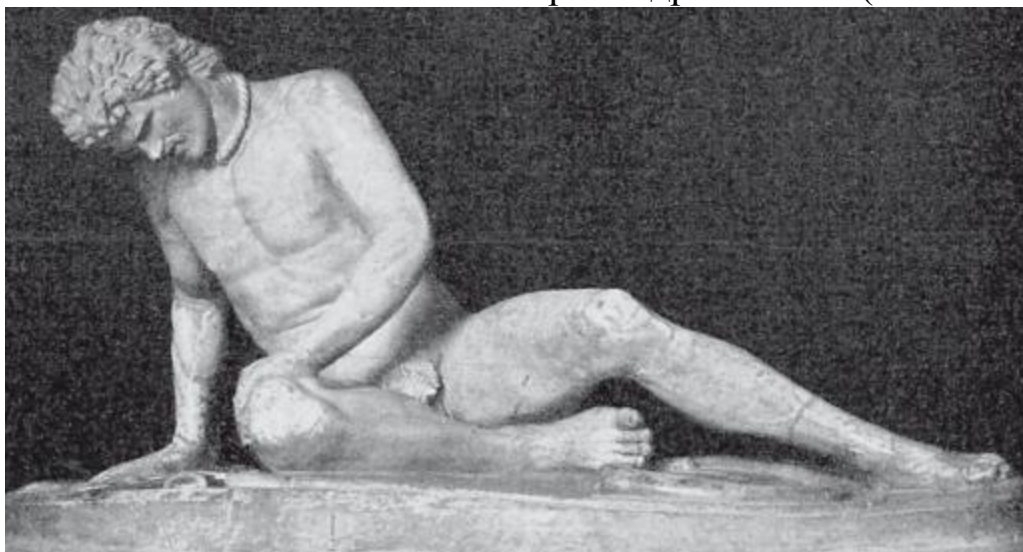
Предводитель варваров в плену. Лувр

К середине III в. н. э. Диоклетиан заменил принцип качества принципом количества. Это при его царствовании численность армии значительно возросла (Лактанций говорит об ее увеличении в четыре раза). Такой переход к народной армии опять же имел плюсы и минусы. Среди плюсов – распространение прав гражданства и римской культуры среди прочих народов... Со времен Аврелия, когда он по окончании Маркоманнской войны потребовал от германцев поставить 8 тысяч рекрутов и послал 5 500 из них в Британию (по условиям мирного договора), возник обычай требовать от побежденных найма известного числа воинов на службу в римскую армию. Тогда некоторые германские вожди добровольно пошли на службу Риму. Племена получали землю для поселения и обязаны были служить императору, тем самым и связи между отдельными провинциями и племенами Римской империи становились крепче. Воины стали поселенцами, и в случае надобности их можно было довольно оперативно привлекать к охране границ. Разумеется, служба по охране границ требовала оплаты или ежегодной дани. Как отмечает историк: «И вот по всем границам империи, как на Рейне и Дунае, так в области Евфрата, верхнего Тигра и на границах сирийских степей и пустынь Африки (где они назывались *gentiles*), пограничные племена состоят в положении федератов, и их услуги оплачиваются деньгами». Порою эти отряды принимали участие в серьезных военных компаниях. Скажем, при Константине Великом готы, участвовавшие в его войнах с Лицинием, поставили по договору сорок тысяч человек воинов.

Убитый галл

Что же касается минусов, то миграция вела к тому, что империя переставала быть единым национальным организмом, становилась рыхлой и многоязыкой. Пришельцы по большей части остались чужды римским обычаям и культуре. К тому же они не всегда были надежными союзниками. Сенаторы же самого Рима (по мере роста угроз) стали уваливать от военной службы. Так изменялся состав римской армии. Вследствие этого пришлось рекрутировать офицерство Рима не из элит, что, безусловно, сказалось на качестве. Уже при Феодосии количество варваров в некоторых частях было настолько велико, что император, боясь, что те найдут общий язык с их соплеменниками, а затем перейдут на их сторону, вынужден был передвигать отдельные части далеко на Восток. Яркий пример того, насколько может быть опасен для империи такой союз, – приход вестготов на земли Рима. Когда страх перед гуннами побудил их просить разрешения поселиться в пределах империи (375 г. н. э.), император дал согласие. Но союз с ними оказался в итоге очень непрочным: и Валент погиб в битве при Андрианополе (378 г. н. э.).

Порабощенный галл

Армия Рима все более стала походить на армию ландскнехтов. Уже говорили, что во II–III вв. римская армия стала профессиональной. Но ведь профессионалы требуют денег, и немалых, а империя клонилась к упадку, экономика хирела, рабский труд был не эффективен, да и труд полусвободных общинников не приносил

желаемых результатов (из-за тех кабальных условий, что возлагались на них латифундистами). Во второй половине IV в. рим-ское войско состояло уже преимущественно из варварских племен. После эпохи Септимия Севера легионы набирали по месту жительства. Те более или менее успешно защищали свою землю, но перебросить их в другие места для отражения внеш-них врагов, подавления восстаний было дело проблематичным. Мало того. Легионеры часто и сами становились головной болью для центральной власти. Рим целиком и полностью зависел от военных поселенцев и их вождей. Такое решение привело к катастрофическим последствиям и множеству злоупотреблений. Римские чиновники за весьма солидные взятки оставляли готам оружие, как оставили российские взяточники оружие в Чечне... При этом одновременно они выделили варварам минимум продовольствия, рассчитывая при этом еще продать им хлеб по завышенным ценам. Чтобы не умереть с голоду, готы вынуждены были продавать в рабство своих детей. Естественно, они возненавидели Рим и в конце концов восстали (во главе с Алавивом), а затем к ним присоединились и другие.

Коммод, сын Марка Аврелия

Римская империя становилась заложником армии, все более терявшей собственно римский, национальный облик. Ее войско, по словам М.И. Ростовцева, «разбило своими собственными руками

государство, в корне подорвало его экономическую жизнь, разрушило его многовековую культуру, открыло границы соседним варварам». Но почему это произошло? Ведь в предыдущие века войско было надежной опорой и гарантом крепости римского государства. Виной тому извечные распри и политическая борьба, это массовое безумие, когда на смену одному властителю-честолюбцу стремится прийти другой, не думая об интересах народа и нуждах отечества. Тогда армия превращается из инструмента защиты и поддержания порядка в меч грабителя и разбойника, из скальпеля хирурга в топор мясника, используемый не для разделки туш быков, а для расчленения государства. Существует понятное соотношение: чем больше денег вынуждено тратить то или иное государство на армию и солдат, тем больше вероятность разорения трудящегося населения. Это и происходило в Риме с пугающим постоянством, особенно начиная с III в. н. э. Правда, жалование солдат росло, но зато снижалась покупательная способность денег. Ростовцев пишет: «Правда, им позволялось грабить, насиловать и бесчинствовать, но зато их окружала бесконечная ненависть населения. Они, конечно, были хозяевами положения, но все их хозяйничанье сводилось к тому, что вместо одного императора ими командовал другой. А стоило им это удовольствие дорогого: тысячами гибли они в гражданской борьбе, на границах, от чумы и других болезней. Большинство попадало на службу не по своему желанию, а принудительно, по набору. Доля солдата, очевидно, не была сладка! Об этом так ярко свидетельствует восстание Матерна и дезертиров в Галлии в правление Коммода. Ряд больших городов в Галлии и Испании были ими безжалостно разграблены. Все солдаты имели родственников и близких и знали, как тяжело им живется в городах и деревнях... Уже Коммод оперся на войско и, когда встретил оппозицию сената к своей политике, и главным образом ко внешней политике, при помощи войска жестоко с ними расправился. Всем известно, как резко формулировал свою связь с войском Септимий Север в своем предсмертном слове к сыновьям: «Живите в согласии, обогащайте солдат, об остальном (или об остальных) не заботьтесь». Известна и та связь, что существовала между солдатами и императором Каракаллой. Тот, по словам Диона, часто говаривал: «Никто, кроме меня, не должен иметь денег, чтобы я мог дарить их солдатам». Политика обогащения солдат, их покупки,

стала политикой почти всех без исключения императоров III в. Хотя было ясно, что подобная политика чревата многими опасностями для Рима. Во-первых, возросшие военные расходы, которые шли на внешние и гражданские войны, стоили огромных усилий, подрывая экономическое равновесие бюджета. Во-вторых, все имеющиеся средства уходили в военную пасть, оставляя голодными или полуголодными рты остального населения. Участились разного рода поборы и натуральные повинности на нужды войска, подарки императорам и военным начальникам. В-третьих, ощутимым грузом ложился на плечи населения и чрезвычайный рост расходов на тайную полицию. Жертвами налогов и грабежей стали не только простые граждане, но и богачи. Говоря о правлении Максимиана, Геродиан пишет: в Риме и провинциях наблюдается повальное истребление богачей. «Каждый день можно было видеть вчерашних богачей сегодня нищенствующими. Такова была жадность тирании под предлогом постоянной необходимости денег на оплату солдат». Пока это делалось с отдельными лицами и бедствие касалось только ближайших двору слоев населения, остальное население об этом мало заботилось. Массы не проявляли интереса к катастрофам, постигшим тех, кто в их представлении являлся зажиточным или богатым. Завистники только радовались таким событиям. Но затем Максимиан стал всю тратить общественные деньги. Все украшения, дары, всё, из чего можно делать деньги, всё шло в переплавку. Говоря об этом, Ростовцев называет Максимиана «достойным предшественником русских большевиков». Итоги подобной политики военных императоров были поистине печальны и трагичны для Рима.

Военная сцена с колонны Траяна

Римские гарнизоны не смогли противостоять войску готов. Пришлось двинуть против них главную армию во главе с императором Валентом. Решающая битва между готами и римлянами произошла в 378 г. н. э. при Адрианополе. Причем римлян было больше на несколько тысяч. Вот как описал ее профессиональный солдат Аммиан Марциал, «солдат и грек». На рассвете 9 августа войска Валента быстро двинулись вперед. Весь обоз и выюки были оставлены с охраной у стен Адрианополя. Долго шли войска по каменистым неровным дорогам, и знойный день стал близиться к полудню. Наконец, около 2 часов дня стали видны телеги неприятеля, которые, как доносили лазутчики, были расставлены в виде круга. Варвары затаили дикий и зловещий вой... Римские вожди стали выстраивать войска в боевой порядок. Правое крыло конницы выдвинули вперед, а большую часть пехоты оставили в резерве (позади). Левое крыло конницы выстроили с большим трудом, так как большинство предназначенных для нее отрядов были в пути и спешили к месту боя быстрым аллюром. Крыло это вытягивалось, не встречая пока противодействия. Варвары пришли в ужас от страшного лязга оружия и угрожающих ударов щитов один о другой, но главное: часть их сил с

Алафеем и Сафраком, вызванная ранее, находилась далеко и пока не прибыла.

Изображение битвы

Чтобы выиграть время, те направили послов... Но император из-за их простого вида отнесся к послам с презрением, требуя, чтобы для заключения договора были присланы знатные люди. Готы медлили, чтобы за время перемирия могла вернуться их конница, которая, как они надеялись, должна была сейчас явиться, а с другой стороны, чтобы истомленные летним зноем римские солдаты стали еще больше страдать от жажды. Вся широкая равнина заблистала пожарами. Подложив дров и всякого сухого материала, враги разо-жгли повсюду костры. К этому бедствию прибавилось и другое: людей и лошадей стал мучить страшный голод... Стрелки и skutарии, которыми тогда командовали ибер Бакурий и Кассион, в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало боя трусливым отступлением... А готская конница между тем вернулась, с Алафеем и

Сафраком во главе, вместе с отрядом аланов. Она спустилась с крутых гор и, как молния, пронеслась в стремительной атаке, сметая всё на своем пути.

Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, выпускала бранный сигнал на погибель римлян. Те начали было отступать, но остановились, услышав крики из многих уст. Битва разгоралась, как пожар. Ужас охватил солдат, когда сразу многие были пронзены копьями и стрелами. Наконец, оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и, тесня друг друга, заколебались, словно волны. Левое крыло римлян подступило к самому табору варваров, и если бы ему была оказана поддержка, могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг всей массой надавил на левое крыло. Казалось, на римлян обрушилась вода, прорвавшая плотину. Конница их была опрокинута и рассеяна. Пехота осталась без прикрытия, и манипулы были стиснуты на столь узком пространстве, что трудно было отвести руку и пустить в ход меч – свои же и мешали. От облаков пыли не было видно неба. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель, нанося жуткие раны. От них нельзя было уклониться. Когда же несчетные отряды варваров стали опрокидывать людей и коней, в страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления. Давка не давала возможности уйти. В отчаянии римляне снова взяли за мечи и стали рубить врага. В свою очередь, варвары своими секирами пробивали шлемы и панцири. Можно было видеть, как варвар в своей дикости, с искаженным лицом, подрезанными подколенными жилами, даже с отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал свирепыми глазами уже на самом пороге смерти. Так сцепившиеся враги и валялись вместе на землю. Вся равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненных раздавались повсюду, вызывая ужас.

Х. Мадрасо. Смерть испанского повстанца

В страшной сумятице пехотинцы, уставшие и истощенные от невероятного напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять, что им делать, а копья у большинства уж были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не видя уже никакой возможности уйти с поля боя и не помышляя вовсе о спасении жизни. Покрывавшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг. Римляне старались подороже продать свою жизнь и с таким остервенением нападали на неприятеля, что порой иные из них страдали от мечей товарищей. Все кругом покрылось черной кровью, и куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились горы убитых. Сражающиеся нещадно топтали павшие тела. Высоко стоявшее солнце палило римлян, без того истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец, под напором силы варваров боевая линия римлян окончательно расстроилась, и люди... беспорядочно побежали кто куда мог.

«Варвар»

Пока все те, кто разбежался, отступали по неизвестным дорогам, император, среди всех этих ужасов, покинув поле битвы, с трудом пробирался по грудам мертвых тел, к ланциариям и маттиариям, что стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдерживать натиск численно превосходящего врага. Увидев его, Траян закричал, что императору не спастись, если вместо разбежавшихся телохранителей не вызвать для его охраны какое-нибудь подразделение. Это услышал комит Виктор и бросился к находившимся в резерве батавам, но не нашел их на месте и сам покинул поле боя. Его примеру последовали комиты Рихомер и Сатурнин. Метая молнии из глаз, шли варвары за римлянами, у которых кровь холодила в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала на землю тяжесть напавших, некоторые же гибли от ударов своих товарищей. Варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады никому из сдавшихся в плен. Кроме того, дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки, испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми. Конец этим невосполнимым потерям, столь дорого обошедшимся римскому государству, положила ночь, не

освещенная ни одним лучом луны. Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат, пал, опасно раненный стрелой, и вскоре испустил дух. Это – только лишь предположение, поскольку никто не утверждал, что сам это видел или при том присутствовал.

Битва с германцами

Во всяком случае, его труп так и не был найден (выражаясь современным языком, можно было бы сказать, что император Валент пропал без вести на поле сражения под Адрианополем). Так как шайки варваров бродили долго по тем местам, чтобы грабить мертвых, то никто из бежавших солдат и местных жителей не рискнул явиться туда... Среди большого числа высокопоставленных людей, павших в той страшной битве, на первом месте следует назвать Траяна и Себастиана. С ними пали 35 трибунов, командовавших полками и свободных от командования, а также Валериан и Эквиций, первый заведовал императорской конюшней, а второй – управлением дворца... Уцелела, как известно, только треть войска. По свидетельствам летописей, только битва при Каннах была столь же кровопролитна (Марциал). Согласно оценкам численность римского войска составляла 23–25 тысяч человек, тогда как общая численность готского войска равнялась примерно 30–35 тысяч человек. Взятых в плен римлян, если верить Марциалу, не было. Это указывает на

ожесточенный характер сражения. Как считают, битва стала началом последней стадии упадка Римской империи.

Гонорий с супругой. Римская камея

Вражда и ненависть между римлянами к германцами еще более усилилась... Часто германцев линчевали или убивали. Так, Гонорий убрал за его немецкое происхождение Стилихона (408 г. н. э.), а перед тем римские войска поубивали всех германских вождей из его окружения. По всей Италии италики проклинали солдат-варваров (из числа федератов). Понятно, что соответствующей была и реакция варваров. Одним из вождей был Аларих (365 или 370–410 гг. н. э.) – вождь крупного объединения варварских племен, среди которых преобладали готы. Он выдвинулся на службе в качестве предводителя на службе императора Феодосия I. Затем последовавшие за ним племена провозгласили его «королем» («рексом»). Однако захватив власть, Аларих повел свою собственную политику: развязал войны в Македонии и Фессалии, совершил походы до Пелопоннеса и двинулся в Италию, рассчитывая захватить Рим. Сюда он совершил два похода (в 401–403 и в 408–410 гг. н. э.). Похоже, после захвата древней столицы, центра империи, он все же намеревался увести свои племена в Африку и на Сицилию, где было достаточно хлеба и много земли. Он трижды осаждал Рим (в 408, 409 и 410 гг. н. э.). Это было лишь началом. Волны варваров накатывали на Рим одна за другой, и в разных комбинациях. При сыне Феодосия, Гонории (395–423 гг. н. э.), варвары обрушивались раз за разом на империю. Услышав об их приближении, Гонорий покинул Рим и в страхе и смятении бежал в укрепленную Равенну. Фактически Рим оказался брошен на произвол

судьбы. Прокопий Кесарийский, забыв о прошлом, в «Войне с вандалами» не жалеет черных красок, описывая, как вели себя варвары в границах империи: «Поскольку варвары не встречали никакого сопротивления, они показали себя самыми жестокими из всех людей. Те города, которые они взяли, они разрушили до такой степени, что даже до моего времени (т. е. около 550 г. н. э.) от них не осталось никакого следа, особенно от тех, которые были расположены по эту сторону Ионийского залива, разве что случайно сохранилась кое-где одинокая башня, или ворота, или что-либо подобное. Попадавшихся им людей они всех убивали, ...и старых, и молодых, не щадя ни женщин, ни детей. Поэтому-то еще и доныне Италия так малолюдна. Они разграбили богатства всей Европы, особенно же в Риме они не оставили ничего ни из государственных, ни из частных богатств и удалились в Галлию».

Стилихон с супругой Сереной и Гонорием

Коренное население Италии менялось – и отнюдь не в лучшую сторону. Куда только девались мужество, верность долгу, дисциплина, честь... Чужестранцы, с их спайкой, их особыми нравами, глубокой, хотя часто и умело скрываемой ненавистью к жителям столицы, быстро меняли облик Рима. Да и угнетаемые откупщиками римские граждане, терпя ужасные вымогательства, ненавидели свое собственное государство больше варваров и убегали к ним. Французский историк Ж. Бодэн пишет: «При этом теперь никто не может затмить римлян в их пренебрежении дисциплиной. Если раньше они превосходили все народы своей репутацией справедливых людей и славных воинов, то сейчас почти все народы превзошли их в этом». То, что Рим вконец одряхлел, видно было хотя бы уже из того, что последним самым успешным защитником Рима был даже не римлянин, а вандал Стилихон. После его казни в 408 г. сопротивляться войскам Алариха было практически уже некому. Когда германца Стилихона римляне убили у входа в церковь, то его соотечественники отказались защищать Рим... Свидетельством полнейшего краха стало то, что Рим вынужден был выплатить другому германцу, Алариху, уйму золота (40 кентариев, что-то около 32,7 кг) за то, что тот фактически отказался от нападения на Италию, направив войска на завоевание Иллирика. Сумма была значительной (для сравнения скажем, что императрица Евдоксия пожертвовала в 401 г. на построение церкви 2 кентария, и это считалось весьма внушительной суммой). Показательным было и то, что великий Рим откупался золотом в страхе перед варварами, да еще и просил у них пощады. Римские послы спрашивали Алариха: «Что же ты оставишь нам?» Аларих презрительно им бросил: «Жизнь». Бросил так же, как некогда Бренн бросил на весы судьбы римлян свой меч... Когда войска Алариха в 410 г. вошли в Рим, началось нечто невообразимое. Сенат находился в полной прострации. В городе вспыхнул голод. Народ метался в отчаянии. Многие рабы перешли на сторону Алариха и при третьей осаде они-то и открыли варварам Саларийские ворота.

Блудница

То, как Рим погружался в волны набегов и в пламя пожаров, — это картина, достойная кисти великого Брюллова... Имена Алариха, Атиллы, Гейзериха или Теодориха будут на слуху у итальянцев добрых пару сотен лет. Понятно, что приход варваров в Рим не добавил спокойствия на площадях и улицах. Траян был прав, некогда опасаясь того, что вступившие в лоно Рима народы не станут квиритами (римлянами), но навязнут Риму свои обычаи. Это ускорит его конец. Олимпиодор в «Истории» описывал эти события: «Аларих, предводитель готы, которого Стилихон пригласил охранять для Гонория Иллирик... узнав об убийстве Стилихона и не получив обещанной платы, осадил и разрушил Рим. Он увез оттуда неисчислимое количество денег и взял в плен сестру Гонория, Платидию, находившуюся тогда в Риме». Взяв город, он, в довершение позора, сделал «императором» Рима свою марионетку — Аттала. Орозий описывает, что он «издевался над ним как над мимом и лицезрел в нем посмешище империи». Он то «наущал его, то возвышал, то бросал». Иначе говоря, ставленник Алариха был «пустой видимостью империи» и не более, как ее «тенью». Ограбив город, вытрясав из него богатства, Аларих ушел столь же неожиданно, как и появился...

Катастрофа повлияла на обитателей Империи самым угнетающим образом. «В августе 410 г. Аларих, представитель готов (сам христианин, но последователь ереси Ария), захватил и опустошил Рим, вырезав часть его жителей. С точки зрения войны и политики, это событие, несмотря на его трагичность, не было катастрофой (для всей страны), так как столица находилась в Милане. Но (эта) весть потрясла Империю... Как и следовало предполагать, это беспрецедентное событие было истолковано в религиозных, культурных и политических кругах рим-ского язычества как кара за отступление от традиционной религии и принятие христианства». Психологический шок от такого события был, безусловно, огромным.

Иные обитатели Средиземноморья, жители Африки и Востока, привыкшие веками смотреть на Рим как на победоносного владыку, как на опору всего мироздания, почувствовали: наступает конец света. Примерно в том духе, апокалипсически, говорит о событии св. Иероним: «Сердце горит во мне, голос мой пропадает, и рыдания прерывают слова. Факел мира потух, и в одном сраженном городе погибает весь мир человеческий». И это с учетом, что христиане взирали на Рим как на чудовище, на вселенского грабителя и блудницу, что хуже вавилонской.

Итак, империю, как писал Монтескье, погубило не какое-то одно определенное нашествие, но все нашествия вместе. «Таков был конец Западной империи. Рим возвысился благодаря тому, что он всегда вел одну войну вслед за другой; ибо, к его несказанному счастью, один народ начинал с ним войну тогда, когда другой уже был побежден. Рим был разрушен потому, что все народы сразу напали на него и растерзали его на части». Но мир еще не знает случая, когда бы собственные властители, словно дикие звери, напали сами на себя, отгрызая себе части тела... Правда, даже после того, как гунны, получавшие от Восточной империи, по сути дела, огромную дань золотом, обратили свой взор на Западную империю, желая получить дань и от нее, а известному римскому полководцу Аэцию удалось разбить их в «битве народов» на Каталунских полях, они вновь вторглись в Италию, взяв Аквилею, Милан, ряд городов (452 г.). Таким образом, неуклонное падение Римской империи продолжалось, хотя и «без грохота», без вавилонского столпотворения.

Аттила с бичом и мечом правосудия

Немалую лепту в это падение внесли гунны, повергавшие Европу в трепет на протяжении восьми десятков лет... В 444 г. во главе гуннов стал Аттила, «Бич Божий», как его будут называть готы и римляне. Ему удалось объединить гуннов и другие покоренные им племена варваров. Он почти двадцать лет возглавлял их полчища, пришедшие из Мезии и Паннонии, и с Северного Причерноморья.

Феодосий I и его семья – Гонорий и Аркадий

Что же представляли собой гунны и откуда они пришли? Всё указывает на то, что они явились из глубин Азии, с берегов Волги, из центральной России. Это был азиатский народ. Говорили даже о двух народах, имевших, видимо, общие корни: «белых гуннах», вышедших к берегам Каспийского моря, и «черных гуннах», более смуглых гуннах, занимавших западные склоны Уральских гор. Черные гунны, как отмечают историки, в 374 г. переправились через Волгу и, возглавляемые своим вождем Баламиром, обрушились на аланов, кочевавших в степях меж Волгой и Доном. Те частью бежали через Днепр, частью покорились гуннам. Вся эта масса двинулась на европейский запад, действуя как давящий пресс. Гунны и аланы теснили остготов, те сгоняли вестготов, вест-готы давили на другие германские племена. Шла битва и за обладание Восточной Европой. Баламир разбил ост-готов, создавших империю на сарматских и скифских равнинах от Дона до Балтики, король остготов Эрманарих покончил с собой, а его племена покатались на запад. Войско гуннов, в союзе с аланами и другими племенами Русской равнины, было столь могучим, что даже отважные остготы и вест-готы поняли всю

бесперспективность сопротивления им. Выход был один – уйти на земли Римской империи. Испросив разрешение Рима на поселение, они обосновались на землях Римской империи. Гунны захватили территорию от Борисфена (Днепра) вплоть до Дуная. Гунны представляли собой чрезвычайно пестрый союз племен, соединенный одним общим интересом – набеги и войны. Они не умели возделывать землю и жили большей частью за счет грабежей или службы в наемниках. Учитывая эти особенности гуннов, ими можно было до поры до времени манипулировать, сталкивая одни племена с другими, порождая зависть, подкупая и перекупая. Так и поступал император, опытный Феодосий I (347–395 гг.), в прошлом сын полководца армии Валентиана I, провозглашенный императором в 379 г. Именно он заключил мир с вестготами и расселил их в качестве федератов южнее нижнего течения Дуная, заставив нести воинскую повинность. Он отказался от арианства в пользу ортодоксальной христианской религии, преследовал приверженцев язычества, запретил их культы, а заодно и Олимпийские игры. При его власти приверженцы христианства разрушили храм язычников в Александрии (храм Сараписа). За активную помощь вере Церковь назовет его «Великим». Перед смертью Феодосий разделил Империю на две части между сыновьями (Аркадием и Гонорием), что в дальнейшем привело к краху единой Империи. Говорят, что в день смерти Феодосия в деревянном дворце на берегу Дуная родился Атила. Его отцом, видимо, был доблестный воин, один из тех князей или «суверенных вождей», что возглавляли большой племенной союз.

Атила с детства учился ездить верхом, владеть луком и кинжалом. У него была большая голова, заостренный подбородок, выступающие скулы, крупный и длинный нос, вероятно, каштановые волосы, выкрашенные в рыжий цвет. По словам современников, он был небольшого роста – не более метра шестидесяти сантиметров. Щеки его, на которых не было шрамов (воины иных народов тогда специально делали уродливые шрамы для устрашения противника в битвах), покрывала редкая растительность. Атила имел узкую клинообразную бороду, у него были черные и весьма проницательные глаза. Весь его облик свидетельствовал скорее об уме, нежели о первобытной дикости. В детстве он освоил азы латыни, а затем стал изучать и греческий язык. В его судьбе чрезвычайно важную роль

сыграл юный аристократ Аэций, которого римляне в 405 г. прислали в ставку к гуннам.

Там Аэций и познакомился с Атиллой. Они оба прониклись друг к другу симпатией. Аэций и вызвал учителя латыни для гунна, а затем приобщил его к изучению греческого языка. Итогом этого пребывания Аэция стал союз между гуннами Роаса и Феодосием II. Император Востока платил гуннам по 350 фунтов золота в год.

Портрет Атиллы

Следует добавить, что вскоре и сам Атила будет отправлен в Рим — к двору императора Западной Римской империи Гонория, где оказался в положении то ли «почетного заложника», то ли посла-посредника, то ли просто в роли принца варварского народа. М. Бувье-Ажан в книге «Атила» пишет... И вот Атила — при дворе Гонория, то в Риме, то в Равенне. Какая перемена! Он видит роскошь, разврат, пороки и интриги. С ним обходятся как с юным принцем, каким он, в сущности, и был, каким его воспринимали эти «римляне», все больше полагававшиеся на «суверенных» и прочих вождей варваров в деле защиты и укрепления столь обветшавшей Империи! Какой разительный контраст! Из деревянного терема — в мраморный дворец, от сырого мяса к изысканнейшим блюдам, из звериных шкур в тогу, от вонючего гуннского кочевья к благовониям римского двора, от

размахивающих руками и орущих воинов Роаса к эротическим танцам и песням артистов Гонория! Принял Атилла все это или отверг? Историки утверждали как то, так и другое. Истина скорее всего находится посередине...

Вероятно, он должен был приспособиться к окружающей среде в силу необходимости. Однако при этом одевался просто, на римский манер, ограничивался только самыми простыми блюдами императорской кухни, заводил новых друзей, говорил очень медленно (на примитивной, но правильной латыни), занимался греческим, став неплохим эллинистом. Какой огромный культурный разрыв между Атилой и его отцом, дядями! Атилла наблюдает и оценивает общество Империи времен упадка, легко усваивает историю Рима и Византии, постигает все надежды и страхи Империи в отношении варваров. Он узнает, в чем сила Империи и в чем ее слабость. Оставаясь для придворных тайной за семью печатями, он учится разбираться во всех их устремлениях, менталитете, сомнениях, ожиданиях, тайном соперничестве в борьбе за власть... Пребывание Атилы в Италии сыграло для него поистине неоценимую роль в последующем его становлении как вождя и в дальнейшей судьбе. Он узнал многое из того, что могло помочь ему в будущей борьбе с Империей. Прежде всего познакомился с влиятельными людьми, начиная с самого Гонория и заканчивая министрами, фаворитами, полководцами, дипломатами. Тут он смог развить присущее ему врожденное чутье дипломата, о котором особенно писали все его биографы.

Аттила, стилизованный под бога Пана

Можно ли сказать, что, пригласив к себе Аттилу, Рим тем самым допустил в свои владения как бы «тroyанского коня»? В какой-то степени это именно так. Но, вынося подобное суждение, надо учитывать время и эпоху. Скажем, если в наше время другой «император» пошлет своего наместника или премьера в Европу (ознакомиться с жизнью европейского «двора»), это вовсе не значит, что он хочет «погубить Европу». Такое пребывание пошло бы скорее на пользу как тем, так и другим – в том случае, если «посол» предан делу своего государя.

К тому времени Римская империя уже была поделена на две части – восточную и западную империи. Гуннов нередко представляли чудовищами: по мнению готов, они произошли от браков ведьм с нечистыми духами и пришли с берегов Азов-ского моря, устья Дона. Истории звучат устрашающе: «Скорее это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные в образе человека; на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы и справляют на них всякого рода дела. Начиная битву они разделяются на отряды и, поднимая ужасный крик, бросаются на врага. Рассыпавшись или соединившись, они и нападают, и отступают с быстротой молнии. Но вот что особенно делает их напуганнейшими воинами на свете: это, во-первых, их меткие удары стрелами хотя бы и на далеком расстоянии, а во-вторых, когда в схватке один на один дерутся мечами, они с необыкновенной ловкостью в одно мгновение накидывают на врага ремень и тем лишают его всякого движения... Они не больше зверей понимают, что честно и бесчестно. Сам разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Язык их едва напоминает человеческий язык».

Портрет Аэция. С гравюры XVI в.

Став вождем, Атила жил скромно, в простом деревянном доме, был храбрым и умным политиком. Он никогда не объявлял войны, пока мир мог дать такие же выгоды. Варваров к войне, видимо, побуждала не только жажда богатств, но и голод. Что же касается нравов, то они у всех были далеко не христианскими. Царь вандалов, Гейзерих, женил своего сына на дочери готского царя, а потом, отрезав ей нос за какую-то малую провинность, отослал ее обратно домой. Царь готов (в подобном случае) приказал разорвать на части жену царя роксаланов, несчастную Сонильду, привязав ее к диким лошадям. Готский король, Винитар, захватив одного из князей гуннов, в целях устрашения приказал распять его с сыновьями и семьюдесятью старейшинами на крестах. Российские историки в гуннах видят наших соплеменников. Нечволодов в «Сказании о Русской земле» писал о них: «Так опять, соединившись вместе под рукой храброго и искусного вождя – Валамира (Баламира), снова входят в силу и славу славянские племена, населяющие нашу родину, – на этот раз под новым общим именем гуннов. По всем немецким или, как тогда называли, готским областям разнесся слух о появлении неведомого диковинного народа, который то как вихрь спускался с гор, то будто вырастал из земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывал и разрушал». Далее

автор подтверждает, что, по его мнению, если откинуть все ужасы и крайности, которые приписывают гуннам их непримиримые враги, то «увидим в гуннах прямых потомков наших удалых предков, ходивших еще при пророке Иеремии под Иерусалим и изгнавших гордого персидского царя Дария из наших черноморских степей». И действительно, Библия упоминает об этом.

Монета в честь победы Аэция над Атилиой

Атила видел в лице гуннов «третью силу», которая будет способна обуздать происки обеих империй – Западной и Восточной Римских империй. Страшная битва на Каталунских полях (451 г. н. э.) знаменовала собой столкновение двух миров – Европы и Азии. Первый был представлен римлянином Аэцием, талантливейшим военачальником, второй – Атилиой, столь же воинственным и ярким полководцем. Предсказатели сообщили Атиле, что его враг (а еще в недавнем прошлом хороший друг) должен будет пасть на поле боя. В войске Аэция вместе с галло-римлянами и готами бились вспомогательные отряды из франков, сарматов (аланов), саксонов, бургундцев, аморианцев и вестготов, во главе с королем Теодорихом. Поэтому битва и была названа «битвой народов». Валентинан III отказал Аэцию в помощи римских и романизированных легионов. Атила перед битвой обратился к своим воинам с речью: «...Нападем смело на неприятеля, кто храбрее, тот всегда нападает. Смотрите с презрением на эту массу разнообразных народов, ни в чем не согласных между собою: кто при защите себя рассчитывает на чужую помощь, тот обличает собственную слабость перед всем светом... Итак, возвысьте свою храбрость и воспламените свой пыл. Покажите

как следует гуннам свое мужество». А еще он сказал им: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело». И зажженные этими словами, пишет Иордан, гунны устремились в бой. И началась «лютая, переменная, зверская, упорная» битва.

Результатом этой битвы стала смерть примерно 175 тысяч людей, а по другим сведениям – 300 тысяч человек. Атилла потерпел поражение, но, сражаясь, как лев, он наводил ужас на победителей. Аэций также не возобновлял сражения, ибо его оставили готы, желавшие похоронить их старого короля – Теодориха. Атилла смог выбраться из окружения. Его огромное полумиллионное войско уменьшилось в численности, но по-прежнему представляло собой грозную силу. В каком-то смысле битва на Каталунских полях означала закат карьеры Атиллы.

Однако финал истории впереди. Пока Атилла был еще грозен. Пополнив свои силы, расширив парк баллист, призвав в ряды новых воинов, он пошел на Рим, решив взять Аквилею, самый крупный и красивый порт на Адриатике. Это был город-страж. Богатый, неприступный, стоял тот на перекрестке, являясь ключом к сердцу Империи, ключом к Риму, Равенне, Константинополю и даже ко всей Галлии. После трех месяцев осады в ходе жестокого штурма город был Атилой взят. За этим последовали неизбежные резня и убийства, грабежи и поджоги.

Святой Луп упрощивает Аттилу пощадить город Труа

Гунны не щадили никого, видимо, мстя Риму за позор недавнего поражения на Каталунских полях. Итальянские города скоро опустели. Все бежали куда глаза глядят. Страшным опустошениям подверглись Ломбардия, Пьемонт, Лигурия, десятки городов. Рим ожидал неизбежного конца. Император (еще живой) готов был на любые уступки Аттиле. В качестве посла к нему решили послать папу Льва I, семидесятилетнего тосканца с седой бородой. Его направили к Аттиле, надеясь не столько на его ум (он имел прозвище «здравие ума»), сколь на чудо.

Миссия принесла успех... Проспер Аквитанский писал: «Папа положился на помощь Господа, который не оставляет тех, кто служит справедливому делу, и его вера принесла успех». Император Западной Римской империи обещал в пять лет выплатить разумную дань, а Аттила, в свою очередь, отказался от попыток вторгнуться в Галлию и Италию. Аттила заявил папе, что для него большая честь принимать у себя самого мудрого человека в мире. При этом он пожелал ему долгих

лет жизни. Они обнялись. Подлинная причина ухода Аттилы до сих пор вызывает споры. Но всё говорит в пользу того, что причиной казалось бы столь неожиданного поступка был трезвый расчет, а также здоровье Аттилы.

Аттила чувствовал приближение конца. Он ощущал, как силы покидают его. Все чаще преследовали боли в голове, кровотечения и обмороки. Пока он мог скрывать болезнь, он делал это и держался. Некоторые говорят об умственном расстройстве вождя гуннов (и даже о шизо-френии). Вот как Иордан описывал кончину грозного вождя варваров... Ко времени своей кончины, как передает историк Приск, Аттила взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у этого народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. На свадьбе, отяжелев от вина и пресытившись любовью, Аттила, видно, перенес удар. Но никто не решился нарушить покой счастливого супруга... Вероятно, обильные рвотные выделения не давали ему дышать. Горлом шла кровь. Вся эта масса привела к удушью. Он лежал, плавая в крови, что лилась отовсюду. Так пьянка принесла постыдный конец прославленному королю и воителю. Только на другой день слуги стали подозревать что-то неладное. После громкого зова и стука они взламывают двери – и обнаруживают в постели мертвого Аттилу. На теле вождя не видно ни одной раны, которая могла бы привести его к смерти. Обнаружили плачущую испуганную девушку, спрятавшуюся под покрывалом.

Костер Атилы. Гравюра XIX века. Париж

Следуя обычаям их племен, воины отрезали часть их волос, обезобразили лица уродливыми глубокими ранами. Согласно их традиции великий воин должен был быть оплакан и омыт не воплями и слезами женщин, но кровью мужчин. Говорили, тогда произошло чудо: напуганному Маркиану, императору Востока, что со страхом ожидал его участи, предстало во сне божество и показало – в эту ночь – сломанный лук Атилы. Надо сказать – хоть немного из многого – и о том, как его племя почтило останки вождя. Среди степей, в шелковом шатре, лежало тело Атиллы. Начался обряд – поразительное и торжественное зрелище.

Отборнейшие всадники гуннского племени, пишет Иордан, объезжали кругом место, где он был положен наподобие цирковых ристаний. В погребальных песнопениях они так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Атила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, –

умилостивленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?» Затем друзья устроили пир, похоронив его в кургане. Тело великого воина поместили в золотой гроб, поставив внутри серебряного, а тот, в свою очередь, поместили в железный. В гробницу, что согласно легенде находилась в русле специально отведенной реки, поместили его бесчисленные сокровища. В сказаниях, песнях народов долго будет сохраняться память о нем.

Аэций

Конечно, были среди римлян мудрые политики типа Аэция. Этот величайший полководец эпохи, ставший в 429 г. главнокомандующим (*magister militum*), а в 454 г. в четвертый раз консулом и зятем императора Валентиана III, с исключительным искусством и тактом вел дела с германцами. Видя все его достоинства, мужество, честность, простоту, те уважали и ценили римлянина. Полную ему противоположность представлял император Валентиниан III. Слабый и распутный, он не сумел приобрести в 34 года ни разума, ни самообладания. Он был еще и настолько туп, что даже не понял той решающей роли, что играл в сохранении его власти великий патриций Аэций. Он из-за низкой зависти к славе и положению Аэция, которого превозносили презираемые им «варвары», а также из опасения, что тот может стать наследником (через помолвленного на его дочери сына), убил Аэция. Гиббон писал, что в то время как Аэций – быть может, с чрезмерной горячностью – настаивал на бракосочетании своего сына, Валентиниан обнажил свой меч, до тех пор еще ни разу в битвах не выходивший из своих ножен, и вонзил в грудь полководца, спасшего империю; а его царедворцы и евнухи постарались превзойти один другого в подражании своему повелителю, и покрытый множеством ран Аэций испустил дух в присутствии императора. В одно время с ним был убит преторианский префект Бозций, и, прежде чем разнесся об этом слух, самые влиятельные из друзей Аэция были призваны во дворец и перебиты поодиночке (454 г. н. э.). Об ужасном злодеянии, прикрытом благовидными названиями справедливости и необходимости, император немедленно сообщил солдатам, своим подданным и своим союзникам. Даже народы, не имевшие дела с Аэцием или видевшие в нем врага, все ж великодушно сожалели о постигшей героя незаслуженной участи. Варвары, состоявшие при нем на службе, скрыли свою скорбь и жажду мщения, а презрение, с которым давно народ относился к Валентиниану, внезапно перешло в глубокое и всеобщее отвращение. И весьма показательно, что когда император постарался узнать мнение простого народа об этом преступлении, некий солдат честно ему заявил: «Мне неизвестны, ваше величество, какие соображения или обиды заставили вас так поступить; я знаю только то, что вы поступили точно так же, как тот человек, который своей левой рукой отрезал себе правую руку». Могла ли продолжать существование столь тупая, бессовестная,

неблагодарная власть?! Понятно, что Рим стали ненавидеть не только недруги, но и друзья, те, кто десятилетиями служил ему не за страх и даже не за деньги, а за совесть. Возмездие истории неотвратимо!

Галла Плацидия и ее молодой сын Валентиан III

Как мы видели, и победа Аэция не принесла ему славы, но лишь привела к гибели. Валентиан III послушал советника Максима Петрония, завидовавшего Аэцию. Валентиан был ничтожнейшей личностью, и свою миссию он видел в том, чтобы непрерывно менять любовниц... Особенно обожал император блудниц и девственников. В последние годы пристрастился к тому, что совращал супруг приближенных к нему особ, а опозоренным мужьям за понесенный моральный ущерб щедро платил. Однажды он «положил глаз» на жену своего советника, приказал ее связать – и изнасиловал, а потом осыпал брильянтами. Та в ярости бросила брильянты в лицо его пособникам (те преспокойно их подобрали). Жена бросилась к мужу и, рыдая, сообщила ему о поругании своей чести. Тот направился в покои императора, поприветствовал его, как подобал этикет, – и зарезал, а после смерти сам назначил себя императором. Но, проявив алчность, подлость, некомпетентность, он лишь год был на троне и пал жертвой

толпы. Римляне забили правителя камнями, а императором, разуверившись в своей продажной и мерзкой политической элите, предложили стать сильному человеку Гейзериху. И это несмотря на то, что у себя в Северной Африке он добился полной независимости от Рима, а романо-африканских землевладельцев подвергал унижениям и яростным нападкам. Германец не отказал себе в удовольствии и припомнил им слезы его народа. Как жаловался католический епископ Северной Африки, Виктор из Вита: «Их намерения очевидны, они беспрерывно пытаются очернить славу и честь имени римлянина. Их сокровенное желание – не дать римлянам выжить. Если они и щадят их в том или ином случае, то только для того, чтобы использовать их в качестве рабов». Рим считал в порядке вещей делать других рабами, теперь пришел его черед почувствовать, каково носить на шее гнусный ошейник раба.

Мавр. Петербург

Самым поразительным было то, что он, по словам Макиавелли, пришел в Рим, якобы воспользовавшись советом супруги покойного императора Максима, Евдокии. Та, считая себя оскорбленной браком с простым гражданином (а она была из императорского рода), в «жажде мести за поругание» и призвала короля Гейзериха, «расписав ему, как легко и как выгодно будет ему завладеть Римом». В 455 г. из Африки, с территории Карфагена и явился Гейзерих... Его корабли пересекли

Средиземное море и встали на якорь в устье Тибра, на виду всего Рима, на них – многочисленное и грозное войско – вандалы и мавры... Гиббон писал, что на третий день после суматохи Гейзерих смело выступил из порта Остии и подошел к воротам беззащитного города. Вместо римского юношества, готового драться, из ворот вышла безоружная и внушительная процессия. В ней участвовал епископ вместе с подчиненным ему духовенством. Бесстрашие Льва, его авторитет и красноречие чуть смягчили свирепость варварского завоевателя.

Гейзерих

Царь вандалов обещал, что пощадит безоружную толпу, запретит поджигать дома и не позволит подвергать пленников пытке. Хотя эти приказания не были серьезны и не исполнялись в точности, все-таки заступничество Льва покрыло того славой и было, конечно, полезно для отечества. Но Рим и его жители все равно стали жертвами бесчинства вандалов и мавров. Удовлетворяя страсти, те словно мстили за старые унижения, понесенные когда-то Карфагеном. Грабеж Рима продолжался четырнадцать дней и ночей, и все, что было ценного в руках общественных учреждений и частных людей, «все сокровища как духовенства, так и мирян были тщательно перенесены

на Гензериховы корабли» (Гиббон). Варвары накатывались волна за волной. Когда уходили одни, тут же приходили другие. Причем никто из варваров не желал в Риме задерживаться, но «всегда предавали его (Рим) разграблению, а селились в какой-нибудь иной стране». Евдоксия же, которая и позвала Гейзериха, уехала с варваром в Африку. Так сей варвар, чье происхождение относят к народам, жившим на берегах Балтийского моря, отомстил за смерть и унижение миллионов тех несчастных «варваров», которых на протяжении восьми веков, в свою очередь, грабил и уничтожал Рим.

К. П. Брюллов. Нашествие Гейзериха на Рим

О последних годах Римской империи говорят многие источники... В 476 г. Ромула заставили отречься от престола. Этот год будет канонизирован учеными Византии, Италии эпохи Возрождения и восемнадцатого века как последний, эпохальный год заката и падения Западной империи. Есть какая-то злая ирония судьбы в том, что имя легендарного основателя Римской империи, жившего двенадцать столетий тому назад, и имя ее последнего императора одно и то же – Ромул. Римляне переделали его имя в «Моммула» (маленький позор), но и это не раскрывает всей глубины трагедии и глубочайшего потрясения основ. Мир был потрясен тем, как рухнул, словно карточный домик, великий Рим. Казалось, вновь ожили видения Исайи

о гибели Вавилона. Откуда-то явилась непроглядная мгла, окутавшая всё туманом, затем разразилась страшная буря, и Рим вдруг исчез. Вспомните, как описывает Тит Ливий исчезновение первого царя – Ромула. Казалось, говорит историк, «царь был унесен ветром». Так вот и Рим был унесен ветром истории!

Его ждала участь некогда поверженного и разграбленного Вавилона. И вожди ничем не напоминали Сципионов, Цезаря, Августа. Расплата была неотвратима. Многие из его красот и сокровищ будут беспощадно сожжены, разрушены, разграблены... Некоторые памятники древнего Рима истреблены нероновским пожаром (63 г. н. э.), затем пожаром при вторжении галлов (390 г. н. э.). Многие из того, что восстановят, исчезнет при вторжении вестготов (410 г. н. э.), вандалов (455 г. н. э.), остготов (546 г. н. э.). И хотя Атилла погиб, все более было признаков, указывавших, что час крушения Рима близок. Ждать оставалось недолго. Кто-то вспомнил мрачные пророчества и победоносного Сципиона, когда римлянин стоял перед охваченным пламенем Карфагеном. Он произнес строки из «Илиады»: «Будет некогда день, и погибнет священная Троя». Когда Полибий спросил, что тот имеет в виду, Сципион признался, что боится за судьбу родины. Все в этом мире преходяще, а потому: кто знает – не ожидает ли и Рим подобная участь?!

Видение Исайи о разрушении Вавилона

И вот давнее предвидение, ужасный образ объятого пламенем Рима, стало явью. Римский император при нашествии вестготов Алариха повел себя как жалкий трус, прячась за стенами града. В один из таких приступов осажденные римляне пытались отразить варваров, бросая мраморные статуи с гробницы Адриана им на головы. Известно, что к разрушению Рима приложили руку римские рабы, выжигая известь из мраморных скульптур. Можно себе представить, что стало с бесценными историческими, философскими и литературными трудами при захвате домов знати Рима. В пламени пожаров они горели тысячами, как свечи!

Хоть иногда лампы Рок гасил,
Рим до конца исполнил труд владыки,
Он был свершен, когда, под вопль
и крики,
Сонм варваров Империю свалил...

В. Брюсов

Горнист

К тому же у «варваров», осаждавших Рим, оказалось и немало сторонников среди низ

ших слоев римского общества. Так, то же готское войско, по словам Х. Вольфрама, издавна «притягивало» к себе бедняков и угнетенных, да и другие правители «варваров» быстро находили общий язык с эксплуатируемой массой. Скажем, Тотила (541–552 гг. н. э.) не только принимал в готское войско, – и очевидно, в больших количествах, – римских рабов, зависимых крестьян, но «мобилизовал и тех и других против их господ-сенаторов, обещая свободу и собственность на землю». Тем самым он позволял римским низам делать то, к чему они из-за их отчаянного экономического положения психологически были готовы уже с III в. н. э., а именно – к «превращению в готов». Слова эти (более чем что-либо еще) указывают, что Рим погублен его же собственной недальновидной

политикой, приняв в свои границы огромные массы обслуживающего рабского населения. Если кто-то проявляет явное желание завезти «рабов», которые будут на него работать за гроши (или просто за пищу и кров), он должен быть готов и к тому, что эти «рабы» при первой же удобной возможности начнут крушить дворцы...

Ничто на земле не проходит бесследно – особенно войны и людские потери. Все меньше возможностей и ресурсов оставалось у Рима для сопротивления набегу варваров. Война с готами в Италии длилась 18 лет, а население Италии за это время уменьшилось в 5 раз! Юстиниану, властителю Восточной Римской империи, какое-то время удавалось отбивать их натиск. Так, после того как готы в 546 г. вновь захватили Рим, разграбили его и покинули за ненадобностью Юстиниан отправил в Италию огромную армию (более 30 тысяч человек) под руководством императорского евнуха армянина Нарсеса. Готы были разбиты, а Тотила убит. Около Везувия остатки их войск были уничтожены окончательно. В 554 г. Юстиниан выпустил «Прагматическую санкцию», где им все решения Тотилы отменялись: земля и рабы возвращались прежним хозяевам. Но былой силы Римская империя (Западная) не могла достичь уж и с помощью Византии.

Император Юстиниан

Кстати, и Византия пошла по проторенному Римом пути – по пути грабителей, захватчиков и завоевателей. Прокопий Кесарийский отмечает: когда Велизарий, византийский полководец, овладел Карфагеном вандалов (царством Гензериха), он обнаружил крепости и

дворцы, полные несметных сокровищ. По его словам, количество отчеканенных там монет превышало все, что когда-либо находили ранее. Немыслимое скопление драгоценных металлов он объясняет как частыми вторжениями вандалов и их постоянными грабежами ослабленного Рима, что в свою очередь накопил за века эксплуатации и насилия огромнейшие богатства, так и плодородием африканской почвы. По словам Прокопия, почти за сто лет владычества вандалов они перевезли к себе огромное количество золота, но в силу благоприятных условий земледелия на землях Карфагена могли позволить себе не касаться богатств. Все это попало в руки Велизария и перекочевало в Византию – массивные золотые троны, статуи, вазы, груды драгоценных камней.

Европа в правление Юстиниана

Но если Август все же отстроил новый Карфаген, и тот, по словам Страбона, был «так же многолюден, как любой другой город Ливии», то вот во времена владычества Юстиниана эта часть Африки превратилась в огромную пустыню, в которой, путешествуя несколько дней, нельзя было встретить ни одной живой души. По его мнению, виной тому являлось плохое управление областями. В итоге в царствование этого императора от голода или на войне погибло пять миллионов человек в Африке. Есть какая-то закономерность в гибели и

крахе тех, кто нажился на грабежах и гибели. Затем рок судьбы настигнет Византию.

Мавзолей Галлы Плацидии в Равенне

Отчаянные попытки правителей Западной Римской империи сохранить хотя бы малые остатки былой империи, закончились неудачей. Пока они могли еще действовать в духе известного девиза «Разделяй и властвуй», они побеждали варваров. Но вечно так продолжаться не могло. Силы шли на убыль. Варвары же вновь и вновь пополняли их ряды. Их было даже не то чтобы больше, просто они были более приспособлены и неприхотливы. Они жили в условиях суровых, были готовы к походам и боям. Владыки варварских племен типа Атиллы, даже распространив их власть от Дуная до Рейна, продолжали жить скромно в простом деревянном доме. В результате эти люди, кого римляне призвали для охранения империи, меняли ее суть, ее нутро, ее генетическую и политическую матрицу. Рим переставал быть Римом, становясь обителью варваров, ветхим мавзолеем.

Западная империя пала первой... Восточная империя, заключив с варварами союз, не хотела его нарушать и отказала в помощи своим братьям. Население Западной империи уменьшилось. И надо было думать уже не о завоеваниях, а о самосохранении. Правда, иногда восточные братья Рима, в лице Юстиниана и полководца Велизария, приходили на помощь, но их действия обуславливались меркантильными интересами. Тот же Велизарий, выступив против вторгшихся в Италию варваров, писал императору, что он прибыл в Италию, как тот повелел. Завоевав большую часть страны, он захватил Рим, вытеснил оттуда варваров. На смену счастливым дням пришли последующие бедствия. Может случиться, что их вытеснят из Рима, Кампании и Сицилии. Тогда из всех несчастий самое легкое – его грызло бы сознание, что «мы не смогли сделаться богатыми за счет чужого достояния». Кроме того, вам надо обратить внимание и на то, что Рим никогда не мог долгое время защищаться даже при гарнизоне во много десятков тысяч человек, так как Рим занял большую площадь и, не будучи приморским городом, он отрезан от подвоза съестных припасов. «Римляне сейчас относятся к нам дружественно, но если их бедственное положение, как это и естественно, будет продолжаться, они не задумаются выбрать то, что для них лучше. Ведь те, которые недавно с кем-нибудь заключили дружбу, обыкновенно сохраняют ему верность, не перенося бедствия, но получая от него beneficia». Римлянам приходилось думать уж не о своих восточных коллегах, а о собственной шкуре.

Большое блюдо из Милденхоллского клада

Возможно, правы те, кто советует нам более реалистично и спокойно взирать на то, что произошло тогда с Римской империей и Европой. Они утверждают, что процессы, охватившие весь европейский регион, правильнее рассматривать как «трайбализацию» или федерализацию бывшей империи. По мере того как процесс цивилизации захватывал все новые и новые области, юг и север Европы должны были найти формы существования, которые отвечали бы реалиям тех лет. По мере ослабления италийских сил произошло то, что и должно было в любом случае произойти: англосаксы взяли в свои руки Британию, откуда ушли римляне; франки завоевали Галлию; лангобарды селились в Италии; германцы, которые уже в то время выступали во многом как решающая сила (императорская армия пополнялась за счет германцев), закрепились в Германии. Иначе говоря, после битвы под Адрианополем Европа все решительнее устремилась к созданию ряда независимых государств на базе закрепления и огосударствления старых племенных союзов.

Обстановка внутри Европы кардинально изменилась... Если германские или иные варварские племена и шли на службу к правителю Рима или Византии, то они уже преследовали собственные далеко идущие цели. Так, король остготов Теодорих Великий вступил в Италию по приказу императора Зенона в качестве его воина, или «действительного начальника воинов», но вскоре он и сам стал правителем, надел корону и стал конкурировать с Юстинианом, императором Восточной Римской империи. Ш. Диль отмечал, что германские вожди стали получать не только высшие военные должности, но «добрались и до высших гражданских постов». При Феодосии консулами станут Рихомер, Меробауд и Баудо. Затем наверху объявилось по крайней мере еще пять германских имен. И когда канцелярия, гордость императора, перешла в руки варваров, стало ясно, что «былая исключительность исчезла, и германцы завоевали прямой путь в сердце империи задолго до того, как прогремели их главные дела». Вандаг Гейзерих, находившийся во главе правления в течение половины столетия, с презрением отверг скромную роль наместника императора в Риме. Он, как уже ранее сказано, самостоятельно организовал династическое королевство, издал закон о престолонаследии, а затем полностью подчинил Рим его власти. Он

взял его, ограбил и изнасиловал, подобно тому как на протяжении веков и сам Рим грабил и насиловал сотни народов. «Гензерих, нагрузив корабли свои золотом, серебром и другими вещами из императорского имущества, вернулся в Карфаген. Он не оставил во дворце ни меди, ни какого-либо другого металла. Ограбил он и храм Юпитера Капиталийского, сняв с него половину крыши. Это была замечательная и великолепная крыша, из лучшей меди и вся густо вызолоченная», — отмечал Прокопий Кесарийский. Роли переменились... Теперь варвары брали в плен римское население, обращая его по мере необходимости в рабство. Так, вандалы Гейзериха угнали в Африку тысячи римлян, обратив их в рабов. Они забрали с собой императрицу Евдоксию и двух ее дочерей. Одна из них вынуждена была выйти замуж за сына Гейзериха, Гуннериха. Рим пустел, более напоминал собой не великую имперскую столицу, а покинутое кладбище.

Надгробный памятник Цецилии Метеллы

Теперь даже некогда знатные роды и семьи владели жалкое существование: «...семьи большинства сенаторов были доведены до нищеты; население Рима уменьшилось, так как народ частично был обращен в рабство, а частично — бежал. За сорок пять лет, которые прошли со времени вторжения Алариха в Рим, его население убавилось на сто пятьдесят тысяч, если не больше. Многие древние роды исчезли совершенно, другие (оставшиеся) — владели бедственным существованием и гибли, как гибли храмы языческих богов, (ныне)

покинутые и разрушающиеся. Большие дворцы опустели, и все в них было мертво, римляне двигались, как привидения, по городу, который был слишком велик для их замиравшей жизни. Если раньше, во времена (былого) расцвета империи, обширные пространства Рима, застроенные храмами, базиликами, аркадами и всякого рода зрелищными сооружениями, вызывали в человеке изумление, то теперь, с середины V в. н. э., Рим должен был представлять картину торжественного умирания города, в величественных пространствах которого уже не катится волна народного движения, и повсюду воцаряется могильная тишина».

Хотя войска Гейзериха не разрушали Рима, тот не только терял былой блеск, но превращался в строительный материал, мусор. Правда, когда варвары Майориан, Авит, Рицимер стали императорами, иные из них старались, как могли, сохранить Рим. Но напрасно император Майориан издал грозный эдикт, в котором говорилось: «Мы, правители города, решили положить конец бесчинству, благодаря которому обезображивается вид почтенного города и которое давно уже вызывает у нас отвращение. Нам известно, что общественные здания, которые составляют всю красоту города, подвергаются разрушению из-за преступной снисходительности властей. Под тем предлогом, что камень нужен для возведения общественных зданий, древние величественные сооружения подвергаются разрушению, и таким образом уничтожается великое лишь для того, чтобы построить где-то что-то ничтожное. А затем доходят уже до такого злоупотребления, что для постройки частного дома берут необходимый строительный материал, разрушая общественные здания. А между тем то, что составляет блеск города, должно было бы оберегаться гражданами с любовью. Поэтому мы устанавливаем как общеобязательный для всех закон, что все те здания, которые были воздвигнуты в древности для общего блага и для украшения города, будут ли то храмы или иные памятники, не должны быть никем разрушаемы, и никто не должен к ним прикасаться». Нарушивший этот закон судья подлежал штрафу в пятьдесят фунтов золота (20 кг золота). Если должностные лица Рима согласились бы исполнить противозаконный приказ судьи о разрушении здания, если они не окажут ему сопротивления, то за это «они будут подвергнуты наказанию плетью и им будут отрублены руки, так как они вместо

того, чтобы оберегать памятники, оскверняют их». Как видите, уже в те времена римляне весьма решительно боролись с попытками самозахвата и разрушения.

Надгробье галла и его жены

Шло время... Некогда поработанные, галлы и германцы стали устанавливать свои правила, требуя от Рима высших постов и большей доли в разделе земель. Одоакр сместил последнего римского императора за то, что римляне не соглашались отдать треть земель империи германцам. Вскоре вестготы и бургунды захватили две трети земель римлян. При этом надо помнить, что варвары вовсе не были земледельцами. Они были и оставались воинами. Правда, иные подчеркивают, что готы столетиями занимались земледелием и скотоводством, их лишь соблазны городов вовлекли в длительные войны. Чем дальше углубляемся в германские источники, писал Г. Гюнтер, тем более убеждаемся, что языческие германцы были не менее миролюбивы, чем современные вестфальские крестьяне. Уже тогда немцы умели ценить мир и дружбу. Была даже такая поговорка: мир питает, а война съедает. Все понимали, какие страдания приносят долгие распри. Но мир любой ценой и дружба с кем попало – «это не

только не было идеалом, это вообще было невообразимо» (Неккель. Древнегерманская культура, 1925). Такой идеальный германец выглядел в глазах немцев как «щедрый, смелый, бесстрашный, дружелюбный, свирепый к врагам, верный друзьям, откровенный со всеми» (Грёнбек). Автор уверяет нас, что таковы «правильные представления о древних германцах». Бесспорно, в немцах есть и эти отмеченные выше черты. Однако характер нации всегда имеет две стороны. В условиях, когда войны и захваты, грабежи и насилия составляли повседневную жизнь, рисовать римлян, немцев, американцев, китайцев, англичан, русских «ангелами» просто смешно.

Как вы помните, Платон призывал к установлению царства любви, говоря, что любовь и эрос поселяются в сердце человека, но не в каждом сердце. Там, где живет жестокость, они отступают. Их величайшая сила и слава – в том, что они не могут ни поступать дурно, ни позволять этого. Сила никогда не идет с ними бок о бок, так как люди служат им добровольно. Кого коснется крылом любовь, уверял он, те «не ходят в потемках». Нигде так отчетливо не виден идеализм Платона, как в таких утверждениях. Всё, что мы видели в политике античного мира, сей тезис опровергает. У народов, окружавших Рим, не могло быть любви к зверю, выросшему на крови, грабежах и преступлениях, являвшемуся причиной их мучений, трагедий и слез. Конечно же, и Рим, где правили сила, жестокость, алчность и ненависть, никак не мог существовать в социуме по законам святой любви.

Смерть как символ эпохи

Любовь и рабство, так же несовместимы, как справедливость и тирания. В труде философа, историка, экономиста XVI в. Ж. Бодена содержится великолепный анализ того, что представляли собой древние народы с точки зрения требований гуманизма и цивилизованности. Жестокое отношение к противнику или пленникам тогда было в порядке вещей. О карфагенянах этот автор пишет: «Именно от карфагенян идут все эти казни: выдавливание глаз, разрывание конечностей, сдирание заживо кожи, медленное поджаривание и сажание на кол». Это-то и показали Пунические войны, о которых Полибий писал, что они «по жестокости и всем видам преступлений» превзошли все войны, о которых знали прежде.

Ритуальное кровопускание в Южной Америке

Однако и другие народы и племена следовали сей печальной традиции. Фукидид назвал фракийцев «самым безжалостным народом». Колесование шло от германцев, а их жестокость была сравнима только с их жадностью и алчностью. Тацит сказал о немцах: «У них вошло в привычку убивать, не сдерживая себя, из-за вспышки ярости, как убивают врага». Как писал Алкиатти, немцы, подобно скорпиону, готовы ужалить сами себя. Таковы же и галлы. Прокопий говорил, что жажда золота у галлов и германцев столь велика, что за золото они готовы продать жизнь, не задумываясь, а за деньги с легкостью развяжут любую войну. Датчане и норвежцы в жестокости превосходили немцев, а уж об англичанах и говорить нечего: те в своей гражданской войне ухитрились уничтожить 12 из 40 королей, не говоря о бесчисленном количестве принцев (около сотни за тридцать лет). Британцу убить противника, все равно что выпустить воздух. Римляне и греки в этом плане вели себя даже «более цивилизованно»: римляне казнили топором, лишая жизни отрубанием головы, позднее

распространился способ уморения голодом, наконец, была разрешена пожизненная ссылка, тогда как среди греков традиционно использовался яд цикуты (яд даже разводили водой, чтобы смерть не была мучительной). У южных американцев принято было сосать кровь убитых и пировать на их растерзанных телах. Боден говорит о том, что жестокость южан (европейцев) заметно отличается от скифской, так как «последние впадают в ярость под влиянием импульса, а в мщении способны показать себя не только добродетельными, но и великодушными – они легко вспыхивают, но и легко успокаиваются». Иное дело европейцы: будучи враждебны, они атакуют врага «с хитростью лисицы и упорным, но не явным неистовством». И горе тому, кого они одолевают: «поверженного врага они подвергают ужасным и болезненным пыткам». Трансильванцы же (венгры, румыны) практиковали разрубание тел на куски и скормливание его останков пленным. В европейцах все время кипит желчь, которая отравляет их мозг и убивает душу. Вероятно, Ж. Боден прав, говоря, что «люди сходят с ума легче, чем животные», но от такого «легкого метода познания истории», согласитесь, становится как-то тяжело на сердце («Метод легкого познания истории»). Пусть лучше тяжело на сердце, но ясно в уме.

Известно, что мировой исторический процесс, как и судьбы человечества, в прошлом воспринимались многими в рамках теории смены великих мировых монархий – Вавилонской (Ассирио-Вавилонской), Персидской, Эллинской, или Греческой, и, наконец, Римской. Последняя империя обычно воспринималась как завершающая глава мировой истории, как финальный аккорд цивилизационного оркестра. Во многом теория эта основана на словах пророка Даниила, в которых он истолковывает сон царя Навуходоносора, и на видениях четырех зверей самому пророку. Царь, задумываясь над тем, а что же будет после него, увидел во сне огромного истукана с головой из чистого золота, грудь и руки его – из серебра, чрево и бедра – медные, голени – железные, ноги – частью железные, частью глиняные. Царь видит, как от горы отрывается камень и ударяет в того великана. Глиняные ноги его подломились – и железный великан был повергнут в прах. Позже, во времена Римской империи (ок. 200 г. н. э.), Ипполит Римский написал: «Неужели мы не распознаем в этих событиях, предсказанных некогда Вавилону Даниилом, то, что в наши дни вот-вот свершится в

мире? Так вот, статуя, описанная Навуходоносору, есть образ империи мира. В ту эпоху царили вавилоняне: они были словно золотой головой статуи. После них персы будут владычествовать в течение 245 лет, и это доказывает, что они представляют серебро. Господство переходит затем к грекам на 300 лет, начиная с Александра Македонского, это медь. А им наследуют римляне, это железные голени статуи, ибо они сильны как железо». Камень же, сокрушающий статую, по Ипполиту, это Христос; он сойдет с небес, «как камень, отделяющийся от горы без участия человеческой руки, чтобы ниспровергнуть царство этого мира, установить небесное царство Святых, которое никогда не будет разрушено, Самому стать горой и станом Святых, заполнив всю землю». Таким образом, четвертый зверь в видениях пророка Даниила символизировал собой Римскую империю. Империя – зверь воистину грозный и страшный, с железными зубами и медными когтями, безжалостный к своей жертве.

Король остготов Теодорих. Медальон. 500 г.

Но любой, даже самый грозный зверь стареет, теряет зубы и стесывает когти. И тогда уж нет ему спасения от более сильных хищников. Горе побежденным...

И тем не менее посылка не совсем верна. Рим пал, но вовсе не так, как некогда рухнул знаменитый Родосский Колосс. С приходом варваров мир не погиб, как того некоторые ожидали. И пророчество Даниила не осуществилось. Казалось, какие-то невидимые силы стали работать в пользу империи, что сгинула вроде бы навсегда. Не стоит думать, что «варвары» руководствовались в их действиях одним лишь

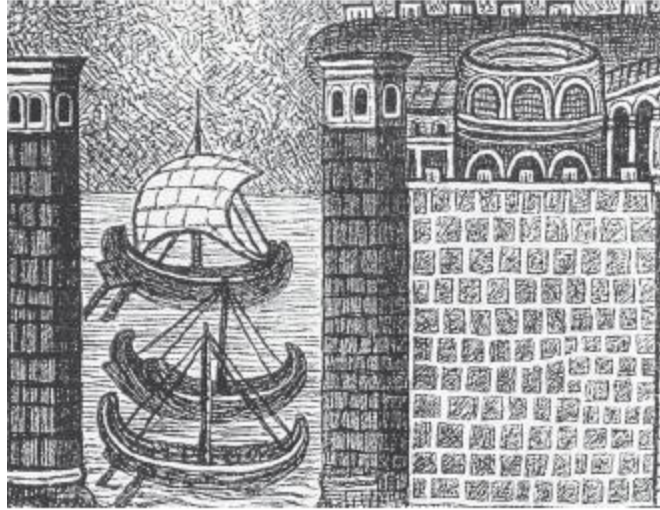
инстинктом мести, грабежа и разрушения. Делались и кое-какие попытки упорядочить и даже спасти остатки римских законов. Король вестготов Эврих в 475 г. выпустил «Кодекс законов». Впоследствии тот оказал большое влияние на средневековое законодательство. Сам король не очень хорошо знал латынь, но он использовал знания языка и законов канцлером Львом, которого сравнили с Тацитом и Горацием. Кодекс Эвриха составлен римскими юристами, и те, безусловно, взяли многое из всей римской юридической практики и законодательства. В документе зафиксирована изоляция германцев и римлян. И это произошло за год до окончательного крушения Западной Римской империи.

Позволим себе небольшое отступление, подтверждающее, сколь серьезным и мощным было воздействие римской культуры на варваров, и прежде всего на германцев... Поэт Возрождения Конрад Цельтис посвящает гражданам Трира стих, где говорит, что он, глядя на улицы и площади Трира, словно видит Рим: «Как будто снова Рима развалины воочию вижу, глядя на эти вот колонны, портики, ворота...» Спустя века Гёте как-то дал характеристику Винкельману, всю жизнь мечтавшему повидать чужие страны. Наконец он пришел к мысли о необходимости поехать в Рим. Там он почувствовал, насколько его пребывание в Вечном городе соответствовало всем его устремлениям. На него, как и на многих других, Рим произвел неизгладимое впечатление. Гёте приводит слова одного из друзей: «Рим – это место, в котором, по нашему мнению, сосредотачивается воедино вся древность, и потому нам кажется, что всё, что заставляет нас чувствовать древние поэты, древние государственные устройства, всё это в Риме мы не только чувствуем, но даже созерцаем. Подобно тому как Гомера нельзя сравнивать с другими поэтами, так Рим нельзя сравнивать ни с каким другим городом, а римские окрестности ни с какими другими». Рим воспитал целые поколения европейцев, включая и нас, русских. Точно так же Россия столетиями воспитывала народы ойкумены. Надо быть очень недалеким (скажу прямо, глупым шакалом), чтобы пинать льва, который еще и не выпустил когти.

Король остготов Теодорих счел себя преемником римской государственности и довольно успешно стал управлять двумя народами – римлянами и готами. В созданном им государстве языком законодательства и управления, как и языком культуры, стала латынь.

Он с пониманием относился и к чувствам верующих, говоря: «Мы не можем предписывать веры, ибо нельзя силой заставить человека верить». Эдикты Теодориха были буквально пронизаны идеями римского права. Обращаясь к своим подданным, Теодорих совершенно искренне призывал: «Вам следует без сопротивления подчиниться римским обычаям, к которым вы вновь возвращаетесь после длительного перерыва, ибо должно быть благословенным восстановление того, что, как известно, способствовало процветанию ваших предков. Обретая по божественному соизволению древнюю свободу, вы опять облачаетесь в одеяния римских нравов...» И хотя оба этих народа (римляне и готы), разумеется, не слились в единое целое, но то, что они часто руководствовались в жизни и деяниях римской культурой, не вызывает никаких сомнений. Когда король Теодорих посетил Рим (около 500 г. н. э.), он настолько был поражен красотой и величием Вечного города, что выделил немалые средства на поддержание архитектурных ансамблей – театра Помпея, амфитеатра Тита и форума Траяна.

Специальный архитектор должен был следить за состоянием городских стен, акведуков, дорог и т. д. При нем столица его государства, Равенна, украсилась новыми великолепными постройками, а красота резиденций и садов вызывала зависть и была на слуху у всей Европы. Довольно насыщенной была и духовная жизнь короля, ближайшего его окружения. В той атмосфере казалось абсолютно естественным, что Теодорих привлек к управлению страной образованнейших людей того времени – знатока римской истории Симмаха, дипломата и писателя Кассиодора, педагога, ритора, поэта Эннодия и, конечно, философа, писателя и блестящего переводчика Боэция (ок. 480–524).

Укрепленная Равеннская гавань

То был век, когда жили и творили последний великий историк античности Аммиан Марцеллин, философ Боэций, великий римский поэт Авсоний, политик и писатель Кассиодор. Приходится только сожалеть, что от Симмаха-оратора почти не сохранились его речи (лишь нескольких отрывков и три панегирика императорам Валентиниану и Грациану), да еще реляция об алтаре Победы («*Relatio de ara Victoriae*»). Реляция характеризует Симмаха как приверженца старых традиций и старой религии. Большой интерес представляет сборник его писем (которые собрал и издал после смерти Симмаха его сын), проливающий яркий свет на культурную, религиозную и идейно-политическую жизнь в Риме и Римской империи конца IV в. Переписка Симмаха включает 900 писем и 219 донесений императору и бесспорно является ценным источником для анализа событий конца IV – начала V вв., поскольку автор непосредственно в них участвовал. Симмах был квестором, претором, верховным жрецом, правителем нескольких провинций и, наконец, префектом Рима и консулом. Большую часть жизни он провел в Риме, являясь участником многих исторических событий, хотя и называет себя «человеком, не склонным к общественным делам». Трудно переоценить значение как исторического источника донесений Квинта Аврелия Симмаха императору. В 384 г., когда автор был префектом Рима, им отослано 49 донесений (*Relationes*). В них затронуты различные вопросы, касающиеся жизни «вечного города». Из донесений Симмаха мы узнаем о политической, культурной и экономической жизни в Риме, о

настроениях знати и плебса. Мы знакомимся с плачевным положением «вечного города», зависящего от милости императора, и одновременно видим надежды на возрождение идеи о вечности и несокрушимости Рима. С 60-х гг. IV в. Симмах пользуется репутацией одного из лучших римских ораторов. В 369 г. он послан со специальным поручением сената во главе делегации к императору Валентиниану I в Трир, где отмечали победу над германцами. Видимо, его ораторские способности были оценены по достоинству императором, перед которым Симмах выступил тогда с тремя речами. К той же эпохе относится жизнь и деятельность Кассиодора.

Сцена из школьной жизни в Древнем Риме. Рельеф из Трира

Симмах интересен еще и тем, что, находясь на другой стороне политико-религиозного лагеря, он стоял во главе той языческой знати, что боролась за восстановление языческого культа. Широта его интересов и воззрений, высокая культура и коммуникабельность сделали это имя известным среди самых разных адресатов. Симмах переписывался более чем с 60-ю корреспондентами. Среди них были как язычники, так и христиане, как римляне, так и варвары, как консулы, так и малоизвестные люди, поэты, писатели, историки, правители провинций, приближенные императоров и сами императоры. Из его писем мы видим, сколь непросто складывались взаимоотношения между язычниками и христианами. Особый интерес представляет оценка социально-экономического состояния империи, положение народа, вождей, аристократии. Атаки варваров на Рим становились все яростнее. Это порождало настроения упадничества и отчаяния среди аристократии и народа, вело к дезорганизации жизни империи. Как свидетельствуют письма Симмаха, римская знать вела

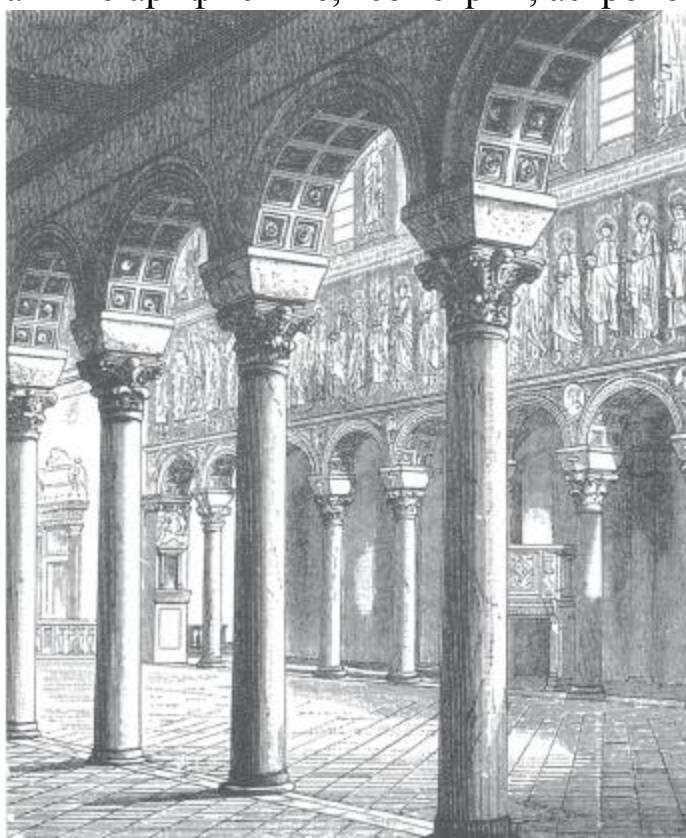
себя неприглядно: при первых же признаках мятежа или какой-либо серьезной опасности она тут же покидала город. Как только замечались в Риме признаки недовольства, аристократия немедленно удаляла из города свои семьи, а затем, если дело принимало серьезный оборот, сенаторы и сами покидали «Вечный город». Когда-то Рим прославился тем, что в избытке давал плебсу и народу хлеба и зрелищ. Теперь префект Рима и знать зачастую уже не в состоянии разрешить существенный для города продовольственный вопрос. Ни отъезд из Рима, ни частые пожертвования хлебом и мясом не могли надолго успокоить население. Чувствуя бессилие, префект вынужден обращаться за помощью к императору: «Только вы, – пишет Симмах в 384 г., – можете прийти на помощь «Вечному городу», лишенному доходов и средств к существованию. Если провинции перестанут платить ему денежные субсидии, то есть основания думать, что с сокращением доходов город будет лишен необходимого». В сенате позиции Симмаха как крупнейшего оратора и авторитетнейшего сенатора были подкреплены тем, что именно ему было поручено прочитать послание нового императора Грациана, в котором тот уведомлял сенат о смерти своего отца и излагал свою политическую программу. В 382 г. начинается самый яркий период в жизни Симмаха: разворачивается его борьба за алтарь Победы. Император Грациан, действуя по указанию Медиоланского епископа Амвросия, велел удалить из Римской курии, где заседал сенат, статую и алтарь богини Победы, конфисковал средства, выделяемые на жертвоприношения, на содержание жрецов и весталок, а также передал все земли жреческих коллегий и весталок в государственную собственность. Когда в Риме стало известно о решении императора, сенат направил в Медиолан делегацию во главе с Квинтом Аврелием Симмахом. Правда миссия Симмаха оказалась неудачной. Делегация даже не была принята при дворе. Но в 383 г. Грациан был убит, и в 384 г. Симмах снова едет в Медиолан. Ему удастся, видимо, как пишет цитируемый нами историк П.П. Шкаренков, произнести яркую речь перед императорским консistorием, но активное противодействие Амвросия Медиоланского свело на нет первоначальный успех его выступления. Неудачей, постигшей Симмаха в его борьбе за сохранение в Римской курии языческого алтаря, алтаря Победы, воспользовались недовольные им городские куриалы, и Симмах был вынужден оставить свой пост,

уступив его христианину Пипиану. В 387 г. Симмах принимал участие в торжествах, посвященных третьему консульству императора Валентиниана II, но вскоре приветствовал узурпатора Максима: в 387 г. Максим вторгся в Италию, и Симмах написал ему панегирик, за что в 388 г. и был назначен консулом. Вскоре выяснилось, что поставив на Максима, он совершил политическую ошибку: Максима разбил Феодосий, а Симмаху пришлось искать убежище в христианском храме. Сократ Схоластик сообщает, что Симмах даже был вынужден принять христианство, чтобы заслужить прощение императора. В 389 г., во время визита Феодосия в Рим, Симмах написал ему панегирик и в 391 г. стал консулом. Будучи консулом, Симмах снова возбудил дело об алтаре Победы, но успеха не добился. В 402 г., когда на востоке империи началось наступление готов, Симмаха отправляют послом сената к императорскому двору в Медиолан, где он просит вернуть алтарь Победы, но получает вновь отказ. Последние его письма датированы 402 г. н. э. Очевидно, оставшийся не у дел и этот «последний римлянин» вскоре умер.

Боэций перевел на латинский язык сочинения Аристотеля и Порфирия, произведения Евклида и Никомаха. Теодорих придерживался христианского вероучения, хотя и арианского духа. Отец Боэция, Флавий Маенлий, был консулом в Риме в 487 г. при германском наемнике Одоакре, который и лишил власти Ромула, последнего официального римского императора. Рано оставшись сиротой, Боэций был усыновлен знатным патрицием Симмахом, консулом, главой сената, префектом города Рима. Затем он женился на его дочери. Выходец из аристократического рода Анициев (среди них много консулов, два императора и даже папа) Боэций получил блестящее образование, видимо, обучаясь в школах Рима, Равенны (прямых указаний нет). Главным источником его знаний была его домашняя библиотека, где собраны были книги многих выдающихся умов ойкумены и о которой позже он с грустью вспоминал в тюрьме, работая над «Утешением философией»... Знаменательно, что сей блестящий ум, принадлежавший к семейству, которое было в родстве с византийским императором, станет и первым министром при дворе короля Теодориха.

Кассиодор (сенатор, консуляр) долгие годы вел переписку Теодориха. Будучи начальником консулярии, он составил собрание

посланий короля, куда вошли и письма к Боэцию. В одном из них король просит его подобрать кифареда. В другом – просит сделать для бургундского короля водяные часы. В частности, в одном из писем говорится: «Нам известно, что искусства, которыми обычно занимаются несведущие, ты испил в самом источнике наук. Ведь ты вошел в школы афинян, находясь далеко от них, и таким образом к храмам плащеносцев ты присоединил тогу, чтобы учение греков сделать наукой римской... Ты передал потомкам Ромула все лучшее, что даровали миру наследники Кекропса. Благодаря твоим переводам музыкант Пифагор и астроном Птолемей читаются на языке италийцев; арифметик Никомах и геометр Евклид воспринимаются на авзонийском наречии; теолог Платон и логик Аристотель рассуждают между собой на языке Квирина. Да и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в латинском облиции... Всех их ты сделал ясными посредством слов, понятными – посредством точной речи, так что если бы они могли сравнить свои творения с твоими, то, возможно, предпочли бы твое». О талантах Боэция свидетельствует и то, что им написаны трактаты по арифметике, геометрии, астрономии, музыке.

Церковь Св. Аполлинария в Равенне

Взгляд на музыку как важнейшую часть системы знаний был распространен в античном обществе. Эрудит Марк Теренций Варрон считал, что музыка должна изучаться наряду с геометрией, астрономией, арифметикой и философией. Цицерон ставил ее в один ряд с геометрией и грамматикой, а Элий Спартиан – с грамматикой, риторикой, геометрией, живописью. Фабий Квинтилиан (I в. н. э.) указывал в своем трактате на важную роль музыки в воспитании и образовании ораторов. В его «Музыкальном установлении» Боэций рассматривает «науку» и «искусство» – *disciplina* и *ars* – как взаимодополняющие друг друга понятия. В одном из фрагментов хроники, относящейся к началу VI в., сказано, что Боэций написал книгу о Святой Троице, несколько глав по догматике и книгу против Нестория. Он сочинил буколическую поэму, а в диалектике и математических науках был столь силен, что, по мнению иных, был равен или даже превосходил древних авторов.

Вовсе неудивительно, что такой универсальный ученый, каким был Боэций, стал светочем мысли для королевского двора остготов, а затем уже и мостиком от античности к последующей эпохе («учителем Средневековья»). Позже по его наставлениям будут учиться студенты Оксфорда и в XVII в. Он полагал, что математика подготавливает ум к занятиям философии, науки наук. Философию он называл «своей кормилицей». Сегодня мы ее можем в лучшем случае назвать «утешением». В работах Боэция содержится и мысль о том, что «истины веры должны быть подкреплены доказательствами разума». Такой подход был очень важен в ту эпоху, когда вера стала всё более претендовать на роль «госпожи мыслящего мира». Пренебрегающий знанием человек, говорил он, попадает сразу же в трясину незнания. И там его начинают терзать «дикие страсти», что, подобно гарпиям, раздирают на части его натуру. Боэций большое значение придавал и фортуне, видя в ней не только великую богиню, но и мировую силу, посредством которой организуется миропорядок. Он пишет, что Фортуна может стать жестокой к тиранам, ранее устрашавшим народы, но милостива к тому, кто был повержен, хотя чаще всего она равнодушна и холодна. «Она не слышит несчастных и равнодушна к рыданиям, смеется над стенаниями, которые сама же и вызывает». Боэций не сомневался в том, что мир разумен и гармонично устроен,

видимо, даже не представляя себе, сколь пророческими окажутся его же слова об игре Фортуны. Тем более что он занимал такой важный пост, как пост министра финансов (комита священных щедрот) Остготского королевства. Жизнь внесла коррективы.

Но когда Боэций и его тесть Симмах стали первыми лицами в государстве, это вызвало зависть среди соперничающих кланов. В 522 г. Теодорих назначил его на пост «магистра всех служб» (фактически сделал премьер-министром). Оба его сына назначаются консулами. Боэций начинает активную деятельность: поддержал разоряющихся от грабежей и податей провинциалов, спас от голодной смерти Кампанию, выручил из беды сенатора Павлина и т. д. Будучи честным и прямодушным человеком, он был чужд интриганства, не мог предусмотреть коварства противников, с которыми пришлось вступать в столкновение. Конфликт, видимо, был все же неизбежен.

Патриций Боэций. Миниатюра из рукописи XII в.

Римский клир и сенат начали вести оживленную переписку с византийским двором. Стало ясно, что кое-кто мечтал вернуться в лоно единой Римской империи. И когда в 524 г. Юстин (не без ведома папы Иоанна I) издал эдикт против ариан, доносчики сообщили Теодориху о том, что некоторые влиятельные лица у него в

правительстве настроены провизантийски. Последовал донос на влиятельного сенатора и вице-консула Альбина, входившего, вероятно, в круг друзей Боэция. Учитывая враждебный характер отношений между остготами и Византией, меж Востоком и Западом, это рассматривалось как государственная измена. Всех их обвинили, поместили в заточение, вместе с Симмахом казнили (525 г.). Иные историки считают возможным наличие влиятельной антиготской партии в правительстве Теодориха, действовавшей против его «regnum» и мечтавшей с помощью императора Восточной Римской империи Юстиниана вернуться к «libertas Romana». Иначе просто трудно объяснить, почему король, который в течение тридцати лет, с 493 по 523 г., был исполнен «ко всем доброй воли», установил «мир среди племен», «не совершал плохих поступков», в результате чего «благополучие наступило в Италии», вдруг резко поменял выигрышную и успешную политику. В анонимной хронике об этом событии, жертвой которого стали Альбин, Симмах и Боэций, сказано о наступившем переломе в отношении к итальянцам Теодориха: «Дьявол нашел путь, чтобы забрать под свое влияние человека, правившего государством без придинок», и тогда как бы ни с того ни с сего «начал король вдруг яриться на римлян, находя для этого случай». Может быть, следовало спросить себя: «Не нашел ли дьявол путь прежде в другой лагерь?»

Гибель Ниобидов. Римская копия

Свою лепту в конфликт внесли и религиозные моменты. Ранее императоры Византии шли на уступки разным течениям (монофизитам и несторианам) и старались затушевывать религиозные различия. В 482 г. император Зенон даже издал «эдикт о единстве», в котором допускались отступления от халкидонской формулы (Халкидонский собор в 451 г.). Монофизиты считали, что у Христа одна природа – божественная, а не человеческая. Взяв под свое покровительство отпавших от Византии западных римлян, Теодорих преследовал собственные цели, готы исповедовали арианство. Когда политика Византии изменилась и начались гонения на имперских ариан (единоверцев Теодориха и готов), когда стали закрываться их храмы, готы отреагировали крайне болезненно. К этой религиозной настороженности добавились еще и политические подозрения.

Гробница Теодориха Великого в Равенне

Так погиб тот, кого называют «послед-ним римлянином». Перед смертью он написал произведение «Утешение философией». Крупнейший историк XVIII в. Э. Гиббон назвал ее «золотой книгой». «Утешение» было им написано в редко встречающейся в античной литературе форме сатуры, своеобразного сочетания прозы и стихов. Философия предстала перед Боэцием в видениях, в образе прекрасной женщины, что в правой руке держит книги, а в левой – скипетр. Эти образы символичны, ибо и вся Боэция жизнь состояла из постоянной смены двух родов занятий, заполнявших ее. Философия открывает ему, что же представляет собой это обманчивое счастье. «Теперь, если ты обрел проницательность, наступило время раскрыть, в чем состоит суть истинного счастья. – Из твоих рассуждений, – ответил я, – вижу, что невозможно получить ни достатка через богатство, ни могущества – посредством царской власти, ни уважения – с помощью почестей и чинов, ни знаменитости через славу, ни радости – посредством

наслаждения». Всеми виной человеческое заблуждение. Это оно уводит его от истинного и совершенного к временному, вторичному, ложному и несовершенному. Боэций считает, что все указанные вещи, взятые в комплексе и единстве, все ж могут доставить счастье. Нехватает лишь одного – «надо восславить Отца всего сущего», то есть обратиться к Богу... На могиле последнего римлянина неизвестный поэт написал эпитафию: «Здесь покоится Боэций, толкователь и питомец Философии, стяжавший славу, достигшую звезд. Его превозносит Лациум (Рим), о нем скорбит поверженная Греция. Но не погиб ты от чудовищного злодеяния тирана. Твое тело принадлежит земле, но имя переживет века!» По преданию, прах Боэция вначале находился рядом с местом его заключения, у старой церкви Святого Павла, но в 721 г. по приказу лангобардского короля Лиутпранда перенесен в собор Чьельдоро в Павии. О его наличии там писал Данте в «Божественной комедии». В раннем Средневековье возникает и культ Боэция как мученика церкви. Его образ был запечатлен во многих миниатюрах, а также на портале Шартрского собора. Смерть Боэция показала, как трудно шел процесс ассимиляции римской и варварской культур.

Г. Бальдунг. Три возраста человека

Судьба не была благосклонна к убийце... Через год король заболел и умер. О том, что Теодорих чувствовал несправедливость содеянного, говорят сведения, что приводит Прокопий Кесарийский: «Симмах и его зять Бозций были оба из старинного патрицианского рода; они были первыми лицами в римском сенате и консулярами. Оба они занимались философией и не меньше всякого другого они отличались справедливостью; многим из своих сограждан и иностранцев они облегчили нужду благодаря своему богатству; этим они достигли высокого уважения, но зато и вызвали зависть у негодных людей. Послушавшись их доносов, Теодорих казнил обоих этих мужей, будто бы пытавшихся совершить государственный переворот, а их состояние конфисковал в пользу государства. Когда он обедал несколько дней спустя после этого, слуги поставили перед ним голову какой-то крупной рыбы. Теодориху показалось, что это голова недавно казненного им Симмаха. Испуганный таким ужасным чудом, он весь

похолодел и стремительно ушел в свой покой к себе на ложе... Затем, рассказав всё, что с ним случилось, своему врачу Эльпидию, он стал оплакивать свой ошибочный и несправедливый поступок по отношению к Симмаху и Боэцию. Раскаявшись в таком своем поступке и глубоко подавленный горем, он умер...» Теодорих все же оставил о себе добрую память... Хотя королевство остготов просуществовало лишь 30 лет, о нем слагались песни и народ наградил его титулом «Великий». Затем на Италию обрушились лангобарды (длиннобородые), подвергшие страну страшному разгрому. Про них тогда говорили, что они «дикие более страшной дикостью, чем обычно бывает дикость германцев». Христианство тем не менее постепенно цивилизующе влияло на варваров, и те меняли привычки и нравы.

Собор Св. Софии в Константинополе

Римляне, бесспорно, оставили ярчайший след в истории цивилизации и культуры. И все же то, что почти вся их культура, образно говоря, «оделась в одежды Марса», сыграло роковую роль. Имя бога войны, стоило бы тут напомнить, этимологически произошло от корня «mor», связанного с понятием смерти в индоевропейских языках. Римляне не только захватили земли у многих народов, они растоптали их культуру. Автор книги «Мифология и религия этрусков» А. Наговицын говорит: «Ранняя

Julius Agricola a Roman Governor in Britain teaches the Saxon's, Druidism, introducing the Roman Arts to Saxons into ENGLAND, the Inhabitants of which were barbarous, soon became fond of the Arts & Manners of their civil Instructors.

Во-первых, произошла романизация бывшего варварского мира. Через столетия немцы станут почти что властителями Европы, а пуританизм одержит ряд побед над католицизмом. Север как бы отпадет от Западной Европы, а немцы (Карл и Фридрих) будут громить ставшие изнеженными и сибаритствующими южные племена италиков. Шубарт тогда скажет: «Прометеевская культура уже не ищет дружбы с культурами Средиземноморья, они противны ей, и она старается от них отделаться. «Прочь из Рима» – вот ее лозунг. Новая культура – это культура нордическая». Что это как не запоздавший во времени отклик былой вражды! Другим важнейшим качеством древних было сочетание природной мудрости и душевной силы, позволявшее стоически переносить неудачи и поражения, квинтэссенция мудрости, находчивости и силы. Мужество позволяло им легче переносить удары судьбы. Сенека даже утверждал, что бедствие дает повод к мужеству. Плавт считал спокойствие в несчастьях отличной приправой к жизни. В чем-то они правы, как герои трагедии Софокла, восклицающие: «Много есть чудес на свете, человек – их всех чудесней». Ученым и исследователям следует воспитать в себе готовность идти за доводами и доказательствами, куда бы они их ни привели (Платон). Политикам желаем в полной мере отвечать критериям: «Быть и витией в речах, и в делах деловым человеком» (Гомер. «Илиада»).

Во-вторых, римская культура «переехала» из Европы на земли Малой Азии, создав новую столицу Восточной Римской империи – Константинополь. Тут уж греко-римский синтез дал выброс новой энергии, что было подхвачено, близко воспринято всем массивом скифско-азиатского мира. В-третьих, христианство (после крушения старого Рима) овладело Римом новым, а с ним, в значительной мере, Европой и поднимавшейся Русью. В-четвертых, основы великой римской культуры станут на долгие века источниками просвещения и развития искусств во всей ойкумене.

Русский писатель и поэт В. Брюсов в романе «Алтарь Победы» устами одного из героев определил историческое назначение Рима как своего рода культурной центрифуги или плавильного котла, соединившего в своих недрах и, конечно, под его властью многие народы и культуры: «Рим, мой дорогой, – говорил мне Ремигий, словно изъясняя урок непонятливому ученику, – средоточие мира. Рим

так велик, что взором обнять его нельзя. В городе, где бы ты ни был, ты всегда оказываешься в середине. Что в других странах находится по частям, в нем одном соединено вместе. Ты в Риме найдешь и утонченность Востока, и просвещенность Греции, и причудливость далеких земель за Океаном, и все то, что есть в нашей родной Галлии. Жители всех провинций и народы всех других стран смешиваются здесь в одну толпу. Рим – это в сокращении мир. Это – океан красоты, описать который не в силах человеческое слово. Кто однажды побывал там, не захочет никогда жить в другом месте». Океан красоты, да, возможно, но при этом созданный на морях крови и пота рабов и побежденных народов.

В-пятых, римская цивилизация в дальнейшем обрела, как некое бессмертное божество, новое рождение, дав восхитительный и ни с чем не сравнимый плод Ренессанса. Хотя Дю Белле и сказал о Риме: «Что вечным мнилось – рухнуло, распалось», Италия вновь стала притягательным центром для народов и культур мира. Однако новый подъем – триумф не великой Империи, но *триумф человека, индивидуала, триумф свободной vita nova.*

Образ «Спасение римского народа»

Возможно, одной из причин того, что Римская империя царила и процветала так долго (дольше, чем любая другая), были прагматизм и реализм, соединившиеся с пониманием роли силы в мировой политике. И здесь выявляется любопытная особенность. Римляне были материалистичным народом, изначально не верившим ни в какое божественное сотворение мира. У них напрочь отсутствуют космогонические сюжеты, история об основании Рима заменяет рассказ о сотворении мироздания. Дюмезиль писал: «В эпоху расцвета римляне не имеют своей мифологии... римская история от основания города заменяла мифологию людям, для которых все ценности определялись их городом, и ни окружающий его мир, ни времена, которые ему предшествовали, не представляли особого интереса». Давайте же подумаем. То, к чему идет «развитая часть» мировой цивилизации (общий правитель, единая структура управления, общий рынок, одна армия, обустройство всех регионов по «римской модели», почитание «чужеземных богов»), римляне опробовали уже две тысячи лет тому назад. Модель эта в целом все же оказалась успешной (во всяком случае, в культурном плане нет более успешной и долговременной). Но ведь она все-таки не выдержала длительного испытания временем. Народы, при всех плюсах единой власти Империи, всё же предпочли разойтись по своим домам.

Уроки античной истории для России

Государи не имеют право жаловаться ни на какую ошибку, совершаемую народом, правление которым находится в их руках, потому что они происходят всегда лишь от их недосмотра или вследствие того, что сами они виноваты в тех же заблуждениях. Если проследить историю народов, которые отличались в наше время грабежом и другими подобными пороками, то можно видеть, что все произошло от тех, которые управляли и характер которых походил на их характер...

Никколо Макиавелли

Пусть будет сотня, тысяча таких портретов, схваченных живо с натуры, – и разве, просматривая их, рассуждая, сближая не только теперь, но через 50 лет, через два века, читатель не увидит перед своими глазами общества данного времени?..

А. П. Башуцкий

С годами Рим не только стал важнейшим *vademecum* (лат. – путеводителем) по древнему искусству, но своего рода божеством,

вердикт которого означал consensus omnium (лат. – единодушное согласие). Важны изучения и военно-политического и социально-культурного опыта великого Рима. Не желая быть «Третьим Римом», тем не менее, мы призываем вас внимательнее изучить опыт возникновения, существования и гибели «Первого Рима». Кто знает, возможно, внимательный анализ античных уроков древних цивилизаций (и наших параллелей к ним) поможет нам избежать гибели, создать на Руси достойное настоящее и будущее.

Цицерон задумал написать всю отечественную историю, включив события из истории Греции, и с добавлением греческих рассказов и мифов, но его удержали многочисленные общественные дела, да и личные неприятности. Мы поставили схожую, но более скромную задачу: создать всемирное полотно, удержавшись и от ряда мирских соблазнов, политическую ношу оставив тем, кто более достоин и умен. Поверьте, менее всего хотелось бы, чтобы кто-то бросил в наш адрес упрек, некогда высказанный в адрес ученых Руссо: «С ученым видом роются во тьме веков (эти ученые и писатели); вас торжественно проводят перед лицом народов древности; перед вами последовательно разворачивают картины Афин, Спарты, Рима, Карфагена; засыпают вам глаза песком Ливии, дабы помешать увидеть происходящее вокруг вас». Напротив: показывая прошлое мира, хотим, чтобы четче поняли проблемы настоящего и нашли пути их решения в России. Возможно, поэтому труд сей заслужит внимание и пойдет на пользу. Хотелось бы надеяться, что его не ожидает судьба тех мудрецов, о которых Хайям писал:

Мужи, чьей мудростью был этот
мир пленен,
В которых светочей познания видел он,
Дороги не нашли из этой ночи темной,
Посуесловили и погрузились в сон.

Рим чрезвычайно интересен тем, что позволяет и ныне заглянуть в сердцевину общества, с его людскими страстями, вожделениями, надеждами и страхами. Вы словно бы оказываетесь в некой огромной научной лаборатории, где материалы исследования дают возможность

проводить самые сложные, интересные опыты. Он замечателен еще и тем, что его история «повторяется» в будущих сценариях.

Воинская сцена. Иран. 1330-е гг.

Правда, мы никогда и не были в положении Цинцинната. Тот оставил власть — и встал за плуг... Увы, разделить его судьбу не пожелал не только Цицерон, но даже народолобец Саллюстий, писавший в прологе к «Заговору Катилины», что был бы счастлив, обретя досуг, уйти от политической жизни. Мы сочли более полезным для общего дела вообще не покидать ни нашего «плуга», ни «земли».

Иные горячие головы представляют русских былинными героями, что своими знаниями и подвигами благодетельствовали чуть ли не все народы... «В новом, «послепотопном» мире особая роль — миссия возрождения — выпала на долю арийцев, чей континент был разрушен. Они вынуждены были мигрировать на юг, причем в разных направлениях. Древние русы, например, расселились на огромных территориях, от Европы до Азии. Они стали «культурными героями» — то есть народом, который нес «одичавшим южанам» развитые знания и умения во всех областях. Говорят, ими, начиная с IX тысячелетия до н. э., были созданы первые «настоящие города» на островах Средиземноморья, в Северной Африке, Палестине, Малой Азии и в дельте рек Тигра и Евфрата. Поэтому нет никаких оснований считать IX тысячелетие до н. э. временем диким и «доисторическим», ведь именно тогда были заложены основания для развития всех последующих цивилизаций. От цивилизации древних русов

культурный импульс передавался дальше: например, от Убейда – к Шумеру, от Шумера – к Вавилону и Ассирии. Или от Древнего Египта – к Греции и Риму. Впрочем, это вовсе не означает, что русы существовали на этих территориях только в глубокой древности, а затем ушли отсюда навсегда. По мнению В. Калашникова, «русской землей» была и Малая Азия, которая в значительной мере взрастила и цивилизацию Эллады, а через этрусков – и Древнего Рима. Не правда ли, какая дерзкая и безумная идея!? Но имеет ли она право на жизнь? Возможно, но не для прошлого, а для будущего... И то только при одном условии... Если то, чего не смогли достичь древние греки и римляне, евреи и египтяне, шумеры, персы, арабы, французы, англичане и американцы, то, что, как представляется, не по силам даже могучей и объединенной современной Европе и Америке, – государственное воспитание феноменальной интеллектуальной личности – будет сделано в России! Эту цель следует поставить в качестве главной и первостепенной задачи в новой России.

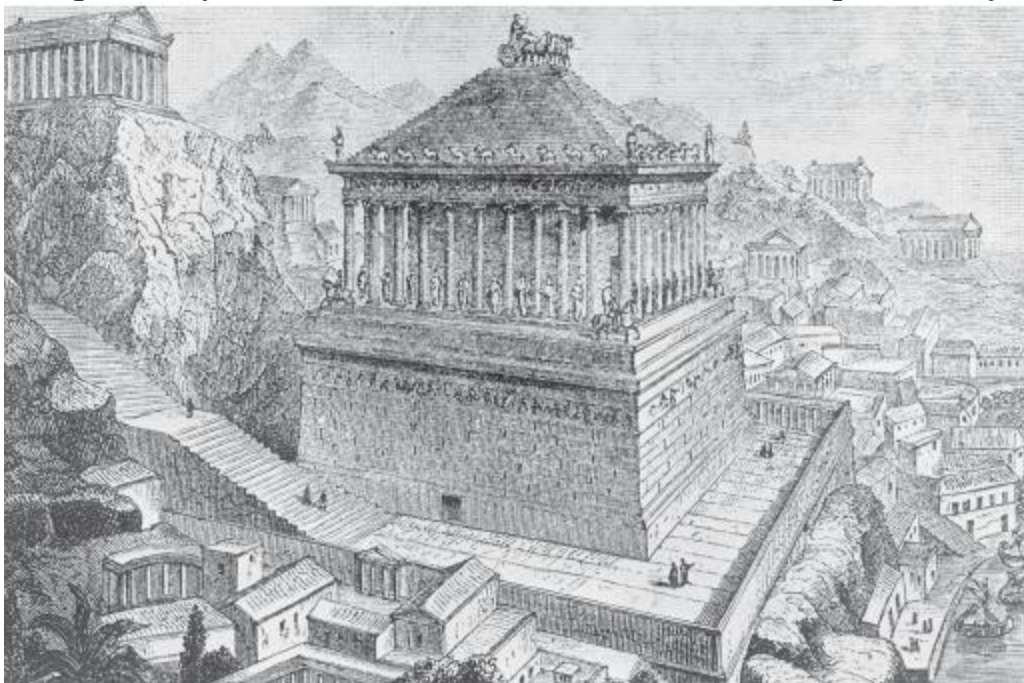
Раскопки в Эфесе

Это же касается и античной цивилизации в целом... В. И. Вернадский в работе «Научная мысль как планетное явление» писал: «Чудо» эллинской цивилизации – исторический процесс, результаты которого ясны, но ход которого не может быть прослежен, был таким же историческим процессом, как и другие. Он имел прочную основу в прошлом. Лишь результат его по своим следствиям – темп его

движения – оказался единичным во времени и исключительным по последствиям в ноосфере. Ход научной мысли нашего времени, XX столетия – по вероятному результату – может привести к еще более грандиозным следствиям, но по своему ходу он явно и резко отличается от того, что происходило в маленькой области Средиземноморья, – побережья Малой Азии, островов и полуостровов Греции, Сицилии, Южной Италии и отдельных городов Средиземного, Эгейского, Черного, Азовского морей, куда проникла эллинская культура, причем в это время научная творческая мысль сосредотачивалась главным образом в Малой Азии, Месопотамии и в Южной Италии, тогда греческой по культуре и языку. Резкое отличие научного движения XX века от движения, создавшего эллинскую науку, ее научную организацию, заключается, во-первых, в его темпе, во-вторых, в площади, им захваченной – оно охватило всю планету, – в глубине, затронутых им изменений, в представлениях о научно доступной реальности, наконец, в мощности изменения наукой планеты и открывшихся при этом перспектах будущего. Эти отличия так велики, что позволяют предвидеть научное движение, размаха которого в биосфере еще не было». Ход цивилизации всегда в той или иной мере носит скачкообразный характер, а резкие расслабления и периоды покоя (пусть вынужденного) служат подготовительным периодом для новых скачков. На эти слова хотели бы обратить особое внимание. Сегодня меняется весь ритм жизни. Меняются старые скрижали прогресса. Меняются схемы существования человека и общества. Неизбежно должны смениться сами типы и образы власти.

Сегодня задача историка, учёного и писателя состоит в том, чтобы подсказать народу и его правительству наиболее верный путь развития страны и надежные способы кардинального решения острых и болезненных проблем. Они должны выступить в роли бога врачевания Асклепия, став главными врачами нации. При всех различиях у человечества одно тело, ум, речь и наука. На заре цивилизации важнейшие открытия были сделаны едва ли не всеми народами: около 3000 лет до н. э. видим первые зачатки астрономических наблюдений в Китае, Египте, Вавилоне; затем в 1100 г. до н. э. китаец Чу Конг дает определение наклона эклиптики к экватору; в Вавилоне в VII–VI вв. до н. э. происходит установление сароса, то есть цикла солнечных затмений; наконец, в Греции возникло учение о

шарообразности Земли (Пифагор). Но если тысячи лет назад усилиями умов тех, кто зачастую и не знал о существовании друг друга, достигался прогресс, ныне, тысячелетия спустя, подкрепленная необходимостью логика требует еще более масштабной координации знаний, наук, финансов, энергии, культуры. Ведущие страны мира должны принять участие в этом великом и новом «открытии наук».

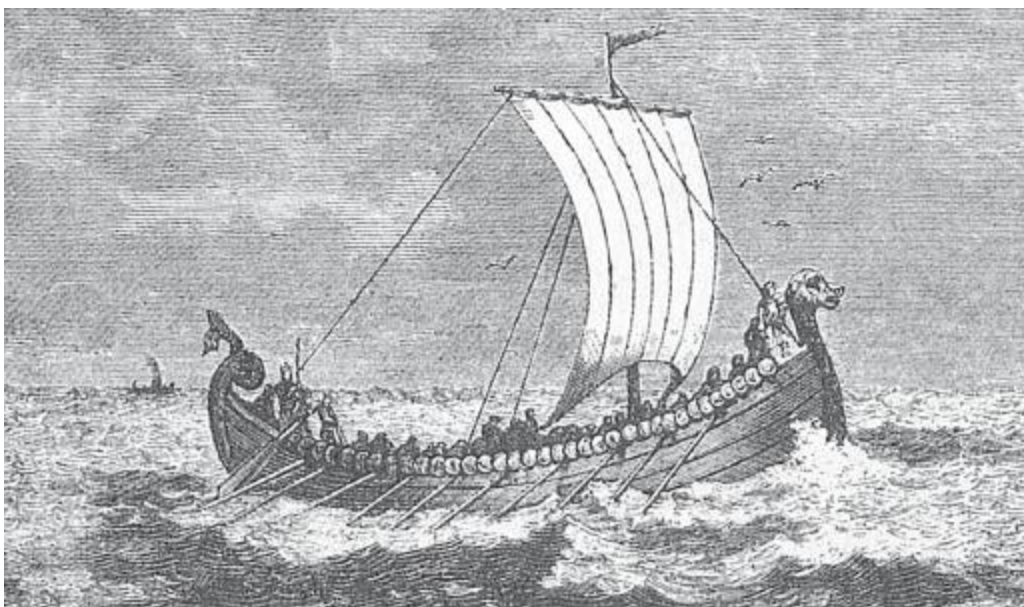

Мавзолей Мавсола

В то же время необходимо передать знания, опыт и мудрость древних, как и осознание их трагических ошибок современникам... Греки – это народ народов, стремившийся ответить едва ли не на все мировые вопросы. Говоря словами Исократы, они умели довольствоваться настоящим, думая о будущем! Возьмем их любознательность и проницательность, черты, о которых писал Ювенал. Нам порой не мешает быть и похитрее, как изворотливый Одиссей. У римлян стоило бы унаследовать силу, отвагу, глубокое уважение к предкам... Любое общество без подобных людей обречено на гибель и разложение. «Пусть встречу смерть, но да возобладает истина!» – девиз героических сынов великих народов. В конце IV – начале III в. до н. э. примерно так же выскажется Феодор-Безбожник: «Мудрец не должен видеть препятствий ни в законах, ни в обычаях, ни в верованиях на пути овладения истиной». Будем римлянами в

приверженности (не только в теории, но и на практике) к праву и законам империи августовского типа, провозвестником которой стал Цицерон. Будем свято следовать законам, как это делали те же римляне, но при этом чаще вспоминать гениальную фразу Цицерона, сказанную в адрес законника Катона: «Я люблю нашего Катона... Однако он ведет себя так, словно находится в идеальном государстве Платона, а живет он среди подонков Ромула». Вот также и мы в России. Мир пытается нас насильно втиснуть в прокрустово ложе «демократии», уверяя, что нет на земле ничего справедливее (хотя на деле власть при «демократах» часто оказывается в руках подонков). Но Русь, с каждым годом становясь мудрее, понимает, что ей навязали гибельный строй. Да и жить нам приходится не только среди светлых умов, но и среди тех людей, рядом с которыми даже далеко не идеальный Ромул кажется «чистым ангелом». Говоря о римлянах, остережемся самонадеянности и их тяги к мировому господству. Лактанций вполне справедливо пишет: «Но в какой мере польза расходится со справедливостью, дает понять сам римский народ, который, объявляя войны при посредстве фециалов, нанося обиды законным путем, всегда желая чужого и захватывая его, завладел всем миром».

Старинные боевые ладьи предков на пути к Царьграду, Афинам, Риму

Мы говорили о Риме, а думали о России... Не корите нас за такое прочтение истории. Как-то легендарный Моммзен признался Герцену, что многие его даже упрекали за весьма «современный тон» его Истории. Объясняя методу, великий немецкий историк сказал, что он хотел «свести древних с того фантастического пьедестала, на котором они появляются, в реальный мир». И утверждал, что его «намерение вполне законно». А разве менее законно наше стремление бросить греческих или римских героев в бой – за Россию?! Каковы плоды деятельности Рима? Что черпали историки из его давнего прошлого? Одни не могли сдерживать слов восторга и восхищения, глядя на величественное здание Римской империи, повторяя слова Овидия, – «в золотом обитаем мы Риме». Другие не жалели слов проклятий или осуждения. Нам кажется, ближе к истине все же те, кто подобно Ф. де Куланжу заметили, что на Рим «не следует ни писать... сатиры, ни делать его апологии». Судить о римском устройстве и народе надо по взглядам тех лет и по отношению к нему тех, кто жил тогда, в том мире. Тем более что от пяти веков существования империи осталось большое число фактов и документов (сочинения историков, произведения поэтов, трактаты философов и юристов).

И. Бодаревский. Князь Олег прибывает щит на врата Царьграда

Страницы учебника «Элоквенции и Поэтики»

Не смогли миновать образов Рима и русские... Словно пушкинский медный всадник, Рим преследует Россию по пятам. В решающие моменты истории он является нам, подобно тени отца Гамлета. Уже при Иване III в обиход у нас вошла формула «Москва – Третий Рим». Мысль о переходе к Москве функций Третьего Рима впервые прозвучала в «Послании на звездочетцев» псковского монаха Филофея. Исследователи данного послания пишут, что тогда Филофей, отмечая гибель обоих Римов, пришел к убеждению, что функции «ромейского царства», той державы, в пределах которой обретается и находит наиболее полное воплощение истинная христианская церковь, – переходят отныне к единственной, «не потопленной неверными» и осененной «благодатию христовой» стране – московской Руси. Тот же Филофей подчеркивал при этом, что Латинский Рим утратил свое значение, ибо в нем, хотя «стены и столпове... не пленены, но душа их от диавола пленены быша», затем и второй Рим – Константинополь – был пленен и, «агаряне внуцы секирами и оскордьми разсекоша двери» церковей Константинополя, а истинным Римом христианского мира стала Москва... Впрочем, и Петербург строился с явными притязаниями на «Последний Рим», что видно хотя бы из откровенно римской эмблематики герба Петербурга, общего патрона Петра у двух столиц (апостол св. Петр). Даже в риторических похвалах Петербургу слышны горадиевские нотки. В

декабре 1756 г. за скрытой монограммой «А.П.» публикуется «Похвала Петербургу», где автор торжественно, с восторгом признает: «Ты Риму стал подобен». Имя царя Петра, первого русского императора и создателя Петербурга, все чаще ставится в один ряд с именем Августа, первого римского императора. Ранее и царь Иван Грозный требовал от европейских монархов, чтобы те вели его происхождение от Августа. Желая подтвердить сходство великих кесарей, в качестве аналогии вспоминали и миф об основании Константинополя, когда равноапостольному царю Константину явился орел и указал ему место для основания города. Поэты Сумароков и Державин, обращаясь к Екатерине, намекали ей, что она «новый строит Рим». Видимо, с такой оценкой она была вполне согласна, коли распространила римские принципы «регулярного строительства» на главные города ее империи.

Рюриков возводили к римскому императору Августу

Петр I. Гравюра Гюнста с портрета Г. Кнеллера. 1697 г.

Мы отдали дань греческим статуям и римскому стилю. Если до Петра русские воздавали честь «только писаным иконам, а не изваяниям» (И. Корб), то вскоре возникает интерес и к скульптуре. По приказу царя Петра Великого в 1721 г. в Петербург была привезена из Рима, со всеми предосторожностями, античная статуя Венеры. Вначале римские власти ее конфисковали, но затем возвратили царю. Кабинетный секретарь А. Макаров писал, что статуя оказалась русскому царю «зело угодна». Победив шведов, царь перенял у Рима практику создания триумфальных врат. Те первые арки до нас не дошли, но рисунки указывают, что в их оформлении активно использовались античные образы. В оформлении арок преобладали герои античной мифологии – боги Марс, Минерва, Нептун, Юпитер, Геркулес. На офорте Зубова «Триумфальный вход русского войска в Москву после побед при Лесной и под Полтавой» (1711 г.) шествие войск нашей армии проходит на фоне триумфальных арок, как будто бы вынесенных из города в поле. Одновременно в обществе вообще стал наблюдаться огромный интерес к мифологии античного мира. Разного рода аллегории в рисунках, скульптурах, триумфальных арках требовали от тех, кто их созерцал, хотя бы элементарных

познаний в художественной области. Конечно, лишь малая часть образованного общества усвоила кое-что из античного наследия. Видимо, в их числе был и сам царь Петр. Известно, что с 1715–1716 гг. Петр стал планомерно вести закупку художественных произведений пластики в Западной Европе, чему способствовало и познавательное посещение им Европы. В Париже он побывал в Люксембургском дворце и в Королевской академии живописи и скульптуры, осмотрел парки и фонтаны Версаля, в Берлине Петр изучал собрание античных статуй, обратив особое внимание на изображение Приапа «в очень неприличной позе».

Адонис. Петербург. Летний сад

Царь Петр стал заказывать не только скульптуры, но и мрамор для резки статуй. Говоря о Летнем саде в Петербурге, он высказал свою мечту: «Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля». Факты из античности и мифологии были ему неплохо знакомы. Любопытно, что Петр I даже и своих собак стал именовать на античный манер. Кобелей он предложил назвать – «Пирроис, Зоис, Аетон, Флегон», а сук – «Паллас, Нимфа, Венера». В обиход русской жизни входили арки и фейерверки. Хотя не всем эти «античные штучки» нравились. Особенно резко выступали против него те, кто видел в этих действиях волю «царя-антихриста»... И. Голиков рассказывал, что митрополит Митрофаний Воронежский настолько был возмущен языческой скульптурой (статуями Юпитера, Нептуна, Минервы, Венеры, Геркулеса, Адониса и т. д.), украшавшей дворец Петра I на реке Воронеж, что решительно отказывался войти в дом царя. Петр даже угрожал ему смертью. Митрополит стоял на своем и был непреклонен в отношении этих символов языческой культуры. Пришлось царю убрать «знаки антихристовы». Дело в том, что Митрофаний отождествил эти статуи с языческими идолами, видя в них религиозное начало, ересь, а потому готов был принять смерть, подобно мученикам раннего христианства, только бы сохранить «душу невинную», не оскорбляя взор «безобразием». Ему было неизвестно, что есть на свете и некая высшая религия, которой служит истинный художник.

Портрет Екатерины II на прогулке в Царскосельском парке

Когда же обсуждался перенос столицы России из Москвы в Петербург, далеко не всеми такой перенос воспринимался со знаком плюс. Вспоминали и то, что случилось с Римом, когда его императоры стали выбирать иные города для их резиденций. Многие отмечали: «Говорят, что это место (Петербург) менее, чем Москва, подходит для господства над империей и что это предприятие Петра Великого похоже на предприятие Константина, который перенес в Византию престол империи и покинул Рим, (причем) римляне не знали, где искать свою отчизну, и так как они не видели более всего того, что в Риме воодушевляло их усердие и любовь к отечеству, то их доблести мало-помалу падали и, наконец, совершенно уничтожились». Этому же опасались многие римляне и в эпоху Нерона, когда тот непомерно увлекался всем греческим. Характерно, что даже француз Дидро понимал всю опасность переноса столицы из центра на окраину. Хотя

он и посоветовал Екатерине обнести Петербург поясом стен, «достойным римлян», он все же сказал ей в итоге: «...если бы французский двор перенес столицу королевства из Парижа в Марсель, то весь физический уклад страны был бы нарушен... Август пытался создать центр своей империи в Малой Азии. Если бы он выполнил этот проект, продиктованный страхом, то он облегчил бы варварам исполнение их замысла». Тем не менее некоторые параллели все же прослеживались. Подчеркивали то, что окраска ряда домов Невского проспекта в желтый («царский») цвет «имитировала Золотые дома нероновского Рима».

К. П. Брюллов. Гений искусства

По тому же пути пошла и Екатерина II, духовная «дщерь Петрова»... Многие «воздушные замки», которые обретут реальность в архитектуре царской России, имели своим основанием античность... Так, в 1770-х годах у Екатерины II возник замысел «выстроить... греко-римскую рапсодию в моем Царскосельском саду». Далее был представлен развернутый план этого замысла: «...Требуется, чтобы один или несколько... художников поискали в греческой или римской античности, чтобы найти там дом с полной обстановкой... Следует

создать резюме века Цезарей, Августов, Цицеронов и Меценатов и создать такой дом, в котором можно было бы поместить всех этих людей в одном лице... если некоторые из этих листов достаточно понравились бы императрице, чтобы она пожелала увидеть их исполненными, тогда бы... соединили их в известном порядке в едином здании и представили бы все способы выполнить его в саду...» Воплощая сей замысел русской императрицы, архитекторы разработали проекты «Павильона наук и искусств» (Шарль де Вайи) и «Античного дома» (Шарль Клериссо). Последний из них постарался найти такое здание, в котором могло бы находиться сразу несколько знаменитых деятелей Рима. Поразмыслив, он решил, что удобнее всего им было бы «встретиться» в термах. Поэтому его «античный дом» по композиции и наименованию напоминал знаменитые термы Диоклетиана. Именно эти термы являлись типичным сооружением Древнего Рима, где можно было воссоздать некое подобие «игры», похожей на античную жизнь, чего так желала императрица. Ученые считают, что хотя замысел тогда и не воплотился, сама идея подсказала мысль о приглашении в Россию Ч. Камерона, известного книгой о древних банях. Первое произведение архитектора в России – термы в Царском Селе. В облике галереи и терм присутствовал дух античности. В них оживает ушедшая античная красота... Г. Державин назвал Камеронову галерею храмом, где грации танцуют под звуки арфы. Поэт И. Богданович заметил, что такие чертоги «создавать удобны только боги», поселив в них Флору и Помону. А. Пушкин дал постройке Камерона звучное имя храма российской Минервы.

«Александрийский столп» в Петербурге

Поэтому немудрено, что и впредь будем в архитектуре, искусстве, литературе нет-нет да и оглядываться на великий Рим, ища в его чертах то величие и мощь, которое было присуще некогда Российской империи. В своих представлениях иные считали Российскую империю более великой, нежели Римская. Вспомним строки поэта: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа, / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа». Вот и Валерий Брюсов подчеркнет в стихотворении «Александрийский столп» то обстоятельство, что колонна, воздвигнутая в 1834 г. на Дворцовой площади в Петербурге по проекту Монферрана, была выше знаменитой колонны Траяна в Риме:

На Невском, как прибой нестройный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.
Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал.

Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята...

На почтение пред Римом указывает не только надпись на постаменте Медного Всадника, сделанная по латыни (*Petro primo Catharina secunda*), но и то, что для русских декабристов имена Катона и Брута стали светочами в «темном царстве» нашего монархизма; Ливий, Цицерон, Тацит, Плутарх, как писал один из наших авторов, стали «почти настольными книгами» русской интеллигенции. И даже общественный идеал декабристов, если судить по их признаниям на следствии, вырастал из изучения «истории республик римской и греческой». Рим же они воспевали не только и не столько как «властелина вселенной», но как «край свободы и законов», что воспроизвел «Брутов двух, и двух Катонов» (впрочем, каков на деле был «дух римской свободы», вы имели возможность убедиться).

Н. М. Карамзин в очерке «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1794), споря с полемическими утверждениями Монтеня и Руссо, что когда невежество царствовало в Риме, якобы, те и повелевали миром, когда же Рим просветился, варвары «наложили на него цепи рабства», пишет: «Что принадлежит до Рима, то науки не могли быть причиною его падения, когда Сципионы посвящали им все свободные часы свои и были – Сципионами; когда Катон, умирая вместе с республикою, в последнюю ночь жизни своей читал Платона; когда Цицерон, ученейший из римлян своего времени, презирал опасность и гремел против Катилины. Сии герои были питомцы наук, и притом герои; более таких мужей, и Рим бессмертен в своем величии!» Другое дело, что когда Рим стал на путь накопления награбленных богатств и прожигания жизни – он пал под натиском «варваров»! «Чем же обогатились потомки Ромуловы? Конечно, не науками, но завоеваниями, – и таким образом причина славы их сделалась наконец причиною их гибели». Когда государственный деятель России XIX в. М. М. Сперанский вынес на обсуждение знаменитый проект Уложения законов («для обширнейшей в свете империи, населенной разными языками»), он, отвечая критикам и

противникам, обвинявшим его в компиляции положений Уложения у французов и немцев, особо подчеркнул значение римского права как исходной точки для составления всех без исключения уложений Европы: «В источнике своем, т. е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны; но со здравым смыслом, со знанием сих источников.... Можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах».

Триумфальный въезд императора Марка Аврелия

Одним из любимейших поэтов Пушкина был Гораций. В отрывке из стиха декабриста В. Ф. Раевского находим строки: «О Брут и Вашингтон! Я не унижу себя, я не буду слабым, бездушным рабом – или с презрением да произносит имя мое мой ближний!» Н. М. Медведев, выходец из дворянского рода один из основателей первого тайного общества в России, духовный вождь декабристов, возвращен в садах римской истории и философии. С ранних лет Плутарх стал его настольной книгой. Любимый предмет – римская история. Латынь и греческий он знал настолько, что мог читать в подлиннике Геродота и Диодора, а в 15 лет перевел «О нравах германцев» Тацита. О степени его увлеченности римской историей говорит такой случай. Вспоминают, на детском вечере у Державиных мать заметила, что он

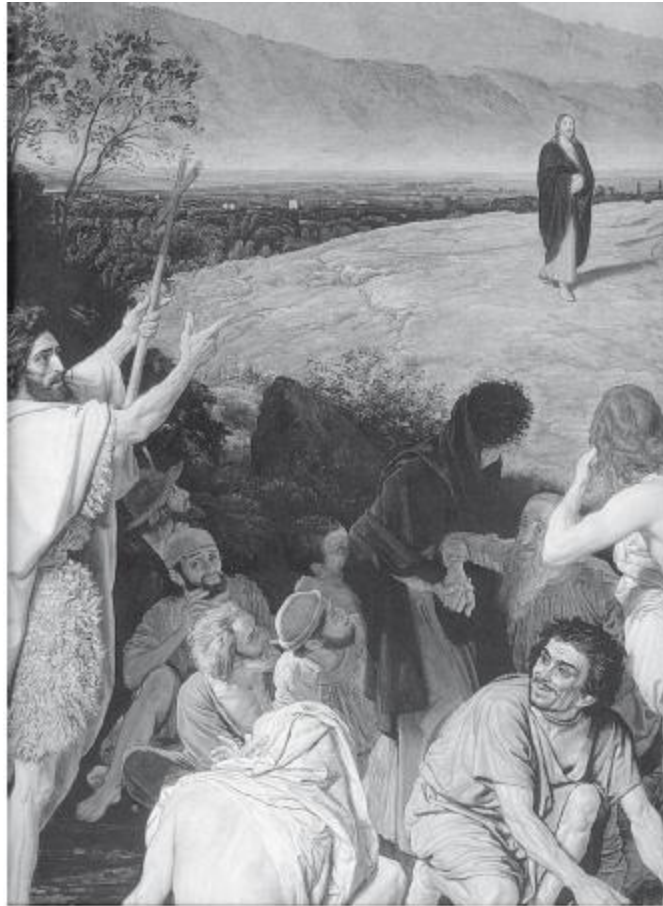
не танцует и подошла его уговаривать принять участие в танцах. Сын ее тих спросил: «Маминька, разве Аристид и Катон танцевали?» Матушка ответила ему утвердительно. Тогда он встал и пошел танцевать. Вполне возможно, что в законах римской республики он затем искал основы для создания его конституции. Или же вот А. А. Бестужев восклицает (кстати, очень даже злободневно, если направить его слова в нынешнее время): «Наш Август царствует, – но где же Мecenаты? Опорой слабого кто обречется быть?» А все тот же Раевский признается, что он «льет слезы», взирая, «как Сократ, Овидий и Сенека... погибли жертвою предрассуждений века, интриг и зависти иль жертвою страстей». Будущий декабрист скорбит, видя, как в его стране, России, «в нищете таланты погибают, безумцы ум гнетут, знать право воспрещают». С. Глинка отмечал в мемуарах, сколь высок был культ римских интеллектуалов и риторов в среде образованной российской публики, в кругу политических элит: «Голос добродетелей древнего Рима, голос Цинциннатов и Катонов громко откликался в пылких и юных душах кадет... Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душою римлян». Преклонение нашей элиты перед римскими образцами несомненно.

Строительство храма. Мраморный барельеф. 100 г.

Как же объяснить это поголовное увлечение русских античным Римом? В том нет ничего удивительного. Дело в том, что Рим был классическим образцом для всего человечества... Это был некий «древний музей», откуда новые поколения брали образцы для своих политических, юридических, культурных институтов. Императоры и цари подражали своим римским предшественникам. Это же в той или иной мере пытались проделать писатели, философы, интеллектуалы. И еще долго все культурные пути человечества будут «вести в Рим». Рим стал чем-то гораздо большим, нежели просто скоплением артефактов и камней. Рим стал идеей! Об этом очень точно сказал П. Чаадаев в письме к А. И. Тургеневу (1833): «Поймите же раз навсегда, что это не обычный город, скопление камней и людей, а безмерная идея, громадный факт. Его надо рассматривать не с Капитолийской башни, не с фонаря св. Петра, а с той духовной высоты, на которую так легко подняться, попирая стопами его священную почву». Чаадаев побывал в Риме вместе с Н. Тургеневым (1825), заявив, что сей город – «вещь чрезвычайная», ни на что не похожая и «превосходящая всякое ожидание и всякое воображение». В том же письме к А. И. Тургеневу он уточнил, расширил круг своих впечатлений: «Вы увидите тогда, как длинные тени его памятников ложатся на весь земной шар дивными поучениями, вы услышите, как из его безмолвной громады звучит мощный глас, вещающий неизреченные тайны. Вы поймете тогда, что Рим – это связь между древним и новым миром...» Многие ученые (спустя столетия после падения Рима) продолжали измерять духовную жизнь нашего народа «по римским образцам»... Хотя когда тот же Ломоносов, стараясь «отстоять перед германскими учеными идею древности русских, пытался на бумаге выстроить эти соответствия: ставил против имени Зевса имя Перуна, рядом с Венерой – Ладу, а дальше не ладилось: не вписывался пантеон, поставленный в Детинце князем Владимиром, в узкие рамки римской мифологии. Во-первых, русские верования значительно старше римских, и они не были искусственно собраны из чужеземных небожителей и объединены в единую семью. Во-вторых, сам пантеон князя Владимира, о котором сообщил Нестор-летописец, не являлся энциклопедией веры древних русов. В-третьих, русские верования оказались (для России) куда жизнеспособнее античных».

А. Иванов. Явление Христа народу. Куда идешь, Россия?

Одним из наиболее известных мест знаменитой Аппиевой дороги в Риме стало «Quo vadis?» («Куда идешь?»). Согласно легенде, тут апостолу Петру и явилось видение Христа. В эпоху Нерона после пожара Рима усилились преследования христиан, и друзья посоветовали Петру временно оставить Рим. Тот согласился, но, выйдя за Аппиевы ворота, встретил путника, в котором узнал Христа, уже вознесшегося на небо. «Повелитель, куда ты идешь?» – прошептал он. А тот ему ответил: «Я иду в Рим, чтобы быть во второй раз распятым!» Видение исчезло, а отпечатки божественных ступней Христа остались на камнях Аппиевой дороги.

Quo vadis, Россия? В основе ядра любой культуры лежат собственные понятия, представления, ценности и образы. Каждый народ видит мир и себя по-своему. Мы отдаем себе отчет, что видения эти различны в разных культурных группах, слоях и странах. Но в то же время все народы (вольно или невольно) выступают учениками.

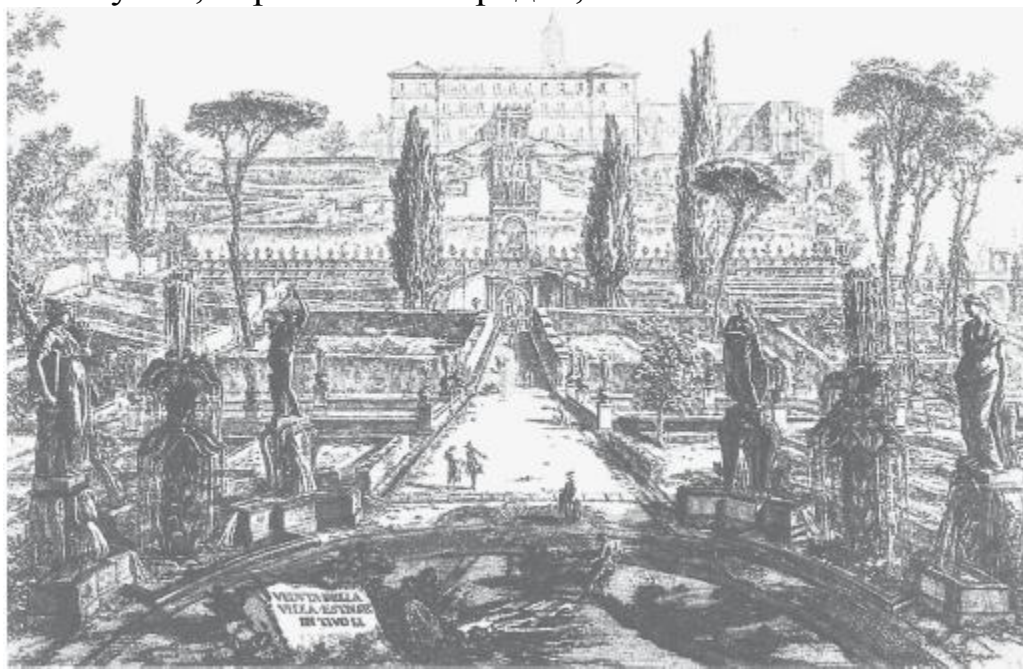
Они в той или иной мере наследуют идеи, образы, законы, порядки, структуры, художественные типы и наименования великих предков. «История – это философия в примерах», – заметил грек Фукидид. Хотя эпоха Рима осталась далеко позади, но «римские проблемы» не исчезли. Пожалуй, книга писалась в обстановке, некоторым образом напоминающей время Августина, когда им был создан «Град Божий» (*De civitate Dei*). Напомним, писал он сей труд 13 лет (с 413 по 426 гг.), когда Рим подвергался нашествию и осадам войск варваров, как и ныне первопрестольная подвергается нашествиям бандитов и террористов.

Двуликий Янус – старинная римская монета

Античность подобна двуликому Янусу... Внимательно вглядываясь в прошлое, можно увидеть черты настоящего и даже предугадать будущее... Итак, какие же выводы должны сделать, подводя итоги эпохе, анализируя ход развития Древней Греции и Древнего Рима? Что дает, чему учит нас Античность, если обратиться к ее истории, людям, нравам? Поняв это, возможно, как писал Полибий, уясним лучше суть наших событий, поймем смысл явлений. «Какие законы действуют в человеческой жизни и управляют ею? Возможно ли, зная все эти законы из истории, не только понять прошлое, но и предугадать будущее?» (Ростовцев). Разумеется, мы не античный герой Линкей, обладавший таким острым зрением, что, говорят, проникал своим взором во внутренность Земли! К тому же гораздо труднее проникнуть взором в будущее. Иные считают, что это

невозможно даже и в принципе, ибо будущее сокрыто завесой времени... Академик И. Т. Фролов, создатель Центра наук о человеке, Института человека, потрясенный распадом СССР, заявил: «Я теперь вообще не верю в способность человека предвидеть будущее». Полагаем, что дверь в будущее не только можно, но и нужно пусть хотя бы приоткрыть. И это тем более необходимо, что сегодня мы находимся, вероятно, в преддверии грандиозных катаклизмов и революционных перемен. Им будут сопутствовать битвы, конфликты, потрясения умов, переселения народов, восстания масс.

Вечный Рим. Вилла д'Эсте

Во-первых, античные Греция и Рим удивительно современны. В. Г. Белинский в письме к В. Б. Боткину (1840) скажет: «На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество». И в самом деле, разве это не «великий Рим» создал ту систему международных отношений, при которой главную роль играет не право закона, но сила и право денег? Это стало основой, стержнем, которым держится «цивилизация». К ней привязаны все политические, экономические, правовые и этические системы современного мира. Вот и мы веками впитывали мудрость римских уроков. Иван Солоневич писал в «Народной монархии»: «В гимназиях и университетах мы изучали историю Римской Империи. На образцах Сцевола, Сципионов,

Цицеронов и Цезарей воспитывались целые поколения современного культурного человечества. Мы привыкли думать, что римская империя была великим братом, – и эта мысль была правильной мыслью. Потом – более или менее на наших глазах стала строиться Британская Империя и мы, при всяких там подозрениях по адресу «коварного Альбиона», относились весьма почтительно, чтобы не сказать сочувственно к государственной мудрости британцев...» Видимо, это происходило потому, что если не по типу империи, то по масштабам имперских задач мы в чем-то были близки древнему Риму, пережив, как и Рим, эпоху крушения республики. Нельзя не согласиться со словами Макиавелли («История Флоренции»). Он писал о трагедии древнего Рима, всей Италии: «Если поразмыслить о том, сколько ущерба наносит любой республике или королевству перемена государя или основ управления, даже когда они вызваны не внешними потрясениями, а хотя бы только гражданскими раздорами, если иметь в виду, что такие пусть и незначительные перемены могут погубить даже самую могущественную республику или королевство, – легко можно представить себе, какие страдания выпали на долю Италии и других римских провинций, где менялись не только государи или правительства, но законы, обычаи, самый образ жизни, религия, язык, одежда, имена. Ведь даже не всех этих бедствий, а каждого в отдельности достаточно, чтобы ужаснуть воображение самого сильного духом человека. Что же происходит, когда приходится видеть их и переживать!» Но нечто подобное пришлось пережить и моему поколению, воспитанному Республикой Советов.

Юлий Цезарь

Слом старой культуры и порядка в СССР подвигнул нас к осмыслению былого. Была разрушена страна, в десятки раз превышающая масштабами великий Рим, страна, чья система рухнула не под давлением полчищ варваров, а в силу ряда внутренних причин, дополненных изменой и мощным давлением противника. Вторжение варваров псевдодемократии на землю России, едва не приведшее к гибели страну, вынудило нас взяться за исторические параллели земного Града. И мы, подобно Н. Г. Чернышевскому, автору статьи «О причинах падения Рима» (1861), в сердцах готовы сегодня сказать о крахе СССР почти теми же словами: «Никакой внутренней необходимости в смерти не было. Напротив, жизнь была свежа, прогресс безостановочен. Погибель Римской империи – такая же геологическая катастрофа, как погибель Геркулана и Помпеи...» Чернышевский в чем-то был, видимо, прав, утверждая, что нет никакого смысла толковать «о разумности, о благотворности этих катастроф». В результате, к власти пришли настоящие варвары, в итоге чего «каждый человек из племени завоевателей разбойничает, грабит и режет кого ему вздумается, ...пока кто-нибудь зарежет его, а вождь между тем рубит головы у всех, кто попадется ему в лапы». И

«никакой другой особенности мы не видим в порядке, заведенном варварами».

Триумфальная арка в Москве

Сколько трагедий, отчаяния, горя, смертной тоски пережил наш народ за это смутное время... Казалось, если мы и наследуем что-то из прошлого, то дурные уроки: на дворе нынче не столько век Траянов и Аврелиев, сколь век Калигулы и Нерона, в политической атмосфере носятся атомы Цезаря, Октавиана, Нерона, Сенеки, Коммода. Хотя завершилась полоса внешних войн, началась еще более жестокая гражданская война, – власти с народом. Внешняя свобода не должна нас вводить в заблуждение. Пусть каждый имел возможность делать и говорить все, что вздумается. Но что из того! Сказана была уйма красивых и пустых слов. Смена одной партии на другую, как и смена правительств, ничего не дала ни народу, ни интеллигенции. Народ, «всюду искавший демократию, к удивлению своему, не находил её нигде». В итоге, он вынужден будет после потрясений вернуться к тому, что было. За кратким периодом распада и деградации начался период подъема России. Мы просто вступаем в очередной цикл развития. О том в статье «Идее прогресса и ее историческое обоснование» некогда писал М. И. Ростовцев: «Для меня античная

идея циклов, волны истории, поднимающейся и опускающейся, есть идея не менее, если не более великая, чем современная вера в нескончаемый прогресс. В ней меньше утопии и она может быть основана на большом количестве исторических фактов». Идея циклов, как кондратьевских волн, полагаю, находит полнейшее подтверждение и на примерах из истории России. За эрой капитализма пришла эра псевдосоциализма, затем возвращение в мрак капиталистического «средневековья». И вот – со сменой власти в Кремле – видим первые робкие лучи зари будущего дня – «интеллектуальной Спарты».

Карта Московии. 1562 г.

Кажется, впору вспомнить слова Парацельса. Возможно, он был прав, говоря: «Есть один народ, который Геродот называл гипербореями, нынешнее название этого народа – Московия. Нельзя доверять их страшному упадку, который будет длиться много веков. Гипербореи познают и сильный упадок, и огромный расцвет... Знамя креста будет водружено на одной из горных вершин этой страны... В той самой стране гипербореев, о которой (никто и) никогда не думал, как о стране, где может произойти нечто великое, над униженными и

отверженными воссияет великий крест... Воссияет божественный свет с горы страны гипербореев, и его увидят все жители Земли». Божественный свет мысли и разума должен воссиять на земле России! Однако скажу откровенно и без иллюзий: сие «начало воскресения» современного государства и общества в России произойдет тогда, когда Разум, а не Деньги будут поставлены во главе культурных процессов развития. Русская идея раскрывается не в капитализме, рынке, не в религиозности, даже не в силе воинства, – в силе русской культуры, духа, мысли. Россия должна стать одной из первых стран в области духа и ума.

Во-вторых, при схожести наблюдаемых в прошлом и нынешнем ситуаций, судеб, явлений, людских поступков, нельзя не видеть существенных различий в типах производства, идеологии, религии, морали, культуре, в складе характеров. Не всегда они говорят в пользу современного человека, западной культуры. Это уже иной вопрос. С помощью систематики социальных наук, куда принадлежит и история, мы включим в описываемую нами картину мира многие важнейшие элементы – культуру, технику, философию, политику, физиологию, биологию, психику. Надо помнить, отмечал П. Сорокин, что группы могут иметь сходную степень сложности и характер организации власти – и тем не менее во всех остальных отношениях резко различаться друг от друга. И древние Афины, и современная Франция, Швейцария – республики, но они различны по строению и индивидуальности. Ведь и Англия и Италия – конституционно-парламентские государства, но из этого не следует, что они однородны в других отношениях. Сложные государства мы находим в античном мире, в Средние века и в наше время. Но было бы нелепостью на основании этого сходного признака относить их к одной группе и «считать тождественными по составу и строению». Однако нельзя бросаться и в другую крайность: расчленять мир, общество, культуру и историю на сотни или тысячи отрядов, подотрядов, видов, групп, – словно перед нами живой труп. Это удел живодеров истории. Если бы ученый исследовал социальную или историко-культурную жизнь народов лишь с точки зрения 2512 вопросов «Этнографического сборника вопросов для исследования социальной жизни народов», такая работа напоминала бы сизифов труд... Наша цель иная – представить связную картину мира, какой она была в прошлом, какой

ее видит современник и что нас ждет, если мы соизволили задуматься над своим будущим.

Демократия по-римски. Фрагмент барельефа на саркофаге Людовизи. III в.

В-третьих, мы говорили о том, что Греция и Рим стали чуть ли не идеальным воплощением свобод, донеся бессмертные образцы демократии. Ими в создании гражданского общества, мол, и руководствуется Запад. Но даже авторитетам, будь то Гомер, Сенека, Геродот, не всегда можно верить. Последний восхвалял доблесть эллинов, утверждая, что «доблестью Эллада спасается от бедности и тирании». Но вы прекрасно видели, что доблесть не спасла ее ни от бедности, ни от тирании. Рим вкусив цинизм и подлость псевдодемократии, уже более не хотел свободы. «Когда Сулла захотел вернуть Риму свободу, Рим уже не мог принять ее. Он сохранил лишь слабый след прежней добродетели, и так как в дальнейшем добродетель продолжала угасать, Рим вместо того, чтобы пробудиться после Цезаря, Тиберия, Кая, Клавдия, Нерона, Домициана, все более

погрязал в рабстве; все удары падали на тиранов, и ни один – на тиранию».

Надо помнить и то, к чему привели Грецию, Рим порядки и законы, которыми порой неумеренно восторгаются... Греки, раздробленные на множество слабых городских республик, хотя и развили в себе художественное творчество и философское мышление «с непревзойденной силой», но ведь так и не смогли на практике воспользоваться плодами и достижениями своих умнейших мужей. Но и римляне, основавшие «небывалую военную империю из завоеванного ими мира», давшие этому миру «удивительное гражданское право», так и не сумели построить правовое государство – и пали под ударами некогда покоренных ими народов. В. О. Ключевский писал, что римляне – «посредственные художники-подражатели». Но и классическая Греция, воспевавшая на словах идеи красоты и истины, на деле оказалась посредственным «цивилизатором». Мы видели, как вели себя греки по отношению к соотечественникам, героям и мудрецам – хуже последнего наидичайшего варвара. Они убивали их, выталкивали из полисов, преследовали, не устывая фарисейски восхищаться, рукоплескать после смерти.

О. Бове. Триумфальная арка в честь победы над Наполеоном

Некогда патриарх русского анархизма П. А. Кропоткин, говоря о цивилизации, сказал в очерке «Государство, его роль в истории» (1904): «Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная; императорская и федералистская; традиция власти и традиция свободы. И теперь, накануне великой социальной революции, эти две традиции опять стоят лицом к лицу. Которое нам выбрать из этих двух борющихся в человечестве течений – течение народное или течение правительственного меньшинства, стремящегося к политическому и религиозному господству, – сомнения быть не может. Наш выбор сделан. Мы пристаем к тому течению, которое еще в двенадцатом веке приводило людей к организации, основанной на свободном соглашении, на свободном почине личности, на вольной федерации тех, кто нуждается в ней. Пусть другие стараются, если хотят, удержаться за традицией канонического и императорского Рима!» Оставаясь в государственном смысле наследником великих русских империй прошлого, мы должны стать истинно народной демократией, а не охлократией и плутократической бюрократией.

А. Т. Марков. Фортуна и нищий. 1836. Русский музей

Рим и Греция дают нам непреходящие образцы как героических, так и плуто-кратических культурно-исторических типов. Иные плутократы и олигархи России ведут себя точно так же, как вели себя богатеи Рима и Греции две с половиной тысячи лет тому назад. Пусть читатель хотя бы на миг перенесется в ту эпоху, послушав речь Андокида «О мистериях» (399 г. до н. э.). Сутью конфликта двух богатых людей, Андокида и Каллия, являются по сути дела прибыль и конкурентная борьба. Андокид с группой откупщиков взял на откуп сбор двухпроцентной пошлыны, при этом обошел конкурентов и, разумеется, вызвал их зависть и ненависть. Группа конкурентов обратилась к афинскому царю-архонту, подав жалобу. Начался процесс. Защищаясь, Андокид говорит: «Как же так? Я исполнял литургии, был казначеем священных имуществ в городе. А вот теперь я — нечестивец и преступник...» Далее он обрушился на конкурента: «Он взял эту пошлыну на откуп за тридцать талантов, а с ним в долю

вошли все эти люди, которые собрались тогда... вы знаете, что это за народ! Они, мне кажется, пришли туда потому, что преследовали двойную цель: заработать деньги на том, что не придется набивать цену на торгах, и получить долю в доходах от сбора пошлины, отданной на откуп за бесценок. Заработав в общем шесть талантов и сообразив, какое это выгодное дело, они составили компанию и, дав другим отступного, снова стали торговать эту пошлину на тридцать талантов. И вот, в то время как все другие отказались от соперничества с ними, я выступил перед Советом и стал набавлять цену до тех пор, пока, наконец, не получил эту пошлину за тридцать шесть талантов. Устранив этих людей и представив вам поручителей, я взыскал деньги и выплатил городу положенную сумму, причем я сам не потерпел никакого убытка; напротив, все мы, и я и мои компаньоны, даже получили небольшую прибыль. Зато благодаря мне этим людям не удалось разделить между собой шесть талантов, которые справедливо принадлежали вам. Узнав об этом, они сказали себе: «Этот человек ни сам не возьмет общественных денег, ни нам не позволит. Он будет охранять их и воспрепятствует любому дележу общественного достояния. Более того, всякого из нас, кого он уличит в преступлении, он приведет на суд афинского народа и погубит. Поэтому нам надо освободиться от него любым путем, справедливым или несправедливым».

П. Брейгель. «Кухня тучных» и «Кухня тощих». 1563 г.

Напомним народу России слова одного анонимного трактата – «О государстве афинян» (424 г. до н. э.). Формулируя задачи олигархического клана в борьбе с народом, афинский богач говорил его сторонникам: «Немало нужно для того, чтобы покончить с афинским народовластием!» Он усиленно доказывал своим клеветам:

«Не надейтесь на реформы! Не ожидайте ничего от компромиссов! То, что вам покажется случайной неудачей, недостатком или временной порчей, всё это проявления одного губительного государственного принципа (то есть в данном случае – демократической власти народа). С этим связано благополучие (народной) массы, которая потому и будет всегда руководствоваться им. Не нужно половинчатости и поспешности! Прежде всего, не надо несвоевременных выступлений с недостаточными силами! Если нанести удар, то он должен быть решительным, он должен сразу и навсегда (sic!) покончить с верховенством «проклятого демоса» (выражаясь языком того времени. – *В. М.*). Вы должны быть хорошо вооружены и исполнены решимости, у вас не должно быть также недостатка в союзниках». Потрясающее по цинизму и откровенности заявление олигарха. Иные наши богачи в 1990–2005 гг. так и сделали в России, отняв власть и деньги у всех тех, кого они зачастую откровенно называли «проклятым демосом». Так почему же народ должен быть глупее, мягче олигархов?! Бейкер об эпохе римского императора Тиберия (месте олигархов в той системе) писал: «Политическая опасность для олигархии настала лишь тогда, когда она не смогла предложить равных ценностей, конец ее настал тогда, когда она не сумела предложить никаких ценностей вообще, кроме слов о «правах». Поэт Ювенал с иронией говорил в адрес карфагенского полководца: «Взвесь прах Ганнибала: сколько фунтов в величайшем полководце?» А сколько капиталов у российских крупнейших олигархов? И почему они не служат народу? Глядя на безумное накопление капиталов для собственной мощи и утробы, на произвол чиновников, я невольно вспоминаю стих выдающегося александрийского эпика, Аполлония Родосского, жившего еще в III в. до н. э. Описывая приключения аргонавтов в своей поэме, он, в частности, привел забавный эпизод игры Эрота и Ганимеда («Аргонавты»):

Играли они в золотые бабки,
Как то подобает мальчишкам,
сходным по нраву.
Бабок полную горсть, к груди
ее крепко прижавши,
Левой рукою держал Эрот

ненасытный...

Согласно легенде во время поездки Пифагора в Лакедемон ему во сне как-то ночью явился Геракл. Он приказал передать спартанцам, чтобы те не ценили ни золота, ни серебра. Этой же ночью он объявился и царям, повелев им слушаться Пифагора. Утром Пифагор сообщил о предвидении Геракла, сказав, чтобы они не ценили ни золота, ни серебра, иначе их доблесть исчезнет, а держава рухнет. Спартанцы вняли его словам и долгое время одолевали врагов. Но потом они стали уповать больше на власть золота (на «золотовалютный запас») – и погибли. Так и мы встали на путь роста богатств, копя в подвалах злато, а главное сокровище нации – таланты и воины – брошены на произвол.

Мы вовсе не требуем от наших богачей и правителей немислимых жертв... Но почему они с такой яростью и ненавистью поедают свой народ, словно Сатурн, глотающий своих же детей? Почему цепляются за богатства, не принадлежащие им? Или хотят оказаться в положении тех помпеянцев, которых при извержении Везувия погубила болезненная страсть к богатству и ценным вещам? Владельцы дома Фавна вместо того, чтобы спасти жизнь, стали терять время на упаковку драгоценностей, золотых кубков и блюд – когда опомнились, было поздно: весь дом был покрыт пеплом и залит грязью. На вилле Диомеда обнаружили скелеты прямо у куч золота. Публий Корнелий Тегет не желавший расстаться с любимой бронзовой статуей эфеба, был вместе с ней засыпан пеплом. Погибли и жрецы храма Исиды, спасая мешки с драгоценной утварью. Народ во гневе бунта страшнее Везувия.

Кого мы обманывали? Народ? Почему Демосфен, которого никак не назовешь «революционером», считал для себя вправе требовать решения о конфискации имущества некоего прохвоста Мидия, а мы – нет? Демосфен так формулировал позицию: «Так как это богатство дает ему возможность причинять нам обиды, то было бы неблагоприятно оставлять его ему; отнять у него это богатство – значит отнять у него орудие преступлений». Далее он прибавляет: «Мидию не на что будет (даже и) жаловаться, когда его имущество будет равно имуществу большинства из нас, которых он оскорбляет

теперь и с которыми обращается как с нищими, и когда у него будут отняты те богатства, излишек которых внушает ему такую преступную гордость». Но как только Рим и Греция ушли от такого в целом взвешенного и разумного строя, – они погибли... Великолепный довод, который до сих пор не реализовал ни один российский политик, хотя из кубышек нынешних нуворишей не то что сочится, а сплошным потоком хлещет кровь миллионов тружеников. Власть же говорит: «Никаких пересмотров итогов приватизации!» А если среди них те, на которых и пробы негде ставить? У тех, кто не платит зарплату труженикам, забирать собственность и сажать в тюрьмы.

Римский богач Гай Тримальхион, о котором писал Петроний в «Сатириконе», пусть и не слушал философов, по крайней мере, хотя бы щедро сыпал деньги на благотворительность. Вроде у нас «ротшильдов и рокфеллеров» достаточно, но морозовых, мамонтовых, алексеевых, рябушинских среди нуворишей не видать.

Прочитав эти строки, конечно, вы представили себе иные аукционы, где так же судьбы миллиардных сделок решались за кулисами. Судьи часто подкуплены, а народ, разумеется, был лишен голоса в решении вопросов его собственности. Но богачам не удалось обмануть Россию. Ведь многие из них, подобно Сенеке, второму лицу в Риме, нажили за годы их власти чудовищные состояния, что превышают «всякую меру для частного лица» (Тацит). Как же нашим «сенекам» удалось этого добиться? Ведь богатства достались им не по наследству. Откуда у бывших премьеров, губернаторов и чиновников такие бешеные деньги?!

Библейское наказание. Неправедные богатства летят в пропасть

В историческом экскурсе к «Заговору Катилины» историк Саллюстий рисует потрясающую картину захвата власти в стране римским нобилитетом. В руках олигархов сосредотачивается реальная власть в стране (почти как в России). Причем эта власть захвачена была ими незаконно. Внутри их клана развиваются страшные пороки. Они сосредоточили в руках все должности, все комитеты, все управление провинциями, все, что только можно. Саллюстий переходит к описанию тех безумных трат и роскоши, того преклонения

перед богатством, что пышно расцвели в Риме. Он, конечно, подразумевает безнравственную, насквозь продажную среду нобилитета и знати. Такая знать всюду порождает чудовищ.

Персей с головой Медузы

Впрочем, дадим слово самому Саллюстию, чтобы читатель сам сравнил Рим и нашу Россию (порой почти уж совсем «римскую»). Он привел фразу, которая, видимо, найдет отклик в иных честных и благородных русских сердцах: «Таким образом, все влияние, вся власть, честь, богатство — у них или у тех, кому они уделят; нам (же) они оставили (одни) опасности, неудачи на выборах, судебные преследования, нужду. Доколе же согласны вы (это) терпеть, храбрые мои друзья? Разве не лучше умереть с доблестью, нежели потерять с позором жалкую и бесчестную жизнь, игрушку чужого высокомерия? Впрочем, нет, клянусь верностью небесною и земною, победа в наших руках, мы молоды, мы крепки духом; у них же, напротив, все

обветшало от старости и богатства! Нужно только начать, остальное придет само собой! Они утопают в богатствах, проматывают их, застраивая моря и срывая горы, а нам недостает на самое необходимое – кто из смертных, если только у него мужское сердце, может это сносить? Они возводят себе по два дома и больше, один за другим, а мы вообще бездомны! Они скупают картины, статуи, чеканку, сносят новые здания, строят другие (в которых нам, беднякам, конечно же, уже нет места. – *В. М.*), коротко говоря – всячески расточают деньги и швыряют их на ветер, но и самыми безумными прихотями одолеть свои сокровища не могут. А у нас дома нищета, за стенами дома – долги, настоящее – худо, будущее – еще намного суровее: что осталось нам, в самом деле, кроме убогого существования? Так почему же вы не пробуждаетесь? Глядите, вот она, вот она перед вами – свобода, о которой вы мечтаете так часто, и в придачу – богатства, почести, слава; все это судьба назначила в награду победителям... А меня возьмите либо в начальники, либо в солдаты: я буду с вами душою и телом». Такова была речь Катилины, в которой он пообещал народу скорую отмену долгов, проскрипцию богачей и знати, государственные и жреческие должности и многое остальное. Чтобы пресечь возможность «заговора Катилины», нужна иная, здравая народная политика.

Пророк Илия вызывает огонь с неба

Как изменились нравы в отечестве. Если помните, в раннем Риме Торкват убил сына лишь за то, что тот посмел нарушить воинскую дисциплину. Но его сын был мужественным воином. А какой славой, какими деяниями во славу Родины покрыли себя многие вчерашние (да и некоторые нынешние) государственные мужи!? Разве что они прославились тем, что осыпали себя и своих детей сказочными богатствами? Разве они не получили свои миллиарды за 4–5 лет, захватывая имущество, банкротя, скупая за гроши наши заводы, фабрики, флоты и земли? Разве их особняки не превзошли безумной роскошью виллы римских цезарей, а их ненасытные жены и дети не носят ныне в ушах, на руках, в ноздрях, на пупке, подобно жене Сенеки, целые поместья? Античный поэт писал, высмеивая неумеренную роскошь нуворишей:

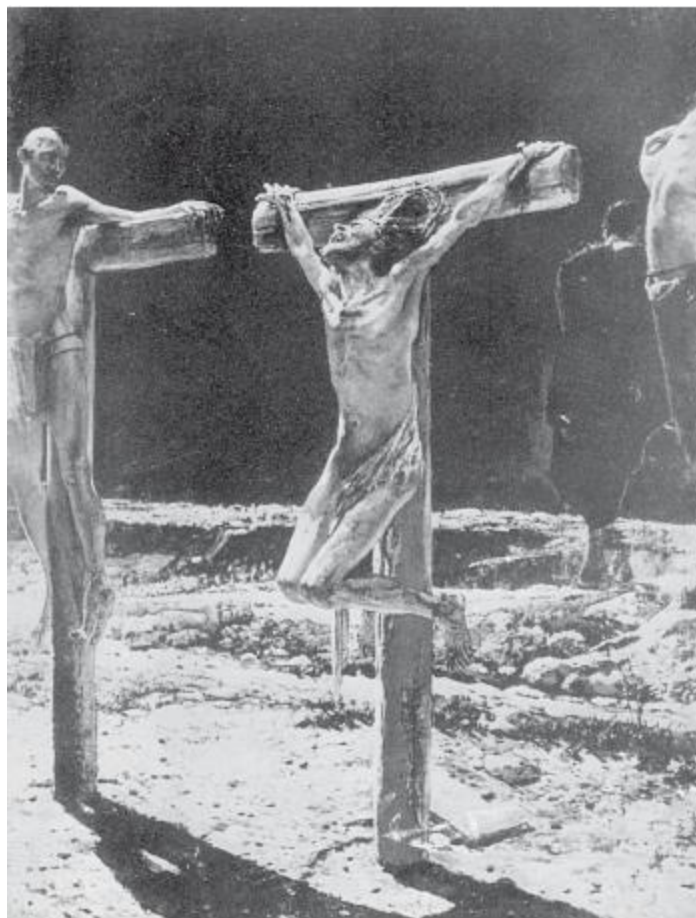
Разрушит скоро роскошь стены
римские,

Павлин пасется в клетке для пиров
твоих,
Весь в золоченой вавилонской
вышивке,
А с ним – каплун и куры
нумидийские.
И цапля – гостья редкая, заморская,
Благочестиво-стройная танцовщица,
Знак знойных дней и злой зимы
изгнанница —
В котле обжоры ныне вьет гнездо свое.
Ужель вам дорог жемчуг, бисер Индии?
Чтобы жена в жемчужном ожерелии
К чужому ложу шла распутной
поступью?
К чему смарагд зеленый, дорогой
хрусталь
Или угольями горящие карбункулы?
К чему серебро и золото иноземные?

При этом хотят, чтобы народ не издавал при грабеже ни звука, как и те юноши Спарты, которых, призывая к жертве, секли на алтарях. Из их ран лилась кровь, но они не смели обнаруживать даже признаков боли, иные даже молча умирали. Словно в древнем Риме, народ обрекли на публичную казнь, требуя, чтобы сей Геракл или сжег себя на костре, или, подобно Икару, упал с высоты и разбился. Народ распяли на кресте приватизации, и он корчится от боли, гнева и ярости...

Вся история Рима, точной «модели западного мира», полна экспроприациями (у них проскрипциями), которые, как правило, горячо и бурно поддерживал весь римский народ (получая долю в виде вознаграждений или массовых раздач), в принципе ничто не мешает и России последовать этим урокам Запада. Даже в Афинах две с половиной тысячи лет тому назад государство и архонты могли, не выходя за рамки законности, брать на нужды народа значительную часть имущества и богатств у богатей – чтобы в той или иной форме

использовать на общенациональные цели. Рим частенько прибегал к конфискации имущества и земель богатых землевладельцев и царей там, где устанавливалась его власть. И делалось это на вполне законном основании. Вы почти не найдете императора, что не следовало бы этому «золотому правилу» Рима. У римлян в порядке вещей, как писал Аппиан, было еще и другое правило – «оставлять трупы тиранов без погребения за пределами отечества», распродавать «их имущество», а также предавать бесчестию память о них. Народы России не потерпят столь несправедливого распределения богатств. Об этом следует помнить и нашим вождям.

Н. Ге. Распятие. 1892 г.

В-четвертых, несмотря на критическое отношение к древнему строю, в нем есть и позитивные элементы. Мы говорим о римлянах, их вождях как о могучем народе, достойном уважения. Император Траян в «Слове о полку Игореве» изображен как лицо реальное. Хотя многие не отдавали себе отчета в личности Траяна, но память о нем, видимо,

сохранялась в устных и книжных преданиях. «Века Траяна» вспоминаются как время славы и могущества, и автор предлагал идти по «тропе Траяна», то есть совершать славные подвиги «в духе Траяна». Проблемы приходится решать способами, не очень отличными от прошлого: где-то мы римляне, а где-то по-прежнему варвары... Гейне, который вначале не жаловал латынь и римскую культуру, но потом понял ошибку и, наверстывая упущенное, стал читать Саллюстия и Вергилия, как-то сказал: «Кто знает, в теле какого портного находится душа Платона; в теле какого школьного учителя – душа Цезаря? Кто знает! Может быть, душа Пифагора находится сейчас в теле бедного ученика, который провалился на экзамене потому, что не смог доказать теорему Пифагора!..» Русские, конечно, не исключение: у греков и византийцев они взяли государственность, символы, культуру, у евреев – их бога, у татаро-монгол – слова и армейскую выучку, у римлян – образ империи (Третий Рим). Все это и ляжет проекцией на уникальную и неповторимую русскую Личность.

У колонны Траяна в Риме

Иные принципы управления страной российские государи все же могли бы перенять у Рима. Следует взять себе за правило поступать так, как поступали во времена ранней Республики, то есть заботиться больше о пользе государства и всеобщей пользе. Поэт Луцилий во II в. до н. э. заметил так: «Сосредоточивать мысль всегда на пользе отчизны. После – на пользе родных, а потом уж на собственной пользе». У нас чаще действует обратная схема. Увы, это так. Надо найти волевых, умных, решительных, честных мужей, которые откликались бы на нужды народа. Верен и тезис Цицерона: при исполнении государственной задачи и обязанностей «самое главное – избежать даже малейшего подозрения в алчности». В народных собраниях, будь то Афины, Рим или Новгород, конечно, была заключена сила и мудрость. Благодаря собраниям «все мы участвуем в мудрости» (или же в глупости, похожей на фарс). Философ Плотин говорил о древних «думах» так: «Некоторое подобие этого отношения (многих к единой мудрости) представляют народные собрания и всякие совещания, на которых все присутствующие всегда одно лишь имеют в виду – прийти к одному мудрому решению: тут каждый в отдельности как будто не способен мудрствовать, а, собравшись вместе и соединившись в рассуждения об одном и том же, все порождают или, точнее, находят одну для всех мудрость (т. е. одно всем являющееся, как самое мудрое, решение). Да и что, в самом деле, могло бы разделять друг от друга умы так, чтобы они не объединялись в одном и том же (всеобъемлющем) уме?» Интересы, Плотин, интересы. Разве мы не видим, как сотни полных апломба, гордыни и часто абсолютно невежественных политиков, движимые корыстью и алчностью, предлагают себя в правители. Фарс назвали «демократией». Вся машина нынешней «демократии» (в условиях чудовищного давления на избирателей власти, денег и средств информации) это сплошная фикция. Выигрывает не тот, кто голосует, а тот, кто составляет списки и подсчитывает наши голоса.

Эти телевизионные дуэли выполняют ту же роль, что и гладиаторские бои или схватки зверей на арене римского цирка. Кто стал «победителем», кто потерпел «поражение», абсолютно несущественно с точки зрения интересов России или ее народа! Ведь это зрелище напоминает цирковые сцены в Риме, когда толпа

наблюдала, как на потребу высшей власти сражались насмерть представители разных племен и народов, покоренных языческим Римом. Впрочем, сравнение несколько неточно. Сегодняшние «гладиаторы» бьются не за жизнь, а за деньги.

Подобно Стратоклу и Дромоклиду, они рассматривают политическую карьеру как источник обогащения и наживы. Афинский демагог Стратокл (невежда, но себе на уме) создал политический капитал. Им он торговал столь успешно, что даже присвоил себе право говорить от имени народа как выразитель его воли. О его истинном отношении к народу лучше скажет анекдот. Когда жившая в доме Стратокла гетера как-то раз принесла с рынка бараньи мозги и шеи, политикан, любивший иногда еще и пошутить, сказал ей: «Э, женщина, да ты купила такие вещи, которыми мы – люди политики – играем, как мячами». Эти господа в думе всегда держат нос по ветру... Ради денег и власти они сменяют не только партию, гражданство и государство, но если надо – и половую принадлежность. Трибуна парламента стала для многих из них золотой жатвой. Многие лишь на словах защищают народ, с циничной усмешкой говоря: не прошло и ста десяти лет, как предложен закон о вымогательстве, а воз и ныне там. Почему? Потому что коррупция – зачастую удел первых граждан и людей, стоящих у кормила государства.

Почему бы слугам народа, нашим правителям, власть имущим не последовать примеру народного трибуна Ливия Друза. Тот жил у всех на виду, так что в его дом могли свободно заглядывать, заходя соседи. Когда же строитель предложил за 5 талантов возвести стены, чтобы скрыть его жизнь от глаз народа, трибун ответил: «Возьми 10 – и сделай весь мой дом прозрачным, чтобы все граждане видели мою каждодневную жизнь!» Наши ж господа отгораживаются от своего народа высоченными стенами, овчарками, охранниками и т. д. Осталось только возвести настоящие укрепленные линии, с дотами, дзотами, пушками, танками. Так кто будет отстаивать интересы простого и нищего народа? Уж не они ли?! Даже в императорском рабовладельческом Риме трибуном мог стать плебей. У нас в сенате и думе, похоже, заседают одни лишь «патриции», хотя люди приличные есть и там.

В-пятых, как когда-то в эпоху панэллинизма и Римской империи, в мире идут очень сложные и противоречивые процессы. С одной

стороны видим – борьбу, противоборство, уничтожение и распад, с другой – синтез, проникновение наук, сотрудничество экономик и культур. В древнем мире грек мог стать персом, египтянином или квириком; еврей – вавилонянином, римлянином и греком, римлянин – греком. Процессы смешения, интеграции и глобализации ныне идут темпами, которые и не снились Александру Великому, Цезарю, Киру. Процессы носят объективный характер, но было бы легкомысленно и опасно их ускорять. Плод должен созреть, прежде чем вкушать его. Так же обстоит дело с народами, что находятся в начале пути интеграции (в Европе, Азии, Америке, Африке). И России самой судьбой, великим наследием суждено взрастить бесценный плод. Но не всякое смешение полезно и целебно для государственного организма, как не всякая интеграция приводит к прогрессу. Мешая кровь, порой себе готовим гибель.

Поэтому представляется необходимым шире взглянуть на картину эволюции, которая рисуется иными историками и писателями. Империя – это всегда в той или иной мере содружество народов. Если содружество крепнет из года в год, то эта империя (какой была когда-то Россия) или республика (каким был СССР) становятся сильнее и устойчивее. Если же их противоречия и разногласия, что зачастую неизбежны в многоэтнических, и тем более многоконфессиональных государственных конфигурациях, перевешивают на чаше весов, они, обостряясь все больше и больше, ведут сначала к постепенному ослаблению естественных уз, а затем в каркасе появляются трещины. Те расширяются и, если давление на стены и опорные колонны государственного строения недопустимо усилилось, всё здание в конечном счете рушится. Что произошло с Римской империей? Рим видел, что обойтись без помощи иностранцев он уже не может. Некому было строить, некому было возделывать поля, некому было даже и охранять границы империи. Это же самое видим в иных странах Европы и Америки, а теперь уже и в России – в той же Москве, или на просторах Сибири – где многие специальности россияне не хотят замещать, считая такого рода рабский труд непривлекательным, непрестижным. Мудрено ли, что наша Москва, подобно Риму, притягивает к себе отверженных!

О. Дикс. Золотая жизнь

Чаадаев писал Шеллингу: идеология Запада грозит России бедой. Философия, низвергнуть с престола которую тот пожелал, явившись в Берлин, в дальнейшем проникла к нам, в Россию. Увы, тут происходят вещи, частенько случающиеся с незрелыми умами, особенно у представителей нашей столичной интеллигенции. Соединившись у нас с ходовыми идеями и вступив в союз с господствующим в России в настоящее время духом, мысли Запада грозят «окончательно извратить наше национальное чувство, то есть скрытое в глубине сердца каждого народа начало, составляющее его совесть, тот способ, которым он воспринимает себя и ведет себя на путях, предначертанных ему в общем распорядке мира». Образно выразил это противостояние двух цивилизаций, сытой – Запада и бедной (лишь в материально-финансовом отношении) – цивилизации Востока, поэт А. Майков:

«Что может миру дать Восток?
Гольш, – а о насущном хлебе
С презреньем умствует пророк,
Душой витающий на небе!..»

Так гордый римлянин судил
И – пал пред рубищем Мессии...
Не то же ль искони твердил

И гордый Запад о России?

Она же верует, что несть
Спасенья в пурпуре и злате,
И в тех немногих, в коих есть
Еще остаток благодати...

Помните древнюю историю... Идеолог праздных толп философ Протей достиг небывалой популярности у аудитории. И вот, пожелав ошеломить и несказанно удивить ее, он публично пообещал сжечь себя в Олимпии, думал, что толпа или его ученики в последний момент удержат его от гибели. Глупец. Раззадоренная толпа не захотела лишиться столь яркого, небывалого зрелища – и потребовала, чтобы он взошел на костер. Кумир толпы вынужден был выполнить ее волю. Он горел под овации тысяч зевак. Также и сегодня... Но дикость и воинственность наблюдается уже не у диких народов, а в поведении «цивилизованных» держав.

Американский авианосец

Мир стал информированнее, но нисколько не гуманнее. США и пятая колонна в России не раздумывая прикажут распять Россию, как иудеи – Христа; вовлекут народы в горнило мировой бойни. Сегодня у иных в Америке возникло желание вернуть Россию в эпоху Горбачева и Ельцина: когда Запад с легкостью мог выкручивать ей руки.

Руководя ее политикой из-за рубежа, *civitas sine jure* (не имея на то законного права), лелея предателей, нам плевали в лицо! Таково ли наше место в «распорядке мира»?!

Однако слишком много на Западе, да и у нас тех, кто навсегда остался в диком прошлом (коммунистическом или капиталистическом). Они не видят (в упор не желают замечать) пробуждающейся Народной России. Иногда кажется, что мы все еще живем в XX в. или даже в XIX–XVII вв., когда А. Хомяков в статье «Мнение иностранцев о России» возмущенно заявлял: «И сколько во всем этом вздора, сколько невежества! Какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба» (1845). К славянам Европа испытывала не только презрение, как к нецивилизованным народам, но еще и ненависть, твердо считая, что прививка России европейской цивилизации должна осуществляться или огнем и мечом, или экономической экспансией. Можно было бы сказать, что тут ничего не поделаешь, тут больная традиция и, как выражался Н. Я. Данилевский, некий «исторический инстинкт».

Ф. А. Бруни. Всемирный потоп. Русский музей

Так что же нам вновь и вновь вспоминать слова И. С. Аксакова, сказанные им в 1861 г. в газете «День»: «Пора догадаться, что

благосклонности Запада мы (для себя) никакою угодливостью не купим, пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запада к Славянскому православному миру происходит от иных, глубоко скрытых причин; эти причины – анатагонизм противоположных просветительных начал и (лютая) зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность». Но, друзья мои, дикие, слепые, полные ненависти инстинкты прошлого пора бы уже отбросить. Будущность у нас одна! Ведь и Рим внешне преклонялся перед Элладой, хотя сочетал это с полным презрением третированием эллинства в целом. Мы не просим вашей любви – хотя бы каплю разума! В последнее время у части европейских политиков заметны и здравые тенденции, что позволяет видеть в них робких учеников софиста Протагора. Тот был убежден – в самосохранении заинтересованы все. Секрет мира и выживания человечества он видел в том, что все страны должны трудиться на общее благо.

Скифы

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!
Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!
Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый
галльский смысл,
И сумрачный германский гений...
Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – старый меч

в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!
А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будут проклинять
Больное позднее потомство!
Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!..
В последний раз – опомнись,
старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый
братский пир
Сзывает варварская лира!

А. Блок

Вряд ли господа мира прислушаются к звукам лиры... Они знают и понимают (так было и, видимо, будет и впредь) лишь один голос – силы! Запад вскормлен античной историей и философией, разве не так? Ну так прочтите и запомните слова Платона, в основе верные, но которые практически никогда и никем ныне не приводятся: «Но сама природа, я думаю, провозглашает, что это справедливо – когда лучший выше худшего и сильный выше слабого. Что это так, видно во всем и повсюду и у животных, и у людей, – если взглянуть на города и народы в целом, – видно, что признак справедливости таков: сильный повелевает слабым и стоит выше слабого. По какому праву Ксеркс двинулся походом на Грецию, а его отец – на скифов? (Таких примеров можно привести без числа!) Подобные люди, думаю я, действуют в согласии с самою природою права и – клянусь Зевсом! – в согласии с законом самой природы, хотя он может и не совпадать с тем законом, какой устанавливаем мы и по какому стараемся вылепить самых лучших и решительных среди нас. Мы берем их в детстве, словно львят, и приручаем заклинаньями и ворожбою, внушая, что все

должны быть равны и что это прекрасно и справедливо... Но если появится человек, достаточно одаренный природою, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство, и все противные природе законы, и, воспрянув, явится перед нами владыкою, бывший наш раб, – вот тогда-то и просияет справедливость природы!» По какому такому праву на Русь хлынули татаро-монголы, шли поляки и литовцы, двинулся Наполеон, вломился Гитлер, ринулись страны Антанты и японцы? По какому праву Америка терзала Вьетнам и Корею, насильовала Сербию, убивает и оккупирует Ирак и мечтает о войне с Ираном (и это при всеобщей болтовне о демократии, свободе и правах человека)? По какому праву вмешалась в события в России (поставив у кормила власти ее «рабов»: Горбачева, Яковлева, Ельцина, Гайдара, Бурбулиса, Чубайса)? По праву сильного! Это надо помнить всем! Да и вообще человечество воюет испокон веков. По последним оценкам ученых, за 5,5 тысячи лет «цивилизации» только от войн погибло 3,5 миллиарда человек.

США оккупируют Ира

В-шестых, многое зависит от качества элит. В Спарте и в Афинах правящий класс в ходе войн и вечных раздоров становился все более обескровленным. Египет забыл свою историю – и стал жертвой персов, евреев, арабов, англичан. Жертвы трудно восполнить, если ушла значительная часть самого культурного, умного и мужественного слоя нации. В Спарте уничтожение отряда даже в 400 спартанцев стало национальной трагедией. Что уж тут говорить о России, где под нож пустили целые поколения на протяжении полувека. Дорийцы могли бы расширить воспроизводство населения, допустив браки с другими народами. Но они были гордо-щепетильны в отношении чистоты крови, не приемля варвара. Европейцы и американцы расширили пределы – и теперь с ужасом ждут финального итога.

Как выглядим мы на фоне соревнования и жесткой конкуренции элит? Геродот, отец истории, некогда так и не смог найти по сю сторону Понта другого народа, мудростью столь же известного, как и иного мужа, отличившегося ученостью и знаменитого, «кроме народа скифского и царя Анахарсиса». Сей народ, писал Геродот, «одно важнейшее из человеческих дел придумал мудрее всех народов, какие мы знаем, после чего прочему я уже не удивляюсь». Это «важнейшее их изобретение в том, что никто напавший на них не может уже спастись и никто не может уловить их, если сами они не захотят быть настигнутыми». Ведь у скифов каждый носит свой дом с собой. Но что мы, русские, представляем собой ныне? У нас есть не только варварская лира, но и варварский меч. Правда, навсегда в прошлое ушли времена тех диких скифов, что, по словам Геродота, убив врага в первый раз, обязательно должны были испить его крови. Они отрезали головы, сдирали с них кожу, подвешивали её к уздечкам своих лошадей или из этих кож приготавливали себе плащи, сшивая куски, как они сшивали куски кожи козла... Эти племена некогда наводили священный ужас и трепет на древних евреев... Повторяю, те времена ушли – и безвозвратно. К тому же мы все же не скифы, а русские. Но не надо делать из нас и козлов отпущения! Не надо думать, что этот дикий пламень не вспыхнет вновь, если вы будете и впредь унижать Россию и ее народы.

Правда, казалось, наше время просвещеннее и культурнее древности. Некогда В. Иванов считал, разделяя мнение гуманистов,

что «греко-латинская древность, будучи идеальным типом всесторонней и внутренне законченной в своем кругу образованности, упреждает и предопределяет в простых и совершенных формах многочисленные явления современности...» Можно ли это сказать о России?

Возможно, эти слова были бы и справедливы в отношении старой российской интеллигенции. Ведь об этих людях еще В. Белинский некогда писал (1841): «Превосходство греков над всеми другими народами древности состоит в том, что у них всё свое, всё народное, частное, семейное, домашнее, было ознаменовано печатью необходимости и разумности, отличалось характером общечеловеческим. Удивительно ли после этого, что мы имеем Тезеев, Солонов, Кодров, Леонидов, Мильтиадов, Фемистоклов, Аристидов, Кимонов, Периклов, Алкивиадов, Тимолеонов, Сократов, Платонов узнаем в нашем детстве прежде, нежели имена героев отечественной истории; что все образованные народы считают Грецию как бы своим общим отечеством? Как ни отделены мы от греков и нравами, и условиями жизни, и образом воззрения на мир, и веками, словом, как ни противоположна наша жизнь греческой, мы всё понимаем в истории Греции так же ясно, как в истории своего отечества, – и каждый образованный человек времени легко может представить себя, в своей фантазии, под небом Эллады, слушающего на площади ораторов или внимающего, в садах академии, мудрым урокам божественного Платона».

М. И. Ростовцев. 1947 г.

Не мудрено, что в рядах нашей интеллигенции появлялись такие люди, как М. Ростовцев, Вяч. Иванов, А. Блок, В. Брюсов, Ф. Зелинский, А. Лосев, В. Асмус, «законодатель прекрасного» (*arbiter elegantiarum*). Они – дети и внуки Эллады и Рима. Когда Ростовцев ехал в первую летнюю заграничную командировку, путь его пролегал через Константинополь, острова Эгейского моря, через Грецию и Вену и заканчивался в Италии – в Риме и в Помпеях. Там он побывал вместе с Вяч. Ивановым. В память об этой поездке Ростовцев подарил ему брошюру. Вячеслав Иванов жил в Афинах и в вечном Риме, исколесил Палестину, посетил Назарет, Тивериаду, Капернаум. Дружба этих знатоков античности продлилась много лет. И поэт посвятил М. Ростовцеву стихотворение в сборнике «Нежная тайна» (1912 г.). Продолжат они свои встречи и в Петербурге и тогда, когда М. Ростовцев уже станет профессором, а Вяч. Иванов, уйдя от проблем социально-экономической истории Рима, весь окунется в мир поэзии, эллинской культуры.

Хотя, по его словам, ему давалось трудно «обращение к эллинской древности», он не только вскоре станет вождем того направления в

поэзии, которое называли «российским александризмом», но удивительнейшим образом сумеет соединить поэзию с ученостью. В. Иванов «писал стилем Эвфориона и Ликофрона» (Ф. Ф. Зелинский). Он даже работу по налогам написал по-латыни и готовил некоторое время диссертацию о публиканах, также написанную им по-латыни. О Иванове Лосев сказал: «Данте 20-го века. Ученый, поэт, такой, что Пушкину не снилось». В своих «Римских сонетах» Вячеслав Иванов называет Рим «родным домом»:

Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним
«Ave, Roma»
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим...

Стоит внимательнее вчитаться в строки блестящего русского историка М. И. Ростовцева, которые, как нам представляется, в немалой степени можно отнести к нынешней России (под властью «нового Рима»). Тот попытался представить в тексте, чтоо́ принесла гражданская война для отдельных частей римской мировой державы, в том числе и для Эллады. «Я уже не раз говорил о том, что пришлось вынести Элладе и эллинскому Востоку в эпоху гражданских войн. Митридат, Сулла, Фимбрия, затем Помпей, Цезарь, Брут и Кассий, Антоний и, наконец, Октавиан смотрели на Восток исключительно как на средство для достижения своих политических целей, используя его до конца при помощи самых крайних мер насилия и принуждения. Никто из них не думал о будущем, для всех нужно было получить немедленно все нужное для войны и притом в кратчайший срок.

Результатом было, конечно, материальное разорение целых государств, областей, городов, безмерное обнищание частных лиц. Исчез капитал, исчезла охота работать над своим материальным благосостоянием. В центрах торговой и промышленной жизни, даже тех, которые особенно поднялись в эпоху римского владычества, на Делосе, Родосе, в Афинах жизнь замерла, и рынки опустели. Еще печальнее было моральное состояние. Греческая свобода и гражданственность были разбиты, надежда на какое бы то ни было

возрождение подорвана в корне, никто не был уверен даже в том, сохранит ли он, по крайней мере, личную свободу и не застанет ли его завтрашний день на рабском рынке в качестве объекта продажи. Вся творческая жизнь эллинизма замерла, и замерла надолго. Созидательные силы, казалось, были исчерпаны. Не было такого периода в истории эллинской культуры и государственности, когда бы так глубоко опустился уровень греческого созидания. Литература, философия, наука жили почти исключительно старым накопленным богатством. Последние великие творцы, как Посидоний, доживали свой век, новых не появлялось».

Разве под этими строками сегодня не подпишется большая часть представителей российской науки, образования, литературы, культуры? Властители последних лет вели настоящую войну против науки и образования. Ранее убивали голодом и пулей, сегодня – нищетой или невольной эмиграцией. Увы, часто не подлинные ученые и не великие мужи культуры определяют сегодня ход вещей в нынешней России.

Амфитеатр в Эль Джеме. Тунис

Конечно, я не думаю, что ныне кого-то наверху или внизу можно сделать послушнее «одним даже словом». По крайней мере, за те 300 000 лет, что минули с тех пор как впервые заговорил человек, это никому не удалось... К чему фантазировать, что власть последует «правилу Мухаммада»: «Худший из мудрецов посещает правителей,

лучший из правителей посещает мудрецов». Ей не нужны мудрецы. Но мы не разделяем и взглядов Эзопа, утверждавшего, что с царями вовсе не следует разговаривать, или уж надо так расстараться, чтобы сообщать им только приятное. Нам все же ближе позиция Солона, что сказал Эзопу: «Я думаю, что с царями или не стоит совсем разговаривать, или надо говорить им чистую правду...» Но где же во власти люди масштаба Эпикура, равнодушного к вещам и деньгам, где личности типа Гераклита, что отказался от царского сана в угоду философии и наукам, где властители, раздавшие родовое добро (подобно Анаксагору), где же Демокриты, предпочитавшие занятия наукой, мудростью и философией трудам на биржах или на рынке недвижимости? Перед революцией Игорь Северянин писал: «Все – Пушкины, все – Гёте, все – Шекспир. Направо, влево, сзади, впереди» (1909). Где они? Что же удивляться, если благородные идеалы науки, литературы, культуры вытеснены из жизни и памяти поколений.

Искушение дьяволом демократии

На смену гигантам науки и культуры пришли пигмеи, воры, шуты массовой культуры, не брезгающие тридцатью сребрениками. Подобно древнегреческому философу-софисту Биону (отец его был торговец рыбой, а мать – гетерой), они сделали из своих занятий политикой и наукой чистый бизнес. Бцион хвастался, что он первым нарядил философию «в пёстрое платье гетеры». Но Бцион хотя и возлюбил более всего на свете самого себя и богатство (считая, что «богатство есть движущая сила каждого дела»), так он, по крайней мере, хотя бы не боялся говорить правду. В грубых простонародных выражениях и бранными словами он дерзко осыпал всех богатых, могущественных, но подлых и алчных граждан.

«Все искусство древности посвящено Памяти, – писал певец Эллады Вячеслав Иванов. – Так как древность творила и пророчествовала в лимбе Памяти, ее создания проникнуты почти непостижимой для нас гармонией». Всё или почти всё искусство современной России посвящено Забвению. Цель праздной толпы масскультуры – заставить своими плоскими шутками и бульварщиной забыть те великие, героические, полные труда и отваги годы, которые еще помнит XX век. Непостижимый цинизм. Эти «умничающие пифии» в ряде программ ТВ России напоминают мне корыстолюбивых жрецов, что некогда своими речами завлекли народ в Харонову пропасть, а теперь делают вид, что вовсе и не они виноваты в том, что люди России 15 лет должны дышать ядовитыми испарениями дикого и безумного капитализма, или мрут сотнями тысяч. Проходимцы и патентованные лжецы ловко жонглируют словечком «свобода»... Подобно проститутке, готовы они выцарапать глаза всем, кто покусится на право торговли информационным наркотиком. Что они могут сказать! Рыба и та красноречивее их. В диалектике они уравнивали ложь с истиной, в этике – подлое и безнравственное представили нравственным, в политике – мерзавцев и воров сделали героями, почти святыми, призвав себе на помощь богиню обмана, чтобы ввести людей в за-блуждение.

Изображенье там было всего,
что смертных прельщало:
Все воровское лукавство,
лести искусной беседы,

Хитрости и обманы, возможные
при коварстве,
Также и лживые речи, что ветер
по воздуху носит!

Слушая этих господ, невольно вспомнились слова Розанова, обращенные им к Мережковскому. Тот в гневе обрушился в статье на авторов «Вех». А Розанов в ответ описал эту ерничающую циничную псевдоинтеллигенцию, которая говорит, «лепит собственные слова, выходящие из вялой полуумершей души». Их вялая, полуумершая душа может показаться иным горящею необыкновенным ярким и благородным пламенем. Кто же в душном зале разберет, что это «горит чужое сравнение, что около него стоит бледный и бессильный человек». Таковы были и есть эти люди. В отношении «демократической интеллигенции» конца XX в. и начала XXI в., пожалуй, можно сказать: «Над черствой бесчувственностью ее и черным бесстыдством ее можно было бы поставить крест». Ведь их «вехи» так никогда и не появятся, ибо они бесплодны, отдав себя в услужение олигархам.

А. Альтдорфер. Коронование терновым венцом. 1512—1513 гг.

Но для чего они так делают? Цели их понятны. Превратить наш народ в тех манкуртов, что теряют разум и ничего не помнят... Вся политика государства в последние годы и направлена на то, чтобы вновь ввергнуть нас в варварство. Но тот же Вяч. Иванов писал, что будь варвары даже гениальнонеобузданными личностями или даже очень искушенными в совопросничестве Анахарсисами, вернувшимися в Скифию учить юношество хитростям эллинским, итогом их трудов станет забвение памяти и историческая смерть народа – «не будут знать сами, кто они и откуда и зачем пришли (по слову Брюсова: «не знаю сам какая, но все ж я миру весть»)), – тогда как в латинстве каждый деятель умственной жизни знает свое историческое место и готовою носит свою «формулу». Тем более что и народ сегодня более чем когда-либо подвержен болезням, стрессам, психозу, заблуждениям, порокам, примитивизму, регрессу. Нечто схожее имело место и в Древней Греции во время Пелопоннесской войны и в период катастроф, которые пришлось пережить грекам.

Тогда их народ перестал верить, надеяться на старых богов, на своих вождей, на интеллектуалов, – и погрузился в магию, шаманство, дикости, примитивизм. Он предался иррациональному или сугубо рациональным утехам и удовольствиям. Английский филолог-классик Э. Доддс писал об этой трагедии: «Первые знаки подобного регресса появились во время Пелопоннесской войны, и они были, несомненно, хотя бы частично вызваны этой войной. Находясь во власти стрессов, стимулированных войной, люди начали отходить от слишком высоких для них культурных образцов Периклова века; в механизме появились сбои, и сквозь образовавшиеся трещины то там, то тут стали проникать элементы примитивизма. Когда же эти элементы вошли в силу, уже не оказалось никакого эффективного контроля за их ростом. Так как интеллектуалы все дальше уходили в свой собственный мир, народное сознание становилось все более беззащитным, хотя нужно сказать, что в течение еще нескольких поколений комические поэты продолжали делать все возможное, чтобы этого не произошло. Ослабление тисков гражданской религии располагало людей людей к избранию для себя собственных богов, вместо того чтобы просто поклоняться богам традиционным, все больше простых людей с облегчением возвращалось к примитивным удовольствиям и утехам».

С. Иванов. Христианство и язычество

Нечто похожее, но в гораздо более страшных масштабах, произошло в России. Ведь гражданской религии (таковой в наших условиях является патриотизм) не стало. Правда, если у греков были комические поэты, напоминавшие народу о великом прошлом, то у нас была великая литература, выполнявшая эту миссию. Сегодня это сделать труднее, чем 2500 лет назад. У греков была «великая чума», защиты от которой не было. В России «чумой» стала псевдокультура пошлости. На юбилейную выставку книгопечатания в Париж не взяли ни одного русского писателя. В культуре России сегодня всем заправляют «дети Франкенштейна» (Швыдкой, Сорокин, Иксанов). Конечно, во все времена в литературе, искусстве и культуре были экскременты. Место гомосексуалистов, бездарностей, воров не во главе государственных учреждений, а в тюрьмах, борделях для извращенцев.

Искусство, презирующее героизм, отбрасывающее высокие и светлые образы, снижающее и оглупляющее людей, подрывает саму основу будущности нации. Его упадок и закат, а затем и полнейший крах – вопрос времени. Там, где царит вопиющая и наглая роскошь на фоне лохмотьев, голода и нищеты, воцаряются чудовищная несправедливость и беспредел. Если жители Спарты отличались все же физическим здоровьем и добрыми гражданскими нравами, то персидские сатрапы с их немыслимой роскошью были в конечном итоге наголову разбиты теми же греками, жившими гораздо более умеренно и строго (хотя бы вначале). Эти исторические примеры не мешают вызубрить нынешним правителям. Строя завтрашний миропорядок, не забывайте о прошлом. Ибо «то, что мы сегодня подкрепляем примерами, также когда-нибудь станет примером» (Тацит).

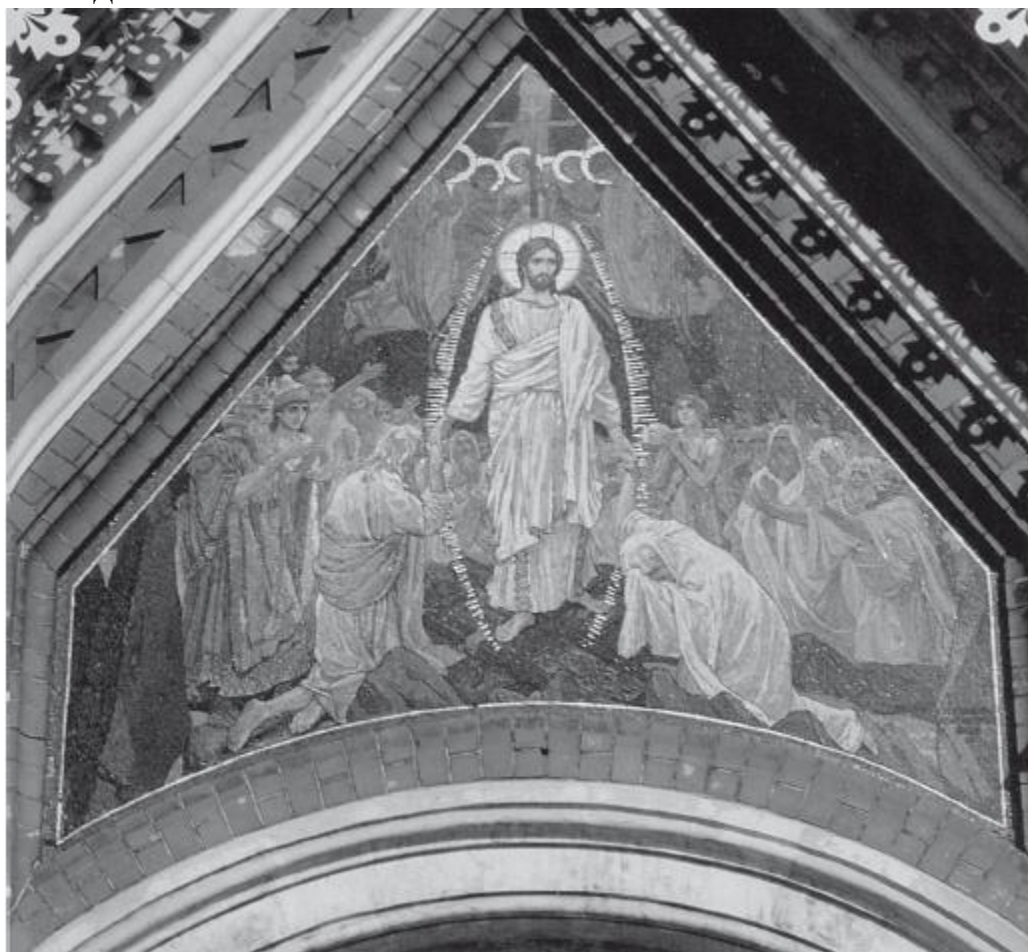
В-седьмых, грядущие судьбы мира открыты лишь посвященным. Всё то, чему поклоняются ныне современные богатейшие пресыщенные цивилизации, может случиться, в будущем станет прахом. Сказано же в пророчестве Книги Даниила о некоем «ветре» (духе) истории, что унес железо, глину, медь, серебро, золото – символы прежних тираний, «и следа не осталось от них» (Дан. 2, 35). Возможно, в чем-то правы те российские мыслители, что ныне пессимистично оценивают шансы данной цивилизации на выживание:

«Получается, что абсолютно ничего из созданного, приобретенного, «наработанного» всемирными тираниями – от Вавилона до наших дней – в вопросах устройства общественной жизни не может быть использовано для Царства Божьего; все это обречено на исчезновение, и возводить Царство необходимо с того самого начала – Слова Божьего, о котором сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога» (Иоан. 1, 1). Начинать надо с великого духовного импульса, заключенного в Писании – и по самой своей сути не совместимого с ухищрениями человеческой хищности и алчности: «Не можете служить Богу и маммоне» (Матф. 6, 24). Правда Даниил считал, что прекрасное будущее Царство воздвигнет не человек, а сам Бог посредством посылаемого нам импульса. Увы, Бог безмолвствует, или же «импульсы», которые он посылает людям, по каким-то причинам не доходят, или же те, кто является наместниками Бога на земле, говорят словами Тартюфа:

Да, нам запрещены иные из усад,
Но люди умные, когда они хотят,
Всегда сталкиваются и с промыслом
небесным...

И с небесным, и с земным... Поэтому всегда ставьте на первое место Человека, а не Бога. Только так вы и исполните Его волю. Учитесь у римлян и греков... Марк Аврелий писал, что боги «устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или нет в истинное зло». Они почитали богов, но относились к ним сдержанно. Даже устраивая празднества в их честь, они четко указывали им место... Великий греческий историк Полибий вообще полагал, что если бы государство состояло из одних лишь мудрецов, не было бы и нужды в религии. Но есть масса людей, которые не имеют ни ума, ни внутренних опор для того, чтобы самостоятельно справляться с бедами жизни и сомнениями. Они во всем видят происки судьбы или злых божеств. Он писал: «Те люди, которые по природной ли ограниченности, или по невежеству, или, наконец, по легкомыслию не в силах постигнуть в каком-либо событии всех случайностей, причин и отношений, почитают богов и судьбу виновниками того, что

достигнуто проницательностью, расчетом и предусмотрительностью». Полибий с презрением писал о тех историках, которые «будучи не в состоянии привести свое повествование к развязке, вводят богов и божеских сыновей в рассказ о действительных событиях». Он решительно требовал от ученых, как и вообще от всех умных и просвещенных людей: «Необходимо изобличать и осмеивать привнесение в историю сновидений и чудес». Осуждает он и многочисленные сообщения о чудесах, якобы, случившихся в храмах. Все они служат одной цели – завлечь в храмы как можно больше поклонников и религиозных жертв. Точно так же увлекают толпы зрителей и любопытствующих зевак в театры и цирки. Иероним говорил, что когда Пифагор сходил в аид (царство смерти), он видел там, как за рассказы о богах душа Гесиода стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера повешена на дереве среди змей. Богам до нас нет дела!

Сошествие в ад. Фасад церкви «Спас-на-крови». Петербург

Вспоминается и замечательный древнеегипетский «Разговор разочарованного с душой» (папирус с 155 строками хранится в Берлинском музее). В диалоге некоего неудачника с душой душа советует ему не думать о погребении – это и печально и бесцельно. К тому же, оттуда все равно нет возврата, чтобы увидеть солнце. Все заботы о поминальном культе (самые усердные и расточительные) не достигают и не достигнут цели. И даже богачи и цари не имеют преимуществ перед одинокими и нищими, умершими от усталости на берегу, погибшими от жары, утонувшими или же умершими по какой-либо иной причине. Жизнь есть благо, поэтому лучше и разумнее жить в свое удовольствие. Жить хотят все – нищий, бедняк, богач. Правда, страдалец, доведенный житейскими невзгодами до отчаяния, упорствует: он доказывает душе, что если на земле и нет правды и милости, если приходится задыхаться в атмосфере зла и насилия, то есть и иной мир, где царят боги и правда. Однако мы не можем, как делается в указанной египетской «Книге Иова» (так ее называют), вводить читателя в заблуждение. Также вели себя и греки, которые хотя и приносили дары в их святилища и к оракулам, но вели себя в отношении богов скорее дружески, нежели рабски.

Полагаю, прав Э. Мейер, говоря, что греки так и не позволили религии заковать мысль и чувство в тяжкие оковы теологического рабства. Символом победы над религией стало фиаско Дельфийского оракула в освободительной войне греков (тот, как известно, не раз предсказывал победу противнику, хотя и уклончиво). Война греков за свободу против персов будет означать «безусловную победу обращенного к посюстороннему свободного эллинского духа, даровавшего нам те культурные сокровища, которыми мы живем до сих пор». Таким образом, уже в силу внутреннего склада эллинов церкви и богословия «не суждено было господствовать над эллинским государством» (Э. Мейер). И это закономерно.

Более того, если мы посмотрим на греческих богов, то увидим, что пользы от них мало. Чем занимаются они у себя на Олимпе? Они мыслят только о склоках, еде и женщинах. У Лукиана боги всё время требуют нектара и раздач: «Раздачи, раздачи! Где же нектар, где же нектар? Амброзии мало, амброзии мало! Где гекатомбы, где гекатомбы? Жертвы для всех!» («Зевс трагический»). Они ведут жизнь

созерцательную. Не похоже, что боги (как уверял нас Платон) стоят и на службе мира. На службе своего желудка и своей пресыщенной плоти стоят они. Гермес уже в детстве понял: «Лучше все время жить с бессмертными богатой, роскошной, разнообразной жизнью, чем прозябать дома в темном логовище!» Боги обожают дары людей и не могут без них существовать. Лишите их пищи – и они погибнут, а с ними возможно – порождаемые ими заблуждения, пороки, глупости людские.

Зевс Олимпийский

Владыка Олимпа Зевс был лживым богом. Он обманывал всех и вся: вполне обдуманно ввел в заблуждение Агамемнона, сообщая ему ложные сведения. Его лживость отмечал еще Клемент Александрийский, воскликнув: «Этот Зевс прорицатель, покровитель гостей и просителей, снисходительный, дающий ответы на все вопросы, карающий злодеяния», имеет и другую его личину: «несправедливый, преступный, не признающий законов, нечестивый, жестокий, неистовый, соблазнитель, нарушающий супружескую верность, натура пылких страстей». И тем не менее Зевс является, как ныне говорят, «культовым героем» античной истории. Скульптором

Фидием ему была посвящена колоссальная статуя (12,4 м) в храме Зевса в Олимпии. Это произведение даже причислялось к семи чудесам света. Известно до 60 упоминаний статуи античными авторами, которые, оценивая мастерство скульптора, отмечали божественное величие и самой статуи. Сама статуя не сохранилась, сгорев либо в самом храме Зевса, когда по приказу императора Феодосия II языческие храмы предавались огню (426 г.), либо, по другим данным, во время пожара в Константинополе (476 г.).

Правды от богов не дождешься – вот тот главный вывод, который мы делаем на основании изучения поведения и поступков олимпийцев. И герои «Илиады» замечают, что бог-отец силен только в словах, которыми он обманывает людей. Один из смертных, некий троянец, в ярости кричит ему: «Зевс Олимпийский... явный лжелюбец!» («Илиада», XII, 164). Правда, Платон, вроде бы, не приемлет образ божественного лжеца, говоря: «нет причины, чтобы бог был лжецом». Но причина для лжи найдется всегда. Особенно если ты в действительности ничего не можешь сделать, и вынужден кормить людей иллюзиями и пустыми речами.

Боги греков и римлян завистливы, они не любят талантливых, удачливых ярких людей. Вспомним, как Солон говорит у Геродота: «всякое божество завистливо и вызывает у людей тревоги». Боги видят в них вызов своему существованию и стараются поразить их молнией, как та поражает самые высокие деревья. По этой причине Лукреций, изложивший в поэме «О природе вещей» в стихах философию Эпикура, обрушился на богов как на угнетателей и обманщиков человечества. Лукреций считал, что не боги, а мыслители – спасители людей.

В те времена, как у всех на глазах
безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии
тягостным гнётом,
С областей неба главу являвшей,
взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных,
поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился

смертные взоры
Против неё обратить и отважился
выступить против.
И ни молва о богах, ни молнии,
ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но,
напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали
к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый
сломить устремился.
Силою духа живой одержал
он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды
огненной мира,
По безграничным пройдя своей
мыслью и духом пространствам.
Как победитель, он нам сообщает
оттуда, что может
Происходить, что не может, какая
конечная сила
Каждой вещи дана и какой
ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия
нашей пятою
Попрана, нас же самих победа
возносит до неба.
Тут одного я боюсь: чтобы
как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной
к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но,
напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных
деяний рождала.

В то же время нельзя и пренебрегать верой... Человек без веры, что мир без Солнца! Вера должна быть знающей и значимой. Иначе не сможете разрешить дилемму Августина, что в молодости презирал христианскую науку, а в зрелом возрасте стал ее ревностным проповедником и защитником. Когда-то он и сам чувствовал себя смущенным и оскорбленным, подобно профессору, что никак не мог понять: как это необразованные монахи преодолели мир, тогда как он не мог решиться жить, не мог решиться осуществить познанную истину, а значит и воплотить идеалы христианства! «Поднимаются темные люди и завоевывают небо. Мы же, бессердечные ученые, все еще копошимся в телесной и кровавой грязи!» – недовольно бросает Августин другу и бросается завоевывать небо. Но ныне ясно: «темные люди», кто бы они ни были, не завоюют ни неба, ни земли. До тех пор пока знания и ум не станут нравственной опорой и основой власти и церкви, пока не будут служить народу, мир будет копошиться в кровавой грязи. Немало и тех, кто прославляя религию, кичатся своей набожностью, но сами лживы, слепы, алчны и преступны... Вера должна озаряться мыслью, иначе эта вера страшнее безумия. Когда-то русский мыслитель А. С. Хомяков в его работе по богословию заметил, что «религия обогнанная есть религия приговоренная».

К. Коэлло. Триумф св. Августина

Нужно лишь сделать первый верный шаг и затем уже не сворачивать с пути... Мы стояли в целом на верном пути. Затем оступились и сошли с него. Некогда Августин, поверив вслед за Платоном в силу Добра, соединил это понимание с образом Бога и стал убежденным христианином. От крещения его удерживало сознание собственной привязанности к соблазнам мира. Поэтому и откладывал окончательное решение, страшась того, что в нем недостаточно праведности и целомудрия. Окончательное обращение произошло, когда услышал внутренний голос, приказавший ему прочесть апостольские Послания. Вот как сам он в его знаменитой «Исповеди» описал момент прозрения: «Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первой попавшуюся мне на глаза: «Не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не

превращайте в похоти» (Рим. 13, 13–14). Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Для нас Бог жив, реален и правомерен лишь тогда, когда он работает для Народа и во имя Народа. Нам не хотелось бы быть православными лишь в несуществующей абстрактной позиции. У иных сегодня вера стала таким же предметом культа, каковым ныне является партийный билет или же членский билет в некий престижный клуб. Жажда капиталов и богатств действует куда сильнее заповедей Христа, законов совести и морали. «Все они не крещенные, а оглашенные» (Никита Стифат).

Потому мы и не можем с легкостью неофита заявлять, подобно Вяч. Иванову:

Я посох свой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в Свой дом.

Тем более что и сам поэт честно признал: «А где тот дом, – от всех сокрыто...» Уверены, мрак плутократической ночи, простершийся над Россией, сам собой не рассеется (даже с помощью богов), как не выйдут сами собой и бесы из души олигархической гидры. Нужно победное копьё Св. Георгия, поражающее нового Дракона. Да и боги у нищего народа и у богачей, беспощадно грабящих свой же народ, цинично и откровенно презирающих «эту толпу», – боги у них разные! Об этой стороне мировоззрения стоило бы порассуждать. М. А. Бакунин ощущая это бунтарство российских масс, говорил, что человеческие индивиды, одаренные бессмертной душой, свободной волей, самодостаточны в себе самих. Они не нуждаются «ни в ком, строго говоря, даже в Боге, ибо, будучи бессмертными и бесконечными, они сами Боги». Немало тех, для кого Бог стал «нелепостью». Но разумна ли эта гордыня?!

Господь поражает Левиафана

И даже П. Чаадаев предупреждал об опасности формального обращения людей в христианство. Христианство упрочилось без книги. Хотя потом стали думать, что «стоит только распространить эту книгу (Библию. – В. М.) по всей земле, и земля обратится к истине: жалкая мечта, которой так страстно предаются отпавшие». Не доверяйте слепо ни богу, ни политикам выбор жизненного пути! Не надейтесь, что, как писал Тютчев, растление ваших душ и пустоту излечит и прикроет «риза чистая Христа»! Христос – велик, но мы-то – далеко не христы!

Возможно, не так и неправ философ Плотин, сказав Амелию, богобоязненному человеку: «Пусть боги ко мне приходят, а не я к ним!» Пусть приходят, если им есть что сказать, а лучше – сделать. Подобно Стратону, основателю Мусейона в Александрии, считаем: всё, что существует, создано самой природой. Если это так, то и главная сила людей не в богах, деньгах или политиках (и те, и другие, и третьи ненадежны), а в них самих, в мудрости Природы и в Гении

народном. Может быть лучше обожествлять время, как это некогда делали древние майя?!

О том же писал и «второй Будда» (Нагараджуна). В известном своем трактате «Опровержение идеи Бога-творца и творения Вишну» он выступает с идеей опровержения концепции божественного Зодчего вселенной. Интересно, какие соображения приводит индийский философ-мудрец. Он пишет: «В чем состоит другой недостаток (идеи Бога-творца)? Он творит других, возникнув сам или не возникнув? (Если предположить), что (творит), не возникнув сам, то и Он, по всей видимости, не в состоянии создавать других. Почему? В силу природы того, что само не произведено. Например, не может возделывать землю и т. п. сын бесплодной женщины. То же самое в случае с Богом-творцом... Далее. Если предположить, что Он творит других, возникнув сам. Тогда (возникает вопрос), в силу чего Он возник? То ли от самого себя, то ли от другого, то ли от обоих (себя и другого) вместе? В действительности нельзя возникнуть от самого себя, потому что рождение самого себя противоречит опыту. Ибо неверно, что может разрезать само себя лезвие меча, пусть даже чрезвычайно острое. Ибо неверно, что может танцевать даже хорошо обученный, искусный танцор, встав на свои собственные плечи. Почему? Да разве (где-либо) видано такое, разве можно (и) предположить, чтобы быть рожденным самим собой, быть родителем самого себя? Такие речи неизвестны людям». Не вдаваясь в содержательный анализ этих положений, заметим, что здесь индийский мудрец занимает позицию так называемой срединной мудрости: «Ни теизм, ни атеизм» (писал Сюэ-ли Чжэн).

В. Васнецов. Страшный Суд

А поскольку, как утверждал еще Кант, «нет никакого уполномоченного Богом толкователя Писания», то каждый волен рассчитывать на личное понятие Бога, на свои пути решения и исполнения судеб и желаний. Пусть «чистый богослов», который не обрел «дурную славу свободы разума и философии», и верующий обратят свой взор к Богу и Библии. Ученый или верующий, не чуждый науки, если он прибегнет к помощи разума, должен будет, по словам того же Канта, ничего не попишешь, «перепрыгнуть (как брат Ромула) стену церковной веры», попав на «свободное поле собственных суждений и собственной философии».

Правда, у христианства, утверждают искренние адепты православия, есть всё то, чем сильны древние и даже не очень древние религии... А. Менъ говорил в своей последней лекции – о христианстве (8 сентября 1990 г.): «Итак, мы с вами идем к завершению нашего путешествия по эпохам, по кругам мирозерцаний. И мы подошли к вершине, к тому сверкающему горному леднику, в котором отражается солнце и которое называется – христианством... Конечно же, христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно

ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности – именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота. Если буддизм был пронизан страстным стремлением к избавлению от зла, стремлением к спасению (Будда говорил, что как воды морские пропитаны солью, так и его учение – дхарма – проникнуто идеей спасения), то эта жажда спасения, обетование спасения присущи и христианству, Новому Завету. Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который (и) является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это (же) самое мы находим и в христианстве. Если в китайском мирозерцании небо – Цянь – является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах, даже в мелочах, в различных оттенках традиций, то и это есть в христианстве. Если брахманизм (современный индуизм) говорит нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве. Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всём, что он, как некая таинственная сила, пронизывает каждую каплю, каждый атом мироздания, – то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействие Бога только этим пантеистическим всеприсутствием. Но мы бы ошиблись с вами, если бы (вдруг) посчитали, что христианство явилось как некая эклектика, которая просто собрала в себе все элементы предшествующих верований. В нём проявилась (и) колоссальная сила чего-то нового. И это новое было не столько в доктрине, сколь в прорыве иной жизни в нашу обыденную жизнь... Великие учителя человечества – авторы «Упанишад», Лао-цзы, Конфуций, Будда, Мохаммед, Сократ, Платон и другие – воспринимали истину как вершину горы, на которую они поднимаются с трудом. И это справедливо». Менъ призывал с благоговением приблизиться к Богу, ибо там, в «соседстве Бога» (Пушкин), в умственно-духовном созерцании, и обитает истина. Но истина, как и Христова «радостная весть», приходит лишь к тем, кто готов пожертвовать собой ради друга своя, ради правды и Родины.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

«Просветим и согреем тех, кто сегодня страдает от бедности, болезней, войн, преступлений», – сказал в пасхальном послании Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, призывая всех нас трудиться «ради духовного и материального возрождения общества». И это очень верно... Однако наша православная вера должна быть бойцовой, победоносной и животворной, а не страдательной и погибельной... Идеалом здорового и сильного Русского общества не может выступать страдание, ибо страдание и аскеза противоправны законам естества и бытия человеческого. Дайте же вере крылья и мощь для дерзновенных деяний и полета! Нам вспомнились слова некогда известного французского писателя и социалиста М. Пегги, которые и приводит Ромен Роллан: «Не станем уходить от живой жизни, чтобы размышлять над нездешними обещаниями... не станем созерцать Град небесный. Мне думается, что человечество сегодня нуждается в заботе со стороны всех людей. Без сомнения, оно меньше нуждалось бы в наших трудах, если бы наши религиозные предки немного больше трудились на пользу человечества или немного меньше молились. Ибо

молиться — не значит работать». Не лишая люд права на молитвы, он указывает на их ограниченные возможности, ибо, молясь и только, люди отодвигают деяние. Даже сотни тысяч молитв, прочитанных с превеликим рвением и верой, не вобьют одного гвоздя. Сегодня в России, как верно сказал поэт, «храмов стало больше, а веры меньше» И вовсе не парадокс то, что в Ростове Великом чиновники хотят продать храм! Архимандрит говорит, что у чиновника (внешнего управляющего Григорьева), что продает церковь, «душа проснется». Только перед расстрелом и проснется! По России волнами идет массовое осквернение храмов и икон. А церковь лишь скорбит, уповая на защиту Господню! Не крестом, а пулеметом надо встречать грабителей и осквернителей могил и икон (судить их вместе с их заказчиками).

Закливание Мефистофеля

Да и что толку «заклинять мефистофелей». Нужен «новый тип» религии. Плохо и трагично, что для миллионов жизнь оставляет лишь место великомученика. В этом случае нам не помогут ни реформы, ни законы, ни религии. В. Розанов как-то отмечал характерную черту

русских людей, говоря так: самые образованные люди, как Тургенев, Герцен, и атеисты, нигилисты – в серьезные минуты жизни вдруг видят в себе возроденную эту древнейшую, первоначальную веру своего народа: что умереть – святее нежели жить, что смерть угоднее Богу (особо для верующих), Высшему Существу (для философов), чему-то (для атеистов), нежели жизнь. Эта грустная и ужасная мысль сообщила главный нравственный колорит всей русской Европе: чего-то меланхолического, полностью погибшего в смысле прогресса, чего-то страдающего и страшно дорогого, чему уж никто не сумеет помочь. «И тем дороже это существо (Россия), и тем страшнее за него».

В-восьмых, Аристотель считал, что «царская власть» по своей природе одна в состоянии стоять выше всех партий, расшатывающих государственную жизнь Греции. В неограниченную демократию он не верил, саркастически говоря, что хотя афиняне и открыли две полезные вещи: пшеницу и свободу, но сумели с толком воспользоваться лишь благом первой, иной пользовались мало и плохо, так как сразу же стали злоупотреблять свободой. Хотя в Греции жизнь была намного легче нашей, но и там в каждом бедном гражданине, по словам П. Гиро, «скрывался тайный социалист». Однако что такое «тайный социалист» или же «тайный или явный демократ»? Всё это – слова, слова, слова. Ведь там, где в обществе доминируют бедность и нищета, там неизбежно рано или поздно возникает понятное желание передела собственности и экспроприации богачей. В конце концов, это – закон жизни. Гиро прямо указывает на причину такого положения: «Греция в то время очень обеднела, и естественно, что неимущие классы оказались вследствие этого еще более алчными, чем прежде. Тогда почти не спорили о власти; действительным объектом борьбы между различными партиями являлось богатство, и особенно земельное богатство; к завоеванию власти стремились только затем, чтобы завладеть чужим имуществом». Всякий государственный переворот, по словам, ознаменовывался тогда «или конфискациями, или насильственным возвращением отнятого раньше». А такой переход собственности из рук в руки, продолжает П. Гиро, «всегда производился насильственно и с большой жестокостью». Но ведь это же мы можем сказать не только о Греции или Риме, но и о современной России.

Кстати, и в Афинах также были богатые люди, «нувориши»... Был среди них и некий Пасион, бывший невольник, правда, отличавшийся умом. Глава одного из банковских домов, Архистрат, отпустил его на волю, а затем с согласия своего компаньона, Антисфена, даже передал ему все дело. «Молодой, но ранний» раб быстро вошел во вкус прибыльных операций, не останавливаясь перед тем, чтоб при всяком удобном случае постараться прикарманить чужие деньги (особенно если те принадлежат чужеземцам). Богатство Пасиона постоянно возрастало. Но вскоре тот все же понял, что лучший путь умножить свой капитал – это доверие клиента. Говоря о происхождении богатства этого банкира, скромного вначале, Демосфен скажет о причине успеха: «Пасион внушал доверие; а среди людей, вращающихся на бирже и занимающихся делами, репутация трудолюбивого человека, соединенная (вдобавок и) с репутацией честного человека, оказывает могущественное влияние». Думаю, власти пора повернуть руль истории, чтобы корабль шел в нужном направлении? Тогда олигархи проникнутся пониманием новых порядков, протянув руку помощи нашей науке, образованию, культуре. В конце концов и в древнем Риме богатые граждане, находившиеся у руля систем управления, часто жертвовали огромные суммы на благоустройство городов и на помощь жителям (иногда эти пожертвования доходили до 2 млн денариев). И таких благодетелей императоры всячески выделяли, отмечая декретами, ставя им статуи, отводя особые места в театрах, одаривая их золотыми венками и т. д.

Н. Макиавелли

Некогда великий итальянец Н. Макиавелли, отвечая на вопрос, что нужно для успешного существования республики, советовал «чаще возвращать её к её началу»! Чтобы добиться «внутренних условий обновления», надо соблюдать три наиглавнейших и основных условия: 1) иметь законы, заставляющие любых правительственных лиц «давать часто отчеты в своих действиях»; 2) получить во главе страны великого человека, который «своим примером и своими подвигами сделал бы для них то же, что в других случаях делают мудрые законы»; 3) учитывая, что в обществе немало могущественных преступников и их сторонников, а они развращают всех и вся, «необходимо каждые десять лет» строго наказывать этих преступных людей, чтоб внушить страх перед законом. «Если бы при таких славных примерах в Риме повторялись еще каждые десять лет казни, подобные вышеописанным, Республика никогда бы не дошла бы до развращения». В противном случае, число нарушителей законов может быть так велико, что станет опасным преследовать их. Разве не это мы видим в России?

Правящая «элита» руководствуется шкурным интересом. А коли так, спустить шкуру с такой «элиты» – священный долг вождя, стоящего горой за народ и Россию. Установить контроль за личностью и капиталом, ибо капиталист часто не ведает, что такое слово совесть.

Петр Великий был прав, говоря, что на Руси воров, убийц и казнокрадов надо вешать регулярно. Иных способов образумить эту публику нет. Сталин расстреливал убийц и расхитителей собственности – и был прав! Разум предпочтительнее виселиц и расстрелов, но у воров и бандитов его нет. Нужно убрать с земли России сей гнилой отравленный слой *in corpore*!

Русский тип – героическо-философический... Мы – римляне по характеру, но греки – сердцем и верой. Потому скажем вместе с Фукидидом: «Говоря коротко, я утверждаю, что все наше государство есть школа Эллады: каждый человек у нас, мне кажется, может приспособиться к занятиям самым многообразным и без всякой грубости, а тем самым ловче всего добиться для себя независимого состояния». То же можно было бы сказать о братских нам великих славянских народах. Надеюсь, русские и славяне увидят в Элладе и Риме не столько землю мифов и сказок, сколь землю надежды, где мог бы вырасти плод нового бытия.

Есть пределы для систем эффективного управления, за которыми расширение границ становится опасным для страны, но ныне куда важнее прочно и навсегда спаять то, что разорвано и искромсано врагами. К тому же стоит напомнить, что когда Рим оказался физически не в состоянии управлять столь разнородной и большой империей, император Диоклетиан в 295 г., всё тщательно обдумав и взвесив, назначил соправителем его друга, Максимиана, дал ему титул августа (какой носил сам) и поручил управлять западной частью огромного государства. Почему не сделать соправителями великой России славян Малой и Белой Руси!

Впрочем, может быть этого и не стоит делать. Ведь на заре христианства те же христиане часто говорили, что Диоклетиан погубил империю, сделав трех своих товарищей соправителями. В итоге же, каждый император хотел жить столь же роскошно и содержать такие же сильные армии, как если бы он был один. Ко всему вдобавок прожорливое чиновничество, которое только и ждет счастливой минуты – как бы сесть на шею народа, будет пожирать еще в больших объемах плоды народного труда. Вот и в Риме, как пишет Монтескье, число получающих доходы превысило число платящих налоги, тяготы стали невыносимы, а земли брошены пахарями и

превратились в леса. Подобное, кажется, давно уж случилось у нас в России.

Воссоединенная родина единых славян

Мы, подобно Плутарху, описывающему эру Цезаря, говорим: «государство не может быть исцелено ничем, кроме единовластия». Лекарство нужно принять из рук врача не только спокойно, но трезво, с четким пониманием, что оно пойдет на пользу всей России. Хотя считаем, подобно Плутарху, что и монархия и пост пожизненного диктатора – не лучшая власть. Будучи людьми, может, и не столь учеными, но откровенными и честными по отношению к народу, говорим ему: никаких диктаторов «ельцинского типа», этих буржуа, освятивших невиданный грабеж России. Недопустимо много власти взяли ныне вороватые собственники и чиновники. Вспомните Ельцина, с бандитской щедростью заявлявшего своим сатрапам: «Сколько хотите, столько берите». Этого не позволяли делать царям и

наместникам даже Александр Македонский, Цезарь и Ганнибал. Однако скажем же прямо – без жесточайших тиранических методов этих господ не образумить!

Страну, великую державу, как сказано в «Авесте», разрушили «сто мерзавцев» – потребуются усилия тысяч и тысяч героев и мудрецов, чтобы её восстановить.

Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слова, —
Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит...

В сборнике «Человек. Наука. Цивилизация» (в статье В. Федотовой) говорится о трех великих революциях – Ренессансе, Реформации и Просвещении, что во многом сформировали западное общество. В России произошло нечто обратное: имела место Контрреформация. Власть свалилась в «либеральную революцию» сдуру, как пьяный мужик, едущий с ярмарки после распродажи своего товара. Политическая элита, та часть околонучной братии, что была близка к властным кругам, как выяснилось, духовно, интеллектуально и нравственно абсолютно не подготовлена к столь масштабным историческим задачам. Это были недоучки, безмерно отягощенные тщеславием и алчностью. Многие за всю жизнь толком не прочли десятка стоящих книг. Только по этой причине стал возможен развал великой страны. Экономикку можно было наладить, но пустоту сердца и ума восполнить нельзя.

Нам остро необходим, как некогда Спарте и Риму, вождь типа Сципиона или Ликурга, диктатор Народа, мститель за Республику! Не во имя мелочной мести, но во имя Святого Духа и Дела, которому служили много поколений. Если тварь будет сопротивляться законам справедливости, рубить под корень. Нужен новый «царь», ПЕТР ВЕЛИКИЙ, что определит путь развития России на века.

Портрет Петра I

Нашим нуворишам в гораздо большей мере, чем Сенеке, не хватает меры и ума. Демократия оказалась лживой, алчной, бессовестной, продажной девкой. И тот, кто надеется, что он (в рамках демократических процедур), сорвав «покрывало Изиды», обнаружит скрытую под ним «прекрасную истину», будет разочарован. Хотя есть еще некоторый исторический шанс, если у нас во главе правительства встанет консул типа Фламиния, что боролся за права бедных и средних слоёв. «Но Россия – не императорский Рим, Россия – республика народов!» – скажете вы, и я соглашусь с этим. Однако «царь» всё равно нужен, и больше, чем Риму!

Абсолютное большинство граждан России, включая часть властных структур, отдают отчет, сколь преступны и нелепы порядки, установленные «российским Нероном» – Ельциным. Идеология, девиз «Грабь государственное» чудовищны. Но они породили на Руси драконов. Это и не мудрено, ибо давно всем известно: каков цезарь, такова и конюшня! Но в Риме после убийства Цезаря и Нерона многие поняли, что бывшие законы страны были справедливее и разумнее. Надо не выпускать их за границу, а послать к ним гонцов смерти, как это и делал Рим. Ведь даже приверженные демократии греки говорили устами Демокрита: надо бы «убивать врагов государства во всяком

государственном строе». Страшные события в Москве и Осетии требуют физического уничтожения бандитов, в том числе осужденных убийц, как и преследования по закону кланов преступников. Нечестно делать заложниками простых людей, охраняя себя на деньги народа, и почти ничего не предпринимать для поголовного истребления врагов народа. (В последнее время в сфере борьбы с терроризмом, кажется, наметился перелом.)

А разве мы не испытали тех же чувств, которые выразил в письме к Цицерону (в конфиденциальном письме) сторонник республики, юрист Сервий Сульпиций Руф, говоря, что всё погибло из того, чему он ранее поклонялся – страна, честь, любовь к Родине! Цезарь, правда, не признавал, что многие в стране сочувствуют республиканским традициям – и жестоко поплатился за его глупость и слепоту. Он жаловался, что Катулл навеки – именно навеки – осрамил его в своих стихах.

Он очень огорчился. Но не кинжал слов пронзил его, а неприязнь тех людей, что не могли простить ему забвения Республики, республиканских принципов. Неистовый Катулл, как его гения, возвращенного на русской почве, не хватает нам в вечно склоненной России, где власть, говоря его словами, лишь «проматывать умеет деньги, больше ни на что не гожа» (ведь недавно это было именно так). Он в одном из язвительных стихотворений так оценил роль начальников в Риме:

Отвечал всё, как было: сам я с носом,
И начальники, и подручных свора, —
Головы умастить-то даже нечем,
Наш начальник-мудак при этом вовсе
Не оказывал помощи подручным...

Конечно, спокойнее и прибыльнее было бы славить этих господ, как делают в большинстве своем средства информации, при этом неплохо кормясь за их счет. Может, современный Анит, конечно, и выскажет в адрес «сократов» обвинение, выдвинутое на суде против Сократа: «Он денег не наживал и ссудить ими не сможет». На это мы ответили бы так, как друг Сократа, Либаний – обвинителям великого

философа: «Видимо, обвинитель полагает ростовщика или менялу – наилучшими для молодежи руководителями... В прежние времена не предстал бы житель афинский перед судом по обвинению в бедности, нестяжательстве; не разбирали наши отцы (и наши), отчего тот или другой поместьями не владеет.

Напротив, правосудие могло его спросить: «Наш соотечественник унаследовал от родителей земли клочок, ныне – деньгам счету не знает, угождам обширным; словно по волшебству, сумел он имуществом над большинством граждан возвыситься. Как же случился невиданный взлет? Теперь – вот уж событие небывалое – преследуется по суду Сократ, довольный тем, что имеет». Вот и согласитесь: поразителен поворот истории, вновь у нас царствуют Аниты, тогда как умнейшие люди страны – труженики, герои, гении – влачат жалкую жизнь. Разве к нынешним богачам-олигархам в России нельзя отнести слова Публилия Сира: «Ни один хороший человек никогда не становился внезапно богатым»?!

Пока же богатства России находятся не у гениев или творцов, а у бездарных людей, воспользовавшихся слабостью тирана. Разве честные деятельные, умные не ощущают себя порой в положении Платона? Некогда в Греции родственники Платона, олигархи, также сделали его своего рода «наследником», а затем и заставили вступить на политическую арену при милостивом их благословении и под их покровительством! Платон благодаря своему уму понял (он с самого начала понимал, как обстоят дела в Афинах), что его делают защитником преступного курса, соучастником преступлений олигархического режима. Тогда великий философ почувствовал отвращение к «благодетелям», не сомневаясь в том то, что и «пришедшие на смену демократы оказались ничуть не лучше, приговорив Сократа к смерти». После этого Платон окончательно оставил политику. Мы очутились в положении, в чем-то схожем с Римом эпохи после Республики, вправе сказать вместе с Тацитом: «Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось». Нигде – кроме сердец и ума людей.

В-девятых, при жестком русском принцепате есть надежда на восстановление экономической, военной, научно-технической, культурно-образовательной силы и лидерства России, подъем

патриотизма, гражданственности и нравственности. Поэтому настаиваем на обоснованно точной проверке (социально, юридически, экономически оправданной оценке) результатов той бандитской приватизации. В России Путину также «не хватает воздуха и воли». Там ли он черпает силы? Среди тех ли умов? Может ли он воплотить в жизнь идею Монтескье: «Величие государств основывается не на частной выгоде, а на общем благостоянии»?!

Президент, говорящий с народом, имеет шанс быть услышанным. Вопрос в другом: доподлинно ли власть слышит голос своего народа? Многие не хотели этого делать (в Грузии, Киргизии, на Украине и т. д.). Чем это кончилось для тех элит, известно. Каковы социальные ожидания и надежды людей в отношении нынешней власти? Работы некоторых социологов, содержащие опрос населения, показывают (опросы покрывают всю Россию), что, с одной стороны, доля тех кто верит, что Путин – самостоятельный политик, чей курс направлен в основе своей на решительное укрепление государства и на повышение благосостояния народа, за первые годы его правления росла, и ныне составляет 50,2 %. Хотя, с другой стороны, все еще сохраняется большая доля тех (31 %), кто считает, что его политика – продолжение политики Ельцина. И это, в основном, беднейшая, униженная и ограбленная часть населения России. Число первых все же растет.

Ф. Перье. Эней сражается с гарпиями

Самостоятельным политиком президента считают предприниматели, студенты вузов, военные, жители сел, полагая: курс его направлен на укрепление нашего государства. Но среди тех, кто считает, что он все же самостоятельный политик, а не марионетка, больше всего «зажиточных». Наиболее интересно взглянуть на то, что принято называть перспективными ожиданиями народа... К примеру, для 60–68 % населения наиболее актуальны такие ожидания: стабилизации рубля, снижение инфляции; принятие программ, заметно способствующих повышению благосостояния населения; улучшение медицинского обслуживания народа; разработка чрезвычайных мер по поддержке малоимущих россиян в сфере социальной политики; улучшение системы пенсионного обеспечения; усиления роли государства в экономической жизни общества. Вторая группа ожиданий была актуальна для 51–57 % населения: реформы в армии, в том числе перевод на профессиональную основу; отстранение олигархов от активного участия в политике; усиление внешней политики, сближение с экономически развитыми странами; укрепление центральной политической власти. Третья группа была актуальна для 40–49 % населения: улучшение ситуации в образовании и науке; усиление борьбы с преступностью; пересмотр итогов приватизации экономики; смена состава правительства; смена состава аппарата Президента (выведение из него всех бывших заядлых «ельцинистов»); повышение внимания к проблемам молодежи. Четвертая группа ожиданий была актуальна для 31–38 % населения: усиление борьбы с коррупцией, эффективная борьба с терроризмом, завершение войны в Чечне. Пятая группа ожиданий была актуальна для 13–27 % населения: разработка концепции государственной жилищной политики; осуществление земельной реформы. Ожидания народа – это важнейший потенциал и капитал, которыми обязан воспользоваться всякий умный политик, надеющийся на успех проводимого им курса, разумеется, если народ для него вообще что-то значит.

К. Массис. Меняла и его жена. 1500 г.

Так каков же ответ? Что считает Народ, этот король, что подобно несчастному Лиру был «обманут всеми»? Он считает, что из всей массы ожиданий большей частью оправдались (или начинают оправдываться) всего четыре: активизация внешней политики, сближение с экономически развитыми странами; некоторое укрепление центральной политической власти; более-менее эффективная борьба с терроризмом, улучшение системы пенсионного обеспечения. Для большей же части населения (для абсолютного большинства) ожидания, последовавшие за переменами в Кремле, увы, пока остаются беспочвенными. Да, ушел кровавый Макбет, что от главы до пят злодейством был пропитан весь, над кем витали и витают «невидимые демоны убийства», не знавший ни жалости, ни раскаянья... Пришел другой. «Блистательный мне был обещан день...» (Шекспир). И народ, как дитя, быстро забывающее обман, тут же ухватился за эту соломинку надежды...

Мистерии Шибальбы

Однако для большинства 18 из их главных ожиданий не оправдались. Похоже, мы создали государство, которое пишет на своих знаменах: «Не доверяй мне». По масштабам неоправданности социологи сводят их в четыре группы. Первая группа ожиданий, неисполнение коих разочаровало 54–59 % населения страны: улучшение медицинского обслуживания населения; снижение инфляции, как и стабилизация рубля; принятие эффективных программ, которые на самом деле способствовали бы повышению благосостояния всего населения. Вторая группа ожиданий, не оправдавшихся для 40–48 % населения: принятие чрезвычайных мер по поддержке малоимущих россиян в сфере социальной политики; реформа системы образования (где наблюдается лишь профанация реформ в виде единых экзаменов и повышения платы за обучение); осуществление реформ в армии, в том числе перевод ее на профессиональную основу. Третья группа ожиданий, не оправдавшихся для 30–39 % людей: серьезное улучшение системы пенсионного обеспечения; усиление роли государства в экономической

жизни общества; пересмотр результатов дикой приватизации; повышение внимания к проблемам молодежи; отстранение олигархов от активного участия в политике. Четвертая группа не оправдавшихся для 19–29 % населения ожиданий: усиление борьбы с преступностью; усиление борьбы с коррупцией; смена состава правительства и аппарата Президента; решение вопросов государственной жилищной политики; реформа системы права и судопроизводства. Пусть во времена Ельцина «пьяна была надежда». Но в новые времена государственный организм, казалось, имеет некое основание «ждать от врачей надежды на здоровье». Чтобы суть ожиданий народа обрела плоть и кровь, была понятна всем, заметим, что неоправдавшиеся ожидания выразили четыре пятых нашего народа. Все они – низкообеспеченные или бедные (первых – 60 %, вторых – примерно 15 %). Богатых – единицы (0,1 %).

Напомню, иные античные авторы полагали, что именно лесть с угодничеством в конце концов и сгубили прекрасную Элладу. Так, Дифил писал в «Свадьбе»:

Но тот же льстец
И стратега, и владыку, и друзей,
и города
Сладкою злодейской речью враз
погубит навсегда.
Нынче некая недужность охватила
весь народ,
И больны решенья наши —
лишь бы только угодить.

Лесть не только не конструктивна, она губительна для любой личности. Тот, кто льстит, презирает того, кому он льстит. Клеарх Солейский писал, что «ни один льстец не может быть долго другом, ибо само время разоблачает их лживое притворство». Но как ни удивительно, несмотря на то, что душонки льстецов мелки и подлы, власть подобную публику обожает и часто приближает. Так, по словам Афинея, все правители Кипра полагали для себя полезным иметь среди знати льстецов – «для тиранов это вещь самая необходимая». Те

составляли как бы особый Ареопаг, занимаясь осведомительством, доносами, клеветой и т. п.

Разумеется, лезть – тоже искусство... Поэтому настоящий льстец – всегда где-то Протей: «он не только многолик видом, но и речами многоголос». Довольно точно обрисовал льстеца Менандр в комедии «Льстец». Но в чем их смысл для власти? Думается, о скрытой причине процветания этой публики поведал тиран Левкон (понтийский тиран). Глядя на то, как все меньше остается вокруг него друзей после вознесения на самую вершину власти, как умело избавляется от них толпа окруживших его льстецов, тиран как-то бросил в сердцах такому вот клеветнику, пришедшему погубить одного из его последних уцелевших друзей: «Клянусь богами, я убил бы тебя, если бы тираны могли жить без негодяев».

Наибольший вред льстецы и подхалимы наносят стране, в которой царствуют любители лести, следуя любому мановению руки высшей власти. Вспомнились строки Шекспира: «Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне, и, кажется, довольны мы вполне». Такое бывало и в Древнем Риме. Ведь рабско-холуйские инстинкты глубоко укорены в чиновниках всех эпох и мастей... Так, когда Приск подобрал и похоронил тело бывшего правителя, Гальбы, убитого преторианцами, коллеги и многие соратники Гальбы тут же со всех ног устремились поздравлять нового царя, Отона, с победой, а 120 человек подали письменное заявление, расписывая свою причастность к падению Гальбы и требуя солидной награды (Г. Кнабе).

Гермес, попирающий ногой Тифона

Показательна и история о судьбе царя Кнопа (сын последнего афинского царя Кодра, правивший в Эритре). Ее нам поведал Гиппий... Когда тот отправился в Дельфы (т. е. в зарубежную командировку), царя свергли его же собственные льстецы. Заговорщики всюду сопровождали его, дабы свергнуть и установить «олигархическое правление». Этих людей в народе называли льстецами или же прокюнами («блуждающими псами»). Когда корабль отплыл далеко, они связали царя и бросили его в море. Затем призвали чужих воинов и захватили город. В стране вчерашние «друзья и верные слуги» царя (Ортиг, Ир и другие), опираясь на чужеземное войско, истребили всех, кто сопротивлялся, и отменили законы. Конечно, долго тирания предателей не могла существовать. Народ избавился от изменников, их убивали вместе с семьями, когда те пытались бежать из страны.

На арене цирка. Наездник с кнутом

Скажут: если популярность Николая II в народе и среди интеллигенции была низкой, то популярность президента Путина в народе выше, чем у кого-то ещё. Однако напомним и то, что раболепный народ России восторженно «голосовал сердцем» за всех вождей. Сегодня они хотят, чтобы вождь был «пожизненным», завтра – «бессмертным», как какой-нибудь Вишну или Брахма. Лизоблюды, чей язык удивительно гибок и может достать до того места, перед которым спасует даже язык хамелеона, уже подсказывают: «Земное чтя, свой скипетр не бросай. Дозволь нам прекратить рыдания наши и радостную весть провозгласить...» И попытки президента дистанцироваться от них вряд ли введут в заблуждение. Конечно, времена изменились... Герцен писал, что во время приезда императора Николая I в Москву некий профессор написал статью, где утверждал, что масса народа, встречавшая царя, будто была готова, вырази царь такое пожелание, с радостью броситься в Москву-реку. Сегодня достаточно одной лишь фразы «царя», и чиновник построит горную базу, проведет водопровод. Где-где, а уж в России услужить высшей власти, сказать что-то приятное – охотников масса, а вот нужное и крайне необходимое – единицы. Правду вовсе не говорят! Может быть потому, что понимают, как и гелиополь-ский жрец, сказавший еще

тысячи лет назад: «критика вызывает вражду, сердца не принимают правды». Однако великий китайский философ, Цзэн-цзы, выдающийся ученик Конфуция, оставил завет, которому не грех было бы последовать и нашим политикам. Он говорил: «Я трижды на день проверяю себя: в своих заботах о ком-либо был ли я чжун (прямодушен)? В своем общении с друзьями был ли я синь (правдив)»? Иными словами, был ли честен со своим народом, правдив, не лгал ли, не фальшивил? И что сделал для него?

Post scriptum

Древний мир оставил нам память о нескольких попытках развить возможно шире узколичную жизнь человека, но все они не удались. Особенно грандиозная попытка этого рода была сделана в Риме перед распространением христианства. Вспомните дикие оргии, чувственные излишества, полный разгул низких страстей, который так хорошо описан хотя бы в романе Сенкевича «Quo vadis?» К чему пришел Рим? Древний мир захлебнулся в пресыщении, в отчаянии, в отвращении к жизни, в которые его завлекла жизнь только для себя. В это время раздался голос кротчайшего из людей, который возвестил миру, что жить для себя недостаточно, надо жить также для других, надо любить ближнего...

П. Казанский. Право и нравственность как явления всемирной культуры

Что следует взять из опыта древних народов в свой жизненный путь? Умение быть красивым и счастливым? Согласен, весьма

заманчиво. В счастье и красоте и Аристотель видел цель жизни, называя их «безусловно совершенной» целью, которую избирают ради нее самой. Человек стремится к нему бессознательно, как муравей в муравейник. Сенека полагал, что «самый счастливый – тот, кому не нужно счастья». Но счастье вообще относительно, и оно не может быть постоянным.

Более важным представляется наличие в современниках уважения и любви к своим предкам... Люди, не знающие и не ценящие прошлого (даже со всеми его огрехами, печальями и трагедиями) никогда не будут иметь достойной жизни в будущем! Этот закон должен быть вписан во все государственные скрижали, в извилины нашей подверженной забывчивости памяти... Греки трепетно любили и почитали Гомера и Перикла, римляне – Вергилия и Цицерона, китайцы – Лао-цзы и Конфуция. Цицерон говорил о необходимости воспитания у молодежи этой «самой обыкновенной и заурядной человеческой способности»: «Известно, например, каким невероятным величием разума и дарования отличался у греков знаменитый афинянин Фемистокл. Однажды, говорят, к нему явился какой-то ученый, из самых лучших знатоков, и предложил научить его искусству памяти, которое тогда было еще внове, Фемистокл спросил, что же может сделать эта наука, и ученый ему ответил – всё помнить». Греческий историк Полибий также отмечал это замечательное качество римлян: «Когда умирает кто-нибудь из знатных римлян, прах его вместе со знаками отличия относят в погребальном шествии на площадь к так называемым рострам (Ораторская трибуна, украшенная прибитыми к ней носами кораблей. – В. М.). Здесь, перед лицом всего народа, стоящего кругом, всходит на ростры или взрослый сын, или же, если сына нет, кто-либо другой из родственников и произносит речь о заслугах усопшего и о совершенных им при жизни подвигах. Благодаря этому в памяти народа живо встают деяния прошлого, и слушатели проникаются сочувствием к покойному до такой степени, что личная скорбь родственников обращается во всенародную печаль... Трудно представить себе зрелище более внушительное для юноши честолюбивого и благородного. Неужели он может равнодушно взирать на это собрание своих предков, прославленных за доблесть и как бы оживших вновь? Оратор говорит не только о том покойнике, которого хоронят, но по окончании речи о нём он переходит к

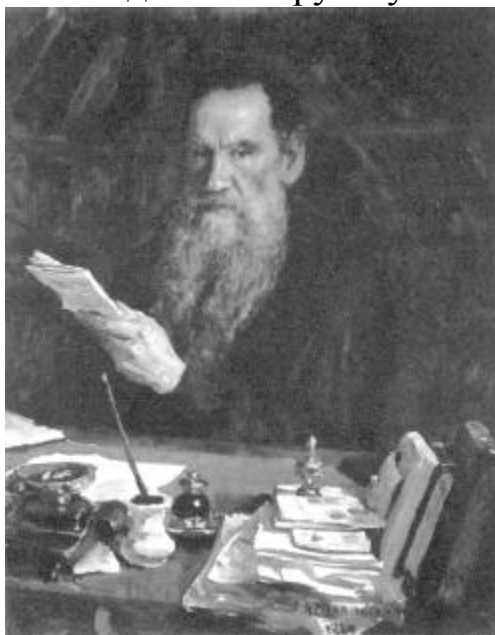
повествованию о подвигах всех присутствующих здесь предков, начиная от старейших из них». Таким образом обновляется память о заслугах всех доблестных мужей а имена благодетелей отечества становятся известными народу и «передаются в потомство».

И. Глазунов. Слава предкам

Народ, желающий быть великим, обязан помнить бережно сохранять память о своих предках, а не сносить в утиль памятники героев! Как только Рим забыл о своем великом прошлом, как только он перестал быть сплоченным и разделился на Восточную и Западную империи, он был обречен. Разделившееся царство не может не пасть. Как только египтяне стали забывать их историю и в результате

хирургической операции были изъяты имена первых властителей Египта, их славные деяния, на их тронах воцарились библейско-еврейские персоны – Ной, Хам, Мицраим, а Египет на 1,5 тысячи лет погрузился в небытие как мировая держава. Французский египтолог XIX – начала XX вв. Г. К. Ш. Масперо писал, что когда в эпоху Птолемеев греки, сирийцы, евреи попытались синхронизировать историю фараонов, они и интерпретировали ее по-своему: пирамиды перестали быть могилами предков, став зернохранилищами, вместо имен Хеопса, Хефрена, Микерина превозносилось имя еврейского министра Иосифа. Но если греки и сирийцы не делали ошибок, то иные их совершали. Особенно отличились евреи, «обрабатывавшие египетский материал»... В конце концов, туземцы-египтяне приняли часть их махинаций. Не ожидает ли и русскую историю та же участь?!

И. Е. Репин. Писатель Л. Н. Толстой

Античность, подобно первой любви, живет в наших сердцах постоянно. Время от времени она оживает в нас какими-то далекими воспоминаниями, являясь не только в художественных образах, но и в философском восприятии всей жизни. Она сохраняется в характерах и условиях обитания, в городах и хозяйствах, в социальных типах и ценностных установках... Это тот *summum bonum*, которое Кант называл идеалом, то есть «максимумом вещи, какой можно помыслить и сообразно которому все определяется и размеряется». Как

удивительно точно выразился Макс Вебер: «На время совершенно потонувшие явления античной культуры впоследствии опять всплывают в им чуждом мире». И всплывают не отдельными деталями или фрагментами затонувших кораблей, не как призраки былого, но как целые архипелаги, земли, острова, на которых и воспроизводим новую цивилизацию иными технико-материальными средствами, уже с другими людьми. Тем не менее коллизии и трагедии этой новой эпохи в чем-то близки трагедиям цивилизаций прошлого... Ведь несмотря на то, что у современных хозяев мира намного больше возможностей быть умнее, гуманнее, чем у какого-то древнего грека или римлянина, к сожалению, отбросив всякую этику, не веря ни в бога ни в черта, они вызвали к жизни новых рабов, создали модель труда в России, при которой слепо поклоняются лишь магии рынка и идолам прибыли.

Л. Толстой, «зеркало русской революции», также призывал узкий круг богачей, живших в России привольно и сытно за счет остального народа, к сочувствию: «Так поддерживают в себе возможность жизни большинство людей нашего круга. Условия, в которых они находятся, делают то, что благ у них больше..., а нравственная тупость дает им возможность забывать, что выгода их положения случайна, что всем нельзя иметь 1000 жен и дворцов, как Соломон, что на каждого человека с 1000 жен есть 1000 людей без жен, и на каждый дворец есть 1000 людей, в поте строящих его, и что та случайность, которая нынче сделала меня Соломоном, завтра может сделать меня рабом Соломона. Тупость же воображения этих людей дает им возможность забывать про то, что не дало покоя Будде – неизбежность болезни, старости и смерти, которая не нынче-завтра разрушит все эти удовольствия». Богачи и цари не вняли гласу Толстого, в итоге получили революцию, экспроприацию богатств, а иные из них заплатили еще и жизнью.

Россия в конце XX века впала в ересь более страшную, чем большевизм. Это видоизмененная ересь плутократии, собравшей под свои знамена все силы зла и злата. Мы стали откатываться далеко в прошлое (даже от идеалов XX века). Сто лет тому назад в России вышел сборник «Вехи», который иные сочли вехами в развитии русского пути. Публикация вызвала бурную общественную реакцию. По силе резонанса некоторые даже сравнивали их со знаменитым чаадаевским письмом. «Вехи» обсуждались в России всенародно. Вспоминая ту полемику, хотел бы обратить внимание на два

момента... Пожалуй, главное в сборнике – это многочисленные укоры семи участников «Вех», направленных прежде всего против русской интеллигенции. Та оказалась «не только в партийном соседстве, но и в духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата». На её теле авторы не оставили здорового места. «Сонмище больных, изолированное в родной стране, – вот что такое русская интеллигенция». Об интеллигенции говорилось, что она, якобы, «не служит ни миру, ни Богу», «ведет паразитическое существование на народном теле...» Авторы надавали ей уйму самых презрительных и позорных кличек: вроде «ордена самоубийц» и «кучки насильников». Некоторые авторы (Гершензон) специально натравливали и науськивали народ на интеллигенцию, словно борзых на зайца.

Он утверждал, что «народ не чувствует в нас людей, не понимает и ненавидит нас», поскольку мы для него гораздо хуже грабителей, хуже турка или француза (как это он не назвал еврея, что было бы хотя бы понятнее и честнее). Вместо того чтобы как-то преодолеть различия и разногласия между элитой и народом, они наоборот намеренно подталкивали оба стана к ненависти, противостоянию, а по сути к гражданской войне. «Нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом – бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одними своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной...» Примерно в том же духе высказывался и некто Дубровин, все время иступленно повторяя, что только виселицы и спасают элиту России, ее правящий и благополучный класс, а то русский народ давно уж разорвал бы всех их в клочья. Вдаваться в детали спора нет смысла. Многие в той критике и заметках было верно. Но сегодня важнее понять, что Россия вновь находится на рубеже эпох, возможно, у наиболее значимых в ее истории вех – вех величайших перемен...

В. Е. Маковский. Крах банка. 1881 г.

В Риме даже существовал закон, который свято соблюдался: «Вору да не будет позволено выступать перед народом». Особо серьезные претензии предъявляли к правящей элите. Царь Антигон как-то сказал стоику Зенону: «каков правитель, таковыми обычно становятся...и подданные». Вот и героиня трагедии Еврипида «Ипполит», Федра, говорит в монологе: «О, пойти с верхов должна была зараза. Ведь если зло – игрушка знатных, разве в толпе оно не станет божеством?»

Неожиданно вспомнился еще один пример из античности... В Древней Греции и Древнем Риме был такой слой людей – вольноотпущенники. В прошлом все они были рабы... Иногда они получали свободу, занимались торговлей, становились владельцами фабрик, рудников, ведали финансами, даже были промышленными магнатами. Так, Милиас управлял оружейной фабрикой Демосфена, а Пансион и Формион являлись богатейшими банкирами в Афинах. Дюрانت честно пишет: «Вольноотпущенников (из рабов) особо ценят как администраторов, потому что нет никого, кто был бы более жесток к рабам, чем человек, вышедший из рабского состояния и за всю жизнь не видевший ничего, кроме угнетения». У нас разве не то же? В руководстве страной, министерствами, отраслями и банками стоят вчерашние компрადоры. Они сохранили их сущность по сей день, ибо

изначально были рабы, отпущенные на вольные хлеба хозяином – Народом. Никакие законы, указы, конституции им не помеха. Рабы презируют избравший их Народ. А попав из грязи да в князи, они люто ненавидят нас, простых людей.

Афиняне строго наказывали тех, кто воровал у своих, а вот современный Запад частенько готов смотреть сквозь пальцы на то, если какой-либо ловкий жулик (российский олигарх, тот или иной премьер или особливо оборотистый еврей) сумел обобрать кого-то у себя на родине и принес все эти богатства в их банки. Видимо, святой Иероним был прав, сказав, что богатый человек или господин, или наследник зла. А известный гуманист эпохи Возрождения Э. Роттердамский в «Оружии христианского воина» прямо говорил: «Огромное состояние никогда нельзя ни приобрести, ни сохранить без греха». Источники богатств – все те же.

Примеры важны для понимания той очевидной истины, что 2500 лет спустя не следует повторять тех же ошибок ни в ту, ни в другую стороны. Российский юрист и историк Б. Н. Чичерин в книге «Собственность и государство» писал, что в древности процесс отчуждения частной собственности и скопление земель в руках рабовладельцев был несправедливым, ибо вел к накоплению несметных богатств у одних и к обеднению других. Отсюда, мол, в обществах возникали постоянные распри между богатыми и бедными. Иная ситуация складывается в новое и новейшее время, ибо свободная собственность, по мнению Чичерина, развивается при свободном труде и отныне «право собственности управляется началом справедливости». Увы, время показало крайнюю уязвимость подобной схемы. Право собственности подобно девственности девушки: она если ею и дорожит, то лишь до потери, получая взамен мужа. Мы потеряли собственность государства. Но что же народы приобрели взамен? Безжалостную свору воров и преступников, получающих чудовищные прибыли. В условиях стремительного и хаотического перехода от хозяйства социалистической Спарты к свободному капитализму строй вчерашних «рабовладельцев», пользуясь административным ресурсом, смог нагло и беспардонно поделить государственную собственность так, что даже о видимости наличия справедливости не может быть речи. Народ получил «дырку от

бублика». К сожалению, у нас произошел «черный передел», осуществленный «черным человеком».

Но строя новое государство на развалинах старого, его нужно создавать на базе положительного, а не отрицательного права, и в основе оно должно лежать духовная правота. Только тогда, как писал И. Ильин, «авторитет права и власти будет действительно признан правосознанием народа». Демократия же сама по себе «не есть ни высшая цель, ни самостоятельная цель». Если эта «демократия» не отвечает положениям социальной справедливости, то она обречена. История вынесет ей отрицательный приговор, а «государство или обратится к другим способам, или погибнет». Именно в таком положении и «демократия» в России. И народ не желает смириться с приговором Овидия: «Бедный повержен везде».

А. А. Дейнека. Стахановцы (По Сталинскому пути)

Мы подошли к периоду, который будущие поколения также сочтут важнейшей вехой в истории России. Люди будут сравнивать (уже сравнивают) то, что они имели в второй половине XX века и в первой половине XXI века. В советский период народ в абсолютном большинстве своем жил небогато, и даже бедно. Но тогда многие из нас росли жадными до книг, знаний, вдохновенными и смелыми! Поэтому вырастали великие ученые, инженеры, спортсмены, поэты. У нас были самолеты, ракеты, танки, прекрасные песни. Мы побеждали,

нас уважали, а вот убийцы, казнокрады, изменники родины, спекулянты получали по заслугам. К несчастью, существенным недостатком и ахиллесовой пятой была экономика.

Новая эпоха должна была внести (и внесла) коррективы в «социалистический» инстинкт масс, не только богатых, но и средних слоев. Пусть революции 1917 г. привели к краху иллюзий, а вера в простонародье была верой в эмпирическое количество. Пусть личность человеческая нередко даже тонула «в первобытном коллективизме». Пусть мы эмоционально, страстно отдались «всеистребляющей эгалитарной страсти» (Бердяев). Хотя разве не сей «первобытный коллективизм» победил «цивилизованный индивидуализм» фашизм! Пусть разум предполагает «послушание бремени цивилизации». Не надо становиться в позу демагогов типа Мольпагора из Хиоса, что казнил и изгонял богатых людей, а их деньги раздавал народу. Переворот (а он почти что неизбежен) ничего нам не даст, если богатства станут вновь предметом грабежа. Надо понимать необратимый ход, логику истории.

Философ К. Леонтьев писал о «реальной свободе самоуправства». И призывал: «Надо уметь властвовать беззастенчиво». О нет, чему-чему, а этому наша власть хорошо научилась, устроив подлинную Вальпургиеву ночь капиталистического средневековья в III тыс. н. э. — да еще в первой стране социализма! Пожалуй, такой безобразной оргии плутократии мир за минувшее тысячелетие не видел. Демократия (в той форме, в которой она демонстрировала себя в России все минувшие 20 лет) не вызывает ничего, кроме отвращения и ненависти, у всех честных, умных, талантливых и нормальных людей в России. Довольно внушительная кучка наших господ (около 100 тысяч человек), хищники финансово-хозяйственного, чиновничьего и бандитского розлива расхватили страну в результате вовсе не приватизации, а пиратизации России (термин принадлежит Голдману из США). Они действовали по сформулированному в афоризме правилу: «Кто не участвует в разграблении государства, тот не государственный человек» (А. Давидович).

В реальности это примерно сто семей, новая Золотая орда России, огромное суммарное состояние которой равняется четверти богатства всей экономики России. В общих цифрах ее капиталы больше, чем совокупные богатства мафии в Италии, владеющей в суммарном

выражении примерно 8–9 % капитала страны. Их главное назначение – грабить, воровать, губить Россию. По темпам и масштабам грабеж не имеет аналогов в мировой истории. Понятно, что в профессионально-экономическом и тем более в мировоззренческом плане эти господа не могут дать России ничего хорошего. У них нет должных знаний, желания развивать Россию. Та становится полуколониальной страной. Большая часть народа в рабстве у монополий. «Ящеры капитала» алчны и безжалостны. Они уже привели страну к невиданному кризису духа, к обнищанию миллионов.

Вид на Петропавловскую крепость: Судный день

«Кудесники монет» пускают деньги в оборот и берут проценты со сделок («с иноверца разрешалось брать проценты»). Вебер писал в XX в.: «Этот дуализм позволил евреям заняться экономически-иррациональными предприятиями, как, например, откупам и всякого рода финансированием государства. В течение нескольких столетий евреи достигли в этих областях такого искусства, что их специально повсюду приглашали и зазывали. Но то был капитализм париев, а не рациональный капитализм, как он впоследствии установился в Европе; поэтому среди крупных предпринимателей, творцов современной хозяйственной организации, почти нет евреев...» Россия имела несчастье очутиться в руках у этих господ. Они выжимают, что могут

из наших недр и людей, направляя все деньги за рубеж. И вместо народного хозяйства мы имеем кладбище и разруху. Если эта свора останется у власти, тогда для нас, россиян, действительно наступит «конец истории».

Надо прекратить сращивание власти и монополий, убрать племя скопидомов и дилетантов. Сегодня все мы оказались в каком-то Зазеркалье... Молодой еврей в возрасте Христа, этакая «чукотская сирота», за 10 лет стал богаче английской королевы и всей палаты лордов. Он легко покупает футбольные клубы, дворцы королей на Лазурном берегу. Возможно, завтра украденные у нас деньги пойдут на покупку короны Англии, кровати Мадонны или бог знает на что. Откуда у Абрамовича и Ходорковского состояния в 15 млрд долларов? Каков их гений?

Ходорковский за решеткой. Кто следующий

Они что же, сумели создать материальные ценности, подобно Г. Форду или Б. Гейтсу? В России ныне у одних – яйца в золоте и бриллиантах, другие не могут добыть кусок хлеб! Иные утверждают, что это элита. Тогда почему все время, пока они у власти (в эпоху Ельцина и К°), страна катилась вниз, экономического роста не было, новая техника не внедрялась, фонды старели, народ нищал, цены на электричество, нефть, газ были заоблачные, а миллиардеров и

миллионеров на Руси становилось всё больше и больше?! Скажите на милость, господа, почему вам непременно надо сесть в тюрьму, чтобы там, за решеткой обрести мысль о необходимости помочь русской поэзии, истории и философии? И так ли должна вести себя наша элита? В чем Ходорковский был прав, так это в том, что он не одинок, с ним вместе должны были бы сидеть многие олигархи (начиная с Чубайса, этой гидры и чумы России)... Пусть же господа-плутократы вернут народу России украденные у него десятки и сотни миллиардов долларов, укрытые под фиктивными именами заграницей. Немалая часть украденных этой кликой денег России лежит в западных банках («Интернешнл Геральд трибюн»). Философ XX в. А. Уайтхед писал: «Глупость умных людей с ясной головой и узким кругозором породила много катастроф». Они называют себя гражданами вселенной, являясь на деле талантливыми преступниками из семейства «белых воротничков». Конечно, плутократы не так глупы, иначе бы они не пришли к власти и не удерживали ее 15 лет. Но тщетно адвокаты дьявола пытаются после вынесения приговора Ходорковскому и Лебедеву (на очереди Невзлин) убедить, что осужденные – деловые пассионарии, которые, не щадя сил, служат России. Иные что-то лепечут о том, что приговор им, якобы, нанес непоправимый вред России. Мы понимаем, что иного от этих господ не услышишь: слишком явно слышны в их речах напевы монополистов (видны уши плутократии). Ни чести, ни совести... После «урока Ходорковского и К^о» в бюджет России потекли громадные суммы от тех, кто ранее выводил от налогов деньги. Такой жестко-принципиальный и честный разговор с бизнесом и властью и есть наивысшее благо для России. Тюрьма – это по крайней мере понятно, хотя и недостаточно, учитывая содеянное.

Откуда такая жестокость к своему народу? Почему в мире при всех дикостях капитализма тот все же стремится поднять уровень жизни людей и работников. Понятно, что им движет не столько совесть или мораль, сколь конкуренция... И все же капиталист в развитых странах не может позволить себе опускаться ниже достигнутого уровня жизни, да ему и не дадут. Откуда же у нас среди иных глав администраций, чиновников, монополистов такое равнодушие к народу (край в две Франции замерзает, а главы тех краев нежатся на море и солнце месяцами)?!

При этом Авен цинично заявляет: «Нищета – не наша забота». Если прав был Зомбарт, сказав: «Роскошь породила капитализм», то возможно правы и те, кто говорит: «Если что и погубит мир, то это чрезмерная роскошь». Карфаген погиб прежде всего потому, что у власти в стране стояли олигархи, которые думали в первую очередь о сохранении своих чудовищных богатств! В тюрьмах, видимо, должны сидеть гении ренты, а их капиталы в полном объеме послужить благу России.

Помните первую заповедь честного историка: *Res suis vocabulis nominare!* (то есть: «Называй вещи своими именами»). Наконец, надо бы взглянуть Правде в глаза. Мы не тешим себя почти наивной надеждой, что нам, подобно Платону, что жил при дворе тирана Сицилии, удастся увлечь своими идеями правящую элиту, и та, подобно Диону, последует новому социальному учению. К тому же, Гесиод писал: «Разума тот не имеет, кто меряться хочет с богатым – не победит он его, к униженью лишь горе добавит». Взавшего власть в Сиракузах беднягу Диона через несколько лет олигархи убили (357 г. до н. э.). И все же рискнем. Хотя, подобно Платону, мы понимаем, что у нашей несколько наивной мечты о мудром правителе-философе пока не много надежд на осуществление. Вряд ли доживем до воплощения мечты, что была высказана и художником Вавилона: «Художники должны стоять во главе правительства страны, а если царь не почитает их, страна отпадет от него». Еще менее оснований верить, что вдруг откуда-то явятся мифические «чакравартины», индусские мудрецы, что были как-будто специально подготовлены небом для управления миром. Ведь они, возможно, «были совершенны», ибо человеческая жизнь в той (доисторической) Индии якобы длилась от 80 000 лет и до бесконечности. Мудрецы владели тогда четырьмя волшебными энергетическими чакрами (золотой, серебряной, бронзовой и железной). И потому страны, где они правили, были изобильны, проникнуты миром и покоем, щедры на подаяние людям и населены множеством умных, достойных, образованных людей. Дивная сказка. Правда, у нас был один такой «мудрец», стоявший во главе России десять лет, но владел он, увы, не чакрой, а чаркой. Говорят, что тиран Дионисий умер, опившись вина на празднике (367 г.), отмечая свою победу на соревновании сочинителей, где первое место заняла его пьеса «Выкуп Гектора». Наш тиран, пивший с русским размахом,

преспокойно дожил до 75 лет и, вероятно, в качестве «выкупа» за свое «славное правление» и добровольный уход от власти получил «русский триумф» в Георгиевском зале Кремля, зале героев.

Знаменитый правитель Афин, Перикл, видел смысл жизни в том, чтобы быть истинно государственным человеком, и с той минуты, как посвятил себя делам государства, «он ни разу больше не смеялся и не посетил ни одного пира». Правитель Индии Бабур, основатель империи Моголов, напротив, тяготел всей душой к вину, тем не менее, в важнейший момент жизни решил бросить пить, разбил винные кубки и, главное, сдержал обещание – действительно, как у нас говорят, «завязал с зелёным змием». У Александра Македонского был учителем великий философ – Аристотель. И тот сумел оставить заметный след в истории человечества. Почему все они сумели добиться многого? Не только потому, что посвятили жизнь служению идее и ради этого отказались от многих радостей. Они еще и связали воедино три наиважнейших вещи – государство, справедливость, человека.

Думаю, для власти полезнее было бы поразмыслить над притчей, что поведал Кир ионийской знати, когда та потребовала от него создания особых условий, к каким она привыкла при прежних (премьерах и президенте). «Один дудочник, прийдя на берег моря, стал играть рыбам и попросил их выйти на берег и поплясать, – сказал им тогда Кир. – Но рыбы начали возражать, требуя от него создания условий, при которых они будут чувствовать себя, как рыба в воде. Дудочник не стал уговаривать, принес сеть, забросил её в море и вытащил рыб на свет Божий. И тут уж они заплясали без всякой дудочки». Историю эту надо бы рассказать президенту России в связи с выбором им методов борьбы с коррупцией.

Наказание идолопоклонников

Ведь многие задаются вопросом: как так, у России есть всё для стремительного прогресса (деньги, люди, недра, наука, образование, демократия), она принята в мировое сообщество, у власти уже 20 лет люди, которыми восторгается Запад (семьи иных наших лидеров давно там). Что происходит? А происходит вот что: правящая элита, значительная часть новых крупных собственников, что обрела собственность в ходе тайного передела, вступила в сговор против народа. Они стоят у рычагов власти все эти годы... Все они вышли из эпохи перемен, все или почти все ни в чем созидательном не замечены, славы ратной или трудовой не добыли, все стали богатыми людьми, все вскормлены и вспоены Америкой, почти на всех стоит тайная или явная печать госдепа США. Но они и сегодня продолжают оставаться реальными хозяевами «этой страны». Им дано и четкое указание: не пускать Россию на магистральный путь научно-промышленного роста. Скажу откровенно: пока иные будут оставаться у власти, России

никогда не стать великой страной. Марионеткам этого просто не позволят их кукловоды.

А. Ретель. Богиня справедливости – Немезида

Недавно после долгого молчания выступил лауреат Нобелевской премии А. И. Солженицын (6.06.2005). Оценки им нашей действительности нелицеприятны... Демагоги заявляют, что в России единственным источником власти стал народ. Но ведь при Ельцине и Горбачеве собрались 3 человека и развалили СССР. Это что – демократия? Затем верха отпустили цены, погубив все сбережения народа. Это тоже демократия? А вы спросили 25 миллионов соотечественников, бросив их на произвол судьбы? Где же была ваша «демократия»? Власть боится народа, боится реального самоуправления (губернаторы, думы, олигархи). Солженицын считает, что партия убивает индивидуальность человека. Власть любой партии,

как правило, – власть денежных мешков. Монополисты содержат немалое число политиканов – с левого крыла и до центра, не говоря о правых. Нелепо называть это демократией. Партийная дума не думает отстаивать волю народа. И вовсе не удивительно, что партиям ныне у нас доверяют всего 5 процентов населения (а это самый низкий показатель). Выборы губернаторов осуществляли на местах денежные мешки или мафиози. Это тоже демократия?! Ограбили недра России (нефть, газ, металл, лес, рыба) – это демократия? Отдали богатства миллиардерам (иные из них ворьё и отребье нации) – демократия? В России все эти 15 лет нет и не было «ни одной минуты демократии». Чиновники и олигархи все отняли у народа! Мозги нашего политического класса повернуты не туда. Нужно, чтобы народ сам управлял своей судьбой! Потому нам еще только предстоит вступить на путь демократии... Но как народ выскажет свое мнение? Ведь Верховный суд России и ручные куклы из Избиркома запретили референдум по самым важным вопросам жизни народа. Похоже, власть будет продолжать игнорировать волю людей России, пока на смену «оружию критики» не придет «критика оружием».

В. И. Якоби. Ледяной дом

Правда, Л. Гумилев в одной из последних его работ высказал надежду, что и в России после фазы надлома наступит эпоха «золотой посредственности». Далее он приводил в качестве аналогии Рим, где эпоха «золотой посредственности» дала, мол, «века процветания и нормальной жизни». Он писал, что такова «фаза инерции» и что она может принести России те же достижения и успехи, что и при Ярославе Мудром. Нам показалось не очень удачным его сравнение. Вы же воочию видели, чем завершилось для Рима так называемое «торжество золотой посредственности» – его полнейшей катастрофой. Это же ожидает и нас. Ведь у нас в 1985–1990 гг. к власти пришла именно «золотая посредственность», ворье или посредственность, что не ценит в своей жизни ничегошеньки, кроме золота и власти. Так что Россию посредственность, будь она трижды золотая, погубит! Говорят, что наша элита и население «сегодня солидарны в неприятии ценности развития», «кто ворует завод, кто трубу». В результате Россия оказалась на дне – «Третий Рим» оказался в третьем мире». Подобное уравнивание вины и меры ответственности правящей элиты и обворованного ею народа – это просто издевательство.

Говорят, что крушение Римской империи – это карающий суд Господа. Но чей же меч тогда сокрушил Советский Союз? И разве мы сегодня не вправе, почти слово в слово, повторить трагические слова галльского историка Сальвиана, автора сочинения «Против алчности» и «О мироправлении Божьем» (450 г. н. э.)?! Писатель-священник с горечью отмечал несправедливости, царящие на землях некогда великого Рима: «Бедняки подвергаются грабежу, вдовы стонут, права сирот попираются до того, что многие из них, принадлежа к известной фамилии и получив хорошее воспитание, ищут убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований; они ищут – о чудо! – у варваров римского человеколюбия, так как не могут вынести варварской бесчеловечности у римлян... Они предпочитают жить свободными под именем рабов, чем быть рабами под именем свободных. Некогда имя римского гражданина не только высоко ценилось, но и дорого покупалось; теперь же его отвергают и от него бегут – настолько оно считается презренным и даже почти ненавистным. Разве может быть большее

свидетельство римской несправедливости, чем то, что лучшие люди, которым Рим обязан своей славой, доведены до того, что не хотят быть римлянами» (перевод И. Стрельниковой). Не так ли и в России?

Мы не можем согласиться с пессимистической оценкой Д. Къеза, что увидел в крахе России некое падение Третьего Рима. Он пишет: «Третий Рим», а точнее наша страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами варваров, второй пал под ударами орд с Востока. Теперь вот Россия, «Третий Рим», уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что ее падение совершается быстрее. И без сопротивления. С наступлением царства прагматизма, материализма Россия якобы сдалась. Далее будут лишь мучительные конвульсии и судороги. Однако «новый взлет маловероятен» (Къеза). Вскоре Россия утратит Кавказ, а затем и Сибирь. С. Говорухин уверен: «С Россией кончено, ей не подняться», «снимите над ней шляпу, пролейте последнюю слезу». В. Астафьев и вовсе счел: «Русской нации больше нет». Однако не все сломлены. А. Солженицын пишет: «Нет, еще жив народ, не добит. Нет, Россия не погибла». Побывав за эти годы во многих местах, он делает вывод: «...поездив по России, поглядев, послушав, – заявляю хоть под клятвой: нет, наш Дух – еще жив! И в стержне своем – еще чист!»

Тройка лидеров союзников во Второй мировой войне: Черчилль, Рузвельт, Сталин

Такое уже однажды было в нашей истории. В обращении к народу тов. И. В. Сталина по случаю Дня Победы над гитлеровской Германией 10 мая 1945 года говорилось: «Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы». Мы видели, что усилия наших недругов в мире, казалось, почти что увенчались успехом. Предатели под нажимом Запада за деньги оторвали от России Украину, Белоруссию, Прибалтику, сдали Крым и почти весь Кавказ.

Две римские империи погибли. И даже Риму не помогла хваленая мощь его непобедимых легионов! США руководствуются ныне желанием стать «новым Римом». Но нет ничего опаснее для России, чем связывать себя с американской империей крепкими узами. У нас слишком долго рукоплескали Западу и США, наперебой восторгаясь их законами. Им аплодировали все – политики, ученые, деятели культуры – повторяя «слепое неясное слово, участь предрекшее им» (Овидий). Но обольщаться Западом не надо. Не все союзы хороши. Немногие утруждают себя упорной работой мысли, желая получить все готовеньким и обрести, как писал Чаадаев, «готовую мудрость» из рук Запада. Но есть ли она? Болтая о свободе и демократии, в повседневной политике они руководствуются законами империи, правом победителя. Их демократия – фикция. Живи Пушкин в наши дни, он повторил бы слово в слово характеристику демократии, данную им американцам, и в адрес российской демократии конца XX в. «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением (мы) увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)...»

Моммзен сказал: «Рим – мужественная нация, никогда не оглядывавшаяся на свое детство». В адрес США скажу: «Америка – богатая страна, имеющая один существенный недостаток – она почему-то не желает смотреть в будущее». Ум американца не способен предугадать будущее. Страна живет за счет других, настроив и восстановив против себя мир... Но тело гибнущей цивилизации не спасти, вступая с ней в «кровосмесительный брак». Англо-американское общее право, базируясь на прецеденте, как известно, имеет немало схожего с римским правом. Внешне римское частное право характеризовалось как система ряда исков. Предъявляя к кому-то претензии, римлянин говорил: «Actionem dabo» – «Я дам иск». Американец и англичанин ныне диктуют миру: «I give law» («Я даю закон», «Я навязываю волю», «Я диктую», «Я командую»). Янки говорят миру то, что некогда сказали галлы, напав на друзей римского народа: «Наше право – в оружии!» Разодрали в клочья бедную Югославию, поработили Ирак, замахиваются на Иран, засылают в Россию убийц и террористов, принимая их у себя как «борцов за свободу». Сколько можно играть в навязанную Западом игру?! Разве в Кремле не видят того, что заказчики и планировщики массовых убийств наших граждан и террористов сидят в стратегических центрах Англии и США? Их методы – диктат, война, подкуп, обман, двойные стандарты. От американцев не знаешь, чего ожидать завтра. Они сами этого никогда не знают.

Вспомнился греческий философ Антисфен, советовавший афинянам принять постановление: «Считать ослов конями». Те очень удивились его словам, сочтя все это глупой шуткой. Но философ резонно возразил им: «Так вы ведь простым голосованием делаете из невежественных людей – полководцев...» Такие горе-полководцы в России и решили провести тотальное сокращение вооружений, и уповают на малую профессиональную армию. Профессионализм – это прекрасно. Но все почему-то решили, что у России больше нет противника, который начал бы против него тотальную войну без объявления, как это сделал в 1941 г. Гитлер. Величайшее заблуждение, которое нам дорого обойдется.

Порка юношей в Спарте

Вызывает по меньшей мере недоумение и то, что российские политики вновь готовы слушать лживые речи умиротворительного характера из уст политиков Запада. Они так ничему и не научились! И это после того, как Сталин преступно проморгал начало войны против СССР, Советский Союз подло убили, а ряд известных и ведущих политиков Запада продолжает и ныне твердить: «Россия — это побежденная страна. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. (Ее разбили!) Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить (у них даже) охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой» (Збигнев Бжезинский, США); «Мы истратили триллионы долларов за сорок лет, чтобы оформить победу в холодной войне против России» (Дж. Бейкер, США); «Распад Советского Союза — безусловно, важнейшее событие современности, и

администрация Буша проявила в своем подходе в этой проблеме поразительное искусство... Я предпочту в России хаос и гражданскую войну (честно и прямо) тенденции воссоединения её в единое, крепкое, централизованное государство» (Г. Киссинджер, США). Создается впечатление, что американцев в детстве мало пороли... «Чтобы подготовить Америку к вступлению в XXI век, мы должны научиться управлять силами, предопределяющими перемены в мире, обеспечить прочность и надежность руководящей роли Америки на долгие времена. 50 лет назад Америка, проявив дальновидность, руководила созданием институтов, обеспечивших победу в «холодной войне» и сумевших устранить множество препятствий и барьеров, разделявших мир, в котором жили наши родители...» (Билл Клинтон, США); «...задача России после проигрыша холодной войны – обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек» (Мейджер, Великобритания) (Прочие же пусть сдохнут?! – В. М.); «Победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегией США, направленной на сокрушение Советского Союза... В конечном счете скрытая война против СССР (как раз) и создала условия для победы над Советским Союзом» (Центр политики и безопасности США, Ф. Гафней). Тот же Б. Клинтон, выступая на совещании начальников штабов в мае 1997 г., заявил: «Последние десять лет политика (США) в отношении СССР и его союзников убедительно доказывала правильность взятого курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой придаток... За четыре года мы и наши союзники получили стратегического сырья на 15 млрд долларов, сотни тонн золота, серебра, драгоценных камней и т. д. Под несуществующие проекты нам передано за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция...» Война против нас продолжается, но иными средствами, да и иным оружием.

В этой битве нет места законам, договорам, морали... Вспомним, как в самом конце войны против Гитлера, когда русский народ истекал кровью, спасая мир от нацистской чумы, Трумэн и Черчилль

спланировали операцию под кодовым названием «Немыслимое». Они намерены были начать Третью мировую войну против России (1 июля 1945 г.), для чего хотели вооружить пленных немцев, а затем бросить их вместе с англо-американскими дивизиями против вчерашнего союзника – СССР. Уж не думают ли они, скрывая это от мира, повторить план, натравив восточных славян на Россию?! Нельзя исключить и того, что в тайных лабиринтах власти уже прорабатываются планы и сроки нападения на Россию.

Слетелось воронье

Нет более ни СССР, ни Сталина, ни коммунизма! У нас демократия, а Россию окружают базами как во времена «железного занавеса» и власти тоталитаризма. Словно на раба, они хотят надеть на нас ядерный ошейник баз. Для чего? Цель – захватить наши ресурсы, завершить то, о чем веками мечтали многие поколения завоевателей. Для этого им придется разнести Россию «в клочья», ибо Народ наш не сдастся. Борьба против терроризма – удобный предлог для атак главных террористов мира. Или вы думаете, что базы вокруг России создаются лишь для того, чтобы иметь возможность вручить нам букеты роз, а рост арсеналов ядерных ракет означает выведение новых сортов тюльпанов?! Нет, в политике они руководствуются не установками Вашингтона, Джефферсона и Линкольна, а наилюбимейшим девизом Атиллы – «Audaciores sunt semper qui inferunt bellum» («Самыми отважные являются те, которые первыми начинают войну»). И они ее начали!

Так к чему мы пришли? Разве не к тому, что «все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый с самим собой» (Платон)! Правда, президент США Дж. Буш на праздновании 60-летия победы в Москве уверял нас, что в лице России он видит верного друга. Но в то же самое время в Братиславе прошло заседание неправительственной организации США (ЦРУ), где принято враждебное по отношению к России решение о финансировании из казны янки сил, враждебных странам СНГ и России, о подрывной деятельности против нас и союзников (на нас натравливают прибалтов, молдаван, грузин, украинцев, поляков). США приняли решение о выделении в 2006 г. конгрессом 85 миллионов долларов на различные программы «развития демократии» в России. Примерно такая же сумма выделена янки на совершение переворота на Украине. Зловещие параллели. Наиболее дальновидные обозреватели отмечают, что курс Америки опасен для ее будущего, ибо русские вскоре люто возненавидят Америку.

Мэр Лондона К. Ливингстон – один из немногих на Западе, кто честно указал на циничное лицемерие правительств западных стран в отношении к России. Запад финансировал афганских бойцов сопротивления, открыто радуясь тому, что те убивали русских, не задумываясь о том, что подготовленные террористы, убийцы затем повернут оружие против них, станут уничтожать граждан Запада. Ему тут же отомстили, обвинив в антисемитизме и затеяв против него гнусную кампанию в прессе. Хотя даже Дж. Сорос признал, что «весь мир настроен ныне против США», и виновато в этом, по его словам, прежде всего само же правительство США.

Когда предки нынешних иудеев, карфагеняне, попытались захватить важные в стратегическом отношении плацдармы в Сицилии и на побережье Италии, Рим ответил жестко и беспощадно. Тех, кто предал Рим, он подверг жестокой казни. Сегодня на тот же путь предательства встали продажные марионетки Грузии, Украины, Молдавии, Прибалтики... В конце XVIII в. по Георгиевскому трактату Грузия вошла в состав Российской империи (отнюдь не только по воле Ираклия II, в силу суровой необходимости). Грузия могла исчезнуть с лица земли, в силу постоянных угроз воинственных соседей. В СССР Грузия была одной из самых богатых республик. Ныне нищета и бедность гонит грузин с родины (примерно пятая часть проживает в

России). Мы любили и любим грузинскую культуру и надеемся на их мудрость.

Марионетки, сосущие «двух маток»: «демократический выбор»

Но ныне эта древняя страна в руках Саакашвили, выкормленного и обученного в США. Тот, как и грузинский министр иностранных дел, продав с потрохами свою родину и честно отрабатывая деньги США, готовят вступление в НАТО и вторжение в Осетию и Абхазию. США, Франция, Сорос взяли на содержание проамериканских президентов, министров, чиновников Грузии, и янки готовят грузинскую армию, чтобы послать их войска в Ирак. Они «восторгаются» этими лидерами, в душе презирая их. Слабые и продажные политики изображают из себя то ли Юлия Цезаря, то ли Муссолини. Если они и напоминают цезаря, то разве что своей потрясающей готовностью подставить зад Западу. Таковы ряд нынешних лидеров Грузии, Молдавии, Украины, Прибалтики. Нам же заявляют: «Верните Абхазию в лоно Грузии». Осетия и Абхазия когда-то присоединились к России самостоятельно и вполне добровольно (отдельно и раньше Кахетии), а недавно они сражались за то, чтобы выйти из состава Грузии. Мы ушли из Прибалтики. Грузины должны дать свободу народам, как Молдова – Приднестровью. Страны вполне самостоятельны, и уверен: недалек день и они сами решат свою судьбу.

Глупцы могут делать вид, что нынешние события в Украине исключительно её внутреннее дело. Но это близкий нам братский славянский народ. Вспомним, как вождь скифов Скилур, у которого было 80 сыновей, предложил им, умирая, связку стрел, чтобы каждый

попробовал ее сломать. Все отказались... Тогда он, вынимая стрелы по одной, переломил их все без труда и завещал (как поучение) сыновьям, что все они будут сильны, пока стоят вместе и заодно, но станут бессильны, едва между ними возникнет рознь и они начнут ссориться. Неужели распад СССР ничему не научил эти народы?! О. Трубачев писал, как реагируют националисты при слове Великороссия. «Давно ли уважаемый читатель встречал его в последний раз в прессе, в политической литературе? В том-то и дело, что и припомнить трудно, а умолчание – метод испытанный. Сначала – посеять подозрение, что Великороссия – термин шовинистический, великодержавный, а потому – «не наш», затем постараться спустить эту установку в школьные учебники истории и – дело сделано, еще одной печатью припечатано наше самосознание, получен еще один суррогат, вместо подлинного знания».

В дни «оранжевой революции» в Украину привезли знамя Хмельницкого и его знаменитую булаву из Польши и Швеции. Доставивший эти реликвии пишет: «Символичен факт, что знамя Богдана Хмельницкого явилось нам во времена не самые простые. Оно явилось через 350 лет. До обретения независимости Украиной оно было для нас закрыто. До этого времени ни одна рука, ни одно сердце украинца не касались этой реликвии. Судьбы людей зависят от судеб знамен. Гибнут знамена – гибнут люди». Знамя потемнело, было повреждено во время пожара. Станет ли появление реликвий знаком благих перемен? Будет ли президент Украины для страны, как некогда стал Богдан Хмельницкий, «Богом данным вождем»? Или же явит собой образ очередного «гетмана», что мечтает лишь о новых дворцах и миллионах? Символично и то, что знаменитый крест Богдана Хмельницкого, доставленный в Киев для инаугурации (из Швеции), находясь под стеклом и словно повинуюсь Божьей воле, так и не дался Ющенко.

На «Майдане Незалежности» в Киеве

И нас не удивит, если самостийники снесут памятник Богдану Хмельницкому, как объединителю наших народов, а Гоголя – дитя Украины и России – объявят «зридныком» («врагом» Украины. – *В. М.*), ибо тот писал на русском языке. Вот-вот и Шевченко полетит в мусорную яму, ибо «тоже немало писал по-русски...» Они насаждают чуждый большей части народа язык. Поэт-символист В. Иванов писал по поводу экспериментом «самостийников» над русским языком (1918): «Подобным же образом кустари новейшей украинской словесности хватают пригоршнями польские слова, лишь бы вытеснить и искоренить речения церковно-славянские из преобразуемого ими в самостийную молвь наречия».

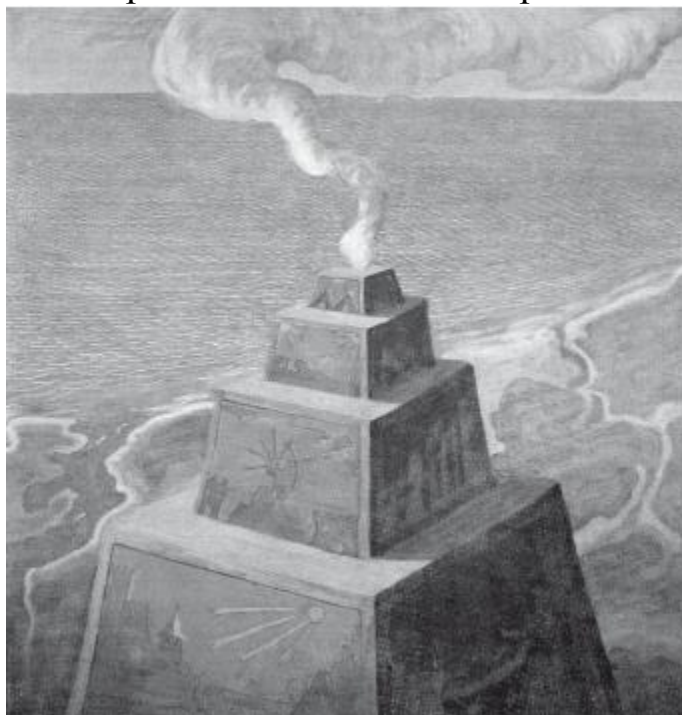
Вот и бывший президент Украины Кучма в разговоре с Путиным (2 декабря 2004 г.) признал, что той Украины, что была ранее, уже не существует. Есть две различные страны – при этом он сделал весьма выразительный жест рукой, как бы разделяющий страну на две части.

Собственно, сказанное подтверждает то, что имеем в действительности. Мысли и надежды людей двух разных регионов (Юго-востока, с одной стороны, Запада и части Центра – с другой) обращены к разным странам и полюсам. В современном мире (это видно на массе примеров) порой думают не головы, а кошельки. По данным украинской и российской статистики, доля России во внешней торговле Донецкой, Днепропетровской, Харьковской, Луганской и Запорожской областей уже который год превышает 65 %. В общем объеме капиталовложений в том регионе доля российских инвестиций – прямых или косвенных – достигает почти 40 %. Напротив, показатели для западноукраинского региона (Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская, Волынская области) таковы: во внешней торговле доля стран-членов Евросоюза (включая и ассоциированную с ЕС Румынию) превышает 55 %, а доля «евроинвестиций» в иностранных производственных капиталовложениях этого региона составляет две трети. Вот, собственно, все «секреты» предпочтения тех или иных, не говоря уж о застарелой ненависти западенцев ко всему русскому.

Украина будет принесена на жертвенник НАТО... Нельзя отбрасывать и тот сценарий, что может быть разыгран руками новой власти в Киеве. Надеяться на их здравый рассудок не приходится... Им платят, а кто платит, тот и заказывает музыку... Увидев киевско-львовский шабаш, вспомнилась злосчастная «Записка Львовского униатского митрополита графа Андрея Шептицкого». Ему, офицеру австрийской армии, было дано указание подготовить план интервенции австро-германских войск в Украину и Россию (в случае распада). В этом документе, к слову сказать, составленном на немецком языке, предатель славян писал (1910): «Как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам (т. е. националистам. – *В. М.*) предстоит решить тройную задачу: военной, правовой и церковной организации края. Решение этих задач должно отчасти предшествовать какой бы то ни было мирной конференции, не только для споспешествования деятельности нашей армии и ожидаемого восстания и для урегулирования (читай: подавления восстания русскоязычной Украины. – *В. М.*) этого восстания, но и для того, чтобы эти области во всяком случае возможно полнее отторгнуть от России и придать им

характер области национальной, от России независимой, чуждой державе царей...» Документ, имея он место, был бы ныне составлен на английском языке. И речь там шла бы о победоносной американской армии. Если Шептицкий благословил эсесовскую дивизию «Галичина», власти Украины благословят американских головорезов.

П. Чюрлёнис. Жертвенник. 1909 г.

Запад опутывает Украину подобно змеям, опутавшим семью Лаокоона, желая вовлечь в НАТО и войну против России (бросить её на жертвенник гражданской войны). Должен заявить вполне ответственно: всё, что происходит в Украине – это осуществление (на западные деньги) ползучего переворота, целью которого является интервенция против ближайших соседей – России, Белорусии. Эти холуи ведут экономическую блокаду (по воле Запада) против Приднестровья. Мечта смертельных недругов России – столкнуть с нею братьев-славян. Завтра народ Украины попытаются втравить в военный конфликт с Россией: ракеты, танки, самолеты, дивизии могут ударить по нам с земель Украины. Севастополь станет военной базой Запада. Лютые враги России в США, на Западе будут в восторге. В случае такого сценария развития событий Черное море и Крым будут иметь базы НАТО. Уже сейчас в Крыму захватывают маяки, чтобы

воспрепятствовать флоту России. Проливы закроют для России. В Крыму проживает 60 % русских, но нет ни одного русского в правительстве. У власти в Киеве посадят нового Лжедмитрия, Батория, Бандеру, а затем на деньги Запада станут сколачивать и отборные части против России (каковыми были головорезы из «СС-Галичина»). Ненавистна им и память о победе СССР над фашизмом, одержанная «русскими, украинцами и белорусами, всем советским народом» (В. Ганичев). Ведь тогда пособников Гитлера расстреливали и вешали перед всем народом на площадях.

Смерть Лаокоона

Когда-то депутат Государственной думы В. В. Шульгин метко охарактеризовал украинскую идею как «ложку дегтя», которую пытаются враги России бросить в медовую бочку единого государства. «Украинская идея (идея распри, раздора, бифуркации единых русских крови, языка и культуры) задержала сваривание южно— и северно-русских особенностей в единый русский тип...» Враждебные русскому

народу силы стали в XX в. неистово работать над его разделением. «По счастью, оружие, которое для этого употреблено, – гнилое. Украинская идея, то есть утверждение, что южно-русский народ – не русский, долго не выдержит, ибо оно лживо и рассчитано на невежество. Самолюбие проснувшегося южно-русского народа не позволит, чтобы ему морочили голову польско-немецкими сказками, принимая его за дурачка-непомнящего. Малая Россия вспомнит, что она – Россия *par excellence* (лат. – в высшей мере) и пошлет к так называемой *mere de biss* всех украинствующих вралей». Гердер думал, что Украина станет когда-то новой Элладой; но если дело и дальше так пойдет – станет не Элладой, а адом.

Эти предатели находятся на содержании американцев, иудеев и врагов славян. Березовский и Сорос заявили о финансировании так называемых революций в Грузии и на Украине. Никто их не опроверг. Народам таких стран как Украина, Грузия, Молдова, Прибалтика пора понять, что представляют собой на деле их предательские элиты. Те только и норовят что-нибудь и где-нибудь украсть (как это происходило с газом в Украине). Марионетки Грузии и Молдавии получают деньги от США и Европы, а русским плюют в лицо. Молдавия же ведет себя как потасканная баядерка, скрывающая застарелый радикулит. Фашисты стран Балтии в начале Великой Отечественной войны создали 70 полицейских батальонов, уничтожили до полумиллиона русских, украинцев, белорусов, евреев, поляков, представителей иных народов. Это были преданные союзники гитлеровцев. Тогда многие пособники нацистов из прибалтов, желая иметь земли в России, тысячами шли в карательные команды, превосходя жестокостью даже отборные части эсесовцев. Там где они прошли, высились горы трупов. И вот теперь марионетки Балтии платят эсесовцам военные пенсии, хотят установить монумент славы фашистам. И они еще смеют называть нас оккупантами, требуя каких-то извинений и репараций?!

И. Репин. Запорожцы пишут письмо султану (в США)

Эти шакалы истории не способны создать что-то ценное в культурном плане, ибо выделяются в стае оголтелых псов лишь лаем. Латышско-эстонские моськи дышат зоологической ненавистью к России. Норовят укусить ее исподтишка... На политику русофобских режимов отвечать жестко и твердо. У России есть рычаги влияния... Хватит поставлять газ, нефть, электроэнергию в Грузию, Украину, Молдавию, Балтию по низким ценам. Установить заслоны на пути денег и вина. Их монокультуры никто покупать не будет: ни экономически, ни по качеству это нецелесообразно. Оказавшись без газа, нефти, света и денег, заработанных их же мигрантами в России, народы разорвут в клочья собственных негодяев с их американской подкладкой (если те не убегут в США). Так же поступят многие...

Спросите народы этих стран, нужно ли им единство. Абсолютное большинство граждан России, Украины, Беларуси скажут – да! «Элиту» гоните вон из страны. Выборы на Украине показали, что восток и юг страны еще ближе стали к России. Надеюсь, что премьер Янукович сумеет сблизить наши народы! Европа ясно показала, что не желает видеть Украину и Молдавию в своих границах. В лоно России будут стремиться войти многие из народов, ранее входивших в нашу единую и дружную семью. Поэтому у нас нет права оставлять на произвол судьбы тех, кто связал судьбу с великим народом и некогда

единой страной. В «Книге Велеса» говорится о судьбах славянского этноса: «Вспомним о том, как при отце Арии был единым род славян. А после отца три сына его разделили род на три рода. А потом русколане и ивенеды разделились на два рода. Так же было с борусами, которые разошлись на две части. И потому мы имеем около десяти родов. И так будет продолжаться, если мы будем делиться без конца». В отношении тех, кто в Киеве уселся (Кий), сказано: «Не пойдем мы с ними, а с Русью, потому как есть она Мать наша, мы Её дети и будем до конца за Неё». Задача политиков России, Украины, Беларуси – восстановить единство славян.

Дьявол в старорусском изображении

И вообще, нам давно уж пора научиться быть настоящими русскими людьми. Быть русским – это значит: на первое место ставить свою собственную историю, народ, культуру, экономику, веру, отстаивать национальные интересы, вести себя так, чтобы любой партнер, контрагент на международной или российской почве знал, что имеет дело с великим государством. А при первых же признаках намерения ограбить, оскорбить и сломать Россию – бить наглецов словом, бить делом, бить санкциями, бить литературно, бить рублем, всем, что попадется под руку! Интересы России и наших людей надо отстаивать всеми способами (даже и оружием, как это, не стесняясь, делают США и НАТО). Многих несказанно радует, что наконец-то наша Россия повела себя как «настоящий мужчина», т. е. как великая,

сильная, волевая, умная, целеустремленная держава! Наш газ, нефть, лес, алмазы, металл, мозги должны трудиться сообща, повинуюсь воле Народа! Последние шаги «Газпрома», по воле президента и «преторианцев», державного ядра в правительстве России, пожалуй, впервые вызвали уважение к ним патриотов России.

Пора наконец четко и ясно осознать, что представляет собой хваленая западная «демократия», ее «свобода». Однажды провидец Розанов в отношении культуры и порядков европейцев и американцев произнес убийственную фразу: «Новая европейская свобода есть каменная свобода...» Ведь подлинная, живая свобода, «не разрушающая, а спасающая», то есть свобода великого народа, искреннего и большого сердца, всегда сочувствующего угнетенным и оскорбленным, тех, кто выделяется широтой души, это «вовсе не одно с политической, ученою или юридической свободой». Но это и не скотская свобода нынешних богачей, что презирают простой люд и готовы втоптать его в грязь, небытие. Я настороженно смотрю на европейца, американца, голландца, еврея, на любого, кто слепо, тупо поклоняется всякого рода «демократиям» и «правам», ибо прекрасно знаю, что это не более чем маска... Как только запахнет большими деньгами и большими политическими интересами – куда только всё это исчезает! «И тогда является что-то чудовищное, от чего бегут народы и закрывает лицо свое цивилизация».

Русским и славянам не стоит все время оглядываться на русофобский Запад. Ничего кроме нравоучений, пинков и оскорблений из уст демона не получите и не услышите! Такой вот горе-европеец никогда, слышите, никогда не простит России даже не её размеров и природных богатств, но её свободы, шири, удали, щедрой души, мужества, культуры, веры, духовной высоты! Боюсь, что делу не поможешь выставками и балетами, да и словесные эскапады не решают дела. Нужны более жесткие шаги и меры. Иначе они будут убивать русских и славян, как эти выродки фактически убили в стенах Гаагского трибунала президента С. Милошевича и президента Сербской Краины М. Бабича. Разве не так убивали в стенах гитлеровских лагерей смерти беззащитных граждан эсесовские палачи?! Ведь для подобных «господ» мы являемся просто существами низшего порядка, как и для Гитлера. «Фигаро» задает вопрос: «А европейцы ли русские вообще?»

Леонардо да Винчи – величайший европейский гений (ок.1512 г.)

Хотя и этруски (расены), энергичный народ-творец, прекрасные воины и моряки, имевшие письменность, народ, заложивший основы европейской цивилизации, по ряду свидетельств, вели свое происхождение с Востока. Ф. Демпстер в книге «Царская Этрурия» (1619) подчеркивал: этруски стали в Европе первыми философами, геометрами, жрецами, строителями городов, храмов, изобретателями военных машин, врачами, художниками, скульпторами, агрономами. Они ввели в Италии первые законы. Их язык до сих пор остается непročитанным. Русские ученые Ф. Воланский и А. Чертков нашли метод расшифровки их языка в XIX в., заявив, что надписи эти славянские. Иные даже напрямую задаются вопросом: «Но если этруски – славяне, то сразу же возникает мысль, что это – русские?! Так ли это? Неужели русские основали итальянскую Этрурию? Неужели это русские жили в Италии до основания Рима?» Выводы этих ученых не могли быть восприняты западной и российско-прозападной наукой, как разрушающие саму основу идеи западноцентричности мира. Хотя знаменательно то, что итальянцы Орбини, и Чьямпи отмечали наличие славянского, русского влияния. Так, Орбини писал о Готской войне

VI в. н. э.: «Оттокар – король Ругянов славян овладевал Царством Италийским... Сей град (Рим) яко обладатель мира ни от единого народа воспринял величайшее поражение, яко от народа славянского... Оттокар же от иных наречен Одоакр, (он) был ругянин, славянин..., который держал царство Италийское пятнадцать (15) лет...» В статье «Славянские поселения в Неаполитанском королевстве» Иован де Рубертис также отмечал, что славянами в Италии были основаны города Montemiro, Sanfelice, Tavenna, Seritello. Тем не менее иные чванливые невежды «просвещенного Запада» до сих пор взирают на нас свысока, как на варваров! Некогда французский историк Л. Альфан (1880–1950) в книге «Великие империи варваров» (1926) писал: «За болотами Припяти и за Доном, в бескрайних русских степях, бродило множество кочевых орд – разрозненных, не имевших естественных границ, и их история нам почти неизвестна... Это были сильные люди великанского роста, и чтобы сделаться опасными для соседей, им до тех пор недоставало единства... Но самые опасные для Европы силы пока таились в степях Центральной Азии: ведь история, равно как и география, не знает абсолютной границы между этими двумя сросшимися «частями света», и в прошлом после великих этнических революций в Азии на наш европейский Восток всегда перетекали «избыточные» племена из Монголии и Туркестана». Взгляды, обращенные в прошлое, долгое время удерживались в сознании европейцев в XX в. Хотя разве наша литература, культура и философия оставили менее заметный след в истории культуры Европы? А посему пора уже не только России примериваться к Европе, но Европу и европейцев измерять нашей собственной, «русской меркой».

Главы правительств стран-лидеров на саммите в Петербурге

Конечно, в Европе немало умных, деятельных, талантливых людей! Но чтобы вступить в контакт с великой Европой, Европой Леонардо да Винчи, придется сменить компрадорскую антирусскую элиту. России нужны сегодня тысячи Иванов Ильиных и Менделеевых на ключевых постах и рубежах Государства Российского! Чтобы управленческая элита России повторяла, как «Отче наш», слова: «Русская интеллигенция не видела и не постигала глубокого своеобразия России. Она не понимала, что Россия может строиться только самобытным творчеством, а не слепым заимствованием у Запада. Она не разумела, что русский национальный духовный акт – иной, чем у западного европейца, и что поэтому у русского должна быть иная вера, иная наука, иное искусство, иное правосознание, иное государство, иной уклад жизни. Петр Великий никогда не поработал русский дух западному. Остерман недаром записал за ним слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Творящему не страшно никакое заимствование; кто умеет только подражать, тот погубит свое творчество...» Мы не будем поворачиваться задом к Европе! Мы откроем объятия друзьям и соратникам, гениям и творцам, партнерам, т. е. дружеской Европе, а не гаагским демонам, убийцам и палачам!

Хотя далеко не всем нравится и российское общество, ибо в главном оно пока не отвечает нашим идеалам. Поэтому мы не прочь порой повторить знаменитую фразу Гесиода, что пессимистично сказал в адрес молодежи: «Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна» (VII век до н. э.). Но ведь мы пришли в сей мир, чтобы изменить его к лучшему, исправить нравы людей. Пусть боги внушат нам отвагу, мудрецы укажут правильный путь... Правда, философ Гегель утверждал, что ни правителям, ни народам опыт истории ничего не говорит. «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё». Всё течёт – и всё изменяется. Правительства – тоже дети, но большие. Иные учились «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Их надо учить, а если провинились, то и самым строгим образом наказывать за грехи и ошибки.

Когда всевластный Зевс решил уничтожить род людской и навел на землю потоп, Прометей предупредил народ и помог им выстроить ковчег, на котором спаслись Девкалион и Пирра (сын Прометея и дочь Эпиметея). Это и был – Ковчег Разума. Путь науки за пару тысячелетий расширен и упрочен. Нынче нет нужды красть огонь у Зевса, хотя вот кража технических и военных секретов приобрела масштабы невиданные по сравнению с древностью. Однако добывая божественный огонь знаний в трудах и муках, ученые в России сталкиваются с реакцией более страшной – равнодушием правителей. У политиков считалось даже хорошим тоном презирать и попирать науку. Когда Прометея приковывали к скале, где его печень терзала хищная птица, гнусную работу делали вместе с Гефестом фигуры Власти и Насилия. Потому говорим словами Прометея: «По правде, всех богов (царей) я ненавижу...» Ведь ученым и сегодня приходится, во имя блага народа и отечества, «восходить на Голгофу», яростно сражаясь не только с глупостью людей, но и с ограниченностью иных властей (что часто напоминает неразумного и недалекого Эпиметея). У науки пока нет иных средств защиты, кроме знаний, разума и печати.

Прометей, дающий жизнь первому человеку

Жизнь доказала, что фундаментальные науки – самое важное для настоящего и будущего страны, народа, государства, да и всего человечества... Как подметил Дж. Томсон: «Исследования в прикладной науке приводят к реформам, (тогда как) исследования в чистой науке приводят к революции». В головах русских ученых сокрыта такая сокровищница, которая в состоянии изменить положение быстрее и кардинальнее, чем все кладовые Земли. Теория совсем не зелена, она созрела и даёт плоды, и с каждым годом все более ценные. Тимирязев в лекции, посвященной Пастеру, сказал: «Практической, в высшем смысле этого слова, оказалась не вековая практика медицины, а теория химии. Сорок лет теории дали человечеству то, чего не могли ему дать сорок веков практики». Однако за 12 прошедших лет наша наука сократилась примерно вдвое:

из нее ушло около 1 млн научных сотрудников и чуть больше 1 млн обслуживающего персонала. По оценкам, за эти годы из российской науки 50 тысяч молодых людей уехали в длительные зарубежные командировки (или же вовсе покинули нашу страну). Сколько менделеевых, вернадских, вавиловых, королевых, ландау мы потеряли!

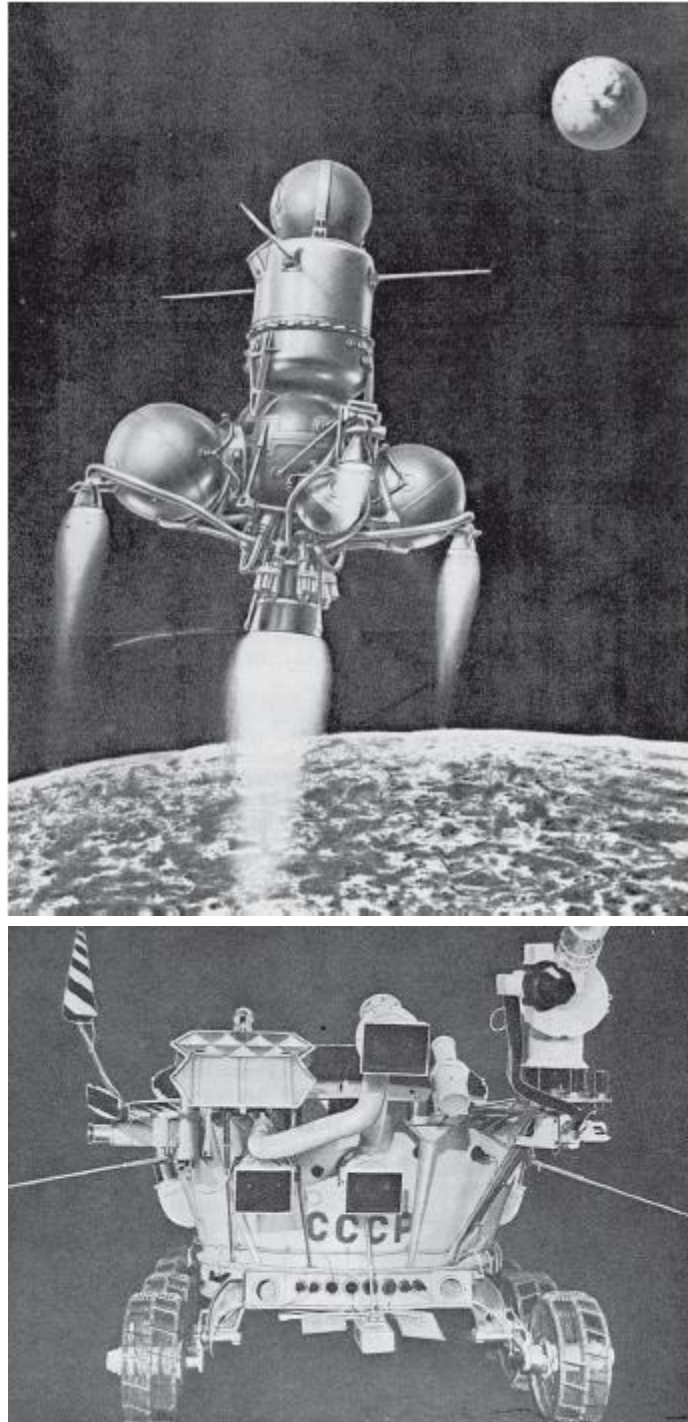

С. П. Королев

Как в Греции времен Пифагора, и в России нашлись Килоны, совершившие переворот. К власти пришли осатаневшие слуги золота! Они сожгли Академию, в пламени которой сгорели почти все мудрецы, а с ними и заветы их великого учителя: «Следовать равенству и справедливости» и «Заботиться о народе!» Уходит слава России: вместе с великими профессорами и научными школами, уходит достославная научная элита. Старики уходят один за одним, а молодежь считает, что заниматься наукой – не престижно. Сильные же мира думают лишь о деньгах и своей власти. Они скорее удавятся, чем дадут 1 рубль на научные изыскания. Наука оказалась в худшем положении, нежели после прихода к власти большевиков. Вспоминаются и полные горечи слова М. Ростовцева из письма к английскому другу (1919 г.): «По всей вероятности, придется остаток зимы (с середины января) уехать в Париж. Мне сообщили мои друзья, что меня зовут прочесть курс в College de France, и за это заплатят. А

здесь устроиться надежды мало. Наши брат ученый мало кому нужен (курсив мой. – В. М.). То, что мы знаем, так неважно для демократического государства, что оно даже не знает, стоит ли кормить своих ученых, и где уж тут думать о чужих. Пустьдохнут с голоду, если не могут делать чего-либо более «полезного». Времена, когда носились с Эразмом, прошли. Теперь и Einstein невысоко котируется, а уж нашему брату – адепту «чистой» науки грош цена. Ну, да что об этом говорить. Всегда так было и всегда будет». Выступая на V съезде Российского союза ректоров, академик В. Садовничий сказал: Россию покинуло 80 % математиков и 50 % физиков-теоретиков высшей квалификации. По некоторым данным, к 2000-му году мы навсегда потеряли до 1,5 миллионов ученых и специалистов. Начавшаяся «вторая волна» утечки умов из России опаснее, имея по сравнению с «первой» (рубеж 90-х годов) качественно иное содержание. Уезжают уже не одиночки. Страну теперь покидают целые кафедры, лаборатории, сложившиеся коллективы. Стимулов для возвращения никаких. Так что покидают они наше Отечество навсегда. Лишь в начале 90-х гг. из страны уехало 80 тысяч ученых. Прямые потери страны составили 60 млрд долл. Общие же потери России от утечки умов с 1970 г. по настоящее время – что-то около 1 триллиона долларов.

Луна-16 и Луноход

Подумать только, полвека тому назад Ю. Гагарин был любимцем всего мира, а Россия землей наук и знаний! Сегодня наука и образование перебиваются у нас с хлеба на воду, а Запад и Восток активно используют наши мозги. Интерес их вполне понятен.

Огромное число специалистов из России уехало в Америку на постоянное место работы и жительства, а около 8 000 наших ученых, живущих в России, работают по 40 научным программам в интересах американских фирм и государства. Возможности этих стран различны. Так, зарплата первоклассного программиста из России в США доходит до 100–120 тысяч долларов в год, а у нас она не превышает 5–6 тысяч долларов. Вероятно, многие программисты из России хотели бы уехать в США: там заработать. И американцы предоставляют им такую возможность: уже сегодня выдается 115 тысяч виз в год иностранным специалистам, а в будущем их число возрастет до 195 тысяч. Получаемая США от такого рода «утечки мозгов» выгода огромна и оценивается примерно в 50 млрд долларов. Активно приглашают умную русскую молодежь и в другие европейские и даже в азиатские страны. В конце 2004 г. в Германии приступили к реализации программы, рассчитанной на привлечение 10 тысяч компьютерных специалистов России. Потеря такого специалиста обойдется нам в 300 тысяч долл. Где же гении, эта надежда России? Фрадков признает: «Несмотря на некоторое смягчение остроты проблемы финансирования и реализации селективной поддержки, активной работы видных ученых и талантливой молодежи, надо откровенно признать, что ситуация остается неблагоприятной». Он выражает надежду, что несмотря на продолжающуюся «утечку мозгов», страна сможет в будущем опираться «на молодую и эффективную генерацию в российской науке». Мы еще завоевываем «все золото мира» в конкурсах по информатике.

Юрий Гагарин

Вспомним письмо Пифагора к своему другу, философу Анаксимену (накануне восстания в Ионии против опостылевшей власти персидских войск). Анаксимен хвалит в нем Пифагора за то, что тот оставил родину и переселился из Самоса в Кротон, где и живет в спокойствии. Пифагор отвечает ему так, как и мы сегодня хотели бы ответить иным добровольным беглецам в благополучные и богатые страны: «Но если вы, лучшие люди, покинете города свои, то весь порядок в них разрушится, а угроза мидян станет сильнее. Не всегда хорошо вперяться умом в эфир – лучше бывает принять заботу об отечестве. Я ведь тоже не весь в моих вещаниях – я и в тех войнах, какими ходят друг на друга италийцы». Что делать тем, кто ни в нью-йорки, ни в лондоны, ни в тель-авивы ехать не хочет? Тем, кто до глубины души русский, кто не хочет быть торговцем, бизнесменом, продажным писакой, политиком? Эпиктет – великий человек, но повторять его фразу: «Я – гражданин Вселенной», ставшую расхожей у мерзавцев, не стану. Я – русский, гражданин России! Мне другой земли не надо. Тут моя родина, моя Вселенная! Верьте в Россию, и, конечно же, энергично, умно работайте во имя ее, а не покидайте – даже если вам и наобещают в чужих краях «золотые горы».

Ю. Лужков, Л. Швецова, Л. Кезина, В. Рябов открывают новый учебный корпус МГПУ

Даже в мире первобытной культуры преподавание и обучение не зависело от наличия денежных средств, сосредоточенных в руках отдельных людей. Там каждый человек имел право обладать теми же знаниями, что и всякий другой. Школам первобытных народов были неведомы механистичность преподавания и спешка, которые у нас часто служат препятствием для свободного развития ума и личности. Именно потому, что каждый ребенок у первобытных народов вырастал под постоянным присмотром родителей, среди них отсутствовала и преступность среди несовершеннолетних. В образовании создано 3200 новых вузов, но профессорско-преподавательский состав в них остался тот же и все более напоминает сегодня загнанную лошадь, которую и пристреливать-то не надо (долго им не протянуть, работая в 3–4 местах). Лишь 17 % вузов России ведут более или менее серьезные научные и научно-технические исследования с объемом расходов не менее 20 млн рублей в год, они имеют штат научных работников (или же совместителей) не менее 100 человек. Конечно, нас радует, что даже такие гранды высшего образования как МГУ и СПбГУ понимают, что основная масса населения России не только «не готова», но и просто не может платить за образование. Правда, ректор МГУ В. А. Садовничий утверждает, что в МГУ лишь 15–17 % студентов обучаются на коммерческой основе, а коллектив пытается сдерживать рост количества «коммерсантов». В это слабо верится... В образовании немало тех, кто хотел бы превратить поле знаний в колоссальный супермаркет, а то и в некий бутик для богачей. Коррупция разъедает вузовскую систему, куда без взятки уже нельзя попасть. А откуда бедняку взять 20–40 тысяч евро на оплату педагогов из элитных вузов (юристов, экономистов, дипломатов).

Можно себе представить и морально-нравственный и идейный уровень этаких специалистов. Обновление России невозможно при полном платном образовании, когда деньги и посты родителей открывают их детям путь в элитные вузы, а затем во власть. Ведь эти дети вырастают на иной идейной основе. Скажите на милость, ну что за чада могут вырасти у всех этих господ? Только алчные и продажные циники, обучающиеся там, живущие за рубежом, презирующие

родину! Что им беды народа! Разве они будут самоотверженно служить своей стране! Никогда!

Новая библиотека в Минске

И совсем другая элита вырастает в Беларуси, где президент Лукашенко следит за качеством образования и тем, чтобы в вузы попадали по уму и духу, а не по кошельку родителей (затраты на образование тут на уровне Японии). В фильме Попцова «Я был в другой стране», президент Беларуси с гордостью сказал: когда мы проанализировали, кто те молодые люди, что показывают наивысшие способности (80—100 баллов), мы не обнаружили среди них ни одного ребенка начальника! Ясное дело, известно всем и давно: пост и богатства никого еще на свете не сделали умнее! Следует сказать и то, что президенту Беларуси удалось создать весьма справедливое общественное устройство. Пожалуй, тут нет столь вопиющих контрастов, которые видим в России. Соотношения уровней доходов граждан в Беларуси на уровне скандинавском (доходы высшего слоя в 3,5–5 раз выше, чем у обычных трудящихся). Страна тратит на социальные расходы 65 % бюджета. Поэтому к нему с такой враждой и относятся иные чиновники, воры, мерзавцы всех мастей.

Президент Беларуси А. Лукашенко

У нас же российская система образования все более принимает облик кастовой системы, какой была и продолжает оставаться англосаксонская система. Хотя даже в США, Великобритании есть развитая система образовательных кредитов и грантов на обучение. В России таковой нет и не предвидится. Так называемая «элита», разбогатевшая за счет народа, теперь боится его и делает всё, что в ее силах, чтобы не подпустить сей простой народ к качественному образованию. Первый зам. председателя Комитета по образованию Государственной Думы О. Смолин абсолютно прав, говоря, что современная Россия никак не может быть названа социальным государством, ибо у нас минимальная зарплата человека (720 рублей) почти в три раза ниже расходов на содержание бродячей собаки в приюте для бездомных животных (1800 рублей), а минимальная пенсия (1240 рублей) чуть больше расходов на бродячую кошку в приюте (1050 рублей). И примерно столько же получает начинающий учитель, работающий на 1 ставке (40–50 долл.), тогда как в Германии или Великобритании – около 2 тысяч долл. Министр науки и образования Фурсенко недавно посрамил даже гоголевского Хлестакова: сначала где-то потерял, а затем нашел 80 тысяч учителей, чем потряс до глубины души и Путина, привыкшего уже ничему не удивляться, имея дело с российским чиновничеством. При таком отношении к образованию, людям и кадрам идем не в XXI в., и даже не в ранее Средневековье, а прямиком в

рабовладельческий Рим. Поистине прав Бируни: «Глупость – болезнь, от которой нет лекарства».

Где же наши властные Платоны? Почему греческий философ две с половиной тысячи лет тому назад, не гнушаясь приложениями науки, прекрасно понял, что высшая историческая миссия Эллады (её науки) – это создание «чистой теории». Он делал всё возможное, чтобы приглашать к себе такого рода молодежь (а не выгонял её из страны). Ещё немного такой политики, как нынешняя – и в науке останутся только те юноши и девушки, которые, как гласит легенда, донимали Евклида вопросом, а что им принесет геометрия (с точки зрения материального и практического интереса). Евклид приказал рабу сунуть юнцу в руку монету.

За достойный самоотверженный труд на любой ниве надо достойно и платить. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» верно сказал: «Мне кажется, Сократ, у хороших работников является горькое чувство разочарования, когда они видят, что работу исполняют они, и тем не менее одинаковую с ними награду получают те, кто не хочет нести в нужный момент ни трудов, ни опасностей».

Поистине, много званных, но мало избранных... Иные хотят получить как можно больше, не дав ничего. Говорят, что греки наградили Геродота за выступления царственным по тем временам гонораром в 60 тысяч драхм. На эти деньги тогда можно было купить роскошный дом на берегу моря. Нынче же будь счастлив, если тебе за близкий труд хоть что-то дадут, и вдобавок не пошлют в «казенный дом». Хоть не в деньгах счастье, но веянья времени таковы, что в отчаянье есть от чего прийти. Наука вынуждена «петь Лазаря», надеясь на загробное счастье. Кстати говоря, передовые страны мира уже перешли на подготовку высочайших специалистов по прорывным технологиям. Такую молодежь готовят в штучном порядке, по индивидуальным планам, четким целям и с высокой оплатой труда. Но «воз» с места сдвинулся.

Ум и Власть: слышат ли они друг друга?

Президент решил поддержать науку, ее молодежь – этот золотой фонд страны. Говорят, что в ближайшие годы расходы на науку возрастут в несколько раз. Во всяком случае финансирование научной (гражданской) сферы растет: 2002 г. – 34 млрд рублей, 2003 г. – 40 млрд, 2004 г. – 46,2 млрд, 2005 г. – 56 млрд рублей. Президент утвердил основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и перспективу. Тем не менее на космос сегодня мы тратим примерно в 8 раз меньше, чем в эпоху СССР, да и положение в науке остается сложным и тревожным. И дело не только в том, что наука стремительно стареет (средний возраст кандидата наук – 53 года, доктора наук – 60 лет). Наука перестает воспроизводить новые кадры высокого уровня. Пока еще есть «старая гвардия». Она понимает: наука и русская культура имеют не только рыночную стоимость, цена куда более значительна – величие и слава России и человечества. Однако и старые кадры во многих отношениях отстали в своем развитии... «Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству», – писал В. Вернадский. В науке, книгоиздании *in splendid isolation* действуют фонды и программы, геркулесовы столпы современных исследований, без которых была б немыслима

творческая работа. Российский гуманитарный научный фонд – солнце, без которого научная жизнь на огромной ниве гуманитарных наук давно бы уже затухла «во мгле».

Есть две звезды на небосклоне,
Что греют сердце мудреца
И освещают путь творца...
С одной мы – в материнском лоне,
С другой – в объятиях отца...

Объединить таланты Гефеста, Афины-Паллады, Зевса, Меркурия! Но чиновник сознательно тормозит развитие науки в России. Они постараются идею Путина по созданию технополисов и поддержки прорывных центров в науке и культуре похоронить. Может, есть смысл вернуться и к идее «закрытых городов», где обитала бы лучшая и талантливейшая часть общества, влюбленная в Россию и в науку? Создадим мощные центры российского гения, преобразующие нашу жизнь! Как сказал в адрес Ленина поэт: «Он управлял течением мысли, и только потому – страной». Но можем ли мы сказать это о наших нынешних вождях??!

Выставка книг РГНФ в Доме ученых в Москве

А что происходит с русской культурой? Еще со времен Чаадаева, Белинского, Герцена, Луначарского нас учили настороженно и полупрезрительно относиться к русской культуре. Как только иные не величали и не оскорбляли ее – квасным патриотизмом, дикостью, шовинизмом и т. д. и т. п. Нас учили, что любовь к человечеству гораздо важнее, чем любовь к отечеству. Белинский внушал своим adeptам: «Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством». На этой дикости росли поколения и нынешних так называемых западников... В их позиции абсолютно нет ничего нового. Отповедь им давал еще великий Достоевский, полемизируя с западником К. Д. Кавелиным: «Западничество – это партия во всеоружии, готовая к бою против народа, и именно политическая. Она стала над народом как опекующая интеллигенция, она отрицает народ, она, как вы, спрашивает, чем он замечателен (и презрительно сама же себе отвечает: народ – это скоты и совки. – *В. М.*), и, как вы, отрицает всякую характерную самостоятельную черту его, она... гнушается идеей органической духовной солидарности народа с царем, и толкует о европейской вздорной бабе (т. е. конституции. – *В. М.*)». Из той же генетической пробирки слепого и рабского преклонения перед Западом выросли и хамы нынешней либеральной демократии в России! Вся их политика в основе – презрение к народу России. Эту мерзкую толпу надо гнать из власти и культуры! Повторю слова Розанова: «Нельзя сказать, чтобы образование их не тронуло», но подействовало на них отрицательно, сделав из них несусветных и жестоких эгоистов. Науки научили их тщеславию, гордыне и поверхностности. Сегодня некоторые из них, словно *teufelsdröck* («дерьмо дьявола»), лежат на пути развития России!

И. Глазунов. Достоевский

В России царит распоясавшийся космополит... Нет на свете страшнее твари. С их молчаливого согласия совершаются войны, грабежи, измены, гибель веры, науки, морали и нравственности. Прекрасно понял суть воззрений этих господ русский поэт Аполлон Григорьев: «Основная идея, проникающая эти места, вовсе не национальная жизнь, хоть ей и придаются эпитеты «глубокой, могучей, оригинальной», а космополитизм. Наша национальная жизнь явным образом представляется здесь какою-то эклектической. Бытие ее признается только со времен реформы, той реформы, которая устами преобразователя говорила о родном языке, что лучше чужой да хороший, чем свой да негодный. За русскими как за славянами не признается ровно ничего, и в круг мировой жизни они не вносят ничего своего, то есть славянского; значение наше только в многостороннем усвоении европейской жизни, в наших отрицательных достоинствах, в нашей способности усвоить чужое и отрицаться от своего...» Тут в нескольких словах дана едва ли не вся политическая программа нерусских реформаторов в России конца XX – начала XXI веков. Взгляните на отщепенцев-евреев, у них давным-давно все находится на Западе (деньги, дома, дети, души).

Именно о подобных отщепенцах декабрист А. Бестужев некогда заметил: «Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к

чужому». Благодаря им и им подобным в средствах информации властвует еврейско-русская похабщина что буквально захлестнула матушку-Русь сериями диких бездуховных фильмов, толпами лжеюмористов и психиатрией поп-звезд. Я вовсе не считаю, подобно писателю Вейнингеру (автору «Пола и характера»), что «из еврейства исчезает возможность величия», хотя не исключаю и того, что в наше время «еврейство достигло самой высшей ступени со времен Ирода» и что «еврейством пропитан дух современности, с какой бы точки зрения его не рассматривать». Но скорее неистово-ортодоксальный раввин станет православным, чем господа Швыдкой или Березовский (вся их вульгарная компания, которая сгруппировалась вокруг них, сосредоточив в агентствах деньги на печать и культуру) дадут подняться русской культуре, науке, литературе. В России нынче царят «большевистские» порядки: «избранному народу» – все злато мира, а русским ученым, писателям, учителям, врачам – беды, проблемы, головные боли. Говорят, в гробнице царя Мидаса не нашли единственного, чем он так прославился – золота. Так вот и у этих деятелей «культуры» в России: нет того, что собственно и составляет или должно было бы составлять их характерную особенность, то есть нет культуры.

Одной из причин такого положения стал антирусский курс ряда чиновников от культуры... В последние годы тут заправляют те, кто с откровенной издевкой и цинизмом говорили и говорят: «русский язык не нужен», «Пушкин безнадежно устарел», наши «музеи – кладбище культуры», русские – это плод «русского фашизма», что «государству не надо тратить деньги на искусство» (дай волю Швыдкому и его Кагалу, они распродадут золото Шлимана, да и вообще весь Эрмитаж). Вот и в Париж на юбилейную выставку книг в 2005 г. не пустили ни одного русского писателя или мыслителя, а приехавшая туда на деньги народа еврейская публика хаяла Россию везде и всюду. На реконструкцию Большого театра те же дельцы потребовали 1 млрд долл., более, чем на реконструкцию театров Европы, желая большую часть суммы украсть и поделить. Отданные страной в руки этих хамов и извращенцев от культуры деньги идут на извращенцев, идиотов и негодяев в сферах массовой культуры и информации. В то же время старые русские города, жемчужины отечественной архитектуры,

разрушаются и гибнут. Псков сегодня в состоянии худшем, чем когда город только что был освобожден от фашистов.

Легенда гласит, что когда Александр Македонский ввел коня Буцефала в храм, это стало символом пренебрежения высшей власти к мнению народному. У нас министерство культуры России ввело в храмы российского искусства (Большой и Художественный театры) ослов, и это, увы, уже не легенда. «Осла и в львиной коже по крику узнаешь», – как справедливо заметил Эзоп. При мудрой русской власти, людях высокой культуры такого никто и никогда бы себе не позволил...

Школа Лоренцо Бернини. Голова Медузы

Нельзя же допускать, чтобы в России на высоких постах (печать, культура, ТВ) были новые ироды и иуды, дети, внуки и правнуки тех ветхозаветных Иуды и Ирода. Недавно один из этих иуд с ненавистью бросил в адрес Достоевского: «У меня желание разорвать его на части». И эти нехристи продолжают попираť Русскую землю, убивая душу России. Пока они возглавляют экономику, власть, культуру, мы не будем ни свободной, ни русской, ни великой страной. У России нет шансов, останься они у власти, если не отрубить голову «Медузе» русофобии и плутократии.

О. С. Маслов. Фрагмент триптиха «Не в силе Бог, а в Правде!»

Куда двинется Россия дальше? Один из наиболее последовательных борцов с ельцинизмом (по крайней мере, в прошлом), В. И. Илюхин, в книге «Куда идешь, Россия?» обратился к русской интеллигенции с упреком: «смолчала, все снесла». И хотя он во многом повторяет аргументы Ивана Ильина, направленные против предрассудков русской интеллигенции, его упреки в отношении 15—20-летнего курса власти в основном верны. Но все ж он обратился не по адресу. Ведь даже цифры, приводимые им в книге, указывают на иное лицо врага России. В самом деле, разве русская интеллигенция составляет те 5 процентов населения, что контролируют или владеют 70 процентами всей собственности в России? Разве русская интеллигенция наспиговывает партии, фракции и думские группки миллионерами? Разве русская интеллигенция идет на поклон к Березовскому, Гусинскому, Ходорковскому, Абрамовичу, Авену, чтобы те финансировали их обман людей в обмен на подачки разного рода, машины и счета? Разве русская интеллигенция на деле владеет средствами массовой информации, где русские лица или идеи почти не

находят выражения? Разве интеллигенция, люди труда заседают в думах и сенатах, куда их не пустят, будь они и семи пядей во лбу! Интеллигенция не может получить и крох от огромных богатств нуворишей на важнейшие труды, книги и разработки, без которых у России нет будущего. С наследием ельцинизма у России нет будущего. В стране прогнили не только все коммуникации, но и почти вся правящая верхушка. Как и до 1917 г., наверху эгоистичный клан, презирующий, ненавидящий и смертельно боящийся Народа, среди которого – и нищая российская интеллигенция. Стоит ли удивляться, что клан сей последние 20 лет поступает *contra ius gentium* (вопреки праву народов). Истинная интеллигенция «не смолчала и не снесла» – она боролась с врагами!

Не стоит идеализировать и тот тип капитализма, что утвердился в России... У него внешне хотя и респектабельный облик, но душа порой чернее и грязнее, чем душа самого отъявленного грешника-убийцы. Мы же привыкли валить все грехи на российских бюрократов. Однако и то, что делается за занавесом в тиши иных компаний, нуждается в тщательной проверке и контроле государства. Э. Тоффлер в «Метаморфозах власти» заметил: «Бюрократов ненавидят все... Но в течение длительного времени среди бизнесменов сохранялся миф о том, что бюрократия – болезнь правительства. Государственных служащих называли лентяями, паразитами и грубиянами, тогда как администраторов бизнеса изображали динамичными, продуктивными и готовыми служить потребителю. Однако в бизнесе бюрократия распространена так же, как в общественном секторе. Действительно, многие крупнейшие корпорации мира малоподвижны и высокомерны, как любое советское министерство». Страшнее всего то, что им абсолютно чужды интересы России и ее народа. Что ожидает нас в будущем? В эпоху Ельцина народ российский стал рабом у бандитского капитализма! Им было создано полностью аморальное общество! Правда, и в Риме у власти были преступные императоры, но иные за преступления платили головой! У нас же можно, изнасиловав и ограбив Россию, как ни в чем ни бывало, занимать посты глав администраций, послов, министров, глав фирм или советников президента.

Иные на Западе даже говорят, что Путин «производит впечатление человека, наделенного всей полнотой власти и ответственного за свои

решения», но «это лишь иллюзия» (Харрисон). Так ли это? Может, и в самом деле он не способен вернуть богатство и здоровье в дома россиян, поскольку «заложник политики Ельцина, сформированной его предшественником, заложник своего окружения и правительства»?! Многие из клана олигархическо-чиновного капитализма, похоже, сидят на чемоданах и только и думают о том, как бы поскорее вывезти их капиталы и семьи. Деньги страны (150 млрд долл.) уже отправлены ими в Америку. *Qui prodest?* Выступая 11 июля 2005 г. перед членами правительства и думы, президент России сказал, что он не хочет вмешиваться в деятельность правительства и думы. Если это так, то это глубокое заблуждение! История нас учит, что как только «цари» в России перестают «вмешиваться» в дела страны, их окружение тут же начинает грабить народ, а затем предаёт страну и монарха! Кажется, наш президент стал более энергично вмешиваться: страна и народ сразу это ощутили!

Перефразировав фразу Г. Джорджа, скажу: «Только тремя средствами человек может добывать богатство: трудом, разбоем или кражей. Трудящийся получает так мало потому, что слишком много приходится на долю бандитов и воров». В СССР было около 400 тысяч чиновников на 300 млн жителей, а сегодня в России около 1,5 млн чиновников при 140 млн граждан. Мало того, многие крупные чиновники России сами нынче стали тайными олигархами. За последние годы число миллиардеров в России выросло в 3,5 раза (с 7 в 1997 г. до 25 в 2005 г.), добавим сюда 88 тысяч долларовых миллионеров. Процесс шел параллельно с обнищанием относительным большинства народа (80 %)! Чиновничество стало грабителем и палачом России! По данным Фонда ИНДЕМ, граждане России вынуждены ежегодно тратить 2,7–2,8 млрд долларов на бытовую коррупцию, а общая сумма, которую предприниматели выплачивают чиновникам в виде взяток, составила примерно 33–34 млрд долл. в год. Люди абсолютно бесправны перед сей чиновной гидрой (46 % россиян убеждены, что в сегодняшней России нет эффективных способов отстаивания своих интересов в общении с властью, а 78 % опрошенных и не пытались отстоять эти интересы, считая это бесполезным). Природа власти, увы, такова, что не считает для себя нужным прислушиваться к мнению народному. Она привыкла со времен Годунова, что тот безмолвствует и созерцает.

Власть светская и религия

Понятно, отчего при одном упоминании об акулах-чиновниках и олигархах у 70 % народа России возникает желание «взяться за револьвер». Понятно, почему один из любимейших народных актеров, В. Гостюхин, с откровенностью, редко встречающейся среди бесхребетной актерской братии, скажет: «Обобрали народ олигархи! Ненавижу!» Проблемы социальной справедливости вызывают в умах людей в 10 раз большую озабоченность, чем проблемы прав и свобод. И даже уровень жизни, благосостояния представляется нашим гражданам в 3 раза менее важной проблемой, нежели ключевая проблема социальной справедливости в России. Глубокое их убеждение: олигархическо-преступный строй надо менять! Президент В. В. Путин недавно прямо дал понять обществу, кто эти скупщики земель России и хозяева роскошных особняков. Хотя мы это знали и раньше. Взяточники в России по-прежнему чувствуют себя безнаказанными! Когда же их спрашивают, не стыдно ли им, они цинично и откровенно усмехаясь прямо в объективы телекамер,

заявляют: ничуть не стыдно. Выясняется, они намерены после отсидки вновь сесть в чиновничье кресло. Тварей нужно расстреливать, с полной конфискацией собственности семей, включая пожизненное поражение в правах сей гнили! Однако Дума до сих пор не приняла закон против коррупции, предполагающий полную конфискацию имущества коррупционеров, их семей. Эта мера отрезвит всех!

Это – бездуховная чернь! Иван Ильин был абсолютно прав, говоря, что к такой черни может принадлежать всякий: и богатый, и бедный, и темный человек, и «интеллигент». Он писал: «Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью; но именно поэтому они не ищут лучших людей и не хотят передавать им власть». Чернь отличается не только корыстною волей и убогим правосознанием, не только политической притязательностью, но безграничным эгоизмом и патологической жадностью. Именно такова правящая в нынешней России чернь! Ей неведомы ни публичные обязанности, ни ответственность перед своим народом или будущими поколениями, ни какие-либо моральные и духовные побуждения, что собственно и делает человека настоящим человеком.

Чернь «веками берет и дает взятки, распродавая и расхищая государственное дело». Она всеми средствами уклоняется от обременительных повинностей, сохраняя полное безразличие в годину общественных бед, а в смутное время бунтует и грабит, легко меняя вождя и знамя. Чернь совершенно не понимает назначения государства, всячески стараясь ограничить его силу и право, забирая у него полномочия, по сути ставя себя на место государства. Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к национальному единению на самом деле являя собой ряд враждующих станков, которые ведут грызню друг с другом за богатства и посты, ведя настоящую войну с собственным народом прежде всего! Ильин очень точно назвал чернь «шайкой», захватившей власть! Она дерзка и нагла, труслива и подла. Она «трепещет и пресмыкается» только перед силой... Если ей все-таки удастся создать некоторое подобие «режима», тот под видом «демократии» осуществляет «торжество жадности над общим благом, равенства над духом, лжи над доказательством и насилия над правом; этот «режим» зиждется на лести и подкупе и осуществляет власть демагогов».

Эта чернь призывает на защиту подкормленную прессу, купленную милицию, продажное телевидение и судей, находит поддержку и понимание на Западе. Ей хочется убить в народе память о Ленине и СССР, отменить праздники Октября и Дня победы, хотелось бы убрать памятник Мухиной «Рабочий и колхозница» (зачем этим ворам излишнее напоминание о временах, когда честный труд был в почете), лишить права на учебу, хочется заморозить города, поселки и школы, а пенсионеров и рабочих разгонять дубинками! Она хочет переписать историю России в желательном для собственников и плутократов ключе. Правду истории нельзя убить!

Царь чиновников и его прожорливое войско

Напомню примеры из истории... Египтолог Ю. Перепелкин говорил о себе так: «Я историк, а не социолог. Я хожу по древнему Египту и описываю все, что там вижу, — и только»; далее он же заметил: «Когда я вижу на фресках египетских пирамид изображения петухов и не вижу изображения кур, то я пишу лишь о петуховодстве». Но мы не можем не быть социологами и генетиками нации. И когда я вижу «петухов», что десятки лет не могут воспроизвести ни достойной идеи, ни здорового потомства, я говорю: их надо убрать, вывести иную

породу. «Чернь становится страшной, если она не боится», – как заметил Доминик Бугур.

Когда в результате заговора против Филипа II, царя Македонии, судя по всему, инспирированного персами, предатели из числа приближенных к царю (Павсаний, братья Линкестиды) организовали заговор и убили правителя страны, все они, включая даже родственников-мужчин из семей заговорщиков, были казнены на могильном кургане царя Филипа. В Македонии так уж было принято: казнить всех предателей, включая их родственников мужского пола. Почему бы и нам не подвергнуть казни всех тех, кто разрушал любимую Россию, на Лобном месте России?!

Святогор, вросший в землю

Некогда в отношении Сципиона говорили: «Злоба врагов будет цепляться за любую мыслимую слабость». Слабость президента России все еще обозначается в одном: выйдя из «ельцинского набора»,

он и ныне ощущает на себе липкие и страшные щупальца проклятой Богом системы! Неужели история скажет: этот умный и порядочный человек, может быть, не рожден для смертельно опасной битвы?! Не всем дано быть героями! Или это страх перед беспощадной гидрой плутократии сковывает его члены?! Чиновничество стало нашим проклятием. Время покажет, в какой мере он (да и все общество) сумели освободиться от проклятий ельцинизма, судорог абсолютизма и бюрократизма. Похоже, пока на политическом олимпе России очень мало настоящих мужчин. Неужто мы и в XXI в. будем то и дело повторять отговорку Александра I... «Невозможность» осуществления коренных преобразований в России он объяснял одной фразой: «Некем взять!» Хотя на деле в России, чрезвычайно богатой талантами, таких людей немало. Им придется «взять» чиновничество в «ежовые рукавицы». Вопрос в другом: есть ли в Кремле «Илья Муромец», что освободит родину от чиновно-бюрократического идолища («идолища поганого»), или же нас ожидает судьба богатыря Святогора, что был куда сильнее Ильи Муромца, но по собственной глупости сам закрыл за собой крышку гроба, а потом не смог её поднять?! Он и сам горько признавался Илье Муромцу: «Видишь, какой я урод; меня и земля не держит...» (К. С. Аксаков). Похоже, что некоторые нынешние правители-уроды так прочно вросли в кресла, что оттуда их должен вышвырнуть народный герой. Самой достойной казнью была бы ликвидация большего их числа, что и мудро делается путем укрупнения территориальных единиц и образований в нынешней России.

Петербургская публичная библиотека

Оказанная народом Путину поддержка говорила и говорит о вере и надежде людей в то, что он, возможно, станет гарантом перемен в жизни народа, умной, созидательной, трудолюбивой, честной массы людей, желающих труда, мира, благополучия. Несомненно, его правление заметно и бесспорно в лучшую сторону отличается от дикой эпохи правления Ельцина. Немало им и командой сделано в России (армия, образование, наука, нацпроекты, поддержка молодых семей). Разумеется, народ наш ждал большего. Несмотря на верные, умные, порой даже грозные речи президента, премьера и болтовню парламентариев, наше ворье как воровало, так и ворует, а начальство издевается над несчастными людьми. И в XXI в. в некоторых областях России работники ряда предприятий годами и месяцами не получали зарплаты (хотя задолженность и сокращается). Инфляция пожирает крохи зарплат полунищих. В Петербурге из 17 тысяч указов В. Путина чиновники проигнорировали и невыполнили 90 % решений президента! О каком прогрессе в системе управления страной идет

речь! Народ бесправен. Путин обязан говорить жестким языком с бюрократами. Больше решимости и воли! Он обязан вернуть народу веру в Россию и во власть! Собственно, он был призван народом, чтоб вмешаться! Иначе какой толк в любом президентском правлении?! Обелять, защищать миллиардеров! Надо слушать голос избравшего его народа, а не губящей Россию воровской «демократии». Сможет ли? Не знаю.

Говорят, что только будды и в состоянии «вести против течения человечество, которое стремится вниз по течению». «Туда ли мы плывем?» – вот в чем вопрос. Вспомним великие слова Цицерона: «тем, кто стоит во главе государства, надо руководствоваться двумя наставлениями Платона: одно требует, чтобы они, оберегая интересы граждан, соотносили все свои действия именно с ними, забыв о собственной выгоде; другое – чтобы они заботились о государстве в целом и при этом, оберегая какую-нибудь одну часть его интересов, не оставляли без внимания остальных; ведь управление государством, подобно опеке, должно быть посвящено пользе тех, кто поручен им, а не пользе тех, кому поручено оно». Так, может пришло время воплотить идею культурного государства Платона?! Таких правителей мало, но они необходимы, как Солнце. Ведь «счастье царя – в счастье подданных, в пользе подданных – его польза».

Всюду нужны нормальные люди с совестью и умом! Высший класс должен научиться ценить и любить Родину, знать её историю. В России это произойдет не раньше, чем вожди станут для народа, как мечтал Платон, не господами, а помощниками. В народе власть должна видеть не раба, а кормильца, советчика. Платон требовал призвать для управления государством людей, обладающие научной образованностью. Так следовало бы понимать известную мысль о веке философов. Похоже, время людей-энциклопедистов миновало. Сегодня немного шансов встретить Платона, посещающего Египет или какую-либо иную страну Востока, стремящегося впитать мудрость, знания, Будду или же Авиценну, чей труд «Канон врачебной науки» впитал «все, что сказано до него греческими и арабскими врачами». Мы скорее уж напоминаем не признававшего авторитетов Парацельса, публично сжигавшего труды Галена и Аристотеля, ибо мы склонны всё и вся пересмотреть и сжечь богов, которым поклонялись. Вопрос: сумеем ли мы сами при этом создать нечто великое, что переживет и

нас, и наше время? Подвергая всё ревизии, сжигая классиков революционной мысли, как когда-то Парацельс сжигал труды Галена и Авиценны, не сожгли ли мы и свою душу?!

Глава ФСБ Н. Патрушев

Недавние события в Москве, погрузившие во тьму столицу, напоминают нам уэллсовскую «Россию во мгле». Москва в техногенной катастрофе потеряла 2 млрд долларов. Случившееся тогда говорит о бездарности руководителей РАО ЕЭС и Мосэнерго. Они могут только грабить народ! Сегодня на нас опустилась беспросветная ночь воровского либерализма. РАО ЕЭС и Мосэнерго, во главе которого стояли и стоят господа типа Чубайса, Васильева и Евстафьева, имея доходы в десятки миллиардов рублей, не могут выделить несколько миллионов на давно назревшую реконструкцию старых подстанций. Зато горазды воровать. Электростанции в России не ремонтировались почти полвека. В РАО ЕЭС не представлены ни Москва, ни один из регионов России. РАО ЕЭС получила в 2004 г. прибыль в 6 млрд долл., в 2005 году ожидалось более 12 млрд. О каком устойчивом промышленном и экономическом росте можно говорить, если за последние 15 лет вовсе нет прироста энергетических мощностей? Не обладая мудростью и полководческим гением, они преуспели лишь в разбоях и грабежах – и не чужих, а своих собственных столиц и городов, заводов и земель. Членов правления

РАО ЕЭС и их пособников за эту политику надо упрятать в тюрьмы пожизненно, а не платить бешеную зарплату (за такое вредительство). В 2003 г. на заседании влиятельной международной организации «Бильдебергского клуба», занятого подготовкой и оформлением нового организационного порядка в мире, принят план «о разделе территории России» на множество отдельных государств. К слову сказать, от России в эту масонскую ложу входит, по слухам, тот же Чубайс. Не мудрено, что лозунг «Чубайса и хищных акул электричества – на электриче-ский стул!» овладевает массами! Или вспомним дерзкую аферу г-на Адамова (выпущенного из тюрьмы в Швейцарии), при котором исчезли 9 млн долларов, выделенных США на переработку урана. Благодаря ему весь наш ядерный обогащенный уран перекочевал в Америку по цене 24 тысячи долларов за 1 кг, хотя стоимость урана составляла, по разным данным, где-то 11–13 триллионов долларов. В будущем ценнейшее сырье могло бы послужить России. Но первые атомные станции нового типа появятся у нас только через 20 лет, передовые разработки уходят в Китай. Для поддержки ученых у чинуш нет денег, хотя мафия Минатома положила бешеные деньги в карман. Разработчика ториевой программы, замечательного физика-ядерщика Л. Максимова, хотели переманить в США, но после его решительного отказа предать интересы родины его дважды пытались убить; убили и сподвижника Максимова, физика Нуриева.

Ни ФСБ, ни прокуратура не отреагировала на эти преступления. Преступники не должны избежать возмездия... Ельцин, Черномырдин, Адамов и К° совершили акт национального предательства, передав США 500 тонн уранового топлива за чисто символической сумму 15 млрд долл. вместо рыночной цены в триллионы долларов. В результате этой акции страна лишилась ценнейшего сырья (ныне у России осталось его 10 тонн). Учитывая, что главные источники ядерного сырья СССР остались в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, продав сырье, предатели обезоружили Россию на XXI в. Надежды на развитие стратегической отрасли очень невелики после назначения главой Минатома г-на Кириенко, оформителя дефолта 1998 г. Зато на кладбище российской промышленности пышным цветом расцвели «цветы замогильные» – спекулятивные биржи, юрконторы и фирмы.

Страна не благоденствует и не процветает, как могла бы при этих-то ценах на нефть, газ, лес, сырье. Наука, образование, культура – то истинное, великое и почти единственное полезное ископаемое наших российских голов – не находят серьезной поддержки у этих господ. Те боятся русской научной интеллигенции, видя в ней своего «могильщика», хотя куда умнее, дальновиднее видеть бы в ней «спасителя» России. И разве не симптоматично то, что в исследовании конца минувшего тысячелетия (1999) «Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации» ни один из опрошенных представителей правящей элиты даже не включил в элитные группы России деятелей науки, образования, культуры. Вот оно – лицо власти! Она намеренно отстраняет науку от принятия важнейших стратегических решений, чтобы и впредь обкрадывать страну, делая всё, что только ей заблагорассудится! Как можно идти в будущее без ведущих представителей науки на главных постах в стране?! Приход новых людей науки, техники, культуры, труда на высшие посты в стране сознательно тормозится политической элитой, по крайней мере, частью ее, ибо эта публика – чужеродный паразит на теле России.

Крупнейшие монополии – народу России?!

Вклад в экономику сырьевых отраслей и электрических гигантов мог бы быть гораздо большим. Так, маленькая Норвегия получает из недр в 100 раз больше нефти, чем огромная Россия! Сырьевики приносят в казну лишь 12 млрд долл. Однако эта сумма ничтожна, если принять во внимание то, что за последние 10 лет из страны вывезено около 300 млрд долл. (кстати не столь уж и велика она: Китай примерно на эту же сумму продает одних игрушек). И вся эта сумма в основном представляет собой природную ренту! Несмотря на чудовищную прибыль, в России за последние 15 лет не было открыто ни одного масштабного месторождения, а доходы иных нефтегазовых магнатов и электрических акул превысили в тысячи раз доходы тружеников. Монополисты не только продают недра страны, принадлежащие народу, но и всю прибыль отправляют за рубеж на свои личные счета (за вычетом оплаты персонала и нужд воспроизводства). Это правительство и значительная часть бизнеса не способны предложить курса на модернизацию системы устаревшего российского корабля. Они выжимают из него последнее, что еще можно выжать, а затем бросят корабль России вместе с ее населением.

Ответ может быть революционным – национализация ряда монополий России! Народы и правители Венесуэлы и Боливии, даже не живя при социализме, оказались смелее и мудрее нас, законодательно оформив возвращение богатства недр и собственности иностранных монополий в лоно государства, а значит своему народу! Им не смеют перечить никакие зарубежные государства и компании! Если Россия осуществит перенос налогового бремени на ренты и воплотит в жизнь Святой закон: земля и богатства недр – народу России, рост экономики может быть стремительным – до 80 процентов за пять лет! Хотя чтобы разумное снижение бремени налогов было дополнено потоком инвестиций, тут необходима взвешенная, сбалансированная политика, соблюдающая интересы партнеров.

Любопытно то, что получаемые за продажу нефти и газа средства мы тратим полностью на покупку продовольствия, хотя Россия – потенциально крупнейшая сельскохозяйственная страна. Ясно, что грош цена правительству и той власти, которая не может прокормить страну (ибо на наших прилавках до 70 % товаров импортного производства). Рим погиб, когда его земледельцы вынуждены были покинуть свои земли и производство! Министр с/х России

А. В. Гордеев, один из немногих государственно мыслящих министров в правительстве, заметил, что Евросоюз на 1 га пашни оказывает фермерам в 40–45 раз больше помощи, чем мы. При этом они полностью закрывают рынок для нашей с/х продукции. Вступление в ВТО может добить село, а монополии (с их безумной политикой взвинчивания цен на газ и нефть) задушат слабую российскую экономику. Я считаю важным выделить сельского хозяйства, как и науки, в ранг важнейших приоритетов.

В СССР средства страны шли на индустриализацию

Если в эпоху СССР народ ценой немалых усилий создал мощную военную и гражданскую промышленность, то в последние 15 лет «реформаторы» в России ее уничтожили. Уничтожают при прямой указке США и их прямых пособников в экономико-промышленном блоке военную промышленность. Какова политика «реформаторов» в области развития отечественной промышленности? Согласно оценкам академика Л. Логвинова, в процессе приватизации в России с 1991 по 1998 гг. была остановлена работа 70 тысяч заводов и фабрик, число занятых квалифицированных инженеров, техников и рабочих сократилось на 8,2 млн человек. В результате приватизации только прямые потери национального богатства страны составили

колоссальную сумму – примерно 1,2 трлн долл. Тактику иных зарубежных и отечественных вампиров, вот уже 15 лет сосущих кровь России, прекрасно поняли многие честные, умные, знающие люди как в России, так и за рубежом. Такие известные как внутри России, так и на Западе специалисты как академики Е. Примаков, Н. Петраков, Д. Львов, Н. Тидеман, глава Американской экономической ассоциации У. Викри и др., все они выступают за смену экономического курса России... Е. М. Примаков в своей статье (2005), отмечая позитивные моменты в развитии страны (рост ВВП в 2004 г. на 6,8 % и денежных доходов населения, увеличение золотовалютных резервов, спроса на потребительские товары и услуги, сокращение безработицы и т. п.), вместе с тем справедливо заметил, что нынешний экономический блок в правительстве России, состоящий из «либералов», не решает самой главной задачи – научно-промышленной модернизации России. Ведь Россия всё дальше и дальше отстает от США, Китая и Индии, чья доля в мировом ВВП превысила 41 %. Самолетный парк России быстро устаревает (из 2,5 тысяч военных самолетов четверть в строю). Производительность труда на российских авиазаводах в 25 раз ниже, чем в Европе. Техника допотопная... Вот она расплата за полнейшее пренебрежение подготовкой кадров инженеров и рабочего класса! В итоге мы становимся третьесортной страной. Возраст машиностроительного парка у нас давно превысил 20 лет, а темпы роста импорта машиностроительной продукции за 2004 г. уже в 6 раз превысили темпы роста отечественного машиностроения. Инвестиции в промышленность и металлообработку в России при этом в 4 раза ниже, нежели в добывающую промышленность. Более 50 процентов ВВП дают сырьевые отрасли, тогда как наша промышленность – не более 25 процентов. Бездарный курс глав министерств финансов, собственности, промышленности прямо направлен на ликвидацию передовой науки России и ее производств. Все ими брошено на произвол судьбы. На 1700 оборонных предприятиях работают около 2 млн человек, но средний возраст работников уже достиг 54–58 лет?! Известно, что загрузка на них равна 30 процентам, из «оборонки» лишь за 2005 г. ушло 22 тысячи ученых и инженеров, ибо средний заработок тут ничтожен и позорен – от 3 до 5 тысяч рублей. В Питере уничтожен уникальный завод по изготовлению подшипников для ракет. Инженеров и рабочих разогнали, а на месте их завода ворье

открыло казино. Та же участь постигла заводы «Красное Сормово», завод им. Орджоникидзе и т. д. В Московской области приватизаторы ликвидируют «Молнию», уникальное оборонное предприятие страны. Цели их ясны: забрать 56 га высокодоходной земли, открыть там таможенный терминал. Точно таким же путем ранее уничтожен завод «Торий» (директор – А. Ушаков). Безработная молодежь там опустилась или подалась в торговлю. Уничтожают целые отрасли. КАМАЗ поставлял 40 тысяч машин в год, сейчас – 1,5 тысячи штук.

Защитим родную Москву! 1941 год

И ведь эти предприятия лично президент приказал не ликвидировать, но развивать. Иные в правительстве Фрадкова открыто и издевательски игнорируют его указания. Эти господа – мафиози, возглавляющие заговор против России и президента. Воров-приватизаторов, принимавших все эти преступные решения, арестовать, отдать под суд военного трибунала! До сих пор нет государственной программы развития вооружений на 2006–2010 гг.! Никто конкретно не отвечает в России и за развитие оборонки. С. Б. Иванов стал первым замом председателя правительства, однако

лишь недавно создана рабочая структура для реализации программ (2006). Надеюсь, она будет четко работать под контролем Президента.

Памятник черепахе

Иные задаются вопросом удивительным по своей наивности: «Куда посылать импульс?!» Вот она убогость правящей элиты! Где проекты в промышленности, судостроении, космосе, авиастроении, энергетике, информатике, вооружениях, железных дорогах, на селе? В конце концов, где же великие стройки великой страны? Верный импульс – это страна в лесах новостроек, рабочие и инженеры, гордящиеся своими заводами, армия, получающая грозное оружие, молодежь, обладающая равными правами на учебу, ученые, имеющие приличные условия для успешного и почетного труда, здоровые умные дети. Пока мы видим иное, но верим в перемены.

При сегодняшних темпах развития и обновления промышленности Россия навсегда останется несчастным Ахиллесом, догоняющим черепаху, но так ее и не догнавшим. Наша главная ахиллесова пята – наша правящая элита. Она не в состоянии прогрессивно мыслить, не может ни ставить, ни решать грандиозные

задачи, которые выдвигает перед Россией время. Гобсеки капитализма застыли в стадии первоначального накопления (не так они вели себя на Западе). То, что позволительно для XV–XVIII веков, оказывается губительным для XXI–XXII вв.

«Праздность – мать всякой психологии», – написал Фр. Ницше. Но праздность поневоле – еще и мать многих преступлений. Глядя на легкость, с которой иные сделали их воровские и полуворовские миллиарды, и молодежь становится жертвой безумно-преступной философии. Иные жаждут одного: жить богато и красиво, здесь и сейчас, сразу и быстро. Согласно последним опросам, среди школьников свыше 59 % готовы добывать деньги любым способом, а более 15 % готовы идти ради этого на риск и даже на преступления. Более трети 15-летних школьников ныне считают допустимыми воровство и рэкет. По данным Комитета молодежи при Правительстве РФ 2 миллиона молодых людей, готовы убить человека, если им хорошо заплатят, и еще больше готовы убить человека просто так без серьезной причины (по пьянке, из-за цвета кожи, за машину, дом, вещи, золото, мобильник и т. д.). Самое тревожное: мы создаем общество, где честный труд является непрестижным. Некогда социал-демократы во главе с Плехановым создали группу «Освобождение труда». Похоже, что такую группу в России впору создавать вновь. Отчуждение труда тотальное: лишь 2 % россиян считают, что работа принесет им счастье. По мнению известного криминолога А. Долговой, примерно треть населения России практически не мыслит жизни (не хочет или не может) без противоправной и криминальной деятельности. Это означает лишь одно: убийство и воровство стали нормой жизни и деятельности миллионов людей! По данным зам. Генерального прокурора С. Фридинского, с 2000 по 2005 гг., за последние пять лет, от рук родителей погибло 1100 детей. По данным Генерального прокурора на 1 января 1983 г. в СССР числилось 18 тысяч без вести пропавших людей, а на 1 января 2006 г., по словам В. Устинова, в России при меньшем населении числилось 70 тысяч без вести пропавших людей. Нельзя не сказать и о главной причине происходящих трагических метаморфоз в России. Захватившая власть в России «элита» (кстати, антидемократическим путем) создала невиданную еще «цивилизацию» – симбиоз

преступников всех мастей. Это ничто иное как величайший в истории преступный Интернационал!

В состоянии ли эти чиновники чему-то учиться у истории? Очень сомневаюсь.

Беда в том, что многие чиновники (в массе) управляют безобразно, заботясь в большинстве случаев о личной выгоде... На политико-экономические элиты нет никакой управы. Они цинично и откровенно пренебрегают задачами народа и общества, поклоняясь только деньгам или силе, начиная шевелиться только при окрике «императора». Повторяется история двухсотлетней давности... Будущего канцлера и дипломата А. Горчакова тогдашний статс-секретарь (министр) по иностранным делам К. Нессельроде однажды даже отчитал за то, что тот посмел употребить формулу «Государь и Россия». И в назидание он сказал ему (1822): «Мы знаем только государя, (и) нам нет дела до России». Но и царь никогда не был у нас всерьез ответственен перед государством и народом. В России ныне власть находится в ситуации, о которой писал Амвросий: «Царь не был связан никакими законами, потому что цари вообще свободны от ответственности, ибо никакие законы не налагают на них наказаний, поскольку они ограждены своей неограниченной властью». Надо ли говорить, что такие порядки губят в основе своей государство, власть, народ, страну. В такой стране просто необходим тип власти, подобный сталинской. И не потому, что та власть была так уж хороша, но потому, что чиновник так устроен, что, чувствуя себя маленьким царьком, казня и милуя людей, он и сам может быть управляем только страхом за свою жизнь или жизнь своего семейства. Наилучшим выходом было бы уничтожение чиновничества как класса в принципе. Однако такое возможно в утопии или в будущем, при высоком уровне цивилизации. Поэтому олигархи и чинуши всех мастей, никого не боясь, беззастенчиво набивая карманы, совсем не думают о судьбах России. Бездарно распоряжаясь народным добром, они доказывают, что «быдло демократии» не лучше «быдла империализма» (эскиз картины Репина).

Иван Антонович Кувшинное рыло

Собакевич

С ними, это надо понять совершенно определенно, Россия никогда не вернет ни своего могущества, ни славы, ни своего национального достоинства, ни чести. Потому мы оказываемся в заколдованном кругу, из которого выход – диктатура. Возможно, Февр прав, заметив, что великие цивилизации порождаются прежде всего трудностями, а вовсе не благоприятными условиями. Возможно, Русь всё ещё живет по давней заповеди: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Исторически России всегда была нужна хорошая историческая «порка», а еще лучше «катастрофа», почти что подводящая нас к черте небытия. Власть наша не приучена внимать стону и отчаянию народа! Тот должен сказать свое веское слово! Приведу слова Н. Эйдельмана из его книги о потаённой истории России XVIII–XIX вв. «Так что же,

Пугачеву не следовало восставать? Выходит, бунт действительно был бессмысленным? Нет, не выходит, да впрочем к чему рассуждения «следовало – не следовало», когда последовало! Когда на огромном пространстве поднялись миллионы людей... Восстание страшное, жестокое, взявшее много крови и несправедливой, и справедливой, бунт, своего не достигший, но... историки, экономисты вычислили, что, между прочим, заработная плата на уральских заводах после восстания выросла, даны были некоторые льготы разным категориям крестьян. Это не мелочь, приглядимся получше: пугачевцев победили, переказнили, но победители испугались и все же повысили плату или уменьшили оброк! Если бы не 1773—1774-й, то, конечно, не стали бы повышать... Скажем иначе: вообще в России с крестьян «драли три шкуры», но если бы не Болотников, Разин, Булавин, Пугачев, содрали бы все десять... И мог бы наступить момент, когда чрезмерное высасывание соков загубило бы все дерево, когда в конце концов не нашлось бы ни «прибавочного продукта», ни сил, ни духа у огромной страны, чтобы развиваться и идти вперед, накапливать средства для капитализма, более далеких горизонтов прогресса... Так бывало в мире: некогда древнейшие цивилизации замирали, засыхали, истощенные ненасытным, безграничным аппетитом землевладельцев и государства: засыхали настолько, что, по замечанию Герцена, принадлежали уже не столько истории, сколько географии». Именно в таком положении оказалась и Россия в XIX–XX вв. Экономическая и политическая власть нередко оказывалась в руках тех, кто высасывал все соки и кровь из России, даже не скрывая своего к ней презрения. Скоморохи...

Ф. И. Рисс. Скоморохи в деревне

А. И. Герцен как-то заметил, что Россию никак не может устроить, если власть охлократии сменится властью бюрократии. Однако без чиновника не обойтись. Поэтому надо готовить кадры научно-управленческой аристократии. Некогда глубокую мысль высказал Виндельбанд (пока, увы, далекую от осуществления): «И как ни часто происхождение и связи, богатство и личное влияние позволяют людям претендовать на политическое значение, — господство тех, кто обладает знанием, преобладание научно-образованного чиновничества является в нашем социальном устройстве платоновским моментом, который переживает и парламентское направление с его страстной борьбой интересов. Чем больше человеческая культурная жизнь в своем прогрессивном развитии будет опираться на плоды своей интеллектуальной работы, тем менее она сможет обходиться без аристократии знаний, идеальный прототип которой нарисован Платоном». У нас культурный и научный уровень чиновничества недопустимо низок. Конечно, полностью передавать власть в руки ученых вряд ли разумно.

Они не менее других проникнуты духом своих корпораций, что не позволяет им быть вполне объективными. Вспомним и слова

А. Герцена, который заметил в адрес ученых, что главнейший недостаток этой касты «состоит в том, что она каста; второй недостаток – специализм, в котором обыкновенно затеряны ученые...» Перечислил он и иные слабости нашей научной братии («педантизм, распадение с жизнью, ничтожные занятия... искусственные построения, неприлагаемые теории, неведение практики и надменное самодовольство»). Герцен приходит к пессимистическому выводу: «Республика ученых – худшая республика из всех когда-нибудь бывших...» Но сказанное им не означает, что Герцен во всем был прав. Время идет... «Неприлагаемые теории» прилагаются, занятия, кажущиеся невежде ничтожными, становятся магистральными путями развития РФ, «распадение с жизнью» преодолевается, педантизм оказывается чрезвычайно ценным качеством индивида. Надменное самодовольство, похоже, присуще скорее тупым политикам и вору-олигарху, чем настоящему ученому, который привык подвергать сомнению любую идею и каждый свой шаг в науке.

Конечно, страна набирает темпы движения... В руководстве Россией больше ощущается воли, ума, решительности, мужества и таланта... За годы правления Путина число бедных в стране уменьшилось с 42 до 26 млн человек. Есть уже первые успехи (новые корабли, подлодки, ракеты, танки, самолеты, терминалы). Хотя антирусское лобби в правительстве осталось и по сей день еще занимает ряд ведущих постов. Да, наш президент возглавил ряд национальных проектов. Но ельцинская чиновная гидра намерена разворовать эти деньги, а страна при ней так и не выйдет на передовые позиции по ключевым линиям науки и техники. Лишь в случае прихода в экономико-промышленный блок энергичных, умных, честных и грамотных людей (служащих российским интересам, не воле Запада), можно добиться решающего прорыва, перестроив индустрию и с/х на основе новейших технологий и фундаментальных наук. Однако как честно признается и зам. главы администрации президента В. Сурков: «Нет ни одного крупного экономического или какого-либо иного достижения, которое заработало для России наше с вами поколение». Нас очень тревожит, что в нынешней России число высококвалифицированных рабочих достигло позорно низкого уровня 3 % (в США – 49 %, Германии – 45 %). Мы перестаем быть передовой технологической державой мира.

Первые заместители Председателя Правительства – Д. Медведев и С. Иванов

Мы – жалкие рабы ресурсов! К сожалению, надо признать, что мы вдобавок еще и никудышные рабы. Владея 70 % лесных ресурсов мира и значительным объемом даров морей и океанов, мы так и не научились их перерабатывать, преступно отдали лесные и рыбные богатства на откуп бандитам и чиновникам. Нужен жесткий контроль и физическая ликвидация всех уголовных структур, паразитирующих на наших богатствах. Уверен, мы придем к пятилеткам, национализации недр и ключевых производств, к бурному росту науки, техники, промышленности и образования. В передовых странах мира госсобственность выходит на первые роли (Швеция и Франции – 50 %, Италия – 42 %, США – 30 %). «Передовыми» ведущие страны потому называют, что они являются изготовителями самой современной и передовой продукции. Мы же не в состоянии изготовить даже бумагу для полиграфии, покупая ее в развитых странах мира на сумму в 3 млрд долл. Доля оборудования и машин в балансе торгового оборота России с Китаем составила в 2006 г. 2% (она еще и снизилась с 4 % в 2005 г.). Правда, пущен мощный комплекс поставки газа и нефти через новый порт Балтики. Мы намерены провести две мощные ветки для снабжения растущей мощи великого Китая. Но это всё же только использование ресурсов и недр России. Мы становимся паразитами на

теле нашей великой страны! Еще четверть века такого правления и мы окончательно разучимся делать что-то ценное и нужное миру в научно-технологическом и интеллектуальном смысле! И это при том, что именно на долю научно-технического прогресса приходится до 90 % прироста валового внутреннего продукта в наиболее развитых странах. Слава богу, в России есть умные головы, научные заделы, преданные делу люди.

Русский богатырь

России необходимы политики, о чем мечтал еще Аристотель, обладающие талантом учёного, умом философа, воображением поэта, навыком купца и мужеством воина. Нужна новая порода политиков – энциклопедисты, люди мужества и веры в то, что они работают во имя России. Надо не заниматься бесплодными поисками «русской идеи», но заняться возвращением всего ценного, что было в дореволюционной и послереволюционной, советской России! В Риме

во времена Августа главными идеологическими лозунгами стали такие символы как *pietas* (лат. – т. е. чувство долга, ответственности, любви к отечеству, родителям, императору), свобода и мир. Вот и в императорской России времен стабильности, эпохи Уварова и Николая I, русские руководствовались в жизни такими символами веры и опоры как православие, самодержавие, народность. Правда, в те времена порядок в стране приходилось наводить крутыми аракчеевскими методами. Прошло два века, но и ныне злободневно звучат иные напутствия: «Французскими речами не выкуешь дело» или «Без драки и телесного наказания всё можно сделать, но надобно только твердость в намерениях и непеременимость в исполнениях (иметь), дабы они видели, что командир, единожды определив какое дело, никогда от онаго не отступит». Что же касается великого реформатора начала XIX века М. М. Сперанского, гения и подвижника, то это «светило русской администрации» осталось явлением «совершенно исключительным». Это был своего рода «связанный Гуливер» среди чиновничьих лилипутов. Потребовалось восстание декабристов, чтобы в российском обществе сформировалось твердое убеждение: «Все ждут если и не полного преобразования, то хоть исправления в порядке управления» (1826). Порой наш президент напоминает собой такого Гуливера XXI века.

Портрет великого русского философа Ивана Ильина

В советскую эпоху идейными скрижалями в СССР стали понятия – родина, патриотизм, труд, равенство... В XXI в. духовно-экономическими ориентирами всей нации должны стать справедливость, ум, здоровье народа, любовь к России, богатство, знание и культура... Необходим подвижнический труд миллионов, готовность граждан к духовному, трудовому, нравственному подвигу. На смену поколению предателей, воров, чинуш-коррупционеров должна прийти совсем иная поросль, готовая пожертвовать жизнью, знающая цену уму, подвигу и чести, и умеющая талантливо и успешно трудиться. Нам нужна истинно русская, самобытная интеллигенция у власти, руководствующаяся не только и не столько законами рынка, но законами патриотизма, любви к родине и своему народу! Для этого нужно, как говорил Ильин, перво-наперво, мужественно сражаться с ворами и палачами России на каждом метре родного отечества, раз и навсегда отвергнув «соблазны непротивления». Земля должна гореть под ногами бандитов и воров! Народ чрезвычайно талантлив! Согрейте ж его, дайте каплю любви и он свернёт горы! Больше творчества, ума, труда, дерзанья, мужества, чести, и дело пойдёт. Сделайте заповедью власти слова: «Всё для людей» – и скоро вы не узнаете страну!

В. Б. Корецкий. Воин Красной Армии, спаси! 1942 г.

Понятно, почему иные сегодня говорят о необходимости переворота... Народ смертельно устал от строя воровской плутократии. М. К. Горшков, директор Института комплексных социальных исследований РАН сказал: 3/4 общества в России настроены не революционно, а эволюционно. Возможно, это и так, но сие вовсе не означает, что народ доволен нынешней властью! Низкий уровень доверия к ней заставляет задуматься. В обществе доверяют президенту – 60 %, армии – 45–50 %, церкви – 35 %, партиям – 5 %. Показательно, что на выборы в Московскую думу не пришло голосовать уже 2/3 москвичей. И хотя мы не хотим повторять ошибок великих предков, революционных демократов, взывая к Пугачеву и Ленину, но для многих простых людей куда лучше Ленин и Сталин, чем кучка богатеев и грабителей, издевающихся над народом! Видно, что-то все же не так устроено в работе механизма российского государства, если в Георгиевском зале Кремля (а стены этого зала, хочу напомнить, несут имена героев, особо отличившихся в боях за родину и награжденных георгиевскими крестами, высшими наградами России, за свой подвиг) чествуют палача и вора, давшего в 90-е годы XX в. «зеленую улицу» разграблению Российского государства, если золотые ослы и воры получили доступ к управлению страной, а государственная дума хочет принять идиотский закон о приватизации вод рек, озер и океанов! Что-то, видимо, все же не так содеяно и в государстве, чиновничьем Левиафане, если наша молодежь добровольно облачается в робы ссыльных каторжан и, заковав себя в кандалы, идет по тюремному тракту, повторяя путь бунтарей-декабристов, два века назад требовавших смены политического строя в России!

Думаю, Ильин в свое время был прав, говоря о необходимости «политического переворота». Партия «Родина» заявляет: «Мы обязаны сбросить олигархическое ярмо и построить свою политическую и экономическую систему». Программа возрождения национальной экономики должна начаться с «национально-освободительного восстания против олигархического рабства». Поэтому власть плутократов ее боится, исключив из избирательных списков. Возможно, они и создадут здоровую основу будущего патриотического ядра, если только внутри их стана не разгорится «гражданская война» между лидерами, подобная той, что развернулась некогда в Риме

между Антонием и Октавианом. Однако главные наши надежды мы связываем не с партиями, а с патриотами, людьми знания и дела! Ильин был прав, говоря о выборе инструмента перемен: «Поэтому ныне для России надо желать не «революции», а политического переворота, который должен возродить национальную Россию и обновить всю жизнь». Но сегодня в России, считаю, правильно было бы говорить не о перевороте, а о кардинальном повороте всей политики государства и правительства. Если власть поймет, что главное богатство России – это таланты и умы нашего народа, наша любимая Родина преобразится в течение 20 лет! Если же власть предрержащие не поймут, то народ и армия обязаны сказать свое веское слово! Американский фантаст Рэй Брэдбери произнес глубоко верные слова: «Русские должны научиться любить себя. Тогда высвободится их страсть, их энергия... И это время уже близится... Они пробуждаются и освобождаются... Их главная сила вовсе не в газе или нефти, но в литературе, науке, истории, мысли, в их творческом гении!» (2005)

Если судить по опросам, наибольший шанс победить в битве с олигархами и чернью – у Науки и Армии! Победили же мы фашизм? Справимся с бандитами и ворами! У русских свое понимание демократии: справедливый строй, рост благосостояния народа. Нас спасут не властные демагоги и партийные болтуны, а обычные гении и русские солдаты, «взяв рейхстаг», как это бывало в истории. Руссо упрекал римлян за то, что к концу Республики те избегали диктатуры столь же неразумно, как прежде неразумно ею злоупотребляли. Слова обращаю к герою. Действия патриотов Республики должны быть подобны удару молнии!

Власть воров низвергнуть путем «железной диктатуры»! Ключевые роли будут играть талантливые, яркие, честные, абсолютно и всецело преданные России люди! Поэтому мы и ратуем за власть решительного президента! Нужен Пётр Великий, с верой Христа и Магомета, головой Ильина, уздой и волей Сталина – умный, беспощадный, грозный. Надо менять ситуацию. Пока власть, экономика – в руках эгоистов, безжалостных к России и народу. Но мы идем (и непременно придем) к аналогу великой научно-технической, военно-культурной диктатуры. А. Тойнби был прав, считая стимул удара чрезвычайно важным для определения будущего государства,

добавив при этом, что формула «чем тяжелее удар, тем сильнее стимул» может означать утверждение законов, где слышится довольно сильная милитаристская и авторитарная тональность. Но без этого не обойтись!

Вот и Иван Ильин в труде «Основы борьбы за национальную Россию» писал (1937): «Русская интеллигенция склонялась к тому мнению, что «гражданин вселенной» всегда выше патриота с его националистическими пристрастиями. Отсюда возникло ее тяготение ко всевозможным «интернационалам» и ее безразличие или холодное отношение к своей национальной армии». Если так, то армия должна согреть хладные сердца космополитического чиновничества! Но и армия должна стать другой... Сколько можно терпеть то, что воин России стал рабом у иных преступных командиров?! Так называемые небоевые потери личного состава Российской армии сегодня более чем в два раза превышают боевые потери армии во время боевых действий в Чечне. Позор! Это значит, что выродки в офицерских погонах, «деды» издеваются над солдатами, убивают и калечат. Армию надо чистить, сажая всех преступников, включая и командиров. Ввести особые военно-полевые суды и выжечь «дедовщину» каленым железом. И возвращение к институту военных воспитателей (замполитов) – верный шаг!

И вообще пришло время наконец-то «дать вызреть» новой нравственной России! Ведь вся клевета, вся полуправда, которая в сто раз хуже клеветы, которую вылила плутократическая сволочь на социализм и его героев (за последние 20 лет), кажется, совершенно странным, почти фантастическим образом только укрепили в России идеалы социальной справедливости. Уже победившие партии размахивают теми же лозунгами, всерьез не думая их воплощать. Телевидение, поившее нас отравой бездарной поп-музыки, юмором идиотов, возвращается к прекрасным романсам, советским песням – шедеврам советской России. Сделаны робкие шаги на пути улучшения жизненного уровня народа. Премьер даже заявил, что правительство за 10 лет вдвое сократит число бедных и нищих страны. «Свежо предание, но верится с трудом». Вряд ли это возможно, если за оплату жилищ у людей забирают от половины до 3/4 их пенсии, а министр-капиталист получает в месяц столько, сколько квалифицированный врач, ученый, инженер, учитель, конструктор, рабочий, труженик села,

военный не заработают за всю трудовую жизнь. Похоже, правду гласит известная русская пословица: «Сытый голодного не понимает!» Олигархи, монополисты, значительная часть вконец проворовашегося чиновничества просто не в состоянии понять бедного человека, простого труженика, его самых насущных нужд и чаяний. Они живут совсем в ином мире, в мире больших денег! Нынешний правящий класс России поэтому исторически преступен, а следовательно он – бесперспективен!

«Всякая власть ненавистна народу. Ее защитой и оружием служит свобода совершения преступлений» (Лукан). Так вот этого в России быть не должно... Если крупных чиновных преступников не смеют тронуть и пальцем, значит, они полагают: им всё можно. Надо избавить Россию от мерзавцев! Бессовестных капиталистов и чинуш лишить власти, поместив в места заключения надолго и всерьез; глав губерний, районов, областей и городов, где граждане замерзают, живя хуже скотины, переселить с семьей вместо их роскошных особняков в бараки; владельцев предприятий и директоров, что не платят своим работникам за их труд, лишать свободы и собственности; оборотней-судей, милиционеров, прокуроров, налоговиков и таможенников, крышующих бандитов, сажать в тюрьмы; всех убийц и террористов – ликвидировать; наркобаронам и торговцам наркотиками ввести смертельные дозы героина. Преступников и виновных в коррупции чиновников сажать в тюрьмы, а их капиталы и собственность передавать в ведение государства, как в Китае. Видимо, лишь тогда скотское племя начнет реагировать, боясь за свою жизнь. Поэтому само время и беспредел, царящий в России, требуют принятия Думой и Советом Федерации закона о смертной казни для убийц, террористов, коррупционеров и воров. Вон и в демократической Японии убийц вешают, а в США изощренно казнят.

Вспомним, что древний Рим погиб, когда каждое новое поколение римлян в физическом, нравственном и профессиональном отношении становилось хуже предыдущего (слабее, эгоистичнее, глупее, равнодушнее к судьбам их родины). Поэтому злободневно звучат ныне слова Аристотеля. Он писал, что государство является первичным по сравнению с семьей и каждым из нас. В «Политике» он писал: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве», а право, служащее мерилom справедливости, должно являться и

регулирующей нормой политического общения. Философ справедливо полагал, что государство уже «по природе предшествует каждому человеку», ибо человек никак не является «существом самодовлеющим». Даже в рабовладельческом Риме действовали законы и право и была определенная мораль. На самом деле подлинная тайна благополучия всех троих – государства, гражданина, семьи – заключается в тонком и гармоничном равновесии между всеми этими компонентами.

Расстрел армией Парламента РФ в 1993 г.

Говорят, сей строй хорош... Еще как хорош – но только для миллионеров, воров и чиновников, а не для народа. Результат 15-летней власти этих недочеловеков потрясает: 16 процентов детей в стране являются хрониками, каждый год число инвалидов в стране

возрастает на 1 млн, около 40 процентов всех рождающихся детей являются больными? Почему в так называемой демократической России миллион беспризорников, ежегодно 8 000 детей кончают жизнь самоубийством? Почему ежедневно 4–6 млн детей принимают наркотики, а монополии проводят (с легкостью!) через коррумпированную думу закон, разрешающий свободный прием наркотиков (методона)? В России наркозависимых около 10 миллионов человек, а процент курящих людей поднялся с 45 до 70 %. В «демократической» России 2 млн неграмотных детей, почти как после гражданской войны. У нас рождается 1,5 млн детей в год, а нужно по крайней мере 2,5 млн, но около 5 млн супружеских пар не может иметь детей и число их быстро растет. Вдобавок ко всему, от обеспечения прав ребенка (закон N № 122) полностью устранилось государство. Чиновники-рабовладельцы почти открыто торгуют беспризорными детьми, получая до 30–40 тысяч евродолларов за ребенка, проданного на Запад (в России остается 10 % из всего «оборота» в 170 тысяч детей, всех остальных увозят на Запад). На беспризорных и больных детей они получают до 1 млрд долл. в год, но до этих детей доходит в лучшем случае пятая часть суммы. Социальные, патронажные, сиротские, медицинские, милицейские работники (иные из них) – являются новым видом современной мафии. Многим из них место – в тюрьме.

Расстрел воров-чиновников в Китае – пример, достойный подражания!

Однако каково положение детей Народа? Помнится, еще Пифагор говорил о том, что большинство людей не хотят брать на себя никакой ответственности и заботы о собственном потомстве. Они и детей плодят «наобум и как попало», избегая разумного подхода, воспитывая их кое-как, с полным пренебрежением к требованиям времени, условиям бытия. Таких родителей он сравнил с дикими животными, что себе подобных производят на свет «с каким-то безрассудством, подобно животным». В итоге, дети оказываются дурными людьми с порочными наклонностями, слабые физически или умственно. Правда, Пифагор считал, что детей с природными недостатками или рожденных в результате насилия лучше устранять, как это и было заведено в Спарте, оставляя живыми лишь тех, кто явились на свет полноценными после осмысленного, законного деторождения в здоровой семье.

Конечно, мы не можем согласиться с этой посылкой греческого философа. Но какое будущее ожидает наших детей? К чему ведет людей капиталистическо-плутократический строй, где на первом месте деньги, власть, корысть, эгоизм, на втором – опять-таки «карьера» и собственное благополучие, а на последнем – честь, знание, ум, здоровье народа и интересы родины? Ныне, говорят, создают демократию. Какую?! Ту, что вдвое увеличила за последние 10 лет число детей-сирот (число их перевалило за миллион)? Число детей-сирот у нас ежегодно увеличивается на 50 000, и 60 000 семей лишаются родительских прав. Всего же по России имеется как минимум 1 млн беспризорных детей. Половина станет преступниками, половина сопьется, часть покончит жизнь самоубийством, лишь 10 процентов адаптируются и впишутся в нынешнюю жизнь. Бедность создает ущербное и жестокое поколение, людей без сердца и воли. По признанию главы Совета Федерации С. Миронова, половина всех детей России живет в условиях ужасающей бедности (это оптимистические оценки). Глазьев также считает, что для среднего российского ребенка вероятность оказаться на социальном дне, не получив в будущем ни хорошего образования, ни высокооплачиваемой работы, составляет не менее 50 %. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, обитателями «социального дна» в России стали 14 миллионов человек: 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4–5 млн беспризорных детей, 3 млн уличных и

привокзальных проституток. Социальная политика правительства, как нам казалось, не оставляла надежд на рост народонаселения.

Ю. Сергеев. Крещение младенца

Напомним, что Д. И. Менделеев в «Заветных мыслях» в 1904 г. предсказывал, что население России в 1950 г. должно было бы составить 350 миллионов. Нас же сегодня на 200 миллионов меньше. Виной тому не только войны, но и наши политики. При нынешней власти вся Россия становится сиротой. Показатель смертности населения России – самый точный барометр политического курса. С 1992 г. коэффициент смертности превысил у нас коэффициент рождаемости, в два раза опережая уровень европейских стран и США. Показательно, что лицо у этой смертности в основном – русское. В исконно русских губерниях скорость смертности превышает среднюю по России. Вдобавок ко всему смерть молодеет (и быстрее всего вымирает самая деятельная часть народа – 44–46 лет). К 2050 г. население России, по прогнозу, может сократиться со 145 миллионов до 75 млн. По словам академика Д. Львова, население России до сих пор принадлежит к так называемому мировому поясу относительной

бедности (со среднедушевым доходом не более 2300–2500 долл. в год). Оно обречено на вечную нищету при сохранении заправил экономики и идеологии «демократического либерализма». Тут вряд ли помогут даже бог врачевания Асклепий и богиня здоровья Гигиеня. Впрочем, и тут видны перемены.

Г. Коржев. Мать с ребенком

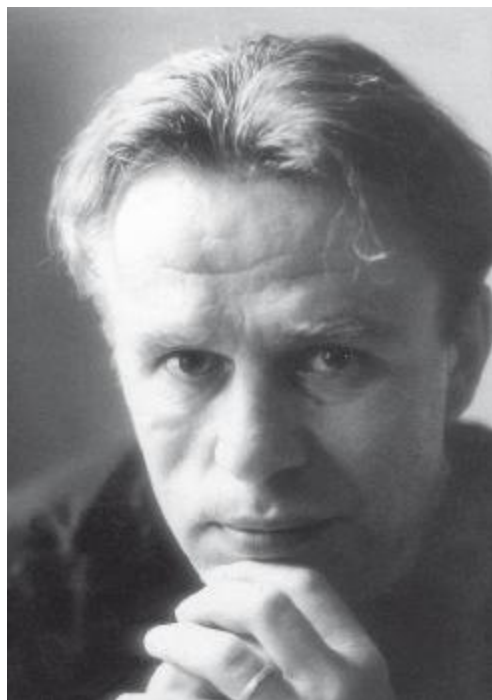
Заметим, что за те же 70 лет правления «ужасных» большевиков население СССР увеличилось вдвое, со 150 до 300 миллионов человек. И происходило это в тяжелейших условиях капиталистического окружения, страшных мировых и гражданских войн, разрух, голода, диких репрессий! Сегодня Россия пожинает страшную жатву смертей в условиях так называемого «мира и процветания». За последнее время кое-где наметился сдвиг: в Москве наблюдается бурный рост рождаемости (5,6 % в год). Но общая картина остается удручающей. Так как 90 процентов наших детей-сирот проживают не в Петербурге, Москве, а в глубине России, вдали от столичных благ, школ, шансов, капиталов, то не мудрено, что в Москву толпами устремляются беспризорники со всей страны. Для миллионов бездомных не хватит отчаянных усилий приютов и одиночек-священников. Что же, мы ведем войну против детей?! Даже по признанию министра внутренних дел Р. Нургалиева, Россия сегодня переживает третью и чудовищную (после Гражданской войны и Великой отечественной) волну беспризорничества. Нужен строй, который бы не плодил массы преступников, бомжей, беспризорных. Сей строй стал главным виновником массовой преступности, всех социальных бед! Хотя

последние шаги в направлении стимулирования деторождаемости обнадеживают. Предложения президента по поддержке семей и увеличения деторождения в России можно приветствовать, но их следует закрепить.

Асклепий, бог врачевания, и Гигинея, богиня здоровья

Ксенофонт в «Лакедемонском государстве» писал, что от здоровых и сильных супругов и дети будут сильные и здоровые. И на вопрос, где он видел в Греции хороших людей, Диоген отвечал: «Хороших людей – нигде, хороших детей – в Лакедемонии». Но хорошие и здоровые дети не возникают ниоткуда, сами собой. Они плод трудов родителей, общества и воздействия всей среды воспитания. *Paulatim summa petuntur!* («Не сразу достигаются вершины!»). Потому мы называем то государство, что не уделяет должного внимания воспитанию, здравоохранению и спорту, «страной обреченных». Когда греки и римляне сменили спортивные занятия и игры на различные шоу, они перестали быть мужчинами и воинами, а их жены стали рожать заморышей. В итоге Греция была порабощена, а великий Рим оказался покорен варварами.

Министр спорта РФ В. Фетисов

Тот, кто с детских и юношеских лет не занимается спортом – лентяй и глупец, добровольно обрекающий себя на скучную, серую и уныло-бесполезную жизнь. К сожалению, в России лишь 22 % молодежи занимается спортом, тогда как 15 % не хотят слышать об этом, смолodu становясь стариками. По словам главы Госкомспорта РФ В. Фетисова, сегодня около 20 тысяч наших ведущих тренеров готовят спортсменов зарубежных стран, фактически действуя «против интересов российского спорта». Институты физкультуры в России продолжают выпускать специалистов, лишь 20 % из них работают в области спорта. Причина очевидна: профессия учителя физкультуры и детского спортивного наставника непрестижна и плохо оплачивается, а именно от них в первую очередь зависит воспитание здоровой нации и физическая мощь воина, а также состояние уровня массового спорта. Занятие спортом не является первоочередной задачей государства или бизнеса. «Меценатов» волнует прибыль и реклама. Молодежь проводит большую часть времени не за книгой или на стадионах, но за экраном телевизора и компьютера, висит на удавке мобильного и магнитолы. Хотя в последнее время стали строиться крытые катки, на очереди – залы и площадки.

Говорят, возвращение к христианской вере вдохнуло жизнь в тело нации. Бог создав Адама и Еву, похоже счел свою миссию по воспроизводству генофонда исчерпанной. Дальше, решил он, пусть каждый народ позаботится сам о себе. Можно приветствовать голос Церкви, призвавшей увеличить число граждан, но Церковь лишена права голоса в делах государевых. Есть немало и достойных, и преданных священнослужителей. Однако, право, не их вина в том, что в стенах храмов редки свадьбы, а на Руси ныне все чаще звучат панихиды по невинно убиенным. У нас чаще отпевают, чем крестят новорожденных... А посему: не складывается ли в России ситуация, подтверждающая древний афоризм, гласивший: «Священник хлопает в ладоши, когда слышит погребальный звон»?!

Рассматривая историю как подвиг, Г. Флоровский сделает одну оговорку: «Но именно потому, что история есть подвиг, возможна ее неудача. Именно поэтому она трагична». Вся история России XX века – это трагедия, но при этом часто переходящая в подвиг. Возвратиться в эпоху советских республик маловероятно, да и нельзя дважды войти в одну реку. Но дух народной власти, творчества и патриотизма не погиб. Он живет в сердцах людей. Даже нобелевские лауреаты признают: с точки зрения значимости, патриотизма, государственности прошлая жизнь была куда притягательнее. Как воздух нам нужны правители, что наведут порядок в родной стране. И было бы неплохо воссоздать если не форму, то дух республики Советов. Поэтому и новые герои России должны, подобно Гераклу, взвалившему на себя удерживаемый Атлантом небосвод, выстоять и победить. И мы обязательно победим, если воспримем историю как деяние подвижников.

Судьба России в руках президента. Вождь не может уйти от ответственности, ожидая решений от сената или думы. Когда-то правитель Рима Октавиан решил сложить с себя власть и передать полномочия сенату и народу (если был искренен). Он решает посоветоваться с его ближайшими друзьями – Гаем Цильнием Меценатом, что известен честностью и молчаливостью, и с Марком Агриппой, которого глубоко ценил за его скромность и выносливость в трудах государства. Тогда-то Агриппа и посоветовал ему отказаться от единовластия, считая это верным решением.

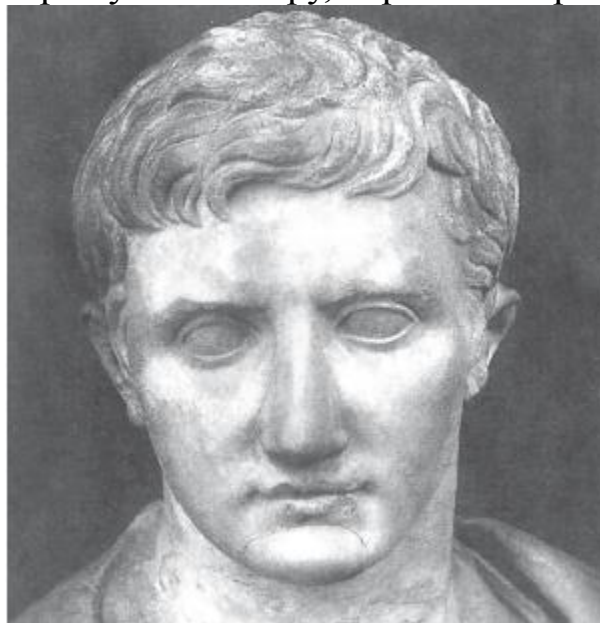

Атлант Фарнезский. Мрамор

Иначе рассудил Мecenат, так обосновав его соображения: «Если ты заботаешься об отечестве, за которое вел столько войн, за которое отдал бы с удовольствием и свою душу, то преобразуй его и приведи в порядок наиболее рациональным образом. Возможность делать и говорить всё, что только кто пожелает – это источник всеобщего благополучия, если имеешь дело с благоразумными людьми, но это приводит к несчастью, если имеешь дело с неразумными. Поэтому тот, кто дает свободу неразумным людям, всё равно что дает меч ребенку или сумасшедшему, а кто дает свободу благоразумным гражданам, то спасает всех, в том числе и безумцев, даже вопреки их воле. Поэтому я считаю необходимым, чтобы ты не обманывался, обращая внимание на красивые слова, но чтобы, взвесивши настоящее положение вещей, по существу поставил бы предел дерзким выходкам толпы и взял бы

управление государством в свои руки совместно с другими достойными людьми. Тогда сенаторами были бы люди, выдающиеся своим умом, войсками командовали бы те, кто имеет опыт в военном деле, а несли бы военную службу и получали бы за это жалованье люди самые крепкие и самые бедные. Таким образом, каждый будет охотно делать свое дело, с готовностью помогать другому, не будет больше слышно о людях нуждающихся, и все обретут безопасную свободу. Ибо пресловутая свобода черни является самым горьким видом рабства для людей достойных и одинаково несет гибель всем. Напротив, свобода, везде ставящая на первый план благоразумие и уделяющая всем справедливое по достоинству, делает всех счастливыми. Ты не думай, что я советую тебе стать тираном и обратить в рабство народ и сенат. Этого мы никогда не посмеем, ни я сказать, ни ты сделать. Но было бы одинаково хорошо и полезно и для тебя и для государства, если бы ты вместе с лучшими людьми диктовал законы, а чтобы никто из толпы не поднимал голос протеста» (Кассий). Совет весьма спорный, особенно в плане предложений «не поднимать протеста», но все же и тут есть свой ratio. Цезарианство хуже арианства. Второе убивает веру, первое же – разум и волю.

Римский цезарь – Август

Российский цезарь – В. Путин

Однако позволю себе высказать сугубо личное мнение. Однажды в истории России уже был сильный и умный политик, Столыпин, предлагавший решить проблемы России. Он потребовал для этого 20 лет спокойствия и упорного труда, добавляя при этом, что западным государствам «на это потребовались десятилетия». И далее он же сказал (1907): «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» Как вы знаете, России не дали этих двадцати спокойных лет развития. Тогда радикалы-демократы в лице провокатора-еврея Мордко Богрова с помощью бомб, револьверов и прессы (и тогда вся русская печать, как писал В. В. Шульгин в «Днях», «на три четверти была еврейская») убили реформатора, многих «силовиков» и втравили страну в войну. Страна была вовлечена в мировую бойню, а затем последовали революции. В итоге Россия была отброшена в своем развитии. Сегодня те, кто называют себя либерал-демократами, с помощью прессы и зарубежных денег хотят убрать ненавистного лидера из Кремля. Цели примерно те же: ослабить Россию, вернуть ко временам управляемой

«демократии» (управляемой из США). Беда в том, что мы часто и слепо прислушиваемся к голосам врагов России, всякого рода «пифий»: «Ах, демократия не позволяет президенту быть у власти более двух раз! Ах, гуманизм рухнет, если будет введена смертная казнь!» Разум, закон и национальные интересы России и ее народов – вот чему надо следовать в первую очередь! Кардинально обновить всё правительство, заменив людей «пятой колонны» (ельцинистов) патриотами, людьми чести, воли и дела. «Если бы существовало государство богов, то оно управлялось бы демократически. Такое совершенное правление, однако, не подходяще для людей», – говорил Руссо. Если ум и воля Вождя будут крепки, и он услышит голос Народа, не тех, кто жонглирует двойной моралью, вся страна оживет.

Центральный банк России – оплот державы

Ведь в России были и есть прекрасные, умные, талантливые, деловые, богатые люди, способствующие процветанию родного края и любимого ими отечества. Будучи уверены в необходимости сохранения ключевых элементов социализма и христианства при капиталистическом отношении к труду (как сказал Ю. Лужков, «работать по-капиталистически, жить по-социалистически»),

полагаем, что надо бы ликвидировать в России «пятую колонну» компраторов. Социализму пора вступить в самую тесную, можно сказать интимную связь с капитализмом, но не ту, которую демонстрируют иные чиновники и партийцы, откровенно идя на содержание иудейского или же иного капитала. Новому типу модернизации, инновационных задач, стоящих перед Россией, подойдет формула политэкономического синтеза.

И вообще никто не говорит о том, что есть два типа капитализма. Один тип – творческо-конструктивный, созидательно-патриотический, социально-трудовой и ответственный. Другой – плутократический, ростовщический, спекулятивный, нетрудовой, воинственно-антисоциальный, безответственный и зачастую просто воровской и бандитский. И Россия вот уже 15 лет находится в лапах второго типа капитализма, капитализма париев и отморожков. Именно так воспринимали его в мире. Друзья России надеялись, что президент возьмет в железные тиски плутократов? Но этого не произошло... Эти «авраамы экономического террора» пускали под нож Россию (при раболепном молчании власти). Поняли, что им ничего не угрожает, вконец распоясались, используя свободу во вред обществу и народу. Пока они сохраняют контроль за Россией, с нами не будут иметь дела.

П. М. и В. Н. Третьяковы

И как тут не вспомнить точную оценку российского капитализма, которая дана В. М. Черновым (1873–1952), блестящим публицистом и

философом, крупным теоретиком социалистов-революционеров (эсеров). «У нас, – подчеркнул он в статье, опубликованной в «Русском богатстве» в 1900 г., – развит более чем где-либо особый, специальный вид капитализма, именно капиталистический паразитизм, т. е. эксплуатация капиталом непосредственных производителей без соответственной реорганизации из мелкого примитивного – в крупное, основанное на приложении новейшей технологии». Тогда, в начале XX в. этот капитализм делал лишь первые шаги. Но развитие его было прервано в 1917 г., в результате Октябрьской революции. Однако «споры» того капитализма, подобно спорам сибирской язвы, надолго сохранились в «могильниках» бюрократического сознания. Когда после побед 1990–1993 гг. контрреволюция вскрыла эти захоронения, разворошив могилы неудовлетворенной алчности, эгоизма, вождельний и амбиций псевдоэлиты, наступил триумф «капиталистических паразитов». С ними нужно покончить!

А. Э. Нобель

Частная собственность во всем мире служит локомотивом экономического и социального прогресса. Но ее владельцы там как «Отче наш» знают, что их миссия состоит не только и не столько в

собственном обогащении, но прежде всего в служении делу и отечеству! Напомним и слова И. Ильина о том, что надо «верно принимать и уважать частную собственность». Это возможно только при том неперенном условии, если «богатеющий хозяин служит не только себе, но и всему народу и своему государству». Они – наша надежда и опора. В них видим здоровые ростки будущей экономики, которая может быть конкурентоспособной (и непременно будет!). Таких талантливых деловых людей не так уж и мало на земле нашего отечества. Распахните пред ними дверь!

С. Т. Морозов

А. Л. Штиглиц

Подвиги во имя России нележки, тяжки и, пожалуй, гораздо более опасны, чем даже все подвиги Геракла... Имея в виду героическую личность Сократа, Гегель говорил: «Таково вообще во всемирной истории положение героев, зачинающих новый мир, принцип которого находится в противоречии с прежним принципом и разрушает его; они представляются насильственными нарушителями законов. Индивидуально они поэтому находят свою гибель, но лишь индивидуум, а не принцип уничтожается в наказании». Сегодня чтобы быть героем, надо быть не только бойцом, но и умелым, знающим, самоотверженным, честным человеком. Построение справедливого и красивого строя — задача нового поколения героев. Если все же говорить о восстановлении единого государства в новых формах, с включением в нее народов, имеющих те же исторические идеалы, необходимо тщательно всё взвесить. Ведь иные народы имеют давние культурные традиции, а значит свои собственные духовно-государственные идеалы. Один из римских императоров, Антонин Пий («Благочестивый») отказался принять в подданство ряд соседних народов, что были уже готовы отдаться под римскую власть. Он говорил, что предпочитает защищать провинции, а не увеличивать их число.

Но Рим, разделившись, пал... Поэтому Россия должна вернуть в лоно свое тех, кто не мыслит жизни вне границ: русскоязычных граждан Крыма, Украины, Беларуси, Абхазии, Осетии, Приднестровья. Да ведь и история еще не закончена. Народы эти в судьбой предначертанный час непременно вновь воссоединятся с Россией. Так было и так будет! Удел сынов России: быть в войнах (в том числе в интеллектуальных и торговых, деловых и технологических), что ведет их страна! Столкнувшись с рядом трудностей, потерпев ряд жестоких поражений, пережив немало предательств, четверть века переживая упадок, нам пора уже начать оздоровление и восхождение.

Мы не призываем цезарей, мы надеемся найти диктатора в просвещенном уме! Нужна власть умная, беспощадная к врагам, щедрая, добрая к друзьям России. Хватит болтать... Пора, наконец, стать мужчиной и героем России... Тогда мы точно будем уже не по зубам крупнейшим мировым хищникам. Можно ожидать взлет, превосходящий все чудеса Возрождения. Русская цивилизация внутренне подготовлена к смелому рывку. Устав от поражений, мы вызреваем для побед. У нас есть для этого ресурсы – людские, умственные и природные. Нужна вера и люди, люди победы! Нужна воля политического лидера, победоносный Вождь!

И. Тоидзе. «Родина-мать зовет!» Защитим Россию

Майское послание президента В. В. Путина к Федеральному собранию РФ в 2006 г. стало, как мне представляется, откровением для многих в России и мире. Это своего рода *urbi et orbi* новой русской власти, власти впервые за 20 лет поворачивающейся лицом к своему народу, лицом ко всей России. В его послании, как и в «Русской Правде», есть несколько опорных колонн, которые, если они будут возведены, смогут держать свод Русской державы тысячи лет. Женщины и дети, щит и меч, народ, знание, культура – вот те волшебные источники, откуда и проистекают мощь и величие Российской державы. Интуитивно все понимали: без обращения к ним, страна никогда не поднимется на высоту, достойную своей судьбы и своего народа, и будет по-прежнему опускаться в бездонную бездну. При этом тысячи хищников-чиновников, воров, псевдобизнесменов и

олигархов будут продолжать сказочно богатеть. Чтобы этого не случилось, эту гидру надо обуздать, обуздать быстро и жестко. Историк И. Фроянов, говоря о маяках русской истории, назвал Грозного и Сталина, которые «отмечают начало и конец героического периода нашей истории – время, когда грозной для врагов стала сама наша страна». Мы частично согласимся с его вердиктом: «Но быть грозным для врагов государства – это долг царский». Однако самое важное в «царском долге» – это постоянная и неусыпная забота и любовь к своему народу! Напротив, коррумпированному чиновничеству, преступным олигархам, как и нашим давним противникам и недругам в странах «демократического Запада», страшен именно социально-ориентированный и державный облик власти в России. Ведь это может дать и дает президенту поддержку всего трудового народа – *una voce!* (единогласно – лат.), а значит: сделает Россию великой. Вот поэтому антинародный и воровской режим жалкого Ельцина вызывал в них просто слезы умиления, а усилившаяся во времена Путина Россия, та Россия, в которой стали заботиться о своем народе, где наблюдается рост экономики и энергетики, ее пугает и страшит, ибо с ней – мощной и сильной державой – придется всерьез считаться. Если сей курс останется неизменным и продлится после 2007 года, о таких правителях будущие поколения, пожалуй, скажут словами историка, обращенными к Ярославу Мудрому, одному из самых ярких властителей Древней Руси: «В сознании русских людей Ярослав навсегда остался идеальным правителем, одним из устроителей и радетелей Русской земли» (А. Карпов).

Мы должны отстоять Россию, сделать ее первой страной, гордостью, солнцем цивилизации. Несмотря на трусов, воров, мздоимцев, негодяев, победа все равно останется за патриотами, русскими героями, подвижниками, богатырями! В одной из книг, посвященных Прометею, он говорит: «Я иду возвестить людям, чтобы они ничего не ждали от жизни, кроме того, что сами могут себе создать». Пусть этой ясной мыслью проникнутся все. В боях за Россию обретают счастье!

Вспомним, по античным воззрениям, греческим и римским, община воздавала героические почести, наравне со своими основателями, также своему спасителю (*Soter*). К их числу прежде

всего относят законодателей, что мудрыми, верными постановлениями спасали общину от бед и несправедных порядков, затем героев, принявших смерть на поле брани (такowymi афиняне признали всех павших под Марафоном). Героями считались вдохновенные поэты (Гомер, Гесиод, Пиндар), а также великие мудрецы и изобретатели. Вергилий так определил этот круг:

Воины, ревностно кровь за отчизну
пролившие в битве,
Чистые сердцем жрецы, соблюдавшие
долг свой при жизни,
Лиры владыки святой, оправдавшие
Феба заветы,
Изобретатели, чьим наша жизнь
стала выше искусством,
Все, кто делами любви благодарную
память оставил.

Впрочем, схожая ситуация имела место в древних цивилизациях... Так, скажем, Сципиону пришлось строить Рим «заново на руинах катастрофы». Но Россия не может и не должна быть Третьим Римом! Это мелко для нее... Она должна стать первой державой мира в духовно-сущностном, научно-феноменальном смысле! Конечно, и нам приходится создавать фактически новое государство на руинах катастрофы, пережитой народами СССР (последствия которой ощущать будем ещё долго). И в этом плане нам гораздо труднее, ибо мы унаследовали не только слабое и умирающее государство, но и измену подлых элит... Но мы выстоим и победим, если значительно обновим эшелоны власти (а в её рядах есть и умные, талантливые, верные делу России люди). К власти придет золотой фонд нации – ученые, врачи, инженеры, учителя, воины (труженики и герои). Жизнь и труд выстроить на принципах патриотизма, любви к России, ярких дел во славу её...

Русский тип

Недалек час (возможно, жизнь одного-двух поколений), когда многие поймут: «таинственная Гиперборея», Россия – не только безвозвратно ушедшее прошлое, но и возрождающееся настоящее, и будущее. Не могу избавиться от ощущения, что именно в России ныне (как говорил Эсхил) «минувший век титанов снова... поднимается из мрака Тартара на свет» (Ницше). Поднимается на свет Божий, ибо, пожалуй, ни одна страна мира так еще не богата талантами. Возможно, тут неожиданно для всех произойдет историко-философское и духовное открытие мира будущего и его обновление. Через сто лет, а может и ранее, люди скажут: титаны мира обитают не на Олимпе, а в России. Как знать, возможно, русский язык с годами, наряду с языками других великих народов, мог бы стать языком духовно преображенного человечества. Ведь говорил же А. С. Пушкин: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими». А Кюхельбекер с характерной для него прямоотой и максимализмом заметил: «Русский народ – народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного!» Попробуем же сообща выстроить в России сказочный духовный

дворец, подобный тому что, говорят, создал апостол Фома в Индии. Но это должен быть дворец, в котором каждый хотел бы жить, жить на Русской земле в светлом, справедливом и добром мире. Были полны оптимизма и слова митрополита Алексия II, сказанные во время открытия X Всемирного Русского Народного Собора (2006): «Россия, являющаяся одним из центров христианско-восточной цивилизации, имеет что сказать миру». Пусть же книги этой серии, выходящие в «ВЕЧЕ», станут достойным вкладом сынов России в мировую культуру. Возможно, они кому-то и послужат их жизненной путеводной звездой. Подобно ангелу, указывающему Иоанну Богослову путь в град Божий (где нет мерзости, лжи, невежества, и куда несут славу, честь, знания, таланты и лучшие деяния людей), мы говорим вам: «Не запечатывай слов пророчества Книги сей, ибо время откровения близко!»

Правда, в первых томах Запад был главным направлением нашего поиска. И анализируя уроки античной истории, мы почти забыли о Востоке. Как известно, еще Л. Н. Гумилеву «пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком)». По его словам, задача эта «оказалась сверхсложной». Но одним из самых главных выводов его исследования, пожалуй, был вывод: киевская Русь, испытывая бесчисленные беды, не погибла, а победила, оставив потомкам роскошное искусство и блестящую литературу, именно потому, что она мудро и вовремя сомкнула свои границы с Великой степью. Скажем более: и сама стала Великой Степью. Русь со времен византийских, а затем и с татаро-монгольского периода в особенности, всё более и более обретала черты восточной державы.

Книги и Время

Знаменательно, что сам византизм воспринимался нами скорее как инструмент борьбы с Западом, как идея вызова многим западным представлениям, законам. В книге «Восток, Россия и славянство» К. Леонтьев заявил, что византизм давал нам силу для борьбы с Польшей, Францией и Турцией. Он говорил о суровой необходимости выдержать натиск Европы «интернациональной», если вдруг та, «разрушивши у себя все благородное», осмелится когда-нибудь «и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном блаженстве, о земной радикальной всепошлости». Что там ни говори, а в нас всегда жила эта византийская мудрость, эта восточная глубина. Бездонный российский космос давно впитывает в себя свет Востока. Леонтьев справедливо заметил, что наш народ и власть равно воспитаны на крепкой иерархической дисциплине этой полувизантийской Руси. И разве не сей византизм вскоре «определил нашу роль в великих, по всемирному значению, восточных делах?» Тогда К. Леонтьева в России многие еще не поняли, ибо он казался мало полезным «для реальных, позитивных целей» политики царизма. Так, Бердяев увидел в нем лишь глубоко индивидуального мыслителя, оторванного «от большого исторического пути». Говоря о философии духовного аскета, коего отличало неприятие либерального «прогресса», Бердяев пренебрежительно бросил в его адрес – «подмораживал гниль, барахтался в смрадной помойной яме». Но и он всё же вдруг неожиданно взял, да и проговорился, молвив – Леонтьев предчувствовал «многое слишком рано». Бесспорно, нужен был гений

Леонтьева, чтобы во второй половине XIX в. чувствовать то, что ныне становится все более очевидным: Россия – восточная страна, тесно соприкасающаяся с Западом. Запад всегда это понимал и ощущал. И всегда этого втайне опасался.

И нам вовсе нет необходимости измышлять какие-то легенды, основывая наше историческое право на земли на разного рода мифах и версиях типа возведения происхождения славян к Иисусу Христу, или же к мифической грамоте Александра Македонского. В «Чешской хронике» 1541 г. чешский историк В. Гаек приводил текст грамоты, якобы выданной Александром Македонским славянским народам («просвещенному роду славянскому и их языку») на право владения их землями: «За то, что вы всегда находились при нас, правдивыми, верными и храбрыми нашими боевыми и неизменными союзниками были, даём вам свободно и на вечные времена все земли мира от полуночи до полуденных земель итальянских, дабы здесь никто не смел ни жить, ни поселяться, ни оседать, кроме вас. А если бы кто-нибудь был здесь обнаружен живущим, то будет вашим слугой, и его потомки будут слугами ваших потомков». Мы – правнуки ариев, разветвленной ветви народов, что в очень далекие времена перемещались с севера на юг и с востока на запад, из одних ареалов обитания в другие.

Войска монголо-татар штурмуют крепость в Европе

Знаем мы и то, что задолго до Александра Великого, когда не было еще и в помине Афин, Рима, Лондона, Парижа, не говоря уже о Варшаве, Тбилиси, Риге, Таллине или Нью-Йорке, наши кони мерили бескрайние просторы Евразии от Китая до Дуная. Доктор философии

Дж. Коннер признал то, что забыл Запад (1936): «Современные антропологи считают, что широкие степи, простирающиеся от Волги на восток, явились свидетелями происхождения и развития животных, прирученных не только русскими, но также кельтами, тевтонами, галлами, греками, т. е. в основном людьми, расовое происхождение которых известно как арийское. Люди именно этого региона, следуя в южном направлении вдоль Волги к Каспийскому морю и к границам Малой Азии, в далекое доисторическое время предприняли опасный поход к более теплему климату и более легким завоеваниям через Иран в Индию и Месопотамию. Именно эти белокожие люди, о которых мы недавно узнали, и были предками народов в Шумерах и во всей Малой Азии, а также тех, кого называли «творцами Цивилизации»». Когда-то Неру сказал об индийцах: «...Мы очень древний народ, и мы слышим шепот столетий, отошедших в незапамятное прошлое. Однако мы знаем, как обретать молодость вновь, хотя воспоминания и мечты этих минувших веков остаются с нами». Но разве мы, русские, не являемся столь же древним великим народом, коль сумели организовать и удержать, освоить и преобразовать значительную часть великой Евразии?!

Вл. Молодкин. Великое Переселение

Разве не дико возводить начало истории народов России, населявших Великую степь десятки тысяч лет, чуть ли не к IX–X вв. новой эры?! Древность ее столь очевидна, что может вызвать удивление разве что у полнейших невежд и лютых недругов России... Это не раз доказано: датчанином В. Л. Томсенем, немцем Ф. В. Радловым, русским В. М. Жирмунским, исследовавшим

проблемы германского и тюркского языкознания. Последний, изучая эпосы разных народов – от Алтая до Европы, обратил внимание на общие моменты в сюжетах и образах. По его словам, сюжеты русских сказок о Коте в сапогах, Аленьком цветочке, Колобке, Золотой рыбке, Братьях-лебедях, богатыре Руслане были известны на Алтае задолго до Великого переселения народов. Пушкин позаимствовал образ царя Салтана из сакской сказки «Хан с двенадцатью женами». Сюжет Кота-в-сапогах пришел в Европу из алтайской сказки о Лисе-свахе. Золушка имела прототип на Востоке, в Кушанском царстве (но там вместо феи ей помогала Биби-Сеншанби, покровительница семейного счастья). Похоже, что и «наша царевна-лягушка» некогда «говорила только по-тюркски». И даже знаменитые сказки «Тысяча и одна ночь», вероятно, вначале прозвучали на тюркском языке. Ведь арабы в X в. перевели их на арабский язык (ныне тюркский оригинал хранится в библиотеке Багдада). Р. Фрай считает: возможно, что сакам, выходцам с Алтая, принадлежит и большая часть преданий о Рустаме, вошедших в «Шахнаме» Фирдоуси. Кто знает, может пора уж более пристально взглядеться в глубь веков и тысячелетий. Наши древние земли, обитающие тут народы, имели свой язык и историю, богов и героев, свой пантеон.

Китайское влияние в русском искусстве XVIII века

Если угодно, то многими своими чертами Россия более напоминает Азию, чем Западную Европу. Мы ближе к Китаю и Индии, чем к Европе. Интерес к Китаю в России стал особенно заметен в XVIII в., когда и Европа (благодаря усилиям Лейбница и Вольтера, видевших в конфуцианских принципах управления государством и общества образец просвещенной монархии и царства Разума) пережила новую волну увлечения Востоком. В Европу и в Россию буквально хлынул поток произведений искусства и предметов быта из Китая и Японии. В итоге модных веяний внутри стилистического направления рококо появилась и интерпретация «китайщины» (*chinoiserie*). В загородных резиденциях царей и цариц, крупнейших вельмож и богачей стали устраиваться «китайские» дворцы и павильоны, архитектура которых хотя была выдержана в классицистических принципах, содержащих детали восточных мотивов. Петр Великий в павильоне Монплеизр в Петергофе «экспонировал» коллекцию китайского и японского фарфора в специальной зале, где детали стилизованы «под Китай». Но расцвет *chinoiserie* в России пришелся на время правления Екатерины II. За внешней стороной интереса к Китаю были и глубинные причины: идеи конфуцианского учения о мудром государе и жесткий принцип подчинения императору были понятны и близки идеологам просвещенного абсолютизма в России. Поэтому если французская китайщина была «китайщиной вдохновения», то вот русская явилась «китайщиной бытия». То есть по мировосприятию (формам поведения, мышления, восприятия, ценности духа), мы, как это ни покажется странным, гораздо ближе к Китаю и Востоку, чем к Европе. Весьма схожи и иные повороты нашей истории.

Подобно Китаю, мы не раз подвергались завоеваниям, нашествиям, испытывая на себе разрушительные последствия войн, революций или реформаторских эпидемий, и всегда сохраняя дух, внутреннюю силу, преемственность культуры, государственности, языка. Это позволяло нам преодолевать тяжкие невзгоды и беды. Среди признаков «российской китайщины» можно назвать и длительную настойчивую изоляцию российского очага цивилизации от Европы (пусть даже относительную). И в религиозном отношении мы чем-то близки Китаю. Ведь мы также исповедуем «три великие

религии» (православие, ислам, иудейство). Заметны общие черты и в социально-управленческой модели государственного устройства России и Китая. И там, и тут господствует примат деления общества на управляемых и управителей. Так, Конфуций считал, что всегда были и будут две основные категории людей – верхи и низы, народ и управители. На первое место в китайском обществе, как позже в России, уже в середине I тысячелетия до н. э. выдвинулось служилое чиновничество. Это же произойдет на Руси при Петре I.

Конфуций обучает учеников

Государство воспринималось нами как мощное централизованное устройство, в котором государь выполняет функции «отца родного». В Китае, как и в России (на прогрессивных этапах истории) бюрократический аппарат формировался с учетом образовательного ценза. Хотя Китай в этом смысле оказался, пожалуй, более мудрым и последовательным, хотя, случалось, закапывал ученых живыми в землю и сжигал книги мудрецов. «Место наверху заслуживал тот, кто был человеком моральным, совершенным, мудрым, гуманным, кто стремился познать истину и знал чувство долга. Высокие моральные качества, которые прививались человеку в результате соответствующего обучения и воспитания, служили своеобразным «пропуском» наверх. Этот путь наверх не был закрыт ни перед кем. Человек любого происхождения (за «связку вяленого мяса») мог стать учеником философа, получить сумму необходимых знаний и тем

самым оказаться подготовленным поступить на службу, занять официальный пост» (Л. С. Васильев). Образованные, грамотные люди (цзюнь-цзы) всегда составляли в Китае костяк грамотной бюрократии. Любопытно, что у русских и китайцев довольно-таки схожие отношения к законам. Те и другие живут скорее согласно правилам и традициям, доставшимся им от прошлого, нежели по законам («по понятиям»). Тут в силе примат традиции, обычного права над писаным законом. Конфуций относился отрицательно к кодифицированному законодательству. Когда же некто Фань Сюань-цзы в 513 г. до н. э. (едва ли не впервые в Китае) выплавил для государя сосуд с выгравированными на нем статьями закона, философ осудил это новшество, заметив, что оно противоречит традициям и не приведет народ к добру. Конфуций призвал лучше следовать законам предков.

Чайная церемония в Китае

Следует в этой связи особо подчеркнуть, что «великое переселение народов», столь коренным образом изменившее судьбы Европы и мира, как известно, началось с миграции на запад части азиатских народов (сюнну). Во II в. н. э. они покинули места их первоначального обитания и, двинувшись на запад, стали, подобно мощному прессу, выдавливать обитавшие на евразийском континенте народы. Процесс этот занял не одно столетие, и через два с половиной века они появились на европейской арене под именем гунны. Однако самое любопытное то, что процессы, аналогичные «великому

переселению народов», имели место и в Китае. Как отмечают синологи, в Восточной Азии начиная с III в. н. э. наблюдается процесс, аналогичный тому, что происходил на границах Римской империи: часть сюнну (сяньбийцы, ди, цяны, другие ближайшие соседи древних китайцев) начали перемещаться на Среднекитайскую равнину. В результате уже в 308 г., за сто лет до взятия Рима Аларихом и возникновения на территории Римской империи «варварского» государства – Тулузского королевства, предводитель сюнну Лю Юань объявил себя императором, а его преемник Лю Цун взял через три года столицу империи Цзинь и захватил в плен Сына Неба... События повлекли за собой начало массового переселения древних китайцев на юг, в бассейн Янцзы. В движение пришли и племена «южных варваров». Иначе говоря, азиатские племена и послужили неким детонатором «большого взрыва». Это заметно изменило не только облик населения на огромных пространствах Азии и Европы, но и перекроило карту мира, внеся существенные изменения в исторические судьбы могущественнейших Римской и Китайской империй.

Великая китайская стена

«Именно потому, что «великое переселение народов» заставило древних китайцев пережить этот период перерождения и изменения, между ними и современными китайцами, говоря словами К. А. Харнского, мы обнаруживаем сегодня примерно такие же

качественные различия, как между древними римлянами и современными итальянцами». История в Китае движется словно бы по кругу.

Традиционная личная печать в Китае

В этой связи времен и былых событий ключевую роль играют Россия и Китай. Во многих отношениях империи российская и китайская являются близнецами, хотя и народившимися от «разных отцов»... Обе глубокими корнями связаны с наследием своей древней культуры. Концепции власти и там и тут сохранялись практически почти до XX века в рамках старых, если не сказать первобытных представлений родоплеменного строя. Император (партийный вождь) в России и в Китае привык рассматривать страну как свою вотчину, распоряжаясь государством и народом, словно те были его данниками. Не мудрено, что и Россия и Китай долгое время не знали ни представительных институтов власти, ни гражданского права, ни демократических свобод. Всем и вся долгое время тут заправляли чиновники и армейские порядки. Всё делалось сверху – при помощи указов и распоряжений. Царь или император в России и Китае всесильны. Основатель минской династии Чжу Юаньчжан, говорят, один из самых жестоких тиранов в китайской истории, составил для

своих подданных шесть заповедей: «чти родителей», «слушайся старших», «наставляй добру потомков», «занимайся своим делом», «не твори зла» и «живи в мире с соседями». Тем не менее и он хотел создать идеальное китайское общество, намереваясь выстроить по типу улья или же муравейника: «Живущие как одна большая армия, обладающие чувством товарищества, способные к порядку и дисциплине более людей – таковы пчелы и муравьи».

У имперской правящей элиты были свои порядки, язык, календарь, культура, свои печати. Хотя и там между народом и чиновничьей элитой была пропасть. «И в старом Китае апологеты официальной традиции были убеждены в том, что «глупый народ», как называли они серую, безмолвствующую массу внизу, не имеет собственной культуры и способен лишь неумело и бездумно подражать просвещенным верхам общества», – пишет В. В. Малявин. Однако и у нас черты народного быта противостояли дворянской культуре. Жизнь дворян текла совершенно в ином русле, нежели жизнь простого народа. Это сближает две наши страны. В российском и китайском обществе всегда присутствовала идея служения своему народу, верности собственной культуре (в противовес Западу). Будда, умирая, нарекал ученикам быть самим себе светильниками и полагаться только на самих себе. Успех в жизни может прийти только через учение: «Да будет вам светильником учение, к учению прибегайте, ни к чему другому не прибегайте». Что же касается награды, то память народа – это лучшая и самая высокая из наград.

Памятник китайским деньгам

Обе великие империи, России и Китай, прошли через периоды катастроф и потрясений. Но подумать только: всего сто с небольшим лет тому назад Николай II писал королеве Виктории (1899), высказывая глубокую тревогу в отношении будущей судьбы Китая и его народов. «Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела ее между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий». Хотя основоположник отечественного китаеведения и буддологии академик В. П. Васильев (1818–1900) еще раньше, в известной речи «Современное положение Азии – китайский прогресс» (1883), произнес вещие слова... Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтоб достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе (с тем) политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне. Китайская ученость старого времени хотя и неудовлетворительна, но она приучила их к критике, к глубокой тщательной разработке предмета. Тысячелетнее существование нации, устроившей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственным соображением, придумыванием, обещает, что и новейшие открытия других народов по физическим предметам найдут в них усердных продолжателей и изобретателей. Китайцы могут отличиться и в артистическом, и в художественном отношении. Далее, нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами.

«Может дойти дело даже до того, что китаец захватит все рынки и промыслы всего света. Рука об руку или даже идя впереди этого движения может возрасти до невероятной степени и политическое могущество Китая. Довольно сначала заселить все находящиеся и теперь уже под властью Китая земли, как явится обширная империя с миллиардом народа развитого и деятельного. Захватив богатейшие в

мире острова Восточного океана, Китай в одно и то же время может угрожать России и Индии, Америке и Западной Европе. При силе у него достигнет бессердечия вырезать всех непокорных, хоть весь мир. Весь мир будет населен одними только китайцами – вот до чего может разыгаться фантазия будущего возможного, которое теперь называется невозможным». Иные из этих пророчеств великого синолога России уже стали реальностью, а иные, мы очень надеемся, вряд ли осуществляются, ибо китайцы – не самоубийцы.

В старой столице Китая Нанкине – ворота крепости

Время старых империй безвозвратно ушло в прошлое. Но означает ли это, что исчезает сама идея и форма империи?! Уверен, что нет... Некогда граф Гобино в книге «История персов» утверждал: царство Сассанидов как раз и было создано разноплеменной демократией, которая пришла на смену феодализму парфян. Но ведь и объединенная Европа (включая ее основные организации) создавалась по сути дела не только на землях, но и по модели великой Римской империи. Если так, почему бы и новой объединенной Евразии не быть созданной по примеру великих империй прошлого, некогда существовавших на необъятных просторах от берегов Тихого и Ледовитого океанов, включавших сотни народов, включая европейцев. Когда-то Наполеон мечтал о том, чтобы столкнуть Россию в Азию. Три —четыре века наши недруги пугали Европу русским «призраком», русскими «варварами», «казаками», «несущими угрозу» европейской

цивилизации. И хотя отзвуки той большой лжи время от времени можно услышать и сегодня, и они, словно могильные призраки, оживают в коридорах большой политики, хотя и ныне, как писал Герцен (1868), под завесой «прав человека», скелеты Европы и Америки появляются из могил, чтобы во имя «благ цивилизации» отбросить «подрастающих Аттил и будущих Аларихов за Волгу и Урал», дальновидная, прагматичная, мудрая Европа – *voilà comme on eўcrit l'histoire* – чаще игнорирует эти печальные рудименты не столь уж и давнего исторического прошлого.

Более того, США с Европой сами стремятся протолкнуться в Азию. Они хотят присоединиться к евразийской империи (пока войдя в стальные сети и артерии нефтепроводов, газопроводов). Самые дальновидные и умные политики, бизнес все менее боятся России. Ведь Франции, Германии, Англии, Голландии, Дании угрожают не «татары и русские», а африканизация и «исламизация» их городов. Известный европейский политик Ф. Фонтен, вспоминая о трагических судьбах Рима, пишет в книге «Марк Аврелий»: «Так что нельзя уйти от вопроса: какие происшествия могут завтра разрушить, затормозить, сбить с пути нынешнее европейское общество? Гарантированы ли мы, что новые завоеватели, новые неудержимые орды переселенцев не уничтожат наши открытые, слишком хитроумные общественные структуры?» К тревожным раздумьям его побудила судьба Российской империи, рухнувшей на глазах, империи, более пространной и организованной, чем Римская империя, которую «строили люди, выдававшие себя за наследников Цезаря: белые и красные цари». Однако они (то есть мы с вами) «лгали: римский плуг никогда не пахал их земли». И тут же Фонтен зло продолжает: «Не всякий желающий может стать наследником Ромула. Пускай теперь этот плод византийского перевоплощения Империи ищет свои корни, где хочет: мериться с отсутствием меры – есть их наследственная проблема, не наша. Суть в том, что и самая крепко сцементированная империя может взорваться». Однако похоже, что и сама Европа может «взорваться» – под натиском «новых гуннов», обитателей стран Малой Азии, Африки и т. д. Подобно древнему Риму, она пустила в страны обитателей бывших колоний и полукolonий. И сегодня не знает уже, что с иными из них делать. Расширение европейского альянса имело как позитивные, так и негативные стороны. И вот Франция, Голландия

и Англия отвергают единую европейскую конституцию, а немцы требуют референдума.

Европе важнее понять другое, то, что, как полагаю, недопонимает Фонтен. Ныне Европе во сто крат нужнее Россия, чем ей Европа (при глубочайшем уважении русских к ее культуре, знаниям и возможностям). Думается, суть этой дилеммы, выбора судьбы очень точно выразил Ж. Первулеско в новой книге «Путин и Евразийская империя», сказав: «...или Европа будет великоконтинентальной, евразийской, или ее не будет вообще». Вспомним, что и наиболее авантюрные геополитики Европы пытались насильственно решить эту проблему выхода в Азию (путем сокрушения России). Известно, чем закончились эти попытки. Войти и соединиться с Азией Европе можно лишь посредством России, только при ее дружеском лидирующем влиянии. Европейцам предстоит еще в полной мере осознать ту истину, которую в свое время высказал известный немецкий геополитик К. Хаусхофер (1869–1946). Он отмечал, что давление границ и теснота пространства «тяготуют над задыхающейся в тисках Внутренней Европой (Innereuropa)» и Европе во что бы то ни стало надо преодолеть эту свою тесноту и разорванность с пространством Евразии. Если этого не сделать, то, вероятнее всего, такую «изувеченную» и «слепую» Европу в таком «удушающе тесном жизненном пространстве» ожидает далеко не лучшее будущее, или же, как писал Шпенглер, «закат Европы».

Это утверждает Россию в верности евразийско-русского курса на ближайшие века. Почему бы России и Евразии не быть созданными по примеру «империй» прошлого, некогда существовавших на необъятных просторах. Три с половиной миллиарда, объединенные гением человеческого разума?! Как тут не вспомнить и слова П. Чаадаева, сказанные в «Философских письмах»: «И вот я спрашиваю вас, где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит? А ведь, стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок, и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара». И хотя далее он опровергает свой же прогноз, говоря: мол, «не такова роль, определенная нам провидением», мы решительно утверждаем: нет же,

напротив, именно такова и есть роль России, определенная ей провидением!

Портрет Конфуция

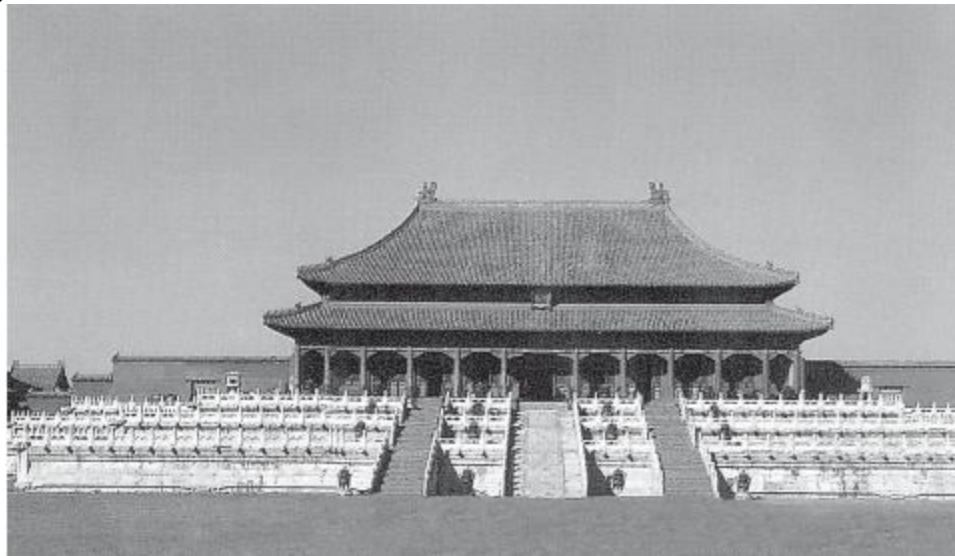
«Сможет ли Россия на новом этапе развития выполнить великую историческую миссию – объединителя континентов и цивилизаций?» – вот в чем вопрос. Наши «евразийцы» справедливо рассматривали Россию как собор народов, считая, что политическое объединение такой огромной территории является результатом усилий не одного русского народа, но и многих народов Евразии. Это должно найти сегодня новое выражение: не только в культурной области, но и в формах государственного устройства (науки, техники, экономики, военного дела. – В. М.). «В пределах общевразийского политического единства каждому народу Евразии должна быть обеспечена область самостоятельной государственной жизни». Вопрос в том, кто в ближайшие века станет главным архитектором и демиургом евразийского мира. За бесконечными, часто очень нереалистичными, непродуктивными разговорами о европеизации народов бывшего СССР нельзя забывать, что их история за редкими моментами лежала в плоскости интересов прежде всего азиатских. Завтра именно в Азии будет формироваться будущее, а не только в Европе и США.

Почему китайцы оказались не скажу умнее, но бесспорно мудрее нас, русских? Всё закономерно. Они следуют мудрости своего великого Конфуция. Когда того спросили, что такое хорошее правление, он ответил: «Это когда рады те, что близко, и приходят те, что далеко»; или еще: «Одними речами не приведешь страну к расцвету». Обладая древнейшей культурой, Китай следует путем Дао, т. е. путем гармонии. В одном из ранних документов цинской династии (1644–1911) было сказано: «Высшее Небо относится к находящемуся внизу народу с любовью и гуманностью... Хлебные злаки год из года поднимаются. Простой народ наслаждается своим делом. Все это достигается благодаря тому, что наш император принял небесный мандат и следует Дао-путем. Он распространяет искусную политику и достигает гармонии...» Этого не скажешь о нашей власти, о большей ее части.

В определении стратегического направления развития России мы не отдаем предпочтения ни Западу, ни Востоку, но не можем не признать правомочности глубокой оценки князя Э. Ухтомского, писавшего в работе «К событиям в Китае: об отношении Запада и России к Востоку» (1900), осудившего участие России в подавлении боксерского восстания в Китае: «Россия уже начинает догадываться, что она является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и индусы, и китайцы имеют непременно больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада. Так что не приходится удивляться, когда наши восточно-русские первопроходцы делают неожиданное открытие, что новый мир, в который они проникают на Востоке, не кажется им ни враждебным, ни чуждым, а по-детски доверчивым... Запад оформил наш дух, но как тускло и слабо отражается он на поверхности нашей жизни. Под этой поверхностью, в недрах национального бытия, все пронизано глубоким мировосприятием Востока и преисполнено желаний, по отношению к которым средний европеец, до мозга костей отравленный материализмом, проявляет совершенную чуждость. Азия инстинктивно чувствует, что Россия является частью того огромного духовного мира, который мистики и ученые именуют смутным словом Восток... Поэтому Россия будет третьей судьей в вечном споре между Азией и Европой и разрешит его в пользу Азии, потому что не может быть иного решения для судьи, который чувствует себя братом

обиженного». Вся история XX в. только подтверждает нашу близость Востоку.

«Ворота к высшей гармонии». «Запретный город» императора

Вот они удивительные зигзаги истории. Всего через пару десятилетий в России была низвергнута монархия, а останки убиенных членов императорской семьи Николая II были вывезены в Китай, где и покоятся в Пекине (под полем игры в гольф, где некогда стояла православная часовня). Ну а еще через три четверти века в СССР люди без чести и совести, полнейшие бездарности, преступники и бессердечные авантюристы, не знающие ни своей истории, ни истории мира, не любящие людей, попав по воле случая во власть, привели к крушению нашу великую страну. Лагерь социализма и мира перестал существовать и на месте 27 государств социалистической ориентации возникли чужие страны, раздираемые острыми противоречиями, зачастую крайне враждебные друг к другу. Но если страны Восточной Европы, и ранее пребывавшие в рамках Европы, пережили этап модернизации (капиталистической реставрации) с меньшими потерями, то итоги перемен для населения СССР были катастрофичны. Китайские товарищи, взирая на катастрофу страны, с которой они брали пример, не могли не видеть всей порочности, гибельности избранного пути. Директор Института Восточной Европы, России и Центральной Азии АОН Китая Ли Цзинцзе писал, что ВВП России в 1998 г. по сравнению с ВВП СССР 1990 г. снизился на 50 %, уровень жизни населения упал на 40 %, снизилась

рождаемость и на 10 лет сократилась продолжительность жизни. Пора подвести итог 20 лет реформ. Кому-то на Руси «жить стало лучше, жить стало веселее». Ясно, что это меньшинство народа (10–15 %), тогда как для основной массы населения страны они печальны. Мы по многим показателям не достигли еще и уровня развития 1990 г. За это время четыре «маленьких азиатских дракона» осуществили экономический взлет. Вот что значит тупость и продажность политиков, игнорировавших «исторические традиции и культурные особенности своей страны и то, что зарубежная система и культура (которые хотели привить) зародились и развились на другой почве».

Президент России Владимир Путин и Председатель КНР Ху Цзиньтао открывают год России в Китае

Европейцы и американцы были на первых ролях, но относительно небольшой промежуток истории человечества. Важный и забытый урок истории состоит в том, что Европа и США, будучи культурными провинциалами, некогда желали обрести высокий уровень экономики и развития азиата (китайца, перса, араба). И не случайно такие великие ученые и мыслители как Лейбниц, Вольтер, А. Смит, Квесни называли Азию «центром мировой цивилизации и экономики». Ныне актуально звучат и слова А. Франка (Канада): «Однако переход лидерства от Востока к Западу в XIX и XX вв. оказался явлением временным, и сейчас все возвращается на круги своя». Новые индустриализирующиеся экономики (НИЭ) Восточной Азии

«завоевывают свою обычную доминирующую роль в мировой экономике и мировой истории, а «Срединное царство» Китая опять занимает место «центра»». Полагаю, что новой России уже в ближайшие годы придется всё чаще и чаще обращать свой взор не на нынешнюю всемирную империю (США), а на Китай, переживающий стремительный взлет. В этом нет ничего удивительного! Китай – центр поднебесной!

Директор Института Дальнего Востока РАН – акад. М. Л. Титаренко

О причинах столь «неожиданного» исторического взлета Китая в судьбах мира говорит академик М. Л. Титаренко, директор Института Дальнего Востока РАН: «Китайская цивилизация... это единственная, уникальная цивилизация. По всем законам, открытым Данилевским и сформулированным четко Гумилевым и Моисеевым, средний срок существования цивилизации – две тысячи лет. Однако Китайская цивилизация существует свыше пяти тысяч лет. Она погибала и возрождалась. Население Китая с 400 миллионов сокращалось до 40 и даже до 30 миллионов и затем снова взлетало. *У Китая есть опыт величия* (курсив мой. – В. М.). Китай в конце XVIII – начале XIX века был самой крупной мировой сверхдержавой. В то время существовало 10 городов с миллионным населением, семь из них было в Китае. В то

время валовой национальный продукт Китая был в 5 раз больше, чем валовой продукт Англии и Франции, вместе взятых». В XXI в. совместный валовой внутренний продукт Китая и Индии впервые превысил ВВП развитых стран Европы и США вместе взятых. Высокие темпы роста стран (Китай – 9,9 %, Индия – 8 % в год) говорят: в будущем эти тенденции еще более укрепятся. Восток, включая Японию и Корею, станет еще сильнее и влиятельнее. Китай вышел на первое место в мире по запасам золотовалютных резервов (853 млрд долл.), опередив Японию и в 4 раза превысив объем таких резервов в России. Там принята стратегия, сформулированная правительством Китая и КПК: «Богатый народ – богатое государство». Это демократичнее и прогрессивнее, чем та политика, что утвердилась за последние годы в России: «Богатая верхушка – демократическое государство». Хотя по темпам развития Россия и входит в шестерку мировых лидеров, такая общественная философия, если она сохранится и не будет отброшена более дальновидным поколением, не оставляет России шансов на осуществление заявленных ею, ее президентом амбициозных целей!

Колокола Востока звучат все громче! Звуки их доносятся до нас не из США, а с просторов Китая и Азии! И совершенно не случайно президент США Дж. Буш в одной из своих речей прямо заявил, что конкурентами США в XXI веке будут Китай и Индия (2006). Так не будем и мы невеждами, недостойными великой судьбы и миссии... Не стоит слепо идти за англо-американцами и европейцами в той части их философии культуры, которая до сих пор считает, что это «Европа изобрела историков», что те «создали мир вокруг себя», и что этот мир по сути дела им и принадлежит (Ф. Бродель). В действительности, мир давно состоит из той части, где явно преобладают китайцы, индусы, азиаты. Он не только не делится по четким разграничительным линиям из киплинговой максимы «Запад есть Запад, Восток есть Восток», но и все более приобретает иную, для многих явно пугающую характеристику: «Восток есть Восток, но и Запад тоже Восток».

И вновь вспомним слова провидца П. Савицкого, говорившего о нашем времени как об эпохе начала создания огромных и мощных экономических объединений, «государств-материков», охватывающих большие пространства, обеспечивших в их пределах «беспрепятственность и устойчивость экономического оборота».

На набережной реки в Шанхае

В этой связи почему бы не заглянуть в будущее и не представить, что наступит время, когда, подобно классической формуле древности «Все дороги ведут в Рим», люди мира на все лады будут повторять иную фразу: «Все дороги ведут в Пекин или Шанхай»? Время это наступает. Мятежный и мятущийся ум Н. А. Бердяева, оценивая события начала XX в., в годы Первой мировой войны рисует картины будущего. С претензией на «окончательное пророчество» он тогда писал: «Всей Европе грозит взрыв и катастрофа, подобная нашей. Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. И тогда кара придет из Азии. На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрясенной до самых оснований собственными варварскими хаотическими стихиями, пожелает занять господствующее положение иная, чуждая нам раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией. По сравнению с этой перспективой вся мировая война есть лишь семейная распря. Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут

никакие восхождения и подъемы». Так и будет, если мы, русские, не сделаем выводов из уроков истории. В древности у китайцев термин «история» и люди, «отвечающие» за неё и связь между поколениями, изображались на гадательных костях в виде рисунка: руки, держащей лук и стрелу. История для китайца – проводник меж прошлым и будущим. В отличие от Харона, проводника в «царство мертвых», она направляет и переправляет в будущее живые души. Надеемся, что поколение, создавшее великую державу, не разучилось «держатъ лук и стрелу». И если рука наша тверда, глаз верен, а ум остр и точен, возможно, направленная стрела (книги) попадет в цель. «Когда (же) стрела не попадает в цель, учит Конфуций, стреляющий винит в этом себя самого, а не другого». Так же должен поступать и истинный мудрец. Правда, в российской Поднебесной, как это некогда бывало в Китае, пока нет ни великой гармонии, ни «совершенномудрых и благородных мужей» в бизнесе и политике, или же, что пожалуй будет более точным, их еще очень и очень немного в масштабе всей страны, но уже появились экономические и духовные условия для зарождения этих людей великого будущего, ибо Небо и Земля, как говорили некогда китайцы о феномене Конфуция, явили и у нас Учителя (учителей), что окажутся, как и некогда наш Герцен, «возвещающим гармонию колоколом».

Великий поход – военные корабли Китая

Если Советский Союз умер, да здравствует Союз Объединенной Евразии! Всё подводит нас к новому типу экономико-политического единства в рамках союза свободных стран на просторах некогда могучего государства. И ведь при тех уникальных возможностях, которые имеют наши народы, грех было бы этим не воспользоваться. Россия—Евразия—Китай—Индия, как по их географическим особенностям, так и по их истории, представляются нам почти идеальным примером государства-материка. География, богатство культур этих народов, их интеллектуальный гений, ресурсы, потребности будущей цивилизации планеты ведут к их объединению. По мере укрепления линии патриотизма и мудрости наше будущее видится светлым... Находясь на пересечении западно-европейской традиции с традициями как старого доевропейского, так и нового Востока, Россия имеет уникальный шанс в истории. Возможно, самой судьбой она избрана стать координатором главных мировых процессов... Но чтобы не оказаться жертвой, как говорят китайцы,

«делящих мир тигров», необходима жесткая, в самом лучшем смысле этого слова «великодержавная власть» в России... С эгоистами, что думают только о благополучии своего мирка и кармана, Россия может сделаться данником или рабом более могущественных и сильных, умно и твердо управляемых держав.

Китайцы – старейшины мирового цивилизационного и культурного процесса... Они свято следуют правилу, которому их учил Янь Цзунь: «Искусство премудрого знания не спускается с небес, не выходит из земли. Оно внутри нас самих и в вещах вовне нас. Вникая посредством того, что таково само по себе, постигаешь всё сущее». Китай и его культура чрезвычайно интересны, а страна, словно могучая и сильная птица, вся устремлена в будущее, с каждым взмахом могучих крыльев набирая высоту.

Первые китайские космонавты – Фэй Цзюньлун и Не Хайшэн

Особенно больших успехов добился Китай, запустив в космос собственных астронавтов, став не только третьей в мире космической державой, но и всерьез нацелившись на лидерство в других областях современной технологии. Уверен, что в основе колоссальных успехов китайцев прежде всего лежит серьезная забота руководителей державы о своем народе. Это вызывает у людей гордость, доверие к

политическому курсу его собственных вождей. Впечатляющие цифры цивилизационных успехов Китая приводит Ху Аньган, Директор Центра по исследованию положения в стране АОН Китая. Он пишет, что если брать за основу начало XX столетия, Китаю потребовалось около 100 лет, чтобы достичь среднего уровня доходов. Население с высокими доходами или выше среднего составляет 25 % населения мира (1470 млн человек). Говоря о перспективах, он заявляет (с полной уверенностью): если Китай затратит всего 100 лет, доведя за 1950–2050 гг. свое 1500–1600 миллионное население до уровня средних доходов, это можно будет рассматривать как великое «чудо» в развитии человечества. Но еще большим чудом, в случае осуществления их грандиозных планов, станет воплощение в жизнь принятого в 2006 г. собранием китайских представителей, Народным Собранием, плана создания общества всеобщей социальной гармонии в Китае.

Библиотека университета

Краткое пребывание в Пекине дало возможность посетить Великую китайскую стену и площадь Тяньаньмень, где мудрые вожди Китая развеяли коварные замыслы врагов разрушить то, что важнее любой стены – организацию власти в государстве... Проехав 8 городов (с севера на юг), посетив 4 их университета, я видел не «сказочный нефритовый мост, что вел прямо на небеса», но дивные мосты образования и науки, которые в будущем приведут Китай к

невиданному могуществу и мировому лидерству. Прекрасные новые города вырастают везде и всюду, на месте старых, словно грибы после дождя. Есть там и великолепные дороги, подобных ранее я не видел ни в Европе, ни в Америке, многоуровневые развязки и мосты (4–5 уровней), о которых лишь могут мечтать Москва и Рим, потрясающие школы-интернаты, напоминающие то ли сказочный дворец Гарун-ар-Рашида, то ли виллы современных мультимиллионеров Америки и России, и многое-многое другое.

Школа-интернат в Китае

Великолепны голубые города на «острове знаний» в Гуанчжоу, где на площади всего в 17,5 кв. км сосредоточен «ударный кулак знаний будущего» – 10 новых университетов Китая. Потрясает то, что 90 процентов всей суммы, выделенной на строительство комплекса (а она равняется ни много ни мало 4,5 млрд долл.), выделило государство. Оно не копит деньги в своих подвалах, словно обезумевший Крез, но щедро дает на развитие образования и науки (при жестком неусыпном контроле). Темпы строительства необычайны: начали в 2003 году, а в 2005 г. все завершили. Причины столь бурного роста понятны. Чиновники там не воруют, богачи не вывозят, а ввозят деньги, вкладывая их в стройки, образование, науку, мудро следуя завету великого Сунь-ят-сена: «Не забывайте своей революции и всегда служите знанию». Готовя элиту, он обращал и к молодежи призыв: «Как важно быть энциклопедистом! При этом надо отделять правду от

лжи и быть человеком высокой морали!» Обратим же взор на солнце Поднебесной – Китай, ибо от взаимоотношений двух великих стран и цивилизаций – России и Китая – будет зависеть очень многое в грядущем мире.

Площадь Тяньаньмень

P. Post scriptum

«Жизнь подобна играшкам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые – смотреть; так и в жизни иные, подобно рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины», – сказал Пифагор. Мы пришли для того, чтобы сделать мир краше, мудрее, справедливее... Хотелось бы увидеть плоды содеянного, и чтобы тех из нас, кто достоин, посетила заслуженная старость. В обществах, находящихся на ранней, примитивной стадии развития, приход старости означал скорую смерть. У зулусов вообще существовал жестокий обычай умерщвлять верховного вождя с проявлением у него первых морщин или седых волос. Поэтому вождь жил в мучительном предчувствии приближающейся старости. Так как за первым седым волосом следовала неминуемая смерть, вождь должен был готовиться к уходу из подлунного мира (Дж. Фрэнгер). В Китае, Индии, Японии совершенно иные установки... Помимо того что там высок уровень образования и культуры там еще царит и подлинный культ почитания

старости и стариков. Поэтому век африканца краток, а китаец, индус, японец живут долго. Вывод ясен: поколение, уничтожающее, унижающее отцов и матерей и бросившее на произвол судьбы детей, будет жалким поколением, губящим страну и обреченным на забвение. Его ждет катастрофа, как и страну, хотя бы они и встали «в позу гладиатора» (А. Грамши). Но и стремиться к старости так же нелепо, как искать загадочную «страну жизни» Дилмун. По представлению шумеров, там не знали ни болезней, ни старости, ни смерти. Не было там и женщин, которые бы говорили: «Я – старая», как не было и мужчин, что произнесли бы ужасную фразу: «Я – стар».

Лучше попытаемся, насколько возможно, отдалить убогую старость. «Было бы безобразием по собственному незнанию (или же лени. – В. М.) состариться так, – говорил Сократ, – чтобы даже не видеть по самому себе, каким способно быть человеческое тело в полноте своей красоты и силы». Греки и римляне называли человека, не умеющего писать и плавать, «телесным и умственным калекой». Леонардо да Винчи советовал всем в юности обрести то, что возместит ущерб, причиненный старостью. Он имел в виду дочь опыта, мудрость. Но эта же самая мудрость остро необходима не только уму или духу, но и телу человека. У спартанцев или у древних китайцев следует учиться и культуре тела. Вовсе нет необходимости слепо внимать советам Платона (ходить зимой босиком и т. д.), учитывая, что порой такого рода обряды заканчивались смертью воспитуемых. Хотя в высшей степени желательно проявлять уважение к телу, как к источнику светлой мысли и радостей земных. Ликург абсолютно прав, говоря, что заботы о платье и тряпках – это удел лишь рабского сознания, свободные люди должны заботиться прежде всего о продолжении рода и поддержании идеальной формы.

Прожитая активно, чисто и разумно жизнь, как писал Цицерон, ведет к тихой, легкой старости... Именно такой, по преданию, была старость Платона, который в возрасте восьмидесяти одного года умер в тот миг, когда что-то писал... Такой же была и старость Исократы, который еще на девяносто четвертом году жизни написал книгу под названием «Панафинейская» и после этого прожил пять лет. Его учитель Горгий прожил 107 лет, ни разу не прерывая ни ученых занятий, ни своих трудов. Когда его спросили, почему хочет так долго прожить, он сказал: «У меня нет никаких оснований хулить мою

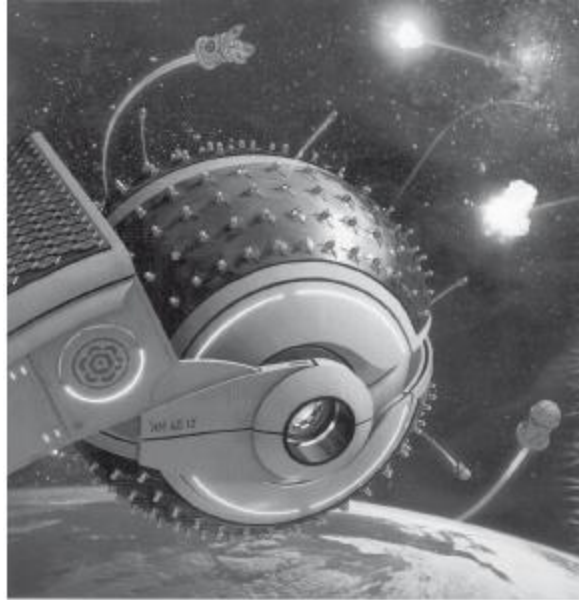
старость». Даже Моисей прожил 120 лет, когда ангелы и архангелы «вынули его душу». Когда спросят нас, мы ответим: зрелость – лучшее время, когда умные собирают урожай из посеянных ими в молодости семян. То, что иные называют старостью, мы зовем зрелостью.

Фортуна

Вы скажете, мы требуем невозможного... Это не так. «Все древние философы требовали от человека не более того, на что способна его природа» (Цицерон). Мы все способны на многое... Разница между нами лишь в одном: одни растут, постоянно совершенствуясь, другие стоят на месте или деградируют. Отсюда и разные судьбы людей... В XIX в. немецкий философ И. Кант выражал надежду, что человеческий род «находится в постоянном движении вперед в отношении культуры», и «прогрессирует также к лучшему в отношении моральной цели своего существования» (в последнем мы не столь уж уверены). Он твердо верил, что «будущее может стать лучше». И эту мысль «сопровождает бескорыстное благоволение, даже

тогда, когда мы сами давно уже будем лежать в могиле и не сможем собрать урожай с тех деревьев, которые отчасти посадили сами». Но в ХХI в., по утверждению философа Ф. Фукуямы, на смену оптимизму приходит исторический пессимизм: «Двадцатое столетие – теперь уже можно говорить о нем в прошедшем времени – превратило нас в глубоких исторических пессимистов. Конечно, мы можем быть оптимистами в том, что касается наших личных дел, здоровья и счастья. По давней традиции, американцы как народ славятся тем, что смотрят в будущее с надеждой. Но если коснуться вопросов более масштабных, например, существовал когда-нибудь или будет существовать прогресс в истории, вердикт будет совсем иным. Самые трезвые и глубокомысленные умы столетия не видели причины считать, что мир движется к тому, что мы, люди Запада, считаем достойным и гуманным политическим институтом, – то есть к либеральной демократии. Самые серьезные наши мыслители заключили, что не существует такого понятия, как История, – то есть осмысленного порядка в широком потоке событий, касающихся человечества. Наш собственный опыт, по всей видимости, учит нас, что в будущем нас ждут новые и пока еще не представимые ужасы, от фантастических диктатур и кровавых геноцидов до банализации жизни из-за современного консюмеризма (торжество философии потребления. – В. М.), и беспрецедентные катастрофы – от ядерной зимы до глобального потепления. По крайней мере вероятность появления этих ужасов больше, чем их не появления». Нельзя не признать, что для подобных оценок у американского футуролога есть основания. И все же мы призываем вас быть оптимистами... Мир сей создан вовсе не для того, чтобы «бесить нас» (Вольтер), и, конечно же, не является «делом какого-то дьявола» (Шопенгауэр). Он – творение природных сил (возможно, Бога?!), но сделать его если не божественным, то зрячим, осмысленным, справедливым – наша задача!

Битвы будущего

С годами вино мудрости (как и вино жизни) становится вкуснее, ценнее, даже изысканнее... «*Sapiens semper beatus est*» – «Мудрец всегда счастлив». Если же мы и предпочли в жизни следовать «досугу» («*otium*» – лат.), то лишь потому, что нам неотступно сопутствует любимое «дело» («*negotium*» – лат.) – служение России. Подобно Саллюстию, считаю, что моя Родина только выиграет в итоге того, что я использовал жизнь так, а не иначе. Пример Сенеки не вдохновляет. Хотя и смерть не страшит нас. Её ведь никому не дано избежать. Нет смысла мечтать, подобно Гектору: «О, если б настолько же верно стал я бессмертен и стал бы бесстаростен в вечные веки». Душа всех живущих отлетает к Аиду, а перед смертью все мы равны. Как сказал Марк Аврелий: «Смерть уравнила Александра Македонского с погонщиком мулов». Говорят, Александр искал в Индии «воду жизни» и даже нашел яблоки, продлевавшие жизнь жрецов до 400 лет. Но это ему не помогло, даже если это и была чистейшая правда. Тем более не стоит надеяться на то, что подобно Сизифу кому-то удастся обмануть смерть или заковать её в цепи, после чего все люди, вдруг, перестанут умирать, или что откуда-то появится прекрасная китайская богиня Сиван му и скажет нам, как сказала она герою, спасшему свой народ от бедствий: «Человек, который ничего не боится, вправе получить лекарство бессмертия! Проглотишь одну крупинку этого лекарства, будешь жить вечно и не стареть». В этом случае, понятно, речь идет

лишь о памяти народа, в сознании которого живет образ героя-защитника.

К тому же, говоря откровенно, на наш взгляд, бессмертие, оказись оно даже и возможным, выглядело бы крайне утомительным занятием... Утверждают, что даже премудрый Соломон отказался выпить эликсир бессмертия. А вспомним, как мучились Сивилла и Тифон, два обожествленных человеческих существа, на себе познавших, что такое бессмертие... Сивилла стала сморщенной старухой и вынуждена была жить в склянке, иначе её просто никто бы и не заметил (такой малой она стала). Тифон был удачливее, получив вместе с бессмертием юную Эос в супруги (о чем нередко мечтают мужчины в возрасте). Но, получив право на вечную жизнь, Эос и Тифон забыли попросить у небес и вечной молодости. А в результате оба были обречены вести жизнь медленно угасающих стариков. Правда, герою шумеров Гильгамешу все ж вроде бы удалось добыть волшебный цветок молодости, но его украли коварная змея (и омолодилась, проглотив сей цветок). Полагаю, вечная молодость – все же скорее свойство духа, нежели тела.

Харон – перевозчик душ через Лету в царство мертвых – Аид

О нашей же бренной жизни можно сказать и так: «Что такое мир? Всего лишь постоянный двор с двумя воротами. Войдешь в одни, через другие выйдешь». Да и «время человеческой жизни – миг». Но дело

даже не в старости и смерти, их не избежишь, но в осуществлении возможности прожить достойно в любую пору отпущенного вам судьбой жизненного срока. Худо, когда старость хуже смерти. Видимо, в такое безрадостное время грек Теогнис и произнес слова, которые ныне порой слышишь из уст несчастных стариков России: «Лучше бы человеку не родиться вовсе и не видеть света солнца, но уж если он родился, то лучшее, что он может сделать, – это как можно скорее пройти через врата смерти». И все ж хотя Розанов утверждал, что для русских «близиться к смерти» и «близиться к святости» почти отождествлено, составляя одно понятие, мы с ним не согласны. И уж тем более нельзя принять максималистски-убийственные слова «горлана революции» Владимира Маяковского: «Тридцать пять лет – уже старость». Нет, это младость, не торопитесь уходить. Постарайтесь чуть задержаться на щедрой ниве жизни. Следуйте примеру богоподобных греков, что от смерти не бегали, но и к ней на свидание не спешили. Как скажет в стихотворении один поэт:

Всем суждено умереть, и никто
предсказать не сумеет
Даже на завтрашний день,
будет ли жив человек.
Ясно все это поняв, человек,
веселись беззаботно,
Бромия крепко держа —
смерти забвенья – в руках;
И наслаждайся любовью,
ведь жизнь у тебя однодневна,
Прочие тяготы все я оставляю Судьбе.

«Умирая, не ропщи, а благодари богов», – говорил римлянин Марк Аврелий. Но и спешить в Аид никому не стоит. В одной аттической сказке дух Земли, ее хранитель, говорил юному герою: ты должен знать, что сама богиня Мира при рождении человека незримо ставит его свечу, длинную или же короткую; и не в его власти удлинить ее. Эта длина есть рок. Однако он может в каждую минуту своей жизни ее сократить или пресечь неразумными и преступными деяниями

(действуя сверх Мира). Кроме того, в жизни бывают непредвиденные и грозные случайности. Помнишь, как тебя недавно едва не убило дерево? И тогда твой свет, раньше ровный, мгновенно затрепетал, замерцал – я это заметил и отвел грозивший тебе удар. Итак, рок, воля, случайность – вот из чего складывается наша жизнь. Так пусть воля поможет одолеть рок, а боги оберегут от случайности. Если и они не помогут, возможно, останется нечто, что подобно поющей голове Орфея будет продолжать прорицать, напоминая много лет спустя после смерти. Пока жив, следуй заповеди греческого поэта Архилоха, который призывал всех:

Победишь, – своей победы напоказ
не выставляй,
Победят, – не огорчайся, запершись
в дому, не плачь,
В меру радуйся удаче, в меру
в бедствиях горюй,
Познавай тот ритм, что в жизни
человеческой сокрыт.

Лучше короткая, но яркая жизнь... Прожив жизнь эпикурейцем, получив, как гласит индийская мудрость, «свою награду в мире собственных дел», хотелось бы уйти стоиком... Говорят, день, когда он умирал, Эпикур считал счастливым, благодаря памяти о прошедшей жизни, прожитой хорошо и счастливо. Мудрый, говорил Чжуан-цзы, сам устанавливает день, когда он уйдет. Однако истинная мудрость в том, чтобы к этому последнему часу успеть сделать все намеченное, завершить главные дела твоей жизни. Может в чем-то прав и Сенека, сказавший (в его заочном споре с Эпикуром): «Так же точно никто, кроме него самого, не нужен мудрецу не потому, что он хочет жить без друзей, а потому, что может».

Смерть и сон

Мол, он, подобно Фидию, который, потеряв одну из статуй, нашел бы другую, так и он может заместить утраченную дружбу новой. Старых друзей заменить новыми трудно, но можно. Гораздо труднее прожить жизнь в честном и истовом служении великому делу, обретя в нем истинного друга, а не ту фальшивую её замену, которая является «не дружбой, а сделкой». Иные надеются на получение славы за их земные деяния. Римляне считали, что почестями, воздаваемыми умершим, можно принести успокоение душам великих людей. Честолюбие и слава вовсе не привлекают нас, но всё же, возможно, у нас есть шанс на доброе слово и малую долю памяти со стороны честных и просвещенных потомков. И потом: если всех нас старость

приближает к смерти, то, возможно, кого-то и к бессмертию. Хотя скажу честно: лишиться славы – это все равно, что лишиться будущей гробницы: ни о первой – не узнаешь, ни вторую – не узришь. *Finis libri non finis quaerendi* – «Книга окончена, но не окончено исследование». Китайцы говорят: «Книга не исчерпывает слов, а слова не исчерпывают мыслей». Тем более что и человечество продолжает создавать новые *libri memoriales* (книги памяти). Как сказал великий ирано-таджикский поэт и мыслитель Фирдоуси:

Все в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти,
ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.

В заключение хотим привести слова К. Г. Юнга, некоторым образом близкие нам по духу и смыслу: «*In confinio mortis* (на пороге смерти – лат.) и на закате долгой, богатой внутренним содержанием жизни часто бывает так, что взгляду открываются непривычные горизонты. Человек, с которым это случается, живет отныне вне будничных интересов и перипетий личных отношений; он направляет свой взор поверх хода времен, в вековое движение идей». И хотя китайцы утверждают, что мудрый не будет обременять себя мирскими делами, ни к чему не стремится, но лишь «странствует душой за пределами мира пыли и грязи», хотя вроде бы резонно замечают, что жизнь имеет предел, а знанию нет предела, а потому, мол, «имея предел, гнаться за беспредельным губительно», я не принимаю этих догматов. Напротив, говорю вам: не обременяя себя мирскими делами и трудами – как обретешь высшую Истину, не стремясь к необъятному – как узришь скрытое Знание, и, будучи смертным, как взойдешь на Небо. И если даже нет ни рая, ни ада, если блага и богатства лишь горсть пепла, а посмертная память и слава кончаются забвением, всё равно жизнь прожить надо достойно. Как говорят: *vivendi scribendique unus finis!* Кончить писать и жить в один миг!

Литература

- Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999. С. 236.
- Андокид.* Речи, или История святотатцев / Перевод и комм. Э. Фролова. СПб., 1996.
- Андросов С. О.* Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб., 1999.
- Античная лирика. М., 1968.
- Античная мифология. Энциклопедия / Составитель К. Королев. М. – СПб., 2004.
- Античное общество (труды конференции по изучению проблем античности). М., 1967.
- Антология мировой философии в 4 т. Т. 1. Ч. I. М., 1969. С. 519—522.
- Антология мудрости / Составитель В. Ю. Шойхер. М., 2005.
- Апокрифические апокалипсисы. СПб., 2000. С.35—36.
- Аппиан Александрийский.* Римская история. М., 2002.
- Аппиан.* Гражданские войны. М., 1994.
- Аппиан.* Римские войны. СПб., 1994.
- Апулей.* Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы. Флориды. М., 1959. С. 10—11.
- Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1959. С.239;
- Ахилл Татий. Левкипп и Клитопонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатирикон. Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969. С. 249.
- Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 49.
- Аристотель.* Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1984.
- Афинея.* Пир мудрецов. В 15 кн. М., 2003.
- Ашвагхоша.* Жизнь Будды. Каллидаса. Драмы. М., 1990. С. 105.
- Байрон Дж. Г.* Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон Жуан. М., 1972. С. 322.
- Бакунин М. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1 / Под ред. А. И. Бакунина. С. 3, 5.
- Балуев Б. П.* Споры о судьбах России. Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь. 2001. С. 198—201.
- Баррет Э. А.* Калигула. М., 1999.

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 178, 180.

Бейкер Дж. Август – первый император Рима. М., 2003.

Бейкер Дж. Тиберий – преемник Августа. М., 2004.

Белкин М. В. Тема Цицерона в творчестве Ф. Ф. Зелинского / Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. С. – П., 2002. С. 359, 360, 362.

Бердяев Н. Духовные основы русской революции. Опыты 1917—1918 гг. СПб., 1999.

Берне А. Брут – убийца-идеалист. М., 2004.

Бертрам Д. Г. История розги. В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 10—12.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 90—91.

Блок А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М., 1971. С. 245—246.

Блок Р. Этруски. Предсказатели будущего. М., 2004.

Бобровникова Т. А. Жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001.

Бобровникова Т. А. Сципион Африканский. М., 1998.

Богатырев Е. Г., Богатырева А. М. Всё о бане. М., 2003. С. 5—6.

Бод Пьер-Мари. Христианство. М., 2003.

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

Боханов А. Н. Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. М., 2005. С. 8, 12.

Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 235, 237, 324.

Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. 2. Минск. 2002.

Брюсов В. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. М., 1973. С. 78.

Брюсов В. Собрание сочинений в 7 т. Т. 3. М., 1974. С. 385.

Бувье-Ажан М. Атила. М., 2003.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Бушин В. С. Президенты! Сталина на вас нет. М., 2005. С. 247.

Быт и история в античности / Отв. Редактор Г. С. Кнабе. М., 1988.

Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

Ван Берхем Д. Римская армия в эпоху Диоклетиана и Константина. СПб., 2005.

Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы, или Абхидхармакоша. М., 2001. С. 25.

Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М., 1923. С. 391.

Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М., 2001.

Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923. С. 224—225.

Вейнингер О. Пол и характер. Ростов-на-Дону. 1998. С. 476—478.

Вейс Г. История цивилизации. Классическая древность до IV в. Т. 1. М., 1998.

Великие мыслители Запада / Под ред. Я. Мак-Грилла. М., 1998. С. 25.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.

Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 354.

Вехи: pro et contra. Антология. СПб., 1998. С. 111, 113.

Виндельбанд В. Избранное: дух и история. М., 1995. С. 493—494.

Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. СПб., 2000.

Винкельман И. И. Избранные произведения и письма. М., 1996. С. 616—617.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 232—234.

Виппер Р. Ю. Лекции по истории Греции. Очерки по истории Римской империи. Ростов-на-Дону, Т. I. 1995. С. 280—282.

Виппер Р. Ю. Очерки по истории Римской империи. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995.

Влесова книга. Второе изд. Москва—Омск, 2003. С. 30.

Волков А. В. Загадки древней истории. М., 2005.

Волков А. В. Загадки Финикии. М., 2004. С. 293—296.

Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины IV века. М., 2003. С. 21.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). М., 2003. С. 13—21.

Всеобщая история искусств. Т. 1. Искусство древнего мира / Ред. А. Чегодаев. М., 1956.

Вулих Н. В. Овидий. М., 1996.

- Вячеслав Иванов.* Творчество и судьба. М., 2002. С. 246, 283.
- Гай Саллюстий Крисп.* Заговор Катилины. Историки Рима. М., 1970.
- Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966.
- Гай Светоний Транквилл.* О жизни цезарей. О знаменитых людях. СПб., 1998.
- Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. С. 15.
- Гаспаров М. Л.* «Ибис» и проблема ссылки Овидия / Древние цивилизации. Древний Рим. «Вестник древней истории» (1937—1997). М., 1997. С. 117—118.
- Гегель Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. Т. 10. Кн. II. М., 1932. С. 85—86.
- Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 61.
- Гельвеций К. А.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 314.
- Геродиан.* История императорской власти после Марка. М., 1996.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30 т. Т. 3. М., 1954—1966. С. 47, 49, 58.
- Герцман Е. В.* Музыкальная Боэциана. СПб., 1995. С. 26, 121.
- Гёте И. В.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. М., 1980. С. 186.
- Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи. М., 1994.
- Гиппократ.* Избранные книги. М., 1936. С. 302—303.
- Гиро П.* Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2001.
- Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. СПб., 1897. С. 204, 211.
- Глазьев С.* «Долги в обмен на инвестиции – оптимальное решение для России» / Бизнес: организация, стратегия, системы. N№ 1. 2003. С. 44—45.
- Гнедич П. П.* История искусств в 3 т. Т. 1. М., 2004.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 253.
- Гомперц Т.* Греческие мыслители. Т. 1. СПб., 1999. С. 464.
- Гораций.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970.
- Гораций.* Сочинения. М., 1970. С. 114.
- Горьков С. Ю.* Рим и Карфаген. Великая морская война. М., 2003.

Грабарь-Пассек М. Е. Начало политической карьеры Цицерона / Цицерон. Сборник статей. М., 1958, С. 9, 11, 28.

Грант М. Двенадцать цезарей. М., 1998.

Грант М. Крушение Римской империи. М., 1988.

Грант М. Римские императоры. М., 1998.

Грант М. Цивилизация Древнего Рима. М., 2003.

Грант М. Юлий Цезарь – жрец Юпитера. М., 2003. С. 112, 116.

Гребенюк В. П. Теория «Москва – Третий Рим» и «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» / Россия – Восток – Запад. М., 1998. С. 94.

Гревс И. М. Тацит. М. – Л., 1946.

Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. Т. 1. СПб., 1903. С. 202—203.

Греческая эпиграмма. М., 1960. С. 276.

Грива О. А. Малоизвестные статьи М. И. Ростовцева 1921—1923 гг. в журнале «Современные записки» / История и культура Древнего мира. М., 1996. С. 96—97.

Григорьев А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 262—263.

Грималь П. Сенека, или Совесть Империи. М., 2003.

Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 170, 196, 383, 425, 489, 495, 540.

Гриффин М. Т. Нерон. Конец династии. М., 1999.

Грицак Е. Н. Помпеи и Геркуланум. М., 2004.

Гуго Гроций. О праве войны и мира. М., 1956.

Гумилев Л. Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 298.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1990. С. 277.

Гюнтер Г. Избранные работы по расологии. М., 2002. С. 96.

Дельбрюк Г. История военного искусства. Античный мир. Германцы. Смоленск, 2003.

Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней римской Республике. Ярославль, 1996.

Джованьоли Р. Спартак. М., 1976. С. 554—555.

Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и реформации. Москва—Иерусалим, 2000. С. 203.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.

Дмитриев С. Н. Слезы небес. М., 2002. С. 35.

Добренков В. И. (автор идеи проекта) *Нас убивают.* М., 2005. С. 308—309.

Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. М., 2000. С. 280—281.

Дождев Д. В. Основание защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 136—141.

Доклад Президента Российского союза ректоров, академика РАН В. А. Садовниченко на V съезде Российского союза ректоров. Москва. 26 июля 1998 года. С. 10.

Древние германцы. Сборник документов / Под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937.

Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 413—414.

Древние цивилизации. Древний Рим. Вестник древней истории (1937—1997). М., 1997.

Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. М., 2003.

Дубова О. Б. Мимесис и Пойэсис. Античная концепция «подражания» и зарождение европейской теории художественного творчества. М., 2001. С. 33.

Дуров В. С. Нерон, или Актер на сцене. СПб., 1994.

Дуров В. С. История римской литературы. СПб., 2000.

Дюбо Ж. – Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. С. 38—39.

Дююи Р. Э., Дююи Т. Н. Всемирная история войн. Кн. I. СПб. – М., 1997. С. 273.

Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С. 309—310.

Дюрант В. Жизнь Греции. 1997. С. 285.

Еврипид. Трагедии. Т. 1, 2. М., 1969.

Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 216.

Ельницкий Л. А. Возникновение рабства в Риме в VIII—III вв. до н.э. М., 1964.

Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 163, 164.

Залесский Н. Н. Этруски в Северной Италии. Л., 1959. С. 102.

Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М., 1993.

Записки Юлия Цезаря. М., 1993. С. 345.

Захаров А. Очерк изучения римской истории. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. Т. 2.

Звягинцев Е. Борцы за народное дело – братья Гракхи. М., 1917. С. 22, 26, 35.

Зелинский Ф. Из жизни идей. В 4 т. Т. 1, 2. Древний мир и мы. М., 1995.

Зелинский Ф. Из жизни идей. Т. 2. М., 1995. С. 21—22.

Зелинский Ф. Ф. Аттические сказки. СПб., 2000. С. 82—83.

Зелинский Ф. Ф. Римская империя. СПб., 1999.

Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. СПб., 1995.

Зиновьев А. Римские древности. Описание общественной и частной жизни древних римлян. М., 1887. С. 33.

Знаменитые греки и римляне. С. – П., 1993. С. 229—231.

Зоргенфрей Г., Тюлелиев К. Римские древности. М., 1912.

Зотова Е. П., Зотов П. П. Была ли Атлантида? Алматы, 2000. С. 85.

Иванов В. Борозды и межи: опыты эстетические и критические. М., 1916. С. 144.

Иванов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 296.

Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 2000.

Ильин И. А. О воспитании национальной элиты. М., 2001. С. 461—463.

Инар Ф. Сулла. Ростов-на-Дону, 1997.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (гетов). М., 1960.

Иосиф Флавий. Иудейская война. Орел, 1991.

Историки Греции. Геродот. Фукидид. Ксенофонт. М., 1976. С. 119.

Историки Рима. Геродот. Фукидид. Ксенофонт. М., 1970. С. 62—64, 248—249.

Историки Рима / Под ред. С. Апта, М. Грабарь-Пассек и др. М. 1970. С. 95—96.

Историки Рима. Сборник. М., 1970.

// Исторический архив, N№ 1, 1995. С. 199.

История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2005.

История еврейского народа / Под ред. Ш. Эттингера. Иерусалим—Москва, 2002.

История и культура античного мира. М., 1977. С.145.

История крестьянства в Европе. В 3 т. / Под ред. З.Удальцовой. Т. 1. М., 1985.

История человечества. Всемирная история / Под ред. Г. Гельмольта. Т. IV. СПб., 1903.

Исупов К. Г. Становление русской диалогической культуры в ситуации исторического перехода / Переходные процессы в русской художественной культуре. М., 2003.

Исход к Востоку / Под ред. О. С. Широкова. М., 1997. С. 139.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 20, 21.

Калашиников В. И. Атлас тайн и загадок. Кн. 1. М., 2004. С. 103.

Калашиников В. И. Атлас тайн и загадок. Русь легендарная. Кн. 1. М., 2002.

Калашиников В. И. Атлас тайн и загадок. Средневековые цивилизации. Кн. III. М., 2003.

Кант И. Лекции по эстетике. М., 2005.

Кант И. Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 60—62.

Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба. М., 1980.

Кареев Н. И. Учебная книга древней истории. М., 1997. С. 197.

Карсавин Л. П. Святой Августин и наша эпоха / Августин: pro et contra. СПб., 2002.

Катулл. Избранная лирика. Изд. второе. СПб., 1999.

Кистяковский Б. А. Философия и социология права. С. – П., 1998.

Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003.

Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 38.

Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. 3. М., 2002. С. 666—667.

Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 76.

Книга Апиция. Древнеримские рецепты / Мир истории, N№ 4—5, 2002. С. 87.

Кожевников В. Нравственное и умственное развитие римского общества. Козлов, 1874.

Комаровский Л. Очерки Рима в финансовом и экономическом отношениях. М., 1869.

Комелова Г., Уханова И. Сплит. Дубровник. М., 1976. С. 17—22.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.

Конрад Н. И. Полибий и Сыма Цянь. Древние цивилизации. М., 1997. С. 1240.

Константин Великий – первый христианский император. М., 2004. С. 48.

Конфуцианский трактат «Чжун юн» / Перевод и исследования. А. Лукьянов. М., 2003.

Коплстон Ф. История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Т. 1. М., 2003.

Копп. Римские древности. Описание государственного устройства, частной жизни и военного дела римлян. М., 1873. С. 100—103.

Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда. 1995. С. 10—18.

Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976.

Корелин М. С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. С. – П., 1901.

Корнелий Тацит. История. Т. 2. Л., 1969. С. 6.

Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. Т. 1, 2. Л., 1969.

Корш Ф. Колосс Домициана. М., 1895. С. 12.

Косидовский З. Когда солнце было богом. М., 1991.

Котляревский С. А. Марк Аврелий. Цит. по: Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 358, 359, 392, 393, 394, 395, 401.

Кравченко В. И. Помпеи. Геркуланум. Стабии. М., 1981.

Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С. 241.

Кудрявцев П. Н. Римские женщины. С. – П., 1913. С. 104—110.

Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976.

Кулаковский Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. С. – П., 1909. С. 21—23.

Куль П. Ю. Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функция в век принципата. Харьков, 1898.

Культура Древнего Рима. Т. 1 / Под ред. Е. С. Голубцова. М., 1985. С. 210—215.

Ламер Г. Римский мир. М., 1914. С. 34.

Лансель С. Ганнибал / Предисловие Т. А. Бобровниковой. М., 2002.

Ле Боэж Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. М., 2001. С. 385—394.

Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М. – Л., 1958. С. 403.

Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. Смоленск, 2003.

Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., 1995. С. 311.

Логвинов Л. Д. Не стоит поклоняться рынку как идолу / Достоинство, N№ 23 (577). 2005.

Лукреций. О природе вещей. М., 1946. С. 11.

Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.

Львов Д. С. Глобализация, права собственности и система социальных гарантий / Государство и рынок, N№ 1, 2002. С. 5.

Лэмб Г. Ганнибал. Один против Рима. М., 2003.

Любимцев А. А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. Спб., 2000.

Ляпустин Б. С. Женщины в ремесленных мастерских Помпей / Быт и история в античности. Под ред. Г. С. Кнабе. М., 1988, С. 70—71.

Магидович В. И., Магидович И. П. Открытия древних народов. М., 2003. С. 139.

Майков А. Н. Избранные произведения. Л., 1977. С. 400.

Майоров Г. Г. Цицерон как философ. Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

Майорф Б. Лики демократии. М., 2000. С. 280.

Майяни З. По следам этрусков. М., 2003.

Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996.

Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 387.

Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973.

Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. М., 1968.

Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 162.

Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 191.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19, 21.

Марцеллин А. Римская история. Издание 3-е. СПб., 2000.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. М., 1968, С. 299.

- Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. М., 2003.
- Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1949.
- Маяк И. Л. Римляне в быту и на общественном поприще (Ранняя Республика) // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 24—27.
- Мейендорф И. Блаженный Августин. В: Августин: pro et contra. СПб., 2002. С. 413.
- Мелихов В. А. Очерк воспитания и обучения в Древнем Риме. Харьков, 1913.
- Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. М., 1992. С. 229—230.
- Мень А. Быть христианином. Последняя лекция / Сост. М. Макаров. М., 1994.
- Микеланджело Буонарроти. Стихотворения. М., 2000. С. 45
- Мирча Элиаде. История веры и религиозных идей. Т. 3. М., 2002. С. 40—41.
- Михайловский И. В. Очерки истории права. Т. 1. Томск, 1914. Цит. по: История философии права / Под ред. академика В. П. Сальникова. СПб., 1998. С. 68—71.
- Мишулин А. В. История Древнего Рима. М., 1946. С. 52, 56, 57.
- Мишулин А. В. К истории восстания Спартака. / Древние цивилизации. Древний Рим. М., 1997, С. 138—139.
- Мишулин А. В. Спартак. Научно-популярный очерк. М., 1950. С. 106.
- Молев Е. А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.
- Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М., 1936.
- Моммзен Т. История Рима. Т. 2. М., 1937.
- Моммзен Т. История Рима. Т. 3. М., 1941.
- Монтень М. Опыты. Кн. 1 и 2. М., 1980. С. 293, 295.
- Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1956.
- Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999.
- Муравьева Т. В. Сто великих мифов и легенд. М., 2005. С. 195—196.
- Наговицын А. Е. Мифология и религия этрусков. М., 2000.
- Немировский А. И. История древнего мира. Античность. Ч. I. М., 2000.

Непомнящий Н. Н. Тайны пропавших легионов / Всемирный следопыт. Март, 2002.

Неродо Ж. – П. Август. М., 2003.

Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 156.

Нечволодов А. Сказания о русской земле. Ч. I и II. Кн. 1. М., 1997. С. 69—72.

Низовский А. 100 великих чудес света. М., 2005. С. 126.

Низовский А. Ю. Древний мир. М., 2001. С. 263—265.

Никишин В. О. Варвары и варварство в трудах Тацита: народы Востока / Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. МГУ. М., 2004.

Николай Гумилев. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1991. С. 84—85.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 625.

Новые пророки: Торо, Толстой, Ганди, Эмерсон. СПб., 1996. С. 242.

Новый Завет по-еврейски и по-русски. Англия, 2002. С. 510.

Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997. С. 86.

Овидий. Метаморфозы. М., 1977. С. 257.

Олимпиодор Фиванский. История. Под ред. П. Шувалова. СПб., 1999. С. 65, 112, 135.

Омар Хайям. Рубаи. Ташкент. 1978. С. 31.

Опыт тысячелетий. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996.

Орозий Павел. История против язычников. Кн. 6—7. СПб., 2003. С. 12—13.

Осмыслить происходящее в России. О выступлении А. В. Гордеева на заседании Московского интеллектуально-делового клуба / Всерусский собор. N№ 2. 2005.

Остерман Л. Римская история в лицах. М., 1997.

Павило Ф. К. Рим. 1996. С. 78, 80.

Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. М., 2002. С. 192—194.

Памятники мировой эстетической мысли в 5 т. Т. 1. М., 1962.

Памятники мировой эстетической мысли в 5 т. Т. 2. М., 1964. С. 703.

Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001.

Пасхальное послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II / ВВП. N№ 1. 2004.

Пауэлл Т. Кельты – воины и маги. М., 2003. С. 17.

Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 420—421.

Перминова Е. Рыночная гримаса на лице российской науки / Журнал «ВВП», N№ 3, 2004.

Петров А. В. Феномен теургии. СПб., 2003. С. 140—141.

Петроний. Сатирикон. М., 1924. С. 76—81.

Письма Плиния Младшего / Изд. подготовили М. Сергееenko и А. Доватур. М., 1983.

Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики / Изд. А.К. Шапошникова. М., 2004.

Плавт Макций Тит. Избранные комедии. М., 1967. С. 477—478.

Платон. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 308.

Платон. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. Ч. II. М., 1972. С. 86.

Платон. Сочинения в 3 т. Т. 3. Ч. I. М., 1971. С. 554, 557.

Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 18, 30, 80.

Плотин. Сочинения. СПб., 1995. С. 181.

Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 343.

Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 1, 2. М., 1987.

Плутарх. Сочинения. М., 1983.

Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 398.

Покровский М. М. Юлий Цезарь / Записки Юлия Цезаря. М., 1993.

Поплавский В. С. Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000.

Пошехонов А. Новый поход против интеллигенции / Вехи: pro et contra. Составитель: В. В. Сапов. СПб., 1998. С. 126—127.

Поэты-декабристы. М., 1960. С. 13, 114, 164.

Преступная толпа. Антология. М., 1998. С. 209.

Примаков Е. М. Одного роста ВВП мало // Россия, 20—26 января 2005 г. С. 8.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998.

Пронин В. А. Катулл. М., 1993.

Прохоров А. Сарматы – неизвестные амазонки / Затерянный мир. № 7, июль, 2001.

Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 240.

Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1982.

Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 10 т. Т. 6. М., 1976. С. 147—148.

Раквиц Э. Чужеземные тропы, незнакомые моря. М., 1969. С. 81.

Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М. – Л., 1949.

Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991.

Ренан Э. Христианская церковь. М., 1991. С. 125.

Рим и Ватикан. Рим, 1998. С. 37, 75.

Римские древности / Под ред. И. В. Алферовой. Смоленск, 2001.

Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. М., 1997. С. 8.

Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 214, 215.

Римское частное право / Под ред. проф. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1948.

Рогозин Д. Экономическая война. Тезисы к экономической программе партии «Родина» / Завтра, июнь, 2005, № 22 (602). С. 6.

// Родная газета, № 4, 30 января – 5 февраля 2004. С. 4.

Родионов Б. Пунические войны. СПб., 2005.

Розанов В. В. Русская церковь. Православие: pro et contra. СПб., 2001. С. 114.

Роллан Р. Собр. соч. в 14 т. Т. 14. М., 1958. С. 678.

Ростовцев М. И. Идея прогресса и ее историческое обоснование. Париж, 1921. С. 151.

Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. М., 2003.

Ростовцев М. И. MISCELLANEA. Из журналов Русского зарубежья (1920—1939). СПб., 2004.

Русские писатели о евреях / Сост. В. Н. Афанасьев. М., 2005. С. 445.

Русские писатели о литературном труде. Т. 1. Л., 1954.

Руссо Ж. – Ж. Трактаты. М., 1969.

Рыжов К. Древняя Греция, Древний Рим, Византия. М., 2002. С. 264—268.

Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. С. 110.

Садовничий В. А. Модернизация российского образования / Образование сегодня. N№ 8, 2004. С. 8.

Самин Д. К. Сто великих архитекторов. М., 2000. С. 207.

Самохина Г. С. Полибий. Эпоха, судьба, труд. СПб., 1995.

Санчурский Н. В. Римские древности. М., 1995. С. 52, 170, 172.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М., 2002.

Северянин И. Гармония контрастов. Стихотворения. М., 1995. С. 46.

Сенкевич Г. Камо грядеши. Ганя. В прериях. Л., 1990. С. 145—146, 236.

Сергеев А. Г. Светские и духовные властители Европы за 2000 лет. М., 2003.

Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. I. М., 1938.

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима: очерки быта. СПб., 2002.

Сисс Дж., Детьен М. Повседневная жизнь греческих богов. М., 2003. С. 103, 127, 128.

Скифский роман / Под общей ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997.

Скржинская Е. Ч. Иордан и его «Getica» / Иордан о происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 37.

Словарь античности / Перевод с немецкого. М., 1989. С. 506.

Смирин В. М. Римская школьная риторика Августова века / Древние цивилизации. Древний Рим. «Вестник древней истории» (1937—1997). М., 1997. С. 100.

Соколов Б. В. Сто великих войн. М., 2003.

Соколов Г. И. Искусство этрусков. М., 1990. С. 5, 78, 206, 219, 228, 260.

Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. М., 1993. С. 425.

Софокл. Трагедии. М., 1988. С. 187.

Строков А. А. История военного искусства. Т. 1. М., 1955.

Суд над Сократом. Сборник исторических свидетельств / Сост. А. Кургатников. СПб., 2000.

Султанов Ш. Плотин. Единое: творящая сила созидания. М., 1996. С. 41—43.

- Султанов Ш. Плотин. М., 1993. С. 310—311.
- Таубе М. А. Христианство и международный мир. М., 1905. С. 15, 16, 19.
- Тахо-Годи А., Лосев А. Греческая культура в мифах, символах, терминах. СПб., 1999.
- Тацит Корнелий. Сочинения в 2 т. Т. 1, 2. Л., 1969.
- Тацит, Корнелий. Анналы. Т. 1. Л., 1969. С. 270—271.
- Театр французского классицизма. Пьер Корнель. Жан Расин. М., 1970. С. 197.
- Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 43.
- Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989.
- Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 3. М., 2002.
- Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 2. М., 2002.
- Тит Макций Плавт. Избранные комедии. М., 1967.
- Тронский И. М. История античной литературы. М., 1983. С. 323.
- Тронский И. М. Корнелий Тацит. Цит. по: Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. Т. 2. Л., 1969. С. 244, 245.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003. С. 301—302.
- Трухина Н. Н. История Древнего Рима. М., 1994.
- Тэннэхилл Р. Секс в истории. М., 1995. С. 97—99.
- Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 439.
- Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987. С. 33, 36, 90, 151.
- Утченко С. Л. Древний Рим: события, люди, идеи. М., 1969. С. 269—273.
- Утченко С. Л. Еще раз о римской системе ценностей / Древние цивилизации. Древний Рим. Вестник древней истории (1937—1997). М., 1997.
- Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972, С. 350—352.
- Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 326.
- Уэлькенс. Древнеримская жизнь. С. — П., 1889.
- Фаллос как член общества / Сост. Сейдгазов М., Чугунова Т., Русаков В. СПб., 2004.
- Фаст Г. Дочь Агриппы. М., 2001. С. 292.
- Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 83, 87.
- Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979.

Фёдорова Е. В. Императорский Рим в лицах. Смоленск, 1998. С. 175—177.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. С. – П., 1997. С. 12—14.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. М., 1997. С. 570, 733.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 2. СПб., 1998.

Философия должна быть королевой образования. Беседа проф. А. Н. Чумакова и Г. В. Сориной с первым зам. Председателя Комитета по образованию и науке Госдумы РФ О. Н. Смолиным / Вестник российского философского общества, N№ 1, 2005.

Философия и история философии. Актуальные проблемы. К 90-летию Т. И. Ойзермана. М., 2004. С. 135.

Финлей Г. Греция под римским владычеством. М., 1877.

Фихман И. Ф. Экономические аспекты индивидуальной политики // Древние цивилизации. Древний Рим. Вестник древней истории (1937—1997). М., 1997.

Флавий Иосиф. Иудейская война. Москва—Иерусалим. 1993. С. 409—410.

Флобер Г. Избранные сочинения. М., 1947. С. 284—286.

Флоровский Г. Вера и культура. Избр. труды по богословию и философии. СПб., 2002.

Фрадков М. Общациональная задача / Образование сегодня. N№ 8, 2004. С. 78.

Франк А. Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» / Цивилизации. Выпуск 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. Отв. ред. академик А. О. Чубарьян. М., 2002. С. 192—193.

Фридрих Шеллинг: pro et contra. С. – П., 2001. С. 90-91.

Фролов И. Т. Очерки. Воспоминания. Материалы / Отв. ред. академик В. С. Степин. М., 2001. С. 92.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Второе издание. М., 1983. С. 259—260.

Фукс Э. История нравов. Смоленск. 2003. С. 15—16.

Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1895. С. 165.

Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. 1. Римская Галлия. С. – П., 1901. С. 205—210.

Харден Д. Финикийцы – основатели Карфагена. М., 2002. С. 69.

Харт Б. Л. Сципион Африканский – победитель Ганнибала. М., 2003.

Хефлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы. М., 1992.

Хлезов А. А. Морские войны Рима. СПб., 2005.

Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000. С.194—198.

Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987.

Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001. С. 419.

Цит. по: *Андросов В. П.* Буддизм Нагараджуны. М., 2003. С. 291, 296.

Цит. по: *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 17.

Цит. по: *Гилберт К. Э., Кун Г.* История эстетики. СПб., 2000. С. 104—106.

Цит. по: *Гиро П.* Быт и нравы древних римлян. Смоленск. 2002.

Цит. по: *Гуго Гроций.* О праве войны и мира. М., 1956. С. С. 114—115.

Цит. по: *Дёмин В.* Тернистыми путями титанов. М., 2005. С. 17, 45—46.

Цит. по: *Ионина Н. А.* Сто великих дворцов мира. М., 2001. С. 48—51.

Цит. по: Очерки по истории мировой культуры. Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1997.

Цит. по: *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001.

Цит. по: *Пёльман Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 164.

Цит. по: *Пятигорский А. М.* Избранные труды. М., 1996. С. 113.

Цит. по: *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 79.

Цит. по: *Синицина Н. В.* Третий Рим. Истоки эволюции русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 16—17.

Цит. по: *Соколов Б. В.* Сто великих войн. М., 2003. С. 84—87.

Цит. по: *Сорокин П.* Голод как фактор. М., 2003. С. 353—356.

Цит. по: *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 387.

Цит. по: *Фёдорова Е. В.* Императорский Рим в лицах. Ростов-на-Дону, Смоленск, 1998.

Цит. по: *Философия и история философии. Сборник.* М., 2004. С. 364.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

Цицерон. Диалоги. О государстве – о законах. М., 1966.

Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 362.

Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 1975.

Цицерон. Сборник статей. Отв. ред. Ф. А. Петровский. М., 1958.

Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

Человек и общество в античном мире. Под ред. Л. П. Маринович. М., 1998.

Чжуан-цзы, Ле-цзы. М., 1995. С. 71, 74.

Чихачев П. А. Развалины Карфагена / Мир Льва Гумилева. Пустыня Тартари. М., 1995.

Чичерин Б. Н. Собственность и государство. С. – П., 2005. С. 174—176.

Чубова А. П. Искусство Европы I—IV веков. Европейские провинции Древнего Рима. М., 1970. С. 52—62.

Швидковский Д. О. Чарлз Камерон при дворе Екатерины II. М., 2001.

Шекспир. Трагедии. Сонеты. М., 2002. С. 528, 575, 718, 719.

Шереги Ф. Э. Социология политики. М., 2003. С. 350—356, 558—559.

Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 94, 95, 180.

Шлиффен. Канны. Второе изд., М., 1938. С. 14.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М., 1993.

Штаерман Е. М. Эволюция идеи свободы в древнем мире // Древние цивилизации. Древний Рим. Вестник древней истории (1937—1997). М., 1997. С. 50.

Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме / Эллинизм: Восток и Запад. Отв. редактор Е. С. Голубцова. М., 1992. С. 147, 151, 153.

Штаерман Е. М. Эллинизм в Риме. / Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 48.

Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977. С. 115, 117, 118.

- Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 2003. С. 28.
- Щедровицкий Д. В.* Пророчества Книги Даниила (597 г. до н. э. – 2240 г. н.э.). М., 2003.
- Эббот Дж.* Ромул – основатель вечного города. М., 2004. С. 46, 93.
- Эйдельман Н.* Из потаённой истории России XVIII—XIX вв. М., 1993. С. 199.
- Элизе Реклю.* Человек и Земля. Т. 3. М., 1905. С. 263-264.
- Эразм Роттердамский.* Воспитание христианского государя. М., 2001. С. 51.
- Эразм Роттердамский.* Философские произведения. М., 1987. С. 208.
- Этьен Р.* Цезарь. М., 2003.
- Юнг К. Г.* Ответ Иову. М., 2001. С. 267.
- Braudel F.* The Perspective of the World. Berkeley, 1992. Vol. 3.
- Day C.* A history of commerce. N.Y. – L., 1917. P. 27.
- Henig M.* The heirs of king Verica. Culture & politics in Roman Britain. Charleston. 2002.
- Jal P.* La guerre civile a Rome. P., 1963. P.181
- Ling R.* Pompeii. History, life & afterlife. Gloucestershire, 2005. P. 95.

Примечания

Курсив по всему тексту мой. – В. М.